ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ГОДЪ XXI.

КІЕВЪ.

Въ Университетской типографіи.

1857—1858.

Съ дозволенія Духовной Цензуры.

УКАЗАНІЕ

СТАТЕЙ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ ВОСКРЕСНОМЪ ЧТЕНІИ НА 1857—58.

стр.

№ 1.

Святаго Григорія епископа нисскаго слово на свѣтоносное и святое воскресеніе Господа и Бога нашего Іисуса Христа . . 1
Явленіе воскресшаго Господа апостолу Петру въ самый день воскресенія . . 3
Слово на вечерни перваго дня св. пасхи . 6

№ 2.

Св. Отца нашего Іоанна Златоуста о явленіи Іисуса Христа ученикамъ по воскресеніи 11
Слово въ недѣлю св. апостола Ѳомы. . 13
Синедріонъ и апостолы при вѣсти о воскресеніи Христовомъ 16
Таинственное значеніе пасхи ветхозавѣтной 20

№ 3.

Св. Иринея, епископа ліонскаго, о томъ, что плоть и кровь Іисуса Христа, вкушаемыя въ таинствѣ Евхаристіи, служатъ несомнѣннымъ залогомъ будущаго воскресенія плоти 21
Письмо о явленіяхъ воскресшаго Господа ученикамъ 23
Велію силою воздаяху свидѣтельство апостоли воскресенію Господа Іисуса Хрпста . 26

№ 4.

Св. отца нашего Іоанна Златоуста нравоученіе изъ XVIII бесѣды на 2-е посланіе къ Коринѳянамъ 29
Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича 31
Долголѣтіе св. подвижниковъ 35
Духовныя наставленія монаха Исаіи пречестной монахинѣ Ѳеодорѣ 39

стр.

№ 5.

Слово въ недѣлю о самарянынѣ . . . 41
Духовная вода 45
Слезы кающагося грѣшника. 48

№ 6.

Св. Льва папы римскаго слово на вознесеніе Господне 49
Долголѣтіе св. подвижниковъ 52
Видѣніе Созомона. 59

№ 7.

Св. Григорія Двоеслова письма объ обязанностяхъ къ пастырямъ Церкви . . . 61
Слово, произнесенное при погребеніи Константина Икономоса 64
Собесѣдованіе Константина философа о любви къ врагамъ 72

№ 8.

Выписка изъ слова св отца нашего Іоанна Златоуста на святую пятидесятницу. . 73
Состояніе духа человѣческаго безъ общенія съ Духомъ Божіимъ 75
Разговоръ священника съ прихожаниномъ о догматѣ исхожденія Святаго Духа . . 77
Духовныя наставленія монаха Исаіи. . 80

№ 9.

Св. Григорія Двоеслова письма объ обязанностяхъ къ пастырямъ Церкви . . . 81
Долголѣтіе св. подвижниковъ 83
Смерть грѣшника. 90

№ 10.

Св. Иринея, епископа ліонскаго о числѣ и отличительныхъ свойствахъ четвероевангелія. 91

стр.
Слово объ истинной христіанской свободѣ. 93
Убѣжища древнихъ христіанъ въ Римѣ во время гоненій 96
Аще добро творяще, разумѣй, кому твориши, и будетъ благодать благимъ твоимъ . 99

№ 11.

Св. Григорія Двоеслова, папы римскаго, о томъ, како наставлять тѣхъ, кои оплакиваютъ свои грѣхи, но не оставляютъ ихъ, и проч. 101
Спасительныя слѣдствія, происходящія отъ чтенія священнаго Писанія 103
Слово при погребеніи протоіерея кіево-подольскаго Успенскаго собора, Петра Даміан. Максимовича 108

№ 12.

Св. Григорія Двоеслова, папы римскаго, о томъ, какъ наставлять тѣхъ, кои, совершая злыя дѣла, еще и одобряютъ ихъ, и проч 113
Слово къ дворянамъ, собравшимся на выборы. 114
Некрологъ 116
Рѣчь при опущеніи въ могилу гроба преосвященнѣйшаго Иннокентія, архіепископа херсонскаго 118
Духовныя наставленія монаха Исаіи. . 120

№ 13.

Св. отца нашего Іоанна Златоуста похвала св. апостолу Павлу 122
Разговоръ священника съ прихожаниномъ о вопрошеніи Христовомъ апостолу Петру. 124
Каиновы жертвы 127
Духовныя наставленія монаха Исаіи. . 130

№ 14.

Св. Григорія двоеслова, папы римскаго, о томъ, какъ научать согрѣшающихъ по мгновенному увлеченію къ злу и совершающихъ преступленія съ обдуманностію . . 131
Надгробное слово предъ перенесеніемъ тѣла преосвященнѣйшаго Иннокентія, архіепископа херсонскаго въ каѳедральный соборъ. 132
Рѣчь надъ гробомъ его же 136

стр.
Христіанскій примѣръ самоотверженія отеческой любви къ сыну изъ любви къ Богу. 137

№ 15.

Слово при погребеніи преосвященнѣйшаго Иннокентія, архіепископа херсонскаго . . 139
Образцовый возрастъ въ жизни человѣческой 142
Духовныя наставленія монаха Исаіи . . 150

№ 16.

Св. Григорія Двоеслова, папы римскаго, о томъ, какъ наставлять совершающихъ малые грѣхи, но часто, и тѣхъ, кои, избѣгая малыхъ грѣховъ, впадаютъ въ большіе . 151
Слово во недѣлю осьмую по пятидесятницѣ 152
Посланіе кіевскаго митрополита Исаіи Копинскаго князю Іереміи Корыбуту Вишневецкому 156
Духъ времени 161

№ 17.

Св. Григорія Двоеслова, папы римскаго, о томъ, какъ наставлять не начинавшихъ еще подвизаться въ добрѣ и тѣхъ, кои начавши не довершаютъ добра 163
Православіе Восточной Церкви 165
Духовныя наставленія монаха Исаіи . 172

№ 18.

Маттафія, священникъ іудейскій . . . 173
Письмо первое 1-е о празднованіи воскреснаго дня 176

№ 19.

Св. Григорія Двоеслова, папы римскаго, о томъ, какъ научать совершающихъ худыя дѣла въ тайнѣ, а добрыя явно и проч. . 181
Слово на избраніе судей 183
Духъ нынѣшняго времени, по отзыву одного западнаго писателя 186

№ 20.

Св. Амвросія медіоланскаго о дѣвственницахъ 191
О празднованіи воскрес. дня письмо 2-е. . 195
Духовныя наставленія монаха Исаіи . 198

стр.

№ 21.

Св. отца нашего Іоанна Златоуста нравоученіе изъ XXVIII бесѣды на 2-е посланіе къ Коринѳянамъ 199
Судъ Божій надъ человѣкоубійцами . . 202
Духовныя наставленія монаха Исаіи . . 208

№ 22.

Св. Амвросія медіоланстаго о дѣвственницахъ 209
За истину пострадавъ радуяся, благовѣстихъ еси (Предтече Господень) *и сущимъ во адѣ Бога явльшагося плотію.* 212
Разговоръ священника съ прихожаниномъ объ индульгенціяхъ. 215

№ 23.

Св. Амвросія медіоланскаго о дѣвственницахъ 219
О празднованіи воскрес. дня письмо 3-е. 223

№ 24.

Св. Амвросія медіоланскаго о дѣвственницахъ 227
Письмо къ мнимому старовѣру 230
Извѣстіе изъ Александріи 234
Духовныя наставленія монаха Исаіи. . 235

№ 25.

Бесѣда въ недѣлю XVII по пятидесятницѣ 237
О празднованіи воскрес. дня письмо 4-е 241
Поваръ—старецъ Мартинъ. 244
Духовныя наставленія монаха Исаіи . . 246

№ 26.

Св. Амвросія медіоланскаго о дѣвственницахъ 247
Слово въ день вѣнчанія и помазанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича 250

№ 27.

Св отца нашего Іоанна Златоуста о томъ, что милостыня есть самая благоугодная Богу жертва 255

стр.

О пастырскомъ руководствованіи пасомыхъ. 257
Духовныя наставленія монаха Исаіи . . 262

№ 28.

Св. Григорія Двоеслова, папы римскаго, о томъ, что увѣщаніе, предлагаемое многимъ, должно такъ споспѣшествовать добродѣтелямъ всѣхъ, дабы чрезъ него не усиливались противоположные пороки . . . 263
Его же о томъ, какое увѣщаніе должно дѣлать одному, одержимому различными пороками 264
Попеченіе древней церкви русской о рабахъ 265
Слово въ день Рождества пресвятыя Богородицы и рожденіе Благовѣрнаго Государя Наслѣдника, Цесаревича, Великаго Князя Николая Александровича 271
Духовныя наставленія монаха Исаіи . . 274

№ 29.

Св. Григорія Двоеслова, папы римскаго, о томъ, что иногда должно снисходить къ легчайшимъ порокамъ, дабы истребить важнѣйшіе 275
Его же о томъ, что немощнымъ умамъ во все не должно проповѣдовать высокое. 276
Его же о проповѣданіи дѣломъ и словомъ. —
Слово въ день освященія храма при кіевскомъ Владимірскомъ Кадетскомъ Корпусѣ и тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича. 277
Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ 287

№ 30.

Св Отца нашего Іоанна Златоуста о милостыни. 283
О пастырскомъ руководствованіи пасомыхъ 284
Мысли Наполеона 1-го о Божествѣ Іисуса Христа, высказанныя на островѣ св. Елены . 288
Духовныя наставленія монаха Исаіи . . 291

№ 31.

Св. Григорія Двоеслова, папы римскаго, о томъ, что проповѣдникъ, исполнивъ все

стр.
должное, обязанъ обращать вниманіе на самаго себя 293
Рѣчь при встрѣчѣ въ кіевопечерской Лаврѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ 295
О празднованіи воскрес. дня письмо 5-е. —
Аще алчетъ врагъ твой, ухльби его: аще ли жаждетъ, напой его . . . . . , 301

№ 32.

Преподобнаго Максима исповѣдника ученіе о совершенной любви 304
Жизнь падшихъ духовъ 308
Духовныя наставленія монаха Исаіи . . 313

№ 33.

Св. Амвросія медіоланскаго о дѣвственницахъ 315
О пастырскомъ руководствованіи пасомыхъ 320

№ 34.

Св. отца нашего Іоанна Златоуста нравоученіе изъ XVII бесѣды на 2-е посланіе къ Коринѳянамъ 325
О полунощномъ богослуженіи православной Церкви 327

№ 35.

Блаж. Іеронима о жизни клириковъ и монаховъ 333
О празднованіи воскрес. дня письмо 6-е. 337

№ 36.

Слово въ день святителя Николая и тезоименитства Благовѣрнаго Государя Наслѣдника, Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича 343
Св. Амвросій медіоланскій и императоръ Ѳеодосій великій 346
Посѣщеніе кіевской святыни Ихъ Императорскими Величествами 350
Духовныя наставленія монаха Исаіи . . 353

№ 37.

Св. отца нашего Іоанна Златоуста изъясненіе словъ апостола Павла изъ посланія къ Евреямъ гл. 2 ст. 16, 17, 18. . . . 355
Святый пророкъ Аггей. 357
Поученіе по случаю выпуска воспитанницъ Одесскаго Института благородныхъ дѣвицъ 364

№ 38.

Выписка изъ слова св. отца нашего Григорія нисскаго на Рождество Господа нашего Іисуса Христа. 367
Пареміи въ навечеріе Рождества Христова 369
Св. мученикъ Вонифатій 373

№ 39.

Автобіографія св. пророка Давида. . . 377
О празднованіи воскрес. дня письмо 7-е. 382
Слово по случаю выпуска воспитанницъ Одесскаго Института благородныхъ дѣвицъ. 386

№ 40.

Автобіографія св. пророка Давида. . . 389
Слово на новый годъ 392
О значеніи церковнаго молебствія въ новый годъ 395
Духовныя наставленія монаха Исаіи. . 397

№ 41.

Св. отца нашего Іоанна Златоуста о томъ, какъ необходимо владѣльцамъ селъ пещись объ устроеніи въ нихъ храмовъ Божіихъ . 399
О пастырскомъ руководствованіи пасомыхъ 402
Спасенные отъ погибели мореплаватели . 408

№ 42.

Преподобнаго Максима исповѣдника о покаяніи 409
Некрологъ 411
Рѣчь сказанная предъ выносомъ тѣла въ Бозѣ почившаго преосвященнѣйшаго митрополита кіевскаго Филарета 415

№ 43.

Св. отца нашего Іоанна Златоуста о будущемъ судѣ и воздаяніи по смерти. . 417

стр.

Слово предъ погребеніемъ въ Бозѣ почившаго Сѵнодальнаго Члена Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, митрополита кіевскаго 420
Духовныя наставленія монаха Исаіи . 427

№ 44.

Св. Льва, папы римскаго, слово на св. четыредесятницу 429
Рѣчь 1-я, сказанная при погребеніи въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, митрополита кіевскаго 432
Рѣчь 2-я, сказанная при погребеніи его же 434
Слово предъ панихидою, совершаемою въ кіевской Духовной Академіи каждогодно 31-го декабря. 436

№ 45.

Маркъ Ефескій, поборникъ православія . 439
Завѣщаніе въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнѣйшаго митрополита кіевскаго Филарета 445
Духовныя наставленія монаха Исаіи . 450

№ 46.

Поучительныя указанія въ священномъ Писаніи на предметы ветхозавѣтной свящ. исторіи 451
Рѣчь 1-я, сказанная при опущеніи въ могилу тѣла Высокопреосвященнѣйшаго Филарета 456
Рѣчь 2-я сказанная по тому же случаю . 457
Рѣчь сказанная предъ выносомъ тѣла въ Бозѣ почившаго преосвященнѣйщаго Аполлинарія, викарія митрополіи кіевской . 459
Духовныя наставленія Монаха Исаіи . 460

№ 47.

Поучительныя указанія въ свящ. Писаніи на предметы церковной исторіи ветхозавѣтной 461
Значеніе креста у христіанъ 464

стр.

Слово, сказанное при погребеніи преосвященнѣйшаго Аполлинарія, викарія митрополіи кіевской 467
Силенъ грѣхъ! 471

№ 48.

Слово въ недѣлю крестопоклонную, говоренное Высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ. 473
Письмо о значеніи великаго поста, предшествующаго великому празднику пасхи . 476
Акила и Прискилла. 479

№ 49.

Блаж. Ѳеофила антіохійскаго о познаніи Бога изъ разсматриванія міра 485
Слово по причащеніи св. Таинъ . . . 487
Объ убѣдительности, какъ характерѣ церковныхъ поученій 489
Дщери іерусалимски, не плачитеся о Мнѣ, обаче себе плачите и чадъ вашихъ . . . 495

№ 50.

Св. Епифанія, епископа кипрскаго, слово въ недѣлю Ваій 497
Послѣдніе дни жизни въ Бозѣ почившаго Филарета, митрополита кіевскаго. . . . 500
Для чего при молитвѣ мы осѣняемъ себя крестнымъ знаменіемъ 506
Духовныя наставленія монаха Исаіи . . 510

№ 51 и 52.

Св. Льва, папы римскаго, слово о страданіи Господнемъ 511
Размышленіе о скорби Іисуса Христа предъ началомъ Его страданій. 513
Послѣдніе дни жизни почившаго въ Бозѣ Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, митрополита кіевскаго. 516
Поученіе въ день Благовѣщенія пресвятыя Богородицы 525

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 1.

НЕДѢЛЯ СВЯТЫЯ ПАСХИ.

7 Апрѣля 1857 г.

На литургіи апостолъ: Дѣян. зач. 1-е, евангеліе: Іоан. зач. 1-е. На вечерни евангеліе: Іоан. зач. 65.

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ЕПИСКОПА НИССКАГО

СЛОВО

НА СВѢТОНОСНОЕ И СВЯТОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ ГОСПОДА И БОГА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА.

Благословенъ Богъ! Прославимъ нынѣ единороднаго Сына Божія, Творца небесъ, изъ темныхъ нѣдръ земли изшедшаго и свѣтоносными лучами озарившаго всю вселенную. Прославимъ нынѣ погребеніе Единороднаго, воскресеніе Побѣдителя, радость міра, жизнь племенъ земныхъ. Прославимъ нынѣ Воспріявшаго на Себя грѣхи наши; прославимъ нынѣ Бога—Слово, посрамившаго премудрость міра, утвердившаго предреченія Пророковъ, скрѣпившаго союзъ Апостоловъ, распростершаго всюду званіе Церкви, благодать Духа.—Вотъ мы, нѣкогда чуждые вѣдѣнія Божія, познали Бога. Исполнилось написанное: *помянутъ и обратятся ко Господу вси концы земли, и поклонятся предъ Нимъ вся отечествія языкъ* (Псал. 21, 28). Что помянулъ? Древнее паденіе и новое востаніе, прежнее преступленіе и настоящее исправленіе, смерть Евы и рожденіе Дѣвы, обращеніе язычниковъ, грѣховъ отпущеніе, Пророковъ предреченіе, Апостоловъ проповѣдь, возрожденіе въ купели, вселеніе въ рай, входъ въ небеса, Творца воскресшаго, отложившаго безчестіе и божественнымъ всемогуществомъ своимъ премѣнившаго тлѣніе въ нетлѣніе. Какое же безчестіе отложилъ Онъ? То, о которомъ сказалъ Исаія: *и видѣхомъ Его, и нѣсть вида Ему, ниже доброты, но видъ Его безчестенъ, умаленъ паче сыновъ человѣческихъ!*—Когда Онъ былъ безчестенъ? Тогда, когда обращался среди беззаконныхъ іудеевъ и

называемъ былъ отъ нихъ и самарянином и имѣющимъ бѣса; когда Іуда искаріотскій и сыны тмы взяли Необъятнаго на убійство. Не напрасно говоритъ имъ Іоаннъ: *порожденіе ехидново, кто сказа вамъ бѣжати отъ грядущаго гнѣва* (Лук. 3, 7)? Ибо поистинѣ гнѣвъ Божій пребываетъ на нихъ.—Когда былъ безчестенъ? Тогда, когда Онъ—воплощенная кротость — принялъ удареніе въ ланиту, и когда Его—Судію клятвъ съ клятвою вопрошали. Когда былъ безчестенъ? Тогда, когда Онъ Судія осуждался, и имѣющій судить міру, подвергался приговору. Слуга вопрошалъ, а Господь молчалъ; свѣтъ безмолвствовалъ, а тма неистово восклицала; твореніе дерзко поступало, а Творецъ терпѣлъ.—Когда былъ безчестенъ? Когда тельцы возносили роги, а Юнецъ кротко предстоялъ; когда левъ рыкалъ, и тельцы вопили, какъ написано: *обыдоша мя тельцы мнози, юнцы тучніи одержаша мя. Отверзоша на мя уста своя, яко левъ восхищаяй и рыкаяй* —Когда былъ безчестенъ? Тогда, когда псы лаяли, а Владыка сносилъ; когда волки расхищали, а Овца не противилась; когда разбойнику просили жизни, а Жизнь міра влеклась на смерть; когда возглашали оный нескладный и гибельный вопль: *возми, возми, распни Его! Кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ!* И не безъ причины вопіяли они: *возми, возми, распни Его!* Ибо тяжко было для нихъ пришествіе Бога во плоти и несносно Его обличіе. Для грѣшниковъ обыкновенно ненавистна встрѣча съ праведниками.—Когда былъ безчестенъ? Тогда, когда Его бичевали, и тѣло Его святое мучили, а Онъ безпрекословно сносилъ страданіе, дабы уврачевать древнія язвы нашихъ грѣховъ; когда возложили на рамена Его древо крестное,—сей трофей надъ діаволомъ; когда вѣнецъ терновый возложили на Того, кто вѣнчаетъ уповающихъ на Него; когда въ багряницу облекли Его, дающаго нетлѣніе тѣмъ, кои возраждаются водою и Духомъ Святымъ; когда пригвоздили къ древу Господа жизни и смерти. — Когда былъ безчестенъ? Тогда, когда воины, издѣваясь, насмѣхались надъ Владыкою небесныхъ воинствъ. — Когда былъ безчестенъ? Тогда, когда вонзивъ на трость губу и омочивъ оцтомъ, напаяли Его, и желчь давали Ему, одождившему имъ манну; когда камни разсѣлись, и завѣса храма раздралась, пораженные дерзостію беззаконниковъ; когда солнце померкло и повилось тьмою, какъ бы одеждою, оплакивая отпаденіе іудеевъ. Ибо самый день плакалъ о бѣдствіяхъ іудеевъ. когда Жизнь повѣшена была среди разбойниковъ, изъ коихъ одинъ хулилъ и злословилъ, а другой покаяніемъ восхищалъ рай. —Когда былъ безчестенъ? Тогда, когда тѣло Его предано было погребенію. — Когда былъ безчестенъ? Тогда, когда воины стерегли и земля сокрыла Его — повѣсившаго землю на водахъ; когда Апостолы разбѣжались. не могши вынести бремени искушеній. — Но примѣчай, возлюбленный, чудеса Божіи и послѣ страданія радостныя событія! Безчестный покрывается славою, радость міра востаетъ нетлѣннымъ съ тѣломъ. Тогда земля страдала болѣзнями рожденія, день чревоносилъ, и смерть извергла жизнь всѣхъ. —Ибо невозможно было, чтобы смерть удержала того, Кто держитъ всяческая словомъ. —Итакъ будемъ праздновать тридневное воскресеніе — вину жизни вѣчныя. Ибо какъ Марія Богородица, дѣвственно и неискусобрачно, хотѣніемъ Божіимъ и благодатію Духа, родила Творца вѣковъ, сущаго отъ Бога Бога-Слово: такъ и земля, повелѣніемъ Божіимъ, изъ нѣдръ своихъ, разрѣшивъ болѣзни смерти, извела Владыку іудеевъ, потому что не могла удержать тѣло, содѣлавшееся сосудомъ безсмертія.—Вотъ почему Пророкъ, созерцая

возстановленіе благообразія, разрушеніе смерти, освобожденіе бывшихъ нѣкогда рабами, взываетъ и восклицаетъ: *Господь воцарися въ лѣпоту облечеся* (Пс. 22, 1). Въ какую лѣпоту облечеся? Въ нетлѣніе, безсмертіе, союзъ Апостоловъ, вѣнецъ церкви. — Уже Іуда не предастъ, уже Каіафа не угрозитъ, уже Пилатъ не осудитъ и израильтяне не удержатъ Его въ своей власти. Ибо тлѣнное содѣлалось нетлѣннымъ, и Тотъ, кто почитался ими за простаго человѣка, явился Богомъ истиннымъ. Посему и мы восклицаемъ: *гдѣ ти, смерте, жало? Гдѣ ти, аде, побѣда? Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся. Облечеся Господь въ силу и преподсася.* — Силою называетъ строительство спасенія нашего чрезъ воплощеніе, — потому что нѣтъ ничего сильнѣе его. — Безтѣлесный чрезъ тѣло низложилъ демоновъ, чрезъ крестъ овладѣлъ сопротивными силами. Ибо такъ какъ прежде грѣхъ потрясалъ землю, — то Господь нашъ Іисусъ Христосъ, воскресши, какъ предсказано, утвердилъ ее древомъ крестнымъ, дабы она не могла уже низвергнуться въ бездну погибели, ни колебаться бурями прелести. Свидѣтелемъ въ семъ приводимъ блаженнаго Павла, который ясно говоритъ: *подобаетъ тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе.* Посему и Псалмопѣвецъ говоритъ: *готовъ престолъ твой оттолѣ, — отъ вѣка Ты еси* (Пс. 92, 2); и: *царство твое, царство вѣчное, еже не разсыплется* (Дан. 2, 44); и еще: *царство твое, царство всѣхъ вѣковъ* (Пс. 144, 13); и опять: *Господь воцарися, да радуется земля, да веселятся острови мнози* (Пс. 96, 1). Ему подобаетъ слава и держава. Аминь (*).

(*) Oper. Greg. Nyss. Tom. 3. In Christi resurrectionem orat. 5.

ЯВЛЕНІЕ ВОСКРЕСШАГО ГОСПОДА АПОСТОЛУ ПЕТРУ ВЪ САМЫЙ ДЕНЬ ВОСКРЕСЕНІЯ.

Воистину воста Господь и явися Симону. Лук. 24, 34.

Изъ всѣхъ евангелистовъ у одного Луки и только этими словами упоминается о явленіи апостолу Петру воскресшаго Господа, въ самый день воскресенія Его. Къ вечеру свѣтлаго дня воскресенія Христова еммаусскіе путники возвратились въ общество прочихъ учениковъ Христовыхъ, и спѣшили разсказать имъ радостную вѣсть о томъ, какъ на пути явился имъ воскресшій Господь и какъ они узнали Его за вечернею трапезою, во время благословенія и преломленія хлѣба. Но возвратившіеся путники нашли сотоварищей своихъ тоже разсуждающихъ о воскресеніи Господа и явленіи Его апостолу Петру, и готовыхъ утверждать, *яко воистину воста Господь и явися Симону.* Вотъ и все, что говорится въ евангельской исторіи объ этомъ явленіи. Изъ этого краткаго указанія открывается, что апостолъ Петръ сподобился видѣть воскресшаго Господа прежде другихъ учениковъ, которымъ явился онъ уже сущу *поздѣ въ день той*, но послѣ того времени, когда отдѣлились отъ нихъ двое и пошли въ Еммаусъ, равно какъ и послѣ явленія Господа мироносицамъ, бывшее еще въ раннее утро дня того: еммаусскіе путники о видѣніи Господа мироносицами знали уже и разсуждали на пути (Лук. 24, 22—24), только вмѣстѣ съ прочими учениками не совсѣмъ вѣрили разсказу женъ (Марк. 16, 11. Лук. 24, 11), а о видѣніи Петровомъ узнаютъ въ первый разъ по возвращеніи изъ Еммауса. Но въ какое именно время, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ явился воскресшій Господь апостолу Петру? И почему сей Апостолъ, отвергшійся Господа предъ рабынею двора

архіереова, сподобился увидѣть Его воскресшимъ и пріобщиться радости воскресенія прежде прочихъ апостоловъ и учениковъ Христовыхъ? Объясненіе этого предоставляется благочестивому размышленію и соображенію событій перваго дня воскресенія Христова съ другими предыдущими и послѣдующими обстоятельствами.

Въ какомъ душевномъ состояніи проводилъ апостолъ Петръ дни страданій и смерти Іисуса Христа и съ какимъ чувствомъ ожидалъ новыхъ событій въ судьбѣ распятаго Господа, по непреложному глаголу Его? Послѣдніе часы, которые онъ проводилъ съ Господомъ во дворѣ архіереовомъ, были несчастными часами отреченія его отъ своего Господа, и послѣдній взоръ страждущаго Господа на апостола Петра былъ взоромъ кроткаго обличенія его въ паденіи и измѣнѣ своему обѣту не оставлять Господа ни въ какіе опасные часы Его страданій. Что должно было происходить въ скорбящей душѣ сего Апостола съ того времени, какъ любовь его къ Господу не устояла предъ вопросами рабыни въ дворѣ Каіафы, до дня воскресенія Христова?—*Изшедъ вонъ* оттуда, сказано въ Евангеліи, *плакася горько!* Итакъ дни и ночи страданій и смерти Христовой были для апостола Петра временемъ горькаго плача, мучительныхъ страданій совѣсти, глубокаго и сокрушеннаго покаянія. Но свойства истиннаго покаянія таковы, что чѣмъ глубже чувства его проникаютъ въ душу кающагося и чѣмъ полнѣе объемлютъ ее, тѣмъ сильнѣе возгарается въ ней огнь любви къ Господу, тѣмъ живѣе возникаетъ въ ней упованіе на Его милосердіе. Подобное сему должно было происходить и въ душѣ кающагося апостола Петра, послѣ его отреченія отъ Господа. Чѣмъ сильнѣе сокрушала душу его скорбь покаянія объ этомъ отреченіи, тѣмъ живѣе возникало въ ней желаніе примиренія съ Господомъ, тѣмъ обильнѣе и свѣтлѣе воскресли въ ней воспоминанія о пророчествахъ Господа касательно Его смерти и воскресенія, тѣмъ сильнѣе и нетерпѣливѣе было ожиданіе событія сихъ вожделѣнныхъ пророчествъ, чтобы еще узрѣть Господа, припасть къ стопамъ Его, и вымолить у Него милосердаго прощеніе своей измѣнѣ въ обѣщаніи неизмѣнной любви къ Нему. Такъ, плодомъ послѣдняго событія въ судьбѣ апостола Петра, равно какъ и плодомъ покаянія и слезъ его, по устроенію Божію, было то, что въ скорбящей душѣ его явилась сильнѣе вѣра въ пророчества и обѣтованія Господа, живѣе упованіе воскресенія Его, крѣпче сила любви къ Нему и пламеннѣе желаніе узрѣть Его. Но чего не совершаетъ спасительная сила покаянія, одушевляемаго такою вѣрою и упованіемъ? Извѣстно, когда падшій и блудный сынъ начинаетъ каяться и возвращаться къ Отцу небесному, тогда Онъ—милосердый идетъ самъ навстрѣчу къ нему и еще на пути обнимаетъ и лобызаетъ его. Тоже самое, по милосердію своему, сотворилъ и воскресшій Господь нашъ, когда благоволилъ явиться кающемуся Петру прежде другихъ учениковъ своихъ. И примѣчайте дѣйствія кающейся любви Апостола и приближеніе къ ней милосердія воскресшаго Господа. Вотъ ангелы поручаютъ мироносицамъ передать радостную вѣсть воскресенія *ученикомъ* Господа *и отдѣльно Петрови* (Марк. 16, 7): это значитъ, что сокрушавшійся покаяніемъ Петръ почиталъ себя недостойнымъ и чести нарицаться ученикомъ Господа Іисуса, и въ чувствѣ покаяннаго смиренія не дерзалъ надѣяться на новое свиданіе съ Нимъ, обѣщанное всѣмъ ученикамъ Его. Со времени отреченія своего отъ Господа, онъ только сокрушался и плакалъ о своемъ отреченіи, и хотя находился въ обществѣ учениковъ Его, но по чувству

собственнаго недостоинства почиталъ себя уже не ученикомъ, а только невѣрнымъ и падшимъ рабомъ, которому нужно еще плакать и молиться о примиреніи съ Господомъ и о возстановленіи своемъ въ сонмѣ вѣрныхъ учениковъ и друговъ Его. Потомъ, когда мироносицы принесли радостную вѣсть ученикамъ Господа,—что дѣлается въ смущенномъ отъ страха обществѣ ихъ? Благовѣстницамъ они не вѣрятъ и остаются неподвижны; только двое изъ нихъ, движимые особенною любовію къ Господу, бѣгутъ ко гробу Его, чтобы видѣть знаменія воскресенія Его: это—Іоаннъ, возлюбленный ученикъ Господа, и Петръ, обѣщавшій любить Его болѣе всѣхъ и оплакивающій теперь измѣну своему обѣту. Первый видитъ у гроба знаменія воскресенія Христова и вѣруетъ (Іоан. 20, 8); послѣдній видитъ, и — отъ скорби и сокрушенія не смѣетъ ни вѣрить, ни радоваться сердцемъ измѣнившимъ Господу. »Господь воскресъ и благоволилъ уже явиться женамъ, всегда съ постояннымъ усердіемъ и горячею любовію слѣдовавшимъ за Нимъ; Его узрятъ и всѣ ученики Его, по неложному Его обѣтованію (Іоан. 16, 22): но благоволитъ ли Онъ явиться мнѣ, невѣрному рабу и малодушному измѣннику своего обѣта предъ Нимъ?« Такъ могъ размышлять теперь и обрадованный и скорбный Апостолъ, когда собственными очами повѣрилъ то, что передавали жены благовѣстницы. Возвращаясь домой отъ гроба (Лук. 24, 13. Іоан. 20, 10), онъ желалъ бы предаться всею душею свѣтлой радости великаго событія и водворить въ душѣ благодать мира и упованія на новое свиданіе съ воскресшимъ Господомъ; но сознаніе паденія опять смущаетъ душу его, и гонитъ прочь отъ ней миръ и радость. И вотъ въ это-то, должно полагать, время, когда, при возвращеніи апостола Петра отъ гроба Господня, душа его, очищенная скорбію и слезами покаянія, способна была къ наслажденію полнымъ миромъ единенія съ Господомъ и чистѣйшею радостію явленія Его,—тогда явился ему и самъ воскресшій Господь, который всегда обрѣтаетъ ищущихъ Его. Итакъ, если мироносицамъ Господь явился въ раннее утро; то апостолу Петру, послѣдовавшему по сказанію ихъ въ вертоградъ ко гробу, Онъ благоволилъ явиться въ раннюю часть дня.

Какъ происходило это явленіе, что бесѣдовалъ Господь къ апостолу Петру, съ какими чувствами и словами встрѣтилъ воскресшаго Господа утѣшенный и обрадованный Апостолъ, Евангеліе ничего не говоритъ объ этомъ, подобно тому, какъ оно говоритъ о явленіи воскресшаго Господа мироносицамъ, ученикамъ емаусскимъ и всѣмъ ученикамъ вмѣстѣ. Быть можетъ было собственное желаніе Апостола, чтобы подробнѣе возвѣщено было о его паденіи и отреченіи отъ страждущаго Господа въ поученіе и назиданіе родамъ грядущимъ, чѣмъ объ обстоятельствахъ его утѣшенія воскресшимъ Господомъ, что было дѣломъ благости и милосердія Его. Но, сколько можно заключать изъ соображенія предыдущаго душевнаго состоянія апостола Петра и изъ послѣдующаго обращенія съ нимъ воскресшаго Господа, явленіе это сопровождалось выраженіемъ безпредѣльной благости и принесеніемъ высочайшей радости падшему и скорбящему Апостолу. Со стороны самаго Апостола видѣніе воскресшаго Господа могло сопровождаться болѣе всего выраженіемъ удивленія безпредѣльной благости и милосердію воскресшаго Господа, почтившаго любовь и понаяніе неустоявшаго въ обѣтѣ любви своего Апостола новымъ благимъ и радостнымъ свиданіемъ прежде многихъ другихъ учениковъ и друговъ своихъ, и еще—выраженіемъ высочайшей радости и невозглаголаннаго мира

душевнаго, мгновенно преисполнившихъ все существо его при видѣ воскресшаго Господа, не отвергающаго невѣрнаго раба своего.

Неизвѣстно изъ Евангелія, какъ благовѣстилъ апостолъ Петръ о своемъ свиданіи съ воскресшимъ Господомъ прочей братіи: но можно примѣчать, что его благовѣстіе выливалось изъ преисполненной миромъ и радостію души его съ такою силою убѣжденія, что оно наконецъ начинало препобѣждать самое упорное маловѣріе другихъ учениковъ Христовыхъ. Ибо еммаусскіе путники оставили братію свою въ полномъ невѣріи благовѣстію мироносицъ, которыхъ *глаголы* приняты были *яко лжа* (Лук. 24, 11), но, возвратившись изъ пути, *обрѣтоша совокупленныхъ единонадесяте, и иже бяху съ ними, глаголющихъ, яко воистину воста Господь и явися Симону.*

СЛОВО

НА ВЕЧЕРНИ ПЕРВАГО ДНЯ СВ. ПАСХИ.

Милосердый Господь еще сподобилъ насъ узрѣть свѣтлый и радостный день воскресенія своего. Воздадимъ Ему славу и благодареніе за такое къ намъ милосердіе!

Подлинно, брат., свѣтелъ и радостенъ настоящій день. Авраамъ отецъ вѣрующихъ, какъ свидѣтельствуетъ самъ Господь, *радъ бы былъ, дабы видѣлъ день сей: и видѣ и возрадовася* (Іоан. 8, 56). Возрадовася въ товремя, какъ онъ видѣлъ его только въ глубокомъ отдаленіи, видѣлъ зерцаломъ гаданія въ сумракѣ прообразованія, видѣлъ какъ странникъ, жаждущій покоя, видитъ во тьмѣ ночной вдали мерцающій огонь—отрадную надежду покоя и отдыха. Желали видѣть его и всѣ древніе патріархи, и, конечно, не безъ скорби отходили изъ сей жизни, не пріявши обѣтованія (Евр. 11, 39). Какъ счастливы въ сравненіи съ ними мы, которые видимъ великій день Христовъ не въ утро только, но даже въ полдень его свѣтлаго сіянія!

Знаемъ много дней свѣтлыхъ и веселыхъ, но ни одинъ изъ нихъ не свѣтелъ и не радостенъ такъ, какъ настоящій. Нынѣ вся исполнишася свѣта; нынѣ радуются всѣ народы и люди, познавшіе Христа; нынѣ въ Церкви Христовой нѣтъ никого плачущаго, никого скорбящаго; и отрокъ и старецъ, богатый и убогій, властелинъ и узникъ—всѣ нынѣ торжествуютъ. Отъ чего же, брат., такъ свѣтелъ и радостенъ настоящій день?... Нынѣ *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ,*—нынѣ, поетъ св. Церковь, *паки изъ гроба красное правды намъ возсія Солнце:* вотъ источникъ настоящаго свѣта и радости.

Христосъ, *сый сіяніе славы Бога Отца и образъ ѵпостаси Его* (Евр. 1, 3), есть солнце всего духовнаго міра. Въ мірѣ видимомъ, по манію Божественному, отъ вещественнаго солнца исходятъ свѣтъ и жизнь во всю видимую тварь. Съ удаленіемъ его отъ земли, земля покрывается мракомъ, наводящимъ уныніе, и замираетъ всякая жизнь въ твореніи. Напротивъ, когда солнце приближается къ землѣ, всѣ творенія оживаютъ, земля покрывается жизнію, всѣ твари отъ ощущенія полноты бытія приходятъ въ восторгъ и веселіе... Это примѣчаетъ всякій въ каждую весну видимаго обновленія твари, въ каждое утро лѣтняго дня.—Подобнымъ образомъ и въ мірѣ духовномъ жизнь и свѣтъ во всю разумную тварь исходятъ изъ свѣтодательныхъ и животворныхъ очей Христовыхъ: тамъ царствуютъ вѣчная жизнь, вѣчная

радость и блаженство, гдѣ разумное созданіе Божіе живетъ въ ближайшемъ и непрестанномъ общеніи со Христомъ; напротивъ, когда удаляется отъ Него,—не имѣя жизни само въ себѣ, покрывается мракомъ, исполняется скорбію и отчаяніемъ, и неминуемо подвергается смерти, тѣмъ болѣе ужасной, что сія смерть не есть уничтоженіе бытія, а постоянное сознаніе утраты жизни, непрерывное ощущеніе своей мертвости и мучительная жажда свѣта и жизни. Теперь понятно, отъ чего жизнь ангеловъ на небѣ такъ свѣтла и блаженна, что они никогда не чувствуютъ никакой скорби и уныніе: они постоянно предстоятъ престолу Свѣта, и, по-причинѣ такой близости къ Господу, сами суть *вторые свѣты*, послѣ перваго, не созданнаго. Понятно такъ же, отъ чего вѣчная жизнь праведныхъ будетъ такъ блаженна, что у нихъ не слышно будетъ *гласа плача, ни гласа вопля* (Апок. 21, 4): отъ того, что слава Божія будетъ просвѣщать ихъ, и самъ *Агнецъ*, закланный за грѣхи міра —Христосъ вѣчно будетъ *свѣтильникомъ* ихъ (23); тогда, возвѣщаетъ откровеніе, *и нощи не будетъ у нихъ, и не потребуютъ свѣта отъ свѣтильника, ни свѣта солнечнаго, яко Господь Богъ просвѣщаетъ я* (22, 5). Понятно далѣе и то, отъ чего въ адѣ такъ мрачно, отъ чего тамъ вѣчная тьма, вѣчное страданіе и мученіе: отъ того, что тамъ нѣтъ Господа Іисуса Христа.

И на землѣ, доколѣ прародители наши жили въ ближайшемъ общеніи съ Господомъ, была жизнь свѣтлая и блаженная. Вспомните, бр., о жизни праотцевъ нашихъ въ раю!.. Когда же они своею непослушною волею удалились отъ Господа; когда вѣчное солнце зашло въ душѣ ихъ; когда единымъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде — грѣхъ, разлучающій между Богомъ и человѣками, и весь родъ человѣческій содѣлался отчужденнымъ отъ жизни Божіей: тогда на землѣ воцарились мракъ, скорбь и смерть. По этому-то времена до пришествія на землю Свѣта истиннаго, просвѣщающаго всякаго человѣка грядущаго въ міръ, слово Божіе называетъ *нощію* (Рим. 13, 12). Ахъ, мы помрачили бы свѣтлость настоящаго дня, если бы захотѣли обнаружить предъ собою дѣла тьмы, совершившіяся во мракѣ этой пятитысящелѣтней нощи, когда тьма покрывала землю и мракъ царствовалъ надъ языки, когда люди ходили осязая въ полудни якоже въ нощи; чистую радость праздника возмутили бы внезапною скорбію, если бы захотѣли прислушаться къ стонамъ и воплямъ сидѣвшихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй, если бы захотѣли взглянуть на землю, въ удаленіи отъ вѣчнаго Солнца, обратившуюся въ поле полное изсохшихъ костей, какъ нѣкогда въ видѣніи показано было пророку Іезекіилю состояніе современнаго ему живаго народа (Іезек. 37)! Было бы еще не то, — на землѣ открылся бы самый адъ со всѣми своими ужасами, если бы милосердый Богъ многочастнѣ и многообразнѣ не посылалъ на землю *извѣстнѣйшее пророческое слово*, которое, какъ *свѣтило, сіяя въ темномъ мѣстѣ, дондеже день озаритъ и денница возсіяетъ въ сердцахъ нашихъ* (2 Петр. 1, 19), если не разгоняло облегавшаго весь родъ человѣческій мрака, то указывало путь къ свѣту Христову,—если не оживотворяло мертвыхъ прегрѣшеньми, по крайней мѣрѣ въ сердцахъ вѣрующихъ пробуждало чаяніе новой жизни, утишая скорби и страданія ветхой.

Наконецъ, въ міръ приходитъ Свѣтъ (Іоан. 3, 13), *да всякъ вѣруяй въ Онь не имать ходити во тьмѣ, но имать свѣтъ животный* (8, 12). Поелику отъ глубокаго растлѣнія естества нашего и отъ долговременнаго пребыванія во мракѣ грѣховномъ ду-

ховное око человѣка сдѣлалось до того немощнымъ, что внезапное и непосредственное озареніе славою явившагося на землѣ Божества скорѣе могло бы окончательно ослѣпить его, чѣмъ произвести въ немъ духовное просвѣщеніе: то Божество, по благоутробному снисхожденію къ немощи нашей, прикрываетъ свой упостасный свѣтъ плотію человѣческою, дабы повременно возвышая и прославляя воспріятое человѣчество, и постепенно сквозь него открывая свѣтъ Божества, постепенно и повременно приготовлять людей къ созерцанію открытымъ лицемъ славы Господней. Но и тогда уже, когда сквозь непрославленное еще человѣчество проникалъ наружу упостасный свѣтъ Божества, бывшіе зрителями сего явленія не могли не ощущать, какъ добро быти подъ озареніемъ свѣта Христова (Мат. 17, 4), и желали навсегда остаться на озаренной свѣтомъ Христовымъ горѣ преображенія. Примѣчайте же, брат., что происходитъ на землѣ послѣ того, когда Христосъ, какъ солнце, исходитъ изъ гроба въ прославленномъ человѣчествѣ,—когда Его человѣчество содѣлалось, такъ сказать, прозрачнымъ для живущаго въ Немъ Божества! Еще никто изъ человѣковъ не видалъ Воскресшаго;—но ангельская вѣсть о воскресеніи, какъ первый лучъ восходящаго солнца, приводитъ въ движеніе отъ гроба къ ученикамъ усердныхъ мироносицъ, поставляя ихъ, до времени видимаго явленія имъ Господа, между страхомъ и радостію веліею, какъ бы между тьмою и свѣтомъ,—тьмою предшествовавшей ночи и свѣтомъ восходящаго солнца: *изшедше*, замѣчаетъ евангелистъ Матѳей, *скоро отъ гроба со страхомъ и радостію веліею текоста возвѣстити ученикомъ Его* (Матѳ. 28, 8). Еще на очахъ путниковъ еммаусскихъ лежитъ мрачное покрывало ропота на не сбывшуюся надежду и скорби: *мы же надѣяхомся, яко сей есть хотя избавити Израиля: но и надъ всѣми сими третій день есть днесь, отнелиже сія быша* (Лук. 24, 21); еще свѣтозарный образъ сопутствовавшаго имъ Господа, какъ солнце облакомъ, закрытъ отъ нихъ простымъ видомъ незнакомаго странника: но сердце ихъ (куда прежде, чѣмъ въ холодныя соображенія разсудка, проникаетъ свѣтъ благодати) — уже ощущаетъ благодатную теплоту лучей свѣта Христова: *не сердце ли наше горя бѣ въ насъ, егда глаголаше нама на пути и егда сказоваше нама писанія* (32). Когда же свѣтъ Христовъ коснулся и ока и сердца учениковъ, страха ради іудейска затворившихся въ храминѣ, тогда они исполнились радостію: *возрадовашася ученицы, видѣвше Господа* (Іоан. 20, 20). *Возрадовашася....* Что съ вами сталось, возлюбленные други Христовы? Не вы ли только три дня тому назадъ, одержимые страхомъ смерти, оставльше Господа, вси бѣжали отъ Него? Тогда присносущная сила Божества, сокрываемая въ крайнемъ уничиженіи самаго человѣчества Іисусова, затмилась, такъ сказать, въ душѣ учениковъ Христовыхъ, и—они низринулись во тьму недовѣрія, малодушія и страха; а теперь—коснувшійся ока и сердца ихъ свѣтъ воскресенія Христова озарилъ ихъ душу, засвѣтилъ въ нихъ новую жизнь, въ земнородныхъ—небесную, въ человѣкахъ—божественную, и они возрадовались тою радостію, которой, по предварительному обѣтованію Господа, *никтоже возметъ* отъ нихъ (Іоан. 16, 22).

Этотъ же самый свѣтъ Христовъ касается нынѣ и нашей души. Господь, въ рукѣ коего времена и лѣта, сіяя на земли своею благодатію до скончанія вѣка (Матѳ. 28, 20), настоящему дню, отъ коего начинается лѣто Господне пріятно, далъ сугубый свѣтъ, для

того, чтобы всѣхъ вѣрующихъ самыхъ отдаленныхъ временъ ввести въ радость воскресенія своего,—ту самую радость, коей первыми причастниками были мироносицы и апостолы. Не безъ причины, конечно, св. Церковь самыми первыми священнодѣйствіями утренняго богослуженія старалась поставить насъ какъ бы въ рядъ самыхъ первыхъ свидѣтелей воскресенія Христова; это безъ сомнѣнія для того, чтобы привести нашу душу въ такое состояніе, въ которомъ бы она способна была придти въ общеніе со Христомъ и пріять силу благодати, исходящую отъ Него. – И Господь невидимо, но тѣмъ не менѣе живо и дѣйственно, является нынѣ среди нашего собранія, подобно какъ въ первый день воскресенія своего явился мироносицамъ и апостоламъ, открываетъ свои язвы не съ тѣмъ, конечно, чтобы удостовѣрять кого въ своемъ лицѣ и дѣйствительности воскресенія (ибо между нами нѣтъ никого не вѣрующаго), но для того, чтобы дать свободное движеніе благодати отъ Него въ нашу душу. И вы, конечно, примѣчаете – какая свѣтлая и торжественная перемѣна происходитъ внутри и внѣ насъ. Кажется, мы уже не тѣ, что были вчера и прежде, съ нами и вокругъ насъ не то что мы привыкли видѣть близъ себя: забыты всѣ скорби, страданія, болѣзни, бѣдствія, которыми такъ полна земная жизнь человѣка; удовлетворены какъ бы всѣ желанія и стремленія наши — неизсякаемый источникъ заботъ, трудовъ, безпокойствъ и скорбей; между нами ни одного не стало врага; всѣ мы, какъ братья, какъ дѣти одного отца, съ взаимною любовію предстоимъ открытому престолу любви небесной. Кратко сказать: нынѣ мы какъ бы на новой землѣ, подъ новымъ небомъ, а древняя вся мимоидоша:

Послѣ сего, брат., нужно ли кого приглашать къ Свѣту? нужно ли кому напоминать о любви къ Нему? Само настоящее состояніе наше показываетъ намъ, какъ добро быти со Христомъ, внушаетъ любовь къ Нему и побуждаетъ желать, чтобы наше общеніе съ Нимъ никогда не прерывалось. И какъ многіе, конечно, вкусивъ сладости настоящей Пасхи нашей, и желая пріобщаться ея всю свою жизнь, скорбятъ о томъ, что день ея склоняется уже къ вечеру! Въ самомъ дѣлѣ, бр., что неприличнаго въ желаніи, чтобы всѣ дни нашей жизни были также свѣтлы и радостны какъ настоящій? Апостолъ Павелъ заповѣдалъ своимъ ученикамъ всегда радоваться (Филип. 4, 4). — Ибо, когда бы не своевременно было радоваться о томъ, что Господь, нашъ Ходатай и Спаситель, будучи распятъ и погребенъ, въ третій день воскресъ побѣдителемъ грѣха, смерти и ада? Въ какое бы время было неприлично радоваться о томъ, что принесенная на крестѣ жертва Спасителя нашего принята правосудіемъ небеснымъ, что Отецъ небесный отверзъ для насъ свое лоно и готовъ принять, какъ дѣтей, въ свои отчія объятія, что Онъ даруетъ намъ въ вѣчное наслажденіе все презѣльное богатство благости своея! И нѣтъ никакого препятствія къ такой постоянной радости. Господь — Солнце наше, воскресши, *ктому уже не умираетъ, смерть имъ ктому не обладаетъ* (Рим. 6, 9); хотя невидимо, но тѣмъ не менѣе живо и дѣйственно, по не ложному обѣтованію своему (Матѳ. 28, 20), пребываетъ на землѣ въ благодатномъ царствѣ своемъ, до скончанія вѣка, такъ что нѣтъ ни одного дня, когда бы вѣчное Солнце переставало изливать на землю свѣтъ и жизнь. По этому, за Господомъ никогда не станетъ дѣло — содѣлать всѣ дни наши свѣтлыми и радостными подобно нынѣшнему, только бы мы содѣйствовали, или паче не противодѣйствовали Его благодатному дѣйствію въ душахъ

нашихъ. Какъ и вещественное солнце не озаряетъ свѣтомъ тѣхъ предметовъ, которые не обращены къ нему: такъ и свѣтъ Солнца духовнаго не можетъ просвѣщать той души, которая не обращена къ Нему своими помышленіями, желаніями и стремленіями. Надобно, чтобы всѣ наши мысли, желанія и чувства были постоянно направлены къ свѣту Христову, чтобы умъ нашъ постоянно былъ занятъ мыслію о Господѣ, за насъ страдавшемъ и для насъ воскресшемъ, чтобы сердце наше всею любовію своею было привязано къ Нему одному, чтобы воля наша ничего не творила неугоднаго Ему, чтобы законъ Господень одинъ управлялъ всѣми дѣйствіями ея. И тогда Христосъ самъ снизойдетъ въ глубину души нашей и будетъ въ ней свѣтомъ просвѣщающимъ и животворящимъ; и тогда мы, въ такомъ общеніи со Христомъ, будемъ день и ночь наслаждаться Господнею радостію, и здѣсь еще на землѣ будемъ предвкушать Пасху небесную, которой да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ единороднаго Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа. Аминь.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 29-го Марта 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ *Іоанникій*.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 2.

НЕДѢЛЯ АНТИ-ПАСХИ.

14 Апрѣля 1857 г.

Гласъ 1-й.

На утрени евангеліе воскресное 1-е, Мат. зач. 116. На литургіи: апост. Дѣян. зач. 14; евангеліе Іоан. зач. 65.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА

О ЯВЛЕНІИ ІИСУСА ХРИСТА УЧЕНИКАМЪ ПО ВОСКРЕСЕНІИ.

Предъ нимиже и постави себе жива по страданіи своемъ, во многыхъ истинныхъ знаменіяхъ, деньми четыредесятьми являяся имъ, и глаголя яже о царствіи Божіи: съ нимиже и ядый, повелѣ имъ отъ Іерусалима не отлучатися. Дѣян. 1, 3. 4.

Какое чрезвычайное незлобіе Спасителя, какая благость! Пусть Ты, Владыко, прежде страданія вкушалъ пищу и возлежалъ вмѣстѣ съ учениками: для чего же послѣ воскресенія раздѣляешь съ ними трапезу? Для того, отвѣтствуетъ (Господь), чтобы такимъ образомъ увѣрить Ѳому въ воскресеніи. Ибо если и при этомъ есть нѣкоторые еще и теперь не вѣрующіе воскресенію: то безъ этого, если бы Онъ не ѣлъ и не пилъ вмѣстѣ съ ними,— кто бы могъ заградить разнузданные уста тѣхъ, кои свободно дерзаютъ все говорить о домостроительствѣ Спасителя? Отселѣ поучаемся мы и чтить божественную трапезу: ибо часто—чего не могло сдѣлать слово, то совершала трапеза. Часто тысячи совѣтниковъ не были въ состояніи уничтожить одной вражды, а одна трапеза умиротворяла брани. Такъ мы не преставали быть врагами Богу, воюя противъ Божія слова, какъ говоритъ Павелъ: ***врази бывше, примирихомся Богу смертію Сына Его*** (Рим. 5, 10).—***Врази бывше.*** Данъ былъ законъ, и не примирилъ. Приходили пророки и не убѣдили къ миру, но враги Богу и остались врагами и противниками. Множество было гонителей противъ истины, множество богоборцевъ противъ благочестія, много словъ, много внушеній, но они не разрушили вражды. Пришелъ Христосъ,

поставилъ свою трапезу, предложилъ на ней въ пищу Себя самаго, сказавъ: *пріимите, ядите*, и брань тотчасъ престала, миръ восторжествовалъ.—Въ Египтѣ Богъ посылаетъ казни на богоборныхъ, и никто не слушаетъ, поражаетъ тирановъ, и никто не повинуется. Здѣсь предлагаетъ самаго Себя въ пищу, и всѣ благоговѣютъ и убѣждаются. Казнями не убѣдилъ, а ядомый убѣждаетъ. Говоря—ядомый, я разумѣю таинственную трапезу. Ибо *Азъ есмь*, говоритъ, *хлѣбъ, сшедый съ небесе, и даяй животъ міру* (Іоан. 6, 14). Но будь внимателенъ, прошу. *Во многѣхъ истинныхъ знаменіяхъ*, сказано, *являяся имъ, и глаголя яже о царствіи Божіи.*—Не каждый день изъ сорока дней являлся имъ. Ибо послѣ того, какъ по воскресеніи Онъ уже вполнѣ удостовѣрилъ въ дѣйствительности своей плоти,—дабы отъ непрестаннаго лицезрѣнія Его не умалилось величіе Его, нужно было, чтобы Онъ, воскресши, являлся уже въ нѣкіихъ божественныхъ образахъ, а необыкновеннымъ способомъ лицезрѣнія.—Посему и сказано: *во многѣхъ истинныхъ знаменіяхъ* (τεκμηρίοις) *деньми четыредесятьми.*—То было не лицезрѣніе, но знаменія, что это точно Онъ.—Ибо Онъ являлся въ иномъ образѣ, съ инымъ голосомъ, съ иной наружностію. Часто приходилъ Онъ къ апостоламъ, а они не узнавали. Такъ приходитъ къ ловящимъ рыбу вмѣстѣ съ Петромъ и говоритъ: *чадца, имате ли что снѣдно?* А они не узнали Его ни по виду, ни по голосу. Онъ говоритъ: *верзите одесную корабля и обрящете, и вергши*, поймали множество. Такимъ образомъ, не познавши изъ лицезрѣнія, они познали Его изъ знаменія силы.—Посему и Евангелистъ говоритъ Петру: *Господь есть*, увѣрившись не лицезрѣніемъ, а знаменіемъ силы. Посему же и Лука свидѣтельствуетъ: *во многѣхъ истинныхъ знаменіяхъ деньми четыредесятьми являяся имъ и глаголя.*—Не просто являлся, но по временамъ. Тщательно вникая, мы находимъ, что Онъ одиннадцать разъ являлся св. апостоламъ и тогда вознесся. Ибо такъ какъ у Него было одиннадцать учениковъ, послѣ того какъ Іуда изверженъ былъ и лишился своего мѣста и достоинства за учиненное имъ злобное предательство: то Онъ одиннадцать разъ являлся апостоламъ, не всѣмъ вмѣстѣ, но различно, иногда же нѣсколькимъ, какъ напр. являлся десяти, когда они были безъ Ѳомы, а потомъ явился въ присутствіи Ѳомы.—Но мы хотимъ знать въ разсужденіи числа, откуда извѣстно, что Онъ являлся одиннадцать разъ, по числу одиннадцати апостоловъ. Во первыхъ явился Онъ Маріи при гробѣ и другимъ женамъ; ибо прежде всѣхъ Его узрѣли жены, коихъ и блаженный Исаія призываетъ: *жены, грядущія съ позорища, пріидите и возвѣстите намъ* (Ис. 27, 11). Итакъ явился женамъ. Кто хочетъ вести счетъ, пусть смотритъ, чтобы мы не ошиблись въ числѣ.—Прежде Маріи и прочимъ женамъ, потомъ Петру, далѣе бывшему съ Клеопою на пути, когда они шли въ Еммаусъ, и Онъ познался имъ въ преломленіи хлѣба. Откуда все это видно, что Онъ явился, прежде сихъ двухъ, Петру? Двое—Клеопа и бывшій съ нимъ—пришли вечеромъ и возвѣстили ученикамъ, что видѣли Господа, и нашли апостоловъ бесѣдующихъ о томъ, что воистину воскресъ Господь и явился Симону (Лук. 24, 34). Въ тоже время, какъ тѣ двое разсказали о своемъ видѣніи, пронеслась молва, что и Петръ видѣлъ Господа.—Это и Павелъ даетъ знать, говоря: *предахъ бо вамъ исперва, еже и пріяхъ, яко Христосъ умре грѣхъ ради нашихъ, по писаніемъ, и яко воста, и явися Кифѣ, таже единодесятимъ* (1 Кор. 15, 3—5). Прежде Петру,

потомъ всѣмъ. — Итакъ во первыхъ явился женамъ, во вторыхъ Петру, въ третьихъ Клеопѣ и бывшему съ нимъ, въ четвертыхъ десяти апостоламъ безъ Ѳомы, въ пятыхъ одинадцати съ Ѳомою, далѣе является еще пятистамъ братіямъ. Ибо Павелъ и на это указываетъ говоря: *потомъ же явися болѣе пятисотъ братіямъ единою, отъ нихже множайшіи пребываютъ досель* (1 Кор. 15, 6). Это въ шестой разъ. Послѣ сего семи ученикамъ на морѣ Тиверіадскомъ. Далѣе явился Іакову, по словамъ Павла. За тѣмъ всѣмъ апостоламъ. — Прошу слушать. Имѣемъ первое явленіе — женамъ, второе Петру, третье Клеопѣ и его сопутнику, четвертое ученикамъ безъ Ѳомы, пятое одиннадцати ученикамъ, шестое пятистамъ, седьмое семи ученикамъ, осьмое Іакову, девятое седьмидесяти, десятое на горѣ Галилейской, одинадцатое на горѣ Елеонской, при вознесеніи Спасителя (*).

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ СВЯТАГО АПОСТОЛА ѲОМЫ (**).

Яко видѣвъ Мя, вѣровалъ еси: блаженни невидѣвшіи и вѣровавше. Іоан. 20, 29.

Да, нельзя сказать, что апостолы были легковѣрны! Когда св. мироносицы въ первый разъ объявили апостоламъ радостную вѣсть о воскресеніи Іисуса Христа: то они почли повѣствуемое мироносицами за мечтаніе: *и явишася*, по выраженію евангелія, *яко ложа глаголы ихъ* (Лук. 23. 11). Самъ Спаситель укорялъ апостоловъ за то, что они не повѣрили съ перваго раза воскресенію Его изъ мертвыхъ; двоимъ изъ нихъ, которымъ явился на пути въ Еммаусъ, сказалъ: *о несмысленная и косная сердцемъ, еже вѣровати о всѣхъ, яже глаголаша пророцы! не сія ли подобаше пострадати Христу и внити въ славу свою* (Лук. 24, 25. 26)? А однажды явившись всѣмъ апостоламъ, Господь, по свидѣтельству евангелиста Марка, *поноси невѣрствію ихъ и жестокосердію: яко видѣвшимъ Его воставша не яша вѣры* (Марк. 16). Но болѣе всѣхъ ихъ не довѣрялъ апостолъ Ѳома. Не смотря на то, что всѣ прочіе апостолы увѣряли его въ воскресеніи Господа, Ѳома отвѣчалъ, что если Онъ не увидитъ на рукахъ Іисуса Христа гвоздинныхъ ранъ и не вложитъ въ тѣ раны перста своего, а руки своей въ бокъ Его: то не повѣритъ. Такая недовѣрчивость учениковъ Господнихъ, особенно апостола Ѳомы, происходила не отъ невѣрія, а отъ сильнаго желанія чувственно удостовѣриться въ истинѣ радостнаго событія. Снисходя къ ихъ желанію, Господь, кромѣ многихъ непрерѣкаемыхъ доказательствъ своего воскресенія, дозволилъ апостолу Ѳомѣ осязать свои раны, и при семъ изрекъ: *блажени невидѣвшіи и вѣровавше!*

Изреченіе это можно и должно относить ко всѣмъ истинамъ христіанскаго вѣрованія: потому что вѣра въ истины божественнаго откровенія несравненно достовѣрнѣе свидѣтельства чувствъ нашихъ; а усвоеніе тѣхъ истинъ вѣрою, смиряя нашъ разумъ предъ ихъ непостижимостію, подчиняетъ нашу волю волѣ божественной, и возбуждаетъ насъ къ дѣйствіямъ сообразнымъ съ закономъ Божіимъ.

(*) Op. Chrysost. Tom. III. pag. 766—768.

(**) Преосвященнѣйшаго Анатолія, архіепископа могилевскаго и мстиславскаго.

Посему, хотя истины отковенія божественнаго имѣютъ сторону удобопонятную для насъ, но не должно усиливаться прежде уразумѣть ихъ, а за тѣмъ уже вѣровать въ нихъ. а должно предварительно безусловно подчинить вѣрѣ въ нихъ разумъ и сердце наше: тогда, въ награду вѣры, послѣдуетъ и душеспасительное ихъ разумѣніе.

Какъ невозможно въ настоящемъ состояніи возлетѣть намъ собственными силами до тверди небесной: такъ невозможно пріобрѣсть истинное богопознаніе безъ вѣры въ божественное откровеніе. *Кто бо вѣсть*, говоритъ Апостолъ, *яже въ человѣцѣхъ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ: такожде и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій* (1 Кор. 2, 11). Изъ этого очевидно, что одинъ Богъ можетъ сообщить истинное познаніе о Себѣ. Но, по сознанію самаго разума, Богъ есть существо самобытное, неизслѣдимое, непостижимое Изъ сего слѣдуетъ, что и предметы открытаго Богомъ познанія Его должны по большей части превосходить понятіе умовъ сотворенныхъ. Да можно ли и требовать, чтобы всѣ истины божественнаго откровенія были понимаемы нами, когда и въ окружающей насъ, подлежащей нашимъ чувствамъ природѣ мы многаго не понимаемъ? Такъ мы не понимаемъ сущности воздуха, теплоты и свѣта; тайна ихъ едва ли не до скончанія міра останется для человѣческаго ума неизслѣдимою: потому что сокрыта въ нѣдрахъ Того, кто создалъ свѣтъ. Мы вообще постигаемъ только явленія и свойства вещей, но сущности ихъ не постигаемъ. Изслѣдывая на пр. растенія, мы узнаемъ только ихъ оболочку, или, точнѣе, произведеніе ихъ жизни,— но самой ихъ жизни не понимаемъ. Во обще, чѣмъ болѣе взоръ нашъ проникаетъ въ таинства природы, тѣмъ болѣе разумъ сознается въ слабости своихъ познаній. И что говорить? Человѣкъ для самаго себя едва ли не навсегда останется тайною! »Ты не знаешь собственнаго своего рожденія, говоритъ святый Григорій Богословъ; тебѣ надобно много приложить труда, прежде чѣмъ откроешь законы (твоего) отверденія (во утробѣ матерней), образованія, явленія на свѣтъ, союзъ души съ тѣломъ, ума съ душею, слова съ умомъ, движеніе, возрастаніе, претвореніе пищи въ плоть, чувство, память, припамятованіе и прочее, изъ чего состоишь.« (Твор. св. Григорія Богосл. ч. 3 стр. 59). Скажи же мнѣ, спрашиваетъ тотъ же св. отецъ, какъ ты описанъ тѣломъ, а умъ твой не отдѣляется, но пребывая въ томъ же мѣстѣ, все обходитъ? Какъ глазъ малъ и достигаетъ до самыхъ дальнихъ разстояній?« (ч. 3. слово 32. стр. 152). Но если столько таинъ въ видимой нами природѣ: то имѣетъ ли разумъ человѣческій право требовать, чтобы истины божественнаго откровенія были имъ понимаемы? Никакого! Если же извѣстно, что Богъ открылъ намъ познаніе о Себѣ: то оно не можетъ не заключать въ себѣ таинъ превосходящихъ силы нашего ума.

При всемъ томъ, открытое намъ Богомъ познаніе Его безконечно благодѣтельно для насъ. Это высочайшая доля премудрости, какою только умъ человѣческій можетъ быть озаренъ, которой разумъ нашъ, при всѣхъ, самыхъ напряженныхъ, усиліяхъ, самъ по себѣ не могъ пріобрѣсть. И если бы Богъ не сообщилъ человѣческому роду истиннаго богопознанія; еслибы проповѣдь Евангелія не озарила свѣтомъ своимъ цѣлыхъ народовъ: то весь родъ человѣческій, блуждая доселѣ во мракѣ самаго грубаго суевѣрія, оставался бы во тьмѣ невѣдѣнія о Богѣ, о своихъ къ Нему и ближнимъ своимъ обязанностяхъ; міръ сей превратился бы въ вертепъ всякаго рода злодѣяній, а люди довели бы себя или до скот-

скаго состоянія, или до взаимнаго и притомъ совершеннаго истребленія. И спасти родъ человѣческій отъ столь страшной участи не было на землѣ никакого средства, потому что разумъ человѣческій, оставленный самому себѣ, едва можетъ возвыситься до какихъ нибудь самыхъ ничтожныхъ догадокъ о началѣ и цѣли бытія нашего въ семъ мірѣ; наши умозаключенія о нашемъ происхожденіи и предназначеніи, сколько ни бываютъ, по видимому, тверды, всегда потрясаются сомнѣніями и противуположными умозаключеніями. Посему то, до пришествія Христова на землю, разумъ человѣческій цѣлыя тысячи лѣтъ, при всѣхъ, самыхъ напряженныхъ, усиліяхъ, хотя самъ себѣ предлагалъ, но не могъ разрѣшить вопросовъ: отъ чего никто изъ людей не рождается безъ порока, но какая то гибельная примѣсь зла обнаруживается въ каждомъ человѣкѣ со времени его рожденія? Какимъ средствомъ можно обезсилить это зло и умилостивить Бога за оскорбленіе, причиняемое Ему нашими беззаконіями? А данное намъ слово Божіе вполнѣ удовлетворило симъ требованіямъ разума, открывъ намъ просто, что первобытное состояніе человѣка было чуждо всякаго поврежденія и порока; что нравственное зло получило начало отъ первыхъ родителей, и что принесенная на крестѣ жертва единороднаго Сына Божія Іисуса Христа совершенно удовлетворила правосудію Божію за грѣхи міра.

Но по непостижимости коренныхъ истинъ божественнаго откровенія для ограниченнаго нашего разума, мы не иначе можемъ усвоить себѣ ихъ, какъ только вѣрою, или добровольнымъ, при содѣйствіи благодати Божіей, подчиненіемъ разума и всѣхъ силъ души нашей евангельскому ученію. А если единственно это ученіе руководствуетъ человѣка прямымъ путемъ къ его вѣчному назначенію: то не для того ли человѣкъ съ самымъ рожденіемъ своимъ получаетъ способность вѣровать, пріобрѣтать посредствомъ вѣры истинныя или ложныя понятія о предметахъ сверхъестественныхъ, и даже не можетъ существовать безъ такой вѣры, до того, что если не вѣритъ истинамъ божественнаго откровенія: то вѣритъ какимъ нибудь предразсудкамъ, даже самымъ нелѣпымъ мнѣніямъ и баснямъ? Посему, усвоять уму и сердцу истины откровеннаго богопознанія вѣрою въ нихъ, съ одной стороны столь свойственно нашей природѣ, что мы не могли бы и вѣровать въ нихъ, еслибы не были одарены душею разумною; съ другой стороны, требуемая отъ насъ Евангеліемъ вѣра—столь удобное средство къ озаренію ума и сердца истиннымъ богопознаніемъ, что имъ легко могутъ просвѣщаться богатые и бѣдные, вельможи и рабы, мудрые и невѣжды. А »не было бы ничего несправедливѣе нашей вѣры, какъ замѣчаетъ св. Григорій Богословъ, если бы она была удѣломъ однихъ мудрыхъ, избыточествующихъ въ словѣ и умственныхъ доводахъ« (Твор. Григ. Богос. ч. 3. стр. 126). Между тѣмъ, хотя усвояемыя вѣрою истины божественнаго откровенія непостижимы для насъ и превосходятъ наше понятіе, при всемъ томъ, какъ сквозь тусклое стекло мы безопасно для чувственнаго зрѣнія можемъ созерцать солнце, такъ посредствомъ вѣры пріобрѣтаемъ самыя истинныя понятія о Богѣ и своихъ къ Нему отношеніяхъ. А примракъ, въ которомъ вѣра представляетъ истины божественнаго откровенія, приспособляетъ взоръ души нашей къ возможному въ настоящей жизни созерцанію божественныхъ таинъ; ибо ихъ непостижимость, смежая душевныя очи, служитъ намъ какъ бы крыльями, коими серафимы закрываютъ лица свои, вознося взоръ свой на неприступную славу величества Божія!

Но не смотря на непостижимость таинъ священнаго Писанія, оно открываетъ взору души нашей совершенства и судьбы Божіи несравненно въ высшемъ величіи и свѣтѣ, нежели познаніе Бога, пріобрѣтаемое созерцаніемъ одной природы; вмѣстѣ съ симъ, слово Божіе, обуздывая дерзновенную пытливость ума нашего, усиливающагося подвергать суду своему предметы, превосходящіе его понятіе, смиряетъ его кичливость и соединяетъ насъ съ Богомъ союзомъ Его завѣта. Ибо кромѣ того вѣра въ божественное откровеніе сообщаетъ волѣ нашей столь сильныя побужденія къ исполненію заповѣдей Божіихъ, какихъ никогда не въ состояніи даровать намъ холодныя наши умствованія и соображенія; она обращаетъ насъ на путь покаянія, одушевляетъ надеждою на милосердіе Божіе, подкрѣпляетъ насъ въ подвигахъ добродѣтели, показываетъ ихъ цѣну и достоинство, вдыхаетъ въ грудь нашу непоколебимое мужество въ борьбѣ со всякими бѣдствіями, одушевляетъ рѣшительностію на самыя тягостныя пожертвованія, окрыляетъ духъ нашъ самоотверженіемъ и научаетъ уклоняться отъ соблазновъ, превозмогать дурныя склонности и преодолѣвать всякія препятствія на пути къ вѣчному нашему предназначенію.

Утвердившись вѣрою въ евангельскомъ богопознаніи, душа вѣрующаго, для преспѣянія въ подвигахъ благочестія, не имѣетъ уже нужды ни въ какомъ внѣшнемъ ободреніи, ни въ какой помощи міра сего: потому что къ совершенію самыхъ тягостныхъ подвиговъ достаточно побуждаютъ обѣтованія Спасителя и укрѣпляетъ благодать Божія, такъ что въ самой крайней нищетѣ, среди самыхъ сокрушительныхъ потрясеній міра сего, вѣра, какъ молнія изъ мрака, является намъ на пути жизни, утѣшаетъ насъ небесною отрадою, облегчаетъ бремя креста нашего и надѣляетъ насъ своимъ блаженствомъ,—тогда какъ, при постигающихъ насъ бѣдствіяхъ, умъ нашъ, предоставленный самому себѣ, какія ни представлялъ бы намъ соображенія, совѣты, убѣжденія, не въ состояніи усладить нашихъ страданій. Такъ, одна вѣра есть не обуреваемая на землѣ пристань въ бѣдствіяхъ, привлекаетъ свыше все, что успокоиваетъ сердце и что дѣйствительно возвышаетъ человѣка. Безъ вѣры въ Евангеліе, какими бы мы ни обладали сокровищами, какимъ бы ни предавались удовольствіямъ, не найдемъ въ семъ мірѣ истиннаго наслажденія жизнію и не пріобрѣтемъ жизни вѣчной.

Итакъ, убѣждаясь изложенными истинами въ неизреченной благотворности евангельскаго вѣроученія, будемъ держаться исповѣданія нашего неуклонно, хранить всеусильно ниспосланную намъ отъ Бога благодать вѣры, и по указанію ея ученія служить благоугодно Богу съ благоговѣніемъ и страхомъ. Аминь.

СИНЕДРІОНЪ И АПОСТОЛЫ ПРИ ВѢСТИ О ВОСКРЕСЕНІИ ХРИСТОВОМЪ.

Вѣсть о воскресеніи Спасителя, принесенная въ Іерусалимъ стражами гроба Христова и св. мироносицами, произвела тамъ два противуположныя явленія. Ближайшіе собесѣдники Христовы и постоянные свидѣтели Его чудесъ —тѣ, которые не разъ слышали отъ Него, что ***Сынъ человѣческій преданъ будетъ архіереемъ и книжникомъ, и осу-***

дятъ Его на смерть, и предадятъ Его языкомъ на поруганіе и біеніе и пропятіе, и въ третій день воскреснетъ (Мат. 20, 18. 19), словомъ—ученики Христовы усумнились въ истинѣ разсказа женъ мyроносицъ и нашли его какъ бы незаслуживающимъ вѣры: *явишася предъ ними яко лжа глаголы ихъ и не вѣроваху имъ* (Лук. 24, 11). Совсѣмъ не такъ поступили члены Синедріона, предавшіе на смерть Іисуса Христа. Вѣсть о воскресеніи Его какъ громомъ поразила ихъ! Какъ ни хотѣлось бы имъ сомнѣваться и не вѣровать; но и то и другое было теперь не умѣстно: неопровержимые доводы воскресенія Распятаго ими стояли теперь предъ ними, какъ живая улика всякому сомнѣнію,—въ лицѣ не опомнившихся еще отъ страха стражей гроба Христова—людей, какъ хорошо было извѣстно Синедріону, вовсе постороннихъ Распятому и еще недавно издѣвавшихся надъ Нимъ въ преторіи Пилатовой, какъ надъ жалкимъ самозванцемъ. Итакъ, что оставалось дѣлать Синедріону, какъ не приклониться только, хотя и противъ воли, предъ очевидностію событія? И мы не преувеличимъ, если скажемъ, что въ эту минуту, среди тайныхъ совѣщаній своихъ, члены его (покрайней мѣрѣ нѣкоторые) также мало сомнѣвались въ истинѣ событія, какъ и ближайшіе свидѣтели его—стражи гроба Христова. Только вѣра тѣхъ и другихъ была не та благодатная вѣра, которая животворитъ душу, просвѣщаетъ умъ и радуетъ сердце, но та вѣра демоновъ, которая *вѣруетъ и трепещетъ* (Іак. 2, 19).

Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы благоразумно и осторожно обслѣдовать столь важное извѣстіе, каково воскресеніе Распятаго, Синедріонъ, отъ смущенія и страха, не зная въ чемъ найти для себя точку опоры, хватается за первую, представившуюся ему клевету, не замѣчая отъ торопливости и страха, какъ грубо и неловко соткана ткань этой клеветы и какъ она не только не закроетъ свѣта истины, но обнаружитъ вмѣстѣ и недальновидность и безстыдство виновниковъ своихъ: *собравшеся со старцы, совѣтъ сотвориша, сребренники довольны даша воиномъ, глаголюще: рцыте, яко ученицы Его нощію, пришедше украдоша Его, намъ спящимъ... Они же пріемше сребренники, сотвориша, якоже научены быша* (Мат. 28, 12. 15). Но

1) слыхано ли когда, чтобы не одинъ, или два, но нѣсколько воиновъ поставленныхъ на посту, ввѣренномъ ихъ военной чести и за цѣлость котораго они отвѣчаютъ собственною жизнію (Дѣян. 12, 19), какъ будто сговорясь нарочно, предались сну всѣ, разомъ вдругъ? Подобнаго поступка конечно нельзя встрѣтить въ военныхъ лѣтописяхъ ни одного народа, тѣмъ менѣе—въ лѣтописяхъ римскаго народа, извѣстнаго строгостію своей военной дисциплины.

2) Предположимъ впрочемъ, что всѣ воины, бывшіе на стражѣ гроба Христова, разомъ предались сну. Но для того, чтобы проникнуть въ гробовую пещеру, вынесть и унесть изъ нея тѣло, надлежало быть въ заговорѣ не одноиу или двумъ, но нѣсколькимъ человѣкамъ, потому что имъ надлежало прежде всего не только отвалить, но и подвинуть, покрайней мѣрѣ на нѣкоторое разстояніе, *камень велій зѣло*; надобно было, кромѣ того, все это сдѣлать во время ночи, и слѣдовательно въ потьмахъ и ощупью—сдѣлать притомъ безъ малѣйшаго шума и, такъ сказать, притаивъ дыханіе, чтобы непробудить стражи.—Можно ли же повѣрить, чтобы вся эта работа, сколько сложная, столькоже и неудобная отъ тѣсноты мѣста, не пробудила ни одного изъ стражей, спавшихъ—если только спавшихъ — безъ сомнѣнія у самаго доступа къ гробовой пещерѣ?—Событіе, до такой сте-

пени лишенное вѣроятія, требуетъ, пословамъ блаж. Августина, ручательства болѣе надежнаго, чѣмъ спавшая стража.

3) Тотъ же блаженный отецъ справедливо замѣчаетъ, что если стража спала, то какъ могла знать, что унесено тѣло и кто унесъ его; еслижъ не спала, то какъ допустила кражу?

4) И кто, въ самомъ дѣлѣ, могъ рѣшиться на подобный поступокъ? Безъ сомнѣнія, одни ученики Распятаго. Но они не могли имѣть рѣшительно никакого побужденія къ сему. Въ самомъ дѣлѣ, ученики или ожидали воскресенія Господа согласно Его предсказанію, или не ожидали. Если — первое, то ихъ, постоянныхъ свидѣтелей Его чудесъ, должна была уже совершенно успокоивать та мысль, что Онъ, отверзавшій столько разъ очи слѣпымъ и слухъ глухимъ, исцѣлявшій однимъ словомъ недужныхъ и разслабленныхъ, воскрешавшій мертвыхъ, силенъ разрѣшить оковы и собственной смерти и осуществить предреченное Имъ воскресеніе свое. Въ семъ случаѣ, они не могли имѣть никакого побужденія рѣшиться на такое предпріятіе, которое столькоже было опасно, сколько и преступно. Еслижъ не ожидали, то не видится никакого побужденія для нихъ, никакой выгоды, никакой надежды, которая могла бы склонить ихъ къ похищенію тѣла своего Учителя съ тою только цѣлію, чтобы сочинить въ слѣдствіе этого басню о Его воскресеніи. Со стороны міра имъ угрожало въ такомъ случаѣ все: ненависть, презрѣніе, всѣ роды наказаній, назначаемыхъ правосудіемъ человѣческимъ для обманщиковъ, для гробовыхъ татей и дерзскихъ нарушителей печати правительства. Со стороны Божескаго правосудія они еще болѣе должны были страшиться кары небесной за обманъ и нечестіе, съ которымъ усиливались бы выдавать за Бога, такого человѣка, который (если не воскресъ) не могъ побѣдить смерти, которой былъ преданъ. Прибавимъ къ сему, что состояніе духа учениковъ, вовсе время голгоѳскихъ событій, дѣлаетъ во все невѣроятною какую бы то ни было съ ихъ стороны попытку къ похищенію тѣла своего учителя, стрегомаго въ гробѣ, какъ имъ было извѣстно, римскою стражей. Какъ люди убитые горемъ и одержимые сильнѣйшимъ страхомъ, они пугаются всего, даже и голоса женщины, боятся показаться среди людей, прячутся по отдаленнымъ концамъ города, сидятъ и трепещутъ въ запертой горницѣ *страха ради іудейска.* Въ этомъ ли состояніи духа составлять смѣлые планы съ опредѣленною цѣлію и отваживаться на дерзскія предпріятія?... Сильная горесть какъ и сильный страхъ убиваютъ, какъ извѣстно, бодрость духа и останавливаютъ дѣятельность его.

5) Скажемъ наконецъ, что и самъ Синедріонъ никогда не думалъ считать и не считалъ апостоловъ похитителями тѣла Христова. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія первоначальной ихъ проповѣди. Когда іудеи заключаютъ въ темницу и велятъ бить Петра, Іоанна и другихъ апостоловъ, когда предаютъ смерти обоихъ Іакововъ и св. Симеона: то обвиняютъ ли ихъ въ томъ, что они похитили тѣло своего Учителя и потомъ разгласили лживую вѣсть о Его воскресеніи? Нѣтъ! Они только обвиняютъ ихъ въ томъ, что они проповѣдуютъ *о человѣкѣ семъ* (Дѣян. 5, 8) вопреки строгому ихъ запрещенію. Между тѣмъ, для приданія хоть тѣни правды клеветѣ, еще не давно распущенной синедріономъ,—какъ важно было бы уличить апостоловъ, по крайней мѣрѣ для виду, въ похищеніи тѣла ихъ Учителя!

Такъ видимо и очевидно сбылись въ семъ случаѣ надъ Синедріономъ слова Пророка:

солга неправда себѣ... ровъ изры и ископа и падетъ въ яму, юже содѣла (Пс. 7, 16. 26, 12).

Но тогда какъ Синедріонъ трепеталъ и клеветалъ, — какъ приняли вѣсть о воскресеніи апостолы? Они... не повѣрили женамъ, благовѣстившимъ имъ это радостное событіе; впрочемъ невѣрствіе ихъ отнюдь не происходило отъ упорства, или отъ какого либо сердечнаго ожесточенія, но отъ того, что они сильно желали увѣриться въ томъ, чего такъ жаждала душа ихъ. Внезапный переходъ отъ глубокой печали къ сильнѣйшей радости не совершается въ человѣкѣ вообще безъ нѣкотораго разъединенія мысли и чувства: тогда какъ сердце истаеваетъ отъ предчувствія радости и всею силою емлется за предметъ ея, холодный разсудокъ неумолимо составляетъ свои соображенія и останавливаетъ порывы сердца. Тоже случилось и съ апостолами. Сердца ихъ *горѣли* (Лук. 24, 32); между тѣмъ разсудокъ требовалъ своихъ правъ, произносилъ свой приговоръ: *аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра Его, не имамъ вѣры* (Іоан. 20, 25). Это была съ ихъ стороны невольная дань слабости природы человѣческой. Богъ же, обращающій и самыя страсти и слабости наши къ премудрымъ цѣлямъ своимъ, благоволилъ обратить и это невѣріе апостоловъ къ большему утвержденію истины воскресенія. Ибо, если бы апостолы, получивъ отъ мироносицъ вѣсть о воскресеніи Христовомъ, тотчасъ повѣрили ей безъ удостовѣренія и испытанія, еслибы не оказали при семъ никакого колебанія и сомнѣнія: то чего въ послѣдствіи не могло бы выдумать невѣріе на счетъ ихъ легковѣрія, какой клеветы не взвело бы оно на ихъ простоту и довѣрчивость! Но продолжительное сомнѣніе апостоловъ и ихъ невѣріе даже собственнымъ чувствамъ, при видѣ воскресшаго Господа, смыкаютъ теперь уста невѣрію и обезоруживаютъ всякое сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, Іисусъ Христосъ является Маріи Магдалинѣ и прочимъ женамъ бывшимъ у гроба, которыя преемственно, однѣ за другими, свидѣтельствуютъ предъ апостолами о истинѣ воскресенія и которыхъ свидѣтельство не могло не быть искренне: но эти глаголы радости принимаются ими хотя и съ участіемъ, но и съ недовѣрчивостію. Петръ течетъ ко гробу, разсматриваетъ погребальныя пелены и — только *дивится бывшему*. Господь является потомъ среди собранія апостоловъ, но и при этомъ сомнѣніе ихъ не исчезаетъ: они *мнятъ духъ видѣти* (Лук. 24, 37). Онъ приглашаетъ ихъ осязать Себя, — недовѣріе все еще продолжается (ст. 41), и только тогда исчезаетъ совершенно и уступаетъ мѣсто невозмутимой радости, когда Господь, для полнаго удостовѣренія ихъ, вкушаетъ предъ ними пищу. Такъ медленно и осторожно убѣждались апостолы въ истинѣ воскресенія! За то прочна и несокрушима, какъ адамантъ, была вѣра ихъ въ послѣдствіи! Она-то вдохновляла ихъ предъ лицемъ царей и владыкъ земныхъ; она то, при видѣ угрозъ и мученій, влагала въ уста ихъ доблестныя рѣчи: *не можемъ, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати* (Дѣян. 4, 20)!

Понятно полѣ сего и то, почему вѣра эта должна была, такъ сказать, воспитаться видѣніями и откровеніями. Ей надлежало быть вѣрою самовидцевъ и непосредственныхъ слугъ воплощеннаго Слова — слугъ, которые пройдутъ по всѣмъ концамъ вселенной и повсюду, куда угодно будетъ Святому Духу повесть ихъ, скажутъ съ увѣренностію къ людямъ: *сего Іисуса воскреси Богъ, емуже мы есмы свидѣтели... преднареченные отъ Бога, иже съ Нимъ ядохомъ и пихомъ по воскресеніи*

Его отъ мертвыхъ (Дѣян. 2, 32. 10, 41). Это свидѣтельство оснуетъ церкви, сокрушитъ идоловъ, разрушитъ капища, обратитъ іудеевъ, уловитъ язычниковъ; на немъ цѣлые племена и народы, — все человѣчество оснуютъ свое благоденствіе. Вотъ почему вѣра апостоловъ должна была опираться на видѣнія! Вотъ почему и самъ Спаситель, дабы устранить изъ умовъ ихъ всякую тѣнь сомнѣнія и болѣе и болѣе убѣдить ихъ въ подлинности своего воскресенія, умножалъ и разнообразилъ свои явленія апостоламъ въ продолженіи цѣлыхъ 40 дней, которые оставался на землѣ по воскресеніи!

ТАИНСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПАСХИ ВЕТХОЗАВѢТНОЙ.

Для чего заповѣданы были и что значили всѣ тѣ подробности, съ которыми израильтяне совершали первую свою пасху предъ исшествіемъ изъ Египта?

»Совершавшееся тамъ служило образомъ нашихъ таинствъ. Такъ и мы окропляемъ кровію Агнца нашего не только порогъ, но и обѣ стороны двери, т. е. очищаемъ и освящаемъ совнѣ языкъ и уста, а извнутри, вмѣсто порога, силу разумную, вмѣсто же сторонъ дверей способности чувствованія и желанія. Подобаетъ и намъ снѣдать не сырое или сваренное въ водѣ, а испеченное огнемъ: то есть не буквы только мы должны держаться, а углубляться въ мысль, равно какъ не должны божественному ученію предпочитать мудрованіе человѣческое. А что не позволялось ничего отъ мяса оставлять до слѣдующаго дня, это мы понимаемъ такъ, что въ будущей жизни ненужны будутъ образы,— тамъ будемъ созерцать самыя вещи. — Кости же агнца сокрушаютъ тѣ изъ насъ, которые худо понимаютъ божественныя изреченія и насильственно толкуютъ ихъ приспособительно къ своему нечестію. — И намъ Господь повелѣлъ имѣть и чресла препоясанными, и ноги обутыми, и свѣтильники горящими, по образу слугъ, ожидающихъ господина своего; и евреи соблюдали такое положеніе, какъ освобожденные изъ Египта и готовые войти въ землю хананейскую, и мы — какъ путники изъ сей жизни въ другую. Посему и насъ убѣждаетъ божественный Павелъ, говоря: *очистите ветхій квасъ, да будете ново смѣшеніе, якоже есте безквасни: ибо пасха наша*, прибавляетъ, *за ны пожренъ бысть Христосъ. Тѣмже да празднуемъ*, заключаетъ онъ, *не въ квасѣ ветсѣ, ни въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіи чистоты и истины* (1 Кор. 5, 7. 8). — Что спасеніе принадлежитъ и язычникамъ, Богъ всѣхъ указалъ и на это: ибо Онъ и пришельцу позволилъ участвовать въ пасхѣ, назвавъ пришельцемъ чужестранца, и далъ ему права туземца: *яко же туземецъ будетъ въ васъ пришлецъ* (Лев. 19, 34). — Что же касается до закона снѣдать онаго агнца въ одномъ домѣ, то его соблюдаютъ вѣрные, которые пріобщаются божественнымъ таинствамъ въ единой Церкви Божіей, чуждаясь обществъ еретическихъ.

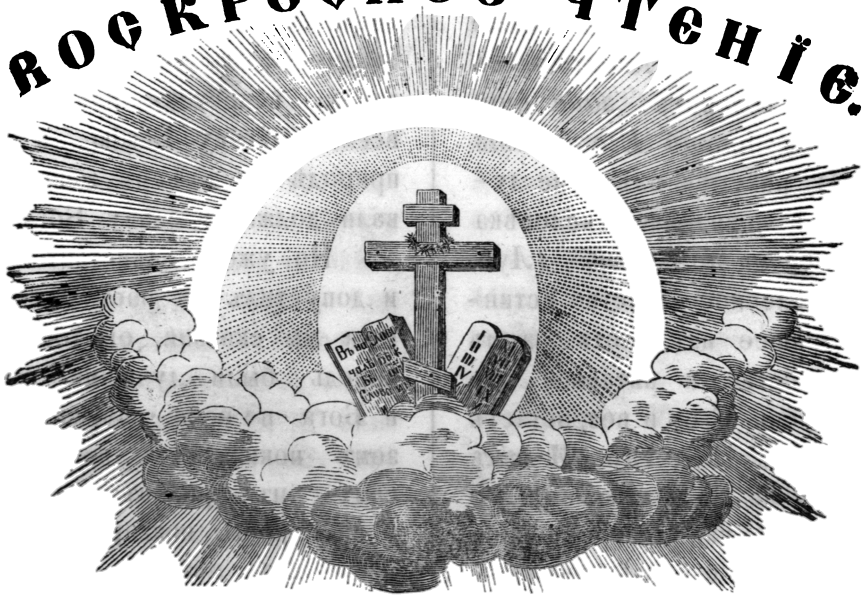
Итакъ все, что ни происходило тогда, происходило не для Бога, а для блага людей« (*).

(*) Блаженнаго Ѳеодорита изъ вопросовъ на кн. Исхода, вопросъ 24, по изд. Сирмонда 1642 г.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 2-го Апрѣля 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ *Іоанникій*.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 3.

НЕДѢЛЯ СВ. ЖЕНЪ МУРОНОСИЦЪ.

21 Апрѣля 1857 г.

Г л а с ъ 2-й.

На утрени евангеліе воскресное 3-е, Марк. зач. 71. На литургіи: апост. Дѣян. зач. 16; евангел. Марк. зач. 69 и 70.

СВЯТАГО ИРИНЕЯ, ЕПИСКОПА ЛІОНСКАГО,

О ТОМЪ, ЧТО ПЛОТЬ И КРОВЬ ІИСУСА ХРИСТА, ВКУШАЕМЫЯ ВѢРУЮЩИМИ ВЪ ТАИНСТВѢ ЕВХАРИСТІИ, СЛУЖАТЪ НЕСОМНѢННЫМЪ ЗАЛОГОМЪ И ОСНОВАНІЕМЪ БУДУЩАГО ВОСКРЕСЕНІЯ ИХЪ ПЛОТИ (*).

Совершенно суетны тѣ, которые извращаютъ все домостроительство Божіе, отвергая спасеніе плоти и отрицая воскресеніе ея, и утверждая, что она непричастна будущему нетлѣнію. Если такъ, то слѣдуетъ, что Господь не искупилъ насъ своею кровію, и *чаша благословенія* не есть *общеніе крови Его, и хлѣбъ, егоже ломимъ*, не есть *общеніе тѣла Его* (1 Кор. 10, 16). Ибо кровь не есть кровь, если она не изъ жилъ и плоти и прочихъ частей того самаго естества человѣческаго, которымъ истинно стало Слово Божіе, чтобы искупить насъ своею кровію. Посему и Апостолъ Его говоритъ: *о Немже имамы избавленіе крóвію Его и оставленіе грѣховъ* (Колос. 1, 14). Поелику же мы, съ одной стороны, члены Его, а съ другой — питаемся сотвореннымъ, которое подаетъ намъ самъ Онъ, повелѣвая восходить солнцу своему и дождю дая, когда хощетъ (Мат. 5, 45): то ту самую чашу, которая берется отъ сотвореннаго, Онъ исповѣдалъ своею кровію и ею питаетъ нашу кровь, и тотъ самый хлѣбъ, который берется отъ сотвореннаго, объявилъ своимъ тѣломъ и имъ питаетъ наши тѣла. Итакъ, если растворенное въ чашѣ и преломляемый хлѣбъ, воспринимая въ себя Слово Божіе, становятся въ евхаристіи плотію и кровію Христовою, отъ которыхъ питается и укрѣпляется

(*) Advers. hæres. lib. V. cap. 2 et 3.

естество нашей плоти: то какъ можно утверждать, чтобы плоть, питающаяся плотію и кровію Христа и содѣлавшаяся удомъ Его, не была причастна дара Божія, то есть жизни вѣчной? Посему и блаженный Апостолъ въ посланіи къ Ефесеямъ говоритъ: *зане уди есмы тѣла Его, отъ плоти Его и отъ костей Его* (5, 30), разумѣя здѣсь не духовнаго какого либо и невидимаго человѣка (*духъ бо плоти и кости не имать* — (Лук. 24, 39), а именно—тѣлесное естество истиннаго человѣка, состоящее изъ плоти, жилъ и костей. Сіе-то естество и питается отъ чаши, которая есть кровь Его, и возрастаетъ отъ хлѣба, который есть тѣло Его. И какъ виноградная лоза, зарытая въ землю, въ свое время приноситъ плодъ: какъ зерно пшеницы, брошенное въ землю и истлѣвшее тамъ, даетъ обильный плодъ, при содѣйствіи Духа Божія, все содержащаго (а тотъ и другой плодъ, по дѣйствію премудрости Божіей, обращается потомъ въ употребленіе человѣка, и, когда приметъ въ себя наитіе Слова Божія, дѣлается евхаристіею, то есть плотію и кровію Христовою): такъ и наши тѣла, питавшіяся оною евхаристіею, не смотря на то, что преданы будутъ землѣ и истлѣютъ въ ней, воскреснутъ въ свое время (*), когда Слово Божіе даруетъ имъ воскресеніе во славу Бога и Отца. Оно именно умершему и даетъ безсмертіе и собственно истлѣвшее и облекаетъ въ нетлѣніе, чтобы сила Божія въ немощи совершилась, чтобы мы не вознеслись когда либо и не возгордились неблагодарною мыслію предъ Богомъ, будто отъ себя имѣемъ жизнь, напротивъ изъ опыта знали, что по всемогуществу Божію, а не по собственной природѣ мы имѣемъ жизнь вѣчную, и воздавали должную славу Богу...

Но ужели, дѣйствительно, Богъ для того и допустилъ въ насъ дѣйствіе тлѣнія, чтобы, какъ мы сказали, опытомъ извѣдавъ все, мы впредь были лучшими во всемъ, познавъ и Бога и себя самихъ? Яснѣйшимъ образомъ показываетъ это Апостолъ тѣмъ, что самъ онъ преданъ былъ собственной немощи, дабы, возгордившись, не отпалъ какъ либо отъ истины. Во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ онъ говоритъ объ этомъ: *и за премногая откровенія, да не превозношуся. дадеся ми пакостникъ плоти ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ, да не превозношуся. О семъ три краты Господа молихъ, да отступитъ отъ мене. И рече ми: довлѣетъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается. Сладцѣ убо похвалюся паче въ немощехъ моихъ, да вселится въ мя сила Христова* (12, 7—9). Чтоже, скажетъ кто нибудь; значитъ самъ Господь хотѣлъ, чтобы Его Апостолу дѣялись такія пакости и чтобы онъ терпѣлъ отъ такой немощи? Да, отвѣчаетъ Слово, потому что въ немощи совершается сила Божія, содѣлывая лучшимъ того, кто чрезъ

(*) Св. Ириней не разъ обращается къ этому доказательству, разсуждая о воскресеніи мертвыхъ Въ кн. 4, гл. 34 своего сочиненія онъ говоритъ еще объ этомъ такъ: »какимъ образомъ та плоть, которая питается тѣломъ Господа и кровію Его, должна остаться въ истлѣніи, по словамъ ихъ (пререкающихъ воскресенію мертвыхъ, а между тѣмъ приступающихъ къ трапезѣ Господней), и непричастна жизни? Пусть они или перемѣнятъ свои мысли, или перестанутъ приносить (безкровную жертву). Напротивъ наши мысли сообразны съ евхаристіею и евхаристія подкрѣпляетъ ихъ. Ибо мы приносимъ Ему то, что Его же, согласно признавая и исповѣдуя при этомъ общеніе и единеніе плоти и духа. Какъ взятый отъ земли хлѣбъ, послѣ призванія на него Бога, дѣлается уже не обыкновеннымъ хлѣбомъ, а евхаристіею... такъ и наши тѣла, причащающіяся евхаристіи, уже непричастны тлѣнію, имѣя въ себѣ залогъ воскресенія въ вѣчность.« Еще кн. 5, гл. 6: »говоритъ, что храмъ Божій, въ которомъ обитаетъ Духъ Отца, и члены Христовы непричастны спасенію, а обречены на погибель, не значитъ ли говорить величайшее богохульство?«

свою немощь познаетъ силу Божію. Ибо какимъ образомъ позналъ бы человѣкъ, что онъ дѣйствительно немощенъ и смертенъ по природѣ, а Богъ безсмертенъ и всемогущъ, если бы того и другаго онъ не испыталъ на самомъ дѣлѣ? Познать свою немощь чрезъ терпѣніе (скорбей) – тутъ нѣтъ ничего худаго, а не заблуждаться касательно своей природы—тутъ даже большое благо. Возноситься противъ Бога и надмеваться своею славою—это, дѣлая человѣка неблагодарнымъ, причиняетъ ему много зла, потому что лишаетъ его истины и подобающей любви къ Богу, создавшему его; опытное же познаніе того и другаго (т. е. силы Божіей и своей немощи) приноситъ ему истинное познаніе о Богѣ и человѣкѣ и умножаетъ въ немъ любовь къ Богу; а гдѣ умноженіе любви, тамъ открывается больше славы Бога, дѣйствующаго въ любящихъ Его.

ПИСЬМО

О ЯВЛЕНІЯХЪ ВОСКРЕСШАГО ГОСПОДА УЧЕНИКАМЪ.

Вопросъ твой, любезный другъ: почему Господь нашъ, по своемъ воскресеніи, явился только нѣкоторымъ, а не всѣмъ во Іудеѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ Іерусалимѣ?—почитаю я благонамѣреннымъ вопросомъ христіанина, который желаетъ и самъ болѣе утвердиться въ вѣрѣ и другихъ вразумить и укрѣпить противъ нападенія совопросниковъ вѣка сего. Итакъ хочу отвѣчать тебѣ и вмѣстѣ съ тобою поразмыслить о причинахъ явленія воскресшаго Господа однимъ и неявленія другимъ.

1) Божественный Спаситель, еще прежде вшествія своего въ славу (чрезъ воскресеніе), зналъ, для кого нужно и полезно, и для кого безполезно и ненужно явленіе Его божественной славы. Потому однимъ обѣщалъ свое явленіе по воскресеніи, другимъ не обѣщалъ, даже прямо отказалъ въ этомъ чрезвычайномъ дарованіи. Предъ страданіемъ, бесѣдуя съ Апостолами, говорилъ Господь: *міръ ктому не видитъ Мене, вы же увидите Мя; яко Азъ живу, и вы живи будете* (Іоан. 14, 19). Ученикамъ нѣсколько разъ повторилъ Онъ утѣшительное обѣтованіе: *вмалѣ*, говоритъ, *и ктому не видите Мене, и паки вмалѣ, и узрите Мя* (—16, 16); потомъ опять: *вы печальни будете, но печаль ваша въ радость будетъ* (—20); и еще: *паки узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возметъ отъ васъ* (—22). Сказано ли самимъ невѣрующимъ іудеямъ, что они недостойны благодатнаго явленія славы Его? И это сказано. Вспомнимъ, чѣмъ окончилъ Господь свою бесѣду въ храмѣ, когда въ послѣдній разъ училъ въ немъ. *Оставляется домъ вашъ пустъ*,—такъ говоритъ или о храмѣ, который съ этого времени оставался какъ бы уже только домомъ іудеевъ, а не домомъ Божіимъ, или о всемъ Іерусалимѣ, отъ котораго отъемлется прежняя благодать Божія. *Глаголю бо вамъ*, продолжаетъ Спаситель, *яко не имате Мене видѣти отселѣ, дондеже речете: благословенъ грядый во имя Господне* (Матѳ. 23, 38. 39). Здѣсь очевидно, что невѣрующимъ іудеямъ отказано въ явленіи Господа, хотя не на всегда и не безусловно. Если невѣрующіе обратятся и исповѣдуютъ грядущаго во имя Господне, то и имъ обѣщано нѣкое славное явленіе, или тотъ день, о которомъ писано: *сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь*, и въ который скажутъ израильтяне: *благословенъ*

грядый во имя Господне, Богъ Господь, и явися намъ (Пс. 117, 24—27). Когда это исполнилось? Исполнилось, думаю, тогда, когда въ послѣдствіи, проповѣдію Апостоловъ, дѣйствительно обращено ко Христу множество іудеевъ, бывшихъ въ разсѣяніи по всей землѣ. Но какъ же, спросишь, Господь и невѣрующимъ іудеямъ обѣщалъ показать *знаменіе Іоны пророка*, т. е. свое тридневное воскресеніе (Мат. 12, 39)? И показалъ имъ это знаменіе не только тѣмъ самымъ, что еще прежде воскресенія своего объявилъ о немъ, такъ что сами начальники іудейскіе знали это предсказаніе (Матѳ. 27, 63), но и посредствомъ ясной проповѣди апостольской. Почему, спросишь, не явилъ сего самъ непосредственно?

2) Спрошу и я: была ли бы какая польза отъ непосредственнаго явленія Спасителя невѣрующимъ и ожесточеннымъ? — Кому бы Онъ явилъ Себя? Начальникамъ іудейскимъ? Но они давно ожесточились до того, что видя не видѣли, то есть не хотѣли видѣть, самыя очевидныя чудеса Господа приписывали дѣйствію Веельзевула, и когда Жизнодавецъ воскресилъ четверодневаго Лазаря, не могли болѣе терпѣть жизни Воскресителя, тотчасъ собрали Синедріонъ и положили предать Его смерти. — Народу іерусалимскому? Но какъ и онъ былъ слѣпъ и заимствовалъ ожесточеніе отъ начальниковъ,—видно было на дворѣ Пилата, гдѣ всѣ кричали противъ величайшаго Праведника и Благодѣтеля своего: *распни, распни Его!* Да и какъ явился бы Воскресшій врагамъ своимъ? — Во славѣ ли воскресенія? Этого свѣта не могли вынести больныя очи народа и были недостойны его. Въ прежнемъ, смиренномъ видѣ? Тогда ожесточенные могли бы снова устремиться на богоубійство, и еще болѣе отягчили бы свое преступленіе. Могъ ли же этого желать Искупитель грѣшниковъ, молившійся за самихъ распинателей своихъ?

3) Но не всѣ были до конца ожесточены; извѣстно, какъ многіе раскаявались на Голгоѳѣ: *и вси*, говоритъ евангелистъ Лука, *пришедшіи народи на позорѣ сей, видяще бывающая, біюще перси своя возвращахуся* (Лук. 23, 48). Почему же, скажешь, не явился Воскресшій тѣмъ, которые были способны вѣровать въ Него?—Что Онъ не презрѣлъ никого, это вѣрно. Кромѣ Апостоловъ и св. женъ мироносицъ, не явился ли Господь *болѣе пяти сотъ братіямъ единою*, какъ свидѣтельствуетъ апостолъ Павелъ (1 Кор. 15, 6)? Въ Іерусалимѣ свидѣтельствовали Его воскресеніе, еще прежде Апостоловъ, тѣ святые, о которыхъ пишетъ евангелистъ Матѳей: *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа, и изшедше изъ гробъ, по воскресеніи Его, внидоша во святый градъ, и явишася многимъ* (Матѳ. 27, 52. 53). Это свидѣтельство многихъ, явившихся изъ другаго міра, не было ли также чрезвычайное явленіе, какъ и явленіе самаго Воскресителя ихъ Апостоламъ? Могъ Господь нѣкоторымъ явиться и самъ, и явился тѣмъ, которые были достойны того. Явился наприм., кромѣ одиннадцати Апостоловъ, Іакову сроднику своему (котораго отличать должно отъ двухъ Іакововъ — Апостоловъ), двоимъ ученикамъ еммаусскимъ, и пресвятой Матери своей, какъ вѣруетъ вся Церковь. Почему не допустить, что являлся и другимъ достойнымъ? Хотя и не сказано въ Евангеліи, кому именно еще явился, но св. Іоаннъ Богословъ свидѣтельствуетъ, что не все написано, что *многа и ина знаменія сотвори Іисусъ предъ ученики своими, яже не суть писана въ книгахъ сихъ* (Іоан. 20, 30). Почему не всѣмъ? Вѣрно потому, что явленіе всѣмъ было бы неполезно. Неполезно, говорю, даже тѣмъ, въ которыхъ оно могло бы

произвести вѣру. Ибо такое чрезвычайное средство отняло бы цѣну у вѣры, или то блаженство, которое обѣщалъ Господь *не видѣвшимъ, и вѣровавшимъ* (Іоан. 20, 29). Для способныхъ къ вѣрѣ очень довольно было свидѣтельства апостольскаго, облеченнаго силою тогоже божественнаго Спасителя.

4) Положимъ однако, что для всѣхъ іудеевъ, коимъ столько времени проповѣдалъ самъ Іисусъ Христосъ и имѣли проповѣдывать Апостолы, полезно было бы личное явленіе Мессіи воскресшаго: не потребуемъ ли мы и для другихъ народовъ подобнаго явленія, народовъ, никогда не видавшихъ во плоти Спасителя? Если въ Іерусалимѣ долженъ былъ Онъ явиться всѣмъ, то почему и не въ Антіохіи, Александріи, Римѣ, Аѳинахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ обращены послѣ многіе силою проповѣди апостольской? Можемъ, пожалуй, и мы всѣ требовать того и говорить: почему Господь не является нынѣ, когда столько размножилось невѣрующихъ въ самомъ христіанскомъ мірѣ? — Будемъ желать лучше того блаженнаго явленія, которое всеблагій Искупитель нашъ обѣщалъ всякому любящему Его: *любяй Мя* сказалъ Онъ, *возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ, и Азъ возлюблю его, и явлюся ему самъ* (Іоан. 14, 21). Какъ явится? Такъ, какъ объяснено въ Апокалипсисѣ: *се стою при дверехъ* (т. е. при дверяхъ сердца нашего), *и толку*: *аще кто услышитъ гласъ мой, и отверзетъ двери* (вѣрою и любовію), *вниду къ нему и вечеряю съ нимъ и той со Мною* (что и испытываютъ вѣрующіе, въ особенности, когда достойно причащаются св. Таинъ) (Апок. 3, 20). Не это ли блаженное явленіе Спасителя въ сердцѣ вѣрующемъ есть цѣль и плодъ всѣхъ другихъ явленій божественныхъ? Безъ этого явленія всѣ другія были бы тщетны.

5) Почему же, спросятъ, Апостоламъ и многимъ другимъ ученикамъ Христовымъ оказана была преимущественная милость? Для Апостоловъ, можно сказать, это не было чрезвычайнымъ даромъ; потому что явленіе Господне по воскресеніи было имъ обѣщано. Притомъ для нихъ, какъ всемірныхъ проповѣдниковъ, это было даже необходимо. Кто-бы другой утвердилъ ихъ въ вѣрѣ, когда они такъ сильно поражены были видомъ креста и смерти своего Учителя? Какъ могла и очиститься вѣра ихъ, возвыситься до вѣры духовной, когда они все еще ожидали чувственнаго царства Божія (Дѣян. 1, 6)? Самъ Духъ Утѣшитель, наставляющій на всяку истину, не иначе могъ исполнить ихъ своими дарами, какъ по утвержденіи вѣры ихъ самимъ Сыномъ Божіимъ и въ слѣдствіе ходатайства Его предъ Отцемъ небеснымъ, по восхожденіи на небо съ плотію. Тогда только они совершенно уготовались, какъ благопріятные сосуды, для всемірной благодати, *и возвратишася въ Іерусалимъ съ радостію великою, и бяху выну въ церкви хвалящe и благословящe Бога* (Лук. 24, 52. 53). Эта цѣль явленій Господа Апостоламъ ясно указана и въ Евангеліи и въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ. Нужно было проповѣдникамъ слова Божія самимъ совершенно разумѣть его: для того Наставникъ небесный, по воскресеніи своемъ, *отверзе имъ умъ разумѣти Писаніе, и рече имъ: яко тако писано есть, и тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день,... вы же есте свидѣтеліе сихъ* (Лук. 24, 45—48). Нужно было устроителямъ Церкви Христовой совершеннѣе познать образъ и главныя черты сего великаго зданія Божія: для того *денми четыредесятьми являлся имъ, глаголя о царствіи Божіи* (Дѣян. 1, 3). Потому, когда избранъ былъ для тогоже устройства Церкви апостолъ Павелъ,

то и ему нужно было явленіе самаго Іисуса Христа, какъ сказано чрезъ Ананію: *Богъ отецъ нашихъ предизбра тя разумѣти хотѣніе Его и видѣти Праведника, и слышати гласъ изъ устъ Его, яко да будеши Ему свидѣтель у всѣхъ человѣкъ о сихъ, яже видѣлъ еси и слышалъ* (Дѣян. 22, 14. 15). Можно полагать, что и всѣ другіе, удостоившіеся видѣть Господа по воскресеніи, имѣли нужду въ томъ не для одного утвержденія своей вѣры, но и для свидѣтельства другимъ, и что изъ нихъ преимущественно избрали Апостолы первыхъ пастырей и проповѣдниковъ вѣры.

6) Послѣ сего не трудно уразумѣть, какъ такое устроеніе промысла Божія въ очевидцахъ воскресенія Христова положило твердое и самое несомнѣнное основаніе нашей вѣры. Таковы именно нужны были свидѣтели столь важной, основной истины христіанства. Не одинъ, не два, а одиннадцать первѣйшихъ Апостоловъ избраны быть проповѣдниками Воскресшаго, и при томъ свидѣтели не одного, а многихъ и различныхъ явленій Господа, которые не только видѣли Его и слышали, но и осязали Его раны, и вкушали съ Нимъ пищу. А чтобы и Апостоловъ, какъ ближайшихъ учениковъ Христовыхъ, не смѣлъ кто либо подозрѣвать въ пристрастіи, Господь явился и другимъ вѣрующимъ, явился однажды *болѣе пятисотъ братіямъ*, которые также, безъ сомнѣнія, свидѣтельствовали о воскресеніи и на которыхъ указывалъ въ свое время апостолъ Павелъ (1 Кор. 15, 6). Всѣ сіи свидѣтели, какъ избранные самимъ Господомъ, были согласны между собою, и св. Павелъ могъ сказать: *вси тако проповѣдуемъ, и тако вѣровасте* (—11).—Что, если бы Іисусъ Христосъ явился и недостойнымъ? Чѣмъ болѣе было бы ихъ, тѣмъ хуже для насъ. Сколько имѣли бы мы тогда разнорѣчивыхъ показаній, и какъ было бы трудно отличать истину отъ лжи!—Возблагодаримъ же Господа, столь премудро избравшаго для насъ однихъ вѣрныхъ и совершенно утвержденныхъ въ вѣрѣ свидѣтелей, и даровавшаго имъ, да *во всю землю изыдетъ вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Рим. 10 18). Такіе глаголы, какъ истинное слово Божіе, живутъ и будутъ жить во вѣки, являютъ и будутъ являть одну чистую истину, безъ всякой примѣси мудрованій человѣческихъ; какъ духъ жизни носятся они надъ бездною падшаго человѣчества, воззываютъ отъ смерти души грѣшныхъ и невѣрныхъ, и полагаютъ въ нихъ начала воскресенія духовнаго и тѣлеснаго. *Глаголъ Господень пребываетъ во вѣки*, говоритъ апостолъ Петръ; *сей же есть глаголъ благовѣствованный въ васъ* (1 Петр. 1, 25). *Сіе есть свидѣтельство Божіе, еже свидѣтельствова о Сынѣ своемъ* (1 Іоан. 5, 9). Это свидѣтельство не уменьшается, не слабѣетъ, а умножается и растетъ во всей Церкви вселенской, потому что самихъ вѣрующихъ дѣлаетъ свидѣтелями Христова воскресенія, и нѣкогда заставитъ *всяко колѣно поклонитися о имени Іисусовѣ, небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣдать, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца* (Фил. 2, 10. 11).

Великою силою воздаяху свидѣтельство Апостоли воскресенію Господа Іисуса Христа (Дѣян. 4, 33).

»Не словомъ только, замѣчаетъ св. Златоустъ, но и силою Апостолы засвидѣтельствовали о воскресеніи, какъ и Павелъ го-

воритъ: *и проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи Духа и силы* (1 Кор. 2, 4). И не просто: силою, но—*веліею силою* (*). И дѣйствительно, объ этой веліей силѣ свидѣтельствуетъ вся книга Дѣяній Апостольскихъ, свидѣтельствуютъ и всѣ посланія ихъ.

Тотчасъ по сошествіи Святаго Духа, когда всѣ *ужасались и недоумѣвали, другъ ко другу глаголюще, что убо хощетъ сіе быти?*—Петръ со единонадесятми небоязненно предъ лицемъ всѣхъ засвидѣтельствовалъ, что *Іисуса Назорея*, котораго они *предали пріемше, руками беззаконныхъ пригвоздше убили, Богъ воскреси, разрѣшивъ болѣзни смертныя, яко не бяше можно держиму быти Ему отъ нея*. Сила свидѣтельства такъ была велика, что *приложишася въ день той* къ числу вѣрующихъ *душъ яко три тысящи* (Дѣян. гл. 2). Въ другой разъ, вслѣдъ за исцѣленіемъ хромаго отъ рожденія, Апостолы не обинуясь говорили народу: *вы святаго и праведнаго отвергостеся, и испросисте мужа убійцу дати вамъ, Начальника же жизни убисте; егоже Богъ воскреси отъ мертвыхъ, емуже мы свидѣтели есмы*,—и опять свидѣтельство сіе было такъ сильно, что *мнози отъ слышавшихъ слово вѣроваша, и бысть число мужей яко тысящъ пять*. Наутріе подобное дерзновенное свидѣтельство предъ лицемъ цѣлаго Синедріона приводитъ въ удивленіе всѣхъ членовъ его, такъ что они не знаютъ, что дѣлать съ ними, и только *призвавше ихъ, заповѣдаша отнюдь не провѣщавати, ниже учити о имени Іисусовѣ* (Дѣян. гл. 3. 4).

Настало время свидѣтельствовать о воскресеніи Господа Іисуса не словомъ только, но и дѣломъ: воздаютъ и сіе свидѣтельство апостолы, и воздаютъ также силою веліею. Архіерей и вси, иже съ нимъ, возлагаютъ руки на нихъ и посылаютъ ихъ, какъ преступниковъ, въ соблюденіе общее; но изведенные чудеснымъ образомъ изъ темницы, они снова свидѣтельствуютъ предъ народомъ о воскресеніи Господа Іисуса, и представленные на сонмище, опять небоязненно говорятъ: *Богъ отецъ нашихъ воздвиже Іисуса, егоже вы убисте повѣсивше на древѣ*. Ихъ бьютъ, запрещая говорить о имени Іисусовѣ, а они *идутъ радующеся отъ лица собора, яко за имя Господа Іисуса сподобишася безчестіе пріяти,—и по вся дни въ церкви и въ домѣхъ не престаютъ учаще и благовѣствующе Іисуса Христа* (гл. 5).

Когда наступило время засвидѣтельствовать о воскресеніи Господа Іисуса не предъ сынми только израилевыми, но и предъ языки и царми,—безъ трепета воздаютъ и сіе свидѣтельство, съ мужествомъ и твердостію переносятъ за сіе *бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи* (2 Кор. 11, 26), *и алчутъ, и жаждутъ, и наготуютъ, и страждутъ, и скитаются, и труждаются дѣлающе своими руками; становятся какъ бы отребіемъ міру*, у всѣхъ въ поношеніи и безчестіи (1 Кор. 4, 10—12): *вмѣняютъ вся тщету и уметы быти за превосходящее разумѣніе Христа Іисуса Господа, яко разумѣти Его и силу воскресенія Его* (Фил. 3, 8. 10). И это продолжалось во всю земную жизнь ихъ, дотолѣ, пока почти всѣ они не запечатлѣли сего свидѣтельства мученическою смертію.

Простирается ли и на насъ обязанность воздавать веліею силою свидѣтельство воскресенію Господа Іисуса, или это было дол-

(*) На Дѣян. Ап. бесѣд. 11.

гомъ только Апостоловъ и первыхъ благовѣстниковъ?

Евангелистъ Лука, повѣствуя о свидѣтельствѣ Апостоловъ, даетъ разумѣть, что и всѣ вѣрующіе служили видимымъ удостовѣреніемъ въ истинѣ воскресенія Христа Спасителя. Безукоризненная, чистая и богобоязненная жизнь ихъ невольно располагала къ нимъ сердца всѣхъ и служила самымъ лучшимъ удостовѣреніемъ въ истинѣ воскресенія Іисуса Христа (Дѣян. 2, 44—47. 4, 32—33): потому что не смѣжавшіе намѣренно очей своихъ не могли не видѣть, что въ нихъ живетъ и дѣйствуетъ духъ воскресшаго Господа Іисуса.—Такое свидѣтельство о воскресеніи Христа Спасителя составляетъ обязанность всѣхъ христіанъ, когда бы и гдѣ бы они ни жили; его вмѣняютъ въ обязанность всѣмъ и святые Апостолы.

Мы не только вѣруемъ во Христа Іисуса, распятаго за насъ и воскресшаго ради насъ, но и таинственно сраспинаемся и спогребаемся Ему и совоскресаемъ съ Нимъ. *Или не разумѣете*, пишетъ св. Апостолъ, *яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо Ему крещеніемъ въ смерть: да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ... Еже бо умре, грѣху умре единою, а еже живетъ, Богови живетъ. Такожде и вы помышляйте себе мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (Рим. 6 гл.). Вотъ самое лучшее и непререкаемое свидѣтельство воскресенія Іисуса Христа. Всѣ другія свидѣтельства, безъ него, не могутъ вполнѣ увѣрить невѣрующаго: потому что въ такомъ случаѣ собственная жизнь наша будетъ стоять въ противорѣчіи съ нашими увѣреніями и опровергать ихъ собою.

Въ чемъ именно должна состоять сія перемѣна жизни,—св. Апостолъ указываетъ въ другомъ мѣстѣ: *аще воскреснусте со Христомъ, вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя: горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо, и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ: егда же Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ* (Кол. 3, 1—4). При такомъ настроеніи жизни достаточно будетъ только взглянуть на насъ, чтобы убѣдиться (кто хочетъ убѣждаться), что мы дѣйствительно ученики и послѣдователи воскресшаго Господа Іисуса и что Онъ дѣйствительно воскресъ: ибо каждый увидитъ, что *духъ воскресившаго Іисуса отъ мертвыхъ живетъ въ насъ* (Рим. 8, 11).

Только при такомъ свидѣтельствѣ съ нашей стороны о воскресеніи Іисуса Христа мы можемъ надѣяться быть снаслѣдниками Христу и участвовать въ славѣ, хотящей явитися въ насъ (Рим. 8, 17. 18). А одна вѣра (хотя бы и твердая) въ воскресеніе Христово не спасетъ насъ. Стражи, приставленные ко гробу Спасителя, конечно, твердо убѣждены были въ Его воскресеніи; члены Синедріона, выпросившіе у Пилата стражу, точно также не сомнѣвались въ Его воскресеніи (иначе для чего бы имъ давать стражѣ сребреники довольны?). А къ чему привела эта твердая увѣренность тѣхъ и другихъ?...

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 16-го Апрѣля 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ *Іоанникій*.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 4

НЕДѢЛЯ О РАЗСЛАБЛЕННОМЪ.

28 Апрѣля 1857 г.

Гласъ 3-й.

На утрени евангеліе воскресное 4-е, Лук. зач. 112. На литургіи: апост. Дѣян. зач. 23; евангел. Іоан. зач. 14.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА

НРАВОУЧЕНІЕ ИЗЪ XVIII БЕСѢДЫ НА 2-е ПОСЛАНІЕ КЪ КОРИНѲЯНАМЪ.

Посмотри, какую силу имѣлъ соборъ: молитва Церкви освободила Петра отъ узъ, отверзла уста Павлу. Приговоръ собора важенъ; онъ возводитъ на духовныя степени приступающихъ къ онымъ. Посему то готовящійся рукополагать другихъ испрашиваетъ при семъ молитвъ собора, — и онъ подаетъ свой голосъ и возглашаетъ извѣстное освященнымъ, потому что не все можно открывать неосвященнымъ. Но есть случаи, въ которыхъ священникъ не отличается отъ подначальнаго, напримѣръ — въ причащеніи страшныхъ Таинъ. Ибо всѣ равно удостоиваемся ихъ, — не такъ, какъ въ ветхомъ завѣтѣ; тамъ иное вкушалъ священникъ, иное народъ; тамъ не позволено было народу пріобщаться того, чего пріобщался священникъ. Нынѣ не такъ, но всѣмъ предлагается единое тѣло и единая чаша. И въ молитвахъ, какъ всякій можетъ видѣть, много содѣйствуетъ народъ. Когда наступаетъ время преподанія и взаимнаго принятія мира,—всѣ равно другъ друга лобзаемъ. При самомъ также совершеніи страшныхъ Таинъ священникъ молится за народъ, а народъ за священника. Ибо сіе, а не иное что, значатъ слова: »со духомъ твоимъ.« И молитвы благодаренія также суть общія. Ибо не одинъ священникъ приноситъ благодареніе, но и весь народъ. Получивъ сперва отвѣтъ отъ народа и потомъ согласіе, что достойно и праведно совершаемое, начинаетъ священникъ благодареніе. — И что удивительнаго, если вмѣстѣ съ священникомъ взываетъ и народъ, когда онъ возноситъ оныя священныя пѣсни совокупно съ самими херувимами и горними силами? Все же сіе сказано мною

для того, дабы каждый изъ подначальныхъ былъ внимателенъ. дабы мы знали, что всѣ мы едино тѣло есмы, и столько же различаемся одинъ отъ другаго, сколько членъ отъ члена; и дабы мы не все возлагали на однихъ священниковъ, но и сами пеклись о всей Церкви, какъ о тѣлѣ всѣмъ намъ общемъ. Ибо сіе и вамъ послужитъ къ большему утвержденію въ добродѣтели. Послушай, какъ иногда и Апостолы къ участію въ своихъ распоряженіяхъ допускали подчиненныхъ. Ибо когда они намѣревались поставить седмь діаконовъ, сообщили о семъ прежде народу. Когда Петръ избиралъ Матѳія, предложилъ о томъ всѣмъ тогда съ нимъ бывшимъ — и мужамъ и женамъ. Здѣсь (въ Церкви) нѣтъ мѣста ни высокомѣрію въ начальствующихъ, ни раболѣпству въ подчиненныхъ; но есть власть духовная, которая почитаетъ для себя преимуществомъ — нести большіе труды изъ заботливости о васъ и не искать большихъ почестей. Въ Церкви должно жить, какъ въ одномъ домѣ; какъ составляющіе одно тѣло,— всѣ должны быть расположены другъ къ другу, Ибо крещеніе одно, и трапеза одна, и источникъ одинъ, одно твореніе и Отецъ одинъ! Итакъ для чего же раздѣляемся, когда столько связей. соединяющихъ насъ? Для чего разрываемъ сей союзъ? Опять принуждены мы оплакивать то, о чемъ многократно я плакалъ. Слезъ достойно настоящее наше состояніе. Такъ далеко отторглись другъ отъ друга мы, которымъ бы надлежало изображать въ себѣ союзъ одного тѣла. Тогда бы и меньшій могъ приносить пользу большему. Ибо если Моисей отъ тестя своего узналъ нѣчто полезное, чего самъ не зналъ: то тѣмъ паче надлежало бы сему быть въ Церкви. И что за причина, по которой духовный человѣкъ не зналъ того, что зналъ невѣрный? Та, чтобы всѣ тогда бывшіе вразумились, что Моисей человѣкъ и имѣетъ нужду въ Божіемъ содѣйствіи, хотя и море раздѣлилъ, хотя и камень разсѣкъ, и что дѣйствія сіи совершены не человѣческимъ естествомъ, но Божіею силою. И нынѣ, если одинъ не говоритъ полезнаго, пусть другой возстаетъ и говоритъ. Хотябы онъ былъ и меньшій, но если предлагаетъ что нибудь полезное,—предпочти его мнѣніе; хотя бы онъ былъ даже послѣдній, не оставь безъ вниманія. Ибо никто изъ нихъ не отстоитъ такъ отъ ближняго, какъ отъ Моисея отстоялъ тесть его, и между тѣмъ Моисей не только удостоилъ выслушать, но принялъ совѣтъ его, послѣдовалъ оному, вписалъ его въ книги, не устыдился даже передать его исторіи, для низложенія гордости многихъ. И такимъ образомъ, какъ бы на столпѣ изобразивши этотъ совѣтъ, оставилъ его потомству: ибо зналъ, что исторія эта для многихъ будетъ полезна. Итакъ не будемъ презирать тѣхъ, кои даютъ намъ полезные совѣты, хотябы они были изъ подчиненныхъ, хотя бы они были люди незначительные. Не будемъ почитать достойнымъ предпочтенія того, что предлагаемъ сами. Но что окажется полезнымъ, то пусть и одобряется всѣми. Многіе при слабомъ зрѣніи, разпознаютъ иное лучше имѣющихъ острое зрѣніе, потому что тщательно и внимательно разсматриваютъ. Не говори: для чего призываешь меня на совѣтъ, когда не слушаешь, что говорю? Такія обвиненія приличны не совѣтнику, а властолюбивому человѣку. Совѣтникъ властенъ только предлагать свое мнѣніе. Если же будетъ данъ другой совѣтъ, болѣе полезный, а онъ станетъ требовать, чтобы сдѣлали такъ, какъ ему хотѣлось; то онъ уже не совѣтникъ, а властолюбецъ, какъ я сказалъ. Не будемъ же такъ дѣлать, но, очистивши душу отъ всякой гордости и тщеславія, будемъ искать не того, чтобы только наши мнѣнія

были уважаемы, но чтобы всегда предпочитаемъ былъ полезный совѣтъ, хотя и не нами онъ данъ. Не мало получимъ пользы, хотя не сами придумаемъ полезное, но примемъ оное отъ другихъ, даже получимъ великую награду отъ Бога и удостоимся тѣмъ большей славы. Ибо какъ сказавшій полезное называется мудрымъ; такъ и мы, принявшіе слова его, заслужимъ похвалу за благоразуміе и благомысліе. Такъ созидаютъ домы и города; такъ созидаясь и Церковь будетъ болѣе и болѣе возрастать; такъ и мы, устроивъ какъ должно, настоящую жизнь, получимъ будущія блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Емуже со Отцемъ и Святымъ Духомъ честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА (*).

Годъ прибавился къ драгоцѣнной жизни Августѣйшаго Монарха нашего, и — какой годъ! Съ одной стороны — это годъ, стоившій Ему тяжкихъ заботъ и великихъ трудовъ царственныхъ въ трудныхъ обстоятельствахъ отечества, когда предлежало совнѣ погасить остатки только что прекратившейся вражды съ ополчившимися на насъ народами и утвердить только что заключенный миръ, а внутри уврачевать язвы отечества, нанесенныя ему упорною и кровопролитною войною, указать ему новый путь преспѣянія и возбудить силы его къ новой дѣятельности. Съ другой стороны — это годъ, ознаменованный для Монарха нашего высокою милостію Всевышняго — священнѣйшимъ вѣнчаніемъ и помазаніемъ на царство, чѣмъ Онъ поистинѣ поставленъ высоко паче всѣхъ царей земныхъ. Въ томъ и другомъ имѣемъ мы, братіе, вѣрный залогъ самыхъ благихъ надеждъ въ нашемъ будущемъ: ибо, чѣмъ труднѣе были обстоятельства минувшаго года, и чѣмъ успѣшнѣе преодолѣны трудности, тѣмъ болѣе мудрой опытности царственной прибавилось Благочестивѣйшему Государю нашему, — а это столь важно въ великомъ служеніи царскомъ, что Соломонъ изъ всѣхъ благъ, какія только могутъ окружать царскій престолъ, не захотѣлъ просить у Бога ни одного, а просилъ единой мудрости, — въ таинственномъ же помазаніи отъ Святаго Августѣйшій Монархъ нашъ воспріялъ всесильную благодать свыше, которая сильна и научать и умудрять и укрѣплять и пособлять Ему во всѣхъ царственныхъ Его предпріятіяхъ, трудахъ и заботахъ о благѣ отечества и вѣнчать ихъ вожделѣннымъ успѣхомъ.

Возблагодаримъ убо, братіе, Господа, прилагающаго Благочестивѣйшему Государю нашему дни на дни и съ числомъ дней умножающаго въ Немъ не только зрѣлость и совершеніе силъ тѣлесныхъ, но вмѣстѣ зрѣлость и совершеніе духовныхъ силъ, и будемъ отъ всей души молиться, да приложатся Ему и еще дни на дни, и да преизбыточествуетъ Онъ паче и паче въ мудрости и опытности царственной, въ силѣ воли и характера правительственнаго, въ любви и попечительности о благѣ народа своего, наипаче же въ благочестіи и преданности св. вѣрѣ и Церкви православной, которая есть въ Царствѣ Русскомъ тоже, что душа въ тѣлѣ. Будемъ молиться, да подъ державою Его и мы всѣ, сыны православной Россіи, болѣе и болѣе преуспѣва-

(*) Произнесено въ Кіево-печерской Лаврѣ 17-го Апрѣля 1857 года.

емъ и достигаемъ совершенства во всемъ благомъ. Ибо о семъ молиться и сего желать, т. е. преспѣянія и совершенства другъ другу и самимъ себѣ—есть непремѣнный долгъ любви христіанской.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, стремленіе къ совершенству такъ сродно душѣ нашей, что составляетъ законъ, лежащій въ основѣ всѣхъ силъ ея и вложенный въ нее Творцемъ при самомъ твореніи. Умъ нашъ стремится къ вѣдѣнію истины, и нѣтъ предѣла, гдѣ бы онъ могъ остановиться и успокоиться, какъ бы ни разширялась область его вѣдѣнія. *Не насытится око зрѣти, и не наполнится ухо слышанія*, говоритъ Премудрый, окомъ и ухомъ означая всю дѣятельность разумной силы нашего духа. Воля наша стремится къ дѣятельности, и также нѣтъ предѣла этому стремленію. Оскудѣваютъ силы тѣлесныя для удовлетворенія оному, но душа остается не удовлетворенною, какія бы дѣла и подвиги ни совершилъ человѣкъ. Сердце стремится къ радости и блаженству, и опять можетъ только отчасти и на короткое время удовлетворять сему стремленію, но ничто не можетъ насытить его совершенно, такъ чтобы оно ничего болѣе не желало, ничего лучшаго и совершеннѣйшаго не искало. Посему то и мірское любомудріе громко проповѣдуетъ о непрерывномъ совершеніи и преспѣяніи человѣчества и завѣщаваетъ постоянное движеніе впередъ.

И слово Божіе не осуждаетъ сего естественнаго стремленія человѣчества къ совершенству, напротивъ и оно возвѣщаетъ, что человѣкъ точно предназначенъ къ высокому совершенству, и побуждаетъ его стремиться къ нему всѣми силами. Святый апостолъ Петръ желаетъ своимъ ученикамъ, да *Богъ всякія благодати совершитъ ихъ, и утвердитъ и укрѣпитъ* (1 Пер. 5, 10); апостолъ Павелъ также молится о совершеніи своихъ учениковъ: *о семъ же и молимся*, говоритъ, *о вашемъ совершеніи* (2 Кор. 13, 9), и желаетъ, чтобы они *избыточествовали паче и паче* во всемъ благомъ (Фил. 1, 9) и были *всесовершенны во всемъ, и всесовершенъ ихъ духъ, душа и тѣло непорочно въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа да сохранится* (1 Сол. 5, 23), и внушаетъ имъ *ревновать дарованій большихъ* и *вестися на совершеніе* (1 Кор. 12, 31. Евр. 6, 1). Это совершенство, возвѣщаемое словомъ Божіимъ, такъ высоко, что даже недостижимо вполнѣ на землѣ. Святый апостолъ Павелъ утверждаетъ сіе собственнымъ своимъ примѣромъ. Онъ такъ былъ совершенъ благодатію Божіею, яже съ нимъ, что удостоился *восхищенъ быти до третьяго небесе и слышати тамъ неизреченные глаголы, ихже не лѣть есть человѣку глаголати* (2 Кор. 12, 1—4); но и онъ говорилъ о себѣ: *братіе, азъ себе не у помышляю достигша*, т. е. и я еще не взошелъ на крайній и послѣдній степень совершенства, еще не достигъ цѣли, конца всѣхъ стремленій. *Едино же*, продолжаетъ онъ, *задняя убо забывая, въ предняя же простираяся:* вотъ мое правило,—я забываю, не считаю, не останавливаюсь мыслію на томъ, сколько поприщъ прошелъ на пути своемъ, сколько пространства проплылъ, стремясь къ пристани, сколько ступеней переступилъ на лѣствицѣ къ совершенству, но смотрю на то, что впереди мнѣ много и много еще осталось сдѣлать, дабы достигнуть вожделѣннаго конца и края всѣхъ желаній и стремленій. Посему *съ усердіемъ гоню*,—говоритъ онъ далѣе, т. е. стремлюсь съ усиліемъ, не жалѣя труда и забывая утомленіе, спѣшу и стараюсь идти какъ можно скорѣе; для чего? для того, что жизнь человѣческая слишкомъ

коротка, а цѣль далеко и какъ бы болѣе и болѣе удаляется по той мѣрѣ, какъ стремящійся къ ней идетъ впередъ и приближается къ ней. *Елицы убо совершени*, заключаетъ онъ, *сіе да мудрствуимъ* (Фил. 3. 13—15), т. е. возможное для человѣка здѣсь на землѣ совершенство и состоитъ только въ стремленіи къ совершенству, стремленіи непрерывномъ и постоянномъ. Такъ дѣйствительно и мудрствовали и такимъ правиломъ жительствовали тѣ великіе мужи, которые подлинно достигли здѣсь возможной мѣры совершенства, святые угодники Божіи. »Основаніе христіанства таково, говоритъ св. Макарій великій, что хотя бы кто и совершилъ всѣ дѣла правды, не долженъ останавливаться на оныхъ и думать, что уже все сдѣлалъ. Истинный признакъ христіанства въ томъ состоитъ, чтобы какой трудъ кто ни понесъ, какія бы добродѣтели ни совершилъ, такъ себя вести, какъ бы ничего не сдѣлалъ... и праведный предъ Богомъ долженъ говорить: я неправеденъ, но еще подвизаюсь и только начинаю каждый день.« »Душа человѣческая, учитъ другой святый отецъ, въ мірѣ семъ подобна кораблю, плывущему противъ стремленія волнъ: на одномъ мѣстѣ никакъ нельзя остановиться, и если она не употребитъ усилія простираться впередъ, то будетъ увлечена въ глубину.«

Въ чемъ же состоитъ то совершенство, къ которому христіанинъ долженъ стремиться? Не въ полномъ ли и всестороннемъ развитіи силъ его естественныхъ, не въ обширномъ ли образованіи ума науками, въ утонченіи нравовъ, въ облагороженіи чувства, во всевозможномъ устроеніи средствъ и удобствъ къ жизни внѣшней, вещественной? Нѣтъ, братіе, для истиннаго христіанскаго совершенства все это безразлично. Евангеліе Христово не отвергаетъ сего и не препятствуетъ развитію и совершенію естественныхъ силъ человѣка идти своимъ путемъ, но и не требуетъ сего какъ условія и необходимой степени въ лѣствицѣ къ совершенству, къ которому оно всѣхъ призываетъ. Иначе — какъ не многимъ было бы доступно такое совершенство? Оно было бы недоступно младенцамъ, а Господь Іисусъ Христосъ говоритъ о нихъ: *таковыхъ есть царствіе Божіе* (Марк. 10, 14), и заповѣдуетъ возрастнымъ во многомъ подражать дѣтямъ, какъ образцамъ въ совершенствѣ евангельскомъ: *аще не обратитеся и не будете якоже дѣти, не внидите въ царствіе небесное* (Матѳ. 18, 3). Оно недоступно было бы и тѣмъ людямъ, которые, по самому званію и состоянію своему, лишены способовъ къ внѣшнему образованію и возможно лучшему устроенію вещественныхъ средствъ жизни. Но Господь и въ началѣ призвалъ къ совершенству евангелькому наиболѣе простыхъ, неученыхъ, незнатныхъ, ничтожныхъ въ глазахъ міра людей, и всегда открывалъ и открываетъ таковымъ же свободный путь къ оному. *Видите званіе ваше*, говоритъ св. ап. Павелъ,—*яко не мнози премудри, не мнози сильни, не мнози благородни: но буяя міра избра Богъ, и немощная міра избра Богъ, и худородная міра и уничиженная избра Богъ и несущая... яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ* (1 Кор. 1, 26—29). Съ другой стороны, какъ нерѣдко случается даже, что совершенство по мнѣнію міра бываетъ въ человѣкѣ враждебно совершенству въ смыслѣ евангельскомъ, и не только не приближаетъ его, но и совсѣмъ уклоняетъ отъ цѣли, къ которой онъ долженъ стремиться! Образованность, худо направленная и худо употребляемая, ведетъ людей къ вольномыслію, къ своеволію, къ буйству страстей, къ погруженію въ суету, къ подавленію и огрубѣнію духа подъ бременемъ плоти, къ развращенію нравовъ,

къ погибели. Но вотъ въ чемъ состоитъ истинное совершенство христіанское, доступное и для младенцевъ и для мужей, для ученыхъ и для простыхъ, для свободныхъ и для рабовъ, для богатыхъ и знатныхъ и для нищихъ и безславныхъ: *да растете во благодати и разумѣ* (познаніи) *Господа нашего Іисуса Христа*, говоритъ св. апостолъ Петръ (2 Петр. 3, 12). *О семъ молимся*, пишетъ св. апостолъ Павелъ, *да любовь ваша паче и паче избыточествуетъ въ разумѣ и во всякомъ чувствіи, во еже искушати вамъ лучшая, да будете чисти и непреткновенни въ день Христовъ, исполнены плодовъ правды Іисусъ Христомъ, въ славу и похвалу Божію* (Фил. 1, 9—11). *Себе искушайте, аще въ вѣрѣ есте .. вѣрою бо стоите* (2 Кор. 13, 5. 1, 24). *Васъ же Господь да умножитъ и да избыточествитъ любовію другъ ко другу и ко всѣмъ, во еже утвердити сердца ваша непорочна въ святыни предъ Богомъ и Отцемъ нашимъ въ пришествіе Господа Іисуса Христа со всѣми святыми Его* (1 Сол. 3, 12. 13). *Со усердіемъ гоню*, говоритъ тотъ же Апостолъ о самомъ себѣ, *къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ*. Что это за *почесть вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ*? Это—осуществленіе въ себѣ духа Евангелія Христова, духа вѣры, надежды и любви христіанской, воображеніе въ себѣ Христа Іисуса чрезъ исполненіе Его спасительныхъ заповѣдей, чрезъ живое и дѣятельное подражаніе Ему и уподобленіе во всемъ житіи. *Образъ дахъ вамъ*, говоритъ самъ Онъ вѣрующимъ въ Него, *да якоже Азъ творю и вы творите такожде* (Іоан. 13, 15). *Глаголяй въ Немъ пребывати*, говоритъ Апостолъ, *долженъ есть, якоже Онъ ходилъ есть, и сей такожде да ходитъ* (1 Іоан. 2, 6).

Что составляетъ предѣлъ таковаго совершенства, предназначеннаго христіанину? Всецѣлое возстановленіе въ немъ образа Божія, потерянаго чрезъ паденіе и обрѣтеннаго паки чрезъ искупленіе. *Будите совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть*,—указываетъ намъ мѣру и высочайшій образецъ совершенства самъ Господь Іисусъ Христосъ (Матѳ. 5, 48). *Нынѣ чада Божіи есмы*, говоритъ св. апостолъ Іоаннъ, *и не у явися что будемъ: вѣмы же, яко егда явится, подобни Ему будемъ, ибо узримъ Его якоже есть* (1 Іоан. 3, 2).

Гдѣ наконецъ край всѣхъ желаній и стремленій христіанина и высочайшая степень совершенства? Въ блаженномъ единеніи съ Богомъ тріипостаснымъ, въ водвореніи внутри христіанина царствія Божія, въ причастіи самаго божественнаго естества и жизни вѣчной, что начинательно еще здѣсь получаетъ истинный христіанинъ по обѣтованію самаго Господа: *аще кто любитъ Мя, заповѣди моя соблюдетъ: и Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ. Честная намъ и великая обѣтованія даровашася*, говоритъ св. Апостолъ, *да сихъ ради будете божественнаго причастницы естества* (2 Петр. 1, 4); а совершительно даруется за предѣлами сей жизни, гдѣ истинные христіане воцарятся съ Господомъ Іисусомъ Христомъ во вѣки вѣковъ.

О семъ совершеніи будемъ молиться, сего преспѣянія будемъ желать, братіе, и самимъ себѣ и ближнимъ нашимъ и всему отечеству. Пусть въ немъ процвѣтаютъ науки и искусства, развивается промышленность, утончаются нравы, улучшаются и совершенствуются способы жизни внѣшней: но будемъ помнить, что все это не есть само по себѣ цѣль нашей жизни, все это—только оболочка, въ которой долженъ зрѣть для Бога вкусный плодъ,

все это—раковина, въ которой должна образоваться для неба драгоцѣнная жемчужина. Это духъ вѣры православной и благочестія евангельскаго. Онъ пусть паче и паче преуспѣваетъ въ насъ и избыточествуетъ дѣлами правды, любви, безкорыстія и самоотверженія въ служеніи благу общему, покорности и преданности властямъ и другихъ добродѣтелей христіанскихъ. Тогда отечество наше твердо и непоколебимо будетъ восходить отъ силы въ силу и отъ славы въ славу, чего такъ пламенно желаетъ возлюбленный Монархъ нашъ. Аминь.

ДОЛГОЛѢТІЕ СВЯТЫХЪ ПОДВИЖНИКОВЪ.

Было время, когда люди могли жить нѣсколько столѣтій; а теперь *дніе лѣтъ нашихъ, въ нихже семдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ осьмдесятъ лѣтъ, и многае ихъ трудъ и болѣзнь* (Пс. 89, 10). Но какъ часто смерть восхищаетъ людей не въ старости, а въ мужествѣ, въ юности, въ дѣтствѣ (*)! Съ раздумьемъ воспоминая многолѣтіе древнихъ патріарховъ, невозвратимое для человѣчества, мы еще съ большимъ участіемъ хотѣли бы видѣть, гдѣ и кто эти люди, которымъ дается долѣе другихъ жить въ этомъ прекрасномъ и величественномъ мірѣ Божіемъ? Ищутъ ихъ въ хижинахъ земледѣльцевъ, живущихъ въ простотѣ нравовъ и привычекъ, или чертогахъ богачей и сильныхъ земли, окруженныхъ всѣми удобствами жизни: но мы думаемъ искать ихъ въ тѣсныхъ келліяхъ, дикихъ пустыняхъ, въ темныхъ пещерахъ, въ затворахъ, на столпахъ, словомъ—въ мірѣ св. подвижниковъ.

Представимъ сперва жизнь подвижническую со всѣмъ разнообразіемъ и всею строгостію ея подвиговъ, какъ она нѣкогда являлась именно въ подвижникахъ святыхъ; потомъ разсмотримъ причины долголѣтія ихъ, наконецъ цѣль его.

Представимъ подвижника *общежительнаго*: большую часть ночи и дня посвящаетъ онъ, по правиламъ устава, общему богослуженію; изъ остающагося за тѣмъ малаго времени для сна и отдыха часть удѣляетъ для колѣнопреклоненія, стоянія въ кельи на молитвѣ; часть для чтенія священныхъ книгъ, благочестивыхъ размышленій; часть для рукодѣлій, иногда тяжкихъ трудовъ, свойственныхъ сильному работнику, наравнѣ съ которымъ онъ рубитъ дрова, носитъ воду въ поварню, камни, дерево для строенія и т. под. Къ этимъ трудамъ подвижника, особенно если онъ игуменъ, или болѣе опытенъ, извѣстенъ, присоединяются труды служенія братіи, которую онъ назидаетъ, терпѣливо входя въ скорби, искушенія, недуги каждаго брата; служенія духовнымъ чадамъ и вообще христіанамъ внѣ обители, требующимъ отъ него утѣшенія, совѣта, назиданія, защиты, вспоможенія; служенія общимъ дѣламъ Церкви, напр. во время гоненія, ересей, волненій; наконецъ служенія всему обществу, государству. Силамъ, утомляемымъ и напрягаемымъ такимъ трудомъ, позволяется лишь самый малый отдыхъ, мало дается укрѣпленія отъ сна, который бываетъ очень ко-

(*) По вычисленіямъ выходитъ, что девять десятыхъ частей рода человѣческаго умираютъ преждевременно. Макровіотика Христофора Гуфеланда стр 189. Спб. 1853.

ротокъ, или же состоитъ въ легкомъ дреманіи на голой землѣ, на доскѣ съ каменнымъ возглавіемъ, или даже безъ лежанія. При такомъ истощеніи природы, пища бываетъ самая скудная, часто изъ хлѣба и воды, часто изъ одного зелія. Не должна ли, кажется, такая жизнь истощить въ самое короткое время самыя крѣпкія силы? Но къ нашему удивленію, такъ проходила половина или большая часть всей жизни подвижниковъ; часто это начиналось съ дней отрочества и юности, продолжалось до глубокой старости, которая сама по себѣ есть уже трудъ и болѣзнь, но въ которой святые старцы часто еще возвышали подвиги, восходя отъ силы въ силу и желая, между прочимъ, показать примѣръ для младшихъ, менѣе совершенныхъ. Вотъ нѣкоторые изъ многочисленныхъ примѣровъ долголѣтія подвижниковъ общежительныхъ. Пахомій В. жилъ до 85-ти лѣтъ (въ IV в. пам. мая 15), Евѳимій В. 97 л. (+472.—янв. 20), Ѳеодосій, общихъ житій начальникъ,—105 л. (—V. в.—янв. 11), Макарій александрійскій—ок. 90 л. (IV. в.—янв. 19), Паисій В.—ок. 95 л. (IV—V. в. іюн. 19-го) Савва освященный—94 г. (+536.—дек. 5), Іоанникій В.—94 л. (IX. в.—ноябр. 4), Никонъ, игуменъ печерскій, ок. 90 л. (+1088.—мар. 23), Сергій Радонежскій—75 л. (+1392. сент. 25), Кириллъ Бѣлозерскій—90 л. (+1423. іюня 9), Александръ Свирскій—85 л. (+1533.—авг. 30), Евѳимій Суздальскій 88 л. (въ XV. в.—апр. 1), Діонисій Глушицкій—74. (+1437—іюня 1), Макарій Унженскій или Желтоводскій 95 л. (+1444.—іюня 25), Савва Крипецкій ок. 100 (+1495.—авг. 28), Корнилій Комельскій 80 л. (+1537.—мая 10) и друг. (*).

(*) См. житія ихъ въ Четіи-Минеяхъ, прологахъ, патерикахъ и проч. подъ указанными именами или числами.

Чтобы взыскать единаго Бога и единаго на потребу—спасенія, чтобы побѣдить страсти, отложить всѣ житейскія заботы и привязанности, св. подвижники отходили жить въ дикія, глухія пустыни. Не воображайте здѣсь уединеннаго пустыннаго жителя, имѣющаго семейство, домъ, поле, стадо и живущаго просто, безъ излишества, но мирно, въ довольствѣ или съ малыми нуждами. Отшельникъ—подвижникъ живетъ подъ открытымъ небомъ, или въ временной хижинѣ, пещерѣ, древесномъ дуплѣ. Покрытый легкою одеждою, которая у него одна на всѣ времена года, на десятки лѣтъ, или же просто рубищемъ, безъ головнаго покрова, обуви, иногда совсѣмъ нагой, онъ нещадно подвергаетъ себя дѣйствію палящихъ лучей, жгучихъ морозовъ, бурь, ненастья. Онъ истощаетъ себя постомъ, вкушая сухой хлѣбъ, или же только дикіе плоды, корни, листья, или же отказывая себѣ по цѣлымъ днямъ и въ этой пищѣ. Онъ томится жаждою, почасту не находя или же нарочно лишая себя воды. »Вѣру ми ими, возлюбленный брате, разсказывалъ о себѣ св. Онуфрій В. преподобному Пафнутію, вѣру ми ими, толикій подъяхъ трудъ, яко многажды отчаяхся живота моего, мнѣхся уже при смерти быти: отъ алчбы бо и жажды изнемогахъ, не имый отнюдъ чесо ясти или пити, развѣ токмо обрѣтахъ нѣкое пустынное зеліе, то мнѣ бяше пища, жаждѣ же моей отъ небесныя росы токмо бываше прохлада. Быхъ же варомъ солнечнымъ жегомый во дни, и мразомъ ночнымъ померзаемый, и омакашеся плоть моя отъ росы небесной, и что не претерпѣхъ? Изрещи терпѣніе и трудовъ не возможно« (*). Такая жизнь измѣняла самый внѣшній видъ отшельниковъ. »Утомленный продолжительнымъ путешествіемъ, говоритъ о себѣ преподобный Пафнутій, сѣлъ

(*) Жит. св. Онуфрія В. Ч.—мин. Іюня 12-го.

я на подгорьѣ одной высокой горы и скоро увидѣлъ человѣка, издалека шедшаго ко мнѣ, образомъ весьма страшнаго, кругомъ обросшаго густыми волосами и бѣлаго, какъ снѣгъ; ибо онъ былъ сѣдъ отъ старости. Волосы головы и брады его были долги до самой земли и какъ одежда покрывали тѣло его.« То былъ святый Онуфрій В. (**). Такъ св. отшельники изможда́ли плоть, чтобы тѣмъ свободнѣе и непрерывнѣе была ихъ дѣятельность духовная, которая состояла въ непрерывномъ богомыслiи. слезномъ сокрушеніи, цѣлодневныхъ молитвахъ и хваленіяхъ Богу! Недоступный и часто незнаемый никому въ мірѣ отшельникъ, былъ оставленъ самому себѣ, лишенъ возбуждающаго и оживляющаго силы сочувствія людей, помощи ихъ среди возможныхъ и бывающихъ недуговъ и страданій. Только изрѣдка оставляетъ онъ свое уединеніе для общихъ молитвъ и духовнаго утѣшенія съ братіею, входитъ въ общеніе съ людьми. ищущими у него назиданія, а иногда только предъ смертію или по смерти безвѣстный отшельникъ открываемъ былъ свыше міру для славы Божіей и назиданія людей!—И долго ли жили такимъ образомъ св. подвижники—отшельники? Вотъ нѣкоторые примѣры: св. Павелъ Ѳивейскій жилъ всѣхъ 113-ть, въ пустынѣ 90 лѣтъ (+339 г. пам. янв. 15), Маркъ Фракійскій — болѣе 100, въ пустынѣ 90 л. (III в.—Апр. 5), Антоній В.—всѣхъ 105, въ пуст. 70 (IV. в. янв. 17), Макарій Египетскій—97 л. (IV. в. янв. 19), Онуфрій В. въ пуст. 60 л. (IV в. іюня. 12), Иларіонъ В.—80 л. (+372 г. окт. 21), Илія Египетскій—въ пуст. 70 л. (янв. 8. V. в.), пр. Кириакъ—107 л. (V—VI в. сент. 29), Анинъ—109 л. (V—VI в. мар. 18), Іоаннъ Молчальникъ—104 г. (V—VI в. дек. 3),—Павелъ Комельскій—всѣхъ 112 л. въ пуст. 50, потомъ въ монаст. 40 (+1429.—янв. 10) и др. (*).

Разобщаясь съ людьми, иные св. отшельники хотѣли еще разобщиться съ самою внѣшнею природою и жили въ *затворахъ*, которые устрояли въ разсѣлинахъ скалъ, въ подземныхъ пещерахъ, въ стѣнныхъ углубленіяхъ, въ келліяхъ. Мѣста затворовъ не имѣли входа и выхода и бывали такъ тѣсны, узки, низки, что св. затворники находились постоянно въ согбенномъ и почти неподвижномъ положеніи. Затворы эти, какъ подземелья, какъ темницы, едва освѣщались блѣдными лучами свѣта, едва прокрадывались сюда струи свѣжаго воздуха. Изможда́емое въ нихъ тѣло подвижника, при отсутствіи оживляющихъ явленій свѣта и воздуха, едва способно было принимать пищу, которая вся состояла въ кускѣ хлѣба, просфорѣ, и то не каждый день, но иногда чрезъ день, иногда и болѣе. Принятіемъ (чрезъ малое отверзстіе) отъ другихъ этой пищи, также благословенія, преподаніемъ имъ своего благословенія, весьма рѣдкимъ обмѣномъ съ ними нѣсколькихъ словъ утѣшенія и назиданія, ограничивалось, за исключеніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, все общеніе съ міромъ и людьми св. затворника. Спросимъ теперь: долго ли можно прожить въ этихъ душныхъ, темныхъ и глухихъ затворахъ? Подвижники жили въ нихъ очень долго, обыкновеннѣе всего поступая въ затворы уже не въ молодости (ибо опытные старцы не совѣтовали обрекать себя въ молодости на совершенное уединеніе отъ людей и міра, а искуситься сперва въ общежительномъ монастырѣ), напр. пр. Авраамій жилъ въ затворѣ 47 л. IV. в. пам. окт. 29), Петръ Аѳонскій—

(**) Тамъ же.

(*) Смотр. житія ихъ подъ означенными именами и числами.

52 г. (X. в. іюля 5), Антоній Печерскій — въ пещерахъ 56 л. всѣхъ 90 (+1073.— іюля 10), Іоаннъ Многострадальный послѣ величайшихъ подвиговъ и страданій 30 л. жившій въ весьма тѣсной пещерѣ (XII в. іюля 18), пр. Иринархъ — всѣхъ 69 л., въ затворѣ 38 л. (+1613 г. янв. 13 и др. (*).

Еще родъ подвижничества — св. столпничество. Подвижникъ, такъ сказать, пригвождаетъ себя къ столбу, какъ къ кресту, и пребываетъ на немъ безъисходно. Онъ лишенъ здѣсь почти всякаго движенія, для котораго нѣтъ мѣста на столпѣ: въ положеніи его нѣтъ разнообразія и нѣтъ для него отдыха,—потому что всѣ часы, всѣ дни и ночи, всѣ времена года подвижникъ все на томъ же столпѣ неподвижно, такъ что ноги его отекаютъ, загниваютъ, покрываются ранами. Крайне изнуряемое тѣло его совершенно открыто для холода, жары, снѣговъ, бурь, дождей, такъ что оно цѣпенѣетъ и какъ бы мертвѣетъ. »И бысть въ едино лѣто,—повѣствуетъ сказатель жизни св. Даніила столпника,—належаше зима люта зѣло и быша вѣтры велицы и острѣйши со множествомъ снѣга и леда и мраза: преподобный же не имѣ на столпѣ и мала покрова, еще же и куколь кожаный, иже бѣ на главѣ его, вѣтръ велій исторже и въ нѣкую занесе дебрь, и стояше самоизвольный мученикъ всю нощь, терпя люту ту зиму и остроту мраза, сильнѣйша бывающа при восхожденіи денницы: дню же наставшу толика бысть снѣжная буря, яко ученицы святаго ниже очесъ на столпъ возвести, ниже помощи что преподобному можаху. По дни же томъ паки нощь бысть лютѣйша и паки день такожде до нощи, и едва въ третій день утишися воздухъ: тогда ученицы поставивше лѣствицу, взыдоша на столпъ ко отцу, и обрѣтоша его всего ледомъ омерзша отъ главы до ногъ, мало дыханія имуща, и едва согрѣяша его теплотою и губою отирающе тѣло его« (*). При такомъ изможденіемъ положеніи своемъ, св. столпники еще усиливали истощеніе неяденіемъ, жаждою: потому что цѣпенѣющее тѣло ихъ могло принимать лишь самую скудную пищу или вовсе не принимало ее по цѣлымъ днямъ. Могло еще подкрѣпляться оно отъ сна, но ему дозволяли святые лишь короткое дреманіе, склонясь на перила или перекладину столпа. Словомъ, св. столпникъ хотѣлъ какъ бы совершенно забыть плоть, оторвать отъ нея духъ, отрѣшиться всецѣло отъ земли, чтобы свободно и непрерывно возноситься къ небу въ чистыхъ помыслахъ, святыхъ чувствахъ, молебныхъ исповѣданіяхъ, что все и составляетъ обычную дѣятельность его на столпѣ.— Ужели и св. столпники жили долго? Именно продолжительность столпостоянія ихъ всего болѣе и удивительна. Напримѣръ: Сумеонъ 1-й жилъ всѣхъ болѣе — 100 лѣтъ, стоялъ на разныхъ столпахъ около 80 л. (+460— пам. сент. 1), Даніилъ — всѣхъ 80 л., на столпѣ 33 г. (V. в.— дек. 11), Сумеонъ 2-й Дивногорецъ всѣхъ 85 лѣтъ., на столпѣ около 70 л. (+584.—мая 24), Алипій— всѣхъ 118 л., на столпѣ 53 (VII. в. нояб. 26), Ѳеодосій—на столпѣ болѣе 50 л. (VII. в.—янв. 11), Лука—на столпѣ 45 л. (X. в. дек. 11) и друг. (**).

Такова была жизнь св. подвижниковъ, при которой они достигали глубокой старости. Впрочемъ мы представили эту жизнь съ болѣе обыкновенныхъ сторонъ ея, ко-

(*) См. жит. ихъ подъ означеными именами и числами.

(*) Ч.—минеи Дек. 11.

(**) См. жит. ихъ подъ указанными именами и числами.

ими отличаются разные виды ея (*). Но сколько еще бываетъ во всѣхъ этихъ родахъ подвижничества особенныхъ изнурительныхъ подвиговъ! Лишая себя пищи и питія, отдыха, сна, движенія, свѣжаго воздуха, свѣта, св. подвижники налагали на себя особенныя страданія, особенныя изможденія положенія, чтобы умертвить плоть съ ея страстьми и похотьми; на примѣръ обвивали себя власяною веревкою, въѣдавшеюся въ тѣло до костей, или надѣвали желѣзныя цѣпи. Иногда св. подвижники въ теплую ночь или жаркій день выходили на поле, въ кустарники, болота, гдѣ было много осъ, мухъ, комаровъ: имъ отдавали они на снѣденіе обнаженное свое тѣло, которое распухало, обливалось кровію, теряло свой видъ. Даже обыкновенные подвиги ихъ принимали такіе размѣры, что кажутся намъ истинными страданіями, вольнымъ мученичествомъ. На примѣръ, они постились оставаясь безъ всякой пищи до 20-ти и 40-ка дней; чтобы не допустить сонныхъ мечтаній, навѣваемыхъ духомъ злобы, они лишали себя сна на цѣлый рядъ ночей, которыя проводили въ слезномъ сокрушеніи. Самые молитвенные подвиги ихъ бывали иногда удивительно напряжены и продолжительны: они простаивали на молитвѣ неподвижно дни и ночи, полагали безъ отдыха до 1000 и болѣе поклоновъ (**). Приходилось св. подвижникамъ терпѣть мученія и отъ другихъ. Въ этомъ случаѣ они удивительно выдерживали самыя жестокія страданія. Напримѣръ, пр. Евстратій печерскій, уже на 81 году жизни, проданный плѣнившими его Половцами еврею, выдержалъ у него 14-ти дневный голодъ, потомъ распятый на крестѣ, жилъ на немъ 15 дней. Никонъ сухой, имѣя 80 слишкомъ лѣтъ, выдержалъ жесточайшія мученія у Половца, и перенесенный чудесно въ печерскую обитель, жилъ еще нѣсколько времени (*).

Но довольно объ этихъ особенныхъ явленіяхъ жизни св. подвижниковъ!... Вообще необыкновенная жизнь ихъ изумляетъ и устрашаетъ насъ! Кажется, нѣсколько лѣтъ, и даже одинъ годъ такой жизни истощили бы наши силы, разстроили здоровье и, слабое, бренное тѣло наше изсохнувъ, исчахнувъ, скоро сдѣлалось бы добычею смерти. Но жизнь св. подвижниковъ была такъ долговѣчна, что 60-ти—80-ти лѣтняя старость самая обыкновенная у нихъ, а весьма многіе изъ нихъ проживали до 90, до 100, до 110 и болѣе лѣтъ! Какая же тайна въ ихъ долголѣтіи, какія причины его?

(Продолженіе будетъ).

(*) Они впрочемъ здѣсь представлены не всѣ.

(**) См. напр. житія Пахомія В. Макарія александрійскаго, Cvмеона 1. Столпника, Cvмеона 2-го Дивногорца, Ѳеодосія печерскаго, Никиты затворника, Іоанна Многострадальнаго и друг.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

61) Во всю жизнь свою считай себя грѣшною, чтобы всегда быть оправданною.

62) Если ты добровольно отреклась отъ всѣхъ житейскихъ дѣлъ, то не спорь ни съ кѣмъ и ни о чемъ.

(*) См. житія ихъ въ Патерикѣ Печерскомъ.

63) Удалайся отъ худыхъ людей, какъ отъ злой заразы.

64) Какъ отъ чревоугодія раждается блудъ, такъ отъ многословія и безчинныхъ бесѣдъ буря помысловъ и изступленіе ума.

65) Попеченіе о житейскихъ вещахъ возмущаетъ душу, и съ того времени не бываетъ мира въ помыслахъ.

66) Монаху, предавшемуся добродѣтелямъ, должно отрѣшиться совершенно отъ всѣхъ попеченій міра, такъ чтобы, обратясь внутрь себя, онъ не нашелъ въ сердцѣ своемъ совершенно ничего отъ вѣка сего. Ибо только помыслъ, упраздненный отъ попеченій, можетъ, благодатію Христовою, неразвлеченно поучаться, молиться и безмолвствовать день и нощь.

67) Если молитва окрылена любовію Божіею и стоитъ при неусыпномъ бдѣніи день и ночь, то Господь устрояетъ вокругъ ея, какъ покровъ, облако свѣта.

68) Какъ облако скрываетъ свѣтъ солнца, такъ чревоугодіе затмѣваетъ вѣдѣніе ума, и отгоняетъ Духа Святаго.

69) Въ тѣлѣ сластолюбивомъ и лѣнивомъ не обитаетъ Духъ Святый, а сатана со всѣмъ воинствомъ своимъ.

70) Какъ отецъ печется о возлюбленномъ чадѣ, такъ и Господь милосердуетъ и состраждетъ злостраждущему, ради Его, тѣломъ — постящемуся, бдящему и молчащему, и всегда стоитъ близъ устъ Его.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 23-го Апрѣля 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ *Іоанникій*.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 5.

НЕДѢЛЯ О САМАРЯНЫНѢ.

5 Мая 1857 г.

Гласъ 4-й.

На утрени евангеліе воскресное 7-е, Іоан. зач. 63. На литургіи: апост. Дѣян. зач. 28; евангел. Іоан. зач. 12.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ О САМАРЯНЫНѢ (*).

Возведите очи ваша, и видите, яко плавы суть къ жатвѣ уже. Іоан. 4. 35.

Если бы кто спросилъ: какое состояніе людей, преимущественно предъ другими, привлекало къ себѣ любовь Спасителя. во время земной Его жизни: то можно бы не обинуясь отвѣчать что Іисусъ Христосъ болѣе всѣхъ любилъ состояніе людей простыхъ, трудолюбивыхъ, рыболововъ и особенно земледѣльцевъ. Преимущественно съ такими людьми Господь обращался. Самаго Себя неоднократно уподоблялъ земледѣльцу, сѣющему хлѣбныя сѣмена на нивѣ своей (Матѳ. 13, 3. 24), а свое ученіе сѣменамъ (19), даже воскресеніе свое сравнивалъ съ зерномъ пшеницы, бросаемымъ въ землю (Іоан. 12. 24); кончину міра уподоблялъ жатвѣ (Матѳ. 13, 29), а апостоловъ своихъ — жнецамъ (Іоан. 4, 38). Вотъ и въ нынѣшнемъ чтеніи евангелія Іисусъ Христосъ самарянъ и вообще жителей Палестины, по готовности ихъ принять евангельское ученіе. сравниваетъ съ нивами, поспѣвшими къ жатвѣ. *Возведите*, говоритъ апостоламъ, *очи свои и видите нивы: яко плавы суть къ жатвѣ уже!*

Подобно тому, какъ Спаситель заимствовалъ отъ земледѣльческаго состоянія и земныхъ прозябеній сравненія для удобнѣйшаго впечатлѣнія въ умахъ и сердцахъ слушателей божественнаго своего ученія, и мы можемъ почерпать въ окружающей насъ природѣ душеспасительные уроки. Напр. хотя мы не земле-

(*) Преосвященнѣйшаго Анатолія, архіепископа могилевскаго и мстиславскаго.

дѣльцы, но имѣя въ настоящее время неоднократно случай взирать на нивы, красующіяся ростомъ хлѣбныхъ посѣвовъ, удобно можемъ научиться возносить отъ нихъ мысли и сердца наши къ Богу, благодѣющему намъ. Взирая на нивы, красующіяся хлѣбными посѣвами, не возможно не сознавать всемогущей и премудрой благости Божіей. Ибо кто первоначально, прежде чѣмъ человѣкъ изобрѣлъ плугъ, серпъ и другія земледѣльческія орудія, кто создалъ питающія насъ сѣмена пшеницы, ржи, ячменя и другія? По свидѣтельству слова Божія, при созданіи міра, Богъ повелѣлъ: *да произраститъ земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду, и по подобію... и бысть тако. И изнесе земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду и по подобію...* Создавъ всемогущимъ словомъ своимъ хлѣбныя травы, Богъ самъ засвидѣтельствовалъ, что онѣ совершенно соотвѣтствуютъ той цѣли, для которой созданы. *И видѣ Богъ: яко добро... и се добра зѣло* (Быт. 1, 11. 12), говоритъ слово Божіе. И съ тѣхъ поръ земля ежегодно произрастаетъ зелень и траву, сѣющую сѣмя по роду своему,—потому что Богъ постоянно поддерживаетъ промысломъ своимъ бытіе и силы, данныя Имъ растительности земной. Какъ же человѣку, одаренному разумомъ и сердцемъ, при видѣ прозябающихъ, возрастающихъ и созрѣвающихъ на пользу его хлѣбныхъ засѣвовъ, не возносить благодарныхъ мыслей и сердца къ Богу, подателю всѣхъ благъ и промыслителю, и не пылать любовію къ Нему за отеческое попеченіе о насъ и щедрые дары Его?

Правда, по грѣхопаденіи нашихъ прародителей, Богъ опредѣлилъ, чтобы человѣкъ тяжкими трудами пріобрѣталъ для себя пропитаніе. *Въ потѣ лица твоего*, сказалъ Творецъ Адаму, *снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратишися въ землю, отъ неяже взятъ еси* (Быт. 3, 19). Но изъ этого не слѣдуетъ, будто произрастѣнія плодовъ земныхъ зависятъ только отъ воздѣлыванія земли трудами земледѣльца. Ибо постоянные опыты доказываютъ, что, по выраженію Апостола, *ни насаждаяй есть что, ни напаяяй, но возращаяй Богъ* (1 Кор. 3, 7). Посему, каковы бы ни были заботы и усилія земледѣльца, сколько бы онъ ни воздѣлывалъ свое поле, но за плоды, произращаемые его нивою, всегда обязанъ благодарностію Богу, который создалъ сѣмена, посѣянныя на нивѣ, повелѣваетъ землѣ возращать ихъ, поддерживаетъ здоровье и силы самаго земледѣльца, пріуготовляющаго поле для посѣвовъ, посылаетъ благорастворѐніе воздуха, благопотребные дожди и росу, способствующіе прозябенію, росту и плодотворенію плодовъ земныхъ. Слѣдовательно земледѣлецъ, засѣявъ поле, долженъ еще пламенно молиться, чтобы Богъ посылалъ по временамъ дожди и ясные дни, чтобы, во время созрѣванія плодовъ земныхъ, освѣжалъ ихъ росою и не поражалъ полей ни градомъ, ни зноемъ солнечнымъ. Ибо извѣстно, что человѣкъ никакими средствами не низведетъ, по своему желанію, дождя на свое поле, не заставитъ солнце согрѣвать землю въ такую пору, когда посѣянныя сѣмена требуютъ теплоты солнечной. И какъ бы ни усиливался земледѣлецъ, онъ не въ состояніи произвесть ни одного зерна, не изведетъ изъ сѣменъ колосьевъ и не заставитъ созрѣть ихъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что если бы Отецъ небесный не благословилъ трудовъ земледѣльца: то бы и мы, и земледѣльцы подверглись голодной смерти. Имѣя это въ виду, при взглядѣ на нивы, красующіяся обильными плодами, человѣкъ, одаренный разумомъ и сердцемъ, былъ бы безсмысленнѣе безсловесныхъ животныхъ, если бы не побуждался воз-

носить мыслей и сердца своего ко всещедрому Отцу небесному, который, единственно по неизреченной своей благости, повелѣваетъ землѣ произращать плоды, тогда какъ, по грѣхамъ нашимъ, брошенныя въ землю сѣмена могли бы истлѣть, не принесши никакого плода. Когда Спаситель напиталъ въ пустынѣ пять тысячь народа, кромѣ женъ и дѣтей, пятью ячменными хлѣбами и двумя рыбами, а по насыщеніи такого множества людей, апостолы собрали еще остатковъ хлѣба двѣнадцать корзинъ: то народъ не могъ не признать такого событія чудомъ всемогущества Божія, и единогласно говорилъ объ Іисусѣ Христѣ: *сей есть воистину пророкъ, грядый въ міръ.* Но меньшее ли усматривается чудо всемогущей благости Божіей, когда взираемъ на поле, волнующееся хлѣбными засѣвами? Менѣе ли, нежели чудо, изумительно, недовѣдомо, неуловимо для взора нашего то, что зерно, брошенное въ землю, само собою прозябаетъ? По наблюденіямъ, зерно, покрытое земною глыбою, сперва всасываетъ въ себя изъ земли столько влаги, что твердая внутренность его размягчается и становится жидкою. Въ этой жидкости отъ теплоты, изливаемой солнцемъ на землю, происходитъ броженіе, отъ коего оболочка зерна растворгается, а изъ острѣйшей оконечности его выходятъ тоненькія, бѣлыя нити, и углубляются въ землю. Это корешки, которыя выростающему изъ зерна стеблю будутъ доставлять сокъ и пищу, доколѣ стебель не увѣнчается колосьемъ и не созрѣетъ. До сего времени зерно, постепенно всасывая болѣе и болѣе земной влаги, подъ вліяніемъ солнечной теплоты, производитъ изъ себя ростокъ, который, пробираясь сквозь покрывающую его землю, выходитъ на свѣтъ. Сначала ростокъ каждаго зерна желтоватый, блѣдный, но, постепенно возрастая, зеленѣетъ. Такимъ образомъ брошенныя въ землю хлѣбныя сѣмена, произведши изъ себя стебельки, и вмѣстѣ съ ними шелковистые, длинные листочки, покрываютъ поля восхитителною для взора зеленью. Послѣ сего всходы хлѣбныхъ сѣменъ со дня на день на поверхности земли приходятъ въ силу свою, каждый ростокъ ихъ становится длиннымъ стеблемъ, который непостижимо составляется изъ безчисленныхъ, тоньше паутины, ниточекъ, подраздѣляется колечками на трубочки, посредствомъ коихъ корешекъ постоянно питаетъ стебель живительною влагою, пока наконецъ образуется колосъ, который, доколѣ не созрѣетъ, ежедневно увеличивается и полнѣетъ. А сколь мудрое, отечески предусмотрительное, устроеніе хлѣбнаго колоса! Для каждаго будущаго зерна устрояется на колосѣ отдѣльное гнѣздышко, каждое зерно покрывается нѣжными пеленами, ограждается твердѣйшими покровами, а для защиты отъ насѣкомыхъ острыми иглами. И все это стебель производитъ самъ изъ себя. Новыя хлѣбныя зерна первоначально жидки, на подобіе молока; но чѣмъ выше восходитъ растеніе, тѣмъ каждое зерно въ колосьяхъ со дня на день становится полнѣе и тверже, вмѣстѣ съ тѣмъ поля, засѣянныя хлѣбными сѣменами, созрѣваютъ, бѣлѣютъ и поспѣваютъ къ жатвѣ. Изъ всего сего слѣдуетъ, что какъ при совершеніи чуда Богъ дѣйствуетъ непостижимо для насъ непосредственнымъ своимъ всемогуществомъ, такъ столько же непостижимо промыслъ Божій, поддерживая бытіе и многообразныя силы природы, направляетъ ихъ къ своимъ цѣлямъ, и посредствомъ ихъ, къ изумленію нашему, умножаетъ хлѣбныя семена для поддержанія бытія нашего на землѣ. *Кто же*, исповѣдуемъ съ праведнымъ Іовомъ, *не разумѣ во всѣхъ сихъ, яко рука Господня сотвори сіе* (Іов. 12, 9)! Кто, одаренный умомъ и чувствомъ, проник-

нутый благодарностію за отеческое промышленіе Божіе о человѣкѣ, не сознаетъ священнаго долга славословить величіе, премудрость и благость Божію?

Обратимъ еще вниманіе на хлѣбные посѣвы. Судя поверхностно, какъ мы обыкновенно разсуждаемъ, казалось бы, что для возраста и оплодотворенія всѣхъ родовъ хлѣбныхъ сѣменъ надлежало бы засѣвать ими поля только весною: потому что сѣмена, пораженныя холодомъ, сжатыя морозами, должны лишиться плодотворной своей силы и погибнуть безъ всякой пользы. Но вѣковые опыты научили земледѣльца засѣвать поля свои самыми питательными сѣменами ржи и пшеницы въ началѣ осени. Засѣявъ ими нивы, земледѣлецъ не заботится уже объ нихъ въ продолженіи зимы до слѣдующей весны. Но все благій промыслъ Божій не оставляетъ засѣянныхъ земледѣльцемъ полей безъ своего объ нихъ попеченія. А дабы хлѣбныя сѣмена, брошенныя въ землю, не погибли зимою отъ морозовъ, потому особенно, что они осенью еще прозябли и покрыли поля своею зеленью, Богъ въ продолженіи зимы посылаетъ на землю снѣгъ, который до того покрываетъ поля толстымъ своими слоями, что подъ ихъ покровомъ хлѣбнымъ засѣвамъ становится тепло, хотя впрочемъ не растутъ они зимою, а по видимому спятъ, будто дитя, усыпленное колыбельною пѣснію нѣжной матери подъ теплымъ покрываломъ. Когда же весною растаетъ снѣгъ, потечетъ струями въ рѣки, и обнажитъ поля: тогда хлѣбные засѣвы восхищаютъ нашъ взоръ, какъ младенецъ, освѣжившій свои силы, по своемъ пробужденіи!

Но кто въ состояніи исчислить чудеса промысла Божія, совершающіяся весною и лѣтомъ, когда Отецъ небесный повелѣваетъ всѣмъ силамъ природы содѣйствовать возрасту, оплодотворенію и созрѣнію хлѣбныхъ засѣвовъ; когда, по мановенію всемогущей десницы Божіей, и свѣтъ дневной, и мракъ ночной, и дожди, и росы, и вѣтры, и бури, и молніи, и удары грома, и сокрытыя въ землѣ и въ воздухѣ невидимыя силы споспѣшествуютъ росту, оплодотворенію и созрѣнію плодовъ земныхъ! Такъ ясные и мрачные дни, дожди и росы, бури и молніи, и удары грома, небо и земля, раболѣпно исполняя волю Божію, служатъ на пользу человѣка!

Вообще же размышленіе о хлѣбныхъ засѣвахъ должно убѣдить насъ, что обращая вниманіе на окружающую насъ природу, при видѣ повсемѣстныхъ въ ней слѣдовъ всемогущества, премудрости и благости Отца небеснаго, человѣку одаренному разумомъ и сердцемъ непростительно не стараться со дня на день, болѣе и болѣе возрастать въ познаніи Бога и Его святой воли, чтобы благоугождать Ему исполненіемъ Его заповѣдей, постоянно возносить къ Нему благодарныя мысли и чувства за безчисленныя Его, явныя и недовѣдомыя, благодѣянія, и прославлять Его въ душахъ, и тѣлесахъ нашихъ: да не постигнетъ насъ злосчастная участь тѣхъ людей, которые, познавъ Бога, не прославляли Его, какъ Бога, и не благодарили Его, но, осуетившись помышленіями своими, подверглись вѣчному гнѣву Божію (Рим. 1, 21). Аминь.

ДУХОВНАЯ ВОДА.

Почерпите воду съ веселіемъ отъ источниковъ спасенія (Иса. 12, 3).

Аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и да піетъ (Іоан. 7, 37).

Иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки (Іоан. 4, 14).

Часто сравнивается въ Писаніи благодать, или та всеблагая сила Божія, которая начинаетъ и совершаетъ наше спасеніе, съ водою, необходимою стихіею для нашей жизни. Не указывается ли тѣмъ на свойства этой силы Божіей? Не напоминается ли и объ отношеніяхъ каждаго человѣка къ благодати, насъ спасающей?

1) Помышляя о происхожденіи воды, насъ напояющей, мы нерѣдко возводимъ очи горѣ, къ облакамъ небеснымъ, изъ которыхъ образуется самая чистая вода и потомъ, изливаясь, на землю, напаяетъ ее и особенно горы. Изъ горъ она изливается на лице земли въ источникахъ, составляющихъ потомъ цѣлыя рѣки и озера. Такъ, и представляя благодать Божію, да возвышаемся духомъ къ небесному и вѣчному Источнику жизни, будемъ увѣрены, что тамъ, горѣ—начало нашей жизни и спасенія, и воззовемъ съ Давидомъ: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже* (Псал. 41, 2); *возведохъ очи мои въ горы, отнюду же пріидетъ помощь моя* (Псал. 120, 1).

2) Кто не видитъ, какъ велика благость Божія въ дарованіи намъ столь необходимой для всѣхъ стихіи—воды? Она разлита повсюду,—и надъ нами плаваетъ въ облакахъ, и журчитъ подъ нашими ногами, и въ горахъ протекаетъ и долинахъ, и въ рѣкахъ и озерахъ. Такъ повсемѣстна благодать Божія, вездѣ, во всякое время и на всѣхъ она дѣйствуетъ. *Ибо явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ* (Тим. 2, 11); *всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. 2, 4). Въ новомъ завѣтѣ исполняется высокое пророчество Іоиля: *и излію отъ Духа моего на всяку плоть* (2, 28), *искапаютъ горы сладость, и холми источатъ млеко, и вси источницы іудины источатъ воды, и источникъ отъ дому Господня изыдетъ* (3, 18).

3) Рѣки и источники никогда не оскудѣваютъ на землѣ совершенно, и конечно всегда будутъ, доколѣ продолжится родъ человѣческій. Такъ неистощима и благодать Божія. Каждому изъ насъ она всегда готова спомоществовать въ духовной жизни, и всякій можетъ сказать съ Давидомъ: *милость твоя, Господи, поженетъ мя вся дни живота моего* (Псал. 22, 6). Для всѣхъ людей она открыта въ святой Церкви Христовой и пребудетъ до послѣдняго времени настоящаго вѣка; ибо *слава* Господня *въ Церкви*, по слову Апостола, *во вся роды вѣка вѣковъ* (Еф. 3, 21), и вѣрно обѣтованіе Спасителя: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 20).

4) Какъ необходима вода для всякой жизни на землѣ, это видно изъ того, что ни животныя, ни растенія не могутъ безъ нея жить, а большая часть живущихъ тварей только и живутъ въ этой стихіи, изъ которой онѣ и произошли по силѣ творческаго слова (Быт. 1, 21). Не сходна ли по этой животворной силѣ съ водою благодать Божія? Ею начинается духовная жизнь человѣка,—ибо самое первое явленіе этой жизни—вѣра ею производится, какъ замѣчаетъ Апостолъ: *благодатію есте спасени чрезъ вѣру*, и сама вѣра есть *Божій даръ* (Еф. 2, 8). Продолженіе и возвышеніе духовной жизни происходитъ

отъ той же спасительной силы Божіей. Безъ нея *не можемъ творити ничесоже* добраго (Іоан. 15, 5); она *дѣйствуетъ* въ вѣрующихъ *и еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи* (Еф. 3, 16); она *совершаетъ и утверждаетъ ихъ до конца* (1 Кор. 1; 8), и производитъ въ нихъ всѣ плоды духовные: *любы, радость, миръ, долготерпѣніе*, и пр. (Гал. 5, 22).

5) Свойство воды утолять жажду тѣлесную, которая безъ нея раждаетъ мучительнѣйшую болѣзнь для человѣка и самую лютую смерть. Такъ и свойство благодати—утолять нашу жажду духовную, которая есть *жажда правды* или оправданія, предъ Богомъ (Матѳ. 5, 6), оправданія, безъ котораго ожидаетъ грѣшника погибель вѣчная. Для утоленія сей жажды сходилъ съ небесъ Сынъ Божій, почему и приглашалъ всѣхъ: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и да піетъ* (Іоан. 7, 37), и когда открылъ Онъ источникъ своей благодати, то возвѣстилъ вѣрное спасеніе духовно жаждущимъ: *блажени*, говоритъ, *алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи насытятся.*

6) Свойство воды очистительное: ею омываются нечистоты земныя, и большая часть ихъ уносится въ море. Не подобное ли сему свойство благодати Господней? Ею очищаются всѣ душевныя скверны и самый первородный грѣхъ—въ таинствѣ крещенія: *омыстеся*, пишетъ Апостолъ, *освятистеся, оправдистеся именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего* (1 Кор. 6, 11); она потребляетъ и вседневные грѣхи наши въ таинствѣ покаянія, и исполняется слово пророческое: *Той обратитъ и ущедритъ ны, и погрузитъ направды наша, и вержетъ во глубины морскія вся грѣхи наша* (Мих. 7, 19).

7) Благодѣтельное свойство воды еще то, что она сильна погасить огонь и прекратить его разрушительныя дѣйствія. Подобна водѣ и по этому свойству благодать Божія. Когда обращаемся къ ней всею душею, вѣрою и молитвою привлекаемъ силу ея въ изобиліи, то можемъ погасить самый сильный пламень искушеній, *погасить* даже *разжженныя стрѣлы лукаваго*, а такимъ образомъ благодать сильна предохранить насъ и отъ огня вѣчнаго: съ нею *побѣждаяй не имать вредитеся отъ смерти вторыя* (Апок. 2, 11).

8) Много обязанъ человѣкъ водѣ, или лучше—Творцу ея, тѣмъ, что силою этой стихіи, въ ея обыкновенномъ состояніи и въ парахъ, приводитъ въ движеніе свои машины, и совершаетъ такія дѣла, которыхъ никакъ не могъ бы совершать одною своею силою. Сколько же обязаны мы благодати Господней! Ею произведены всѣ великія дѣла въ Церкви; ею совершались и совершаются сверхъестественныя дѣйствія во спасеніе человѣковъ, такъ что апостолъ Павелъ, потрудившійся паче всѣхъ апостоловъ и совершившій безчисленныя чудеса, все приписываетъ ея всемогущей силѣ: *благодатію Божіею есмь, еже есмь* (1 Кор. 15, 10); *вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Фил. 4, 13).

9) Посредствомъ водъ люди научились удобно сообщаться одни съ другими чрезъ великія разстоянія, и теперь едва ли есть народы, съ которыми не было бы сношеній у европейцевъ, пользующихся путями рѣкъ и морей. Не подобное ли сему духовное общеніе всѣхъ людей открыто благодатію Божественнаго Спасителя міра? Послѣ того, какъ *во всю землю изыде вѣщаніе* ея провозвѣстниковъ, *и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Римл. 10, 18), всѣ народы и племена призваны въ царство Христово, да всѣ соединяются вѣрою и любовію, собираются во едино стадо единаго Пастыря, всѣ и язычники

и іудеи вѣрующіе, и варвары и образованные, дѣлаются единымъ народомъ Божіимъ, *родомъ избраннымъ, царскимъ священіемъ, языкомъ святымъ, людьми обновленія* (1 Петр. 2, 9). Въ семъ народѣ *нѣсть Іудей, ни Еллинъ, нѣсть рабъ, ни свободь, нѣсть мужескій полъ, ни женскій, но вси едино о Христѣ Іисусѣ* (Гал. 3, 28).

10) Вода въ тихомъ, ничѣмъ невозмущаемомъ состояніи своемъ, какъ зеркало, отражаетъ въ себѣ предметы небесные и земные. Такъ и благодать, когда страстями не возмущаемъ потока ея въ нашемъ сердцѣ, вѣрно открываетъ нашей совѣсти насъ самихъ, достоинство и цѣну предметовъ нашихъ желаній, святость и важность нашихъ обязанностей, даетъ сердцу и *просвѣщенныя очи* для уразумѣнія спасительныхъ таинъ Божіихъ (Еф. 1, 18).

11) Благодать сходна съ водою и потому, что подобно ей не входитъ въ закрытые отвсюду сосуды, то есть, не проникаетъ, противъ воли человѣка, въ его душу, можетъ быть отвергаема и изгоняема нашимъ своеволіемъ и упрямствомъ. Но что бываетъ земля лишенная влаги? Она дѣлается также жестокою, твердою и безплодною, какъ камень. Таковы и люди отвергающіе благодать; почему и называются *жестоковыйными* и *жестосердечными* (Дѣян. 7, 51. Іезек. 3, 7).

12) Въ водѣ, когда она чиста, врачи полагаютъ наилучшее цѣлительное и предохранительное средство отъ многихъ болѣзней, и только тогда, когда примѣшаны къ ней вещества постороннія, вредныя, находятъ ее вредною и смертоносною. Такъ и источникъ спасительной силы Божіей самъ по себѣ благотворенъ во всѣхъ нашихъ душевныхъ и тѣлесныхъ немощахъ; но когда возмущаемъ его невѣріемъ, духовною гордостію или нераскаянностію, то онъ не оказываетъ своей цѣлительной силы ни въ словѣ Божіи, ни въ таинствахъ, нами недостойно пріемлемыхъ. Напротивъ, тогда онъ, по выраженію Апостола, бываетъ *воня смертная въ смерть* (2 Кор. 2, 16), т. е. подвергаетъ насъ большему осужденію предъ Богомъ, намъ благодѣющимъ.

13) Замѣтимъ наконецъ и то сходство благодати съ водою, на которое указываетъ Господь Іисусъ Христосъ, когда говоритъ: вода, *юже Азъ дамъ* вѣрующему, *будетъ въ немъ источникъ воды текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. 4, 14). — Куда уходитъ вода, текущая въ нашихъ рѣкахъ и источникахъ, напоивъ тысячи живущихъ на землѣ тварей? *Вси потоцы идутъ въ море*, отвѣтствуетъ Соломонъ (Еккл. 1, 7). Здѣсь, въ морѣ, текущая вода какъ бы успокоивается, принимаетъ новое, незримое для насъ бытіе, и туда же увлекаетъ все, что ей предано. Такъ и благодать, происходя отъ верховнаго Источника жизни, къ Нему обращаетъ все, къ Нему устремляетъ души, ею питаемыя, въ которомъ онѣ и пріемлютъ новую жизнь таинственную, вѣчную. — Возвращаются ли къ намъ рѣки изъ океана? Не видимъ ихъ возвращенія; знаемъ однако, что путемъ воздушнымъ, посредствомъ испареній, приходятъ къ намъ воды изъ самыхъ морей, оживляютъ наши растенія, освѣжаютъ нашъ воздухъ и напояютъ насъ самихъ. Нѣтъ ли подобнаго, таинственнаго возвращенія къ намъ благодати и отъ тѣхъ освященныхъ ею душъ, которыя покоятся нынѣ въ странѣ блаженной жизни? Свидѣтельство св. Церкви увѣряетъ насъ въ благотворномъ дѣйствіи святыхъ Божіихъ на всѣхъ призывающихъ ихъ съ вѣрою, — дѣйствіи, безъ сомнѣнія, той же благодати, которая въ нихъ нынѣ преизобилуетъ, содѣлалась для нихъ уже славою и блаженствомъ, и по ихъ молитвамъ изливается на помощь, бѣдствующимъ на землѣ, ихъ братіямъ. Такимъ обра-

зомъ никогда не отъемлется у Церкви даро-ваніе Божественной Главы ея. Господь, даровавъ ей *апостоловъ*, *пророковъ*, *пастырей и учителей*, даруетъ симъ избраннымъ своимъ не на землѣ только, но и на небѣ дѣйствовать *къ совершенію святыхъ. въ дѣло служенія*, *въ созиданіе тѣла Христова* (Ефес. 4, 11).

Христіанинъ! помышляя о столь чудныхъ и благотворныхъ свойствахъ открытой и поданной намъ благодати Господней, потщись достойно пользоваться ею во спасеніе. *Да имѣя благодать, служимъ благоугодно Богу съ благоговѣніемъ и страхомъ* (Евр. 12, 28). *Да приступаемъ съ дерзновеніемъ къ престолу благодати, да пріимемъ милость и благодать обрящемъ въ благовременну помощь* (—4, 16).

Богъ всякія благодати, призвавый насъ въ вѣчную свою славу о Христѣ Іисусѣ, да совершитъ насъ, да утвердитъ, да укрѣпитъ, да оснуетъ. Тому слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь (1 Петр. 5, 10. 11).

СЛЕЗЫ КАЮЩАГОСЯ ГРѢШНИКА.

Нѣкоторый человѣкъ, проведшій многіе годы жизни своей во грѣхахъ, пришелъ напослѣдокъ въ чувство раскаянія, поступилъ въ иночество, и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ каждый день неутѣшно плакалъ и сокрушался о прежнихъ грѣхахъ своихъ, воспоминая страшный судъ Божій. Умилостивленный столь искреннимъ покаяніемъ, Господь восхотѣлъ утѣшить плачущаго раба своего и показать, какъ драгоцѣнны для Него слезы кающагося грѣшника. Онъ явился ему въ видѣніи, облеченный въ іерейскія ризы и держа въ рукахъ чашу, наполненную слезами. Инокъ, увидѣши Господа, палъ къ ногамъ Его, съ благоговѣніемъ лобызалъ ихъ и спросилъ, что хранится въ принесенной Имъ святой чашѣ. Явившійся Господь сказалъ ему: »это слезы грѣшницы, плакавшей у ногъ моихъ въ домѣ Симона прокаженнаго; я донынѣ сохранилъ ихъ въ цѣлости, ибо онѣ весьма пріятны мнѣ. »Пришедши въ естественное состояніе по окончаніи видѣнія, инокъ почувствовалъ въ сердцѣ своемъ неописанную радость и утѣшеніе, и удивлялся неизреченному благоутробію Господа своего, которому служилъ потомъ съ душевною преданностію во все остальное время жизни своей. (Руно орош. лист. 86).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 27-го Апрѣля 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ *Іоаникій*.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 6.

НЕДѢЛЯ О СЛѢПОМЪ.

12 Мая 1857 г.

Гласъ 5-й.

На утрени евангеліе воскресное 8-е, Іоан. зач. 64. На литургіи: апост. Дѣян. зач. 38; евангел. Іоан. зач. 34.

СВЯТАГО ЛЬВА ПАПЫ РИМСКАГО

СЛОВО

НА ВОЗНЕСЕНІЕ ГОСПОДНЕ.

Тайна спасенія нашего, возлюбленные, купленнаго цѣною крови Творца вселенной, совершалась по пути уничиженія, отъ дня Его рожденія по плоти до конца Его страданій. Хотя и чрезъ образъ рабскій просіявали многочисленные лучи Божества; однако дѣла, совершенныя Имъ въ сіе время, собственно должны были подтвердить ту истину, что Онъ принялъ на Себя человѣческую природу. Послѣ же страданія, когда расторглись узы смерти, которая потеряла свою силу, усиливаясь удержать Того, Кто не зналъ грѣха,—немощь измѣнилась въ могущество, смертность—въ безсмертіе, поношеніе — въ славу. Сію славу Господь Іисусъ Христосъ явилъ *во многихъ истинныхъ знаменіяхъ* (Дѣян. 1, 3) предъ взорами многихъ, прежде нежели торжество своей побѣды надъ смертію перенесъ и на небо.

Итакъ, подобно тому, какъ въ пасхальное торжество воскресеніе Господа было причиною нашего веселія, такъ точно нынѣ вознесеніе Его на небо служитъ основаніемъ настоящей нашей радости. Мы воспоминаемъ и по достоянію чтимъ нынѣ тотъ день, въ который природа наша вознесена во Христѣ къ престолу Бога Отца, превыше всѣхъ небесныхъ воинствъ, превыше всѣхъ чиновъ ангельскихъ, превыше всѣхъ властей. На таковомъ-то устроеніи божественныхъ дѣлъ мы зиждемся и утверждаемся. Благодать Божія здѣсь является еще досточуднѣе, сокрывъ отъ взоровъ человѣческихъ то, что само собою возбуждало благоговѣніе, дабы не оскудѣла

вѣра, не колебалась надежда, не охладѣвала любовь, — поелику сила великихъ душъ и свѣтъ истинно вѣрующихъ сердецъ состоитъ въ томъ, чтобы не колебались вѣрить тому, чего мы не можемъ видѣть тѣлеснымъ окомъ, и устремлять желаніе туда, куда не можемъ проникнуть своимъ взоромъ. Но такія благочестивыя чувствованія какъ могли бы родиться въ сердцахъ нашихъ, или какъ кто либо могъ бы оправдаться отъ вѣры, если бы спасеніе наше зависѣло только отъ того, что предъ нашими глазами? Посему-то мужу, который говорилъ, что онъ будетъ сомнѣваться въ воскресеніи Христа дотолѣ, доколѣ не увидитъ и не осяжетъ слѣдовъ страданія на тѣлѣ Его, Господь сказалъ: *яко видѣвъ Мя вѣровалъ еси, блажени не видѣвшіи и вѣровавшіе* (Іоан. 20, 29).

Посему, возлюбленные, чтобы содѣлать насъ учениками сего блаженства, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, исполнивъ все, что сообразно было съ евангельскими предсказаніями и тайнами новаго завѣта, въ четыредесятый день по воскресеніи своемъ, вознесся въ присутствіи учениковъ на небо. Положивъ конецъ своему пребыванію на землѣ во плоти, Онъ возсѣдитъ одесную Отца, доколѣ не исполнится время, предназначенное Богомъ для умноженія сыновъ Церкви, и доколѣ Онъ не пріидетъ судить живыхъ и мертвыхъ въ той же плоти, съ коею вознесся на небо. Такимъ образомъ то, что было видимо въ Искупителѣ нашемъ, стало теперь таинствомъ, и, чтобы вѣра наша содѣлалась возвышеннѣе и непоколебимѣе, воспослѣдовало ученіе, и сердца вѣрующихъ, освѣщаемыя небесными лучами, покоряются великой его силѣ.

Сей-то вѣры, укрѣпленной вознесеніемъ Господа и утвержденной дѣйствіемъ Святаго Духа, не устрашили ни узы, ни темницы, ни заточеніе, ни гладъ, ни огнь, ни лютость звѣрей, ни изыскиваемыя жестокостію гонителей мученія. За сію то вѣру до крови ратовали во всей вселенной не только мужи, но и жены, не только юноши, но и младыя дѣвы. Сія то вѣра изгоняла демоновъ, исцѣляла болѣзни, воскрешала мертвыхъ. По сей причинѣ и сами блаженные апостолы, которые, будучи утверждены толикими чудесами, научены толикими бесѣдами, убоялись однакожъ лютости страданій Господнихъ и не безъ колебанія увѣрились въ истинѣ воскресенія Его, чрезъ вознесеніе Господне достигли такого совершенства, по коему для нихъ обратилось въ радость то, что прежде возбуждало страхъ и опасеніе: потому что все созерцаніе своего духа они направили теперь къ Божеству Возсѣдшаго одесную Отца; тѣлесное видѣніе не препятствовало уже имъ устремлять всѣ силы ума къ Тому, Который, пизшедши на землю, не оставлялъ Отца, и возшедши на небо, не разлучился съ учениками.

Итакъ, возлюбленные, Сынъ человѣческій вступилъ въ славу величія Отца, торжественнѣе и священнѣе явилъ Себя Сыномъ Божіимъ, и нѣкіимъ неизглаголаннымъ образомъ сталъ къ намъ ближе Божествомъ, содѣлавшись отдаленнѣйшимъ по человѣчеству. Тогда вѣра надежнѣе начала приближаться къ Сыну, познавъ равенство Его съ Отцемъ; для ней содѣлалось уже не нужно осязаніе плотскаго естества во Христѣ, которое ниже Отца; потому что послѣ того, какъ сіе естество прославлено, вѣра вѣрующихъ начала воззываться туда, гдѣ Единородный, равный Рождшему, можетъ осязаться не плотскою рукою, но духовнымъ разумѣніемъ. Отсюда можно понять то, что сказалъ Господь, по воскресеніи своемъ, Маріи Магдалинѣ, изображавшей Церковь, когда она спѣшила прикоснуться къ Нему: *не прикасайся Мнѣ: не у бо взыдохъ ко Отцу моему* (Іоан. 20 17); то

есть: Я не хочу, чтобы ты тѣлесно приходила ко Мнѣ, и чтобы ты познала Меня по одному чувству плоти. Я возвожу тебя къ высшему, приготовляю тебѣ большее. Когда Я взойду къ Отцу, тогда ты совершеннѣе и истиннѣе познаешь Меня, тогда ты будешь знать то, чего не осязаешь, и вѣрить тому, чего не видишь.

Когда ученики съ особеннымъ изумленіемъ смотрѣли, какъ Господь возносился на небо; тогда предстали имъ два ангела, которыхъ одежды сіяли удивительною бѣлизною, и кои сказали имъ: ***мужіе Галилейстіи, что стоите зряще на небо? — Сей Іисусъ вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо*** (Дѣян. 1, 11) Сими словами всѣ сыны Церкви научаются вѣровать, что Іисусъ Христосъ видимо пріидетъ въ тойже плоти, съ коею вознесся, и что нельзя сомнѣваться въ томъ, что все покорено Тому, Кому служили ангелы отъ самаго начала рожденія Его по плоти. Потому что какъ Ангелъ благовѣстилъ блаженной Дѣвѣ зачатіе Христа отъ Святаго Духа; такъ гласъ небесныхъ же воиновъ воспѣлъ пастырямъ и рожденіе Его отъ Дѣвы. Какъ воскресеніе изъ мертвыхъ прежде всего было засвидѣтельствовано горними вѣстниками; такъ ангелы же провозвѣстили и то, что Онъ пріидетъ судить міръ съ тою же плотію, съ коею вознесся. Изъ сего должны мы заключить, что будущій Судія пріидетъ съ тѣми же Силами, кои еще до наступленія суда сего были покорны Ему.

Итакъ, возлюбленные, возрадуемся радостію духовною, возвеселимся въ достойномъ изліяніи благодарности нашей предъ Богомъ; устремимъ свободно взоры сердецъ на высоту, на которой пребываетъ Христосъ. Земныя пожеланія да не отягощаютъ душъ, призванныхъ къ горнему; имѣющее погибнуть да не обладаетъ тѣми, кои предъизбраны для вѣчнаго; ложныя прелести да не замедляютъ шествія тѣхъ, кои вступили на путь истины. Вѣрующіе должны проходить все земное такъ, чтобы всегда помнить, что они странники въ юдолѣ міра сего. Если здѣсь и обольщаютъ насъ какія либо выгоды; то онѣ таковы, что ихъ должно тщательно убѣгать, а не усильно желать. Къ сему то благочестивому расположенію сердца побуждаетъ апостолъ Петръ, и умоляя насъ тою любовію, которая возбуждена въ немъ троекратнымъ вопросомъ Господа о любви, съ повелѣніемъ пасти овцы Христовы, говоритъ: *возлюбленніи, молю яко пришельцевъ и странниковъ, огребатися отъ плотскихъ похотей, яже воюютъ на душу* (1 Петр. 2, 11). Но плотскія похоти за кого ратуютъ, какъ не за діавола, который радуется, когда любовію къ тлѣннымъ благамъ связываетъ души стремящіяся къ горнему, и когда удаляетъ ихъ отъ того жилища, изъ котораго изгнанъ самъ? Каждый вѣрующій долженъ неусыпно бодрствовать противъ его злоумышленій и искушеній, чтобы быть въ состояніи противостать онымъ.

Но ничто такъ не сильно, возлюбленные, противу злобы діавола, какъ благость милосердія и обиліе любви, посредствомъ которой всякій грѣхъ или отклоняется, или побѣждается. Впрочемъ мы не прежде можемъ взойти на высоту сей добродѣтели, какъ ниспровергнувъ все ей противное. А что можетъ быть такъ враждебно и противно, по отношенію къ милосердію и дѣламъ любви, какъ сребролюбіе, изъ котораго, какъ изъ корня, произрастаетъ всякое зло? Если оно не будетъ подавлено въ самомъ зародышѣ, то на нивѣ сердца, на коей это зло возросло и укоренилось, по необходимости всегда больше будутъ раждаться терніи и волчцы пороковъ, нежели произрастать

сѣмена какихъ либо истинныхъ добродѣтелей. Итакъ, противостанемъ, возлюбленные. сему тлетворному злу, и послѣдуемъ любви, безъ которой не возсіяетъ ни одна добродѣтель, дабы тѣмъ же путемъ любви, которымъ низшелъ къ намъ Христосъ, и мы могли взойти къ Нему, Коему честь и слава съ Богомъ Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

ДОЛГОЛѢТІЕ СВЯТЫХЪ ПОДВИЖНИКОВЪ.

(Продолженіе).

Есть и естественныя причины долголѣтія св. подвижниковъ, которыя въ извѣстномъ отношеніи общи у нихъ съ другими долговѣчными людьми. Во первыхъ, съ отрицательной стороны, это — освобожденіе, очищеніе себя отъ страстей. Есть среди насъ одинъ общій врагъ нашей жизни: это грѣхъ, это дѣятельность не сообразная съ закономъ естественнымъ и закономъ откровеннымъ. Именно и теперь мы даемъ этому врагу умножать и разнообразить болѣзни и преждевременныя смерти. »Число тайныхъ и открытыхъ враговъ жизни человѣка довольно велико, говоритъ одинъ знаменитый врачь. Если бросимъ взглядъ на наши патологическіе трактаты, гдѣ болѣзни шествуютъ, такъ сказать, ротами и полками, возрастаютъ до тысячныхъ чиселъ; то ужасаешься послѣдствій, какія можетъ произвести роскошь, растлѣніе нравовъ, образъ жизни несогласный съ натурою, и крайности во всемъ. Многія, даже большая часть изъ этихъ болѣзней происходятъ отъ нашей собственной вины, и каждый день порождаются новыя отъ насъ же самихъ. (*)« — Общій врагъ здоровья и жизни нашей является въ разныхъ видахъ. Семь грѣховъ смертныхъ (**) — это семь смертныхъ враговъ ея, медленно или быстро готовящихъ ей разрушеніе. Однѣ страсти относятся болѣе къ тѣлу — чувственныя, другія къ душѣ душевныя.

Къ первымъ относится прежде всего невоздержаніе, которое »сильно сокращаетъ жизнь человѣка (***).« То вѣрно, что лишній кусокъ хлѣба, лишняя чаша воды — сверхъ мѣры нужной, для возрастанія и возстановленія нашего тѣла уже безполезны и могутъ быть вредны. А сколько и какъ часто употребляютъ такихъ лишнихъ пріемовъ и притомъ не хлѣба и воды, а чего нибудь другаго, въ излишествѣ еще болѣе вреднаго! И чѣмъ болѣе усиливается и продолжается невоздержаніе, тѣмъ болѣе разрушаетъ оно здоровье и жизнь, которую наконецъ можетъ убить внезапно. Справедливо по этому давнее выраженіе о невоздержныхъ, — что, »они поядая съѣдаютъ самихъ себя (consumendo consumantur) (****).« Еще зловреднѣе невоздержаніе другаго рода — сладострастіе (*****). Истощеніе тѣлесное здѣсь усугубляется отъ крайняго истощенія духовныхъ силъ. Ибо чѣмъ болѣе человѣкъ предается этой нечистой стра-

---

(*) Макробіотика Христофора Гуфеланда стр. 188, изд. 2-е.

(**) Прав. испов. ч. III. вопр. 23.

(***) Макробіотика стр. 194.

(****) Конечно невоздержаніе состоитъ не въ грубомъ излишествѣ только, но и въ изысканности пищи и питія, при кажущейся умѣренности. Ib. стр. 194 197.

(*****) Изъ всѣхъ причинъ, сокращающихъ жизнь, нѣтъ ни одной столь опасной, и въ которой соединялись бы вредныя условія въ такой сильной степени, какъ злоупотребленіе любовными наслажденіями.« Ib. 178.

сти, »тѣмъ болѣе онъ теряетъ энергію своихъ мыслительныхъ способностей, проницательности, памяти и сужденія Ничто въ мірѣ не наноситъ такого глубокаго вреда и не разрушаетъ неисправимымъ образомъ величайшій даръ — умъ, какъ невоздержаніе этого рода (*).« Наконецъ всякая нѣга, роскошь, при которыхъ отвыкаютъ отъ естественнаго образа жизни и живутъ искуственно, безпрерывно умножаютъ потребности внѣшней жизни, что все такъ обыкновенно въ наше время, — неизбѣжно сокращаютъ вѣкъ человѣческій (**).

И всѣ душевныя страсти также разстроиваютъ здоровье и сокращаютъ жизнь. Любостяжаніе, корыстолюбіе и скупость, тщеславіе, гордость, гнѣвъ, злость и мстительность, зависть, зложелательство и ненависть — не суть ли это ядовитыя змѣи, которыя, отравляя душу, вносятъ ядъ, порчу въ нашу плоть и кровь, и какъ черви подтачиваютъ, изсушаютъ живой и цвѣтущій организмъ нашего тѣла? Всѣмъ этимъ и другимъ страстямъ неизбѣжно сопутствуютъ душевныя расположенія или ощущенія, которыя также истощаютъ и разрушаютъ жизненныя силы, какъ то: чрезмѣрныя заботы и безпокойства, печали, горести, досады, излишняя чувствительность, мнительность, раздражительность, малодушіе и страхъ. Увы! какъ подъ вліяніемъ этихъ страстей и расположеній извратилась, стала принужденною, искуственною вся жизнь наша! Это видно во всемъ: въ самомъ обыденномъ порядкѣ жизни нашей, въ самыхъ занятіяхъ и трудахъ нашихъ, въ нашихъ отдохновеніяхъ, забавахъ и увеселеніяхъ, въ нашихъ отношеніяхъ къ ближнимъ и присным (***). Такъ-то отвсюду преслѣдуютъ насъ страсти, внося разрушеніе въ жизнь! Но св. подвижники искали свободы отъ страстей, боролись съ ними, хотѣли даже до корня исторгнуть ихъ чтобы достигнуть блаженнаго безстрастія. Итакъ для св. подвижниковъ исчезалъ цѣлый рядъ причинъ, которыя такъ обыкновенно сокращаютъ жизнь людей мірскихъ: и вотъ первая причина ихъ долголѣтія

Но это причина отрицательная, положительною же служила самая простота и суровая строгость внѣшней (тѣлесной) жизни, и высокое развитіе внутренней духовной жизни св. подвижниковъ.

Проста и сурова во всемъ жизнь св. подвижниковъ. Строгіе постники, они отказываются отъ всякихъ вкусныхъ и раздражающихъ яствъ и питій, каковы напр. мяса и вина, а употребляютъ пищу растительную и воду: такъ именно чаще всего жили люди долговѣчные (*). Далѣе — жизнь свою подвижники всегда проводили въ дѣятельности, часто предпринимали самыя тяжкія работы, самые разнообразные труды, особенно въ началѣ, когда проходили разные виды послушанія. Это сообщало тѣлу ихъ крѣпость — условіе долговѣчности (**). Потомъ святые подвижники обрекали себя на

(*) Ib. 179.

(**) Ib. III.—112.

(***) »Мы знаемъ, какъ вредно дѣйствуетъ на продолжительность жизни искуство актера, заставляющее человѣка играть по нѣсколько часовъ въ день чужую роль на сценѣ. Каково же тѣмъ, которые всю жизнь свою играютъ роль на обширномъ театрѣ свѣта, и кажутся не тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ, а существами загадочными, живущими переодѣваніемъ, противурѣчіемъ и ложью! Я не знаю состоянія болѣе противнаго натурѣ человѣка.« Ib. стр. 358.

(*) Люди наидолѣе жившіе питались почти одною растительною пищею: овощами, плодами, хлѣбомъ и молокомъ. Ib. 325. 326. 331.

(**) Всѣ тѣ, кои доживали до глубокой старости, несли въ юности много трудовъ и безпокойствъ... Такая дѣятельная юность есть залогъ продолжительной жизни уже потому, что она даетъ тѣлу извѣстную степень крѣпости, безъ которой оно не могло бы существовать долго. Ib. стр. 256.

всѣ возможныя лишенія и нужды, не щадили, не берегли своего тѣла отъ разныхъ непріятныхъ и вредныхъ вліяній, ощущеній, напр. сильнаго холода и жара, голода и жажды, и тѣло ихъ привыкало ко всему этому, закалялось, такъ сказать, и могло выдерживать несравненно болѣе, чѣмъ тѣло людей, непривыкшихъ къ этому, тѣмъ болѣе людей изнѣженныхъ, менѣе подвергаться самымъ болѣзнямъ и менѣе страдать отъ нихъ, чѣмъ страдаютъ другіе (*). Самое цѣломудріе св. подвижниковъ могло служить источникомъ укрѣпленія и жизненности для ихъ тѣла, истощаемаго постомъ и тяжкими подвигами (**).

Перейдемъ теперь къ развитію духовной жизни св. подвижниковъ, какъ главной естественной причинѣ ихъ долголѣтія. Присутствіе духовнаго начала въ составѣ человѣка различнымъ образомъ содѣйствуетъ продолжительности его жизни: но для нашей цѣли достаточно указать на самую общую сторону этого предмета, которая такъ прекрасно изображена у того же знаменитаго автора. »Разумъ (разумность) эта высокая и божественная способность, свойственная одному человѣку, производитъ величайшее вліяніе не только на его характеръ вообще, но и на совершенство и продолжительность его жизни. Очень натурально, что это прибавленіе человѣку чистѣйшихъ и высшихъ силъ (душевныхъ способностей) увеличиваетъ въ нашемъ тѣлѣ сумму силъ дѣйствующихъ и живыхъ... Въ организмъ человѣческій очевидно входитъ гораздо большая часть элементовъ духовныхъ, нежели сколько нужно на то, чтобы только жить на этомъ свѣтѣ, а этотъ то излишекъ невещественной силы даетъ и поддерживаетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ элементы тѣлесные. Человѣкъ живетъ въ одно время въ двухъ мірахъ: матеріальномъ и умственномъ. Какой же неизсякаемый источникъ пищи и духовныхъ вліяній открываетъ намъ эта совершеннѣйшая организація! Она предоставляетъ въ наше распоряженіе, для питанія и возбужденія жизненной силы, новый родъ средствъ, которыя кромѣ человѣка никому недоступны, и которыя состоятъ въ тончайшихъ чувствахъ и въ нравственныхъ ощущеніяхъ наиболѣе развитыхъ. Я хочу здѣсь указать на наслажденіе и крѣпительное питаніе нашей души, а слѣдовательно и всего существа нашего, которыя доставляютъ намъ музыка, изящное искуство, поэзія,—на блаженство, которое какъ бы возраждаетъ наши силы, и которое мы чувствуемъ, отыскивая истину и дѣлая новыя открытія въ области мысли. Наконецъ, какое мужество раждается въ нашей душѣ, когда, мимо скоропреходящаго настоящаго, мы проникаемъ взоромъ въ будущее, когда оно развертывается предъ нами и мы обнимаемъ его въ мысли своей, утѣшаемъ себя внушеніями надежды! Какую силу, какую энергію дѣлаетъ намъ одна увѣренность въ безсмертіи! Словомъ—мысль расширяетъ горизонтъ человѣческой жизни въ неимовѣрной степени. Человѣкъ извлекаетъ пищу въ одно время изъ двухъ міровъ: матеріальнаго и духовнаго, настоящаго и будущаго. Отъ этого продолжительность его жизни можетъ только увеличиться (*).« »Вѣчныя истины, говоритъ авторъ макровіотики, выразили наши предки въ двухъ золотыхъ словахъ, какъ общій выводъ изъ всѣхъ правилъ жизни: »молись и трудись—остальное Богъ дастъ,« т. е. страхъ Господень въ сердцѣ, чистота нравственная и полезная дѣятельность—суть надежнѣйшее, истинное основаніе всякаго счастія, здоровья и продолжительной жизни (**).

Если же такъ сильно вліяніе духовнаго

(*) lb. 364. 491.
(**) lb. 178. 262.

(*) lb. стр. 134—138. (**) lb. 424.

начала на жизненныя силы человѣка и на продолжительность его жизни, то въ комъ же болѣе оно могло производить свое дѣйствіе, какъ не въ святыхъ подвижникахъ! Духовная дѣятельность ихъ всецѣло направлена къ одной цѣли, къ Богу, а руководитъ ею чистая святая вѣра Христова. Отсюда ихъ понятія и мысли о жизни, объ отношеніяхъ къ Богу, людямъ, міру съ одной стороны прямы, вѣрны, съ другой — свѣтлы, возвышенны. Ихъ чувства и душевныя расположенія непорочны и чисты, съ другой стороны всегда глубоки и широки. Ихъ хотѣнія и дѣйствія святы и праведны, тверды и постоянны. Вся ихъ дѣятельность духовная не скудѣетъ, а постоянно ростетъ, совершенствуется, восходя отъ силы въ силу. Сколько же питательности, бодрости, силы, жизненности почерпали св. подвижники въ своихъ свѣтлыхъ, возвышенныхъ помыслахъ о благости и премудрости Божіей, о строительствѣ нашего спасенія, о мірѣ ангеловъ и небожителей, о высокомъ назначеніи человѣка, — въ своихъ чувствахъ глубокой любви къ Богу—Спасителю, ко всѣмъ ближнимъ, искупленнымъ Его кровію, въ желаніи и чаяніи единенія съ Богомъ въ блаженной вѣчности! Жизнь ихъ, устроясь въ союзѣ вѣры, надежды и любви, доставляетъ имъ истинное, возможное на землѣ блаженство. Это блаженство истинной мудрости, добродѣтели, чистой совѣсти. ***Желаніе благочестивыхъ***, говоритъ Премудрый, — ***услаждаетъ душу*** (Притч. 13, 20). Потому ***съ праведнымъ*** естественно ***пребываетъ веселіе*** (Прем. Сол. 10, 28). Такимъ образомъ подвижничество имѣетъ на своей сторонѣ и естественныя причины долголѣтія. ***Ненавидяй неправды поживетъ лѣта долга*** (Притч. 28, 16). ***Страхъ Господень прилагаетъ дни, лѣта же нечестивыхъ умалятся*** (—10 30). ***Начало премудрости страхъ Господень, и совѣтъ святыхъ разумъ: разумѣти бо законъ, помысла есть благаго. Симъ бо образомъ многое поживеши время, и приложатся тебѣ лѣта живота твоего*** (Прит. 9, 10—11). ***Благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго*** (1 Тим. 4, 8).

Впрочемъ естественныя причины не могутъ вполнѣ объяснить долголѣтія св. подвижниковъ. Не трудно убѣдиться въ этомъ. Вспомнимъ только представленную въ началѣ картину жизни ихъ, и мы согласимся, что если въ жизни св. подвижниковъ сами собою присущи условія продолжительности ея, и есть въ ней извѣстная сообразность съ природою; то съ другой стороны она и выше природы. »Люди ли они, — восклицаетъ въ изумленіи одинъ сказатель житій святыхъ подвижниковъ, — или ангелы — существа безтѣлесныя, яко не ядятъ, ни піютъ, ни спятъ: сіе свойственно есть человѣку, и не можетъ кромѣ пищи, питія и сна живъ быти человѣкъ (*)!« Чѣмъ же еще держалась эта чудная тѣлесная и душевная жизнь подвижниковъ? — Благодатію Божіею, — и это уже сверхъестественная причина долголѣтія ихъ.

Дѣйствіе благодати Божіей можетъ открываться, вопервыхъ, въ самыхъ внѣшнихъ условіяхъ жизни человѣка, въ внѣшнихъ средствахъ ея поддержанія и защиты, сохраненія и процвѣтанія, заключающихся въ видимой природѣ. Обыкновенныя средства жизни, освящаемыя благодатію, вѣрою и молитвою, становятся для святыхъ подвижниковъ благопріятнѣе, дѣйственнѣе, чѣмъ каковы они по своему свойству. Ангелъ Господень напиталъ пр. Илію въ пустыни опрѣснокомъ ячменнымъ и чванцемъ воды: ***и иде Илія въ крѣпости яди тоя четыредесять дней и четыре-***

(*) Житіе св. Даніила Столпника.

десять нощей до горы Божія Хорива (3 Цар. 19, 8). Даніилъ и три отроки Вавилонскіе изъ вѣрности закону Божію отказались отъ царской трапезы и питались только сѣменами и водою: — и чрезъ десять дней *явишася лица ихъ блага, и крѣпка плотію паче отроковъ, ядущихъ отъ трапезы царевы* (Дан. 1, 12—15). Развѣ подобные примѣры невозможны и послѣ? Именно они были и притомъ несравненно обильнѣе, по обилію благодати Божіей. въ Церкви Христовой. Сколько примѣровъ, что подвижники цѣлые мѣсяцы и годы жили двумя, тремя хлѣбами съ зеліемъ и водою! — Марія Египетская 47-мь л. подвизавшаяся въ глухой пустынѣ, цѣлые годы питалась только нѣсколькими сухими хлѣбами, которые взяла съ собою, удаляясь въ пустыню. Когда, уже въ концѣ ея подвижничества, пр. Зосима, неожиданно открывшій ее здѣсь, принесъ ей немного монастырской пищи, она, почти только коснувшись ее, сказала: »довлѣетъ сіе благодати Божіей.« Сколько примѣровъ, что отъ поста не измождалось, а еще процвѣтало лице подвижника! — Разсказываютъ, что св. Димитрій Прилуцкій (+1392). одаренный необычайною красотою, любилъ отъ юнаго возраста библейскую повѣсть о цѣломудріи Іосифа, и даже предпринялъ суровое житіе постническое, чтобы увяла сія тлѣнная красота; но чѣмъ болѣе подвизался, тѣмъ болѣе просвѣщалось лице его, процвѣтая самымъ постомъ. какъ нѣкогда у трехъ отроковъ Вавилонскихъ; посему закрывалъ онъ лице свое куколемъ иноческимъ и не дозволялъ себѣ бесѣдовать съ міряцами, и особенно съ женщинами, такъ что не многіе могли видѣть лице его (*). Сколько примѣровъ, что освященныя молитвеннымъ благословеніемъ вещества дѣлались благопріятнѣе человѣку! В. князь Изяславъ 1-й, часто посѣщая пр. Ѳеодосія, иногда вкушалъ у него монастырскаго брашна: оно казалось ему весма вкуснымъ, такъ что однажды онъ сказалъ: »откуда эта сладость въ твоемъ брашнѣ?« Преподобный, хотя привлечь его къ любви Божіей, отвѣчалъ: »благій владыко! У насъ братія, когда хотятъ варить что или печь хлѣбы, то имѣютъ уставъ такой: сперва приходитъ братъ къ игумену и беретъ благословеніе (въ церкви), потомъ трижды поклонившись предъ святымъ олтаремъ, зажигаетъ свѣчу отъ олтаря, и ею возжигаетъ огонь въ поварнѣ или хлѣбнѣ. Потомъ, когда хотятъ вливать воду въ котелъ, служащій говоритъ старшему: благослови, отче. Тотъ отвѣчаетъ: Богъ да благословитъ тебя, братъ. Итакъ все дѣло дѣлается у нихъ съ благословеніемъ, потому и бываетъ въ сладость. А твои рабы, какъ думаю, работаютъ сварясь, ропща, клевеща другъ на друга, часто бываютъ и биты приставниками, такъ что ихъ дѣло совершается съ грѣхомъ, и потому не бываетъ въ сладость. Слышавъ это, христолюбивый князь сказалъ: »именно такъ, отче (*).« Вѣрно такимъ образомъ сказанное: *лучше укрухъ хлѣба съ сластію въ мирѣ, нежели домъ исполненъ многихъ благихъ и неправедныхъ жертвъ съ бранію. Лучше учрежденіе отъ зелій съ любовію и благодатію, нежели представленіе тельцевъ со враждою* (Притч. 17, 1; 15, 17). Вѣрно за тѣмъ и то, что *праведный ядый насыщаетъ душу* (Притч. 13, 26) — насыщаетъ и потому, что умѣренъ, нелакомъ, и потому, что самая снѣдь восполняется и услаждается благодатію; *души же нечестивыхъ скудны* — и потому, что онѣ неумѣренны, прихотливы, несыты, и потому, что ихъ пища не осоляется

(*) Руск. Ѳиваида стр. 436.

(*) Жит. Преп. Ѳеодосія.

благодатію и молитвою. Сколько наконецъ примѣровъ, что силою благодати и молитвы вещество обыкновенное, малогодное дѣлается цѣлительнымъ и живительнымъ! — Сыны пророческіе уже ѣли сваренное въ конобѣ, какъ примѣтили тамъ ядовитое зеліе и съ ужасомъ сказали пророку Елисею: *смерть въ конобѣ, человѣче Божій!* Пророкъ Божій велѣлъ только всыпать въ конобъ муки, и пища осталась безвредною. Въ печерской обители были свои врачи: къ нимъ уже принадлежалъ пр. Антоній печерскій, который исцѣлялъ болящихъ своею молитвою; но чтобы скрыть это духовное дарованіе, подавалъ имъ зеліе отъ своего брашна. Ему послѣдовалъ пр. Агапитъ, такъ же исцѣлявшій больныхъ молитвою, которымъ давалъ зеліе отъ своего брашна. Былъ тогда въ Кіевѣ славный врачь Армянинъ, съ невѣріемъ и укоризною смотрѣвшій на цѣленія пр. Агапита. Но часто случалось, что неисцѣленные Армянином, исцѣляемы были Агапитомъ. Наконецъ опыты чудодѣйственной благодати Агапита обратили самаго Армянина. Стольже чудно было исцѣленіе больныхъ пр. Даміаномъ цѣлебникомъ (*). Исполнялось здѣсь обѣтованіе евангельское: *на недужныя руки возложатъ, и здрави будутъ* (Марк. 16, 18).

Нарицающій не сущая яко сущая, могъ изъ ничего или вообще особеннымъ, непостижимымъ образомъ устроять внѣшнія средства поддержанія и защиты жизни для св. подвижниковъ, такъ что они поставляли ее въ независимость отъ всѣхъ обычныхъ условій, отъ всѣхъ случайностей въ упованіи на благодать Божію. Это оправдывалось по отношенію и не къ отдѣльнымъ только подвижникамъ, но и къ цѣлымъ собраніямъ ихъ въ обителяхъ, что подлинно еще удивительнѣе. Ближе всего намъ обратиться къ нашей же святой Печерской обители. Когда какія нибудь нужды тѣснили обитель, пр. Ѳеодосій обыкновенно говорилъ братіи: »*ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ Не пецытеся на утрей, утреній бо собою печется, довлѣетъ дневи злоба его* (Мат. 6, 33—34). Богъ не оставитъ насъ своею благодатію.« И упованіе его было не постыдно. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Хлѣбный пекарь съ безпокойствомъ напоминалъ Преподобному, что у него въ засѣкѣ уже нѣтъ муки, а только три, четыре горсти отрубей. »Вѣрь чадо, отвѣчалъ святый, что Богъ можетъ изъ нихъ дать намъ достаточно муки. Нѣкогда при Иліи онъ отъ малой горсти умножилъ вдовицѣ столько муки, что она пропиталась съ дѣтьми во все время трехълѣтняго голода. И нынѣ тотъ же Богъ нашъ, Онъ и нынѣ сдѣлаетъ намъ изъ малаго — многое. Иди и смотри, не будетъ ли благословенія Божія на мѣстѣ томъ.« Возвратясь хлѣбопекарь нашелъ полный запасъ муки (*). Рѣшишься ли, христіанинъ, перекать сему, зная, что Христосъ, напитавшій пятью хлѣбами пять тысячь народа, есть *вчера, днесь той же и во вѣки* (Евр. 13, 8)? Обрати впрочемъ вниманіе на всю судьбу какой нибудь обители, напр. Печерской, какъ она основалась и процвѣла безъ обычныхъ пособій и средствъ внѣшнихъ. »Мнози монастыри, говоритъ лѣтописецъ, отъ князій и бояръ богатствомъ поставленны бываютъ: не суть же таковы, якоже сіи, иже поставляются молитвою святыхъ и слезами, пощеніемъ же и бдѣніемъ. Сице убо и преподобный Антоній не имѣ злата, ни сребра, но слезами поливая, несравненъ возрасти монастырь (**).« Что

(*) Патер. Печерскій.

(*) Житіе Преп. Ѳеодосія.
(**) Пол. Соб. Рус. Лѣт. 1, 73.

вѣрно по отношенію къ цѣлымъ собраніямъ подвижниковъ. то вѣрно и по отношенію къ каждому изъ нихъ,—къ каждому благочестивому человѣку. Ибо *нѣсть лишенія боящимся Господа. Богатіи обнищаша и взалкаша: взыскающіи же Господа не лишатся всякаго блага* (Пс. 33, 10. 11). Не богатство впрочемъ обѣщается праведнымъ, которые не ищутъ его, а именно нелишеніе необходимаго въ жизни. *Юнъ бых, ибо состарѣхся, и не видѣх праведника оставлена, ниже сѣмене его просяща хлѣбы* (Пс. 36, 25).

И теперь мы уже не удивляемся, какъ живетъ одинокій отшельникъ въ дикой дебри, гдѣ витаютъ только птицы, змѣи и звѣри. Животныя не только не вооружаются противъ него, а еще служатъ, какъ Иліи служилъ воронъ, носившій ему хлѣбъ въ пустынѣ, какъ служили многимъ подвижникамъ медвѣди и львы, то принося имъ снѣди и воду, то укрывая ихъ въ свои логовища, то помогая имъ устроять малыя хозяйства, то съ предупредительностію прислуживая имъ во время болѣзней, а по смерти заботливо вырывая имъ могилы, какъ своимъ владыкамъ.— Съ такою же властію часто повелѣваютъ св. подвижники стихіями и всею бездушною природою. Съ благоговѣніемъ представляемъ здѣсь въ мысли многіе примѣры, какъ для святыхъ Божіихъ мѣдное небо источало дождь и росу, земля безплодная окаменѣвшая и сухая открывала родникъ; какъ разступались для нихъ скалы, деревья устрояли тѣни и покровы; какъ они ходили по водамъ, усмиряли бушевавшія волны, запрещали вѣтрамъ, переносились на ихъ крыльяхъ чрезъ огромныя пространства, не ожигались зноемъ солнечнымъ, не замерзали отъ жгучей стужи, не опалялись пламенемъ, были невредимы отъ смертоносныхъ веществъ и другихъ разрушительныхъ вліяній, каковы напр. убійственная для другихъ гнилость, удушливость пещеры или затвора (*).

Во всемъ этомъ сбывались обѣтованія слова Божія, данныя праведнымъ и истинно вѣрующимъ: *во дни солнце не ожжетъ тебе, ниже луна нощію* (Пс. 120, 6); *на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія* (Пс. 90 13); *знаменія же вѣрующимъ сія послѣдуютъ... змія возмутъ, аще и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ* (Марк. 16, 17) Какъ праведники возвращаютъ себѣ райскую чистоту и святость: то сила благодати возстановляетъ для нихъ и первобытное господство надъ природою:—и древо жизни можетъ открываться имъ во всемъ, въ простомъ зеліе, въ простой водѣ, а враждебное дѣйствіе природы можетъ прекращаться для возстановленнаго въ своемъ величіи владыки ея! При такомъ отношеніи къ природѣ, въ коей положены необходимыя внѣшнія условія, средства поддержанія и защиты нашей жизни,—дивно ли, что жизнь святыхъ становится выше обыкновенныхъ законовъ жизни человѣческой, сохраняется и процвѣтаетъ уже независимо отъ обычныхъ условій ея сохраненія и процвѣтанія, а сообразно цѣлямъ премудрости и благодати Божіей?

Отъ видимыхъ, посредственныхъ дѣйствій благодати, обратимся наконецъ къ самой этой силѣ благодати, внутренно исполняющей св. подвижниковъ. Ею устрояется собственно духовная жизнь подвижниковъ, но сила ея открывается и на жизни тѣлесной. Дѣйствія благодати Божіей всегда чудесны. Своею благодатію *немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая; и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и несущая,*

(*) Кто сколько нибудь знакомъ съ житіями святыхъ, тотъ конечно знаетъ, что въ нихъ есть довольно примѣровъ на каждое изъ высказанныхъ положеній.

да сущая упразднитъ (1 Кор. 1, 27. 28). Сила сія особенно въ немощи совершается. Исполненные ею, подвижники, немощные и худородные по плоти, были исполины духомъ. Могучесть и несокрушимость благодатной силы высказалась въ этихъ изумляющихъ насъ подвигахъ и трудахъ св. подвижниковъ, въ этой ужасающей насъ борьбѣ съ нуждами, лишеніями, недугами, страданіями, особенно соблазнами и страстями, съ навѣтами и гоненіями отъ сыновъ вѣка сего,—ибо хотящіи благочестно жити большею частію гонимы бываютъ,—наконецъ въ борьбѣ съ злобою князя вѣка сего, исконнаго человѣкоубійцы, который можетъ открывать свои козни во всякомъ знаменіи и силѣ, можетъ дѣйствовать и чрезъ внѣшнюю природу и чрезъ сыновъ противленія, можетъ посылать всѣ роды соблазновъ, искушеній, страховъ, напастей, лишеній, страданій, можетъ повергнуть на гноище, мучить до полусмерти, что все такъ часто бывало въ исторіи подвижниковъ! Издавна говорятъ, что нѣтъ мужества больше того, какое выражается въ побѣдоносной борьбѣ съ самимъ собою, съ страстями и искушеніями. Исполины свѣта часто оказывались съ этой стороны немощными. Сопоставленные, или враждебно встрѣтившіеся съ исполинами нравственной силы, они обыкновенно являлись безсильны предъ ними, какъ Голіаѳъ предъ Давидомъ, поелику были чужды ихъ нравственной силы; ибо эта сила не достояніе плоти и крови, а даръ благодати, открывающейся въ немощахъ. Эта сила божественная: потому она можетъ наконецъ сдѣлаться необоримою ни для какой другой силы ни на небѣ, ни на землѣ, ни въ преисподней. *Кто ны разлучитъ отъ любве Божія, скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечь; якоже есть писано: яко Тебе ради умерщвляемы весь день, вмѣнихомся якоже овцы заколенія. Но во всѣхъ сихъ преподобьюдаемъ за возлюбльшаго ны. Извѣстихся бо, яко ни смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (Римл. 8, 35—39).

(Окончаніе будетъ).

ВИДѢНІЕ СОЗОМОНА.

Жилъ въ Іерусалимѣ нѣкто Созомонъ, человѣкъ добродушный и нищелюбивый. Проходя однажды по городу, онъ встрѣтилъ нищаго и сжалившись надъ нимъ, снялъ съ себя свою одежду и отдалъ ему. Въ слѣдующую за тѣмъ ночь, едва онъ заснулъ, какъ увидѣлъ себя въ какомъ-то чудномъ домѣ, чрезвычайно свѣтломъ и окруженномъ различными садами съ благовонными растеніями и прекрасными деревьями, на которыхъ разнообразныя птицы непрестанно воспѣвали пріятнѣйшія пѣсни. Между тѣмъ какъ Созомонъ съ великимъ удивленіемъ разсматривалъ видѣнное имъ, подошелъ къ нему ангелъ въ образѣ юноши и, повелѣвши ему идти за собою, привелъ его къ храминѣ, покрытой золотомъ,

изъ которой видѣнъ былъ другой великолѣпнѣйшій чертогъ, украшенный драгоцѣнными камнями. Вслѣдъ за этимъ дивнымъ видѣніемъ явились ангелы въ видѣ свѣтлыхъ крылатыхъ юношей, которые несли четыре золотые ковчега, и принесши поставили ихъ предъ Созомономъ, какъ будто въ ожиданіи кого-то начальствующаго надъ ними. Тогда вышелъ изъ чертога нѣкій благопочтенный Мужъ и, подошедши къ ангеламъ, сказалъ имъ: »покажите этому человѣку, какія приготовлены для него ризы за то, что онъ оказалъ свое милосердіе обнаженному нищему.« Они открыли одинъ ковчегъ и стали показывать ему разноцвѣтныя богатыя одежды, при чемъ спрашивали у него, угодны ли ему эти одежды. Созомонъ отвѣчалъ, что онъ считаетъ себя недостойнымъ смотрѣть даже и на тѣнь ихъ. Потомъ они показали ему другія одежды, златотканныя и самыя драгоцѣнныя, числомъ до тысячи. При этомъ Начальствующій надъ ангелами говоритъ ему: »вотъ какія блага Я приготовилъ для тебя за одну одежду, которою ты облекъ Меня въ образѣ нищаго; продолжай и впередъ дѣлать тоже, и ты получишь стократное воздаяніе.« Созомонъ со страхомъ и радостію отвѣчалъ: Господи мой, неужели такая награда уготовляется творящимъ милостыню?« »Дѣйствительно такая, — сказалъ Господь, — ибо всякъ, творящій милостыню нищимъ и убогимъ, сторицею пріиметъ и животъ вѣчный наслѣдуетъ.« Пробудившись отъ сна, Созомонъ размышлялъ: »поелику столь великія блага обѣщаетъ мнѣ Господь мой, то я и другую одежду отдамъ неимущему.« Послѣ этого раздалъ нищимъ все свое имущество, отказался отъ міра и присоединился къ обществу иноковъ (Прол. 31 Августа).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 4-го Мая 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ *Іоанникій*.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 7.

НЕДѢЛЯ СВЯТЫХЪ ОТЕЦЪ.

19 Мая 1857 г.

Гласъ 6-й.

На утрени евангеліе воскресное 10-е, Іоан. зач. 66. На литургіи: апост. Дѣян. зач. 44, евангел. Іоан. зач. 56.

СВ. ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА

ПИСЬМА

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ КЪ ПАСТЫРЯМЪ ЦЕРКВИ.

1) Объ уваженіи пастырей Церкви.

ЕВСЕВІЮ ИГУМНУ.

Повѣрь мнѣ, любезный братъ, что я большое участіе принялъ было въ твоей скорби, какъ бы я самъ былъ обиженъ; но узнавъ напослѣдокъ, что послѣ того, какъ достопочтенный братъ и сослужитель мой возвратилъ тебѣ свое благоволеніе и общеніе, ты не хотѣлъ принять общеніе отъ него, я увѣрился, что съ тобою было поступлено справедливо.—Рабы Божіи должны смиряться особенно тогда, когда ихъ оскорбляютъ; а тѣ, кои надмеваются предъ настоятелями своими, явно показываютъ, что они не хотятъ быть рабами Божіими.—Если Максиміану не должно было поступить съ тобою такъ, какъ онъ поступилъ: то ты обязанъ былъ принять отъ него благословеніе со всякимъ смиреніемъ и благодарностію; но поелику сего ты не сдѣлалъ, то меня весьма огорчилъ.—Не важно то, что мы смиряемся предъ почитающими насъ; но мы должны смиряться особенно предъ огорчающими насъ, ибо Псалмопѣвецъ говоритъ: *виждь смиреніе мое отъ враговъ моихъ* (Пс. 8, 14); да и что за жизнь наша будетъ, если мы не будемъ смиряться предъ отцемъ? Посему, любезнѣйшій, умоляю тебя прекратить всякую горечь въ сердцѣ, дабы не умереть во враждѣ и не дать чрезъ сіе древнему врагу случая заключить пути къ царству не-

бесному. Иподіакону Петру я приказалъ дать тебѣ сто златницъ, кои прошу принять безъ огорченія (Кн. 2. пис. 36).

ІУСТИНУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ.

Человѣконенавистный древній врагъ имѣетъ такое обыкновеніе, что кого онъ не можетъ, бывъ отражаемъ Господомъ, склонить къ худымъ дѣламъ, у тѣхъ портитъ мысли, вымышляя ложное. Такъ молва разсѣяла было нѣкоторые невыгодные слухи о первосвященническомъ служеніи брата и соепископа нашего Льва; но я приказалъ строго изслѣдовать эти слухи.—По изслѣдованіи открылось, что онъ ни въ чемъ невиноватъ, что было насказано на него. — Дабы не оставить нималѣйшаго подозрѣнія, я еще заставлялъ его клясться при гробѣ св. Петра. Когда онъ сдѣлалъ это; то я весьма возрадовался тому, что невинность его совершенно обнаружилась.—Посему, достопочтенный мужъ, прими сего мужа со всею любовію; окажи ему должное первосвященнику почтеніе, и не попусти, чтобы онъ оставался въ подозрѣніи касательно того, что уже прощено ему; а для сего со всѣмъ благоговѣніемъ прилѣпись къ сему епископу, чтобы въ лицѣ его почтить достойнымъ образомъ Бога, коего онъ есть служитель (Книг. 2. пис. 33).

ФАНТИНУ ЕКДИКУ ПАНОРМИТАНСКОМУ.

На щетъ брата и сослужителя моего Ексгиларата я получилъ, какъ и тебѣ извѣстно, такія свѣдѣнія, что его должно было строго наказать; но поелику достопочтеннѣйшій братъ и соепископъ мой Левъ, который былъ судьею его, уже два раза дѣлалъ ему выговоръ; то я разсудилъ отпустить его къ своей церкви, считая довольнымъ и того, что онъ претерпѣлъ здѣсь отъ долговременнаго пребыванія.— Посему повелѣваю тебѣ наблюдать надъ его нравами и поступками, и чаще увѣщевать его, чтобы онъ съ усердіемъ исполнялъ долгъ любви въ отношеніи къ клирикамъ, и если понадобится, былъ заботливъ въ исправленіи проступковъ его; но и клиръ его увѣщевай, чтобы онъ, сообразно божественной заповѣди, оказывалъ ему смиреніе и послушаніе и отнюдь не дерзалъ гордиться предъ нимъ. —А если или епископъ, или клиръ не будутъ слушаться твоихъ наставленій; то или самъ исправь ихъ по правиламъ, какъ тебѣ заблагоразсудится, или немедленно донеси мнѣ, дабы я могъ распорядиться касательно того, какъ надмѣвающихся удержать на правомъ пути.— (Книг. 14. пис. 4).

2) *О повиновеніи пастырямъ Церкви.*

ТАРЕНТИНЦАМЪ.

Изъ прошенія вашего, которое вы подали мнѣ, я узналъ, возлюбленные, о желаніи вашемъ.—Избраніемъ вашимъ я весьма доволенъ: ибо вы просите, чтобы я опредѣлилъ къ вамъ настоящимъ первосвященникомъ уже извѣстнаго по заслугамъ брата и сослужителя моего Агнелла.— Поелику правильнаго прошенія нельзя не исполнить или медлить исполненіемъ его; то я, согласно желанію вашему и прошенію, прямо опредѣлилъ его настоящимъ первосвященникомъ вашей церкви.—Но вы должны во всемъ повиноваться ему, дабы при содѣйствіи вашей любви онъ могъ съ пользою промышлять о церкви и управлять ею, каковыя обязанности онъ принялъ на себя по вашей просьбѣ (Книг. 3. пис. 14).

КЛИРУ КАПУАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Поелику находившійся здѣсь епископъ церкви капуанской Фусхъ преселился изъ здѣшняго міра; то я поручилъ брату и со-

служителю всему, епископу нолянскому Гавденцію, посѣтить вдовствующую церковь вашу, приказавъ ему не касаться доходовъ, вамъ принадлежащихъ. Посему повинуйтесь его наставленіямъ, т. е. бдительно занимайтесь церковною службою и славословіемъ Господа, и подчиняйтесь правиламъ церковнаго управленія такъ, чтобы никто не противорѣчилъ его приказаніямъ, но всѣ распоряженія относительно церковнаго порядка исполнялись безпрекословно: потому что когда вы будете повиноваться его приказаніямъ; то онъ не пренебрежетъ выгодъ вашей церкви, но со всѣмъ усердіемъ позаботится объ нихъ.— (Книг. 5. пис. 14).

ЕПИСКОПАМЪ ЕПИРСКИМЪ.

Изъ письма вашего узналъ я, любезные братія, что братъ мой Андрей, по милости Божіей, торжественно посвященъ въ епископа никополитанскаго.—Такъ какъ вы пишете, что онъ посвященъ въ сей санъ по общему согласію клира и областныхъ начальниковъ, то я радуюсь сему и молю, чтобы онъ постоянно обладалъ тѣми благими качествами, о коихъ вы свидѣтельствуете, и при содѣйствіи Божіемъ усугублялъ ихъ, потому что благость начальниковъ составляетъ спасеніе подчиненныхъ.—Но вы должны со всею ревностію подражать тѣмъ качествамъ, кои хвалите въ немъ, ибо и предъ людьми предосудительно и предъ Богомъ виновно не хотѣть подражать той добродѣтели, которая нравится.— Итакъ чтобы я повѣрилъ вашему свидѣтельству, вы должны подтвердить его послушаніемъ своему пастырю.—Для сего изъ васъ никто не долженъ противорѣчить тѣмъ приказаніямъ его, какія онъ будетъ дѣлать къ общей пользѣ, безъ вреда для Церкви. Преданность же свою вы должны оказывать охотно: ибо когда между вами и пастыремъ вашимъ будетъ богоугодное согласіе; то зависть не расторгнетъ союза взаимной любви, или разнорѣчіе не возмутитъ васъ. При сихъ условіяхъ коварный врагъ никакъ не приступитъ къ сердцамъ вашимъ: ибо онъ знаетъ, что ему нельзя обмануть, да и не примутъ его тамъ, гдѣ царствуетъ искренняя любовь.—

Сверхъ сего, любезныя братія, со всею бдительностію охраняйте ввѣренное вамъ стадо и пекитесь объ немъ; коварству врага противопоставляйте бдѣніе и молитву; внушайте ему ради Бога, коему вы предстоите, чистую вѣру, чтобы такимъ образомъ за священническую обязанность получить вамъ отъ вѣчнаго Судіи вѣнецъ и избѣжать вѣчнаго наказанія.

ЕДИЛБЕРТУ ЦАРЮ АНГЛІЙСКОМУ.

Всемогущій Господь для того ввѣряетъ добрымъ людямъ управленіе народами, чтобы чрезъ нихъ содѣлать участниками своей благости подвластныхъ имъ.—Это доказываютъ собою Англы, надъ коими ты, преславный, для того поставленъ царемъ, чтобы посредствомъ благихъ твоихъ свойствъ подчиненный тебѣ народъ содѣлать участникомъ небесныхъ даровъ. Посему со всею заботливостію храни, достославный сынъ мой, данную тебѣ отъ Бога благодать, распространяй между подчиненными тебѣ народами христіанскую вѣру, усугубь ревность къ обращенію ихъ, преслѣдуй идолопоклонство, испровергай капища, заботься, чтобы подчиненые твои имѣли чистые нравы, а для сего увѣщевай ихъ, угрожай имъ, исправляй, будь имъ примѣромъ, дабы на небѣ получить тебѣ воздаяніе отъ Того, о Комъ ты распространишь на землѣ познаніе.—Такъ нѣкогда благочестивѣйшій государь Константинъ покорилъ вмѣстѣ съ собою Господу нашему Іисусу Хри-

сту римское государство и всѣмъ сердцемъ вмѣстѣ съ подчиненными ему народами обратился къ Нему, чѣмъ самымъ превзошелъ своихъ предшественниковъ. Такъ и ты, преславный, поспѣши сообщить подчиненнымъ тебѣ народамъ и царямъ познаніе единаго Бога Отца и Сына и Святаго Духа, дабы превзойти славою прежнихъ царей твоего народа, и по мѣрѣ очищенія грѣховъ твоихъ народовъ самому получить на страшномъ судѣ всемогущаго Бога прощеніе грѣховъ.

А потому, что внушаетъ тебѣ достопочтенный братъ мой епископъ Августинъ, который обстоятельно знаетъ священное Писаніе и по милости Божіей преуспѣлъ въ добрыхъ дѣлахъ,— охотно внимай, и внушаемое имъ съ благоговѣніемъ исполняй и тщательно сохраняй въ памяти: ибо если ты будешь слушаться его наставленій, какія онъ преподастъ тебѣ о имени всемогущаго Бога; то всемогущій Богъ скорѣе услышитъ его, когда онъ будетъ молиться о тебѣ. — И такъ соединись съ нимъ въ ревности къ вѣрѣ, и содѣйствуй ему тою силою, какую тебѣ Господь даровалъ, дабы Господь, вѣру коего ты распространяешь въ своемъ царствѣ, содѣлалъ тебя участникомъ своего царства — (Книг. 11. пис. 66).

ІАННУАРІЮ ЕПИСКОПУ КАРАЛИТАНСКОМУ.

Дошло до меня, что нѣкоторые изъ твоихъ клириковъ по гордости отказываются отъ повиновенія твоимъ приказаніямъ и, занимаясь посторонними дѣлами, оставляютъ дѣла своей церкви, гдѣ они нужны. — Я весьма удивляюсь, почему ты не прибѣгаешь къ правиламъ церковнымъ и не принуждаешь ихъ исполнять принятую ими должность. Говорятъ еще, что нѣкоторые изъ этихъ непокорныхъ, защищаясь отъ тебя, прибѣгаютъ къ покровительству моего стряпчаго Виталія; посему я писалъ къ нему, чтобы онъ не дерзалъ безъ разбору защищать клириковъ твоихъ; но если кто изъ нихъ будетъ виновенъ въ небольшихъ и простительныхъ грѣхахъ, то бы только ходатайствовалъ за нихъ предъ тобою, но не защищалъ ихъ. Итакъ остерегайся, чтобы я болѣе не слыхалъ о подобномъ неуваженіи къ тебѣ твоихъ клириковъ.

СЛОВО,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ МИХАИЛОМЪ СХИНАСОМЪ ВЪ ЦЕРКВИ СВ. ИРИНЫ (ВЪ АѲИНАХЪ) ПРИ ПОГРЕБЕНІИ КОНСТАНТИНА ИКОНОМОСА, ПРЕСВИТЕРА И ИКОНОМА (*).

Умре Самуилъ, и собрашася весь Израиль, и плакашася его, во Армаѳемѣ (1 Цар. 25. 1).

О жребій горестнѣйшій — жребій, сегодня павшій на меня! Какого великаго несчастія тяжесть я долженъ понести и изречь! Я весь

(*) Переведено изъ Аѳинской газеты *Эонъ* № 1505. 11 Мар. 1857. Тамже помѣщенъ слѣдующій некрологъ сего замѣчательнѣйшаго мужа новой Эллады:

»Нѣтъ уже въ живыхъ Константина Икономоса Икономида, великаго оратора восточной Церкви, отличнѣй-

въ смущеніи, — и однакоже возстаю, чтобы выразить скорбь любви, выступаю, повинуясь голосу братій и священному призванію церкви.

шаго и краснорѣчивѣйшаго учителя еллинскаго народа, первѣйшаго изъ писателей новой Эллады, панегириста мучениковъ и героевъ, подвизавшихся за независимость, вѣрнаго воина и до послѣдняго издыханія посвятившаго себя на подвигъ за вѣру и въ пользу языка еллинскаго.— Печальные, протяжные звуки церковныхъ колоколовъ возвѣстили скорбной столицѣ возрожденной Эллады, что свѣтило, озарявшее ее и украшавшее новое шествіе народа, угасло. Въ четыре часа пополудни, въ пятокъ, осьмаго марта, съ миромъ предалъ Господу духъ свой знаменитый свѣтильникъ всего православія. Въ скромномъ домикѣ своемъ, котораго стѣны уставлены книгами, у малаго столика, на которомъ написано столько отличнѣйшихъ произведеній новой еллинской филологіи, важныхъ и блестящихъ краснорѣчіемъ словъ, уже лежитъ бездыханнымъ великій писатель!

Жизнь Иконома, восходящая ко времени отдаленному и проходившая чрезъ эпохи великія и критическія, не есть простое дѣло газеты. Она принадлежитъ важному труду исторіи всего еллинскаго народа. Иконома, выдающійся впередъ въ числѣ тѣхъ вдохновенныхъ дѣятелей, которые пріуготовили умъ и сердце еллинскаго народа на святое предпріятіе 1821 года, Иконома, важнѣйшій между новыми апостолами воскресенія народнаго, представляетъ въ лицѣ своемъ цѣлый періодъ. Мы не можемъ и не дерзаемъ прослѣдить теперь жизнь сего мужа во всѣхъ ея подробностяхъ. Припомнимъ только училище смирнское, одинъ изъ тѣхъ разсадниковъ, въ которыхъ возращены лавры новой Эллады; вспомнимъ о Церкви и ея страдальческихъ подвигахъ. Кто, обращаясь мыслію къ онымъ прекраснымъ эпохамъ, можетъ отдѣлить отъ нихъ Иконома? Итакъ, мы скажемъ объ немъ только то, что можно сказать въ глубочайшей скорби и печали, объемлющихъ сердце каждаго еллина, а особенно юнаго, когда онъ видитъ предъ собою, одного за другимъ, бездыханными поборниковъ свободы, стонами и мученичествомъ пріуготовившихъ избавленіе отечества отъ рабства!

Самыя послѣднія минуты великаго учителя были сокращеніемъ долгой и прекрасной жизни его. Цѣлый день, въ пятницу, онъ не переставалъ учить. Прежде нежели испустилъ онъ дыханіе, отъ всего сердца помолился Богу, и прочетавъ *Вѣрую...*, яснымъ голосомъ исповѣдалъ божественность седми вселенскихъ Соборовъ. Въ самый же послѣдній часъ такую сохранилъ силу ума, что когда, при совершеніи надъ нимъ Елеосвященія, іерей ошибочно прочиталъ одно выраженіе св. Евангелія, онъ поправилъ его. Кому посчастливилось слышать этого краснорѣчиваго мужа, на одрѣ смерти сплетавшаго похвальное слово еллинскому языку, и раскрывавшаго духъ эллинизма и православія, тѣ хотѣли бы на долгое время сохранить въ своей памяти этотъ удивительный образъ.

Какой поводъ къ сему достоплачевному священнодѣйствію? Что за причина такого царскаго и вмѣстѣ народнаго движенія и торжествен-

---

А кои видѣли его мертваго, сѣдящаго на церковномъ сѣдалищѣ (а), въ священническомъ облаченіи и съ митрою на главѣ,—драгоцѣннымъ подаркомъ послѣдней царицы грузинской, державшаго на лѣвой сторонѣ груди святое Евангеліе, и всматривались въ это лице съ возвышеннымъ челомъ и съ длинною густою брадою, выражавшее умъ и важность со всею пріятностію и нѣжностію, какія можно встрѣчать только на лицахъ еллиновъ,—тѣмъ мнилось, что видятъ предъ собою одного изъ оныхъ великихъ и богоносныхъ 360-ти Отцевъ Никейскаго вселенскаго Собора, которыми начертанъ христіанскій православный догматъ. Приступавшіе къ лобзанію десницы достопочтеннаго старца, десницы, столько написавшей въ пользу Церкви и народа, думали, что эти уста, хотя и мертвыя, готовы еще двигаться, что эти величавые, невольно внушавшіе уваженіе глаза, не были заключенными глазами мертваго, но долупонякшими очами живаго лица, погруженнаго въ размышленіе. Иконосъ, и будучи мертвымъ, казалось ораторствовалъ и училъ.

Погребеніе усопшаго было народное. Е. В. Король нашъ, желая воздать въ послѣдній разъ отличную почесть знаменитому мужу, повелѣлъ, чтобы покойнику оказаны были вопервыхъ почести какъ великому Таксіарху, потомъ какъ Антистратигу. Царская мысль была поистинѣ счастливая, вдохновенная, вполнѣ еллинская. Наставникъ народа такой, какъ Иконосъ, имѣетъ одинаковое значеніе съ военачальникомъ. Образователь сердца и ума—чѣмъ отличается, кромѣ одного имени, отъ военачальника, ведущаго къ побѣдѣ на полѣ брани? Всѣ члены Синода, множество духовенства, министры и государственный Совѣтъ, посланники Русскій и Баварскій, царскіе тѣлохранители, войско столичное и одни за другими воспитанники университета, школы Ризарія, гимназій и другихъ училищъ, вмѣстѣ со всѣмъ стекшимся изъ города народомъ, сопровождали почившаго до послѣдняго жилища его, съ пышностію, подобной которой еще не видѣли Аѳины. Два церковные хора пѣвчихъ Греческій и Русскій, три военныхъ музыки, предшествуемыя пѣхотою, конницею и артиллеріею, дополняли это всенародное погребальное шествіе. Адвокаты столичные предложили, въ честь учителя народа, закрыть присутственныя мѣста въ этотъ траурный день, и со всѣми судьями въ глубокой скорби заканчивали великое погребальное торжество. Еще зрѣлище достойное замѣчанія! Балконы домовъ на улицахъ Ерміевой, Эоловой и Стадіевой были наполнены множест-

(а) Въ Греціи, и въ настоящее время, тѣла усопшихъ патріарховъ, архіереевъ и пресвитеровъ не полагаютъ, какъ у насъ, на столѣ, но въ полномъ, по сану, облаченіи посаждаютъ на стулѣ или креслѣ. *Переводч.*

наго собранія? Вокругъ кого соборъ іереевъ, о комъ усердныя молитвы и пламенныя прошенія, съ поникшими главами и рыданіемъ, уже ночь и день возносятся къ небу, какъ лѣствицы низводящія оттуда утѣшеніе? Се лежитъ предъ нами великій мертвецъ! Пала великая твердыня народа! Рыдаетъ страна, *и собрашася весь Израиль, и плакашася его.* Почилъ, взываетъ она, нашъ Самуилъ проповѣдникъ. Не стало законоблюстителя Церкви, отшелъ сокровищехранитель и чиноначальникъ Эллады! Великаго еллина, пламеннаго іерея и проповѣдника Церкви, славнаго учителя еллиновъ — Константинина Икономоса уже нѣтъ въ живыхъ между нами, и съ любовію погребается онъ тамъ, гдѣ родился, гдѣ возрасъ и воспитанъ,—въ землѣ еллинской, въ землѣ православія, *въ дому его во Армавемъ.*

И Живущему на небесахъ благоугодно, чтобы восхваляемы были прославленные Имъ на землѣ и Его прославившіе, и народъ желаетъ услышать вѣщаніе о подвигахъ на пользу и во славу его, и прослѣдить, дрожащими устами моими, шествія сего усопшаго сына двухъ сопредѣльныхъ вѣковъ, — этого совершителя, этого свѣтильника и свидѣтеля многихъ и чрезвычайныхъ дѣлъ, угасшаго въ восемь дней! *Человѣкъ суетѣ уподобися; дніе его яко сѣнь преходятъ.*

Итакъ, прося у достопочтенныхъ слушателей снисхожденія къ наскоро составленному и неупорядоченному слову моему, я со смиреніемъ предлагаю краткое повѣствованіе о поприщѣ здѣшней жизни оплакиваемаго нами,— сказаніе о воинствованіи его въ этой суетной юдоли.

Константинъ, по происхожденію Икономосъ, а по степени и должности церковной пресвитеръ и икономъ, родился въ 1781 году въ Царицанѣ, Ѳессалійскомъ городѣ, процвѣтавшемъ торговлею. Отецъ его, по имени Киріакъ, также какъ и онъ пресвитеръ и икономъ, былъ мужъ ученый и знаменитый между тамошними жителями. Достоуважаемою между христіанскими женами была и мать его Анѳія, нѣкогда разсказывавшая, что въ дѣтствѣ Константина рой пчелъ, прилетѣвши, сѣлъ на его выѣ и потомъ опять улетѣлъ, оставивъ младенца невредимымъ. Это было знаменіемъ Божіимъ, предвозвѣщавшимъ въ будущемъ медоточность рѣчи дитяти и той молвы, которая произойдетъ объ ней. Имѣя такихъ родителей, Константинъ воспитанъ былъ и обученъ вполнѣ по-христіански и по-еллински, изъ дѣтства обнаруживая удивительную даровитость и любовь къ добру. Самъ отецъ училъ его еллинскому языку, а нѣкто Зисисъ Кавурасъ латинскому. Отрокъ шелъ впередъ по-исполински, такъ что на двѣнадцатомъ году отъ рожденія уже сочинялъ гомерическіе стихи, и будучи произведенъ въ чтеца произнесъ съ амвона слово собственнаго

вомъ женщинъ въ траурѣ и погруженныхъ въ слезы. Отъ церкви св. Ирины усопшій сопровождаемъ былъ до святаго монастыря Безплотныхъ Силъ, гдѣ и погребенъ близъ Діонисія кинурійскаго, согласно желанію, которое выразилъ, отходя отъ насъ, великій учитель и великій писатель. При опущеніи его въ могилу, все войско, расположенное предъ монастырскою оградою, сдѣлало троекратный выстрѣлъ. Европейцамъ, вѣроятно, покажется удивительнымъ, что при погребеніи простаго іерея и учителя присутствовало войско и производило выстрѣлы; но кто познакомился ближе съ Греціею и изучилъ ее, тотъ нисколько не удивится этому. Клиръ у насъ предшествовалъ народному подвигу, и у него была общая съ воинами дѣятельность, для достиженія свободы. Какъ же можно, чтобы войско лишено было своего долга—воздать послѣднюю почесть такому мужу, каковъ Икономосъ?

При погребеніи его произнесены два слова: одно въ церкви — великимъ еллинистомъ, краснорѣчивымъ Г. Михаиломъ Г. Схинасомъ, другое—на могилѣ, Г. Андреемъ Ригопуломъ, даровитымъ и ученымъ адвокатомъ, принадлежащимъ новому поколѣнію.«

Покойный былъ почетнымъ членомъ Конференціи Кіевской Духовной Академіи: почему редакція Воскреснаго

сочиненія. Возрастая и укрѣпляясь духомъ, онъ на 21-мъ году возраста признанъ достойнымъ рукоположенія въ діакона и пресвитера, уже имѣя супругу, по имени Елену. И снова идетъ впредъ: на 25-мъ году поставляется Икономомъ церкви, преемникомъ умершаго отца своего, и священно-проповѣдникомъ въ своемъ отечествѣ, проходитъ города и веси ѳессалійскія, и нѣкоторыя въ Македоніи, проповѣдуя слово Божіе, прославляемый и любимый народомъ и предстоятелями за краснорѣчіе и ученость. Тамъ, вѣроятно, и донынѣ читаются сдѣланныя Константиномъ еллинскія надписи на церквахъ, при источникахъ, на мостахъ, на памятникахъ,—гдѣ только ни проходилъ онъ когда нибудь. Между тѣмъ въ 1806 году вспыхнуло возстаніе героя онаго, Папаѳимія (*) Влахавы; на Икономоса доносятъ тиранну епирскому Али-Пашѣ, какъ на сообщника; его отводятъ въ Яннину и содержатъ подъ стражею, откуда онъ съ трудомъ, давши ненасытному тиранну довольно денегъ, спасается и возвращается въ отечество. Спустя впрочемъ не много времени, ему опять угрожало новое отведеніе въ Яннину, если бы великая (**) Церковь, промышлявшая объ немъ, не поспѣшила вызвать его въ Ѳессалоники екзархомъ и намѣстникомъ Герасима ѳессалоникійскаго, проживавшаго въ Царьградѣ. На этой должности Икономосъ пробылъ съ отличіемъ около двухъ лѣтъ. Въ 1809 году онъ отправился, по приглашенію, въ Смирну, для основанія тамъ еллинской гимназіи; здѣсь ожидала его обширнѣйшая слава и онъ принесъ обильные плоды, какъ общенародный учитель и священнопроповѣдникъ до 1819 года, когда онъ переселился въ Константинополь. И теперь еще живы многіе изъ учениковъ его и питомцевъ онаго процвѣтавшаго въ Смирнѣ ученія, многіе изъ слушателей и очевидцевъ искусной рѣчи и дѣйствованія Икономоса на амвонѣ, еще въ свѣжей памяти и какъ бы присущими сохраняется—и его живое и обильными струями изливавшееся богословіе, и его увлекательное ораторство. Тамъ то написалъ Икономосъ сочиненія свои какъ филологическія и ораторскія, такъ и огласительныя о святой вѣрѣ. Находясь же въ Константинополѣ,—гдѣ пользовался всею благорасположенностію и уваженіемъ патріарховъ, архіереевъ, правителей, начальниковъ, знати и ученыхъ своего народа, и искренно преданный великой Церкви, опредѣленіемъ патріарха и синода, поставленъ былъ вселенскимъ священнопроповѣдникомъ—онъ обработалъ сочиненіе, въ которомъ съ обширною ученостію соединялось отличное знаніе Евангелія. Цѣль онаго была собственно проповѣдническая,—дабы изъ него всякій могъ заимствовать и приличныя на каждый случай темы, и оружіе для слова, и удачные обороты. Но сочиненіе это въ рукописи прежде изданія погибло, во время бывшаго въ Константинополѣ, въ 1821 году, всегубительства, котораго едва избѣжалъ и самъ сочинитель, рукою и покровительствомъ Божіимъ приведенный въ Одессу, для встрѣчи всехвальнаго патріарха Григорія. Тамъ, при погребеніи сего усопшаго блистательными щедротами Самодержца (Всероссійскаго), въ слухъ всѣхъ православныхъ народовъ, возглашена была Икономосомъ оная плачевная и выспренняя пѣснь — надгробное слово патріарху. Имъ же сочинены и надписи на гробницѣ патріарха. Спустя немного времени, совершено воспоминаніе о скончавшихъ-

---

Чтенія и сочла долгомъ своимъ почтить память его помѣщеніемъ въ своихъ листкахъ сего некролога, а равно и одного изъ надгробныхъ словъ, говоренныхъ надъ нимъ.

(*) Папаѳимій т. е. отецъ Евѳимій. *Перев.*

(**) То есть Константинопольская.

ся, вмѣстѣ съ патріархомъ, святыхъ архіереяхъ нашихъ, — и опять поразительное торжество для слова Икономосова! Царствовавшій тогда въ Россіи Александръ Первый, кроткій и благочестивый, искренно уважая Икономоса, одаряетъ его, приглашаетъ въ свое царство, радушно принимаетъ и причисляетъ къ сынамъ Россіи. Приняла его въ свои объятія и тамошняя достопочтимая, единовѣрная намъ Церковь: *и се, что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ* (Пс. 132, 1)! Въ ономъ безмолвіи, благопріятномъ для наукъ, Икономосъ написалъ два знаменитыя сочиненія: одно »о произношеніи еллинскаго языка,« другое — »о сродствѣ двухъ языковъ, славянскаго и еллинскаго.« Изъ Россіи перешелъ онъ въ многоученую Германію, гдѣ и встрѣтилъ отличный пріемъ. Въ Берлинѣ онъ издалъ нѣкоторые изъ церковныхъ бесѣдъ своихъ: это образецъ и примѣръ для священническаго слова. Тогдашній прусскій Король, любившій еллиновъ и покровитель наукъ, украсилъ его царскимъ знакомъ отличія. Оплакиваемый нами, прошелъ многія мѣста въ Германіи, и въ столицѣ австрійской Вѣнѣ пользовался сообществомъ ученыхъ и знати. Заходилъ въ Италію, непроминулъ и самаго Рима, гдѣ столько вѣковъ раздается всегдашнее проклятіе на православную Церковь. Но, къ удивленію, онъ нашелъ тамъ не Торкемадовъ, а учениковъ отцевъ нашихъ — Хризолора, Леонтія, Ласкариса, которые дружески и ласково приняли мудраго еллина, — это самъ папа Григорій XVI, первый кардиналъ его Бернети, ученый археологъ, кардиналъ Ангелъ Маини, говорившій на сорока языкахъ кардиналъ Мецціофанти и другіе; они, забывъ о бывшемъ нѣкогда лже-соборѣ Флорентинскомъ, какъ брату и другу послужили нашему Икономосу, являя въ себѣ образецъ мужей поистинѣ благолюбивыхъ и благородныхъ.

Тогда Ангелъ Божій вѣщалъ Икономосу: иди теперь въ твою Элладу, и будь тамъ служителемъ царствующаго въ ней мира. Изыди изъ ковчега послѣ потопа, ибо Всевышній соблюлъ тебя для новаго труда. И ты потрудишься, и возскорбишь, и возстенаешь, и многообразно будешь искушенъ, но пребудь непоколебимъ въ словесахъ правды, продолжай возстановленіе отеческой святыни и еллинскаго образованія, поражай *изрыгающихъ словеса потопленія, и чревовѣщателей, и отъ земли глаголющихъ*, и безумно пристращающихся къ чужеземному и погибшихъ. Дѣлай для твоихъ братьевъ то, что служитъ къ благочестію и истинному знанію, — ибо въ семъ спасеніе.

И Икономосъ, съ той минуты, какъ ступилъ къ намъ на еллинскую землю, не переставалъ дѣлать такъ, ни трудовъ не щадя, ни страшась различныхъ искушеній и навѣтовъ. Никто не говори, будто оплакиваемый нами ниже совершителей священнаго подвига за вѣру и отечество. Какъ? Древле съ Влахавою раздѣлявшій опасности, наставникъ и руководитель народа, изшедшаго на подвигъ, подвигоположникъ подвизавшихся, уста отеческой вѣры, этотъ провозвѣстникъ еллинизма, этотъ учитель еллиновъ — онъ ниже питомцевъ своихъ? Онъ ниже подвизавшихся? Развѣ онъ — хотя и находился по обстоятельствамъ вдали отъ отечества — предавался праздности, а не безпрерывно трудился для священнаго подвига, дѣйствуя и писаніями и словомъ и другими способами? Да, — онъ дѣлалъ нѣчто еще и другое. Что же именно? Онъ плакалъ! — и не безплодно. Плакалъ предъ Богомъ, какъ Езекія, и горячія слезы вѣрнаго іерея Его взошли вонею благоуханія къ престолу Всевышняго. Въ одинъ день онъ заплакалъ предъ очами Александра, сострадательнѣйшаго Самодержца, и оныя сле-

зы открыли великому и побѣдоносному воинству путь къ побѣдѣ при Адріанополѣ и къ утвержденію независимости.

Но вотъ, для разрѣшенія всѣхъ возраженій, у самаго отверстія гроба, усопшій держитъ и всѣмъ даетъ видѣть новыя доказательства неусыпной ревности своей въ пользу единоплеменниковъ,—тѣ сочиненія, которыя и со времени прибытія его къ намъ онъ написалъ или издалъ, эти богатые плоды любви, *яко масличина плодовитая въ дому Божіемъ*,—а именно: о трехъ іерархическихъ степеняхъ въ Церкви; много подвижническихъ и поучительныхъ размышленій; десятословіе святаго Григорія Паламы; о поклоненіи святымъ мѣстамъ; описаніе великой пещеры (*); описаніе жизни достославнаго Александра Стурдзы; но важнѣе всѣхъ—оплотъ Церкви, обузданіе нововводителей (неотеристовъ) — достойное удивленія сочиненіе въ четырехъ книгахъ о переводѣ седмидесяти толковниковъ; неоконченное въ половину, по причинѣ наступившей смерти, изданіе Фотіевыхъ Амфилохій, и другія различныя, неизданныя, а нѣкоторыя и неоконченныя и только существующія въ очеркѣ. И не напрасно, въ самые послѣдніе дни жизни, онъ трудился еще надъ Амфилохіями, — ибо Фотія онъ считалъ великимъ мужемъ, какъ и всѣ ревнители мудрости, славы, чистоты и твердости православной Церкви, чего всего Фотій былъ представителемъ и столпомъ непоколебимымъ. Наконецъ вы сами слышали изъ устъ почившаго, въ этомъ самомъ священномъ храмѣ, съ этого самаго амвона медоточивыя его рѣчи въ память какъ знаменитыхъ братьевъ Зосимъ, такъ и приснопамятнаго военачальника Ѳеодора Колокотрони, и удивлялись, въ этихъ рѣчахъ, сколько братолюбію и патріотизму его, столько же и другой благодати — обилію слова его. Такія достоинства Икономоса удостоились вниманія и Августѣйшаго Государя нашего, покровителя просвѣщенія, и онъ не разъ украшалъ доблестнаго мужа царскими знаками отличія, и весьма высоко цѣнилъ его.

Можно ли забыть, въ оплакиваемомъ нами, и другіе рѣдкіе и превосходные дары природы, или лучше—дары Божіи? Природная красота, величественный видъ, широкая, всего болѣе приличная іерею одежда, сановитая походка,—все въ немъ было поразительно, все отображало старѣйшую, досточтимѣйшую, древнюю православную Церковь Христову. А дарованія душевныя? Какова у него была способность разсудка, память, фантазія, творчество!—Какое изящество въ словѣ! какая поэзія! какое богатство учености! Онъ съ удивительною ревностію предавался занятію науками и всякимъ любомудріемъ, самъ собою отлично изучилъ языки и исторію. Необыкновенно, поэтому, была увлекательна бесѣда съ нимъ, а особенно въ его домѣ, гдѣ на дѣтяхъ и дѣтяхъ дѣтей его можно было видѣть олицетворенные плоды отеческой, святой, пастырской и христіанской науки его. *Се тако благословится человѣкъ, бояйся Господа!* Онъ былъ и сострадателенъ къ скорбящимъ, и щедро подавалъ имъ елей утѣшенія и бальзамъ любви, тогда какъ противъ враговъ Церкви являлся строгимъ противоборцемъ, неусыпнымъ оруженосцемъ, и какъ левъ готовымъ растерзать дерзающихъ налагать святотатственную руку на священную и благотворную ограду ея.

Но мало по малу старость уже одолѣвала его, а еще болѣе ослабило его неусыпное трудолюбіе и точное исполненіе священныхъ постановленій въ настоящіе дни очищенія. Непрестанно занимала его и забота о церквахъ. Онъ постоянно получалъ посла-

(*) Такъ называется одинъ изъ монастырей въ Греціи. *Перев.*

нія отъ восточныхъ святыхъ патріаршескихъ престоловъ, и взаимно писалъ къ нимъ съ любовію то, что служило къ ихъ устройству и благосостоянію. И такимъ образомъ, послѣ осьмидневной болѣзни, не смотря на помощь искусныхъ и дружески расположенныхъ къ нему врачей, онъ кончилъ поприще своей жизни въ самое знаменательное время — въ началѣ весны, потому что отходилъ къ веснѣ блаженства вѣчнаго, въ праздникъ памяти четыредесяти славныхъ мучениковъ и въ предпразднество поклоненія честному кресту. Замѣтьте, что и кончину онъ имѣлъ истинно, по святымъ молитвамъ Церкви, христіанскую, безболѣзненную, непостыдную и мирную, и съ радостію выполнилъ всѣ пріуготовленія къ исходу: исповѣдь, принятіе пречистыхъ Таинъ и священнодѣйствіе елеосвященія, а главное, — при самомъ послѣднемъ издыханіи сохранилъ въ себѣ неугасимымъ божественный огнь жизни, — какъ бы споря съ смертію, стройно бесѣдовалъ, диктовалъ письма и давалъ наставленія дѣтямъ и друзьямъ.

Дошедши въ словѣ моемъ доселѣ, спрашиваю самаго себя: сказалъ ли я о почившемъ много, или довольно, или достойно его? Нѣтъ. И однако время уже положить конецъ слову; ибо все человѣческое, все здѣшнее преходитъ, — и слово крылатое, и дѣятельность, и мысль, и плачущіе съ оплакиваемыми, и царствующіе съ подвластными, и люди частные и начальствующіе, и владѣющіе многими и гордящіеся множествомъ языковъ, и красота и безобразіе, и блистающіе знаками отличія на груди и вовсе неукрашенные ими, — всѣ низойдемъ тѣломъ во гробъ; одни только дѣла наши останутся тѣмъ, кои переживутъ насъ, на проклятіе или благословеніе, и одни только дѣла понесемъ на раменахъ души на страшное и вѣчное судилище Божіе.

Итакъ, о храмина достоуважаемая, о свѣтлѣйшая мысль, о христіаннѣйшая душа (ибо этотъ бездыханный образъ представляется мнѣ неразлучно вмѣстѣ съ мыслію и душею)! пріими меня, къ тебѣ приступающаго и приносящаго тебѣ — увы — послѣднее цѣлованіе! Такъ блистательно умѣло еллинское царство почтить исходъ твой! Таковы тебѣ похороны отъ Церкви! Таково отъ народа твоего возмездіе тебѣ за ученіе! Весь народъ на ногахъ, весь городъ столпился вокругъ тебя! — Но я — гдѣ найду, гдѣ услышу полное ума, обильное, музыкальное слово твое? Гдѣ встрѣчу лице, коего свѣтлость и вдохновенное сіяніе оживляли, оплодотворяли и укрѣпляли мои скудныя познанія? Гдѣ найду друга, руководителя, коего слово, коего рѣшеніе были для меня правиломъ, наслажденіемъ, похвалою и силою? Вотъ я осиротѣлъ! Но осиротѣло и все, наслаждавшееся тобою, братское общество; осиротѣлъ дворъ церковный, опустѣлъ амвонъ, опустѣла каѳедра, пустота безпредѣльная въ нѣдрѣ еллинскаго народа, скорбь и сѣтованіе юношей и старцевъ безутѣшныя, потеря невозвратная! *Гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, плачъ, и рыданіе, и вопль многъ* (Матѳ. 18, 2). Неужели, наконецъ, постигло насъ предвозвѣщенное Пророкомъ: *отъиметъ Господь Богъ Саваоѳъ отъ Іерусалима пророка и гадателя и мудраго архитектона и дивнаго совѣтника?* — ибо Онъ внезапно лишилъ насъ сего мужа, ибо судилъ призвать человѣка своего *во своя.* Да не будетъ сего, Господи Вседержителю, Боже отцевъ нашихъ, наказующій и паки врачующій, богатый милостію и щедротами, рукою крѣпкою и мышцею высокою сокрушившій врата мѣдныя и вереи желѣзныя долговременнаго и мрачнаго узилища нашего! Изліей на насъ и нынѣ благодать чудесъ твоихъ. О Господи, спаси же! о Господи, благопоспѣши же! Мы не простерли руки къ Богу чуж-

дему, но на Тебя единаго возложили упованіе. *Блаженъ языкъ, емуже есть Господь Богъ его, люди, яже избра въ наслѣдіе себѣ* (Пс. 32, 12). Воздвигни, Господи, изъ нѣдръ гроба сего, преемника славы почившаго, какъ и его Ты воздвигъ изъ праха преждеусопшихъ пресвитеровъ и учителей нашихъ. Твое есть, Господи, даяти плоть и душу и костямъ сухимъ, какъ глаголалъ Ты пророку твоему Іезекіилю,—и отъ каменія воздвигати чада Аврааму, какъ сказано въ Евангеліи, и Ты единъ Владыка жизни и смерти, преемственно слѣдующихъ другъ за другомъ. Вы же, юные левиты, окружающіе скользящій жезлъ усопшаго, сѣдящаго на своемъ іерейскомъ сѣдалищѣ, познайте вашего учителя. Имѣйте его образцемъ, дѣйствуйте какъ онъ, дондеже день есть, и возсіяетъ свѣтъ вашъ предъ человѣки. Подвизайтесь, украшайте свои души. Будьте духовными, а не плотскими, дабы Духъ Божій пребывалъ въ васъ. Не дѣлайтесь сердцами, въ которыхъ не присѣщаетъ Вѣчный. Духъ идѣже хощетъ дышетъ, и Онъ есть Духъ премудрости и съ любящими премудрость пребываетъ. Гдѣ глубины Духа, тамъ и красоты рѣчи. Гдѣ блескъ отъ слова и догматовъ, тамъ долженъ быть блескъ отъ жизни и дѣлъ: ибо »корень премудрости—боятися Господа и всяка премудрость отъ Господа, и отъ лица Его познаніе и разумъ.«

А ты, возлюбленнѣйшая душа, гряди съ твоею добродѣтелію и молитвами Церкви къ призывающему тебя Богу. Шествуй къ вѣчному и блаженному ликованію купно съ Мелетіемъ Пигою, Нектаріемъ, Досиѳеемъ и Хрисанѳомъ патріархами, съ Максимомъ кіевирскимъ, съ Гавріиломъ филадельфійскимъ, съ Минятіемъ, съ Евгеніемъ и Ѳеотокіемъ, съ Діонисіемъ кинурійскимъ, и со всѣми другими іерархами, іереями, проповѣдниками, учителями и пресвитерами, правоправившими между нами слово благочестія, и преемственно изливавшими свѣтъ познаній на многострадальный народъ нашъ.

Ты же, Владыко свѣта невечерняго, богатый миромъ, превосходящимъ всякъ умъ, Боже духовъ и всякія плоти, упокой душу раба твоего Константина, идѣже присѣщеніе лица твоего увеселяетъ всѣхъ отъ вѣка святыхъ твоихъ,—душу, соблюденную въ воскресеніе живота! Услыши гласъ моленія нашего и прости ему вся, елика яко человѣкъ согрѣши предъ Тобою! Правда твоя, Господи, правда во вѣкъ, и законъ твой истина. Подвигомъ добрымъ подвизался іерей твой и левитъ, теченіе скончалъ, вѣру соблюлъ, прочее убо соблюдается ему вѣнецъ правды, который Ты, праведный Судія, уготовалъ ему. Призри, Господи, и на сей народъ твой, егоже стяжалъ еси. Спаси Царя, и даруй ему кротость Давида, мудрость Соломона и могущество Александра. И всѣхъ насъ въ покаяніи и исповѣданіи пріими, да живя и умирая, и Тобою дыша и Тебѣ духъ предавая, благодарно прославляемъ всечестное и великолѣпое имя твое Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

СОБЕСѢДОВАНІЕ КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА О ЛЮБВИ КО ВРАГАМЪ.

Христіанскому философу Константину, нареченному Кириллу, предложенъ былъ сарацинами вопросъ, касающійся любви ко врагамъ. Они говорили: »если Христосъ есть Богъ вашъ, то почему вы не дѣлаете того, что Онъ повелѣваетъ вамъ? Онъ повелѣваетъ молиться за враговъ, добро творить ненавидящимъ васъ, обращать ланиту біющимъ; вы же не такъ, а совсѣмъ противно поступаете: изощряете оружіе противъ враждующихъ, выходите на брань съ ними и умерщвляете ихъ.« Блаженный Кириллъ спросилъ въ свою очередь: »если въ какомъ нибудь законѣ предлагаются двѣ заповѣди и обѣ даются людямъ для исполненія; то кто будетъ истиннѣйшимъ законоблюстителемъ: тотъ ли, который, исполнитъ одну заповѣдь, или тотъ, кто исполнитъ обѣ заповѣди?« »Безъ исомнѣнія тотъ,—отвѣчали сарацины,— который исполнитъ обѣ заповѣди.« Тогда философъ сказалъ имъ: »Христосъ Богъ нашъ повелѣлъ намъ молиться за обижающихъ насъ и благотворить имъ; но Онъ же заповѣдалъ намъ: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13). По этому мы терпимъ обиды, причиняемыя каждому изъ насъ отдѣльно, но въ обществѣ защищаемъ другъ друга и полагаемъ свою жизнь за братій нашихъ, дабы вы, увлекая ихъ въ плѣнъ, не плѣняли вмѣстѣ съ тѣлами и души ихъ, склоняя благочестивыхъ къ своимъ злымъ и богопротивнымъ дѣламъ.«

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 11-го Мая 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ *Іоанникій*.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 8.

НЕДѢЛЯ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ.

26 Мая 1857 г.

Гласъ 7-й.

На утрени евангеліе воскресное 9-е, Іоан. зач. 65. На литургіи: апост. Дѣян. зач. 3, евангел. Іоан. зач. 27.

ВЫПИСКА ИЗЪ СЛОВА СВ. ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА НА СВЯТУЮ ПЯТИДЕСЯТНИЦУ.

Почему Господь не тотчасъ по вознесеніи своемъ даровалъ намъ Того, кто есть вина толикихъ благъ, но попустилъ ученикамъ прежде провести нѣсколько дней и пробыть однимъ съ самими собою, и послѣ этого уже ниспослалъ благодать Духа? Не просто и не безъ цѣли это случилось. Вѣдалъ Господь, что люди не цѣнятъ, какъ должно, тѣхъ благъ, которыя у нихъ въ рукахъ, и что они не оказываютъ надлежащаго уваженія къ тому, что представляется пріятнымъ и великимъ, если въ тоже время не постигнетъ ихъ что-либо противное. Напримѣръ, скажемъ объ этомъ яснѣе: здоровый и бодрый тѣломъ не чувствуетъ и не можетъ знать въ точности, сколько благъ доставляло ему здоровье, если онъ не испытаетъ болѣзни, съ которою постигнетъ изнеможеніе; равномѣрно и тотъ, кто видитъ днемъ, не такъ-то удивляется свѣту, если не испытаетъ и темноты ночной. Дѣйствительно, опытъ противнаго всегда бываетъ яснымъ наставникомъ въ томъ, чѣмъ мы прежде наслаждались. Посему то и тогда, поелику ученики, въ присутствіи Его (Іисуса Христа) наслаждались безчисленными благами, и пребывая вмѣстѣ съ Нимъ, благоденствовали,—ибо всѣ жители Палестины на лица ихъ взирали, какъ на нѣкіе свѣтильники, потому что они и мертвыхъ воскрешали, и прокаженныхъ очищали, и демоновъ изгоняли, и болѣзни врачевали, и много другихъ чудесъ совершали,—итакъ, поелику они были столько славны и знамениты: поэтому (Господь) и попустилъ имъ остаться безъ споборающей силы, дабы они, бывши въ лишеніи оной, узнали, какъ много даровъ сообщило имъ присутствіе благодати Его, и возчувствовавши великость минувшихъ благъ, тѣмъ съ большею готовностію приняли и даръ Утѣшителя... Ибо Онъ (Духъ Святый) и утѣшилъ ихъ въ скорби, и своимъ свѣтомъ обли-

сталъ ихъ печаль и горесть о разлукѣ съ Учителемъ, и воздвигъ, когда они уже лежали, и разсѣялъ мракъ унынія, и прогналъ безпокойство. Такъ какъ они слышали Господне повелѣніе: *шедше научите вся языки* (Мат. 28, 19), но между тѣмъ недоумѣвали и не знали, куда каждому изъ нихъ надлежитъ отправиться и въ какой странѣ вселенныя проповѣдывать слово (Божіе): то приходитъ Духъ Святый въ видѣ языковъ, каждому изъ нихъ отдѣляетъ во вселенной страну для проповѣданія, и даннымъ языкомъ, какъ бы каковою-либо хартіею, обозначаетъ каждому предѣлъ ввѣреннаго ему начальства и учительства.—Вотъ почему Духъ сошелъ въ видѣ языковъ; а кромѣ сего еще и для того, чтобы напомнить намъ о древнемъ событіи. Ибо, такъ какъ древле люди, предавшись гордости, захотѣли построить башню, которая бы досягала до неба, и какъ Богъ это злое согласіе ихъ разрушилъ чрезъ раздѣленіе языковъ: поэтому и нынѣ Духъ Святый низходитъ на нихъ (апостоловъ), въ видѣ огненныхъ языковъ, чтобы раздѣленную вселенную чрезъ сіе совокупить во едино. И совершилось дѣло новое и странное: какъ тогда древле языки разсѣкли вселенную и разторгли злое согласіе; такъ и нынѣ языки совокупили вселенную, и что было врознь, привели въ единомысліе. Итакъ вотъ почему въ видѣ языковъ (сошелъ Духъ Святый): а что языки были какъ огненные, это для того, что въ насъ разрослось терніе грѣха. Ибо какъ земля тучная и способная къ плодородію, если не бываетъ воздѣлываема, произращаетъ великое множество терній: такъ и наша природа, вышедшая изъ рукъ Создателя доброю и способною къ плодоношенію добродѣтели, отъ того, что не приняла въ себя плуга благочестія и сѣмени богопознанія, породила нечестіе, какъ нѣкое терніе и другое безполезное растеніе. И какъ часто невидно бываетъ лица земли отъ множества терній и дурныхъ травъ: такъ и благородства и чистоты души нашей не видно было, доколѣ земледѣлатель естества нашего, пришедши и низпославши огнь Духа, не очистилъ онаго и не сдѣлалъ способнымъ къ принятію небеснаго сѣмени.

Столько-то и еще болѣе благъ дарованно намъ въ настоящій день! Посему я умоляю, станемъ и мы праздновать сообразно съ достоинствомъ дарованныхъ намъ благъ, чтобы мы такимъ образомъ могли и принять благодать Духа и вкусить плоды Его.—Какой же плодъ Духа? Послушаемъ Павла, который говоритъ: *плодъ же духовный есть любы, радость, миръ* (Гал. 5, 22). Видишь, какая точность въ словахъ, какая послѣдовательность въ ученіи? Напереди поставилъ онъ любовь, и тогда уже упомянулъ о томъ, что далѣе слѣдуетъ; положилъ корень, и потомъ показалъ плодъ; утвердилъ основаніе, и потомъ возвелъ зданіе; началъ съ источника, и потомъ пошелъ къ потокамъ. Ибо мы не прежде можемъ имѣть и основаніе радости, какъ когда благополучіе другихъ станемъ считать своимъ, и добро ближняго цѣнить какъ наше собственное; а это можетъ произойти не иначе, какъ если возобладаетъ (въ насъ) сила любви.—Любовь есть корень и источникъ и мать всего добраго: какъ корень, произращаетъ безчисленныя вѣтви добродѣтели; какъ источникъ, раждаетъ множество водъ; какъ мать, объемлетъ въ лонѣ своемъ прибѣгающихъ къ ней. Вѣдая сіе, блаженный Павелъ и назвалъ ее плодомъ Духа. А въ другомъ мѣстѣ усвоилъ ей столь великое преимущество, что наименовалъ ее даже полнотою закона: *исполненіе убо* закона, говоритъ, *любы есть* (Рим. 13, 10). И Владыка всѣхъ, достаточнымъ признакомъ и достовѣрнымъ отличіемъ для своихъ учениковъ, предложилъ намъ не иное что,

какъ любовь, сказавши: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35).

СОСТОЯНІЕ ДУХА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО БЕЗЪ ОБЩЕНІЯ СЪ ДУХОМЪ БОЖІИМЪ.

Апок. 3 гл.; ст. 17, 18.

Аще Духъ воскресившаго Іисуса отъ мертвыхъ живетъ въ васъ, воздвигій Христа изъ мертвыхъ оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша, живущимъ Духомъ Его въ васъ (Рим. 8, 11). Изъ сего ученія апостольскаго видно, что спасительное дѣло оживотворенія нашего духа *священнотайнѣ* совершается *единствомъ Тройческимъ*, то есть, по дѣйству воскресившаго Іисуса изъ метрвыхъ Отца, воскрешеннаго Отцемъ Сына и исходящаго отъ Отца и въ Сынѣ почивающаго Духа. Но видно такъ же, что *воздвигій Христа изъ мертвыхъ* оживотворяетъ мертвенное естество наше не иначе, какъ только *живущимъ Духомъ Его въ насъ*. Итакъ есть особенное, таинственное общеніе духа человѣческаго съ Духомъ Божіимъ. которое, бывъ прервано, прекращаетъ дѣйственность для насъ и безприкладной любви Отца и безцѣнныхъ заслугъ Сына; ни любовь Отца, ни заслуги Сына не усвояются тѣмъ, которые не имѣютъ въ сердцѣ своемъ обрученія Духа. Что послѣ сего можетъ быть съ духомъ человѣческимъ, въ которомъ не живетъ животворящій Духъ Божій?

Какъ животворное начало духа человѣческаго, Духъ Божій есть — первѣе всего — *Духъ жизни* (Іезек. 37, 5. см. Рим. 8, 11) и *силы* (Лук. 1, 35). Итакъ внѣ Его чему послѣдовать, какъ не оскудѣнію жизни, какъ не истощанію силъ? Кому неизвѣстно, что бываетъ съ вѣтвію, отсѣченною отъ древа, или съ растѣніемъ, пересаженнымъ на безплодную почву?.. Тоже бываетъ и съ духомъ человѣческимъ внѣ общенія въ Духомъ Божіимъ. Отторженный отъ присно живаго и животворящаго Духа—Бога, утративъ силы благодатныя и расточивъ дары естественные, онъ необходимо истощается въ крѣпости, оскудѣваетъ въ силѣ и, не обрѣтая въ самомъ себѣ неистощимаго начала жизни, естественно изнуряется и увядаетъ среди крушенія чувственной жизни. И вотъ *состояніе духовнаго обнищанія*, которое устами Тайновидца обличалъ нѣкогда самъ Господь, *свидѣтель вѣрный и истинный: глаголеши, яко богатъ есмь, и обогатихся, и ничто же требую,—и не вѣси, яко ты еси... и бѣденъ и нищъ* (Апок. 3, 17).

Духъ Божій есть *Духъ красоты и благолѣпія* (Пс. 32. 8). Когда нѣтъ въ человѣкѣ духовнаго богатства отъ *Сокровища благихъ*, — откуда могутъ взяться благія мысли, благія чувствованія, благія желанія, а тѣмъ болѣе благія дѣла, которыми бы облекся и благоукрасился нашъ духъ? Изъ неочищеннаго Святымъ Духомъ *исходища* нашей *жизни—сердца* текутъ токмо нечистые помыслы, безстудныя пожеланія, преступныя чувства. Изъ сего несчастнаго стяжанія непримѣтнымъ образомъ составляется нѣкая одежда души нашей, которая имѣетъ то отличительное свойство отъ обыкновенной одежды тѣла, что не только не скрываетъ, но и обнажаетъ внутреннее безобразіе и растлѣніе духа нашего предъ очами Божіими. И вотъ *состояніе срамной наготы* человѣческаго духа, обличенной такъ же нѣкогда *Свидѣтелемъ вѣрнымъ: глаголеши, яко ничтоже требую, и не вѣси, яко ты еси... нагъ... Совѣщаю*

тебѣ купити отъ Мене одѣяніе бѣло, да облечешися и да не явится срамота наготы твоея.

Духъ Святый есть *свѣтъ и свѣта податель.* И удивительно ли, если человѣческій духъ, внѣ общенія съ Духомъ свѣта, облагается пагубнымъ мракомъ? Нравственная нечистота, слагающаяся изъ безчисленнаго множества безнравственныхъ помысловъ и дѣяній, составляя одно темное облако, образуетъ непроницаемую преграду, которою задерживается лучъ свѣта къ нему отъ Свѣтодавца и закрывается внутреннее око духа. Это *состояніе тьмы духовной или слѣпоты*, состояніе, въ которомъ человѣкъ неспособенъ видѣть ни лучшей жизни, возможной и предназначенной для него, ни бѣдственности положенія дѣйствительнаго.

Духъ Святый есть *Духъ питатель, насыщающій* алчущій духъ нашъ *отъ древа животнаго и отъ манны сокровенныя* (Апок. 2, 7. 17), *и напаяющій его водою живою* (Іоан. 7, 37 — 39). Духъ человѣческій, безъ Духа Божія, походитъ на землю, изсушенную зноемъ солнечнымъ. Между тѣмъ потребность духовнаго брашна есть потребность природы. И вотъ является *состояніе глада духовнаго* въ которомъ человѣкъ, не имѣя пищи сродной духу, думаетъ насытить его рожцами — пищею животныхъ низшихъ, т. е. удовольствіями чувственными.

Духъ Божій есть такой источникъ свѣта, который не только свѣтитъ, но и *согрѣваетъ внутреннюю жизнь* нашего *духа* и возбуждаетъ въ немъ жаръ любви къ Богу, къ людямъ, къ закону, къ добру (Гал. 5, 22 — 26). Естествословіе знаетъ, что испытываетъ царство растеній, когда оскудѣваетъ въ немъ теплотворное начало. Можно уразумѣть и состояніе духа человѣческаго внѣ источника благодатной теплоты. Если свойство благодатной теплоты — питать въ духѣ нашемъ вѣру, возгрѣвать надежду, плодотворить жизнь сердца; то безъ Духа Божія духъ человѣка, естественно, цѣпенѣетъ и, подобно составу тѣлесному, хладѣющему предъ смертію, объемлется пагубнымъ хладомъ и къ Богу и къ вѣрѣ, и къ закону и къ добру, и къ людямъ и, при всемъ самолюбіи, даже къ себѣ самому. И вотъ *состояніе хлада духовнаго*, которое служитъ началомъ окончательнаго распаденія духовнаго состава нашего, признакомъ нравственнаго тлѣнія.

Всѣ эти состоянія, слагаясь въ одно, образуютъ то пагубное состояніе человѣка, въ которомъ онъ, живя по плоти и для плоти, мертвъ по духу, не живетъ и не дѣйствуетъ для добра, для Бога, для жизни высшей, будущей: *вѣмъ твоя дѣла*, обличалъ Господь дѣла духа человѣческаго отчужденнаго отъ Духа Божія, *яко имя имаши, яко живъ, а мертвъ еси* (Апок. 3, 1). Что можетъ вдохнуть жизнь въ эту обитель духовной смерти и пробудить умирающее къ жизни? *Аще Духъ воскресившаго Іисуса отъ мертвыхъ живетъ въ васъ, воздвигій Христа изъ мертвыхъ оживотворитъ и мертвенныя тѣлеса ваша живущимъ Духомъ Его въ васъ.* Тлѣнное къ нетлѣнію и мертвое къ жизни воззвать никто не можетъ, кромѣ животворящаго Духа Божія.

РАЗГОВОРЪ

СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНИНОМЪ О ДОГМАТѢ ИСХОЖДЕНІЯ СВЯТАГО ДУХА.

Прихож. Послушавъ нынѣшняго поученія твоего, почтенный отецъ, объ 8-мъ членѣ символа вѣры, я удивляюсь, какъ, послѣ столь ясныхъ свидѣтельствъ и слова Божія и соборовъ вселенскихъ о происхожденіи Св. Духа отъ единаго Отца, западная Церковь доселѣ не признаетъ неправости своего мнѣнія объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына. Какая, думаю, непреодолимая сила удерживаетъ западныхъ богослововъ въ ихъ заблужденіи?

Священникъ. Эта сила не что иное, какъ горделивый разумъ, который, по своему мудрованію, допустивъ однажды незаконное прибавленіе къ символу вѣры Церкви вселенской, почитаетъ уже униженіемъ для себя признать неправость этого прибавленія.

Прихож. Неужели не явилось на западѣ ни одного безпристрастнаго мыслителя, который бы видѣлъ въ этомъ прибавленіи отступленіе отъ ученія и вѣрованія Церкви вселенской?

Свящ. Были нѣкоторые ученые мужи, возставшіе противъ новаго ученія, наприм. въ 8-мъ вѣкѣ, при Карлѣ Великомъ, ученый Алкуинъ предостерегалъ христіанъ ліонскихъ, чтобы они не дерзали вносить въ символъ каѳолической вѣры новости, послѣдуя заблужденію испанскому, то есть положенію толедскаго собора, который, желая вопреки ученію Аріанъ, сколько можно болѣе возвысить лице Сына Божія и сравнить Его со Отцемъ, сталъ усвоять исхожденіе Св. Духа и Сыну, какъ Отцу. Извѣстно также изъ церковной исторіи, что и папа Левъ III (при Карлѣ же Великомъ) запрещалъ употребленіе слова filioque въ символѣ, а таже папа Іоаннъ VIII согласился наконецъ съ патріархомъ Фотіемъ и осудилъ это искаженіе символа. Этотъ послѣдній папа, въ письмѣ къ патріарху, называетъ дерзнувшихъ измѣнить символъ вселенскій преступниками слова Божія, исказителями ученія Іисуса Христа, апостоловъ и отцевъ Церкви, и сравниваетъ съ Іудою предателемъ.

Прихож. Это очень замѣчательно. Значитъ и папы несогласны одинъ съ другимъ въ ученіи, хотя и хвалятся своею непогрѣшимостію. Неужели и это не убѣждаетъ богослововъ западныхъ по крайней мѣрѣ въ томъ, что новый догматъ ихъ сомнителенъ?

Свящ. Не думай, будто ученые западные, признающіе главенство папы, искренно признаютъ его непогрѣшимость и не смѣютъ судить его. Слушаясь всего болѣе своего разума, они не рѣдко сами осуждаютъ и порицаютъ тѣхъ папъ, которые хотя нѣсколько склонялись къ нашему ученію православному.

Прихож. Это очень странно. Какъ судить имъ того, кого почитаютъ они выше самихъ соборовъ?

Свящ. И этого неразумнаго почитанія давно уже нѣтъ у нихъ, покрайней мѣрѣ, у большей части; а не менѣе неразумное уничиженіе нашей Церкви православной можно находить почти у всѣхъ западныхъ ученыхъ. Такъ лучшій изъ ихъ писателей Церковной Исторіи — аббатъ Флери, обвиняя въ лукавствѣ знаменитаго защитника православной вѣры патріарха Фотія, не щадитъ и папы Іоанна VIII, обвиняя его въ угодливости патріарху, съ которымъ согласился этотъ папа въ ученіи о происхожденіи Св Духа. Другой французскій писатель Церковной Исторіи (Bernaut-Bercastel) почитаетъ даже вѣроятнымъ, что такая слабость папы Іоанна подала случай выдумать исторію паписсы Іоанны. Вѣроятно, говоритъ, что папу назвали паписсою въ томъ же смыслѣ, какъ англичане называютъ своего слабаго ко-

роля Іакова королевою, а мужественную Елисавету королемъ.

Прихож. Подлинно у западныхъ мудрователей вездѣ видѣнъ горделивый разумъ; ибо гордости только свойственно называть слабостію духа и униженіемъ, когда другіе принимаютъ за истину то, что несогласно съ мнѣніемъ этихъ людей, хваляшихся своею мудростію. Но есть ли какая твердость и возвышенность у нихъ самихъ — гордыхъ мыслителей, когда они доказываютъ изобрѣтенный ими догматъ?

Свящ. Суди самъ о ихъ умствованіяхъ. Говорятъ наприм. »Сынъ Божій сказалъ о Св. Духѣ: *Егоже Азъ послю вамъ отъ Отца* (Іоан. 15, 26); значитъ, Сынъ имѣетъ власть посылать Св. Духа, а потому есть источникъ Его.« — Еще: »свидѣтельствуетъ Спаситель, что Духъ Святый *отъ Него пріиметъ и возвѣститъ* апостоламъ (— 16, 14); слѣдовательно, принимаетъ Св. Духъ отъ Сына и предвѣчное бытіе свое!

Прихож. Такое умозаключеніе сходно съ слѣдующимъ: по дѣламъ моимъ, я могу послать въ городъ сына моего, но послалъ моего повѣреннаго; слѣдовательно и повѣренный мой также отъ меня зависитъ, какъ сынъ. Или еще: повѣренный мой отъ меня принимаетъ порученіе; слѣдовательно отъ меня заимствуетъ и бытіе. — Такія умствованія, мнѣ кажется, слишкомъ слабы и недостойны людей ученыхъ. Нѣтъ ли у богослововъ западныхъ чего болѣе благовиднаго?

Свящ. Благовиднѣе, по видимому, слѣдующее: »Духъ Святый, у апостола Павла, называется *Духомъ Христовымъ* (Рим. 8, 9) и *Духомъ Сына* (Гал. 4, 6). Но, говорятъ, Духъ Святый называется и *Духомъ Отца* (Матѳ. 10, 20). Слѣдовательно, въ какомъ отношеніи Онъ къ Отцу, въ такомъ же и къ Сыну.

Прихож. Но объ Отцѣ ясно сказано, что отъ Него *исходитъ* Св. Духъ; а сказано ли гдѣ, что исходитъ Св. Духъ и отъ Сына?

Свящ. Нигдѣ въ св. Писаніи.

Прихож. Такъ не лучше ли поискать объясненія словъ апостольскихъ не въ предубѣжденномъ разумѣ, а у древнихъ святыхъ учителей церковныхъ?

Свящ. У нихъ и находимъ достаточное объясненіе. Св. Златоустъ, Василій В., Амвросій, Кириллъ александрійскій и другіе видятъ въ словахъ Апостола указаніе на единосущіе Св. Духа съ Сыномъ, а не на исхожденіе перваго отъ втораго. Вотъ слова св. Амвросія, латинскаго древняго учителя: »дается намъ Духъ Христовъ, который есть и Духъ Отца; ибо тѣ, кои имѣютъ единство естества, другъ другу свои (invicem sui sunt) (*)! Сходно съ симъ пишетъ и блаженный Августинъ, латинскій же учитель: »довольно христіанину вѣровать въ Отца, и Сына, рожденнаго отъ Отца, и Святаго Духа, отъ того же Отца исходящаго, но одного и тогоже Духа Святаго и Отчаго и Сыновняго (**)! Нѣкоторые отцы полагаютъ еще и ту причину усвоенія Св. Духа Сыну Божію, что божественный Спаситель нашъ своими безконечными заслугами пріобрѣлъ намъ всѣ дары Св. Духа. »Мы чтимъ, говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, Св. Духа, какъ Духа Бога и Отца, то есть отъ Него происходящаго, который есть и Духъ Сына, потому что чрезъ Него явился и сообщенъ тварямъ, а не потому, что отъ Него имѣетъ бытіе (***)!

Прихож. Послѣ сего, чѣмъ извинить тѣхъ.. которые внесли въ ученіе святой вѣры нашей догматъ, такъ явно несогласный

(*) *Ambros.* in commeut. epist. ad Ephes. in cap. 3.
(**) *August.* in Enchiridio ad. Laurent. cap. 9.
(***) Св. Іоан. Дамаск. въ словѣ о субботѣ.

съ вѣрою древнихъ отцевъ и учителей Церкви, близкихъ ко временамъ апостольскимъ?

Свящ. Это тѣмъ неизвинительнѣе, что догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца, въ словахъ самаго Спасителя преданный намъ св. Соборами, есть догматъ столь же превышающій наше разумѣніе, какъ и догматъ троичности Божіей. Не дерзко ли что нибудь прибавлять въ такомъ случаѣ къ словамъ Христовымъ, хотя бы прибавленіе и имѣло какую нибудь благовидность по сужденію нашего разума?

Прихож. Для меня дивно еще то, что и протестанты, отдѣлившіеся отъ церкви Римской, оставили у себя догматъ, который измыслила эта церковь.

Свящ. Это изъяснить можно тѣмъ, что Лютеръ и другіе противники папы, въ началѣ, имѣли въ виду главнымъ образомъ то, чтобы свергнуть съ себя папское иго, а потому и отвергали всего болѣе то, что подавало поводъ къ возвышенію папской власти. Въ жару противленія они дѣйствовали сильно и быстро, оттого большею частію опрометчиво, и что было на первомъ планѣ у нихъ, они отвергали больше, нежели сколько было нужно, а что стояло далѣе отъ ихъ главной мысли, того почти не замѣчали. Такъ хотѣли ниспровергнуть главенство папы, и—отвергли вмѣстѣ съ тѣмъ все священство; возставали противъ римскихъ индульгенцій, и—не признали таинствомъ самаго покаянія. Но догматъ римскій о Св. Духѣ не представлялся имъ тѣсно соединеннымъ съ властію римскою, потому и оставленъ безъ прекословія.

Прихож. Чтоже послѣ, когда жаръ ревности протестантской уменьшился, могло препятствовать ученымъ германцамъ вникнуть безпристрастно въ основанія римскаго догмата?

Свящ. Всего болѣе тотъ же горделивый разумъ, который утверждаетъ и латинъ въ ихъ неправомъ мнѣніи. Признаться здѣсь въ погрѣшности тѣмъ труднѣе протестантамъ, что они, отвергши церковное преданіе, во всемъ хотятъ руководствоваться одною Библіею, изъясняя ее по началамъ разума.

Прихож. Но св. Писаніе не прямо ли свидѣтельствуетъ о нашемъ православномъ догматѣ, а не о римскомъ?

Свящ. Истинно такъ. И здѣсь всякому, непредубѣжденному, видно несогласіе протестантскихъ богослововъ съ собственнымъ ихъ главнымъ началомъ: ничего не принимать за догматъ, для чего нельзя найти яснаго основанія въ Писаніи. Но кто вразумитъ предубѣжденный разумъ? *аще соль обуяетъ, чимъ осолится* (Матѳ. 5, 13). Въ дѣлѣ вѣры горделивый разумъ, истинно, какъ соль потерявшая свою сланость; потому что *душевенъ человѣкъ не пріемлетъ яже Духа Божія*, усиливаясь вездѣ ставить свои мнѣнія, по вкусу не истины Божіей, а своихъ произвольныхъ мудрованій, и *не можетъ разумѣти* того, предъ чѣмъ надобно разуму смиряться (1 Кор. 2, 14).

Прихож. Итакъ нѣтъ средствъ произвесть когда либо соединеніе западныхъ христіанъ съ восточными—православными?

Свящ. Со стороны православной Церкви употреблены были всѣ средства къ этому соединенію вѣры; но вотъ уже около тысячи лѣтъ, какъ существуетъ несчастное раздѣленіе.

Прихож. Неужели нельзя убѣдить западную Церковь, покрайней мѣрѣ, къ тому, чтобы символъ вѣры возстановила она въ томъ видѣ, въ какомъ употреблялся онъ въ Церкви древней до раздѣленія?

Свящ. Быть можетъ на это и согласился бы западъ,—какъ нѣкогда согласился папа Климентъ VIII дозволить уніатамъ, на первыхъ порахъ, употреблять символъ безъ при-

бавленія. Но одно ли это прибавленіе раздѣляетъ западъ отъ восточнаго православія? Есть пункты ученія неправославнаго, которыми на западѣ болѣе дорожатъ, чѣмъ самымъ прибавленіемъ къ символу. Такъ для папъ всего важнѣе ихъ мнимая верховная власть церковная, а потомъ и все, что имѣетъ близкое отношеніе къ этой власти. — Пусть прежде этотъ духъ гордости смирится, и тогда возможно будетъ желаемое соединеніе; тогда все пойдетъ на западѣ прежнимъ порядкомъ, когда тамъ будетъ прежній духъ вѣры вселенской, благолюбивой и смиренной. — Справедливо сказалъ одинъ писатель нашей Церкви (*): »соединеніе церквей не можетъ возстановиться, доколѣ духъ вѣры не возобладаетъ (на западѣ) надъ духомъ міра!

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

71) *Сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и умираютъ довольни*, говоритъ Апостолъ (1 Кор. 11, 30). Что значатъ слова сіи? — Послушай. Когда бѣдный монахъ, зная, что сосудъ его растлѣнъ, исполненъ скверны и нечистоты, не старается безмолвіемъ, молчаніемъ и теплыми слезами омыться отъ сей нечистоты, чтобы такимъ образомъ приступить къ божественнымъ и пречистымъ тайнамъ, но погребаетъ сей маргаритъ какъ бы въ нечистомъ блатѣ; тогда Богъ наказываетъ его горкими страданіями и тяжкими болѣзнями, чтобы хотя посредствомъ скорбей онъ обратился какъ нибудь къ Господу въ безмолвіи и истинномъ покаяніи, — и исцѣлилъ бы его Богъ.

72) Не жалѣй, сестра, времени и подвига безмолвія, пока не застигла тебя болѣзнь, или другое какое великое страданіе, или, что больше всего, смерть. Что тебѣ пользы, или лучше, на что бы и родиться тебѣ, если нерадивою ты будешь захвачена неизбѣжнымъ жребіемъ бѣдственной жизни сей? — Потому-то во всей книгѣ сей я молю тебя и прошу, какъ душелюбивую и безмолвнолюбивую, не ждать и не истощать жизни сей въ суетѣ міра сего. — Ибо не знаешь, что будетъ съ тобою завтра — жизнь, или смерть? — Избери благое и пребудь въ немъ, — и будешь имѣть самаго Бога помощникомъ и споспѣшникомъ.

(*) Пр. *Иннокентій*, Церк. Ист. в. 9-й.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 16-го Мая 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ *Іоанникій*.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 9

НЕДѢЛЯ ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ.

2 Іюня 1857 г.

Гласъ 8-й.

На утрени евангеліе воскресное 1-е, Матѳ. зач. 116. На литургіи: апост. Евр. зач. 330, евангел. Матѳ. зач. 38.

СВ. ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА

ПИСЬМА

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ КЪ ПАСТЫРЯМЪ ЦЕРКВИ.

3) О мирѣ съ пастырями Церкви.

ПЕТРУ ИПОДІАКОНУ.

Братъ и соепископъ мой Фестъ жалуется, что его презираютъ клирики и граждане его; посему предписываю тебѣ съ кротостію усовѣстить ихъ, и устранивъ, если есть, причины раздоровъ, водворить между ими взаимную богоугодную любовь такъ, чтобы и онъ воздавалъ имъ, что слѣдуетъ воздавать дѣтямъ, и они воздавали ему, что слѣдуетъ дѣтямъ воздавать отцу. — А если есть другое что, то утѣшь означеннаго епископа, впрочемъ не нарушая справедливости.

ВЕНАНЦІЮ ПАТРИЦІЮ.

Прежде полученія письма твоего я уже былъ опечаленъ извѣстіемъ о томъ, что между тобою и братомъ моимъ соепископомъ Іоанномъ возникъ раздоръ. — Не смотря на поводъ къ сему, тебѣ не слѣдовало дозволять себѣ того, чтобы твои люди съ оружіемъ, какъ я слышалъ, ворвались въ епископскій домъ и, по примѣру непріятелей, надѣлали тамъ много зла, и тѣмъ оскорбить отеческую любовь. Ужели нельзя было спокойно кончить возникшую распрю такъ, чтобы не пострадали ни выгода, ни любовь? Мнѣ извѣстно, сколько кротокъ и святъ вышеозначенный братъ мой. — Изъ сего я заключаю, что если бы не болѣзнь принудила его, то онъ никакъ бы не сдѣлалъ того, что огор-

чило тебя. – Впрочемъ я ему писалъ, чтобы онъ по прежнему принималъ твои приношенія, и литургію въ твоемъ храмѣ не только дозволилъ совершать, но и самъ совершилъ бы, если хочешь, и исполнялъ бы свои обязанности съ любовію. — Поелику я не желаю видѣть раздора; то объ этомъ совѣтѣ почелъ нужнымъ повторить и тебѣ, чтобы и ты, любезный сынъ, оказывалъ ему сыновнее уваженіе и не возбуждалъ его на гнѣвъ: ибо съ кѣмъ ты будешь имѣть вѣрную дружбу, если будешь въ раздорѣ съ первосвященникомъ? Такимъ образомъ, отложивъ гнѣвъ, такъ старайтесь вести общія дѣла, чтобы не ослабить взаимной любви, и въ мирѣ соблюсти обоюдную выгоду. — (Книг. 6. пис. 43).

4) О молитвѣ за пастырей.

ІОАННУ ИГУМЕНУ.

Смиренное письмо твое свидѣтельствуетъ о святой твоей жизни; посему я весьма благодарю всемогущаго Бога за то, что есть еще на землѣ такой человѣкъ, который можетъ ходатайствовать о прощеніи грѣховъ моихъ, ибо я подъ видомъ церковнаго управленія обуреваюсь волнами міра сего, и спасаюсь только покровомъ небесной десницы. — Итакъ, проводя безмятежную жизнь и находясь какъ бы на берегу, простри мнѣ плавающему, или лучше—обуреваемому руку молитвы, и по мѣрѣ возможности помоги своими молитвами достигнуть земли живыхъ, чтобы тебѣ получить награду не только за жизнь свою, но и за спасеніе меня. Св. Троица да покроетъ тебя, любезный, своею десницею, и даруетъ тебѣ право управить ввѣренное тебѣ стадо молитвою, назиданіемъ и добрымъ примѣромъ, чтобы тебѣ достигнуть вмѣстѣ съ пасомымъ стадомъ вѣчныхъ пастбищъ; ибо въ писаніи сказано: ***Мною аще кто внидетъ, спасется, и внидетъ и изыдетъ и пажить обрящетъ.*** — Эту пажить мы тогда обрѣтемъ, когда, проживъ зиму настоящей жизни, насладимся радостями будущей жизни. — (книг. 11. пис. 1).

ЛОМНИКУ ЕПИСКОПУ.

Письма твои, исполненныя пастырской любви, такъ твердо впечатлѣваютъ тебя, св. отецъ, въ моей памяти, что мнѣ думается, что ты мнѣ присущь, потому что, по любви моей къ тебѣ, ты постоянно пребываешь въ моемъ сердцѣ. — Но что бы эта взаимная любовь доставила намъ небесныя радости, — будемъ помогать другъ другу взаимными молитвами, чтобы милосердый Господь далъ намъ проповѣдывать угодное Ему и исполнять проповѣданное, и такъ устроилъ наше служеніе, чтобы мы могли, когда Онъ придетъ, возвратить Ему съ прибыткомъ ввѣренные намъ таланты, и получить, по благодати Его, праведное воздаяніе. — Такъ какъ въ Писаніи сказано: ***молитеся другъ за друга, яко да изцѣлѣете*** (Іак. 5, 16), то я буду молиться за тебя при св. мощахъ первоверховнаго апостола Петра, а ты молись за меня у св. мученика Кипріана, потому что молитвы наши тѣмъ скорѣе доходятъ до благосердаго Господа, чѣмъ болѣе воспламеняются взаимною любовію. Но ты, св. отецъ, не довольствуясь бесѣдою, къ письму присоединилъ еще подарокъ; я принялъ его съ благодарностію; впрочемъ для меня пріятнѣе расположеніе твоей души, нежели вещи, присланныя тобою (книг. 6. пис. 19).

ДОЛГОЛѢТІЕ СВЯТЫХЪ ПОДВИЖНИКОВЪ.

(Окончаніе)

Такова благодатная сила, пребывающая во святыхъ Божіихъ, — пребывающая и въ подвижникахъ. Но чтоже изъ сего для долголѣтія подвижниковъ? Заключеніе прямое: при благодатной силѣ, великіе труды и подвиги, страданія и борьба св. подвижниковъ гораздо менѣе становятся для нихъ изнурительными, чѣмъ какъ воображаемъ мы — люди плоти и крови. Мы грѣхами отчуждаемся отъ Духа благодати, и сберегая свои силы, не ощущаемъ присутствія силы благодатной. Отъ того мы остаемся лишь съ своими немощами; нашимъ удѣломъ — лѣность, слабость, нетерпѣливость, малодушіе, страхъ, уныніе, отчаяніе. И доколѣ мы остаемся только съ этими немощами своими,—не привлечемъ къ себѣ благодати Божіей, силъ божественныхъ къ животу и благочестію, которыя всегда готовъ подать намъ Господь, дотолѣ христіанское подвижничество будетъ для насъ игомъ не только тяжкимъ, но и изнурительнымъ, разрушительнымъ для жизни, тогда какъ для истиннаго христіанина оно легко и благо. Отъ поста лице подвижника не покрывается тою малодушною мрачностію, сѣтованіемъ, которыя могутъ быть вредны. Трудъ духовный несетъ онъ не съ досадою, злостію, принужденіемъ раба лѣниваго, который отъ того разстроиваетъ свои силы, здоровье, жизнь. Отъ нуждъ, лишеній не объемлетъ его тоска, уныніе, конечно — убивающія жизненныя силы. Болѣзнь, страданія, при могучемъ терпѣніи, не такъ измучатъ, истощатъ его, какъ другаго, при нетерпѣливости, ропотѣ, малодушіи. Словомъ, силою нравственною у подвижника превозмогается, или даже обращается во благо то, что для другаго можетъ произвесть разстройство жизненныхъ силъ, ускорить смерть. *Овѣмъ воня животная въ животѣ, а овѣмъ — воня смертная въ смерть* (2 Кор. 2, 16). Такъ благодать, укрѣпляя духъ, укрѣпляетъ и тѣло подвижниковъ: въ этомъ благодатномъ освященіи, какъ въ посвященныхъ Богу власахъ Самсона, разгадка той благопотребной крѣпости тѣла ихъ, съ какою оно выноситъ безвредно всѣ труды, подвиги, страданія.

Сообщая самимъ праведникамъ необыкновенную благодатную силу, которая укрѣпляетъ ихъ въ жизни духовной и тѣлесной, Господь Богъ еще другими многоразличными путями охраняетъ ее, чудно располагаетъ ея обстоятельства, хранитъ ее чрезъ другихъ людей, иногда самыхъ враговъ праведника, чрезъ своихъ святыхъ уже прославленныхъ, чрезъ своихъ ангеловъ. Ибо хотя послѣдніе даются всѣмъ христіанамъ, но близки особенно къ боящимся Господа, съ любовію служатъ имъ и ополчаются окрестъ ихъ. Не дивно посему, что жизнь ихъ, пройдя всѣ бѣды и опасности, исполняется долготою дней. *Не пріидетъ къ тебѣ зло, и рана не приблизится тѣлеси твоему. Яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ. На рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою; воззоветъ ко Мнѣ, и услышу его: съ нимъ есмь въ скорби, изму его, и прославлю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасеніе мое* (Пс. 90, 10—12. 15. 16).

Отъ обильнаго исполненія благодати жизнь св. подвижниковъ на землѣ дѣлается наконецъ какъ бы небесною. *Царствіе Божіе внутрь васъ есть*, сказано христіанамъ. *Но царствіе сіе нудится и нуждницы восхищаютъ е* (Матѳ. 11, 12). Его восхищаютъ подвижники. Царство сіе *нѣсть брашно и питіе, но правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Римл. 14, 17). И когда это царство водворяется въ душѣ подвижника, и самъ Богъ,

по обѣтованію своему, творитъ обитель въ немъ: то душа праведника исполняется неизреченнаго блаженства и живетъ какъ бы небесною жизнію! »Удостоившіеся быть чадами Божіими, говоритъ св. Макарій В., и отъ Духа Святаго родиться свыше, и имущіе въ себѣ Христа просвѣщающаго и упокоивающаго, различными образами отъ Св. Духа управляемы, и невидимо, въ сердцѣ, отъ благодати исполняемы бываютъ. Иногда, по примѣру находящихся на царской вечери, радуются и веселятся веселіемъ и радостію неизреченною; въ другое время подобны невѣстѣ, наслаждающейся вкупѣ съ женихомъ своимъ божественною сладостію; иногда бываютъ яко ангелы безтѣлесніи, въ весьма великой легкости и тонкости еще въ тѣлѣ находяся. Иногда являются яко нѣкій мужъ сильный, который, пріявъ всеоружіе царское и изшедъ на брань, мужественно противъ враговъ сражается и ихъ побораетъ. Иногда въ великомъ безмолвіи и тишинѣ и мирѣ душа ихъ упокояется, и они находятся въ духовной сладости и неизреченномъ покоѣ. И когда душа достигаетъ духовнаго совершенства, и очистившись совершенно отъ всѣхъ страстей, и таинственнымъ сообщеніемъ соединившися съ Духомъ Утѣшителемъ, удостоится быть сама духомъ; то она вся тогда свѣтомъ, вся любовію, вся благостію и милосердіемъ бываетъ (*).« Это блаженство не всегда пребываетъ съ подвижниками и во всякомъ случаѣ есть только задатокъ блаженства вѣчнаго. Но и въ той мѣрѣ и продолжительности, въ какой дается оно подвижникамъ, оно представляетъ небесную жизнь въ земной, которая, отъ этого прикосновенія съ небесною жизнію, сама какъ бы отрѣшается отъ земли, отъ земныхъ условій. Такъ напр. на этой степени труды и подвиги уже не только дѣлаются нетяжкими и неизнурительными, но напротивъ сладкими. »Повѣрь, сынъ мой, говоритъ одинъ старецъ молодому отшельнику, Богъ такую ревность и любовь къ служенію даровалъ душѣ моей, что я не могу вполнѣ удовлетворить расположенію ея; а любовь и надежда будущихъ благъ побѣждаютъ немощь тѣлесную (*).« Страданія ради своихъ подвиговъ, своего служенія— приносятъ имъ не скорбь, а радость; ибо они страждутъ Христомъ, въ нихъ пребывающимъ, и для Христа. *Нынѣ радуюся въ страданіяхъ моихъ о васъ*, говоритъ Апостолъ, *яко исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти моей за тѣло Его, еже есть Церковь* (Кол. 1, 24). Болѣзни и скорби не чувствуются отъ обильнаго утѣшенія благодатнаго: *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93 19). И ничто уже не тревожитъ духа совершеннаго христіанина, живущаго одною блаженною любовію: совершенна любы вонъ изгоняетъ страхъ. »Я уже не боюсь, а люблю Бога,« говорилъ одинъ великій подвижникъ. Насыщаясь внутри себя явленіемъ славы Божіей, праведникъ теперь какъ бы не нуждается для жизни своей въ земномъ питаніи, — надъ нимъ точно исполняются слова Господа: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Матѳ. 4, 4). И если вы видите, что подвижникъ цѣлые дни и ночи сряду безъ отдыха проводитъ въ молитвѣ, чтеніи священныхъ книгъ, богомысліи, и молитвенно бесѣдуя съ Богомъ, въ продолженіи 20-ти, 30-ти, 40-ка дней хранитъ совершенный постъ, какъ Моисей на Синаѣ, Илія въ пустынѣ на пути

(*) Бесѣд. Макарія В. ч. 1, стр. 305—309. изд. 1820 года.

(*) Хр. Чт. 1828 г. ч. XXXIII. стр. 11.

къ Хориву, горѣ Божіей: то не признаете ли, что онъ въ это время живетъ о глаголѣ Божіемъ? Безстрастный, немолчный въ славословіи Богу, какъ ангелъ, онъ именно и питается ангельскимъ хлѣбомъ благодати, и исполняемый ею, скажемъ словами В. Макарія, яко ангелъ безтѣлесный, въ весьма великой легкости и тонкости еще въ тѣлѣ находится.« — Чудесно питаясь духомъ Христовымъ, словомъ Божіимъ, св. подвижники столь же чудесно питались тѣломъ Христовымъ. Есть примѣры, что по причащеніи св. Таинъ тлѣнное тѣло ихъ долго не требовало для жизни своей никакой пищи тлѣнной, какъ бы въ изъявленіе того, что этотъ хлѣбъ небесный дается въ залогъ его воскресенія, нетлѣнія, безсмертія, жизни вѣчной. Пр. Онуфрію В. ангелъ приносилъ пищу въ пустынѣ, но не рѣдко, оставляя его на долго безъ всякой пищи, приносилъ только св. Тайны, силою коихъ и живъ былъ великій праведникъ (*). Святый Герасимъ съ ученикомъ своимъ блаженнымъ Кириакомъ каждогодно удалялись изъ Іорданской обители своей въ глубокую пустыню на дни св. четыредесятницы, и проводили ихъ безъ всякой пищи, а только каждую недѣлю пріобщались св. Таинъ и тѣмъ жили (**). Пр. Паисій В. также часто оставался цѣлыя недѣли безъ всякой пищи, только причащаясь въ день недѣльный. И это не дивно, говоритъ св. жизнеописатель его, ибо сила божественная имѣетъ неизреченную власть и могла содержать въ немъ жизненную силу самою благодатію своею безъ обычнаго питанія. У живущихъ по естеству плотскому тѣло требуетъ тлѣннаго брашна для укрѣпленія, иначе изнемогаетъ: а тѣмъ, кои успѣли въ вышеестественномъ житіи, какъ безплотные, зиждительная сила подаетъ богато свою благодать, которой повинуется естество человѣческое, такъ что живетъ не столько тѣлесною, сколько духовною пищею (*). Таковы чудеса и тайны долговѣчной жизни св. подвижниковъ, для которой наконецъ еще и теперь и здѣсь какъ бы начинается самое безсмертіе и прославленіе. Смерть часто уже не имѣетъ надъ ними полной своей власти, оставляя нетлѣнными и благоуханными ихъ св. мощи въ знаменіе того, что *мертвое сіе облечется въ безсмертіе и тлѣнное въ нетлѣніе*. Даются здѣсь и признаки будущаго прославленія ихъ тѣла въ свѣтоносныхъ осіяніяхъ, которыхъ они сподобляются во свидѣтельство того, что нѣкогда просвѣтятся яко солнце въ царствіи Отца ихъ.

Такъ, свободные отъ грубыхъ и разрушительныхъ страстей, при простотѣ и суровости внѣшней жизни и высокомъ совершенствѣ жизни нравственной, св. подвижники могли достигать долголѣтія, при содѣйствіи благодати Божіей, возвышающейся надъ естественными законами и порядкомъ жизни. Но дѣйствія Божіи соединены съ высокими цѣлями: какая же цѣль долголѣтія подвижниковъ, которое притомъ не всѣмъ имъ дается, и между тѣмъ бываетъ иногда удѣломъ людей грѣхолюбивыхъ, преданныхъ страстямъ?

Долголѣтіе дается св. подвижникамъ частію для нихъ самыхъ, частію для другихъ.

Для нихъ въ долголѣтіи, во первыхъ, дается средство къ большему усовершенію себя. Высокъ образъ духовнаго совершенства, къ которому должны стремиться христіане: *святи будете, якоже Азъ святъ есмь* (Лев. 19, 2). Глубоко повреждена падшая природа наша, которую надобно преображать по сему образцу. Подобаетъ вамъ, *по первому жи-*

(*) Ч. Минеи 12 Іюня. (**) Тамъ же 4-го Марта.

(*) Ч. Минеи 19-го Іюня.

тію, отложити ветхаго человѣка тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ, и облещися въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины (Еф. 4, 22. 23). Сколько же нужно дѣятельности и времени, чтобы совершить борьбу съ ветхимъ человѣкомъ, отрѣшиться не только отъ грубыхъ порывовъ страстей, но и нечистыхъ желаній и помысловъ! Сколько нужно дѣятельности и времени, чтобы стяжать совершенное послушаніе, смиреніе, терпѣніе, молитву,— словомъ, чтобы по ступенямъ духовной лѣствицы взойти на ея вершину, гдѣ пребываетъ вѣра, надежда и любовь, гдѣ видится уже небо, ощущается блаженство, вѣяніе небесной жизни! Увы! какъ часто бываетъ, что силящійся, не испытанный и не укрѣпившійся труженикъ долго пребываетъ на одной ступени духовной лѣствицы, и отъ усталости или немощи не въ состояніи взойти на другую ступень! Какъ часто бываетъ, что, взошедши уже на одну изъ высшихъ ступеней, онъ, отягченный чувственною природою, или толкнутый помысломъ самомнѣнія, гордости, уязвленный разженною стрѣлою воздушнаго князя тьмы,— вдругъ падаетъ долу, и много, много проходитъ времени, пока онъ съ новыми усиліями, поддерживаемый благодатію, поднимется на высшія ступени! И вотъ Тотъ, кто остановилъ солнце на закатѣ и продлилъ день, давая время своему воителю побѣдить злыхъ враговъ (Нав. 10, 13. 14),—кто не далъ износиться и истереться обуви и одеждѣ сорокалѣтнимъ странникамъ въ пустыни, чтобы дошли они въ землю обѣтованную (Втор. 8, 4): Тотъ продолжаетъ дни жизни вѣрныхъ рабовъ своихъ, дая имъ время совершить свою борьбу, свое дневное дѣло (Іоан. 11, 9), не даетъ распасться одеждѣ, оболочкѣ души ихъ, чтобы они совершили свое странствованіе, предѣлъ коего опредѣляется предѣломъ возможнаго усовершенія ихъ. Знаетъ время сіе Сердцевѣдецъ и даетъ его, знаетъ, что новый годъ жизни прибавитъ подвижнику новое торжество надъ какимъ либо порокомъ и какимъ либо злымъ помысломъ и чувствомъ, прибавитъ новую добродѣтель, новую черту, сторону и степень силы къ добродѣтели прежней. *Праведный правду да творитъ еще, и святый да святится еще* (Апок. 22, 11). Да полагаютъ они возхожденія въ сердцѣ своемъ, идутъ отъ вѣры въ вѣру, отъ силы въ силу, *дондеже достигнутъ въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 13)!

Можемъ теперь объяснять и краткость вѣка другихъ подвижниковъ. Или они достигли уже возможной для нихъ мѣры совершенства, которое и достаточно для Сердцевѣдца, или же, вмѣстѣ съ тѣмъ, дальнѣйшій путь, сообразно ихъ природѣ, могъ быть для нихъ опасенъ отъ соблазновъ и страстей, и любовь Божія, давая мзду труду ихъ, благовременно восхищаетъ ихъ отъ міра во злѣ лежащаго! *Старость бо честна не многолѣтна, ниже въ числѣ лѣтъ исчитается. Сѣдина же есть мудрость человѣкомъ, и возрастъ старости житіе не скверно. Благоугоденъ Богови бывъ, возлюбленъ бысть, и живый посредѣ грѣшныхъ преставленъ бысть: восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разумъ его, или лесть прельститъ душу его* (Прем. Сол. 4, 8—11) (*). Можно объяснять и долголѣтіе людей грѣхолюбивыхъ.

(*) Извѣстно, что между подвижниками есть такіе, которыхъ называли дѣтьми—старцами (παιδογερων); потому что въ юности выказали качества, свойственныя зрѣлому возрасту. О кончинѣ такихъ то и прилично сказать: *скончався вмалѣ, исполни лѣта долга: угодна бо бѣ Господеви душа его.* Прем. Сол. 4, 13. 14.

Или долголѣтняя и благополучная жизнь есть для нихъ своя мзда за нѣкоторыя, и притомъ непроникнутыя вѣрою, добрыя дѣла, которыя ничтожны для ихъ будущей жизни. Или Господь оправдывается, такъ сказать, въ правдѣ своей, дая имъ не только Моисея, пророковъ и евангеліе, но и время къ тому, чтобы обратиться на путь вѣры, долготерпитъ имъ, ведя ихъ на покаяніе, можетъ быть, опытами самой жизни, можетъ быть чрезъ самую старость, чрезъ ея спокойствіе, безстрастіе, немощи и болѣзни. Или даетъ время исполниться мѣрѣ злобы ихъ, вполнѣ созрѣть плевеламъ до жатвы. *Обидяй да обидитъ еще, и сквернный да сквернится еще* (Апок. 22, 11). Увы! это уже несчастное долголѣтіе! »Лучше бы мы не жили такъ долго, скажутъ эти долговѣчные на страшномъ судѣ, луше бы умерли въ дѣтствѣ, когда мы были безгрѣшны,—въ юности, когда еще не такъ велики были наши грѣхи и наша вина, или лучше бы мы не родились, лучше бы наконецъ теперь мы уничтожились: *горы падите на ны, холмы покрыйте ны!*«

Во вторыхъ, долголѣтіе дается св. подвижникамъ для нѣкотораго особеннаго испытанія ихъ любви къ Богу, для большаго такъ сказать, уязвленія, разженія ея, большаго возбужденія жажды блаженной вѣчной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, живо представляли святые люди, что они странники и пришельцы въ земной юдоли, какъ и всѣ мы, что мы *не имѣемъ здѣ пребывающаго града, но взыскуемъ грядущаго*, взыскуемъ отечествія (Евр. 11, 13). Не естественно ли имъ желать, чтобы сократилось время сего странствія по земной пустынѣ? И точно, они часто желали сего. *Увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися; много пришельствова душа моя* (Пс. 119, 5)! А между тѣмъ длится и длится сіе странствіе, и не вѣдаетъ скорбный путникъ, когда ему конецъ, близко ли предѣлъ небеснаго отечества, и дойдетъ ли еще онъ счастливо до предѣла! Не испытаніе ли это? Живо сознаютъ св. подвижники, что все въ мірѣ суета суетъ, »соръ, пѣна, тѣнь, призракъ, роса, дуновеніе, пухъ, паръ, сонъ (*). Они знаютъ, далѣе, что все, еже въ мірѣ, похоть плоти, очесъ и гордость житейская. И противна стала имъ эта суета. Скорбно чувствуютъ они тяготѣніе плоти. *Окаяненъ азъ человѣкъ*, взываетъ одинъ великій праведникъ, *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. 7, 24)? Скорбятъ праведники среди міра во злѣ лежащаго, прелюбодѣйнаго и грѣшнаго,—скорбятъ, какъ Лотъ въ Содомѣ, и готовы просить Бога взять ихъ изъ рода сего: *иде пророкъ Илія въ пустыню дне путь, и пріиде, и сѣде подъ смерчіемъ, и проси души своей смерти, и рече: довлѣетъ нынѣ (ми), возми убо отъ мене душу мою, Господи, яко нѣсмь азъ лучшій отецъ моихъ* (3 Цар. 19, 4). Но не беретъ Господь сѣтующаго праведника: не испытаніе ли это?—Но поймемъ силу этого испытанія: праведники, вѣруя, что *житіе ихъ на небесѣхъ есть* (Филип. 3, 20), не только живо и твердо чаяли его, но и предощущали, предвкушали его радости. Болѣе другихъ дано было имъ разумѣть, что Богъ уготовалъ любящимъ Его блага, *ихже око не видѣ, ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). Они восхищаемы бывали до третьяго неба, слышали *неизреченные глаголы, ихже не лѣпо есть человѣку глаголати*, испытывали тѣ состоянія, »когда душа ихъ бывала вся свѣтомъ, вся окомъ, вся духомъ, вся радостію, вся веселіемъ, вся любовію, вся благодатію, вся милосердіемъ;« но состоянія эти не были постоянны и продолжительны,

(*) Григорій Богословъ.

и послѣ нихъ праведники часто бывали даже »яко единъ отъ человѣкъ (*).« И вотъ, живя мыслію на небѣ, но пребывая все еще въ тѣлѣ—на землѣ, гдѣ все *вмѣняли въ уметы* (Филип. 3, 8), нисходя съ высоты духовныхъ восторговъ и вдохновеній въ обыкновенное состояніе, гдѣ могла тяготить ихъ суета земная, могъ докучать нѣкій пакостникъ плоти, гдѣ наконецъ не исчезала для нихъ (до самой кончины) сильно смущавшая и ужасавшая ихъ возможность грѣшить, безпрерывно воздыхали они о небѣ, о свободѣ, силѣ, славѣ, радости грядущаго вѣка; необыкновенно распалялось у нихъ желаніе блаженной жизни въ общеніи съ Богомъ и со Христомъ. *Что ми есть на небеси*, восклицалъ одинъ праведникъ, *и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли? Исчезе сердце мое и плоть моя: Боже сердца моего и часть моя, Боже, во вѣкъ* (Пс. 72, 25. 26). *Имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже. Возжада душа моя къ Богу крѣпкому, живому: когда пріиду и явлюся лицу Божію* (Пс. 41, 2. 3). *Мнѣ*, говоритъ еще одинъ великій праведникъ, *еже жити Христосъ, и еже умрети, пріобрѣтеніе..... желаніе имый разрѣшитися и со Христомъ быти* (Филип. 1, 21. 23). Св. Игнатію Богоносцу предстояла мученическая кончина въ Римѣ. Но римскіе христіане намѣрены были исходатайствовать ему освобожденіе, и вотъ какъ трогательно онъ умоляетъ ихъ не дѣлать сего дѣла любви, которое можетъ удержать его въ жизни, гдѣ уже ничто земное не утѣшаетъ его,—лишить его мученичества, отдалить блаженное общеніе со Христомъ. »Боюсь любви вашей, чтобы она не причинила мнѣ вреда, потому что вамъ легко исполнить, чего вы желаете, а мнѣ трудно достигнуть Бога, если вы, по плотской дружбѣ, пожалѣете меня... Желаю, чтобы вы угождали не людямъ, но Богу, какъ вы и благоугождаете Ему. Ибо ни я не буду уже имѣть столь удобнаго случая достигнуть Бога, ни вы — ознаменовать себя лучшимъ дѣломъ, если станете ходатайствовать за меня теперь. Ибо, если не станете ходатайствовать за меня, я буду Божіимъ; если же окажете любовь плоти моей, то должен буду еще подвизаться... Никакой пользы не принесетъ мнѣ цѣлый міръ, ни царства вѣка сего. Лучше мнѣ умереть за Іисуса Христа, нежели царствовать надъ всею землею. *Кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ* (Мат. 16, 26; Лук. 9, 25)? Господа желаю, Сына истиннаго Бога и Отца, Іисуса Христа. Его ищу, за насъ умершаго и воскресшаго. Простите мнѣ, братія! Не препятствуйте войти въ жизнь; ибо Іисусъ есть жизнь вѣрующихъ. Не желайте мнѣ смерти, ибо жизнь безъ Христа есть смерть. Хочу быть Божіимъ,—не отдавайте меня міру. Пустите меня къ чистому свѣту. Прейдя туда, человѣкомъ Божіимъ буду. Позвольте мнѣ быть подражателемъ страданій Христа Бога моего. Кто самъ имѣетъ Его въ себѣ, тотъ пойметъ, чего желаю я, и окажетъ мнѣ сострадание, видя, чѣмъ я занятъ.... живый пишу вамъ, горя желаніемъ умереть за Христа. Моя любовь распялась и нѣтъ во мнѣ огня, любящаго что либо, но вода жива, текущая во мнѣ, извнутри говоритъ мнѣ: »иди ко Отцу!« Не нахожу я пріятности въ пищѣ тлѣнной, ни въ удовольствіяхъ сей жизни. Желаю хлѣба Божія, хлѣба небеснаго, хлѣба жизни, который есть тѣло Іисуса Христа, Сына Божія, родившагося въ послѣднее время отъ сѣмени Давида и Авраама. Желаю также питія—крови Его, которая есть любовь нетлѣнная и жизнь

(*) Макарій Великій.

вѣчная (*).« — Св. Іоаннъ Богословъ жилъ долѣе всѣхъ апостоловъ (около 94 л.) и одинъ изъ всѣхъ ихъ не пріялъ мученичества. По мнѣнію одного св. отца, (**) самое это продленіе жизни, самое лишеніе мученичества, было для него какъ бы мученичество: ибо душа возлюбленнаго ученика Христова, конечно, сгарала желаніемъ быть съ Господомъ. Такимъ же желаніемъ преселиться ко Христу были одержимы и всѣ великіе праведники: но испытуя любовь ихъ, Господь отдалялъ время сего преселенія. И это было опять дѣломъ любви Божіей. Ибо чѣмъ сильнѣе чрезъ это возрастало чаяніе будущей жизни, чѣмъ болѣе святая душа праведника уязвлялась любовію ко Господу, распалялась желаніемъ общенія съ возлюбленнымъ Женихомъ, котораго такъ долго искала, звала, но не обрѣтала (Пѣснь Пѣсней 5, 6): тѣмъ живѣе и глубже могла она потомъ возчувствовать сладость общенія со Христомъ, тѣмъ шире, такъ сказать, воспріимчивѣе дѣлалась она, и тѣмъ болѣе могла вмѣстить тѣхъ благъ, *ихже око не видѣ, ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша.*

Но долголѣтіе дается подвижникамъ еще для другихъ, для спасенія ближнихъ. Содѣвая собственное спасеніе, святые Божіи созидаютъ и спасеніе другихъ, по любви къ Господу, для расширенія Его славы, Его царства, на землѣ, и по любви къ ближнимъ, какъ чадамъ единаго Отца, братіямъ о Христѣ Іисусѣ, сочленамъ одного царства, сонаслѣдникамъ жизни вѣчной. Что сказалъ Апостолъ объ апостолахъ, пророкахъ, пастыряхъ, учителяхъ, то должно сказать и о всѣхъ святыхъ: *Той далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова* (Еф. 2, 11. 12). Но понятно, что чѣмъ долѣе длится на землѣ это служеніе святыхъ, тѣмъ оно благодѣтельнѣе; благіе плоды его будутъ отъ сего умножаться и утверждаться. И чѣмъ менѣе между многими званными число сихъ избранныхъ, тѣмъ желательнѣе, чтобы сія малость восполнялась обиліемъ и продолжительностію ихъ жизни. Иногда, быть можетъ, праведники, скончавъ теченіе свое, заслуживъ вѣнецъ правды, уже хотѣли бы быть восхищены отъ земли, изъ среды лукавствія: но Богъ хочетъ и сами они хотятъ, чтобы жизнь ихъ еще продолжалась для другихъ. Илія молился: *довлѣетъ нынѣ (ми), возми убо отъ мене душу мою, Господи, яко нѣсмь азъ лучшій отецъ моихъ* (3 Цар. 19, 4). Но не пріялъ его Господь въ то время, и заповѣдалъ ему новое дѣло служенія его своему народу. *Обдержимъ есмь отъ обою*, говорилъ апостолъ Павелъ, *желаніе имый разрѣшитися и со Христомъ быти, много паче лучше: а еже пребывати во плоти, нужнѣйше есть васъ ради.* Такова то любовь Божія и любовь святыхъ Его! Если же для насъ—эта многотрудная, исполненная скорбей и страданій, многолѣтняя жизнь святыхъ Божіихъ: то надлежитъ намъ быть внимательными къ ней, изучать ее, воспоминать ее съ любовію и назидаться ею. *Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. 13, 7). Если же тщетно *облежитъ насъ толикій облакъ свидѣтелей* (Евр. 12, 1), тщетно раскрыта для нашего созерцанія эта мысленная твердь небесная, украшенная духовными свѣтилами: то какъ безотрадно наше положеніе!.... Убоимся: святые, теперь назидающіе насъ, готовые служить намъ, нѣкогда будутъ судить насъ: *не*

(*) Посланіе къ римлянамъ. (**) Св. Златоуста.

вѣсте ли, яко святіи мірови имутъ судити (1 Кор. 6, 2)? Надлежитъ желать намъ, чтобы и въ наши дни, скудные вѣрою и любовію къ Господу, не оскудѣвало, а умножалось число святыхъ и длилась ихъ святая жизнь. Не будемъ подобны тѣмъ, которые говорятъ о праведномъ: *не потребенъ намъ есть, и противится дѣломъ нашимъ, и поноситъ намъ грѣхи закона, и злословитъ намъ грѣхи ученія нашего* (Прем. Сол. 2, 12). Напротивъ, твердо будемъ увѣрены, что и мы стоимъ и все общество и весь міръ стоитъ ради святыхъ: *сѣмя свято стояніе его* (Ис. 6, 13). Но паче всего, взирая на скончаніе долголѣтняго жительства святыхъ, стяжемъ и сами ихъ вѣру и святость. Ибо кто были святые? Подобострастные намъ человѣки! Намъ, какъ и имъ даны вся силы, яже къ животу и благочестію. И мы можемъ стяжать ихъ совершенство, ихъ благочестіе — это единственное основаніе истиннаго счастія и богоугодной долговѣчности на землѣ и единственный путь къ вѣчному блаженству на небѣ. *Благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 4, 8).

СМЕРТЬ ГРѢШНИКА.

Святый Андрей юродивый, проходя однажды по городу, встрѣтилъ нѣкоего болярина, который притворялся набожнымъ человѣкомъ, а между тѣмъ велъ жизнь порочную и распутную. Проразумѣвая духомъ и желая обличить таковое лицемѣріе его, блаженный Андрей плюнулъ на него и сказалъ: »лукавый блудникъ, поругатель святыни, не ты ли притворяешься и говоришь, будто идешь въ церковь на утреню, а на самомъ дѣлѣ ходишь къ сатанѣ на скверныя дѣла? Беззаконникъ, ты встаешь въ полуночи для того только, чтобы оскорблять Бога. Вотъ уже приближается время, въ которое ты долженъ получить воздаяніе за дѣла твои. Или ты думаешь укрыться отъ всевидящаго и всеиспытующаго ока Божія?« Услышавши сіи слова, боляринъ поспѣшно удалился, дабы не подвергнуться еще большему посрамленію. По прошествіи нѣсколькихъ дней онъ тяжко заболѣлъ, и съ того времени началъ постепенно ослабѣвать въ силахъ. Приближенные къ нему люди носили его отъ одной церкви къ другой, отъ одного врача къ другому, но не было никакой пользы. Между тѣмъ прозорливый Андрей увидѣлъ въ одну ночь близъ дома боляринова Ангела Господня, пришедшаго отъ запада въ пламени огненномъ и съ пламенною же великою палицею въ рукѣ. Когда сей посланникъ Божій подошелъ къ больному; то услышалъ съ неба гласъ, вѣщавшій къ нему: »бей этого скверителя, гнуснаго содомлянина, который грѣхами своими оскверняетъ и себя и другихъ, и подъ предлогомъ утрени ходитъ на беззаконныя дѣла діавольскія.« Тогда Ангелъ началъ бить болярина и исчислять грѣхи его, при чемъ слышимы были его слова и удары отъ біенія палицею, но самаго біющаго не видно было. Въ такомъ мучительномъ положеніи лицемѣрный вельможа испустилъ духъ свой и отошелъ въ муку вѣчную. Вотъ одинъ изъ примѣровъ, подтверждающихъ слова пророка Давида: *смерть грѣшниковъ люта* (Пс. 33, 22. Пам. св. Андрея 2 октября).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 16-го Мая 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ *Іоанникій*.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 10

НЕДѢЛЯ 2 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

9 Іюня 1857 г.

Гласъ 1-й.

На утрени евангеліе воскресное 2-е, Марк. зач. 70. На литургіи: апост. Рим. зач. 81, евангел. Матѳ. зач. 9.

СВЯТАГО ИРИНЕЯ, ЕПИСКОПА ЛІОНСКАГО,

О ЧИСЛѢ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХЪ СВОЙСТВАХЪ ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛІЯ.

Несообразно, чтобы евангелій по числу было больше или меньше того, сколько ихъ есть. Такъ какъ четыре страны свѣта, въ которомъ мы живемъ, и четыре главныхъ вѣтра въ немъ, и такъ какъ Церковь насаждена по всей землѣ, а столпомъ и утвержденіемъ Церкви служатъ Евангеліе и духъ жизни: то естественно заключать, что она имѣетъ въ основаніи четыре столпа, съ которыхъ повсюду разносятся нетлѣніе и жизнь для людей (*). Изъ этого видно, почему Слово, зиждущее все и возсѣдящее на херувимахъ и все со-

(*) Чтобы судить о силѣ и значеніи сего и подобнаго рода доказательствъ, употребляемыхъ св. Иринеемъ и другими древними отцами Церкви, для сего ненужно выпускать изъ вниманія то, чѣмъ руководствовались они при изобрѣтеніи подобнаго рода доводовъ и какую имѣли цѣль при употребленіи ихъ. Принимая за основаніе ученіе ап. Павла о значеніи ветхозавѣтной *рукотворенной* скиніи и всего устройства ея по отношенію къ скиніи *нерукотворенной* и къ порядку вещей благодатныхъ, духовныхъ, небесныхъ (Евр. 8. 2, 5; 9, 11, 24), равно какъ ученіе объ отношеніи Іерусалима земнаго къ іерусалиму небесному (—12, 2. сн. Гал. 4, 28), который въ образѣ града новаго и украшеннаго, по видѣнію Тайнозрителя, сходилъ съ неба на землю, и т. п.—принимая, говоримъ, за основаніе такое апостольское ученіе, св. Ириней, вмѣстѣ съ другими отцами Церкви, прилагалъ оное и въ отношеніи къ новозавѣтной Церкви, прообразуемой древнею скиніею, и при этомъ развивалъ ту глубокую мысль, что весь порядокъ и все устройство въ оной имѣетъ существенное и таинственное отношеніе съ одной стороны къ силамъ благодатнымъ, дѣйствующимъ въ ней, равно какъ и вообще къ церкви небесной, какъ образецъ къ первообразу, съ другой—къ порядку и устройству видимаго міра, въ которомъ и для котораго существуетъ теперь царство благодати, какъ первообразъ къ образу. Послѣднюю мысль святый Ириней раскрывалъ на основаніяхъ христіанскихъ, въ соотношеніи съ господствовавшимъ тогда взглядомъ на вещи, принятымъ іудеями, языческими философами и гностиками, что весь составъ и устройство міра вещественнаго есть отображеніе вещей невидимыхъ, міра умственнаго. Изъ

держащее, явившись людямъ, дало намъ четверочастное Евангеліе, связуемое однимъ духомъ. Такъ Давидъ выражалъ желаніе пришествія Его сими словами: *сѣдяй на херувимѣхъ явися* (Пс. 79, 3); а херувимы четверовидны; виды же ихъ суть символы служенія Сына Божія. *Животно первое*, говорится, *подобно льву*, чѣмъ означается свойство Его могущества, правленія и царства; *второе подобно тельцу*, чѣмъ означается Его должность жреца и священника; *третье животно имущее лице яко человѣкъ*, чѣмъ ясно означается пришествіе Его въ естествѣ человѣка; *а четвертое подобно орлу летящу*, чѣмъ указывается на благодать Духа, нисшедшаго на Церковь (Апок. 4. 7). Евангелія и соотвѣтствуютъ свойствамъ сихъ (животныхъ), на которыхъ возсѣдитъ Христосъ Іисусъ. Именно, евангеліе отъ Іоанна возвѣщаетъ о царственномъ, относящемся къ сущности и славномъ Его рожденіи отъ Отца въ сихъ словахъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. И — вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть* (1. 1—3). Посему и Евангеліе это требуетъ совершенной вѣры, потому что таковъ характеръ (содержанія) его. Евангеліе отъ Луки начинаетъ благовѣстіемъ о священникѣ Захаріѣ, приносящемъ жертву Богу: посему отличительный характеръ сего Евангелія благовѣстіе о священническомъ служеніи (Іисуса Христа). тамъ есть и упитанный телецъ для закланія по случаю возвращенія юнѣйшаго сына (15, 11—24). Матѳей благовѣститъ о человѣческомъ рожденіи Его такъ: *книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля....* и еще: *Іисусъ Христово рождество сице бѣ....* (1. 1, 18). Такъ какъ это Евангеліе есть благовѣстіе о человѣческомъ естествѣ Его, то и во всемъ Евангеліи Онъ описанъ въ видѣ смиреннаго и кроткаго человѣка. Маркъ начинаетъ съ пророческаго Духа, свыше снисшедшаго къ людямъ: *зачало евангелія Іисуса Христа... якоже есть писано* у пророка Исаіи, сотвѣтствуя тѣмъ символу летающаго и перната-го животнаго; посему его благовѣстіе сжато и отрывисто: это — пророческая черта. И самое Слово Божіе съ патріархами до Моисея бесѣдовало само, въ божественномъ величіи и славѣ, бывшимъ подъ закономъ даровало чинъ священниковъ и правителей, потомъ содѣлалось человѣкомъ для насъ... и — послало дары Духа небеснаго во всю землю, какъ бы покрывая насъ крылами своими. Итакъ, каково служеніе Сына Божія, такозы и виды животныхъ; а каковъ видъ животныхъ, таковъ характеръ и Евангелія. Четверовидны животныя, четверовидно Евангеліе, четверовидно и служеніе Господа. Посему-то и четыре завѣта даны Имъ роду человѣческому, именно: одинъ до потопа при Адамѣ, вторый послѣ потопа при Ноѣ, третій въ законодательствѣ при Моисеѣ, четвертый тотъ, которымъ Онъ обновилъ человѣка и возглавилъ въ Себѣ вся-

---

общаго взгляда на устройство Церкви въ отношеніи къ міру вещественному и духовному святый Ириней и заимствуетъ свое объясненіе четверочастнаго состава Евангелія: съ одной стороны онъ находитъ сообразность этого числа съ четырьмя странами и съ четырьмя главными вѣтрами міра, по которому разнесено благовѣстіе Христово, съ другой даетъ сему числу таинственное значеніе четверочастнаго основанія для Церкви, отъ котораго со всѣхъ сторонъ духъ жизни дышетъ нетлѣніемъ для чадъ ея. У Бога все зиждется съ вѣсомъ и мѣрою (Притч. 11, 21), тѣмъ болѣе въ устройствѣ Церкви Христовой не должно быть ничего случайнаго и безъ духовнаго значенія: такое общее начало взгляда у св. Иринея, какъ мы сей часъ увидимъ, на устройство Церкви въ отношеніи къ міру и къ небу. Общій взглядъ вѣренъ; на сколько вѣрно то или другое частное приложеніе его, безусловно рѣшать намъ трудно, равно какъ и несправедливо было бы не усвоять имъ своего значенія и смысла. Самъ св. отецъ находитъ только *сообразнымъ* съ понятіемъ объ устройствѣ Церкви признавать четыре евангелія, отрицая умноженія и уменьшенія этого числа гностиками.

ческая: этотъ завѣтъ въ Евангеліи, которое призываетъ и управляетъ людей къ царству небесному. Послѣ всего этого суетны и несмысленны и въ высшей степени дерзки всѣ тѣ, которые искажаютъ такой (четверочастный) видъ Евангелія и выдумываютъ или большее или меньшее число лицъ, писавшихъ Евангеліе; и одни это дѣлаютъ для того, чтобы быть мнимыми изобрѣтателями большихъ источниковъ истины, другіе для того, чтобы извратить планы домостроительства Божія..... Если выдаваемое ими евангеліе есть евангеліе истины, а между тѣмъ оно несогласно съ Евангеліемъ, преданнымъ намъ апостолами: то желающіе могутъ изъ самыхъ писаній узнать, истину ли содержитъ Евангеліе, преданное намъ Апостолами. А что одно это Евангеліе истинно и вѣрно и не допускаетъ ни большаго, не меньшаго числа евангелій въ сравненіи съ числомъ показаннымъ, это мы не мало доказали. И дѣйствительно, если все, что ни дѣлаетъ Богъ, дѣлаетъ съ мудрою соразмѣрностію и приспособительностію, то подобало, чтобы и внѣшній видъ Евангелія былъ прилично составленъ и прилично приспособленъ.

(Advers. hæres. lib. III. cap. XI sub fin.).

СЛОВО

ОБЪ ИСТИННОЙ ХРИСТІАНСКОЙ СВОБОДѢ.

Повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся. Евр. 13, 17.

Апостольское наставленіе сіе весьма нерѣдко слышится на семъ священномъ мѣстѣ. Церковь святая повторяетъ оное во многіе дни, подобные настоящему,—дни святителей. Это Духъ Святый ея устами часто напоминаетъ намъ, братіе, о священномъ долгѣ нашемъ, — о долгѣ повиноваться наставникамъ духовнымъ и покаряться всякому начальству. Для чего бы это? Для чего такое повтореніе истины, столь извѣстной каждому,—истины, принятой нами отъ родителей нашихъ и внушаемой небомъ и землею, природою и разумомъ, всемірнымъ опытомъ и примѣромъ нашего Спасителя? Неужели и между нами, чадами Россіи православной, издревле отличающейся вѣрностію и преданностію властямъ предержащимъ, неужели и между нами усматриваетъ Онъ строптивыхъ и жестоковыйныхъ, усматриваетъ такихъ, кои забываютъ о семъ первѣйшемъ общественномъ долгѣ, о семъ необходимѣйшемъ условіи блага общаго? Нѣтъ, бр., св. Церковь не для укоризны благонравнымъ дѣлаетъ сіе, а по материнской своей заботливости, дабы слабодушныхъ и не твердыхъ чадъ своихъ оградить отъ того прелестнаго обаянія мыслію о ложной свободѣ, какимъ оглашается нынѣ міръ лукавый, величающій себя просвѣщеннымъ; оградить отъ обаянія, которое всякое подчиненіе, паче же подчиненіе духовной власти, представляетъ насиліемъ человѣческой свободѣ.

Поелику же корень зла сего укрывается въ неправильномъ понятіи о свободѣ нашей: то, для отнятія прелести у сказаннаго обаянія, обнаружимъ неправду онаго и уяснимъ себѣ понятіе о свободѣ истинной—христіанской. Бесѣда о семъ сугубо полезномъ предметѣ достойна занять вниманіе наше.

Въ чемъ состоитъ свобода наша? По мудрованію плотскому, по мудрованію міра сего, быть свободнымъ значитъ не подлежать никакимъ законамъ, не ограничиваться никакою внѣшнею волею, жить и дѣйствовать такъ,

какъ хочется, поступать всегда и во всемъ чисто по своей волѣ. по чувствамъ и влеченіямъ своего сердца. Но съ чѣмъ согласно высокоумное такое мудрованіе? На чемъ оно основано? Напрасно стали бы мы искать основанія сему въ ученіи христіанскомъ; сіе ученіе крѣпко внушаетъ: *повинуйтеся всякому человѣчу начальству Господа ради* (1 Петр. 2, 13). Напрасно стали бы мы доискиваться того въ опытѣ; опытъ не представляетъ ничего подобнаго ни на землѣ, ни на небѣ, напротивъ ясно внушаетъ намъ, что на свѣтѣ нѣтъ и не можетъ быть равенства, и что низшее непремѣнно должно покаряться высшему не только для порядка, но и для собственнаго блага. Напрасно стали бы мы искать основанія къ необузданности въ природѣ нашей; независимость никогда не была и не можетъ быть удѣломъ нашимъ; это принадлежность одного верховнаго Существа. Напрасно стали бы мы искать того и въ разумѣ нашемъ; разумъ здравомыслящій, не зараженный предразсудкомъ вольномыслія, ясно понимаетъ, что человѣкъ есть тварь ограниченная; что начало, продолженіе, почти всѣ обстоятельства и конецъ жизни нашей зависятъ не отъ нашей воли, а совершаются по законамъ не только высшимъ и непремѣннымъ, но и непостижимымъ для насъ. Такъ, мысль о совершенной независимости, о самовластіи нашемъ рѣшительно противорѣчитъ всѣмъ нашимъ естественнымъ отношеніямъ и всѣмъ условіямъ жизни общественной. Противорѣчитъ зависимости дѣтей отъ родителей, покорности учениковъ наставникамъ, уваженію младшихъ старшимъ. Самый простый и непросвѣщенный человѣкъ понимаетъ и чувствуетъ, что въ обществѣ необходимо быть начальнику, дабы дѣла шли добрымъ порядкомъ и никому небыло обиды отъ людей злонравныхъ и не богобоязненныхъ.

Откуда же могла взяться такая странная мысль о свободѣ, какую проповѣдуетъ мудрованіе плотское? Неужели человѣческая голова могла когда либо сама по себѣ образовать такую очевиднѣйшую нелѣпость? Едвали. По крайней мѣрѣ изъ свящ. бытописанія извѣстно, что первое желаніе независимости было слѣдствіемъ вражескаго внушенія, что причиною перваго на свѣтѣ ослушанія было прелестное обѣщаніе искусителя: *будете яко бози* (Быт. 3, 5). Вотъ какъ явилось въ человѣкѣ пагубное стремленіе къ неограниченной свободѣ, или правильнѣе сказать къ необузданному своеволію. Вотъ гдѣ начало сего зла! Оно вышло изъ пропасти ада; оно принесено на землю отцемъ лжи и противленія, діаволомъ. Человѣкъ имѣлъ только неосторожность принять его и усвоить, къ величайшему несчастію своему. Такимъ образомъ и начало представленнаго нами мудрованія показываетъ крайнюю неправду онаго. Нѣтъ, не своеволіе и самоуправство составляютъ свободу человѣка; нѣтъ, не въ нарушеніи законовъ и не въ противленіи власти состоитъ достоинство существа разумнаго. Это грѣхъ, это противленіе Богу, *это вражда на Бога* (Рим. 13, 2. 8, 7).

Истинную христіанскую свободу св. апостолъ Павелъ представляетъ совсѣмъ иначе. Онъ говоритъ: *да не царствуетъ грѣхъ въ мертвенѣмъ вашемъ тѣлѣ во еже послушати его въ похотехъ его*; *ниже представляйте уды ваша орудія неправды грѣху. Законъ бо духа жизни о Христѣ Іисусѣ свободилъ ны есть отъ закона грѣховнаго и смерти* (Римл. 6, 12. 13. 8, 2). Слѣдовательно быть свободнымъ въ духѣ христіанскомъ значитъ — не покоряться грѣху и виновнику онаго діаволу; значитъ не быть рабомъ плотскихъ грѣховныхъ похотей и суетныхъ требованій развращеннаго вѣка сего;

значитъ не быть чревоугодникомъ, сластолюбцемъ, лихоимцемъ, обидчикомъ, гордецомъ, мстительнымъ, гнѣвливымъ, клеветникомъ; значитъ быть господиномъ, а не рабомъ всѣхъ своихъ чувствованій, стремленій, желаній; значитъ *ходить не по плоти, а по духу* (Римл. 8, 1); разсуждать, чувствовать, желать и дѣйствовать *цѣломудренно, и праведно, и благочестно* (Тит. 2, 12). Вотъ въ чемъ состоитъ свобода истинная, свобода христіанская, *ею же Христосъ свободи насъ* (Гал. 5, 1). Это свобода духа, которая не стѣсняется никакими отношеніями, и не противорѣчитъ никакому состоянію и никакому званію гражданскому. Это свобода столько же возможная въ темничныхъ узахъ, сколько и на царскомъ престолѣ. *Кійждо*, такъ говоритъ апостолъ Павелъ, кійждо *въ званіи, въ немже призванъ, въ томъ да пребываетъ. Рабъ ли призванъ еси, да не печалишися: но аще можеши свободенъ быти, больше поработи себе. Призванный бо о Господѣ рабъ, свободникъ Господень есть* (1 Кор. 7, 20. 21. 22). Ревнители свободы христіанской не только не были противниками власти, учрежденной Богомъ; но еще старались увеличить иго своей покорности произвольнымъ послушаніемъ, отдавали себя другимъ въ совершенное, безпрекословное распоряженіе, дабы такимъ образомъ совершенно отнять у себя всякій поводъ къ своеволію и самоуправству.

Правда, для достиженія такой свободы потребно высокое самоотверженіе, потребно совершенное покореніе воли нашей закону евангельскому, уставамъ Церкви св. и законамъ отечественнымъ, — потребно сдѣлаться рабомъ послушанія, или *поработить себе Богови* (Рим. 6, 16. 22). Но равѣ такое порабощеніе худо? Развѣ низко для твари покаряться Творцу своему и властямъ отъ Него учиненнымъ? Нѣтъ, бр., быть рабомъ Божіимъ, по преданности Его святой волѣ, значитъ быть тѣмъ, чѣмъ должно быть намъ по природѣ нашей. *Божіе бо есмы твореніе, создани во Христѣ Іисусѣ на дѣла благая, яже преже уготова Богъ, да въ нихъ ходимъ* (Еф. 2, 10). И рабство это не безчестіе, а честь составляетъ, не унижаетъ, а возвышаетъ: ибо возводитъ къ богоподобію. Это такое дивное рабство, которое въ угодникахъ Божіихъ, незнатныхъ и уничиженныхъ, благоговѣйно чтутъ вельможи и владыки земные. Это такое рабство, которое уважаютъ даже Ангелы небесные.

Да, бр., не тотъ унижаетъ природу человѣка, кто вѣрою и правдою служитъ Господу, кто съ любовію и охотою повинуется начальству: а напротивъ тотъ, кто *закону Божію не покаряется, ниже бо можетъ* (Рим. 8. 7). Ибо непокаряющійся закону Божію святому непремѣнно покаряется *закону грѣховному, сущему во удѣхъ его* (Римл. 7, 23). Кто поступаетъ всегда, какъ ему хочется: тотъ очевидно *творитъ волю плоти своея* и злыхъ *помышленій ея* (Еф. 2, 3); тотъ *работаетъ плотскимъ похотемъ и сластемъ различнымъ* (Гал. 3, 3), слѣдовательно творитъ грѣхъ. *А всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха* (Іоан. 8, 34), по словамъ самаго Господа. Такъ, братіе, своя воля въ нравственномъ отношеніи есть неволя въ высшей степени. Поборникъ свободы необузданной, отметая одно благое иго Христово, самъ на себя налагаетъ бремена многія и тяжкія, самъ на себя налагаетъ узы страстей и міра, отъ коихъ тяжко воздыхаютъ и самые страстные любители оныхъ. Вотъ рабство подлинно унизительное, позорное для человѣка; рабство постыдное для христіанина богоподобнаго.

Уклонимъ же, бр. возлюбленные, слухъ

нашъ отъ богопротивныхъ умствованій о свободѣ, пріятной только для плоти нашей грѣхолюбивой, но пагубной для духа нашего. Уклонимъ и стопы наши отъ пути, указываемаго своеволіемъ и безначаліемъ. Ибо *послѣдняя его зрятъ во дно адово* (Притч. 14. 12). *Сіе же да мудрствуется въ насъ, еже и во Христѣ Іисусѣ* (Филп. 2, 5), Господѣ нашемъ. Онъ, въ своемъ земномъ повиновеніи, *оставилъ намъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его* (1 Петр. 2, 21). *На свободу* благодатную *мы призваны* (Гал. 5, 13). Будемъ же поступать *яко свободни* по духу, *а не яко прикровеніе имуще злобы свободу, но яко раби Божіи* (1 Петр. 2, 16). Будемъ добросовѣстно и съ любовію *повиноваться* и съ охотою *покаряться* всѣмъ *начальствующимъ*; паче же владѣющему нами по волѣ Божіей Августѣйшему Монарху нашему Императору Александру Николаевичу; и паче *поработимъ себѣ Богови, да свобождшеся отъ грѣха*, при помощи благодати Божіей, будемъ *имѣть плодъ нашъ во святыню, кончину же жизнь вѣчную.* (Рим. 6, 22). Аминь.

УБѢЖИЩА ДРЕВНИХЪ ХРИСТІАНЪ ВЪ РИМѢ ВО ВРЕМЯ ГОНЕНІЙ.

Великое число христіанъ, посѣщая берега Италіи, считаютъ едва ли не обязанностью своею осмотрѣть въ подробности открытые изъ подъ пепла остатки двухъ городовъ, сохранившихся около 18 вѣковъ подъ гнетомъ его — почти въ первоначальномъ видѣ своемъ; но очень не многіе изъ этихъ пытливыхъ любителей древности сходятъ, въ той же самой странѣ, въ тѣ вертепы, въ тотъ подземный городъ, который служилъ убѣжищемъ первенствующихъ христіанъ во время гоненій и въ которомъ все сохранилось почти въ современной имъ цѣлости: разумѣемъ римскія катакомбы.

Слово это — греческое и означаетъ вообще подземное кладбище, или усыпальницу; но въ церковной исторіи подъ этимъ именемъ разумѣютъ преимущественно тѣ, отчасти естественныя, отчасти искуственныя, подземелья, въ которыхъ первенствующіе христіане искали убѣжища отъ свирѣпства гонителей, и гдѣ погребали они тѣла братій своихъ, претерпѣвшихъ мученіе за имя Христово. — Такія подземелья, кромѣ Рима, существовали и въ другихъ значительныхъ городахъ, какъ то: въ Карѳагенѣ, въ Александріи, въ Сиракузахъ, въ Неаполѣ и другихъ мѣстахъ; но всѣхъ почтеннѣе и извѣстнѣе — римскія катакомбы. Въ нихъ, такъ сказать, не изгладились еще слѣды ногъ доблестныхъ подвижниковъ вѣры Христовой, — въ нихъ какъ будто носятся еще звуки ихъ молитвъ и пѣснопѣній; но, что особенно придаетъ имъ значеніе, въ нихъ цѣлые сонмы мучениковъ остатками тѣлъ своихъ мирно почиваютъ въ ожиданіи воскресенія и вѣнцовъ безсмертія *отъ начальника вѣры и совершителя Іисуса* (Евр. 12, 2).

Чтобы имѣть понятіе о сихъ усыпальницахъ, надобно представить себѣ обширныя пещеры, или лучше — цѣлый подземный городъ, имѣющій нѣсколько верстъ въ окружности: огромная сѣть улицъ или проходовъ, то низкихъ и тѣсныхъ, то высокихъ и широкихъ, покрываетъ въ безчисленныхъ направленіяхъ все пространство занимаемое имъ; по мѣстамъ она пересѣкается множествомъ перекрестковъ

и болѣе или менѣе обширными площадями, на которыя тутъ и тамъ выступаютъ разныя помѣщенія (cubicula) и древнія сборныя мѣста или церкви; иногда эти проходы тянутся параллельно одинъ надъ другимъ въ нѣсколько этажей; въ просторнѣйшихъ изъ нихъ встрѣчаются съ обѣихъ сторонъ, отъ помоста до свода, цѣлые ряды гробницъ, вмѣщающихъ въ себѣ драгоцѣнныя кости мучениковъ, которыхъ имена извѣстны одному Богу! Всѣ эти подземныя галлереи очень рѣдко освѣщаются отдушинами, проходящими съ поверхности земли (cubicula clara), большею же частію, для прогнанія мрака въ нихъ, христіане прибѣгали къ искуственному освѣщенію посредствомъ не большихъ лампъ въ видѣ ладьи, которыхъ цѣлыя тысячи находятся тамъ и доселѣ, на своихъ мѣстахъ, какъ бы выжидая, не возжгутъ ли ихъ опять руки изгнанныхъ отъ людей Христа ради (*).

Въ сихъ то подземельяхъ, къ сожалѣнію оставляемыхъ въ совершенномъ пренебреженіи нынѣшними владыками Рима, столь ревностными, какъ извѣстно, къ отысканію языческихъ древностей и столь равнодушными къ христіанской святынѣ, подвизались первенцы христіанства,—тѣ великіе образцы наши въ вѣрѣ, къ которымъ во всей широтѣ можно приложить апостольское слово: *проидоша въ милотѣхъ и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бѣ достоинъ весь міръ, въ пустыняхъ скитающеся и въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастехъ земныхъ* (Евр. 11, 97. 38)... Какъ только выходилъ указъ какого либо изъ императоровъ противъ христіанъ.—сіи послѣдніе, повинуясь заповѣди божественнаго Учителя своего: *аще гонятъ вы во градѣ, бѣгайте въ другій*, оставляли, кто могъ, обыкновенныя жилища свои и заживо погребали себя, иногда на очень продолжительное время, въ сихъ подземельяхъ. Тамъ, простершись предъ гробами собратій своихъ—мучениковъ, они испрашивали у нихъ содѣйствія и предстательства къ перенесенію предлежавшаго многимъ изъ нихъ мученическаго подвига; тамъ — среди священныхъ собраній своихъ они перечитывали дѣянія мучениковъ (acta), предварившихъ ихъ на поприщѣ страданій за Христа, и почерпали изъ нихъ мужество къ подражанію имъ; тамъ — тѣ изъ нихъ, которые не были еще крещены, сподоблялись, въ чаяніи предлежавшаго подвига, *бани пакибытія и обновленія Святаго Духа* (Тит 3, 5); всѣже проводили большую часть времени, подобно оной апостольской Церкви, *во ученіи и во общеніи и въ преломленіи хлѣба и въ молитвахъ* (Дѣян. 2, 42). Нерѣдко, среди этого сонма вѣрующихъ, епископы и пресвитеры, предстоявшіе ему, блистали, вмѣсто драгоцѣнностей, язвами, подъятыми уже за исповѣданіе Христа, и тѣмъ сильнѣе укрѣпляли въ вѣрѣ и терпѣніи предстоявшихъ.

Въ римскихъ катакомбахъ встрѣчаются довольно нерѣдко помѣщенія или покои (cubicula) болѣе или менѣе обширные, которые очевидно служили мѣстомъ собранія вѣрующихъ для совершенія молитвъ и вообще службъ церковныхъ: прикрѣпленныя къ своду лампады, изъ коихъ нѣкоторыя уцѣлѣли и доселѣ на своихъ мѣстахъ, дѣлаютъ это предположеніе вѣроятнымъ. Независимо отъ сихъ, встрѣчаются другіе—полукруглой формы съ колоннами, поддерживающими сводъ и съ высѣченными по всей окружности стѣнъ ступенями, служившими для христіанъ вѣроятно сѣдалищами при слушаніи поученій; тутъ же у главной стѣны помѣщается обыкновенно каѳедра предстоятеля, снабженная спинкой и высѣчен-

(*) Tableau des Catacombes, p. 50.

ная изъ той же каменистой массы (туфа); кромѣ того, видны остатки подземныхъ водохранилищъ (cisternæ) и просто бассейновъ, можетъ быть служившихъ крещальнями; наконецъ встрѣчаются тамъ же особыя помѣщенія, которыя, судя по расположенію и уцѣлѣвшимъ на стѣнахъ изображеніямъ, вѣроятно служили для агапъ или вечерей любви.

Такимъ образомъ главное назначеніе катакомбъ состояло въ томъ, чтобы служить убѣжищами для христіанъ во время гоненій и удовлетворять ихъ религіознымъ потребностямъ. Но можно представить себѣ, какими стѣсненіями и невыгодами должно было сопровождаться пребываніе въ нихъ! Сколько лишеній и скорбей они должны были выносить въ этихъ подземельяхъ отъ недостатка солнечнаго свѣта, отъ спертаго, удушливаго воздуха и другихъ стѣсненій! Тѣмъ не менѣе первенствующіе христіане лучше желали претерпѣть все это, нежели измѣнить своимъ вѣрованіямъ и погубить души свои. Поучительный урокъ для христіанъ всѣхъ вѣковъ!—Чтобы постоянно возгрѣвать въ себѣ терпѣніе и мужество и ободряться духомъ среди немощей плоти, они изображали на стѣнахъ своихъ убѣжищъ, на гробницахъ отвсюду ихъ окружавшихъ, на сосудахъ, свѣтильникахъ и другихъ обиходныхъ вещахъ такія событія и предметы изъ ветхаго и новаго завѣтовъ, которые имѣли отношеніе къ ихъ положенію, окруженному напастями. Чаще другихъ встрѣчаются въ ихъ убѣжищахъ изображеніе трехъ отроковъ въ пещи вавилонской, Даніила во рву львиномъ, Исаака вознесеннаго на костеръ, Ноя въ ковчегѣ, голубя несущаго во рту масличную вѣтвь. Подъ симъ послѣднимъ символомъ христіане любили изображать Церковь, волнуемую скорбями и гоненіями, но тѣмъ не менѣе имѣющую несомнѣнный залогъ достиженія къ благодатному пристанищу. Изъ новаго завѣта они преимущественно изображали Спасителя, и при томъ въ такихъ положеніяхъ, которыя способны были вдохнуть въ нихъ мужество, ободрить, утѣшить и вселить крѣпкое упованіе на Него. Таковы: изображеніе Спасителя, умножающаго хлѣбы въ пустынѣ, исцѣляющаго разслабленнаго, возвращающаго зрѣніе слѣпому, воскрешающаго Лазаря, чаще же всего — изображеніе Его въ образѣ пастыря добраго, несущаго на раменахъ своихъ заблудшую овцу. Всю эту священную живопись христіане окружали множествомъ самыхъ веселыхъ и пріятныхъ предметовъ въ природѣ: изображеніями листьевъ, цвѣтовъ, плодовъ, виноградными и масличными вѣтвями. Вообще, какъ ни горька была жизнь ихъ въ мрачныхъ и удушливыхъ подземельяхъ, какими тяжкими лишеніями и опасностями ни была она окружена, хотя смерть носилась каждую минуту предъ очами ихъ и почти на всякомъ шагу взоръ ихъ встрѣчалъ только могилы и гробы братій, пожертыхъ за Христа: однако, среди всѣхъ этихъ безотрадныхъ впечатлѣній, нигдѣ и никакаго знака мрачной или грустной настроенности духа, никакой черты, которая намекала бы о сожалѣніи ихъ объ оставленномъ ими Христа ради мірѣ, или о непріязни и мщеніи гонителямъ: все, напротивъ, мирно, кротко, отрадно; ибо такова была высота вѣры и упованія насельниковъ сихъ мрачныхъ удолій, что они жаждали исповѣдничества, что *съ радостію* исходили изъ соборовъ, *яко за имя Господа Іисуса безчестіе сподобишася пріяти* (Дѣян. 5, 41), что мученическую кончину они считали вѣрнымъ и самымъ надежнымъ путемъ къ скорѣйшему соединенію съ возлюбленнымъ Господомъ, что наконецъ, самую смерть они называли не иначе, какъ *рожденіемъ* въ новую, лучшую жизнь!

Кромѣ изображеній изъ ветхаго и новаго завѣтовъ, въ римскихъ катакомбахъ встрѣ-

чаются еще отдѣльныя изображенія нѣкоторыхъ предметовъ изъ царства природы, какъ то: рыбы, льва, оленя, голубя, виноградной лозы и проч. Это были не простыя украшенія подземныхъ жилищъ, но символическіе образы, съ которыми христіане соединяли извѣстныя воспоминанія, или подъ которыми представляли себѣ христіанскія свойства и добродѣтели. Такъ рыбы были условнымъ знаменіемъ достопоклоняемаго имени Христа Спасителя (*) левъ — изображалъ силу въ борьбѣ со врагами, олень — стремленіе къ небу, голубь — чистоту и невинность, виноградная лоза — общеніе со Христомъ (**). Очевидно, что христіане имѣли нужду окружать себя всѣми этими изображеніями для того, дабы возгрѣвать съ себѣ терпѣніе и мужество: ибо и въ самыхъ подземельяхъ они не были свободны отъ свирѣпства гонителей. Едва открывалось гоненіе, язычники спѣшили воспретить имъ доступъ въ ихъ подземелья; если не смотря на то, христіане успѣвали укрыться въ нихъ, то ихъ гонители занимали всѣ выходы и разными способами старались выжить ихъ оттуда, чаще всего вымаривали ихъ голодомъ и жаждою. Этимъ объясняется несмѣтное число гробницъ въ катакомбахъ: ибо тамъ погребались не только тѣ, которыхъ тѣла, послѣ мученической кончины, христіане откупали у мучителей, или тайно уносили съ мѣста казни, но и тѣ, которые предпочитали лучше истаять въ заключеніи отъ голода, жажды и болѣзни, нежели измѣнить вѣрѣ своей.

Таковъ общій видъ древнѣйшаго изъ убѣжищъ св. мучениковъ и исповѣдниковъ во времена гоненій! Все дышетъ въ немъ священною древностію, все напоминаетъ о необыкновенной силѣ вѣры, терпѣнія и любви насельниковъ сихъ мрачныхъ удолій. — Если бы мѣста эти находились гдѣ нибудь въ странѣ, гдѣ процвѣтаетъ православіе; если бы, особенно, они существовали въ предѣлахъ благословеннаго отечества нашего: то тысячи поклонниковъ, со всѣхъ краевъ его — отъ сѣвера и юга, отъ востока и запада, ежегодно стекались бы въ нихъ, для того, чтобы вознести молитвы свои на тѣхъ мѣстахъ, которыя, такъ сказать, пропитаны слезами и молитвами, потомъ и кровію первенцовъ христіанства! Златомъ и сребромъ украсили бы они раки и гробницы, въ которыхъ покоятся страдальцы, положившіе душу свою за имя Христово! Но — равнодушенъ остается къ этой древней святынѣ, или же и совсѣмъ не знаетъ о ней западный христіанинъ, и только изрѣдка ученый изслѣдователь древности, влекомый любовію къ наукѣ, а не благоговѣніемъ, сходитъ въ эти подземелья, осѣняемыя столькими священными воспоминаніями, и напоминаетъ о ихъ равнодушному къ святынѣ западу!..

(*) Греческое названіе рыбы: Ἰχθυς заключаетъ въ себѣ начальныя литтеры слѣдующихъ 5 словъ: Ἰησοῦς Χριστος Θεοῦ Υἱὸς Σωτὴρ (Іисусъ Христосъ, Божій Сынъ, Спаситель).

(**) Tertul. Scorpiac. c. 1. p. 488.

Аще добро твориши, разумѣй, кому твориши, и будетъ благодать благимъ твоимъ. Сир. 12, 1.

Это правило благотворительности, само по себѣ мудрое, не рѣдко употребляется нами во зло. Для нѣкоторыхъ всякая просьба о пособіи со стороны нуждающихся тяжела и вся-

кій, ищущій помощи, кажется человѣкомъ подозрительной жизни. Поэтому часто отказываютъ и нищему, простирающему руку за кускомъ хлѣба или за одною лептою. »Это—тунеядцы,« —говорятъ иногда обо всѣхъ безъ различія нищихъ и просителяхъ милостыни,— это празднолюбцы, которые привыкаютъ жить на счетъ другихъ и легкое ремесло нищенства предпочитаютъ честному и усердному труду.« Но въ подобныхъ случаяхъ руководятся, очевидно, не мудрою разборчивостію въ благотвореніи, которую внушаетъ намъ Премудрый, а просто — неохотою подавать милостыню, происходящею отъ жестокосердія и своекорыстія.—Вообще же, касательно приложенія къ жизни приведеннаго намъ правила Премудраго надобно замѣтить слѣдующее:

1) Различай, сколько можешь, между нуждою и нуждою требующихъ помощи; но если не можешь знать съ точностію, какъ воспользуется тотъ или другой твоею помощію, то не отрекайся помогать по силѣ твоей. Иначе, опасаясь пособить лукавому, можешь отказать истинно нуждающемуся: а лучше подать десяти мнимо нуждающимся, чѣмъ отказать одному истинно нуждающемуся.

2) Берегись вообще излишней разборчивости и подозрительности, чтобы, подъ видомъ разсудительности, не управляла тобою скупость въ самыхъ дѣлахъ благотворенія; разслѣдуй, когда можешь, нужды требующихъ помощи, но не съ тѣмъ, чтобы найти благовидный поводъ отказать въ пособіи, а —чтобы узнать, кому лучше и справедливѣе можешь помочь твоимъ благотвореніемъ: не расточай безъ разбора пособій, но—единственно потому, чтобы не расточить *достоянія убогихъ*.

3) Наконецъ, безъ всякаго пособія или даянія не отпускай, по возможности, никого изъ просящихъ. Разсуждай тамъ и тогда, когда и глѣ пріемлешь на себя обязанность особеннаго благотворенія, или когда, по крайней мѣрѣ, требуется значительное вспоможеніе; но въ обыкновенныхъ и ежедневныхъ подаяніяхъ, въ простой милостынѣ нищему—нужно ли изслѣдованіе?... Подавай всякому что можешь, во имя Господа нашего Іисуса Христа, который всѣхъ вообще нищихъ благоволилъ по преимуществу наименовать своею братіею.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 26-го Мая 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ *Іоаникій*.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 11.

НЕДѢЛЯ 3 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

16 Іюня 1857 г.

Гласъ 2-й.

На утрени евангеліе воскресное 3-е, Марк. зач. 71. На литургіи: апост. Рим. зач. 88, евангел. Матѳ. зач. 18.

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА, ПАПЫ РИМСКАГО,

о

томъ, какъ наставлять тѣхъ, кои оплакиваютъ свои грѣхи, но не оставляютъ ихъ, и тѣхъ, кои оставляютъ, но не плачутъ о нихъ (*).

Не однимъ и тѣмъ же способомъ должно поучать оплакивающихъ грѣхи, но не оставляющихъ ихъ, и оставляющихъ грѣхи, но не плачущихъ о нихъ. Плачущимъ о грѣхахъ, но не престающимъ грѣшить должно представить, что тщетно они очищаютъ себя плачемъ, когда жизнію снова оскверняютъ себя, и когда для того и омываютъ себя слезами, чтобы возвратиться къ нечистотѣ міра сего. Къ нимъ-то относятся слова Писанія: *случися имъ истинная притча: песъ возвращся на свою блевотину, и свиніа, омывшися, въ калъ тинный* (2 Петр. 2, 22). Кто плачетъ о грѣхахъ, но возвращается къ нимъ, тотъ подвергается сугубой винѣ: онъ и презираетъ помилованіе, которое могъ бы получить, и, думая омыть себя слезами, оскверняетъ ими себя: ибо слезы безъ доброй жизни нечисты предъ Богомъ. Посему-то сказано въ словѣ Божіемъ: *измыйтеся, и чисти будите* (Ис. 1, 16); ибо нечистъ и послѣ омовенія тотъ, кто не хранитъ невинности, возвращенной чрезъ покаяніе, но снова содѣваетъ грѣхи. Такъ, скажемъ словами Премудраго: *омываяйся отъ мертвеца, и паки прикасайся ему, каа польза ему отъ бани* (Сир. 34, 25)? Поступающіе такимъ образомъ пусть размыслятъ, не уподобляются ли они тѣмъ двоедушнымъ людямъ, которые въ лице льстятъ кому-нибудь и свидѣтельствуютъ

(*) Regul. pastoral. p. III. c. XXX.

свою покорность, а заочно являются дерзскими и вредоносными врагами? Ибо что значить—плакать о грѣхахъ, какъ не смиряться предъ Богомъ? И что значитъ—грѣшить и послѣ многихъ слезъ, если не враждовать противъ Него съ гордостію? Апостолъ Іаковъ ясно говоритъ: *иже восхощетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ* (Іак. 4, 4). Сокрушающіеся о грѣхахъ своихъ, но не оставляющіе ихъ, должны знать, что злые очень часто сокрушаются такъ же тщетно, какъ тщетно добрые бываютъ искушаемы: сокрушеніе не спасаетъ первыхъ, равно какъ искушеніе не погубляетъ послѣднихъ. Ибо между поступками и внутреннимъ расположеніемъ тѣхъ и другихъ находится удивительная соотвѣтственность: одни, заботясь о добрѣ, но не творя его, среди самыхъ однакожъ грѣховъ, которые обременяютъ ихъ, остаются гордыми и самонадѣянными; другіе, напротивъ, будучи искушаемы зломъ, но безъ соизволенія, чѣмъ болѣе испытываютъ свою немощь, тѣмъ съ большимъ терпѣніемъ и смиреніемъ стараются утвердиться на добромъ пути. Такъ добро, еще не совершенное, не помогаетъ и не оправдываетъ, равно какъ и зло, еще не учиненное, не подвергаетъ осужденію.—Но иначе должно поучать тѣхъ, которые оставляютъ грѣхи, но не плачутъ о нихъ. Должно внушить имъ, что хотя они и не умножаютъ грѣховъ, однакожъ еще и не очищаютъ себя и не уменьшаютъ своей вины. Если кто либо поноситъ и злословитъ насъ, то ужели уничтожится оскорбленіе, которое онъ причинилъ намъ, тѣмъ только, если онъ умолкнетъ? Нѣтъ: необходимо нужно уничтожить прежнія слова, изрыгнутыя съ гордостію, словами смиренія. Равнымъ образомъ ужели должникъ освобождается отъ долговъ тѣмъ, что онъ не входитъ въ новые долги? Нѣтъ: отъ него требуется уплата долговъ. Такъ и мы, согрѣшая предъ Богомъ, не можемъ надѣяться на оправданіе, если только перестаемъ грѣшить, а не плачемъ о томъ, что прежде доставляло намъ утѣху. Если бы мы даже не осквернили себя ни однимъ грѣхомъ; то и тогда мы не были бы чисты предъ Богомъ,—ибо мы и раждаемся во грѣхѣ. Можемъ ли же мы не сокрушаться о грѣхахъ?—Богъ не нуждается въ нашихъ слезахъ, но врачуетъ наши болѣзни грѣховныя противоположными имъ средствами: если мы доселѣ услаждались грѣхомъ, то теперь должны скорбѣть и плакать о немъ,—пагубную радость должна изгнать изъ души нашей спасительная печаль; раны, нанесенныя нашему сердцу гордостію, должны быть исцѣлены сокрушеніемъ и смиреніемъ. Посему Псалмопѣвецъ говоритъ: *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. 50. 19). Плачущій о грѣхахъ, но не перестающій грѣшить, сокрушаетъ сердце, но не смиряетъ его; а оставляющій грѣхи, но не оплакивающій ихъ, смиряетъ сердце свое, но не сокрушаетъ его. Итакъ перестающіе грѣшить пусть заботятся о сокрушеніи своего сердца, объ омовеніи себя слезами покаянія; ибо тогда только они будутъ освящены. Когда слушавшіе ап. Петра *умилишася сердцемъ, и рѣша: что сотворимъ?* — Апостолъ сказалъ имъ: *покайтеся, и да крестится кійждо васъ...* (Дѣян. 11. 37, 38). Такъ слезы покаянія должны предварять и крещеніе и совершенно необходимы для дѣйствительности его.

СПАСИТЕЛЬНЫЯ СЛѢДСТВІЯ, ПРОИСХОДЯЩІЯ ОТЪ ЧТЕНІЯ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ.

ПИСЬМО КЪ ДУХОВНОМУ СЫНУ.

Слава Богу, подателю всякаго дарованія! Вотъ ты, любезный сынъ мой о Господѣ, научился грамотѣ. Въ твоемъ не богатомъ положеніи это—дѣло нелегкое; но за то ты можешь воспользоваться пріобрѣтеннымъ тобою искусствомъ для счастія жизни временной и для блаженства вѣчной. Посылаю тебѣ святое евангеліе и псалтырь; читай ихъ со всѣмъ усердіемъ христіанина; пусть они будутъ у тебя первыми, настольными книгами. Въ часы досуга, вставая съ постели, отходя ко сну, прочитывай изъ нихъ хотя по нѣскольку: это чтеніе душеспасительное; это трудъ самый плодотворный.

Слово Божіе само указываетъ на тѣ спасительные плоды, которые пожнетъ усердный его читатель. Такъ апостолъ Павелъ пишетъ своему ученику Тимоѳею: *изъ млада священная писанія умѣеши, могущая тя умудрити во спасеніе, вѣрою, яже о Христѣ Іисусѣ. Всяко писаніе богодухновенно и полезно есть ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію еже въ правдѣ: да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. 3, 15—17).

Это свидѣтельство слова Божія о самомъ себѣ каждый можетъ повѣрить собственнымъ опытомъ; потому что всякая истина, особенно же истина божественная, находитъ глубокія основанія въ жаждущей спасенія душѣ, какъ говоритъ нашъ Спаситель: *мое ученіе нѣсть мое, но пославшаго Мя. Аще кто хощетъ волю Его творити, разумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога есть, или Азъ отъ себе глаголю* (Іоан. 7, 16. 17); и еще возлюбленный Его ученикъ Іоаннъ: *вѣруяй въ Сына Божія, имать свидѣтельство въ себѣ* (1 Іоан. 5, 10). Итакъ нужно испытать собственнымъ сердцемъ, *вкусить* собственною душею благодать и спасающую силу слова Божія, чтобы сказать съ Апостоломъ: *не стыжуся благовѣствованіемъ Христовымъ: сила бо Божія есть во спасеніе всякому вѣрующему* (Рим. 1, 16). И христіане, истинно вѣрующіе, всегда были убѣждены въ спасительномъ дѣйствіи слова Божія на сердце человѣка и не находили достаточно словъ, чтобы изобразить эту *силу Божію*, содержащуюся въ священномъ Писаніи. О, если бы и ты, мой сынъ, вступилъ въ сонмъ таковыхъ христіанъ и по опыту собственнаго сердца разумѣлъ ихъ убѣжденіе, что для человѣка на землѣ нѣтъ большаго и драгоцѣннѣйшаго сокровища, какъ слово нашего Господа! О, если бы и ты испыталъ на своей душѣ его спасительное дѣйствіе, какъ тотъ бѣдный, слѣпой Негръ въ Вестъ-Индіи, который, какъ только услышалъ и принялъ слово спасенія, сказалъ священнику: »я имѣю злаго господина, злую жену, дурной домъ и только хлѣбъ да воду; но все это было бы для меня ничто, если бы я могъ видѣть на столько, чтобы читать любезную, дражайшую библію; это доставило бы мнѣ величайшую радость на землѣ!« А ты, по милости Божіей, самъ можешь читать слово твоего Господа; пользуйся же этою милостію во спасеніе твоей души и не забывай словъ Спасителя: *испытайте писаній* (Іоан. 5, 39).

Первое и главное благословеніе, которое даруетъ Богъ усернымъ читателямъ Его слова, есть живая и плодотворная вѣра въ Господа нашего Іисуса Христа. Когда апостолъ Павелъ говоритъ Тимоѳею: *изъ млада умѣеши священная писанія, могущая тя умудрити во спасеніе, вѣрою, яже о Христѣ Іисусѣ*, и далѣе: *писаніе полезно есть ко ученію*; то этимъ показывается, что вѣ-

ровать въ Господа Іисуса мы научаемся посредствомъ слова Божія, что св. библія содержитъ науку спасающей и богоугодной вѣры. Такъ этому и быть слѣдуетъ, потому что *вѣра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божіимъ* (Рим. 10, 17). Ты, безъ сомнѣнія, убѣжденъ, что вѣра необходима для нашего спасенія, что она есть начало и конецъ, зерно и плодъ истинной христіанской жизни. Вѣра есть какъ бы рука, въ которую мы принимаемъ и въ которой удерживаемъ благодать Божію о Христѣ. Она не есть дѣло одной головы и памяти,—не достаточно знать о нашемъ Спасителѣ и помнить Его исторію; не есть она и дѣло одного языка,—недостаточно умѣть говорить о Господѣ; но вѣра есть дѣло сердца, которое воспитываетъ въ себѣ живую и непоколебимую увѣренность въ Господа и твердо уповаетъ на Него, нашего Спасителя: *сердцемъ бо вѣруется въ правду* (Рим. 10, 10).

Какимъ же образомъ, спросишь ты, мы приходимъ къ вѣрѣ? Какъ въ темномъ мѣстѣ нашего сердца возникаетъ свѣтоносный лучъ вѣры? Іисусъ Христосъ отвѣтствуетъ тебѣ: *никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не будетъ ему дано отъ Отца моего* (Іоан. 6, 65); и еще: *се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ Того, егоже посла Онъ* (Іоан. 6, 29). Такъ, сынъ мой, это не наше дѣло, а дѣло самаго Бога, что мы вѣруемъ въ Его возлюбленнаго Сына. Далѣе, апостолъ Павелъ говоритъ: *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса*, то есть увѣровать въ Него отъ всего сердца, *точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3). Слѣдовательно Богъ раждаетъ въ насъ вѣру дѣйствіемъ Святаго Духа. А священное Писаніе и есть дѣйствіе или произведеніе Святаго Духа: ибо *всяко писаніе богодухновенно*. Итакъ, читая усердно слово Божіе, ты поставляешь себя подъ благодатное дѣйствіе, подъ непостижимое нитіе Святаго Духа, которымъ совершается обновленіе нашего грѣховнаго существа, которымъ зараждается и плодотворится въ нашемъ сердцѣ спасительное сѣмя вѣры.

Вмѣстѣ съ этимъ становится несомнѣннымъ, что слово Божіе, какъ произведеніе Святаго Духа, глубоко отличается отъ всякаго слова человѣческаго: оно непогрѣшительно, чисто и свѣтло; оно животворно и сильно: *острѣйше паче всякаго меча, обоюдуострa* (Евр. 4, 12). Вспомни, какую силу имѣло слово Божіе: *да будетъ!* Какую силу имѣло слово Христово къ Лазарю: *гряди вонъ* (Іоан. 11, 43)! Но такую же созидающую, творческую силу имѣетъ и всякое слово Божіе: *глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ, духъ суть и животъ суть* (Іоан. 6, 63). Поэтому, сынъ мой, не смущайся, если въ св. библіи ты встрѣтишь много непонятнаго; принимай только къ сердцу тобою прочитанное, поступай, какъ Матерь Божія, которая, хотя не все понимала, однако слагала въ сердцѣ своемъ слова своего Божественнаго Сына (Лук. 11, 52),—и съ тобою совершится тоже, что было съ Нею: свѣтъ вѣры мало по малу озаритъ тебя; твой духъ *пріискренъ*, какъ бы родственно пріобщится Христу вѣрою въ Него, потому что Спаситель сказалъ объ истинно вѣрующемъ: *той братъ и сестра и мати Ми есть* (Марк. 3, 35). Притомъ мы имѣемъ для разумѣнія слова Божія надежное руководство.—Возьми изъ нашего церковнаго книгохранилища бесѣды св. Златоуста, и съ ними вмѣстѣ прочитывай слово Божіе. Какъ сѣмя, брошенное на полѣ, восходитъ и даетъ новую жизнь безъ вѣдома и содѣйствія земледѣльца; такъ слово Божіе непремѣнно оплодотворитъ къ вѣрѣ сердце, которое пріемлетъ его и благоговѣйно слагаетъ въ себѣ:

потому что это слово содержитъ въ себѣ благодатную силу. Въ благоговѣйномъ читателѣ оно породитъ стремленіе и жажду спасенія, внутренній плачъ души о грѣхахъ, но вмѣстѣ и живую любовь къ Искупителю, который *грѣхи наша носитъ* (Ис. 53, 4) и который *первѣе возлюбилъ есть насъ* (1 Іоан. 4, 19). Эти покаянныя чувствованія и суть предвѣстники живой вѣры; плачъ о грѣхѣ, сердечныя воздыханія, молитвенныя возношенія души къ Богу составляютъ какъ-бы колыбель, въ которой созрѣваетъ и растетъ чадо вѣры. Посмотри на путниковъ, которые шли съ Господомъ въ Еммаусъ: ихъ сердца горѣли, когда они внимали Его слову (Лук. 24, 32): такъ должно горѣть и наше сердце, когда мы или слушаемъ слово Божіе изъ устъ святой Церкви, или сами благоговѣйно читаемъ его; огнь Святаго Духа входитъ съ этимъ словомъ въ нашу мрачную и холодную душу, дабы возжечь въ ней пламя покаянія и молитвы, согрѣть ее теплотою упованія на милость Божію и освѣтить лучемъ вѣры во Спасителя человѣковъ.

Хочешь ли видѣть примѣры могущественнаго дѣйствія слова Божія на сердце человѣка? Читай исторію Церкви Христовой; ты увидишь, какъ нѣкоторые философы приступали къ чтенію святой библіи съ намѣреніемъ опровергать и порицать ея ученіе; но читая, они какъ бы невольно подчинялись дѣйствію благодати и убѣждались въ божественной истинѣ; входили безъ вѣры, а выходили съ вѣрою. Чтобы обратить сомнѣвавшагося и потрясаемаго недоумѣніями Августина въ сына вѣры и отца Церкви, милосердый Богъ только воззвалъ къ нему: *возьми и читай!* Возьми и ты, мой сынъ, святое евангеліе и читай его съ любовію; ты дознаешь на себѣ самомъ, что это чтеніе умудряетъ *во спасеніе, вѣрою, яже о Христѣ Іисусѣ*, что оно научаетъ вѣрѣ во Спасителя живой и дѣятельной, той вѣрѣ, которая есть источникъ истинно христіанской жизни.

Впрочемъ для совершенства христіанской жизни недостаточно научиться вѣрѣ: нужно возрастать въ ней и преуспѣвать; недостаточно начать быть христіяниномъ: нужно продолжать начатую, новую жизнь и усовершаться въ ней.

Это возрастаніе, это преспѣяніе въ христіанской жизни состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ очищенію и освященію. Когда въ вѣрѣ и посредствомъ вѣры христіанинъ очищаетъ свое духовное существо, противится грѣху и грѣховному похотѣнію, все болѣе и болѣе побѣждаетъ въ себѣ злыя наклонности; тогда онъ не праздно существуетъ на животворномъ корнѣ, Іисусѣ Христѣ, къ которому онъ привитъ и на которомъ поддерживается таинствами святой Церкви; его вѣра не мертва; онъ приноситъ плодъ вѣры, преуспѣваетъ въ духовной жизни. Но къ такому преуспѣянію въ христіанской жизни много содѣйствуетъ усердное чтеніе слова Божія: потому что слово Божіе *полезно есть* не только *ко ученію*, но и *ко обличенію, къ исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ*. Подумай только, что чрезъ слово Божіе мы весьма легко возбуждаемся къ молитвѣ. А молитва для души есть тоже, что дыханіе для жизни; безъ молитвы нѣтъ христіанской жизни, нѣтъ христіанина; безъ молитвы зерно вѣры не растетъ, какъ зерно вещественное безъ росы. Но сами по себѣ мы не знаемъ, о чемъ и какъ молиться намъ: *о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы*: посему. Святый Духъ самъ *ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными* (Рим. 8. 26). Святый Духъ, который *способствуетъ намъ въ немощехъ нашихъ* (Рим. 8, 26), какъ бы замѣняетъ насъ во время молитвы, и въ

молитвѣ движетъ нашею душею и влечетъ ее къ неизреченнымъ молитвеннымъ воздыханіямъ. А эту благодать Святаго Духа, которую ты почерпаешь въ таинствахъ святой Церкви и которая есть источникъ истинной молитвы, ты будешь возгрѣвать въ себѣ усерднымъ чтеніемъ слова Божія. Когда ты читаешь съ любовію святую библію, тогда самъ Господь бесѣдуетъ съ тобою: ужели ты не будешь отвѣчать Ему? Гдѣ найти такое жестокое сердце? Можно ли читать ежедневно слово Божіе, читать усердно и съ любовію, и не увлекаться прочитаннымъ словомъ къ молитвѣ, не обращать прочитаннаго слова въ предметъ похвалы, благоговѣнія, молитвы и воздыханія? Частое же упражненіе въ молитвѣ, или молитвенное расположеніе, пріобрѣтаемое такимъ образомъ, подастъ тебѣ потребныя силы къ препобѣжденію твоихъ грѣховъ, къ подавленію злыхъ страстей и къ преспѣянію въ жизни совершенной и святой: потому что въ молитвенномъ расположеніи мы ходимъ предъ Богомъ; а кто ходитъ предъ Богомъ, тотъ бѣжитъ нечистоты и всякаго грѣха.—Подумай и еще: когда вечеромъ, по окончаніи дневныхъ работъ, въ уединенномъ углу твоего дома, ты читаешь слово Божіе: то съ тобою бесѣдуетъ Сердцевѣдецъ, знающій всѣ твои дѣла и слова, тайныя мысли и чувствованія, которыя въ теченіи дня волновали твою душу; и какъ Богъ есть Судія человѣковъ, такъ и Его слово *судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ* (Евр. 4. 12). Посему оно откроетъ тебѣ всѣ твои грѣхи, обличитъ въ тебѣ порокъ, котораго ты и самъ не замѣчалъ, и покажетъ всю его тяжесть, такъ что каждая нечистая мысль, тобою задуманная, каждое пустое слово, тобою сказанное, каждое нечистое дѣло, тобою совершенное, тяжело падетъ на твое сердце и будетъ бременить его: слово Божіе обличаетъ и наказываетъ тебя такъ, что вмѣстѣ ты и самъ себя наказываешь и обличаешь. Но оно же указываетъ тебѣ и на Искупителя, который есть наше освященіе и очищеніе; оно же возбуждаетъ въ тебѣ молитву ко Спасителю о милости, благодати и прощеніи грѣховъ: и вотъ, если ты уже омылся отъ грѣховъ въ таинствѣ крещенія, если омываешься отъ нихъ въ таинствѣ покаянія; то теперь и твои ноги омываются и твои ежедневные грѣхи прощаются (Іоан. 13, 19).

Такимъ образомъ, питаясь и воспитываясь словомъ Божіимъ, ты съ каждымъ днемъ будешь умирать для грѣха и обновляться духомъ, очищаться сердцемъ, освящаться всѣмъ существомъ твоимъ. А христіанская жизнь, тщательно возгрѣваемая и обновляемая, раскроется въ сладостныхъ плодахъ духовныхъ: *плодъ же духовный есть любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. 5, 22).

Къ этому вожделѣнному состоянію христіанинъ идетъ въ продолженіи жизни путемъ не гладкимъ, а тернистымъ, путемъ подвиговъ, искушеній, страданій, креста. *Который бо есть сынъ, егоже не наказуетъ отецъ* (Евр. 12, 7)? *Всяку розгу, творящую плодъ, отребитъ ю* Отецъ небесный, *да многайшій плодъ принесетъ* (Іоан. 15, 2). Посему искушенія и страданія христіанина не суть злые удары судьбы, какъ называетъ міръ свои несчастія, а пути божественной любви, которая, возлагая на него крестъ, очищаетъ его, какъ злато въ горнилѣ, и ведетъ его къ блаженной радости праведныхъ: *всяко бо наказаніе въ настоящее время не мнится радость быти, но печаль, послѣди же плодъ миренъ наученнымъ тѣмъ воздаетъ правды* (Евр. 12. 11). Но чтобы пройти путь испытанія и креста, какъ угодно Богу, чтобы получить на концѣ этого пути *плодъ миренъ правды*, для этого нужно

обращаться къ свѣтильнику слова Божія. *Аще бы не законъ твой поученіе мое былъ, тогда убо погибль быхъ во смиреніи моемъ* (Пс. 118, 92), — исповѣдуетъ св. Давидъ, и такъ исповѣдуютъ всѣ истинные христіане. – Слово Божіе открываетъ намъ цѣль и назначеніе креста въ жизни праведныхъ; оно укрѣпляетъ наши слабѣющія силы: *сила бо Божія есть*; оно даетъ намъ предвкушать ту неизреченную радость, которая уготована на небѣ праведнымъ крестоносцамъ. Кто усердно читаетъ слово Божіе, тотъ воспитываетъ въ себѣ то утѣшительное убѣжденіе, которое укрѣпляло апостола Павла въ его страданіяхъ: *недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Рим. 8, 18). Въ словѣ Божіемъ ты видишь самое сердце святыхъ; ты видишь всю глубину этого сердца съ его страхомъ и надеждою, радостію и печалію, слезами и утѣшеніемъ Напримѣръ, гдѣ ты найдешь такія свѣтлыя, искреннія слова радости, въ какихъ изливаетъ свою душу предъ Богомъ радующійся Давидъ? И опять, гдѣ ты найдешь такія плачущія, раздирающія душу слова печали, какія раждаются изъ скорбящаго сердца сего же праведника? О какъ оно мрачно и возмущено, это сердце, предъ гнѣвомъ Божіимъ! И какъ оно свѣтло, какъ радуется, когда ощущаетъ милосердіе Божіе! Ты видишь здѣсь, какой адъ пораждается въ душѣ грѣхомъ, и какой рай насаждается въ ней добродѣтелью! Ты видишь здѣсь всю человѣческую душу съ ея внутреннѣйшими движеніями и состояніями. Посему-то въ какомъ бы положеніи христіанинъ ни находился: будетъ ли сердце его взволновано радостію, или поражено печалію, будетъ ли онъ утѣшаться надеждою, или смущаться страхомъ,— онъ найдетъ въ словѣ Божіемъ изображеніе этого состоянія, и такое вѣрное, будто оно для него собственно и написано; онъ чувствуетъ, что самъ не съумѣлъ бы высказать свою душу лучше и вѣрнѣе. А какъ это отрадно! Какъ это укрѣпляетъ человѣка въ годину искушенія и страданія! Ты находишь себя въ общеніи со святыми; ты узнаешь, что и ихъ сердце испытывало тѣже радости и печали, какъ и твое; ты учишься у нихъ возлагать печаль свою на Бога, а во дни радости благословлять милосердаго Отца небеснаго.

Особенно, когда постигаютъ тебя искушенія духовныя, когда прельщаетъ тебя грѣхомъ врагъ нашего спасенія, не медли, сынъ мой, вооружить себя духовнымъ мечемъ, *иже есть глаголъ Божій* (Еф. 6, 17). Этотъ мечъ страшенъ для діавола; противупоставь его искушеніямъ простыя слова: такъ написано, такъ сказалъ Господь мой, и духъ зла удалится отъ тебя. Когда Спаситель нашъ былъ искушаемъ въ пустыни; то троекратное нападеніе сатаны Онъ отразилъ троекратнымъ поднятіемъ меча слова Божія: *писано есть, яко не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ; писано есть, поклонишися Господу Богу твоему; речено есть, не искусиши Господа Бога твоего* (Лук. 4, 4—12). Какъ всегда, такъ и въ минуты искушенія, подражай Сыну Божію, потому что Онъ былъ искушенъ *по всячески* (Евр. 4, 15), и обращайся къ Нему съ теплою молитвою, потому что Онъ *можетъ и искушаемымъ помощи* (Евр. 11, 18).

Таковы, любезный сынъ, благословенія, которыя посылаетъ Богъ усернымъ читателямъ Его слова: ученіе въ вѣрѣ, преуспѣяніе въ христіанской жизни, утѣшеніе и ободреніе въ печаляхъ и охраненіе отъ искушеній сатаны. Если къ попеченіямъ святой Церкви, которая воспитываетъ тебя словомъ Іисуса Христа, укрѣпляетъ и обновляетъ тебя святыми таинствами, ты приложишь собствен-

ное стараніе о твоемъ спасеніи; если ты привыкнешь читать слово Божіе и такъ полюбишь это спасительное чтеніе, что будешь находить въ немъ наслажденіе и утѣшеніе, будешь радоваться, приступая къ нему и будешь скучать и скорбѣть, когда нужды житейскія заставляютъ тебя разставаться съ нимъ: то, по милосердію Господа, ты исполнишься упованіемъ, что совершенство и блаженство, къ которому призваны христіане, будетъ и твоею частію, что и въ твоей жизни будетъ достигнута цѣль св. Писанія, указанная апостоломъ Павломъ: *да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ.* Да будетъ сіе съ тобою, по благодати нашего Спасителя и Господа Іисуса Христа!

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ПРОТОІЕРЕЯ КІЕВОПОДОЛЬСКАГО УСПЕНСКАГО СОБОРА, ПЕТРА ДАМІАНОВИЧА МАКСИМОВИЧА (*).

Вѣнецъ хвалы старость: на путехъ же правды обрѣтается. Притч. 16, 31.

Предстоя нынѣ гробу достопочтеннаго 84-хъ лѣтняго старца, украшеннаго многими заслугами про[illegible]пресвитера, помыслимъ, отцы и братія, какъ вѣрно оправдалось въ немъ это изреченіе Соломона о благословенной старости. Поистинѣ, на пути правды заслужилъ почившій свою честитую, доблестную старость; по истинѣ, вѣнецъ хвалы она, высшее украшеніе и благословеніе Божіе для многоплодной земной жизни сего вѣрнаго пастыря и предначатіе блаженной жизни его вѣчной.

Благословенная *старость*, говоритъ Соломонъ, *на путехъ правды обрѣтается.* Путь правды, на языкѣ Писанія, означаетъ часто путь добродѣтели вообще, или всю жизнь добродѣтельную отъ юности до лѣтъ позднѣйшихъ. И не свидѣтельствуетъ ли о семъ пути та благословенная старость, какой достигъ почившій? Она свидѣтельствуетъ, что сей многолѣтній старецъ отъ юности возлюбилъ добродѣтель и во всю жизнь былъ постояннымъ ея ревнителемъ. Ибо всѣмъ извѣстно, что одна чистая, утвержденная въ добродѣтели юность можетъ быть основою благословеннаго долголѣтія, такъ какъ юность нечистая, невоздержная есть первый врагъ нашей жизни и приводитъ человѣка не къ зрѣлой старости, а къ преждевременной дряхлости и ранней смерти. Что была вся дальнѣйшая жизнь сего достойнаго священнослужителя, какъ не время самыхъ усердныхъ и общеполезныхъ трудовъ, время, въ которомъ вездѣ виденъ былъ его духъ бодрый, дѣятельность неутомимая? Припомнимъ, что почившій на стражѣ пастыря Церкви стоялъ болѣе 60-ти лѣтъ (*), и кто былъ дѣятельнѣе его? Рѣдко можно было видѣть его, и то развѣ по крайней немощи, не священнодѣйствующимъ во храмѣ. Богослуженіе было любимымъ его занятіемъ, его утѣшеніемъ, укрѣпленіемъ и успокоеніемъ отъ другихъ трудовъ. Если кто,

---

(*) 20 Февр. 1857 г. сказано въ Успенск. градск. Соборѣ.

(*) Посвященъ въ іерея 1795 Сент. 22.

то онъ могъ достойно повторять и повторялъ слова св. Псалмопѣвца: *Господи, лучше день единъ во дворѣхъ твоихъ, паче тысящь, изволихъ приметатися въ дому Твоемъ паче, неже жити ми въ селеніяхъ грѣшничихъ* (Пс. 83, 11). Представьте при семъ многія другія обязанности его семейныя и общественныя. Напитанный духомъ благочестія отъ юности, въ знаменитомъ здѣшнемъ училищѣ духовномъ, онъ, какъ благопопечительный отецъ семейства, воспиталъ въ томъ же духѣ и достойныхъ себя дѣтей; служа при шести архипастыряхъ, несъ многоразличныя должности духовныя, — двукратно и каждый разъ болѣе 10-ти лѣтъ исполнялъ многотрудную должность блюстителя благочинія для здѣшняго духовенства (*), двадцать лѣтъ былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ епархіальнаго судилища (**), а вмѣстѣ съ сими должностями проходилъ многія другія, какія возлагали на него архипастыри, какъ на опытнаго, искуснаго и вѣрнаго исполнителя начальственныхъ распоряженій (***).

И какъ всѣ эти должности исполнялъ онъ? Пусть свидѣтельствуютъ о томъ сіи знаки отличій, окружающіе нынѣ гробъ его (****). Довольно сказать, что за три дня до кончины видѣли его еще трудившагося въ епархіальномъ судилищѣ, хотя уже видимо болѣзненнаго, но все бодраго духомъ. Такъ былъ точенъ и ревностенъ въ своемъ служеніи сей священный мужъ, благословенный многолѣтіемъ отъ Господа! Кто же не видитъ какъ оправдалось на немъ изреченіе Премудраго: *вѣнецъ хвалы старость, на путехъ правды*, т. е. на пути истинной добродѣтели, *обрѣтается*?

Но въ особенности подъ именемъ *правды* мы обыкли разумѣть справедливость, правдивость и вѣрность служенія общественнаго. Посмотримъ и на эту особенную добродѣтель въ многолѣтнемъ служеніи сего приснопамятнаго пастыря. Кто не зналъ и кто не уважалъ его правдивости во всемъ, любви къ порядку, благочинію, иногда самой строгости? Быть можетъ строгость его въ отношеніи къ другимъ была нѣкоторымъ непріятна; но онъ строгъ былъ также къ самому себѣ, и никто не могъ не уважать его. Такова, бр., сила правды: если и чувствуемъ отъ нея нѣкую скорбь, то не можемъ не сознавать, что это правда, и не смиряться предъ нею. Не эта ли добродѣтель болѣе всего придавала и силъ и ревности почившему въ его многоразличныхъ служеніяхъ? Не она ли привлекала къ нему уваженіе и архипастырей и сослужителей и всей паствы его? Такъ! она привлекала не только уваженіе, но и любовь къ нему, потому что съ правдивостію соединялись въ немъ доброта сердечная, пастырская заботливость о благѣ другихъ, любовь отеческая. Посему, говорилъ ли онъ правду въ судилищѣ духовномъ?—всѣ слушали его какъ опытнаго мужа совѣта и правды, и уважали благонамѣренность его сужденій. Являлъ ли правду въ увѣщаніяхъ своимъ духовнымъ чадамъ?—всѣ, даже огорчаемые обличеніями, вскорѣ обращались къ нему съ любовію, видя, что не страсть какая либо, а одно правдолюбіе и желаніе исправленія другихъ возбуж-

---

(*) Съ 1812 по 1824, и съ 1828 Февраль. 19 по 1838 Октяб. 5.

(**) Съ 1837.

(***) Былъ экономомъ Духовной Академіи съ 1814 по 1828 г., членомъ комиссіи о исправленіи межигорскихъ церквей и комитета для прекращенія холеры въ 1830 г., комиссіи для оцѣнки домовъ духовенства, комиссіи по преступленіямъ духовныхъ лицъ въ польскій мятежъ 1831 г.—комитета о обезпеченіи состоянія духовенства 1844 и 1845 г.; свидѣтельствовалъ имущества разныхъ духовныхъ мѣстъ и проч.

(****) Покойный протоіерей сверхъ другихъ знаковъ отличія (камилавки, палицы, креста наперстнаго), украшенъ былъ знаками ордена св. Анны 2-й степ. съ Императорскою короною и св. Владиміра 3-й степени.

дали строгость его обличеній. Если при самомъ священнослуженіи не опускалъ онъ безъ замѣчаній какихъ либо безпорядковъ, то и это изъ любви къ правдѣ, которую хотѣлъ онъ видѣть въ должномъ уваженіи къ уставамъ св. Церкви. Какъ же, спросятъ, правдолюбіе могло содѣйствовать къ самому продолженію жизни почившаго? Истинно правдолюбивый, бр., тотъ, кто правду прежде всего обращаетъ на самаго себя, самъ исполняетъ законъ правды, а потому въ самой жизни своей соблюдаетъ во всемъ приличіе, умѣренность и добрый порядокъ, что, по сознанію самыхъ врачей, есть наилучшее средство къ продолженію жизни. Притомъ съ истиннымъ правдолюбіемъ соединяется всегда страхъ Божій; ибо съ нимъ только человѣкъ *направляется ко всѣмъ заповѣдемъ* Божіимъ, и *всякъ путь неправды ненавидитъ* (Пс. 118, 104), и о страхѣ же Божіемъ сказано: *страхъ Господень прилагаетъ дни* (Притч. 10, 27), *и въ страсѣ Господни упованіе крѣпости* (Притч. 14 26). Соломонъ сравниваетъ даже благотворное дѣйствіе правды съ благотворностію милостыни: *путь правды*, говоритъ, и *милостыни обрящетъ животъ и славу* (Притч. 21, 21)

Еще яснѣе уразумѣемъ истину изреченія Соломонова о благословенной старости, если подъ именемъ правды будемъ разумѣть и правду Божію. Мы скажемъ: по самой правдѣ Божіей вѣнчается благословенною старостію вѣрный рабъ Господень, какъ наилучшимъ вѣнцемъ на землѣ. Говорю—наилучшимъ: ибо, по слову того же Соломона, этотъ даръ исходитъ изъ десницы, а не отъ шуйцы всеблагаго Промысла, и потому выше всѣхъ другихъ даровъ земныхъ. *Долгота житія*, говоритъ, *въ десницѣ* Премудрости, *въ шуйцѣ же ея богатство и слава* (Притч. 3, 16). Конечно, праведенъ Господь и тогда, когда восхищаетъ нѣкоторыхъ отъ сей жизни въ цвѣтѣ лѣтъ ихъ; но въ такихъ случаяхъ большею частію сокрыты Его цѣли и намѣренія. Напротивъ здѣсь, гдѣ даруется, какъ вѣнецъ хвалы, старость, каждый можетъ видѣть: почему такъ и для чего? Потому и для того, что правда Божія обрѣтаетъ свое подобіе въ сердцѣ вѣрнаго служителя своего и хощетъ чрезъ него продолжать свое благотворное дѣйствіе на другихъ. Можно сказать, что правда Божія признаетъ себя какъ бы одолженною таковому служителю своему и сиподобляетъ его особеннаго храненія своего. Такъ почившій нынѣ отъ трудовъ своихъ служитель правды не щадилъ себя въ служеніи Господу: потому праведно самъ Господь щадилъ его и самыми трудами укрѣплялъ его силы,—трудами, которые, казалось, болѣе всего должны были ослаблять его.

Замѣтимъ наконецъ, какъ достойна правды Божіей была самая кончина сего вѣрнаго ея служителя. Онъ желалъ и жить и умереть въ священнослуженіи своему Господу: такъ и даровалъ ему Господь. Ангелъ смерти коснулся его и позвалъ къ небесному Пастыреначальнику въ самомъ храмѣ, и послѣ послѣдняго благословенія паствѣ проводилъ его въ домъ для послѣдняго благословенія домашнимъ. Правда Божія даровала ему и ту милость, что онъ самъ напутствовалъ себя божественными тайнами въ жизнь вѣчную, и что даже самъ уготовалъ ту святѣйшую Жертву, которая нынѣ на преждеосвященной Литургіи принесена іерархомъ въ память его. Не видна ли особенная милость и правда Божія въ томъ, что почившій протопресвитеръ, когда едва только началось для насъ время поста и покаянія, уже поспѣшилъ продолжать свое служеніе Господу въ другой жизни. Такую кончину даровала ему всеблагая правда Божія, да познаемъ, что покаяніе вѣрнаго раба ея

уже совершилось, такъ что ненужно было и обыкновеннаго предсмертнаго одра для приготовленія его къ вѣчности: ибо не столько болѣзни, сколько труды и вѣрное служеніе Господу очистили его душу.

Да будетъ же, отцы и братія, всегдашнимъ урокомъ намъ жизнь сего достойнѣйшаго священнослужителя, увѣнчанная благословеннымъ долголѣтіемъ. Познаемъ, какъ Господь любитъ *преподобныя сердца* и какъ *пріятны Ему вси непорочніи въ путехъ своихъ* (Притч. 22, 12), какъ отличаетъ Онъ и здѣсь своихъ вѣрныхъ служителей. Будемъ подражать трудолюбію, вѣрности, правливости и благолюбію почившаго. Паства! не забывай своего отца и пастыря, который рѣдкаго лаже изъ твоихъ старцевъ не видѣлъ младенцемъ и всѣхъ и юношей и старцевъ твоихъ наз лалъ словомъ и жизнію своею. Онъ всегда молился о спасеніи душъ вашихъ: молитесь и вы теперь о спасеніи его души, отшедшей въ жизнь новую, безконечную. Пастыри! поощряйтесь къ вящшей ревности и трудолюбію примѣромъ почившаго отъ многолѣтнихъ трудовъ вашего сопастыря. Отцы и братія! всѣ мы можемъ назвать почившаго нашимъ отцемъ и наставникомъ, какъ по лѣтамъ его, такъ и по примѣрному исполненію священнослужительскихъ обязанностей; потому всѣ должны, по заповѣди апостольской, поминать сего наставника нашего, который болѣе 60-ти лѣтъ *глаголалъ* и исполнялъ *слово Божіе, и взирая на* мирное *скончаніе жительства его, подражать* постоянно ревностной и дѣятельной *вѣрѣ его* (Евр. 13, 7). Аминь.

Веселися, юноше, въ юности твоей, и да ублажитъ тя сердце твое во днехъ юности твоея, и ходи въ путехъ сердца твоего непорочень, и не въ видѣніи очію твоею: и разумѣй, яко о всѣхъ сихъ приведетъ тя Богъ на судъ.—Еккл. 11, 9.

Пора юности, безспорно, самая пріятная пора жизни нашей. Юноша ощущаетъ въ себѣ полноту и свѣжесть силъ и это ощущеніе само по себѣ есть наилучшее удовольствіе. Всѣ впечатлѣнія жизни для него новы, и потому самому пріятны. Мысль его еще не тверда и не глубока, но свѣтла, пріимчива, чужда болѣзненныхъ сомнѣній и съ любовію устремляется къ истинѣ. Чувства его легки и измѣнчивы, быстро возникаютъ и скоро смѣняются одни другими; но они всегда живы и разнообразны, изъ нихъ еще не образовались страсти, и потому они питаютъ, а не истощаютъ сердце. Прошедшаго для него почти нѣтъ, за то будущее представляется ему въ свѣтлыхъ видахъ, и онъ всегда богатъ пріятными надеждами. Отъ того юноша весело смотритъ на міръ Божій, и жизнь сама по себѣ ощущается имъ какъ величайшее благо.

Къ несчастію, юноши не всегда пользуются какъ должно золотыми днями юности своей. Не зная цѣны внутреннему богатству своему, то есть богатству силъ и жизни, они не жалѣютъ его и очень часто тратятъ безъ всякой разборчивости и разсужденія; не зная суеты и пагубнаго дѣйствія внѣшнихъ, мірскихъ удовольствій, они по большей части ищутъ ихъ какъ величайшаго блага и отравляютъ ими чистыя радости собственнаго сердца. *Веселися, юноше, въ юности твоей, и да ублажитъ тя сердце твое во днехъ юности твоея*, но—*ходи въ путехъ сердца твоего непорочень, и не въ видѣніи очію твоею: и разумѣй, яко о всѣхъ сихъ при-*

ведетъ тя Богъ на судъ. Чѣмъ собственно, красна юность? Непорочностію сердца. Тотъ уже пересталъ быть юношею, кто успѣлъ растлить душу и тѣло, и порочная молодость —только по имени юность, потому что въ ней началось уже разрушеніе... Отъ того не даромъ называютъ нѣкоторыхъ юношей стариками,—не потому, чтобы они скоро успѣли созрѣть умомъ и доброю опытностію, а потому, что скоро одряхлѣли тѣломъ и душею, что отъ нихъ вѣетъ духомъ утомленія и охлажденія къ жизни, что въ нихъ нечему созрѣвать, какъ на деревьяхъ, съ которыхъ вѣтеръ раннею весною сдулъ цвѣты.. Ахъ, какъ горько раскаеваются нѣкоторые мужи и старцы въ безразсудномъ употребленіи даровъ юности, но — поздно это раскаяніе! Другіе говорятъ иногда въ утѣшеніе себѣ, что они *пожили въ молодости;* но на самомъ дѣлѣ ихъ также мало утѣшаетъ это, какъ разорившагося отъ роскоши богача воспоминаніе о прежнихъ пиршествахъ и забавахъ: чтобы ни было прежде, но теперь они нищіе, и имъ остается только жалѣть о прежнемъ богатствѣ, которымъ не умѣли пользоваться, и страдать отъ недуговъ, которые нажили собственнымъ богатствомъ своимъ.

Веселись, юноша, въ юности твоей: никто не отнимаетъ у тебя радостей, свойственныхъ возрасту твоему; только не погуби ихъ самъ расточеніемъ силъ твоихъ и утратою цѣломудрія душевнаго и тѣлеснаго. Источникъ веселія твоего въ тебѣ самомъ, въ цѣлости и свѣжести твоей жизни: берегись же проторгнуть этотъ драгоцѣнный источникъ и не разлей воды жизни. Послѣ никакою цѣною не купишь тѣхъ радостей, которыя теперь у тебя не купленныя и могутъ быть обращены во всегдашнюю твою собственность. Помни, что *нѣсть веселія паче радости сердечныя* (Сирах. 30, 16). Много изобрѣтено и изобрѣтается искуственныхъ удовольствій въ мірѣ, но мало красится ими жизнь человѣческая: потому что истиннаго веселія нельзя создать или пріобрѣсть тому, чье сердце неспособно оживляться собственною радостію. Потому-то всякимъ храненіемъ надобно хранить юную душу отъ растлѣнія, какъ садовникъ всячески хранитъ молодыя деревья отъ порчи; иначе жизнь можетъ увянуть въ самомъ цвѣтѣ ея.

Въ чесомъ же юнѣйшій исправитъ путь свой?—Внегда сохранити словеса Господни (Пс. 118 9). Храни, юноша, заповѣди Господни, и сохранишь жизнь твою въ цѣлости; посвяти дни юности своей добродѣтели, и до старости не оскудѣетъ сердце твое чистою радостію; не увлекайся всѣмъ, что завидитъ око твое, или чего пожелаетъ чувственность твоя; страхомъ Божіимъ отрѣвай отъ себя прираженія различныхъ искушеній, и никогда не будешь человоленъ жизнію. Блаженъ, кто въ юности сбережетъ силы свои и сохранитъ непорочность сердца своего! Благословенъ и тотъ, кто охраняетъ юношу отъ порочныхъ увлеченій и старается дать надлежащее направленіе его способностямъ и дѣятельности! Напротивъ, нѣтъ несчастнѣе юноши, ижливающаго юность свою въ разсѣяніи и суетныхъ удовольствіяхъ; и нѣтъ преступнѣе человѣка, способствующаго такому раннему и пагубному растлѣнію природы человѣческой!

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 4-го Іюня 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ *Іоаникій.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 12.

НЕДѢЛЯ 4 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

23 Іюня 1857 г.

Гласъ 3-й.

На утрени евангеліе воскресное 4-е, Лук. зач. 112. На литургіи: апост. Рим. зач. 93, евангел. Матѳ. зач. 25.

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА, ПАПЫ РИМСКАГО,

о

томъ. какъ наставлять тѣхъ, кои совершая злыя дѣла. еще и одобряютъ ихъ, и тѣхъ, кои осуждаютъ зло, но не удаляются отъ него (*).

Различнымъ образомъ должно поучать творящихъ дѣла грѣховныя и одобряющихъ оныя, и съ другой стороны—осуждающихъ эти дѣла, но не убѣгающихъ отъ нихъ. Совершающимъ и вмѣстѣ одобряющимъ грѣхъ должно сказать. что они согрѣшаютъ словомъ гораздо болѣе, нежели дѣломъ; ибо дѣломъ они грѣшатъ только сами, а словомъ располагаютъ ко грѣху столько лицъ, сколько есть занимствующихъ отъ нихъ ложное и нечестивое понятіе о грѣхѣ. Если они не хотятъ искоренить зла, то пусть, покрайней мѣрѣ, не посѣваютъ его: довольно для нихъ ограничиться одною собственною погибелію. Далѣе, если они не боятся быть злыми, то пусть, покрайней мѣрѣ, устыдятся являться предъ лицемъ другихъ такими, каковы они сами въ себѣ. Грѣха, скрываемаго нами отъ другихъ, мы нерѣдко начинаемъ избѣгать; ибо душа наша, стыдясь являться такою, какою не боится быть, очень часто начинаетъ стыдиться и быть тѣмъ, чѣмъ казаться избѣгаетъ. А когда грѣшникъ безстыдно обнаруживаетъ свои грѣхи, то онъ мало по малу начинаетъ почитать ихъ чѣмъ-то позволительнымъ, а смотря на оные такимъ образомъ. наконецъ тѣмъ свободнѣе предается имъ, тѣмъ глубже погружается въ бездну грѣховную. Пр. Исаія говоритъ объ израильтянахъ: *грѣхъ свой, яко содомскій, возвѣстиша и явиша* (Ис. 3, 9). Содомляне

(*) Regul. pastoral. p. III. c. XXXI.

скрывали бы свой грѣхъ, если бы удерживаемы были страхомъ; но они совершенно сбросили съ себя узду страха, когда для совершенія грѣха не искали даже скрытаго мѣста. Посему-то Господь сказалъ: *вопль содомскій и гоморскій умножися ко Мнѣ* (Быт. 43, 20). Грѣхъ гласный есть грѣхъ, совершенный дѣломъ, а грѣхъ вопіющій — грѣхъ, совершаемый съ необузданною свободою.—Какъ же должно наставлять тѣхъ, которые признаютъ грѣхъ беззаконіемъ, но не избѣгаютъ его? Пусть они со вниманіемъ размыслятъ, что скажутъ они на страшномъ судѣ Божіемъ въ свое оправданіе, если они не могутъ оправдаться и на своемъ собственномъ судѣ. Итакъ они свидѣтельствуютъ сами противъ себя и своими дѣлами доказываютъ свою виновность. Свѣтильникъ разума и сужденія освѣщаетъ ихъ душу, чтобы она видѣла грѣхъ; что же душа? Она видитъ грѣхъ, но не старается истребить его, такъ что чѣмъ яснѣе она видитъ, тѣмъ большей подвергается винѣ. Не пользуясь, какъ должно, свѣтомъ внутреннимъ, открывающимъ грѣхи,—не радя о знаніи грѣха, они обращаютъ сіе знаніе въ свидѣтельство противъ самихъ себя; такимъ образомъ оно лишь умножаетъ ихъ преступленія и увеличиваетъ наказанія, тогда какъ оно дано имъ въ пособіе къ истребленію грѣха, и слѣдовательно къ избѣжанію наказанія. *Той же рабъ, вѣдѣвый волю господина своего, и не уготовавъ, ни сотворивъ по воли его, біенъ будетъ много* (Лук. 12, 47), говоритъ сама Истина.

СЛОВО

КЪ ДВОРЯНАМЪ, СОБРАВШИМСЯ НА ВЫБОРЫ.

Не возмеши имене Господа Бога твоего всуе. Исх. 20, 7.

Такъ гласитъ третья заповѣдь десятословія, даннаго Богомъ Израилю чрезъ пророка Моисея. Для насъ, бр., силу и значеніе сей заповѣди самъ Господь нашъ предложилъ въ слѣдующихъ словахъ: *не во лжу кленешися, воздаси же Господеви клятвы твоя* (Матѳ. 5, 33). А изъ сего явствуетъ, что беретъ или произноситъ имя Божіе всуе тотъ преимущественно, кто кленется во лжу, кленется, т. е., не по правдѣ, ложно.

Что же значитъ клясться ложно и какъ великъ грѣхъ этотъ, о семъ полагаю побесѣдовать съ вами, почтенные слуш., какъ съ собравшимися нынѣ сюда для учиненія присяги, дабы обновить въ умахъ вашихъ мысль о высокой важности сего священнаго дѣла.

Не во лжу кленешися. Кленется ложно, во первыхъ, тотъ, кто присягою не богобоязненно подтверждаетъ что либо выдуманное, вовсе не бывалое, или несправедливое, противное истинѣ; равно и тотъ, кто представляетъ событіе какое либо не такъ, какъ оно было дѣйствительно, а въ превратномъ видѣ; или же вовсе отвергаетъ дѣйствительность событія, вопреки правдѣ и совѣсти. Грѣхъ такой именуется въ законѣ лжесвидѣтельствомъ. Не далекъ отъ лжесвидѣтеля и тотъ, братія, кто обѣщаетъ подъ присягою сказать всю правду, а между тѣмъ лукаво скрываетъ оную подъ предлогомъ незнанія;—не говоритъ т. е. того, что видѣлъ или слышалъ; или же показываетъ дѣло не вполнѣ, отчасти только, умалчивая о такихъ обстоятельствахъ, кои составляютъ сущность

дѣла. — Клянется ложно, во вторыхъ, тотъ, кто не исполняетъ обѣщанія, даннаго съ клятвою кому бы то ни было, а равно и тотъ, кто дѣйствуетъ не по духу, не по силѣ присяги данной Царю и отечеству, а по своимъ частнымъ видамъ корыстнымъ, во вредъ благу общему. Грѣхъ этотъ именуется клятвопреступленіемъ. — Клянется ложно, въ третьихъ, тотъ, кто клянется или присягаетъ не искренно, кто произноситъ присягу только языкомъ, а умомъ и сердцемъ не согласуетъ съ словами своими; иначе сказать: кто присягаетъ для вида только, для формы, для выполненія обряда, узаконеннаго на извѣстные случаи.

Такая присяга словесная, лицемѣрная, привильнѣе же сказать лукавая, хотя по видимому и отличается отъ первыхъ двухъ видовъ ложной присяги, но въ сущности своей весьма близка къ тому и другому. Ибо кто присягаетъ лицемѣрно, тотъ очевидно утверждаетъ о себѣ то, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ, напрасно выдаетъ себя за добросовѣстнаго и безпристрастнаго; а слѣдовательно лжесвидѣтельствуетъ на себя самаго, на свою душу. Во вторыхъ, кто присягаетъ лицемѣрно, тотъ словами обѣщаетъ только правду, или честность и благонамѣренность, а на самомъ дѣлѣ не только не имѣетъ сихъ качествъ, но и не предполагаетъ имѣть ихъ въ себѣ, а слѣдовательно ничѣмъ не лучше клятвопреступника. И тѣмъ неизвинительнѣе поступокъ сей, когда онъ совершается для обмана Власти предержащей, которая преимущественно имѣетъ право на нашу искренность и вѣрность.

Постыдно для человѣка благороднаго измѣнить честному слову своему, кому бы таковое дано ни было: но измѣнить слову клятвенному, которое дается начальству, публично, во храмѣ св. предъ честнымъ крестомъ и святымъ Евангеліемъ, — измѣнить такому слову для христіанина есть крайность безстыдства и безчестія. Кто позволяетъ себѣ такой поступокъ, тотъ обличаетъ въ себѣ упадокъ вѣры и совѣсти, тотъ крайне унижаетъ свое достоинство и христіанское и человѣческое. Присяга есть дѣло не гражданское только, гдѣ довольно иногда и одной наружной благовидности; она есть дѣло вѣры и благочестія, дѣло священное. Въ присягѣ свидѣтелемъ искренности и порукою справедливости поставляется Господь всевышній, всесвятый и всеправедный, Богъ сердцевѣдецъ, проникающій въ самыя сокровенныя мысли и намѣренія души нашей. А посему присяга должна быть совершаема не иначе, какъ со всею искренностію и прямодушіемъ, со всею честностію и добросовѣстностію, съ высочайшимъ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ. У кого же недостаетъ сихъ качествъ; кто не имѣетъ въ душѣ непремѣннаго намѣренія, кто не чувствуетъ въ сердцѣ своемъ искренняго желанія быть на самомъ дѣлѣ таковымъ, каковымъ долженъ быть по словамъ присяги: тотъ лучше не дерзай открывать устъ своихъ для произнесенія оной; тотъ лучше не дерзай простирать руку свою къ живущему на небесахъ, Богу страшному, ненавидящему неправды. Ибо присяга лицемѣрная или легкомысленная есть грѣхъ весьма тяжкій. Присягу таковую Господь поставляетъ Себѣ не только въ оскорбленіе, но и въ безчестіе, въ уничиженіе своего божественнаго величія, считаетъ за поруганіе своего святѣйшаго имени. Ибо послушайте, что говоритъ Онъ въ законѣ своемъ: ***не клянитеся именемъ моимъ въ неправдѣ, и да не осквернite имене святаго Бога вашего.*** Такъ противна, такъ ненавистна Господу клятва неправедная, неискренняя и легкомысленная!

За то клятва таковая и на главу виновника своего навлекаетъ страшную клятву Божію, или проклятіе, неумытную кару Господню.

И внидетъ клятва въ домъ кленущагося именемъ моимъ во лжу (Зах. 5, 4). такъ говоритъ самъ Господь чрезъ пророка Захарію, *и вселится посредъ дому его, и скончаетъ его, и древа его, и каменіе его. До смерти отмстится всякъ кленущійся во лжу* (—5, 4). Грѣшникамъ таковымъ даже помилованія не обѣщаетъ Господь. Ибо вотъ какое грозное прещеніе соединяетъ Онъ съ третьею заповѣдію: *не очиститъ Господь пріемлющаго имя Его всуе* (Исх. 20, 7). И это весьма естественно,—поелику дающій клятву самъ своимъ языкомъ призываетъ Бога быть судіею и карателемъ неправды его.

Но кто клянется и не отметается; кто даетъ присягу съ христіанскою истиною и старается выполнить оную съ благородною ревностію, какъ требуетъ долгъ, какъ требуетъ честь истинная, совѣсть чистая и вѣра святая: *той пріиметъ благословеніе отъ Господа, и милость отъ Бога Спаса своего* (Пс. 23, 5).

Уповаемъ, почтенные слушатели, что присяга, которую совершить собрались вы нынѣ, будетъ именно такова: искренняя, вѣрная, благоговѣйная; а посему надѣемся, что она послужитъ для васъ, при совершеніи предпріемлемаго вами дѣла, вѣрнымъ огражденіемъ отъ всякаго пристрастія и человѣкоугодія; послужитъ крѣпкимъ щитомъ противъ всѣхъ разсчетовъ своекорыстія, противъ всѣхъ соблазновъ вражды, противъ всѣхъ искушеній родства и дружбы, противъ всѣхъ опасеній непріязни и мщенія; надѣемся, что настоящая присяга обновитъ вашу ревность о благѣ общемъ, укрѣпитъ вашу правоту и благонамѣренность — обратить выборъ на людей способныхъ и достойныхъ назначенія, поддержитъ вашу рѣшимость отвергнуть и удалить всякое искательство не полезное для общества. И такимъ образомъ вы оправдаете высокое довѣріе къ вамъ Августѣйшаго Монарха и благую надежду страны, ожидающей отъ васъ своего благоустроенія и счастія,—въ чемъ и да поможетъ вамъ Господь. Аминь.

НЕКРОЛОГЪ.

Въ 1848-мъ г., 30-го Мая, въ день сошествія Святаго Духа, стеклась вся Одесса въ соборный храмъ, для слушанія божественной литургіи, которую совершалъ, наканунѣ только прибывшій къ новой своей паствѣ, преосвященный *Иннокентій*, архіепископъ Херсонскій и Таврическій. Прошло девять лѣтъ съ тѣхъ поръ, и въ тотъ-же великій христіанскій праздникъ и въ томъ-же храмѣ провозглашена была первая прискорбная вѣсть о его кончинѣ.

Сунодальный членъ, преосвященный Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій, отошелъ въ жизнь вѣчную, въ Одессѣ, 26-го Мая, въ 5 ть часовъ утра, послѣ непродолжительной болѣзни, на 57 году своей славной жизни. Въ тотъ-же день, съ первымъ заупывнымъ ударомъ колокола, печальная вѣсть эта мгновенно пронеслась по городу, и жители всѣхъ сословій и состояній устремились къ архіерейскому дому поклониться бездыханнымъ останкамъ усопшаго. Вся православная Россія потеряла въ лицѣ его великаго пастыря Церкви и великаго проповѣдника, котораго могучія, плодотворныя и живительныя рѣчи проходили изъ конца въ ко-

нецъ ея неизмѣримое пространство. Одесса не могла не почтить вдвойнѣ истинною скорбію и нелицемѣрнымъ уваженіемъ память того, кто умиротворялъ ее, дѣлилъ ея радости и печали, сѣялъ среди нея отраду, миръ и успокоеніе въ тревожныя минуты послѣдней брани. Два дня надъ тѣломъ усопшаго толпилась осиротѣвшая паства, и только вечеромъ 27-го ч. оплаканные останки преосвященнаго перенесены были изъ архіерейскихъ покоевъ въ крестовую церковь. Отсюда назначенъ былъ послѣдній выносъ тѣла, 29-го ч., въ каѳедральный Преображенскій соборъ, гдѣ изготовлялась могила, у входа въ правый придѣлъ. По совершеніи въ этотъ день панихиды, въ 9 час. утра, преосвященнымъ *Иринархомъ*, архіепископомъ Кишиневскимъ и Хотинскимъ, и *Поликарпомъ*, епископомъ Одесскимъ и викаріемъ Херсонской епархіи, при сослуженіи всего городскаго духовенства, печальное шествіе двинулось изъ архіерейскаго дома къ собору, по Софіевской и Преображенской улицамъ, въ предшествіи городовыхъ цеховъ съ значками и булавами, воспитанниковъ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній, членовъ купечества и учебнаго вѣдомства, чиновъ городской думы и магистрата, за которыми несены были духовенствомъ знаки Царскихъ милостей и всѣ принадлежности святительскаго его сана. За ними слѣдовала духовная процессія, съ клиромъ пѣвчихъ и св. хоругвями, которую заключали собою преосвященные, шествовавшіе предъ гробомъ почившаго. Самый гробъ, содержавшій въ себѣ тѣло архипастыря, несенъ былъ священнослужителями до мѣста вѣчнаго успокоенія. Ему сопутствовали г-нъ Новороссійскій и Бессарабскій генералъ-губернаторъ, г-нъ командиръ 5-го армейскаго корпуса, всѣ высшія власти города и многочисленнѣйшее стеченіе жителей, всѣхъ званій и состояній. Въ 10-ть часовъ началась заупокойная литургія; за нею послѣдовало отпѣваніе тѣла, и въ $2^1/_2$ часа по полудни драгоцѣнный прахъ былъ опущенъ въ могилу. Тому самому храму, гдѣ въ первый разъ Одесская паства услышала вдохновенное слово своего пастыря, гдѣ звучали мироносныя слова его, заглушаемыя нѣкогда громомъ непріятельскихъ орудій, и потомъ умилявшія паству въ минуты обрѣтеннаго мира, — тому храму суждено было и принять его послѣдніе останки, на вѣчное и благодарное воспоминаніе.

Немногосложно было поприще, пройденное усопшимъ во дни земной его жизни, но безсмертны и вѣчно памятны плоды его духовной дѣятельности. Высокопреосвященный Иннокентій (въ свѣтскомъ званіи Иванъ Борисовъ) родился въ 1800 году, въ Сѣвскѣ, Орловской губерніи, и получилъ воспитаніе въ Кіевской Духовной Академіи. На 24-мъ году своей жизни онъ принялъ обѣтъ монашества, и чрезъ два года послѣ того назначенъ былъ инспекторомъ С.-Петербургской Духовной Академіи. Переведенный въ 1830 г. ректоромъ Кіевской Академіи, онъ черезъ шесть лѣтъ посвященъ въ 1836 г. въ епископскій санъ и занималъ мѣсто Кіевскаго викарія до 1840 г., когда, по волѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, перемѣщенъ на епархіальную архіерейскую каѳедру въ Вологдѣ. Въ 1841 г. получивъ Харьковскую епархію, онъ вскорѣ пожалованъ былъ въ санъ архіепископа, и въ 1848 г. назначенъ архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ. Высшему Промыслу угодно было заключить на этомъ его земное поприще!

Множество церквей, основанныхъ неутомимою ревностью покойнаго архипастыря, и три крестныя хода: во дни перенесенія иконъ Богоматери Куряжской и Касперовской, и въ день основанія Одессы, — останутся на вѣки краснорѣчивыми памятниками его заботливаго

управленія паствою. Но не въ этомъ одномъ заключается наслѣдіе потомству, завѣщанное трудами преосвященнаго: незабвенное имя его передадутъ вѣкамъ плоды вдохновеннаго дара, сокровищница произнесенныхъ имъ словъ и бесѣдъ (*).

Да почіетъ благословеніе его надъ нами и да будетъ память его благословенна среди насъ!

(Одесскій Вѣстникъ №. 59).

Р Ѣ Ч Ь

ПРИ ОПУЩЕНІИ ВЪ МОГИЛУ ГРОБА ЧЛЕНА СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУНОДА, ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ИННОКЕНТІЯ, АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО, ПОГРЕБЕННАГО, 29 МАЯ 1857 ГОДА (**).

Еще мало помедли между нами, нашъ гробъ безцѣнный! Еще дай сказать нѣсколько словъ Тому, кто такъ нежданно и горько осиротилъ насъ и Херсонскую церковь, который во всю жизнь свою право правилъ слово истины во спасеніе и утѣшеніе наше и всея Церкви православныя, и которому, въ послѣднія минуты жизни его, никто не имѣлъ утѣшенія сказать: *благодарю! благослови! прости!*— Пріими же, о пастырю нашъ благій! — пріими хотя изъ гроба, послѣднія нами слова, вмѣстѣ съ слезами льющіяся изъ глубины сѣтующихъ, благодарныхъ сердецъ нашихъ: *благодаримъ, благослови и прости*, Владыко святый!

Благодаримъ—за всю Церковь православную, коея ты былъ истиннымъ свѣтильникомъ. Высоко стоялъ свѣтильникъ слова твоего, ярко горѣлъ онъ не только тѣмъ, *иже во храминѣ*, но и тѣмъ, *иже не суть отъ двора нашего!* Не одна церковь единовѣрнаго съ нами Востока ублажала и чтила свѣтъ твой,—позналъ его самый западъ и, волею или не волею, сознался, что и на хладномъ сѣверѣ нашемъ солнце сіяетъ и грѣетъ!

Благодаримъ за всю Россію, для коей слова твои были и на вѣки пребудутъ истинною врачебницею, изъ которой каждая душа получала и будетъ получать все, что потребно ей—въ назиданіе. просвѣщеніе, укрѣпленіе и утѣшеніе. Твоя первая седмица, твоя страстная и свѣтлая седмица, паденіе Адамово, грѣхъ и его послѣдствія, молитва св. Ефрема Сирина, Великій постъ, съ нами Богъ, жизнь св апостола Павла, твои слова Кіеву, слова паствѣ Вологодской, Харьковской, и оплакивающей тебя паствѣ Херсоно-таврической,— все сіе—какое богатое наслѣдіе для Россіи! Сколько временъ, сколько родовъ прейдетъ, для которыхъ наслѣдіе сіе будетъ одинаково цѣнно, одинаково дорого! Сколько душъ, наставленныхъ, умиленныхъ и утѣшенныхъ животворнымъ словомъ твоимъ, воздохнетъ и помолится о тебѣ!

Благодаримъ за всѣ тѣ дни и ночи, въ кои не зналъ ты покоя, труждаясь надъ воздѣлываніемъ дара великаго, пріятаго тобою отъ Подателя всякаго дара. Не одинъ, не два, и не три,—десять талантовъ дано было тебѣ небеснымъ Домовладыкою: за то не одинъ и не два,—десять талантовъ пріобрѣлъ ты на нихъ. О, памятуютъ тѣ, кои видѣли первые загаравшіеся лучи возженнаго въ тебѣ

(*) Высокопреосвященному Иннокентію также Воскресное Чтеніе обязано своимъ бытіемъ и многими прекрасными статьями, украсившими первые годы сего журнала.

(**) Произнесена въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ,—профессоромъ Богословія при Ришельевскомъ Лицеѣ, протоіереемъ Михаиломъ Павловскимъ.

свѣта,— памятуютъ эти дни безмолвія и уединенія твоего,— эти тяжкія ночи бодрствованія твоего надъ наукою,— памятуютъ, какъ часто ночной твой свѣтильникъ смѣняемъ былъ свѣтомъ дневнымъ!

Благодаримъ за всѣхъ, для коихъ не угасалъ сей свѣтильникъ, коимъ выпалъ счастливый жребій - отъ тебя получать науку, просвѣщаться твоею мыслію, согрѣваться твоимъ сердцемъ, оживотворяться твоимъ словомъ. На самыхъ отдаленныхъ концахъ Россіи есть сіи счастливцы — въ чинѣ монашескомъ, въ чинѣ священническомъ и въ быту гражданскомъ. И всѣ они восплачутъ по тебѣ, и всѣ вознесутъ молитвы о тебѣ, и всѣ рекутъ: благодаримъ!

Благодаримъ за все то добро, какое получали отъ тебя паствы, преемственно одна за другою ввѣряемыя тебѣ пастыреначальникомъ Господомъ и волею священнаго Помазанника Его. Паства Вологодская, первая паства твоя, была (какъ самъ ты сказалъ ей, прощаясь съ ней),— »твоимъ *Рувимомъ, началомъ* и духовныхъ трудовъ и духовнаго веселія твоего въ служеніи пастырскомъ.« Паства Харьковская была продолженіемъ тѣхъ же трудовъ и, думаемъ,— того же духовнаго веселія твоего, а паша паства Херсоно-таврическая,—увы! что она принесла тебѣ!— Начало пастырства твоего у насъ — губительный смертоносный недугъ (*), поражавшій Одессу и весь край нашъ, продолженіе пастырства— тяжкіе труды по управленію одною изъ обширнѣйшихъ паствъ и — война, со всею силою разразившаяся въ предѣлахъ нашего края, а конецъ,— о Боже праведный! — какой конецъ!— смертельный твой недугъ въ Тавридѣ, къ разореннымъ церквамъ и обителямъ коея поспѣшалъ ты на помощь и утѣшеніе, какъ спѣшитъ отецъ къ злополучнымъ чадамъ своимъ, и — гробъ въ Одессѣ! Такъ, въ Одессѣ гробъ твой,— въ той Одессѣ, которую спасалъ ты силою молитвы, ободрялъ силою слова, а паче — примѣра твоего. Забудемъ ли когда нибудь мы, забудутъ ли позднѣйшіе роды наши *страстную субботу* нашу? О нѣтъ! пройдутъ многіе годы, унесется съ лица земли многое, а и тогда, указывая на гробъ твой, скажутъ: »здѣсь почіетъ Іерархъ, священнодѣйствовавшій и поучавшій подъ громами войны! Стѣны и главы храма сего трепетали отъ грома военныхъ орудій,— не трепеталъ онъ, молился, поучалъ.« О, если бы и не годы, а только сію одну великую субботу ты пребылъ съ нами, то и ея одной было бы довольно, чтобы повторять намъ предъ тобою: благодаримъ! благодаримъ!

Благослови насъ, Владыко святый, тѣмъ благословеніемъ благостыннымъ, которымъ, при жизни твоей, радовалъ и умирялъ ты души всѣхъ и каждаго.

Благослови, чтобы посѣянное тобою въ паствѣ, за которую ты душу твою полагалъ, дало плодъ въ свое время, чтобы жизнь по вѣрѣ и дѣла благія не оскудѣвали въ ней, чтобы, наученные живымъ словомъ и примѣромъ твоимъ и имѣя предъ очами нашими гробъ твой, мы памятовали то, чему училъ ты насъ!

Благослови всѣхъ насъ — съ христіанскою покорностію волѣ Всевышняго понести тотъ крестъ скорби, какой налагаетъ Онъ на сердца наши, отымая тебя отъ насъ!

Благослови и — прости!

Прости, если чѣмъ нибудь преогорчеваемо было у насъ отеческое твое сердце!

Прости, если всегда высокая мысль твоя, и всегда пламенѣвшее любовію къ добру сердце твое не всегда и не все могли осуществлять — по нашимъ немощамъ и недостоинству. Благослови, и прости — всѣхъ насъ!

(*) Холера.

Прости и того, кто, влекомый силою сыновней любви и благодрности къ тебѣ, дерзнулъ сказать предъ тобою послѣднія сіи слова. Счастливый ученикъ твой, я многому былъ научаемъ тобою, — не наученъ тому, какъ достойно тебя говорить при твоемъ гробѣ. — Прости, Владыко святый!

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

73). Безмолвіе и молчаніе есть сокровище сокрытое на селѣ монашескаго житія. Итакъ поди, продай имѣніе свое, и купи сокровище безмолвія и молчанія, и храни его некрадимымъ до конца жизни своей, чтобъ обогатиться чрезъ него богатствомъ царствія небеснаго.

74) Кто цвѣтъ плоти, т. е. юность изсушаетъ подвижничествомъ и отсѣкаетъ ея пожеланія, тотъ во вѣки будетъ царствовать со Христомъ.

75). Внимай себѣ, добрая госпожа моя, и сохраняя всегда молчаніе устъ и безмолвіе ума, непрестанно памятуй о судилищѣ и вѣчномъ мученіи. Почитай себя уже умершею и не пекись ни о чемъ мірскомъ. Объ одномъ только ревнуй—чтобы всегда ходить по волѣ Божіей. Сидя въ келліи своей, въ безмолвіи и молчаніи, воздыхай и молись съ усердіемъ. Да будетъ всегда въ умѣ твоемъ память о Богѣ, и память о смерти, чтобы демоны не нашли мѣста вложить въ сердцѣ твое лукавые помыслы.

76) Не успѣетъ монахъ въ безмолвіи и и не вкуситъ покоя, если не стяжетъ молчанія и воздержанія.

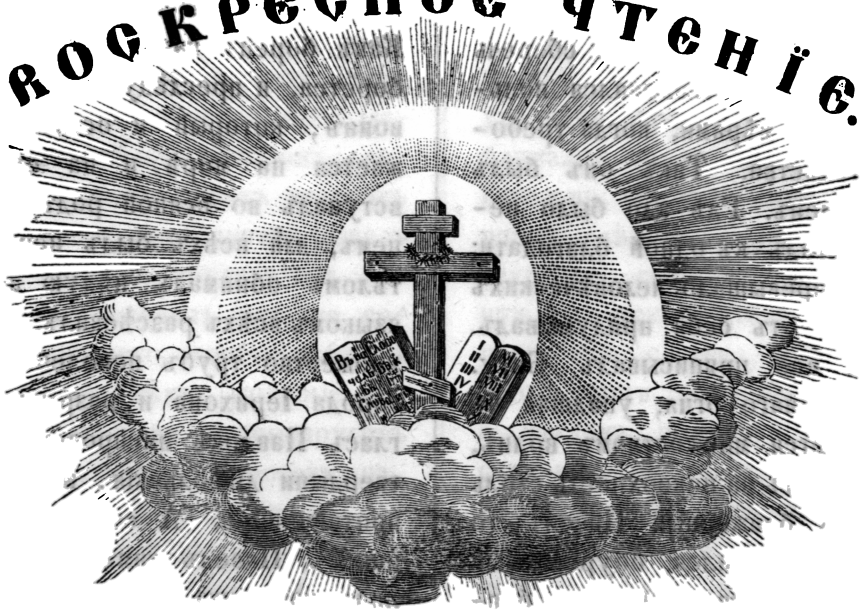
77) Слѣдующія три добродѣтели составляютъ душевное богатство монаха: безмолвіе, молчаніе и постъ. — Если онъ не хранитъ одной какой изъ нихъ, то не можетъ успѣть и въ прочихъ.

78) Смѣхъ и развлеченія мірскія не принесутъ пользы въ часъ смерти; но ихъ-то болѣе всего и любитъ небоящійся Бога. И горе человѣку такому! Лучше бы ему не родиться.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 10-го Іюня 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ *Іоанникій*.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 13.

НЕДѢЛЯ 5 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

30 Іюня 1857 г.

Гласъ 4-й.

На утрени евангеліе воскресное 5-е, Лук. зач. 113. На литургіи: апост. Рим. зач. 103, евангел. Матѳ. зач. 28.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА

ПОХВАЛА СВЯТОМУ АПОСТОЛУ ПАВЛУ.

Аще хвалитися ми подобаетъ, о немощи моей похвалюся (ст. 30). Видишь ли, что апостолъ Павелъ никогда не хвалится чудесами, а всегда гоненіями и искушеніями? Ибо это, говоритъ онъ, есть знакъ немощи; а вмѣстѣ показываетъ, сколь разнообразная предлежала ему брань. Ибо на него ополчались іудеи, возставали язычники, съ нимъ препирались лжебратія, его оскорбляли немощные и соблазняемые братія. Вездѣ противъ него были смятенія и возмущенія,—и отъ своихъ и отъ чужихъ. Таковъ отличительный характеръ апостольскій. Симъ утверждено благовѣствованіе. *Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа вѣсть, яко не лгу. Языческій князь Арєвы царя сѣпрежаше Дамаскъ градъ, яти мя хотя* (ст. 31. 32). Почему здѣсь подтверждаетъ слово свое и увѣряетъ, тогда какъ не дѣлалъ того прежде? Потому, можетъ быть, что сіе было уже давно и мало извѣстно; прочее же, какъ то—попеченіе о церквахъ, и другое подобное было имъ извѣстно. Смотри же, какова брань, ежели князь ради его стерегъ городъ. Когда же говорю о брани, разумѣю ревность Павлову. Если бы Павелъ не дышалъ такимъ огнемъ ревности; то не воспламенилъ бы такого неистовства въ областномъ правителѣ. Таково свойство души апостольской, чтобы столько терпѣть и никогда не колебаться, но все, что ни встрѣтится, переносить мужественно, однако же не вдаваться безразсудно въ опасности, и не бѣжать имъ на встрѣчу. Смотри, на какое средство согласился онъ, чтобы избѣгнуть осады. *Оконцемъ въ кошницѣ свѣшенъ бысть.* Хотя желалъ онъ переселиться

изъ сей жизни, но вмѣстѣ искалъ и спасенія помощію человѣковъ. Посему и не однократно изобрѣталъ подобныя средства, чтобы сберечь себя для проповѣди, и не отказывался пользоваться человѣческими мѣрами, когда требовали того обстоятельства. Такъ онъ былъ остороженъ и бдителенъ. Гдѣ зло было неизбѣжно, тамъ прибѣгалъ къ одной благодати; а гдѣ искушеніе не превышало человѣческихъ силъ, тамъ многое и отъ себя придумывалъ. Но и здѣсь опять все приписывалъ Богу. И какъ искра неугасимаго огня, упадшая въ море, хотя поглощается множествомъ волнъ, но потомъ опять выходитъ на поверхность столь же свѣтлою: такъ и блаженный Павелъ то какъ бы въ бездну погружался, обуреваемый бѣдствіями, то освобождался и являлся блистательнѣйшимъ, оставаясь побѣдителемъ въ своихъ злостраданіяхъ.

Вотъ славная побѣда, вотъ побѣдныя знаменія Церкви! Такъ низлагается діаволъ нашими злостраданіями. Ибо когда мы злострадемъ, онъ дѣлается плѣнникомъ, и терпитъ зло, когда намъ хочетъ оное сдѣлать. Такъ было и съ Павломъ. Діаволъ чѣмъ больше наводилъ на него опасностей, тѣмъ больше былъ поражаемъ. Ибо не одного рода искушенія уготовлялъ ему, но многообразныя и многоразличныя: ввергалъ его то въ труды, то въ скорбь, то въ страхъ, то въ болѣзнованіе, то въ заботу, то въ стыдъ, то во все вдругъ; но Павелъ во всемъ оставался побѣдителемъ. Подобно воину, который одинъ сражается противъ цѣлой вселенной, окруженъ рядами непріятельскими, и никакого не терпитъ зла, и Павелъ являлся одинъ у еллиновъ, у барваровъ, повсюду — на сушѣ и на морѣ оставался непобѣжденнымъ. И какъ искра, упадшая въ солому или сѣно, все сгараемое превращаетъ въ одно съ собою естество: такъ и онъ къ кому не приходитъ, всѣхъ приводитъ къ истинѣ, а проходилъ всюду на подобіе потока, разрушающаго преграды. Какъ борецъ какой нибудь, который одинъ и борется, и преслѣдуетъ, и поражаетъ; или какъ воинъ, который и осаждаетъ стѣны, и сражается на морѣ и на сушѣ: такъ Павелъ вступалъ во всякой родъ брани, дышалъ огнемъ, для всѣхъ былъ неприступенъ, однимъ тѣломъ обнималъ цѣлую вселенную, однимъ языкомъ всѣхъ разсѣевалъ. Не съ такою силою множество трубъ поколебало каменныя стѣны города Іерихона и разрушило ихъ, съ какою гласъ Павловъ ниспровергалъ своимъ звукомъ твердыни діавольскія, и привлекалъ къ нему противниковъ. А собравши множество плѣнниковъ, Павелъ самъ вооружалъ ихъ, составлялъ изъ нихъ свое воинство, и съ помощію его побѣждалъ чудесно. Давидъ низложилъ Голіаѳа однимъ только камнемъ; но ежели разсмотримъ подвиги Павловы,—подвигъ Давидовъ покажется дѣтскимъ дѣломъ, и увидишь такое различіе между Давидомъ и Павломъ, какое между пастухомъ и военноначальникомъ. Ибо Павелъ не вереніемъ камня низложилъ Голіаѳа, но однимъ словомъ угашалъ весь пламень діавольскій. Какъ левъ, рыкающій и испускающій изъ устъ пламень, онъ для всѣхъ былъ нестерпимъ. Непрестанно являлся всюду. Приходилъ къ однимъ, спѣшилъ къ другимъ, появлялся у тѣхъ, переносился къ другимъ, налеталъ скорѣе вѣтра. И управляя вселенною, какъ однимъ домомъ, или однимъ кораблемъ, то извлекалъ утопающихъ, то укрѣплялъ изнемогающихъ, то давалъ приказанія корабельщикамъ, то сидѣлъ на кормѣ, осматривалъ руль, натягивалъ канаты, управлялъ весломъ, снималъ парусы, смотрѣлъ на небо,— одинъ былъ все — и корабельщикъ и кормчій, и парусъ и корабль, — все терпѣлъ, чтобы только другихъ освободить отъ зла. И замѣть, онъ пре-

терпѣлъ кораблекрушеніе, чтобы остановить кораблекрушеніе вселенной; и день пробылъ во глубинѣ морской, дабы извлечь людей изъ глубины обольщенія; былъ въ трудахъ, чтобы успокоить трудящихся; терпѣлъ язвы, дабы уврачевать изъязвленныхъ діаволомъ; сидѣлъ въ темницахъ, чтобы сидящихъ во узахъ и мракѣ известь на свѣтъ, многократно бывалъ при смерти, чтобы избавить другихъ отъ лютой смерти; пять разъ получалъ онъ по сороку ударовъ безъ одного, чтобы избавить отъ бичей діавольскихъ тѣхъ, которые его бичевали; былъ битъ палками чтобы другихъ привести подъ жезлъ и палицу Христову; на метанъ былъ камнями, чтобы освободить отъ безчувственныхъ камней; былъ въ пустынѣ, чтобы извлечь изъ пустыни; былъ въ путешествіяхъ, дабы остановить заблудшихъ и открыть путь, ведущій къ небу; подвергался опасностямъ въ городахъ, чтобы указать горній градъ; терпѣлъ голодъ и жажду, чтобы избавить отъ лютѣйшаго голода; былъ въ наготѣ, чтобы безстудныхъ облечь въ одежду Христову; терпѣлъ нападеніе отъ народа, чтобы отвести отъ нападенія демонскаго, воспламенялся, чтобы угасить раскаленныя стрѣлы лукаваго; былъ спущенъ въ корзинѣ въ окно по стѣнѣ, дабы поднять поверженныхъ долу. Будемъ ли еще говорить, когда не знаемъ всего, что претерпѣлъ Павелъ? Упоминать ли объ имуществѣ, о городѣ, о свободѣ, когда знаемъ, что онъ тысячекратно презиралъ самую жизнь. Мученикъ умираетъ однажды, а сей блаженный однимъ тѣломъ и одною душею претерпѣлъ столько бѣдъ, что они могутъ и адамантовую душу привести въ трепетъ. И что всѣ святые пострадали, каждый въ своемъ тѣлѣ, то все претерпѣлъ онъ въ одномъ тѣлѣ. Вступя во вселенную, какъ бы на нѣкое поприще, и совлекшись всего, стоялъ онъ мужественно, — ибо зналъ, что съ нимъ сражаются демоны. Посему вдругъ, въ самомъ началѣ показалъ себя славнымъ; и отъ первой минуты до послѣдняго конца терпѣлъ одинаково, или, лучше сказать, еще усильнѣе преслѣдовалъ врага, когда приближался къ побѣдному вѣнцу. И то удивительно, что хотя столько претерпѣлъ, и такъ много сдѣлалъ, однакоже умѣлъ соблюдать глубокое смиреніе. Ибо когда заставляла нужда разсказывать о своихъ заслугахъ, касался ихъ слегка; и хотя бы могъ написать многія книги, если бы сталъ распространяться о каждомъ подвигѣ, перечислять церкви, о которыхъ заботился, говорить о темницахъ и о подвигахъ своихъ въ нихъ, о подробныхъ обстоятельствахъ каждаго труда, о нападеніяхъ на него, однакоже не захотѣлъ сего.

Итакъ, зная сіе, научимся и мы смиряться и никогда не хвалиться ни богатствомъ, ни чѣмъ либо житейскимъ: напротивъ, будемъ хвалиться одними оскорбленіями за Христа,— и ими тогда только, когда потребуетъ нужда. А если ничто не понуждаетъ насъ къ сему, — не должны мы воспоминать и о нихъ, дабы не возгордиться, но должны помнить только грѣхи свои. Ибо такимъ образомъ легко освободимся отъ нихъ, и умилостивимъ Бога, достигнемъ вѣчной жизни, которой да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа. Съ Нимъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь (*).

(*) Изъ 25 бесѣды на 2 посл. къ Коринѳянамъ.

РАЗГОВОРЪ

СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНИНОМЪ О ВОПРОШЕНИИ ХРИСТОВОМЪ КЪ АПОСТОЛУ ПЕТРУ.

(Іоан. 21, 15—17).

Прихожанинъ. Читая на дняхъ евангельское повѣствованіе о явленіяхъ Господа нашего по воскресеніи, я остановился на бесѣдѣ Его съ апостоломъ Петромъ при морѣ Тиверіадскомъ. Потомъ прочелъ изясненіе этой бесѣды у св. Іоанна Златоуста, и мнѣ представился вопросъ, какъ отвѣчать послѣдователямъ Римской вѣры, которые находятъ въ этой бесѣдѣ доказательство верховнаго первенства Петрова, а потому и папы Римскаго?

Священникъ. Что же пишетъ святый учитель великій? и сходно ли это съ ученіемъ римскимъ?

Прихож. Вотъ это мѣсто: »Почему Христосъ, помимо другихъ учениковъ, бесѣдуетъ объ этомъ (т. е. о преимущественной любви и о пасеніи овецъ) съ Петромъ? Потому, что онъ былъ избранный изъ Апостоловъ, уста учениковъ, верховный въ ихъ ликѣ, отъ чего и Павелъ приходилъ нѣкогда видѣть его преимущественно предъ другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ Христосъ поручаетъ ему попеченіе о братіи и для того, дабы показать, что отнынѣ онъ долженъ имѣть дерзновеніе, такъ какъ отреченіе его предано забвенію.« — Не ясно ли здѣсь выставляется преимущество ап. Петра предъ прочими Апостолами?

Свящ. И никто не думалъ отвергать преимущества, или первенства Петрова между Апостолами. Но какое это преимущество, — преимущество ли власти, или только преимущество чести? Это два понятія весьма различныя между собою. Первенствуетъ Государь между всѣми начальниками и судіями, какъ Власть верховная предъ властями подчиненными ей, и первенствуетъ предсѣдатель въ какомъ либо судѣ или коллегіи, членъ которой имѣютъ каждый голосъ равный другому. Мы усвояемъ апост. Петру это послѣднее первенство, а не первое.

Прихож. Но намъ скажутъ: Господь говоритъ о власти Петровой въ Церкви, потому что поручаетъ ему пасти овецъ своихъ, то есть Церковь свою.

Свящ. Духъ Святый поручаетъ и всѣмъ пастырямъ — епископамъ пасти Церковь. *Внимайте*, говоритъ имъ апостолъ Павелъ, *себѣ и всему стаду, въ немже васъ Духъ Святый постави епископы, пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію своею* (Дѣян. 20, 28). Тоже пишетъ самъ ап. Петръ духовнымъ старѣйшинамъ христіанскимъ: *старцы, иже въ васъ, молю — пасите еже въ васъ стадо Божіе, не нуждею, но волею и по Бозѣ* (1 Петр. 5, 1. 2).

Прихож. Однако, въ словахъ Христовыхъ къ Петру видятъ нѣчто особенное. Прежде всего Спаситель говоритъ ему: *паси агнцы моя*; а агнцы въ стадѣ, говорятъ, тоже, что вожди; слѣдовательно, — заключаютъ, — Господь даетъ Петру власть и надъ вождями въ Церкви.

Свящ. Такъ толкуютъ предубѣжденные въ пользу папъ, но не такъ безпристрастные знатоки Писанія. Замѣтить надобно, что въ греческомъ подлинникѣ слово *агнцы* выражается словомъ, имѣющимъ уменьшительное значеніе (ἀρνία отъ ἄρην), т. е. какъ бы *малые агнцы*, которые не годятся быть вождями, а требуютъ сами большаго предъ другими попеченія, по своей слабости.

Прихож. А какъ объяснить ту особенность въ словахъ Христовыхъ, что пасеніе стада духовнаго поручается Петру трекратно: *паси агнцы моя, паси овцы моя*, и еще — *паси овцы моя?*

Свящ. Это соотвѣтствуетъ трекратному

вопросу Господа: *любиши ли мя?* и трекратному ответу ап. Петра: *Господи ты вьси яко люблю тя.*

Прихож. Чтоже значитъ трекратное вопрошеніе Христово?

Свящ. А что значитъ, когда мы спрашиваемъ кого нибудь объ одномъ и томъ же нѣсколько разъ? наприм. говоримъ: такъ ли ты думаешь? Точно ли это твое мнѣніе? увѣренъ ли ты въ этомъ?

Прихож. Хотимъ увѣриться въ мысляхъ или чувствованіяхъ другаго, лучше выразумѣть ихъ, а иногда и того хотимъ, чтобы нашъ собесѣдникъ самъ лучше обдумалъ, что говоритъ, и сказалъ свое рѣшительное мнѣніе.

Свящ. Справедливо. Но перваго намѣренія мы не можемъ предполагать въ Спасителѣ, который, какъ сердцевѣдѣцъ, лучше зналъ Петра, нежели онъ самъ себя. Итакъ Господь, трекратно вопрошая ученика своего: *любиши ли Мя?* хотѣлъ, чтобы онъ самъ лучше испыталъ себя и сказалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ сколько сознаетъ онъ въ душѣ своей. И смотри, какъ цѣль Христовыхъ вопрошеній достигается. На первый вопросъ: *Симоне Іонинъ, любиши ли Мя паче сихъ?* Петръ, опытомъ наученный, какъ опасно превозносить себя предъ другими (см. Матѳ. 26, 33), не смѣлъ сказать: »ей, Господи, люблю Тя паче сихъ,« но говоритъ смиренно: *Господи, Ты вьси, яко люблю Тя.* Тоже отвѣчаетъ на другой вопросъ: *любиши ли Мя?* Когда же спросилъ Господь и въ третій разъ: *любиши ли Мя? оскорбъ Петръ,—и глагола Ему: Господи, Ты вся вьси, Ты вьси, яко люблю Тя.* Прочитай, какъ это изъясняетъ св. Златоустъ.

Прихож. »Когда же потомъ спрошенъ былъ (Петръ) и въ третій разъ, то смутился, убоявшись, чтобы опять не случилось тогоже, что было прежде, потому что и тогда онъ говорилъ съ увѣренностію, но послѣдствія опровергли его. По этому снова прибѣгаетъ ко Христу и говоритъ: *Ты вся вьси,* то есть, и настоящее и будущее. Видишь, какъ онъ исправился и сталъ благоразумнѣе? Уже не упорствуетъ въ своемъ мнѣніи и не противурѣчитъ. По этому-то онъ и смутился!

Свящ. Значитъ, Апостолъ хорошо познался себя, смирился, и теперь, послѣ трекратнаго вопроса Христова, еще сильнѣе сознаетъ свою слабость, а вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не сознавать и любви своей къ Господу. Не говоритъ: »паче другихъ люблю Тебя,« но говоритъ: *люблю,*—это чувство живо въ немъ, не ослабѣло и послѣ трекратнаго самоиспытанія.—Теперь ты можешь видѣть, что значитъ трекратное подтвержденіе Петру пастырской его должности.

Прихож. У св. Златоста читаю: »Не воспоминаетъ Христосъ объ его отреченіи, и не порицаетъ его за то, что было; но говоритъ: если ты любишь Меня, то позаботься о братіи; покажи теперь ту горячую любовь, которую ты всегда обнаруживалъ и которою утѣшался; душу свою, которую ты обѣщалъ положить за меня, предай за моихъ овецъ!

Свящ. То есть, Спаситель признаетъ въ св. Петрѣ истинность его горячей любви къ Нему, этою самою любовію убѣждаетъ Апостола любить духовную паству и всего себя посвятить ея благу. Утвержденный въ любви къ Господу, Петръ утверждается и въ любви къ Церкви Господней. Гдѣ же тутъ преимущество власти? Видимъ заповѣдь Пастыреначальника, согласную съ заповѣдію, прежде сказанною, всѣмъ апостоламъ: *аще кто хощетъ старѣй быти, да будетъ всѣхъ меньшій и всѣмъ слуга* (Мар. 9, 35). Болѣе тщательное и усердное служеніе предписывается тому, кто имѣетъ большую ревность.

Прихож. Но все же ап. Петръ *первый,*

или, какъ говоритъ св. Златоустъ, »уста учениковъ, верховный въ ихъ ликѣ!«

Свящ. По истинѣ уста учениковъ, но не глава ихъ. Изъ евангельской исторіи видимъ, что чаще другихъ Петръ дѣлалъ вопросы божественному Учителю, и вопрошалъ Его какъ отъ себя, такъ и отъ другихъ, сучениковъ своихъ. Не такъ ли бываетъ и въ обыкновенныхъ училищахъ? Первый ученикъ обыкновенно спрашиваетъ учителя, и другіе не рѣдко чрезъ него же предлагаютъ Учителю свои недоумѣнія.

Прихож. Не болѣе ли значитъ выраженіе: »верховный въ ихъ ликѣ?«

Свящ. И верховный въ ликѣ учениковъ не болѣе значитъ, какъ первый ученикъ. Слово греческое *κορυφή* употреблено Златоустомъ, конечно, въ обыкновенномъ его значеніи, т. е., въ значеніе чего либо перваго, или лучшаго.

Прихож. Церковь наша, однако, именуетъ апост. Петра *первоверховнымъ*.

Свящ. Прибавь: такъ же, какъ и апост. Павла, и ты поймешь, въ какомъ смыслѣ употребляется это названіе въ Церкви православной,—употребляется именно для означенія преимущественныхъ подвиговъ святыхъ Петра и Павла для славы имени Христова.

Прихож. И такъ преимущественную ревность Петрову Господь не наградилъ преимущественною властію?

Свящ. Такой награды на землѣ никогда не обѣщалъ Господь ученикамъ своимъ. О власти одного надъ другими на землѣ Спаситель запретилъ даже думать Апостоламъ, а повелѣлъ всѣмъ имъ называться *братіями* (Матѳ. 23, 8).

Прихож. Всего этого для меня весьма довольно; послѣ сего и я не смѣю думать о преимущественной власти св. Петра надъ Апостолами. Но довольно ли этого для защитниковъ верховнаго первенства папы Римскаго?—Скажутъ: если апостолъ Петръ самъ не имѣлъ власти надъ другими Апостолами, то не могъ ли дать преимущественной власти кому либо изъ епископовъ надъ всѣми другими?—Апостолъ, конечно, могъ устроять Церковь такъ, какъ послѣ устрояли соборы, а о соборахъ извѣстно, что они епископамъ нѣкоторыхъ городовъ отдавали преимущество предъ другими епископами.

Свящ. Если это могъ сдѣлать ап. Петръ, то могли и другіе Апостолы. И какъ могъ онъ сдѣлать епископа вселенскаго, когда живы еще были нѣкоторые Апостолы, особенно апостолъ Іоаннъ Богословъ, который, по общему преданію, жилъ долѣе всѣхъ Апостоловъ? – Ужели папа Римскій могъ быть поставленъ и выше Апостоловъ?—Я даже не увѣренъ въ томъ, далъ ли ап. Петръ Римскому епископу какое либо первенство предъ другими епископами на Западѣ.

Прихож. Почему такъ?

Свящ. О епископѣ Римскомъ нигдѣ не упоминается въ Писаніи, ни въ посланіяхъ апостольскихъ, ни въ Апокалипсисѣ, и нигдѣ ничего не сказано о первенствѣ Рима. Это тѣмъ нужнѣе было бы для Церкви, чѣмъ выше власть, какую усвояютъ папѣ. При томъ не рано ли было помышлять о преимуществахъ епископа въ Римѣ, когда тамъ начинались сильныя гоненія на Церковь и готовились еще сильнѣйшія въ будущемъ? — Исторія Церкви показываетъ, что дальнѣйшее устройство іерархіи предоставлено временамъ болѣе мирнымъ, подъ державою христіанскихъ императоровъ, и предоставлено именно Соборамъ вселенскимъ.—Впрочемъ, мы кажется уклонились уже отъ нашего предмета главнаго.—Какой былъ у тебя вопросъ главный?

Прихож. Почему Господь особенно поручилъ стадо свое ап. Петру, и дана ли ему

та верховная власть, о которой говорятъ въ Римѣ и которую переносятъ на папу?

Свящ. Что же мы нашли въ отвѣтъ на этотъ вопросъ?

Прихож. Мы видѣли, что изъясненіе у св. Златоуста на вопрошенія Христовы Петру ни мало не подтверждаетъ верховной власти сего апостола въ Церкви апостольской, а свидѣтельствуетъ только о первенствѣ или старѣйшинствѣ чести св. Петра между его сучениками.

Свящ. И самое это старѣйшинство чести могъ ли первоверховный Апостолъ передать епископу Римскому?

Прихож. Теперь вижу, что и это было невозможно, потому что тогда было еще время апостольское.

Свящ. И потому еще, что старѣйшинство Петра основано было на его преимущественной ревности или любви къ Іисусу Христу. Могъ ли же Апостолъ свою преимущественную ревность передать кому либо другому? Если скажутъ, что богодухновенный Петръ провидѣлъ такую ревность въ первомъ епископѣ Римскомъ, то надобно предположить, что провидѣлъ онъ и всѣ слабости и всю неразумную и часто богопротивную ревность многихъ папъ позднѣйшихъ, и заранѣе лишилъ ихъ той чести, которой они недостойны.

Прих. Были впрочемъ многіе достойные папы Римскіе и Церковь наша чтитъ нѣкоторыхъ въ ликѣ святыхъ.

Свящ. Честь имъ и хвала за ихъ святость, а также за ревность по вѣрѣ православной во времена ересей. Но какъ первенства Петрова нельзя было прикрѣпить къ одной каѳедрѣ епископской, такъ и святости и православія. Читай исторію Церкви, и ты увидишь, какъ, со временемъ, на самомъ престолѣ св. Льва и Григорія Двоеслова появилось неправославіе, и какъ сами папы отчуждали себя отъ союза съ Церковію православною, стали выставлять, вмѣсто всѣхъ доказательствъ своего неправаго ученія, свое мнимое первенство власти въ Церкви вселенской, и какъ наконецъ исполнилось надъ ними слово Писанія: *возносяй себе смирится* (Лук. 14, 11), и: *Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Іак. 4, 6).

КАИНОВЫ ЖЕРТВЫ.

Еда аще право принесъ еси, право же не раздѣлилъ еси, не согрѣшилъ ли еси? Быт. 4, 7.

Въ чемъ укоряетъ Богъ Каина? За что не одобряетъ принесенной имъ жертвы? Что вмѣняетъ ему въ грѣхъ въ жертвоприношеніи его?—*Вторую*, говоритъ св. апостолъ Павелъ, *множайшую жертву Авель паче Каина принесе Богу* (Евр. 11, 4): слѣдовательно, у Каина не доставало вѣры и истиннаго благочестія, и дѣло его, само по себѣ святое и священное, оказалось неугоднымъ Богу, какъ дѣло мертвое, безъ духа, безъ значенія. *Право принесъ* онъ жертву свою, потому что надлежало приносить жертвы Богу, безъ сомнѣнія, по Его же благой волѣ и заповѣди: но *не право раздѣлилъ* при семъ между Богомъ и самимъ собою, думая исполнить все дѣло благочестія принесеніемъ Богу части отъ собранныхъ имъ плодовъ земныхъ

(и то, вѣроятно, не лучшей части, не такой, какую предложилъ Авель, принесшій въ жертву отъ первородныхъ овецъ своихъ и отъ туковъ ихъ) и за то какъ бы по праву пользоваться всѣми дарами благодати Божіей. Вотъ почему жертва Каина отринута Богомъ и поставлена ему въ грѣхъ!

Ахъ, сколько и нынѣ, между самыми христіанами, которыхъ *сотворилъ Господь іереями* своими, приносится Каиновыхъ жертвъ Богу!

Приходитъ христіанинъ въ церковь Божію, на служеніе самое высокое и святое, на принесеніе Богу — въ молитвѣ, моленіи, прошеніи и благодареніи — *жертвы духа сокрушеннаго*, которая, вмѣстѣ съ премірною жертвою Христовою, должна вознестись, *въ воню благоуханія духовнаго, въ пренебесный и мысленный жертвенникъ Божій:* но — приходитъ безъ живой вѣры и любви къ Господу Спасителю своему, — приходитъ больше по обычаю, нежели по усердію, — приходитъ какъ въ обыкновенное собраніе, безъ сознанія важности и значенія церковнаго богослуженія, — приходитъ поздо, боясь ли утомленія и скуки при богослуженіи, или потративъ время на суетныя украшенія, стараясь показаться какъ можно лучше не предъ Богомъ, а предъ людьми: не Каинъ ли это является съ своею жертвою предъ лице Божіе? Что приноситъ онъ Богу? — То, что не стоитъ ему никакого труда и не имѣетъ никакой цѣны, — одинъ видъ благочестія христіанскаго. А себѣ, между тѣмъ, предоставляетъ права христіанина и сопряженныя съ ними преимущества! Нѣтъ, не пріемлетъ Господь Богъ такого служенія, отвращается такой жертвы: *приближаются Мнѣ*, говоритъ, *людіе сіи усты своими, и устнами чтутъ Мя: сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене: всуе чтутъ Мя* (Мат. 15, 8).

Совершаетъ христіанинъ дѣла благотворенія: и это, само по себѣ, высокое служеніе Господу Богу, благопріятная жертва Ему; потому что милуяй нища взаимъ даетъ Богу, и благотворящій бѣдному благотворитъ самому Іисусу Христу (Матѳ. 25, 40). Но благотворительность наша часто недостойна своего имени. Евангеліе заповѣдуетъ намъ скромность и смиреніе въ дѣлахъ человѣколюбія: *тебѣ же творящу мылостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя* (Матѳ. 6, 3): но у насъ добро дѣлается часто на показъ, съ тѣмъ именно, чтобъ о немъ говорили или даже писали, отъ чего и бываетъ, что благотворящій предъ очами свѣта сурово отталкиваетъ отъ себя нищету, благотвореніе которой не обѣщаетъ никакой славы благотворителю. Евангеліе заповѣдуетъ намъ благодѣяніе безъ всякаго разсчета на земныя воздаянія или взаимныя благодарности: *егда творишь пиръ, зови нищія, маломощныя, хромыя, слѣпыя: и блаженъ будеши, яко не имутъ ти что воздати: воздастъ же ти ся въ воскресеніе праведныхъ* (Лук. 14, 13—14): но у насъ подъ видомъ благотворительности скрывается иногда одинъ корыстный разсчетъ, то есть: благотворятъ иногда съ тѣмъ единственно, чтобъ имѣть людей обязанныхъ, одолженныхъ, готовыхъ на услуги изъ признательности, на подчиненіе изъ выгоды. Христіанское благочестіе требуетъ, чтобы мы совершали дѣла милосердія во имя Господа нашего Іисуса Христа, изъ любви къ Нему, ради насъ обнищавшему, и изъ любви къ бѣднымъ, какъ меньшимъ братіямъ Христовымъ: въ такомъ только случаѣ всякое благотвореніе наше есть истинная жертва Богу, пріобрѣтающая намъ благоволеніе Божіе: *иже аще напоитъ вы чашею воды во имя Мое, яко Христовы есте, аминь глаголю вамъ: не погубитъ мзды своея* (Марк. 9, 46): но

у насъ благотворительность является иногда въ такомъ видѣ, что истинное чувство благочестія возмущается ею, какъ дѣломъ совершенно не—христіанскимъ; такъ напримѣръ, съ благотворительною цѣлію учреждаются мірскія пиршества, зрѣлища, забавы и увеселенія, на которыхъ обильнѣйшую дань собираетъ себѣ роскошь и страсть къ удовольствіямъ, а нищетѣ предоставляются оставшіяся послѣ нея крупицы, — на которыхъ всѣмъ движетъ и управляетъ суета мірская, а чувство христіанской любви не только не поддерживается, но и подавляется, — на которыхъ каждый подчиняется требованіямъ свѣта и раболѣпно *служитъ* мамонѣ, а о Христѣ Спасителѣ, о Его заповѣдяхъ и обѣтованіяхъ не бываетъ и мысли.—Не Каиновы ли всѣ эти и подобныя имъ жертвы?—Отъ таковыхъ благотворителей Господь прямо отрицается, говоря: *аминь глаголю вамъ. яко воспріемлютъ мзду свою* (Матѳ. 6, 5).

Господь Богъ не отвергаетъ и внѣшнихъ приношеній Себѣ, или о имени своемъ—Церкви святой, храмамъ и служащимъ при храмахъ Господнихъ. Нѣкогда бѣдная вдовица положила послѣднюю лепту свою въ сокровищницу храма (Лук. 21, 4): вотъ жертва паче Авелевой! Но бываетъ, что, при всемъ изобиліи въ средствахъ жизни, при всемъ достаткѣ и избыткѣ въ дому, едва находятъ столь мѣлкую монету, чтобы обратить ее въ приношеніе олтарю: вотъ жертвы едва ли не хуже Каиновой! Бываетъ и то, что обиліемъ и цѣнностію внѣшнихъ приношеній въ церковь Божію хотятъ замѣнить недостатокъ внутренняго богопочитанія и купить себѣ милость Божію точно такъ, какъ покупаютъ иногда милости человѣческія, богатыми подарками и пожертвованіями: и это — не выше, не цѣннѣе Каиновой жертвы! *Что Ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь... Егда простерете ко Мнѣ руки ваша, отвращу очи мои отъ васъ: и аще умножите моленіе, не услышу васъ: руки бо ваши исполнены крове. Измыйтеся и чисти будите, отъимите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима моима, престаните отъ лукавствъ вашихъ: научитеся добро творити. взыщите суда, избавите обидимаго, судите сиру и оправдите вдовицу, и пріидите истяжимся, глаголетъ Господь* (Исаіи 1, 11. 15—20).

Вся жизнь христіанина должна быть благоугодною жертвою Господу Богу; во всякое время мы должны служить Ему вѣрою, любовію, чистотою. Но мы любимъ раздѣлять время на періоды служенія себѣ или міру и—служенія Богу: лучшее время жизни нашей мы посвящаемъ себѣ, юностію и мужествомъ жертвуемъ суетѣ земной; а остатокъ дней своихъ думаемъ посвятить Богу! Не обѣщаемъ ли мы такимъ образомъ заранѣе Каиновой жертвы Богу? Конечно, покаяніе и обращеніе къ Богу во всякое время могутъ быть спасительны; но—намѣренно, съ яснымъ сознаніемъ, ижливать лучшее время въ удовлетвореніи суетѣ и грѣху, для служенія же Богу отдѣлять болѣзненную старость—значитъ тоже, что отдѣлять въ жертву Богу *хромое, слѣпое, увѣчное*... И что удивительнаго, если Богъ не приметъ отъ насъ такой жертвы, не дастъ намъ увидѣть самой старости, и—мы умремъ во грѣхахъ нашихъ!...

Пожри, христіанинъ, *жертву правды*, и тогда *уповай на Господа* (Псал. 4. 6); иначе и на тебѣ, на самыхъ дѣлахъ мнимаго благочестія твоего, можетъ лежать страшное знаменіе Каинова отверженія.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

79) Да будетъ всегда въ сердцѣ твоемъ мысль о концѣ жизни и о смерти; чрезъ сіе ты возможешь, хотя нѣсколько, убезмолвиться.

80. Стяжи безмолвіе и молчаніе въ страхѣ Божіемъ, и ниодна изъ стрѣлъ врага не коснется тебя.—Безмолвіе есть родительница покаянія, зерцало грѣховъ, мать сокрушенія, источникъ слезъ, свѣтоводительница ума, правительница очей, языка и слуха, тишина помысловъ, веселіе души, обузданіе чревоугодія, горячность молитвы, причина нестяжательности; безмолвіе есть благое иго и бремя легкое, упокоевающее и спасающее того, кто любитъ его; оно есть благая часть, которую избрала Марія, какъ сказалъ Христосъ Господь. Держи ты оное, добрая сестра моя, въ любви и страхѣ Божіемъ. Такимъ образомъ можешь и ты усладиться Господомъ своимъ, и присѣдя Ему можешь сказать сладчайшему Іисусу: *прилпѣ душа моя по Тебѣ; яко отъ тука и масти исполнися душа моя.* Такъ стяжи честное безмолвіе, добрая сестра моя, ради Господа. Ибо слышишь, что говоритъ Писаніе: лучше хлѣбъ съ солію въ безмолвіи, нежели предложеніе яствъ съ заботою и развлеченіемъ.

81) Не бойся положить благое начало пути Божія, т. е., безмолвія, которое можетъ ввести тебя въ животъ вѣчный; только возжелай начать съ усердіемъ, и Богъ, видя усердіе души твоей, самъ будетъ для тебя путь, и введетъ тебя въ царство свое.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 14-го Іюня 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ *Іоанникій.*

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 14.

НЕДѢЛЯ 6 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

7 Іюля 1857 г.

Гласъ 5-й.

На утрени евангеліе воскресное 6-е, Лук. зач. 114. На литургіи: апост. Рим. зач. 110, евангел. Матѳ. зач. 29.

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА, ПАПЫ РИМСКАГО,

о

томъ, какъ научать согрѣшающихъ по мгновенному увлеченію къ злу и совершающихъ преступленія съ обдуманностію (*).

Не одинаковыхъ наставленій требуютъ согрѣшающіе по мгновенному влеченію къ злу и впадающіе въ преступленіе съ зрѣлымъ размышленіемъ. Должно обратить вниманіе мгновенно увлекающихся прелестію грѣха на то, что имъ предстоитъ въ настоящей жизни безпрерывная брань. Поелику сердце ихъ не всегда можетъ предвидѣть тѣ раны, которыя могутъ быть нанесены ему: то они должны, такъ сказать, закрыть его щитомъ страха,—должны всегда опасаться тайныхъ стрѣлъ лукаваго врага и укрѣпляться въ станѣ своемъ,—внутри самихъ себя. Ибо сердце, не защищаемое бдительностію, скоро получаетъ раны; коварный врагъ тѣмъ удобнѣе поражаетъ его, чѣмъ болѣе оно открыто. Послѣ сего надлежитъ побуждать ихъ къ умѣренію заботъ о земныхъ благахъ: ибо когда міръ и блага его поглощаютъ все наше вниманіе, то мы и не знаемъ тѣхъ стрѣлъ, которыя поражаютъ насъ, и готовы сказать: *бища* насъ, *и не поболѣхомъ*, *и поругашася* намъ. *мы же не разумѣхомъ, когда утро будетъ, да шедше взыщемъ, съ нимиже снидемся* (Притч. 23, 35). Мы не видимъ грѣховъ, приближающихся къ намъ, не знаемъ содѣланныхъ нами. Такъ, безпечный грѣшникъ влечется грѣхомъ, и не чувствуетъ сего,—потому что его обаяла прелесть грѣха, и онъ не возбуждается къ бодрствованію надъ собою. Однако онъ еще

(*) Regul. pastoral. p. III. c. XXXII.

пробуждается для заботъ мірскихъ, еще ищетъ удовольствій грѣха: онъ усиливается бодрствовать тамъ, гдѣ гораздо умѣстнѣе спать. Посему Премудрый говоритъ: *и возляжеши яко въ сердцы моря, и якоже кормчій во мнозѣ волненіи* (Притч. 23, 34). *Возлегать* и засыпать *въ сердцы моря*—значитъ не обращать вниманія, среди моря мірскихъ искушеній, на стремленіе волнъ грѣха. *Кормчій во мнозѣ волненіи* не можетъ править кормиломъ и не предотвращаетъ напора волнъ: такъ и душа, покорившись влеченію страстей не управляется болѣе умомъ, какъ кормчимъ, и не борется съ приливомъ влеченій грѣховныхъ. Не такъ должно поучать согрѣшающихъ обдуманно. Надобно заставить ихъ помыслить, что они подвергнутся тѣмъ строжайшему суду, чѣмъ съ большимъ сознаніемъ они грѣшатъ и чѣмъ крѣпче привязываетъ ихъ ко грѣху ихъ сознаніе. Они скорѣе могли бы очистить свои грѣхи покаяніемъ, если бы совершили ихъ по неразсудительности; напротивъ, узы грѣха, подкрѣпленнаго обдуманнымъ намѣреніемъ, гораздо труднѣе разрѣшить. Даже должно сказать, что согрѣшающіе съ полнымъ сознаніемъ пагубы грѣха тѣмъ и отличаются отъ неразсудительно грѣшащихъ, что они большею частію рѣшительно отпадаютъ отъ добра, повергаются въ бездну отчаянія, и въ нихъ исторгнутъ самый корень надежды. Посему Господь, обличая грѣшниковъ, грозитъ потребленіемъ не столько за неумышленные грѣхи, сколько за умышленные: *да не зажжется*,—говоритъ Онъ чрезъ Пророка,—*да не зажжется, яко огнь, ярость моя, и возгорится, и не будетъ угашающаго, ради лукавыхъ умышленій вашихъ* (Іер. 21, 12). Поелику грѣхи умышленные отличаются отъ всѣхъ другихъ грѣховъ: то Господь преслѣдуетъ не дѣйствіе грѣховное, а самое *умышленіе*; ибо дѣло грѣховное часто можетъ зависѣть или отъ немощи, или отъ нерадѣнія, а *умышленіе* грѣховное происходитъ всегда отъ закоренѣвшей злобы. Прекрасно сказано о праведномъ мужѣ: *и на сѣдалищи губителей не сѣдъ* (Пс. 1, 1). *На сѣдалищѣ* возсѣдаетъ или судія, или начальникъ, предсѣдательствующій. *Сидѣть на сѣдалищи губителей* значитъ – грѣшить по зрѣломъ обсужденіи грѣха, значитъ, далѣе, доходить до такого превозношенія грѣхомъ, по которому грѣхъ совершается *умышленіемъ*. И сколько предсѣдательствующіе выше другихъ, столько грѣхи умышленные важнѣе другихъ грѣховъ. Пусть видятъ отсюда согрѣшающіе съ *умышленіемъ*, какого достойны они наказанія, если они не только сообщники, но и, такъ сказать, предсѣдательствующіе начальники грѣшниковъ.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО.

ПРЕДЪ ПЕРЕНЕСЕНІЕМЪ ТѢЛА СУНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА, ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ИННОКЕНТІЯ, АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО, ИЗЪ КРЕСТОВОЙ ЦЕРКВИ ОДЕССКАГО АРХІЕРЕЙСКАГО ДОМА ВЪ КАѲЕДРАЛЬНЫЙ СОБОРЪ (*).

И такъ не стало уже въ этомъ мірѣ незабвеннаго Архипастыря нашего! Кончиною его омрачился для насъ свѣтлый день Святыя Троицы. Умолкли, навсегда умолкли сладкорѣчивыя уста его; угасъ и закрылся на вѣки

(*) Произнесено Ректоромъ Херсонской Духовной Семинаріи Архимандритомъ Серафимомъ, Мая 29-го дня 1857 года.

свѣтлый и быстрый взоръ его, такъ глубоко проникавшій въ души, говорившій еще краснорѣчивѣе слова его; чело его, доселѣ виталище высокихъ помысловъ, не озаряется болѣе лучами разума!

Неизмѣримо велика потеря наша, сѣтующіе братіе,—потеря не паствы токмо Херсоно-Таврической, но и всей Церкви и отечества нашего. Ибо кого утратили мы въ почившемъ, кого утратила въ немъ съ нами вся Россія?

Это былъ избранный мужъ совѣта, почтенный участіемъ въ управленіи Всероссійскою Церковію, для которой онъ могъ быть и былъ весьма полезенъ своею пламенною ревностію о благѣ ея, своимъ глубокимъ знаніемъ ея нуждъ и потребностей. Это былъ святитель мудрый и дѣятельнѣйшій. Неутомимостію въ священнослуженіяхъ и ихъ благолѣпіемъ онъ привлекалъ въ храмъ Божій тысящи молящихся,— привлекалъ даже тѣхъ, кои прежде казались холодными и къ молитвѣ, и ко всякой святынѣ, и ко всему священному. И пространнѣйшій храмъ соборный, вмѣщающій въ себѣ до пяти тысячь народа, почившій святитель не имѣлъ ли утѣшеніе видѣть почти всегда полнымъ молящимися? Созиданіемъ и и благоукрашеніемъ храмовъ Божіихъ, учрежденіемъ новыхъ священныхъ обрядовъ и торжествъ, возстановленіемъ изъ развалинъ древнихъ обителей иноческихъ, основаніемъ новыхъ, благочестивымъ и просвѣщеннымъ вниманіемъ къ священнымъ памятникамъ древняго христіанства онъ поддерживалъ, возвышалъ и разширялъ духъ благочестія въ паствахъ, преемственно ему ввѣряемыхъ.

Это былъ необыкновенный владыка и начальникъ, въ которомъ отъ природы было нѣчто владычественное. Часто однимъ взоромъ и маковеніемъ внушалъ онъ подчиненнымъ безпрекословное повиновеніе, содержалъ ихъ въ порядкѣ и вѣрности долгу—такъ сказать—болѣе однимъ великимъ духомъ своимъ. Строгость и благость мудро сорастворялись у него. Обыкновенно исправлялъ и вразумлялъ онъ виновныхъ, болѣе устрашая, нежели наказывая. Будучи самъ великъ и требуя немалаго отъ подчиненныхъ, онъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ весьма снисходителенъ къ немощнымъ.

Это былъ великій богословъ и учитель нашей Церкви. Свѣтлый и выспренный умъ его постоянно любилъ парить въ горней области боговѣдѣнія. Говоря о высокихъ истинахъ вѣры, онъ особенно возвышался и казался вдохновеннымъ, возвышая и одушевляя и своихъ слушателей, но притомъ изъяснялъ истины сіи съ совершенною ясностію и простотою. Слушавшіе богословскіе уроки его въ высшихъ святилищахъ духовнаго просвѣщенія единогласно свидѣтельствуютъ, что ничего лучшаго не слыхали они. Обогатившись основательнымъ знаніемъ и другихъ наукъ, онъ пользовался симъ богатствомъ преимущественно для уясненія высокихъ истинъ и таинъ ученія христіанскаго. Это былъ великій мыслитель нашего времени,—но притомъ мыслитель глубоко благочестивый, коего мышленіе и основано было на вѣрѣ, и проникнуто вѣрою. Высочайшія истины и вѣрованія христіанскія, о которыя умы слабые и кичливые претыкаются недоумѣніями и сомнѣніями, казались вполнѣ сродными свѣтлому уму его, находили живое сочувствіе въ его сердцѣ. Обладая такими высокими совершенствами умственными, почившій іерархъ явился на небосклонѣ Россіи лучезарнымъ свѣтиломъ, которое, уже при самомъ восходѣ своемъ, преемственно озаряло два высшія святилища духовнаго просвѣщенія, а изъ нихъ и чрезъ нихъ распространяло свѣтъ и на многія другія мѣста, потомъ, взошедъ на высоту тверди церковной, изли-

вало съ святительскихъ каѳедръ еще обильнѣйшіе лучи свѣта—въ Кіевѣ, Вологдѣ, Харьковѣ и Одессѣ, гдѣ такъ поспѣшно и зашло во гробъ. Но и сокрывшись теперь во гробѣ или за гробомъ, престанетъ ли оно когда либо свѣтить Россіи своими яркими отраженіями въ безсмертныхъ твореніяхъ ума и слова, какъ и доселѣ свѣтило ими во всѣхъ странахъ нашего отечества?

Это былъ россійскій Златоустъ. Въ устахъ его всегда было готовое слово,—и какое слово? въ высшей степени усладительное и витійственное, но притомъ слово общепонятное, которое высотою мысли, изяществомъ и благородствомъ выраженія удовлетворяя вкусу самыхъ высоко-образованныхъ слушателей, было въ то же время понятно и для слушателей простыхъ. И что еще должно присовокупить къ достоинствамъ безсмертнаго витіи?—Слово его, подобно слову Божественнаго Учителя, всегда было съ нѣкоторою властію. Творенія его, какъ нѣкогда древняго Златоуста, съ услажденіемъ читаются и перечитываются всѣми и всюду—равно въ хижинахъ, какъ и въ чертогахъ.

Это былъ нашъ отечественный пѣснописецъ, даровавшій Церкви Россійской новыя, полныя мысли, чувства, творчества и изящества, пѣснопѣнія. Составленные имъ каноны и акаѳисты: *Пресвятой Троицѣ*, *Божественнымъ Страстемъ*, *Живоносному Гробу и Воскресенію Христову*, *Покрову Пресвятыя Богородицы*, *Архангелу Михаилу*, *ко Причащенію св. Таинъ и служба Херсонскимъ священно-мученикамъ* (*) суть драгоцѣнное, оставленное имъ Церкви нашей наслѣдіе.

(*) Акаѳистъ ко Причащенію св. Таинъ и служба Херсонскимъ Священно-мученикамъ находятся еще въ рукописяхъ.

Это былъ изящнѣйшій творецъ и художникъ слова, мужъ словесный по превосходству, глубоко постигшій свойства и духъ нашего народнаго слова, и потому такъ могущественно дѣйствовавшій словомъ на умы и сердца. Въ безсмертныхъ твореніяхъ его словесность отечественная сдѣлала великій шагъ къ совершенству. Заслуги его, въ семъ отношеніи, давно оцѣнены ареопагомъ просвѣщенныхъ блюстителей чистоты и цѣнителей совершенствъ русскаго слова.

Кратко сказать: это былъ великій человѣкъ, въ которомъ совмѣщены были всѣ силы и способности души въ превосходной степени: и умъ самый свѣтлый, возвышенный, многообъемлющій, и воображеніе самое живое и творческое, и память самая счастливая и обширная, и даръ слова совершеннѣйшій, и вкусъ самый изящный и правильный, и сердце способное къ самымъ разнобразнымъ чувствованіямъ—и глубокимъ и возвышеннымъ, и сильнымъ и нѣжнымъ, и воля рѣшительная и дѣятельнѣйшая. Это былъ рѣдкій смертный, надѣленный особенною силою творчества и изобрѣтательности;—это былъ какъ бы нѣкій жизненный и зиждительный духъ, вооушевлявшій собою всѣхъ, къ кому только имѣлъ отношеніе, ободрявшій унылое, возвышавшій низменное, наполнявшій собою весьма многое и удаленіемъ своимъ всегда и вездѣ производившій ощущеніе пустоты.

Но къ чему все это говорю я о почившемъ Архипастырѣ? Не съ тѣмъ, чтобы достойно изобразить его. Не моей немощи это дѣло,—и предѣлы церковнаго собесѣдованія весьма тѣсны для сего изображенія. Я хотѣлъ только указать вамъ, братіе, на великость общей нашей потери въ почившемъ—и потери всей Россіи. Найдутся достойные его жизнеописатели, кои пространно изобразятъ величіе духа его, дѣянія и заслуги его

Церкви и отечеству: ибо онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ достопамятныхъ мужей Русской земли, *иже оставиша имя, еже повѣдати хвалы* (Сир. 44, 8).

Кто изъ насъ не желалъ продолженія благотворной жизни почившаго Архипастыря до самыхъ крайнихъ предѣловъ житія человѣческаго? Какъ много добра онъ еще могъ и желалъ сдѣлать для паствы своей и для всей Церкви Россійской! Зачѣмъ же онъ возхищенъ изъ среды насъ, повидимому, несвоевременно, далеко не достигши предѣловъ жизни человѣческой, указанныхъ Псалмопѣвцемъ (Псал. 89, 10)? Неожиданно — скорая кончина его только отчасти объясняется давними недугами его тѣла, изнуреннаго непрерывною многодѣятельностію: но главная причина ея, безъ сомнѣнія, сокрыта въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Божіихъ. *Время раждатися, и время умирати* (Еккл. 3, 2), говоритъ Премудрый. Такъ, братіе, есть самимъ Богомъ предопредѣленное для каждаго изъ насъ время смерти, часто независящее отъ обыкновеннаго теченія и обстоятельствъ нашей жизни. Видно, и для почившаго *настало время отшествія* (2 Тим. 4, 6) въ другой міръ. Многое, очень многое даетъ намъ разумѣть, что несвоевременная, повидимому, кончина его предназначена и даже какъ бы предуготована промысломъ Божіимъ,— а не была токмо слѣдствіемъ его давнихъ недуговъ. И вопервыхъ, къ сему заключенію приводятъ насъ предсмертныя занятія почившаго святителя. Не задолго до кончины своей, возымѣвъ благочестивое усердіе составить *Акаѳистъ ко причащенію св. Таинъ и службу Херсонскимъ священно-мученикамъ*, нашъ творецъ каноновъ и пѣснопѣній поспѣшаетъ составленіемъ ихъ, когда, повидимому, не было никакого особеннаго побужденія къ такой поспѣшности,— и успѣваетъ, при помощи Божіей, окончить ихъ, до начала своей предсмертной болѣзни, и — что особенно знаменательно — въ послѣдніе дни своей земной жизни (а не ранѣе) онъ приступаетъ къ изданію въ свѣтъ своего превосходнаго обширнаго творенія: *о послѣднихъ дняхъ земной жизни Господа нашего Іисуса Христа*, — того творенія, которое, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ уже совершенно оконченное, лежало подъ спудомъ, какъ бы ожидая приличнаго времени для своего явленія въ свѣтъ. Чѣмъ объяснить эту поспѣшность и благословенный успѣхъ почившаго архипастыря въ окончаніи благихъ предпріятій его, если не предчувствіемъ близкаго окончанія земнаго поприща его и тайными внушеніями и содѣйствіемъ промысла Божія? Не тоже ли предчувствіе, въ необычное время, влекло его въ Тавриду, чтобы, вмѣстѣ съ отдаленными отъ епаршескаго града чадами паствы своей, хотя единожды, торжествовать побѣду воскресшаго Спасителя надъ смертію, и какъ бы проститься съ ними, преподать имъ послѣднее архипастырское благословеніе? Далѣе — въ предсмертной болѣзни и образѣ кончины почившаго святителя можемъ ли не видѣть милосердаго устроенія о немъ Отца небеснаго? Предсмертный недугъ его былъ таковъ, что имъ мгновенно могла быть пресѣчена драгоцѣнная жизнь его, какъ пресѣкается у многихъ. Не должно ли посему почитать особенною милостію Божіею къ почившему то, что, не смотря на губительность предсмертнаго недуга его и крайнее изнуреніе тѣла почти совершеннымъ лишеніемъ сна и пищи, жизнь страдальца отъ начала болѣзни продолжалась черезъ цѣлый мѣсяцъ,— что ему дано было довольно времени для приготовленія къ переходу въ другую жизнь напутствіемъ св. таинствъ покаянія и причащенія Тѣла и Крови Христовой и благотвореніями обителямъ

иноческимъ, сирымъ и вдовицамъ и другимъ нуждающимся, — хотя уже самая болѣзнь предсмертная, по свойству своему, могла служить надежнымъ средствомъ къ сему приготовленію? Не промысломъ ли Божіимъ наконецъ назначенъ для Архипастыря нашего и самый день кончины его, — тотъ самый священнѣйшій — праздничный день, съ котораго, за девять лѣтъ предъ симъ, началось его священное служеніе здѣсь? — тотъ самый день, который почившій почиталъ первымъ и важнѣйшимъ въ кругѣ церковныхъ празднествъ, какъ самъ онъ высказалъ это въ навечеріи сего дня — предъ своею кончиною? И не служитъ ли это благимъ предвѣстіемъ о загробной участи почившаго Архипастыря, — не есть ли это свидѣтельство свыше о томъ, что его земное служеніе и труды во славу Пресвятыя Троицы, о которой онъ ревностно проповѣдывалъ, которой составилъ хвалебно благодарственное пѣснопѣніе, обильно растворенное молитвою, проникнутое православнымъ богословіемъ, — милостиво приняты праведнымъ и благоутробнымъ Мздовоздаятелемъ?

Послѣ сего, братіе, дерзнемъ ли прекать неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, по коимъ почившій Архипастырь преставленъ отъ насъ въ вѣчность? Для насъ, конечно, было бы полезнѣе, чтобы онъ сколько можно долѣе оставался съ нами, но для него, видно, лучше было прейти отсюда въ страну вѣчности. Нѣтъ, вмѣсто безполезнаго сѣтованія о почившемъ, будемъ лучше пламенно умолять Отца духовъ и всякія плоти, да простивъ ему всякое согрѣшеніе и благоутробно воспомянувъ всякое добро, имъ содѣянное, всякій трудъ и подвигъ его ко благу Церкви и во славу пресвятаго имени Его, упокоитъ его въ селеніяхъ небесныхъ, и да обрящетъ онъ мзду вѣрныхъ и мудрыхъ строителей въ страшный день праведнаго воздаянія. Молитвою о упокоеніи души его лучше, нежели сѣтованіемъ о немъ, мы докажемъ свою любовь и благодарность къ нему; чрезъ ту же молитву и вѣрное исполненіе пастырскихъ наставленій его, преподанныхъ словомъ и писаніемъ, мы пребудемъ и въ постоянномъ, никогда непрекращаемомъ духовномъ общеніи съ нимъ. Аминь.

РѢЧЬ

НАДЪ ГРОБОМЪ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ИННОКЕНТІЯ, АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО (*).

Новая потеря, новая скорбь!

Къ жертвамъ Севастопольскимъ, къ могилѣ князя Михаила, — гробъ архипастыря Иннокентія.

Великая потеря, тяжкая скорбь!

Что это за дни для тебя, градъ Одесса, паства Херсоно-Таврическая!

Дни всемірнаго праздника о сошествіи утѣшителя Святаго Духа: а у насъ отъемлется дѣятельный и благотворный духъ, между нами жившій.

Много прогнѣвали мы Господа. За то и не престаетъ карать насъ грозная Его десница.

Ни молитва, ни колѣнопреклоненія, ни воздыханія не услышаны. Архипастырь во гробѣ!

И какой Архипастырь! Преставъ священнодѣйствовать небыкновенный Священно слу-

---

(*) Произнесена 28 мая 1857 года въ третій день праздника Пресвятыя Троицы и смерти Преосвященнаго, на литургіи, въ крестовой церкви архіерейскаго дома, инспекторомъ Херсонской Семинаріи, архимандритомъ Геннадіемъ.

житель паствы, отечества, Церкви. Гдѣ и кто не зналъ Его имени? Всѣ осиротѣли. Какое же для насъ лишеніе, какая же для насъ скорбь отъ гроба сего!

Едине праведный! Буди милостивъ въ вѣчномъ судѣ твоемъ! Упокой незабвеннаго Архипастыря!

ХРИСТІАНСКІЙ ПРИМѢРЪ САМООТВЕРЖЕНІЯ ОТЕЧЕСКОЙ ЛЮБВИ КЪ СЫНУ ИЗЪ ЛЮБВИ КЪ БОГУ.

Иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ. Матѳ. 10, 37.

Чувство родительской любви къ дѣтямъ есть одно изъ такихъ чувствъ человѣческаго сердца, которыя трудно подчиняются спокойнымъ внушеніямъ разсудка, но чаще всего подчиняютъ своему влеченію здравую разсудительность и ума и опытности со стороны слабосердыхъ родителей. Оттого родительская любовь къ дѣтямъ часто, и безъ намѣренія со стороны отца и матери и незамѣтно для нихъ, переходитъ за предѣлы надлежащаго, христіанскаго употребленія и, пользуясь именемъ и правами законной любви къ дѣтямъ, въ тоже время становится враждою на Бога и святый законъ Его, а христіанскихъ родителей съ такимъ чувствомъ къ дѣтямъ дѣлаетъ недостойными и лукавыми рабами Господа нашего Іисуса Христа. Любить сына и по животной привязанности къ нему не обращать вниманія на то, кто растетъ и крѣпнетъ подъ покровомъ отеческой любви, — человѣкъ честный, или развратный, вѣрный слуга отечеству, или буйный крамольникъ и врагъ всякаго порядка, истинный христіанинъ, или человѣкъ безъ вѣры и добрыхъ убѣжденій, поборникъ евангелія и правды, или измѣнникъ вѣры и предатель истины, — ужели это любовь, достойная отца — христіанина, любовь, которую внушаетъ ему долгъ христіанскаго отца и прямый законъ евангелія? Нѣтъ, это значитъ любить въ своемъ сынѣ только плоть и кровь, а не любить его души и жизни разумной; это любовь животная, а не человѣческая, тѣмъ болѣе не христіанская, которая дѣйствуетъ по духу любви Христовой и по евангельскому закону; эта любовь противна любви къ Господу и требованіямъ святаго закона Его; эта любовь — вражда на Бога. Среди различныхъ явленій такой отеческой любви, для ея обличенія и вразумленія, какъ отрадно встрѣтиться въ исторіи первыхъ временъ христіанства съ примѣрами истинной любви къ дѣтямъ, въ лицѣ христіанскихъ родителей, которые съ самоотверженіемъ жертвовали всякою любовію къ дѣтямъ любви къ Господу и святой вѣрѣ Его, какъ скоро первая становилась преступною предъ обязанностями послѣдней. Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ.

Вѣроотступничество въ лицѣ римскаго императора Юліана, имѣло многихъ послѣдователей со стороны христіанъ, не твердыхъ въ вѣрѣ, малодушныхъ при угрозахъ и льстивыхъ обѣщаніяхъ ненавистника христіанства, и другихъ людей, способныхъ жертвовать честію и совѣстію, благомъ вѣры въ жизни настоящей и сокровищемъ жизни будущей выгодамъ земнымъ и расчетамъ житейскимъ. Одинъ изъ такихъ подражателей вѣроотступнику былъ юноша, сынъ знатнаго гражданина города Берріи и высокаго государственнаго сановника, но при всемъ томъ благочестиваго и преданнаго вѣрѣ христіанина. Когда сынъ открылъ свои мысли о вѣрѣ и о несчастномъ паденіи своемъ отцу, благочестивый отецъ не поща-

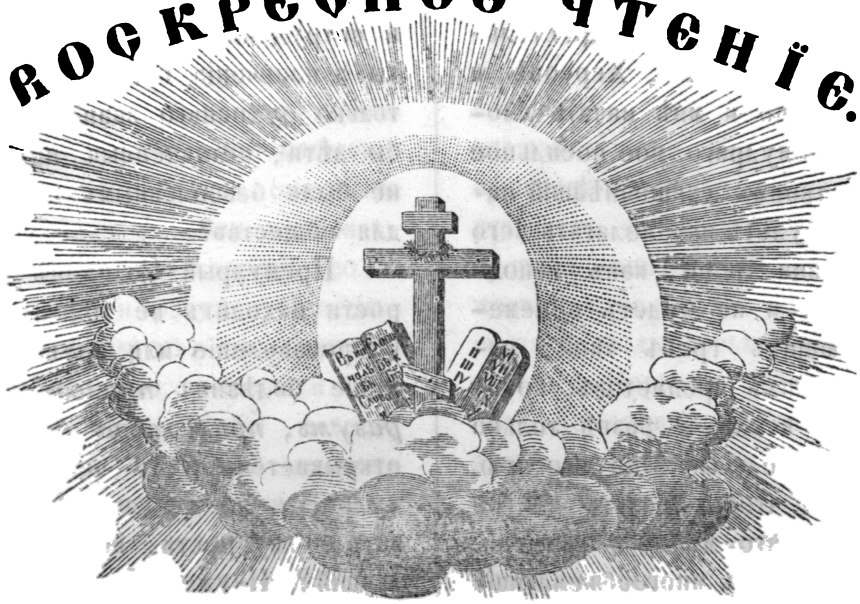
дилъ ради имени Іисуса Христа и чести вѣры Его ни честью и именемъ своего сына, ни своею любовію къ нему, ни разсчетами на милость у царя вѣроотступника: отецъ немедленно лишилъ сына имени своего, публично отрекся отъ него и выгналъ его изъ дома, чтобы отступникъ отъ благочестія, переданнаго ему отцомъ, не имѣлъ никакой части ни въ добромъ имени, ни въ вещественномъ достояніи, ни даже въ правѣ дома вмѣстѣ съ благочестивымъ семействомъ христолюбиваго отца. Предпріимчивый юноша — богоотступникъ отправился къ богоотступнику — повелителю искать у него покровительства, защиты предъ отцомъ, награды и чести за свое отреченіе отъ христіанства въ угоду царю, врагу и гонителю имени Христова. Юліанъ, мечтавшій весь міръ обратить къ древнему, упадавшему тогда, языческому идолослуженію, весьма доволенъ былъ всякими примѣрами вѣроотступничества и не щадилъ наградъ и милостей своихъ для умноженія числа подобныхъ себѣ нечестивцевъ: онъ обласкалъ юношу, успокоилъ его и обѣщался самъ своимъ посредничествомъ возвратить ему расположеніе отца и права на достояніе его. Прибывши въ Берію, Юліанъ пригласилъ къ своему столу, въ числѣ многихъ знаменитыхъ гражданъ города, и благочестиваго отца съ вѣроотступникомъ сыномъ: за столомъ Юліанъ обратился къ отцу отверженнаго сына съ такими словами: »мнѣ кажется несправедливо было бы дѣлать насиліе людямъ съ инымъ настроеніемъ мыслей, и противъ воли человѣка направлять его къ другимъ мыслямъ. Итакъ не принуждай сына слѣдовать своему ученію, когда онъ не хочетъ этого. Вѣдь я не принуждаю же тебя слѣдовать моему, хотя и очень легко могъ бы принудить къ этому!— »Ты, царь, говоришь объ этомъ беззаконникѣ, который истинѣ предпочелъ ложь?« отвѣчалъ благочестивый отецъ въ негодованіи на богоотступнаго сына. Въ отвѣтѣ христолюбиваго отца было столько непобѣдимой ревности на защиту святой вѣры Христовой и вмѣстѣ столько неустрашимаго негодованія на богоотступничество сына, покровительствуемое богоотступнымъ царемъ, что сей измѣнникъ вѣрѣ и совѣсти не нашелъ въ себѣ и обычной дерзости, чтобы защищать ложь противъ истины. Чувствуя себя безсильнымъ противъ святой ревности защитника христіанства, Юліанъ принялъ видъ притворной кротости и, обращая дѣло въ шутку, сказалъ юношѣ: »я самъ позабочусь о тебѣ, когда не могъ склонить на это твоего отца.« Дѣйствительно, отецъ юнаго богоотступника не измѣнилъ своего праведнаго гнѣва на беззаконнаго сына; на него не дѣйствовали ни ласки ни угрозы нечестиваго царя; для него не было страшнѣе приговора Господа Іисуса: *иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ.*

(См. Церк. Ист. Θеодорит. к. з. г. 22).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 20-го Іюня 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ *Іоанникій*.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 15.

НЕДѢЛЯ 7 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

14 Іюля 1857 г.

Гласъ 6-й.

На утрени евангеліе воскресное 7-е, Іоан. зач. 63. На литургіи: апост. Рим. зач. 116, евангел. Матѳ. зач. 33.

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ СИНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ИННОКЕНТІЯ, АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО, ПРОИЗНЕСЕННОЕ ПОСЛѢ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГІИ ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ ПОЛИКАРПОМЪ, ЕПИСКОПОМЪ ОДЕССКИМЪ, ВЪ ОДЕССКОМЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ ПРЕОБРАЖЕНСКОМЪ СОБОРѢ, МАЯ 29 ДНЯ 1857 ГОДА.

Суета суетствій, рече Екклесіастъ, суета суетствій, всяческая суета. Ек. 1, 2.

Сими словами да будетъ мнѣ позволено начать слово надъ священнымъ твоимъ гробомъ, возлюбленный отецъ, въ Бозѣ почившій архипастырь! Сими, а не другими словами, потому что при гробѣ ничто не представляется такъ ясно, какъ сія истина, но въ другое время ничто такъ скоро не забывается смертнымъ и забывчивымъ человѣкомъ, какъ она. А эта истина такъ необходима для памяти каждаго, что премудрый Соломонъ, или паче — обитавшій въ немъ Духъ премудрости Божіей, счелъ полезнымъ для народа Божія написать цѣлый свитокъ о ней, зная, что одинъ благоразумный человѣкъ, представляя себѣ богодухновеннаго писателя, имѣвшаго всю возможность, и по своей мудрости, и по своему богатству и славѣ, испытать собственнымъ опытомъ суету всего подсолнечнаго, не усомнится въ ней, тѣмъ болѣе, что опыты ея ежедневно и даже ежечасно повторяются предъ глазами всѣхъ, и что всякій, прочитавъ свитокъ о ней, воспользуется уроками, данными въ заключеніи разсужденія, что не должно предаваться суетѣ, а должно Бога бояться и заповѣди Его хранить, — яко *сіе всякъ человѣкъ*, что *Богъ приведетъ на судъ все твореніе о всякомъ погрѣшеніи, аще благо и аще лукаво.* Эту истину, какъ мудрый пастырь, ты проповѣ-

дывалъ повсюду, куда ни поставлялъ тебя премудрый Промыслъ, начиная отъ служенія твоего въ престольномъ градѣ. — въ древлепрестольномъ Кіевѣ, Вологдѣ, Харьковѣ, Херсонѣ и Одессѣ. Итакъ прилично и мнѣ начать словами той же книги Премудраго мое посильное слово надъ гробомъ твоимъ, священнѣйшій пастырь! Оно во все не будетъ предполагать чего либо суетнаго въ жизни твоей, какъ исполненной многихъ благъ, и не будетъ обременять слуха окружающихъ гробъ твой; напротивъ, коснется такихъ предметовъ, которые поучительны для всѣхъ и развѣ только для нѣкоторыхъ обличительны. Оно, говорю, только коснется; ибо, чтобы сказать многое достойное сего священнаго мѣста и времени, проповѣднику надобно имѣть многообъемлющій умъ и витійственное слово почившаго.

Суетные искатели земныхъ благъ, получивъ богатыя природныя дарованія и обширное образованіе ума, если въ своемъ званіи не находятъ удовлетворенія своимъ желаніямъ по своимъ понятіямъ о благахъ, часто и безъ нужды оставляютъ оное. Не таковъ былъ въ юности своей въ Бозѣ почившій. Получивъ блистательныя дарованія, по которымъ могъ бы, подобно другимъ, занять высокое мѣсто и въ государственной службѣ по соотвѣтственному имъ образованію, онъ всего себя посвятилъ своему званію, въ которомъ родился, притомъ, по любви къ чистотѣ ангельской, — въ многоболѣзненномъ чинѣ монашества; а между тѣмъ въ продолженіи всей своей жизни не терялъ времени дѣлать добро вездѣ, гдѣ только представлялся случай быть полезнымъ, т. е. не только для Церкви, въ которой заключается уже и благо отечества, но и для другихъ званій и общественныхъ вѣтвей его.

Кто не испыталъ духовной его помощи? Училища, на которыя онъ имѣлъ вліяніе, особенно духовныя, процвѣтали при его содѣйствіи. Многія ученыя общества за честь и благо свое признали призвать его въ сочлены и сотрудники свои. Кто изочтетъ его заботы и попеченія о сирыхъ и бездомовныхъ не только духовнаго званія, но и мірскаго, чтобы дѣти, оставленныя на произволъ судьбы, не были безполезнымъ и вреднымъ бременемъ для общества?

Премудрый Соломонъ во множествѣ мудрости находитъ не только много разума, но и произволеніе или крушеніе духа и приложеніе болѣзни: *приложивый*, говоритъ (*), *разумѣ*, *приложитъ болѣзнь*. А изъ сего открывается суета человѣческой не только мудрости, но и жизни. Но можноли тоже сказать о мудрости, которою изобиловалъ почившій? Неужели и она была такова также суетна? Правда, и она пріобрѣталась не безболѣзненно: онъ многія ночи проводилъ безъ сна, чтобы достигнуть ея — не изъ тщеславія, а по любви къ ней, ибо она достойна того: но это не означаетъ еще суетности трудовъ его. Она была бы суетна тогда, когда бы заключалась въ однихъ естественныхъ познаніяхъ. Но почившій старался соединять естественныя познанія съ духовными, чтобы одни дѣлались свѣтлѣе и освящались чрезъ другія; а это достойно безсмертнаго духа каждаго человѣка. Чрезъ сіе духъ его воспарилъ къ той Ипостасной Мудрости, которая снизошла съ небесъ и сотворила веселіе сынамъ человѣческимъ и которая избрала чудный путь ко спасенію бѣдствующихъ: соединеніе во единой ипостаси Божества съ человѣчествомъ въ Іисусѣ Христѣ, зачатомъ отъ Духа Свята во чревѣ Матери Дѣвы, и потомъ крестъ, который былъ ужасенъ и отвратителенъ для людей, а нынѣ чтимъ и спасителенъ.

Что же сказать объ орудіи, которымъ

(*) Еккл. 1, 17. 18.

такъ ясно выражается мудрость, а иногда, въ другомъ человѣкѣ, противуположное ей безуміе,—разумѣю—о словѣ человѣческомъ? Тогда какъ у другихъ оно бываетъ суетно, исполнено лести и коварства, т. е. того, чего исполнено ихъ сердце,—ибо *отъ избытка сердца глаголютъ уста*—у него оно было исполнено свѣтлой истины и любви, наполнявшей его сердце, и всегда растворено солію божественной благодати и разума. Оно дышало благотворною теплотою, отъ которой растаевалъ ледъ. А мало ли времени и трудовъ употребилъ почившій, чтобы довести слово свое на каѳедрѣ церковной до возможнаго совершенства, съ которымъ такъ сладко, ясно и живо воплощалъ онъ свои мысли? Какихъ высокихъ истинъ не изложилъ онъ прекрасно и согласно съ словомъ Божіимъ и писаніями св. Отцевъ? Свидѣтельство тому не только слова и рѣчи его о разныхъ духовныхъ предметахъ, но и каноны и акаѳисты живоначальной Троицѣ, Страстямъ Христовымъ и другіе. И потому не за сіе ли служеніе словомъ Ипостасному Божію Слову, единосущному Отцу и Святому Духу, онъ и позванъ воплощеннымъ Ипостаснымъ Словомъ—единороднымъ Сыномъ Божіимъ, въ тотъ самый день, въ который Онъ ниспослалъ отъ Бога и Отца Пресвятаго Духа на святыхъ своихъ учениковъ и апостоловъ и въ который столь очевидно явилъ славу св. единосущныя и живоначальныя Троицы, чтобы тамъ наслаждаться лицемъ къ лицу божественною славою Его, которой онъ былъ проповѣдникомъ? Находилъ почившій время и силы восхвалять и доблести героевъ нашего воинства и воодушевлять народъ и воинство къ мужеству и самоотверженію въ минувшую отечественную войну, когда, подобно кокошу, собиралъ и совокупляхъ во едино, какъ птенцевъ, жителей Тавриды и изнемогавшихъ отъ брани воиновъ. И сіи подвиги его засвидѣтельствованы и словомъ Царевымъ предъ всѣмъ отечествомъ.

Такова дѣятельность нашего, въ Бозѣ почившаго, архипастыря, быть можетъ сократившая и жизнь его! Есть ли въ ней что либо суетное? Одна только краткость жизни представляетъ непрочность и суетность ея. Но, проживъ немного болѣе полувѣка, по множеству и великости дѣлъ своихъ, онъ, можно сказать, жилъ весьма много. Были и такіе св. пастыри Церкви, которые и до пятидесяти лѣтъ не дожили, но, по дѣламъ своимъ, названы великими, и самъ Богъ засвидѣтельствовалъ великость ихъ.

Итакъ плакать ли намъ о немъ, братія? Развѣ плакать о томъ, что подобныхъ пастырей немного? что Херсоно-Таврическая паства осиротѣла, лишившись столь мудраго наставника, руководителя къ вѣчной жизни и отца? Но дѣла и слова его живутъ и не престанутъ жить. Притомъ, самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Глава Церкви и Женихъ душъ нашихъ, по словамъ Апостола, *вчера и днесь той же и во вѣки.* Онъ, начало—пастырь такой Церкви, которой, по обѣщанію Его, и врата адова не одолѣютъ: оставитъ ли Онъ ее на долго безъ своего отеческаго попеченія?

Нѣтъ, отцы и братія, вмѣсто слезъ о суетности жизни лучше прольемъ теплыя молитвы о упокоеніи души почившаго, и о своемъ исправленіи, дабы почившій дерзновенно представляя насъ, какъ чадъ своихъ, лицу воплощеннаго Слова Божія, могъ нѣкогда непостыдно сказать съ Пророкомъ: *се азъ и дѣти, яже ми далъ есть Богъ.* А между тѣмъ примѣромъ и словомъ почившаго будемъ побуждать себя бѣгать праздности и суетности.

Всесвятая Троице! воззри на скорбь осиротѣвшихъ чадъ по твоему непрелож-

ному закону почившаго архипастыря, и молитвами пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ упокой безсмертный духъ его съ благоугодившими Тебѣ іерархами Христовой Церкви! Аминь.

ОБРАЗЦОВЫЙ ВОЗРАСТЪ ВЪ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ.

Приступиша ученицы ко Іисусу, глаголюще: кто болій есть въ царствіи небесньмъ? И призвавъ Іисусъ отроча, поставн е посредь ихъ, и рече: аминь глаголю вамъ, аще не обратитеся и будете яко дѣти, не внидете въ царствіе небесное. Матѳ. 18, 1—3.

Спасительное ученіе Господа нашего Іисуса Христа, казавшееся мудрствующимъ по стихіямъ міра непонятнымъ буйствомъ въ своемъ главномъ и существенномъ предметѣ— въ проповѣди о крестѣ, такимъ же можетъ показаться и въ различныхъ своихъ частностяхъ, въ отдѣльныхъ воззрѣніяхъ на тотъ или другой предметъ. Однимъ изъ такихъ, видимо— странныхъ, воззрѣній можетъ показаться христіанскій взглядъ на возрасты жизни человѣческой, — на относительное ихъ достоинство и совершенство. Наши возрасты не могутъ быть одинаковы по отношенію къ полнотѣ и чистотѣ выраженія человѣческаго достоинства. Мы живемъ во времени, — посему и неизбѣжно подвержены перемѣнамъ. Мы должны восходить отъ силы въ силу, отъ совершенства къ совершенству. Сѣмя и начало истинной, христіанской жизни, мы получаемъ отъ высшей божественной силы. Но въ сѣмени еще нѣтъ полной жизни нѣтъ совершенства; въ немъ есть только возможность къ совершенству. Жизнь намъ для того и дается, чтобы мы развили въ себѣ сѣмя доброй жизни, вложенной въ существо души нашей, довели ее до той степени, на которой оно являло бы въ себѣ цвѣтъ и принесло бы должный плодъ. По этому представленію, надлежало бы ожидать, что чѣмъ больше живетъ человѣкъ, тѣмъ выше восходитъ по степенямъ своего развитія, тѣмъ полнѣе выражаетъ сущность и достоинство истиннаго человѣка.

На этомъ основаніи старческій возрастъ долженъ бы имѣть преимущество предъ всѣми другими возрастами. И онъ, въ самомъ дѣлѣ, въ молодой душѣ внушаетъ къ себѣ невольное уваженіе. Его почтенная сѣдина кажется вѣнцемъ, которымъ природа украшаетъ головы многолѣтнихъ тружениковъ жизни; на морщинистомъ челѣ отпечатлѣнъ слѣдъ долгой искушенной мысли; въ глазахъ блеститъ уже не земное безстрастіе; на изсохшей плоти лежитъ печать тяжелаго труда, подъятаго на пользу большаго или меньшаго числа людей. Такъ и видно, что человѣкъ уже возвышается надъ земнымъ поприщемъ, гдѣ кипитъ сила чувственной жизни, и созрѣлъ для новой жизни, не плотской, не земной, но духовной, небесной, куда и устремленъ онъ своими помышленіями. Но при всемъ уваженіи, какое вѣра внушаетъ къ старцамъ, и съ какимъ запрещаетъ намъ всякую укоризну противъ нихъ, она не ставитъ ихъ въ образецъ для людей не достигшихъ старости, она не указываетъ въ нихъ возможно-чистаго выраженія человѣческой природы, хотя представляетъ много старцевъ, возвысившихся предъ Богомъ и предъ людьми въ нравственномъ достоинствѣ. Уже тяжелые вздохи, чаще вырывающіеся изъ груди старческой, чѣмъ изъ груди молодой, не позволяютъ намъ безъ скорбнаго чувства взирать на старость: они говорятъ душѣ нашей, что если чѣмъ высока старость, то не первоначальной чистотою и невинностію природы, а силою сроднаго ей покаянія. Самый видъ разрушающагося тѣлеснаго состава въ ста-

рости слишкомъ ясно напоминаетъ объ оброкахъ грѣха, о бренности нашей природы, и это напоминаніе о смерти, не сотворенной Богомъ, но служащей казнію для грѣшнаго рода человѣческаго, навлекаетъ темный покровъ на совершенство природы нашей, являющейся въ образѣ старости.

Въ человѣкѣ возмужалой юности и зрѣлаго мужества нѣтъ того истощанія жизни, нѣтъ той тоскливой мысли о прошедшемъ, которыя не позволяютъ намъ признать въ старости образцовый возрастъ человѣческій. Въ зрѣломъ мужествѣ всѣ силы, данныя человѣку Богомъ, достигаютъ полнаго развитія, проявляя наружу все, что въ нихъ содержится: онѣ безъ напряженія совершаютъ ту дѣятельность, для которой назначены; душа утверждается въ сознаніи и свободѣ и, кажется, для нея становится возможнымъ всякій подвигъ человѣческій. Жизнь является разумною: погруженный въ настоящее, довольный избыткомъ силъ, человѣкъ являетъ въ себѣ возможную полноту человѣческаго выраженія. Мужество, такимъ образомъ — возрастъ для самаго полнаго выраженія человѣческихъ достоинствъ, — возрастъ, долженствующій быть образцовымъ, истиннымъ возрастомъ. Св. Отцы въ этомъ именно возрастѣ представляютъ человѣка въ блаженной не старѣющей вѣчности. (Блаженный Августинъ, Григорій Нисскій). Но, этотъ самый лучшій и самый первый возрастъ въ жизни человѣческой по мысли и предназначенію Творца, не такимъ является на дѣлѣ: здѣсь онъ не соотвѣтствуетъ своему назначенію; потому что съ полнотою человѣческаго выраженія здѣсь рѣдко соединяется его не помраченная первоначальная чистота.

Въ образецъ всѣмъ, — юношамъ и мужамъ и старцамъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ ставитъ такой возрастъ, какой менѣе всего, по видимому, можетъ выражать человѣческую природу и ея достоинство, — возрастъ дѣтскій. Онъ не мимоходомъ только утверждалъ преимущество дѣтскаго возраста предъ другими въ нравственномъ отношеніи, и не въ одномъ мѣстѣ или случаѣ; но нѣсколько разъ открыто и прямо излагалъ эту мысль, — излагалъ такъ, что она, по Его изложенію, должна составлять существенную принадлежность всего Его вѣроученія. *Кто болій есть въ царствіи небесномъ?* — спрашивали Его. *Іисусъ Христосъ, призвавъ отроча, постави е посредь ихъ, и рече: аминь глаголю вамъ, аще не обратитеся и будете, яко дѣти, не внидете въ царствіе небесное. Иже убо смирится яко отроча сіе, той есть болій въ царствіи небесномъ* (Матѳ. 18, 2 - 4). Въ другой разъ Онъ нарочито дѣлалъ замѣчаніе касательно обыкновеннаго мнѣнія, по которому дѣтей не хотятъ считать достойными представителями человѣческой природы. *Приношаху къ Нему младенцы, да ихъ коснется: видѣвше же ученицы запретиша имъ. Іисусъ же призвавъ ихъ, глагола: оставите дѣтей приходити ко Мнѣ, и не браните имъ: таковыхъ бо есть царствіе Божіе* (Лук. 18, 15. 16). Въ третій разъ Іисусъ Христосъ явно предпочелъ дѣтей въ дѣлѣ вѣры самымъ избраннымъ міра сего, — премудрымъ и разумнымъ книжникамъ въ исповѣдной молитвѣ къ Богу. *Исповѣдаютися, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцамъ* (Лук. 10, 21).

Дѣти сами, по евангельской исторіи, только разъ оправдали самымъ дѣломъ такое ученіе нашего Спасителя о преимуществахъ ихъ возраста, именно — во время торжественнаго вшествія Его во Іерусалимъ. Въ этомъ случаѣ они не только не отставали отъ народа, увле-

ченнаго порывомъ нечаяннаго восторга, но, по сказанію богомудрыхъ учителей Церкви, сами были предметомъ его радости, указавъ своими радостными кликами на божественное величіе Того, который своими чудесами сколько дѣлалъ благодѣяній іудейскому народу, столько и доказывалъ свое сверхъестественное могущество. Они продолжали начатое дѣло необычайнаго славословія и тогда, когда народъ уже безмолвнымъ недоумѣніемъ отвѣчалъ на властныя распоряженія, въ іерусалимскомъ храмѣ, невѣдомаго ему Господа храма,— продолжали съ такимъ рвеніемъ, что нѣкоторые фарисеи отъ народа и книжники начали негодовать на нихъ, начали запрещать имъ святое дѣло, и напоминать объ этомъ самому Виновнику радостныхъ восклицаній, которыми еврейскіе отроки оглашали стѣны іудейскаго храма. Іисусъ Христосъ, побуждаемый не добрымъ словомъ завистливыхъ фарисеевъ, въ обличеніе ихъ поспѣшилъ оправдать непритворное выраженіе святой радости въ окружавшихъ Его дѣтяхъ. *Нѣсте ли чли николиже*, говорилъ Онъ фарисеямъ, *яко изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу* (Матѳ. 21, 16)? — Событіе это выходитъ, по видимому, изъ ряда обыкновенныхъ явленій и, какъ необыкновенное, предсказано было ветхозавѣтными провидцами. Старцы, книжники и архіереи должны были руководить народъ въ прославленіи имени Божія: они первѣе всѣхъ должны были замѣтить божественное величіе кроткаго и спасающаго Царя Сіона и Іерусалима; ибо и почивали постоянно на законѣ и по пророчествамъ соглядали времена и лѣта. Но одебелѣ сердце людей сихъ; очи ихъ смѣжила зависть; свѣтъ божественнаго солнца закрыла предъ ними тьма фарисейскихъ предразсудковъ. И вотъ мудрость ихъ посрамляется простотою дѣтей: когда коснѣетъ въ заблужденіи вѣдѣніе законниковъ, уста младенцовъ возносятъ хвалу сыну Давида и Сыну Вышняго, шедшему воцариться въ дому Іаковли во вѣки. Ихъ чистыя души чувствовали правду и славу Божію тамъ, гдѣ умъ, отуманенный предразсудками, не видѣлъ ничего возвышеннаго, и Духъ Святый эти чистыя души избралъ въ орудіе славы Господней.

Но не этимъ только событіемъ оправдывается и подтверждается христіанскій взглядъ на достоинство дѣтскаго возраста. Онъ можетъ найти для себя подтвержденіе въ обыкновенной жизни всѣхъ мѣстъ и временъ. Всегда— и въ давноминувшіе вѣки и годы, и въ наше время дѣти поступаютъ сообразнѣе съ закономъ Божіимъ, лучше, чѣмъ мы, владѣющіе и опытностію и большимъ или меньшимъ образованіемъ. Совершая подвигъ жизни и спасенія, мы часто должны обращаться своею памятію къ первымъ годамъ нашего дѣтства, часто должны смотрѣть на неиспорченную природу дѣтей, чтобы мыслями, чувствами и дѣйствіями младенческихъ лѣтъ повѣрять свое душевное состояніе и поведеніе, чтобы извлекать изъ нихъ для себя и урокъ и назиданіе.

Душа наша—прекрасный цвѣтъ, созданный Богомъ для украшенія этого великаго міра, среди котораго мы поставлены. Материнскія заботы Церкви бдятъ надъ его чистотою; сама благодать Божія возращаетъ его. Въ этомъ цвѣтѣ, когда онъ только появляется на зрѣлищѣ міра, такъ много красоты, что съ любовію и удовольствіемъ смотрятъ на него небесные ангелы, выну видящіе лице Отца небеснаго. Стройное согласіе разнообразныхъ силъ, вложенныхъ въ душу, чистота ея вида, убѣленнаго водою крещенія, — все это дѣлаетъ ее предметомъ неизреченной любви всеблагаго Творца ея! Не видя на себѣ темныхъ пятенъ, она съ искреннею откровенностью показываетъ людямъ все свое внутреннее, и не по-

нимаетъ надобности носить на себѣ лицемѣрную личину. Но проходятъ годы, наша свобода начинаетъ развивать сѣмена жизни, положенныя въ существѣ души нашей,—и блекнетъ и увядаетъ красота этого лучшаго цвѣта въ созданіи Божіемъ, разрушается его стройность, гибнутъ отъ тлетворнаго дыханія міра самые дорогіе ростки, выростаютъ изъ него колючія тернія, весь онъ покрывается нечистымъ прахомъ, разносимымъ духомъ времени, и уже съ горестію и слезами смотрятъ на этотъ поблекшій цвѣтъ святые ангелы Божіи, уже отвращаетъ онъ отъ себя любвеобильное око своего Творца и нечистымъ покровомъ лицемѣрія затѣняется отъ чуждаго взгляда увядшая, искаженная красота его.—Конечно, съ годами и возрастомъ мы пріобрѣтаемъ много добраго, чего не имѣли въ первой молодости, напримѣръ обогащаемся познаніями, выучиваемся тому—другому, доходимъ до умѣнья самостоятельно жить и дѣйствовать. Но бѣда наша въ томъ, что, простираясь въ предняя, мы забываемъ задняя, и кажется, по мѣрѣ того, сколько пріобрѣтаемъ въ жизни, столько теряемъ изъ пріобрѣтеннаго прежде. Вмѣстѣ съ тѣломъ не грубѣетъ ли и душа наша? Не оставляетъ ли она, въ прожитыхъ нами годахъ, своей впечатлительности къ добру, младенческой свѣжести чувствъ, неподкупности совѣсти, спасительнаго страха Божія, и тому подобнаго богатства, съ избыткомъ дарованнаго душѣ нашей? Неусыпнымъ трудомъ и тяжелыми усиліями мы собираемъ скудныя лепты для поддержанія своего внутренняго и внѣшняго благоденствія. Но обратившись всѣмъ своимъ вниманіемъ къ собиранію этихъ лептъ, мы и не замѣчаемъ, какъ изъ рукъ нашихъ выпадаетъ драгоцѣнное золото, данное намъ Творцемъ нашимъ.—А кажется, нужно бы только пріумножать свое достояніе и такъ же тщательно заботиться объ его сохраненіи, какъ и объ его пріумноженіи.

Во всѣхъ отрасляхъ духовной жизни дѣтская природа можетъ указать намъ на оскудѣніе въ насъ высокихъ даровъ Божіихъ, украшавшихъ насъ въ былые годы, и вмѣстѣ съ этимъ научить насъ нашему долгу.

Посмотримъ на себя въ самой главной отрасли духовной жизни; здѣсь дѣйствуетъ въ насъ чувство вѣры въ Бога, чувство божественнаго,—этотъ глубочайшій корень нашего существа, эта душа души нашей. Представимъ же, чѣмъ мы были прежде по отношенію къ Богу и что такое теперь. Съ перваго раза можетъ показаться, что мы пріумножили, въ своей церковной жизни, то священное достояніе, которымъ владѣла душа наша во дни нашего дѣтства. Тогда жизнь наша была безсодержательна, не полна. А теперь мы не только знаемъ символъ вѣры, но можемъ дать подробный отчетъ въ истинахъ откровенія; многіе изъ насъ вполнѣ и научно познакомились съ кругомъ боговѣдѣнія. Теперь мы можемъ съ убѣжденіемъ совершать дѣла благочестія; а убѣжденіе и добрая воля и придаютъ цѣну подвигу свободнаго человѣка. Но когда вспомнимъ слова Спасителя: *аще не будете, яко дѣти, не внидите въ царствіе небесное* (Матѳ. 18, 3); когда представимъ, что во время земной жизни Онъ оказывалъ невѣдущимъ младенцамъ преимущественную любовь и въ особенности обѣщалъ царствіе Божіе (Марк. 10, 14): то тотчасъ падаетъ вѣра въ наше улучшеніе предъ Богомъ, хотя Церковь въ правѣ требовать отъ насъ такихъ высокихъ подвиговъ, къ какимъ неспособны дѣти, не утвердившіяся въ сознаніи разумномъ. Конечно, прежде у насъ меньше было дѣятельнаго участія въ церковной жизни, меньше ясности въ вѣрѣ: но за то эта дѣятельность была чище; за то было больше живости и глубины чувства, которое могло замѣнять отчетливое знаніе истинъ

откровенія. Пріобрѣтая богатство со-внѣ, мы бѣднѣемъ внутренно. Наше теперешнее знаніе часто остается на поверхности нашего духа, не проникаетъ въ глубину его. не дѣлается началомъ нашей жизни. Это—сокровище, которое лежитъ у насъ, но которымъ не пользуется душа наша. Прежде съ сладкою отрадою билось наше сердце, когда повѣствовали намъ о чудесахъ промышленія и человѣколюбія Божія. Трепетъ живой неизсякаемой любви волновалъ нашу грудь, когда мы слушали евангеліе о неправедномъ осужденіи нашего Спасителя, объ Его безмѣрномъ истощаніи нашего ради спасенія. Въ лѣта дѣтства великіе праздники пробуждали въ нашемъ сердцѣ неизъяснимую, непонятную для насъ теперь, радость, и мы веселились о рекшихъ намъ: въ домъ Господень пойдемъ. Благоговѣйная любознательность неудержимо увлекала духъ нашъ къ созерцанію и разъясненію великихъ дѣлъ міроправленія Божія, и въ каждомъ явленіи, какъ изъ жизни нѣмой природы, такъ изъ жизни человѣка и человѣчества мы явственно видѣли перстъ Божій, чутко слышали вѣщаніе земли и небесъ о неизслѣдимой славѣ Божіей. Теперь миновались прежніе святые восторги. Пусть намъ самыми яркими красками изобразятъ безконечную любовь къ намъ Бога, Его поносную смерть, за насъ претерпѣнную,—спросимъ самихъ себя, отзовется ли у всѣхъ насъ живымъ чувствомъ сердце на спасительный голосъ божественной любви? А между тѣмъ это сердце трогается суетными разсказами, порожденными праздностью, иногда безпорядочнымъ воображеніемъ. Кудажъ дѣвалась прежняя живость священнаго чувства? Куда скрылась та сила любви, съ которою мы прежде встрѣчали всякое слово благовѣстія? Сосредоточивши все свое вниманіе на мірѣ съ его страстями и прелестями, мы оторгли свою душу отъ непосредственнаго общенія съ Главою Церкви, вливающею въ вѣрующую душу живую радость о Духѣ Святѣ,—и вотъ, оторванная отъ своего глубочайшаго корня, она такъ мало сочувствуетъ тѣмъ явленіямъ, которыя могли бы утверждать ея силу, возвышать ея достоинство. Внѣшнія прелести міра, разъ объявшія ее, уже не даютъ ей времени и возможности погружаться въ эту область жизни, въ которой коренится наше человѣческое достоинство. Мы остаемся спокойны, при всемъ истощаніи внутренней своей природы, мы не ощущаемъ тяжести своего оскудѣнія, но только потому, что рѣдко заглядываемъ въ свою совѣсть, рѣдко обращаемъ свои взоры на распутія прежнихъ лѣтъ своихъ, и не знаемъ цѣны тому богатству, которымъ наградилъ Богъ нашу душу, и которое такъ расточительно мы оставили ненасытному минувшему времени. Предъ нами постоянно обличеніе нашей нравственной скудости въ непорочныхъ отроческихъ чувствахъ.

Мы преданы дѣламъ міра, устроенію внѣшняго своего благосостоянія, и эта-то, часто излишняя, забота о временныхъ потребностяхъ нашей жизни ослабляетъ наше священное стремленіе къ Богу. Надлежало бы ожидать по крайней мѣрѣ, что здѣсь, въ кругу міра, куда обращено наше вниманіе, сбережено и пріумножено нами все лучшее, данное намъ отъ Бога. А между тѣмъ и здѣсь о многомъ намъ можно пожалѣть, — о многомъ, частію искаженномъ, частію унесенномъ у насъ улетѣвшими отъ насъ годами. Когда гнилъ или подорванъ корень, то нѣтъ надежды на стройное развитіе всего растенія; когда шатко основаніе, то не твердо и самое зданіе. А корень и основаніе нашей жизни — священнѣйшія обязанности Вѣры. Вотъ мы явились среди общества, вступили въ дѣятельныя отношенія къ другимъ, приняли на себя служеніе, возложенное на насъ обществомъ. Уже мы не праздные члены общественнаго тѣла,

какими были во дни своего дѣтства, по неспособности принять на себя общественное служеніе. Но когда безпристрастно посмотримъ на себя, когда представимъ свое настоящее отношеніе къ нашимъ ближнимъ, то тотчасъ и оказывается, что мы тѣснѣе были связаны съ обществомъ, ближе были ко всѣмъ членамъ его, когда еще только приготовлялись къ служенію обществу, что съ теченіемъ лѣтъ; при всей крѣпости нашей внѣшней связи съ обществомъ, ослабѣла наша внутренняя связь съ нимъ. Мы совершаемъ во благо общества то дѣло, къ которому призваны; посильное служеніе — наша заслуга, которой не имѣли мы въ минувшіе годы своего воспитанія. Но сохраняютъ ли при этомъ свою твердость и силу тѣ внутреннія пружины, коими зиждется благо общества и государства, которыя вложены въ природу души нашей, созданной для общества? Одна изъ этихъ пружинъ — самоотверженная любовь къ ближнему. Не ослабла ли въ насъ эта внутренняя пружина общественной дѣятельности? Наша память говоритъ намъ, что мы не вдругъ научились отдѣлять свое частное благо отъ блага общаго, что прежде мы не присвояли себѣ права исключительной собственности на что нибудь, и потому готовы были отдавать неимущему и просящему все, что ни попадалось въ наши руки. Наша совѣсть должна открыть намъ, что теперь въ нашемъ служеніи обществу на первомъ планѣ стоитъ наше личное благо, самолюбіе, корысть. Когда мы ищемъ себѣ мѣста, на которомъ хотимъ служить своимъ ближнимъ, то имѣемъ въ виду не столько обязанности, сопряженныя съ этимъ мѣстомъ, сколько права и выгоды его для насъ самихъ, для нашей плоти и для нашей временной жизни. При такихъ побужденіяхъ къ общественной дѣятельности, мы служимъ не обществу, а себѣ самимъ, и потому такъ не рѣдко равнодушны къ общему благу. Другая нравственная сила, созидающая общественное благо, — уваженіе къ закону и своему долгу. Помните ли, съ какимъ ужасомъ бѣжали мы отъ всякаго поползновенія къ какому бы то ни было преступленію? Помните ли, какъ жестоко совѣсть наказывала насъ, если мы, повинуясь соблазну или даже дѣйствію обстоятельства, дозволяли себѣ маловажное уклоненіе отъ своего долга? — То ли теперь? Не часто ли бываетъ, что больше уважаемъ мы безпорядочное дѣйствіе своего произвола чѣмъ требованія своего долга и закона, — закона, для того и существующаго, чтобы имъ повѣрять намъ свой образъ дѣятельности? Не приходится ли слышать, что раздружившаяся съ закономъ воля, вмѣсто того, чтобы осуждать себя за преступленіе его, присвояетъ себѣ право судить о самомъ законѣ? Разъ вышедъ изъ подъ законнаго повиновенія, мы получаемъ непохвальную наклонность не столько повиноваться своему долгу, сколько повелѣвать и предписывать правила. А между тѣмъ наши ближніе ожидаютъ отъ насъ дѣла, а не слова, исполненія закона, а не составленія и предписанія его. А между тѣмъ этимъ нарушается наше должное отношеніе къ обществу и ослабляется нашъ живой союзъ съ нимъ.

Обратимся къ частнымъ силамъ своей богоподобной души, — въ каждой изъ нихъ могутъ представиться зоркому взгляду понесенныя нами утраты. Замѣтнѣе всего эта утрата въ сердцѣ, частію потому, что существующія правила воспитанія меньше предлагаютъ средствъ и пособій къ развитію и образованію этой силы, частію и потому, что сердце — самая глубочайшая сила нашего духа, и потому естественно слабѣетъ и истощается, когда все вниманіе свое мы сосредоточиваемъ на внѣшнемъ мірѣ, рѣдко обращаясь внутрь

души своей. При дальнѣйшемъ раскрытіи этой силы, насъ встрѣтили разочаровывающіе опыты жизни,—и вотъ, не руководимое высшею силою, оно не умѣло спасти себя отъ нихъ, и такъ же завяло, какъ вянетъ нѣжный цвѣтъ отъ обнимающаго его холода. Къ тому же сухія заботы жизни налегли на него своею тяжестію, явились тяжелые разсчеты корыстнаго самолюбія, которые не даютъ ему свободно биться для сочувствія, для радости и скорби ближнихъ. Ужели бы каждый изъ насъ не могъ желать, чтобы прекрасный міръ Божій всегда съ такою же силою привлекалъ къ себѣ сочувствіе, съ какою прежде, когда насъ занимала каждая новая мѣстность, когда насъ располагало къ себѣ каждое живое существо, когда каждое прекрасное явленіе природы вливало неизъяснимое удовольствіе въ нашу душу? Не должны ли мы навсегда сохранять такую чистоту и свѣжесть чувства, по которой не одебелѣвшее сердце не можетъ равнодушно смотрѣть на образъ страждущаго человѣка, по которой видъ жестокости и крови повергаетъ его въ трепетъ ужаса и отвращенія? А у насъ весьма часты примѣры даже и того, что сердце съ его святыми требованіями изгоняютъ изъ того круга, который преимущественно принадлежитъ ему,—изъ круга семейной жизни; холодный не разумный разсчетъ корыстнаго самолюбія, подавляя естественныя влеченія сердца, разстроиваетъ часто родственныя отношенія, утвержденныя природою и Церковію, разрушаетъ семейное благо и удаляетъ изъ домовъ семейныя радости. Кромѣ изсушенія сердца, наши годы часто искажаютъ его движенія. Всѣ ли мы умѣемъ правильно раздѣлять свои привязанности? Въ единомъ Богѣ—главное сокровищѣ для нашего духа: а наше сердцѣ, забывая это, въ мірѣ тварей напрасно и томительно ищетъ для себя удовлетворенія. Не смотря на духовную свою природу, оно не рѣдко стремится туда, куда влечетъ его не нравственное достоинство, а чувственная прелесть или непонятная прихоть, заставляющая его предпочитать разумной твари неразумную, сочувствующей душѣ бездушныя вещи, наряды и суетныя развлеченія. И вотъ, вмѣсто наслажденія, оно находитъ одну скуку, одно раздирающее томленіе, одно неотвратимое мученіе. Если бы мы съ внимательностію слѣдили за пробуждающимися чувствами дитяти, мы не могли бы безъ сожалѣнія и упрека совѣсти смотрѣть на влеченія своего сердца; ими унижается достоинство природы нашей и растравляются причиненныя ей грѣхомъ тяжелыя язвы.

Менѣе всего, по видимому, умъ нашъ можетъ поучаться воспоминаніемъ минувшихъ лѣтъ нашего дѣтства. Дѣти кажутся такъ бѣдны опытностію и познаніями, что, конечно, ни одинъ мудрецъ міра не сочтетъ нужнымъ и возможнымъ получать отъ нихъ какіе либо уроки въ дѣлѣ знанія. Чему научиться намъ отъ дѣтей, которыхъ мы всему наставляемъ? Намъ сказано даже: *не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте.* А между тѣмъ тоже Писаніе говоритъ намъ, что Богъ открываетъ младенцамъ то, что сокрываетъ отъ премудрыхъ и разумныхъ. Потому и тебѣ, безпристрастный дѣятель науки, не безполезно иногда обращать вниманіе на вопросы и мысли не предубѣжденнаго дѣтскаго ума. Ты думаешь, болѣе или менѣе, владѣть истиною, и указываешь путь къ ней другимъ. Но смотри осторожно, не творишь ли ты себѣ изъ лжи кумира, которому покланяешься вмѣсто истины, не вѣнчаешь ли ты ея вѣнцомъ какихъ нибудь односторонніхъ и обманчивыхъ понятій, тобою ли самимъ измышленныхъ, или заимствованныхъ изъ какой нибудь мнимо-велемудрой книги или школы? Дѣтскій умъ не постигъ еще таинъ разумѣ-

нія; но открытый, не отягченный предразсудками, предубѣжденіями и тяжелыми сомнѣніями, онъ можетъ быть ближе къ истинѣ, чѣмъ умъ развитый, предъ сознаніемъ котораго иногда носится темное облако нажитыхъ годами лживыхъ понятій. Не терпитъ ли еще отъ времени какой нибудь утраты самая широта нашего знанія и нашихъ воззрѣній на міръ и природу? Прежде неизмѣримыя пространства міра, красота тверди небесной, усѣянной тысячами звѣздъ, ни на чемъ не утвержденныхъ, постоянная, ни чѣмъ не замедляемая, смѣна дня и ночи, зимы и лѣта,—и все въ великомъ мірѣ Божіемъ возносило нашу мысль къ всеблагому, премудрому и всемогущему Творцу и Строителю міра. Но вотъ, ты изслѣдуешь тайны и законы жизни тварей, узнаешь причины явленій, постигаешь видимый образъ ихъ происхожденія;—и отъ тебя бѣжитъ прежняя отрадная и животворная мысль о первомъ зиждительномъ Началѣ всего сущаго, и ты рѣже и рѣже начинаешь обращаться къ ней своею памятію, и она рѣже и рѣже начинаетъ озарять темнѣющую область твоего сознанія. Знаніе причинъ конечныхъ приковываетъ твой взглядъ къ конечному міру, и часто препятствуетъ тебѣ возноситься выше этого міра въ тѣ небесныя области, въ которыхъ однихъ есть источникъ свѣта для твоего ума. Итакъ ты остаешься на полудорогѣ къ той истинѣ, до которой прежде легко досягалъ своимъ сознаніемъ,—остаешься, несчастный, съ неудовлетворенною жаждою знанія или съ кичливымъ самообольщеніемъ, которое не замедлитъ принести тебѣ сильнѣйшее разочарованіе со всею тяжестію безполезнаго раскаянія.

Когда, такимъ образомъ, представимъ всѣ перемѣны съ нами, случившіяся въ теченіе жизни нашей, то многимъ изъ насъ можно и должно будетъ пожалѣть о прошедшихъ годахъ своей жизни; многіе изъ насъ желали бы воротить свои лѣта, чтобы изгладить изъ нихъ много гибельныхъ дѣлъ, чтобы снова начать правильное образованіе своей души и предохранить ее отъ всѣхъ потерь, какія потерпѣла она въ минувшіе годы. Но нѣтъ,—уже не воротятся наши годы! Между тѣмъ, потому самому, что мы неправильнымъ развитіемъ унижаемъ себя предъ самымъ слабымъ возрастомъ человѣчества,—унижаемъ тогда, когда бы могли быть выше его по своему нравственному достоинству, для насъ слышится важный урокъ въ быстрой невозвратности самыхъ годовъ. Не воротятся наши годы: но предъ нами еще день есть, и, конечно, не всѣ таланты, данные намъ отъ Бога, мы разсѣяли на распутіи прошлыхъ лѣтъ своихъ. Значитъ, намъ нужно стараться сохранить при себѣ и возрастить по крайней мѣрѣ то, что еще удержано нами. Не воротятся наши годы: но мы можемъ болѣе или менѣе вознаградить свои потери. Предъ нами много и благодатныхъ и обыкновенныхъ естественныхъ руководствъ, которыми Духъ Святый можетъ вести насъ на путь правый. Съ нашей стороны нужно только желаніе, нужно смиренное испытаніе самихъ себя. Не для того ли, между прочимъ, отцамъ и матерямъ дано такъ много родительской любви, чтобы они, въ постоянныхъ заботахъ о дѣтяхъ, постоянно видя предъ собою первыя проявленія ихъ неиспорченной души, въ вознагражденіе за свои заботы, въ этихъ проявленіяхъ имѣли предъ своими глазами образецъ истинныхъ мыслей и чувствъ человѣческихъ, еще не искаженныхъ временемъ, и по нему исправляли свои возможныя уклоненія отъ долга и блага своего? Не для того ли такъ медленно совершается образованіе души человѣческой, чтобы долѣе сохранялась невинность и красота ея природы, и своею чистотою служила обличеніемъ неправильныхъ дѣйствій тѣхъ, кои опираются на свою свободу въ мысляхъ и намѣреніяхъ, и указаніемъ нужныхъ для нихъ

исправленій? Не воротятся наши годы: но среди насъ множество дѣтей только еще начинающихъ жить, еще не успѣвшихъ потерять невинность чувства и запятнать чистоту души своей; на родителяхъ и воспитателяхъ лежитъ священная обязанность бдѣть надъ тѣмъ, чтобы въ этихъ чистыхъ созданіяхъ ничѣмъ не омрачалась небесная красота богозданной души. Душа дитяти слишкомъ воспріимчива: худыя расположенія и примѣры очень легко и очень скоро могутъ повредить и исказить это нѣжное существо, тѣмъ болѣе, что несчастная наклонность ко грѣху сообщается намъ отъ нашихъ праотцевъ вмѣстѣ съ самою жизнію. *Блюдите же, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: иже бо аще соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ*, говоритъ намъ Господь нашъ и Спаситель, *уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Матѳ. 18, 6).

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

82) Да дастъ тебѣ Господь, по милости своей, незаходимый свѣтъ солнца правды, чтобы, просвѣщая имъ очи душевныя, ты безпреткновенно текла путемъ жизни сей, на которомъ много камней претыканія и повсюду зіяютъ рвы погибели. — Ибо всѣ мы имѣемъ нужду въ божественномъ свѣтоводствѣ, чтобы, минуя соблазны и пропасти, неблудно тещи путемъ добродѣтелей. Идущій не симъ путемъ добродѣтелей напрасно трудится и всуе течетъ. Ибо есть много путей, кои кажутся правыми, но послѣдняя ихъ зрятъ во дно адово. — И поистинѣ, зло приражается къ добродѣтелямъ и стоитъ какъ бы у воротъ ихъ. На гумно благихъ дѣлъ набѣгаютъ демоны, какъ муравьи на гумно съ пшеницею. — Потому со всѣмъ усердіемъ ты должна прилежать о безмолвномъ житіи, и сидя въ келліи различать злые помыслы отъ благихъ, чтобъ не укрылся тать и вошедши, не разхитилъ богатства добродѣтелей. Будь бдительна, добрая сестра моя, и храни помыслъ свой недремлющимъ. Поставь также привратника къ очамъ и устамъ — память о смерти и память о сладчайшемъ Іисусѣ, т. е., молитву, которой я научилъ тебя — говорить непрестанно день и ночь: Господи Іисусе Христе, помилуй мя! Сыне Божій помоги мнѣ! — и тѣмъ ты можешь отразить покушенія татя. Смиреніе умѣетъ также говорить: »нѣтъ внутри богатства; напрасны покушенія твои, несчастный. Здѣсь домъ бѣдности, въ коемъ терпятъ крайнюю нищету. Какое дѣло татю съ нищетою?« — Услышавъ сіе, тать устыдится, и обратится вспять; вмѣсто того, чтобъ обмануть, обманутый самъ, убѣжитъ отъ души смиренномудраго, какъ бѣжитъ кто отъ огня.— Итакъ во всѣхъ дѣлахъ безмолвія страшное и ужасное дѣло есть смиренномудріе. Какъ тотъ, кто имѣетъ хорошо устроенный и исполненный всякихъ благъ домъ, легко можетъ потерять все, если не приставитъ стражи: такъ и человѣкъ добродѣтельный, душа котораго исполнена всякою добротою, если не приставитъ къ ней стражемъ и вратаремъ смиренномудрія, памяти о Богѣ и смерти съ добрымъ безмолвіемъ и молчаніемъ, — еще большей подлежитъ опасности въ одно мгновеніе потерять все богатство добродѣтелей, которое собиралъ съ такимъ трудомъ и потомъ.— Того, кто не имѣетъ сего стража и вратаря, т. е. памяти о Богѣ и смерти со смиреніемъ, справедливо можно назвать предателемъ себя самого. Итакъ нужно не только имѣть добродѣтели, но и стража ихъ. Храмлетъ дѣло честнаго безмолвія и другихъ добродѣтелей, если не достаетъ смиренія, памяти о Богѣ и смерти.— Внимай же себѣ тщательно. Уразумѣвай, что руководитъ тебя ко спасенію, и благодатію Христовою, помни то и содержи.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 27-го Іюня 1857 года.
Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ *Іоаникій*.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 16.

НЕДѢЛЯ 8 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

21 Іюля 1857 г.

Гласъ 7-й.

На утрени евангеліе воскресное 8-е, Іоан. зач. 64. На литургіи: апост. 1 Кор. зач. 124, евангел. Матѳ. зач. 58.

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА, ПАПЫ РИМСКАГО,

о

томъ. какъ наставлять совершающихъ малые грѣхи, но часто, и тѣхъ, кои, избѣгая малыхъ грѣховъ, впадаютъ въ большіе (*).

Различно должно поучать тѣхъ, которые совершаютъ малые грѣхи, но — часто, и тѣхъ, которые избѣгаютъ малыхъ грѣховъ, но впадаютъ иногда въ большіе. Первые пусть обращаютъ вниманіе не на то, каковы грѣхи, творимые ими, а на то, сколько ихъ. Если они не боятся своихъ грѣховъ, когда помышляютъ о нихъ; то должны ужаснуться, когда исчислятъ оные. Мы знаемъ, что глубочайшія рѣки наполнены малыми каплями воды, но — въ безчисленномъ множествѣ. Знаемъ также, что вода, мало по малу входящая неприметно въ корабль, дѣйствуетъ также, какъ и буря, явно возстающая. Еще: едва примѣтныя язвы, производимыя проказою, умножившись до чрезвычайности, убиваютъ жизнь тѣлесную также, какъ и одна великая рана, нанесенная въ сердце. Посему Премудрый говоритъ: *уничижаяй малая, по малѣ упадетъ* (Сир. 19, 1), т. е. не оплакивающій и не избѣгающій малыхъ грѣховъ отпадаетъ отъ правды не вдругъ, а, такъ сказать, по частямъ. Таковаго грѣшника должно, далѣе, вразумить, что малый грѣхъ не рѣдко дѣлаетъ насъ виновными болѣе, нежели грѣхъ великій: ибо грѣхъ большій скорѣе признаемъ мы за преступленіе, и потому скорѣе очищаемъ его; напротивъ малый грѣхъ, по нашему понятію, даже — не грѣхъ, и потому мы безпечно предаемся ему. Посему часто случается, что

(*) Regul. pastoral. p. III. c. XXXIII.

душа, привыкнувъ къ малымъ грѣхамъ, не боится и великихъ; вообще она тѣмъ менѣе боится великихъ грѣховъ, чѣмъ съ большимъ безстрашіемъ привыкла совершать меньшіе. — Напротивъ, избѣгающимъ меньшихъ грѣховъ, но содѣвающимъ иногда большіе должно внушать, чтобы они тщательно укоряли самихъ себя: ибо, гордясь тѣмъ, что сберегли себя отъ малыхъ грѣховъ, они чрезъ самую гордость вовлекаютъ себя въ тяжкіе грѣхи и, будучи по внѣшности чужды малыхъ проступковъ, но внутренно надмеваясь тщеславіемъ, они и во внѣшнихъ тяжкихъ проступкахъ обличаютъ свою душу, побѣжденную внутренно гордостію. Итакъ должно предостерегать ихъ, чтобы они не пали внутренно тамъ, гдѣ по внѣшности, какъ имъ кажется, твердо стоятъ, и чтобы превозношеніе незначительною праведностію не послужило для нихъ путемъ къ безднѣ важнѣйшихъ грѣховъ. Ибо превозносящіеся своею мнимою чистотою отъ малыхъ грѣховъ, будучи оставлены на произволъ самимъ себѣ, низвергаются гораздо глубже, и тогда то узнаютъ, что ихъ твердое стояніе не отъ нихъ самихъ зависѣло. Надобно внушать имъ, что они гордостію виновны и въ большихъ проступкахъ и сверхъ того погрѣшаютъ еще болѣе въ малыхъ, отъ которыхъ, по видимому, берегутъ себя; ибо, будучи на самомъ дѣлѣ порочны, стараются скрыть свою порочность отъ взора людей. Такимъ образомъ они предъ Богомъ являются прямо нечестивыми, а предъ людьми — лицемѣрами. Сюда-то идетъ то, что Господь сказалъ фарисеямъ: *вожди слѣпіи, оцѣждающіи комари, вельбуды же пожирающе* (Матѳ. 23, 24). Какъ бы такъ сказано имъ: вы меньшихъ грѣховъ удаляетесь, и пожираете большіе. За сіе-то и еще обличаются они устами Истины: *одесятствуете мятву, и копръ, и киминъ, и остависте вящшая закона, судъ, милость и вѣру* (—23). Здѣсь не должно оставлять безъ вниманія, что Господь, говоря о фарисейскомъ одесятствованіи, не напрасно указываетъ на растенія хотя самыя незначительныя, однакожъ издающія благоуханіе: Онъ хочетъ показать, что лицемѣры, сохраняя меньшія заповѣди, стараются явить видъ святости, и хотя *вящшая закона оставляютъ*, однакожъ все незначительное исполняютъ до малѣйшей подробности, — что въ глазахъ народа имѣетъ цѣну великую, — какъ бы благоухаетъ.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ОСЬМУЮ ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. (*).

Милосердую о народѣ семъ, яко уже три дни присѣдятъ мнѣ и не имутъ чесо ясти. Марк. 8, 2.

Дивные предметы представляетъ намъ нынѣшнее чтеніе Евангелія для размышленія. Не достойно ли изумленія, что Спаситель, насытивъ болѣе пяти тысячъ народа пятью ячменными хлѣбами и двумя рыбами, повелѣлъ Апостоламъ собрать и сберечь на будущее время остатки хлѣба, чудесно Имъ пріумноженнаго, чтобы научить насъ дорожить дарами Божіими? Не удивительно ли и то, что народъ, послѣдовавъ въ такомъ множествѣ за Іисусомъ

(*) Произнесенное въ сельской церкви преосвященнѣйшимъ Анатоліемъ, архіепископомъ могилевскимъ и мстиславскимъ.

Христомъ въ дикую пустыню, съ такимъ вниманіемъ въ продолженіи трехъ дней слушалъ исходившее изъ устъ Спасителя божественное ученіе, что не заботился и не думалъ о пищѣ? Но Господь, помышляя о насыщеніи народа, говоритъ ученикамъ своимъ: *милосердую о народѣ семъ, яко уже три дни присѣдятъ Мнѣ и не имутъ чесо ясти. И аще отпущу ихъ не ядшихъ въ домы свои, ослабѣютъ на пути: мнози бо изъ нихъ издалече пришли суть.* Такимъ отеческимъ попеченіемъ о пропитаніи народа посреди пустыни Господь, очевидно, подтвердилъ урокъ, преподанный Имъ въ другое время, когда говорилъ: *не пецытеся душею вашею, что ясте или что піете... вѣсть бо Отецъ вашъ небесный, яко требуете всѣхъ сихъ.* А насыщеніемъ болѣе пяти тысячъ народа посреди пустыни пятью хлѣбами и двумя рыбами, Спаситель ощутительно удостовѣрилъ, что Богъ, промышляя о всѣхъ тваряхъ, особенно печется о человѣкѣ, но безпредѣльную въ этомъ отношеніи благость растворяетъ своею правдою. Одушевляясь этою истиною, мы должны во всѣхъ обстоятельствахъ жизни нашей твердо уповать на промыслъ Божій, но не должны забывать, что Богъ опредѣлилъ человѣку питаться трудами рукъ своихъ, а преимущественно стараться о пріобрѣтеніи царства небеснаго.

Съ мыслію о всемогуществѣ и благости Божіей не совмѣстенъ вопросъ: затруднительно ли Отцу небесному питать всѣ твари, наполняющія вселенную? Ибо много ли напр. стоило напитать посреди пустыни пятью хлѣбами и двумя рыбами пять тысячъ мужей, кромѣ женъ и дѣтей? Іисусъ Христосъ повелѣлъ принесть къ Себѣ пять хлѣбовъ и двѣ рыбы, воздалъ хвалу Отцу небесному, благословилъ ихъ и поручилъ ученикамъ своимъ раздать хлѣбъ и рыбы народу. И не только насытилось пять тысячь народа, но еще Апостолы остатковъ отъ хлѣба и рыбъ собрали двѣнадцать корзинъ. Изумительно! Но и во всѣ времена, кто, какъ не всемогущая благость Божія оплодотворяетъ, умножаетъ хлѣбные посѣвы и охраняетъ ихъ промысломъ своимъ до жатвы? Кто питаетъ человѣка и всѣ твари, какъ не Отецъ небесный, промышляющій о всѣхъ тваряхъ? Такъ, хотя отъ созданія міра протекло уже болѣе семи тысячъ лѣтъ; хотя родъ человѣческій, умножившись милліонами наполняетъ теперь всю землю; хотя во всѣхъ странахъ вселенной — въ лѣсахъ, пустыняхъ, въ воздухѣ, въ моряхъ и рѣкахъ, безпрерывно продолжаются безчисленные роды животныхъ, птицъ, рыбъ, пресмыкающихся, насѣкомыхъ: но промыслъ Божій отъ созданія міра всѣхъ ихъ питаетъ, поддерживая бытіе и силы природы, обновляя ежегодно времена и лѣта. О, воистину *благъ Господь всяческимъ и щедроты Его на всѣхъ дѣлѣхъ Его* (Псал. 144, 2)!

Но промышляя о всѣхъ тваряхъ, любовь Божія преимущественно промышляетъ о человѣкѣ, печется объ насъ до того, что хотя мы безпрестанно оскорбляемъ благость Божію преступленіемъ Его заповѣдей, и посему не только недостойны благихъ даровъ Божіихъ, но достойны еще вѣчнаго осужденія, при всемъ томъ Отецъ небесный столь милосердъ къ намъ, что, размышляя о промыслѣ Божіемъ, пекущемся о насъ, кажется слышишь, будто въ окружающей насъ природѣ ежечасно раздается изреченіе Спасителя: *милосердую о народѣ семъ!* Ибо не по одной ли милости Божіей мы живемъ, движемся и существуемъ? Не для того ли Богу угодно было, чтобы мы называли Его Отцемъ, что Онъ питаетъ всѣхъ насъ, какъ попечительные отцы питаютъ дѣтей своихъ? Не для того ли Спаситель научилъ насъ взывать въ

молитвѣ къ Богу: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь*, дабы мы постоянно сознавали, что всегда состоимъ въ зависимости отъ промысла Божія и обращались къ Богу съ полнымъ довѣріемъ, не какъ къ грозному Владыкѣ, но какъ къ любвеобильному Отцу; что если добрый отецъ не даетъ дѣтямъ камня, когда они просятъ у него хлѣба, то тѣмъ паче Богъ не дастъ намъ такихъ даровъ, которые противъ воли нашей обратились бы въ нашу пагубу временную и вѣчную, не низвергнетъ на наши поля камней и града, когда мы съ живою вѣрою и полнымъ упованіемъ на милосердіе Божіе просимъ Его: да ниспошлетъ намъ благораствореніе воздуха, плодотворные дожди и росу небесную на нивы земледѣльца. Вотъ почему Апостолъ завѣщалъ христіанамъ всѣ заботы житейскія возлагать на Бога. *Всю печаль вашу*, говоритъ, *возложите нань, яко Той печется о васъ* (1 Петр. 5, 7).

Отъ чего же происходятъ голодъ, нищета, скудость, если промыслъ Божій печется о насъ, печется о всякомъ человѣкѣ? Часто въ наказаніе за то, что мы оскорбляемъ благость Божію нашими грѣхами, а большею частію для того, что человѣкъ созданъ на трудъ. Богу угодно, чтобы каждый человѣкъ трудами рукъ своихъ какъ бы содѣйствовалъ промышленію о немъ Божію къ своему пропитанію, а не ожидалъ, какъ говорится, сложа руки, чтобы кто либо напиталъ его. Разузнайте обстоятельно, и вы убѣдитесь, что скудость, нищета, бѣдность едвали не большею частію происходятъ отъ лѣни, безпечности и нерадѣнія самихъ людей, или отъ желанія жить легкимъ образомъ на счетъ другихъ. Кто же послѣ сего винною своей нищеты, какъ не тѣже люди, которые или, по лѣности, не думаютъ о томъ, что, по опредѣленію Божію, человѣкъ отъ юности своей долженъ снискивать себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ, да еще въ потѣ чела своего, или имѣніе, нажитое предками ихъ, расточаютъ на роскошь, прихоти, безумныя удовольствія и разныя излишества? Не возражайте, что есть нищіе, которые не въ состояніи трудиться по причинѣ увѣчья, болѣзни, разслабленія. И такіе нищіе не страдали бы отъ своего бѣдственнаго положенія, если бы мы, слѣдуя евангельскому ученію, поняли, что попеченіе о неимѣющихъ силъ снискивать себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ возложено на тѣхъ, которыхъ Богъ благословилъ достаткомъ благъ земныхъ; что оказанное нищимъ состраданіе Богъ вмѣняетъ самому Себѣ, по слову Писанія: *милуяй нища взаимъ даетъ Богу* (Притч. 19, 17); что Спаситель обѣщалъ даровать царство небесное даже за чашу воды, коею изъ состраданія напоенъ нищій, истаевающій отъ жажды (Матѳ. 10, 42).

Предопредѣливъ человѣку питаться трудами рукъ своихъ, Богъ растворяетъ свои милости и щедроты своимъ правосудіемъ соотвѣтственно нравственному состоянію людей, смотря потому, кто чего заслуживаетъ, что кому болѣе можетъ содѣйствовать къ пріобрѣтенію царства небеснаго, и съ этою цѣлію посылаетъ на землю ясные или мрачные дни, плодотворные дожди, или опустошительные грады, благорастворѐніе воздуха, или невзгоду, обиліе плодовъ земныхъ, или оскудѣніе ихъ. Такъ Спаситель проявилъ чудодѣйственную свою благость пяти тысячамъ мужей съ ихъ женами и дѣтьми, напитавъ ихъ пятью хлѣбами и двумя рыбами. Но соображая обстоятельства этого событія, легко убѣдиться, что тѣ пять тысячъ мужей, слѣдовавшіе за Спасителемъ въ пустыню, не были какіе-нибудь праздные люди (праздно̀любцы оставались въ городахъ); но то были сель-

ские, трудолюбивые жители, которые не только сами жаждали внимать ученію Іисуса Христа, но и женамъ и дѣтямъ своимъ старались доставить это душевное наслажденіе. Изъ этого явно, что мужи, устремившіеся съ своими семействами за Спасителемъ въ пустыню, поступали точно такимъ образомъ, какъ училъ Спаситель, говоря: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія*, т. е. временная блага, *вся приложатся вамъ* (Матѳ. 6, 33). По такому предопредѣленію пекущіеся преимущественно о душевномъ своемъ спасеніи привлекаютъ на себя такое благоволеніе Божіе, что и земными благами столь легко пользуются, что для пріобрѣтенія ихъ не употребляютъ напряженныхъ усилій. Ибо въ приведенномъ изреченіи *царствомъ Божіимъ* Іисусъ Христосъ именуетъ вѣчное блаженство, въ которое для всѣхъ любящихъ Бога Спаситель открылъ дверь своимъ пришествіемъ на землю, а *правдою*, или праведностію, означаетъ ревностное усиліе праведниковъ исполнять заповѣди Божіи, изображенныя въ Его законѣ.

Но между тѣмъ какъ многіе изъ насъ, пока чувствуютъ себя въ силахъ, употребляютъ всѣ усилія къ пріобрѣтенію благъ земныхъ, въ надеждѣ спокойно пользоваться ими подъ старость, мы, не смотря на то, что намъ указанъ вѣрный путь къ пріобрѣтенію вѣчнаго блаженства, и не помышляемъ о вѣчной нашей участи. Какіе же мы христіане? можемъ ли мы именоваться послѣдователями Іисуса Христа, который прямо сказалъ, что *царство Его не отъ міра сего* (Іоан. 18, 36), что для Его послѣдователей уготовано Отцемъ небеснымъ царство на небеси (Лук. 12, 32)? Памятуемъ ли мы, что Апостолы завѣщали христіанамъ: горняя мудрствовать, а не земная, искать того блаженства, которое на небеси, гдѣ Христосъ возсѣдитъ одесную Отца (Кол. 3, 1—2); что посему и мысли и желанія и воздыханія наши всегда должны возноситься къ Богу и всѣ занятія наши имѣть цѣлію соединеніе со Христомъ въ небесномъ Его царствѣ? Такъ, мы созданы не для удовлетворенія страстямъ и прихотямъ своимъ, не для того, чтобы только, подобно червю, пресмыкаться по землѣ и питаться гноемъ. Изъ сего слѣдуетъ, что если Богъ не посылаетъ намъ въ настоящей жизни желаемыхъ нами земныхъ благъ: то именно съ тою цѣлію, чтобы мы были равнодушны къ нимъ, чтобы ничѣмъ считали ихъ недостатокъ, а помышляли о вѣчной нашей участи, старались пріобрѣсти безконечное блаженство!

Да не ужели намъ не позволительно и желать земныхъ благъ?—спроситъ кто либо. Позволительно не только желать ихъ, но и стараться о пріобрѣтеніи ихъ своими трудами, и съ этою цѣлію просить Бога о благословеніи нашихъ трудовъ, но съ тѣмъ, чтобы, предавая себя во всѣхъ обстоятельствалъ жизни волѣ Божіей, употреблять пріобрѣтаемыя нами земныя блага на добрыя дѣла, для снисканія душевнаго спасенія; чтобы естественное желаніе земныхъ благъ обращалось въ пламенное желаніе вѣчнаго соединенія со Христомъ въ царствѣ небесномъ. На такихъ только условіяхъ можно ожидать благословенія Божія въ трудахъ и занятіяхъ нашихъ: можно надѣяться, братіе, что Богъ благословитъ ваши домы и и семейства, ваши поля и нивы. Но въ чаяніи благословенія Божія не должно забывать, что Богу угодно, дабы мы заслуживали благословеніе Его, питаясь трудами своими, и пользовались Его дарами съ осмотрительною бережливостію: потому что тѣ, которые употребляютъ дары Божіи на роскошь, суету, пресыщеніе, пьянство, не только недостойны благословенія Божія, но еще подвергаются гнѣву небесному.

Такъ, братіе! Доброе дѣло просить Бога, — да осѣнитъ своимъ благословеніемъ наши житейскіе труды и занятія, да оплодотворитъ наши поля и нивы: но преимущественно должно помышлять о вѣчной нашей участи, о томъ, что насъ ожидаетъ за гробомъ, и стараться о пріобрѣтеніи вѣчнаго блаженства. *Дѣлайте*, заповѣдалъ Спаситель, *не брашно гиблющее, но брашно, пребывающее въ животъ вѣчный* (Іоан. 6, 27). Ищите царствія Божія и правды его, и сія, всѣ временныя блага, приложатся вамъ (Матѳ. 6, 33). Аминь.

ПОСЛАНІЕ КІЕВСКАГО МИТРОПОЛИТА ИСАІИ КОПИНСКАГО КНЯЗЮ ІЕРЕМІИ КОРЫБУТУ ВИШНЕВЕЦКОМУ.

Родъ Корыбутовъ Вишневецкихъ происходилъ отъ литовскаго князя Димитрія Корыбута Ольгердовича и рязанской княжны Александры въ линіи, какъ говорятъ, четвертаго сына ихъ Василія (*). Родоначальникъ ихъ Корыбутъ (какъ и его отецъ Ольгердъ) принадлежалъ къ Церкви православной, а родъ ихъ оставался вѣренъ православію въ теченіи двухъ слишкомъ вѣковъ, и въ немъ являлись даже исповѣдники вѣры православной, ревнители и защитники ея, каковы напр. гетманы — богатыри братья Димитрій и Михаилъ Вишневецкіе (*). Многіе князья этого рода были также благодѣтелями Лавры печерской и погребались въ ней (**). Но для насъ особенно замѣчателенъ сынъ Михаила и отецъ Іереміи тоже князь Михаилъ, староста Овручскій. Женатый на Раисѣ или Раинѣ (Иринѣ) дочери молдавскаго господаря Іереміи Могилы, женщинѣ благочестивой и ревностной къ православію (***), онъ болѣе другихъ родичей покровительствовалъ Церкви православной въ бѣдственныя времена Уніи. Это покровительство было тѣмъ важнѣе въ ту пору, что родъ Вишневецкихъ имѣлъ большое значеніе и по знатности своего происхожденія и по своимъ несмѣтнымъ богатствамъ, владѣя цѣлыми городами и областями въ Червоной Руси, Волыни, Подоліи, Украинѣ, особенно нынѣшней Полтавской губерніи. Защита вѣры православной была какъ бы назначеніемъ рода Вишневецкихъ, завѣщаннымъ предками, выраженнымъ въ самомъ фамильномъ гербѣ ихъ, гдѣ изображался, между прочимъ, крестъ надъ луною (полукружіемъ) (****). Если предки ихъ защищали христіанъ отъ невѣрныхъ; то имъ предстояло защищать православіе отъ латинства. Съ какою надеждою и признательностію обращались православные къ князю Михаилу, видно изъ слѣдующихъ словъ Мелетія Смотрицкаго (*****). Упомянувши о предкахъ князя,

(*) Korona Polska Niesieckiego T. IV, pag. 541—3; Прав. и русск. народн. въ литвѣ Хр. Чт. 1851 г. к. 3. стр. 444—446.

(*) Первый извѣстенъ мученическою смертію за вѣру въ Константинополѣ (+1564). Второй »мужъ отважный, набожный, любящій справедливость, отецъ сирыхъ и убогихъ« былъ благодѣтелемъ Лавры и погребенъ въ ней (+1584). Korona Polska IV, 544—5; Ист. Малоросс. Маркевича 1, 36—47. См. также эпитафіи и каталоги благодѣтелей Лавры при »Терaтургимѣ« Іером. Кальнофойскаго.

(**) Ibidem.

(***) Она была — двоюродная сестра Петра Могилы.

(****) Изображеніе этого герба отчасти съ объясненіемъ его находится въ Korona Polsk. IV. 1540—41 и въ началѣ книги *Θρῆνος*, albo Lament-Мелетія Смотрицкаго.

(*****) Его *Θρῆνος* to iest Lament.... Wilno 1610.

славныхъ и заслугами отечеству и ревностію по вѣрѣ, Мелетій продолжаетъ: »симъ то благочестивымъ предкамъ ваша княжеская милость, нашъ панъ милостивый, благоволите подражать какъ отличными и важными заслугами отечеству, такъ и хранешемъ древней, завѣщанной вамъ какъ драгоцѣнное сокровище, вѣры и отцевскаго благочестія — въ сердцѣ, пылающемъ любовію къ Богу. Немало утѣшается этимъ въ настоящемъ бѣдственномъ положеніи своемъ святая восточная Церковь, отягченная вражлебными напастями, утѣшаются и всѣ вѣрные сыны ея, не престанно молясь Подателю и Растителю всѣхъ благъ, чтобы Онъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе подавалъ вашей княжеской милости духа совѣта, духа мудрости, духа мужества, духа страха и утвердилъ до конца въ принятой съ крещеніемъ, познанной и возлюбленной истинѣ, чтобы Онъ далъ вамъ по долголѣтней жизни оставить потомству вѣнецъ, сплетенный изъ добродѣтели и славы, а тамъ стяжать вѣнецъ жизни съ избранными.« Въ заключеніи своего обращенія Мелетій говоритъ: »сію то кн..гу (Θρῆνος) я, наименьшій и недостойный слуга Божій перевелъ на польскій языкъ для лучшаго уразумѣнія всѣмъ. и умыслилъ посвятить ее вашей княжеской милости, какъ истинному и вѣрному сыну нашей восточной Церкви и даже столпу ея въ эти плачевныя времена, и издать ее въ свѣтъ подъ защитою славнаго имени вашей княжеской милости.« Такимъ образомъ Михаилъ Вишневецкій, подобно Константину Острожскому, покровительствовалъ духовное просвѣщеніе православныхъ. Подобно ему онъ поощрялъ также изданіе въ свѣтъ писаній отеческихъ (*).

Для успѣха борьбы съ врагами православія, обольщавшими блескомъ своего образованія и внѣшняго благочинія, надобно было возвысить не только просвѣщеніе, но и добрую жизнь сыновъ Церкви православной, особено ея іерархіи и иночества. Это сознавали тогда всѣ ревнители православія. На Украинѣ иноческое общежитіе усилено трудами Исаіи Копинскаго, стяжавшаго славу строгаго и мудраго аскета еще въ качествѣ начальника иноковъ въ пещерахъ Антоніевыхъ (*). Князь Михаилъ и особенно Ранса уважали Исаію, называли его своимъ духовнымъ отцемъ и содѣйствовали благому дѣлу его тѣмъ, что давали мѣста и угодья для обителей, устрояемыхъ имъ (**). Исаія управлялъ даже всѣмъ духовенствомъ въ ихъ украинскихъ владѣніяхъ (***). И послѣ того какъ онъ въ 1620 года посвященъ былъ патріархомъ Іерусалимскимъ Θеофаномъ на каѳедру перемышльскую, онъ жилъ чаще всего въ этихъ же обителяхъ (****), занимаясь лучшимъ устройствомъ ихъ.

И благовременно возникло и процвѣло иночество на Украинѣ, для подпоры сынамъ православія, которымъ предстояли еще сильнѣйшія искушенія въ борьбѣ съ латинствомъ. Уже были тяжкія предчувствія у княгини Вишневецкой, которая ограждала неприкосновенность своихъ грамотъ обителямъ сильными заклятіями: »а если кто въ послѣдующія времена захочетъ нарушить, или уничтожить, или от-

---

Przedmowa, т. е. предисловіе, обращенное къ князю Михаилу, которому и посвящается польскій переводъ Θриноса.

(*) А. З. Р. Т. IV, № 188.

(*) Акты и лѣтоп. Густынскаго монастыря въ Чт. Имп. М. Общ. Истор. и друг. 1848 г. № 8. Ист. русск. у. Филарета ч. 4, стр. 138 изд 2.

(**) Обители Густынской, Мгарской, Ладынской. См. Лѣт. и акты Густынскаго монастыря.

(***) Это нужно было потому, что тогда православныя паствы сиротствовали безъ своихъ іерарховъ, которыхъ не дозволяли имѣть враги православія.

(****) Посвященные тогда епископы не могли являться на своихъ каѳедрахъ, въ слѣдствіе гоненія отъ латинъ и уніатовъ.

мѣнитъ эти вклады (фундаціи), которые мы разъ надали, или захотѣлъ бы нападать и отмѣнять нашу благочестивую православную вѣру: да будетъ на томъ клятва св. Отцевъ 318-ти, бывшихъ въ Никеи, да разсудится со мною предъ престоломъ Божіимъ.« Сынъ Михаила и Раисы Іеремія — Михаилъ Корыбутъ Вишневецкій скрѣплялъ грамоты матери своею подписью (*), но вскорѣ, забывъ завѣтъ предковъ, клятвы родителей, уступилъ ·льстивымъ извѣтамъ и измѣнилъ вѣрѣ отцевъ — вѣрѣ православной! Откуда же это несчастное отступничество? Въ молодости онъ отданъ былъ на воспитаніе въ львовскую іезуитскую академію. Іезуиты обладали удивительнымъ искуствомъ подавлять самыя святыя, завѣтныя расположенія и убѣжденія человѣка, изгонять изъ сердца самыя добрыя привязанности и внушать свой духъ, свои убѣжденія. — Іеремія вышелъ изъ школы ихъ ревнителемъ латинства и врагомъ православія. Путешествіе по Европѣ и женитьба на католичкѣ Гризельдѣ Замойской довершили увлеченіе молодаго князя. Въ большихъ владѣніяхъ своихъ, городахъ онъ началъ вводить католичество, строилъ костелы и монастыри, поощрялъ подобныхъ ему измѣнниковъ православія. Онъ дѣлалъ это съ духомъ фанатизма и жестокостію, заимствованными отъ іезуитовъ, которые имѣли несчастное искуство внушать этотъ противу — христіанскій духъ своимъ питомцамъ. Сколько радовались папы и ксендзы такому князю, столь горько было видѣть его и слышать о немъ православнымъ. Но кто могъ быть сильнѣе огорченъ отступничествомъ князя, какъ не Исаія Копинскій, облагодѣтельствованный и чтимый его родителями, видѣвшій ихъ живѣйшее усердіе къ вѣрѣ православной! Онъ считалъ и обязанностію и правомъ вразумить отступника, а святая ревность по вѣрѣ дала ему ту силу духа и слова, которая слышится въ его посланіи къ Іереміи (*). Исаія писалъ его будучи уже митрополитомъ кіевскимъ, между 1631 и 1634 годомъ, когда отступничество Іереміи еще не высказывалось рѣшительно.

»Сіятельный, милостивый князь, панъ панъ мой милостивый! Смиренно прошу, чтобы ваша княжеская милость приняли сіе посланіе мое милостиво, прочитали безъ душевнаго оскорбленія и со вниманіемъ: ибо я долженъ писать по своему пастырскому долгу. Великая жалость, милостивый князь, объемлетъ сердца всѣхъ насъ духовныхъ и всего православнаго христіанства при видѣ, что ваша княжеская милость, вожделѣнная утѣха нашей древней вѣры Греческой, не послѣдуете предкамъ и родителямъ своимъ. Не менѣе плачетъ и рыдаетъ Церковь Божія, мать наша, что ваша княжеская милость хотите презирать ее. Съ великою охотою всѣ мы ждали вожделѣнной утѣхи нашей: но она, сверхъ чаянія нашего, превращается для насъ въ скорбь. И что же ваша княжеская милость примѣтили въ Церкви

(*) Грам. эти см. въ Чт. Им. М. Общ. Ист. и друг. Р. 1848. №: 8; также акты З. Р. Т. IV, №№: 214, 215, 216.

(*) Посланіе это представляется здѣсь въ переводѣ съ напечатаннаго въ ак. З. Р. Т. IV, №: 233, Чт. Им. М. общ. Ист. и древн. Росс. 1848 г. № 8-й и Лѣтописи Гр. Грабянки изд. Кіевск. Комм. 1853 г. стр. 321—327. Годъ 1631 поставленъ при загланіи посланія въ А. З. Р. не извѣстно, впрочемъ, на какомъ основаніи, потому что въ Чтеніяхъ, гдѣ посланіе напечатано, какъ видно, съ тогоже списка (см. предисловіе къ лѣт. Густ. мон. О. Бодянскаго, тамъ же), годъ не означенъ. Годъ 1634 стоитъ въ спискѣ напечатанномъ при Лѣт. Грабянки, какъ въ заглавіи: »Листъ до ксіонженця Іереміи Корыбута Вишневецкаго, того часу писаный, якъ зъ русина ляхомъ зосталъ, въ року 1634,« такъ и въ концѣ въ датѣ: »Дата въ катедрѣ кіевской, року 1634, мая 7 дня.« Дата вызываетъ на довѣріе своею подробностію: но могъ ли Исаія жить на каѳедрѣ кіевской въ 1634 году, когда въ 1633 г. Петръ Могила не только былъ митрополитомъ (Кіевск. акты. in 1 № 14), но и былъ уже въ Кіевѣ (Истор. Русск. Церкви, Филарета пер. 4. стр. 114 и др.)?

Божіей сомнительнаго, подозрительнаго, еретическаго? Не Іерусалимъ ли по Господѣ Бозѣ—глава всего свѣта? Не оттуда ли вѣра христіанская получила начало и основаніе? Отъ Сіона изыде законъ и слово Господне отъ Іерусалима, какъ говоритъ Пророкъ. Не тамъ ли Господь нашъ Іисусъ Христосъ совершилъ спасеніе наше святѣйшею кровію своею? Не тамъ ли искупилъ свѣтъ дражайшею кровію? Не тамъ ли самъ поставилъ перваго епископа, патріарха іерусалимскаго своимъ намѣстникомъ, какъ свидѣтельствуетъ преданіе? Не оттуда ли ученіе Христово распространилось по всему свѣту отъ востока до запада солнца и дошло до самаго Рима? Чѣмъ Римъ лучше Іерусалима и за чѣмъ пренебрегаютъ Іерусалимомъ—матерью всѣхъ церквей и обращаются къ Риму? За чѣмъ уничижаютъ Іерусалимъ и превозносятъ Римъ? Если ради мірской славы и великаго богатства; то эти предметы суетные и измѣнчивые, и не одинъ обманулся на этомъ. Не на семъ держится истинная вѣра и не чрезъ это должно познавать ее: ибо Господь Іисусъ Христосъ устрояетъ свои дѣла не въ соотвѣствіе этому міру. Іисусъ Христосъ самъ былъ убогъ, презрѣнъ среди людей, а Иродъ и Пилатъ были славны и вельможны. Ученики Христовы были бѣдны и убоги, а іудеи и фарисеи богаты. Ужели по этому (богатству и славѣ) должно разпознавать доброту дѣла? Не должно пренебрегать Іерусалимъ за то, что онъ убогъ: онъ обиленъ благодатію Божіею. Лучше хвалиться Іерусалимомъ и къ нему обращаться, чѣмъ къ Риму: ибо въ Іерусалимѣ умеръ Христосъ ради насъ, тамъ воскресъ изъ мертвыхъ, тамъ вознесся на небо, тамъ послалъ Св. Духа на учениковъ своихъ и апостоловъ. Тамъ совершилось наше спасеніе; тамъ Господь оставилъ и гробъ свой на вѣчную память. Тамъ оставилъ послѣ Себя намѣстникомъ своимъ и патріархомъ Іакова. Чѣмъ же Римъ лучше Іерусалима? Тутъ патріархъ намѣстникъ Іисуса Христа, а тамъ папа намѣстникъ св. Петра: здѣсь намѣстникъ самаго Іисуса Христа, а тамъ намѣстникъ ученика и слуги Его; тутъ гробъ Іисусъ Христовъ, а тамъ гробъ Петровъ. Кто пренебрегаетъ Іерусалимомъ и намѣстникомъ Его, тотъ, подлинно, пренебрегаетъ и самимъ Іисусомъ Христомъ. Почему же будемъ пренебрегать Церковію Божіею, матерію нашею и матерію всѣхъ церквей? Что видимъ въ ней худаго или несовершеннаго? По благодати Божіей нѣтъ въ Церкви нашей никакого заблужденія. не найдется никакой ереси Какъ однажды приняла она члены вѣры. постановленные и утвержденные на семи вселенскихъ Соборахъ, такъ и хранитъ ихъ до сего времени въ цѣлости, ничего не прибавляя и не убавляя.

Не знаю, кто внушилъ вашей княжеской милости такое отвращеніе къ ней. или кто отвратилъ или отвращаетъ отъ нея вашу княжескую милость? Говорю искренно и правду: на томъ пребудетъ вѣчное неблагословеніе Божіе! Всѣ знаемъ, милость княжеская, какими страшными условіями въ отношеніи къ вѣрѣ, обязательствами и клятвами обязала васъ ваша мать, отходя отъ сего свѣта. На чью душу падетъ это? Господь Богъ вѣдаетъ и мы вѣдаемъ, что клятва отцовская изсушаетъ, а материнская искореняетъ, какъ говоритъ писаніе. Какую утѣху, какую радость получили и получаютъ всѣ тѣ, которые отступаютъ отъ древней вѣры ради суеты этаго жалкаго свѣта? Развѣ не видимъ своими глазами того, что дѣлается (съ ними)? Спросилъ бы я всѣхъ ихъ: для чего они отступаютъ отъ древней греческой вѣры, для чего пренебрегаютъ ею? Если для мудрости сего свѣта, то мудрость міра сего — буйство у Бога, какъ говоритъ

Апостолъ. Если ради какого нибудь заблужденія (въ церкви): то по благодати Божіей, никакого заблужденія въ Церкви Христовой не найдется и не можетъ находиться. Скорѣе оно можетъ найтись тамъ, гдѣ каждый годъ что нибудь новое приложатъ или отнимутъ. Если же отступаютъ отъ вѣры ради мірской славы; то это дѣло самое ничтожное. Впрочемъ лучшую славу и уваженіе у всѣхъ имѣютъ тѣ, которые тверды въ своей вѣрѣ, чѣмъ тѣ, которые колеблются и не пребываютъ твердо въ ней и не хотятъ пребывать. Развѣ не великую славу имѣли князья Острожскіе — воевода Кіевскій и сынъ его воевода Волынскій, на которыхъ многіе засматривались? Развѣ не великую славу имѣлъ повсюду блаженной памяти родитель вашей княжеской милости Михаилъ Корыбутъ? Развѣ не во всѣхъ странахъ прослыла слава его мужества и доблестей рыцарскихъ? Развѣ не былъ онъ утѣшеніемъ и подпорою для всѣхъ правовѣрныхъ и не засматривались ли на него всѣ противники? Развѣ не прославились въ коронѣ Польской рыцарскими доблестями предки вашей княжеской милости, начиная отъ Ольгерда прадѣда вашего — В. князя литовскаго, сына его Ягелла, бывшаго потомъ королемъ Польскимъ, и другаго сына Ольгердова Димитрія Корыбута, князя Сѣверскаго, предки вашей милости — князей Вишневецкихъ, котораго сынъ Сигизмундъ, ради великой доблести рыцарской, принятъ былъ на королевство Ческое? И другіе предки и родичи вашей княжеской милости всѣ были славные и мужественные рыцари, и всѣ они были вѣры греческой; и это не мало не препятствовало, а еще содѣйствовало ихъ славѣ. Ужели теперь чрезъ вашу княжескую милость должна прекратиться исконная слава знаменитаго дома вашего, великихъ князей вашихъ предковъ, бывшихъ вѣры греческой? Предки вашей княжеской милости, блаженной памяти отецъ и мать были по своему роду вѣры греческой; а ваша княжеская милость ужели хотите одни отъ нихъ отлучиться? Не дай Боже, чтобы чрезъ вашу княжескую милость столь славный домъ отступилъ отъ вѣры греческой! Если это для великаго богатства, то оно въ рукахъ Божіихъ: Господь Богъ даетъ, кому что хочетъ. А мы просимъ Господа Бога и всегда должны просить, чтобы не допустилъ вашей княжеской милости отступить отъ древней апостольской вѣры. Зломыслящіе на насъ противники наши говорятъ, что греческая вѣра есть хлопская (*): если есть такъ, какъ они говорятъ, то цари Греческіе и другіе великіе монархи были хлопской вѣры; хлопской вѣры были апостолы, патріархи и св. отцы восточной Церкви, которыхъ мы считаемъ великими, каковы они и суть. Итакъ смиренно прошу вашу княжескую милость именемъ всего христіанства, именемъ всей Церкви — не давайте увлекать себя политическимъ расчетамъ; вспомните, ваша княжеская милость, блаженной памяти своихъ родителей, какъ они были набожны, какого держались богослуженія, какой вѣры, не хлопской, не еретической, не заполозрѣнной. Они имѣли столько ума, были такъ свѣдущи въ вещахъ, но держались, говорю, вѣры древней, Церкви восточной - апостольской, чистой, не сквер-

(*) Однимъ изъ злобныхъ досажденій папизма православію было то, что послѣднее исповѣдуется якобы только простымъ классомъ народа, тогда какъ къ первому принадлежитъ аристократія и правительство. Въ этомъ іезуиты находили также средство увлекать знатныя русскія фамиліи. Впрочемъ какъ у православія все еще оставалось довольно такихъ фамилій, а измѣнившіе ему изъ этихъ фамилій прямо обращались въ католичество; то названіе хлопской вѣры скоро перешло къ Уніи, къ которой дѣйствительно и могли принадлежать одни низшія сословія. И католики не сдерживались досаждать этимъ названіемъ и своимъ союзникамъ, чтобы понудить ихъ обращаться прямо въ католичество.

ненной и не поврежденной никакими человѣческими вымыслами. Почему же ваша княжеская милость не станете наслѣдовать вѣры предковъ своихъ, въ которой вы и родились: она ни въ чемъ не можетъ быть заподозрѣна. Вы обратитесь не до чужой, а до своей матери — Церкви Божіей. Не на что оглядываться вашей княжеской милости. И не дивно въ молодыхъ лѣтахъ дать себя увлечь людскимъ рѣчамъ: въ молодыхъ дѣтскихъ лѣтахъ это бываетъ иногда и невольно. Но это все ничто: если ваша княжеская милость захотите, сей часъ можете сдѣлать все. По благости Божіей, ваша княжеская милость имѣете въ своихъ владѣніяхъ много церквей, монастырей и духовныхъ лицъ; не надобно вамъ искать этаго гдѣ нибудь индѣ: чего потребуете ваша княжеская милость, все тотчасъ получите. Мы однакожъ не совсѣмъ теряемъ надежду на мудрую и разсудительную внимательность вашей княжеской милости, не совсѣмъ сомнѣваемся, что вы не захотите до конца смутить насъ, не позволите себѣ до конца забыть Церковь Божію. Во имя Божіе, всего духовенства, всего христіанства смиренно и слезно просимъ — не пренебрегайте, ваша княжеская милость, своей вѣры, въ которой вы рожлены водою и Духомъ, но обратитесь къ Церкви Божіей — природной матери своей и утѣшьте насъ всѣхъ. И когда ваша княжеская милость восхотите благочестиво сдѣлать это, то благословеніе Божіе и родительское всегда почивать будетъ на вашей княжеской милости, и вы утѣшите всю Церковь, все христіанство древней вѣры и, проведши счастливо и благополучно вѣкъ свой здѣсь — на землѣ, наслѣдуете животъ вѣчный по благодати Божіей. Аминь.

Вашей княжеской милости, пана, пана моего милостиваго, смиренный слуга и богомолецъ Исаія Копинскій, митрополитъ Кіевскій, собственноручно (*).«

ДУХЪ ВРЕМЕНИ.

Что такое духъ времени? Это — нравственная эпидемія, всегда болѣе или менѣе разрушительно дѣйствующая на людей, подвергающихся ея вліянію. Говорятъ: въ духѣ времени бываетъ много и хорошаго, подъ его могущественнымъ вліяніемъ совершаются иногда великія дѣла. Нѣтъ, духъ времени есть духъ страсти, духъ неразумнаго увлеченія: онъ все преобразуетъ во временное, всему даетъ направленіе чисто мірское, плотское, все устремляетъ къ цѣлямъ земнымъ, случайнымъ, минутнымъ. По этому, подъ сильнымъ вліяніемъ его быстро развиваются худыя наклонности и инстикты человѣка, заглушая въ немъ требованія высшей, духовной его природы, помрачая свѣтъ чистой мысли и обезсиливая внушенія совѣсти. Назовите какой угодно изъ этихъ лукавыхъ духовъ времени, — всѣ они имѣютъ одинъ характеръ неразумнаго, страстнаго увлеченія. Посмотримъ на самыя благовидныя направленія, принимавшія владычественную силу духа времени: чѣмъ они ознаменовались? Было, напримѣръ, въ духѣ времени благочестіе, и — породило гнусныхъ фарисеевъ и жестокихъ изувѣровъ; было въ духѣ

(*) Послѣ хитрыхъ и льстивыхъ рѣчей іезуитовъ Іереміи не было доступно слово истины, невнятенъ былъ голосъ добродѣтельнаго мужа, говорившаго отъ избытка сердца: Іеремія остался отступникомъ, и въ послѣдствіи былъ однимъ изъ злѣйшихъ враговъ и мучителей своихъ прежнихъ братій, и оставилъ по себѣ самую черную память въ лѣтописяхъ южно-русскаго народа.

времени человѣколюбіе (филантропія), и—едва не погубило цѣлые народы; нынѣ вѣкъ промышленности, и—нѣтъ числа изобрѣтеніямъ;—но, изобрѣтая болѣе и болѣе средствъ къ жизни, люди не успѣваютъ жить; открывая различные способы и условія земнаго счастія, больше и больше теряютъ способность быть счастливыми, по крайней мѣрѣ—на столько, на сколько это возможно человѣку на землѣ. Какія же великія дѣла совершаются подъ вліяніемъ духа времени? — Совершаются, можетъ быть, дѣла удивительныя, но не великія, точно такъ какъ подъ вліяніемъ болѣзненной раздражительности дѣлаютъ иногда то, чего не въ состояніи сдѣлать человѣкъ здоровый. Истинно великое есть вмѣстѣ безсмертное, никогда не перестающее быть благотворнымъ для человѣка, никогда не утрачивающее высокой цѣны и значенія для насъ: а духъ времени дышитъ однимъ временнымъ, случайнымъ, и не можетъ вдохнуть намъ силы и способности ни къ какимъ дѣламъ и подвигамъ ради вѣчнаго назначенія человѣка. Сыны своего времени почитаютъ себя людьми передовыми и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ смотрятъ на всѣхъ безъ различія, которые живутъ не по духу, управляющему ихъ жизнію и дѣятельностію, и потому кажутся имъ людьми отсталыми, не современными: но—то, что имъ въ свое время представляется наилучшимъ, въ другое время, сынами другаго вѣка признается ложнымъ, а иногда и смѣшнымъ увлеченіемъ,—и въ этомъ круговоротѣ различныхъ временныхъ направленій и стремленій въ собственномъ смыслѣ нѣтъ никакаго движенія впередъ, потому что все вращается въ одномъ кругѣ суеты.

Нѣтъ, не духъ времени, а Духъ вѣчный, Духъ Божій, всемогущій, всезиждущій,—сей только Духъ можетъ животворить человѣка и, возвышая его надъ временнымъ и случайнымъ, руководить къ истинному его назначенію, вдохновлять на дѣла высокія и благоплодныя, исполнять мудростію и силою и подвигать впередъ къ постепенному и постоянному совершенству. *Не сообразуйтеся убо вѣку сему, но преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего, во еже искушати вамъ, что есть воля Божія благая и угодная и совершенная* (Рим. 12, 2). Духъ времени силенъ и заразителенъ; онъ распространяется невидимыми путями и какъ будто наполняетъ собою воздухъ, которымъ мы дышимъ: тѣмъ болѣе осторожности нужно имѣть каждому благочестивому христіанину, чтобы вмѣсто духа благодати Божіей не исполниться духомъ времени и не подчиниться ему, какъ руководителю въ жизни. Пусть истинный христіанинъ кажется несвоевременнымъ: это лучшее свидѣтельство на то, что онъ выше времени, что онъ сынъ не вѣка сего, а блаженной вѣчности Христовой, къ которой и идетъ путемъ вѣрнымъ, подъ руководствомъ самаго Духа Божія.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 5-го Іюля 1857 года.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 17.

НЕДѢЛЯ 9 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

28 Іюля 1857 г.

Гласъ 8-й.

На утрени евангеліе воскресное 9-е, Іоан. зач. 65. На литургіи: апост. 1 Кор. зач. 128, евангел. Матѳ. зач. 59.

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА, ПАПЫ РИМСКАГО,

о

томъ, какъ наставлять не начинавшихъ еще подвизаться въ добрѣ и тѣхъ, кои начавши не довершаютъ добра (*).

Не одни наставленія должны быть предлагаемы тѣмъ, которые еще и не начинали дѣлать добро, и тѣмъ, которые начали, но не довершаютъ. Не начинавшіе дѣлать добро не прежде должны созидать то, что спасительно для нихъ, какъ разрушивъ то, что въ нихъ есть порочнаго. Ибо они не могутъ съ успѣхомъ стремиться къ тому, чего еще не испытали, пока не увидятъ, какъ гибельно то, къ чему доселѣ привязаны были; не сознающій своего паденія не желаетъ и возстанія, не чувствующій боли отъ ранъ не ищетъ и врачевства для нихъ. Посему прежде всего должно показать имъ, какъ суетно то, что они любятъ, потомъ представить, какъ полезно и спатительно то, что они оставляютъ: пусть увидятъ, что они должны убѣгать того, что любятъ, и тогда узнаютъ, что имъ должно любить то, отъ чего они убѣгаютъ. Они лучше примутъ неиспытанное ими, если получатъ вѣрное понятіе обо всемъ, испытанномъ ими, и съ полнымъ усердіемъ будутъ искать добра, когда увидятъ, какъ ничтожно то, чѣмъ они доселѣ обладали. Пусть же знаютъ, что блага настоящей жизни доставляютъ наслажденіе преходящее, а мученіе приготовляютъ нескончаемое. Пусть они во спасеніе устрашатся того, чѣмъ наслаждались на погибель. Посему-то Господь говоритъ пророку Іереміи, посылая его на проповѣдь: *се*

(*) Regul. pastoral. p. III. c. XXXIV.

поставихъ тя днесь надъ языки и надъ царствы, да искорениши, и разориши, и расточиши, и разрушиши, и паки созиждеши и насадиши (Іер. 1, 10). Ибо, если бы Пророкъ не разрушилъ неправды, то не могъ бы созидать правды; если бы не искоренилъ изъ сердца народа тернія нечистой любви, то не могъ бы насадить въ немъ сѣмени спасительнаго слова Божія. Такъ и апостолъ Петръ сперва разоряетъ, потомъ созидаетъ, и для того разоряетъ, чтобы послѣ удобнѣе созидать. Онъ сперва обличаетъ іудеевъ въ убіеніи *Іисуса Назорея* (Дѣян. 2, 22. 23), потомъ, когда они, *умилившись сердцемъ*, вопрошали: *что сотворимъ?*— повелѣваетъ имъ *покаяться и креститься* (—37, 38). Тоже видимъ и въ обращеніи Савла. Когда онъ приближался къ Дамаску, то внезапно *облисталъ его свѣтъ съ небесе*, и онъ, *падъ на землю, слыша гласъ глаголющъ: Савле, Савле, что мя гониши?* Когда же онъ, узнавъ, кто говоритъ къ нему, вопросилъ: *Господи, что мя хощеши творити;* тогда сказано ему: *востани и вниди во градъ, и речется ти, что ти подобаетъ творити* (Дѣян. 9, 3—6). Такъ, и здѣсь сперва обличеніе, потомъ наставленіе.—Какъ, далѣе, поучать начинающихъ дѣлать добро, но не оканчивающихъ своего дѣланія? Должно внушать имъ быть внимательными и осторожными, чтобы, не оканчивая предположеннаго, они не разрушили и начатаго. Ибо если мы не умножаемъ внимательно и усердно начатаго, то у насъ оскудѣваетъ и то, что сдѣлано нами добраго. Душа въ семъ мірѣ подобна судну, плывущему противъ теченія воды: она не можетъ, такъ сказать, стоять на одномъ мѣстѣ, и если не движется вверхъ, то необходимо спускается внизъ. Посему *Ангелу Сардійскія церкве* говорится: *буди бдя и утверждая прочая, имже умрети: не обрѣтохъ бо дѣлъ твоихъ скончанныхъ предъ Богомъ твоимъ* (Апок. 3, 2). Поелику онъ не скончалъ дѣлъ своихъ предъ Богомъ, то ему предсказывается, что и прочія его дѣла умрутъ (*прочая, имже умрети*); ибо если въ насъ мертвое не возбуждается къ жизни, то умираетъ и то, что еще имѣетъ признаки жизни. Пусть еще послушаютъ они, что говоритъ Писаніе: *лучше бъ имъ не познати пути правды, нежели познавшимъ возвратитися вспять отъ святыя заповѣди* (2 Пер. 2, 21); и еще: *понеже тепълъ еси, и не студенъ еси, ниже горящъ, имамъ тя изблевати изъ устъ моихъ* (Апок. 3, 16). Подъ горячимъ разумѣется тотъ, кто съ пламенною ревностію совершаетъ дѣло, на которое призванъ; а холоднымъ или *студенымъ* называется тотъ, кто и не начиналъ того, что ему надлежитъ дѣлать. *Теплота* стоитъ на срединѣ или на переходѣ отъ холода къ жару и—наоборотъ—отъ жара къ холоду. Посему, кто оставляетъ холодность невѣрія, однакожъ не воспламеняется любовію, какая прилична вѣрующему, тотъ, будучи только теплымъ и не возвышаясь надъ своимъ состояніемъ, начинаетъ опять охладѣвать. Холодный, прежде нежели онъ согрѣвается, еще подаетъ надежду, что онъ можетъ содѣляться *горячимъ*; напротивъ *теплый*, послѣ охлажденія уже не подаетъ никакой надежды на переходъ въ прежнее состояніе. Грѣшникъ можетъ обратиться; но обратившійся, а потомъ слѣлавшійся опять *теплымъ*, т. е. ставшій опять на переходѣ отъ полнаго обращенія, уже безнадеженъ. Итакъ требуется или горячій, или холодный, т. е. или съ горячимъ усердіемъ подвизающійся на поприщѣ добродѣтели, или же грѣшникъ, котораго можно обратить; теплый же, т. е. отъ пламенной ревности къ благочестію и добродѣтели переходящій опять къ холодности, будетъ изблеванъ.

ПРАВОСЛАВІЕ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ.

Церковь Восточная, къ которой принадлежитъ и наша Русская Церковь, какъ ея часть, издревле привыкла именовать себя Церковію *православною*. Въ своемъ православіи она всегда находила отраду и успокоеніе во времена бѣдствій, облегавшихъ ее во всѣ вѣка. Съ справедливымъ чувствомъ самодовольства и теперь восточный христіанинъ указываетъ на Церковь, къ которой принадлежитъ, всѣмъ инославнымъ, какъ на Церковь Христову православную, единую истинную между всѣми, многими и различными, обществами христіанскими. Въ чемъ же состоитъ православіе этой Церкви, и справедливо ли она называется православною?

Чтобы церковь имѣла право именоваться православною, для сего нужно; чтобы эта церковь получила свое начало отъ Спасителя и Апостоловъ, и съ тѣхъ поръ продолжалась непрерывно; чтобы она была устроена совершенно согласно съ волею Господа; чтобы, наконецъ, къ ней шли всѣ характеры истинной Церкви, указанные въ символѣ.—Есть ли всѣ эти признаки въ Церкви Восточной? Есть. И—

Во первыхъ, извѣстно всякому, что Церковь Восточная не есть общество, основанное какимъ-нибудь человѣкомъ, для цѣлей человѣческихъ, но есть именно Церковь Христова, получившая свое начало отъ самаго Спасителя и Его Апостоловъ и съ тѣхъ поръ продолжающаяся непрерывно. На востокѣ источникъ свѣта и физическаго и благодатнаго. На востокѣ Христосъ Спаситель и воплотился, и совершилъ свое тройственное служеніе роду человѣческому. На востокѣ были Его первые послѣдователи—Апостолы. Ихъ-то, этихъ рыбарей галилейскихъ, облекъ Онъ властію апостольства; на нихъ сошелъ Духъ Святый въ горницѣ сіонской, и они-то первые, на краеугольномъ камнѣ, положенномъ на *Голговѣ*, начали созидать Церковь Христову. Гдѣ? Прежде всего *на востокѣ*. Востокъ—колыбель человѣчества—былъ вмѣстѣ и колыбелью христіанства. *Изъ Іерусалима*, гдѣ, по преданію, первымъ епископомъ былъ поставленъ отъ самаго Спасителя Іаковъ братъ Господень, вышли Апостолы на всемірную проповѣдь Евангелія, и страны *близкія къ Іерусалиму* прежде другихъ услышали эту проповѣдь изъ устъ самихъ Апостоловъ и ихъ непосредственыхъ преемниковъ.—Тогда какъ западъ можетъ указать на одну только апостольскую каѳедру въ своихъ предѣлахъ, на каѳедру св. Петра, или вѣрнѣе—обоихъ первоверховныхъ апостоловъ,—въ Римѣ: на востокѣ двѣ каѳедры Петра: въ Александріи, куда поставилъ онъ первымъ епископомъ своего сопутника—евангелиста Марка, и въ Антіохіи, гдѣ въ первый разъ ученики Евангелія стали называться христіанами, и гдѣ самъ Петръ семь лѣтъ управлялъ Церковію, прежде чѣмъ посѣтилъ Римъ,—не для управленія Церкви, а для кончины мученической. И сколько еще каѳедръ, основанныхъ другими Апостолами? Въ нѣкоторыхъ, даже незначительныхъ въ древности, городахъ на востокѣ каѳедры учреждены Апостолами. Византія, напр., незначительное мѣстечко во времена Апостоловъ, ведетъ рядъ своихъ первосвятителей отъ Стахія, который былъ поставленъ ап. Андреемъ первозваннымъ.—И Церковь Христова на востокѣ, основанная Спасителемъ, насажденная Апостолами, продолжалась непрерывно и продолжается доселѣ. Много испытала она бурь, много понесла бѣдствій: но *врата адовы* никогда *не одолѣли ей*. Не говоримъ уже о первыхъ трехъ вѣкахъ христіанства, вѣкахъ равно кровавыхъ для востока, какъ и для запада,—вѣкахъ, въ продолженіе которыхъ все, что только можетъ придумать адская злоба, было непрерывно употребляемо для подавленія христіанства. Извѣстна всякому эта трехвѣко-

вая, кровавая вражда религіознаго фанатизма іудеевъ и язычниковъ, жрецовъ и философовъ, черни и правительства противъ послѣдователей Евангелія. И послѣ того, какъ равноапостольный Константинъ далъ славу Распятому, чего не претерпѣла Восточная Церковь? Враги всякаго рода осаждали ее и не рѣдко самое существованіе ея подвергали опасности крайней. Но чтоже? Церковь Христова на востокѣ существуетъ доселѣ... »Идолопоклонство и отступничество,—можемъ говорить словами одного изъ западныхъ писателей,—(*) пытались покорить ее,—и признали непобѣлимою; цари и калифы, кесари и султаны возставали противъ нея,—но Царь царствующихъ и Господь господствующихъ былъ съ нею. Сапоръ и огнепоклонники побѣждены безчисленнымъ сонмомъ персидскихъ мучениковъ. Тиридатъ и идолопоклонники армянскіе покорены чудесами св. Григорія просвѣтителя. Эѳіопія покаялась при проповѣди св. Фрументія«. Не преклонилась Церковь Восточная и предъ ненавистнымъ полумѣсяцемъ тогда, когда толпы поклонниковъ лжепророка, съ своимъ изступленнымъ фанатизмомъ. наводнили востокъ и завладѣли Антіохіей, Александріей, Іерусалимомъ и другими городами стѣсненной, сжатой восточной имперіи. »Много побѣдъ во всѣхъ странахъ порабощеннаго востока, говоритъ тотъ же писатель, было одержано во имя Христово; множество славныхъ подвижниковъ и пастырей скончалось мученически отъ изувѣрства фанатиковъ. Церковь Восточная выдержала бурю и не погибла среди ударовъ, отвсюду ей наносимыхъ. Возникали и падали калифатства и династіи омміадовъ, фатимидовъ и эйгобитовъ; она же, ненавидимая, уничижаемая, презираемая, гонимая всѣми, торжествовала надъ ихъ паденіемъ. Султанство сельджукское блеснуло и исчезло подобно метеору; орды монгольскія наполнили Азію и пол-Европы опустошеніемъ и ужасомъ, и наконецъ Турки взяли самый Константинополь, и тѣмъ заключили лѣтописи восточной имперіи. Церковь Восточная пережила все это: обезсиленная, гонимая, униженная до крайности, она изъ рода въ родъ передавала власть священноначалія, и непреставала приносить таинственную Жертву«. И вотъ уже 4 вѣка въ кровавомъ потѣ подвизается она надъ сохраненіемъ вѣры подъ игомъ магометанскимъ, – и подвизается не напрасно; каѳедры ея пастырей доселѣ остаются въ тѣхъ самыхъ и почти во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ были основаны Апостолами. И одни ли внѣшніе враги устремлялись на Церковь Восточную? Нѣтъ,—безчисленныя ереси, одна другой сильнѣе и опаснѣе, также часто не давали ей покою. Арій, Македоній, Несторій, монофизиты, моноѳелиты, иконоборцы (не говоримъ о др., менѣе сильныхъ еретикахъ) и являлись на востокѣ и болѣе всего раздирали Церковь Восточную. И это все перенесла она благодушно и вышла торжествующею. Она выслала Аѳанасія противъ Арія, Кирилла противъ Нестора, Софронія противъ моноѳелитовъ, другихъ своихъ святителей противъ другихъ еретиковъ,—опровергла одну ересь на одномъ Соборѣ вселенскомъ, другую на другомъ, третью на третьемъ и т. д., и не дала торжествовать лжи. Семь Соборовъ этихъ, на коихъ, какъ на седми столпахъ, утверждено зданіе вѣры Христовой и которые всѣ и созывались въ предѣлахъ Церкви Восточной, императорами восточными, и состояли, по преимуществу, изъ ея пастырей, суть непререкаемые свидѣтели ея торжества надъ обуревавшими ее ересями. И въ сей то Церкви,

(*) Англичанина Ниля. A History of the Holy Eastern Church. By the Rever. John mason Neale. Lond. 1850. p. 1.

которая, получивъ свое начало отъ Спасителя и Апостоловъ, доселѣ продолжаетъ непрерывно свое существованіе, которая 18-ть вѣковъ подвизалась среди всѣхъ бѣдствій, облегавшихъ ее, и теперь носитъ на тѣлѣ своемъ язвы Господа Іисуса такъ благодушно, можно ли не видѣть Церкви истинной, православной? Можно ли называть ее, какъ называетъ языкъ клеветы, церковію схизматическою? Нѣтъ,—только Церковь истинно Христова, въ которой самъ Онъ пребываетъ, по неложному обѣтованію своему, можетъ такъ побѣдоносно торжествовать надъ своими врагами, въ продолженіе 18 ти вѣковъ силившимися одолѣть ее.

Во вторыхъ. Церковь Восточная устроена совершенно согласно съ намѣреніемъ Господа и Его Апостоловъ. Ея внѣшній составъ совершенно такой же, какой былъ въ Церкви апостольской. Признавая единою, невидимою Главою своею самаго Іисуса Христа, она состоитъ изъ видимой іерархіи и паствы, совершенно согласно съ волею Господа. Ея іерархія, ведущая свое начало непрерывно отъ Апостоловъ, имѣетъ три степени, какъ было это въ Церкви первенствующій; каждая степень имѣетъ свои особенныя права и обязанности, которыя опредѣлены еще Апостолами; и всѣ они не смѣшиваются между собою, и низшая степень никогда не предвосхищаетъ не принадлежащаго ей въ отношеніи къ высшей. Каждый пастырь управляетъ своею частною церковію; въ дѣлахъ же, касающихся всей Церкви, всѣ пастыри ея собираются на соборъ, какъ было это и во времена Апостоловъ Внутреній составъ Восточной Церкви опять тотъ же, какой долженъ быть, по намѣренію Господа, въ Церкви истинной. Она имѣетъ непрерывно продолжавшееся и продолжающееся ученіе вѣры и благочестія,—ученіе, преподанное Спасителемъ и Апостолами, проповѣданное Отцами, утвержденное на Соборахъ; имѣетъ полный и совершенный чинъ богослуженія и совершенія таинствъ; имѣетъ управленіе посредствомъ каноновъ, издревле постановленныхъ.—Сами противники Восточной Церкви отдаютъ ей справедливость въ томъ, что она, болѣе чѣмъ всякое другое общество христіанское, сохранила древнее устройство. Это самое обращаютъ ей въ упрекъ, приписывая сіе мнимому оцѣпенѣнію и неподвижности ея. Но что въ устахъ ихъ есть упрекъ, то на самомъ дѣлѣ есть наилучшая похвала Церкви Восточной, которая не допустила въ устройствѣ своемъ никакой существенной перемѣны со временъ вселенскихъ Соборовъ, послѣ того какъ у другихъ христіанскихъ обществъ, наоборотъ, перестроена вся система и ученія и богослуженія и управленія. Мы, чада Восточной Церкви, въ томъ-то и видимъ лучшее свидѣтельство истинности, православія своей матери что она отъ вѣковъ древнихъ соблюла и доселѣ соблюдаетъ неизмѣнно и ненарушимо древнее, однажды навсегда утвержденное, устройство Церкви вселенской.

Къ Церкви Восточной, наконецъ, идутъ всѣ признаки истинной Церкви, указанные въ символѣ: она есть святая, соборная, апостольская, единая. И—

Во первыхъ есть святая,—а) святая *по своему ученію*, въ которомъ все согласно съ словомъ Божіимъ, съ древнѣйшимъ чистымъ и неповрежденнымъ преданіемъ св. Отцевъ, съ символомъ вѣры, завѣщаннымъ намъ вселенскими Соборами, и нѣтъ ничего неправаго и неоснованнаго на преданіи древней вселенской Церкви, ничего новаго, измышленнаго суемудрымъ разумомъ.—Никогда Церковь Восточная не пыталась и никому не позволяла подводить священные догматы вѣры подъ начала разума, а тѣмъ менѣе измѣнять ихъ по своевольнымъ сообра-

женіямъ разума, или по человѣкоугодію. Посему, можно бы прослѣдить изъ вѣка въ вѣкъ, какъ православное ученіе въ ней переходило изъ рода въ родъ, отъ одного поколенія къ другому, не умаляясь, не увеличиваясь и ни сколько не измѣняясь въ существѣ своемъ; можно, взявши отдѣльно каждый изъ исповѣдуемыхъ нынѣ Восточною Церковію догматовъ, доводить его до учителей вселенскихъ, до Отцевъ первыхъ вѣковъ и самыхъ Апостоловъ; можно сличить все ученіе, принимаемое нынѣ христіанами восточными, съ ученіемъ Аѳанасія. Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго: разности не окажется никакой. И это ученіе совершенно полно, свято и достаточно къ тому, чтобы питать и возращать въ христіанахъ истинную спасительную вѣру и благочестіе. б) Святая (Восточная Церковь) *по своимъ таинствамъ*, которыхъ она содержитъ именно столько, сколько учредилъ Спаситель и предали Апостолы, и по всѣмъ своимъ *богослужебнымъ обрядамъ* и дѣйствіямъ, которые вполнѣ способны къ тому, чтобы сообщать благодатное освященіе людямъ и питать въ нихъ благочестивое чувство, отрѣшая душу отъ земли и возвышая ее къ небу. — Восточные христіане настоящаго времени имѣютъ то высокое счастіе, котораго не можетъ дать, въ такой степени ни одно другое христіанское исповѣданіе,— счастіе видѣть собственными очами тѣже самыя священнодѣйствія, которыя совершаемы были въ первенствующей Церкви, слышать пѣснопѣнія, которыми оглашались храмы христіанскіе въ самые отдаленные вѣка, возсылать къ Богу молитвы, составленныя мужами святыми, богомудрыми,— молиться, такъ сказать, одними устами съ Василіемъ Великимъ, Іоанномъ Златоустомъ, Григоріемъ Двоесловомъ, Космою Маюмскимъ, Іоаномъ Дамаскинымъ и вообще со всѣми великими святителями Церкви вселенской. И какое глубокое, высоко-поучительное и священное значеніе заключается въ цѣломъ составѣ богослуженія Восточной Церкви! Какъ здѣсь все проникнуто духомъ Христовой вѣры, какъ все направлено къ одному предмету, къ общему средоточію — къ божественному Искупителю, къ одной цѣли — спасенію душъ христіанскихъ! Какъ далеко устранено все, что не ведетъ къ этой цѣли! Призывая въ храмы свои къ богослуженію, Церковь восточная хочетъ только одного: освятить чадъ своихъ и представить изъ нихъ жертву Богу чисту, святу, духовну: къ сему направлены всѣ ея богослужебныя дѣйствія. Посему, самый внѣшній видъ православнаго храма, благоукрашенный, но не изысканный, напоминаетъ уже, что это именно домъ Божій. Самое облаченіе священнослужителей этого храма, близкое къ тому, какое употребляли еще Апостолы, указываетъ уже въ нихъ людей, особенно посвященныхъ на служеніе Богу. Каждый обрядъ Восточной Церкви, при всей свой простотѣ и удобопонятности для людей даже мало образованныхъ, заключаетъ въ себѣ и то величіе, которое можетъ возбудить благоговѣніе въ людяхъ самыхъ мудрыхъ. Каждое пѣснопѣніе ея, при всей своей безискуственности, трогаетъ и умиляетъ душу. Не изысканна иконопись ея, не поражаетъ изяществомъ формъ; но она вполнѣ прилична свящ. предметамъ и легко возноситъ душу отъ образа къ первообразу. Не коротки ея богослуженія,—но только лѣность можетъ скучать ими. На всякомъ языкѣ дозволяетъ она славить Господа, совершать Ему службу; потому что на всякомъ языкѣ можетъ внимать Онъ истинно вѣрующему, тогда какъ вѣрующій часто не разумѣетъ другаго нарѣчія, кромѣ своего природнаго. в) Святая (вост. Ц.) *по управленію своему*, которое основано на канонахъ

и постановленіяхъ древнихъ и есть чисто духовное, нравственное, чуждое всякихъ мірскихъ видовъ. Никогда Восточная Церковь не измѣняла освященныхъ древностію постановленій Церкви вселенской, почему въ ней и нѣтъ почти другихъ постановленій и правилъ, кромѣ правилъ и постановленій апостольскихъ и соборныхъ, — нѣтъ другаго номоканона, кромѣ утвержденнаго на 5 и 6-мъ вселенскихъ Соборахъ; если прибавлены въ новѣйшее время нѣкоторыя частныя узаконенія, то онѣ совершенно согласны съ духомъ правилъ древнихъ и вообще религіи Христовой. Но въ особенности мы узнаемъ истинную, святую, православную Церковь въ Церкви Восточной по святости тѣхъ мѣръ, которыя она всегда употребляла и употребляетъ для достиженія святыхъ цѣлей своихъ, по чистотѣ и безкорыстію ея дѣйствій, по миролюбію и кротости ея пастырей. Никогда Церковь Восточная не окружала себя страхомъ мірскаго оружія, не двигала воинскими полчищами, не воздвигала костровъ, не учреждала иквизицій для истребленія еретиковъ, для наказанія непокорныхъ ея власти и для распространенія ея вѣры. Нѣтъ, она привлекала въ свои нѣдра и удерживала своихъ чадъ въ повиновеніи своимъ уставамъ силою матерняго наставленія и убѣжденія, страхомъ суда Божія и угрозою отлученія отъ своего общенія; но никогда не брала въ свои руки ни меча, ни другихъ подобныхъ орудій, не принадлежащихъ и несвойственныхъ истинной Церкви. Даже права духовнаго запрещенія она никогда не употребляла сверхъ мѣры: ему подвергаются только нераскаянныя ея чада. Кромѣ того, власть свѣтская и власть духовная, говоря вообще, всегда шли на востокѣ рука объ руку, никогда не смѣшивались между собою, и Церковь всегда была лучшею опорою государствъ. Даже въ дѣлахъ чисто духовныхъ первосвятители Церкви Восточной никогда не думали сверхъ мѣры распространять свою власть; никогда не заботились, на пр., удерживать право своего суда въ чужихъ государствахъ. Константинополь освободилъ Россію отъ своей зависимости, когда стало не сообразно съ достоинствомъ сей Церкви зависѣть отъ такого престола, который самъ находился подъ вліяніемъ турецкаго деспотизма. Въ недавнее время онъ призналъ самостоятельность и независимость правительствующаго Синода въ королевствѣ Греческомъ. Но и гораздо прежде сего у православныхъ государей Грузіи и Абхазіи были собственные католикосы. Сербія имѣла собственнаго патріарха въ Ушицѣ. Святая, наконецъ, (восточная Церковь) г) *по безчисленному множеству членовъ*, которые ею воспитаны, освящены и приготовлены для царства славы во всѣ времена. Кому неизвѣстно, какіе многочисленные сонмы мучениковъ, исповѣдниковъ, святителей, преподобныхъ и другихъ праведниковъ, прославленныхъ отъ самаго Бога нетлѣніемъ и чудесами, предпослала она небесному Жениху своему въ вѣка древніе, до порабощенія своего Турками? Вѣка послѣдніе, когда она въ кровавомъ потѣ подвизается о сохраненіи христіанства подъ властію магометанъ, также не лишены для нея мученическихъ побѣдъ. Сколько мучениковъ всѣхъ возрастовъ и сословій, пастырей и пасомыхъ, возсіяло въ это время въ ея нѣдрахъ! Болѣе ста новыхъ мучениковъ прославлены въ службахъ церковныхъ, не смотря на владычество невѣрныхъ, — и кто сочтетъ тысячи пострадавшихъ безъименно, за исповѣданіе вѣры въ 4 столѣтія ига, и особенно подвижниковъ послѣдняго гоненія 1821 года? Не ужели такое мученичество, такое обиліе святыхъ, даже засвидѣтельствованныхъ Богомъ (не говоримъ о томъ, сколько втайнѣ воспитала и воспитываетъ Восточная Церковь сы-

новъ для царства небеснаго), не есть самое лучшее свидѣтельство истинности и православія этой Церкви?

Во вторыхъ, Церковь восточная есть истинно *соборная, каѳолическая*. Она собрана изъ различныхъ народовъ, племенъ и языковъ; отъ востока, запада, сѣвера и моря пришли къ ней чада ея. Она хранитъ и содержитъ въ точности ученіе, съ одной стороны, полное и всеобъемлющее, относительно всѣхъ предметовъ необходимыхъ для спасенія человѣка, съ другой — то самое, которое издревле было содержимо всегда и повсюду, гдѣ только слышилось имя Христа, и раскрыто и утверждено на вселенскихъ Соборахъ; равно какъ и всѣ ея каноны и чинополоненія совершенно тѣже, которые издревле были всегда въ Церкви и утверждены Соборами. Далѣе, она принимаетъ за непогрѣшимое правило вѣры и дѣятельности семь вселенскихъ Соборовъ, которые всѣ — замѣтимъ — были въ предѣлахъ ея, на востокѣ, и ни одного на западѣ, и хранитъ къ нимъ глубочайшее уваженіе. Почему никогда, на примѣръ, она не дерзала прибавить или убавить хотя бы одно слово въ символѣ никео-цареградскомъ, или измѣнить образцы вѣры другихъ Соборовъ. Напротивъ, память всѣхъ ихъ она почтила особенными торжествами духовными, требуетъ вѣры въ ихъ постановленія отъ каждаго, поступающаго въ число ея членовъ, и установила, чтобы исповѣданіе этой вѣры читалось и въ присягѣ епископской, какъ одинъ изъ главныхъ членовъ православія. Еще: видимая, верховная власть въ ней доселѣ сосредоточивается не въ одномъ какомъ-нибудь лицѣ, но въ соборахъ ея пастырей, которые собираются во едино по требованію нуждъ церковныхъ.

Въ третьихъ, Церковь Восточная есть истинно *апостольская*. Она и произошла отъ Апостоловъ и — главное — пребываетъ вѣрною ученію апостольскому, которое непрерывно и неизмѣнно сохраняется въ божественномъ Писаніи и свящ. Преданіи, и только исповѣдующихъ сіе ученіе чисто, безъ примѣси суетныхъ мнѣній и лжемудрованій человѣческихъ, принимаетъ въ свое общеніе; чинъ ея богослуженія составляютъ обряды, основывающіеся на правилахъ и преданіяхъ апостольскихъ. и существующее въ ней священноначаліе и пастырское служеніе, начинаясь отъ Апостоловъ, непрерывно сохраняется чрезъ преемственое рукоположеніе въ таинствѣ священства. Кромѣ сего, она находится въ постоянномъ союзѣ съ Апостолами доселѣ, какъ чрезъ молитвенное призываніе и почитаніе ихъ, такъ и чрезъ подражаніе имъ въ духѣ, поелику, подобно имъ, постоянно пребывала и пребываетъ *въ трудѣ и подвизѣ и во всякомъ терпѣніи*, что, по словамъ св. апостола Павла, составляетъ существенный, отличительный характеръ апостольства — болѣе чѣмъ самые чудеса и знаменія (2 Кор. 11, 23 — 32). Тѣ, которые говорятъ, что въ Церкви Восточной, послѣ того какъ она стала внѣ общенія съ римскимъ престоломъ, не достаетъ будто бы апостольской ревности къ распространенію христіанства, пусть вспомнятъ, что эта Церковь уже послѣ того времени совершила обращеніе страны столь обширной, какова Россія, — обращенія, подобнаго которому не представляетъ исторія со времени Апостоловъ; пусть обратятъ вниманіе на нынѣшнее бѣдственное состояніе Церкви Восточной, и тогда пусть судятъ: легче ли проходить моря, для того, чтобы творить прозелитовъ, или въ собственныхъ предѣлахъ сохранять христіанство въ продолженіе 4 вѣковъ страшнаго ига магометаескаго? — Нѣтъ въ Церкви Восточной хитрой пропаганды, какъ на западѣ: но сколько было и есть въ ней лицъ, которые готовы были положить и дѣйстви-

тельно полагали душу свою, проповѣдуя святую вѣру! А не такъ ли, не кровію ли распространялось и утверждалось христіанство и во времена Апостоловъ?

Наконецъ, Церковь Восточная есть *единая*. Простираясь отъ моря Охотскаго, отъ льдинъ, облегающихъ Соловецкій островъ до жгучихъ береговъ малабарскихъ; заключая въ себѣ множество языковъ, племенъ и нарѣчій, но связуя всѣхъ ихъ златою цѣпью единой вѣры; принося страшную Жертву на безчисленномъ множествѣ олтарей, но принося ее единому и тому же Богу, съ одними и тѣми же обрядами: сохраняя равенство правъ каждаго патріарха, но всѣхъ соединяя узами братской любви, а не подчиненія. — она всегда есть и пребудетъ единою, непреложною. Ея члены, къ какому бы мѣсту и времени ни принадлежали, любовію и покорностію соединяются въ своими пастырями, а чрезъ нихъ и въ лицѣ ихъ съ единымъ пастыреначальникомъ Іисусомъ Христомъ, и между собою связуются союзомъ любви и единою правою вѣрою, единствомъ богослуженія и общенія въ таинствахъ, и потому составляютъ единое зданіе, не имѣющее иного основанія, и единое тѣло, не имѣющее иной главы, кромѣ Іисуса Христа. — Еслиже единство Церкви Восточной не столь осязательно, какъ то, коимъ хвалится церковь римская, потому что не привлечено, нарушеніемъ каноновъ церковныхъ, къ единодержавному центру человѣческому; то оно болѣе прочно, потому что болѣе духовно, и болѣе истинно, потому что таково оно было при Апостолахъ и такимъ должно быть по опредѣленію Соборовъ.

Съ утѣшеніемъ, въ заключеніе всего, можемъ сказать, что безпристрастные и изъ западныхъ изслѣдователей исторіи церковной въ новѣйшее время признаютъ, что Церковь Восточная точно имѣетъ на своей сторонѣ всѣ признаки истинной, древней Церкви Христовой, преимущественно предъ всѣми другими обществами христіанскими. Одинъ изъ членовъ англиканскаго исповѣданія, Ниль, посвятившій себя изученію исторіи Восточной Церкви, говоритъ (*): »Римъ не можетъ найти »ни одного признака истинной Церкви, кото»раго бы не имѣлъ востокъ. Апостольское пре»емство? Пій IX не можетъ похвалиться столь »несомнѣннымъ преемствомъ отъ Апостоловъ, »какъ патріархи востока. Неповрежденное уче»ніе? Не нужно быть пророкомъ, чтобы рѣ»шить, въ которомъ изъ двухъ исповѣданій »св. Аѳанасій или св. Левъ нашли бы вѣрнѣе »сохраненнымъ ихъ собственное ученіе. Свя»тость? Двѣнадцать книгъ миней свидѣтель»ствуютъ о ней не менѣе бревіарія. Чудеса? »До нынѣ Восточная Церковь утверждаетъ, »что въ ней чудеса совершаются, и за нихъ »она причитаетъ къ лику святыхъ Мучени»чество? XVIII столѣтіе, немногихъ присоеди»нившее по мѣстамъ къ славному списку за»падныхъ мучениковъ, было полно въ Греціи »и Анатоліи мученическихъ побѣдъ для вос»тока. Характеръ вселенскій? Если судить какъ »должно, то не за Римомъ этотъ характеръ... »Церковь непоколебима въ своихъ началахъ; »и въ этомъ отношеніи восточная вѣтвь ея хра»нитъ свой древній образъ.. Непрерывный »рядъ митрополитовъ и епископовъ сей Церкви »восходитъ до временъ апостольскихъ. Ея до»сточтимыя литургіи представляютъ вѣроуче»ніе неизмѣненное, благочестіе неповрежден»ное. Восточные христіане настоящаго вре»мени приносятъ туже самую жертву, и воз»носятъ тѣже славословія, какими оглашались »церкви во времена Василія великаго, или »Фирмиліана... Каждый членъ символа вѣры »сохраняется въ Восточной Церкви съ вели-

(*) Въ указанномъ выше сочиненіи.

»чайшею точностію... Неизмѣннымъ остается »свидѣтельство сей непоколебимой Церкви и »въ блескѣ и величіи византійской славы, и »въ буряхъ востока въ среднія вѣка, и среди »опустошеній и тираніи турецкаго владычества... Сохраняя неподвижно свои патріаршіе »престолы въ тѣхъ же самыхъ городахъ, въ »которыхъ они находились еще въ то время, »когда, ученики въ первый разъ въ Антіохіи »нарекли себя христіанами, и Іаковъ братъ »Господень оканчивалъ свое поприще въ Іе»русалимѣ, — угнетаемая поклонниками лже»пророка и чтителями идоловъ, Восточная »церковь остается и теперь такою же, какою »была съ самаго начала своего,— многораз»личною въ своихъ учрежденіяхъ и простою »въ своей вѣрѣ, непонятною для чуждыхъ »и удобопонятною для сыновъ своихъ, ши»роко раскинувшею вѣтви свои, жестоко тѣ»снимою врагами, но спокойною и всегда, »какъ она любитъ называть себя, единою, »единственною, святою, соборною и апостольскою.«

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

83) Дѣвственникъ есть тотъ, кто не только тѣло свое хранитъ отъ соитія, но стыдится даже самъ себя, когда наединѣ въ келліи своей чувствуетъ страстное движеніе плоти.

84) Если любишь цѣломудріе,—отгоняй срамные помыслы.

85) Какъ скоро монахъ мужественно и и съ усердіемъ вступаетъ въ брань, ни во что вмѣняя смерть, и съ полнымъ рвеніемъ и жаромъ входитъ въ блаженное безмолвіе, предавъ себя на всякое искушеніе и смерть, и презрѣвши привременную жизнь, міръ и самое тѣло, любви ради Божіей: то самъ Богъ заступаетъ такого монаха и не попускаетъ діаволу даже приблизиться къ нему.—Тогда сей злобный, вдали нѣгдѣ стоя, ожидаетъ времени разслабленія монаха, и какъ скоро онъ хотя мало отвратится отъ памяти о Богѣ и смерти, или станетъ дѣлать что мірское, или позволитъ себѣ шататься внѣ келліи своей.—тотчасъ нападаетъ на него, какъ на овцу заблуждшую, подобно дикому волку, и пожираетъ, и—нѣсть избавляяй!—такъ что, если онъ не обратится тотчасъ опять къ Господу, то погибнетъ въ конецъ.—И это бываетъ не силою діавола, но отъ самаго монаха. Потому, добрая моя сестра, пребывай всегда въ безмолвіи, чтобы Богъ не попустилъ приблизиться къ тебѣ діаволу, раззоряя козни его.—Видя Ангела хранителя благословенной души твоей, онъ — злобный — будетъ убѣгать отъ тебя, благодатію Христовою, какъ отъ огня.— Потому, сколько есть силъ, добрая госпожа моя, внимай хранителю души твоей и не оскорбляй его,—чего не дай Богъ; иначе онъ отступитъ отъ тебя. Когда же отступитъ отъ тебя хранящій тебя Ангелъ святый, за твое нерадѣніе или унынie, тогда — о горе! —ты пойдешь неизбѣжно въ пагубу.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 13-го Іюля 1857 года.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 18.

НЕДѢЛЯ 10 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

4 Августа 1857 г.

Гласъ 1-й.

На утрени евангеліе воскресное 10-е, Іоан. зач. 66. На литургіи: апост. 1 Кор. зач. 131, евангел. Матѳ. зач. 72.

МАТТАФІЯ, СВЯЩЕННИКЪ ІУДЕЙСКІЙ.

Около 175 года предъ Р. Х. взошелъ на Сирійскій престолъ Антіохъ VI, прозванный Епифаномъ, непримиримый врагъ и жесточайшій гонитель подвластныхъ ему іудеевъ. Раздраженный частыми возмущеніями ихъ, навлекшими на нихъ подозрѣніе въ невѣрности, особенно же изъявленною ими радостію при разнесшемся слухѣ о его смерти, онъ обратилъ на нихъ всю свою ярость, и вошедши въ Іерусалимъ съ оружіемъ, въ продолженіи трехъ дней умертвилъ въ немъ 40,000 жителей и столько же продалъ въ рабство; потомъ вошелъ въ храмъ Господень, похитилъ изъ него священные сосуды и прочія сокровища, и съ сею добычею возвратился въ Антіохію. По прошествіи двухъ лѣтъ, подобное убійство и грабежъ повторены были въ Іерусалимѣ, при чемъ лучшія зданія въ немъ сожжены и разорены городскія стѣны. Наконецъ объявлено было царскимъ указомъ, что всѣ іудеи должны исповѣдовать вѣру еллинскую, которую Антіохъ намѣревался сдѣлать общею во всемъ своемъ государствѣ. Тогда храмъ Божій наполнился мерзостями языческими, на олтарѣ поставленъ истуканъ Юпитера олимпійскаго, священныя книги преданы огню, и всѣмъ іудеямъ, подъ опасеніемъ мучительныхъ казней, повелѣно было приносить жертвы идоламъ. Многіе изъ нихъ, вынужденные необходимостію, покорились царской волѣ безъ сопротивленія, другіе, какъ напримѣръ семь братьевъ Маккавеевъ съ матерію своею (*), предпочли смертную казнь вѣроотступничеству, а нѣкоторые убѣжали въ гористыя мѣста, чтобы спастись отъ жестокости гонителя (1 Мак. 1, 10. 20—24. 29—32. 41—64).

Въ числѣ убѣжавшихъ изъ опустошеннаго Іерусалима находился Маттафія, сынъ Іоанновъ,

(*) Память ихъ празднуется Церковію 1 Августа.

священникъ изъ чреды Іоарива, родоначальникъ знаменитаго племени Асмонеевъ, иначе называемыхъ Маккавеями. Онъ имѣлъ пятерыхъ сыновей: Іоанна, Симона, Іуду, Елеазара и Іонаѳана. Будучи свидѣтелемъ осквернения храма Господня и притѣсненія іудеевъ, этотъ благочестивый мужъ удалился съ семействомъ своимъ въ отечественный городъ Модинъ, находившійся въ колѣнѣ Дановомъ, и тамъ оплакивалъ бѣдствія своихъ единоплеменниковъ. »Горе мнѣ!—такъ выражалъ онъ свою скорбь; — для того ли я родился, чтобы видѣть сокрушеніе людей моихъ и разореніе святаго града, и чтобы жить здѣсь покойно въ то время, когда онъ находится во власти враговъ и святыня его въ рукахъ чуждыхъ? Храмъ его преданъ поруганію; сосуды похищены, младенцы побиты на стогнахъ и юноши пали отъ меча вражескаго. Какой народъ не господствовалъ въ царствѣ его и не пользовался отъ него добычами? Все достояніе его взято и онъ, вмѣсто свободы, подвергся рабству; язычники осквернили нашу святыню и попрали наше величіе и славу. За чѣмъ же еще намъ жить?« Отъ горести Маттафія и сыновья его растерзали свои одежды, облеклись во вретища и горько плакали (1 Мак. 2, 1—14).

Между тѣмъ прибыли въ Модинъ царскіе гонцы, для принужденія убѣжавшихъ въ этотъ городъ іудеевъ къ отступленію отъ вѣры и жертвоприношенію идоламъ. Многіе изъ нихъ исполнили повелѣніе Антіоха и присоединились къ идолопоклонникамъ; но Маттаѳія и сыновья его остались непреклонными, не смотря ни на угрозы, ни на обѣщанія. Посланные, отъ царя, зная, что примѣръ этой священнической фамиліи можетъ и другихъ побудить къ покорности, обратились къ представителю ея слѣдующими убѣжденіями: »Ты главный и знаменитѣйшій въ семъ городѣ, а твое семейство еще болѣе увеличиваетъ славу твою. И такъ ты первый покажи примѣръ и исполни повелѣніе царское, какъ исполнили его всѣ народы, и въ томъ числѣ іудеи и жители Іерусалима. Ты и сыновья твои сдѣлаетесь друзьями царя и будете щедро награждены отъ него серебромъ, золотомъ и другими разными дарами«. Неустрашимый Маттаѳія смѣло и велегласно отвѣчалъ имъ: »еслибы даже всѣ народы, подчиненные царю вашему, исполнили требованіе его и отступили отъ вѣры предковъ своихъ; то я, мои сыновья и братья останемся вѣрны закону отцовъ нашихъ. Да сохранитъ насъ Богъ отъ пренебреженія заповѣдей и оправданій Его. Мы не станемъ повиноваться повелѣнію царскому, требующему, чтобы мы оставили прежнее наше богослуженіе, и не уклонимся отъ пути, по которому шли доселѣ« (2, 15—22).

Едва онъ окончилъ сіи слова, какъ одинъ іудеянинъ всенародно приступилъ къ жертвоприношенію въ капищѣ, находившемся въ Модинѣ. При видѣ такого нечестія, раздраженный Маттаѳія затрепеталъ отъ сильнаго гнѣва и воспламенился святою ревностію по вѣрѣ. Онъ поразилъ богоотступника мечемъ, по примѣру предка своего Финееса, убилъ посланника Антіохова, принуждавшаго къ идолопоклонству, разорилъ самое капище; потомъ, обратившись къ жителямъ города, громогласно вскричалъ: »слѣдуйте за мною, ревнители закона и всѣ хранящіе завѣтъ«. Послѣ этого воззванія онъ убѣжалъ въ горы съ сыновьями своими, оставивши въ Модинѣ все свое имущество. Тогда многіе, желавшіе сохранить свои права и народность, для избѣжанія угрожавшихъ имъ бѣдствій удалились въ пустыню вмѣстѣ съ своими женами, дѣтьми и стадами. Вслѣдъ за симъ Антіоховы полководцы и воины, занимавшіе Іерусалимъ, узнавъ, что нѣкоторые іудеи, отказавшіеся повиноваться повелѣнію царскому, искали убѣжища въ сокровен-

ныхъ мѣстахъ пустыни, устремились туда за ними съ оружіемъ въ рукахъ, настигли ихъ и рѣшились сдѣлать на нихъ нападеніе въ день субботный. Они говорили имъ: »перестаньте сопротивляться и выходите изъ своихъ пещеръ, покоритесь требованію царя и вамъ будетъ дарована жизнь«. »Мы не выйдемъ, — возразили вѣрные блюстители закона, — и не осквернимъ дня субботнаго исполненіемъ воли царевой«. Когда воины напали на нихъ, то они не противодѣйствовали имъ, не защищались противъ нихъ ничѣмъ и даже не заградили входа въ тайныя убѣжища свои. »Мы всѣ умремъ невинно,— сказали они; — призываемъ въ свидѣтели небо и землю, что вы беззаконно погубляете насъ«. Ни одинъ изъ нихъ не рѣшился нарушить дня покоя, но всѣ съ женами и дѣтьми своими, числомъ до тысячи душъ, безпрепятственно позволили умертвить себя (2, 23—38).

При извѣстіи объ этомъ несчастномъ происшествіи, Маттафія и друзья его крайне опечалились и горько оплакивали погибель убіенныхъ братій своихъ. Потомъ они вошли въ совѣщаніе между собою и говорили одинъ другому: »если мы всѣ будемъ поступать такъ, какъ поступили братія наши, и не станемъ ополчаться противъ язычниковъ для защищенія нашей жизни и свободы, то враги скоро изгладятъ наше имя съ лица земли« Размысливъ объ этомъ, они положили общимъ совѣтомъ: допустить необходимое исключеніе изъ закона о субботѣ и, какой бы врагъ ни нападалъ на нихъ въ этотъ день, сражаться съ нимъ, дабы не погибнуть имъ всѣмъ, какъ погибли беззащитные братія ихъ въ пустынномъ пристанищѣ своемъ. Между тѣмъ въ станъ Маттафіи и сыновъ его собирались убѣжавшіе отъ преслѣдованія мужественные и преданные закону іудеи, которые присоединялись къ нимъ и увеличивали военную силу ихъ. Составившееся такимъ образомъ ополченіе, подъ предводительствомъ старѣйшинъ своихъ, нападало на беззаконныхъ и отступниковъ и умерщвляло ихъ, или принуждало спасаться бѣгствомъ въ языческія области. Преслѣдуя ихъ, Маттафія и друзья его на пути разрушали идольскія капища и обрѣзывали отроковъ іудейскихъ, которые не были еще обрѣзаны. Наконецъ они успѣли изгнать гордыхъ враговъ своихъ и счастливо совершили начатое дѣло: предохранили законъ свой отъ попранія язычниковъ и не допустили нечестиваго царя поругаться надъ нимъ (2, 39—48).

Постоянные труды и разныя огорченія въ преклонныхъ лѣтахъ ослабили тѣлесныя силы благочестиваго Маттафіи. Чувствуя приближеніе смерти, онъ созвалъ своихъ сыновей и далъ имъ послѣднее отеческое наставленіе. »Нынѣ укрѣпилось царство гордости,— говорилъ онъ,—и настало время наказанія, разрушенія и гнѣва. По этому, дѣти мои, будьте ревностны къ закону и готовы положить животъ свой за завѣтъ отцовъ нашихъ. Вспоминайте дѣла ихъ, и чрезъ подражаніе имъ вы можете снискать себѣ великую славу и безсмертное имя. Вспомните, что Авраамъ явилъ вѣру свою среди искушеній и что это было вмѣнено ему въ оправданіе; Іосифъ въ самыхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ сохраненіемъ заповѣдей достигъ того, что сдѣлался повелителемъ Египта; отецъ нашъ Финеесъ получилъ обѣтованіе вѣчнаго священства послѣ того, какъ показалъ пламенную ревность къ закону; Іисусъ сдѣлался вождемъ Израильтянъ потому, что исполнялъ повелѣнія Господни; Халевъ удостоился наслѣдія земли обѣтованной за свидѣтельство предъ собраніемъ народа Божія; кротость Давида доставила царскій престолъ ему и потомству его во вѣкъ вѣка; Илія взятъ былъ на небо за ревность въ исполненіи закона; три отрока—Ананія, Азарія

и Мисаилъ вѣрою спасены были среди пламени; простота сердца сохранила Даніила во рвѣ львиномъ. Такимъ образомъ разсматривая всѣ роды и поколенія, вы увидите, что уповающіе на Господа никогда не были оставлены. Не страшитесь угрозъ человѣка грѣшнаго, потому что слава его суетна и ненадежна,—нынѣ возвышается, а завтра исчезнетъ, замыслы его уничтожатся, и самъ онъ обратится въ землю, изъ которой произшелъ. Будьте великодушны, дѣти мои, и утверждайтесь въ законѣ, который одинъ можетъ прославитъ васъ. Знаю, что братъ вашъ Симонъ отличается мудростію въ совѣтахъ; по этому слушайте его во всемъ, и онъ заступитъ у васъ мѣсто отца, а Іуда, мужественный отъ юности своей, будетъ вашимъ военачальникомъ и вождемъ въ сраженіяхъ съ врагами. Призовите къ себѣ всѣхъ ревнителей вѣры и отмстите за народъ свой; воздадите мзду язычникамъ и храните заповѣди, предписанныя въ законѣ». Послѣ этого Маттафія благословилъ дѣтей и приложился къ отцамъ своимъ. Онъ умеръ въ 146 году эры Селевкидовъ, или за 166 лѣтъ до Р. Х. Сыновья погребли его въ Модинѣ, въ гробницѣ его предковъ, и всѣ Израильтяне неутѣшно оплакивали его (2, 49—70).

ПИСЬМО 1-е О ПРАЗДНОВАНІИ ВОСКРЕСНАГО ДНЯ.

Справедливо замѣчаешь ты, люб. другъ, что пренебреженіе дня Господня, примѣчаемое между христіанами день ото дня все болѣе и болѣе, можетъ служить мѣриломъ упадка вѣры. Гдѣ искать причинъ этого пренебреженія?... Мнѣ кажется — столько же въ невѣдѣніи священной важности седьмаго дня, сколько и въ превратномъ пониманіи того покоя, который заповѣданъ вмѣстѣ съ празднованіемъ его. Оба эти обстоятельства, по моему мнѣнію, такъ важны въ жизни христіанина, что не могутъ не останавливать на себѣ вниманія всякаго вѣрнаго сына Церкви. Вотъ почему, исполняя желаніе твое, я хочу изложить нѣкоторыя мысли мои объ этомъ предметѣ, имѣя въ виду при этомъ не столько наставлять просвѣщенную опытность твою, сколько изложить полноту собственныхъ моихъ убѣжденій.

Святая Церковь налагаетъ на вѣрующихъ обязанность праздновать день воскресный на основаніи слова Божія, заповѣдавшаго празднованіе седьмаго дня вообще и дня воскреснаго въ частности.—Въ ветхомъ завѣтѣ представляется вниманію христіанина двукратное освященіе самимъ Богомъ седьмаго дня: одно, какъ основаніе и примѣръ для всеобщаго постояннаго празднованія его, другое, какъ заповѣдь. *И почи*, говорится въ книгѣ Бытія, *Господь Богъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже сотвори, и благослови Богъ день седьмый, и освяти его, яко въ той почи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже начатъ Богъ творити* (2, 2. 3). Здѣсь, во-первыхъ, Богъ побуждаетъ человѣка праздновать день седьмый своимъ примѣромъ: *и почи*; далѣе—учитъ, какъ онъ долженъ праздновать: *и освяти*. День этотъ, какъ ознаменованный покоемъ Божіимъ, долженъ напоминать человѣку все великое дѣло Божіе, явившееся въ твореніи міра, и всѣ щедроты Божіи, обильно изліянныя на человѣка, и особенно тотъ даръ превосходяй всякъ умъ, что Богъ, сотворившій человѣка, Самъ почилъ въ немъ образомъ и подобіемъ своимъ. Получивъ бытіе и все отъ Бога, человѣкъ, безъ сомнѣнія, благодарилъ и прославлялъ Творца сво-

его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наслаждался самымъ живымъ общеніемъ съ Нимъ; а это и составляетъ какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю сторону празднованія. Далѣе, число дней творенія стало для человѣка руководствомъ къ счисленію времени (1); почему седьмой день недѣли всегда напоминалъ человѣку о покоѣ Божіемъ и обязывалъ его къ славословію и благодаренію Бога.

Празднованіе его еще болѣе стало священнымъ для человѣка падшаго, обреченнаго на тяжкіе труды земледѣланія, и передавалось преемственно отъ отца къ дѣтямъ, жившимъ до и послѣ потопа, какъ священный завѣтъ предковъ и установленіе Божіе: ибо изъ св. Писанія извѣстно, что патріархи, жившіе до и послѣ потопа, счисляли дни седмицами (Быт. 8, 10—12. 29, 27), – даже извѣстно, что потомки Іакова праздновали субботу еще до Синайскаго законодательства (Исх. 16, 30). Моисей, при которомъ явилась положительная заповѣдь о субботѣ, нигдѣ не называетъ ее установленіемъ новымъ; напротивъ, изъ самого выраженія заповѣди о субботѣ: *помни день субботный*—видно, что онъ только облекаетъ силою положительнаго закона то, что уже существовало и извѣстно было въ народѣ.— Прибавимъ къ сему, что есть ясные слѣды существованія субботы, чрезъ преданіе, у самыхъ древнихъ народовъ. Достовѣрно извѣстно, что всѣ древнѣйшіе народы семитическаго племени, каковы: ассиріане, вавилоняне, индусы и другіе, праздновали день седьмой. Это празднованіе извѣстно было у китайцевъ, чуждыхъ всякаго общенія не только съ Евреями, но и со всѣми народами древняго міра. Не говорю уже объ арабахъ, заимствовавшихъ его вѣроятно отъ Исмаила. Какимъ же образомъ могло явиться у всѣхъ сихъ народовъ празднованіе сего дня, и почему именно седьмой, а не какой либо другой день недѣли они праздновали (2)? Ясно, что подобно другимъ истинамъ вѣры, оно перешло къ нимъ и сохранилось чрезъ преданіе.

Нельзя однакожъ не видѣть, что празднованіе субботы въ дозаконныя времена не всѣми потомками Авраама исполняемо было такъ, какъ бы слѣдовало, потому что съ явленіемъ закона представляется также особенная заповѣдь о субботѣ, и для прекращенія преступленія ея полагается смертная казнь нарушителю субботы. Мало того: заповѣдь о храненіи субботы представляется такъ важною, что находится въ числѣ десяти, данныхъ Моисею Богомъ на горѣ. Основаніемъ для празднованія ея, въ отношеніи къ евреямъ, свящ. Бытописатель полагаетъ 1) то, что Богъ почилъ въ сей день отъ дѣлъ своихъ, 2) необходимость покоя какъ для человѣка, такъ и для животныхъ, раздѣляющихъ его тяжкіе труды (Исх. 20, 10). 3) благодарность израильтянъ Господу за освобожденіе ихъ отъ работы египетской (Втор. 5, 15), и наконецъ 4) то, что суббота была завѣтомъ между Богомъ и Его избраннымъ народомъ (Исх. 15, 13. 16); почему, всякій нарушитель субботы, какъ нарушитель завѣта, наказывался смертію (Исх. 21, 14. 15).

Строгость мѣръ противъ нарушителей

(1) Начало празднованія седьмаго дня нѣкоторые стараются вывесть изъ счисленія дней луннаго мѣсяца, заключающаго въ себѣ около 29 дней. Но изъ 29 дневнаго счисленія трудно вывести седмичное, потому что оно не дѣлится на 7 безъ остатка; а выводить изъ него празднованіе седьмаго дня совсѣмъ невозможно, потому что оно не даетъ никакого основанія для празднованія. По какому же правилу такое мѣсячное дѣленіе должно быть началомъ празднованія? Другіе этимъ послѣднимъ почитаютъ какое-то суевѣрное у древнихъ почтеніе къ числу 7, замѣчаемое у звѣздопоклонниковъ и перешедшее къ Пивагору; но если и дѣйствительно было такое почтеніе, то оно, какъ суевѣрное, не можетъ быть признано исходнымъ началомъ освященія дня; напротивъ, само нуждается еще въ объясненіи своего происхожденія.

(2) Празднованіе седьмаго дня у всѣхъ этихъ народовъ доказано Госпиніаномъ въ ученомъ его сочиненіи: de festis Iudæorum et Ethnicorum.

субботы была причиною того, что празднованіе ея было строго соблюдаемо не только при Моисеѣ, но и во всѣ послѣдующія времена. Маккавеямъ стоило немалаго труда издать, по мнѣнію Іудеевъ, новый законъ, которымъ допускалось нарушеніе субботняго покоя въ случаѣ нападенія враговъ. Пріученные издавна къ буквальному исполненію закона, іудеи съ тою же ревностію исполняли заповѣдь о субботѣ даже и тогда, когда далеко отстали отъ чистоты вѣры отцевъ своихъ. Не понимая духа Писанія *и силы благочестія отвергшеся*, они обременили законъ о субботѣ множествомъ частныхъ постановленій, касающихся буквы, а не духа закона, и измѣнили смыслъ празднованія ея. Почему, во время земной жизни Іисуса Христа, они не разъ упрекали Его, какъ въ нарушеніи субботы, въ тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя Онъ оказывалъ страждущимъ, не обращая вниманія на то, что Господь объявлялъ себя Господомъ и субботы.

Но превратное празднованіе субботы у іудеевъ не послужило поводомъ отмѣненію празднованія седмаго дня; напротивъ, празднованіе это получило большую чистоту и святость, когда новый завѣтъ, дарованный Богомъ чрезъ Іисуса Христа, далъ человѣкамъ новое празднованіе въ днѣ воскресномъ, замѣнившемъ ветхозавѣтную субботу.

Касательно празднованія воскреснаго дня въ христіанской Церкви есть два мнѣнія: одни говорятъ, что первые послѣдователи Христовы праздновали и день субботный и день недѣльный, и такимъ образомъ у нихъ было два постоянныхъ праздника въ одну и туже седмицу. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, будто суббота и недѣля имѣли одинаковую важность для учениковъ Христовыхъ, напротивъ видно, что еще при жизни Апостоловъ суббота уступила свое мѣсто дню воскресному: иначе не для чего было праздновать субботу и недѣлю вмѣстѣ. Если же св. Апостолы не отвергали и празднованія субботы; то это частію изъ уваженія къ самой субботѣ, какъ дню покоя Божія, частію по необходимости проповѣдать слово спасенія въ храмѣ и синагогахъ іудейскихъ, наиболѣе посѣщаемыхъ въ субботу, а болѣе всего—изъ снисхожденія къ іудеямъ, обратившимся ко Христу и не перестававшимъ питать благоговѣйнаго уваженія къ обрядовому закону. Но когда надежда на присоединеніе іудеевъ къ Церкви, по ихъ упорству, осталась тщетною, а между тѣмъ Богъ отверзъ дверь вѣры язычникамъ: то сыны Церкви, удержавъ благоговѣйное воспоминаніе субботы, какъ дня покоя Божія, съ большимъ усердіемъ стали воспоминать и праздновать день обновленія рода человѣческаго смертію и воскресеніемъ Господа нашего.

Другіе празднованіе воскреснаго дня считаютъ установленіемъ мужей апостольскихъ, а не самыхъ Апостоловъ, и тѣмъ отвергаютъ его божественное происхожденіе (3). Правда, въ Евангеліи нигдѣ не упоминается о празднованіи воскреснаго дня, и не упоминается потому, что въ четвероевангеліи изображаются земная жизнь и дѣла Іисуса Христа, и при томъ преимущественно до воскресенія Его, прежде котораго не было причины къ установленію сего празднованія Но въ дѣяніяхъ и посланіяхъ апостольскихъ, хотя тоже не говорится буквально о празднованіи воскреснаго дня: однакожъ есть признаки, по которымъ съ достовѣрностію можно заключать, что св. Апостолы и сами праздновали день Господень и другихъ научали тому же. Первое видно изъ Дѣяній апост. (2, 1.), гдѣ говорится о единодушной молитвѣ вѣрующихъ, предварившей сошествіе Св. Духа на Апостоловъ; а

(3) Мнѣніе церк. ист. Сократа кн. V. гл. 22. Христ. Чт. 1850 года.

сошествіе Св. Духа, какъ по ученію православной Церкви, такъ и по свидѣтелгству древнѣйшихъ писателей, было въ день воскресный (4). Равнымъ образомъ, св. Іоаннъ Богословъ говоритъ о себѣ: *и быхъ въ дусѣ въ день недѣльный* (Апок. 1, 10); а съ наитіемъ Св. Духа необходимо предположить молитву, какъ силу низводящую Духа Божія въ сердца наши. Болѣе частный признакъ празднованія въ апостольскія времена воскреснаго дня можно видѣть въ Дѣяніяхъ апостольскихъ (20, 7), гдѣ говорится о преломленіи вѣрными хлѣба въ день называемый единымъ отъ субботъ, или, что тоже, о совершеніи Евхаристіи и пріобщеніи вѣрныхъ Тѣла и Крови Христовой, что какъ во времена апостольскія, такъ и при мужахъ апостольскихъ было непремѣнною принадлежностію празднованія вообще и дня воскреснаго въ частности.

Но Апостолы не только сами праздновали день воскресный, а и установили праздновать оный во всей Церкви, какъ видно частію изъ св. Писанія, болѣе же всего изъ свидѣтельства отцевъ и исторіи Церкви.—Въ св. Писаніи есть одно только мѣсто, которое можетъ быть принято, какъ наставленіе Апостола о празднованіи воскреснаго дня, и — наставленіе притомъ непрямое, а только опредѣляющее одно изъ частныхъ правилъ поведенія христіанъ въ день воскресный. Оно читается въ 1 посланіи къ Коринѳянамъ: *по единѣй отъ субботъ кійждо васъ да полагаетъ у себе, сохраняя еже аще что благопоспѣшится* (16, 2). Сими словами, по согласному толкованію писателей, Апостолъ требуетъ отъ Коринѳскихъ христіанъ дѣлъ милосердія и любви къ ближнимъ въ день воскресный. Болѣе ясная и опредѣленная заповѣдь апостольская о празднованіи его читается въ 9 Апостольскомъ правилѣ, которое обязываетъ всѣхъ христіанъ не только приходить къ богослуженію въ день воскресный, но и благоговѣйно стоять въ храмѣ Господнемъ. Св. Климентъ, ученикъ Апостоловъ, въ книгѣ своей объ іерархіи прямо говоритъ: »мы получили отъ Апостоловъ преданіе о празднованія каждаго воскреснаго дня (5)«.

Если отъ сихъ свидѣтельствъ обратиться къ практикѣ Церкви: то намъ представится непрерывный рядъ отеческихъ и другихъ свидѣтельствъ о празднованіи воскреснаго дня съ самыхъ первыхъ временъ Церкви. Древнѣйшее изъ нихъ находимъ у самаго перваго, по времени, отца Церкви—св. Апостола Варнавы (6), потомъ у Климента, пастыря римской церкви и наставника коринѳской, у св. Игнатія Богоносца (7), св. Іустина (8) Ѳеофила александрійскаго, Тертулліана (9) и друг. Всѣ эти писатели жили въ разныхъ странахъ и были наставниками разныхъ церквей въ Европѣ, Азіи и Африкѣ. Откуда же такое всеобщее, повсемственное празднованіе воскреснаго дня у христіанъ втораго вѣка, если не отъ Апостоловъ, которые и словомъ и примѣромъ научили вѣрующихъ праздновать день воскресный въ каждой седмицѣ?... Прибавимъ къ сему свидѣтельство Плинія язычника, который въ письмѣ къ императору Траяну описываетъ празднованіе воскреснаго дня, какъ обычай всеобщій и долгъ всякаго христіанина (10).

Наконецъ не малымъ подтвержденіемъ празднованія воскреснаго дня въ первыхъ трехъ вѣкахъ христіанства служитъ преніе о времени

(4) Объ этомъ свидѣтельствуютъ Constitut. Apostol. cap. ultim lib. V. также блаж. Августинъ serm. de tempor. 154.

(5) Ab. Apostolis traditur omnem dominicam celebrandam esse. De Ier. c. 15. (6) Ep. V, 15. (7) Epist. ad Magnes. c. 6. (8) Апологг. 87 и 89. (9) Апологг. 16 и de fuga in. persec. 13. (10) Plin. lib. X. epist 117.

празднованія Пасхи, бывшее въ концѣ 2-го вѣка между западными и восточными христіанами. На соборѣ, бывшемъ по этому случаю въ Ефесѣ, св. отцы не только утверждаютъ празднованіе воскреснаго дня, но и богословствуютъ о причинахъ празднованія его во вселенской Церкви. Основная мысль св. отцовъ сего собора та, что въ день недѣльный воскресъ изъ мертвыхъ Спаситель нашъ, и потому этотъ день есть живое и всегдашнее напоминаніе самой отрадной для насъ истины воскресенія, а съ нимъ и всѣхъ даровъ Божіихъ, полученныхъ нами силою того же воскресенія.

Другое основаніе для празднованія воскреснаго дня св. отцы находятъ въ сравненіи благъ, дарованныхъ воскресеніемъ, съ благами ветхозавѣтной субботы, именно: а) суббота воспоминаетъ твореніе міра и промышленіе о немъ, за которыя человѣкъ долженъ благодарить и прославлять Бога; но день воскресный воспоминаетъ столь же великое дѣло Божіе — возсозданіе міра въ падшемъ человѣкѣ. б) Суббота была знаменіемъ завѣта Божія съ народомъ еврейскимъ и воспоминаніемъ благодѣяній Божіихъ, оказанныхъ ему чрезъ изведеніе изъ рабства египетскаго и чудесное спасеніе отъ Фараона; а воскресеніе Господне наилучшимъ образомъ подтвердило новый завѣтъ Бога съ человѣкомъ и свободило не одинъ израильскій народъ, и не отъ внѣшняго рабства и жестоковыйнаго Фараона и силы его, могущей убить только тѣло человѣка, но отъ рабства грѣха, проклятія и смерти и разрушило царство, власть и силу діавола губителя душъ. — Въ семъ же смыслѣ учитъ и св. Іоаннъ Златоустъ: »основаніемъ субботы, говоритъ онъ, было благо временное — освобожденіе израильскаго народа отъ работы египетской; а основаніемъ воскреснаго дня есть благо вѣчное — освобожденіе всего рода человѣческаго отъ рабства грѣху и смерти. — Помнить благо временное давно прошедшее — трудно; не помнить благодѣянія вѣчнаго, всегда ощущаемаго — невозможно« (11).

Послѣ всего этого несомнѣннымъ остается, что празднованіе воскреснаго дня получило свое начало отъ святыхъ Апостоловъ, устроявшихъ Церковь Христову по особенному внушенію Духа Божія, и что, слѣдовательно, нельзя не признать божественнаго его происхожденія. Въ этомъ смыслѣ св. Аѳанасій говоритъ: »у древняго человѣка въ великомъ почтеніи находилась суббота, но это празднованіе Господь перенесъ на день воскресный« (12). Вотъ почему св. Церковь, принявшая ученіе о празднованіи воскреснаго дня отъ Апостоловъ не какъ слово человѣческое, но какъ во истину слово Божіе, не только сдѣлала его непремѣнною обязанностію всѣхъ своихъ членовъ, но сообщила, какъ законъ, тѣмъ гражданскимъ обществамъ, гдѣ просіялъ свѣтъ вѣры Христовой.

---

(11) Слов. на пасху. Хр. Чт. 1827 ч. 26.
(12) Бесѣд. о сѣятелѣ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 18-го Іюля 1857 года.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 19.

НЕДѢЛЯ 11 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

11 Августа 1857 г.

Гласъ 2-й.

На утрени евангеліе воскресное 11-е, Іоан. зач. 67. На литургіи: апост. 1 Кор. зач. 141, евангел. Матѳ. зач. 77.

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА, ПАПЫ РИМСКАГО,

о

томъ, какъ научать совершающихъ худыя дѣла втайнѣ, а добрыя явно и тѣхъ, кои скрывая добрыя дѣла свои, нѣкоторыми своими поступками подаютъ другимъ поводъ думать о себѣ худо. (*).

Иначе должны быть поучаемы тѣ, которые совершаютъ худыя дѣла втайнѣ, а добрыя явно, и иначе — тѣ, которыя добрыя дѣла свои скрываютъ, а между тѣмъ нѣкоторыми своими поступками подаютъ поводъ другимъ думать о нихъ худо. Дѣлающимъ зло тайно, а добро предъ глазами всѣхъ, должно сказать, чтобы они размыслили, какъ перемѣнчивы сужденія людей, и какъ, напротивъ, неизмѣненъ судъ Божій. Пусть они обратятъ взоръ свой на конецъ дѣла: одобреніе и выгодное мнѣніе людей прекращается, а судъ Божій, предъ которымъ открыты всѣ тайны наши, возрастаетъ въ нескончаемое воздаяніе. Такъ, если они зло совершаютъ предъ лицемъ Бога сердцевѣдца, а добро предъ глазами людей; то добро, дѣлаемое открыто, остается безъ свидѣтеля, а зло тайное — не безъ свидѣтеля. Итакъ, скрывая отъ людей свои преступленія, и открывая предъ ними свои заслуги, они, и стараясь утаить, объявляютъ то, за что должны быть наказаны, и съ другой стороны, усиливаясь открыть, скрываютъ то, за что имъ назначена награда. Кому уподобляетъ Господь таковыхъ людей? *Подобитеся*, — говоритъ Онъ фарисеямъ лицемѣрамъ, — *подобитеся гробомъ повапленнымъ, иже вонь уду убо являются красны, внутрь уду же полни суть костей мертвыхъ и всякія нечистоты: тако и*

(*) Regul. pastoral. p. III. c. XXXV.

вы, внѣ уду убо являетеся человѣкомъ праведни, внутрь уду же есте полни лицемѣрія и беззаконія (Матѳ. 23, 27. 28). Должно убѣдить ихъ не унижать своихъ добрыхъ дѣлъ, а напротивъ вѣрить, что они достойны лучшей награды. Ибо, если они за доброе дѣло ищутъ только человѣческой похвалы, то продаютъ за ничтожную цѣну то, что стоитъ вѣчной награды. О семъ то говоритъ Господь: *аминь глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою* (Матѳ. 6, 5). Пусть помыслятъ, что, будучи сами въ себѣ злы, а между тѣмъ представляя примѣры добра, они показываютъ, что должно слѣдовать тому, чего они избѣгаютъ, и объявляютъ во всеуслышаніе, что должно любить то, что они ненавидятъ,—живутъ для другихъ, а для себя умираютъ.—Обратимся къ тѣмъ, которые въ тайнѣ творятъ добро, а между тѣмъ нѣкоторыми явными дѣлами своими допускаютъ худо думать о себѣ. Должно поучать ихъ, чтобы они ближнихъ любили столько же, сколько любятъ себя; чтобы, оживляя себя силою дорыхъ дѣлъ, не убивали ближнихъ худымъ примѣромъ,—принимая спасительное питіе, не изливали яда для другихъ, взирающихъ на нихъ. Скрывая добрыя дѣла и показывая худыя поступки, они не содѣйствуютъ жизни однихъ и отягощаютъ жизнь другихъ. Кто скрываетъ доброе дѣло, тотъ, хотя и попираетъ славолюбіе, однакожъ показываетъ лукавство и погрѣшаетъ въ назиданіи ближнихъ: не являя своихъ добрыхъ дѣлъ, онъ какъ бы бросаетъ сѣмя, но въ тоже время отнимаетъ у него корни, необходимые для произращенія онаго,—ибо скрываетъ то, чему должны другіе подражать. Въ Писаніи сказано: *да видятъ ваша добрая дѣла, и прославлятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Матѳ. 5, 16), хотя тамъ же дается, по видимому, совсѣмъ иное наставленіе: *внемлите милостыни вашея не творити предъ человѣки, да видими будете ими* (Матѳ. 6, 1). Что же значитъ это? Какъ понимать сіи наставленія, когда намъ повелѣвается добрыя дѣла и творить и не творить *предъ человѣки?* Это значитъ, что мы должны и скрывать доброе дѣло, чтобы не получать за него похвалъ отъ людей, и являть его для того, чтобы прославлять Отца небеснаго. Ибо Господь, повелѣвая скрывать добрыя дѣла отъ людей, прибавляетъ: *да видими будете ими*; а повелѣвая открыто творить добро, Онъ говоритъ: *да прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ.* Итакъ здѣсь главное — цѣль, когда дѣлающій не усиливается показывать свои дѣла для пріобрѣтенія себѣ славы, но и не скрываетъ ихъ, когда дѣло идетъ о славѣ Божіей. Отсюда происходитъ, что доброе дѣло и остается втайнѣ тогда, когда оно творится явно, и, съ другой стороны, бываетъ явно, когда творится втайнѣ. Ибо кто въ явно совершаемомъ дѣлѣ ищетъ славы не своей, а Отца небеснаго, того дѣло остается втайнѣ: ибо онъ имѣетъ свидѣтелемъ одного только Того, которому онъ желаетъ благоугодить. Если же кто, творя добро втайнѣ, хочетъ пріобрѣсть похвалу; то хотя бы дѣла его и никто не видѣлъ, однакожъ оно творится *предъ человѣки*, потому что дѣлающій всегда имѣетъ въ виду столько свидѣтелей, сколькихъ похвалъ ищетъ онъ—въ сердцѣ своемъ. Худое мнѣніе о какомъ-нибудь поступкѣ, хотя бы сей поступокъ и не былъ грѣховенъ, имѣетъ всегда силу и для слабыхъ служитъ соблазномъ. Посему, и не грѣша сами, мы можемъ грѣшить въ лицѣ тѣхъ, которые подражаютъ намъ. Апостолъ Павелъ тѣмъ, которые, вкушая осквернѣнное, хотя не оскверняются, но соблазняютъ немощныхъ, говоритъ: *блюдите, да не како власть ваша сія преткновеніе будетъ немощнымъ* (1 Кор. 8, 9); и далѣе: *и погибнетъ немощный братъ въ*

твоемъ разумѣ, егоже ради Христосъ умре. Такожде согрѣшающе въ братію, и біюще совѣсть ихъ немощну сущу, во Христа согрѣшаете (—11, 12).

СЛОВО

НА ИЗБРАНІЕ СУДЕЙ.

Господи, кто обитаетъ въ жилищи твоемъ? или кто вселится во святую гору твою? Ходяй непороченъ и дѣлаяй правду, глаголяй истину въ сердцы своемъ (Псал. 14, 1. 2).

Такъ изображаетъ богодухновенный Давидъ мужей, достойныхъ блаженнаго общенія съ Богомъ, изображаетъ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы по образу, имъ начертанному, жили и множились лучшіе граждане его царства израильскаго. Имъ обѣщаетъ онъ и непоколебимое счастіе: *творяй сія*, говоритъ, *не подвижется во вѣкъ* (—5).

Не таковыхъ ли доблихъ сыновъ отечества взыскуетъ и нашъ Благочестивѣйшій Государь? Ихъ, въ настоящемъ случаѣ провидитъ Онъ въ васъ, благородные мужи и вамъ же поручаетъ отдѣлить изъ среды себя на особенныя служенія общественныя, во благо любезныхъ подданныхъ Его въ здѣшнемъ краѣ.

Итакъ, почтеннѣйшее сословіе, позвольте служителю слова Божія воспомянуть нынѣ слова Царя—Пророка и сказать вамъ: *ходяй непороченъ и дѣлаяй правду, глаголяй истину въ сердцы своемъ* — таковъ долженъ быть тотъ, кто удостоится вашей особенной довѣренности и почетнаго избранія!

Кто, по выраженію святаго Царя, *ходитъ непороченъ*? Тотъ, кто, по его же словамъ, *ходитъ въ законѣ Господни* (Пс. 118, 1), то есть, кто во всемъ руководствуется страхомъ Божіимъ; ибо сей только страхъ *отрѣляетъ грѣхи* (Сир. 1, 21), свято хранитъ законъ Господень и служитъ началомъ всякой добродѣтели. Безъ сего священнаго страха, что можетъ отвратить человѣка отъ неправды, что удержитъ его на пути закона среди суеты и обольщеній въ мірѣ? Когда нѣтъ этого страха, то и великій умъ столько унижается, омрачаемый страстями, что дѣлается слѣпымъ рабомъ ихъ, и малый умъ бываетъ столько хитръ и дерзокъ, что умѣетъ прикрывать себя личиною законности въ дѣлахъ самыхъ беззаконныхъ. Такъ, по истинѣ, только непорочный въ пути, ходяй страхомъ Божіимъ въ законѣ Господни, словомъ—человѣкъ богобоязненный есть мужъ благонадежный для общественнаго служенія, вѣрный Богу есть и вѣрный служитель Царю и отечеству.

Другой признакъ лучшаго сына отечества—*дѣланіе правды*. Это уже нѣчто болѣе непорочности. Непорочный въ жизни чистъ отъ дѣлъ неправды; дѣлающій правду не только любитъ ее, но и всѣ силы свои посвящаетъ на служеніе ей. Ибо что значитъ, по слову св. Давида, *дѣлать правду*? Въ Писаніи *правда* часто означаетъ всякую добродѣтель, и благотворитель людей, человѣкъ милостивый, именуется праведнымъ (Псал. 36, 21. 26).—Почему? Потому, конечно, что мы, не имѣя ни чего собственнаго, а всѣ блага пріемля отъ Бога, не дѣлаемъ предъ Нимъ ничего сверхъ должнаго, когда дѣлаемъ добро другимъ, и такимъ образомъ самая, такъ называемая у людей, милость предъ Богомъ не что иное, какъ правда, справедливость, должное, тѣмъ не мѣнѣе однако дѣлатель прав-

ды достойно уважается у всѣхъ,—ибо онъ творитъ добро ближнимъ по уваженію въ нихъ богоподобнаго достоинства природы человѣческой, слѣдовательно—и по сознанію важности сей природы въ самомъ себѣ: потому онъ истинный человѣкъ и христіанинъ, потому достоинъ и полной довѣренности своихъ согражданъ.

Кто, наконецъ, тотъ, кто *глаголетъ истину въ сердцѣ своемъ?*—Замѣтимъ, святый Давидъ не сказалъ: достойный сынъ царства Божія глаголетъ истину устами своими: но *глаголяй*, говоритъ, *истину въ сердцѣ своемъ*. Можно говорить истину устами лицемѣрно, не чувствуя любви къ ней въ сердцѣ. Таково свойство льстецовъ и людей коварныхъ, отъ которыхъ нельзя ожидать ничего добраго въ общественной жизни. Не могутъ они быть ни вѣрными свидѣтелями, ни надежными защитниками истины. Нѣтъ! одинъ тотъ вѣренъ святой истинѣ, кто хранитъ ее въ глубинѣ души своей, какъ безцѣнное сокровище, кто по ея внушенію и глаголетъ и дѣйствуетъ, ею живетъ и дышитъ, и не согласится измѣнить ей ни за какія блага въ мірѣ. Нужно ли ему свидѣтельствовать о другихъ предъ закономъ? Не сокроетъ онъ истины ни по враждѣ, ни для дружбы и родства, ни по страху человѣческому, ни для какихъ либо выгодъ своихъ. Нужна ли будетъ отвѣтственность отъ него самаго предъ правосудіемъ? И себя не пощадитъ истинолюбецъ, если какимъ либо образомъ увлекся онъ въ дѣло неправедное. Помнитъ онъ и свято хранитъ обѣты свои, данные предъ Богомъ и закономъ, не измѣнитъ не только законной присягѣ, но и своему добровольному слову.

Но можно ли, спросимъ, найти нынѣ мужей столько совершенныхъ, и какъ найти?—Не думаемъ, чтобъ они совсѣмъ оскудѣли въ мірѣ христіанскомъ. Для чегожъ и сошла съ небесъ на землю божественная Истина—святая Вѣра? Она сошла, дабы уготовать здѣсь сыновъ царства небеснаго, воспитать людей благочестивыхъ, вѣрныхъ служителей правды и истины, какъ свидѣтельствуетъ св. Апостолъ: *явися*, говоритъ, *благодать Божія, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ* (Тит. 2, 12). Такіе люди и составляютъ истинную силу и украшеніе царства Божія на землѣ; безъ нихъ и міръ стоять не можетъ: ибо *сѣмя свято стояніе его* (Иса. 6, 13). Если же ваше сословіе, благородные мужи, составляетъ главную силу и украшеніе христіанскаго государства: то не справедливо ли въ семъ же сословіи полагать наиболѣе тѣхъ, которые отличаются свойствами сыновъ царствія Божія? Ибо не въ томъ ли состоитъ истинное благородство, чтобы быть вѣрнымъ Богу и власти предержащей? И, такъ называемое, потомственное благородство не есть ли наслѣдіе вѣры и правды, добродѣтелей христіанскихъ и гражданскихъ, за которыя Верховною Властію и даруется это преимущество достойнымъ сынамъ отечества?

Итакъ, благородные мужи, призвавъ на помощь Бога сердцевѣдца и споспѣшника всякому благому дѣлу, воодушевясь усердіемъ къ возлюбленному, благолюбивѣйшему Отцу отечества и благу общему, избирайте на служеніе общественной правды тѣхъ, кои *ходятъ непорочно*, извѣстны наипаче по своимъ чувствамъ вѣры и страха Божія. Ихъ не трудно отличить. Это тѣ, которые воспитаны въ семействахъ благочестивыхъ, утверждены въ достоуважаемыхъ правилахъ добродѣтельныхъ предковъ своихъ; это тѣ, которые и сами никогда не забываютъ обязанностей св. Вѣры, и другихъ, подчиненныхъ себѣ, поощряютъ

къ исполненію сихъ обязанностей; тѣ, кои любятъ благолѣпіе храмовъ Божіихъ, и по заповѣди Премудраго, *благоговѣя Господеви, іереи его чтутъ и служителей Его не оставляютъ* (Сир. 7, 31. 32); тѣ у которыхъ и собственные домы, по святынѣ, уподобляются храмамъ, и семейства—церкви Божіей. Избирайте также *дѣлающихъ правду*. Таковыхъ еще удобнѣе познать по дѣламъ ихъ и обхожденію съ другими. Кто не только не дѣлаетъ обидъ ближнимъ, но и уважаетъ достоинство человѣка въ самомъ бѣдномъ и низкомъ собратѣ своемъ, благотворитъ другимъ безъ всякихъ видовъ корыстныхъ, обиды, ему наносимыя, прощаетъ и забываетъ, но не забываетъ услугъ ни въ равныхъ своихъ, ни въ низшихъ, кто, по ученію апостольскому, *подаетъ правду и уравненіе рабомъ своимъ* (Кол. 4, 1),—тотъ, безъ сомнѣнія, любитель и надежный служитель святой правды,—Избирайте, наконецъ, тѣхъ, кои *глаголютъ истину въ сердцѣ своемъ*. Таковыхъ, кажется, всего труднѣе знать, потому что ничего нѣтъ сокровеннѣе и недоступнѣе въ человѣкѣ сердца его. Но и здѣсь внимательное и просвѣщенное око можетъ отличать лицемѣровъ и льстецовъ отъ чистосердечныхъ и искреннихъ любителей истины. Первые не могутъ быть всегда согласны съ собою, и скоро являются измѣнчивыми, непостоянными; вторые всегда вѣрны однимъ и тѣмъ же благимъ правиламъ жизни. Первые бываютъ то высокомѣрны и равнодушны къ другимъ, то низки и человѣкоугодливы; вторые для всѣхъ доброжелательны, ко всѣмъ искренни, со всѣми мирны. Первые часто даже малодушны и празднолюбивы; вторые тверды во всемъ добромъ и законномъ,—тверды въ словѣ, тверды, неослабны въ полезныхъ трудахъ, тверды духомъ и въ счастіи и бѣдствіяхъ. Премудрый такъ, между прочимъ, описываетъ любителя истины: онъ *не прекекаетъ противъ истины, не стыдится исповѣдати и грѣхи своя; не обинуется лица сильнаго, и даже до смерти подвизается о истинѣ; не скоръ языкомъ своимъ, не ленивъ и не слабъ въ дѣлѣхъ своихъ* (Сир. 4, 27—33).

Впрочемъ, нужно ли пространно изъяснять вамъ, благородные мужи, свойства достойныхъ избранія вашего служителей правды? Если самъ Монархъ поручилъ это избраніе вашему просвѣщенному уму и благородному сердцу; то этотъ истиннолюбивый умъ, это одушевленное усердіемъ къ благу общему сердце само научитъ васъ, какъ лучше и благоуспѣшнѣе исполнить желаніе сердца Царева, а благость Господня, которую молитвенно призываете нынѣ на святое дѣло ваше, будетъ споспѣшествовать вамъ во благое. Послѣдуйте слову того же Царя—Пророка, который указалъ намъ истинныя свойства избранныхъ сыновъ отечества: *открый ко Господу путь твой, и уповай на Него, и той сотворитъ* (Псал. 36, 5); *уста* ваши да *поучаются премудрости, и языкъ* вашъ *возглаголетъ* праведный *судъ. Законъ Бога въ сердцахъ* вашихъ, и *не запнутся стопы* ваша (—30, 31). Да исполнится въ васъ то желаніе св. апостола Павла, которое изъявляетъ онъ всѣмъ христіанамъ: *да дастъ вамъ* Господь *просвѣщенна очеса сердца, во еже увѣдѣти вамъ, кое есть упованіе* высокаго *званія вашего* (Еф. 1, 18), *да совершитъ вы* въ настоящемъ *дѣлѣ благѣ, сотворити волю* Господню, являемую вамъ въ волѣ Монаршей (Евр. 13, 31, 21). Воля Божія, святая и всеблагая, да одушевляетъ всѣхъ васъ и да направляетъ вашу волю, а воля Божія, по отношенію къ нашей общественной жизни, по ученію Апостола, есть та, *да тихое и безмолвное житіе поживемъ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. 2, 2). Аминь.

ДУХЪ НЫНѢШНАГО ВРЕМЕНИ,

ПО ОТЗЫВУ ОДНОГО ЗАПАДНАГО ПИСАТЕЛЯ.

Нашъ вѣкъ называетъ себя вѣкомъ просвѣщенія, и по успѣхамъ гражданственности ставитъ себя выше всѣхъ вѣковъ, доселѣ бывшихъ. Вѣруя, какъ въ непреложную истину, въ постоянную усовершимость человѣчества, онъ гордится предъ протекшими временами тѣмъ, что въ немъ человѣческая жизнь достигла такой степени совершенства, какая недоступна была для нашихъ предковъ, взошелъ на такую высоту, о которой прежде и не мечтали. Честь достиженія того совершенства, которымъ обладаетъ нашъ вѣкъ, честь всѣхъ открытій и успѣховъ въ области науки и гражданской жизни всецѣло присвояетъ себѣ Западъ Европы, такъ что выраженіе: *просвѣщеніе XIX вѣка*, тождественно съ выраженіемъ: *западно-европейское просвѣщеніе.* Наше отечество, составляющее Востокъ Европы, не чуждо западно европейскому образованію. Но люди, внимательные къ добрымъ свойствамъ нашего народа и поставляющіе достояніе вѣры и доброй христіанской нравственности въ основаніе всякаго общественнаго блага, и, значитъ, цѣнящіе его выше всѣхъ успѣховъ научнаго образованія, предостерегаютъ своихъ соотечественниковъ отъ безотчетнаго увлеченія западною образованностію, и открыто напоминаютъ всѣмъ, что не все хорошо въ западномъ просвѣщеніи, что вмѣстѣ съ добромъ много и зла, что многое кажется только блестящимъ извнѣ, а внутри пусто и ничтожно. Мы не всегда слушаемъ, не всегда принимаемъ къ сердцу эти предостерегательные возгласы. Особенно въ настоящее время, когда минувшая война показала, что Западъ Европы превзошелъ насъ въ усовершенствованіи сокрушительныхъ орудій смерти и разрушенія, увлеченіе блескомъ западнаго просвѣщенія и всей западной жизни готово достигнуть самой крайней степени; людей, смѣющихъ указывать недостатки въ западной образованности, клеймятъ именемъ людей отсталыхъ, фанатическихъ старовѣровъ и едвали не враговъ просвѣщенія.

Между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, западная жизнь, при всѣхъ своихъ выгодахъ и усовершенствованіяхъ, стоитъ ли того, чтобы безотчетно увлекаться ею и всецѣло усвоять ее? Въ самомъ ли дѣлѣ на Западѣ все такъ хорошо, что тамъ настоящій вѣкъ можетъ только гордиться своимъ совершенствомъ предъ вѣками прошедшими? Мы цѣнимъ и уважаемъ тѣ усовершенствованія, какія видимъ тамъ въ разныхъ отрасляхъ внѣшней общественной жизни. Но подвигаетъ ли насъ впередъ западное просвѣщеніе, приближаетъ ли къ главной цѣли нашей жизни и послѣднему концу всякаго дѣйствія? Ближе ли славящійся образованностію Западъ къ единому блаженному и совершенному царству Божію, чѣмъ менѣе образованные жители другихъ странъ и другихъ вѣковъ? Вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ можетъ болѣе или менѣе выяснить настоящую цѣну современнаго просвѣщенія Настоящая жизнь имѣетъ свою цѣль въ жизни будущей и служитъ для нея приготовленіемъ: объ этомъ нужно вспоминать при оцѣнкѣ всякаго временнаго явленія, и при сужденіи о томъ, впередъ ли ушло время, или, напротивъ, уклонилось назадъ, первѣе всего нужно обращать вниманіе на то, въ какомъ отношеніи оно ставитъ людей къ вѣчности. Съ этой точки зрѣнія, нашъ вѣкъ, по видимому блестящій и богатый, знакомымъ съ его духомъ и истиннымъ содержаніемъ жизни представляется бѣднымъ, истощеннымъ и жалкимъ, и само просвѣщеніе, на которомъ опирается слава нынѣшняго времени, не можетъ защитить его отъ заслужи-

ваемаго имъ упрека. Безъ всякаго сомнѣнія, истинное просвѣщеніе не только не можетъ стоять въ противорѣчіи съ религіозными стремленіями человѣка, но и должно способствовать возможно-большему и полнѣйшему удовлетворенію ихъ; безъ всякаго сомнѣнія, человѣческая жизнь позднѣйшаго времени должна бы, по закону развитія, обладать большимъ богатствомъ содержанія, чѣмъ жизнь вѣковъ предшедшихъ. Но, по свидѣтельству опыта, такъ называемое просвѣщеніе преслѣдуетъ почти исключительно однѣ временныя цѣли, или, не управляемое указаніемъ вѣры, забываетъ или искажаетъ священную истину, представляя ее по однимъ шаткимъ сужденіямъ разума. Тогда оно не подвигаетъ людей впередъ къ ихъ цѣли, но останавливаетъ на половинѣ пути; тогда оно составляетъ не славу вѣка, а предлогъ къ гибельному самообольщенію, когда оно хорошо только для выгодъ внѣшняго человѣка, но опасно для жизни человѣка внутренняго; потому что, занимаясь исключительно житейскими потребностями, изсушаетъ и подавляетъ потребности чисто-духовныя. Съ другой стороны, слѣдя за постояннымъ развитіемъ человѣческой жизни, мы не можемъ не видѣть, что въ ней, вмѣстѣ, съ добромъ, развивается и зло: наша природа глубоко заражена грѣхомъ, и сама по себѣ больше наклонна къ злу, нежели къ добру; потому, предоставленная одной себѣ, или отвергши вспомоществующую руку благодати, если восходитъ отъ силы въ силу, постоянно возвышается отъ одной степени до другой, то—не на пути добра, а на пути зла. Эти-то неутѣшительныя стороны замѣчаютъ въ направленіи просвѣщенія и развитіи жизни нынѣшняго времени, и предъ ними блѣднѣютъ и становятся ничтожными всѣ выгоды, какими окружаетъ нашъ вѣкъ временную жизнь: вѣкъ, представляющійся изобилующимъ содержаніемъ жизни, становится вѣкомъ, лишеннымъ ея истиннаго духа, вѣкомъ мертваго индифферентизма и полнаго равнодушія къ высшимъ человѣческимъ потребностямъ,—вѣкомъ гибельнаго самообольщенія.

Пусть не упрекаютъ насъ ни въ патріотическомъ, ни въ религіозномъ фанатизмѣ, ни въ безотчетной ненависти ко всему иноземному. Мы говоримъ слово предостереженія противъ увлеченія всѣмъ западнымъ потому, что дорожимъ святымъ достояніемъ вѣры, и хотѣли бы, чтобы каждый дорожилъ имъ,—потому что оно—единое на потребу. Притомъ мы говоримъ не сами отъ себя, а отъ лица самыхъ же западныхъ свидѣтелей, которыхъ не льзя упрекать въ какомъ либо страстномъ увлеченіи, и которые ближе насъ знаютъ подлинный духъ и направленіе теперешней прославленной западной жизни: они представляютъ въ самомъ жалкомъ видѣ религіозное состояніе своей страны и своего вѣка. Вотъ, для примѣра, подлинныя слова одного изъ нихъ (*). Нашъ вѣкъ, по мнѣнію его, есть седьмой и послѣдній вѣкъ Церкви, и характеръ его изображается словами, отнесенными къ Ангелу Лаодикійской церкви. Полная холодность и совершенное равнодушіе къ вѣрѣ и требованіямъ христіанской нравственности — самая страшная болѣзнь въ религіозной жизни: за сіе Богъ угрожаетъ совершеннымъ отверженіемъ отъ Себя. Въ семъ укорялъ Тайновидецъ отъ лица Божія Лаодикійскую церковь; сіе находитъ западный писатель въ духѣ и направленіи современной жизни, и этимъ характеризуетъ общее состояніе нашего вѣка.

Вѣмъ твоя дѣла, написано Ангелу Лаодикійской церкви, *яко не студенъ еси, ни топлъ: о, дабы студенъ былъ еси, или топлъ!*

(*) Аббата Шарбонеля. 60 ans encore et le monde n' est plus—récente et plausible explication de l' Apocalypse. Paris. 1849.

Тако яко обуморенъ еси, и ни теплъ, ни студенъ, изблевати тя отъ устъ моихъ имамъ (Апок. 3, 14. 15. 16). По поводу этихъ словъ Шарбонель говоритъ:

»Съ глубокимъ прискорбіемъ мы должны »сознаться, что этими словами живописуется »нашъ XIX вѣкъ, разсматриваемый въ религіозномъ отношеніи. Въ послѣдней половинѣ »прошлаго вѣка религіи дѣлали еще ту честь, »что нападали на нее, пытались опровергать »ее. Теперь сочли унизительною такую борьбу. »Вольтеръ и его общество въ странѣ забвенія. Наши граждане, наши купцы, наши ремесленники и нашъ сельскій народъ, безъ »всякихъ угрызеній совѣсти, живутъ въ совершенномъ индифферентизмѣ. Сколько людей, »въ наше время, не знаютъ другой религіи, »кромѣ корысти или разврата, другаго жертвенника, кромѣ конторы или обыкновеннаго »стола, другаго храма, кромѣ кофейныхъ домовъ, корчемницъ или еще болѣе безчестныхъ »мѣстъ! Сколько у насъ людей власти, которые, если прибѣгаютъ когда къ религіи, то »большею частію для того, чтобы легче достигнуть своихъ цѣлей, или удержаться на »своихъ мѣстахъ! Наши ученые, если занимаются иногда ею въ своихъ пустыхъ мечтаніяхъ, то съ тѣмъ, чтобы указать ей мѣсто въ »далекомъ прошедшемъ, чтобы сказать ей, что »ея царство миновалось, что она умерла«.

Далѣе авторъ восполняетъ собственную характеристику духовнаго состоянія нашего времени словами Іисуса Христа и Апостоловъ:

»Это (т. е., вообще охлажденіе къ вѣрѣ), продолжаетъ онъ, не должно удивлять насъ. Господь Іисусъ Христосъ предсказалъ намъ, что будетъ въ послѣдніе дни. *Якоже бысть*, говоритъ Онъ, *во дни Ноевы, тако будетъ и во дни Сына человѣческаго: ядяху, піяху, женяхуся, посягаху, до негоже дне вниде Ное въ ковчегъ: и пріиде потопъ, и погуби вся. Такожде и якоже бысть во дни Лотовы: ядяху, піяху, куповаху, продаяху, саждаху, здаху: въ оньже день изыде Лотъ отъ содомлянъ, одожди камыкъ горящъ и огнь съ небесе, и погуби вся. Потому же будетъ и въ день, въ оньже Сынъ человѣческій явится* (Лук. 17, 26—30).

»Апостолы изображаютъ намъ тотъ же вѣкъ самыми печальными чертами. Такъ св. апост. Петръ говоритъ: *пріидутъ въ послѣднія дни ругатели, по своихъ похотехъ ходяще, глаголюще: гдѣ есть обѣтованіе пришествія Его? Отнеліже бо отцы успоша, вся тако пребываютъ отъ начала созданія* (2 Петр. 3, 3. 4)«.

»Св. Павелъ писалъ къ Тимоѳею: *сіе вѣждь, яко въ послѣднія дни настанутъ времена люта: будутъ бо человѣцы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горди, хулницы, родителемъ противящіися, неблагодарни, неправедни, непремирительни, (продерзиви, вознесливи, прелагателе), клеветницы, невоздержницы, не кротцы, не благолюбцы, предателе, нагли, напыщени, сластолюбцы паче нежели боголюбцы, имущіи образъ благочестія, силы же его отвергшіися,... всегда учащеся, и николиже въ разумъ истины пріити могущія: якоже Іанній и Іамврій противистася Моусею, такоже и сіи противляются истинѣ: человѣцы растлѣни умомъ и неискусни о вѣрѣ: но не преуспѣютъ болѣе: безуміе бо ихъ явлено будетъ всѣмъ, якоже и онѣхъ бысть* (2 Тим. 3, 1—9)«.

Мы читаемъ еще въ первомъ посланіи того же Апостола къ Солунянамъ: *день Господень, яко же тать въ нощи, тако пріидетъ. Егда бо рекутъ: миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство, яко же болѣзнь во чревѣ имущей, и не имутъ избѣжати* (1 Сол. 5, 2. 3)«.

»Наконецъ св. апостолъ Іуда эту ужа»сную картину дополняетъ рѣзкимъ очеркомъ: »*въ послѣднее время*, говоритъ онъ, *будутъ* »*ругатели, по своихъ похотехъ ходяще и* »*нечестіи: сіи суть отдѣляюще себе отъ* »*единости вѣры, и суть тѣлесни, духа* »*не имуще* (Іуд. 18, 19)«.

»Вотъ въ какое время мы живемъ: мы »не можемъ сомнѣваться въ этомъ. А между »тѣмъ (говоритъ авторъ, указывая другую чер»ту въ духѣ нынѣшняго времени), нашъ вѣкъ, »въ своемъ гордомъ ослѣпленіи, называетъ »себя вѣкомъ просвѣщенія, *прогресса* и *ци*»*вилизаціи*.—»Что дѣлать намъ«, говорятъ наши »вольнодумцы, съ вашими древними преда»ніями и правилами вашей строгой нравствен»ности? Разумное познаніе учитъ насъ болѣе »всѣхъ этихъ преданій и заповѣдей, и откры»ваетъ предъ нами всѣ вещи въ болѣе ши»рокомъ и ясномъ свѣтѣ, чѣмъ въ какомъ »показываютъ ихъ намъ преданія вѣры. Не го»ворите намъ о вѣрѣ: это принадлежность »среднихъ вѣковъ; теперь она годится развѣ »для деревенскихъ старухъ«.—Такъ говорятъ »эти безумцы. Жалкое самообольщеніе! Ни »чего нельзя сказать имъ лучше въ отвѣтъ, »какъ напомнить слова Апокалипсиса: *зане* »*глаголеши, яко богатъ есмь, и обогатихся,* »*и ничтоже требую: и не вѣси, яко ты* »*еси окаяненъ, и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и* »*нагъ* (Апок. 3, 17). Какъ будто строеніе же»лѣзныхъ дорогъ, пароходы, электрическіе теле»графы могутъ возвысить одинъ вѣкъ надъ дру»гимъ! Какъ будто и при нихъ людямъ міра, въ »отношеніи къ душѣ, нельзя быть несчаст»ными, жалкими, бѣдными, слѣпыми и ни»чего неимѣющими! Это не значитъ, чтобы »мы презирали науки и изобрѣтенія человѣ»ческаго ума; мы сознаемъ, что все это пре»красно и служитъ къ счастію людей, но »только тѣхъ, которые любятъ Бога,—потому »что только *любящимъ Бога вся споспѣшест*»*вуютъ во благое* (Римл. 8, 28). Наконецъ, »мы желали бы, чтобы великіе таланты не »чужды были того, что нужнѣе всего и что »должно придти прежде всего, именно—царст»вія Божія. Когда между людьми нѣтъ любви »Божіей, тогда не послужатъ къ ихъ пользѣ »самыя важныя изобрѣтенія. Когда не будемъ »искать царствія Божія, тогда всѣ возмож»ные успѣхи въ устроеніи царства міра не »сдѣлаютъ насъ счастливыми по духу«.

Въ заключеніе западный писатель, сообразуясь съ словами Апокалипсиса, предлагаетъ своимъ современникамъ общій совѣтъ, и напоминаетъ о тѣхъ средствахъ, которыя употребляетъ надъ нами Господь для обращенія насъ къ Себѣ.

Совѣщаю тебѣ купити отъ Мене злато разженное огнемъ, да обогатишися: и одѣяніе бѣло, да облечешися, и да не явится срамота наготы твоея: и коллуріемъ помажи очи твои, да видиши (Апк. 3, 18).

»Господь нашъ Іисусъ Христосъ совѣ»туетъ людямъ нашего вѣка, снѣдаемымъ жаж»дою золота, купить себѣ злато любви Его, »чтобы обогатиться заслугами для неба; »облечься бѣлою одеждою, чтобы присутство»вать при бракѣ Агнца, откуда съ безче»стіемъ будетъ изгнанъ всякій, не облечен»ный въ брачное одѣяніе. Онъ совѣщаетъ еще »приложить врачевство къ глазамъ для того, »чтобы видѣть и понимать въ дѣлѣ спасенія, »этомъ единомъ на потребу«.

Азъ, ихже аще люблю, обличаю и наказую: ревнуй убо и покайся. Се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ гласъ мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечеряю съ нимъ, и той со Мною (Апок. 3, 19. 20).

»Мы довольно наказаны назадъ тому немного

»болѣе полувѣка; но эти революціи, потрясаю»щія нашу Европу, эти кровавыя войны, тер»зающія ее, этотъ безпорядокъ въ смѣнѣ го»довыхъ временъ, худые урожаи, губитель»ныя болѣзни, наконецъ стѣсненное положе»ніе торговли и нашихъ политическихъ дѣлъ,— »всѣ эти бичи суть увѣщанія, которыя Богъ »посылаетъ намъ для того, чтобы обратить »насъ къ тому, что одно можетъ соста»вить наше благо. Вотъ Богъ нашъ сто»итъ при дверяхъ сердецъ нашихъ, при вра»тахъ нашихъ городовъ, на предѣлахъ нашихъ »царствъ! Страшны удары, которыми Онъ »поражаетъ насъ; но мы какъ будто заботим»ся, чтобы Онъ еще сильнѣе поражалъ насъ, »потому что остаемся въ своемъ глубокомъ »снѣ. Если мы обратимъ Его опять къ себѣ, »Онъ раздѣлитъ съ нами вечернюю трапезу,— »и тогда конецъ міра будетъ для насъ похожъ »на тихій вечеръ прекраснаго дня. Но если »въ зданіи общественнаго порядка не будетъ »дано больше мѣста религіи, то міръ бу»детъ встрѣчать конецъ свой въ самыхъ же»стокихъ мученіяхъ«....

Вотъ краткій очеркъ современной западной жизни, составленный по личнымъ наблюденіямъ западнымъ же писателемъ! Никто, конечно, не желаетъ, чтобы подъ этотъ очеркъ подходила духовно-религіозная жизнь нашего отечества. Будемъ же бдѣть на стражѣ своей православной вѣры; прежде всего утвердимъ въ себѣ царство Божіе, а потомъ пусть прилагаются намъ всѣ выгоды западнаго просвѣщенія. Намъ совѣстно предъ западными собратіями отставать отъ нихъ въ дѣлѣ науки и образованія: но должно быть еще совѣстнѣе и предъ Богомъ и предъ самими собою, если мы, за выгоды и улучшенія жизни временной, пожертвуемъ тѣмъ, что доставляетъ намъ благо вѣчное. Будемъ, стараться усвоять себѣ все, что Западъ произвелъ хорошаго въ наукѣ и жизни; но не станемъ поддаваться вліянію того лживаго духа, который на Западѣ изсушаетъ и мертвитъ духовно-религіозную жизнь.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 24-го Іюля 1857 года.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 20.

НЕДѢЛЯ 12 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

18 Августа 1857 г.

Гласъ 3-й.

На утрени евангеліе воскресное 1-е, Матѳ. зач. 116. На литургіи: апост. 1 Кор. зач. 158, евангел. Матѳ. зач. 79.

СВЯТАГО АМВРОСІЯ МЕДІОЛАНСКАГО

о дѣвственницахъ (*).

ГЛАВА I.

(Святый Амвросій, разсуждая, что каждый изъ насъ долженъ будетъ дать отчетъ Богу не только во ввѣренныхъ ему талантахъ, но и въ каждомъ словѣ, рѣшается изустныя бесѣды свои заключить въ письмена; къ сему одушевляется надеждою на милосердіе Божіе, указывая на нѣкоторые тому примѣры; но сознавая при семъ слабость силъ своихъ для таковаго дѣла, молитъ Бога, чтобы съ нимъ поступлено было, какъ съ евангельскою смоковницею (Лук. 13, 6—9); *а дабы заградить уста порицателямъ своимъ, подтверждаетъ свою надежду свидѣтельствомъ Писанія, что и у него не оскудѣетъ слово для проповѣди во славу Христа).*

(*) Извѣстно, что св. Амвросій ни о чемъ столько не заботился во все время служенія своего Церкви, какъ о томъ, чтобы ввѣренный ему народъ Божій какъ можно лучше воспитанъ былъ въ истинномъ благочестіи. А такъ-какъ дѣвство составляетъ одну изъ высшихъ и отличительныхъ добродѣтелей христіанъ; то пастырь Церкви старался раскрыть какъ можно яснѣе высоту истинно-дѣвственной жизни, чтобы расположить къ ней какъ можно больше своихъ пасомыхъ, особенно же отроковицъ христіанскихъ, по мѣрѣ призванія ихъ свыше къ этому роду жизни. Съ сею-то цѣлію онъ говорилъ объ этомъ предметѣ много прекрасныхъ поученій такъ краснорѣчиво и съ такою силою убѣжденія, что къ нему стекался народъ отовсюду, даже приходили изъ-за морей, чтобы послушать его. Слыша повсемѣстную молву объ этихъ поученіяхъ или бесѣдахъ, блаженная сестра его Марцеллина письменно поздравила его съ такимъ радостнымъ и счастливымъ успѣхомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просила его, какъ брата, чтобы онъ по крайней мѣрѣ въ мертвыхъ письменахъ преподалъ ей все то, что съ такимъ успѣхомъ говорилъ паствѣ своей

1) Если мы, по свидѣтельству Истины небесной, во *всякомъ словѣ праздномъ*, сказанномъ нами когда-либо, должны будемъ дать отчетъ *въ день судный* (Матѳ. 12, 36) и если каждый *рабъ*, *скрывшій въ землю*, по *лѣности* или *лукавству*, ввѣренные ему *таланты* даровъ духовныхъ, вмѣсто того чтобы *вдать* ихъ *торжникомъ* и чрезъ взаимное общеніе *съ лихвою* воздать даровавшему ихъ Владыкѣ, во время свое, подвергнется строгому за то истязанію (—25, 14—30): то какъ не страшиться намъ, не потребуетъ ли Владыка даровъ отвѣта и отъ нашего слова въ пріумноженіи пользы, не смотря на скудость дарованій нашихъ, при той необходимости, какая требуетъ возвѣщенія народу Божію ввѣренныхъ намъ глаголовъ Божіихъ,—тѣмъ болѣе, что всевышній Раздаятель даровъ хощетъ отъ насъ не столько успѣха, сколько усердія? Вотъ что заставило меня приняться за трость скорописца. Притомъ слово наше большей подвергается застѣнчивости, когда насъ слушаютъ, нежели когда читаютъ: ибо книга не краснѣетъ.

2) Хотя я и не надѣюсь на дарованія свои, но, воодушевляемый примѣрами милосердія Божія, дерзаю приняться за дѣло: ибо и *ослица—подъяремникъ безгласенъ*, при *видѣ Ангела Божія*, по соизволенію Божію, *человѣческимъ гласомъ провѣщала* (Числ. 22, 27—30. 2. Петр. 2, 16). И мнѣ, отягченному бременемъ вѣка сего, предстоитъ Ангелъ хранитель; и я отверзу нѣмотствовавшія долго уста свои. Тотъ, кто устранилъ препятствія природы, можетъ устранить и препятствія немощи. Въ кивотѣ ветхаго завѣта *прозябъ жезлъ Аароновъ въ дому Левіинъ* (Числ. 17, 8): не трудно для Бога и въ Церкви новозавѣтной произрастить цвѣтъ изъ нашей лѣторасли. И можно ли сомнѣваться въ томъ, что *Господь*, *воззвавшій Моисея изъ огненной купины* (Исх. 3, 2—4), возглаголетъ и въ человѣкахъ? Богъ не пренебрегъ и терновымъ кустомъ; о, да освѣтитъ же Онъ и мои тернія! Найдутся, быть можетъ, изъ многихъ хотя немногіе, которые съ удивленіемъ увидятъ и въ нашемъ тернѣ нѣкій свѣтъ; найдутся, которыхъ не опалитъ огнь сего свѣта; найдутся и такіе, коихъ слово наше изъ нашей купины убѣдитъ *изсуть сапоги отъ ногъ* своихъ (—3 5), чтобы дать полную свободу духу надъ тѣломъ и умертвить преобладаніе плоти.

3) Но—это достояніе святыхъ мужей. О, призри же съ небесе, Боже, воззри и на меня, *суща подъ смоковницею* (Іоан. 1, 48), доселѣ безплодною: *аще убо сотворитъ плодъ* по *третіемъ лѣтѣ* и сія смоковница. Но откуда столько надежды, откуда такое дерзновеніе у грѣшниковъ? О, если бы покрайней мѣрѣ оный евангельскій дѣлатель вертограда Господня, быть можетъ, получившій уже повелѣніе *посѣчь* нашу смоковницу, умолилъ Владыку *оставить ю и се лѣто, дондеже окопаетъ окрестъ ея и осыплетъ гноемъ, да не обрѣтетъ ее безплодною* и послѣ сего; быть можетъ, *сотворитъ плодъ* въ *грядущее лѣто* (Лук. 13, 6—9). Онъ *воздвигаетъ отъ земли нища, и отъ гноища возвышаетъ убога* 112, 7). Блаженъ, *привязуяй къ лозѣ жребя свое, и къ виничію жребца осляте своего*, посвящаяй всецѣло труды свои общему благу: онъ *исперетъ виномъ одежду свою, и кровію гроздія одѣяніе свое* (Быт. 49, 11); а ме-

---

живымъ голосомъ, такъ-какъ ей, по обстоятельствамъ, не было возможности лично слышать его. Чтобы исполнить таковое ея прошеніе и удовлетворить столь справедливому желанію сестры своей, св. Амвросій составилъ изъ этихъ бесѣдъ своихъ три книги о дѣвственницахъ, тѣ самыя, которыя и до насъ дошли, написанныя имъ къ Марцеллинѣ въ 377 году, изъ коихъ первая предлагается здѣсь.

ня доселѣ обольщаютъ обманчивыя увеселенія міра сего,—это тѣнь безплодной смоковницы, неспособной возвыситься горѣ, бездѣйственной, безполезной, заматорѣвшей во днехъ своихъ.

4) Быть можетъ, удивится кто-нибудь: какъ я дерзаю писать, не въ состояніи будучи даже говорить, и чего я могу ожидать послѣ сего. Вспомнимъ однакоже евангельскую исторію о пророкѣ Захаріи: примѣръ сего святаго мужа яснымъ послужитъ доказательствомъ, что писаніе бываетъ иногда могущественнѣе слова; чего не могло выразить слово у Захарія, то выразило у него писаніе. И если начертанное имъ на дскѣ имя Іоанна возвратило ему языкъ слова; то уповаю и не отчаеваюсь, что и мои уста, при всемъ нѣмотствованіи своемъ, отверзутся для проповѣди о Христѣ (Лук. 1, 62—64). Но *рода Его*, по выраженію пророческому, *кто исповѣсть* (Иса. 53, 8)? Исповѣмъ убо, яко рабъ Господень, восхвалю и прославлю вѣрныхъ въ дому Его домочадцевъ (*). Сей домовладыка, яко царь неба и земли чистотою и непорочностію своею и своею святостію, какъ *святый святыхъ* (Дан. 9, 24), соблюлъ чистыми и непорочными и освятилъ себѣ вѣрныхъ домочадцевъ и въ семъ *мірѣ* дольнемъ, *лежащемъ во злѣ* (1 Іоан. 5, 19), при всемъ поврежденіи человѣческаго естества.

ГЛАВА II.

(Показываетъ, что онъ началъ свое дѣло благовременно и знаменательно – въ день рожденія дѣвственницы, именно, блаж. Агнессы, которую весьма краснорѣчиво восхваляетъ, превознося самое имя ея, ублажая цѣломудріе и болѣе всего удивляясь непоколебимому мужеству ея не по возрасту, съ каковымъ, она, будучи двѣнадцати лѣтъ отъ роду, устояла противъ всѣхъ угрозъ и обольщеній, препобѣдила жестокія мученія и наконецъ восторжествовала надъ самою смертію).

5) И самыя обстоятельства наводятъ насъ на предметъ слова: нынѣ день рожденія дѣвственницы: о дѣвственницахъ и побесѣдуемъ; начнемъ же съ похвальнаго слова. Нынѣ день рожденія дѣвственницы; стяжемъ убо чистоту и непорочность. Нынѣ день рожденія мученицы; принесемъ и мы жертву Богу. Нынѣ день рожденія св. Агнессы; подивитесь мужи, не отчаявайтесь дѣти, изумитесь замужнія, подражайте незамужнія. Но чѣмъ мы можемъ достойно восхвалить ту, которой самое имя превыше похвалъ? Жертва превыше возраста, мужество превыше природы; такъ-что, кажется мнѣ, у нея это имя было знаменательное и какъ бы пророчественное, предвѣщавшее въ ней заранѣе мученицу, указывая значеніемъ своимъ на то, чѣмъ она долженствовала быть (*).

6) Вотъ источникъ достойной похвалы. Имя дѣвственницы, неразлучное съ титломъ цѣломудрія, украшается именемъ и мученицы.

(*) Quasi servus, Domini familiam prædicabo. Подъ словомъ familia Римляне разумѣли иногда однихъ только рабовъ въ дому господина, а иногда все вообще семейство въ домѣ: отсюда paterfamilias отецъ или глава семейства. Смот. Римск. Древ Шафа въ перев. Гамбургера стр. 52—54. и 260. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ вмѣсто familia стоитъ famula раба.

(*) Имя Agnes, Агнесса или Агнія отъ римск. agna агница, съ греч. ἁγνὴ чистая. непорочная, незлобивая, или ἁγνεία чистота, непорочность, незлобіе,—какъ неотъемлемый эпитетъ или же неотъемлемое свойство агницы или агнца. Это животное всегда служило и служитъ символомъ непорочности; поэтому въ ветхозавѣтной Церкви оно по преимуществу приносимо было въ жертву и прообразовало собою великую Жертву новаго завѣта. Вотъ почему самое имя это восхваляется и представляется знаменательнымъ въ лицѣ мученицы.

Восписуя убо похвалу дѣвственницѣ, восхваляю и мученицу. Источникъ для похвалы самый обильный, который не нужно изыскивать; онъ самъ собою изливается. Нѣтъ нужды здѣсь въ ораторскихъ изобрѣтеніяхъ и хитросплетеніяхъ, нѣтъ надобности въ правилахъ витійства. Одно слово замѣняетъ собою всѣ похвалы. Ее восхваляютъ старцы, ее прославляютъ юноши, ее воспѣваютъ отроки. А кого всѣ хвалятъ, тотъ неоспоримо достохвальнѣе всѣхъ. Сколько людей, столько и проповѣдниковъ, которые среди бесѣдъ своихъ превозносятъ въ похвалахъ и прославляютъ мученицу.

7) Преданіе говоритъ, что она 12 лѣтъ отъ роду претерпѣла мученическую смерть (*). И чѣмъ лютѣе вооружилась жестокость мучителей, непощадившихъ столь юнаго возраста; тѣмъ сильнѣе является вѣра, обрѣтая для себя свидѣтельство и отъ таковаго возраста. Едва ли было даже въ этомъ отроческомъ тѣлѣ и мѣсто для язвъ. Но та, у которой не обрѣталось и мѣста для уларовъ меча, имѣла столько мужества, что устояла противъ нихъ. Отроковицы этихъ лѣтъ не могутъ иногда снести суроваго даже взгляда родителей, а нерѣдко отъ самыхъ легкихъ язвинъ, причиняемыхъ на какомъ либо членѣ тѣла иглою или булавкою, плачутъ, какъ отъ тяжелыхъ ранъ. Между тѣмъ отроковица — мученица, когда ни обагренныя кровію руки палачей не устрашили ее, ни грозные звуки тяжкихъ цѣпей не поколебали ее, сама повергается всецѣло— всѣмъ тѣломъ своимъ подъ мечь разъяреннаго воина, готовая на смерть, не вѣдая еще, что такое смерть; сама преклоняетъ и выю и руки свои подъ желѣзныя оковы предсмертныхъ мученій, но никакія оковы не могли заключить столь нѣжныхъ — дѣтскихъ членовъ, и, какъ бы насильственно увлеченная въ капище, воздвигаетъ горѣ руки ко Христу среди дымящихся въ ономъ жертвъ, чтобы крестообразнымъ положеніемъ своимъ водрузить на самомъ святотатственномъ жертвенникѣ побѣдоносное знамя Господа своего (*).

8) Не новый ли это родъ мученичества? Еще не созрѣвшая для понесенія мученическихъ страданій является созрѣвшею для одержанія надъ ними побѣды; безсильная для борьбы — могущественною для вѣнца; та, о которой и подумать трудно было, по ея возрасту, чтобы она способна была къ столь доблественнымъ подвигамъ, дѣлается учительницею таковыхъ подвиговъ. Не съ такою радостію, не съ такимъ восторгомъ поспѣшила бы она къ брачному чертогу невѣстою, съ какою готовностію шествовала на мѣсто смертной казни дѣвственницею, украсивши себя не убранствомъ волосъ и цвѣтами, не пышностію наряда, но именемъ Христа и христіанскими добродѣтелями. Всѣ ее оплакивали; одна она не источала слезъ, напротивъ того радовалась. Многіе удивлялись ей, что она съ такимъ самоотверженіемъ жертвовала жизнію своею, еще не насладившись ею и какъ бы уже пресытившись. Всѣ изумлялись, какъ явилась свидѣтельницею Божества и защитницею правъ Божіихъ та, которая, по возрасту своему, не могла еще и не имѣла права располагать даже собою. Такимъ образомъ св. Агнесса совершила то, что ей повѣрили о Богѣ въ дѣлѣ Божіемъ, тогда какъ не могли бы повѣрить ей о человѣкѣ въ дѣлѣ че-

(*) Память св. мученицы Агнессы или Агніи дѣвицы празднуется и въ нашей и въ римской Церкви 21 января.

(*) Trophæum Domini signare—изобразить побѣдоносное знамя Господне, т. е. выразить образъ креста, поднявши вверхъ руки, что у первенствующихъ христіанъ было въ обычаѣ среди моленій.

ловѣческомъ: ибо что выше природы, то отъ Творца природы.

9). Какихъ угрозъ не употреблялъ мучитель, чтобы устрашить ее; какихъ ласкъ не выражалъ, чтобы прельстить и уловить ее; какихъ не предлагалъ онъ обѣщаній, чтобы склонить ее себѣ въ замужество! На все это отвѣты со стороны ея были таковы: для жениха оскорбительно уже и то, если выжидаютъ другаго. Кто избралъ меня прежде, тому я и принадлежу. Чтоже медлишь надо мною съ казнію, мучитель? Пусть гибнетъ это тѣло, коимъ могутъ плѣняться глаза, меня не плѣняющіе. Она стала, сотворила молитву и наклонила выю. Надобно было видѣть, въ какой трепетъ приведенъ былъ палачь, какъ будто самъ онъ приговоренъ былъ къ смерти; какъ дрожала рука убійцы; какою покрылось блѣдностію лице его отъ страха чужой смерти, тогда какъ отроковица не страшилась собственной. Такимъ образомъ въ одной жертвѣ имѣемъ примѣръ сугубаго мученичества — и за цѣломудріе и за вѣру. И дѣвство она сохранила и мученическій вѣнецъ воспріяла.

(Продолженіе будетъ).

О ПРАЗДНОВАНІИ ВОСКРЕСНАГО ДНЯ

письмо 2.

Спросишь ты, какъ праздновать день воскресный, — такъ, чтобы празднованіе было истинно христіанскимъ? На это отвѣчаетъ самая заповѣдь объ освященіи седьмаго дня: *шесть дней дѣлай и сотвори въ нихъ вся дѣла твоя, день же седьмый суббота Господу Богу твоему.* Итакъ все то, что препятствуетъ посвящать Богу день седьмый, неприлично и недостойно христіанина въ день воскресный, который онъ долженъ посвящать на служеніе Богу.

Главное препятствіе къ сему послѣднему представляютъ: во-первыхъ, земля проклятая въ дѣлѣхъ человѣка и требующая непрестанныхъ трудовъ и попеченій житейскихъ; во-вторыхъ, собственная плоть наша или *ветхій человѣкъ, тлѣющій въ похотехъ прелестныхъ* и влекущій насъ ко грѣху. Въ первомъ отношеніи, христіанинъ долженъ быть освобожденъ отъ всякой работы, требующей физическихъ усилій и посвятить сіе время отдохновенію отъ трудовъ. Это видно какъ изъ самаго понятія о празднованіи, которое по своему этимологическому значенію указываетъ на прекращеніе работы (*), такъ изъ понятія о днѣ воскресномъ, какъ днѣ христіанской радости и торжества, съ которымъ несовмѣстны обыкновенная работа и повседневный изнурительный трудъ, свойственный человѣку только въ падшемъ состояніи и постигшій его какъ наказаніе за грѣхъ. Сего требуетъ наконецъ природа человѣка, которая нуждается въ періодическомъ покоѣ для возстановленія силъ своихъ и не можетъ безъ истощенія ихъ заниматься непрерывною работой. Почему необходимость покоя чувствуетъ и разумъ естественный, непросвѣщенный откровеніемъ (**).

(*) Названіе *субботы* происходитъ отъ Еврейск. глагола *schabat*, что значитъ — прекратить, перестать, успокоиться.

(**) Философъ Платонъ (lib. 2 de legibus) говоритъ: »боги изъ состраданія къ людямъ, осужденнымъ на работу природою, благоволили дать имъ праздники для покоя«.—Въ этомъ отношеніи замѣчательно еще слѣдующее наблюденіе. Извѣстно, что въ концѣ прошедшаго

Значитъ, прекращеніе работы составляетъ непремѣнную обязанность всякаго христіанина.

Сія обязанность утверждается св. Писаніемъ, которое буквально заповѣдуетъ прекращать работу въ день седьмый. *Въ день же седьмый суббота Господу Богу твоему, да не сотвориши въ онь всякаго дѣла, ты и сынъ твой и дщерь твоя, рабъ твой и раба твоя, волъ твой и оселъ твой, якоже и ты.* (Втор. 5, 14). Далѣе, она сообразна съ духомъ ученія Христова, которое хочетъ возвести человѣка отъ земли къ небеси и отъ трудовъ земныхъ къ подвигамъ духовнымъ. По этому запрещаются въ день воскресный всѣ занятія, въ которыхъ не выражается служеніе Богу и которыя, завися отъ условій настоящей жизни, составляютъ ежедневный предметъ трудовъ нашихъ. По закону равноапостольнаго Константина и особенно Льва I, всѣ подданные Римской имперіи должны были въ день воскресный прекращать всякое занятіе какъ частное такъ и государственное, а наши отечественные законы обязываютъ всѣхъ посвящать воскресные дни отдохновенію отъ трудовъ и набожному благоговѣнію (*). Въ частности, запрещаются земледѣльческія работы во всѣхъ видахъ, составляющія предметъ труда самаго многочисленнаго класса народа. Это запрещеніе, такъ радостное для многихъ, буквально заповѣданное въ Ветхомъ Завѣтѣ, перешло и въ Церковь христіанскую, въ которой, по свидѣтельству Климента, сохранилось апостольское правило объ освобожденіи рабовъ отъ работы въ день воскресный (*), и не разъ повторено устами почти всѣхъ вселенскихъ учителей Церкви. — Къ этимъ же трудамъ, воспрещеннымъ въ день воскресный, должно отнести еще всѣ работы на фабрикахъ, заводахъ, всякаго рода ремесла, промышленность, торговлю. Въ граматѣ Варлаама митрополита Ростовскаго къ игумену Кирилло-бѣлозерскаго монастыря Антонію, составленной на основаніи опредѣленія Московскаго собора, бывшаго въ 1647 году, сказано: »въ субботу преставати отъ всякаго дѣла, какъ начнутъ благовѣстить за три часа до ночи и торговати покинуть и ряды затворяти и въ домахъ по тоже время оставити дѣла, и на утріе въ воскресный день до пятаго часа по полудни рядовъ не отворять« (**)?

Сверхъ сего законъ гражданскій, повинуясь заповѣди Божіей, освобождаетъ должностныя лица отъ общественныхъ занятій по службѣ. Еще при Константинѣ В. запрещены были въ воскресные дни дѣла судныя и военныя упражненія. Тоже подтверждали и преемники его. По закону Юстиніана I, »въ дни воскресные и праздничные всѣмъ необходимо имѣть одинаковое благоговѣніе, такъ чтобы, въ эти дни не производилось разбирательства тяжебъ ни чрезъ адвокаковъ, ни чрезъ лица опредѣленныя судами,

---

вѣка революціонная Франція, отказавшись въ лицѣ представителей своихъ отъ христіанства, вздумала замѣнить 7 день, назначенный для отдохновенія, десятымъ, и отмѣнивъ празднованіе воскреснаго дня, ввела въ свой календарь такъ называемыя *декады*, т. е. предписано было во всякій 10-й день прекращать работы не только земледѣльческія, но и другія; но безпристрастными наблюдателями тогда же замѣчено было, что не только это тяжело людямъ, но и сами рабочія животныя, начиная съ 7 дня, становились вялѣе и пасмурнѣе въ работѣ, какъ будто законъ о покоѣ 7 дня вложенъ, такъ сказать, въ самый организмъ ихъ.

(*) Свод. Зак. Том. XIV. ст. 25.

(*) Это правило находится въ постановленіяхъ апостольскихъ (lib. VIII. c. 33), которыя хотя не признаются подлиннымъ твореніемъ св. Климента, но ихъ неподлинность не уничтожаетъ силы историческаго свидѣтельства ихъ. Онѣ извѣстны были Оригену, св. Аѳанасію, Евсевію и друг.

(**) Акты Арх. Экспед. Т. IV № 19. Опис. Рум. Музея, стр. 783.

ни чрезъ добровольно избираемыя« (*). Наши отечественные законы, повторяя тѣже подтвержденія, позволяютъ рѣшать въ воскресные дни однѣ только важнѣйшія и крайней необходимости дѣла и отправлять только тѣ должности, которыя необходимы для соблюденія благочинія и тишины общественной.

Впрочемъ, какъ не всѣ работы имѣютъ своимъ предметомъ дѣланіе земли, такъ не всѣ имѣютъ цѣлію земное благо: есть болѣе возвышенныя занятія, благороднѣйшій трудъ для человѣка. Это — просвѣщеніе ума, образованіе сердца и облагороженіе вкуса наукою, которая требуетъ не малаго времени въ краткой жизни человѣческой. Итакъ позволительно ли занятіе наукою въ воскресные дни? Не усомнюсь сказать: нѣтъ; ибо законы гражданскіе явно освобождаютъ въ сіи дни отъ занятій всѣхъ питомцевъ науки. Притомъ, занятіе ею есть всегдашній, постоянный трудъ нѣкоторыхъ сословій, несовмѣстный съ торжествомъ христіанскимъ. Во дни его христіанину предлежитъ другая, высшая наука — въ храмѣ Божіемъ, которой не можетъ замѣнить никакая другая наука, какъ бы близко ни подходила она къ духу вѣры Христовой: ибо кромѣ того, что христіанинъ нуждается въ воспитаніи церковномъ, непрерывное занятіе наукою несовмѣстно съ служеніемъ Богу, котораго требуетъ день седьмой отъ человѣка.

Подобнымъ образомъ запрещаются и всѣ другія житейскія попеченія, когда они зависятъ отъ одной свободной дѣятельности человѣческой, и всякій, занимающійся ими въ день воскресный, нарушаетъ святость его и ясную заповѣдь Божію.

Но заповѣдь Божія: *да не сотвориши въ день седьмый всякаго дѣла* (Втор. 5, 14) не противурѣчитъ обязанности исполнять всякое же дѣло, предписываемое въ особенныхъ случаяхъ законами гражданскими: ибо нѣтъ времени, въ которое слово Божіе освобождало бы человѣка отъ повиновенія властямъ предержащимъ; далѣе — всѣ дѣла основывающіяся на естественной необходимости, которая имѣетъ всю обязательную силу для человѣка, какъ видно изъ неоднократныхъ бесѣдъ Господа съ іудеями о покоѣ субботы (Матѳ. 12, 10 — 13. Лук. 6, 1 — 5. Іоан. 9, 16). Эта необходимость опредѣляется а) потребностію удовлетворенія нуждамъ тѣлесной нашей природы (Матѳ. 12, 2 - 10); отчего не воспрещаются легкія работы въ воскресные дни вообще тѣмъ, званіе и обязанность которыхъ состоитъ въ удовлетвореніи низшихъ, но настоятельныхъ потребностей человѣческихъ; б) удовлетвореніемъ нуждъ домашнихъ животныхъ (Матѳ. 12, 10 — 12); в) защищеніемъ отъ враговъ (1 Мак. 2, 41), какъ внѣшнихъ такъ и внутреннихъ, и предупрежденіемъ замысловъ ихъ. Эти потребности временной жизни нашей утверждаются какъ святымъ Писаніемъ, такъ и Церковію, которая учитъ, что удовлетвореніе имъ не можетъ сопровождаться ущербомъ для нравственности христіанской.

Въ семъ отношеніи христіанское празднованіе воскреснаго дня отличается отъ празднованія іудеями субботы. По понятію ихъ, запрещаются въ субботу всякія дѣла, даже дѣла необходимости, дѣла любви и милосердія къ ближнимъ. — Водясь такими понятіями, іудеи, во время земной жизни Іисуса Христа, часто упрекали Господа нашего въ нарушеніи субботы, напримѣръ — когда ученики Его, для удовлетворенія голода, срывали въ субботу колосья и ѣли, или когда самъ Онъ въ тотъ же день оказывалъ милосердіе страждущимъ и исцѣлялъ увѣчныхъ; но тогда же слышали отъ

(*) Cod. Iust. lib. III., tit. XII, lex. VII.

Него обличеніе, что ихъ мнѣніе о безусловномъ покоѣ субботы не основывается на законѣ, въ которомъ явно предписываются священныя работы въ день седьмой, именно: принесеніе жертвъ, обрѣзаніе младенцевъ въ томъ случаѣ, если восьмой день, въ который по закону должно было обрѣзывать родившагося, приходился въ субботу, и что они противурѣчатъ сами себѣ, когда въ субботу даютъ животнымъ кормъ и вынимаютъ изо рва упавшую туда овцу. А сего очень достаточно для того, чтобы видѣть всю неосновательность и нелѣпость ученія іудеевъ о безусловномъ покоѣ, который не благоугоденъ Богу, какъ Онъ самъ говоритъ у Пророка: *въ заповѣдехъ моихъ не ходиша, и субботы моя осквернища, и въ слѣдъ помышленій сердца своего хождаху* (Іезек. 20, 16), и несогласенъ съ здравымъ разумомъ, потому что и язычники порицали безчувственный покой іудеевъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему ведетъ онъ и какія слѣдствія сего покоя? Самое ближайшее — то, что душа какъ бы освобождается отъ всѣхъ обязанностей своихъ, а съ ними и отъ исполненія заповѣди Божіей, между тѣмъ какъ эта заповѣдь именно повелѣваетъ добрыя дѣла въ субботу: *достоитъ въ субботу добро творити* (Лук. 6, 9). Свергнувши же (хотя и на время) иго заповѣди Божіей, человѣкъ необходимо пойдетъ въ путяхъ и начинаніяхъ своихъ, что сбылось и сбывается съ іудеями, до нынѣ хранящими почти безусловный покой въ субботу, *по преданію старецъ*.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

86) Знай, и напиши въ сердцѣ своемъ, что сластолюбіе, покой плоти и обращеніе съ людьми, — три сіи вещи отдаляютъ монаха отъ Бога. Если же онъ будетъ блюстись отъ сего — воздержаніемъ, постомъ, бдѣніемъ, псалмопѣніемъ, молитвою, безмолвіемъ, молчаніемъ и чтеніемъ, то, при содѣйствіи Божіемъ, никогда не отпадетъ, и врагу не будетъ попущено приразиться къ нему. Если же когда и будетъ попущено сіе, то всегда съ нимъ сила Божія и хранящій его Ангелъ; — и онъ не убоится искушеній, — потому что помыслъ его всегда съ Богомъ, и онъ, дерзая о Господѣ, презираетъ діавола.

87) Сама божественная благодать обучаетъ людей, особенно монаховъ, тому, какъ дѣйствовать по волѣ Божіей. — Какъ кто либо, обучая плавать малолѣтное дитя, держитъ его поверхъ воды на рукахъ своихъ, и приподнимаетъ, какъ скоро оно начинаетъ погружаться, говоря ему: будь смѣлъ, не бойся, я поддерживаю тебя; или какъ мать, обучая ходить малое дитя свое, отдаляется отъ него немного и зоветъ къ себѣ, и если дитя, идя къ матери своей, начинаетъ дрожать, по слабости тѣла, и бываетъ готово упасть, то мать поспѣшно подбѣгаетъ къ нему, беретъ къ себѣ на руки, обнимаетъ и цѣлуетъ: такъ и божественная благодать носитъ терпящихъ въ безмолвіи ради имени Божія, и мало по малу обучаетъ ихъ путямъ спасенія. — Напиши сіи немногія слова въ сердцѣ своемъ, и да будутъ они тамъ неизгладимы во всѣ дни жизни твоей.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 31-го Іюля 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 21.

НЕДѢЛЯ 13 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

25 Августа 1857 г.

Гласъ 4-й.

На утрени евангеліе воскресное 2-е, Марк. зач. 70. На литургіи: апост. 1 Кор. зач. 166, евангел. Матѳ. зач. 87.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА

НРАВОУЧЕНІЕ ИЗЪ 28 БЕСѢДЫ НА 2 ПОСЛАНІЕ КЪ КОРИНѲЯНАМЪ.

Подлинно, нѣтъ ничего чище добродѣтели, и ничего нечище порока. Добродѣтель свѣтлѣе солнца, а порокъ смраднѣе тины. Сіе могутъ засвидѣтельствовать сами погрязшіе въ тинѣ и живущіе во тмѣ, если кто нибудь хотя нѣсколько откроетъ имъ глаза. Ибо доколѣ они остаются сами съ собою и упоеваются страстію, дотолѣ, пребывая какъ бы во тмѣ, гнусно и постыдно предаются пороку, и хотя чувствуютъ свое положеніе, однако же не совершенно. Когда же кто нибудь изъ добродѣтельныхъ обличаетъ ихъ, или только является предъ ними, тогда яснѣе видятъ свою бѣдность, и, какъ бы освѣщаемые солнечнымъ лучемъ, скрываютъ свою гнусность и стыдятся знакомыхъ, хотя одинъ рабъ, а другой свободный, одинъ царь, а другой подданный. Такъ устыдился Ахаавъ, увидѣвъ Илію,—и когда Илія ничего не сказалъ, уловленъ былъ однимъ его взоромъ. Обвинитель молчалъ, но онъ самъ произнесъ осуждающій его приговоръ, говоря какъ попавшійся въ плѣнъ: *обрѣлъ еси мя, враже мой* (3 Цар. 21, 20). Такъ Иродъ, не терпя стыда быть обличаемымъ, ввергъ въ темницу Іоанна. Онъ хотѣлъ погасить свѣтильникъ, чтобы остаться во мракѣ. Или лучше, самъ не дерзнулъ погасить, но поставилъ въ домѣ какъ бы подъ спудомъ; а жалкая и несчастная женщина принудила Ирода и погасить свѣтильникъ. Но и такимъ образомъ они не могли сокрыть обличенія, а еще болѣе обнаружили оное. Ибо какъ спрашивавшіе: за что Іоаннъ посаженъ въ темницу,—узнавали причину, такъ и всѣ населяющіе море и сушу, всѣ, сколько доселѣ было, есть и будетъ людей, обстоя-

тельно узнали и узнаютъ объ ихъ гнусныхъ дѣлахъ, то есть о распутствѣ и убійствѣ. Никакое время не возможетъ истребить сего изъ памяти. Такова добродѣтель! Такъ безсмертна память ея! Такъ однимъ словомъ поражаетъ своихъ противниковъ! Ибо за что Иродъ заключилъ Іоанна въ темницу? Развѣ Іоаннъ повлекъ бы его въ судилище? Развѣ наказалъ бы его за любодѣяніе? Все, сдѣланное Іоанномъ, не состояло ли въ одномъ обличеніи? Чего же Иродъ боялся и трепеталъ? Не обыкновенная ли рѣчь была это, не простыя ли слова? — но онѣ уязвляли его болѣе самаго дѣла. Іоаннъ не повелъ его въ обыкновенное судилище, но предалъ его собственной совѣсти, и всѣхъ поставилъ надъ нимъ судіями, всѣ въ сердцѣ своемъ полновластно произносили тогда надъ нимъ приговоръ. Посему-то трепеталъ мучитель, не терпя сіянія добродѣтели. Видишь ли, какова сила любомудрія? Оно узника содѣлало славнѣйшимъ мучителя, такъ что послѣдній страшился и трепеталъ перваго. Но Иродъ заключилъ только Іоанна въ оковы, а беззаконная Иродіада подвигла и на убійство, — хотя Іоанново обвиненіе падало болѣе на Ирода. Ибо не Иродіадѣ говорилъ тогда Іоаннъ: для чего ты живешь съ мучителемъ? Не сбличалъ же Иродіаду не потому, чтобы и она не подлежала отвѣтственности (ибо могло ли это быть?), но потому что онъ хотѣлъ исправить все, начавъ съ Ирода. Почему и укорялъ его одного и притомъ не строго; не говорилъ: скверный и гнусный, беззаконный и мерзскій! Ты попралъ законъ Божій, презрѣлъ Божіи заповѣди, и силу свою содѣлалъ для себя закономъ. Іоаннъ не сказалъ ничего такого, но и въ обличеніяхъ его видна большая умѣренность и кротость: *не достоитъ ти имѣти*, говорилъ онъ, *жены Филиппа брата твоего* (Матѳ. 14, 3, 4). Но, какъ сказалъ я, для вора непріятенъ свѣтъ; для грѣшниковъ нестерпимъ праведникъ, даже и при одномъ своемъ появленіи: *тяжекъ бо есть намъ и къ видѣнію* (Премуд. 2, 15). Грѣшники не могутъ сносить лучей его, какъ больные глазами лучей солнечныхъ. А многимъ грѣшникамъ тяжело не только видѣть праведника, но и слышать о немъ. Посему-то оная скверная и гнусная женщина, наставница, или лучше сказать, убійца своей дочери, хотя сама не видала Іоанна и не слыхала словъ его, — устремилась на убійство, и распутно воспитанную дочь заставила распутно идти на убіеніе. Такъ сильно она страшилась Іоанна! И что говоритъ: *даждь ми здѣ на блюдѣ главу Іоанна Крестителя* (Матѳ. 14, 8). Бѣдная и несчастная, по какимъ несешься стремнинамъ? Развѣ пришелъ твой обличитель? Развѣ онъ предъ тобою и безпокоитъ тебя? Иные говорили: *тяжекъ есть намъ и къ видѣнію*, а ей, какъ сказалъ я, Іоаннъ тяжекъ былъ и къ слышанію; посему и говоритъ: *даждь ми здѣ на блюдѣ главу Іоанна.* За тебя, Иродіада, Іоаннъ въ темницѣ, за тебя заключенъ въ оковы; ты можешь тщеславиться любовію царя и говорить: я овладѣла имъ, ибо и всенародно обличенный — онъ не охладѣлъ ко мнѣ, не переставъ меня любить, даже обличителя заключилъ въ оковы; чтоже бѣсишься и неистовствуешь, когда и по обличеніи грѣха имѣешь мужа? Для чего ищешь сообщества Фурій, и готовишь пиръ для убійцъ — демоновъ? Видишь ли, какъ ничтожна, робка и безсильна злоба, и тѣмъ слабѣе, чѣмъ, повидимому, болѣе одолѣваетъ? Иродіада не столько безпокоилась, когда Іоаннъ еще не былъ заключенъ въ темницу, сколько тревожится, когда онъ уже связанъ. И потому настоятельно проситъ: *даждь ми здѣ на блюдѣ главу Іоанна*, — а для чего здѣсь? Боюсь, говоритъ, чтобы не обманули ложнымъ извѣ-

стіемъ объ убіеніи, чтобы кто нибудь не избавилъ Іоанна отъ гибели. Для чего же проситъ одну главу, а не всего мертвеца? Желаю, говоритъ она, видѣть безмолвнымъ языкъ, оскорбившій меня! Но, бѣдная и несчастная! Ты увидишь противное (какъ и случилось); отсѣченная глава будетъ говорить еще громче прежняго. Тогда вопіялъ Іоаннъ въ одной Іудеѣ, а теперь будетъ слышимъ на предѣлахъ вселенной; и гдѣ ни войдешь въ церковь,—у Мавровъ ли, или у Персовъ, или даже на Британскихъ островахъ,—вездѣ услышишь вопіющаго Іоанна: *недостоитъ ти имѣти жену Филипа брата твоего.* Но Іродіада не умѣла разсуждать; она неотступно проситъ, требуетъ, принуждаетъ несмысленнаго мучителя совершить убійство, боясь, чтобы онъ не перемѣнился къ ней. А ты и изъ сего познай опять силу добродѣтели. Порокъ не терпитъ Праведника, хотя онъ заключенъ въ темницу, находится въ оковахъ, молчитъ. Видишь ли, какъ порокъ безсиленъ и какъ нечистъ? Выноситъ на блюдѣ человѣческую главу, вмѣсто снѣдей. Что отвратительнѣе, что порочнѣе, что безстыднѣе этой дѣвицы? Что она сказала на діавольскомъ зрѣлищѣ, на пиршествѣ демоновъ? Вотъ два языка: одинъ доставляетъ спасительныя врачевства, а другой носитъ на себѣ ядъ, и уготовляетъ діавольское пиршество. Но для чего она не велѣла обезглавить его среди самаго пиршества, что доставило бы ей болѣе удовольствія? Опасаясь, чтобы Іоаннъ, представши на пиршествѣ своимъ видомъ и дерзновеніемъ не преклонилъ къ себѣ всѣхъ. Потому требуетъ главы, желая воздвигнуть блистательный памятникъ любодѣянію: *и даде ю матери своей* (Мар. 6, 28). Посмотри на сію награду за плясаніе! Посмотри на сію добычу діавольскихъ козней! Я разумѣю не главу Іоанна, но самаго Ирода. Ибо кто тщательно вникнетъ, тотъ увидитъ, что надъ царемъ одержана побѣда, что побѣдительница сама побѣждена; а обезглавленный увѣнчанъ, провозглашенъ побѣдителемъ, и по смерти своей еще сильнѣе поражаетъ страхомъ сердца грѣшниковъ. А что сказанное—не пустыя слова, спроси самаго Ирода. Ибо онъ, слыша о чудесахъ Христовыхъ, говорилъ: *сей есть Іоаннъ* (Креститель); *той воскресе отъ мертвыхъ, и сего ради силы дѣются о немъ* (Матѳ. 14, 2). Такъ сильно онъ боялся и непрестанно трепеталъ, и никто не могъ освободить его отъ страхованій совѣсти; напротивъ, судія сей оставался неподкупнымъ, мучилъ его, и каждодневно наказывалъ за убійство. Итакъ, зная сіе, убоимся не терпѣть, но дѣлать зло. Одно есть побѣда, а другое—пораженіе. Потому и святый Павелъ говорилъ: *почто не паче обидими есте? но вы сами обидите и лишаете, да еще братію* (1 Кор. 6; 7. 8)? Терпящему зло готовы вѣнцы, награды и прославленіе. Сіе можно видѣть на всѣхъ святыхъ. Поелику же всѣ такимъ образомъ увѣнчаны и провозглашены побѣдителями; то и мы пойдемъ тѣмъ путемъ, и будемъ молиться, чтобы намъ не впасть во искушеніе. А если оно и придетъ; то, вооружившись мужествомъ, покажемъ должную ревность, чтобы получить намъ будущія блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Нимже Отцу и Святому Духу слава, держава, честь нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ЧЕЛОВѢКОУБІЙЦАМИ.

Глась крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ (Быт. 4, 10).

Человѣкоубійство есть одно изъ такихъ злодѣяній въ родѣ человѣческомъ, за которыя судъ Божій постигаетъ злодѣя еще въ сей жизни, часто вслѣдъ за совершеніемъ злодѣянія, а еще чаще замѣчательными и поразительными путями. Чтобы сократить и, если-бы возможно было, прекратить безумныя и дерзкія покушенія со стороны человѣка на прекращеніе жизни брата своего, правда Божія положила преслѣдовать человѣкоубійцу скорымъ, непреложнымъ и часто видимымъ и поразительнымъ заступленіемъ своимъ. Съ другой стороны, самое злодѣяніе человѣкоубійства такъ тяжко, заключаетъ въ себѣ столько великихъ преступленій противъ всѣхъ законовъ бытія и жизни въ мірѣ Божіемъ, что самые эти законы и самыя стихіи, положенныя Богомъ въ основаніе порядка вещей и жизни человѣческой, расторгнутыя и пресѣченныя рукою человѣкоубійцы, вопіютъ къ Богу объ отмщеніи сему злодѣю и врагу; и—правда Божія находитъ справедливымъ не медлить снисхожденіемъ на этотъ вопіющій гласъ страданія и жалобы убитой жизни и пролитой крови. Произвольно, по прихоти, по страсти убить собрата, насильственно, ударами и страданіями расторгнуть духъ его съ плотію, безжалостно отнять у него жизнь, которую такъ самолюбиво блюдетъ и сохраняетъ въ себѣ самомъ каждый похититель чужой жизни: эта звѣрская жестокость сердца, эта высочайшая несправедливость въ отношеніи къ ближнему достойны какихъ возмездій?.. Прекратить жизнь человѣка, въ лонѣ которой напечатлѣлъ Господь свой Божественный образъ, въ составѣ которой—столько таинъ творческой премудрости, въ явленіи которой—столько чудесъ и даровъ благости Божіей, для которой столько благъ уготовано въ будущемъ и за спасеніе которой принесена такая жертва Сыномъ Божіимъ, какое бремя тягчайшихъ преступленій! Какое наглое нарушеніе правъ Творца! Вотъ почему противъ преступленія человѣкоубійства возстаютъ и законы міра вещественнаго и законы міра нравственнаго и божественныя права Творца и Искупителя нашего. Противъ человѣкоубійцы вопіютъ къ Богу объ отмщеніи за кровь свою и *души избіенныхъ* (Апок. 6, 10); противъ него вопіетъ и самая кровь, невинно пролитая имъ на землѣ (Быт. 4, 10); противъ него и самая правда Божія съ скорымъ возмездіемъ за оскорбленіе и нарушеніе высочайшихъ правъ своихъ, и если невсегда она караетъ злодѣя вслѣдъ за совершеніемъ человѣкоубійства, то это дѣлается по особымъ нравственнымъ цѣлямъ Промысла (Апок. 6, 11). *Око за око, зубъ за зубъ*, рана за рану, кровь за кровь, жизнь за жизнь: вотъ прямое возмездіе строгой правды Божіей, изреченной чрезъ Моисея въ законодательствѣ для народа Іудейскаго (Исх. 21, 15—31); и если Іисусъ Христосъ, новый Законоположникъ для новаго Израиля, назвалъ такіе законы воздаянія законами, данными *ради жестокосердія* іудейскаго, и отмѣнилъ ихъ для сыновъ новаго Завѣта: то жестокосердіе это и самое отмѣненіе онаго воздаянія относятся не къ существу законовъ правды божественной, а къ требованіямъ жестокосердыхъ іудеевъ, которые возмездіе врагу предоставляли себѣ самимъ, личному расчету съ нимъ, тогда какъ ученіе евангельское, возстановляя въ этомъ дѣлѣ права божественныя, внушаетъ христіанамъ предоставлять возмездіе врагу правдѣ и суду Божію, а самимъ ру-

ководиться духомъ терпѣнія и любви. Такимъ образомъ сущность закона сего всегда служила и служитъ основаніемъ суда Божія надъ человѣкоубійцами, и чѣмъ яснѣе воздается злодѣю со стороны человѣческой, тѣмъ точнѣе и непреложнѣе совершается надъ нимъ воздаяніе по суду и правдѣ Божіей.

Первый на землѣ человѣкоубійца, Каинъ, во свидѣтельство и урокъ жившимъ тогда на землѣ, во всю жизнь свою носилъ на челѣ своемъ печать отверженія Божія и знаменіе суда и кары небесной: *и рече Господь Каину: гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли*: и *нынѣ* (отселѣ) *проклятъ ты на земли, яже разверзе уста своя пріяти кровь брата твоего отъ руки твоея. Егда дѣлаеши землю, и не приложитъ силы своея дати тебѣ* (плодъ): *стеня и трясыйся будеши на земли* (Быт. 4, 10—12). Бремя жизни Каина, отягченной злодѣяніемъ братоубійства и поразительною карою видимаго суда Божія, было для злодѣя тяжелѣе и страшнѣе смерти, которой онъ желалъ себѣ (—14); но и смерть удалена была отъ него угрозою суда Божія надъ тѣмъ, кто рѣшился бы пресѣчь позорную жизнь братоубійцы новымъ человѣкоубійствомъ. *И будетъ всякъ обрѣтый мя убіетъ мя*, говоритъ братоубійца ко Господу, сознавая надъ собою справедливымъ возмездіемъ жизнь за жизнь, кровь за кровь. Но судъ и мздовоздаяніе за все принадлежитъ собственно Богу, Владыкѣ и Судіи всего, и если предоставляются людямъ, то предоставляются облеченнымъ закономъ и властію, а отнюдь не произволу и суду частному; въ судѣ и мздовоздаяніи Каину дѣйствовалъ самъ Богъ. *И рече ему Господь: не тако: всякъ убивый Каина седмижды отмстится. И положи Господь Богъ знаменіе на Каинѣ, еже не убити его всякому обрѣтающему его* (—14, 15). Первое между людьми человѣкоубійство требовало особенно поразительнаго суда и отмщенія со стороны правды Божіей: этотъ случай можетъ быть единственнымъ и можетъ не повториться между людьми по своимъ внѣшнимъ частностямъ; но законъ правды Божіей, дѣйствовавшій въ наказаніи перваго человѣкоубійцы, въ существѣ своемъ неизмѣненъ для всѣхъ временъ и родовъ. Всегда и вездѣ злодѣяніе человѣкоубійства влечетъ за собою скорое и непреложное воздаяніе суда Божія злодѣю еще въ сей жизни.

Въ слѣдствіе сего и происходитъ то замѣчательное и замѣчаемое всѣми явленіе, что человѣкоубійство никогда не остается не наказаннымъ, и человѣкоубійца, при всѣхъ усиліяхъ скрыть свое злодѣяніе, раньше или позже, такъ или иначе, непремѣнно открывается и уличается, или самъ собою, по обличенію совѣсти, сознается въ преступленіи. Гласъ невинно пролитой крови не престаетъ вопіять на небо объ отмщеніи, пока не услышится вопль ея, и судъ Божій не престаетъ преслѣдовать злодѣя, куда бы онъ ни укрывался отъ преслѣдованія. Какъ часто и въ обыкновенныхъ случаяхъ открытія виновниковъ человѣкоубійства законнымъ розысканіемъ со стороны служителей суда и правды, самыя маловажныя обстоятельства, самые случайные признаки даютъ основаніе и не всегда опытнымъ и наблюдательнымъ судьямъ узнавать и уличать скрывшагося и успѣвшаго окружить себя признаками невинности, человѣкоубійцу? Судъ Божій ощутительно дѣйствуетъ и въ сихъ дѣлахъ суда человѣческаго надъ человѣкоубійствомъ, хотя не для всѣхъ замѣтно и поразительно. Но иногда дается человѣкоубійцѣ скрыться отъ законнаго преслѣдованія и на нѣкоторое время оставаться безъ обличенія и возмездія: въ такихъ и подобныхъ случаяхъ неизвѣстный виновникъ человѣко-

убійства *предается* судомъ человѣческимъ *суду Божію*. Какъ поразительно, и потому какъ поучительно въ такихъ случаяхъ праведный судъ Божій изобличаетъ убійцу и предаетъ его суду закона человѣческаго, или самъ своими особыми путями наказываетъ его и отмщаетъ за кровь неповинную!

Чаще всего судъ Божій, обличающій и открывающій человѣкоубійцу, приводитъ его къ собственному самообличенію путемъ угрызеній и мученій совѣсти. Совѣсть—это голосъ нелицемѣрнаго и неподкупнаго суда Божія въ душѣ человѣческой. Постоянный и неумолкающій голосъ и судъ этого внутренняго судіи нашей души можетъ на время оставаться безъ вниманія со стороны человѣка, можетъ быть заглушенъ шумомъ страстей, можетъ быть пренебрегаемъ волею человѣка, особенно въ то самое время, когда онъ дѣйствуетъ по внушенію и въ ослѣпленіи страстей. Но за то послѣ, во время усыпленія или притупленія страстей, въ минуты спокойнаго самосознанія человѣка, бываютъ такія страшныя пробужденія и угрызенія совѣсти, которыя вдругъ сотрясаютъ все существо души и не даютъ ей покоя, пока она кроетъ въ себѣ тайну злодѣянія. Это образъ внутренняго, но страшнаго суда Божія надъ беззаконникомъ. Примѣры такого дѣйствія совѣсти въ обличеніи человѣкоубійства многочисленны и разнообразны по разнобразію лицъ и характеровъ, совершающихъ это злодѣяніе. Вотъ, одинъ злодѣй человѣкоубійства до того привыкъ къ этому злу, что проливалъ кровь человѣческую безъ всякаго чувства виновности, какъ кровь животныхъ, и сдѣлался предводителемъ шайки подобныхъ себѣ злодѣевъ. Разъ, по устроенію Божію, въ минуты уединеннаго размышленія, онъ остановилъ вниманіе на самомъ себѣ и встрѣтился съ своею совѣстію; неумолкаемый судъ этого судіи поразилъ его всею тяжестію суда Божія и потрясъ до основанія существо души его: онъ вдругъ оставляетъ все и предается строжайшему покаянію (*). Или вотъ другой примѣръ подобный. Одинъ разбойникъ, по имени Варваръ, злодѣяніями человѣкоубійства наводилъ ужасъ на всѣ окрестныя страны. Однажды, послѣ грабежа и пролитія крови человѣческой, обремененный сокровищами, онъ уединяется въ пещеру, чтобы пересмотрѣть сокровища, добытыя новымъ убійствомъ. Въ уединеніи пещеры его ничто не развлекало: между нимъ и золотомъ были только кровь убійства и совѣсть; смотря на сокровище онъ спросилъ себя вопросомъ совѣсти: для чего все это? Вмѣсто отвѣта послѣдовала глубокая дума... Въ эти минуты кровь и совѣсть возстали страшными обличителями разбойника, и—тотъ, кого не могли уловить никакія преслѣдованія, является самъ предъ служителемъ Божіимъ и вопіетъ: »я разбойникъ! Злодѣянія мои безчисленны: я грабилъ, насиловалъ, убивалъ! Если знаешь, отецъ мой, что Богъ приметъ мое покаяніе, то, чѣмъ угодно, обяжи меня, я все готовъ исполнить. Если же нѣтъ, то вотъ мечь, вели имъ убить меня (**)!

Иногда бываетъ такъ, что человѣкоубійца, страшась законнаго преслѣдованія и суда, тотчасъ по совершеніи злодѣянія старается только о томъ, чтобы съ одной стороны подавить упреки и мученія совѣсти, съ другой—скрыть слѣды убійства и отклонить отъ себя признаки подозрѣнія; но при этомъ, въ смущеніи совѣсти, окружаетъ себя такимъ неестественнымъ сплетеніемъ поступковъ и дѣйствій, которое своею необыкновенностію и странностію болѣе открываетъ, чѣмъ скрываетъ

(*) Это—Давидъ, бывшій разбойникомъ въ пустынѣ ермопольской. Чет. Мин. 6 сент.

(**) Чет. мин. 6 Мая.

слѣды убійства и признаки подозрѣнія: судъ тревожной совѣсти такъ смущаетъ человѣкобійцу среди самыхъ усилій его скрыться и такъ растроиваетъ связь его соображеній и здравомыслія, что онъ соображаетъ и дѣйствуетъ не для цѣли, а противъ цѣли, и — попадаетъ и изобличается при первой встрѣчѣ съ розысканіемъ и судомъ. Бываетъ и такъ даже, что смущеніе совѣсти совершенно разстроиваетъ правильное отправленіе душевныхъ способностей человѣкоубійцы и производитъ въ немъ нѣкоторое помѣшательство, такъ что невинно пролившій кровь человѣческую самъ выдаетъ себя убійцею и признаетъ надъ собою непосредственный судъ Божій. Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ, записанныхъ исторіею. Ѳеодерикъ, царь варваровъ Ост-готѳовъ, когда овладѣлъ Италіею, по клеветѣ и неосновательному подозрѣнію, вопреки убѣжденіямъ своей совѣсти, папу Іоанна уморилъ въ темницѣ, знаменитаго сенатора Боэція, послѣ темничнаго заключенія, замучилъ въ страшныхъ пыткахъ, тестю его, Симмаху, по одному родству съ Боэціемъ, отсѣкъ голову (522 г.). Подобныя человѣкоубійства кто могъ совершать спокойнѣе человѣка, выросшаго подъ шумомъ оружія и военныхъ браней, среди убійствъ и крови, каковъ былъ Ѳеодерикъ? Но неповинно пролитая кровь всегда и на всѣхъ вопіетъ на небо объ отмщеніи: и, привыкшій къ убійству и крови, царь варваровъ не могъ не чувствовать угрызеній совѣсти въ пролитіи крови неповинной; но онъ хотѣлъ задушить судъ совѣсти и не хотѣлъ признаться и покаяться въ злодѣяніи. Между тѣмъ судъ Божій судомъ совѣсти сдѣлалъ свое: Ѳеодерикъ отъ душевнаго смущенія и душевной борьбы впалъ въ мрачное и томительное расположеніе духа, зачѣмъ послѣдовало разстройство его умственныхъ способностей. Вотъ свидѣтельство историка объ этомъ событіи: »за обѣдомъ слуги подали Ѳеодерику на столъ голову большой рыбы. Ему показалось, что это голова, недавно убитаго, Симмаха и что она, прикусивъ зубами нижнюю губу и смотря на него глазами выражающими дикость и бѣшенство, страшно грозитъ ему. Испуганный необыкновеннымъ явленіемъ и дрожа какъ бы въ лихорадкѣ, онъ бѣгомъ бросился къ постелѣ.. Онъ оплакивалъ свой грѣхъ противъ Симмаха и Боэція; оплакавъ, объявилъ свое сожалѣніе объ этомъ несчастіи, и скончался« (*).

Бываютъ и такіе люди, которые, по совершеніи человѣкоубійства, успѣвши укрыться отъ законнаго преслѣдованія, потомъ, въ слѣдствіе ли особенной грубости характера, или по недостатку въ чувствительности совѣсти, уживаются съ ея упреками и продолжаютъ жить спокойно. Въ такихъ случаяхъ судъ Божій особенными внѣшними путями и обстоятельствами жизни обличаетъ убійцу и отмщаетъ за неповинную кровь человѣческую. Чаще всего такой судъ Божій выражается такъ, что скрывшійся человѣкоубійца, послѣ, по необъяснимому стеченію обстоятельствъ, попадаетъ въ число людей, подозрѣваемыхъ въ совершеніи другаго убійства; обстоятельства дѣла такъ запутываются, что виновникъ прежняго убійства никакъ не можетъ доказать своей невинности въ совершеніи убійства настоящаго; его подвергаютъ заключенію, допросамъ, испытанію. Тогда онъ или признаетъ въ своей судьбѣ видимый судъ Божій и открываетъ правду, или же, въ случаѣ скрытности, получаетъ за скрытое злодѣяніе наказаніе по суду за убійство, которому дѣйствительно онъ непричастенъ. Нѣсколько примѣровъ такого суда Божія надъ разными злодѣями приводитъ препод. Ефремъ Сиринъ (**). Иногда судъ

(*) Procop. de bell. Goth. lib. 1. pag. 320.

(**) Въ »обличеніи самому себѣ« стр. 207—215.

Божій разрушаетъ семейное благополучіе, внѣшнее благосостояніе, отягчаетъ бѣдствіями и болѣзнями скрывшагося человѣкоубійцу или даже и дѣтей его, дабы сими путями привесть злодѣя къ самосознанію и покаянію и воздать ему за пролитіе крови человѣческой. Пути и средства у премудраго и всемогущаго Господа различны и неисчислимы, но такъ или иначе, судъ Божій непремѣнно воздаетъ должное за кровь человѣческую.

Судъ Божій дѣйствуетъ иногда въ обличеніи человѣкоубійцы посредствомъ безсловесныхъ животныхъ и даже вещей неодушевленныхъ. Въ царствѣ греческомъ, при императорѣ Константинѣ Погонатѣ, ок. 680 г. было слѣдующее произшествіе. Пустынной дорогой шелъ путникъ, сопровождаемый домашнею собакою. На путника напалъ разбойникъ, убилъ его и скрылся. Животное — свидѣтель человѣкоубійства, оставалось при трупѣ убитаго хозяина неотлучно. Другой прохожій предалъ трупъ мертвеца землѣ; признательное животное послѣдовало за благодѣтелемъ своего хозяина и осталось при немъ. Новый хозяинъ былъ содержатель гостинницы. Спустя долгое время, въ гостинницу взошелъ тотъ скрывшійся убійца; собака, ласкавшаяся по обычаю ко всѣмъ прихожимъ, вдругъ, къ изумленію, всѣхъ съ лаемъ и гнѣвомъ бросается на пришельца и съ озлобленіемъ кидается ему въ лицо; ей запрещаютъ; она не повинуется и повторяетъ свое нападеніе нѣсколько разъ. Видѣвшіе это заподозрили незнакомца во враждебныхъ отношеніяхъ къ прежнему хозяину животнаго и объявили объ этомъ суду. На судѣ скрывавшійся злодѣй признался въ человѣкоубійствѣ (*). Или, что невѣроятнаго и несообразнаго въ слѣдующемъ событіи? Изъ двухъ товарищей путниковъ одинъ рѣшился лишить жизни другаго, чтобы завладѣть его сокровищемъ. Беззащитный страдалецъ въ рукахъ злодѣя умолялъ его оставить злую рѣшимость, клятвенно обѣщаясь сохранить въ тайнѣ злодѣйское покушеніе его. Злодѣй не внималъ мольбамъ страдальца и рѣшился окончить грабежъ убійствомъ, которому не могло быть свидѣтелей среди пустыни. Когда убійца заносилъ послѣдній смертельный ударъ своей жертвѣ, до нихъ долетѣлъ звукъ церковнаго колокола; умирающій призывалъ во имя всевидящаго Бога этотъ священный звукъ во свидѣтели убійства и обличители убійцы. Съ злою насмѣшкою надъ безсиліемъ умирающаго и надъ несбыточностію надеждъ его злодѣй довершилъ начатое человѣкоубійство. Чтоже бездушный свидѣтель человѣкоубійства? Тотъ, кто всѣ гласы и громы безсловесной природы творитъ слугами и вѣстниками своими, когда хощетъ, далъ и сему бездушному свидѣтелю злодѣянія силу неумолкаемаго свидѣтеля и неподкупнаго обличителя: звукъ церковнаго колокола со всею точностію исполнилъ предсмертное завѣщаніе умирающаго страдальца. Человѣкоубійца съ того времени не могъ спокойно слышать звука церковнаго колокола: всякій разъ, когда только слышалъ его, злодѣй приходилъ въ смущеніе и трепетъ. Мучимый сознаніемъ суда Божія надъ собою и подозрѣваемый другими въ какомъ-либо страшномъ злодѣяніи, преступникъ убѣдился въ необходимости признаться въ человѣкоубійствѣ, и признался.

Тамъ, гдѣ совѣсть человѣческая до того подавляется и заглушается шумомъ страстей и привычкою спокойно и безнаказанно проливать кровь человѣческую, что дѣлается недоступною ни для какихъ обыкновенныхъ потрясеній, особенно если человѣкоубійца, по своему званію или положенію, стоитъ выше

(*) Истор. Кедрин. ч. 1. л. 155. въ рус. пер. М. 1820 г.

или внѣ законовъ и суда человѣческаго,— тамъ за кровь праведнаго Авеля, вступается самъ Судія праведный и дѣйствуетъ особенными путями, поразительными и поучительными для всѣхъ. Ахаавъ, царь израильскій, движимый страстію корыстолюбія, соглашается на убійство невиннаго Навуѳея, чтобы завладѣть его виноградникомъ. Гдѣ судъ надъ царемъ, и царемъ нечестивымъ и беззаконнымъ? и кто произнесетъ его? Самъ Богъ посылаетъ пророка своего, Илію, для обличенія того, кто презиралъ судомъ человѣческимъ и забывалъ о судѣ Божіемъ: *понеже ты убилъ еси Навуѳея, и пріялъ еси въ наслѣдіе виноградъ его: сего ради тако глаголетъ Господь: на мѣстѣ, идѣже полизаша свиніи и пси кровь его, тамо полижутъ и кровь твою, и блудницы омыются въ крови твоей.* Такъ произнесенъ былъ судъ мздовоздаянія человѣкоубійцѣ, неподсудимому суду человѣческому, изъ устъ посланника Божія. Ахаавъ содрагается отъ приговора такого суда Божія и на минуту раскаевается въ убійствѣ: за временное раскаяніе и наказаніе отложено было до времени; но потомъ съ точностію совершилось по приговору пророка Божія (*). Цари римскіе и гонители христіанъ въ первые вѣка затруднялись въ изобрѣтеніи средствъ для умноженія мученій и пролитія крови христіанской. Суда человѣческаго не могло быть для повелителей міра, которые убивали христіанъ во имя законовъ человѣческихъ; ложная совѣсть ихъ недоступна была для раскаянія, потому что пролитіе крови христіанской она почитала жертвою богамъ. Какого грознаго и поразительнаго суда Божія нужно было для вразумленія, потрясенія и наказанія сихъ величайшихъ злодѣевъ человѣчества? Для воздаянія имъ за кровь христіанскую недостаточна была и та *мѣра, въ нюже возмѣрили* они милліономъ невинныхъ страдальцевъ!... Всѣ озлобленные враги послѣдователей христовыхъ и жестокіе мучители ихъ или испытывали казнь небесную въ ужасныхъ мукахъ неслыханныхъ и отвратительныхъ болѣзней, для прекращенія которыхъ отрадою казалось самоубійство, или собственною жизнію и кровію, поноснымъ образомъ пролитою отъ рукъ убійцъ, и бѣдственною погибелью ихъ семействъ принесли возмездіе за мученія и насильственную смерть христіанъ. »О слезы, слезы! О кровь христіанская! Какъ жестоко вы мстите за себя«! взывалъ не одинъ гонитель христіанъ, сознавая надъ собою карающую силу небесную (*).

Какъ многоцѣнна жизнь, какъ дорога кровь человѣческая предъ Богомъ! Если такъ непреложно и грозно мстится каждому человѣкоубійцѣ: то не повиненъ ли непреложному и грозному суду и наказанію и тотъ, кто самъ небрежетъ о собственной жизни и не знаетъ цѣны собственной крови, кто такъ самоубійственно истощаетъ то и другое въ преступныхъ порывахъ и потрясеніяхъ душевныхъ страстей и въ буйствѣ чувственныхъ прихотей и пресыщеній, что прежде времени приближается къ старости и могилѣ?... На неестественное и насильственное сокращеніе и прекращеніе жизни нашей у насъ самихъ также нѣтъ никакого права, какъ и у другихъ; у каждаго человѣка жизнь Божія, у каждаго христіанина жизнь и кровь Христовы. Творецъ и Искупитель жизни нашей — Судія и мститель намъ или другимъ зажизнь и кровь нашу, потому что, такъ или иначе убита будетъ жизнь наша, во всякомъ случаѣ *гласъ крови нашей вопіетъ къ Богу* объ отмщеніи.

(*) 3 Цар. гл. 22. 23.

(*) Во свидѣтельство этой истины Лактанцій обозрѣваетъ судьбу всѣхъ гонителей христіанъ въ цѣлой книгѣ de morte persecutorum.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

88) Безмолвіе спасительно,—ибо оно упраздняетъ всякое зло. Если же чрезъ молитву оно стяжетъ въ помощь себѣ слѣдующія четыре добродѣтели: терпѣніе, смиреніе, блѣніе и воздержаніе, то нѣтъ кратчайшаго пути ко спасенію. Добро и весьма добро молчаніе; это—матерь святыхъ помышленій.—Духъ Святый бѣгаетъ многословія, суетливости и разсѣянія. — Добро безмолвіе; ибо оно есть матерь всѣхъ добродѣтелей, кои оно отраждаетъ посредствомъ непрестанной и неразвлеченной къ Богу молитвы. Безмолвнолюбивый монахъ бываетъ любимъ Богомъ, потому что и онъ, любя Бога, безмолвствуетъ и молчитъ, и съ единымъ Богомъ ревнуетъ бесѣдовать чистою молитвою.—Пребывая на землѣ, онъ горняя мудрствуетъ, и умъ его всегда занятъ однимъ—какъ угодить Богу, и сдѣлаться храмомъ Св. Духа.—Таковый съ усердіемъ подклоняетъ выю свою подъ легкое и благое иго сладчайшаго Іисуса, и, презирая все видимое, стремится къ невидимому, или паче—самаго невидимаго Бога, яко видя, чаетъ. Таковый подвизается быть подобнымъ ангеламъ, и, сидя всегда въ келліи своей и неотступая памятію отъ Бога, содѣлываетъ умъ свой чистымъ, подобно зеркалу. Блаженъ таковый человѣкъ на землѣ и на небѣ.

89) Внимай рѣченіямъ Господнимъ, пророческимъ и апостольскимъ, содержи ихъ въ сердцѣ какъ руководство, и преуспѣвай въ добродѣтеляхъ, да близъ будешь св. ангеловъ, долготерпя въ келліи своей, упражняясь въ чтеніи, подвизаясь въ бдѣніи, смиренномудріи, цѣломудріи, постѣ, сердечной молитвѣ и молчаніи, не дни или мѣсяцы, но все время жизни твоей до послѣдняго издыханія, пѣснослови Владыку день и ночь. Если такъ начала ты, добрая госпожа моя и сестра, такъ и да кончишь, шествуя прискорбнымъ путемъ въ краткое время подвига своего,—и внидешь, благодатію Христовою, въ рай, чтобы веселиться со Христомъ во вѣки.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 8-го Августа 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 22.

НЕДѢЛЯ 14 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

1 Сентября 1857 г.

Гласъ 5-й.

На утрени евангеліе воскресное 3-е, Марк. зач. 71. На литургіи: апост. 2 Кор. зач. 170, евангел. Матѳ. зач. 89.

СВЯТАГО АМВРОСІЯ МЕДІОЛАНСКАГО

о дѣвственницахъ.

ГЛАВА III.

(Заимствуетъ похвалы дѣвству изъ разныхъ началъ, а наиболѣе изъ того, что оно удостоилось высокой чести — послужить избраннымъ орудіемъ для низведенія съ неба на землю Бога—Слова; отсюда и та любовь и то соревнованіе къ дѣвству, столь рѣдкія въ ветхомъ завѣтѣ, коихъ нынѣ имѣемъ безчисленные примѣры и коими украшаются нынѣ цѣлыя общества).

10) Итакъ, съ одной стороны самая любовь и самое благоговѣніе къ чистотѣ и непорочности побуждаетъ меня, а съ другой и ты сама, блаженная сестра, при безмолвной и уединенной жизни, вызываешь меня — написать нѣчто о дѣвствѣ, чтобы симъ почтить эту высокую добродѣтель. Ибо не потому достоуважаемо дѣвство, что его обрѣтаемъ и въ мученикахъ, но потому что оно само творитъ мучениковъ.

11) И какой умъ человѣческій можетъ вполнѣ постигнуть всю высоту дѣвства, когда и сама природа не могла подчинить его своимъ законамъ? Какое слово естественнымъ образомъ можетъ выразить то, что превыше естества? Оно низведено съ неба для подражанія ему на землѣ. Не напрасно позаимствовало себѣ и образъ жизни съ неба, обрѣтши себѣ Жениха на небѣ. Прошедъ облака, твердь небесную, звѣзды и Ангеловъ, оно

обрѣло въ самомъ лонѣ Отчемъ Бога—Слово и всѣмъ сердцемъ воспріяло Его. Ибо кто, обрѣтши толикое и таковое благо, оставитъ его? *Мiро* бо *изліянное имя твое: сего ради отроковицы возлюбиша тя и привлекоша тя* (Пѣсн. пѣсн. 1, 2. 3). И все это я не отъ себя говорю; потому—что въ Писаніи же сказано, что тѣ, кои ни женятся, ни посягаютъ, будутъ *яко Ангели Божіи на небеси* (Матѳ. 22, 30). А что они сравниваются съ Ангелами, тому никто ни удивляйся, когда они соединяются съ самимъ Господомъ Ангеловъ. Кто же послѣ сего станетъ отрицать неземное происхожденіе дѣвственной жизни, кто усумнится въ небесномъ ея происхожденіи,—этой дивной жизни, которой столь высокіе примѣры едва ли бы обрѣлись на землѣ, если бы не самъ Господь соблаговолилъ снизойти съ неба на землю и *приобщиться плоти и крови* нашего естества (Евр. 2, 14) во утробѣ дѣвственной? И *се Дѣва во чревѣ зачала отъ Духа Свята* (Ис. 7, 14. Матѳ. 1, 18. 23), и *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14), да плоть естества нашего обоготворится.

12) Но скажетъ кто нибудь: и Илія былъ дѣвственникъ, непричастный плотскимъ вожделѣніямъ. По этому-то онъ и *взятъ былъ* необычайнымъ образомъ *на небо* (4 Цар. 2, 11); по этому и является во славѣ съ Господомъ славы (Мат. 17, 1—5. Марк. 9, 2—7. Лук. 9, 28—35); по этому *той есть Илія, хотяй пріити* предтечею *пришествія дне Господня великаго и просвѣщеннаго* (Мал. 4, 5. Мат. 11, 14). И Маріамъ, вземъ тимпанъ, руководила хоромъ посредѣ дѣвъ тимпанницъ (Исх. 15, 20. Псал. 67, 26). Но размыслите, чей она образъ тогда представляла. Не церкви ли, которая, какъ дѣвственница по чистотѣ и неукоризненности жизни, собрала священныя лики, чтобы воспѣть божественныя пѣсни? Ибо и въ храмѣ іерусалимскомъ были дѣвы, кои нарочито для сего предназначались. Между тѣмъ Апостолъ говоритъ: *сія же вся образи прилучахуся онѣмъ, яже суть сѣнь грядущихъ* (1 Кор. 10, 11. Кол. 2, 17); сѣнь бо или образъ въ немногомъ выражается, самое же тѣло или жизнь во всей полнотѣ является.

13) Но послѣ того какъ Богъ, чрезъ воплощеніе, соединилъ въ лицѣ своемъ два естества, и божеское и человѣческое, нераздѣльно, но и неслитно; тогда и мы, земнородные, сроднились съ образомъ жизни небесной. И самые небожители—*Ангелы* Божіи, яко *служебніи дуси, въ служеніе посылаеми* намъ земнороднымъ (Матѳ. 4, 11. Евр. 1, 14), непрестанно пекутся о чистотѣ и непорочности служенія нашего Господу и по духу и по тѣлу, чтобы уподобить жизнь нашу земную ихъ жизни небесной, и эта сверхъестественная помощь особенно дарована намъ, по воплощеніи Сына Божія, когда *множество вой небесныхъ* явилось на землѣ, *хвалящихъ Бога, и глаголющихъ: слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. 2, 14). Такимъ образомъ имѣемъ и ручательство въ древности и полноту во Христѣ.

ГЛАВА IV.

(Утверждаетъ, что истиннаго дѣвства никогда и ни у кого изъ язычниковъ не было—ни у Весталокъ, ни въ таинствахъ жрицъ богини Фригійской (Цибеллы) *и жрецовъ Либера* (Бахуса), *ни даже между философами; здѣсь же говоритъ и о Пивагорейской дѣвѣ, въ которой хотя и похваляется величіе духа, однако выказывается и недостатокъ дѣвственнаго воздержанія, тогда какъ наши дѣвственницы совмѣща-*

ютъ въ себѣ въ высшей степени эти доблестныя качества).

14) По истинѣ, въ семъ отношеніи нѣтъ ничего у насъ общаго съ язычниками, ничего сходнаго съ варварами, и вообще ни съ кѣмъ изъ обладающихъ даромъ жизни. Хотя наравнѣ съ ними вдыхаемъ мы одно и тоже дыханіе жизни, дышемъ однимъ и тѣмъ же воздухомъ, также растемъ и возрастаемъ въ тѣлесномъ составѣ, какъ и они, не отличаемся отъ нихъ даже образомъ рожденія; при всемъ томъ, не взирая на одинаковую съ ними природу, премного разнствуемъ отъ нихъ высотою и чистотою дѣвства. Чествуемое не безъ соревнованія и между язычниками, оно, при всемъ чествованіи своемъ, нарушается у нихъ, освященное оскверняется, въ предназначеніи своемъ не устаиваетъ, у варваровъ же преслѣдуется, а у прочихъ даже неизвѣстно.

15) И можно ли ставить въ уровень съ нашими дѣвственницами дѣвственницъ Весты и жрицъ Паллады? Что это за цѣломудренность, которая условливается не чистотою нравовъ, а временемъ, которая предписывается только на извѣстное число лѣтъ! Своенравна и дерзостна та непорочность, коей развращеніе какъ бы блюдется позднѣйшему возрасту. Сами учители ихъ внушаютъ своимъ дѣвамъ, обрекающимъ себя на храненіе дѣвства, что онѣ не обязываются и не могутъ оставаться въ томъ состояніи навсегда. Что же это за чистота и святость религіи, въ которой цѣломудреннымъ дѣвамъ разрѣшается быть распутными старухами? Такимъ образомъ и цѣломудренная, которая блюдетъ свое цѣломудріе только по условленному требованію таковаго закона, является потомъ нецѣломудренною, и нецѣломудренная, находя въ томъ же законѣ основаніе нарушенію цѣломудрія, является правою и какъ бы цѣломудренною. О мистеріи! о нравы! Чистота и непорочность условливаются необходимостію и какъ бы насиліемъ, а разврату придается видъ законности. Итакъ нѣтъ тамъ чистоты и непорочности, гдѣ господствуетъ одинъ страхъ; нѣтъ тамъ честности, гдѣ она водится наемническою мздою нѣтъ въ тѣхъ стыда, которые какъ бы на каждодневной выставкѣ необузданныхъ взоровъ сосредоточиваютъ въ себѣ всѣ пожеланія ихъ. Предлагаются разнаго рода обѣщанія, самыя награды: не есть ли это явный признакъ наглости — какъ уловляется подкупомъ невинность? Что за деньги продается, то за деньги же и покупается, какъ продажное и покупное. Но рѣшившаяся однажды продать свое дѣвство никогда уже не искупитъ его.

16) Что же сказать о таинственныхъ обрядахъ Фригійскихъ, состоявшихъ изъ одного безстыдства, и притомъ не у одного пола слабѣйшаго? Что сказать объ оргіяхъ Либера, гдѣ мистеріи религіи возжигали только страсти? И какова могла быть у нихъ жизнь самыхъ жрецовъ, боготворившихъ самые гнусные пороки? Само собою видно, что не было и не могло быть у нихъ святой дѣвственности.

17) Посмотримъ теперь у философовъ,— этихъ мнимыхъ учителей всякихъ добродѣтелей,— не найдемъ ли у нихъ чего-нибудь подобнаго. Преданіе гласитъ, что одна изъ Пиѳагорейскихъ дѣвъ выставляется за образецъ величія духа, будучи побуждаема тяжкими пытками къ открытію тайны, чтобы не оставить въ себѣ и возможности тирану исторгнуть у ней признанія, откусила себѣ языкъ и выплюнула его въ лице тирану, такъ что мучитель, не переставшій допрашивать ее, долженъ былъ прекратить свои допросы.

18) И эта дѣва, съ такою твердостію духа устоявшая противъ истязаній мучителя, но обличенная въ беременности, умѣвшая сохранить тайну, но не умѣвшая соблюсти цѣ-

ломудрія, оказалась побѣжденною отъ собственной похоти, тогда какъ не могли побѣдить ее никакія пытки. Скрывшая тайну души не могла сохранить поношенія тѣлеснаго. Такимъ образомъ эти учители—мудрецы, научившіе воспитанницу свою побѣждать другихъ, не научили ее, какъ человѣку побѣждать самаго себя. О, какъ бы она желала, чтобы огражденіе ея честности и незазорности зависѣло теперь отъ одного ея безмолвнаго показанія! Къ тому, вѣроятно, и клонилось все ея терпѣніе, чтобы затаить свое преступленіе и не обезславить себя. Гдѣже послѣ сего ея побѣда и торжество? гдѣ то величіе духа, которое такъ громко восписуютъ ей? И тиранъ, не могшій открыть тайны, которой допытывался, открылъ то, о чемъ и не вопрошалъ.

19) Гораздо мужественнѣе и несравненно тверже наши дѣвственницы, кои торжествуютъ и надъ невидимыми силами, одерживая побѣду не только надъ *плотію и кровію*, но и надъ *княземъ міра сего — міродержителемъ тмы вѣка сего* и *духами злобы поднебесными* (Іоан. 12, 31. Ефес. 6, 12). Такъ св. Агнесса, слабѣе возрастомъ, но дерзновеннѣе мужествомъ, стократъ величественнѣе побѣдой, непоколебимѣе твердостію, не только не лишила себя языка, подобно той, изъ опасенія и страха сознаться въ какомъ либо преступленіи, но сохранила его для торжественнаго исповѣданія дѣла святаго. Ей нечего было опасаться, нечего было страшиться за себя: ея исповѣданіе не было укоризненно, но чисто, непорочно, свято, какъ чиста и непорочна была ея дѣвственность, какъ право и свято самое дѣло. Такимъ образомъ языческая дѣва представляется только непоколебимою въ сохраненіи тайны; а дѣвственница христіанская, прославивъ мученическою смертію своею Господа, является безпримѣрною поборницею вѣры, исповѣданіе коея запечатлѣла она кровію превыше своего возраста.

(Продолженіе будетъ).

За истину пострадавъ радуяся, благовѣстилъ еси (Предтече Господень) *и сущимъ во адѣ Бога явльшагося плотію, вземлющаго грѣхъ міра и подающаго намъ велію милость* (Тропар. Усѣкнов. Предт.).

По рожденіи святаго Предтечи и Крестителя Господня Іоанна, отецъ его, пророкъ Захарія, чудеснымъ образомъ разрѣшенный отъ чудеснаго нѣмотствованія, исполнившись Духа Святаго, предсказалъ о высокомъ предназначеніи и служеніи его въ слѣдующихъ словахъ: *ты, отроча, пророкъ Вышняго наречешися; предъидеши бо предъ лицемъ Господнимъ уготовати пути Его дати разумъ спасенія людемъ Его, во оставленіе грѣхъ ихъ, милосердія ради милости Бога нашего* (Лук. 1, 76. 77). Какъ выполнилъ свое высокое назначеніе и какъ совершилъ свое чрезвычайное служеніе Предтеча Господень здѣсь—на землѣ, извѣстно каждому изъ святаго Евангелія. Предварившій пятью мѣсяцами воплощеніе Бога Слова (Лук. 1, 24. 25), вѣроятно на столько же времени (*) предварилъ явленіемъ

(*) Такъ можно полагать, соображая сказанія всѣхъ святыхъ Евангелистовъ о явленіи Предтечи съ проповѣдію покаянія, и крещенія Христа Спасителя (Матѳ. 3 гл. Мар. 1, 1—11. Лук. 3, 1—22. Іоан. 1, 1. 19—34).

своимъ къ Израилю и торжественное вступленіе Его на общественное служеніе спасенію рода человѣческаго. Какъ первое нужно было для того, чтобы необыкновенное по законамъ природы зачатіе и рожденіе его отъ неплодныхъ и заматорѣвшихъ во днехъ своихъ родителей служило приготовленіемъ, покрайней мѣрѣ для избранныхъ, къ болѣе чудесному и чрезвычайному воплощенію Сына Божія отъ неискусомужной Дѣвы Богородицы; такъ послѣднее необходимо было для того, чтобы *уготовати Господеви люди совершены* (1, 17). И первое, какъ показываетъ Евангеліе, не осталось безъ благодѣтельныхъ послѣдствій; тѣмъ болѣе послѣднее произвело преднамѣреваемое дѣйствіе. Когда Предтеча Господень, по непосредственному къ нему глаголу Божію въ пустынѣ (3, 2), гдѣ обиталъ онъ *до дне явленія своего ко Израилю* (1, 80), явился съ проповѣдію покаянія и царствія небеснаго, — *исхождаше къ нему Іерусалима, и вся Іудеа, и вся страна Іорданская, и крещахуся во Іорданѣ отъ него, исповѣдающе грѣхи своя* (Матѳ. 3, 5. 6); и онъ сперва проповѣдовалъ всѣмъ людемъ о Христѣ Господѣ, какъ о грядущемъ (Матѳ. 3, 11. 12. Марк. 1, 7. 8. Лук. 3, 16, 17. Іоан. 1, 26. 27), а потомъ не однократно указывалъ Его всѣмъ какъ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра (Іоан. 1, 29—36), и безсомнѣнія многихъ отъ сыновъ израилевыхъ обратилъ ко Господу Богу ихъ (Лук. 1, 16).

Но »святый Іоаннъ якоже въ животѣ своемъ, сице и по кончинѣ Христу бысть Предтеча« (Чет. Мин. подъ 29 чис. Авг.). Иродъ беззаконновалъ со Иродіадою, проповѣдникъ покаянія обличалъ беззаконія; Иродіада неистовствовала за обличеніе; плодомъ беззаконія и неистовства было усѣкновеніе проповѣдника закона, — и предварившій Христа Спасителя рождествомъ своимъ и вступленіемъ на проповѣдь, предварилъ Его и исходомъ изъ сей жизни, — »да якоже на земли проповѣда пришествіе Его, сице и во адѣ держимымъ бывшимъ душамъ проповѣсть Господне пришествіе«. Въ Евангеліи не упоминается яснымъ образомъ объ этой части великаго служенія святаго Предтечи Господня; но святая Церковь даетъ намъ нѣкоторыя, хотя общія, указанія на нее. Послѣдуемъ симъ указаніямъ.

О чемъ проповѣдовалъ во адѣ Предтеча Господень? *Благовѣстилъ еси Бога явльшагося плотію, вземлющаго грѣхъ міра и подающаго намъ велію милость*, отвѣтствуетъ святая Церковь. Значитъ предметъ проповѣди Предтечи Господня и здѣсь—на землѣ, и послѣ—во адѣ былъ одинъ и тотъ же: Христосъ Господь, воплотившійся и вочеловѣчившійся нашего ради спасенія, и вземшій на Себя грѣхи всего міра. И какая другая проповѣдь могла быть благопотребнѣе сей для душъ, содержимыхъ адовыми узами, когда для всѣхъ земнородныхъ нѣсть инаго имени подъ небесемъ, даннаго въ человѣцѣхъ, о немже подобаетъ спастися намъ (Дѣян. 4, 12), кромѣ достопоклоняемаго имени Господа Іисуса, воспріятіемъ на Себя плоти возсоединившаго естество наше съ Богомъ и взятіемъ на Себя грѣховъ нашихъ примирившаго насъ съ Богомъ Отцемъ своимъ?

Кому проповѣдовалъ тамъ Предтеча Господень? »Сущимъ во адѣ благовѣстилъ еси« — говоритъ святая Церковь,—значитъ всѣмъ усопшимъ отъ вѣка, начиная отъ перваго праотца рода человѣческаго, преимущественно же тѣмъ, кои здѣсь—на землѣ жили вѣрою въ обѣтованнаго Спасителя, и тѣмъ болѣе по отшествіи изъ сей жизни, находясь въ узахъ смерти и ада, чаяли и ожидали освобожденія отъ сихъ узъ чрезъ имѣющаго придти Искупителя. Ибо, до сошествія Іисуса Христа во адъ и

разрушенія Имъ твердынь его, всѣ умершіе нисходили туда; но не было ни одного, кто бы возвратился оттуда.

Для чего проповѣдовалъ? Для того же, для чего проповѣдовалъ и здѣсь—на землѣ;—дабы предуготовить людей къ достойному срѣтенію и пріятію грядущаго Избавителя ихъ отъ адовыхъ нерѣшимыхъ узъ, или, какъ сказалъ Архангелъ Гавріилъ Захаріи, *уготовати Господеви люди совершены.* Какъ уготовать? Въ однихъ, которые здѣсь—на землѣ, жили вѣрою въ грядущаго Искупителя и хотя не пріяли избавленія, но духомъ вѣры прозрѣвали день Господень, издалече видѣвше и цѣловавше обѣтованія,—какъ проповѣдникъ благодати, возбуждавши крѣпчайшую надежду и пламеннѣйшее желаніе своего освобожденія; въ другихъ, перешедшихъ туда только съ одними начатками вѣры въ Грядущаго и упованія на Него, возгрѣявши вѣру въ Него и чаяніе Его проповѣдію о дѣяніяхъ Его на землѣ; въ третьихъ, которые не слыхали о грядущемъ Избавителѣ, какъ проповѣдникъ покаянія и закона, возбудивши покаянное сокрушеніе о своихъ грѣхопаденіяхъ и тѣмъ расположивши сердца къ принятію грядущаго Успокоителя. —Апостолъ Петръ свидѣтельствуетъ, что самъ Господь, снизшедши къ сущимъ въ темницѣ духовомъ, проповѣдовалъ тамъ всѣмъ о совершенномъ Имъ дѣлѣ спасенія (1 Петр. 3, 19, 20): значитъ и во адѣ, точно также, какъ на землѣ, проповѣдь Предтечи Господня предваряла и служила предуготовленіемъ къ проповѣди самаго Христа Спасителя.

Имѣла ли какой либо успѣхъ проповѣдь Предтечи Господня во адѣ? Въ церковныхъ сказаніяхъ замѣчается, что святый Предтеча проповѣдію своею во адѣ »обвесели святыя праотцы«. И не трудно представить себѣ, какое веселіе доставила проповѣдь о пришедшемъ уже Мессіи—Искупителѣ душамъ, которыя и здѣсь на землѣ, жили чаяніемъ грядущаго Избавителя, изрѣдка только прозрѣвая, и то сквозь сѣни и гаданія, день Господень, и тамъ,—во адѣ, цѣлыя тысящелѣтія ожидали предопредѣленнаго Богомъ отъ вѣка смотрѣнія исполненія временъ (Еф. 1, 10). Но нѣтъ сомнѣнія, что проповѣдь святаго Предтечи во адѣ произвела болѣе или менѣе замѣтное дѣйствіе и на всѣхъ, находившихся во адѣ кто только способенъ былъ къ принятію ея. Хотя по премудрымъ, но недовѣдомымъ для насъ судьбамъ Божіимъ, всѣ языки, за исключеніемъ одного избраннаго народа Божія, оставлены были Богомъ ходить въ воляхъ сердецъ своихъ: но, не смотря на то, обѣтованный пророками Божіими Христосъ Господь былъ сознательнымъ или несознательнымъ предметомъ чаянія и для всѣхъ народовъ. Отсюда съ несомнѣнностію можно заключать, что избранные отъ всѣхъ языкъ выразумѣли по мѣрѣ своей способности предуготовительное благовѣстіе Предтечи Господня и достойнымъ образомъ воспользовались имъ, какъ средствомъ къ уразумѣнію и принятію проповѣди самаго Христа Спасителя, и, увѣровавши въ Него, были изведены Имъ изъ тмы въ чудный свѣтъ Его. Святая Церковь, прославляя сошествіе Іисуса Христа во адъ, говоритъ о совоскресеніи съ Нимъ всѣхъ, кто только способенъ былъ увѣровать въ Него. (Велич. въ недѣлю Антипасхи).

Приходилъ Господь въ уничиженіи для устроенія на землѣ благодатнаго своего царства и для спасенія міра; пріидетъ нѣкогда и еще—въ славѣ своей, чтобы судить міръ. Тогда соберутся предъ Нимъ вси языцы; явимся и мы съ тобою, любезный собратъ. Будетъ ли для насъ какой либо предтеча—проповѣдникъ, который предсказалъ бы намъ о грядущемъ Господѣ, указалъ бы намъ Его

и предуготовалъ бы насъ къ срѣтенію Его? Слово Божіе, не говоря прямо о семъ, даетъ нѣкоторое основаніе думать, что и къ тѣмъ, кои доживутъ до втораго пришествія Господа Іисуса Христа на землю, будетъ посланъ свой предтеча — проповѣдникъ. Самъ Господь, на вопросъ учениковъ: *что убо книжницы глаголютъ, яко Иліи подобаетъ пріити прежде*? далъ двоякій отвѣтъ: *Иліа убо пріидетъ прежде, и устроитъ вся. Глаголю же вамъ: яко Иліа уже пріиде, и не познаша его: но сотвориша о немъ, елика восхотѣша* (Матѳ. 17, 10—12). А въ Апокалипсисѣ прямо упоминается о двухъ свидѣтеляхъ, которые *пророцати будутъ дней тысящу двѣсть и шестьдесятъ* (11, 3).

РАЗГОВОРЪ

СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНИНОМЪ ОБЪ ИНДУЛЬГЕНЦІЯХЪ

Прихожанинъ. Объясни мнѣ, почтенный отецъ, что такое въ римской Церкви *индульгенціи?* У насъ объ этомъ предметѣ ходятъ разные толки.

Священникъ. Что же объ этомъ говорятъ у васъ?

Прих. Одни полагаютъ, что *индульгенціи* разрѣшаютъ всѣ грѣхи и прошедшіе и будущіе; другіе относятъ прощеніе въ нихъ только къ прошедшимъ грѣхамъ, и потому сравниваютъ индульгенціи съ нашимъ сокращеніемъ или отмѣненіемъ епитимій.

Свящ. И то и другое мнѣніе преступаетъ надлежащую мѣру. Перваго никакъ не допускаютъ западные богословы: во второмъ несправедливо сравненіе индульгенцій съ сокращеніемъ епитимій, которое у насъ дѣлается только по усмотрѣнію искренности и горячности покаянія.

Прих. Объ этомъ у меня главный вопросъ: какъ различать римское отпущеніе грѣховъ отъ прощенія ихъ въ нашей Церкви православной?

Свящ. Основаніе и значеніе того и другаго, повидимому, одно. Господь даровалъ пастырямъ Церкви власть *вязать* и *разрѣшать* (Матѳ. 16, 17) или, что тоже, *удерживать и отпущать грѣхи* (Іоан. 20, 23): потому пастыри кающимся прощаютъ грѣхи отъ имени самаго Іисуса Христа, а на нераскаянныхъ, которые отказываются оставить свой грѣхъ, удерживаютъ вину дотолѣ, пока они не обратятся къ истинному покаянію.

Прихож. Какое же различіе между отпущеніемъ римскимъ и прощеніемъ нашей Церкви?

Свящ. Римская Церковь различаетъ грѣхи отъ наказанія за нихъ, и, прощая первые, не освобождаетъ грѣшника отъ вторыхъ, а требуетъ прежде нѣкотораго удовлетворенія за грѣхъ и какъ бы выкупа

Прихож. Какъ не освобождаетъ отъ наказанія, когда Сынъ Божій для того и понесъ муки крестныя, чтобъ избавить насъ отъ казней, нами заслуженныхъ? *Той язвенъ бысть за грѣхи наша, — наказаніе мира нашего на немъ, язвою Его мы вси исцѣлѣхомъ* (Иса. 53, 5).

Свящ. Латинскіе богословы согласно съ нами вѣруютъ, что Господь освободилъ вѣрующихъ отъ наказаній вѣчныхъ, но утверждаютъ при томъ, что правда Божія не освобождаетъ насъ отъ наказаній временныхъ, не

освобождаетъ и тѣхъ, которые, покаявшись, скоро отходятъ въ другую жизнь; ибо, говорятъ, тамъ ожидаетъ ихъ *чистилище*, гдѣ они должны очищаться огненнымъ мученіемъ большее или меньшее время, сколько потребуется для удовлетворенія правдѣ Божіей. Для сокращенія или совершеннаго отмѣненія этихъ временныхъ наказаній въ чистилищѣ и нужны, по мнѣнію Латинянъ, *индульгенціи* римскія.

Прихож. Странная мысль о правосудіи Божіемъ, которое прощаетъ намъ казни вѣчныя ради вѣры въ Господа Іисуса Христа, а не прощаетъ казней временныхъ. Чѣмъ же доказать необходимость такого удовлетворенія правдѣ Божіей?

Свящ. Въ Писаніи нигдѣ нѣтъ ученія о такомъ удовлетвореніи. Тамъ прямо говорится о всецѣломъ прощеніи грѣховъ ради заслугъ или искупительной жертвы Спасителя. *Кровію креста Его умиротворены аще земная, аще ли небесная* (Кол. 1, 20); *Христосъ единымъ приношеніемъ совершилъ есть во вѣки освящаемыхъ; грѣхи ихъ и беззаконія Богъ не имать помянути ктому* (Евр. 10, 14. 17); *ниедино нынѣ осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ* (Римл. 8, 1). Одного требуется, съ нашей стороны, удовлетворенія, и не столько правдѣ Божіей, которая всецѣло удовлетворена жертвою Христовою, сколько милосердію Божію, желающему обрѣсти въ насъ плоды божественнаго искупленія: требуется истинное покаяніе и живая вѣра. Это извѣстно было еще въ ветхомъ завѣтѣ. Такъ у Исаіи говоритъ Богъ грѣшникамъ: *отъимите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима моима,—научитеся добро творити*, т. е. принесите плоды достойные покаянія,—*и пріидите, и истяжимся, глаголетъ Господь, и аще будутъ грѣси ваша яко багряное, яко снѣгъ убѣлю*, и проч. (Иса. 1, 16—18). Въ новомъ завѣтѣ еще полнѣе раскрывается эта истина. *Аще исповѣдаемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды* (1 Іоан. 1, 9). Іисусъ Христосъ *далъ есть себе за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія и очиститъ себѣ люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ* (Тит. 2, 14). О вѣрѣ сказалъ самъ Господь: *вѣруяй въ Мя не будетъ осужденъ* (Іоан. 3, 18); *слушаяй словесе моего и вѣруяй пославшему Мя, имать животъ вѣчный, и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ* (—5, 24).

Прихож. Что же на это говорятъ ученые римскіе?

Свящ. Указываютъ на примѣры тѣхъ согрѣшившихъ которые, вмѣстѣ съ покаяніемъ, подвергались какимъ либо, иногда очень тяжкимъ, бѣдствіямъ и скорбямъ, наприм. на Давида, который и послѣ покаянія и прощенія въ грѣхѣ терпѣлъ многія скорби, на коринѳскаго кровосмѣсника, котораго св. Павелъ предалъ *сатанѣ во изможденіе плоти* (1 Кор. 5, 5) Но можно ли все это почитать наказаніями для удовлетворенія правдѣ Божіей?

Прих. Какъ правда Божія безконечна, то и удовлетвореніе ей можетъ быть только безконечное, а не временное. Потому и вѣруемъ мы, что едина безконечная жертва Сына Божія можетъ спасти насъ.

Свящ. Справедливо, конечно, и то, что Господу угодно посѣщать скорбями даже тѣхъ, которыхъ Онъ простилъ и возлюбилъ; но это наказанія отеческія, врачеваніе, а не удовлетвореніе правдѣ Его, какъ и Апостолъ сказалъ: *егоже любитъ Господь, наказуетъ* (Евр. 12, 6). Такъ, безъ сомнѣнія, любя Давида и желая болѣе укрѣпить его въ добродѣтели, подвергалъ Онъ сего избраннаго своего многимъ скорбямъ; и самъ Давидъ такъ разумѣлъ сіи посѣщенія Божіи, почему и по-

вторялъ благодарное слово къ Богу: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси* (Псал. 118, 71). Даже эпитимія кровосмѣснику коринѳскому не была наказаніемъ правды, а исправленіемъ отеческимъ,—*да духъ грѣшника спасется* (1 Кор. 5, 5), и скоро была снята съ преступника, *да не како многою скорбію пожретъ будетъ таковый* (2 Кор 2, 7). Такъ снимаетъ или сокращаетъ епитимію и наша Церковь, когда видитъ смиреніе и исправленіе грѣшника.

Прихож. Мнѣ представляется еще и то, что если со стороны человѣка правдою Божіею требуется удовлетвореніе за грѣхи, то оно должно состоять не въ одномъ наказаніи, но и въ вознагражденіи дѣлъ злыхъ дѣлами добрыми, которыя могли бы совершенно искупить первыя. Какъ же это возможно въ отношеніи къ грѣхамъ нашимъ, уже содѣяннымъ и невозвратнымъ?

Свящ. Латинскіе умствователи нашли и эту возможность, измысливъ ученіе о сокровищницѣ святыхъ, которая отдана въ распоряженіе папы Римскаго. Говорятъ, что нѣкоторые Святые столько изобилуютъ добродѣтелями, что этихъ сокровищъ довольно не только для нихъ самихъ, но и для другихъ. то есть, что избыткомъ добра у сихъ Святыхъ можно вознаграждать недостатокъ добра у другихъ, и папа можетъ взимать это неистощимое богатство и переносить его на грѣшниковъ, какъ деньги въ уплату чужихъ долговъ. Такова сила папскихъ индульгенцій!

Прихож. Если такъ, то почему не замѣнять и будущіе грѣхи людей заслугами Святыхъ? Даже можно. кажется, одинъ разъ навсегда дать индульгенцію для всѣхъ. — пусть грѣшатъ сколько угодно; за нихъ уплачено впередъ.

Свящ. Это было бы уже слишкомъ большое искаженіе ученія о ключахъ царства Божія. И то ученіе, какое извѣстно нынѣ у Латинянъ, столько иногда снисходитъ слабостямъ человѣческимъ, что можетъ давать поводъ къ многимъ злоупотребленіямъ. Въ юбилейные наприм. годы всякій ожидаетъ щедраго разрѣшенія отъ грѣховъ: что же тогда помѣшаетъ грѣшникамъ ослабить узду совѣсти и страха Божія, когда есть надежда, для одного почти торжества, сложить съ себя всякое бремя грѣховъ? А извѣстно, что юбелейныя индульгенціи прощаютъ не только обыкновенные грѣхи, но и тѣ, которыхъ разрѣшеніе предоставлено одному папѣ. Припомни еще исторію крестовыхъ походовъ и завоеваніе Америки: какихъ тамъ не было индульгенцій и какихъ вмѣстѣ не содѣлано преступленій?

Прихож. Да, довольно кровавыхъ пятенъ на всепокрывающей ризѣ, сотканной изъ индульгенцій! Ужели же всѣ такіе опыты не научили латинскихъ богослововъ исправить свое ученіе по образцу ученія древняго, апостольскаго, православнаго?

Свящ. Можно видѣть у нѣкоторыхъ новыхъ богослововъ Римско-католической церкви нѣкоторое сближеніе ученія объ индульгенціяхъ съ ученіемъ о покаяніи истинномъ. Такъ въ одной богословской системѣ латинскаго учителя читаемъ слѣдующее: »лучшіе (saniores) богословы учатъ, что для полученія пользы отъ индульгенціи требуется въ грѣшникѣ искреннее желаніе и дѣятельная ревность подвигами покаянія удовлетворить Богу за грѣхи свои, и что по мѣрѣ сей ревности пріемлется большій или меньшій плодъ индульгенцій (*)«.

Прихож. Значитъ, и по мнѣнію этихъ богослововъ главное, что требуется со стороны

(*) Institt. theologiæ moralis, *Andr. Pohl*, Vilno, 1810. pag. 356.

грѣшника, есть подвигъ покаянія. Но послѣ сего для чего нужны индульгенціи?

Свящ. Тотъ же учитель богословія пишетъ такъ: »индульгенціи должны служить только въ помощь нашей немощи, чтобы мы, такъ какъ не можемъ нашими собственными дѣлами вполнѣ удовлетворить за грѣхи правдѣ Божіей, недостатокъ вознаградили преизобилующими заслугами Іисуса Христа и Святыхъ Его«.

Прихож. Но вознагражденіе посредствомъ заслугъ Христа Спасителя даруется вѣрующему подъ условіемъ покаянія, а никакъ не подъ условіемъ индульгенцій папскихъ: на чтоже опять, спрашивается, эти индульгенціи?

Свящ. Не вижу и я какихъ либо достойныхъ уваженія причинъ или цѣлей. Думаю, что и лучшіе богословы латинскіе ихъ не видятъ, кромѣ развѣ той причины, что римское ученіе объ индульгенціяхъ весьма благопріятно непомѣрному властолюбію папъ.

Прихож. Это послѣднее и я могу видѣть. Въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что папа можетъ отпускать грѣшникамъ всякое наказаніе, и въ здѣшней жизни и въ будущей, временное, отъ котораго не освобождаетъ ихъ самъ Христосъ своею искупительною жертвою, не значитъ ли усвоять папѣ власть непомѣрную?—Притомъ, въ индульгенціяхъ, кажется, опредѣляется и время, на которое сокращаетъ папа мученіе грѣшниковъ, ими заслуженное: чтожъ послѣ сего остается правдѣ Божіей?

Свящ. Объ этомъ находимъ у богослововъ противорѣчивыя сужденія. Такъ: тотъ богословъ, на котораго указалъ я прежде симъ, говоритъ, что въ какой степени и на сколько отпускаетъ индульгенція наказаніе временное, никому знать нельзя, а это извѣстно одному Богу (*). Между тѣмъ этотъ же учитель предлагаетъ вѣрнымъ своимъ нѣсколько общихъ для всѣхъ индульгенцій папскихъ, опредѣляющихъ самое время наказанія, искупаемое ими. Наприм. кто въ привѣтствіяхъ употребляетъ извѣстную формулу: laudetur Iesus Christus etc., а также: кто отвѣтствуетъ на это: in saecula saeculorum, amen, тотъ за каждый разъ пріобрѣтаетъ индульгенцію 100 дней; кто благоговѣйно произноситъ имя Іисуса или Маріи—каждый разъ получаетъ индульгенцію въ 25 дней, а кто этотъ благочестивый обычай сохранитъ навсегда, и произнесетъ священныя имена въ самый часъ смерти, тотъ пользуется всецѣлою (plenaria) индульгенціею (**).

Прихож. Изъ всего этого заключаю, что основа догмата объ индульгенціяхъ слишкомъ слаба, и удивляюсь, отъ чего такъ долго держится онъ у исповѣдниковъ вѣры римской.

Свящ. Поддерживаетъ его, думаю, болѣе всего ученіе о непогрѣшимости папъ, отъ которыхъ онъ вышелъ. Но какъ и это ученіе о папахъ не есть всеобщее въ церкви Римской, то, мнѣ кажется, богословы латинскіе исповѣдуютъ догматъ объ индульгенціяхъ больше одними устами, а немногіе вѣруютъ ему отъ сердца.

(*) L. c. p. 355.
(**) L. c. p. 363.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 13-го Августа 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 23.

НЕДѢЛЯ ПРЕДЪ ВОЗДВИЖЕНІЕМЪ.

8 Сентября 1857 г.

Гласъ 6-й.

На утрени евангеліе воскресное 4-е, Лук. зач. 112. На литургіи: апост. Гал. зач. 215 и Филип. зач. 240; еванг. Іоан. зач. 9 и Лук. зач. 34.

СВЯТАГО АМВРОСІЯ МЕДІОЛАНСКАГО

о дѣвственницахъ.

ГЛАВА V.

(Уясняетъ, что отечество дѣвства — на небесахъ, а праотецъ его — Сынъ Божій, который, будучи дѣвственникомъ искони прежде самаго дѣвства, и воспріявъ плоть человѣческую отъ присно-Дѣвы обручилъ (поялъ) *себѣ въ невѣсту дѣвственную Церковь; что сія Церковь составляетъ нашу опору и огражденіе, гдѣ восхваляются нѣкоторыя особенныя преимущества дѣвства, ему только свойственныя; что дѣвственныя дщери ея въ томъ еще имѣютъ превосходство, что дѣвству ихъ не налагается обязательная сила закона, а предоставляется имъ въ избраніи этого званія полная свобода, и что дѣвство ихъ представляетъ имъ наилучшій путь къ преуспѣянію въ благочестіи).*

20) Въ похвальныхъ словахъ обыкновенно обращаются къ отечеству и предкамъ прославляемыхъ, чтобы, восхваливъ ихъ происхожденіе тѣмъ самымъ возвысить ихъ самихъ достоинствомъ наслѣдства. Не неумѣстнымъ нахожу и я указать на отечество и родоначальника дѣвства,—хотя слово мое о немъ составляетъ болѣе скромную бесѣду, нежели громкій панегирикъ. Гдѣ же его отечество? Если отечество наше тамъ, гдѣ мы по мѣсту рожденія своего получаемъ бытіе; то отечество чистоты и непорочности безспорно—на небѣ. Поэтому дѣвство здѣсь—на землѣ не болѣе какъ гостья и пришелица, а истинное жительство и обиталище его тамъ—на небѣ.

21) Да и что такое дѣвственная чистота и непорочность, — эта цѣломудренная невин-

ность, какъ не то неземное совершенство, которое непричастно никакому смѣшенію и чуждо всякаго растлѣнія? И въ комъ можемъ мы положить источное начало и первообразъ сего совершенства, какъ не въ единородномъ Сынѣ Божіемъ и вмѣстѣ Сынѣ человѣческомъ, чистѣйшемъ и пренепорочномъ, Коего плоть, отъ соединенія съ божествомъ, пребываетъ неистлѣнною и Коего божество, и по соединеніи съ человѣчествомъ, не перестаетъ быть божествомъ? И такъ смотрите, каковы преимущества дѣвства. Христосъ прежде Дѣвы, Христосъ отъ Дѣвы; Тотъ, который рожденъ отъ Отца прежде вѣкъ, раждается отъ Дѣвы среди вѣковъ. То относится къ Его божественной природѣ, а сіе къ благопотребности нашего спасенія. Тѣмъ былъ Онъ всегда, а этимъ восхотѣлъ быть по времени.

22) Смотрите и другія преимущества дѣвства. Христосъ — Женихъ дѣвственной невѣсты своей (Церкви), скажемъ болѣе того, Обручникъ и Хранитель дѣвственной чистоты и непорочности ея; ибо дѣвство принадлежитъ Христу, а не дѣвству Христосъ. И такъ эта Дѣва уневѣстилась своему Жениху, — Дѣва, которая и носила насъ во своей утробѣ, и болѣла по насъ болѣзненными родами, и воспитала насъ собственнымъ млекомъ, — Дѣва, о которой читаемъ у Пророка: *кто слыша, яже сотвори зѣло дѣва Израилева* (*)? *Еда оскудѣютъ отъ камене сосцы, или снѣгъ отъ ливана? еда уклонится вода зѣльно вѣтромъ носимая* (Іер. 18, 13. 14)? Кто же эта дѣва, дѣва дивная, которая напаяется источниками Троичности: у которой *отъ камене* истекаютъ воды, не истощаются сосцы, изливаются сладости меда? Камень же, по Апостолу, *Христосъ* (1 Кор. 10, 4). Слѣд. отъ Христа не истощаются сосцы, сладость благодати отъ Бога, источникъ воды живыя отъ Духа. Это Троица, которая напаяетъ свою Церковь: Богъ-Отецъ, Христосъ и Духъ Святый.

23) Но отъ общей матери нашей снизойдемъ и къ дщерямъ ея. *О дѣвахъ же*, сказалъ святый Апостолъ, *повелѣнія Господня не имамъ*. Если же Учитель языковъ не имѣлъ повелѣнія; то кто могъ имѣть? Правда, что онъ не имѣлъ на то заповѣди, но имѣлъ примѣръ; поэтому и продолжаетъ: *совѣтъ же даю*. И дѣйствительно, дѣвство есть такое совершенство, котораго ни на кого нельзя возлагать, а только можно совѣтовать; ибо что превыше дарованій и силъ нашихъ, къ тому не имѣемъ мы никакого права обязывать ни себя, ни другихъ, а только можемъ желать. *Хощу же васъ*, говоритъ по этому тотъ же Апостолъ, *безпечальныхъ быти: не оженивыйся печется о Господнихъ, како угодити Господеви.... и не посягшая печется о Господнихъ, како угодити Господеви да будетъ свята и тѣломъ и духомъ: а посягшая печется о мірскихъ, како угодити мужу* (1 Кор. 7, 25. 32. 34).

ГЛАВА VI.

(Св. мужъ, нисколько не осуждая супружества, но желая сравнить между собою состояніе замужнихъ женъ съ состояніемъ дѣвственницъ, сперва выставляетъ тѣ тягости, какія сопровождаютъ замужнихъ, именно: болѣзни самаго чадородія, трудности воспитанія дѣтей, зависимость и подчиненіе мужу, излишнюю заботливость о наружномъ украшеніи себя, а потомъ противополагаетъ сему ту благодатную простоту въ образъ поведенія

(*) У св. Амвросія и въ подлинникѣ латинскаго текста вмѣсто *Израилева* сказано: *Іерусалимская;* впрочемъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ читаютъ: *Израилева.*

дѣвственницъ и то счастливое преимущество ихъ чадородія, коими онѣ, по его мнѣнію, уподобляются Церкви).

24) Я нисколько не отсовѣтываю вступать въ супружество, я только показываю благо дѣвства. *Изнемогаяй* говорится, *зелія да ястъ* (Рим. 14, 2). Одно допускаю, а другому уливляюсь. *Привязался ли еси къ женѣ; не ищи разрѣшенія. Отрѣшился ли еси жены; не ищи жены* (1 Кор. 7, 27). Вотъ заповѣдь для сочетавшихся бракомъ. О дѣвственницахъ же что говоритъ Апостолъ? *И вдаяй браку свою дѣву, добрѣ творитъ: и не вдаяй, лучше творитъ* (—7, 28). Та не грѣшитъ, если и вступаетъ въ супружество; а не вступающая въ супружество увѣковѣчиваетъ себя. Тамъ врачество слабости, здѣсь слава чистоты и непорочности. Та не укоряется, а сія прославляется.

25) Сравнимъ, если угодно, выгоды замужнихъ женъ съ тѣми несравненными выгодами, какія имѣютъ на своей сторонѣ дѣвственницы. И чѣмъ можетъ похвалиться жена?— Станетъ ли гордиться обиліемъ чадородія? Но чѣмъ больше она раждаетъ, тѣмъ большимъ подвергается страданіямъ. Станетъ ли исчислять тѣ утѣшенія, которыя доставляетъ ей жизнь семейная? А сколько при этомъ должна испытать она и огорченій, неизбѣжныхъ въ оной? Вступаетъ въ замужество, и проливаетъ слезы. Чтоже это за стремленіе, что за желанія, кои сопровождаются слезами? Зачинаетъ, и изнемогаетъ уже подъ бременемъ. Прежде нежели достигаетъ утѣшенія отъ чадородія, сколько должна она перенести трудностей. Раждаетъ, и болитъ. Сладостенъ ли такой залогъ, который и начинается опасностями и оканчивается опасностями, отъ котораго скорѣе можно ожидать скорби и печали, нежели удовольствія? Покупается съ трудностями и опасностями, а достается часто не такъ, какъ бы желалось.

26) Что скажу о тяжкомъ бремени воспитанія, образованія и устроенія участи дѣтей? И это бремя тяжести составляетъ самое счастіе родителей. Мать почитается счастливою, когда имѣетъ многихъ наслѣдниковъ; но вмѣстѣ съ этимъ умножаются и заботы ея. Не говорю уже о тѣхъ несчастіяхъ, которыя часто случаются въ семейномъ отношеніи, чтобы не возмутить душъ благочестивыхъ родителей. Видишь, сестра моя, какъ должно быть тяжело переносить ихъ на самомъ дѣлѣ, когда и слышать о томъ нельзя безъ возмущенія. И это въ настоящемъ только вѣкѣ. Но настанутъ дни, когда скажутъ: *блажены неплоды и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша* (Лук. 23, 29). Ибо дщери сего вѣка и раждаются и раждаютъ, а дщерь царствія воздерживается отъ похоти мужа и отъ похоти плоти, чтобы быть святою и тѣломъ и духомъ.

27) Что скажу еще о той безусловной зависимости женъ отъ мужей, которой ихъ самъ Богъ подчинилъ, обрекши на таковое рабство прежде самыхъ рабовъ (Быт. 3, 16. 1 Кор. 14, 34)? Говорю же о семъ для того, чтобы онѣ съ любовію повиновались. Для добрыхъ, съ любовію повинующихся, таже самая любовь есть уже наградою за ихъ законное повиновеніе; а для злыхъ, съ ропотомъ и негодованіемъ пріемлющихъ эту зависимость, какъ бремя тяготѣющее надъ ними, эта самая тяжесть бремени служитъ наказаніемъ за ихъ преступное неповиновеніе.

28) Отсюда-то проистекаетъ тотъ порокъ (и ему подобные), когда жены расписываютъ себѣ ланиты разными красками, боясь не понравиться мужьямъ, и отъ растлѣнія лицъ переходятъ къ растлѣнію нравовъ. Не явное ли тутъ безуміе — измѣнять образъ природы

въ изображенія чуждой себѣ личности, и, опасаясь суда отъ другихъ, самому изрекать судъ надъ собою? Ибо та, которая рѣшается испещрять такимъ образомъ лице свое поддѣльными красками, заранѣе осуждаетъ сама себя прежде другихъ. Стараясь изысканнымъ образомъ понравиться другимъ, она тѣмъ самымъ показываетъ уже, что не нравится сама себѣ. Нѣтъ, поэтому, судьи безобразія твоего справедливѣе и непогрѣшительнѣе тебя же самой, жена, которая боишься показать себя въ своемъ образѣ. Если ты пригожа; то за чѣмъ тебѣ уродовать себя, прикрываясь поддѣльностію? Если безобразна; то за чѣмъ притворяться красивою, когда не можешь ты обмануть ни своего сознанія, ни сознанія другихъ? Онъ любитъ другую; ты также стараешься нравиться другому. И ты еще обижаешься, если онъ, наученный тобою же прелюбодѣйству, любитъ другую? Какъ же ты несправедлива въ своихъ дѣйствіяхъ и какъ пагубны уроки твоего поведенія! Подобнаго твоему сводничества убѣгаютъ женщины даже въ безчестныхъ домахъ, которыя, не смотря на свое распутство, грѣшатъ не столько противъ ближняго, сколько противъ самихъ себя; а грѣхъ противъ себя едва ли не извинительнѣе грѣха противъ ближняго: ибо тамъ страдаетъ одно цѣломудріе, а здѣсь искажается вся природа человѣческая.

29) Сколько даже находятъ нужнымъ употреблять издержекъ и заботъ на то, чтобы и при всей красотѣ не подвергнуться опасности — не понравиться. Для сего то обвѣшиваютъ шеи драгоцѣннымъ ожерельемъ, то облачаются въ златошвейныя одежды, влача ихъ по землѣ. Но это еще не все. Сколько прибавляютъ къ тому и другихъ различныхъ приманокъ! Намащаются душистыми веществами; уши обременяютъ драгоцѣнными каменьями, даже глазамъ придаютъ другой взглядъ. И что же тамъ остается своего, гдѣ такъ много чуждаго? Отъ собственныхъ чувствъ отказывается жена, и думаетъ еще, что она можетъ жить!

30). А вы блаженныя дѣвственницы, вы не знаете этихъ убранствъ и нарядовъ, составляющихъ болѣе мучительныя пытки, нежели украшенія. Для васъ святое цѣломудріе, выражающееся на благоговѣйныхъ лицахъ вашихъ, и неподдѣльная чистота, ничѣмъ не обезображенная, составляютъ истинное украшеніе. Не подчиняясь человѣческимъ взглядамъ, вы тѣмъ болѣе возвышаете свои достоинства, чѣмъ болѣе удаляетесь отъ погрѣшительныхъ ихъ требованій. Конечно, и вы печетесь о красотѣ, но о красотѣ душевной, а не тѣлесной. Ее не измѣняетъ никакая перемѣнчивость возраста, никакая болѣзнь не въ силахъ помрачить и ослабить, не можетъ похитить самая смерть. Одинъ Богъ есть судія этой красоты, любящій и оцѣнивающій прекрасныя души и въ убогомъ тѣлѣ. Не зная тяжести чревоношенія и не испытывая болѣзней чадорожденія, благочестивая душа дѣвственницы можетъ однакоже гордиться многочисленностію потомства болѣе другихъ; потому-что она являетъ себя матерію дѣтей для всѣхъ и каждаго: она богата потомками и не знаетъ лишенія ихъ; чужда печальныхъ потерь наслѣдниковъ и радуется только пріобрѣтеніемъ оныхъ.

31) Такъ св. Церковь — неискусобрачная, но богатая чадами, есть Дѣва по чистотѣ, матерь по чадородству. И такъ родила насъ Дѣва не отъ мужа, но отъ Духа. Она рождаетъ всѣхъ насъ не съ болѣзнію членовъ, но съ радостію ангеловъ. Даетъ намъ въ пищу не тѣлесное *млеко*, но апостольское, коимъ она воспитала *во спасеніе* слабый возрастъ доселѣ *возрастающаго* народа Божія (1 Кор. 3, 2. 1 Петр. 2, 2). И какая

замужняя жена можетъ имѣть столько дѣтей, сколько имѣетъ ихъ Церковь, которая есть дѣва по чистотѣ и святости таинствъ, мать по множеству чадъ, о преимуществѣ чадородія коей свидѣтельствуетъ само Писаніе, говоря: *возвеселися неплоды не раждающая, возгласи и возопій не чревоболѣвшая, яко многа чада пустыя паче, нежели имущія мужа* (Иса. 54, 1)? Наша невѣста, будемъ ли разумѣть Церковь въ цѣлыхъ народахъ, или вѣрующую и благочестивую душу въ каждомъ человѣкѣ, не имѣетъ мужа, но имѣетъ Жениха; съ этимъ Женихомъ, т. е. съ божественнымъ Словомъ, она — сохраняя цѣломудріе и исполняясь разума — обручена на вѣки.

(Продолженіе будетъ).

О ПРАЗДНОВАНІИ ВОСКРЕСНАГО ДНЯ.

письмо 3.

Другое препятствіе къ надлежащему празднованію воскреснаго дня представляется со стороны плоти, которая постоянно стремится оземленить душу человѣка, ея умъ, чувствованія и стремленія, привязавъ ихъ къ землѣ. Міръ и діаволъ поддерживаютъ нападенія плоти, то представляя средства для удовлетворенія плотскихъ стремленій, то лишеніемъ средствъ къ жизни возбуждая скорби и печали житейскія. Итакъ, есть опасность, что и день праздничный можетъ быть для человѣка днемъ работы страстямъ, день святой — днемъ земныхъ удовольствій и грѣха.

Для устраненія этого нужно избѣгать всего того, что можетъ порождать нечистыя мысли, пожеланія и дѣйствія. Ибо »настоящая суббота (т. е. день воскр.), говоритъ Макарій Великій въ своей бесѣдѣ о ветхозавѣтной и новозавѣтной субботѣ, есть истинная суббота, истинное упокоеніе души чистой и свободной отъ сатанинскихъ помысловъ... Какъ въ ветхомъ завѣтѣ заповѣдано было, чтобы и самыя безсловесныя животныя успокоивались въ субботу, чтобы волъ не носилъ ярма, оселъ не возилъ тяжести и всѣ были освобождаемы отъ тяжкихъ трудовъ своихъ: такъ и Господь, пришедши и установивши истинную и вѣчную субботу, успокоилъ душу, которая обременялась и изнурялась подъ тяжестію нечестія и злыхъ помысловъ и совершала дѣла злыя по принужденію, поелику была въ рабствѣ у жестокихъ властителей... Посему то тѣ души, которыя съ вѣрою приходятъ къ Нему, освобождаются отъ тяжкихъ, мучительныхъ и нечестивыхъ помысловъ и, очистившись отъ всякой скверны, празднуютъ истинную, радостную субботу« (*). Сія-то вѣра должна уничтожить въ празднующихъ нечистыя мысли, грѣховныя пожеланія и наклонности, которыя удобно возникаютъ въ душѣ, когда христіане злоупотребляютъ свободою христіанскою и проводятъ день воскресный въ воляхъ сердецъ своихъ, когда умъ ихъ неразумно ищетъ суетнаго знанія, когда сердце требуетъ чувственнаго наслажденія и воля желаетъ противнаго закону Божію.

Въ обыкновенные дни немногіе изъ христіанъ имѣютъ возможность и охоту предаваться наукѣ, которая, подобно всякому другому дѣлу, требуетъ труда и бдѣнія. Гораздо больше такихъ, которые занимаются чтеніемъ книгъ для пріятнаго развлеченія и для пре-

(*) Христ. Чт. 1837 ч. III. ст. 264.

провожденія, или, вѣрнѣе, для потери, Богомъ дарованнаго, времени,— что и называется легкимъ чтеніемъ. Но въ день воскресный число любителей легкаго чтенія увеличивается потому, что день сей увольняетъ человѣка отъ обыкновенныхъ занятій. Не рѣшаясь разсуждать много объ этомъ легкомъ чтеніи, спрошу: какая польза отъ него православнымъ?... Если — мірская, то это излишне для человѣка въ то время, въ которое христіанинъ обязанъ преимущественно заботиться о душѣ своей; если — удовлетворить пытливости ума, то это суетно и въ тоже время слишкомъ скудно, чтобы могло замѣнить собою удовлетвореніе всѣхъ силъ духа нашего, которое заключается въ истинномъ праздновании воскреснаго дня. - Но недѣлаетъ ли легкое чтеніе и читателей своихъ такими же легкими и поверхностными, какъ и само оно? Не питаетъ ли оно души ихъ суетными мыслями, сердце — непристойнымъ восторгомъ? не дѣлаетъ ли волю ихъ направленною къ дѣйствіямъ по духу вѣка сего, языкъ — склоннымъ къ легкомысленнымъ толкамъ, отъ которыхъ несвободна свѣтская литература новѣйшаго времени?... А изъ этого ясно открывается необходимость отказываться вѣрнымъ отъ сего чтенія въ тотъ день, когда всѣ должны служить Богу и благоугождать Ему. Тоже должно сказать и о всякомъ чтеніи и всякой книгѣ, не относящихся къ вѣрѣ и дѣятельности христіанской: ибо, что пользы для празднующихъ отъ чтенія, удовлетворяющаго только разуму, который *кичитъ*, а не созидаетъ?

Успокоенное отъ житейскихъ трудовъ и попеченій сердце человѣка стремится къ наслажденію и ищетъ развлеченія въ обществѣ. И это отнюдь непредосудительно для христіанина, но бываетъ предосудительно, когда такое развлеченіе принимаетъ видъ противный духу и правиламъ вѣры Христовой. Въ самомъ дѣлѣ, въ обществѣ свѣтскомъ не рѣдко разговоры оживляются шутками и остротами недостойными христіанина; не рѣдко также представляются тамъ занятія повидимому легкія и безразличныя, но въ самомъ дѣлѣ разслабляющія душу и тѣло, такъ что очень часто радость Божія уступаетъ мѣсто ликованію плоти и упоенію чувственному. Всѣмъ извѣстна обыкновенная поговорка: »на то и праздникъ Богъ далъ, чтобы повеселиться«. Но что содержитъ она? все, кромѣ того, что согласно съ духомъ Писанія и Церкви. Равнымъ образомъ она и ведетъ ко всему, что противно вѣрѣ православной, и — въ частности — истинному понятію о воскресеніи Христовомъ. Такого рода празднованіе особенно близко къ празднованію по плоти, о которомъ говоритъ Богъ чрезъ Пророка: *и субботы моя осквернища зѣло* (Іезек. 20, 28), и потому неблагоугодно Богу.

Правда, сердце, болѣе проникнутое свѣтомъ ученія, ищетъ возвышеннѣйшихъ ощущеній и развлеченія въ природѣ и произведеніяхъ искуствъ и художествъ. Повидимому, нѣтъ ничего невиннѣе сего рода наслажденія для празднующихъ день воскресенія Господня: оно даже кажется полезнымъ въ томъ отношеніи, что на время упокоиваетъ душу отъ житейскихъ заботъ и попеченій. Но каковы подобныя наслажденія по отношенію къ празднованію воскреснаго дня? Дѣйствительно ли онѣ такъ невинны и полезны, какими представляются съ перваго взгляда? Онѣ могутъ быть невинны, но только тогда, когда не отвлекаютъ человѣка отъ его обязанности служить Богу, чего объ нихъ сказать нельзя. А если наслажденіе, происходящее отъ созерцанія природы и отъ изученія произведеній искуствъ, препятствуетъ служенію Богу, то оно не можетъ почитаться невиннымъ, а

тѣмъ болѣе полезнымъ для христіанина, который въ одномъ празднованіи находитъ средство къ самоуглубленію и средоточію своихъ силъ и пособіе къ самоиспытанію, необходимому для спасенія. Какъ же благодѣтельно должно быть постановленіе законовъ церковныхъ и гражданскихъ, по которому запрещаются въ воскресные и праздничные дни публичные концерты, представленія на зрѣлищахъ и подобныя симъ увеселенія! Установленіе сіе отнюдь не ново, но восходитъ къ тому времени, когда Церковь, побѣдивъ язычество, подвергалась опасности лишиться чистоты и благочестія своихъ членовъ. Въ предостереженіе отъ сего, благочестивые пастыри не разъ обличали недостойныхъ христіанъ, а Отцы карѳагенскаго собора опредѣлили просить императора Гонорія, чтобы онъ запретилъ язычникамъ театральныя представленія и зрѣлища въ воскресные и праздничные дни, потому что онѣ отвлекаютъ народъ отъ благочестія (*), что и было исполнено — въ Греціи императорами Ѳеодосіемъ Младшимъ и Львомъ, а въ нашемъ отечествѣ неоднократно было подтверждаемо императорскими указами (**).

Указавши на главнѣйшія изъ препятствій къ истинному празднованію воскреснаго дня, постараюсь теперь изложить мысли мои относительно того, въ чемъ должно состоять посвященіе Богу седьмаго дня.

День же седмый Господу Богу твоему, говоритъ заповѣдь, то есть: не часть или извѣстное время дня, но весь день, который, по Писанію, начинается вечеромъ, продолжается ночью и днемъ до слѣдующаго вечера. — День одинъ въ недѣлю христіанинъ долженъ посвятить на служеніе Богу. Немного времени Онъ избралъ для служенія Себѣ! Но какъ не легко исполнить въ точности эту заповѣдь Божію! Ибо, кто столько чистъ и совершенъ, чтобы всего себя и притомъ на весь день посвятить Богу? Кажется не трудно мыслить о Богѣ, бесѣдовать съ Нимъ въ молитвѣ, прославлять имя Его и читать слово Его. Однако, у многихъ ли найдется столько силы и усердія, чтобы весь день провесть такимъ образомъ? Но и при всемъ усердіи, нашъ ветхій человѣкъ слишкомъ силенъ, а наше тѣло слишкомъ слабо для того, чтобы дать душѣ совершенную возможность посвятить весь день Господу. Но когда совершенное исполненіе заповѣди по слабости и поврежденности природы человѣческой становится маловозможнымъ, Церковь Христова тѣмъ не менѣе возводитъ чадъ своихъ въ свободу чадъ Божіихъ. Неопытнымъ она даетъ искуство, *творя съ ними молитвы, прошенія и благодаренія за вся человѣки* (1 Тим. 2, 2); безсильнымъ она даетъ силу Божію, слабымъ — помощь, и такимъ образомъ бываетъ *всѣмъ вся*, обязавъ всѣхъ приходить въ разные промежутки воскреснаго дня къ богослуженію вечернему, утреннему и на литургію.

Обязанность приходить къ богослуженію въ храмы, нарочито для сего посвященные, весьма естественна: ибо для общественнаго богослуженія необходимо общее мѣсто собранія, которое должно быть свято, какъ по дѣйствіямъ въ немъ совершаемымъ, такъ и потому, что въ общихъ собраніяхъ христіанскихъ пребываетъ съ особенною благодатію своею Царь царей, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и притомъ — не только по своему Божеству, но и по человѣчеству, Самъ дѣйствующій и спостраждущій, приносящій и приносимый, какъ единый вѣчный Ходатай Бога и человѣковъ *предстоя лицу Божію о насъ*.

(*) Прав. 64, славян. кормч. 61.

(**) Указы Сенат. 11 Іюл. и 17 Нояб. 1743 года подтвержд. 8 Апр. 1782 и нояб. 17 1820 года.

Вотъ почему посѣщеніе храмовъ Божіихъ есть одна изъ священнѣйшихъ обязанностей христіанина, который радуется *о рекшихъ ему: въ домъ Господень пойдемъ* (Псал. 121, 1). Въ обыкновенные дни не всѣ христіане имѣютъ совершенную возможность приходить въ храмъ Господень: но въ день воскресный, когда празднованіемъ открывается совершенная свобода отъ обыкновенныхъ занятій, всѣ христіане равно обязаны приходить въ храмъ, который всегда признавался необходимою принадлежностію общественнаго богослуженія, какъ въ ветхозавѣтной, такъ и въ новозавѣтной Церкви.

Еще при Моисеѣ, когда заповѣдь о субботѣ въ первый разъ предана письмени и впервые явился храмъ, названный скиніей, Израильтяне, руководствуясь закономъ, ходили въ нее по субботамъ для молитвы, чтенія закона и принесенія жертвы. Потомъ, во времена царей израильскихъ, самъ Господь избралъ и указалъ Давиду мѣсто для храма имени своему и, давши обѣтованіе вселиться въ немъ, симъ самымъ указалъ Іудеямъ на необходимость посѣщать его. Почему они всегда съ великимъ усердіемъ приходили въ храмъ іерусалимскій, пока пребывали вѣрными Богу отцевъ своихъ. Впрочемъ, трудность далекаго путешествія въ Іерусалимъ и неудобность всеобщаго наставленія въ законѣ въ храмѣ, который по закону долженъ былъ быть одинъ для всего Израиля, побуждала иногда Евреевъ собираться по колѣнамъ въ извѣстныхъ мѣстахъ г. слушать чтеніе закона, совершаемое старшинами, или же, приходить къ пророкамъ, открывавшимъ волю Божію и изъяснявшимъ законъ и книги другихъ пророковъ. Съ оскудѣніемъ дара пророческаго Евреи стали устроять синагоги и, по примѣру собраній пророческихъ, частныя молельни для общественнаго богослуженія. Не смотря на то, мѣстомъ особеннаго селенія Іеговы, поклоненія Ему и принесенія жертвъ всегда признавался храмъ іерусалимскій (первый и второй преемственно) куда стекались Іудеи, не только жившіе въ Палестинѣ, но и внѣ ея. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, составившій своимъ явленіемъ во плоти славу втораго храма іерусалимскаго (Аг. 2, 10), также приходилъ въ храмъ и синагоги іудейскія по субботамъ и здѣсь возвѣщалъ истину заблуждшимъ. Здѣсь же и Апостолы находили болѣе возможности къ проповѣданію слова Божія; почему и они часто являлись въ храмѣ и синагогахъ іудейскихъ, даже по вознесеніи Спасителя на небо.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 21-го Августа 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 24.

НЕДѢЛЯ ПО ВОЗДВИЖЕНІИ.

15 Сентября 1857 г.

Гласъ 7-й.

На утрени евангеліе воскресное 5-е, Лук. зач. 113. На литургіи: апост. Гал. зач. 203, еванг. Марк. зач. 37.

СВЯТАГО АМВРОСІЯ МЕДІОЛАНСКАГО

о дѣвственницахъ.

ГЛАВА VII.

(Увѣщеваетъ родителей, чтобы они наставляли и располагали дѣтей своихъ къ дѣвственности, и раскрываетъ имъ, сколько досадъ и огорченій проистекаетъ между прочимъ изъ того удовольствія, котораго они ищутъ въ потомкахъ; нисколько однакоже не возбраняетъ брачной жизни, напротивъ того защищаетъ ее противъ еретиковъ, охуждающихъ брачную жизнь; впрочемъ, предпочитая дѣвство жизни брачной, изъясняетъ, какъ неописанна красота Жениха невѣсты — дѣвственницъ и какихъ отъ Него даровъ сподобляются онѣ; за тѣмъ, изложивши въ подтвержденіе сего нѣсколько мѣстъ изъ Пѣсни Пѣсней, извлекаетъ отсюда правила высокой нравственности, приспособительно къ состоянію дѣвственницъ.

32) Вы слышали, родители, въ какихъ добродѣтеляхъ надлежитъ вамъ воспитывать дщерей своихъ и какія преподавать имъ правила и наставленія, чтобы ихъ заслугами искупить свои прегрѣшенія. Дѣва есть даръ Божій, жертва отца, жертва матери, приносимая ими въ даръ Богу, на священный алтарь чистоты и непорочности, каковымъ жертвоприношеніемъ ежедневно умилостивляется Богъ. Дѣва есть всегдашняя опора для родителей: она не обезпокоитъ ихъ приданнымъ, не оставитъ ихъ однихъ, ни чѣмъ не оскорбитъ ихъ.

33) Но иной желаетъ имѣть внуковъ и

пріобрѣсть почтенное титло дѣда. Во первыхъ, онъ отдаетъ свое, а ищетъ чужаго; во вторыхъ, лишаетъ себя вѣрнаго въ ожиданіи невѣрнаго; кромѣ того, жертвуетъ своими сокровищами, между тѣмъ ими еще бываютъ недовольны; если же не отдалъ приданнаго, то требуютъ отъ него; а если притомъ живетъ еще долго, то тятотятся имъ. Это значитъ покупать зятя, а не пріобрѣтать его, когда онъ торгуется и продаетъ свои виды родителямъ дочери. И для того ли столько мѣсяцевъ носится дщерь во утробѣ матерней, чтобы потомъ перейти ей во власть чуждую? Для того ли столько прилагается старанія и заботъ объ ея образованіи и доброй о ней славѣ, чтобы тѣмъ скорѣе быть ей исторгнутой изъ дома родительскаго? А едва ли не всю заботливость свою употребляютъ на то сами же родители.

34) Скажетъ кто-нибудь: поэтому ты не совѣтуешь вступать въ супружество? Совсѣмъ нѣтъ: напротивъ того я совѣтую, и даже осуждаю тѣхъ, которые дерзаютъ проповѣдывать противное. Супружество Сарры, Ревекки, Рахили и другихъ благочестивыхъ древнихъ женъ я всегда представляю въ примѣръ и образецъ особенныхъ добродѣтелей. Тотъ, кто осуждаетъ супружескую жизнь, осуждаетъ и дѣтей, а тѣмъ самымъ осуждаетъ и преемственное продолженіе рода человѣческаго. Ибо какимъ образомъ кратковременная жизнь наша могла бы у насъ смѣняться преемственно одна другою, иногда въ заматорѣвшихъ даже во днехъ своихъ, если бы не благодать Божія, дѣйствующая въ супружествахъ, возбуждала въ нихъ врожденное стремленіе и силу къ дарованію жизни подобнымъ себѣ, т. е. къ чадорожденію (Быт. 21. 2. Евр. 11, 11)? Или, какимъ образомъ, осуждая брачную жизнь, можно вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, безъ оскорбленія величія божественнаго и нарушенія подобающаго ему благоговѣнія, что непорочный Исаакъ возносится на жертвенникъ Господень во всесожженіе Богу, жертвою родительскаго благочестія (Быт. 22), что Израиль (Іаковъ), облеченный плотію человѣческою, *видитъ Бога лицемъ къ лицу* и священное имя свое передаетъ народу Божію (—32, 24—30),—какъ изъяснить все это и т. п., осуждая происхожденіе ихъ отъ брачнаго ложа? Эти святотатственные люди (*), проповѣдуя таковое богохульство, въ одномъ только правы, въ чемъ ихъ и всякій благомыслящій человѣкъ оправдаетъ, что они, осуждая супружество, тѣмъ самымъ торжественно сознаются и предъ всѣми свидѣтельствуютъ, что имъ лучше бы не раждаться на свѣтъ.

35) И такъ я не отсовѣтываю вступать въ супружество; я только исчисляю выгоды и преимущества священнаго дѣвства. Ибо дѣвство есть удѣлъ немногихъ, а супружество предоставляется всѣмъ; всѣ могутъ быть супругами, но не всѣ дѣвственниками и дѣвственницами: съ другой стороны, не могло бы быть и дѣвства, если бы не было супружества, супружество служитъ основаніемъ самому дѣвству. Я сравниваю одно благо съ другимъ, чтобы видѣть яснѣе, которое изъ нихъ превосходнѣе. И не свое какое-либо мнѣніе произношу объ этомъ,—нѣтъ, я только повторяю то, что изрекъ самъ Духъ Святый устами Пророка: *лучше безчадство*, говоритъ онъ, *съ добродѣтелію* (Прем. 4, 1).

36) Главное, чего наиболѣе желаютъ готовящіеся вступить въ брачную жизнь, — это

(*) То есть Манихеи, о коихъ блаженный Августинъ въ книг. о ересяхъ гл. 46 такъ говоритъ: »возбраняя чадородіе, составляющее цѣль супружествъ, они, безъ сомнѣнія, осуждаютъ брачную жизнь и всячески воспрещаютъ вступать въ супружество«.

то, чтобы гордиться и величаться красотою своего жениха. Кудажъ имъ сравниться въ семъ отношеніи съ священными дѣвами, коимъ однѣмъ свойственно сказать: *красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ, изліяся благодать во устнахъ твоихъ* (Пс. 44. 3). Кто же этотъ Женихъ? Не человѣкоугодливый, готовый на всякія услуги, не гибнущими и скопреходящими богатствами изобилующій и превозносящійся, но Тотъ, коего престолъ во вѣкъ вѣка. *Дщери царей въ чести* Его: *предста царица одесную Тебе, въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна преиспещрена. Слыши, дщи, и виждь и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и домъ отца твоего. И возжелаетъ Царь доброты твоея: зане той есть Господь твой* (тамже 10 и слѣд).

37) И смотри, какія блага предоставилъ тебѣ Духъ Святый, по свидѣтельству божественнаго Писанія: царство, злато, красоту; *царство:* и потому, что ты невѣста Царя вѣчнаго, и потому, что ты, имѣя въ себѣ непобѣдимый духъ, не увлекаешься приманками удовольствій и не дѣлаешься ихъ плѣнницею, но, какъ царица, господствуешь надъ ними; *злато*: потому-что какъ этотъ металлъ, будучи подвергнутъ дѣйствію огня, становится чище и драгоцѣннѣе, такъ дѣвственное тѣло, посвященное Божественному Духу и освященное Имъ, восходитъ на высшую степень чистоты и превосходства; *красоту*: ибо можетъ ли кто даже помыслить и представить себѣ какую-либо красоту лучше и выше той красоты дѣвственной, которую возлюбилъ самъ Царь небесный, одобрилъ и оправдалъ верховный и нелицепріятный Судія, которая избрана самимъ Господомъ и посвящена Богу: — она всегда пребываетъ невѣстою, всегда остается безбрачною, такъ-что и любовь пребываетъ безконечною и цѣломудренность остается безукоризненною.

38) Подлинно, это истинная красота, у которой нѣтъ никакого недостатка, которая одна заслуживаетъ и удостоивается слышать отъ Господа: *вся добра еси, ближняя моя, и порока нѣсть въ тебѣ. Гряди отъ Ливана, невѣсто, гряди отъ Ливана: пріиди и прейди изъ начала вѣры, отъ главы Санира и Аермона, отъ оградъ львовыхъ, отъ горъ пардалеовъ (рысей)* (Пѣс. Пѣсн. 4, 7. 8). Таковыми качествами совершенная и неукоризненная красота дѣвственной души, посвященная божественному служенію, не увлекаемая гибельными нападеніями отъ духовныхъ звѣрей, но преданная спасительному ученію и углубленная въ спасительныя таинства вѣры, заслужила любовь Божію и божественный выборъ; ея сосцы полны радости: ибо *вино веселитъ сердце человѣка* (Пса. 103 15).

39) *Воня ризъ твоихъ паче всѣхъ ароматъ*, говоритъ Премудрый, *и благовоніе ризъ твоихъ, яко благоуханіе Ливана* (Пѣсн. Пѣсн. 4, 10 11). Виждь, лѣво, какое ты являешь предъ нами преспѣяніе. Первая воня твоя паче всѣхъ ароматовъ, какіе уготованы были на погребеніе Спасителя (Мар. 16, 4. Лук. 24, 1. Іоан. 19, 39, 40): она благоуханіемъ своимъ дѣлаетъ благовонными тѣлеса усопшихъ и по смерти. Послѣднее благоуханіе твое, яко благоуханіе Ливана, выражаетъ собою нетлѣнность тѣла Господня, цвѣтъ никогда неувядающей дѣвственной чистоты и непорочности.

ГЛАВА VIII.

(Слѣдующее мѣсто изъ Пѣсни Пѣсней: «отъ искапаютъ устнѣ твои, невѣсто» (4, 11), *изъясняетъ такимъ образомъ, что заимствуетъ отсюда поводъ къ сравненію чистыхъ и непорочныхъ дѣвственницъ съ пчелами).*

40) Итакъ дѣла твои сравнимъ съ сотомъ медовымъ; ибо дѣвство достойно сравненія съ пчелами: такъ оно трудолюбиво, такъ цѣломудренно, такъ терпѣливо и воздержно. Пчела питается росою, не знаетъ похоти, дивно и непостижимо составляетъ соты. И для дѣвственницы питающею ее росою есть Слово Божіе, подобно росѣ нисходящее; цѣломудріе ея — чистая и ничѣмъ неосквернная природа; а плодъ есть плодъ устъ (*), чуждый горечи, преисполненный сладости. Трудъ для общаго блага, плодъ для общей пользы.

41) Какъ я желаю, дочь моя, чтобы ты подражала этой цѣломудренной и трудолюбивой пчелкѣ, которая чистою росою и соками изъ цвѣтовъ питается, которая однѣми и тѣми же устами и нектаръ собираетъ и соты изъ него устрояетъ, и оплодотворяется. Подражай ей, дочь моя! Слова твои да не прикрываются лестію и не растворяются лукавствомъ и коварствомъ, такъ-чтобы они и чистоту имѣли неподдѣльную и важности были исполнены.

42) И заслугъ твоихъ вѣчную память въ потомствѣ старайся пріобрѣтать себѣ устами своими (**). Не для одной себя, но и для ближнихъ своихъ собирай сокровища (ибо какъ знать, когда взыщется отъ тебя душа твоя), чтобы не оставить тебѣ собранныхъ тобою житницъ безъ пользы и для себя и для другихъ, когда будешь восхищена туда, куда нельзя будетъ взять съ собою сокровищъ своихъ. Итакъ будь богата, пріобрѣтай праведно сокровища, но для бѣдныхъ — меньшей братіи Христовой; пусть причастники твоей природы будутъ участниками и твоихъ стяжаній.

(*) Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ и рукописяхъ стоитъ *foetus laborum*, вмѣсто labiorum, т. е. *плодъ трудовъ*.

(**) Такимъ же образомъ читаютъ *tuo opere*, вмѣсто tuo ore, т. е. *трудами своими*.

43) Вотъ тебѣ и цвѣтъ, который ты должна собирать; тотъ самый, который самъ о себѣ сказалъ: *Азъ цвѣтъ польный, и кринъ удольный... кринъ въ терніи* (Пѣсн. цѣсн. 2, 1. 2), гдѣ послѣднія слова ясно показываютъ, что добродѣтели окружены терніемъ пороковъ, откуда никто не вынесетъ плода добраго, если не будетъ поступать осторожно.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМО КЪ МНИМОМУ СТАРОВѢРУ.

Ты спрашиваешь меня: какое таинственное значеніе даемъ мы своему сложенію перстовъ для крестнаго знаменія? — Долгомъ поставляю кратко сообщить тебѣ мои мысли о семъ.

Въ православно-трехперстномъ сложеніи съ благоговѣніемъ созерцаю я: 1) тайну троичнаго единства Божія, и 2) тайну воплощенія Бога слова для спасенія человѣковъ, согласно съ святымъ Писаніемъ.

I. Для точнаго изображенія троичнаго единства Божія 1) слагаются три первые, въ послѣдовательномъ порядкѣ, — большой, указательный и средній персты десныя руки во едино. Это перстосложеніе напоминаетъ мнѣ, что *Господь Богъ*, по существу своему, *Господь единъ есть* (Втор. 6, 4). Но въ семъ, единомъ *тріе суть свидѣтельствующіе на небеси: Отецъ, Слово и Святый Духъ; и сіи тріе*, въ послѣдовательномъ порядкѣ языкомъ человѣческимъ такъ произносимые, *едино суть* (1 Іоан. 5, 17). 2) Три перста соединяются между собой неслитно и нераз-

дѣльно, т. е. не отдаляясь одинъ отъ другаго, а совокупно и тѣсно, съ совершеннымъ равенствомъ концовъ своихъ, такъ что ни одинъ ни выше, ни ниже другаго. Въ тройственномъ этомъ составѣ ихъ и неразрываемо-послѣдовательномъ порядкѣ, какъ въ равностороннемъ трехъугольникѣ, нѣтъ ни перваго, ни послѣдняго. — Это научаетъ меня почитать »Бога въ Троицѣ, и Троицу во единицѣ, ниже сливая Ипостаси, ниже существо раздѣляя; ина бо есть ипостась Отча, ина Сыновня, ина Святаго Духа; но Отчее и Сыновнее и Святаго Духа едино есть божество, равна слава, соприсносущно величество. Яковъ Отецъ, таковъ и Сынъ, таковъ и Святый Духъ. Въ сей святѣй Троицѣ ничтоже первое или послѣднее, ничтоже болѣе или менѣе: но цѣлы три Ипостаси, соприсносущны себѣ и равны«. Такъ написалъ св. Аѳанасій великій въ символѣ своемъ. — 3) По естественному расположенію руки, первый или большой перстъ составляетъ основаніе и какъ бы начало и корень двухъ, рядомъ и преемственно послѣдующихъ за нимъ, указательнаго и средняго, перстовъ. Второй по порядку, указательный, одесную большаго находящійся, раждается изъ основанія большаго и составляетъ орудіе указанія. А слѣдующій за нимъ, третій по порядку, средній перстъ выходитъ изъ основанія тогоже большаго перста и, по отличительной высотѣ своей, есть какъ бы и преграда, отдѣляющая и отличающая первые два перста отъ послѣднихъ, и звѣно ихъ соединяющее. Разнообразное это состояніе и отличительныя свойства трехъ перстовъ ясно припоминаютъ мнѣ отличительныя свойства и дѣйствія трехъ Ипостасей божественныхъ. Большой перстъ напоминаетъ мнѣ, что Богъ Отецъ, какъ первое лице святыя Троицы, по чину и порядку троичнаго единства, есть источное начало, корень и основаніе Божества прочихъ двухъ Ипостасей; что сей-то единый Отецъ, *иже надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ, и во всѣхъ насъ* (Ефес. 4. 6), *изъ Негоже вся* (1 Кор. 8, 6), т. е, и рожденіе Сына и дхновеніе Духа и всяко отечество, т. е. рожденія, исхожденія и сыноположенія на небеси и на земли именуется (Ефес. 3, 15), какъ Отецъ свѣтовъ (Іак. 1, 18) и какъ раздѣлитель дѣйствій, единъ дѣйствуяй во всѣхъ (1 Кор. 12, 6), благословляетъ насъ всяцѣмъ благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ (Ефес. 1, 3). Второй, указательный перстъ, и послѣдовательнымъ порядкомъ и приличнымъ наименованію его дѣйствіемъ указанія, характеризуетъ мнѣ Сына Божія. Положеніе перста этого вторымъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ перстовъ, припоминаетъ мнѣ, что Іисусъ Христосъ, сѣдяй одесную Отца на небесѣхъ (Ефес. 1, 20), есть второе лице Святыя Троицы, сіяніе славы Отца и образъ ипостаси Его (Евр. 1, 3), единосущенъ Отцу (Іоан. 10, 30), единородный Сынъ Его (Іон. 1, 18), первороженъ всея твари (Кол. 1, 15), и, будучи рожденъ отъ Отца прежде всѣхъ вѣковъ (Пс. 109, 3; Прит. 8, 22 пр.), есть премудрость Бога (1 Кор. 1, 30, 2, 7), Слово Бога (Іоан. 1, 1) и десница Его (Исх. 15, 6; Пс. 117, 16). Дѣйствіе указанія напоминаетъ мнѣ а) то, что однимъ только Іисусомъ Христомъ указано отъ Отца свѣтовъ и Творца всяческихъ и назначено всему видимому и невидимому и время явленія изъ небытія въ бытіе, и опредѣленное мѣсто служенія, и чинъ достоинства, и порядокъ общеполезнаго дѣйствованія во взаимныхъ соотношеніяхъ: *яко Тѣмъ создана всяческая, яже на небеси и яже на земли, видимая и невидимая, аще Престоли, аще Господствія, аще Начала, аще Власти, — всяческая Тѣмъ и о Немъ создашася* (Кол. 1, 16); б) то, что единъ только Іисусъ Христосъ, будучи Самъ Собою *путь, истина и животъ* (Іоан.

19, 6), Самъ Собою и въ Себѣ Самомъ открылъ всѣмъ человѣкамъ путь ко спасенію и жизни вѣчной (Іоан. 1, 4); а для сего в) напоминаетъ мнѣ, что одинъ только Іисусъ Христосъ явилъ человѣкамъ и Самаго непостижимаго Отца своего (Іоан. 1, 18): ибо Ему одному вся предана Отцемъ Его, такъ что емуже аще волитъ, открываетъ вся и Отца своего (Матѳ. 11, 27), и однимъ Собою Самимъ руководствуетъ къ Нему всѣхъ и каждаго (Іоан. 14, 6). Третій и средній перстъ, послѣдовательнымъ порядкомъ счисленія своего, предъизображаетъ мнѣ третіе Лице Святыя Троицы. Происхожденіемъ своимъ изъ основанія перваго напоминаетъ мнѣ, что Духъ Святый отъ единаго Отца исходитъ (Іоан. 15, 26) и Отцемъ даруется (Лук. 11, 13). Единоравенственнымъ и нераздѣльнымъ соединеніемъ своимъ съ первымъ и вторымъ перстами во едино напоминаетъ мнѣ, что Духъ Святый есть также истинный Богъ (Дѣян. 5, 34), виновникъ бытія всѣхъ тварей и Духъ обѣтованія (Еф. 1, 13), дарованный намъ для возсозданія падшаго рода человѣческаго крещеніемъ (Дѣян. 1, 15), возрожденіемъ (Іоан. 3, 6. 8), обновленіемъ (Тит. 3, 5), освященіемъ (Римл. 15, 16) и преобразованіемъ (2 Кор. 3, 18). Преемственнымъ порядкомъ стоянія своего послѣ перваго и втораго перстовъ указуетъ мнѣ на преемственную послѣдовательность дѣйствій Св. Духа въ строительствѣ спасенія человѣческаго, по славномъ вознесеніи Господа Іисуса Христа ко Отцу своему (Іоан. 7, 39; 16, 7). И въ семъ то отношеніи напоминаетъ мнѣ а) то, что Духъ Святый отъ Отца обильно на всѣхъ изливается одними заслугами Іисуса Христа, Спасителя нашего (Тит. 3, 5. 6) и какъ Отцемъ (Іоан. 15, 26), такъ равно и Сыномъ (Лук. 24, 49) отъ Отца съ небесе (Іоан. 15, 26) ниспосылается (1 Петр. 1, 12); б) то, что этотъ же Духъ Святый есть раздѣлитель дарованій вѣрнымъ чадамъ Церкви Христовой. *Овому Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума, о томъ же Дусѣ; другому же вѣра тѣмъ же Духомъ; иному же дарованіе исцѣленій о томъ же Духѣ; другому же дѣйствія силъ; иному же пророчество; другому же разсужденія духовомъ; иному же роди языковъ; другому же сказанія языковъ: вся же сія дѣйствуетъ единъ и тотъ же Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хощетъ* (1 Кор. 12, 4, 8, 11). Наконецъ в) средоточнымъ и какъ бы раздѣлительнымъ состояніемъ своимъ между двумя первыми и двумя послѣдними перстами, изображающими тайну воплощенія Бога Слова, напоминаетъ мнѣ а) то, что Духомъ Святымъ влита непостижимо — животворная сила во все, въ мірѣ сотворенное (Быт. 1, 2),—б) что однимъ только наитіемъ Духа Святаго совершилось непостижимое зачатіе и воплощеніе Бога Слова во утробѣ Дѣвы всепепорочныя (Лук. 1, 35),—в) то, что этотъ Духъ Св. есть обрученіе наслѣдія (Еф. 1, 14) и Ходатай за насъ въ молитвахъ нашихъ воздыханіи неизглаголанными (Рим. 8, 26), такъ какъ въ Немъ только одномъ всѣ, постепенно созидаясь въ жилище Божіе (Еф. 2, 22), приведеніе имѣемъ ко Отцу (Еф. 2, 18) чрезъ Сына. Всему научая вѣрующихъ, вся воспоминая имъ божественные глаголы Христовы (Іоан. 14, 26) и возвѣщая грядущая (Іоан. 13, 13), Онъ открываетъ всѣ судьбы и предопредѣленія Бога Отца о совершеніи спасенія человѣковъ, въ няже Ангелы желаютъ проникнути (1 Петр. 1, 12), — прославляетъ Бога Сына, Совершителя спасенія нашего (Іоан. 16, 14) и тѣмъ самымъ ясно показуетъ дѣйствительное различіе Ипостасей божественныхъ и неизслѣдимую непостижимость Ихъ для всего видимаго и невидимаго.

II. Для точнаго изображенія тайны воплощенія Христова, ради спасенія человѣковъ совершеннаго, 1) отдѣляются два послѣдніе перста одной и той же правой руки. Взирая на это отдѣленіе перстовъ. съ благоговѣніемъ прозрѣваю въ предвѣчное предопредѣленіе Божіе о спасеніи человѣковъ. Тамъ, по мѣрѣ скудныя вѣры моей. созерцаю я правосуднаго Бога Отца, праведно раздраженнаго преступленіемъ человѣка, и потому отвергающаго всѣ многочисленныя жертвы человѣческія и къ самымъ всесожженіямъ не благоволящаго. Съ благоговѣніемъ внимаю молитвенному предъ Отцемъ гласу милосердаго Примирителя, единороднаго Сына Божія: *се иду сотворити волю твою, Боже*. (Пс. 39, 7. 8. Евр. 10, 6. 7)! И наконецъ прозрѣваю уготовляемое Духомъ Святымъ тѣло (Евр. 10, 5; Лук. 1. 35) для превѣчнаго Агнца Божія, Іисуса Христа. закланнаго прежде сложенія міра (1 Петр. 1, 19, 20; Апок. 5, 6). Такимъ образомъ ясно прозрѣваю я здѣсь то, что для примиренія Бога съ человѣкомъ предъизбирается не иное что, какъ неразрывное соединеніе божескаго и человѣческаго естества въ одномъ Богочеловѣкѣ, да Само превѣчное Слово Божіе будетъ плотію (Іоан. 1, 14), единою со всѣми, для всѣхъ и за всѣхъ насъ человѣковъ. 2) Персты эти суть: 1) безъимянный, на коемъ обыкновеннѣе всего носятъ перстень или кольцо, и 2) мизинецъ. Разсмотрѣніе свойствъ и наименованій двухъ этихъ перстовъ припоминаетъ мнѣ то, что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ (1 Іоан. 5, 20), непостижимъ по Божеству, и потому никакимъ именованіемъ удобоописуемъ быть не можетъ. »Богъ отъ существа Отца, прежде вѣкъ рожденный. и человѣкъ отъ существа Матерня, во времени рожденный. Равенъ Отцу по божеству, мній же Отца по человѣчеству: иже аще и Богъ есть и человѣкъ, обаче не два, но единъ есть Христосъ, — единъ не премѣненіемъ божества въ плоть. но воспріятіемъ человѣчества въ божество«: — такъ свидѣтельствуетъ св Аѳанасій александрійскій. — 3) Оба эти перста слагаются во едино, неслитно, не закрывая одинъ другаго. и не раздѣльно, а въ совокупности. Это научаетъ меня. что Іисусъ Христосъ, предвѣчное Слово Божіе, воспріявъ на Себя естество человѣческое, не сливая оба естества во едино, бысть всецѣльно единъ Богочеловѣкъ, не сліяніемъ естества, но единствомъ упостаси. — »Якоже душа словесная и плоть, единъ есть человѣкъ; тако Богъ и человѣкъ единъ есть Христосъ«,—по ученію св. Аѳанасія Великаго. Онъ »отъ чистыя Дѣвы пройде, неизреченно воплощся, естествомъ Богъ сый и естествомъ человѣкъ насъ ради, не во двою лицу раздѣляемый, но во двою естеству неслитно познаваемый« (Іоан. Дамаск. богородичн. 6 гласа). Впрочемъ отъ сего воплощенія своего »никакоже претерпѣ измѣненія, или смѣшенія, или раздѣленія, но обою существу свойство цѣло сохрани« (Богор. 3 гл.). — 4) По взаимномъ соединеніи, оба равно персты эти тѣсно пригибаются къ ладони, и въ семъ положеніи остаются подъ кровомъ и какъ бы особеннымъ вліяніемъ на нихъ первыхъ трехъ возвышенныхъ надъ ними перстовъ. — Это изображеніе напоминаетъ мнѣ 1) то, какъ Іисусъ Христосъ. будучи превѣчнымъ и вездѣсущимъ Богомъ, не оставляя нѣдра Отча, сошелъ на землю и родился отъ пресвятыя Дѣвы; — 2) какъ Онъ, будучи Богомъ непостижимымъ, смирилъ Себя предъ небеснымъ Отцемъ своимъ, послушливъ бывъ даже до крестныя смерти и погребенія; 3) какъ Онъ въ крестной смерти своей Себя Самаго, Собою и въ Себѣ Самомъ (Іоан. 10, 17. 18) положилъ непоколебимымъ основаніемъ спасенія человѣческаго, какого основанія никтоже можетъ положити, паче Его

же самаго лежащаго (1 Кор. 3, 11); 4) какъ Онъ, неизмѣнно пребывая яко Богъ со Отцемъ и Духомъ, плотію же оставаясь во гробѣ, сошелъ съ душею во адъ, и сущимъ въ темницѣ духовомъ проповѣда (1 Петр. 3, 19), да судъ пріимутъ по человѣку плотію, поживутъ же по Бозѣ духомъ (1 Петр. 4, 6).

Вотъ тебѣ краткое изложеніе мыслей моихъ о православно-трехперстномъ сложеніи.— Надѣюсь, что послѣ сего ты не будешь унижать этого знаменія тѣми презрительными названіями, какія употребляете вы, мнимые старовѣры, въ поношеніе православныхъ.

ИЗВѢСТІЕ ИЗЪ АЛЕКСАНДРІИ.

Въ листкѣ Византіды, издаваемой въ Константинополѣ, отъ 28 Іюня читаемъ слѣдующее извѣстіе о присоединеніи къ православной паствѣ Унитовъ, живущихъ въ Египтѣ. Событіе это, при великой своей важности, думаемъ, есть самый лучшій отвѣтъ на ругательства, какія постоянно изрыгаетъ противъ Греческаго народа и его вѣроисповѣданія Владыка римскаго Ватикана.

Вотъ самое письмо объ этомъ.

Александрія, 21 Іюня.

»Спѣшу увѣдомить васъ о недавно случившемся у насъ событіи, именно — въ недѣлю всѣхъ Святыхъ, день поистинѣ достойный всегдашней памяти. Изложеніе обстоятельствъ этого событія не только можетъ быть журнальной статьею, но и занять весьма важное мѣсто въ церковныхъ лѣтописяхъ текущаго столѣтія.«

»Вы очень хорошо знаете, что, съ нѣкотораго времени, святѣйшій папа римскій началъ домогаться, чтобы латинствующіе христіане, живущіе въ Сиріи, Палестинѣ и другихъ мѣстахъ, приняли новый, Григоріанскій календарь и соединились съ католиками совершенно, такъ чтобы во всемъ разнились отъ православныхъ Восточной Церкви. Для успѣшнѣйшаго достиженія этой цѣли, онъ приказалъ, какъ извѣстно, исполнителямъ своей воли употребить противъ непокорныхъ принудительныя мѣры,—какъ это и сдѣлано было въ Яффѣ, во время послѣдней Пасхи. Такія мѣры они приняли, наконецъ, и въ нашемъ городѣ Александріи. Но, не могши ни убѣжденіями, ни насиліемъ достигнуть своей цѣли, здѣшній папскій епископъ запечаталъ церковь, къ которой принадлежало около 70 семействъ, такъ называемыхъ, Греко-католиковъ, самыхъ состоятельныхъ жителей города. Греко-католики, видя столь странный поступокъ епископа, собравшись вмѣстѣ, избрали изъ среды своей 40 мужей почетнѣйшихъ и знатнѣйшихъ, дабы они, отъ лица всѣхъ, явились къ святѣйшему патріарху александрійскому, и принесли просьбу его святѣйшеству — принять ихъ въ родную имъ Православную Церковь, которой они были нѣкогда словесными овцами, и отъ которой отступили. Посланные, не теряя времени, поспѣшили единодушно въ священную обитель св. Саввы, и, представъ предъ святѣйшаго Патріарха Александріи, сказали ему: »Мы были словесными овцами православной Восточной Церкви, заблудили, и теперь возвращаемся въ ея нѣдра, по благоволенію Св. Духа: пріими насъ, какъ любвеобильный отецъ блуднаго сына«.—Патріархъ принялъ ихъ съ распростертыми объятіями и со всею отеческою

любовію. Надѣвъ епитрахиль и омофоръ, въ присутствіи преосвященнаго митрополита Ливіи и всего свящ. александрійскаго клира, его святѣйшество произнесъ ектенію и помянулъ имена всѣхъ пришедшихъ.

Это было въ среду. Въ недѣлю же всѣхъ Святыхъ, святѣйшій патріархъ отправился къ святителю Ливіи и совершилъ литургію въ новопостроенномъ прекрасномъ храмѣ Благовѣщенія, со всѣмъ свящ. клиромъ; сюда явились всѣ, около 500 душъ, мущины и женщины, и здѣсь помянуты были на великомъ входѣ имена всѣхъ, написанныя ими самими. Христіане приняли ихъ въ храмъ, и вышедши изъ своихъ мѣстъ, ввели всѣхъ ихъ: равнымъ образомъ и женщины ввели женскій полъ въ назначенное для него мѣсто. Стеченіе народа въ этотъ день было чрезвычайное. По всему пространству сей новопостроенной Церкви, до самыхъ вратъ священнаго жертвенника, волновался народъ, и проливая слезы неизреченной радости и умиленія, прославлялъ Бога. По совершеніи Божественнаго таинства, его святѣйшество и святитель Ливіи посѣтили домы почетнѣйшихъ изъ новоприсоединившихся, которые выразили предъ ними свою духовную радость, что Господь благоволилъ возвратиться имъ такимъ образомъ въ ихъ родную, Православную Церковь, и — что они познали своего роднаго отца и пастыреначальника. — До сего времени новоприсоединившихся къ Православной Церкви было 122 семейства. Очень вѣроятно впрочемъ, что примѣру ихъ послѣдуютъ сотни другихъ.

(Изъ Аѳинской газеты Αἰων. 1 Іюля 1857 г. Понедѣльникъ).

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

92) Когда помыслю о скоротечности жизни, о многосплетенныхъ суетахъ житейскихъ, объ изчезаніи тѣни благъ мірскихъ, — обманчивости славы, шаткости власти, ненадежности благоденствія, суетности богатства; потомъ воззрю на будущее пришествіе нелицемѣрнаго Судіи, кончину вѣка, и ужасы и страхи сопровождающіе ее, — то, какъ сходитъ съ неба молньеносный Судія, какъ въ страхѣ предшествуютъ Ему силы небесныя, какъ приготовляется страшный престолъ, какъ небо свивается подобно книгѣ, какъ стихіи сожигаемыя сгараютъ, какъ трубятъ страшныя трубы, какъ отверзаются гробы и мертвые возстаютъ будто отъ сна, какъ прахъ въ одно мгновеніе сочетавается въ прежній составъ и души снова соединяются съ тѣлами, какъ праведники текутъ въ срѣтеніе Судіи, какъ предстаетъ Женихъ въ полунощи и ревностныхъ удостоиваетъ входа въ чертогъ, а нерадивыхъ оставляетъ внѣ, — когда помыслю о всемъ этомъ, — ублажаю тѣхъ мудрыхъ дѣвъ, о которыхъ упоминаетъ божественное Евангеліе, за то, что онѣ, познавъ неопредѣленность времени, всегда чаяли безсмертнаго Жениха своего, всегда имѣли въ сердцѣ страхъ пришествія Его и, въ ожиданіи нощнаго мрака, попеклись заготовить свѣтильникъ свѣта. — Но ничто не препятствуетъ намъ и ближе викнуть въ ту божественную притчу. *Уподобися*, сказано, *царствіе небесное десятимъ дѣвамъ, яже пріяша свѣтильники своя и изыдоша въ срѣтеніе женіху.* — Когда это онѣ вышли? Собери умъ свой, госпожа, и внимай тщательно. — Итакъ, когда же онѣ вышли? — Тогда ли, когда насталъ конецъ жизни, когда вышло опредѣленіе смерти, когда уже посланы были за ними ангелы? — тогда ли вышли онѣ? — Нѣтъ. Но тогда, когда отреклись отъ

утѣхъ жизни, т. е. когда убезмолвились, возревновали о добродѣтеляхъ, опредѣлили себя на молчаніе и постъ, когда начали доброе шествіе, т. е. монашеское житіе, когда вступили на тѣсный и прискорбный путь, когда добровольно воспріяли жестокое житіе, презрѣли заботы житейскія, отказались отъ брака, возлюбили цѣломудріе, отвергли мерзость грѣха, и сердцемъ прилѣпились къ пречистому Жениху,—тогда вышли онѣ во срѣтеніе.—*Пять же*, сказано, *бѣ отъ нихъ мудры и пять юродивы.*—Какой признакъ дѣвъ мудрыхъ?—Тотъ, что онѣ сочетали съ цѣломудріемъ милостыню, безмолвіе, постъ, молчаніе, бдѣніе, нестяжательность, смиреніе. Такими добродѣтелями онѣ украшали свое цѣломудріе, т. е. душу свою. Познали, что вѣра безъ дѣлъ мертва есть, увѣрились, что одного недостаточно для спасенія: ибо съ однимъ крыломъ орелъ не можетъ возлетѣть на высоту; помянули также и слово Жениха, который сказалъ, что кто хочетъ во слѣдъ Его итти, тотъ не только да отвержется себя, но и да будетъ готовъ душу свою положить за Него,—познали все сіе, и отрекшись всего, возревновали украсить себя всякою добротою духовною, чтобы въ пришествіе Жениха могли сказать словомъ Давида: *уготовихомся и не смутихомся.*—А дѣвы юродивыя, у коихъ свѣтильники безъ елея добродѣтели, суть тѣ, кои ограничились однимъ: воспріяли дѣвство, а другими добродѣтелями не потрудились украсить себя, тѣлесное безбрачіе сохранили, а не восхотѣли стяжать безмолвія и молчанія, равно какъ понудить себя на постъ, бдѣніе и другія лишенія.—Что далѣе? - Какъ женихъ умедлилъ, то всѣ дѣвы воздремали.—Но запасшіяся елеемъ показанныхъ добродѣтелей имѣли дерзновеніе и надежду, что лампады ихъ не погаснутъ. Потому, не смотря на сонъ, названы мудрыми. Юродивыя же спали въ безпечности, не помышляя о будущемъ. И что потерпѣли онѣ въ часъ нужды, того я изъяснить не могу.—Вотъ насталъ часъ, приспѣло время, вострубили трубы, подвиглись стихіи, всколебался воздухъ, потряслось небо съ твердію его, явились ангелы, пришелъ Судія не днемъ, а ночью, и се гласъ, зовущій всѣхъ въ срѣтеніе Ему. Дѣвы встали всѣ, отрясли сонъ и взяли лампады. Но лампады мудрыхъ горѣли ярко и свѣтили всѣмъ, потому что были исполнены всякихъ добродѣтелей, а лампады юродивыхъ погасли. И—о потеря!—мудрыя приняты въ чертогъ, юродивымъ же заключенъ входъ.—Смотри, добрая сестра моя, внимай себѣ, чтобъ и тебѣ не пострадать того, что пострадали юродивыя дѣвы. Поревнуй украсить себя всѣми добродѣтелями, паче же прилежи доброму молчанію и безмолвію: ибо онѣ суть матери и корни всѣхъ другихъ добродѣтелей. Если ты стяжешь сіи двѣ добродѣтели, то вскорѣ возъимѣешь ихъ всѣ въ сердцѣ своемъ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 24-го Августа 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 25.

НЕДѢЛЯ 17 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

22 Сентября 1857 г.

Гласъ 8-й.

На утрени евангеліе воскресное 6-е, Лук. зач. 114. На литургіи: апост. 2 Кор. зач. 182, еванг. Матѳ. зач. 62.

БЕСѢДА

ВЪ НЕДѢЛЮ XVII ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ (*).

О жено! велія вѣра твоя: буди тебѣ, якоже хощеши! Матѳ. 15, 28.

Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, преподавъ во время земной своей жизни совершеннѣйшій образецъ молитвы, при всякомъ случаѣ внушалъ своимъ послѣдователямъ молиться съ несомнѣнною вѣрою, непоколебимымъ упованіемъ на благодать Божію, постоянствомъ и смиреніемъ. Для углубленія сего ученія въ сердцахъ учениковъ своихъ, Господь весьма часто представлялъ имъ и въ собственномъ лицѣ, и въ притчахъ примѣры благоговѣйной молитвы къ Отцу небесному, а однажды привелъ, благодатію своею, нѣкую языческую женщину до того, что она столь усильно просила Его объ оказаніи ей милости, что прошеніе ея сопровождалось всѣми условіями такой молитвы, которую Богъ пріемлетъ съ благоволеніемъ, и удовлетворяетъ прошенію молящагося. О семъ произшествіи предлагаетъ намъ сегодня св. Церковь евангельское чтеніе съ тою цѣлію, чтобы и насъ научить необходимымъ условіямъ молитвы. Обратимъ же вниманіе на сегоднешнее чтеніе Евангелія!

Какъ нѣжный отецъ, не усматривая въ своихъ дѣтяхъ сыновней любви, покорности и должнаго почтенія, дѣлая видъ, будто онъ хочетъ оставить ихъ, угрожаетъ имъ лишеніемъ наслѣдства и усыновленіемъ чужихъ дѣтей: такъ Іисусъ Христосъ, скорбя о скудости вѣры въ Него въ земномъ Его отечествѣ и объ ожесточеніи невѣріемъ фарисейскихъ сердецъ, чтобы возбудить въ сво-

(*) Преосвященнѣйшаго Анатолія, архіепископа могилевскаго и мстиславскаго.

ихъ соотечественникахъ соревнованіе къ принятію вѣры въ Него, направилъ однажды стопы свои въ страны Тирскія и Сидонскія. Въ тоже почти время выходитъ изъ тѣхъ предѣловъ нѣкая Хананейская женщина съ крѣпкимъ, молитвеннымъ воплемъ объ исцѣленіи бѣснуемой ея дочери. Очевидно, что слухъ о Спасителѣ побудилъ эту женщину собрать основательныя объ Немъ свѣдѣнія, по которымъ она узнала, что Іисусъ по плотскому происхожденію потомокъ царя Давида, ожидаемый народами Мессія, и, внимая повѣствованіямъ о чудесахъ Его, до такой степени убѣдилась въ Его божественномъ всемогуществѣ, что одушевленная спасительною вѣрою въ Іисуса Христа, отвергши суетную надежду на идоловъ, притекла къ Спасителю и, повергшись къ ногамъ Его, умоляла Его: *помилуй мя, Господи, сыне Давидовъ: дщи моя зль бѣснуется!* Такъ, главное условіе истинной молитвы есть несомнѣнная, одушевленная твердою надеждою вѣра въ ту истину, что мы, по милости Божіей, получимъ просимое у Него. И Апостолъ говоритъ о молящемся: *да проситъ съ вѣрою* (Іак. 1, 6) Но, приступая къ молитвѣ, необходимо прежде всего, подобно Хананеянкѣ, оставившей своей отечество, какъ бы выйти изъ міра сего, устраниться отъ его молвы, отрѣшиться отъ пристрастія къ его благамъ и, сосредоточивъ въ себѣ помышленія, повергнуться предъ Спасителемъ съ крѣпкимъ, происходящимъ изъ глубины души, воплемъ Хананеянки: *помилуй мене, Господи, сыне Давидовъ!* то есть исповѣдать, что воспріятое Іисусомъ Христомъ человѣческое естество есть несомнѣнный залогъ нашего упованія на благость Его. одушевляющій насъ дерзновеніемъ, и что только милосердіе Его даетъ намъ право на милость Его.

Дщи моя зль бѣснуется!—вопіяла Хананеянка, какъ бы говоря: бѣснуется, но она не сознаетъ несчастнаго своего положенія, даже, повидимому, не ощущаетъ болѣзней своего терзанія, а я, смотря на нее, тысячу переношу съ сердцѣ моемъ страданій, невыразимо мучусь ея терзаніями; сжалься, помилуй меня! Какое сердце не смягчилось бы воплями этой матери? А Спаситель представляется равнодушнымъ, не обращаетъ, повидимому, вниманія ни на благородство, ни на горесть просительницы, даже не удостоиваетъ ее отвѣта ни однимъ словомъ. *Онъ же не отвѣщa ей словесе.* Чтобы это значило? Мать, убитая горемъ, плачетъ, рыдаетъ, проситъ, умоляетъ, наполняетъ воздухъ своими воплями, привлекаетъ къ себѣ состраданіе окружающаго народа; растроганные скорбію ея Апостолы, движимые сожалѣніемъ, умоляютъ Спасителя оказать несчастной матери милость: *и приступльше ученицы Его, моляху Его, глаголюще: отпусти ю, яко вопіетъ въ слѣдъ насъ.* А сладчайшій Іисусъ, объемлющій весь міръ своею любовію, кажется нечувствительнымъ; въ иное время Онъ самъ обходилъ селенія для того, чтобы исцѣлять больныхъ: а теперь отказываетъ въ милости бѣдной матери, повергающейся съ болѣзненнымъ воплемъ къ ногамъ Его; даже на ходатайство объ ней учениковъ своихъ отвѣчаетъ съ видомъ совершеннаго равнодушія: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева!*— какъ бы говоря: это язычники, поклоняющіеся идоламъ, а Я пришелъ къ іудеямъ, поклоняющимся Богу истинному; нѣтъ у меня милости для хананеевъ! Чтоже? Столь безжалостный, по видимому, отказъ не поразилъ скорбной матери безнадежностію. Хотя въ болѣзни сердца она могла возразить: неужели Ты, Господи, низшелъ на землю единственно для спасенія горсти людей, живущихъ въ Іудеи, этомъ темномъ уголку міра? Можетъ ли быть, чтобы Ты всѣ сокровища бла-

гости твоей расточалъ на однихъ іудеевъ, а другіе народы не заслуживали твоего объ нихъ попеченія? Можетъ ли быть, чтобы въ сокровищницѣ твоей благости не было и для нихъ даровъ благодати твоей? Но несчастная матерь не возражаетъ, не отчаевается, а въ ожиданіи милости, не отставая отъ Спасителя, вопіетъ: *Господи! помози ми!* Это второе условіе истинной молитвы — неослабное въ ней постоянство. Часто бываетъ, что какъ съ начала отказывался Спаситель исполнить прошеніе Хананеянки, такъ благодать Его долго, по видимому, отвергаетъ и наши молитвы, будто не внимаетъ воплямъ молящихся, не подаетъ намъ помощи въ бѣдственномъ нашемъ состояніи. Но это бываетъ съ тою цѣлію, чтобы испытать наше терпѣніе, чтобы неослабное постоянство въ молитвѣ было свидѣтельствомъ непоколебимой нашей надежды на Бога. Такъ постоянство Хананеянки въ молитвѣ, проявляя ея вѣру во всемогущество Спасителя и твердую на Него надежду, поразительно вразумляло іудеевъ, что хотя Іисусъ Христосъ отъ нихъ произошелъ по плоти, между ними родился, проповѣдывалъ божественное свое ученіе и творилъ чудеса, а въ послѣдствіи пострадалъ, умеръ и воскресъ; но какъ іудеи отвергли вѣру въ Него, отринули Его ученіе: то благодатное царство Христово имѣло быть, по суду Божію, отнято отъ нихъ и перейти къ языческимъ народамъ, которые, увѣровавъ проповѣди Апостоловъ, воздали Спасителю божественное поклоненіе и содѣлались овцами Его стада, какъ и предсказалъ Онъ, что имѣетъ другихъ овецъ, которыя Онъ приведетъ къ себѣ, *и будетъ едино стадо*, а Онъ *единъ* его *пастыремъ* (Іоан. 10, 16).

Презрительное, по видимому, обращеніе Спасителя съ горевавшею матерію имѣло цѣлію показать предъ окружавшимъ Его народомъ всѣ душевныя доблести Хананеянки. Посему Іисусъ Христосъ, продолжая испытаніе, дабы обнаружились ея мудрость, вѣра, надежда, терпѣніе, неохлаждаемая противными обстоятельствами горячность молитвы и смиреніе, сокрытыя въ сердцѣ скорбной матери, приспособительно къ понятію и языку восточныхъ народовъ, которые до нашихъ временъ даютъ иновѣрцамъ самыя унизительныя названія, говоритъ Хананеянкѣ: *нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ и поврещи псомъ*. Окружавшій Спасителя народъ и Хананеянка поняли, что Господь именовалъ чадами іудеевъ, считавшихся, по происхожденію отъ Авраама и особенному объ нихъ божественному промышленію, народомъ Божіимъ, а псами назвалъ язычниковъ, какъ называли ихъ іудеи. При всемъ томъ, хотя всякая другая женщина, испытавъ столь оскорбительное съ нею обращеніе, обидѣвшись столь унизительнымъ названіемъ, произнесеннымъ въ слухъ многочисленной народной толпы, возненодовала бы и покрытая стыдомъ, терзаемая безжалостнымъ отказомъ въ прошеніи, изъ смиренной стала бы дерзкою, вмѣсто благоговѣнія ко Господу оказалась бы наглою, выказала бы ярость свою укоризнами и злословіемъ, осмѣлилась бы сказать: вотъ Тотъ, о благости, состраніи и чудесахъ коего люди такъ много говорятъ! Напрасно! въ Немъ ни искры нѣтъ жалости, нѣтъ ни малѣйшаго человѣколюбія, — когда Онъ отвергаетъ болѣзненные вопли и моленія убитой горемъ матери! Напротивъ того Хананеянка не только съ полнымъ смиреніемъ усвояетъ себѣ презрительное названіе, но изъ того же самаго названія почерпаетъ новую надежду на милость Спасителя и новое побужденіе неослабно просить помилованія. *Она же рече: ей. Господи, ибо и пси ядятъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ!* »Пусть, говоритъ,

я считаюсь въ числѣ псовъ, лишь бы псовъ твоего дома, Господи! Но домъ твой—цѣлая вселенная! Посему самому Ты не можешь отказать мнѣ въ милости, о которой умоляю Тебя. Какъ песъ, прогнанный ударомъ въ одну дверь, возвращается къ своему хозяину другою дверью: такъ я не отстану отъ Тебя, Господи, не престану слѣдовать за Тобою, не устану умолять Тебя, пока не получу испрашиваемой мною милости. Хотя я не имѣю права вкушать пищу съ твоими дѣтьми, по меньшей мѣрѣ, не удаляясь отъ твоего стола, могу питаться хотя падающими съ него крошками! Итакъ, лишь бы Ты захотѣлъ, я получу просимое и буду счастливая! Столь поразительное самоуничиженіе скорбящей матери научаетъ насъ третьему условію молитвы, преклоняющей Бога на милость къ молящимся. Живое чувство высочайшихъ совершенствъ Божіихъ и нашего ничтожества и грѣховности во всякое время можетъ насъ потрясать трепетнымъ благоговѣніемъ при одной мысли о Богѣ; тѣмъ паче, приступая къ молитвѣ, должно съ одной стороны представлять въ умѣ нашемъ величіе, вездѣсущіе, всемогущество и высочайшую святость существа Божія, съ другой стороны ничтожество и бѣдность нашей природы, всецѣло растлѣнной грѣхами, и не иначе, какъ въ смиренномъ чувствѣ нашего недостоинства возносить наши молитвы къ всевышнему Владыкѣ вселенныя.

Съ проявленіемъ самоуничиженія Хананеянки кончилось ея испытаніе. Всѣ окружавшіе Спасителя убѣдились, что Онъ столь долго, по видимому, отвергалъ моленія скорбной матери, чтобы открыто проявились ея душевныя доблести; ибо видѣли, съ какою вѣрою въ божественное всемогущество Іисуса Христа, съ какимъ упованіемъ на Его милосердіе, съ какимъ неослабнымъ постоянствомъ, и съ какимъ глубокимъ смиреніемъ Хананеянка умоляла Спасителя объ изгнаніи изъ ея дочери нечистаго духа. И молитва убитой горемъ матери была услышана; дочь ея въ тотъ же часъ исцѣлилась. *Тогда отвѣщавъ Іисусъ, рече: о жено, велія вѣра твоя: буди тебѣ, якоже хощеши. И исцѣлѣ дщи ея отъ того часа.* Господь, похваляя облагодѣтельствованную Имъ матерь, относитъ удовлетвореніе прошенію ея къ ея вѣрѣ: потому что истинная вѣра, всегда одушевленная несомнѣнною надеждою на Бога, побуждаетъ вѣрующаго къ постоянной молитвѣ и смиряетъ молящагося живымъ сознаніемъ своего ничтожества предъ величествомъ Божіимъ.

И наши молитвы, не смотря на безмѣрное множество грѣховъ нашихъ, утверждаясь на камени вѣры, одушевляемыя несомнѣнною надеждою на милосердіе Божіе, сопровождаемыя пламенными воздыханіями, могли бы, окрыляемыя благодатію, какъ бы дыханіемъ вѣтра, проникать небеса, проходить мимо сонмовъ святыхъ и ангеловъ небесныхъ, и, повергаясь предъ престоломъ вѣчныя славы, обезоруживать громы правды Божіей, раздраженной нашими грѣхами, умолять о прощеніи ихъ и получать щедрые дары благодати Божіей къ содѣйствію намъ въ пріобрѣтеніи душевнаго спасенія. Объ этомъ намъ, озареннымъ свѣтомъ евангельскаго ученія, необходимѣе всего молиться, зная, что мы сами по себѣ немощны и бѣдны, что постоянно, на всякомъ мѣстѣ, носимъ въ себѣ источникъ грѣхопаденій и вѣчной пагубы, которая неизбѣжно постигнетъ насъ, если постоянными, пламенными молитвами не испросимъ у Бога прощенія грѣховъ своихъ, не принесемъ плодовъ покаянія. Впрочемъ дозволено намъ просить и временныхъ благъ и освобожденія отъ постигающихъ насъ бѣдствій. Самъ Спаситель научилъ насъ взывать къ Отцу небесному: *хлѣбъ нашъ насущный*

даждь намъ днесь. Но временныхъ благъ намъ дозволено просить только съ тѣмъ условіемъ, чтобы употребленіе ихъ нами не было противно волѣ Божіей и не причиняло намъ душевнаго вреда. Аминь.

О ПРАЗДНОВАНІИ ВОСКРЕСНАГО ДНЯ.

письмо 4.

Въ прошедшемъ письмѣ моемъ я показалъ, что богослуженіе общественное въ день седмой принадлежало къ числу богоучрежденныхъ и постоянныхъ обычаевъ ветхозавѣтной Церкви, освященныхъ примѣромъ самаго Господа, приходившаго по субботамъ въ храмъ и синагоги. Перехожу теперь къ томужъ обычаю новозавѣтной Церкви.

Когда іудеи смѣжили очи свои, чтобы не видѣть славы воскресшаго Господа, и закрыли уши отъ проповѣди о Немъ: то ученики Христовы увидѣли необходимость отдѣлить Церковь отъ синагоги. Въ числѣ другихъ учрежденій, они, какъ я уже выше показалъ (письмо 1), установили особенныя собранія въ честь и славу воскресенія Господня. Первымъ мѣстомъ для такихъ собраній въ исторіи первенствующей Церкви является *горница сіонская*, куда собирались Апостолы съ другими вѣрующими для молитвы, преломленія хлѣба и проповѣди евангельской, въ первый по субботѣ — день воскресный. Подобныя собранія замѣчаются и вездѣ, гдѣ просіявалъ свѣтъ вѣры Христовой, какъ при самихъ Апостолахъ, такъ и по кончинѣ ихъ, при мужахъ апостольскихъ. »Всѣ мы, говоритъ св. Іустинъ, въ день, посвященный язычниками солнцу и называемый нами днемъ Господнимъ, въ городахъ и деревняхъ собираемся въ одно мѣсто, читаемъ изъ писаній пророческихъ и апостольскихъ столько, сколько позволяетъ время, назначенное для богослуженія« (*). По случаю гоненій, воздвигнутыхъ римскими императорами на Церковь, христіане принуждены были учредить тайныя собранія и собирались ночью для своего богослуженія. Въ сихъ бдѣніяхъ участвовали всѣ христіане и старшіе служили примѣромъ для младшихъ. Какъ велико было число и усердіе христіанъ, приходившихъ для сего въ храмы, можно судить по тому, что при Діоклетіанѣ въ одномъ никомидійскомъ храмѣ сожжено было 20,000 христіанъ. Такъ многочисленны были собранія вѣрующихъ въ самыя тяжкія времена жесточайшаго гоненія!

Когда вѣра Христова восторжествовала надъ невѣріемъ, первородный изъ царей христіанскихъ Константинъ В., объявивъ себя защитникомъ и покровителемъ Церкви, по свидѣтельству Евсевія, »еще до принятія крещенія началъ принимать участіе въ общественномъ христіанскомъ богослуженіи, которое совершаемо было въ самомъ дворцѣ его. Приличнѣйшимъ временемъ для богослуженія онъ считалъ день воскресный.... Съ нимъ являлись въ собраніе церкви всѣ придворные и тѣлохранители.... Тѣхъ изъ воиновъ, которые по божественному смотрѣнію были въ числѣ вѣрныхъ, онъ освободилъ отъ воинскихъ занятій, чтобы они свободнѣе могли приходить въ церковь для безпрепятственнаго принесенія молитвъ Богу« (**).

(*) 2 Апол. .

(**) Жизнь Конст. кн. IV. гл. 17—22.

Такимъ образомъ обязанность вѣрующихъ приходить въ храмъ для богослуженія въ день воскресный получила силу и обязанностей гражданскихъ, а св. отцы Трульскаго собора внушаютъ сію обязанность подъ угрозою отлученія. Въ 80 правилѣ сего собора читаемъ: »аще кто, не имѣя настоятельной нужды, или препятствія, которымъ бы на долго устраненъ былъ отъ своей церкви, но пребывая во градѣ, въ три воскресные дни, въ продолженіи трехъ седмицъ сряду, не пойдетъ въ церковное собраніе, то клирикъ да извержется, а мірянинъ да отлучится«.—Сочувствуя св. желанію Церкви, благочестивые государи, какъ греческіе такъ и россійскіе, неоднократными указами и законами обязывали и обязываютъ всѣхъ »приходить въ воскресные и праздничные дни къ слушанію службы Божіей и особенно литургіи« (*).

Съ обязанностію приходить къ общественному богослуженію тѣсно связывается время прихода и выхода христіанъ изъ церкви и образъ поведенія ихъ во храмѣ. Христіанинъ обязанъ приходить къ началу богослуженія и выходить неранѣе благословенія священника, или въ концѣ богослуженія, въ которомъ нѣтъ ничего лишняго и ненужнаго, напротивъ все необходимо для всѣхъ, и—потому самому, что назначается для всѣхъ, должно быть выслушиваемо всѣми отъ начала до конца. Противъ нарушителей сей обязанности направлено 9 апостольское правило, которымъ повелѣвается »всѣхъ вѣрныхъ, входящихъ въ церковь и писанія слушающихъ, но не пребывающихъ на молитвѣ и въ причащеніи до конца, отлучати.«

Образъ поведенія христіанъ прелстоящихъ въ храмѣ опредѣляется: благочиніемъ, благоговѣніемъ приличнымъ святынѣ и вниманіемъ ко всѣмъ дѣйствіямъ, совершаемымъ въ немъ, но особенно къ Евхаристіи.—Если въ церкви, по слову Апостола, все должно быть благообразно и по чину, то тѣмъ болѣе требуетъ благочинія отъ вѣрующихъ храмъ, гдѣ совершаются тайны нашего спасенія. Девятое правило апостольское гласитъ: »всѣхъ, безчиніе творящихъ въ церкви, отлучати«. Наши отечественные законы предписываютъ нарушителей порядка богослуженія предавать суду (*) и воспрещаютъ даже переходить съ мѣста на мѣсто во время богослуженія, или прикладываться къ иконамъ не въ урочное время, тѣмъ менѣе позволительны при богослуженіи всякіе разговоры (**).

Какъ ни важно благочиніе церковное, но оно, само по себѣ не достаточно, потому, что касается только внѣшняго поведенія христіанъ, находящихся въ храмѣ, святыня котораго требуетъ со стороны предстоящихъ надлежащаго благоговѣнія, или лучше—страха Божія, т. е. такого расположенія духа, какое показалъ нѣкогда праотецъ Іаковъ, увидѣвши во снѣ таинственную лѣствицу, по которой восходили и нисходили ангелы Божіи: *и убоялся и рече: страшно мѣсто сіе, и нѣсть сіе, но домъ Божій и сія врата небесная* (Быт. 28. 17). Недостатокъ благоговѣнія обнаруживается, когда христіане только тѣломъ предстоятъ во храмѣ, мыслію же и сердцемъ далеко отстоятъ отъ него. Истинный христіанинъ присутствуетъ во храмѣ всѣмъ существомъ своимъ такъ, что взоръ его устремляется не на совершенства и недостатки людскіе, но на красоту Господню и на священные обряды Церкви, и слухъ его поражается не инымъ чѣмъ, какъ только чтеніемъ слова

(*) Cod. Theod. lib. VIII. tit. 8. Свод. Зак. Т. XIV ст. 25.

(*) Указ. Сенат. 1816 г. февр. 5.
(**) Свод. Зак. Т. XIV ст. 2—18.

Божія и пѣніемъ пѣсней церковныхъ, и мысль его не летаетъ внѣ дома Божія въ кругу предметовъ тлѣнныхъ, но умѣряетъ свое стремленіе покорностію слову Божію и въ тоже время возносится до яснаго созерцанія присутствія Господня; и сердце его, не обращено къ тому, что въ мірѣ, и воля ничего не желаетъ, кромѣ служенія Богу; словомъ: истинный христіанинъ сосредоточиваетъ всѣ свои силы въ одномъ храмѣ, устремляетъ ихъ на одни предметы священные, которыми исключительно занято вниманіе его.

Но чтобы вниманіе вѣрующихъ не прерывалось, для сего со стороны клира требуется ясное и вразумительное чтеніе слова Божія, которое должно быть слышимо всѣми; а иначе невразумительность чтенія будетъ поводомъ къ ослабленію и разсѣянію вниманія предстоящихъ. Далѣе, требуется благоговѣйное и сообразное съ святостію мѣста пѣніе, которое, по 75 правилу VI вселенскаго Собора, должно быть совершаемо »безъ напряженія, съ благоприличіемъ и сердечнымъ сокрушеніемъ предъ сердцевѣдцемъ Богомъ«. Наконецъ надобно, чтобы священнодѣйствующіе сами проникнуты были глубокимъ благоговѣніемъ къ совершаемымъ ими дѣйствіямъ и живымъ сознаніемъ того, что творятъ волю Божію: ибо если гдѣ, то особенно въ храмѣ примѣръ пастырей сильно дѣйствуетъ на пасомыхъ.—Съ другой стороны, чтеніе и пѣніе церковное требуетъ особеннѣйшаго вниманія вѣрующихъ, потому что здѣсь заключены всѣ догматы вѣры нашей, всѣ правила нравственности христіанской. Такого же вниманія требуютъ и молитвы церковныя, въ которыхъ исчисляются всѣ потребности наши, какъ духовныя, такъ и тѣлесныя, и которыми испрашиваетъ Церковь для чадъ своихъ всѣхъ благъ и временныхъ и вѣчныхъ. Но такъ какъ главная цѣль общественнаго богослуженія есть общеніе вѣрующихъ съ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и все прочее есть выраженіе и средство для сего общенія: то для христіанина, празднующаго день воскресный, весьма прилично имѣть живой залогъ сего общенія въ пріобщеніи божественнаго Тѣла и Крови Іисуса Христа въ таинствѣ Евхаристіи. Древніе христіане, по свидѣтельству Іустина, всякій воскресный день, когда собирались къ общественному богослуженію, поставляли для себя самымъ вожделѣннымъ долгомъ пріобщаться сего животворящаго и спасительнаго таинства. Не запрещено это и нынѣ, но самаго этого святаго обычая уже нѣтъ. Должно покрайней мѣрѣ замѣнять его соучастіемъ и молитвою при принесеніи сей всеосвящающей Жертвы, вниманіемъ къ самимъ себѣ и глубокимъ сознаніемъ своей грѣховности предъ Богомъ.

Таже обязанность — посвящать седьмой день весь на служеніе Господу налагаетъ на празднующихъ долгъ и по окончаніи общественнаго богослуженія не прерывать въ домахъ и жилищахъ своихъ служенія имени Его, или иначе — совершать богослуженіе частное, домашнее, имѣющее предметомъ своимъ тѣже священныя дѣйствія, какъ и богослуженіе общественное, то есть: молитву, чтеніе и исполненіе закона евангельскаго, за исключеніемъ только безкровной Жертвы, которая приносится исключительно на олтаряхъ церковныхъ.

Молитва есть средство, возбуждающее христіанина къ общему богослуженію, и въ тоже время есть слѣдствіе общественной молитвы къ Богу, такъ что кто молится въ церкви, тотъ способенъ молиться и дома.—Чтеніе слова Божія вытекаетъ изъ молитвеннаго духа христіанъ и, смѣняясь молитвою, дѣлаетъ и домы христіанъ *церковію Бога жива*.—Къ нему должно отнесть и чтеніе писаній св. отцевъ и пастырей Церкви, а также

сочиненій, издаваемыхъ подъ особымъ смотрѣніемъ правительства церковнаго и содержащихъ истины, руководствующія христіанина къ духовному совершенству. Домашнее чтеніе слова Божія, равно какъ и чтеніе его въ церкви должно быть сопровождаемо совершеннымъ благоговѣніемъ и совершаемо не столько умомъ и для ума, сколько вѣрою и для вѣры, или яснѣе—для утвержденія вѣры въ сердцахъ нашихъ. – Чтеніе писаній богодухновенныхъ и твореній отцовъ Церкви ведетъ къ благоговѣйному размышленію объ истинахъ вѣры и дѣятельности христіанской. Нужно только, чтобы сіе размышленіе имѣло цѣлію усвоеніе истинъ и приложеніе ихъ къ внѣшнему и внутреннему состоянію каждаго, и такимъ образомъ продолжало поученіе пастырей Церкви.

Паче всего любовь христіанская, составляющая сущность закона, не должна оставаться мертвою въ день воскресенія Господня. Въ первыя времена христіанства она обнаруживалась не только внутреннимъ единодушнымъ общеніемъ христіанъ, но и внѣшнимъ, которое было причиною установленія такъ называемыхъ *вечерей любви*. Онѣ учреждались для всѣхъ безъ различія, послѣ общаго богослуженія, изъ общественныхъ приношеній, жертвуемыхъ вѣрными; а это показываетъ всю высоту любви первенствующихъ христіанъ. Въ огромномъ обществѣ гражданскомъ нѣтъ возможности осуществить сей благочестивый обычай, но онъ же даетъ намъ основаніе указать, какія дѣйствія любви приличны для христіанина въ день воскресный, именно—день воскресный представляетъ особенное побужденіе къ дѣламъ любви и милосердія, напоминая вѣрующимъ о томъ безпредѣльномъ милосердіи Божіемъ, по которому они получили оправданіе и животъ вѣчный. Вотъ почему апостолъ Павелъ заповѣдуетъ вѣрующимъ творить милостыню особенно въ день воскресный (1 Кор. 16, 2). Кромѣ сего благочестивые христіане всѣхъ временъ почитали непремѣнною обязанностію своею въ день воскресный посѣщать больныхъ и заключенныхъ въ темницахъ, и вообще творить дѣла милосердія къ несчастнымъ и требующимъ помощи. Таково должно быть и наше празднованіе, чтобы оно могло быть и называться празднованіемъ истинно христіанскимъ.

ПОВАРЪ—СТАРЕЦЪ МАРТИНЪ (*).

Въ царствѣ Христовомъ *нѣсть рабъ и свободь* (Кол. 3, 11); никакое званіе не унижаетъ человѣка, какъ члена царства Христова. Земледѣлецъ, древодѣлъ, усмарь, поваръ имѣютъ въ немъ тѣже права, тоже значеніе, какъ военачальникъ, градоправитель, судія. Главное въ христіанинѣ—его вѣра и благочестіе. Сообразно сему, во взаимныхъ отношеніяхъ истинныхъ сыновъ царства Христова нѣтъ мѣста превозношенію и надменности отъ собственныхъ преимуществъ и внѣшнихъ отличій, а есть мѣсто лишь взаимному кроткому служенію другъ другу безъ различія званій и состояній. Примѣръ такого служенія подаютъ святые Божіи. Многіе изъ нихъ, будучи даже на самыхъ высшихъ степеняхъ жизни общественной, забывали или отлагали внѣшнее величіе и славу свою, и являлись братьями и друзьями ничтожныхъ, уничиженныхъ въ свѣтѣ ближнихъ своихъ. А преселясь въ царство небесное, они часто еще съ большею

(*) Сказаніе о немъ въ прологѣ подъ 27 Іюня.

любовію и кротостію являются на служеніе этимъ незнаемымъ въ свѣтѣ людямъ, особенно среди ихъ бѣдствій и страданій, и чрезъ то даютъ знать, что сіи отребія міра достойны, и еще болѣе чѣмъ многіе другіе, благоволенія Божія, любви и участія блаженныхъ небожителей.

Въ древнемъ городѣ Русскомъ Туровѣ былъ монастырь благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба (*). Онъ былъ мѣстопребываніемъ туровскихъ епископовъ. Здѣсь находился поваръ Мартинъ, служившій тремъ сряду епископамъ: Симеону Игнатію и Іакиму. Четвертый — Георгій отпустилъ его на волю ради его старости. Глубокій, набожный старецъ не хотѣлъ оставить монастыря и церкви и, принявъ постриженіе, доживалъ одиноко въ отдѣльной келліи послѣдніе дни свои. Настигла его тяжкая болѣзнь Въ частыхъ припадкахъ ея онъ оставался неподвиженъ, не могъ встать и послужить своему тѣлу. Въ одномъ изъ такихъ припадковъ онъ, разслабленный, лежалъ въ келліи, изнемогая отъ сильной жажды, и никто не посѣщалъ его, потому что отъ разлива рѣки была вокругъ монастыря великая вода (**). Тяжко было положеніе одинокаго страдальца, которому могла приходить смущающая мысль, что онъ, какъ ничтожнѣйшій изъ людей, какъ непотребный грѣшникъ оставленъ всѣми и отвсюду. То было искушеніе его добродѣтели и, можетъ быть, добродѣтели другихъ. Но оно и допущено было съ тѣмъ, да явятся дѣла Божія на немъ, да покажется другимъ смиренный, непримѣчаемый подвижникъ благочестія и благодать, обрѣтенная имъ у Бога. Уже третій день томился одинокій страдалецъ, какъ пришли къ нему святые мученики — князья Борисъ и Глѣбъ въ томъ видѣ, какъ они были изображены на иконахъ въ церкви, и сказали: »чѣмъ болишь старецъ?« Онъ разсказалъ имъ о своемъ недугѣ. Тѣ опять спросили: »не хочешь ли воды?« Старецъ отвѣчалъ: »давно уже, господа мои, сильно хочу ее«. И вотъ одинъ изъ нихъ взялъ кружку старца, принесъ воды, и наливъ ее въ ковшъ напоилъ его. Возбужденный къ благодарности, старецъ спросилъ: »чьи вы дѣтища?« Посѣтители отвѣчали: »Ярославовы (*)«. Старецъ думая, что это были слуги великаго князя Ярослава Георгія, сказалъ: »да дастъ вамъ Богъ многія лѣта, господа мои, за вашу услугу: возмите сами у меня хлѣбъ и ядите; я не могу послужить вамъ.« Тѣ сказали: »лишь бы у тебя самаго былъ хлѣбъ, а намъ не нужно. Мы пойдемъ отселѣ, а ты не болѣ, но почивай«. Вслѣдъ за тѣмъ они сдѣлались невидимы. Старецъ же почувствовалъ себя здоровымъ, всталъ и прославилъ Бога и св. мучениковъ. Все это разсказалъ онъ самъ духовному отцу своему (**).

(*) Память о существованіи этого монастыря и слѣды его сохраняются доселѣ

(**) Туровъ—нынѣ мѣстечко Минской губерніи въ Мозырскомъ уѣздѣ надъ рѣкою Припетью, имѣющею здѣсь рукавъ Струмень. Весною вода сильно разливается, покрывая окрестности, такъ что сообщенія Турова съ ближайшими деревнями дѣлается возможнымъ только на лодкахъ.

(*) Ярославъ былъ старшій братъ Бориса и Глѣба. Тогда младшіе братья называли старшаго отцемъ, а себя — его сынами, дѣтьми. Такъ св. Борисъ называетъ отцемъ даже Святополка, какъ старѣйшаго брата « Пол. Собр. Рус. Лѣт. 1, 55.

(*) Это сказаніе находится въ нѣкоторыхъ рукописяхъ и Четьихъ Минеяхъ, въ памяти святыхъ мучениковъ Мая 2-го, гдѣ, при повѣствованіи о перенесеніи мощей ихъ говорится о чудесахъ, совершенныхъ ими тогда и въ другія времена. Отсюда оно взято и въ прологъ. См. *Калайд.* памятн. Росс. Слов. XII. вѣкъ, стр. XXI.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

91) Замедленіе внѣ келліи да будетъ мерзостно предъ тобою, если хочешь какъ должно безмолствовать благодатію Христовою. Сообращеніе съ людьми пагубно для безмолствующаго: оно отгоняетъ благодать, омрачаетъ разумъ, охлаждаетъ ревность къ безмолвію. Потому-то я всегда заповѣдую тебѣ не выходить изъ келліи и не бесѣдовать съ людьми. Добровольно оставляющій безмолвіе и скорби подвижничества въ немъ и шатающійся туда и сюда, хотя и нехотя, падаетъ въ грѣхъ. Напротивъ, поколику умножаются труды и добродѣтели въ безмолвіи, потолику умаляются грѣхи.

92) Помни всегда о началѣ отрѣченія отъ міра, и первомъ рвеніи къ монашескому житію, и теплыхъ помыслахъ, съ коими, оставивъ міръ и домъ свой, вступила ты въ брань съ діаволомъ. Желающій бороться съ діаволомъ, добрая сестра моя, долженъ быть всегда бодръ и бдителенъ. Ибо, какъ учитъ насъ апостолъ Павелъ, *нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ началамъ и ко міродержителямъ тмы вѣка сего.* — Вступающій въ брань съ такимъ множествомъ и съ такимъ тмами не долженъ имѣть многихъ помысловъ и попеченій; ибо брань демонская приражается къ дѣламъ міра сего. Потому сладчайшій Іисусъ Христосъ и Богъ нашъ говоритъ въ Евангеліи: *грядетъ князь міра сего и во Мнѣ не имать ничесоже.* Какъ Владыка всего, не могъ ли Онъ имѣть виноградниковъ, полей и многаго богатства? но и на волосъ Онъ не хотѣлъ имѣть ничего такого. Равнымъ образомъ Онъ свидѣтельствуетъ: *лисы язвины имутъ и птицы небесныя гнѣзда, сынъ же человѣческій не имать гдѣ главы подклонити.* Тому же научаетъ Онъ и насъ, ради имени Его оставившихъ все и вслѣдъ Его пошедшихъ. Какая намъ польза отъ суетнаго міра сего, радующагося о нашей погибели! Спасительное же безмолвіе весьма много содѣйствуетъ въ брани противъ враговъ, и научаетъ насъ терпѣнію всѣхъ неизбѣжныхъ скорбей.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 31-го Августа 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 26.

НЕДѢЛЯ 18 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

29 Сентября 1857 г.

Гласъ 1-й.

На утрени евангеліе воскресное 7-е, Іоан. зач. 63. На литургіи: апост. 2 Кор. зач. 188, еванг. Лук. зач. 17.

СВЯТАГО АМВРОСІЯ МЕДІОЛАНСКАГО

о дѣвственницахъ.

ГЛАВА IX.

(Продолжаетъ приспособлять къ своему предмету и другія мѣста изъ Пѣсни Пѣсней: и вопервыхъ, убѣждая дѣву искать Христа, указываетъ, гдѣ Его обрѣсти можно; далѣе, показавъ совершенство Его въ обоихъ естествахъ (и божескомъ и человѣческомъ), *раскрываетъ, какими отъ Него свойствами можетъ украситься невѣста и какими оградить себя спасительными предосторожностями; наконецъ сравниваетъ ее, по чистотѣ, съ ангелами, но не тѣми изъ нихъ, коихъ невоздержаніе и гордость низвергли съ неба).*

44). Итакъ воспріими крылья духовныя, чтобы воспарить тебѣ надъ терніемъ пороковъ, если желаешь приблизиться ко Христу: Онъ *на высокихъ живетъ, и на смиренныя призираетъ* (Псал. 112, 5. 6), и видъ Его яко кедръ ливанскій, вѣтвями своими упирающійся въ облака, а корнемъ углубленный въ нѣдра земли. Ибо начало Его — съ неба, послѣдующая судьба Его — на землѣ, плоды же творитъ Онъ достойные неба. Испытай же прилѣжно и поищи всячески, чтобы обрѣсти столь прекрасный цвѣтъ: не найдешь ли его гдѣ-либо въ юдоли своего сердца: ибо онъ часто вѣетъ своимъ благоуханіемъ на души смиренныхъ.

45) Онъ любитъ являться въ вертоградахъ, гдѣ и Сусанна находясь обрѣла Его, готовая скорѣе умереть, нежели потерять цѣломудріе (Дан. 13). А какіе это вертограды, самъ же Онъ показываетъ, говоря: *верто-*

градъ заключенъ, сестра моя невѣста, вертоградъ заключенъ, источникъ запечатлѣнъ (Пѣсн. Пѣсней 4, 12),—потому самому, чтобы въ этихъ вертоградахъ водѣ чистаго источника, отражая въ себѣ образъ Божій, печатію божественною запечатлѣнный, не возмущались блатомъ духовныхъ звѣрей, протекая внѣ оныхъ по мѣстамъ нечистымъ. По этому и цѣломудріе, духовною оградою нравственности, какъ нѣкоею стѣною (*), заключается и какъ бы запечатлѣвается, чтобы заградить входъ хищенію. Такимъ образомъ дѣвство, подобно неприступному для хищниковъ (**) вертограду, красуется и виноградными вѣтьвями благочестія, и масличнымъ древомъ мира, и нѣжными розами чистоты и непорочности. Это та воня, которою благоухалъ патріархъ Іаковъ, когда удостоился по заслугамъ своимъ услышать: *се воня сына моего, яко воня нивы исполнены, юже благослови Господь* Быт. 27, 27). Ибо хотя нива святаго патріарха изобиловала всѣми почти плодами; но тамъ были плоды, а здѣсь - цвѣты, воню коихъ обонялъ отецъ.

46) Пріуготовь же себя надлежащимъ образомъ, дѣва, и, если хочешь, чтобы и твой вертоградъ издавалъ такое благоуханіе, огради и заключи его пророческими заповѣдями. *Положи храненіе устамъ* твоимъ, *и дверь ограженія о устнахъ* твоихъ (Пс. 140, 3), чтобы и ты могла воскликнуть: *яко яблонь посредѣ древесъ лѣсныхъ, тако братъ мой посредѣ сыновъ: подъ сѣнь Его восхотѣхъ и сѣдохъ, и плодъ Его сладокъ во гортани моемъ* (Пѣсн. Пѣсн. 2, 3). *Обрѣтохъ, егоже возлюби душа моя: удержахъ Его, и не оставихъ Его* (—3, 4). *Да снидетъ братъ мой въ вертоградъ свой, и да ястъ плодъ овощій своихъ* (—5, 1). *Пріиди, брате мой, и взыдемъ на село, водворимся въ селѣхъ: уранимъ въ виноградѣ, увидимъ, аще процвѣте виноградъ, процвѣтоша ли овощіе, процвѣтоша ли яблока* (—7, 11. 12)? *Положи мя, яко печать на сердцы твоемъ, яко печать на мышцѣ твоей: зане крѣпка яко смерть любы* (—8, 6). *Братъ мой бѣлъ и черменъ, избранъ отъ темъ* (5, 10). Ибо надлежитъ тебѣ, дѣва, вполнѣ познать Того, кого ты возлюбила, надлежитъ признать въ Немъ всю тайну и божества и воспринятаго человѣчества. Подлинно, Онъ *бѣлъ* — какъ сіяніе Отчее, *черменъ* — какъ плодъ чрева дѣвическаго. Въ Немъ отражается слава обоихъ естествъ. Но помни, что достоинство божества въ Немъ древнѣе таинства вочеловѣченія, потому что Онъ не принялъ бытія отъ Дѣвы, но вошелъ въ Дѣву таковымъ, каковъ былъ.

47) Уничиженный и поруганный *воинами, прободенный* на крестѣ *копіемъ, язвами* неповинной крови коего мы исцѣлѣхомъ (Матѳ. 27, 29 и слѣд. Іоан. 19, 34. Иса. 53, 5), конечно, отвѣтитъ тебѣ (ибо Онъ кротокъ и смиренъ сердцемъ и благъ ко всѣмъ обращающимся къ Нему): *востани сѣвере, и гряди юже, и повѣй въ вертоградъ моемъ, и да потекутъ ароматы моя* (Пѣсн. Пѣсн. 4, 16). Отвсюду бо, со всѣхъ странъ міра, отвсюду разлилось благоуханіе святой вѣры, и ѳиміамъ возлюбленной дѣвы воскурился. *Добра еси, ближняя моя, яко благоволеніе, красна, яко Іерусалимъ* (—6, 3). Итакъ украшеніемъ для дѣвственницъ служитъ не красота тлѣннаго тѣла, которая рано или поздо увядаетъ и гибнетъ, или отъ болѣзни, или отъ

(*) Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ вмѣсто *murali* septus spiritu стоитъ *morali* septus spiritu i. e. pudor; въ переводѣ соединено и то и другое.

(**). Изданія разнятся: въ однихъ foribus — для входа, въ другихъ *furibus*—для хищниковъ; избираемъ послѣднее, какъ болѣе соотвѣтствующее контексту.

старости, но неподверженное никакимъ превратностямъ *благоволеніе* (*) о тѣхъ истинно-благихъ заслугахъ, которыя никогда не умираютъ.

48) И поелику ты достойна сравненія не съ земными уже предметами, но съ небесными, жизнію коихъ уже живешь ты на землѣ: то пріими же отъ Господа заповѣди и соблюди ихъ. *Положи мя*, говоритъ Онъ, *яко печать на сердцы твоемъ, яко печать на мышцѣ твоей* (Пѣсн. Пѣсн. 8, 6), чтобы сею печатію запечатлѣвались всѣ правила твоей мудрости и дѣятельности, и во всей жизни твоей отражался въ тебѣ образъ Божій, *донdeже вообразится* въ тебѣ *Христосъ* (Гал. 4, 19), *яко въ томъ живетъ всяко исполненіе божества тѣлесно* (Кол. 2, 9). Посему-то апостолъ Павелъ говоритъ, что мы *знаменались Духомъ Святымъ* (Ефес. 1, 1. 3); ибо образъ Божій—образъ Отца имѣемъ мы въ Сынѣ, а печать Сына въ Духѣ Святомъ. Знаменавшись сею Троицею, будемъ блюстись тщательно, чтобы ни собственнымъ поведеніемъ своимъ, ни чрезъ лукавство и коварство со стороны другихъ не сокрушить намъ печати принятаго нами залога.

49) Но да не тревожитъ это опасеніе дѣвъ святыхъ, коимъ подаетъ столько помощи и защиты сама Церковь. Заботясь о преуспѣяніи нѣжныхъ лѣтораслей своихъ, она ограждаетъ ихъ яко *стѣна*, а *сосцы* свои подъемлетъ *яко столпи*, и является *во очію ихъ аки обрѣтающая миръ* (Пѣсн. Пѣсн. 8, 10), доколѣ материнскою заботливостію своею, по разрушеніи всякихъ вражескихъ козней, не доставитъ укрѣпившимся младымъ лѣтораслямъ ничѣмъ не возмущаемой тишины и безмятежія. Почему и Пророкъ говоритъ: *буди же миръ въ силѣ твоей, и обиліе въ столпостѣнахъ твоихъ* (Псал. 121, 7).

50) И самъ Господь мира, содержа вертограды свои подъ крѣпкими мышцами, коль скоро усматриваетъ, что вѣтви оныхъ пускаютъ лѣторасли, тотчасъ же умѣряетъ дуновеніе вѣтровъ, споспѣшествуя тѣмъ произращенію плодовъ, какъ самъ Онъ свидѣтельствуетъ, говоря: *виноградъ мой предо Мною: тысяща Соломону, и двѣсти стрегущимъ плодъ его* (Пѣсн. Пѣсн. 8, 12).

51) Выше сего говоритъ: *шестьдесятъ сильныхъ окрестъ его отъ сильныхъ Израилевыхъ: вси имуще оружія, научени на брань* (Пѣсн. Пѣсн. 3, 7, 8), а здѣсь: *тысяща* и *двѣсти*. Возросло число, когда возрасъ и плодъ; ибо чѣмъ кто святѣе, тѣмъ болѣе онъ огражденъ. Такъ пророкъ Елиссей засвидѣтельствовалъ, что воинство ангеловъ служило ему огражденіемъ (4 Цар. 6, 17); такъ Іисусъ Навинъ узналъ вождя воинства небеснаго въ *Архистратигѣ силы Господни* (5, 14). Слѣд. тѣ самые, которые могутъ ратоборствовать за насъ, могутъ и охранять насъ и быть стражами плодовъ нашихъ. А у васъ, дѣвы святыя, есть особенные покровители и заступники, потому что вы, непорочностію дѣвства своего, сами становитесь хранителями священнаго ложа Господня. И не удивительно, если ангелы воинствуютъ за васъ; ибо вы и на землѣ уподобляетесь ангеламъ. Дѣвственная чистота и должна быть охраняема тѣми, коихъ жизни она подражаетъ.

52) И что болѣе скажу еще въ похвалу чистоты дѣвственной? Она-то и ангеловъ произвела. Кто сохранилъ ее, тотъ—ангелъ; а кто утратилъ ее, тотъ—діаволъ. Отсюда титло дѣвственницы усвоено и самой вѣрѣ (религіи) (*). Истинная религія, которая со-

(*) Bona opinio—доброе мнѣніе.

(*) Hinc (i. e. a castitate) religio etiam nomen acce-

четавается Богу, есть дѣвственница; религія ложная, которая творитъ себѣ чуждыхъ боговъ, есть блудница. А о состояніи по воскресеніи и говорить не стану, воздаяніе коего вы еще здѣсь стяжали. *Въ воскресеніе бо ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели Божіи на небеси суть* (Матѳ. 22, 30). Что намъ обѣщается только, то вами достигнуто уже, и чего мы ожидаемъ еще въ будущемъ, то вамъ предоставлено уже въ настоящемъ. Вы—въ мірѣ семъ, но—не отъ міра сего. Онъ удостоился имѣть васъ, но не могъ возобладать вами.

53) И какъ замѣчательно: ангелы, *не соблюдшіе своего начальства, но оставльшіе свое жилище* (Іуд. ст. 6), чрезъ невоздержаніе ниспали съ неба долу; дѣвы своею чистотою и непорочностію вознеслись отъ земли на небо. Блаженны вы, дѣвы! Васъ не возмущаютъ прельщенія плотскія и удовольствія оныхъ не потрясаютъ. Умѣренность въ пищѣ и воздержаніе въ питіи, устраняя самые поводы къ порокамъ, дѣлаютъ ихъ вовсе чуждыми для васъ. Поводъ ко грѣху не рѣдко и праведныхъ уловлялъ. Такъ народъ Божій, когда сталъ *ясти и пити*, пресытившись, забылъ Бога (Исх. 32, 6. Втор. 32, 15). Такъ Лотъ *не разумѣ, егда преспа* съ дщерями своими, *и егда воста* (Быт. 19, 33. 35). Такъ *вспять зряще* сыны Ноя *покрыша наготу отца своего* (—9, 23): бездушный дерзнулъ устремить взоръ свой, смиренномудренный устыдился, а благочестивый покрылъ, считая оскорбленіемъ и грѣхомъ смотрѣть на срамоту отца. Такова сила вина, таковы послѣдствія его: кого воды потопа не обнажили, влага вина обнажила, открывъ на позоръ и соблазнъ срамоту.

(Окончаніе будетъ).

---

pit. Не должно впрочемъ думать, чтобы св. Амвросій слово *religio (вѣра, религія, исповѣданіе вѣры)* производилъ отъ слова *castitas (чистота)*. Ибо какое сродство между этими словами? Выраженіе: nomen accepit (получила наименованіе) можно объяснять лучше такъ: titulum accepit (титло получила), ut nempe *religio virgo* dicatur (чтобы такимъ образомъ *религію дѣвственницею* назвать), какъ и самъ онъ вслѣдъ за симъ изъясняетъ: virgo est, quæ Deo nubit: meretrix, quæ deos fecit—religio. Производство же слова *religio* объясняютъ такъ: М. Т. Цицеронъ (Lib. 2. de nat. Deor.)—отъ *relegendo* (перечитывать и быть богобоязненнымъ). Qui autem, omnia, quæ ad cultum deorum pertinent, diligenter retractarent et tanquam *relegerent*, sunt dicti *religiosi* ex *relegendo*, ut diligentes ex diligendo. А блаж. Августинъ, по существу дѣла тоже, но по буквѣ слова ближе, отъ *religendo*. Лактанцій же и согласно съ нимъ другіе отцы Церкви, и по буквальному значенію сего слова и по самому существу дѣла, еще ближе—отъ *religando* (связывать взаимными отношеніями, заключать союзъ, полагать завѣтъ). Hac conditione gignimur, говоритъ Лактанцій, ut generanti nos Deo justa et debita obsequia præstemus. Hunc solum noverimus, Hunc sequamur. Hoc vinculo pietatis obstricti, Deo *religati* sumus, unde ipsa *religio* nomen accepit, non ut Cicero interpretatus est *a relegendo* (Instit. Divin. Lib. IV cap. 28).

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВѢНЧАНІЯ И ПОМАЗАНІЯ НА ЦАРСТВО БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ, ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА (*).

Вси путіе Господни милость и истина, взыскающимъ завѣта Его и свидѣнія Его (Пс. 24. 13).

Такъ исповѣдалъ св. Пророкъ и Царь израильскій, усмотрѣвъ и увѣрившись изъ безчисленныхъ опытовъ своей собственной жизни и судьбы своего царства, что Господь, всѣхъ и все ведущій своимъ промысломъ къ премудрымъ цѣлямъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ являетъ пути, съ одной стороны, своей

(*) Произнесено въ Кіево-печерской Лаврѣ 26-го Августа 1857 года.

милости безпредѣльной, а съ другой — истины и правды непреложной. *Вси путіе Господни милость и истина.* И вотъ почему въ богодухновенныхъ псалмахъ своихъ онъ такъ часто, отъ глубины благодарнаго сердца, воспѣваетъ то милость Господню: *милость твоя, Господи, поженетъ мя вся дни живота моего* (Пс. 22, 6); *милости Господни исполнь земля; щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ*; (Псал. 102, 8); то правду и истину Божію: *правда твоя, Господи, правда во вѣкъ; правда твоя, яко горы Божія* (Пс. 35, 7); *праведенъ Господь и правды возлюби, правоты видѣ лице Его* (Пс. 10, 7); то вмѣстѣ то и другое, въ неразрывномъ ихъ между собою союзѣ повсюду и во всемъ: *милость и истина срѣтостѣся, правда и миръ облобызастася* (Пс. 84, 11); *милость и судъ воспою Тебѣ, Господи* (Пс. 100, 1), *милости твоя, Господи, во вѣкъ воспою, въ родъ и родъ возвѣщу истину твою усты моими* (Пс. 88, 2).

Кто изъ насъ, братіе и соотечественники, внимательно проникалъ въ судьбы нашего возлюбленнаго отечества, тотъ, конечно, не могъ не видѣть и здѣсь повсюду тѣхъ же путей Господнихъ, — путей милости и истины, которые непрерывно въ исторіи отечества нашего срѣтаются и лобызаются между собою, по выраженію Псалмопѣвца. Пути истины и правды — это тѣ бѣды и напасти, которыя такъ не рѣдко допускалъ и посылалъ на насъ Господь, искушая насъ, какъ нѣкогда народъ свой избранный въ пустыни, дабы очистить насъ отъ неправдъ и беззаконій нашихъ и укрѣпить въ вѣрѣ православной, въ терпѣніи, упованіи, мужествѣ и другихъ добродѣтеляхъ; пути милости — это тѣ благодѣянія, которыми Господь ущедрялъ насъ непрестанно, подавая свою видимую всемощную помощь среди самыхъ тѣсныхъ и бѣдственныхъ обстоятельствъ, посылая намъ мудрыхъ царей и правителей, сохраняя въ насъ постоянно *сѣмя святое*, которое есть *стояніе міра*, по слову Пророка (Ис. 6, 13) Сими то путями милости и истины Господь велъ царство Русское чрезъ рядъ вѣковъ отъ силы въ силу, отъ славы въ славу до той степени величія и благоденствія, на коей оно теперь стоитъ паче другихъ царствъ земныхъ, имѣя предъ ними то высокое преимущество, что въ немъ одномъ, какъ въ ковчегѣ Ноевомъ, хранится въ мирѣ, въ тихомъ и безмолвномъ житіи вѣра православная и Церковь Христова единая, святая и апостольская.

Что, на примѣръ, представляетъ намъ событіе, воспоминаемое нынѣ Церковію нашею изъ давно минувшихъ временъ отечества нашего? Это поистинѣ величественное зрѣлище путей Господнихъ, — путей правды и милости. Являя правду свою, посѣтилъ нѣкогда Господь жезломъ своимъ беззаконія предковъ нашихъ и ранами неправды ихъ, наведши на нихъ языкъ безстуденъ лицемъ, нечестивыхъ и безчеловѣчныхъ Монголовъ. Сбылось тогда надъ отечествомъ нашимъ тоже, что постигло нѣкогда царство израилево: отринулъ его Господь и уничижилъ, разорилъ вся оплоты его, возвысилъ десницу стужающихъ ему, возвеселилъ враговъ его; престолъ его на землю повергъ и обліялъ его студомъ (Пс. 88, 39—46). И долго длились эти пути истины Господней. Наконецъ Онъ помянулъ поношеніе рабъ своихъ, помянулъ завѣтъ свой съ отечествомъ нашимъ, и пути правды смѣнились путями милости. Ослабѣли со временемъ оковы, тяготѣвшія надъ нами, и готовы были сами собою распасться. И вотъ, когда новый, страшный паче прежнихъ, предводитель варваровъ устремился на царствующій градъ нашъ, дабы вновь отяготить насъ прежнимъ игомъ, и распростра-

нялъ повсюду на пути своемъ ужасъ и опустошеніе, — пресвятая Матерь Божія, заступница всего рода христіанскаго и наипаче царства Русскаго, явилась всесильною предстательницею за насъ предъ Господомъ, и чрезъ святую икону свою, искони чтимую у насъ и принесенную для сего нарочито изъ Владиміра въ престольный градъ Москву, — совершила чудо избавленія нашего отъ грозившей намъ опасности. Варваръ, устрашенный видѣніемъ во снѣ благолѣпной и величественной Жены, окруженной сонмомъ молніеобразныхъ воиновъ, внезапно остановился среди губительнаго пути своего и въ страхѣ и смятеніи возвратился вспять. Таже чудотворная икона была орудіемъ милости къ намъ Господней въ другой и третій разъ, когда теплыми молитвами предъ нею предковъ нашихъ прогнанъ былъ отъ предѣловъ отечества нашего послѣдній властелинъ варваровъ, шедшій наложить на него новыя оковы, и самъ погибъ въ столицѣ своего царства, а потомъ — разсѣяны послѣдніе остатки нашихъ порабо-тителей, еще впрочемъ сильныхъ и покушавшихся вновь одолѣть насъ.

Съ сими прекрасными воспоминаніями путей Господнихъ, путей правды и милости Его въ отечествѣ нашемъ, соединяется у насъ, братіе, въ настоящій день память и о новомъ всерадостномъ и высокознаменательномъ событіи, за годъ предъ симъ совершившемся. За грѣхи и неправды наши и за нераскаянность нашу въ нихъ Господь опять открылъ надъ нами правду свою, — попустилъ врагамъ сильнымъ возстать на насъ и озлобить насъ губительною войною. Среди самаго разгара ея посѣтилъ насъ новый ударъ жезла Господня, наказующій насъ: Господь восхитилъ у насъ незабвеннаго, великаго Государя нашего Николая Павловича... Но не до конца прогнѣвался Онъ на насъ, и скоро помянулъ милости свои древнія — возвеселилъ преизобильно сердца наши, оправдавъ царствовать надъ нами Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Александра Николаевича, и съ Нимъ избавилъ насъ отъ враговъ нашихъ и положилъ конецъ кровопролитной брани. Не побѣдителемъ, но и не побѣжденнымъ вышелъ изъ ней Августѣйшій Монархъ нашъ; а между тѣмъ, не побѣдивъ враговъ силою оружія, Онъ побѣдилъ и восторжествовалъ надъ ними своею кротостію, умѣренностію, великодушіемъ и даровалъ Европѣ миръ. И вотъ, за великій и святый подвигъ миротворенія, Господь возвеселилъ силою своею Царя нашего, предварилъ Его благословеніемъ благостыннымъ, положилъ на главѣ Его вѣнецъ отъ камене честна, славу и велелѣпіе возложилъ на Него. Возвеселилось и царство Русское о Сотворшемъ Его и сынове Сіони возрадовались о Царѣ своемъ. Живо помнимъ мы то свѣтлое и великое торжество, какое было въ минувшемъ году, въ сей самый день, въ первопрестольномъ градѣ нашемъ, — торжество славы и величія Царя Русскаго, торжество любви и преданности къ Нему народа Русскаго, торжество уваженія и благоговѣнія предъ Нимъ самыхъ бывшихъ враговъ нашихъ, которые отвсюду прислали на великое зрѣлище вѣнчанія на царство Монарха нашего своихъ представителей, съ изумленіемъ взиравшихъ на сіе безпримѣрное у нихъ зрѣлище.

Да будетъ же благословенъ для насъ, братіе, день сей въ родъ и родъ! Будемъ воспѣвать въ день сей милости Господни во вѣкъ, въ родъ и родъ возвѣщать истину Его усты нашими. Будемъ уповать, что совершившееся въ сей день событіе есть для насъ вѣрный залогъ благоденствія нашего въ грядущее время; что Благочестивѣйшій Государь нашъ, вѣнчанный и превознесенный нынѣ паче царей земныхъ, какъ первенецъ между ними,

какъ единый на землѣ Помазанникъ Божій, — милостію Вышняго не подвижится, что рука Господня заступитъ Его и мышца Господня укрѣпитъ Его, и истина и милость Господня съ Нимъ, и о имени Господа Бога возносется рогъ Его; что о Немъ благословятся и милліоны Его подданныхъ и подъ державою Его будутъ покоиться и преуспѣвать во всякомъ благочестіи и чистотѣ, въ тихомъ и безмолвномъ житіи; что въ судьбахъ Россіи и въ преднее время всегда будутъ срѣтаться пути и милости и истины Господней.

Но, братіе! чтобы исполнились сіи желанія и надежды наши, нужно намъ съ своей стороны всѣми силами стараться быть достойными сего. *Пути Господни милость и истина*, говоритъ св. Царь и Пророкъ, но прибавляетъ: *взыскающимъ завѣта Его и свидѣнія Его.* Завѣщалъ нѣкогда Господь завѣтъ съ народомъ израильскимъ въ лицѣ Давида Царя: *завѣщахъ*, говоритъ, *завѣтъ избраннымъ моимъ, кляхся Давиду рабу моему: до вѣка уготоваю сѣмя твое, и созижду въ родъ и родъ престолъ твой. И въ вѣкъ сохраню ему милость мою, и завѣтъ мой вѣренъ ему, и положу въ вѣкъ вѣка сѣмя его, и престолъ его яко дніе неба* (Пс. 88, 4. 5. 29. 30). И — доколѣ сыны израилевы были вѣрны сему завѣту, доколѣ соблюдали всѣ условія его, заповѣди и оправданія Господни, дотолѣ благоденствовали подъ скипетромъ царей своихъ, потомковъ Давидовыхъ, — дотолѣ и милость и истина Господни были съ ними не разлучно, и хотя Господь посѣщалъ иногда жезломъ беззаконія ихъ и ранами неправды ихъ, но милости своей не разорялъ отъ нихъ и завѣтъ свой сохранялъ съ ними. Но когда они совершенно развратились, — *смѣсишася во языцѣхъ*, невѣдавшихъ Бога истиннаго, *и навыкоша дѣломъ ихъ, и поработаша истуканнымъ ихъ, и осквернися въ дѣлѣхъ ихъ земля, и соблудиша въ начинаніяхъ своихъ* (Пс. 105, 35. 36. 39); тогда исполнилась мѣра долготерпѣнія Божія, милость Господня препобѣждена правдою, и возлюбленные прежде Богу израильтяне отвергнуты Имъ, и преданы бѣдствіямъ, плѣненію, гибели и совершенному разсѣянію по лицу земли. Такъ точно и съ нами завѣщалъ Господь завѣтъ еще отъ лѣтъ древнихъ и обновилъ его въ настоящій день, когда вознесъ избраннаго своего — Благочестивѣйшаго Монарха нашего, отъ людей своихъ, и елеемъ своимъ святымъ помазалъ Его, и — безъ сомнѣнія — всегда пребудетъ вѣренъ сему завѣту, только бы мы съ своей стороны вѣрно исполняли условія его. Какія это условія? Первѣе всего — вѣра православная. Съ нею и прежде всегда неразлучно созидалось, сохранялось, преуспѣвало благоденствіе отечества нашего, въ ней преимущественно и впредъ заключается и слава и величіе и благосостояніе его; поистинѣ *сія есть премудрость наша, и смышленіе наше предъ всѣми языки, сія есть жизнь наша* (Втор. 4, 6. 32. 47). Ее потому первѣе и паче всего должны мы хранить яко зѣницу ока. Это — далѣе — благочестіе христіанское, исполненіе святыхъ заповѣдей евангельскихъ, братская взаимная любовь къ ближнимъ нашимъ, благотворительность, чистота нравовъ, преданность и послушаніе святой матери нашей — Церкви православной. Въ семъ заключается вторая жизненная сила и опора нашего отечества, и залогъ его благосостоянія: ибо *блажени*, говоритъ слово Божіе, *хранящіи судъ и творящіи правду во всякое время* (Пс. 105, 3); *хранитъ Господь вся любящія Его.* Это наконецъ вѣрность престолу и Царю Самодержавному — Помазаннику Божію, благоговѣніе къ Его верховной власти, повиновеніе и всеусердное, самоотверженное служе-

ніе благу отечества. Сіе есть третіе, равно необходимое, условіе благоденствія нашего, съ исполненіемъ, котораго всегда также было и есть неразлучно соединено величіе и слава царства Русскаго.

О братіе! Пребудемъ же навсегда вѣрны всѣмъ симъ условіямъ завѣта нашего съ Господомъ Богомъ: *взыщемъ Господа, взыщемъ лица Его выну* (Пс. 104, 4)! Стремясь подражать и заимствовать многое у окрестныхъ намъ народовъ, опередившихъ насъ преспѣяніемъ въ жизни внѣшней, вещественной, остережемся, чтобы *не навыкнуть дѣломъ* нечестія, невѣрія, буйства страстей, противленія властямъ предержащимъ, коими нѣкоторые изъ нихъ потрясаются, или готовы потрястись въ самыхъ своихъ основахъ, и *не работать истуканнымъ ихъ* — ихъ корыстолюбію безмѣрному, роскоши, чувственности, гордыни... Но пусть, при заимствованіи добраго и полезнаго, не прикосновенными и неизмѣнными остаются у насъ наши завѣтныя, вѣковыя убѣжденія, правила, нравы и обычаи, основанные и проникнутые вѣрою православною, благочестіемъ евангельскимъ, преданностію престолу и Августѣйшему Монарху; все же противное сему, хотя бы это было что либо блестящее по наружности и стократъ выгодное для плотской, временной жизни, да будетъ чуждо для насъ и да возмется отъ насъ, какъ прахъ отъ лица вѣтра. Тогда отечество наше, осѣняемое силою свыше, яко гора Сіонъ, не подвижется во вѣкъ. Господь скажетъ о немъ тоже, что сказалъ нѣкогда о Сіонѣ: *сей покой мой, здѣ вселюся во вѣкъ вѣка* (Пс. 131, 14), *и вси языки исповѣдаютъ, яко избра Господь Сіона и изволи его въ жилище себѣ* (Тамъ же ст. 13); *Господь утвержденіе людей своихъ и защититель спасеній Христа своего есть. Блаженъ языкъ, емуже есть Господь Богъ его, люди, яже избра въ наслѣдіе себѣ* (Пс. 32, 12)! Аминь.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 7-го Сентября 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 27.

НЕДѢЛЯ 19 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

6 Октября 1857 г.

Гласъ 2-й.

На утрени евангеліе воскресное 8-е, Іоан. зач. 64. На литургіи: апост. 2 Кор. зач. 194, еванг. Лук. зач. 26.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА

О ТОМЪ, ЧТО МИЛОСТЫНЯ ЕСТЬ САМАЯ БЛАГОУГОДНАЯ БОГУ ЖЕРТВА.

Будемъ, братіе, ждивать богатство не на то, на что не должно, но на то, чѣмъ приносится благодареніе Богу. Богъ отдалъ многое во власть нашу, и Себѣ предоставивъ меньшее, намъ уступилъ важнѣйшее. Такъ — заботиться о чувственной пищѣ нашей предоставилъ Себѣ самому, а попеченіе о духовной ввѣрилъ намъ, и въ нашей состоитъ власти дѣлать цвѣтущими мысленныя нивы наши. Ибо онѣ не требуютъ ни дождей, ни благорастворенаго воздуха; было бы только одно произволеніе, и онѣ возрастутъ до самаго неба. Итакъ будемъ радоваться, сподобившись толикія благодати; постараемся быть достойными сея благодати, и особенно будемъ заботиться о милостыни и презирать богатство. Ибо презрѣніе богатства, какъ сказалъ Апостолъ, содѣлываетъ людей искусными, ведетъ къ прославленію Бога, воспламеняетъ любовь, дѣлаетъ насъ великодушными, поставляетъ іереями, возводя на священство, приносящее великую награду. Ибо милостивый не облекается въ подиръ, не носитъ звонковъ, не возлагаетъ на себя вѣнца; но облеченъ въ одежду человѣколюбія, которая святѣе священнической одежды, помазанъ елеемъ, который составленъ не изъ чувственнаго вещества, но воздѣланъ Духомъ Святымъ, — имѣетъ вѣнецъ, сплетенный изъ щедротъ, какъ сказано въ Писаніи: *вѣнчающаго тя милостію и щедротами* (Пс 102, 4); а вмѣсто того, чтобы носить златую лщицу съ именемъ Божіимъ, самъ дѣлается подобенъ Богу. Ибо что сказано? *Будете подобни Отцу вашему небесному* (Матѳ. 5, 45). Хочешь ли видѣть жертвенникъ милосердаго? Не Весе-

лилъ соорудилъ его, и не другой кто, но самъ Богъ, не изъ камней, но изъ вещества, которое свѣтлѣе самаго неба, — изъ разумныхъ душъ. Но іерей входилъ во Святая святыхъ: можно и тебѣ, совершающему жертву милосердія, войти въ святилище, еще болѣе страшное, гдѣ никто не присутствуетъ, токмо Отецъ твой, видяй тебя въ тайнѣ (Матѳ. 6, 4); гдѣ никто другой не видитъ. Какъ, скажешь, можно не видѣть, когда жертвенникъ стоитъ открыто? То и достойно удивленія, что тогда двойныя двери и покровы дѣлали святилище безлюднымъ, а нынѣ, принося жертву среди народа, можно приносить ее какъ бы вступивъ во Святая святыхъ, и еще болѣе страшное святилище. Если ты дѣлаешь сіе не на показъ людямъ, то хотя бы и вся вселенная видѣла, никто не видалъ, — потому что ты такъ сдѣлалъ. Ибо не просто сказалъ Господь: *не творите предъ человѣки*, но присовокупилъ: *да видими будете ими* (Матѳ. 6, 1). Жертвенникъ сей созданъ изъ самыхъ членовъ Христовыхъ, и тѣло самаго Господа служитъ тебѣ жертвенникомъ. Благоговѣй предъ нимъ: на тѣлѣ Господнемъ ты совершаешь жертву Господню. Таковъ сей жертвенникъ! Онъ страшнѣе и сего новаго, не только древняго жертвенника! Но да не смущаютъ васъ слова мои. Сей жертвенникъ чуденъ ради предлагаемой на немъ жертвы: а жертвенникъ милосердаго не посему только удивителенъ, но и потому, что сооружается изъ той самой жертвы, которая освящаетъ сей жертвенникъ; — чуденъ, повторяю, и сей жертвенникъ, потому что по естеству онъ камень, но дѣлается святымъ, поелику возлагается на немъ тѣло Христово: а тотъ чуденъ потому, что самъ есть тѣло Христово; и посему страшнѣе сего жертвенника тотъ, предъ которымъ предстоишь ты, мірянинъ. Что въ сравненіи съ симъ будетъ для тебя Ааронъ? что кидаръ? что звонцы, что Святая святыхъ? Да и нужно ли сравнивать съ древнимъ жертвенникомъ жертвенникъ милосердаго, когда онъ и въ сравненіи съ симъ жертвенникомъ оказывается столь блистательнымъ? Какъ же ты, почитая сей жертвенникъ, потому что на немъ возлежитъ тѣло Христово, унижаешь тотъ жертвенникъ, который есть самое тѣло Христово, и не обращаешь вниманія, когда онъ разрушается? Такой жертвенникъ ты можешь видѣть вездѣ — и на улицахъ, и на площадяхъ, и ежечасно приносить на немъ жертву. Ибо и на немъ освящается жертва; и какъ здѣсь предстоитъ іерей, призывающій Духа Святаго: такъ и ты призываешь Духа, только не словами, а дѣлами. Ибо ничто не поддерживаетъ столько и не возжигаетъ огнь Духа, какъ сей елей, обильно изливаемый. Если же хочешь знать, что бываетъ съ возлагаемымъ на жертвенникъ, — и то я покажу тебѣ. Итакъ какое куреніе, какое благоуханіе восходитъ отъ сего жертвенника? — Слава и благодареніе. Куда восходитъ? До неба ли? Нѣтъ — выше неба, и неба небеси. Оно возносится къ самому царскому престолу. *Молитвы твоя*, сказано, *и милостыни твоя взыдоша предъ Бога* (Дѣян. 10, 4). Чувственное благовоніе не далеко проникаетъ въ воздухъ; а сіе проходитъ самые небесные своды. И хотя ты молчишь, однакоже дѣло твое вопіетъ и дѣлается жертвою хвалы; не телецъ закалается, и не кожа сожигается, но разумная душа приноситъ ей свойственное. А такая жертва человѣколюбія превосходнѣе всѣхъ другихъ Итакъ, когда видишь кого изъ вѣрныхъ бѣднаго, представляй, что видишь жертвенникъ. Когда видишь такого нищаго, не только не оскорбляй, но и почти; и если видишь, что другой его оскорбляетъ, — останови, защити. Въ такомъ случаѣ и самъ ты можешь надѣяться, что будешь помилованъ отъ Бога, и получишь обѣ-

щанная блага, коихъ да сподобимся и мы всѣ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа. Аминь (*).

О ПАСТЫРСКОМЪ РУКОВОДСТВОВАНІИ ПАСОМЫХЪ.

1) Сверхъ обязанности проповѣдывать пасомымъ, съ церковной каѳедры, истину Христову, пастырь духовный обязанъ руководить ихъ на пути жизни христіанской и въ домашней ихъ жизни. Не довольно пастырю быть только общественнымъ проповѣдникомъ слова Божія; надобно, чтобъ онъ былъ вмѣстѣ руководителемъ и воспитателемъ духовныхъ чадъ своихъ. Какъ учитель, онъ дѣйствуетъ на народъ вообще; какъ руководитель, онъ обязанъ имѣть попеченіе о каждомъ пасомомъ своемъ. Какъ учитель, онъ назидаетъ приходящихъ слушать его поученія; какъ руководитель, онъ ищетъ и тѣхъ, которые не приходятъ на ученіе. Долгъ учителя преподать все, что нужно знать и дѣлать ученикамъ; долгъ руководителя или воспитателя слѣдить за развитіемъ воспитанниковъ и помогать, по возможности, каждому изъ нихъ въ дѣлѣ ихъ образованія, въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова. Наконецъ, въ качествѣ учителя или проповѣдника, пастырь имѣетъ въ виду однѣ духовныя потребности пасомыхъ; въ качествѣ руководителя и воспитателя, онъ можетъ и долженъ обращать вниманіе и на временныя ихъ нужды. Такимъ образомъ, пастырское руководствованіе пасомыхъ, имѣя одну и туже цѣль и одинъ главный предметъ съ пастырскимъ учительствомъ, составляетъ однакожъ особенный видъ пастырскаго служенія, сущность котораго состоитъ въ томъ, чтобы въ духѣ отеческомъ каждаго изъ пасомыхъ вести по пути христіанской жизни, сообразно съ различнымъ характеромъ, положеніемъ и обстоятельствами того или другаго изъ нихъ.

2) Это и есть пастырство, въ тѣснѣйшемъ значеніи сего слова. Каждый пастырь духовный долженъ быть учителемъ; но учитель не есть еще пастырь. Обязанность пастыря состоитъ именно въ томъ, чтобы наблюдать за каждымъ пасомымъ, какъ онъ живетъ, какъ пользуется уроками слова Божія, какимъ опасностямъ подвергается въ жизни, какой когда требуетъ помощи, и всегда быть готовымъ на всякое пособіе, требуется ли вразумить заблуждающаго, или подъять павшаго, ободрить унывающаго, или умягчить ожесточающагося и проч. Такое понятіе о пастырскомъ служеніи внушаетъ намъ слово Божіе и примѣры истинныхъ пастырей духовныхъ. Самъ Господь Богъ, негодуя на недостойныхъ пастырей стада израилева, въ собственномъ лицѣ своемъ изображаетъ качества истиннаго пастыря такъ: *Азъ упасу овцы моя, и Азъ упокою я, и уразумѣютъ, яко Азъ есмь Господь: сія глаголетъ Адонаи Господь: погибшее взыщу, и заблудившее обращу, и сокрушенное обяжу, и немощное укрѣплю, и крѣпкое снабдю и упасу я съ судомъ. И вы, овцы моя, сія глаголетъ Адонаи Господь: се Азъ разсужду между овцею и овцею, и овномъ и козломъ* (Іезек. 34, 15—17). Также точно и въ Евангеліи Христовомъ изображается истинный пастырь духовнаго стада: *входяй дверми пастырь есть овцамъ. Сему дверникъ отверзаетъ, и овцы гласъ его слышатъ, и своя*

(*) Изъ 20 бесѣды на 2-е посл. къ Коринѳянамъ.

овцы глашаетъ по имени, и изгонитъ ихъ. И егда своя овцы изженетъ, предъ ними ходитъ... Азъ есмь пастырь добрый, глаголетъ о себѣ самомъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, *и знаю моя, и знаютъ Мя моя... и душу мою полагаю за овцы* (Іоан. 10, 2—4; 14—15). Въ сихъ и подобныхъ мѣстахъ священнаго Писанія отличительными признаками достойнаго пастыря поставляются очевидно: ближайшее смотрѣніе за пасомыми, ближайшее знакомство съ каждымъ изъ нихъ, ближайшее вниманіе и участіе къ нуждамъ и потребностямъ каждаго.—Въ писаніяхъ и дѣяніяхъ апостольскихъ находимъ ученіе и примѣры, къ томуже обязывающіе каждаго пастыря духовнаго. Св. апостолъ Павелъ, говоря о себѣ: *всѣмъ бывъ вся, да всяко нѣкія спасу* (1 Кор. 9, 22), показываетъ тѣмъ, что онъ обращалъ глубокое вниманіе на состояніе и обстоятельства различныхъ лицъ и дѣйствовалъ на однихъ такъ, на другихъ иначе, смотря по тому, какъ на кого живѣе и спасительнѣе могъ дѣйствовать. Тоже заповѣдуетъ онъ Тимоѳею и всѣмъ вообще пастырямъ духовныхъ (1 Тим. 5—6. гл. Дѣян. 20, 28—35, и друг.). Припомнимъ также весьма назидательный для пастырей случай изъ жизни св. апостола Іоанна Богослова, какъ онъ возвратилъ на путь спасенія одного юношу, увлеченнаго страстями къ жизни самой преступной и пагубной (Чет. Мин. 26 Сент.) Въ древней Церкви христіанской, въ самыя тяжкія для нея времена, пастыри всегда являлись ангелами—руководителями и утѣшителями страждущихъ христіанъ, хотя сами бывали всегда первыми предметами ненависти и преслѣдованія гонителей, и потому не могли свободно исполнять высокаго служенія своего. Тѣмъ недостойнѣе было бы поведеніе нынѣшнихъ пастырей, если бы они не хотѣли признать обязанностію своею ближайшее смотрѣніе за пасомыми и отеческое руководствованіе ихъ въ различныхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ ихъ жизни. Правда, пасомые нынѣ, можетъ быть менѣе, чѣмъ когда либо, расположены къ принятію пастырской опеки надъ собою: они хорошо знаютъ обязанности пастырей, но не хотятъ знать обязанностей собственныхъ, и отношеніе ихъ къ духовнымъ отцамъ и пѣстунамъ своимъ не совсѣмъ таково, каково оно было нѣкогда и каковымъ должно бы быть во всякое время. Но, во 1-хъ, это произошло и происходитъ частію отъ самихъ же пастырей (хотя и не отъ нихъ одинхъ); во 2-хъ, это-то и должно возбуждать пастырей къ особенной ревности въ исполненіи пастырскаго долга своего, чтобы съ помощію Божіею возстановлять въ своихъ паствахъ правильное отношеніе между членами Церкви Христовой, и тѣмъ способствовать ея внутреннему и внѣшнему благосостоянію. Итакъ »пастыри должны,—скажемъ въ заключеніе словами книги о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ,—и всякій чинъ и всякую душу (въ приходѣ своемъ), смотря обстоятельства, подобающимъ образомъ стараться исправить.. Непремѣнно сего требуетъ отъ пресвитера должность его пастырская. Если бо обязанъ онъ ни единой овцы погубить (Лук. 15, 14), и сохранивши девятьдесять девять, за едину, его нерадѣніемъ погибшую, собственною душею платить: то, конечно, слѣдуетъ ему за всякимъ своимъ прихожаниномъ смотрѣть всякое состояніе надзирать« и проч. (стр. 55—56).

3) Пастырское руководствованіе пасомыхъ—дѣло трудное, требующее нерѣдко великихъ нравственныхъ подвиговъ. Готовящимся къ принятію пастырскаго сана и съ нимъ пастырскихъ обязанностей надобно знать это заранѣе, чтобы, по вступленіи на самое служеніе, при первыхъ же затрудненіяхъ и ис-

пытаніяхъ, не ослабѣть имъ духомъ, не потерять ревности къ дѣлу и не охладѣть къ одной изъ важнѣйшихъ обязанностей своихъ. — Трудности этого служенія заключаются главнымъ образомъ:

а) въ самой обширности и сложности его. Всякій приходъ составляетъ довольно многочисленное общество для одного пастыря, обязаннаго руководить каждаго прихожанина къ достойной христіанина жизни и дѣятельности. Если же не мало труда и заботъ требуется для надлежащаго воспитанія и одного человѣка; то что же сказать о воспитаніи цѣлаго общества? *Быхъ во дни жегомъ зноемъ и студенію въ нощи: и отхождаше сонъ отъ очію моею* (Быт. 31, 40), говоритъ о себѣ патріархъ Іаковъ, изображая то время жизни своей, когда онъ пасъ овецъ у Лавана. Пастырю духовному предлежитъ тѣмъ болѣе трудовъ и заботъ, чѣмъ разнообразнѣе и настоятельнѣе нужды духовнаго стада. »Трудъ во взысканіи заблудшаго, трудъ въ подъятіи падшаго, трудъ въ цѣлительствѣ язвеннаго, трудъ въ ношеніи немощи и бременъ обремененнаго, трудъ есть еже волкохищное овча отъ самыхъ зубовъ звѣриныхъ исторгнути и представити е цѣло Христови: не безъ труда же есть, еже во внѣшнихъ нуждахъ руку помощи подавати обидимымъ, заступати неповинныхъ, пещися о убогихъ и нищихъ и иная духовная церковная управленія добрѣ строити: вся тыя труды подниматі долженъ есть пастырь. Горе же пастырю тому, иже чести только пастырской ищетъ, труда же подобающаго не подъемлетъ«. (Св. Димитрія Ростовскаго слово о пастырствѣ духовн. пастырей).

б) въ нерасположенности пасомыхъ къ принятію пастырскихъ о себѣ попеченій. Какъ выше замѣчено, отношеніе между пастырями и пасомыми въ настоящее время не совсѣмъ таково, каково бы оно быть долженствовало. Отъ чего бы ни зависѣло это печальное явленіе, но оно есть и противопоставляетъ усердію пастыря величайшія препятствія. Заповѣдь св. Апостола: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся имъ: тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще: да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе: нѣсть бо полезно вамъ сіе* (Евр. 13, 17), тяжка особенно для нынѣшнихъ людей, привыкающихъ болѣе и болѣе къ мнимозаконной независимости въ частной, домашней, тѣмъ болѣе — чисто внутренней, духовно-нравственной жизни. Усердное вниманіе пастыря къ состоянію пасомыхъ можетъ казаться имъ оскорбительнымъ посягательствомъ на эту независимость, отеческое участіе его въ ихъ положеніи — неумѣстнымъ вмѣшательствомъ, дружескіе совѣты – навязчивостію, наставническія увѣщанія — неприличною укоризною. Когда слово Божіе предлагается въ церкви; тогда личность каждаго слушателя защищена отъ прямыхъ увѣщаній и обличеній проповѣдника, и потому пастыря съ охотою могутъ слушать всѣ прихожане, если онъ хорошо проповѣдуетъ. Но въ частныхъ приложеніяхъ того же слова къ отдѣльнымъ лицамъ онъ необходимо встрѣтится съ самолюбіемъ и другими страстями, которыя почти всегда бываютъ тѣмъ упорнѣе, чѣмъ ближе къ себѣ чувствуютъ силу, долженствующую обуздывать и смирять ихъ. Ко всему этому въ различныхъ мѣстахъ и въ различныхъ классахъ народа посѣяно множество различныхъ предразсудковъ относительно духовнаго сана, въ силу которыхъ на пастырей смотрятъ иногда не только безъ надлежашаго уваженія и расположенности, но и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, или ненавистію, или суевѣрнымъ страхомъ Конечно, рядомъ съ этими крайне тягостными для пастырей недугами пасомыхъ,

вездѣ найдется много и такого, что будетъ благопріятствовать ихъ дѣятельности и привлекать къ себѣ ихъ любовь и усердіе; но, какъ бы то ни было, нельзя однакожъ нигдѣ, ни въ какомъ изъ лучшихъ по нравственному состоянію приходовъ, избѣжать трудной и постоянной борьбы съ различными наклонностями, привычками и направленіями людей, болѣе или менѣе враждебными пастырской дѣятельности и сильно стѣсняющими пастыря въ исполненіи имъ высокаго долга своего.

в) Наконецъ, въ различныхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ самаго пастыря. Православная Церковь премудро узаконила брачное состояніе для приходскихъ пастырей, съ одной стороны — потому, что этимъ предотвращаются тягчайшія искушенія для нихъ и соблазны для пасомыхъ, съ другой стороны въ этомъ состояніи легче знакомиться съ разнообразными потребностями паствы, удобнѣе пріобрѣтать опытность въ управленіи ею, живѣе можно развивать въ себѣ сочувствіе къ пасомымъ и свободнѣе входить въ домашній бытъ и семейныя положенія ихъ: но здѣсь же заключается источникъ новыхъ трудностей для прохожденія пастырскаго служенія въ тѣснѣйшемъ значеніи сего слова. Какъ семьянинъ, приходскій священникъ необходимо долженъ заботиться о матеріальномъ и духовнонравственномъ благосостояніи своего семейства; ибо *аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отверглся есть и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. 5, 8), по ученію самаго слова Б жія. Сколько же можетъ быть случаевъ, когда обязанности пастыря и семьянина потребуютъ каждая особенныхъ и, по видимому, противоположныхъ или, по крайней мѣрѣ, неудобно совмѣстимыхъ заботъ, попеченій и жертвъ! Въ то время, напримѣръ, какъ священникъ, по долгу пастыря, обязанъ итти къ пасомому съ утѣшеніемъ, онъ самъ можетъ быть глубоко огорченъ собственными несчастіями; когда ему слѣдуетъ вразумлять, примирять, исправлять духовныхъ чадъ паствы, въ его собственномъ семействѣ, противъ его воли и усилій, можетъ недоставать того, о чемъ нужно заботиться ему для другихъ; когда нужды пасомыхъ призываютъ его къ немедленной помощи, онъ самъ можетъ быть окруженъ нуждами, изъ которыхъ не видитъ близкаго и удобнаго исхода, и пр. и пр.

Таковы трудности духовнаго пастырства. Поэтому, готовящимся къ этому служенію необходимо заранѣе помышлять о предлежащихъ имъ трудахъ, предусматривать ожидающія ихъ непріятности и лишенія, готовиться не только къ постоянной, не легкой дѣятельности, но и къ большимъ или меньшимъ испытаніямъ и скорбямъ, а потому запасаться столько же знаніемъ дѣла, сколько терпѣніемъ, силою воли и рѣшимостію на всякій подвигъ.

4) Могутъ сказать: если служеніе сіе дѣйствительно должно быть таково; то оно едва ли по силамъ человѣка, или, покрайней мѣрѣ, заключаетъ въ себѣ слишкомъ мало отраднаго и утѣшительнаго? — Нѣтъ:

а) *у человѣкъ* многое можетъ казаться *невозможнымъ, но не у Бога: вся бо возможна суть у Бога* (Марк. 10, 27). Когда Іисусъ Христосъ посылалъ первыхъ пастырей въ міръ: тогда была ли имъ, по видимому, какая нибудь возможность исполнить предназначенное имъ дѣло? Они сами посылались *какъ агнцы посредѣ волковъ*; у нихъ не было еще и паствъ; никто не признавалъ ни права, ни власти ихъ духовной; весь міръ былъ противъ нихъ: и однакожъ дѣло, порученное имъ, было исполнено ими въ совершенствѣ, потому что съ ними была сила и благодать Христова. — *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, Тойже и во вѣки.* Какъ былъ

Онъ всегда съ апостолами своими; такъ есть и пребудетъ и съ вѣрными преемниками служенія апостольскаго, по неложному обѣщанію своему: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка, аминь* (Матѳ. 28, 20). Поэтому, какъ ни трудно дѣло духовнаго руководителя христіанъ. оно не заключаетъ въ себѣ невозможнаго, потому что есть дѣло не одного человѣка, но—по преимуществу благодати Христовой, дѣйствующей чрезъ человѣка. Конечно, пастырь часто можетъ не видѣть ожидаемыхъ плодовъ отъ попечительности и усердія своего: но это уже не поставляется ему въ отвѣтственность. Бываетъ, что *иный сѣетъ, и иный жнетъ* (Іоан. 4, 37); бываетъ, что и на полѣ, засѣянномъ добрымъ сѣменемъ, вырастаютъ плевелы (Матѳ. 13, 27): но тѣмъ не менѣе усердный дѣлатель исполняетъ, какъ должно, свое дѣло и не теряетъ мзды своей, если не ослабѣваетъ въ трудѣ своемъ до конца дѣланія. Господь Богъ ни на кого не налагаетъ бремени не по силамъ: что Онъ заповѣдуетъ творить, то всегда возможно сотворить человѣку: нужна только добрая воля его, искреннее усердіе и нелѣностный трудъ.

б) Что касается до утѣшеній среди трудовъ и скорбей, неизбѣжныхъ въ дѣлѣ пастырскаго руководствованія пасомыхъ, то они есть здѣсь и—въ такой мѣрѣ, въ какой не можетъ дать ихъ намъ ни одно служеніе на землѣ. Конечно, это не тѣ утѣшенія, которыя, можетъ быть, представляются иногда готовящимся къ пастырскому служенію, когда они, подъ вліяніемъ живаго и вмѣстѣ плотскаго воображенія, рисуютъ себѣ на будущемъ поприщѣ пастырской дѣятельности однѣ болѣе или менѣе занимательныя, иногда трогательныя, либо торжественныя или даже въ своемъ родѣ величественныя картины: мечтательность ни въ какомъ случаѣ не ведетъ къ добру, тѣмъ болѣе при уготовленіи къ такому важному и священному дѣлу, каково пастырство духовное; поэтому то и надлежало прежде всего указать на трудности сего дѣла и на лишенія, съ нимъ сопряженныя. И не тѣ это утѣшенія, на недостатокъ которыхъ жалуются иногда самые пастыри, представляя, какъ мало цѣнятся ихъ мнимыя заслуги, какъ скудно вознаграждаются ихъ труды, какъ уничижается ихъ положеніе и званіе, и под:—мзды наемничей ищутъ сіи пастыри, не подозрѣвая, какъ сами осуждаютъ этимъ собственное свое дѣланіе и лишаютъ себя права и самой способности получать залоги истинной награды за служеніе пастырское.—Есть утѣшенія истинно апостольскія въ апостольскомъ дѣлѣ пастырства духовнаго. Что утѣшало св. Апостола, когда онъ говорилъ духовнымъ чадамъ своимъ: *аще утѣшаемся, о вашемъ утѣшеніи и спасеніи* (2 Кор. 1, 7); *вы есте слава наша и радость* (1 Сол. 2, 20); *азъ въ сладость иждиву и иждивенъ буду по душахъ вашихъ* (2 Кор. 12, 15) и проч,—тоже самое будетъ утѣшать и каждаго усерднаго пастыря среди всякихъ озлобленій его при руководствованіи пасомыхъ: ибо нѣтъ ничего отраднѣе и утѣшительнѣе, какъ сознавать, въ духѣ смиренія и благодарности Господу Богу, посильное содѣйствіе свое истинному благу ближнихъ, для которыхъ не щадимъ ни какого труда и не отказываемся ни отъ какой возможной жертвы. Какъ добрые отцы и матери самымъ заботамъ своимъ о воспитаніи дѣтей своихъ обязаны бываютъ лучшими минутами въ жизни, лучшими радостями въ свѣтѣ: такъ, и еще болѣе того. духовные отцы духовныхъ чадъ, по мѣрѣ попеченій о воспитаніи ввѣренныхъ имъ душъ христіанскихъ, въ этихъ самыхъ попеченіяхъ открываютъ источники чистѣйшихъ радостей и утѣшеній.—Притомъ, постояннымъ

и искреннимъ сочувствіемъ своимъ пасомымъ пастырь всегда пріобрѣтетъ живое сочувствіе къ себѣ самому если не всѣхъ, если даже не многихъ, то хотя нѣкоторыхъ пасомыхъ, которые въ свою очередь будутъ окружать его своими попеченіями, своею любовію и усердіемъ, будутъ восполнять его нужды и потребности, будутъ дѣлить съ нимъ его огорченія и скорби, ни для кого неизбѣжныя въ мірѣ. А въ этомъ, по суду самаго свѣта, такъ много отраднаго, что никто не отказался бы пользоваться подобными утѣшеніями. Наконецъ, великая мысль и святое упованіе — предстать нѣкогда на судъ Божій вмѣстѣ съ духовными чадами своими и сказать предъ лицемъ самаго Господа: *се азъ и дѣти*, — сія мысль и сіе упованіе сильны во всякое время пролить миръ и упокоеніе въ сердцѣ пастыря, особенно же послѣ не маловременныхъ и не малотрудныхъ его подвиговъ. Какъ честна и свѣтла старость вѣрнаго Господу пастыря духовнаго; съ какимъ дерзновеніемъ взоръ его, на западѣ жизни, обращается отъ земли на небо, отъ земнаго служенія къ вѣчному блаженству съ Богомъ! Такихъ утѣшеній, подлинно, не можетъ дать никакое другое служеніе въ мірѣ!

(Продолженіе будетъ).

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

93) Не проси совѣта у того, кто не искушенъ богоруководимымъ безмолвіемъ и молчаніемъ, имѣя учителемъ сладчайшаго Господа Іисуса Христа. Ибо, добрая сестра моя, въ нынѣшнее время оскудѣли учители спасенію; — *вси уклонишася вкупѣ непотребни быша*, какъ говоритъ Пророкъ. Знай, что въ учителяхъ добраго сего безмолвія еще большій недостатокъ. Діаволъ повсюду распростеръ сѣти зла, и, какъ видишь, всѣхъ монаховъ увлекъ къ житейскимъ и суетнымъ попеченіямъ, чтобы погасить и самую любовь къ честному безмолвію, въ чемъ и успѣлъ треклятый. - Ты же, добрая сестра моя, не имѣешь нужды въ другомъ учителѣ. И вотъ тебѣ заповѣдь! — Внимай и вѣрь словамъ отцевъ. Они говорятъ: сиди въ келліи своей, и она всему научитъ тебя. Для того, кто не имѣетъ терпѣнія, всѣ обстоянія и скорби имѣютъ двойную тяготу. Терпѣніе снѣдаетъ горечь бѣдъ; а малодушіе есть матерь мучительнаго состоянія духа.

94) Терпѣніе есть матерь утѣшенія и нѣкая божественная сила. Но когда Богъ наводитъ на кого скорби за грѣхи его, тогда попускаетъ ему впасть въ руки малодушія, — отъ чего объемлетъ такого человѣка духъ уныніе, т. е., діаволъ; и тогда возникаютъ тмы искушеній — сквернихъ и злыхъ. Если спросишь: по какой причинѣ бываютъ такія искушенія, то я скажу тебѣ: по причинѣ нашего нерадѣнія и безпечности, кои хочетъ Господь прогнать скорбями. Врачество же противъ всѣхъ ихъ одно, и притомъ такое, въ коемъ душа тотчасъ обрѣтаетъ утѣшеніе, — именно — смиренномудріе; ибо безъ него никто не можетъ упразднить козней діавола.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 11-го Сентября 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 28.

НЕДѢЛЯ 20 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

13 Октября 1857 г.

Гласъ 3-й.

На утрени евангеліе воскресное 9-е, Іоан. зач. 65. На литургіи: апост. Гал. зач. 200, еванг. Лук. зач. 30.

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА, ПАПЫ РИМСКАГО

о томъ,

ЧТО УВѢЩАНІЕ, ПРЕДЛАГАЕМОЕ МНОГИМЪ, ДОЛЖНО ТАКЪ СПОСПѢШЕСТВОВАТЬ ДОБРОДѢТЕЛЯМЪ ВСѢХЪ, ДАБЫ ЧРЕЗЪ НЕГО НЕ УСИЛИВАЛИСЬ ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ПОРОКИ (*).

Пастырь душъ долженъ тщательно заботиться, чтобы въ разнообразіи проповѣди предлагалось врачевство, сообразное съ язвами каждаго. Но если очень трудно послужить всѣмъ увѣщаваемымъ во всемъ если весьма не легко наставить съ должною осмотрительностію каждаго въ свойственныхъ ему поступкахъ: то гораздо болѣе трудно, въ одно и то же время, однимъ и тѣмъ же словомъ, наставлять слушателей безчисленныхъ и одержимыхъ различными недугами. Здѣсь слово должно быть соразмѣряемо такъ искусно, что если пороки слушателей различны, то каждый нашелъ бы себѣ приличное, и однакоже оно не заключало бы само въ себѣ разнорѣчія; чтобы разомъ проходило между противоположными страстями и, подобно обоюдоострому мечу, съ разныхъ сторонъ поражало возстаніе плотскихъ помысловъ. Гордымъ пусть проповѣдуется смиреніе, но такъ, чтобы у боязливыхъ не увеличивалась робость. Боязливымъ пусть внушается сознаніе собственнаго достоинства, но такъ, чтобы у гордыхъ не возрастала необузданность. Лѣнивымъ и безпечнымъ да проповѣдуется заботливость о добромъ дѣланіи, но такъ, чтобы у безпокойныхъ не увеличивалось своеволіе неумѣренной дѣятельности. Безпокойнымъ да полагается мѣра, но такъ, чтобы чрезъ это не споспѣшествовалось лѣности безпечныхъ. У нетер-

(*) Regul. pastoral. pag. III. c. XXXVI.

пѣливыхъ пусть угашается раздражительность, но такъ, чтобы у слабыхъ и медлительныхъ не возрастала небрежность. Медлительные да возбуждаются къ ревности, но такъ, чтобы не прибавлялось жару раздражительнымъ. Скупымъ пусть внушается щедрость, но такъ, чтобы не послаблялась расточительнымъ узда умѣренности. Расточительнымъ пусть внушается бережливость, но чтобы не увеличивалась въ скудныхъ попечительность о скоропреходящемъ. Невоздержнымъ пусть похваляется супружество, но чтобы воздерживающіеся не возбуждались къ излишеству. Воздержнымъ пусть похваляется дѣвство, но чтобы въ супругахъ не порождалось отвращеніе къ плодородію плоти. Должно проповѣдывать доброе, не споспѣшествуя стороною и злому. Должно восхвалять верховное благо, не пренебрегая и низшаго. Должно заботиться о низшемъ, но такъ, чтобы не сочли его достаточнымъ, нисколько не стремясь къ высшему.

О ТОМЪ, КАКОЕ УВѢЩАНІЕ ДОЛЖНО ДѢЛАТЬ ОДНОМУ, ОДЕРЖИМОМУ РАЗЛИЧНЫМИ ПОРОКАМИ (*).

Хотя очень трудно проповѣднику, въ общей проповѣди имѣть въ виду тайныя движенія, и, подобно какъ на палестрѣ, обладать искуствомъ обращаться во всѣ стороны: однако гораздо большій трудъ предстоитъ ему, когда онъ долженъ будетъ проповѣдывать одному, преданному различнымъ порокамъ. Ибо, большею частію, кто по природѣ слишкомъ веселъ, тотъ неумѣренно сокрушается нечаянно постигшею его печалію. Итакъ проповѣдникъ долженъ стараться, чтобы временная печаль уничтожалась, не увеличивая природной веселости, и природная веселость обуздывалась, не увеличивая временной скорби. Одинъ страждетъ привычкой неумѣренной опрометчивости: но иногда тамъ, гдѣ требуется быстрая дѣятельность, стѣсняется внезапно родившеюся робостію. Другой страждетъ привычкою неумѣренной робости: но иногда руководится въ желаніяхъ своихъ опрометчивостію. Итакъ въ первомъ должна быть уничтожаема вдругъ рождающаяся робость, но такъ, чтобы не возрастала издавна вкоренившаяся опрометчивость. Въ другомъ нужно уничтожать неожиданно появляющуюся опрометчивость, но такъ, чтобы не усиливалась природная робость. Что удивительнаго, если врачи душъ соблюдаютъ это, когда такимъ же искуствомъ различенія руководятся и тѣ, кои врачуютъ не сердца, а тѣла? Ибо часто бываетъ, что слабое тѣло удручается сильнымъ недугомъ, каковому недугу нужно противодѣйствовать сильными средствами; но слабое тѣло не выдерживаетъ средствъ сильныхъ. Итакъ врачующій долженъ стараться такъ уничтожать случайную болѣзнь, чтобы отъ этого не увеличилась природная слабость тѣла, и чтобы вмѣстѣ съ болѣзнію не прекратить самой жизни. Для сего врачевство составляется съ такимъ разсужденіемъ, чтобы въ одно и тоже время противодѣйствовало случайному недугу и природной слабости. Итакъ если врачевство тѣлесное, нераздѣльно употребляемое, можетъ имѣть дѣйствіе раздѣльное (ибо то есть истинное врачевство, которое и помогаетъ въ случайной болѣзни, и въ тоже время пользуетъ природному расположенію); то почему же врачеваніе души, предложенное въ одной и той же проповѣди, не можетъ помогать въ различныхъ болѣзняхъ нравственныхъ?

(*) Regul. pastoral. pag. III. c. XXXVII.

ПОПЕЧЕНІЕ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ РУССКОЙ О РАБАХЪ.

Одно изъ несчастныхъ явленій въ исторіи человѣчества есть рабство. По первоначальному плану божественному, начертанному въ свящ. книгѣ Бытія, гдѣ опредѣленно обозначенъ кругъ обладанія, назначенный человѣку Творцемъ (Быт. 1, 28. 29), рабство не должно было имѣть мѣста въ родѣ человѣческомъ. Оно есть явленіе пришлое, вошедшее въ міръ вмѣстѣ со многими другими печальными слѣдствіями паденія человѣка.

Какъ принадлежность собственно падшаго человѣчества, рабство и является во всей своей силѣ въ древнихъ гражданскихъ обществахъ, даже Греціи и Римѣ. Въ самомъ безотрадномъ видѣ представляетъ намъ исторія положеніе тогдашнихъ рабовъ: они не удостоивались покровительства гражданскихъ законовъ; не могли участвовать ни въ какихъ празднествахъ, ни исполнять обязанностей своей религіи; съ трудомъ получали они позволеніе на вступленіе въ бракъ; ихъ собственность принадлежала господину; самую жизнь рабовъ такъ мало цѣнили, что ихъ выводили тысячами на кровавыя зрѣлища, какъ это было особенно въ Римѣ, не говоря уже о томъ, что каждый господинъ имѣлъ полное право, по малѣйшему поводу неудовольствія, убить своего раба. Если случалось иногда, что господинъ, за особенную какую либо услугу, отпускалъ раба на свободу: то онъ никогда не могъ поступить въ число гражданъ, а числился въ особомъ презрѣнномъ разрядѣ *отпущенниковъ*.

Глубоко вкоренившееся въ бытъ падшаго человѣчества рабство долго еще существовало въ самыхъ христіанскихъ обществахъ, и существовало почти въ такомъ же безотрадномъ видѣ, какъ и у народовъ древнихъ, пока наконецъ подъ вліяніемъ Церкви, вліяніемъ идей христіанскихъ, содѣйствовавшихъ постепенному облегченію состоянія рабства, состояніе это не прекратилось окончательно.

Какъ было въ другихъ обществахъ, такъ было нѣкогда и въ нашемъ отечествѣ. Представимъ въ краткомъ очеркѣ положеніе рабовъ въ древней Россіи. Изъ постановленій Русской Правды видимъ, что рабъ считался не лицомъ, а вещію, частною собственностію хозяина, которою онъ распоряжался также, какъ и всякимъ другимъ имуществомъ. Плодъ отъ челяди наравнѣ съ плодомъ отъ скота, съ товаромъ, съ деньгами высчитывался въ числѣ движимаго имущества (1). Собственности у раба нѣтъ. Кто даетъ рабу (холопу) денегъ въ займы, зная что онъ рабъ, тотъ лишается своихъ денегъ (2). Какъ частная собственность господина, рабъ безнаказанно могъ быть умерщвленъ имъ (3). За убійство свободнаго человѣка была вира (денежный штрафъ): »въ холопѣ же и въ рабѣ виры нѣтуть« (4); а есть только пеня за убіеніе чужаго раба, какъ за уничтоженіе чужой собственности. Замѣчательно при этомъ, что за убіеніе какъ чужой лошади или вообще скота, такъ и раба постановлена одинаковая пеня (5). Какъ вещь, рабъ могъ быть даже украденъ: за уводъ чужаго раба или рабы положено платить хозяину 12 гривенъ за обиду (6); за покражу бобра также полагалось 12 гривенъ (7). Таково было положеніе рабовъ въ древнемъ русскомъ обществѣ; и послѣ,

(1) Рус. Правды Стат. III по Карамз. списку, Калач. стр. 38.
(2) Ст. 110 по списку Троицкому, Калач. стр. 20.
(3) А. А. Эксп. Т. 1. № 13.
(4) Ст. 84. по сп. Троицкому, Калач. стр. 16.
(5) Ст. 101. Рус. Правды по списку Троицк. Калач. с. 19.
(6) Рус. Правды ст. 27 по списку академическому, Калач. с. 3.
(7) Рус. Правды ст. 81 по Карамзинскому списку.

черты его примѣчаются даже въ XIV вѣкѣ. Извѣстно наконецъ, сколько путей вело тогда къ умноженію этого несчастнаго класса людей и какъ онъ былъ многочисленъ.—Могла ли равнодушно смотрѣть на все это Церковь, въ глазахъ которой всѣ, какъ члены одного и того же благодатнаго царства Божія, равно были дороги и любезны? *Еда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего?*—Явившись покровительницею страждущихъ въ древней Руси, во многихъ случаяхъ, какъ напримѣръ, въ попеченіи о бѣдныхъ, въ попеченіи объ опальныхъ, древняя Церковь наша взяла также подъ особенное свое покровительство и рабовъ, и пеклась объ нихъ съ любовію нѣжной матери.

Прежде всего, наравнѣ со всѣми другими христіанами, она преподавала рабамъ тоже ученіе вѣры, тоже участіе въ таинствахъ и богослуженіи, во всѣхъ духовныхъ благахъ христіанина, давая видѣть чрезъ это, что рабы тѣже сыны Церкви Христовой, тѣже христіане, тѣже дѣти Божіи. »Всѣ мы созданіе Господне, всѣ едина плоть, всѣ однимъ муромъ помазаны«,—писалъ Іосифъ Волоколамскій одному господину, стараясь убѣдить его, чтобы онъ не обращался жестоко съ своими рабами. Далѣе, Церковь обязывала своихъ священно-служителей оказывать рабамъ болѣе снисхожденія, болѣе заботливости, чѣмъ другимъ: »спрашивалъ я, говоритъ Кирикъ въ одномъ своемъ вопрошеніи, какую налагать епитимію рабамъ, сдѣлавшимся душегубцами? И повелѣлъ мнѣ святитель Илія сокращать таковымъ епитимію на половину и даже болѣе: потому, говоритъ, что они невольны« (8). »Къ рабамъ особенно будьте внимательны, говорится въ одномъ поученіи къ священникамъ; болѣетъ ли кто нибудь изъ нихъ, или умретъ, или родитъ, приходи прежде чѣмъ позовутъ« (9).—Уважая и выставляя на видъ только нравственное достоинство человѣка, Церковь наравнѣ съ лицами не только свободными, но часто и знатными допускала и рабовъ къ занятію церковныхъ должностей. На это есть свидѣтельства изъ разныхъ вѣковъ, если не вездѣ прямыя, то вообще ясно выражающія этотъ обычай (10). Напротивъ, не допускала къ своимъ должностямъ тѣхъ, которые жестоко обходились съ рабами своими. »Надобно испытать его (желающаго принять священный санъ), говорится въ правилѣ Кирилла митрополита Русскаго, жившаго въ концѣ XIII в., и если онъ будетъ обличенъ или въ татьбѣ, или въ убійствѣ, или въ угнетеніи челяди голодомъ и наготою и разными насиліями, таковой не можетъ быть ни священникъ, ни діаконъ, ни даже причетникъ« (11).—Въ тѣхъ случаяхъ, когда гнѣвливый господинъ готовъ былъ замучить, уничтожить своего раба, какъ животное, какъ вещь, Церковь давала ему у себя убѣжище, спасая въ немъ жизнь человѣка христіанина (12). Еще: въ древнемъ мірѣ былъ обычай отпускать на волю рабовъ старыхъ, немощныхъ, какъ вещь болѣе ненужную, износившуюся, испорченную. Подобный обычай существовалъ и въ древнѣйшей Руси, но онъ здѣсь чаще имѣлъ, въ слѣдствіе вліянія Церкви, другое значеніе: этихъ то отпущенныхъ старыхъ, немощныхъ Церковь рѣшительно принимала на свое попеченіе, причисляя ихъ къ людямъ церковнымъ: »то люди церковные, богодѣльные« (13), говорится о нихъ въ уставѣ Вла-

(8) Памят. Рос. Словес. XII в. Калайдов. с. 200.

(9) Акт. Истор. Т. I. с 163.

(10) См. опис. Рум. Муз. № CCXXXIII с. 304. Также Доп. къ А. И. 1. №. 42 и А. А. Эксп. Т. IV №. 331.

(11) Рус. Дост. стр. 111.

(12) Кормч. гл. 38.

(13) Доп. къ А. И. Т. I. №. 1.

диміра о церковныхъ судахъ. Наконецъ, почти не видно, чтобы рабы были у самыхъ служителей Церкви. Были у нихъ крестьяне, но этотъ классъ не только прежде закрѣпленія Годунова, но и послѣ него былъ не то, что классъ рабовъ въ древности.

Заботясь сама о благосостояніи рабовъ, Церковь старалась, чтобы и другіе заботились объ нихъ. Съ этою цѣлію, она постоянно внушала, убѣждала и настаивала, чтобы господа не угнетали своихъ рабовъ, чтобы какъ можно снисходительнѣе обращались съ ними, хорошо кормили ихъ и одѣвали. »Не обижайте домашнихъ сиротъ (т. е. рабовъ), читаемъ въ одномъ поученіи XII вѣка, но особенно будьте къ нимъ милостивы, не морите ихъ голодомъ и наготою; ибо эти убогіе твои домашніе; нищій въ другомъ мѣстѣ себѣ попроситъ, а эти отъ твоихъ рукъ ждутъ всего« (14).— »Чада моя милая, читаемъ въ другомъ поученіи XII вѣка, еще говорю вамъ: кормите рабовъ своихъ, одѣвайте, обувайте; если же не кормите, не обуваете, а холопа твоего убьютъ у воровства, или рабу, то за кровь ихъ тебѣ отвѣчать«. Замѣчательно въ этомъ случаѣ, что пастыри Церкви опредѣляли даже мѣру наказанія для рабовъ, далѣе которой господа не должны были восходить: »если рабы не слушаются тебя. то лозы на нихъ не жалѣй до 6 разъ и до 12, а если велика вина то и до 20; если же весьма велика, то до 30 разъ лозою, а больше 30 не велимъ; если такъ будешь поступать, и хорошо одѣвать и кормить, то благъ даръ пріимешь отъ Бога« (15). Извѣстный проповѣдникъ XII вѣка, Кириллъ Туровскій, въ словѣ своемъ о мытарствахъ, угрожаетъ тяжкимъ истязаніемъ отъ воздушныхъ бѣсовъ тѣмъ, которые будутъ немилостивы къ рабамъ: »Если будемъ немилостивы къ рабамъ своимъ, говоритъ онъ, не подающе имъ довольнаго одѣянія и пищи, дѣлами же насиляще и другими бѣдами, то о всемъ этомъ испытаема будетъ душа и истязаема отъ воздушныхъ бѣсовъ« (16).— »Доходитъ ко мнѣ слухъ, господине, пишетъ игуменъ Волоколамской обители, препод. Іосифъ (1479—1515) одному вельможѣ, о которомъ услыхалъ, что онъ очень жестоко обращается съ своими рабами,— доходитъ ко мнѣ слухъ, что будто немилосердіе и нежалованіе твое велико къ твоимъ рабамъ, что они и голодомъ таютъ и наготою страждутъ; и потому, помянувъ твою вѣру къ преч. Богородицѣ и любовь къ намъ, я рѣшился напомнить тебѣ, какою великою бѣдою и какимъ страшнымъ мученіемъ божественное Писаніе угрожаетъ всѣмъ тѣмъ, которые не пекутся о домашнихъ своихъ сиротахъ, но только дѣломъ насилуютъ и голодомъ морятъ и ранами казнятъ, не разсуждая о томъ, что всѣ имѣемъ стать предъ единымъ Царемъ страшнымъ на судѣ Его нелицепріятномъ, гдѣ таковые властелины будутъ осуждены и преданы въ муку вѣчную. И ты, господине, Бога ради побереги себя« (17) и проч. Въ Домостроѣ Сильвестра Московскаго, Благовѣщенскаго протопопа, извѣстнаго современника Грознаго, читаемъ; »А государи бы и государыни, людей своихъ: мужей, женъ и робятъ, и всякихъ слугъ жаловали и кормили и поили и одѣвали; и въ теплѣ бы жили, и во всякомъ бы покоѣ и благоденствѣ всегда. Если же кто слугъ держитъ у себя не по силѣ и не по состоянію и не удовольствуетъ ихъ пищею и одеждою, и тѣ слуги у неволи заплакавъ начнутъ и лгать и красть и въ корчмѣ пити и всякое зло чинити, и тому безумному государю и государынѣ отъ Бога грѣхъ и отъ людей посмѣяніе и не сусѣдство со всякимъ

(14) Москвит. 1851 г. № 6. Слово о постѣ XII в.
(15) Тамже — Слово о челяди XII в.
(16) Калайд. с. 96.
(17) Доп. къ А. И. 1. № 213.

и самъ оскудѣетъ за скудость ума« (18). Въ другой статьѣ тогоже Домостроя читаемъ: »да государи бы и государыни всегда присматривали и спрашивали слугъ о всякой нуждѣ и о всякой потребѣ, о пищи, о питіи, объ одеждѣ, о всякой обидѣ, Бога ради, промышляли бы и заботились сколько возможно, отъ всей души, какъ о своихъ собственныхъ чадахъ и какъ о присныхъ. Аще кто, заключаетъ Сильвестръ, не радитъ о семъ и не болѣзнуетъ о сихъ, да будетъ анаѳема« (19).

Анаѳема Сильвестра, конечно, не была ею въ собственномъ смыслѣ: это было только выраженіе негодованія сердобольнаго пастыря противъ нерадивыхъ и немилосердыхъ господъ. Но была употребляема Церковію и въ истинномъ смыслѣ анаѳема — отлученіе отъ Церкви господъ за рабовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Такъ Іоаннъ митрополитъ, нареченный пророкомъ Христа, въ правилѣ своемъ подвергаетъ отлученію отъ Церкви всѣхъ тѣхъ, кто бы осмѣлился продать своего раба »въ поганые: »Спрашивалъ ты, говоритъ онъ, какую епитимію принимать тѣмъ, которые бы вздумали продать раба христіанина въ поганыя? — Отвѣчаемъ, какъ написано въ законѣ: христіанина ни жидовину, ни еретику не должно продавать: кто продаетъ, есть беззаконникъ, преступающій законъ самаго Бога. Онъ совершаетъ святотатство, стоющее гораздо горшаго наказанія, нежели какое постигло Ананію и Сапфиру, пораженныхъ смертію за утаеніе нѣкоторой части того, что посвящено было Богу; стоющее гораздо большаго наказанія потому, что святотатство продающихъ рабовъ въ поганыя несравненно важнѣе святотатства Ананіи и Сапфиры: ибо здѣсь предметъ его не неодушевленная какая либо вещь, посвященная Богу, но живой образъ Божій, христіанинъ, знаменованный посвященіемъ Богу. Поэтому, таковый долженъ быть отлученъ« (20). Въ слѣдствіе такой строгой мѣры, принятой Церковію противъ продавцовъ рабовъ въ поганыя, въ послѣдствіи сдѣлалось у насъ кореннымъ закономъ, что православный не могъ быть холопомъ у человѣка некрещеннаго; почему, если бы холопъ, принадлежавшій не крещенному иноземцу, принялъ православную вѣру, онъ долженъ былъ получить свободу (21). Наказывая за продажу рабовъ въ поганыя, Церковь наказывала также и за чрезмѣрно жестокое обращеніе съ рабами. Наравнѣ съ еретиками, разбойниками, грабителями, убійцами и проч., она не принимала отъ жестокосердыхъ властителей приношеній къ олтарю. Въ поученіяхъ архипастырей священнослужителямъ встрѣчаемъ, напримѣръ, такія мѣста: »не пріими приношенія въ церковь Божію, говорится въ одномъ поученіи къ священникамъ около 1499 г., ни отъ еретиковъ, ни отъ прелюбодѣевъ, ни отъ татей, ни отъ разбойниковъ, ни отъ тѣхъ, которые рабовъ своихъ морятъ голодомъ и ранами неповинно, у таковыхъ свѣчи ни просфоры не принимай, до тѣхъ поръ пока покаются и отъ злобъ своихъ престанутъ« (22). Не принимали даже и частныхъ подарковъ отъ господъ, небрегшихъ о благосостояніи рабовъ: такъ напр. о св. Димитріѣ Прилуцкомъ (XIV в) извѣстно, что когда къ нему какой то богатый человѣкъ принесъ въ подарокъ съѣстные припасы, святый велѣлъ ему отнести эти припасы назадъ домой и раздать ихъ рабамъ и рабынямъ, которые у него голодали (23).

(18) Временникъ 1849 г. кн. 1. 33 стр.
(19) Также стр. 89.
(20) Рус. Достопам. стр. 96.
(21) Указъ царя Михаила Ѳеодоровича 1629 года (въ указат. Рос. законодат. Максимовича). Улож. гл. 20 ст. 70 и 71.
(22) А. Ист. 1. стр. 161 и еще также, стр. 163.
(23) Истор. Солов. IV, 322.

Вооружаясь противъ жестокаго обращенія съ рабами и противъ худаго содержанія ихъ, Церковь не терпѣла также, чтобы господа долгое время держали рабовъ въ безбрачномъ состояніи: въ противномъ случаѣ, она, при содѣйствіи конечно гражданской власти, предоставляла полное право выходить таковымъ рабамъ на свободу (24). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, господамъ не позволялось и принуждать своихъ рабовъ ко вступленію въ бракъ (25). За принужденіе и подобныя вещи, имъ дано было право немедленно жаловаться церковному правительству (26).

Наконецъ Церковь совѣтовала господамъ отпускать рабовъ на свободу, поставляя это въ числѣ самыхъ богоугодныхъ дѣлъ: »слугъ своихъ милуйте на спасеніе и на покаяніе, говорится въ одномъ поученіи XII вѣка, старыхъ отпускайте на свободу безпрепятственно« (27). И конечно, властители легко соглашались на совѣтъ Церкви отпускать рабовъ старыхъ; потому что такіе люди, очевидно, не только не приносили имъ пользы, напротивъ служили даже тягостію; а между тѣмъ, для самыхъ рабовъ было это неоцѣненнымъ благодѣяніемъ. Правда, при другихъ условіяхъ, самая свобода для старыхъ рабовъ, истратившихъ уже свою силу, потерявшихъ уже руки, чтобы снискивать собственными трудами для себя пропитаніе, было бы не благодѣяніемъ, а величайшимъ несчастіемъ; но, какъ выше сказано, Церковь брала этихъ отпущенниковъ подъ свой кровъ, содержала ихъ на собственномъ иждивеніи, доставляя спокойствіе въ послѣдніе дни жизни тѣмъ, которые были труженики въ продолженіи всей жизни.— На первыхъ порахъ Церковь Русская ограничивалась пока, въ этомъ случаѣ, только рабами старыми; въ послѣдствіи, она начала внушать отпускать на свободу всякихъ рабовъ, не различая лѣтъ. Свидѣтельствомъ этому служатъ духовныя грамоты владѣтельныхъ лицъ, начинающіяся съ половины XIV вѣка, писанныя по благословенію (и внушенію) пастырей Церкви, присутствовавшихъ обыкновенно при написаніи духовныхъ. Еще по уставу св. Владиміра, суду духовенства предоставлены были дѣла о наслѣдствѣ. Безъ утвержденія пастырей Церкви не могла быть написана ни одна духовная грамота. Къ этому то юридическому вліянію въ дѣлахъ завѣщаній пастыри Церкви присовокупляли и нравственное вліяніе, относительно отпуска рабовъ на свободу. И мы видимъ, что въ духовныхъ грамотахъ однимъ изъ обыкновенныхъ завѣщательныхъ пунктовъ былъ пунктъ объ отпускѣ извѣстнаго числа рабовъ на свободу. Мы читаемъ здѣсь на примѣръ: »а холоповъ моихъ купленныхъ, тѣхъ всѣхъ пущаю на свободу и съ женами и съ дѣтьми« (28); или: »да дастъ моя княгиня моимъ дщеремъ изъ моихъ холоповъ по пяти семей, а опричъ того, вси холопы мои на слободу и съ женами и съ дѣтьми« (29); или: »а челядь мою деровитую, а ту всю отпускаю на свободу« (30); или: а люди отца моего полные и мои, отпускаю всѣхъ на свободу послѣ живота моего« (31) и проч. и проч. Въ концѣ такихъ грамотъ, обыкновенно приписывалось: по благословенію такого то отца духовнаго; или: а у грамоты сидѣлъ духовный отецъ мой такой то; или: а у грамоты были священницы такіе то и т. п.

(24) Указъ 1607 г. Марта 9 (въ указ. Максимовича Т. 1. с. 121) царя Василія Ивановича Шуйскаго по совѣщанію съ соборомъ духовенства.

(25) Кормч. гл. 50.

(26) Акт. А. Эксп. IV, с 206.

(27) Москвит. 1851 г. №. 6. стр. 121.

(28) Соб. Г. Гр. и д. 1. №. 39.

(29) Тамъ же №. 41.

(30) Акт. юрид. №. 409.

(31) Тамъ же №. 418.

(Замѣчаемъ это для того, дабы показать, что завѣщанія умиравшихъ отпускать рабовъ на свободу были именно плодомъ внушеній пастырей Церкви). Владѣльцы иногда освобождали рабовъ за извѣстную плату; въ этомъ случаѣ пастыри Церкви требовали, чтобы господинъ не бралъ отъ своего раба за его выкупъ болѣе, нежели сколько онъ стоилъ ему самому; »берущій лишекъ, говорили они, торгуетъ живыми душами, съ ними же предъ Богомъ стати есть«. Тѣмъ болѣе запрещали они съ отпускаемаго на свободу раба, сверхъ цѣны, которую они дали за него, брать *изгойство*, т. е. выходъ: »такой обрѣтается, говорили, продающимъ кровь неповинную и нестоющимъ помилованія; посему, если кто, желая спасенія, кается, пусть возвратитъ имъ (отпускаемымъ рабамъ) то, чѣмъ обидѣлъ; а не такъ, — не быть ему прощену« (32). — Такой поступокъ считался въ числѣ самыхъ тяжкихъ грѣховъ: »всего же есть горѣе изгойство взимати« (33). — Иногда сами пастыри Церкви выкупали рабовъ на свободу: »многихъ выкупилъ я изъ работы и пустилъ на свободу, говоритъ Сильвестръ въ своемъ Домостроѣ, и всѣ тѣ работные свободны и добрыми домами живутъ, какъ видишь, и молятъ за насъ Бога и доброжелательствуютъ намъ всегда; а кто забылъ насъ, Богъ его проститъ во всемъ« (34). Выкупая рабовъ на свободу, пастыри Церкви, въ тоже время, избавляли отъ рабства и многихъ свободныхъ, долженствовавшихъ сдѣлаться рабами за неоплатные долги: такъ наприм. въ росписи патр. Іосифа (1652 г.) по келейной казнѣ его, отказываются огромныя суммы денегъ на окупъ съ правежей (35). Словомъ, агностическому и корыстолюбивому стремленію къ умноженію рабовъ Церковь постоянно противопоставляла нравственную обязанность высвобожденія ихъ: этимъ она спасла огромное число людей отъ рабства, не дала размножиться этому классу людей.

Такъ пеклась древняя Церковь Русская о рабахъ. И сіе материнское попеченіе ея не осталось безплоднымъ. Слѣдствіемъ его было то, что уже и въ то время, когда самъ законъ уполномочивалъ смотрѣть на раба какъ на вещь, съ которою можно дѣлать что угодно, господа, покрайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ, не осмѣливались поступать съ своими рабами, какъ поступаютъ съ вещію, одни — искренно убѣждаясь въ этомъ случаѣ вразумленіемъ Церкви, другіе — боясь ея наказанія. Но, съ теченіемъ времени, въ слѣдствіе вліянія Церкви, самое юридическое значеніе раба въ обществѣ перемѣняется: онъ уже перестаетъ смѣшиваться съ вещію, дѣлается въ глазахъ общества человѣкомъ, членомъ общества. По памятникамъ видимъ, что уже въ 16 вѣкѣ законъ опредѣлялъ смертную казнь тирану или убійцѣ раба. У Кошихина, напр. читаемъ: »А будетъ онъ господинъ своему человѣку учинитъ поругательство, съ сердца переломитъ руку или ногу, или губы или носъ или уши или иное что обрѣжетъ, и ему противъ тогожъ будетъ указъ учиненъ самому — рука за руку, нога за ногу; а будетъ тотъ увѣченъ человѣкъ отъ его поругательства умретъ: и того господина самаго казнятъ смертію. Такимъ же обычаемъ межъ всякихъ господъ и подданныхъ ихъ, дворовыхъ людей и крестьянъ, указъ во всемъ противъ тогожъ и ни въ чемъ не разнится« (36). Хорошее состояніе рабовъ въ 16 вѣкѣ, об-

(32) Архивъ Калачева кн. 2, отд. 6-го, стр. 42.
(33) Архивъ Калачева кн. 1. статья объ изгояхъ.
(34) Временникъ 1849 г. кн. 1. стр. 109.
(35) А. А. Экспед. Т. IV. № 57.

(36) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Кошихина стр. 94.

ращаетъ на себя вниманіе даже иностранцевъ. Такъ Михалонъ, Польскій писатель 16 вѣка, въ своихъ—fragmina de moribus Tartarorum, Litwanorum et Moscorum, говоритъ слѣдующее (представляемъ въ переводѣ его слова): »мы держимъ въ безпрерывномъ рабствѣ людей своихъ, добытыхъ не войною и не куплею, принадлежащихъ не къ чужому, но къ нашему племени и вѣрѣ, сиротъ, не имущихъ, попавшихъ въ сѣти чрезъ бракъ съ рабынями; мы злоупотребляемъ нашею властію надъ ними, муча ихъ, уродуя и убивая безъ суда, по малѣйшему подозрѣнію. Напротивъ того, у москвитянъ не такъ: тамъ ниодинъ человѣкъ не можетъ убить человѣка, даже при очевидномъ преступленіи,—это право предоставлено только судьямъ, въ столицахъ. А у насъ по всѣмъ селамъ и деревнямъ дѣлаются приговоры о жизни людей« (37).— Такимъ образомъ, Церковь своимъ стараніемъ достигла того, что рабство, въ его прежнемъ значеніи, было вовсе уничтожено въ Россіи: рабы сдѣлались только слугами, за благосостояніе которыхъ господинъ подлежалъ такой же отвѣтственности предъ закономъ, какъ и за нарушеніе благосостоянія свободнаго лица.

(37) Michalonis fragmina, epitome fragminis sexti; въ Арх. Калачова стр. 46.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ И РОЖДЕНІЯ БЛАГОВѢРНАГО ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА, ЦЕСАРЕВИЧА, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА (*).

Богъ посредъ его, и не подвижится: поможетъ ему Богъ утро заутра. Пс. 45, 6.

Многознаменательны слова сіи, братіе христіане.—Въ первоначальномъ смыслѣ своемъ, они относятся къ граду Божію, селенію Вышняго, къ Іерусалиму;—отцы Церкви прилагали ихъ къ одушевленному граду Божію, Божіей Матери;—благочестивые предки наши, строители сего величественнаго храма, окружили сими словами мозаическое, видимое вами въ олтарѣ, изображеніе Царицы небесной, и восемь вѣковъ существованія и храма сего и изображенія сего, въ совершенно невредимомъ видѣ, свидѣтельствуютъ непреложность истины, высказанной въ словахъ Псалмопѣвца. Такъ, братіе, гдѣ вселяется Богъ, тамъ—залоги жизни, несокрушимой временемъ, потому что самъ Богъ помогаетъ мѣстамъ селенія своего утро заутра — всегда. Приникнемъ благоговѣйною мыслію къ сей высокой, утѣшительной истинѣ, которую заимствуемъ мы изъ воспоминаемыхъ нами нынѣ событій Рождества Пресвятыя Богородицы и празднества храма, дивнаго по своему величію, по своей древности и по своему значенію въ исторіи Русской Церкви и Государства.

Знаменія особенной Божіей силы и Божіей помощи, предназначаемой для избранныхъ лицъ или мѣстъ, проявляютъ себя, какъ показываетъ священная исторія, задолго до совершенія самаго событія. Въ длинной цѣпи событій, нерѣдко идущихъ чрезъ цѣлый рядъ

(*) Произнесено въ Кіево-Софійскомъ соборѣ 8-го Сентября 1857 года.

вѣковъ, среди безчисленнаго рода превратностей въ обществахъ человѣческихъ, уготовляется шествіе Бога въ среду людей для совершенія какого-либо великаго и спасительнаго для нихъ дѣла. Истина сія оправдалась, по преимуществу, на лицѣ Богоматери, предъизбранной послужить спасенію рода человѣческаго въ качествѣ Матери Сына Божія. Еще въ раю, непосредственно послѣ паденія нашихъ прародителей, Господь предъуказалъ Ее вѣрѣ грядущихъ поколѣній въ словахъ осужденія діавола: *и вражду положу между тобою, и между женою, и между сѣменемъ твоимъ, и между сѣменемъ тоя: Той твою сотретъ главу, и ты блюсти будеши его пяту* (Быт. 3, 15). И благоговѣйные праотцы вѣровали въ Нее и лобызали вмѣстѣ съ божественнымъ Ея Сыномъ,— и вѣру свою засвидѣтельствовали прообразами и пророчествами.—Независимо отъ сего, Господь отдѣлилъ отъ всего рода человѣческаго особый народъ, и среди него особый, лучшій и совершеннѣйшій родъ, изъ среды котораго должна была произойти чистѣйшая Дѣва, достойная быть мѣстомъ селенія Бога вышняго, Спасителя рода человѣческаго. Тихо и незамѣтно для большинства людей прошелъ путь испытанія и приготовленія къ великому событію этотъ избранный народъ. Но надъ нимъ блѣла рука Божія; Богъ былъ посредѣ его; помогалъ ему утро заутра,— и онъ не подвигся среди всѣхъ превращеній; не смѣшался съ чуждыми племенами, не затерялся въ разнообразіи родовъ. Къ концу временъ этотъ избранный родъ является въ скромной четѣ Іоакима и Анны, людей благочестивыхъ, но безчадныхъ до глубокой старости. Скорбь душевная по причинѣ безчадства—вотъ все замѣчательное, что извѣстно было объ нихъ окружающему ихъ обществу. Но близъ Господь къ сокрушеннымъ сердцемъ,—и тамъ, гдѣ менѣе всего можно было ожидать простому наблюдателю исполненія предопредѣленій Божіихъ, открывается тайна, блюдомая подъ печатью пяти тысячъ лѣтъ: по изволенію Божію, неплодство супруговъ прекращается,—и отъ чреслъ ихъ раждается Дѣва, которая сама родитъ Еммануила.—И явственнѣе и поразительнѣе, съ сего времени, становятся чудеса помощи и попеченія Божія объ одушевленномъ ковчегѣ святыни, а чрезъ него и о всемъ родѣ человѣческомъ. Лице, скрываемое дотолѣ въ сѣни пророчествъ и гаданій, является и живетъ въ средѣ людей, проходитъ трудный, тернистый путь земной жизни, въ скромной, бѣдной долѣ, съ тяжкими скорбями души и сердца: но Богъ былъ посредѣ его, воплотился въ Немъ,—и оно не подвиглось, невредимо прошло сквозь длинный рядъ злоключеній житейскихъ и наконецъ, сквозь самую сѣнь смерти, которая вознесла Его на высоту небесъ, къ престолу славы Божіей. Предстала Царица неба и земли одесную Бога,—и все великое и славное земли покланяется Ей и ублажаетъ Ее; все скорбное и уничиженное находитъ утѣшеніе и помощь въ Ней; самыя видимыя знаменія Ея, священныя изображенія, дѣлаются чудодѣйственными и, распространенныя по всему міру, служатъ залогомъ покрова и защиты, опорою стоянія царствъ и народовъ.

Болѣе осьми вѣковъ сіе священное изображеніе достопокланяемаго лица Богоматери видится и въ семъ древнемъ храмѣ, величественномъ памятникѣ благочестія нашихъ предковъ, - и рука времени, и тяжесть событій, пронесшихся надъ симъ храмомъ и надъ симъ градомъ, не сокрушили его. Какъ не приложить, слѣдоват., пророчественнаго изреченія Псалмопѣвца и къ сему вещественному ковчегу святыни: *Богъ посредѣ его, и не подвижится: поможетъ ему Богъ утро заутра?*—

Такъ, бр., дивенъ и поразителенъ промыслъ Божій и о семъ священномъ храмѣ, праздничество коего совершаемъ мы нынѣ.—На мѣстѣ брани, сокрушившей навсегда давнихъ, хищныхъ враговъ Россіи, Печенѣговъ, созидается онъ, въ знакъ благодарности Богу за дарованную побѣду, и какъ бы въ залогъ постояннаго попеченія Божія о будущихъ судьбахъ православной Россіи. Образецъ и имя ему заимствуются отъ знаменитаго, образцоваго храма столицы православія, какъ бы по благочестивому предвѣдѣнію предковъ нашихъ, что и вновь строющемуся храму предлежитъ въ будущемъ, по исполненіи чреды служенія своего Цареградскимъ храмомъ, замѣнить сей послѣдній для Церкви православной.—Подобно всему великому, предназначаемому для особыхъ, нарочитыхъ цѣлей, храмъ сей испытываетъ, въ теченіи вѣковъ, безчисленныя превратности, оставаясь несокрушимымъ въ составѣ своемъ; терпитъ опустошеніе и разграбленіе отъ Татаръ, поработителей Россіи, на нѣкоторое время запустѣваетъ даже, попадаетъ въ руки иновѣрія, мечтавшаго, съ овладѣніемъ симъ важнымъ памятникомъ православія, поработить весь южный и западный край Россіи власти, чуждой и враждебной православію: но Богъ былъ посредѣ его,—и не попустилъ святому достоянію своему оставаться на долго въ рукахъ неправославныхъ. Знаменитый пастырь Церкви православной, Петръ Могила, исхищаетъ его изъ рукъ иновѣрцевъ, доведшихъ сей древній, величественный памятникъ искуства до крайняго запустенія; очищаетъ его отъ развалинъ, окружаетъ, для поддержанія, новыми пристройками,—и въ семъ видѣ онъ доходитъ до нашихъ временъ. Проницательный взглядъ блаженной памяти Самодержца Всероссійскаго усматриваетъ важность сей древней святыни и заповѣдуетъ обновить ее, или, правильнѣе, воскресить ея древнюю, внутреннюю жизнь въ священныхъ ликахъ, видимыхъ нами на стѣнахъ сего храма. И вотъ, въ 1853 лѣто, когда древнее преданіе восточныхъ христіанъ чаяло освобожденія изъ рукъ невѣрныхъ Цареградской Софіи, оканчивается возрожденіе Софіи Кіевской. И стоитъ нынѣ благоукрашенная, величественная святыня Кіево-Софійскаго Собора, какъ видимый, разительный памятникъ попеченія Божія о мѣстѣ селенія своего, коего не могли сокрушить восемь слишкомъ вѣковъ, пронесшихся надъ нимъ среди безчисленныхъ злоключеній; какъ видимое знаменіе промышленія Божія и о всей православной Церкви, узрѣвшей среди себя возсозданною и обновленною древнюю, многознаменательную святыню въ такое время, когда совокупныя усилія западныхъ народовъ возмнили, въ суетной гордости и злобѣ, сокрушить Россію, хранительницу православія.—Долго и много послужилъ уже сей древній памятникъ благочестія нашихъ предковъ и Церкви и государству;—новое, вящшее служеніе предлежитъ ему: питать и возгрѣвать, святынею, хранящеюся въ немъ, чувства вѣры и благочестія народа, притекающаго въ нашъ священный градъ изъ отдаленныхъ концевъ Россіи; быть хранилищемъ древней священной исторіи нашей и оплотомъ противъ всего, чуждаго нашей Вѣрѣ и нашей Церкви; быть звеномъ, соединяющимъ наше великое и дивное, по чудесамъ Божіимъ, прошедшее съ настоящимъ и будущимъ Россіи.

Да возносится же въ семъ священномъ храмѣ, доколѣ будетъ существовать онъ, искренняя, пламенная молитва о Царствующемъ Домѣ, одному изъ родоначальниковъ коего онъ обязанъ своимъ построеніемъ, а позднѣйшему потомку его обновленіемъ и благоукрашеніемъ! Да возшлется по преимуществу нынѣ, въ день рожденія, такъ знаменательно

совпадшаго съ днемъ празднества сего храма и совершившагося въ то самое лѣто, когда положено было начало обновленію сего храма, въ день рожденія Государя Наслѣдника, молитва къ Господу Богу, да пребываетъ Онъ съ Нимъ и помогаетъ Ему утро заутра въ дѣлахъ возраста Его настоящаго и въ дѣлахъ служенія Его будущаго! — Аминь.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

95) Не гнѣвайся на меня, госпожа моя, что я говорю тебѣ прямую правду. Еслибъ ты совершенно возлюбила матерь всѣхъ добродѣтелей, т. е., благословенное безмолвіе, то Господь избавилъ бы тебя отъ всѣхъ искушеній.

96) Очисти сердце свое отъ всѣхъ попеченій мірскихъ, и вступи въ дивное и боговожделѣнное безмолвіе, умоляя Господа о прежнихъ своихъ грѣхахъ и неразуміяхъ. Облекись крѣпкою вѣрою, и претерпи брани, да будешь прославлена Богомъ и получишь отъ Него многоцѣнный и нетлѣнный вѣнецъ великаго борца. По истинѣ, если мы все благодушно будемъ терпѣть ради Бога, то Онъ прославитъ насъ въ царствіи своемъ.—Внимай чтенію въ келліи своей, пой, молись, колѣнопреклоняйся, сколько есть силъ, поучайся въ сердцѣ своемъ въ памяти смертной, памятуй объ адѣ и будущемъ царствіи, и блюдись отъ дѣлъ мірскихъ. Соблюдай, умоляю тебя, и сію заповѣдь — всячески убѣгать отъ сообращенія съ мущинами: ибо діаволъ можетъ устроить тебѣ пагубу и смерть, какъ ты и не узнаешь.—Никто не можетъ побѣдить страха иначе, какъ въ безмолвіи и удаленіи отъ всего.—Когда отступишь отъ всего, тогда Богъ пошлетъ тебѣ—въ сердце твое утѣшеніе и свѣтъ вѣдѣнія. Подвизайся, какъ добрая раба Божія, подражай святымъ женамъ, прежде тебя претерпѣвшимъ, по любви къ Богу, огнь и неисчетныя муки. Не говорю тебѣ, да будешь сожжена огнемъ за Христа, или другое что, чего не можешь сдѣлать, но употреби трудъ и подвигъ по силѣ своей,—постись, безмолвствуй, молчи, бди, молись непрестанно: ибо это — по силѣ. Если покажешь свое усердіе въ семъ маломъ, въ немногіе дни жизни твоей, то Богъ приметъ тебя въ царствіе свое, и ты будешь блаженствовать о Немъ во вѣки вѣковъ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 18-го Сентября 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

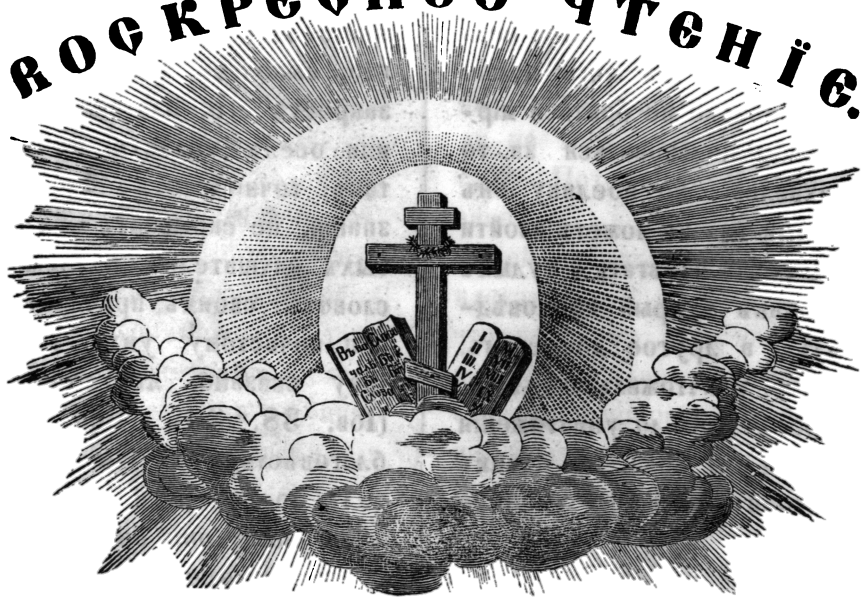
ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 29.

НЕДѢЛЯ 21 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

20 Октября 1857 г.

Гласъ 4-й.

На утрени евангеліе воскресное 10-е, Іоан. зач. 66. На литургіи: апост. Гал. зач. 203, еванг. Лук. зач. 35.

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА, ПАПЫ РИМСКАГО

о томъ,

ЧТО ИНОГДА ДОЛЖНО СНИСХОДИТЬ КЪ ЛЕГЧАЙШИМЪ ПОРОКАМЪ, ДАБЫ ИСТРЕБИТЬ ВАЖНѢЙШІЕ (*).

Поелику часто бываетъ, что душа поражается недугомъ двухъ пороковъ, и одинъ дѣйствуетъ слабѣе, а другой, быть можетъ, сильнѣе: то благоразумнѣе подать скорѣйшую помощь противъ того порока, который быстрѣе влечетъ къ погибели. И если спасти душу отъ близкой смерти можно не иначе, какъ усиленіемъ противоположнаго порока; то проповѣдникъ можетъ въ своемъ увѣщаніи, дѣйствуя съ мудрою разсудительностію, допустить усиленіе одного, чтобы спасти отъ близкой смерти, причиняемой другимъ. Дѣлая такъ, онъ не увеличиваетъ болѣзнь, но сохраняетъ жизнь врачуемаго имъ больнаго, выжидая удобное время для возстановленія ему здоровья. Ибо часто иной, не будучи въ силахъ воздержаться отъ пресыщенія пищею, едва — едва не увлекается приманками обладающей имъ страсти; но когда, устрашившись сей борьбы, силится удержать себя въ предѣлахъ воздержанія, то подвергается искушенію тщеславія. Въ таковомъ никакъ не истребится одинъ порокъ, если не будетъ питаемъ другой. Какая же язва должна быть преслѣдуема сильнѣе, какъ не та, которая поражаетъ опаснѣе? Итакъ можно допустить, иногда, чтобы чрезъ добродѣтель воздержанія усилилось въ человѣкѣ превозношеніе, лишь бы роскошь не погубила его рѣшительно пресыщеніемъ. Посему-то и Павелъ разсудивъ, что немощный слушатель его или впадетъ въ дѣла порочныя, или же за хорошія дѣла станетъ домогаться

(*) Regul. Pastoral. pag. III. c. XXXVIII.

воздаянія человѣческой похвалы, говоритъ: *хощеши ли не боятися власти? благое твори, и имѣти будеши похвалу отъ него* (Рим. 13, 3). Конечно, не для того нужно дѣлать добро, чтобы нисколько не бояться мірской власти, или чтобы пользоваться за то скоропреходящею похвалою: но поелику онъ разсудилъ, что немощный умъ не можетъ взойти на такую высоту, дабы равно избѣгать и худыхъ дѣлъ и похвалы; то, какъ мудрый проповѣдникъ, одно запретилъ, а другое допустилъ. Ибо, допустивъ меньшее, уничтожилъ большее, такъ что кто не возрось еще до уничтоженія всего вмѣстѣ, оставался бы пока съ однимъ порокомъ въ душѣ своей, лишь бы удобнѣе избавиться отъ другаго.

О ТОМЪ, ЧТО НЕМОЩНЫМЪ УМАМЪ ВОВСЕ НЕ ДОЛЖНО ПРОПОВѢДОВАТЬ ВЫСОКОЕ (*).

Проповѣдникъ долженъ умѣть не напрягать сверхъ силъ души своихъ слушателей, чтобы, при излишнемъ напряженіи, не порвались, такъ сказать, струны ума. Ибо высокое должно скрывать отъ многихъ и открывать только немногимъ. Посему то и Сама Истина вѣщаетъ: *кто убо есть вѣрный строитель и мудрый, егоже поставитъ Господь надъ челядію своею даяти во время житомѣріе* (Лук. 12, 42. Матѳ. 24, 45)? Подъ мѣрою жита разумѣется мѣра слова, дабы не изсыпалось вонъ, когда слабому сердцу будетъ внушаемо что-либо недоступное. Посему то и Павелъ говоритъ: *и азъ, братіе, не могохъ вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотянымъ, яко младенцемъ о Христѣ: млекомъ вы напоихъ, а не брашномъ* (1 Кор. 3, 1). Посему то и Моисей, сошедши съ таинника Божія, предъ народомъ покрывалъ сіяющее лице свое (Исх. 34. 33), чтобы не показать толпѣ таинъ внутренняго свѣта. Посему то чрезъ негоже божественное слово повелѣваетъ, чтобы тотъ, кто, выкопавъ колодезь, по небреженію, не закроетъ его, платилъ, если чей нибудь волъ или оселъ упадетъ въ яму (Исх. 21. 33): такъ точно тотъ, кто, достигши высокаго знанія, не скрываетъ его предъ сердцами грубыхъ слушателей, подлежитъ наказанію, если словомъ своимъ причинитъ соблазнъ чистому или нечистому уму. Посему и блаженному Іову сказано: *кто далъ пѣтелю разумъ* (Іов. 38, 36). Ибо святый проповѣдникъ, благовѣствуя въ сіе темное время, какъ пѣтелъ поетъ среди ночи, когда говоритъ: *часъ уже намъ отъ сна возстати* (Рим. 13, 11), и еще: *истрезвитеся праведніи и несогрѣшайте* (1 Кор. 15, 34). Пѣтелъ въ часы глубокой ночи обыкновенно поетъ громко, а когда приближается утро, издаетъ слабые и тихіе звуки: такъ точно, кто правильно проповѣдуетъ, тотъ темнымъ сердцамъ возвѣщаетъ удобопонятное, ничего не высказывая о сокровенныхъ тайнахъ, чтобы возвышеннѣйшее о небесномъ они услышали тогда, когда приблизятся къ свѣту истины.

О ПРОПОВѢДАНІИ ДѢЛОМЪ И СЛОВОМЪ (*).

Между тѣмъ, возвратимся къ тому, что уже выше сказали мы по влеченію любви, именно, что каждый проповѣдникъ долженъ учить болѣе дѣлами, нежели словами, и наипаче примѣромъ доброй жизни, а не краснорѣчіемъ указывать своимъ послѣдователямъ, куда они должны идти и къ чему возвышаться. Какъ тотъ пѣтелъ, котораго Господь беретъ въ своемъ словѣ, для изображенія хорошаго проповѣдника, готовясь пѣть, потрясаетъ сперва

(*) Regul. Pastoral. pag. III. c. XXXIX.

(*) Regul. Pastoral. pag. III. c. XL.

крыльями и, ударяя самъ себя, возбуждаетъ себя къ бодрости: такъ нужно, чтобы и тѣ, которые изрекаютъ слово святой проповѣди, прежде сами были бодры въ доброй дѣятельности, и тогда какъ сами неподвижны къ дѣлу, не возбуждали другихъ словомъ; прежде себя упражняли въ высокихъ подвигахъ дѣлами, а потомъ научали бы другихъ быть тщательными въ доброй жизни: прежде себя ударяли крыльями помышленій, дабы чрезъ внимательное изслѣдованіе найти и строгимъ порицаніемъ исправить то, что въ нихъ самихъ есть безполезнаго, а тогда исправляли и жизнь другихъ словомъ; прежде старались восполнить сокрушеніемъ собственные недостатки, и тогда возвѣщали, что должно быть наказано въ другихъ, и вообще, прежде нежели станутъ изрекать слова увѣщанія, все, что намѣрены говорить, подтверждали дѣлами.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ОСВЯЩЕНІЯ ХРАМА ПРИ КІЕВСКОМЪ ВЛАДИМІРСКОМЪ КАДЕТСКОМЪ КОРПУСѢ И ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,
30 Августа 1857 года.

Нынѣшній день—торжество для всей Россіи, и вездѣ нынѣ мысль о Царѣ, горячая молитва о Немъ, а вмѣстѣ съ молитвою и живая радость о Немъ—нашемъ Отцѣ отечества. Но кому не видно, что нынѣшній день блещетъ особенною торжественностію для васъ, благовоспитанные юноши! Сегодня такъ много предметовъ просятся на мысль вашу, такъ много радостей тѣснятся къ чувству вашему, что вы, можетъ быть, недоумѣваете, на чемъ бы лучше остановиться вамъ. Остановиться ли на томъ, что вы перешли на новое мѣсто?—Потому что и такая перемѣна способна занимать и не однихъ юношей, а часто и людей самыхъ зрѣлыхъ. Такъ, новизна привлекательна, а причина этого едвали не та, что человѣку какъ то не естественно оставаться въ одномъ и томъ же положеніи, что ему самой природой врождено стремиться дальше и дальше, и по выраженію Апостола *забывая задняя*, *простираться* въ предняя, всегда въ направленіи къ лучшему, высшему, совершеннѣйшему. Какъ былобы полезно, если бы мы и при такихъ случаяхъ, какъ перемѣна мѣста, умѣли прислушиваться къ потаенному голосу природы нашей и сообразоваться съ его внушеніями! Остановиться ли на той, конечно, особенно—пріятной для васъ мысли, что съ открытіемъ этого новаго здѣсь заведенія для васъ открывается возможность въ немъ же видѣть и конецъ своего воспитанія? Да, есть и тутъ для васъ побужденіе къ радости. Теперь васъ уже не будутъ отрывать на долго отъ родныхъ вашихъ. Нѣжная попечительность о васъ общаго нашего Отца Царя нашла средства давать вамъ полное воспитаніе, не удаляя васъ отъ тѣхъ, которые близки сердцу вашему. Тѣ, кои не безъ сердечнаго трепета, хотя и съ полною надеждою вручили васъ еще дѣтьми здѣшнему испытанному въ христіанской любви начальству, будутъ имѣть радость и принять васъ изъ его рукъ уже зрѣлыми, украшенными запасомъ разнообразныхъ полезныхъ свѣдѣній, а главное—твердыми въ добромъ направленіи, которое всего важнѣе въ жизни. Или наконецъ,—по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту,—сосредоточить-

ся вамъ вниманіемъ на этомъ новомъ храмѣ, только-что освященномъ, на этомъ домѣ молитвы, гдѣ въ первый разъ совершена святѣйшая Жертва, и гдѣ отселѣ мы съ вами будемъ преклонять предъ Богомъ колѣна и сердца наши? Не трудно рѣшить, на чемъ приличнѣе сосредоточиться вамъ — по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту. Священнодѣйствіе, только-что совершенное предъ вами, такъ необыкновенно, даръ, который вы получили въ новомъ среди васъ жилищѣ Божіемъ, такъ великъ, что не обратиться къ храму даже въ новомъ храмѣ, и не подумать о немъ, былобы признакомъ и крайняго легкомыслія и крайняго равнодушія къ храму.

Замѣтили ль вы, юноши благовоспитанные, что куда вы ни переходите, всюду слѣдуетъ за вами, или правильнѣе, всюду васъ встрѣчаетъ домъ молитвы, храмъ? Чтобы значило это? Это значитъ, что молитва должна быть во главѣ всѣхъ нашихъ занятій, что она самое важное дѣло для человѣка, что ею главнымъ образомъ и упрочивается за нами наше истинно-человѣческое достоинство, и совершается тайна нашего благодатнаго преспѣянія, богоуподобленія, спасенія.

Наше человѣческое достоинство — говорю — упрочивается за нами главнымъ образомъ молитвою. Обратитесь мыслію къ кругу существъ земныхъ: какую замѣчаете разность въ нихъ? Обыкновенно ихъ дѣлятъ на два отдѣла: кругъ существъ *разумныхъ*, — это человѣкъ, и существъ *неразумныхъ*, — это всѣ прочія твари земныя. Способъ дѣленія вѣрный, но основаніе дѣленія едвали справедливо. Кому неизвѣстно, что и животныя не чужды нѣкоторыхъ признаковъ разсудка, соображенія, разчетливости, и притомъ иногда въ самой изумительной степени? Нѣтъ, если точнѣе дѣлить кругъ земныхъ тварей, то вѣрнѣе дѣлить на кругъ существъ *молящихся* и *незнающихъ молитвы*. На всемъ земномъ шарѣ только одинъ человѣкъ, на ряду съ существами горними — ангелами, имѣетъ понятіе о Существѣ Высочайшемъ, способенъ воспарять къ Нему мыслію, возвышаться сердцемъ, любить Его и молиться Ему. Молитва — отличительная черта природы нашей, первое доказательство и ея богоподобія, и сродства съ міромъ горнимъ. Самое тѣло человѣка, жилище души его, устроено именно такъ, чтобы оно какъ можно лучше было приспособлено къ молитвѣ. Этотъ прямой станъ, легко возносящій главу, а съ нею и мысль горѣ, эти очи, свободно обращающіяся къ небу, чтобы передавать душѣ его высокія впечатлѣнія, — о чемъ говорятъ намъ, если не о томъ, что самое тѣло наше, въ слѣдъ за душею, назначено служить не праху земному, а небу и Богу? Чтоже послѣ этого слѣдуетъ подумать о тѣхъ людяхъ, — еслибы нашлись они, — которые кажутся чуждыми ангелоподобному занятію молитвой и богопочитаніемъ? Что тогда остается при нихъ свидѣтельствовать о ихъ человѣческомъ достоинствѣ, — что напоминаетъ о ихъ сродствѣ съ міромъ высшимъ? Чувственное око ихъ, правда, подъемлется по временамъ къ своду неба, но не для того, чтобы прозрѣвать небесное и озаряться свѣтомъ Божіимъ; духъ ихъ прикованъ къ праху, и мысль способна вращаться только около житейскаго. Какъ узка бываетъ мысль человѣка, чуждаго молитвы, такъ тѣсно становится и сердце его. Замкнутому въ себѣ, ему мало доступны чувства возвышеннаго безкорыстія, любви къ добру для добра, и знакомы только движенія низшей природы: себялюбіе, эгоизмъ, стремленіе къ самоудовлетворенію во всѣхъ видахъ его. Судите, на сколько тутъ сохранено бываетъ истинно-человѣческое достоинство, и не ясно ли, что отпадшій отъ молитвы человѣкъ самъ и добровольно привыкаетъ къ

кругу существъ, которымъ не дано счастія знать ни Бога, ни богопочтенія?

Но этого мало, что только одна молитва утверждаетъ за нами наше ангелоподобное достоинство. Она одна способна и совершать насъ, раскрывать неизмѣрное богатство духа нашего, оплодотворять всѣ силы наши, и путемъ не имѣющаго здѣсь границъ усовершенія вести насъ къ недосягаемо-высокой цѣли нашей—богоуподобленію. Здѣсь, благовоспитанные юноши, намъ слѣдовало бы сказать о дѣйствіяхъ молитвы, о тѣхъ плодахъ, которые она произращаетъ, или можетъ произращать въ насъ. Но, пусть скажутъ намъ о нихъ тѣ блаженные люди, которые провели жизнь въ молитвѣ и имѣли возможность узнать ея дѣйствія по опыту. Говоря о молитвѣ, они, по видимому, даже не находятъ довольно словъ на языкѣ человѣческомъ, чтобы по достоинству восхвалить разнообразные плоды ея. Въ одинъ голосъ и всѣ называя ее занятіемъ общимъ человѣку съ небожителями, ангельскимъ движеніемъ, силою и наслажденіемъ существъ безплотныхъ,—одни изъ св. мужей особенно восхваляютъ ея сладость, миръ и счастіе, которые она разливаетъ въ душѣ. Многимъ, можно думать, и изъ насъ приходилось, особенно въ горѣ, прибѣгать къ врачевству молитвы, и конечно, не одинъ даже и изъ насъ по опыту знаетъ, какъ много облегчаетъ скорбную душу слеза молитвенная. Другіе называютъ молитву жизнію души, ея пищею. Одинъ изъ святыхъ отцевъ (Григорій Синайскій) говоритъ даже о молитвѣ, что она есть въ насъ само *Божіе* могущество, все *производящее*. И точно, чего она не производитъ, или не въ силахъ произвесть въ насъ? Опускаемъ всѣ дивные опыты, которые посредствомъ молитвы были совершены святыми въ природѣ внѣшней. Всего ближе къ намъ наша собственная природа, и тѣ чудодѣйственные опыты, которые можетъ оказывать молитва надъ нами самими. Здѣсь, юноши благовоспитанные, не знаешь, чему удивляться больше, тому ли, что въ нашей природѣ завито такъ много силъ, еще мало знаемыхъ нами, или тому, что для развитія ихъ дано намъ такое простое и близкое ко всѣмъ намъ средство, какъ молитва, или наконецъ тому, что это средство, могущее возвысить и освятить всю и внутреннюю и внѣшнюю природу нашу, обыкновенно предано у насъ бываетъ такому небреженію, забвенію! Дѣйствительно, въ нашей природѣ кроется множество дивныхъ силъ и способностей, еще мало извѣстныхъ намъ и только рѣдко обнаруживающихъ себя. Полное раскрытіе ихъ принадлежитъ полному нашему возрасту, въ жизни будущей. Но начало этого раскрытія можетъ и даже должно быть полагаемо нами здѣсь. Устремленіе души къ Богу, ея единеніе съ Богомъ въ молитвѣ—вотъ средство къ тому самое прямое, дѣйствительнѣйшее, сильное еще въ этой жизни полагать начало коренному преображенію и души и тѣла нашего. Что, по видимому, сокровеннѣе для ума нашего напр. будущаго, или чужихъ мыслей, желаній? А между тѣмъ святые, путемъ молитвы, достигали дара изумительной прозорливости и предвѣденія. Что кажется грубѣе тѣла нашего? Подобно глыбѣ земли, камню, оно, по видимому, естественно и на всегда подчинено силѣ тяготѣнія, приковано къ землѣ. Слово Божіе даетъ намъ знать, что эта грубость—такое свойство тѣла нашего, на которое должно смотрѣть больше какъ на слѣдствіе паденія нашего, чѣмъ какъ на постоянное свойство природы нашей, и что съ освященіемъ души и наше тѣло должно преобразоваться, утончаться, приходить въ славу, одухотвориться. И вотъ намъ опытное доказательство того—св. подвижники. Нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. св. Іоанникія не разъ

видѣли во время молитвы высоко поднятымъ отъ земли и стоящимъ на воздухѣ. Другіе осіявались на молитвѣ какимъ-то особеннымъ свѣтомъ, подобно Моисею на Синаѣ, Господу на Ѳаворѣ. Что, какъ не молитва, возвысила надъ обычнымъ всему земному тлѣніемъ и сіи остатки св. подвижниковъ, которыми такъ богатъ нашъ богоспасаемый градъ —Кіевъ? Ясно изъ этого, какъ сильна молитва, и какимъ высокимъ путемъ она ведетъ человѣка къ его всецѣлому усовершенію, освященію, богоуподобленію!

И вотъ отъ чего, куда ни переходите вы, вездѣ и первѣе всего встрѣчаетъ васъ храмъ Божій. Это — домъ молитвы, благовоспитанные юноши, той молитвы, которая служитъ, съ одной стороны, основнымъ признакомъ богоподобія нашего и сродства съ міромъ высшимъ, а съ другой — самымъ дѣйствительнѣйшимъ средствомъ къ раскрытію всѣхъ высокихъ силъ природы нашей, такимъ средствомъ, котораго ничто въ мірѣ не можетъ замѣнить для насъ въ этомъ отношеніи.

Люди, для которыхъ молитва сдѣлалась тягостью, обыкновенно думаютъ найти замѣну ей въ образованіи, въ добросовѣстномъ исполненіи общественныхъ обязанностей и проч.

Не можетъ для души замѣнить молитвы самое высокое образованіе! »Ты уже не молись болѣе, а читай книги«, внушалъ духъ — искуситель одному затворнику (Никитѣ), и мужъ, достигшій высокаго нравственнаго совершенства, безъ молитвы, скоро увидѣлъ себя глубоко низпадшимъ. И что такое образованіе, какъ большая часть понимаетъ его? Пріобрѣтеніе свѣденій *полезныхъ*, по большей части рѣдко, какъ должно, употребляемыхъ въ дѣло. Затѣмъ пріобрѣтеніе свѣденій *малополезныхъ*, но обыкновенно больше идущихъ въ дѣло, потому что онѣ наибольше даютъ человѣку блестящей наружности, представительности. Нѣтъ, нужно не казаться, а на самомъ дѣлѣ быть человѣкомъ. Внѣшній лоскъ, которымъ чаще всего мы склонны ограничиваться, долженъ только препровождать мысль нашу къ пріобрѣтенію внутренней чистоты, святости мыслей, чувствъ, желаній, дѣлъ.

Не можетъ замѣнить молитвы и самое добросовѣстное исполненіе общественнаго долга. Общественная должность есть только часть нашихъ обязанностей предъ Богомъ и людьми, и притомъ такая, которую можно исполнять даже самымъ точнымъ образомъ по расчету, изъ страха предъ общественнымъ мнѣніемъ, по самолюбію. — Чтожъ тутъ особеннаго, безкорыстнаго, святаго, благороднаго? Гдѣ отрѣшенность души отъ праха, гдѣ стремленіе къ міру высшему, къ Богу?

Даже самыя добрыя дѣла не въ силахъ замѣнить для насъ молитвы! Что лучше дѣлъ состраданія къ несчастію, милосердія? А между тѣмъ, можно оказывать состраданіе по естественной мягкости сердца, изъ презрѣннаго тщеславія, даже по ненавистной гордости.

Гдѣ нѣтъ Бога, тамъ нѣтъ истинной добродѣтели! Гдѣ нѣтъ чувства къ Богу — молитвы, тамъ не можетъ быть ничего и истинно-благороднаго, возвышеннаго!

Предъ вами, благородные юноши, новый домъ молитвы, — чтобы вы знали, что цѣль жизни земной — не земля, а небо, что въ основаніи добросовѣстной службы, для которой готовятъ васъ, лежитъ вѣра святая, что начало истиннаго образованія и премудрости — страхъ Господень. Въ новомъ храмѣ этомъ, подобно орлимъ птенцамъ, вы будете учиться воспарять душею горѣ, пріобрѣтать любовь и сочувствіе ко всему истинно-безкорыстному, благородному, возвышенному. Здѣсь предъ вами по прежнему будетъ совершаться святѣйшее таинство любви Бога Отца и Сына Божія къ падшему роду человѣческому. Оно

будетъ самымъ живымъ образомъ возбуждать и въ васъ взаимную любовь къ Нему преблагому. Здѣсь по прежнему вы будете соединяться около святѣйшей трапезы, чтобы пріобщаться тѣлу и крови Спасителя. Это будетъ тѣснѣйшимъ образомъ соединять васъ не только съ Господомъ, но и между собою. Вы наглядно будете видѣть, что вы всѣ какъ одна семья около одной трапезы, какъ одно тѣло, хотя васъ, какъ членовъ, и много. Тутъ будете на самомъ дѣлѣ видѣть, сколь необходимо для васъ уподобляться Богу, когда самымъ дѣломъ ощутите въ сердцѣ, что вы уже соединены съ Нимъ въ тайнѣ тѣла и крови Сына Его. Словомъ: тутъ будетъ главное мѣсто вашего усовершенія, главное училище для всей жизни вашей, не временной только, а и вѣчной. тутъ служеніе, отъ котораго должна заимствовать свой характеръ и правило всякая другая служба.

Послѣ этого, благовоспитанные юноши, ничего нѣтъ легче, какъ понять вамъ, какою благодарностію обязаны вы Августѣйшему Монарху, который благоволилъ приготовить для васъ въ день тезоименитства Своего, какъ лучшій даръ вамъ, этотъ новый домъ молитвы. Пусть же въ этомъ новомъ храмѣ обновится и горячая наша молитва о Немъ къ Богу. Пусть она будетъ тѣмъ живѣе, что приносится предъ Жертвою, въ первыя совершенною здѣсь, предъ престоломъ, на которомъ только что опочила благодать Божія. Горячая молитва о Царѣ — Отцѣ да послужитъ основой и вообще нашей любви къ молитвѣ. Такъ дѣти учатся молиться, сосредоточивая сначала всѣ молитвы свои на благѣ самыхъ близкихъ къ намъ лицъ – отца и матери. Успѣвая въ наукахъ, не опускайте больше всего успѣвать въ молитвѣ, освящаться ею, и чрезъ нее пріобрѣтать то истинное благородство и высоту души, которыхъ не въ силахъ дать или замѣнить ни родъ, ни самое обширное образованіе ума, ни самая привлекательная настроенность тѣла. Аминь.

Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ.

»Когда я прохожу — разсказывалъ одинъ христіанинъ — по улицамъ города, весь озабоченный житейскими дѣлами, или столкновеніями съ людьми, или изобрѣтеніемъ способовъ пропитанія, и встрѣчаю неожиданно гробъ умершаго собрата,— первѣе всего крестъ съ вожделѣннымъ изображеніемъ нашего Искупителя, за тѣмъ смиренный служитель церкви, который благословлялъ чистыя радости христіанина, а теперь проводитъ его тѣло ко гробу и напутствуетъ его душу молитвами въ вѣчное жилище, далѣе самое тѣло, несомое руками усердныхъ собратій, котораго тлѣніе и смертность матерински закрыты священными покровами, гдѣ изображены или записаны утѣшенія христіанина,— когда я встрѣчаю это христіанское погребеніе: какое-то особенное чувство пробуждается въ моей грѣшной душѣ.— не смущеніе, не печаль, а скорѣе умиленіе, которое вызываетъ слезу и вмѣстѣ услаждаетъ ее. Но особенно это дивное пѣніе: ***святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ***, это пѣніе, которому человѣкъ научился отъ Ангеловъ (Ис. 6 3), потрясаетъ до глубины мое холодное сердце: съ-разу я забываю все земное, людей и ихъ столкновенія, сокровища и ихъ стяжаніе; съ-разу я чувствую се-

бя не въ этомъ многозаботливомъ мірѣ, не знающемъ ни истиннаго покоя, ни истинныхъ утѣшеній: сквозь завѣсу смерти провидится мнѣ жизнь лучшая, безъ печалей и воздыханій, жизнь предъ Богомъ святымъ, крѣпкимъ и безсмертнымъ. Отъ этого зрѣлища христіанскаго погребенія я всегда отхожу съ желаніемъ сдѣлаться лучше, добрѣе и удостоиться Божіей милости«.

И подлинно, скажемъ мы, въ ангельскомъ пѣніи, которымъ сопровождается умершій собратъ ко гробу, заключаются сладостныя утѣшенія для сердца христіанскаго.

Это троекратное повтореніе: *Святый* напоминаетъ человѣку его грѣхъ, за который онъ платитъ тяжкій оброкъ,—*оброцы бо грѣха смерть* (Рим. 6, 23),—и вмѣстѣ указываетъ на Того, Кто единъ есть источникъ нашего освященія. Въ тяжкомъ сознаніи грѣха, которое особенно пробуждается при видѣ смерти, человѣкъ утѣшается мыслію, что онъ—несчастный грѣшникъ—живетъ и умираетъ волею всесвятаго Бога. »Нѣтъ, думаетъ онъ, это тлѣніе, эта смерть не есть дѣло одного гнѣва Божія: всесвятый Богъ не *веселится о погибели живыхъ* (Прем. 1. 13); всесвятый Богъ и эту смерть положилъ какъ переходъ къ жизни совершенной и святой«.

Это наименованіе Бога: *крѣпкій* пробуждаетъ въ душѣ человѣка чувство его собственной немощи и вмѣстѣ упованіе на всесильнаго Бога. »*Ты моя крѣпость, Господи, Ты моя сила;* мое немощное естество не можетъ противиться смерти: но Ты, крѣпкій Боже, силенъ *и изъ мертвыхъ воскресити* (Евр. 11, 19); Ты, крѣпкій Боже, силенъ и въ самой смерти даровать и сохранить сѣмя жизни и нетлѣнія«.

Это наименованіе Бога: *безсмертный*, напоминая человѣку, что въ Богѣ содержится его истинная, нетлѣющая жизнь, какъ бы проливаетъ свѣтъ жизни среди мрака смерти. »Конечно, размышляетъ христіанинъ, это—смерть; однако за нею опять открывается жизнь новая и лучшая. Безсмертный *Богъ смерти не сотвори* (Прем. 1. 13); безсмертный Богъ *нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ* (Матѳ. 22, 32)«.

Тремъ печальнымъ представленіямъ: грѣховности, слабости и смертности противопоставляются три утѣшенія въ Богѣ: Божія святость, крѣпость и безсмертіе. Христіанинъ, находящій утвержденіе для своего колеблющагося духа во святомъ, крѣпкомъ и безсмертномъ Богѣ, не скорбитъ, при видѣ смерти, какъ неимущій *упованія* (1 Сол. 4, 13), но даетъ *послѣднее цѣлованіе умершему, благодаря Бога.* Онъ вѣруетъ, что *аще живемъ, аще умираемъ, Господни есмы* (Рим. 14, 8); онъ вѣруетъ, что и въ жизни и въ смерти все наше благо зависитъ отъ милости Божіей; эту милость онъ и испрашиваетъ у Бога какъ для себя, такъ и для умершаго собрата: *святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ.*

Не понятно, почему иные предпочитаютъ этому утѣшительному пѣнію при гробѣ христіанина звуки музыки, хотя трогательные, но не назидающіе. Этотъ замѣнъ основателенъ только тогда, когда оставшіеся въ живыхъ, желая показать усердіе къ отшедшему собрату за его заслуги и полезныя дѣла, облекаютъ его погребеніе особенною торжественностію: изъявленіе заслуженнаго уваженія къ умершему, какъ дѣло благородныхъ сердецъ, само по себѣ похвально. Но нельзя не пожалѣть, если это дѣлается по одной суетности: умершій, *нектому пекійся о суетныхъ*, нуждается въ усердной молитвѣ христіанъ, а не въ стройныхъ звукахъ музыки.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 25-го Сентября 1857 года.
Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 30.

НЕДѢЛЯ 22 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

27 Октября 1857 г.

Гласъ 5-й.

На утрени евангеліе воскресное 11-е, Іоан. зач. 67. На литургіи: апост. Гал. зач. 215, еванг. Лук. зач. 83.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА

О МИЛОСТЫНИ.

Милостыня есть великое благо и Божій даръ; подаяніе милостыни уподобляетъ насъ, по возможности, самому Богу. Это наипаче и дѣлаетъ человѣка—человѣкомъ. Посему нѣкто, представляя образецъ человѣка, сказалъ между прочимъ: великое дѣло — человѣкъ и драгоцѣнное — человѣкъ милостивый. Благодать сія важнѣе дара воскрешать мертвыхъ. Ибо напитать алчущаго Христа гораздо важнѣе, чѣмъ именемъ Іисусовымъ воскрешать мертвыхъ. Тамъ ты благодѣтельствуешь Христу, а здѣсь Онъ тебѣ, и награда Тому, кто самъ дѣлаетъ добро, а не тому, кто принимаетъ отъ другаго добро. При совершеніи чудесъ ты дѣлаешься должникомъ Богу, а въ дѣлѣ милостыни ты одолжаешь Бога. А творимъ милостыню тогда, когда подаемъ оную охотно, щедро, когда думаемъ, что не даемъ, но сами принимаемъ, когда признаемъ ее для себя благодѣяніемъ и пріобрѣтеніемъ, а не потерею. Если же иначе подаемъ, то милостыня — не благодать. Оказывающій другому милость долженъ радоваться, а не печалиться. Съ чѣмъ сообразно, если, облегчая скорбь другаго, самъ скорбишь? Тогда твое подаяніе уже не милостыня. Ибо если печалишься о томъ, что избавилъ другаго отъ печали: то подаешь примѣръ крайней жестокости и безчеловѣчія. Лучше не подавать, нежели такъ подавать. И дѣйствительно, — о чемъ ты печалишься? Если такъ разсуждаешь, то совершенно не давай. Если не вѣришь, что отлагается тебѣ на небѣ великое сокровище, то не удѣляй. Но ты хочешь воздаянія здѣсь: для чего? Пусть милостыня будетъ милостынею. Правда, многіе получили воздаяніе и здѣсь; но сіе не значитъ,

что они будутъ имѣть больше тѣхъ, кои здѣсь не получили. Напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ получили вознагражденіе здѣсь, какъ немощнѣйшіе,—потому что еще не сильно возжелали будущихъ благъ. Какъ люди жадные, не знающіе приличія и раболѣпствующіе чреву, бывъ призваны на царскую трапезу, и не дожидаясь надлежащаго времени, подобно малымъ дѣтямъ,—лишаютъ себя истиннаго удовольствія, когда хватаютъ впередъ и наполняютъ чрево худшими яствами: такъ и тѣ, которые ищутъ награды здѣсь и получаютъ оную, уменьшаютъ будущую свою награду. Давая въ заемъ, ты желаешь обратно получить отданное по прошествіи долгаго времени, а не вскорѣ, чтобы такимъ замедленіемъ увеличилась лихва. А въ дѣлѣ милостыни тотчасъ требуешь воздаянія, хотя и знаешь, что не здѣсь, а тамъ будешь жить вѣчно, что не здѣсь будешь судимъ, а тамъ отдашь отчетъ. Если бы кто построилъ тебѣ домъ тамъ, гдѣ тебѣ не жить,—то не счелъ ли бы ты сего безполезнымъ? Какъ же ты желаешь быть богатымъ здѣсь, откуда еще до наступающаго вечера можешь не одинъ разъ отойти? Развѣ не знаешь, что мы, подобно странникамъ и пришельцамъ, пребываемъ здѣсь на чужой сторонѣ? Развѣ не знаешь, что пришельцевъ изгоняютъ, когда они не ждутъ того и не надѣются? Такой участи подлежимъ и всѣ мы на землѣ. Посему, что ни приготовляемъ здѣсь, здѣсь же и оставляемъ. Господь не позволяетъ намъ при отшествіи отсюда брать съ собою,—настроимъ ли домовъ, накупимъ ли полей, рабовъ, сосудовъ или чего другаго тому подобнаго. И не только не позволяетъ отходя отсюда брать это съ собою, но не даетъ за то и платы. Ибо напередъ сказалъ тебѣ: не собирай и не трать чужаго, но собирай и трать только свое. Для чего же ты, оставивъ свое, трудишься надъ чужимъ и тратишь чужое, чтобы погубить и трудъ и награду, и послѣ подвергнуться вѣчному наказанію? Не дѣлай сего, молю тебя. Но поелику мы прищельцы по естеству: то будемъ пришельцами и по произволенію, чтобы тамъ не быть пришельцами презрѣнными и отверженными. Если пожелаемъ сдѣлаться здѣшними гражданами, то не будемъ гражданами ни здѣсь, ни тамъ. Если же здѣсь останемся пришельцами и будемъ жить, какъ свойственно жить пришельцамъ: то получимъ права гражданъ и здѣсь и тамъ. Ибо праведникъ, даже ничего не имѣя, и здѣсь располагаетъ всѣмъ какъ своимъ, и пришедши на небо, узритъ вѣчные свои кровы. Здѣсь не потерпитъ онъ никакой непріятности;—ибо кто можетъ сдѣлать странникомъ того, для кого вся земля отечество?—а достигши своего отечества, онъ получитъ истинное богатство. Итакъ, чтобы намъ воспользоваться и тѣми и другими благами—какъ настоящими, такъ и будущими, будемъ употреблять настоящія, какъ должно. Ибо такимъ образомъ будемъ и гражданами небесными и получимъ великую свободу, которой да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа. Ему слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ. Аминь (*).

О ПАСТЫРСКОМЪ РУКОВОДСТВОВАНІИ ПАСОМЫХЪ.

(*Продолженіе*).

5) Предметомъ пастырскихъ попеченій должны служить нужды и потребности пасо-

(*) Изъ 16 Бесѣды на 2 посл. къ Коринѳянамъ.

мыхъ: а) матеріальныя, б) нравственныя и в) по преимуществу — чисто духовныя.

а) Матеріальныя нужды пасомыхъ, конечно, не прямо подлежатъ смотрѣнію пастыря и удовлетвореніе ихъ не лежитъ непремѣнно на его отвѣтственности. Онъ пастырь и отецъ духовный, а потому духовная сторона жизни христіанъ и должна въ собственномъ смыслѣ служить предметомъ его вниманія и заботъ. Но самъ верховный Пастыреначальникъ собственнымъ примѣромъ своимъ показалъ, освятилъ и благословилъ внимательность пастырскую ко всякимъ нуждамъ пасомыхъ. Пришедши на землю для духовнаго просвѣщенія, искупленія и спасенія людей, Онъ однакожъ не презиралъ и временныхъ немощей ихъ и оказывалъ многоразличную помощь нуждающимся, исцѣляя больныхъ, препитывая алчущихъ и сострадая всѣмъ несчастнымъ. Всѣ чудеса Господа нашего Іисуса Христа, будучи знаменіями Его посланничества отъ Отца небеснаго, были вмѣстѣ благодѣяніями для народа. А потому понятіе истиннаго пастыря непремѣнно заключаетъ въ себѣ понятіе благодѣтеля паствы въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова. Св. Апостолы, подобно Господу, оказывали также благодѣтельное вниманіе ко временнымъ потребностямъ христіанъ, какъ это видно особенно изъ постоянной заботливости св. ап. Павла о милостынѣ для нѣкоторыхъ церквей. И всѣ истинные пастыри, во всѣ времена Церкви, были благотворителями пасомыхъ, всегда готовыми на всякую помощь для нихъ, не только духовную, но и матеріальную. И нынѣ, если пастырь можетъ, на примѣръ, дать пособіе больному, указать лучшія средства къ исполненію своего дѣла человѣку рабочему, пріискать болѣе надежное и правильное занятіе безплодно трудящемуся или подвергающемуся праздности, и проч. и проч.; то чрезъ это не только не выйдетъ изъ круга обязанностей своихъ, но и умножитъ число истинно пастырскихъ дѣлъ и доблестей. Въ обществахъ, болѣе или менѣе образованныхъ и достигшихъ извѣстной степени внѣшнаго благосостоянія и устройства, для каждой отрасли занятій, для каждаго рода нуждъ и потребностей есть особые руководители и помощники; но и тамъ, для людей бѣдныхъ и какъ бы забываемыхъ самымъ обществомъ, пастырь есть ближайшій руководитель и помощникъ, если только онъ имѣетъ способность и возможность быть тѣмъ и другимъ. А что касается паствъ, состоящихъ вообще изъ людей необразованныхъ и малосвѣдущихъ во всѣхъ отношеніяхъ, то въ нихъ кому ближе пастыря входить въ различныя положенія людей и быть, чѣмъ только можно, полезнымъ для самаго внѣшняго благоустройства ихъ жизни! Одно необходимо замѣтить при этомъ, что, входя въ матеріальныя нужды и потребности своего народа, пастырь всегда долженъ ограничиваться въ этомъ случаѣ вниманіемъ къ одному существенно необходимому и полезному и всячески избѣгать духа и характера нововводителя, промышленника и т. п. Само собою понятно, какъ противенъ этотъ духъ духовному пастырству и какъ онъ можетъ унижать священника въ глазахъ самыхъ простыхъ людей, хотя бы изъ него проистекала для нихъ же не малая польза.

б) Гораздо важнѣйшій предметъ пастырской попечительности должно составлять то, что относится къ образу мыслей и поведенія его пасомыхъ. Бываютъ въ паствѣ предразсудки, сколько нелѣпые, столько же и безнравственные; бываютъ обычаи и привычки, одинаково и неприличные и вредные; бываютъ взгляды на вещи слишкомъ односторонніе или совсѣмъ превратные. Все это должно быть отсѣкаемо, исправляемо и замѣняемо здравыми понятіями и вполнѣ достойными человѣка пра-

вилами поведенія. Пастырь имѣетъ дѣло въ семъ случаѣ еще не съ тѣми высшими потребностями христіанъ, которыя однѣ можно назвать въ собственномъ смыслѣ духовными; но весьма важно распространять въ народѣ здравыя понятія и о томъ, что прилично и неприлично каждому не только какъ христіанину, но и какъ человѣку, что справедливо и ложно, честно и безчестно, полезно или вредно не только по указанію Евангелія, но и по законамъ здраваго смысла. Что пастырь долженъ обращаться и къ естественной нравственности, это нисколько не должно быть удивительнымъ. Не только какъ руководителю, но и какъ проповѣднику, ему весьма полезно начинать исправленіе своихъ слушателей раскрытіемъ и возбужденіемъ въ нихъ естественнаго чувства добра и самоуваженія, чтобы постепенно возводить ихъ къ высшимъ, собственно христіанскимъ добродѣтелямъ. Но на каѳедрѣ это не такъ удобно; а при самомъ обращеніи съ пасомыми это и весьма удобно и можетъ быть весьма благоплодно. На нѣкоторыхъ этимъ только сначала и можно подѣйствовать. Да и вообще, если бы раскрыть естественное чувство добра и здравый смыслъ въ человѣкѣ до того, чтобы одно слово: »это низко, стыдно для человѣка, — это прилично только безсловесной твари«, — заставляло его на самомъ дѣлѣ стыдиться и гнушаться недостойныхъ поступковъ; то этимъ проложенъ былъ бы прекрасный путь къ самому совершенству христіанскому. Итакъ пастырь долженъ внимательно заниматься тѣмъ, какъ ведутъ себя прихожане его въ обыкновенной, обыденной жизни. Пища, питіе, одежда, сонъ, занятія, обращеніе въ домѣ, поведеніе въ обществѣ, а особливо въ церкви, отношенія между равными и неравными, воспитаніе дѣтей, общенія родственныя и дружественныя и под.—все это въ паствѣ подлежитъ смотрѣнію пастырскому, на все это онъ долженъ стараться положить печать чистоты и святости. Этимъ усердно занимались и древніе Отцы Церкви, какъ можно видѣть изъ отеческихъ писаній вообще, а особенно изъ нѣкоторыхъ, каково, напримѣръ, сохранившееся до нашего времени твореніе древнѣйшаго христіанскаго писателя Климента Александрійскаго, извѣстное подъ именемъ —*Педагогъ* (См. Воскр. Чтен. г. XIV, стр. 136).

в) Но преимущественно вниманіе и попеченіе пастыря, какъ руководителя пасомыхъ, должно быть обращено, какъ замѣчено уже выше, на собственно духовную жизнь ввѣренныхъ ему христіанъ. Правая вѣра и служеніе Богу духомъ и истиною, повиновеніе законамъ и уставамъ святой православной Церкви Христовой, безусловная сыновняя преданность волѣ Божіей, молитва домашняя и общественная, подвиги внутренняго очищенія сердца и дѣла христіанскаго человѣколюбія, и подоб.. вотъ предметы, на которые всегда долженъ быть устремленъ взоръ пастыря при дѣятельномъ воспитаніи имъ пасомыхъ. Вѣнецъ хвалы его, когда онъ образуетъ у себя истинныхъ сыновъ благочестія, когда духъ Евангелія Христова и св. Церкви сдѣлаетъ духомъ народа, когда въ паствѣ его, какъ въ вертоградѣ Божіемъ, произрастутъ райскіе плоды истинно христіанскаго любомудрія и чистоты. Конечно, пастырь не всегда и не отъ всѣхъ можетъ требовать подвижнической жизни: паства — не обитель, міръ — не безмолвное убѣжище, мірской человѣкъ обязанъ многими заботами, подверженъ многимъ развлеченіямъ, окруженъ многими искушеніями и соблазнами; по этому надобно быть всегда благоразумнымъ и снисходительнымъ въ духовныхъ требованіяхъ отъ мірянъ: но и ни на какое отступленіе отъ евангельскихъ заповѣдей не должно смотрѣть равнодушно, ни для кого

не должно быть слишкомъ уступчивымъ, чтобъ не потакать произвольнымъ слабостямъ христіанина и не позволять ему ни въ какомъ случаѣ мириться со грѣхомъ, какъ будто съ неодолимымъ противникомъ. Истинный пастырь Христовъ, снисходя къ немощнымъ и не простирая жезла безъ различія на всякаго прегрѣшающаго, не упуститъ однакоже изъ вида ничего, что противно духу благочестія христіанскаго и вредитъ дѣлу спасенія духовныхъ чадъ его: пользуясь временемъ, онъ поспѣшитъ исправить заблужденіе, пробудить совѣсть, разоблачить нерадѣніе и проч.; по крайней мѣрѣ, онъ употребитъ для этого все, что можетъ, и не отступитъ, пока не исполнитъ своего долга.

6) Какія условія надлежащаго и успѣшнаго руководствованія пасомыхъ? — Кромѣ общихъ условій или качествъ, потребныхъ со стороны пастыря для всего вообще служенія его (см. Паст. Богосл. Кіевъ 1851. стр. 27 и д. 77 и д.), укажемъ здѣсь на нѣкоторыя особенныя, необходимыя преимущественно въ разсматриваемомъ нами видѣ пастырскаго служенія. Это —

а) ближайшее знаніе паствы. Знаніе это, конечно, пріобрѣтается уже на самомъ служеніи и можетъ возрастать только по мѣрѣ самаго обращенія и дѣятельности пастыря въ приходѣ: но ему необходимо скорѣе приступить къ самому внимательному наблюденію надъ тѣмъ, что отличаетъ и характеризуетъ врученную ему паству. Новопоступающій священникъ не долженъ вдругъ приниматься за духовное руководствованіе прихожанъ, пока, такъ сказать, не осмотрится хорошо на мѣстѣ, не различитъ довольно ясно и обстоятельно, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, каковы овцы стада его, куда они привыкли ходить и чего искать и проч. Безъ этого едва ли позволительно дѣлать ему какія нибудь увѣщанія, тѣмъ паче— обличенія пасомымъ, хотя бы съ перваго раза бросались въ глаза какіе нибудь недостатки ихъ, вызывающіе на замѣчанія и вразумленія. Справедливо, что познаніе прихода предваряется познаніемъ человѣка вообще, что въ паствѣ, принимаемой нами въ духовное управленіе и руководствованіе, какова бы она ни была, тѣже люди, что и вездѣ: но не менѣе справедливо и то, что не зная отличительныхъ свойствъ того именно человѣка или народа, предъ которымъ мы поставлены, мы всегда подвергаемся опасности не только быть менѣе полезными ему и не такъ хорошо быть принятыми отъ него, но и дѣйствовать совершенно вопреки собственной цѣли нашей; ибо различныя обстоятельства, видоизмѣняя жизнь человѣка, видоизмѣняютъ и наше вліяніе на него. Потому-то и въ обыкновенной жизни, говоря со всѣми какъ съ людьми, мы однакожъ иначе говоримъ съ однимъ и иначе съ другимъ человѣкомъ. И самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ иначе бесѣдовалъ съ народомъ, иначе съ книжниками и фарисеями, иначе съ учениками своими и проч. Равнымъ образомъ св. ап. Павелъ съ іудеями былъ какъ іудей, съ еллинами какъ еллинъ и т. д. И каждый пастырь обязанъ наперед узнать, кого онъ долженъ руководить, а потомъ уже— какъ руководить. Руководствованіе это не одинаково можетъ быть въ городѣ и въ деревнѣ, въ странѣ земледѣльческой и промышленной, въ народѣ съ простыми и неиспорченными нравами и въ народѣ изнѣженномъ, растлѣнномъ духовно и тѣлесно. Всегда найдется различіе и между приходами, у которыхъ обстоятельства общія, напримѣръ, между приходами одинаково промышленными, или одинаково земледѣльческими и под. Ближайшее знакомство съ частными лицами должно быть непремѣнно предварено надлежащимъ знакомствомъ съ цѣлымъ

обществомъ. Особенно пастырь долженъ знать религіозное состояніе, въ какомъ переданъ ему приходъ, и на первый разъ обратить вниманіе, по крайней мѣрѣ, на то, что имѣетъ какую нибудь особенную важность; съ теченіемъ же времени ему надобно постоянно изучать самыя подробности въ этомъ отношеніи, и чѣмъ полнѣе будетъ его знаніе, тѣмъ успѣшнѣе можетъ быть его дѣло. Отсюда, замѣтимъ кстати, видна польза долговременнаго пребыванія одного пастыря на одномъ приходѣ.

б) Стараніе войти въ довѣренность и любовь прихожанъ. Довѣренность и любовь пасомыхъ пріобрѣтаются самою попечительностію объ нихъ пастыря; но и на оборотъ, попечительность пастырская требуетъ для успѣшнаго дѣйствія своего довѣренности и любви руководимыхъ, и потому пастырю надобно прилагать нарочитое стараніе о добромъ расположеніи къ себѣ народа. Для этого есть средства положительныя и отрицательныя. Положительныя средства состоятъ вообще въ истинныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ пастыря, также въ его всегдашней степенности и искренности, особенно же въ его нелицемѣрной любви къ пасомымъ, которая сама собою, собственною силою своею будетъ привлекать къ нему сердца ихъ. Средства отрицательныя: надобно тщательно избѣгать всякаго столкновенія съ матеріальными интересами прихожанъ, равнымъ образомъ, уклоняться отъ сближенія съ ними въ собраніяхъ и на вечеряхъ ихъ, рѣшительно ничего не домагаться въ какую нибудь обиду имъ, но охотно уступать иногда и свои права, по слову апостольскому: *почто не паче обидими есте; почто не паче лишени бываете* (1 Кор. 6, 7),—только бы это не переходило въ слабость, ободряющую наглыхъ и безстыдныхъ, и въ недостойную зависимость пастыря отъ прихотей пасомыхъ; наконецъ, хорошо было бы, гдѣ только это возможно, жить независимо отъ прихода въ матеріальномъ отношеніи и не пользоваться ни постоянными, ни случайными отъ него доходами; а когда это невозможно, то, по крайней мѣрѣ, должно всячески остерегаться притязаній на большіе доходы, отклонять отъ себя всякое подозрѣніе въ неравнодушіи къ стяжаніямъ, въ неудовольствіи за малыя приношенія и въ какой нибудь угодливости за большія, и проч. Короче: любовь въ душѣ и истинное благородство въ обращеніи — вотъ чѣмъ привлекается нами любовь и довѣренность другихъ!

(Продолженіе будетъ).

МЫСЛИ НАПОЛЕОНА 1-го О БОЖЕСТВѢ ИИСУСА ХРИСТА, ВЫСКАЗАННЫЯ НА ОСТРОВѢ СВ. ЕЛЕНЫ (*).

Одинъ изъ генераловъ Наполеона разсуждалъ однажды съ нимъ о божествѣ Спасителя. Наполеонъ отвѣчалъ: »я знаю людей, генералъ, и говорю вамъ, что Іисусъ не есть просто человѣкъ. Поверхностные умы видятъ сходство между Христомъ и основателями государствъ, завоевателями и богами другихъ религій. Этого сходства нѣтъ. Между христіанствомъ и какой бы то ни было религіей разстояніе безконечное.

»Всякій рѣшитъ вопросъ такъже, какъ я,

(*) Sentim. de Napoléon sur le Christ. Ch. IV. См. Catech. de perseverance par l'Abbé I. Gaume, T. III. leçon XIV.

если только будетъ имѣть истинное познаніе вещей и наблюдалъ людей. Кто изъ насъ, генералъ, разсуждая о различныхъ вѣрованіяхъ народовъ, не могъ бы сказать прямо ихъ изобрѣтателямъ: нѣтъ, вы не боги и не избранники Божіи, вы не уполномоченные посланники неба. Вы составлены изъ той же земли, какъ и прочіе смертные; вы дѣйствуете имѣя всѣ страсти и пороки до того, что надлежало и ихъ обожать вмѣстѣ съ вами; ваши храмы и жрецы сами не провозглашаютъ ли ваше происхожденіе? Гнусныя басни, гніющіе идолы — вотъ ваши религіи и боги, и можно ли все это сравнивать съ христіанствомъ?

»Что касается до меня, я говорю: нѣтъ. Я вижу въ Ликургѣ, Нумѣ, Конфуціѣ, Магометѣ законодателей, но ничего такого, въ чемъ бы видна была ихъ божественность: они сами такъ далеко не простирали своихъ притязаній. Они первенствовали въ свое время, также какъ и я. Ничто не показываетъ въ нихъ существъ божественныхъ; напротивъ, я вижу множество отношеній между ими и мною. Мы сходны, слабости и заблужденія сближаютъ ихъ со мною и со всѣми людьми.

»Совсѣмъ не то нахожу я во Христѣ. Все въ Немъ меня изумляетъ: Его умъ превыше меня, предъ Его волей я смиряюсь. Между Имъ и кѣмъ бы то ни было на свѣтѣ не нахожу никакого сравненія. Это существо особенное. Его рожденіе, Его жизнь, Его смерть, глубина Его ученія, въ которомъ видимъ величайшія трудности и вмѣстѣ самое дивное разрѣшеніе ихъ, особенность этого таинственнаго существа, Его власть, Его дѣйствіе въ продолженіе вѣковъ и царствъ, — все для меня чудо, и какая то неизслѣдимая тайна погружаетъ меня въ размышленіе, изъ котораго не могу выйти, тайна, которая здѣсь такъ очевидна, что я не могу ее отвергнуть, но не могу и изъяснить. Здѣсь я не вижу ничего человѣческаго.

Вы говорите о Кесарѣ и Александрѣ, о ихъ побѣдахъ и объ энтузіазмѣ, который они умѣли возбуждать въ сердцѣ воина для увлеченія его въ отважные походы: но здѣсь должно имѣть въ виду силу любви воина, превосходство генія, дѣйствіе побѣды и военной дисциплины и слѣдствіе искуснаго начальствованія. Но сколько лѣтъ удерживалась власть Кесаря? сколько времени удерживался энтузіазмъ воиновъ къ Александру? Они производили свое очарованіе день, часъ, когда они распоряжали движеніе войска, и сообразно съ случайностями войны. Еслибы побѣда оставила ихъ, думаете ли вы, чтобъ энтузіазмъ ихъ тотчасъ не прекратился? Я спрашиваю васъ: военное вліяніе Кесаря и Александра кончилось ли, или нѣтъ, съ ихъ жизнію? Продолжалось ли оно послѣ ихъ смерти?

»Можете ли вы представить себѣ вождя умершаго, но совершающаго побѣды воинствомъ вѣрнымъ и совершенно преданнымъ его памяти? Можете ли вы вообразить существо незримое, имѣющее воиновъ безъ жалованья, безъ надеждъ въ этомъ мірѣ, и которое воодушевляло бы ихъ къ перенесенію всякаго рода лишеній? Тѣло Тюреня еще не остыло, какъ армія его сняла станъ свой предъ Монтекукулли, а мои арміи забываютъ меня еще живаго, какъ карѳагенское воинство поступило съ Аннибаломъ! Вотъ какова власть у насъ — великихъ людей! Одно проигранное сраженіе ниспровергаетъ насъ и отнимаетъ у насъ друзей. Сколько іудъ я видѣлъ вокругъ себя!...

»Наконецъ, и вотъ мое послѣднее доказательство: нѣтъ Бога на небѣ, если простой человѣкъ могъ измыслить и выполнить съ совершеннымъ успѣхомъ исполинское намѣреніе обратить на себя верховное поклоненіе, усвоивъ себѣ имя Божіе. Одинъ Іисусъ могъ это сдѣлать. Онъ одинъ сказалъ ясно самъ

о Себѣ и подтвердилъ спокойно, что Онъ Богъ, и Богъ не въ какомъ либо смыслѣ ограниченномъ. Исторія не показываетъ намъ другаго лица, которое приписывало бы себѣ имя Бога въ значеніи самомъ неограниченномъ. Но вотъ Іудей, котораго существованіе не подлежитъ никакому сомнѣнію, Онъ одинъ, сынъ тектона, объявляетъ Себя Богомъ. существомъ верховнымъ, создателемъ всѣхъ тварей. Онъ привлекаетъ Себѣ высочайшее поклоненіе. Онъ создаетъ свой храмъ не изъ камней, а изъ людей!... И какое чудо, превышающее всѣ чудеса! Онъ ищетъ любви людей, то есть, того, чего труднѣе всего достигнуть въ мірѣ, и успѣваетъ совершенно въ этомъ. Вотъ изъ чего я заключаю о божествѣ Его. Александръ, Кесарь, Аннибалъ не имѣли этого успѣха. Они покорили свѣтъ и не могли найти ни одного друга. Я можетъ быть одинъ, въ наше время, люблю Аннибала, Кесаря, Александра. Правда, мы любимъ дѣтей своихъ: но сколько неблагодарныхъ дѣтей! Ваши дѣти любятъ ли васъ, генералъ? Вы ихъ любите, но не увѣрены въ ихъ взаимности.

»Христосъ проповѣдуетъ, и всѣ поколѣнія связуются съ Нимъ узами тѣснѣйшими и ближайшими самыхъ узъ крови, единеніемъ священнѣйшимъ всякаго другаго... Всѣ тѣ, которые вѣруютъ въ Него искренно, чувствуютъ эту высокую любовь, которой и время, этотъ великій истребитель, не можетъ ослабить силы, ни ограничить продолженія. Я, Наполеонъ, этому наиболѣе дивлюсь, потому что часто разсуждалъ объ этомъ, и вотъ что доказываетъ мнѣ рѣшительно божество во Христѣ!

»Я вдыхалъ страсть въ толпы. которыя умирали за меня. Сохрани меня Богъ дѣлать какое либо сравненіе между восторгомъ моихъ воиновъ и любовію христіанскою, которые также различны, какъ и причины ихъ! Но нужно было мое присутствіе, электричество взгляда моего, мой голосъ, мое слово, и тогда только священный огонь зажигался въ сердцахъ. Дѣйствительно я владѣю тайною этого магическаго могущества, возвышающаго души, но я не могу сообщить ее никому; ни одинъ изъ моихъ генераловъ не принялъ ее отъ меня и не усвоилъ себѣ, и у меня нѣтъ силы увѣковѣчить мое имя и любовь ко мнѣ въ сердцахъ людей.

»Теперь, когда я на островѣ св. Елены... теперь, когда я одинъ пригвожденъ къ этой скалѣ, кто сражается и побѣждаетъ государства для меня? Кто ищетъ у меня милостей при моемъ бѣдствіи? Думаютъ ли обо мнѣ въ Европѣ? Кто остался мнѣ вѣренъ? Гдѣ друзья мои? Такъ, вы два или три—да будетъ увѣковѣчена вѣрность ваша—вы раздѣляете мое изгнаніе«.

Здѣсь голосъ императора принялъ особенное выраженіе иронической меланхоліи и глубокой скорби: »такъ, мое существованіе блестѣло полнымъ свѣтомъ короны и верховной власти, а ваше, генералъ, отражало этотъ блескъ, какъ куполъ дома инвалидовъ отражаетъ лучи солнца... Но обстоятельства измѣнились. золото стерлось. Дождь бѣдствій и оскорбленій. который льется на меня каждый день, уноситъ послѣднія частицы моей славы. Мы ничего болѣе. какъ олово, генералъ, и скоро я буду землей...

»Такова судьба великихъ людей—Кесаря, и Александра, насъ забываютъ и со временемъ имя завоевателя, какъ и имя императора, будетъ только предметомъ школы. Наши дѣла подвергнутся сужденію педанта. который будетъ хвалить или хулить насъ!... Еще минута, и—вотъ судьба моя, вотъ что случится со мною.... Замученный олигархіей Англичанъ, я умираю преждевременно и мой трупъ будетъ преданъ землѣ, чтобы содѣлаться пищей червямъ. Вотъ близкая судьба вели-

каго Наполеона! — Какая бездна между моей глубокой немощью и вѣчнымъ царствомъ Христа, котораго проповѣдуютъ, благоговѣйно чтутъ, любятъ, боготворятъ во всей вселенной!... Назвать ли это смертію? Не скорѣе ли это жизнь? Такова смерть Христа! Такова смерть Бога!»

Императоръ умолкъ, и когда генералъ также хранилъ молчаніе, Наполеонъ присовокупилъ: «если вы не уразумѣли, что Іисусъ Христосъ есть Богъ, то я ошибся, сдѣлавши васъ генераломъ»!

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

97) Умъ не покорится Богу, если тѣло не покорено душѣ. Покореніе же тѣла душѣ свидѣтельствуется постомъ, бдѣніемъ, трудомъ, и проч., какъ часто въ разныхъ мѣстахъ я писалъ о семъ въ книгѣ сей.

98) Кто покоритъ себя Богу, тотъ близокъ къ царствію Его. Въ чемъ же состоитъ сіе покореніе и такъ называемое самоотверженіе? — Самоотверженіе состоитъ въ томъ, чтобъ монахъ такъ настроилъ себя, какъ осужденный, которому опредѣлилъ царь отрубить голову. Человѣкъ сей, въ тотъ часъ, не печется ни о женѣ, ни о дѣтяхъ, ни о матери, ни объ отцѣ, ни о другой какой вещи мірской, но весь умъ его занятъ мыслію о смерти, и нѣтъ въ помыслѣ его, что онъ имѣетъ еще какую часть въ жизни. Воспріими и ты, добрая сестра моя, такое помышленіе, и убезмолвясь, говори сама себѣ: буду ли жива я завтра? Но что же я сдѣлала, и что есть у меня добраго?—Какъ имѣю изыти изъ тѣла?— Какъ предстану Христу?—Оправдаетъ ли меня Богъ, или осудитъ на мученія?—Если будешь помышлять такъ каждый день, то наконецъ безъ труда придетъ къ тебѣ отъ Бога безмолвіе. — Какую пользу принесетъ тебѣ обращеніе съ людьми? — Никакой. А вредъ оно причинитъ великой. Потому я часто внушаю тебѣ и толкую: не гоняйся за тлѣннымъ и нечистымъ, какъ малое дитя за играми; но какъ мудрая душа и совершенная раба Божія, въ безмолвіи твори заповѣди Божіи, чтобы по исходѣ твоемъ Господь воспріялъ тебя въ вѣчные кровы. Отынѣ, добрая сестра моя, вопій, взывай съ воздыханіями и слезами, и твори то, что упокоиваетъ Бога. А упокоиваютъ Его постъ, бдѣніе, безмолвіе, молчаніе, молитва, чтеніе, скудость и смиреніе. Если сохранишь сіе немногое, то благодатію Христовою войдешь въ царствіе небесное; если же презришь сіе малое, то я не говорю тебѣ болѣе: сама за себя дашь отвѣтъ.

99) Есть и другой чинъ мудрый и Богу любезный — не озирать глазами туда и сюда, подобно имѣющимъ въ себѣ бѣса, но всегда внимать тому, что впереди; не празднословить, но высказывать только нужное, довольствоваться скуднымъ одѣяніемъ, — только для прикрытія тѣла, и скудною пищею, — только для поддержанія его, и не работать чревоугодію. Бѣги отъ дерзости, какъ отъ смерти. Гдѣ бы ни пришлось тебѣ спать, всячески старайся, чтобъ никто не видалъ тебя. Неплюй напередъ, но если случится тебѣ кашлять, когда сидишь средн другихъ женъ, обратись назадъ и откашляйся съ скромностію. Ѣшь и пей, какъ прилично чадамъ Божіимъ, т. е. немного, да сохранится цѣломудріе твое.

Не соблюдающій сего немногаго не есть ни сынъ Божій, ни рабъ, но слуга діавола, хочетъ ли онъ того, или не хочетъ.

100) Со всѣми бесѣдуй съ кротостію, и на всѣхъ смотри со стыдѣніемъ, но ни на комъ не останавливай долго очей своихъ: ибо это означаетъ необузданность. Никого ни обличай во грѣхѣ, но одну себя осуждай всегда, и тѣмъ избавишься отъ грѣха осужденія. Если будешь вынуждена улыбнуться, смотри, чтобы не были видны зубы твои: ибо мужъ мудрый, какъ говоритъ Соломонъ, тихо и едва замѣтно улыбается, а глупый и неразумный въ смѣхѣ возвышаетъ гласъ свой. Бѣгай мужчинъ, какъ огня и змія, и какъ сѣти діавола, бѣгай бесѣды съ ними, соводворенія и видѣнія ихъ. Отъ всякаго человѣка скрывай тайны свои, дѣла свои и брани, коими боретъ тебя врагъ, кромѣ духовнаго отца своего. Никогда не сиди безъ мантіи, и всегда стыдись хранящаго тебя ангела. Понудь себя пребыть въ безмолвіи до самой смерти, да прославитъ Господь душу твою въ день суда. Лучше тебѣ быть со зміемъ и аспидомъ, нежели сидѣть и бесѣдовать съ мужчиною, хотя бы то былъ и монахъ. Говорю тебѣ, добрая сестра моя и госпожа, то, что нашелъ въ душеспасительныхъ писаніяхъ, въ чемъ самъ былъ искушенъ, и что претерпѣлъ, принявъ неисчетныя раны отъ діавола. И плодного почти слова я не написалъ тебѣ въ книгѣ сей, чего бы не испыталъ самъ, и чему бы не былъ наученъ опытомъ. Думаю, что и тебѣ не безизвѣстно одно изъ многочисленныхъ моихъ искушеній. Все сіе я написалъ здѣсь для того, чтобы и ты благодатію Христовою, остерегаясь того, содѣлалась обиталищемъ сладчайшаго Іисуса Христа, Бога нашего. Если ты точно соблюдешь сіи предосторожности и всегда будешь занята помышленіемъ о Богѣ, въ добромъ безмолвіи твоемъ: то по истинѣ душа твоя узритъ въ себѣ свѣтъ Божій, который во вѣки не помрачится въ ней.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 5-го Октября 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 31.

НЕДѢЛЯ 23 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

3 Ноября 1857 г.

Глас ъ 6-й.

На утрени евангеліе воскресное 1-е, Матѳ. зач. 116. На литургіи: апост. Ефес. зач. 220, евант. Лук. зач. 38.

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА, ПАПЫ РИМСКАГО

о томъ,

ЧТО ПРОПОВѢДНИКЪ, ИСПОЛНИВЪ ВСЕ ДОЛЖНОЕ, ОБЯЗАНЪ ОБРАЩАТЬ ВНИМАНІЕ НА САМАГО СЕБЯ, ДАБЫ НЕ НАДМЕВАТЬСЯ НИ ЖИЗНІЮ, НИ ПРОПОВѢДЬЮ (*).

Такъ какъ часто бываетъ, что проповѣдь, достодолжнымъ образомъ обильно изливающаяся, надмеваетъ духъ самаго проповѣдника тайною радостію о своемъ отличіи: то онъ долженъ со всѣмъ тщаніемъ обуздывать себя страхомъ, чтобы, врачуя язвы другихъ и призывая ко спасенію, самому по нерадѣнію не отпасть отъ собственнаго спасенія, помогая ближнимъ, не забыть себя, возстановляя другихъ, не пасть самому. Ибо нерѣдко высота добродѣтели бываетъ для иныхъ причиною погибели, когда, надѣясь на свои силы, они слишкомъ предаются безпечности, и по нерадѣнію внезапно погибаютъ. Когда добродѣтель противоборствуетъ порокамъ, тогда душа невольно увлекается нѣкоторымъ чувствомъ самоуслажденія и производитъ то, что умъ добродѣтельнаго отвергаетъ страхъ осмотрительности и предается покою въ безпечной самоувѣренности. Тогда-то хитрый искуситель исчисляетъ предъ нимъ, предавшимся бездѣйствію, все, что онъ сдѣлалъ добраго и какъ бы превосходнаго предъ прочими, и надмеваетъ его помыслъ гордостію. Отсюда выходитъ, что, предъ очами праведнаго Судіи, памятованіе о собственной добродѣтели есть сѣть для души, — потому что, вспоминая о сдѣланномъ, онъ возвышается предъ самимъ собою, но унижается предъ Наставникомъ смиренія. По сему-то горделивой душѣ гово-

(*) Regul. pastoral. pag. III. c. XLI.

рится: *кого лучше еси ты? сниди и лязи съ необрѣзанными* (Iезек. 32, 21). Симъ какъ бы такъ говорится: поелику ты надмеваешься красотою добродѣтелей, то самою красотою твоею подаешь поводъ къ паденію. Подъ видомъ Iерусалима порицается душа, гордящаяся добродѣтелью, когда говорится: *изыде имя твое во языки въ добротѣ твоей: зане совершенно бѣ лѣпотою во красотѣ, юже учинихъ на тебѣ, глаголетъ Адонаи Господь. Ты же уповала еси на доброту твою и соблудила еси во имени твоемъ* (Iезек. 16, 14. 15). Душа надмевается увѣренностію въ красотѣ своей, когда, радуясь о своихъ добродѣтеляхъ, тщеславится сама предъ собою безопасностію своего положенія. Но этою самою увѣренностію она доводится до блуженія: поелику, когда уловленный умъ обольщается самомнѣніемъ, тогда духи злобы растлѣваютъ его, соблазняя безчисленными пороками. Нужно еще замѣтить, что значитъ — *соблудила еси во имени твоемъ*: когда умъ, забывъ благоговѣніе къ верховному Правителю, ищетъ собственной похвалы и начинаетъ приписывать себѣ все доброе, вмѣсто того, чтобы заслуживать похвалу отъ Подателя всѣхъ благъ; тогда, желая распространить свою славу, онъ старается всѣмъ казаться удивительнымъ. Итакъ блудитъ умъ въ свое имя, когда, оставляя ложе законнаго супружества, желаніемъ похвалы предаетъ себя духу растлителю. Посему Давидъ говоритъ: *предаде въ плѣнъ крѣпость ихъ и доброту ихъ въ руки враговъ* (Пс. 77, 61). Предается въ плѣнъ крѣпость и доброта въ руки враговъ, когда исконный врагъ овладѣваетъ умомъ, уловленнымъ надменностію отъ добрыхъ дѣлъ. Таковая надменность добродѣтелью, хотя не побѣждаетъ вполнѣ, однако часто искушаетъ и души избранныхъ; но когда надменный оставляется Богомъ, тогда оставленный снова обращается къ страху. Такъ Давидъ опять говоритъ: *азъ рѣхъ во обиліи моемъ, не подвижуся во вѣкъ* (Пс. 29, 7). Но поелику, положившись на свою добродѣтель, онъ впалъ въ превозношеніе, то не много послѣ прибавилъ: *отвратилъ еси лице Твое и быхъ смущенъ* (Пс. 29, 8). Какъ бы такъ говоритъ онъ: я считалъ себя сильнымъ въ добродѣтели, но теперь узналъ, какой немощи я подверженъ. И посему еще говоритъ: *клялся и поставихъ сохранити судбы правды твоея* (Пс. 118, 106). Но поелику не былъ онъ въ силахъ сохранить, какъ клялся, то тотчасъ въ смущеніи призналъ свою немощь и немедленно прибѣгъ къ помощи молитвы, говоря: *смирихся до зѣла: Господи, живи мя по словеси твоему* (Пс. 118, 107).

Иногда и верховная Премудрость, прежде нежели возвышаетъ человѣка дарованіями, возбуждаетъ въ умѣ памятованіе немощи, дабы онъ не надмевался полученными совершенствами. Посему-то пророкъ Iезекіиль каждый разъ, когда призывается къ созерцанію небеснаго, прежде называется *сыномъ человѣческимъ*. Господь этимъ какъ бы наставлялъ его, говоря: не надмевайся сердцемъ отъ того, что видишь, но внимательно разсуждай о себѣ, кто ты; проникая въ горнее, помни, что ты человѣкъ, и когда бываешь въ восхищеніи, обращайся съ заботливостію къ самому себѣ, какъ бы уздою — мыслію о своей немощи. Посему, когда насъ обольщаетъ мнѣніе объ избыткѣ добродѣтелей, тогда око ума нашего должно обращаться къ созерцанію своей немощи, и спасительно преклонить себя долу, имѣя въ виду не то, что мы хорошо сдѣлали, но то, что пренебрегли сдѣлать, дабы такимъ образомъ сердце, сокрушенное памятованіемъ немощи, сильнѣе укрѣплялось въ добродѣтели предъ Наставникомъ смиренія. Для сего-то иногда и всемогущій Богъ, хотя съ одной стороны

одаряетъ душу пастырей многими совершенствами, но съ другой стороны оставляетъ въ нихъ нѣчто и несовершенное, дабы, блистая дивными дарованіями, они въ тоже время смирялись скорбію о своемъ несовершенствѣ, не превозносились великимъ, когда еще не въ силахъ бороться противъ малаго, и не будучи въ состояніи побѣдить самаго незначительнаго, не дерзали гордиться чрезвычайными дѣлами.

РѢЧЬ

ПРИ ВСТРѢЧѢ, ВЪ КІЕВОПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРѢ, ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА И БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ СУНОДАЛЬНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ФИЛАРЕТОМЪ, МИТРОПОЛИТОМЪ КІЕВСКИМЪ И ГАЛИЦКИМЪ,
3-го Октября 1857 года.

Благословенъ Господь Богъ, вложившій въ сердце Вашихъ Величествъ святое желаніе начало царствованія Твоего, Благочестивѣйшій Государь, ознаменовать посѣщеніемъ древней матери градовъ Россійскихъ — сего хранилища отечественной святыни — сего Россійскаго Іерусалима!

Отсюда возсіялъ животворный свѣтъ вѣры христіанской и озарилъ всѣ предѣлы отечества нашего. Здѣсь, по всеблагому промыслу Божію, утверждено православіе въ непоколебимое основаніе просвѣщенія, благоденствія и славы Россіи.

Не одни мы грѣшные срѣтаемъ Ваши Величества съ вѣрноподданническимъ сердцемъ: вѣруемъ и исповѣдуемъ — пріемлетъ Васъ въ матернія объятія свои пресвятая Матерь Божія въ семъ святомъ, небеси подобномъ домѣ своемъ, съ предкомъ Вашимъ Равно-апостольнымъ Княземъ Владиміромъ и съ сонмомъ преподобныхъ Отецъ Печерскихъ. Вся Россія, съ благоговѣніемъ взирая на сей благочестивый подвигъ Вашъ, пламенныя возсылаетъ молитвы ко всевышнему Царю царствующихъ, да благословитъ царствованіе Ваше благословеніемъ мира, долгоденствія и благоденствія во славу пресвятаго имени Своего.

О ПРАЗДНОВАНІИ ВОСКРЕСНАГО ДНЯ.

письмо 5-е.

Перехожу къ другой сторонѣ моего предмета — къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя влечетъ за собою пренебреженіе дня Господня. — Не касаясь всѣхъ сторонъ общественной жизни, я постараюсь указать эти послѣдствія только съ тѣхъ сторонъ, которыя, по моему мнѣнію, имѣютъ наиболѣе важности и значенія, т. е. со стороны благочестія, земнаго благосостоянія и здоровья, но предварительно считаю необходимымъ указать на одно важное заблужденіе относительно заповѣди о покоѣ седьмаго дня.

Многіе думаютъ, что заповѣдь эта по существу своему безразлична и есть не болѣе, какъ заповѣдь обрядовая и второстепенная, не обязывающая человѣка безусловно: но это мнѣніе совершенно ошибочно и измышлено или невѣденіемъ, или же обыкновенною невнимательностію къ предметамъ вѣры. Во всемъ сводѣ заповѣдей Господнихъ нѣтъ,

напротивъ, заповѣди, которая была бы такъ часто повторяема Богомъ и такъ строго внушаема, какъ заповѣдь объ освященіи седьмаго дня. Чтобы убѣдиться въ первомъ, стоитъ только обратить вниманіе на то, что она появилась въ раю прежде всѣхъ другихъ заповѣдей, пережила допотопное нечестіе, уцѣлѣла, по особенному смотрѣнію Божію, у всѣхъ почти народовъ, не смотря на разсѣяніе ихъ, повторена потомъ на Синаѣ въ числѣ основныхъ заповѣдей, и въ слѣдъ за тѣмъ проповѣдана устами почти всѣхъ богодухновенныхъ мужей — отъ Моисея до Малахіи, наконецъ, подтверждена и провозглашена съ упраздненнаго гроба воскресшаго Спасителя. Въ одномъ законодательствѣ Моисея подтвержденіе о праздновании седьмаго дня встрѣчается до 12 разъ, не говорю уже о послѣдующихъ пророкахъ: Исаіи, Іереміи, Іезекіилѣ, Осіи, Амосѣ и другихъ. Ужели жъ заповѣдь второстепенная могла составлять предметъ такой постоянной, никогда не умолкаемой проповѣди въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій? — Вникая, съ другой стороны, въ сущность заповѣди о посвященіи Богу седьмаго дня, мы видимъ, что она отнюдъ не есть ни простой совѣтъ, которому можно слѣдовать и не слѣдовать, ни такая заповѣдь, исполненіе которой отнесено на волю каждаго и отъ которой можно уволить себя по собственному усмотрѣнію и произволу; напротивъ, эта заповѣдь — одна изъ главныхъ и основныхъ, за нарушеніе которой Богъ отмщеваетъ смертію. Припоминаю здѣсь одинъ только случай, происшедшій во время странствованія Израильтянъ въ пустыни. Однажды, въ субботній день нѣкоторые изъ нихъ замѣтили человѣка, собиравшаго дрова, и привели его къ Моисею. Законодатель израильскій, котораго св. Писаніе называетъ кротчайшимъ изъ человѣковъ, не зналъ какъ поступить съ нимъ и отдалъ его подъ стражу, *не совѣщаша бо что сотворятъ ему* (Числ. 15, 34). Что же Богъ? Какой произноситъ Онъ судъ надъ нарушителемъ заповѣди своей? *Смертію да умретъ человѣкъ сей и да побіете его каменіемъ весь сонмъ* (с. 35), то есть — Онъ назначаетъ туже казнь за оскорбленіе святаго дня, какую назначилъ за нарушеніе главныхъ заповѣдей закона своего. — Не удивительно послѣ сего, что и въ законодательствахъ тѣхъ народовъ, у которыхъ празднованіе седьмаго дня находилось или находится въ уваженіи, встрѣчаются иногда очень строгія наказанія для нарушителей его.

Если, не смотря на строгость наказаній, пренебреженіе священнаго дня усиливалось въ народѣ Божіемъ и изъ семействъ переходило въ общество, такъ что становилось общественной заразой: то ужасныя бѣдствія не замедляли постигать развращенное общество и напоминать ему о святости нарушаемой заповѣди. *Иди*, говорилъ Богъ пророку Іереміи, *и стани во вратѣхъ сыновъ людей твоихъ, имиже входятъ царіе іудины и исходятъ, и речеши къ нимъ: слышите слово Господне царіе іудины, и вся іудея, и весь Іерусалимъ, сія глаголетъ Господь: сохраните души ваши и не носите бремень въ день субботъ, и не исходите враты Іерусалима, и не износите бремень изъ домовъ вашихъ въ день субботный, и всякаго дѣла не творите, освятите день субботный, якоже заповѣдахъ отцемъ вашимъ... и будетъ, аще не послушаете Мене, еже святити день субботный... то зажгу огнь во вратахъ Іерусалима и пожретъ домы и не угаснетъ* (Іер. 17, 19, 20, 27). Такъ угрожалъ Богъ нарушителямъ святости седьмаго дня; но Іуда закрылъ слухъ свой отъ внушеній пророческихъ, и вскорѣ Іерусалимъ и вся Іудея пали подъ мечами Вавило-

нянъ. Долговременный и тягостный плѣнъ образумилъ, повидимому Іудеевъ, но не надолго: вскорѣ таже невнимательность къ святости седьмаго дня обнаружилась среди нихъ: *во днехъ тѣхъ*, говоритъ праведный Неемія, *видѣхъ во Іудѣ топчущихъ точило въ субботу, и носящихъ снопы, и возлагающихъ на ослы и вино и гроздіе и смоквы и всякое бремя, и носящихъ во Іерусалимъ во дни субботныя, и Тиряне обиташа въ немъ, приносяще рыбы и вся продаемыя продающе въ субботы сыномъ іудиныхъ, и обличихъ сыновъ іудиныхъ и рекохъ имъ: что сія вещь злая, юже творите вы и скверните день субботный? Не сія ли сотвориша отцы ваши, и наведе на ны Богъ нашъ и на насъ вся злая сія и на градъ сей, и вы прилагаете гнѣвъ на Израиля, скверняще субботу* (Неем. 13, 15—18). Вотъ какъ смотрѣлъ на заповѣдь о праздновании седьмаго дня богодухновенный возстановитель общественнаго порядка въ Іудеѣ! Вотъ какую важность усвоялъ онъ этому дню!

Но ужели — скажутъ — заповѣдь эта въ существѣ своемъ имѣетъ столь же великую важность и значеніе и для христіанскихъ обществъ? Ужели ока и теперь столько необходима для благосостоянія ихъ нравственнаго и гражданскаго, что законодатели должны ограждать нарушеніе ея строгостію угрозъ и наказаній и всѣми силами стараться о поддержаніи ея?—Отвѣчаю на это, что во всемъ свиткѣ заповѣдей Господнихъ нѣтъ, можно сказать, заповѣди, нарушеніе которой вело бы столько къ нарушенію прочихъ, какъ заповѣдь о посвященіи Богу седьмаго дня. Отмѣните празднованіе его, и—станетъ мало по малу, но замѣтно, упадать познаніе истинъ вѣры, опустѣютъ храмы, упразднится вмѣстѣ съ тѣмъ назиданіе, не будетъ ни общественнаго молитвословія, ни богослуженія; гласъ пастырей и учителей вѣры по необходимости сдѣлается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, погаснетъ за тѣмъ религіозное чувство, словомъ: откроется широкая дверь забвенію Бога и самому невѣрію. Я отнюдъ не преувеличиваю этой печальной картины, но повторяю то, что прежде меня высказали богодухновенные мужи: ибо углубимся въ исторію человѣческихъ обществъ и прислушаемся къ тому богоборному клику, который избирали себѣ дерзновенные смертные всякій разъ, когда самонадѣянно восклицали: *кто намъ Господь есть* (Пс. 11, 5), и въ безуміи силились свергнуть съ себя иго Вышняго. Проповѣдовали ли они прямо открытое безбожіе? Нѣтъ. Деизмъ ли? (*) Нѣтъ. Чувственную ли разнузданность? Нѣтъ, но именно, прежде всего, упраздненіе дней Господнихъ. На всѣхъ знаменахъ, которыя когда либо выставляло невѣріе или нечестіе противу Бога, начертана всегда одна и таже надпись, которую читалъ назадъ тому 3000 лѣтъ Пророкъ Давидъ: *пріидите и отставимъ вся праздники Божія отъ земли* (Пс. 73, 8) (**). Здѣсь сами собою припоминаются мнѣ слова одного христіанскаго мыслителя: »у зла есть свое необманчивое чутье; если не всегда оно разитъ сильно, за то, всегда мѣтко и вѣрно«, то есть (примѣняя эти слова къ моему предмету) оно вѣрно угадываетъ ту заповѣдь, на которой висятъ благочестіе и общественная нравственность и мѣтитъ въ нее прежде всего и паче всего.

Я сказалъ небезотчетно, что пренебре-

(*) Деизмомъ называется такое вѣрованіе, которое признаетъ бытіе Божіе, но отрицаетъ всякое откровеніе.

(**) Тотъ же кликъ слышался и въ опредѣленіи французскихъ демагоговъ, отмѣнившихъ въ прошедшемъ вѣкѣ празднованіе воскреснаго дня. Опредѣленіе отъ 18 жерминаля VII года республики (8 Апрѣл. 1799 года) гласитъ такъ: »календарь *французскій*, вводя во всѣ общины празднованіе декадъ, имѣетъ цѣлію искоренить изъ сердца народа суевѣріе«. Этимъ именемъ они называли празднованіе воскреснаго дня.

женіе дней Господнихъ влечетъ за собою упадокъ познанія истинъ вѣры, потому что основательнымъ и прочнымъ познаніемъ ихъ нельзя еще назвать тѣхъ общихъ и краткихъ свѣдѣній о Богѣ, которыя каждый изъ насъ получаетъ въ дѣтствѣ. Предмемы вѣры глубоки и разнообразны: *заповѣдь Господня широка зѣло* (Пс. 118, 96); свѣдѣнія же эти, всегда далеко неполныя, весьма часто заучиваемыя только, но худо или вовсе не понимаемыя и слѣдовательно перенимаемыя только поверхностно, неизбѣжно забываются легко и очень скоро въ шумѣ мастерскихъ, въ школьномъ разсѣяніи и особенно въ соприкосновеніи съ свѣтскими обществами, коихъ правила, привычки и занятія вовсе противны духу Христову и, кажется, прямо направлены къ тому, чтобы затмить, а иногда и совсѣмъ истребить религіозное чувство въ человѣкѣ.—Если, поэтому, вышедши изъ лѣтъ дѣтства, человѣкъ оставляетъ посѣщеніе храмовъ и пренебрегаетъ изученіемъ истинъ вѣры (которымъ большая часть и можетъ только поучаться въ храмѣ, при богослуженіи): то есть опасность, что въ немъ очень скоро вовсе истребятся благія семена религіозныхъ понятій и чувствъ.—Сколько разъ, въ самомъ дѣлѣ, встрѣчалъ я людей достигшихъ уже почтенныхъ лѣтъ, которые, бывъ спрошены о самыхъ общихъ предметахъ боговѣдѣнія, съ сожалѣніемъ отвѣчали: »да, когда-то все это я зналъ, но давно уже забылъ«! Сколько разъ также случалось видѣть мнѣ молодыхъ людей, затруднявшихся отвѣтомъ и краснѣвшихъ отъ незнанія тѣхъ истинъ, которыя изучали они въ дѣтствѣ!..

Но предположимъ, что эти первоначальныя свѣдѣнія и не забылись бы; предположимъ даже, что онѣ довольно не скудны: однако, и при этихъ условіяхъ, если только нѣтъ особеннаго дня, посвященнаго молитвѣ и боговѣдѣнію, или если онъ оставляется въ пренебреженіи, то какое могутъ они имѣть развитіе и поддержку? гдѣ практика для нихъ? какое приложеніе и употребленіе?—Очевидно, что все это должно оставаться хладнымъ и бездушнымъ: ибо всякій легко согласится, что истины вѣры отнюдъ не того свойства, чтобы составлять только предметъ умосозерцанія, безъ примѣненія и приложенія въ жизни. Нѣтъ. Ихъ нужно не только знать, но и упражнять, то есть возгрѣвать въ себѣ, усвоять, обращать, такъ сказать, въ жизненные соки свои, въ постоянныя правила поведенія, или же, какъ говоритъ божественный законодатель: *да будутъ словеса сіи въ сердцѣ твоемъ и въ души твоей, да возглаголеши о нихъ сѣдяй въ дому и идый путемъ и лежа и востая, и навяжеши я въ знаменіе на руку твою, и да будутъ непоколеблема предъ очима твоима* (Втор. 6, 6—8).

Можетъ быть мнѣ возразятъ, что независимо отъ воскреснаго дня можно и въ другіе дни недѣли заниматься изученіемъ истинъ вѣры и возгрѣвать въ себѣ чувство благочестія.—Не отвергаю сего, но спрошу только: кто станетъ заниматься этимъ въ рабочее время? Труженикъ ли земледѣлецъ, или ремесленникъ, или вообще всякій работникъ, снискивающій въ потѣ лица хлѣбъ свой? Но у него нѣтъ времени для этого. Человѣкъ ли съ высшимъ образованіемъ? Но у него еще болѣе не найдется времени на это. Не надобно ли ему заняться тоже своими дѣлами, позаботиться о своихъ удовольствіяхъ и объ удовлетвореніи свѣтскихъ приличій, которыя въ очахъ его имѣютъ наибольшую обязательную силу? да, если бы и стало у него времени, достанетъ ли охоты?... Говорю утвердительно, что нѣтъ. Слѣдовательно, какъ для него, такъ и для всякаго вообще труженика пренебреженіе дня Господня не можетъ не сопровождаться величайшимъ нравственнымъ ущербомъ. Прибавлю къ сему, что освяще-

ніе седьмаго дня выставляется въ законѣ Божіемъ какъ знакъ завѣта между Богомъ и человѣкомъ: *суббота есть знаменіе завѣта между Мною и вами въ роды ваша, да увѣсте, яко Азъ Господь освящаяй васъ* (Исход. 31, 13), говорилъ Богъ къ Израильтянамъ. Но что для нихъ была суббота, то для христіанъ день воскресный, и какъ глубоко понимала это высокое значеніе его древняя Церковь, видно изъ того, что, при розыскахъ христіанъ во время гоненій, празднованіе его служило для язычниковъ безошибочнымъ указателемъ христіанъ. Въ актахъ мученическихъ сохранились допросы въ родѣ слѣдующаго: »я тебя не спрашиваю, христіанинъ ли ты; спрашиваю: соблюдаешь ли день воскресный«? Утвердительный отвѣтъ на послѣднее дѣлалъ излишними другіе распросы о вѣрѣ. До такой степени здравый смыслъ даже язычника угадывалъ, что освященіе дня Господня есть вѣрное свидѣтельство вѣры и благочестія.—Слѣдовательно, и пренебреженіе его можетъ служить вѣрнымъ признакомъ упадка той и другаго.

Надобны ли опытныя доказательства сего послѣдняго?—Къ сожалѣнію они есть. Укажу въ этомъ отношеніи не на какія либо частныя лица, но на цѣлую страну (Францію), обыкновенно называемую просвѣщенною и образованною, но въ которой отмѣна празднованія воскреснаго дня, сдѣланная безумными законодателями назадъ тому 60 лѣтъ, произвела страшный упадокъ вѣры и открыла такую широкую дверь невѣрію и нечестію, что тщетно, съ тѣхъ поръ, лучшіе изъ сыновъ ея стараются возвратить воскресному дню подобающія ему важность и значеніе.—Чтобъ я не показался пріувеличивающимъ плачевную картину, приведу подлинныя слова одного изъ современныхъ пастырей галликанской церкви, горько оплакивающаго пренебреженіе дня Господня соотчичами своими (*).

»Какое грустное зрѣлище представляетъ каждую недѣлю наша несчастная отчизна!... Въ каждый седьмой день Франція ставитъ себя въ открытое возстаніе противъ Бога, въ каждый изъ этихъ дней она какъ будто посылаетъ дерзкій вызовъ Всевышнему!... Когда съ высоты древнихъ нашихъ соборовъ колокола призываютъ къ воскресной молитвѣ, толпа остается глуха къ этому призыву и храмы пусты; на улицахъ тотъ же шумъ, тоже движеніе экипажей, таже суетливость, тоже кипѣніе торговли, также слышенъ молотъ работника, тажъ выставка и продажа товаровъ, какъ и наканунѣ. Но не здѣсь еще предѣлъ наглому оскорбленію... Въ странахъ христіанскихъ къ встрѣчѣ воскреснаго дня приготовляются еще съ вечера, чистятъ и убираютъ дома, а если праздникъ поторжественнѣе, то приготовляются къ нему постомъ и молитвою. Посмотрите же, какое нечестивое извращеніе (parodie) этихъ святыхъ обычаевъ совершается въ большей части нашихъ городовъ! Понедѣльникъ обращается въ нихъ въ праздникъ нечестія и распутства (le dimanche de la debauche), у котораго воскресный день служитъ навечеріемъ. Какъ только окончится торжественное богослуженіе, въ этотъ день посѣщаемое очень немногими, и такимъ образомъ довершится публичное оскорбленіе дня Господня, внѣшняя суетливость и толкотня начинаетъ стихать мало по малу, магазины постепенно закрываются, рабочія одежды смѣняются праздничными, толпы приливаютъ на улицы... Куда жъ текутъ онѣ? Куда спѣшатъ эти мужчины, женщины, дѣти, теперь уже освободившіеся отъ своихъ занятій? Безъ сомнѣнія, они текутъ въ храмы? Безъ сомнѣнія,

(*) La profanation du dimanche par l'abbé Gaume. p. 56—61.

тамъ хотятъ они въ спасительномъ покоѣ возстановить здоровье и силы души и тѣла?... Ахъ, нѣтъ! Эти блудныя чада не знаютъ дороги къ дому Отца своего. Куда жъ текутъ они? Спросите объ этомъ на заставахъ, въ театрахъ, въ корчемницахъ и въ другихъ мѣстахъ, которыя называть запрещаетъ благопристойность. Для нихъ — столы шумныхъ и срамныхъ пиршествъ замѣняютъ трапезу Господню, вольныя пѣсни — священные гимны, танцы и зрѣлища — поученія и молитву. Самая ночь не полагаетъ предѣла огромности нечестія. Въ это злополучное время невинность наиболѣе встрѣчаетъ соблазновъ и обольщенія; въ это-то время и довершается во тьмѣ *тайна беззаконія*... Утромъ слѣдующаго дня нужно приступить къ обычной работѣ; но тѣло, изнуренное излишествами предшествовавшаго дня, отказывается служить, въ воображеніи носятся еще минувшіе соблазны, въ совѣсти мученіе раскаянія, сердце исполнено порочныхъ впечатлѣній, и — вотъ, вмѣсто благословеній и благодаренія Богу, недѣля начинается ругательствами и проклятіями!... Такъ, развратъ и нечестіе обращаютъ святой день недѣли въ день наиболѣе оскверняемый! Но отчегожъ преимущественно этотъ, а не другой какой либо? Кто не видитъ въ этомъ особеннаго сатанинскаго намѣренія — чрезъ это уничиженіе дня Господня нанесть, такъ сказать, чувствительнѣйшее оскорбленіе Богу и Его закону!...«

»Какой, о Боже мой, примѣръ представляемъ мы цѣлому міру! Что должны думать о насъ чужеземцы, посѣщающіе Францію и видящіе всѣ эти соблазны, все это оскорбленіе дня Господня! Я не говорю уже о нашихъ единовѣрцахъ, которыхъ религіозное чувство не можетъ не оскорбляться глубоко отъ такого поведенія нашего и такого униженія нами тѣхъ же самыхъ вѣрованій, которыя они исповѣдуютъ; я говорю о чужеземцахъ, которыхъ мы называемъ еретиками. Посмотрите, напримѣръ, хоть на еритическую Англію — центръ дѣятельности и всемірной торговли. Увидите ли тамъ выставку товаровъ въ воскресный день хоть въ одномъ магазинѣ? Ни въ одномъ. Покрайней мѣрѣ открыты ли они? Нѣтъ, исключая развѣ лавокъ съ съѣстными припасами, и только до полудня, а притомъ и это едва терпится. Снуютъ ли тамъ экипажи по улицамъ такъ, какъ снуютъ въ нашихъ городахъ, потрясая шумомъ своимъ окна церквей и мѣшая богослуженію и благочестивой настроенности христіанъ? Нѣтъ; никакіе обозы, ни публичные экипажи не смѣютъ показаться на улицахъ во время отправленія церковной службы, и только изрѣдка, и то въ очень маломъ числѣ, появляются экипажи частныхъ лицъ. Идетъ ли работа на заводахъ и фабрикахъ — этихъ огромныхъ фабрикахъ, снабжающихъ весь міръ своими издѣліями? Нѣтъ, никогда. Въ Шотландіи даже желѣзныя дороги оставляютъ свою пожирающую дѣятельность, словомъ: польза, выгода, наслажденіе, удовольствіе — все почтительно и благоговѣйно преклоняется предъ важностію священнаго дня. Самыя почты, приносящія вѣсти и требованія со всѣхъ концовъ свѣта и развозящія туда безчисленное множество писемъ, иногда требующихъ немедленныхъ и безотложныхъ отвѣтовъ, продолжаютъ ли свою дѣятельность? Нѣтъ; ни одно письмо ни получается, ни отправляется въ воскресный день. Но это время, которое Англія отнимаетъ у труда и работы, быть можетъ посвящается забавамъ, театру, концертамъ, корчемницамъ? Нѣтъ; ни одинъ театръ не открытъ въ воскресенье, ни одинъ концертъ не разыгрывается, ни одна корчемница не смѣетъ открыть дверей своихъ по крайней мѣрѣ во время отправленія службы церковной. Таже строгость соблюдается от-

носительно дня Господня и въ другихъ странахъ, которыя мы называемъ еретическими«.

Прекращаю дальнѣйшую выписку... Богъ да сохранитъ любезное отечество наше отъ столь страшнаго упадка вѣры и благочестія, какимъ недугуетъ цѣлая страна христіанская, въ слѣдствіе безразсуднаго пренебреженія дня Господня!—Но не станемъ превозноситься въ этомъ отношеніи, помня заповѣдь Апостола: *мняйся стояти да блюдется, да не падетъ!*

Аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его: аще ли жаждетъ, напой его: сіе бо творя, угліе огненно собираеши на главу его. Римл. 12, 20.

Что это значитъ? Ужели христіанину можно мстить, хотя бы то и добромъ за зло? Уже ли можно *собирать угліе огненно* на главу противника, чѣмъ бы и какъ бы это ни дѣлалось?

Между людьми, дѣйствительно, бываетъ иногда особаго рода мщеніе, именно—мщеніе наружнымъ добромъ за зло. Такъ иногда обиженный, скрывая предъ другими внутренній гнѣвъ и вражду на обидчика, старается выказать, напротивъ, сердечное расположеніе къ нему, для того, чтобы тѣмъ чернѣе представить поступокъ врага своего, а себѣ, между прочимъ, создать славу добраго, великодушнаго и благороднаго человѣка. Но это значитъ дѣйствовать по духу діаволю, а не по духу евангельскому и не по заповѣди апостольской.

Св. Апостолъ, заповѣдуя намъ, по примѣру самаго Господа Іисуса Христа, любить враговъ нашихъ и добро творитъ ненавидящимъ насъ, побужденіе къ этому указываетъ не въ томъ, что самая любовь и благотвореніе наше привлечетъ на враговъ нашихъ, въ отмщеніе за ихъ злобу и обиды, наказаніе отъ людей или отъ Бога, но въ томъ, что искреннимъ расположеніемъ къ нимъ мы можемъ погасить въ нихъ самую злобу.

Таковъ именно смыслъ апостольскаго наставленія. Нѣсколько выше св. Апостолъ говоритъ: *аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте* (ст. 18). То есть, христіанинъ не долженъ подавать никакого повода ко вражлѣ противъ себя; поэтому онъ совсѣмъ не долженъ бы имѣть и вражды. Но злоба можетъ вооружаться и противъ незлобивыхъ, можетъ раздражаться тѣмъ, что само въ себѣ не заключаетъ ничего оскорбительнаго, можетъ враждовать противъ правды потому именно, что не любитъ правыхъ. Какъ поступать въ такомъ случаѣ миролюбивому христіанину? Мстить обидами за обиды несправедливо наносимыя ему—недостойно его, и это запрещаетъ Апостолъ говоря: *не себе отмщающе.* Терпѣть безропотно и представлять мщеніе самому Богу? Такъ; *дадите мѣсто гнѣву*, продолжаетъ св. Апостолъ; *писано бо есть: Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь* (ст. 19). Но и при этомъ чувства мести, конечно, не должно быть въ христіанинѣ; то есть, онъ никакъ не долженъ желать, чтобы Богъ рано или поздо, если не въ этой—то въ будущей жизни, покаралъ врага его. Если Богъ *хотѣніемъ не хощетъ* погибели ни одного изъ грѣшниковъ, которые всѣ—враги его, но призываетъ ихъ къ покаянію и всячески вразумляетъ ко спасенію: то и сыны Божіи должны быть исполнены тѣмъ же духомъ. Поэтому для христіанина мало—не воздавать

зломъ за зло, а надобно заботиться о побѣжденіи зла въ самыхъ врагахъ своихъ. Для сего-то и предлагаетъ далѣе средство св. Апостолъ, говоря: *аще алчетъ врагъ твой, ухльби его: аще ли жаждетъ, напой его*, а чтобы показать силу и дѣйствительность этого средства, присовокупляетъ: *сіе бо творя, угліе огненно собираеши на главу его*, то есть, заставляешь его горѣть отъ стыда за беззаконную и неразумную вражду на тебя и ощущать мучительное угрызеніе совѣсти за недостойное поведеніе свое. Такимъ образомъ злѣсь предлагается не мщеніе врагу, а врачевство самое дѣйствительное.

Въ самомъ дѣлѣ, ничто такъ сильно не можетъ дѣйствовать на сердце самаго раздраженнаго и ожесточеннаго врага, какъ искреннее благодѣяніе или, покрайней мѣрѣ, нелицемѣрное доброжелательство ему со стороны того, къ кому питаетъ онъ чувство непріязни. Припомнимъ, какъ поразилъ Саула поступокъ кроткаго Давида, не восхотѣвшаго воспользоваться самымъ удобнымъ случаемъ къ погубленію жестокаго и неутомимаго гонителя своего и запретившаго всякое покушеніе на это приверженцамъ своимъ: *и воздвиже Сауль гласъ свой, и восплакася. И рече Сауль къ Давиду: праведенъ еси ты паче мене, яко ты воздалъ ми еси благая, азъ же тебѣ воздахъ злая*, и проч. (1 Цар. 24, 17—18). Не припомнимъ ли какихъ нибудь случаевъ и изъ собственной нашей жизни, когда, вмѣсто отмщенія со стороны чѣмъ нибудь обиженныхъ нами, мы встрѣчали отъ нихъ нелицемѣрное выраженіе пріязни и доброжелательства? Не поражало ли и насъ такое явленіе? Не ощущали ли и мы на главѣ нашей углія огненнаго, не зная — что въ такомъ случаѣ дѣлать отъ смущенія, стыдясь своей злобы и жестокости и мучась сознаніемъ нравственнаго безчестія своего? — И послѣ этого мы, безъ сомнѣнія, обрѣли въ себѣ особенное расположеніе къ лицамъ, которыхъ прежде почитали противниками своими, и чувство этого расположенія, можетъ быть, не изгладится изъ сердца нашего во всю жизнь нашу. Такова сила искренняго воздаяніе добромъ за зло! Это такое оружіе въ рукахъ христіанина, которымъ онъ всегда можетъ поражать зло, не поражая, а напротивъ врачуя человѣка, одержимаго зломъ. Симъ оружіемъ христіанство побѣдило весь міръ, который нѣкогда всею злобою и жестокостію вооружался противъ него. Сіе оружіе дано намъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и — кто пользуется имъ, какъ должно, тотъ всегда пріобрѣтетъ себѣ миръ на землѣ и вѣнецъ добраго воина на небѣ!

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 12-го Октября 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 32.

НЕДѢЛЯ 24 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

10 Ноября 1857 г.

Гласъ 7-й.

На утрени евангеліе воскресное 2-е, Марк. зач. 70. На литургіи: апост. Ефес. зач. 221, еванг. Лук. зач. 39.

ПРЕПОДОБНАГО МАКСИМА ИСПОВѢДНИКА

УЧЕНІЕ О СОВЕРШЕННОЙ ЛЮБВИ (*).

Въ твореніи своемъ »о любви« препод. Максимъ излагаетъ мысли и изреченія Отцевъ, относящіяся къ духовной жизни христіанина. Мысли сіи приводитъ онъ къ четыремъ сотницамъ »по числу четырехъ евангелій«, какъ говоритъ самъ въ предисловіи посланія къ Елпидію.

Такъ какъ сущность жизни духовной есть святая любовь: то любовь требуется какъ на первыхъ степеняхъ этой жизни, такъ и на высшихъ. Совершенство ея поставляется въ божественномъ вѣдѣніи или созерцаніи, а необходимымъ средствомъ къ тому служитъ освобожденіе отъ страстей и искушеній. — Обратимъ вниманіе на мысли препод. Максима:

I. О достоинствѣ, свойствахъ и дѣйствіи любви;

II. О божественномъ вѣдѣніи или созерцаніи, какъ высшемъ совершенствѣ духовной жизни;

III. О помыслахъ и страстяхъ, а также искушеніяхъ, съ которыми долженъ бороться христіанинъ.

I.

Нѣтъ ничего выше и нужнѣе любви: »не говори: вѣра во Христа безъ любви спасти можетъ; ибо такъ *вѣруютъ и бѣсы и трепещутъ* (39). Вѣра и надежда имѣютъ предѣлъ; любовь же, соединяясь съ Пребезконечнымъ и всегда возрастая, пребываетъ въ безконечные вѣки (300). Въ священномъ Писаніи сказано: *аще имамъ даръ пророчества и вѣмъ тайны вся, любве*

(*) Извлеченное изъ творенія его, извѣстнаго подъ названіемъ: »четыре сотницы о любви«.

же не имамъ, никая ми польза есть« (400).

Но такая любовь пріобрѣтается не легко: »когда будешь удручать тѣло свое постомъ и бдѣніемъ, и прилежать къ пѣснопѣнію и молитвѣ,—тогда только можешь надѣяться, что освященіе цѣломудрія пріидетъ къ тебѣ на крыльяхъ любви« (81). Притомъ же она есть слѣдствіе другихъ добродѣтелей: »любовь рождается отъ безстрастія, безстрастіе отъ надежды, надежда отъ терпѣнія и великодушія, терпѣніе отъ воздержанія, воздержаніе отъ страха Божія, страхъ Божій отъ вѣры въ Господа« (2).

виды любви.

Совершенная любовь христіанская должна быть любовію къ Богу и вмѣстѣ любовію къ ближнимъ: »неизглаголанный миръ святыхъ Ангеловъ утверждается на сихъ двухъ столпахъ: на любви къ Богу и любви другъ къ другу. Равно и миръ всѣхъ святыхъ отъ вѣка бывшихъ. Потому-то сказалъ Спаситель нашъ: *на сихъ двухъ заповѣдяхъ законъ и пророцы висятъ*« (336).

свойства любви къ богу.

»Умъ, прилѣпляющійся къ Богу и въ Немъ пребывающій молитвою и любовію, бываетъ мудръ, благъ, силенъ, человѣколюбивъ, милостивъ, долготерпѣливъ, словомъ, пріемлетъ въ себя почти всѣ божественныя свойства. (152). Молящій Бога ничѣмъ не возмущается въ духѣ, и всякій трудъ, безчестіе и обиду переноситъ великодушно. (28). Любить Бога значитъ предпочитать Его міру и душу плоти, значитъ презирать всѣ мірскія веселія и быть всегда заняту Богомъ посредствомъ воздержанія, любви, молитвы, псалмопѣнія и проч. (250).

Но кто не презираетъ славы и безчестія, богатства и бѣдности, удовольствія и скорби, тотъ не стяжалъ любви совершенной, которая даже и жизнь настоящую и смерть равно презираетъ (72). Кто привязалъ умъ свой къ какой либо видимой вещи, кто предпочитаетъ тѣло душѣ и міръ Богу: тотъ идолопоклонникъ (7, 8).

И потому, когда примѣтишь, что умъ твой съ услажденіемъ обращается къ предметамъ вещественнымъ и любитъ заниматься мыслями объ нихъ: то знай, что ты любишь ихъ болѣе, нежели Бога. Ибо гдѣ сокровище твое, тамъ будетъ и сердце твое« (151).

любовь къ ближнему.

»Кто истинно любитъ Бога, тотъ не можетъ не любить ближняго, какъ себя самаго (13). Совершенная любовь, подражая Богу, любитъ всѣхъ равно: добрыхъ—какъ друзей, злыхъ—какъ враговъ, и всѣхъ услугами и долготерпѣніемъ объемлетъ, перенося всѣ обиды, даже и страждетъ за враговъ, желая изъ нихъ сдѣлать друзей (71). Въ томъ нѣтъ совершенной любви, кто одного любитъ, а другаго ненавидитъ, или одного и тогоже иногда любитъ, а иногда ненавидитъ (70). Чуждъ любви ненавидящій брата, завидующій ему, злословящій его, коварствующій противъ него, злорадующійся, злопамятный, осуждающій брата« (55—57).

Но чтобы любовь къ ближнему была постоянною, чтобы она не оскудѣвала въ то время, когда встрѣчаемъ въ ближнемъ ненависть, — препод. Максимъ даетъ слѣдующіе мудрые совѣты:

»Не довѣряй какъ друзьямъ твоимъ, которые приносятъ тебѣ разсказы, поселяющіе въ тебѣ досаду или злобу на брата, хотя бы они казались и правильными; но отвращайся

таковыхъ людей, какъ смертныхъ зміевъ, дабы ихъ удалить отъ злословія. а свою душу избавить отъ злобы (332). Когда вчера хвалилъ, какъ добродѣтельнаго и добраго, не поноси сегодня, какъ порочнаго и злаго; но при тѣхъ же сужденіяхъ объ немъ оставайся, хотя бы еще и владѣло тобою огорченіе. Говори объ немъ съ чистосердечною похвалою. молись объ немъ истинно, какъ о самомъ себѣ,—и вскорѣ избавишься отъ гибельной ненависти (328). Въ случаѣ досады на брата наблюдай за собою: не въ тебѣ ли самомъ кроется злоба, разлучающая тебя съ братомъ, и потщись примириться съ нимъ, дабы не отпасть отъ заповѣди любви (319). Примирясь съ братомъ, не воспоминай словъ, выговоренныхъ имъ во время досады, дабы, допуская злопамятные помыслы, не впасть опять въ пагубную ненависть къ брату (334). Если братъ и не хочетъ примириться, ты покрайней мѣрѣ сохрани себя отъ ненависти; усердно молись за него, и не злословь его ни предъ кѣмъ« (335).

II.

»Умъ нашъ есть мѣсто святое и храмъ Божій« (131).

Но есть умъ чистый и есть нечистый: »чистый умъ тотъ, который вышелъ изъ невѣрія и просвѣщается божественнымъ свѣтомъ (33). А нечистый умъ или имѣетъ ложныя познанія, или многаго не разумѣетъ, или бываетъ исполненъ страстныхъ помысловъ, или склоненъ ко грѣху« (234).

Человѣкъ долженъ усовершать эту, данную ему отъ Бога способность: »ибо какъ свѣтъ и тма относятся къ нашему глазу, какъ добродѣтель и порокъ къ душѣ: такъ вѣдѣніе и невѣденіе къ уму (346). Свѣтъ знанія составляетъ жизнь ума (9). Невѣжество и безразсудность есть злоупотребленіе силы мыслящей (203). Причиною зла можно почитать ненаблюденіе за дѣйствіями; ибо тѣ, которые наблюдаютъ за ними, всегда дѣлаютъ добро« (182).

Но не всякій, пріобрѣтающій познанія, идетъ къ истинному вѣдѣнію: »вѣденіе есть награда за вѣру (125). Но какъ воспоминаніе объ огнѣ не грѣетъ тѣла: такъ вѣра безъ любви не производитъ въ душѣ свѣта вѣденія (31). Этотъ свѣтъ раждается отъ любви къ Богу, и долженъ быть соединяемъ съ любовію, ибо знаніе кичитъ, а любовь созидаетъ (359); и много потребно упражняться въ добродѣтеляхъ, для того, чтобы пріобрѣсть постоянный навыкъ къ созерцанію (269). Сокровища премудрости находятся въ сердцѣ нашемъ« (370).

Препятствіемъ къ достиженію вѣденія препод. Максимъ поставляетъ страсти и особенно помыслъ тщеславія: »много можно найти людей, которые имѣютъ много свѣденій, но валяются, какъ свиніи въ тинѣ, въ плотскихъ страстяхъ. Таковые люди уподобляются Саулу, который, удостоившись царскаго престола, за недостойную жизнь былъ сверженъ съ онаго (266). Есть люди, которые гордятся своимъ знаніемъ. Но мечтаніе о своихъ знаніяхъ препятствуетъ преуспѣванію въ нихъ (281) Конецъ празднаго и горделиваго знанія есть постепенное помраченіе самаго познанія и всеконечное уклоненіе ума къ предметамъ вещественнымъ (270).

Умъ долженъ покаряться божественному слову и обладать неразумною природой (183). Онъ долженъ содержать страсти въ покорности (345). Тогда только умъ будетъ постоянно и неуклонно шествовать къ созерцанію сущихъ, направляя свой путь къ познанію святой Троицы,—когда совершенно освободится отъ страстей (86).—Истинно мудрый не полагается на свою мудрость, и не пре-

возносится надъ другими (287). Онъ не привязывается къ своимъ сужденіямъ, но чѣмъ болѣе они кажутся ему истинными и справедливыми, тѣмъ больше онъ не довѣряетъ своему суду, а другихъ мудрыхъ поставляетъ судіями своихъ сужденій и помысловъ, и отъ нихъ получаетъ утвержденіе (258). Кто сподобился вѣденія о Богѣ и любовію стяжалъ просвѣщеніе отъ Него: тотъ никогда не разсѣевается духомъ тщеславія (46), тотъ отъ сердца повторяетъ тѣ слова, которыя произнесъ Авраамъ, сподобясь явленія Божія: я земля и пепелъ (47).

Желающій достигнуть вѣденія долженъ прежде достигнуть безстрастія и смиренія,— ибо безъ этихъ добродѣтелей никто не узритъ Господа (358); долженъ свою мыслительную силу непрестанно воскрылять молитвою (380),—ибо чистая молитва поставляетъ умъ предъ самаго Бога (244).

Христіанинъ умудряется сими тремя путями: заповѣдями, ученіемъ и вѣрою. Заповѣди отрѣшаютъ умъ отъ страстей, ученіе вводитъ его въ познаніе сущихъ, а вѣра—въ созерцаніе Святой Троицы (347). Возводится умъ на высшую степень вѣденія преимущественно благодатію Святаго Духа. Ибо кто просвѣтилъ тебя вѣрою во святую, единосущную и покланяемую Троицу? Или кто объяснилъ тебѣ цѣль воплощенія Единаго отъ Св. Троицы? Кто далъ тебѣ понятіе о безплотныхъ, о сотвореніи и концѣ видимаго міра, или о воскресеніи мертвыхъ и вѣчной жизни или о славѣ царствія небеснаго и о страшномъ судѣ? Не благодать ли Христова, живущая въ тебѣ, которая есть залогъ Святаго Духа« (377)?

Самый лучшій предметъ вѣденія есть Богъ: »любящій Бога предпочитаетъ познаніе Бога всему отъ Него сотворенному (4). Если все сущее существуетъ Богомъ и для Бога, Богъ же лучше всего Имъ сотвореннаго: то Бога оставляющій и занимающійся низшими предметами показываетъ тѣмъ, что онъ предпочитаетъ Богу сотворенное Богомъ (5).

Но Божество непостижимо, и только въ нѣкоторомъ отношеніи постижимо. Мы можемъ познавать только нѣчто о Немъ (307). Должно познавать не существо, но величественныя дѣла Божіи и промыслъ Его о тваряхъ (96). Познать существо Божіе не можетъ тварь. Человѣкъ долженъ ограничиться однимъ созерцаніемъ вѣчности, безпредѣльности, неописанности, благости, премудрости и силы вседѣйствующей, всепромысляющей и всесудящей (100). Желая богословствовать, не ищи: что есть Богъ въ себѣ самомъ; ибо ни человѣческій, ниже другой какой умъ изъ сущихъ подъ Богомъ, не постигаетъ сего; но разсматривай по возможности принадлежащія Ему свойства: ибо между человѣками тотъ уже великій богословъ, кто хотя нѣсколько усматриваетъ свойства Божіи (127).

Сподобившись же познанія Бога и пріобщившись сладости онаго, мы должны презрѣть всѣ удовольствія (263) и прилежать къ любви и воздержанію, дабы имѣть въ душѣ свѣтъ никогда не оскудѣвающій« (379).

III.

По ученію преподобнаго Максима, »есть страсти тѣлесныя, и есть душевныя. Тѣлесныя отъ тѣла получаютъ пищу, душевныя отъ внѣшнихъ предметовъ (64). Иныя страсти относятся къ раздражительной силѣ души, иныя къ пожелательной. Возбуждаются же эти страсти тогда, когда душа находится внѣ любви и воздержанія« (65).

Кромѣ страстей христіанинъ долженъ отгонять помыслы: »великое дѣло не пристрашаться къ вещамъ; но еще большее—безстрастно принимать впечатлѣнія отъ нихъ. Ибо брань злыхъ духовъ съ нами чрезъ помыслы жесточае брани чрезъ самыя вещи« (91).

Помыслы препод. Максимъ опредѣляетъ такъ: »помыслъ есть мысль страстная, т. е. онъ слагается изъ мысли и страсти. Отдѣлимъ страсть отъ мысли, и останется помыслъ чистый« (243).

Главнымъ источникомъ страстей и помысловъ препод. Максимъ поставляетъ самолюбіе: »берегись матери золъ — самолюбія, которое есть чувственное, безумное любленіе. Съ истребленіемъ самолюбія истребляются и всѣ его порожденія (160) Болѣе же всего развиваются страсти и помыслы отъ лѣности и беззаботности: »Лѣность есть врагъ всѣхъ добродѣтелей и возбуждаетъ почти всѣ страсти« (67).

Какія средства противъ страстей и помысловъ? »Иные изъ подвижниковъ отгоняютъ страстные помыслы, а другіе отсѣкаютъ и самыя страсти. Помыслы отгоняютъ псалмопѣніемъ, молитвою, размышленіемъ; а страсти отсѣкаютъ презрѣніемъ тѣхъ вещей, къ которымъ есть пожеланіе (348). Есть средства, которыя останавливаютъ страсти, и есть — которыя умаляютъ ихъ: наприм. постъ, трудъ и бдѣніе не даютъ возрастать похоти; а уединеніе, созерцаніе и молитва умаляютъ ее и искореняютъ (147). Искренно отвергшійся мірскаго и служащій ближнему нелицемѣрно, скоро освобождается совсѣмъ отъ страстей и становится причастникомъ любви божественной« (27).

Признаки безстрастія: »въ отсутствіи предмета страсти не почитай себя имѣющимъ совершенное безстрастіе. Но когда и предметъ представится, а ты не поколеблешься ни имъ, ни воспоминаніемъ о немъ: тогда знай, что ты вступилъ въ область безстрастія. Только и тогда не будь безпеченъ; ибо постоянство въ добродѣтели умерщвляетъ страсти, а небреженіе о ней паки возбуждаетъ ихъ (354). Вѣрный знакъ безстрастія—когда и въ состояніи бдѣнія и во снѣ приходятъ на сердце одни чистые помыслы и чувствованія« (93).

»Искушенія приходятъ однѣ съ услажденіемъ, другія съ печалями, и иныя съ тѣлесными страданіями. Ибо Врачъ душъ, по судьбамъ своимъ, прикладываетъ врачевство, смотря по страсти, въ душѣ гнѣздящейся. (144). Искушенія наводятся на однихъ для истребленія грѣховъ уже содѣланныхъ, на другихъ — для прекращенія содѣваемыхъ, а на иныхъ для отвращенія имѣющихъ совершиться; иногда же посылаются для испытанія человѣка, какъ то было съ Іовомъ (145).

Тотъ дѣйствительно желаетъ исцѣлиться, кто не противится врачебнымъ средствамъ. Средства же сіи суть болѣзни и скорби, бывающія отъ разныхъ случаевъ (282). Итакъ, если придетъ на тебя нечаянное искушеніе, не вини того, чрезъ кого оно приходитъ, а изыскивай, для чего оно приходитъ, и обрѣтешь исправленіе. Ибо чрезъ того-ли, другаго ли, но тебѣ надлежало испить полынь изъ чаши судебъ Божіихъ« (142).

Но есть искушенія опасныя, которымъ должно противуборствовать. — это искушенія діавольскія. Преподобный Максимъ въ своихъ 4-хъ сотницахъ о любви очень часто обращается къ этому предмету, и высказываетъ объ немъ много замѣчаній мудрыхъ и повѣренныхъ собственнымъ опытомъ. наприм:

»Демоны или сами насъ искушаютъ, или вооружаютъ противъ насъ людей небоящихся Бога. Искушаютъ сами, когда уединяемся отъ людей: такъ искушаемъ былъ Господь въ пустынѣ. Искушаютъ чрезъ людей, когда обращаемся съ людьми: такъ искушали демоны Господа чрезъ фарисеевъ (113). На высокихъ молитвенниковъ нападаютъ демоны для того, дабы они не получили чистыхъ понятій о вещахъ чувственныхъ, на созерцателей, — чтобы поддержать въ нихъ страсть помысловъ, на

усердно подвизающихся, дабы склонить ихъ на грѣхъ дѣйствительный. Всѣми способами искушаютъ окаянные всѣхъ, да отлучатъ отъ Бога человѣковъ« (190).

»Изнемогаютъ демоны, когда чрезъ исполненіе заповѣдей уменьшаются въ насъ страсти; обращаются въ бѣгство, когда по причинѣ безстрастія души не находятъ въ ней того, чѣмъ противъ нея ополчались. Сіе-то значитъ: *изнемогутъ и погибнутъ отъ лица твоего*« (122).

ЖИЗНЬ ПАДШИХЪ ДУХОВЪ.

Въ словѣ Божіемъ нѣтъ нарочитаго ученія о падшихъ духахъ. Какъ завѣтъ Бога съ человѣкомъ, оно раскрываетъ только то, что болѣе или менѣе относится къ уразумѣнію сего завѣта; потому и о духахъ падшихъ упоминаетъ только мимоходомъ, — говоритъ о нихъ съ той стороны, съ какой и они примыкаютъ къ сему завѣту. Въ этихъ замѣчаніяхъ можно впрочемъ встрѣчать и болѣе или менѣе ясныя указанія на жизнь сихъ существъ, такъ что, совокупляя вмѣстѣ сіи указанія, можно составить довольно полную картину и внѣшней и внутренней ихъ жизни.

Особая, отдѣльная жизнь падшихъ духовъ отъ жизни Ангеловъ, оставшихся вѣрными Богу, начинается съ перваго шага непокорности ихъ волѣ Божіей; отсюда же начинается и отдѣльная исторія ихъ, какъ особаго царства тьмы и злобы, враждебнаго царству Божію, царству свѣта и любви. На основаніи нѣкоторыхъ указаній въ словѣ Божіемъ можно даже различить нѣсколько особыхъ отдѣленій въ сей исторіи.

Начало сей исторіи составляетъ самое первое противленіе ихъ воли Божіей. Въ чемъ состояло сіе противленіе, слово Божіе не говоритъ прямо. Оно представляетъ только діавола не устоявшимъ во истинѣ (Іоан. 8, 44), падшихъ духовъ не соблюдшими своего начальства, но оставльшими свое жилище (Іуд. 6), и даетъ разумѣть, что они осуждены за гордость (1 Тим. 3, 6), не объясняя, въ чемъ именно состояла сія гордость и что служило поводомъ къ обнаруженію ея (*). — Послѣ перваго возмущенія, произведеннаго на небѣ согрѣшившими ангелами, дерзскій возмутитель и клевреты его, въ наказаніе, какъ первые виновники зла въ мірѣ нравственномъ, изгнаны были изъ первобытнаго своего жилища, — свержены съ неба на землю (**). — Наказа-

---

(*) На основаніи словъ Апостола: *егда вводитъ первороднаго во вселенную, глаголетъ: и да поклонятся Ему вси ангели Божіи* (Евр. 1, 6)—предполагаютъ, что гордость діавола состояла въ томъ, что онъ не захотѣлъ поклониться Сыну Божію. Мѣсто сіе Апостолъ заимствуетъ изъ псалма 96, 7, прибавляя только, что это требованіе поклоненія было при какомъ-то введеніи первороднаго во вселенную. Трудно представить, чтобы духи, съ высокими естественными и благодатными совершенствами, могли прямо возстать противъ Бога; между тѣмъ таинство Пресвятыя Троицы было до времени еще сокрыто отъ нихъ. Діаволъ могъ подумать, что вводимый, проявляемый во вселенной Сынъ Божій не выше его, а потому могъ не поклониться Ему. Предположеніе сіе высказываетъ Лактанцій (Diu. instit 11. c. 8) и нашъ отечественный святитель Димитрій Ростовскій. Оно подтверждается всею послѣдующею исторіею діавола. Въ словѣ Божіемъ онъ представляется преимущественнымъ противникомъ Сына Божія; а мы по собственному опыту знаемъ, что всѣ послѣдующія преступленія наши всегда больше или меньше отражаютъ на себѣ характеръ перваго грѣхопаденія.

(**) Въ церковномъ ученіи представляется сіе нѣсколько подробнѣе: »когда сатана возталъ на Бога, вздумалъ унизить славу Безконечнаго, сдѣлавъ первое

ніе сіе не было рѣшительнымъ; ибо у нихъ не отъемлется совершенно власть дѣйствовать: они только низвергаются съ неба на землю. Значитъ, какъ всякое временное наказаніе, посылаемое Богомъ, оно было вмѣстѣ вразумленіемъ, обличеніемъ, средствомъ къ обращенію на путь правды и добра. Всеблагій Богъ не лишилъ бы и ихъ, такъ же какъ человѣка, благодатной своей помощи, если бы они обратились къ Нему и принесли покаяніе въ содѣланномъ преступленіи. »Можетъ быть, разсуждаетъ св. Василій великій, что до сотворенія человѣка и для діавола оставалось еще какое нибудь мѣсто покаянію. И эта гордыня, какъ ни застарѣла была болѣзнь, могла однакожъ возстановить себя въ первобытное состояніе, позаботившись уврачевать въ себѣ болѣзнь покаяніемъ (***)«.

По сверженіи падшихъ духовъ съ неба на землю начинается другой періодъ жизни ихъ. Они не воспользовались предыдущимъ наказаніемъ, и не раскаялись въ грѣхѣ своемъ. Вмѣсто того, чтобы сознать свою виновность предъ Господомъ и съ раскаяніемъ обратиться на путь правды и добра, они еще болѣе ожесточились во злѣ, злоупотребивши своею свободою для раззоренія дѣла рукъ Божіихъ. На небѣ нельзя было имъ больше распространять свое царство,—тамъ не обрѣлось мѣста для нихъ: но на землѣ явилось новое существо, по природѣ своей *умаленное малымъ чимъ отъ ангелъ* (Псал. 8, 6). Вся злоба духа злобы, руководимая и побуждаемая *завистію* (Прем. 2, 24), устремляется противъ сего творенія Божія: онъ искушаетъ человѣка, созданнаго по образу Божію, внушивъ ему непокорность волѣ Божіей, и тѣмъ губитъ его. Это новое, второе преступленіе падшихъ духовъ. Послѣ сего они подвергаются новому, тягчайшему наказанію, но опять еще не окончательному, а слѣдовательно могшему послужить имъ во спасеніе. *И рече Господь Богъ змію: яко сотворилъ еси сіе, проклятъ ты.... и вражду положу между тобою и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и между сѣменемъ тоя. Той твою блюсти будетъ главу, и ты будеши блюсти его пяту* (Быт. 3, 9—15). Въ чемъ бы ни состояло сіе проклятіе, во всякомъ случаѣ оно есть отягченіе наказанія предшествующаго; ибо тамъ мы не видимъ еще проклятія отъ Бога. Наказаніе для діавола, изреченное въ самомъ обѣтованіи человѣку, понятно само собою. полагается самимъ Богомъ вражда между искусителемъ и вовлеченными имъ въ грѣхъ человѣками, потому что чрезъ грѣхъ человѣкъ вступилъ въ согласіе, какъ бы въ завѣтъ съ искусителемъ, сдѣлался данникомъ и рабомъ его по тому необходимому закону, что *всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха* (Іоан. 8, 34), а чрезъ него и рабъ *діавола*, иже *испервa согрѣшаетъ* (1 Іоан. 3, 8);—возстаніе, вражда и брань на діавола есть уже начатокъ обновленія и свободы духовной, которую даруетъ намъ Іисусъ Христосъ.

Отсюда начинается третій періодъ бытія

въ вселенной богоотступничество и увлекъ за собою множество другихъ духовъ, тогда св. Архангелъ Михаилъ, какъ вѣрный служитель Божій, собравъ всѣ ангельскіе чины и воинства, не увлекшіяся пагубнымъ примѣромъ возношенія сатанинскаго, велегласно воззвалъ: вонмемъ, станемъ добрѣ предъ Сотворшимъ ны, и не помышляемъ противная Богу. И, стоя на первомъ мѣстѣ въ сонмѣ духовъ безплотныхъ, началъ пѣть торжественную пѣснь: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ. Вслѣдъ за симъ сатана съ своимъ воинствомъ сверженъ былъ съ неба на землю (Чет. Мин. 8 ноября).

(***) Твор. св. Отц. VI ст. 397. Нѣкоторые выражали мысль, что еще до низверженія съ неба Господь давалъ имъ время для покаянія: »прежде нежели они низпали (т. е. съ неба), и имъ, какъ людямъ при жизни, предоставлена была возможность прощенія. А такъ какъ они не воспользовались ею, то справедливо подверглись достойному, вѣчному и непреложному осужденію«. Nemes. de tom. opific. c. 1.

духовъ падшихъ. Теперь исторія діавола и человѣка, какъ преступниковъ воли Божіей, неразлучна между собою, такъ что всѣ замѣчательнѣйшія событія въ жизни человѣчества составляютъ собою эпохи и въ жизни падшихъ духовъ. Діаволъ и человѣкъ поставляются въ состояніе постоянной вражды между собою (слѣд. наказаніе для діавола опять не совершенное, не рѣшительное; дѣятельность его только ограничена, стѣснена, но не уничтожена): вся дальнѣйшая исторія слагается изъ этой постоянной борьбы.—Діаволъ не вразумляется симъ наказаніемъ, но еще съ большею злобою продолжаетъ дѣйствовать вопреки намѣреніямъ Божіимъ. для погибели людей и своей собственной. Какъ въ частности происходила сія борьба, показываетъ исторія царства Божія на землѣ. Сначала діаволъ дѣйствовалъ весьма успѣшно. При третьемъ родѣ отъ Адама мы уже видимъ раздѣленіе между сынами Божіими и сынами человѣческими (Быт. 6, 2. 4, 26): первые составляютъ царство Божіе, послѣдніе область сатанину. При десятомъ родѣ уже *растлѣся земля предъ Богомъ* (6, 11),—всѣ, за исключеніемъ одного семейства Ноя, перешли подъ знамена діавола. Въ обновленномъ мірѣ тотчасъ же видимъ снова предшествующее раздѣленіе людей на сыновъ Божіихъ и человѣческихъ въ самомъ семействѣ Ноя.... Чрезъ нѣсколько поколѣній нужно было избрать и уединить отъ всѣхъ собственно одно лице, въ потомствѣ котораго могла бы сохраняться истинная Церковь Божія: всѣ прочіе народы оставлены были въ области сатаниной. И мы видимъ дѣйствительно, что въ языческомъ мірѣ зло развивалось въ такой силѣ, что безъ участія существъ, всецѣло злобныхъ и развращенныхъ, однѣхъ силъ человѣческихъ недостаточно было для его произведенія (см. 1 гл. посл. къ Рим.). Суевѣріе и самые унизительные пороки, многобожіе и идолопоклонство, перешедшее наконецъ въ отвратительное служеніе животнымъ и вещамъ бездушнымъ,—вотъ плоды внушеній злыхъ духовъ. Такъ и представляетъ состояніе языческаго міра слово Божіе, называя язычниковъ *ходившими по вѣку міра сего, по князю власти воздушныя, духа, иже нынѣ дѣйствуетъ въ сынѣхъ противленія* (Еф. 2, 2). Состояніе избраннаго народа Божія сравнительно было много лучше: потому что *во Іудеи* былъ *вѣдомъ Богъ, во Израили* было *веліе имя Его* (Пс. 75, 2). Но и здѣсь сколько разъ было и отступленіе отъ закона Моисеева и отпаденіе отъ Бога отцевъ своихъ!... Предъ пришествіемъ на землю Іисуса Христа, злые духи, какъ бы предчувствуя наступающую опасность для своей темной области, всѣми силами вооружались противъ народа іудейскаго, хранившаго истинную вѣру въ Бога, воздвигали противъ него жестокихъ гонителей, истреблявшихъ вѣру и законъ его. Когда и этимъ не удалось вполнѣ достигнуть цѣли, они прибѣгаютъ къ новымъ мѣрамъ,—образуютъ ереси и расколы въ нѣдрахъ самой іудейской Церкви.

Но въ то время, когда они думали торжествовать побѣду надъ человѣкомъ, ихъ снова поражаетъ правосудіе Божіе. По пришествіи Іисуса Христа на землю всѣмъ открыто покаяніе, всѣмъ проповѣдано евангеліе царствія, и темная область сатаны значительно уменьшена. Это четвертый періодъ въ жизни падшихъ духовъ. Посрамленіе діавола началось еще во время общественнаго служенія Спасителя роду человѣческому (напр. при искушеніи Іисуса Христа въ пустынѣ отъ діавола, при изгнаніи Имъ и Апостолами—силою Его—духовъ нечистыхъ и проч.); но во всей полнотѣ проявилось на крестѣ, на которомъ Господь Іисусъ Христосъ, *еже бѣ сопротивно*

нами, и то взятъ отъ среды и пригвоздивъ е, совлекъ начала и власти, изведе въ позоръ дерзновеніемъ, изобличивъ ихъ въ себѣ (Кол. 2, 14. 15). Посему тотчасъ же по смерти Онъ снисшелъ пречистою душею своею въ темную область сатаны, освободилъ отъ узъ діавола всѣхъ увѣровавшихъ въ Него, разрушилъ его твердыни и, по выраженію Церкви, »крестомъ и воскресеніемъ своимъ плѣнилъ адова царствія и смирилъ гордыню діавола«.—Впрочемъ и это пораженіе не есть еще окончательное (*). Падшимъ духамъ оставлена еще до нѣкотораго времени возможность льстить вселенную, такъ что Апостолы поставлены были въ необходимость и сами трезвиться и бодрствовать, и другихъ убѣждать къ тому же, заставляя вѣрующихъ *облекаться во вся оружія*, чтобы *возмощи* имъ *стати противу кознемъ діавольскимъ* (Еф. 6, 11): ибо *діаволъ*, оставаясь міродержителемъ тмы вѣка сего, и теперь еще *яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8).

По ученію слова Божія, будетъ и еще перемѣна въ жизни падшихъ духовъ: предъ вторымъ пришествіемъ Сына Божія на землю, *разрѣшенъ будетъ сатана отъ темницы своея, и изыдетъ прельстити языки сущія на четырехъ углѣхъ земли* (Апок. 20, 7). И тогда онъ употребитъ свободу свою во зло. Духи падшіе будутъ употреблять всю злобу, всѣ хитрости, все коварство свое для погибели людей, зная, что *время мало* остается имъ (Апок. 20, 3. 12, 12). Главнымъ орудіемъ ихъ прельщенія будетъ антихристъ.

(*) Св. Антонію великому было возвѣщено, что Господь и теперь не отвергъ бы падшихъ духовъ, если бы они могли покаяться. Воскрес. Чт. годъ XVI. стр. 147—149.

Послѣ сего для падшихъ духовъ настанетъ судъ рѣшительный и наказаніе окончательное. У нихъ отнимется возможность дѣйствовать; они совершенно отдѣлятся отъ сообщества добрыхъ, *ввержены будутъ въ езеро огненно и жупелно и мучени будутъ день и нощь во вѣки вѣковъ* (20, 10).

Внутренняя жизнь падшихъ духовъ—однообразна. Главный характеръ и направленіе ея опредѣлились съ перваго же шага непокорности ихъ волѣ Божіей; всѣ послѣдующія перемѣны въ жизни ихъ только болѣе и болѣе утверждали и ожесточали ихъ въ противленіи Богу и закоснѣніи во злѣ.

Дарованія Божіи нераскаянны: какими совершенствами однажды благоволилъ Господь надѣлить тварей, тѣ остаются при нихъ навсегда: потому и сущность злыхъ духовъ, безъ сомнѣнія, не измѣнилась и по паденіи ихъ, т. е. они остались существами разумно-свободными, какъ были и прежде. Въ этомъ отношеніи священное Писаніе называетъ ихъ духами (Мат. 8, 16. Лук. 10, 20 и проч.). Какъ духамъ, имъ усвояется въ словѣ Божіемъ и существенныя силы духа,—умъ (2 Кор. 2, 11) и воля (2 Тим. 2, 26). Той и другой силѣ приписывается, далѣе, соотвѣтственное дѣйствіе,—т. е. разуму — вѣдѣніе, соображенія, умозаключенія и проч., волѣ — желаніе, стремленіе и сила дѣйствовать (Еф. 6, 10—13. сн. 1 Петр. 5, 8). Слово Божіе представляетъ ихъ даже и теперь существами, превышающими человѣка по естественнымъ силамъ, что видно изъ того, что для отраженія ихъ навѣтовъ недостаточно однѣхъ силъ человѣка, а нужно чрезвычайное всеоружіе (Еф. 6, 11). Но направленіе дѣятельности ихъ совершенно извратилось. Разумъ ихъ любитъ одну только ложь (Іоан. 8, 44), такъ что главныя черты ума ихъ суть: ненависть къ истинѣ, ложь, лесть, кле-

вета (Апок. 12, 9. 10). Воля ихъ получила рѣшительную наклонность къ злу и совершенную ненависть ко всему истинному и доброму, такъ что главными чертами ея стали: ненависть къ Богу и ко всякому добру, лукавство, зависть, злоба; потому они и называются *духами злобы*.

Что мы больше любимъ, то лучше и знаемъ, потому что больше тѣмъ занимаемся. По этому простому правилу не трудно опредѣлить, что лучше всего извѣстно діаволу и ангеламъ его: это, безъ сомнѣнія, собственное его порожденіе, зло, грѣхъ. За тѣмъ они изучаютъ все, что больше или меньше относится къ кругу ихъ дѣятельности, и безъ сомнѣнія, хорошо знаютъ нашу душу, потому что изучаютъ ее уже нѣсколько тысячь лѣтъ (*). Чрезъ такой долговременный опытъ они дошли до того, что проникаютъ въ мысли людей, угадываютъ будущее, знаютъ отдаленное, какъ обтекающіе всю поднебесную (Іов. 1, 6, 7), хотя впрочемъ не рѣдко и сами обманываются. Безъ сомнѣнія, діаволъ многое знаетъ изъ того, что мы знаемъ; но всѣ эти свѣдѣнія, какъ лежащія внѣ круга его главной дѣятельности, мало занимаютъ его. Онъ на столько приникаетъ къ нимъ мыслію, на сколько это нужно для его злобныхъ цѣлей. Изъ сказаній подвижниковъ видно, что падшіе духи весьма искусны и опытны въ составленіи софизмовъ.

Знаютъ нѣчто злые духи и о добрѣ, частію по прежней памяти, частію по отвлеченнымъ соображеніямъ. Апостолъ Іаковъ прямо утверждаетъ, что *бѣсы вѣруютъ, яко Богъ единъ есть, и трепещутъ* (2, 19); Іисуса Христа они не разъ исповѣдывали Сыномъ Божіимъ. Впрочемъ вѣра ихъ вовсе не дѣйствуетъ на ихъ сердце; она есть только простое, мертвое и холодное сознаніе истины. Трепетъ ихъ предъ Богомъ, равнымъ образомъ, не есть покаянное сокрушеніе объ оскорбленіи Бога, а боязнь наказаній отъ Бога и опасеніе, чтобы Господь не воспрепятствовалъ имъ дѣлать зло.

Какъ живутъ между собою злые духи? — На основаніи свидѣтельствъ слова Божія надобно думать, что между ними есть различіе и подчиненіе. Ибо упоминается о предводителѣ всѣхъ ихъ — *веельзевулъ, князь бѣсовстѣмъ* (Мат. 12, 24. Мар. 3, 2. Лук. 11, 15. 18), о *діаволѣ и ангелахъ его* (Матѳ. 25, 41) или *о зміи и ангелахъ его* (Апок. 12, 7. 8). Спаситель упоминаетъ о духѣ нечистомъ, который, изшедши изъ человѣка, приводитъ потомъ въ него *седмь другихъ духовъ, горшихъ себе* (Лук. 11, 26), а святый Апостолъ различаетъ между ними *начала, власти и міродержителей тмы вѣка сего* (Кол. 2, 15. Еф. 6, 12) (*). Вообще — въ словѣ Божіемъ падшіе духи представляются составляющими изъ себя особое царство; а царство не можетъ быть безъ чиновъ высшихъ и нисшихъ.

Въ этомъ царствѣ тмы и нестроенія, безъ сомнѣнія, нѣтъ того порядка и мира, какіе находятся въ царствѣ Божіемъ, между ликами святыхъ Ангеловъ. Если есть между духами злобы какое либо господство, то это господство силы; если они составляютъ собою какъ бы единство, то это единство злобы, и если между ними находятся связь и узы, то эта связь существуетъ только для совершенія зла. Такъ какъ всѣ они стремятся къ одной

(*) Исаак. Сир. слов. 30.

(*) Это различіе между злыми духами въ степеняхъ и достоинствахъ, по догадкѣ одного изъ учителей церкви (Касс. собесѣд. 8. гл. 8), или есть остатокъ того различія и соподчиненія, въ какомъ находились падшіе духи другъ къ другу до паденія своего, или основывается на относительно—различномъ преспѣяніи каждаго изъ нихъ во злѣ.

цѣли — злу, то отсюда происходитъ между ними нѣкоторое согласіе, — впрочемъ именно только съ этой одной стороны. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они въ постоянной враждѣ между собою, завидуя другъ другу, ненавидя одинъ другаго и проч.

Въ церковныхъ книгахъ есть еще раздѣленіе падшихъ духовъ по различнымъ страстямъ; на примѣръ, въ сказаніи о мытарствахъ каждая страсть представляется какъ бы олицетворенною въ извѣстномъ классѣ злыхъ духовъ, которые и въ людяхъ заботятся развить каждый свою страсть. Это весьма естественно: ибо падшіе духи, какъ существа ограниченныя, не могутъ вмѣстить и развить въ себѣ всѣ виды зла, а по необходимости каждый обладаетъ по преимуществу одною какою либо страстію; ее преимущественно и развиваетъ и въ себѣ и въ людяхъ. Нисколько не должно казаться страннымъ и то, что страсти грубыя, плотскія имѣютъ своихъ представителей въ скопищѣ духовъ: ибо всѣ страсти, даже грубо — плотскія, на высшей степени своего развитія становятся духовными, дѣлаются потребностями не тѣла, а души; слѣд. могуть быть и у духовъ.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

101) Не полѣнюсь предложить тебѣ и другое, именно: алчбу, чтеніе, бдѣніе, молитву, псалмопѣніе, частые поклоны. Все сіе творя въ келліи своей съ усердіемъ, и вскорѣ познаешь великое богатство благодати Христовой.

102) Человѣкъ многозаботливый не можетъ быть мирнымъ, безмолвнымъ и молчаливымъ. Ибо воспоминанія о суетныхъ вещахъ противъ воли приводятъ его въ смятеніе и разсѣеваютъ его тишину, безмолвіе и молчаніе. Суетная многопопечительность житейская предаетъ душу монаха діаволу.

103) О, какъ пагубно для женщинъ видѣніе мужчинъ и сообращеніе съ ними, и какъ женщины пагубны для мужчинъ! — Желающій безмолвствовать и непрестанно быть съ единымъ Богомъ, не долженъ имѣть безполезныхъ сношеній ни съ кѣмъ, — ни съ мужчиною, ни съ женщиною. — Ибо, какъ Богъ спасаетъ человѣка чрезъ человѣка, такъ діаволъ силится погубить душу чрезъ человѣка. Блаженна ты, если соблюдешься отъ всѣхъ суетъ, и отъ сообращенія съ мужчинами. Ибо слушай, что говоритъ Давидъ къ Приснодѣвѣ Владычицѣ Богородицѣ: *слыши дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и домъ отца твоего, и возжелаетъ Царь доброты твоея* (Пс. 44, 11. 12).

104) Видишь, добрая сестра моя, какъ Давидъ учитъ насъ убѣгать и родныхъ и неродныхъ, если желаемъ спастися. Владычица наша Богородица, удалясь отъ всѣхъ и присѣдя единому Богу въ храмѣ Его святомъ, видишь — какою почтена славою, что сподобилась быть Матерію Бога по плоти? — И ты, если не забудешь всего — дѣлъ мірскихъ, родныхъ, сношеній съ людьми и соводворенія съ ними, повѣрь мнѣ, истинно говорю тебѣ, не узришь лица Божія. Смотри сама и избери, что хочешь: или безмолвіе и спасеніе души, или сообращеніе съ людьми и вѣчную пагубу.

105) Дѣвы, укрывающіяся отъ всѣхъ и никѣмъ незримыя, бываютъ хвалимы всѣми, кра-

сивы ли онѣ, или не красивы. Если же для временной славы рѣшаются на такую заключенность: то какъ не заключиться на безмолвіе, молчаніе и молитву царствія ради небеснаго и такой славы предъ лицемъ Ангеловъ и Святыхъ, чтобъ и Христосъ возжелалъ доброты твоея?

106) Желающій безмолствовать и содѣвать спасеніе свое въ суетномъ вѣкѣ семъ, заключаетъ слухъ даже отъ крика малыхъ птицъ, потому что и это препятствуетъ совершенству безмолвія. Сколько же тому должно препятствовать сообращеніе съ людьми? Какъ человѣкъ благородный и честный забываетъ о своемъ благородствѣ, когда опъянѣетъ, и подвергается безчестію и осмѣянію даже отъ самыхъ рабовъ своихъ: такъ и цѣломудріе души повреждается отъ бесѣды и сообращенія съ людьми, коими приводится въ забвеніе чинъ безмолвія, изглаждается память Божія изъ души и разстроивается доброе и мирное устроеніе сердца. И если по временамъ только бывающее сообращеніе съ кѣмъ нибудь причиняетъ такой вредъ душѣ: то что сказать о повседневномъ такомъ поведеніи и непрестанномъ почти смятеніи?—По истинѣ, праведный Судія праведно осудитъ ихъ на вѣчную пагубу. Ибо Апостолъ учитъ насъ: *слово гнило да не изходитъ изъ устъ вашихъ.* А произносящій тмы словъ какъ дерзнетъ сказать, что не испустилъ ни одного гнилаго слова? — Если трепещешь ада и жаждешь царствія Божія, никогда не произнесешь празднаго слова: ибо Самъ Господь сказалъ, что мы дадимъ отчетъ о всякомъ праздномъ словѣ. Всѣ же тѣ слова, кои не пользуютъ души, суть слова праздныя. Итакъ необходимо, добрая сестра моя, со всѣмъ вниманіемъ устраняться отъ сообращенія съ людьми, отъ котораго не бываетъ никакой пользы. Ибо Пророкъ говоритъ: *отъ многословія не избѣжиши грѣха,*—и: *при другѣ и врагѣ не говори много.* Особенно же тебѣ юной нужна всякая осторожность. Потому, имѣя такое множество свидѣтельствъ, сколько есть силъ, удаляйся безполезныхъ связей и душевреднаго празднословія, памятуя слово, сказанное Господомъ: *аминь, аминь глаголю вамъ, яко всякое праздное слово, еже аще рекутъ человѣцы, дадятъ о немъ слово въ день судный;* но всегдя безмолствуй и прилежи божественному чтенію. Скажу тебѣ одинъ примѣръ: какъ лишенные сего видимаго свѣта никогда не ходятъ право, такъ и не читающіе бож. Писаній, и не присѣдящіе молитвѣ часто претыкаются, и неизбѣжно заблуждаютъ, будучи окружены бѣдственнымъ мракомъ.—Божественное Писаніе тоже для души, что дождь для земли жаждущей. Сколько ни сѣй человѣкъ на землѣ не одожденной, она ничего не произраститъ ему: такъ и безъ чтенія бож. Писаній душа не дастъ прозябеній духовныхъ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 12-го Октября 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоаникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 55.

НЕДѢЛЯ 25 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

17 Ноября 1857 г.

Гласъ 8-й.

На утрени евангеліе воскресное 3-е, Марк. зач. 71. На литургіи: апост. Ефес. зач. 224, еванг. Лук. зач. 53.

СВЯТАГО АМВРОСІЯ МЕДІОЛАНСКАГО

о дѣвственницахъ.

ГЛАВА X.

(Наконецъ восхваляетъ дѣвство въ томъ отношеніи, что оно чуждо корыстолюбія; и по этому св. отецъ представляетъ сестрѣ своей, какъ счастлива она, что не подчиняется угожденіямъ роскоши и суеты, коимъ предаются вступающія въ замужество).

54) И какъ вы счастливы, дѣвственницы, что васъ никакое любостяжаніе не обольщаетъ и не тревожитъ! Неимущій и не требуетъ отъ насъ того, чего мы сами не имѣемъ, а проситъ того, что есть у насъ. Плодъ труда нашего—вотъ сокровище для подаянія бѣдному, и двѣ лепты единственныя высоко цѣнятся по усердію и щедрости даятеля.

55) Примѣчай же, сестра, чего ты должна опасаться и чего убѣгать. Нѣтъ надобности ни мнѣ учить тебя, ни тебѣ учиться у меня; ибо опытное упражненіе въ совершенной добродѣтели не требуетъ наставленія: она сама есть учительница. Ты знаешь, съ какимъ притворствомъ, съ какою изысканностію выступаетъ на сцену та, которая принимаетъ разные виды, чтобы понравиться, обративъ на себя пышностію нарядовъ взоры всѣхъ; и однакожъ чѣмъ болѣе она старается нравиться, тѣмъ болѣе становится безобразною: ибо скорѣе оставляетъ во всѣхъ отвращеніе отъ себя, нежели поселяетъ въ комъ-либо привязанность къ себѣ. Совсѣмъ другое у васъ: чуждаясь подобныхъ заботъ, имѣющихъ въ виду одну личину, вы становитесь тѣмъ

простосердечнѣе, тѣмъ достойнѣе любви, тѣмъ привлекательнѣе; и то самое, что вы не заботитесь объ убранствахъ, составляетъ ваше украшеніе.

56) Взгляни на изуродованныя уши (*), посмотри на обремененныя тяжестію выи,— какъ все это достойно сожалѣнія! Драгоцѣнность камней и металловъ, коими отягчаютъ себя, думая плѣнить ими взоры другихъ, нисколько не облегчаетъ собственныхъ ихъ страданій. Тамъ шею тяготитъ золотая цѣпь, здѣсь златошвенныя подвязки и перевязки опутываютъ ноги. А для тѣла все равно, подъ золотомъ ли стонать ему, или подъ желѣзомъ. Отъ того выя, подъ гнетомъ, клонится долу: отъ того поступь, стѣсненная узами, становится несвободною. Цѣнность вашихъ нарядовъ, женщины, никакой не приноситъ вамъ пользы, кромѣ того, что вы при этомъ боитесь и трепещете, какъ бы заботы и мучительныя ожиданія ваши не остались тщетны. Нѣтъ дѣла до того, другіе ли виною тому, или вы сами, что налагаете на себя такія оковы: только во всякомъ случаѣ вы болѣе жалки, чѣмъ самые уголовные преступники; ибо тѣ желаютъ и стараются избавиться отъ тяготѣющихъ надъ ними оковъ, а вы сами охотно надѣваете ихъ на себя.

57) И какъ жалко это состояніе готовящихся вступить въ замужество: объ нихъ торгуются, какъ торгуются о невольникахъ, на публичномъ торжищѣ, съ тою разностію, что здѣсь спрашиваютъ не о томъ: *»кто больше«?* а о томъ: *»за кѣмъ больше«?* и ищущій не столько руки невѣсты, сколько приданнаго за нею, избираетъ ту, *за которою больше*. Сноснѣе участь невольницъ, коихъ публично одни продаютъ, а другіе покупаютъ; покрайней мѣрѣ онѣ сами не рѣдко избираютъ себѣ домовладыкъ: а дѣвицѣ — невѣстѣ такой выборъ вмѣняется въ порокъ; если же обойдутъ ее выборомъ другіе, то это считается для ней безчестіемъ. При всей даже красотѣ своей онѣ и желаютъ и страшатся являться на показъ: желаютъ, чтобы успѣшнѣе палъ на нихъ выборъ; страшатся, чтобы самое появленіе ихъ не показалось непристойнымъ и не повредило имъ. А сколько бываетъ случаевъ, что дерзкіе издѣваются и насмѣхаются надъ самыми предбрачными обѣщаніями; сколько бываетъ съ другой стороны опасеній и подозрѣній на счетъ будущности ищущихъ руки невѣсты: не обманетъ ли бѣднякъ, не пренебрежетъ ли богачъ? не насмѣется ли красивый? не отринетъ ли знатный?

(*) Введенный во всеобщее почти употребленіе, обычай прокалывать уши для ношенія серегъ перешелъ въ Европу отъ обыкновенія древнихъ восточныхъ народовъ, изъ коихъ нѣкоторые и теперь еще накалываютъ и пестрятъ свое тѣло разными насѣчками благороднѣйшихъ его членовъ Изысканность въ украшеніяхъ всегда побуждала многихъ женщинъ обременять свои уши неестественною тяжестію разныхъ привѣсокъ. На эту безобразную изысканность указываетъ здѣсь св. отецъ.

ГЛАВА XI.

(Въ отвѣтъ на возраженіе, что вслѣ увѣщанія его къ дѣвственной жизни не имѣютъ желаемаго успѣха, приводитъ примѣры многихъ дѣвственницъ, особенно изъ Мавританіи и Бононіи; изъ нихъ преимущественно выхваляетъ Бононскихъ, за ихъ особенныя добродѣтели и особенную ревность къ распространенію дѣвственности).

58) Скажетъ кто нибудь: »ты ежедневно воспѣваешь у насъ похвалы дѣвственницамъ, а успѣхавъ томъ не имѣешь«. Чтоже мнѣ дѣлать, что я ежедневно восхваляю и прославляю предъ вами дѣвство, а между тѣмъ не вижу, чтобы увѣщанія и убѣжденія мои къ дѣвственной жизни сопровождались у васъ

желаемымъ успѣхомъ? Не я въ томъ виноватъ. Смотрите, откуда приходятъ къ намъ благочестивыя дѣвы для посвященія и постриженія въ монашество, съ обѣтами навсегда провождать жизнь дѣвственную: приходятъ изъ Плаценціи, приходятъ изъ Бононіи, приходятъ даже изъ Мавританіи. И чудное дѣло! Здѣсь, среди васъ, проповѣдуемъ, а другіе, вовсе въ другихъ мѣстахъ, убѣждаются нашею проповѣдію. Если же такъ, то станемъ другимъ и въ другихъ мѣстахъ проповѣдывать, чтобы проповѣдь наша возъимѣла успѣхъ и здѣсь — между вами.

59) Отъ чего же это происходитъ, что тѣ, которые не слышатъ моей проповѣди, убѣждаются ею, а тѣ, которые слушаютъ меня, не слѣдуютъ моимъ убѣжденіямъ? Знаю, что многія изъ вашихъ дщерей готовы послѣдовать нашему ученію; но ихъ останавливаютъ на семъ пути ихъ же матери, и, что еще прискорбнѣе, матери вдовствующія, къ коимъ я здѣсь преимущественно и обращаюсь съ словомъ моимъ. Именно: если дочери ваши признаются предъ вами въ любви своей къ извѣстному человѣку; то вы предоставляете же имъ право избирать того, кого онѣ желаютъ. Итакъ, неужели имъ позволительно избирать человѣка только, а Бога не позволительно?

60) Между тѣмъ смотрите, какъ сладостны, какъ любезны плоды цѣломудрія, когда оно нашло себѣ пріютъ даже между дикими и грубыми народами. Изъ отдаленныхъ странъ Мавританіи, однѣ предъ другими, спѣшатъ къ намъ лѣвы, для посвященія, съ обѣтами принятія иноческаго званія; и не смотря на то, что всѣ члены семействъ ихъ въ рабствѣ, цѣломудріе не вѣдаетъ порабощенія. Оно исповѣдуетъ царство вѣчности, гдѣ *нѣсть* ни *рабъ*, ни *свободь*, но *вси едино* суть (Гал. 3, 28).

61) А что скажу о дѣвственницахъ Бононскихъ, — этихъ достоподражаемыхъ сестрахъ иноческаго общежитія и высокихъ поборницахъ цѣломудрія, — которыя, отрѣшившись отъ мірскихъ удовольствій, составили изъ себя особую обитель дѣвственницъ и какъ бы святилище дѣвства? Безъ сожительства съ инымъ поломъ (*), возросши въ своемъ цѣломудренномъ сожитіи числомъ до двадцати, онѣ принесли плодъ сторицею; оставивъ кровъ родительскій, онѣ подвизаются полъ кровомъ Христовымъ, какъ истинныя сподвижницы иноческаго житія: онѣ то воспѣваютъ пѣсни духовныя во славу Божію, то трудами рукъ своихъ снискиваютъ себѣ пропитаніе, находятъ даже средства творить подаянія неимущимъ.

62) А если случится имъ замѣтить, что могутъ обрѣсти дѣвственницъ (на что онѣ обращаютъ особенное вниманіе и заботливость свою); то всячески слѣдятъ за ними, какъ за драгоцѣнною добычею, до послѣднихъ сокровенностей; и ежели усмотрятъ въ нихъ готовность и расположеніе къ иноческой жизни; то, какъ пернатыя, обрѣтши дѣтенышей своихъ, неотступно кружатся надъ ними, вѣютъ отъ радости крыльями и всѣми дѣйствіями своими выражаютъ довольство, — такъ и онѣ, сорадуясь ихъ доброму намѣренію, не оставляютъ ихъ до тѣхъ поръ, пока тѣ всецѣло не плѣнятся ихъ образомъ жизни и не покорятся имъ въ совершенное послушаніе, и за тѣмъ, оставивъ домъ родительскій, перейдутъ въ ихъ обитель, для чистаго и непорочнаго служенія Богу, съ сохраненіемъ навсегда дѣвственнаго цѣломудрія.

(*) То есть мужескимъ: а въ то время не было даже обыкновенія, чтобы женщины жили однѣ безъ мущинъ; это примѣръ въ тогдашнее время рѣдкій.

ГЛАВА. XII.

(Въ заключеніе дѣлаетъ замѣчаніе и на то, что какъ ни вожделѣнно, если дѣвственницу сами родители благословляютъ на дѣвство, согласно ея на то соизволенію; но предъ нею имѣетъ преимущество та, которая встрѣчаетъ въ семъ дѣлѣ противодѣйствіе со стороны родителей, и только божественная въ ней любовь подаетъ ей и силы и средства устоять въ сей высокой добродѣтели: по этому не чего страшиться въ семъ случаѣ ни власти, ни силы родительской, а тѣмъ болѣе — потери наслѣдства; для сего, въ примѣръ, приводитъ достопримѣчательный и достопамятный разсказъ объ одной благородной и благочестивой дѣвственницѣ).

68) Итакъ благо той дѣвственницѣ, которой сами родители съ младыхъ лѣтъ внушаютъ дѣвственную чистоту и непорочность и наконецъ благословляютъ ее на всегдашнее храненіе дѣвства; но блаженнѣе и достохвальнѣе та, которая сама по себѣ, безъ содѣйствія родителей, даже при ихъ противодѣйствіи, плѣняется цѣломудріемъ дѣвственной жизни, и въ сей божественной любви обрѣтаетъ и силы и средство пребыть навсегда дѣвственницею. За то могутъ ее лишить наслѣдства родители, скажетъ кто нибудь: но она имѣетъ Жениха, всѣми благами изобилующаго, коими довольствуясь вполнѣ, не будетъ нуждаться въ наслѣдственныхъ сокровищахъ. При томъ чистое и непорочное убожество много лучше, много превосходнѣе, много дороже наслѣдственныхъ стяжаній, большею частію сопровождающихся обидою ближнихъ.

64) Да и кто вирочемъ слышалъ когда либо, чтобы благомыслящіе родители лишили дѣтей своихъ законнаго наслѣдства за ихъ особенную любовь къ Богу, выражающуюся въ посвященіи себя на исключительное служеніе Ему въ ликѣ дѣвственниковъ или дѣвственницъ? Конечно, они останавливаютъ ихъ при вступленіи на сей важный путь: но чрезъ это они желаютъ только убѣдиться въ искренности ихъ расположенія; прекословятъ, потому что страшатся вѣрить; негодуютъ иногда, чтобы заставить ихъ увѣрить себя; угрожаютъ имъ, правда, отчужденіемъ отъ себя и отъ достоянія своего, но съ тѣмъ — чтобы испытать, могутъ ли онѣ устоять противъ лишеній мірскихъ; даже искушаютъ нерѣдко самыми заманчивыми удовольствіями, чтобы видѣть, не могутъ ли они предаться имъ и впасть въ обольщеніе. Это для васъ, дѣвственницы и дѣвственники, благое испытаніе; это для васъ первый подвигъ, предлагаемый вамъ отеческою и материнскою заботливостію о васъ родителей вашихъ. Препобѣдите же прежде всего эту любовь родительскую; побѣдивъ взаимную привязанность родителей къ вамъ и вашу къ родителямъ и вообще кровныя домашнія узы, вы тѣмъ самымъ побѣдите на первыхъ же порахъ міръ и отрѣшитесь отъ него.

65) Но положимъ, что васъ въ самомъ дѣлѣ ожидаетъ лишеніе наслѣдства, что васъ лишатъ его: какое же сравненіе между этими тлѣнными и скоропреходящими благами и благами царствія небеснаго? не ужели оно не вознаградитъ ихъ вамъ? Ибо, по словамъ божественнаго Писанія, *никтоже есть, иже оставитъ домъ, или отца, или матерь, или братію, или сестры, или жену, или чада, царствія ради Божія, иже не пріиметъ множицею* еще въ семъ вѣкѣ, а въ будущемъ *животъ вѣчный наслѣдитъ* (Матѳ. 19, 29. Мар. 10, 29. 30. Лук. 18, 29. 30). Повѣрьте же Писанію божественному, повѣрьте самому Богу и возложите на Него все упованіе ваше. Мы съ вами довѣряемъ людямъ — торжникамъ, вѣ-

ряя имъ свое сребро и злато въ ростъ: ввѣрьте же свои таланты Христу—Богу. Сей добрый Блюститель вашихъ талантовъ вѣры и надежды воздастъ вамъ съ лихвою за вашу къ Нему преданность и любовь. Онъ есть истина, потому не солжетъ предъ вами; Онъ есть правда, потому не обманетъ васъ; Онъ есть добродѣтель, и потому не обольститъ васъ. Если же не вѣрите божественнымъ словамъ, то повѣрьте примѣрамъ

66) Одна благородная отроковица, происходящая отъ древняго знаменитаго рода, нынѣ прославившаяся еще болѣе о Господѣ, въ наше уже время, когда побуждали ее родители и родственники ея непремѣнно и немедленно вступить въ бракъ, бѣжала во храмъ Божій и вбѣжала въ священный алтарь. И куда было цѣломудренной дѣвственницѣ укрыться, гдѣ найти себѣ убѣжище и безопаснѣе и приличнѣе, какъ не тамъ, гдѣ выну приносится Жертва за цѣломудріе? Но не здѣсь еще конецъ ея дерзновенія, мужества и неустрашимости. Какъ жертва цѣломудрія, чистоты и непорочности, она предстала предъ самый жертвенникъ Господень. И чтоже? Сперва на главу свою возлагаетъ десницу священнослужителя, испрашивая тѣмъ молитвъ о себѣ, а потомъ, въ ожиданіи испрашиваемыхъ молитвъ, и самую главу преклоняетъ къ жертвеннику, и при семъ тайнодѣйствія свои запечатлѣваетъ слѣдующими словами: »Не лучше ли этотъ жертвенникъ осѣнитъ меня, вмѣсто покрова,— жертвенникъ, освящающій самыя покрывала, коими покрываютъ дѣвственницъ, при посвященіи ихъ на всегдашнее храненіе дѣвства? Таковъ покровъ и приличнѣе и дѣйствительнѣе, подъ которымъ или на которомъ выну святится Глава всѣхъ и всего — Христосъ«. И въ слѣдъ за симъ продолжаетъ, обращаясь къ роднымъ своимъ: »чтоже вы дѣлаете, ближніе мои, други мои? что вы тревожите и смущаете духъ мой приготовленіемъ мнѣ свадебнаго пира и брачнаго ложа? Я давно уже предвижу это. Вы предлагаете мнѣ жениха? Но я уже обрѣла для себя лучшаго и наилучшаго. Вашъ женихъ какъ бы ни былъ богатъ, какъ бы ни былъ знатенъ, какъ бы ни былъ могущественъ; но мой Женихъ таковъ, что съ Нимъ никто не можетъ сравниться ни по богатству, ни по знатности, ни по могуществу, не только на землѣ, но и на небѣ. Если имѣете въ виду такого жениха, то я не отвергаю вашего выбора; но если не обрѣтаете подобнаго ему, то вы не добра желаете мнѣ, а зла, не любите меня, а ненавидите, не споспѣшествуете моему счастію, а вооружаетесь противъ моего счастія«.

67) Когда всѣ при этомъ молчали, то одинъ изъ нихъ вдругъ возвысилъ отрывисто голосъ: »а что, если бы отецъ твой живъ былъ; потерпѣлъ ли бы онъ тебѣ такъ оставаться въ дѣвахъ«? Тогда она еще съ большимъ восторгомъ своего убѣжденія, съ большею вѣрою и упованіемъ и самою любовію къ родителю своему отвѣтствовала: »вѣрно потому самому суждено ему заранѣе и умереть, чтобы мнѣ не встрѣтить препятствія со стороны его къ осуществленію моего предпріятія.« Вѣрность и непогрѣшительность этого отвѣта ея объ отцѣ своемъ, какъ бы въ пророчественномъ смыслѣ относившагося и къ самому вопрошавшему, подтвердилась скоропостижною смертію и его самаго. Такимъ образомъ и всѣ прочіе, сперва противодѣйствовавшіе ей, страшась подобной участи, не только перестали ей въ этомъ дѣлѣ препятствовать, но и всячески стали содѣйствовать во всемъ, такъ-что дѣвственница нисколько не потерпѣла урона и въ полученіи наслѣдства, напротивъ того всецѣло наслѣдовала его. Вотъ вамъ, отроковицы, примѣръ для подражанія; а вамъ, родители, урокъ для предосторожности!

О ПАСТЫРСКОМЪ РУКОВОДСТВОВАНІИ ПАСОМЫХЪ.

(Продолженіе).

7) При усердіи и ревности къ благоустроенію паствы своей, пастырь не будетъ имѣть недостатка въ средствахъ къ содѣйствію въ достиженіи высокой цѣли служенія своего. Здѣсь нельзя указать всего, что можетъ онъ предпринимать и исполнять для этой цѣли; но то, что можно и должно вездѣ и во всякомъ случаѣ употреблять пастырямъ въ видахъ истинной пользы пасомыхъ и для успѣха въ дѣлѣ служенія своего, не трудно обозначить хотя въ общихъ чертахъ. Разумѣемъ: а) пастырскія посѣщенія пасомыхъ, б) сотрудничество пастырю самихъ прихожанъ въ благоустроеніи прихода, и в) особенное попеченіе пастыря о дѣтяхъ своихъ пасомыхъ.

ПАСТЫРСКІЯ ПОСѢЩЕНІЯ.

8) Много случаевъ, когда пастырь долженъ входить въ домы прихожанъ по необходимости или, покрайней мѣрѣ, по обычаю и приглашенію, напримѣръ: для исповѣди, пріобщенія и елеосвященія больныхъ, при погребеніи и поминовеніи усопшихъ, по случаю молитвованія новорожденныхъ и ради многихъ другихъ требъ церковныхъ. Но пастырскія посѣщенія не должны ограничиваться этимъ: священникъ можетъ и долженъ приходить къ пасомымъ по собственному благоусмотрѣнію своему, съ цѣлію исключительно пастырскою, съ тѣмъ, чтобы послужить кому нужно совѣтомъ, наставленіемъ, утѣшеніемъ и проч. Такія посѣщенія могутъ быть не только въ домахъ, но и вездѣ, гдѣ удобно пастырю сказать пасомому слово назиданія.

Характеръ этихъ посѣщеній долженъ быть чисто пастырскій и вмѣстѣ дружескій и отеческій; то есть, надобно дѣлать ихъ такъ, чтобы, съ одной стороны, пастыря принимали не какъ гостя, приходящаго для собственнаго удовольствія и потому обязывающаго къ нѣкоторой заботливости и хлопотливости о его принятіи, а какъ духовнаго попечителя, исполняющаго пастырскую обязанность свою,—съ другой стороны, чтобы видѣли въ немъ не одного строгаго блюстителя нравственности, приходящаго для какихъ нибудь наблюденій и испытаній, или съ одними холодными поученіями, совѣтами и обличеніями, но — добраго отца и друга, принимающаго живое участіе въ духовныхъ чадахъ, одинаково готоваго и говорить и слушать, и давать совѣты и внимать чистосердечной исповѣди, и требовать и сострадать, и побуждать и облегчать, чѣмъ можно, исполненіе пастырскихъ внушеній. Въ такомъ только духѣ пастырскія посѣщенія достойны своего имени и своихъ цѣлей.—Далѣе, благоразуміе требуетъ: а) избѣгать посѣщеній неблаговременныхъ, которыя могли бы нарушить правильный порядокъ хозяйственныхъ занятій и помѣшать отправленію срочныхъ работъ; б) не продолжать безъ нужды никакого посѣщенія, чтобы ни другимъ не наскучить, ни у себя не отнять нужнаго времени; в) пользоваться особенными случаями, благопріятными для пастырскихъ посѣщеній, каковы—радость или напротивъ несчастіе въ извѣстномъ домѣ, или съ извѣстными лицами, вообще – что нибудь не совсѣмъ обыкновенное или, покрайней мѣрѣ, выходящее изъ уровня обыденной жизни; впрочемъ не ожидать всегда этихъ случаевъ, какъ необходимаго побужденія или повода посѣтить прихожанина: хорошо предварять ихъ, дѣлать посѣщенія и безъ особенныхъ поводовъ, для того между прочимъ, чтобы, когда печальный случай сдѣлаетъ ихъ необходимыми, они не показались странными или даже страшными. Больше же всего надобно опасаться привычки откладывать доброе дѣло до завтра, до удоб-

нѣйшаго случая, до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ: что не неудобно нынѣ, нынѣ же исполнить должно въ такой мѣрѣ, въ какой позволяетъ время; ибо дождемся ли лучшихъ обстоятельствъ, не извѣстно; если же и дождемся, то хорошо сдѣланное прежде не повредитъ тому, что можетъ быть сдѣлано лучше въ свое время.—Наконецъ, что всего важнѣе, надобно всюду приносить съ собою и оставлять по себѣ миръ Христовъ (Матѳ. 10, 12—13), призывая духомъ и словомъ, молитвою сердца и благословеніемъ устъ *благодать Господа нашего Іисуса Христа и любовь Бога и Отца и причастіе Святаго Духа* на всякій домъ, на всякое лице, куда и къ кому приходимъ, такъ чтобы духовная пріятность пастырскаго посѣщенія побуждала посѣщаемыхъ желать искренно новыхъ и нерѣдкихъ посѣщеній пастыря.

Плоды пастырскихъ посѣщеній, съ цѣлію духовнаго назиданія и въ духѣ отеческаго попеченія о пасомыхъ, могутъ быть весьма благотворны. Не отнимая ни силы, ни достоинства у служенія собственно проповѣдническаго, мы не можемъ однакожъ не признать большаго вліянія на народъ собесѣдованій пастыря частныхъ. Общая, открытая, церковная проповѣдь всегда необходима, важна и вполнѣ не можетъ быть замѣнима ничѣмъ: но, съ одной стороны, и эта проповѣдь тѣмъ лучше, чѣмъ ближе подходитъ къ простому, домашнему собесѣдованію въ духѣ истиннаго благочестія христіанскаго (слова и рѣчи искуственныя мало приносятъ пользы), съ другой,—какъ урокъ общій, она требуетъ разъясненія, дополненія, приложенія къ частнымъ обстоятельствамъ жизни въ собесѣдованіяхъ съ отдѣльными лицами. Въ послѣднемъ случаѣ весьма много значитъ и то личное отношеніе пастыря къ пасомому, та любовь и обязанность пастырская, которыя не могутъ быть такъ видны и осязательны на церковной каѳедрѣ. Поэтому совершенно справедливо разсуждаетъ одинъ писатель, говоря о пастырскихъ посѣщеніяхъ (преимущественно въ сельскихъ приходахъ) слѣдующее: »я не боюсь сказать, что благо драгоцѣннаго залога, ввѣреннаго пастырю, зависитъ не отъ знанія, ни отъ краснорѣчія его, но отъ его неутомимой (пастырской) дѣятельности. Не много сдѣлаемъ для просвѣщенія и убѣжденія народа, когда будемъ стараться только обдѣлывать какъ можно лучше проповѣди свои въ тиши кабинета и произносить ихъ въ храмѣ. Слыша святыя истины только въ храмѣ и видя проповѣдника только на каѳедрѣ, народъ не учится, онъ приходитъ только послушать. Придите къ поселянину, когда онъ въ полѣ, или занимается огородомъ, или отдыхаетъ на гумнѣ своемъ, или когда суровое время года удерживаетъ его въ домѣ, или кода случится у него что нибудь не совсѣмъ обыкновенное: тогда можете надѣяться внушить ему тѣ святыя истины, которыя должны служить руководствомъ для его поведенія, имѣющаго нѣкогда свидѣтельствовать за васъ или противъ васъ. Если хотите быть назидательнымъ для него, соедините истину, его обязанности и вашу мысль съ его ежедневными работами, такъ чтобы (на примѣръ) уборка поля напоминала ему тотъ разговоръ, какой вы имѣли съ нимъ во время посѣва, уборка сѣна приводила ему на мысль то, что вы объясняли ему при покосѣ, словомъ, чтобъ онъ встрѣчалъ васъ вездѣ и любилъ встрѣчаться съ вами. Но какъ это можетъ быть, когда вы никуда не хотите выходить? Какъ вы расположите его къ его обязанностямъ, когда показываете такъ мало заботливости о томъ, чтобы заставить его полюбить ихъ? Какъ не бояться ему своего ига,—а эта боязнь есть истинная язва добродѣтели,—когда вы такъ сильно опасаетесь при-

коснуться къ нему? Какъ не возненавидѣть ему своего состоянія, когда тѣ, на коихъ смотритъ онъ какъ на счастливцевъ, такъ заботливо удаляются отъ него?« (Essai sur la vie Tissot par Ch. Evnard. Lausanne 1839, pag. 199). Къ этому нужно прибавить, что, не входя въ ближайшія отеческія сношенія съ пасомыми, пастырь не можетъ хорошо узнать своей паствы, ознакомиться съ ея матеріальными и нравственными потребностями, не можетъ пріобрѣсть дружеской довѣренности пасомыхъ, а потому ни какъ проповѣдникъ, ни какъ отецъ духовный не можетъ дѣйствовать на нихъ съ надлежащимъ успѣхомъ.

Всѣ прихожане одинаково должны быть посѣщаемы своимъ пастыремъ. Покрайней мѣрѣ, съ своей стороны пастырь долженъ относиться одинаково ко всѣмъ, не различая друзей и противниковъ пастырскаго служенія, богатыхъ и бѣдныхъ. Принимающіе пастыря съ любовію и уваженіемъ ради отеческой заботливости его о паствѣ, конечно, имѣютъ право на особое расположеніе его; но и люди, питающіе въ душѣ своей непріязненное предубѣжденіе противъ пастырской попечительности о себѣ и другихъ, не должны быть обходимы, какъ будто отлученные отъ паствы. Пока нѣтъ открытаго противленія пастырю со стороны кого нибудь изъ пасомыхъ, онъ не долженъ собственно и знать нерасположенныхъ къ себѣ и служенію своему или, покрайней мѣрѣ, не долженъ никого почитать такимъ даже въ собственномъ сознаніи своемъ. Кто знаетъ, что случится впередъ? Иной на гласъ призывающаго къ дѣламъ вѣры и благочестія тотчасъ же отвѣчаетъ: *азъ Господи иду*, и потомъ *не идетъ*; другой сначала говоритъ: *не хощу*, но потомъ, *раскаявшись*, *идетъ* (Матѳ. 21, 29—31). Во всякомъ случаѣ пастырь долженъ быть крайне остороженъ въ отношеніяхъ своихъ къ пасомымъ, отечески снисходителенъ и терпѣливъ при самыхъ неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ, особенно же опасаться того, чтобы лично къ нему относящихся непріятностей не смѣшивать съ оскорбленіями его сану и служенію.—Что касается богатыхъ и бѣдныхъ; то, посѣщая только первыхъ, пастырь подастъ справедливый поводъ смотрѣть на эти посѣщенія, какъ на нѣчто, не совсѣмъ чуждое подобострастія и искательства,—напротивъ, посѣщая однихъ бѣдныхъ, заставитъ думать и говорить, что тамъ только онъ и пастырь, гдѣ по неволѣ обязаны слушать его и принимать его попеченія. Вообще, пастырь долженъ быть пастыремъ всей своей паствы, а не тѣхъ или другихъ лицъ или семействъ прихода.

сотрудничество пасомыхъ.

9) При всей своей дѣятельности, пастырь не можетъ видѣть всего, что ему нужно видѣть, не можетъ быть вездѣ, гдѣ ему нужно быть, не можетъ сдѣлать всего, что ему нужно дѣлать. Онъ всегда будетъ имѣть нужду въ сотрудничествѣ самыхъ пасомыхъ, и потому долженъ заботиться о томъ, чтобъ имѣть добрыхъ въ нихъ сотрудниковъ своему дѣлу.

Это необходимо. Такъ поступали и великіе пастыри, свѣтила Церкви Христовой, славные столько же трудами пастырскими, сколько обиліемъ благодатныхъ даровъ пастырства и святымъ искуствомъ въ дѣлѣ руководствованія пасомыхъ. »Что успѣю сдѣлать я одинъ?« — взывалъ неоднократно св. Златоустъ къ своимъ слушателямъ,—»я не могу одинъ ежедневно быть со всѣми вами; мнѣ недостаетъ силъ одному бесѣдовать съ такимъ множествомъ. Если же захотите принять участіе во взаимномъ спасеніи другъ друга и взять на себя каждый по одному изъ согрѣшившихъ братій; то у насъ быстро пойдетъ дѣло назиданія.« (Бесѣд. о Лазар. 1, 5).

Это законно. Св. апостолъ Павелъ даетъ

слѣдующую заповѣдь всѣмъ вообще христіанамъ: *да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ.... другъ друга подвизающе* (Евр. 10, 24—25). Сею заповѣдію, очевидно, разширяется обязанность духовнаго попеченія о другихъ, налагаемая собственно на пастырей Церкви, и внушается всѣмъ христіанамъ, какъ членамъ единаго тѣла, имѣть взаимную о себѣ заботливость. Никто изъ пасомыхъ не можетъ по произволу поставлять себя въ духовные наставники, ибо *никтоже самъ себѣ пріемлетъ честь, но званный отъ Бога* (Евр. 5, 4): Богъ самъ далъ Церкви своей *овы апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители* (Ефес. 4, 11): но можно вразумлять, поощрять, ободрять, наставлять другихъ безъ притязаній учительства, безъ присвоенія пастырскаго права. Не имѣя никакой общественной обязанности и власти въ охраненіи благополучія другихъ, мы однакожъ чувствуемъ себя обязанными—и справедливо—споспѣшествовать общественной и частной безопасности, и когда, на примѣръ, тать вторгается въ домъ чужой или въ сокровищницу общественную, когда огонь угрожаетъ истребить чужое достояніе и подоб.; то никакой благонамѣренный человѣкъ не скажетъ: это не мое дѣло, и не замедлитъ, сколько можетъ, подать помощь и защиту противъ зла. Тѣмъ естественнѣе, законнѣе и непреложнѣе обязанность каждаго изъ насъ защищать другъ друга отъ зла нравственнаго и способствовать одинъ другому въ добрѣ духовномъ. И пастырь имѣетъ право и даже долгъ призывать къ такому святому дѣлу пасомыхъ, потому что оно само по себѣ есть высокая добродѣтель христіанская.

Это можетъ быть весьма полезно и плодотворно. Во многихъ случаяхъ пастырь успѣшнѣе можетъ дѣйствовать чрезъ другихъ, нежели самъ собою. Есть мѣста, куда не позволяетъ заглядывать пастырю самый священный санъ его; совершаются дѣла, въ которыя входить ему и неприлично и неудобно; многое дѣлается въ такой тайнѣ, покрайней мѣрѣ для пастыря, что самъ по себѣ онъ никогда не можетъ развѣдать о томъ обстоятельно: между тѣмъ во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ бываетъ иногда потребно сильное и скорое вразумленіе, врачевство. Здѣсь другіе могутъ принять на себя и исполнить то, что не совсѣмъ доступно самому пастырю. И вообще, чѣмъ болѣе будетъ въ приходѣ людей, сочувствующихъ заботливости пастыря о духовномъ благоустройствѣ паствы и готовыхъ по возможности содѣйствовать ему въ служеніи его; тѣмъ болѣе стѣснится порокъ, присмирѣетъ вольность страстей, сократятся соблазны и превозможетъ духъ христіанскаго благочинія и благочестія. »Доброе соединеніе добрыхъ волей, безъ сомнѣнія, много возраститъ ихъ силу и въ обиліи привлечетъ благословеніе и силу Божію« (Слов. Филар. М. М. на царск. дни, 14)«.

Ближайшими и, такъ сказать, естественными сотрудниками пастыря могутъ и должны быть: а) отцы семействъ, б) владѣтели, имѣющіе въ распоряженіи своемъ большее или меньшее число народа, в) всѣ, пользующіеся какою нибудь властію или правомъ смотрѣть за другими и требовать отъ другихъ послушанія въ какомъ бы то ни было отношеніи, г) наконецъ старцы, къ которымъ самый возрастъ ихъ внушаетъ болѣе или менѣе общее уваженіе, а опытность и добрая жизнь—особое довѣріе и расположенность.

Сотрудничество пастырю пасомыхъ не имѣетъ нужды въ какой нибудь особой формѣ: это—не учрежденіе, не штатъ и проч., это, какъ замѣчено уже выше, должно быть добродѣтелію, свойственною каждому христіа-

нину вообще, а нѣкоторымъ въ особенности. Призывая другихъ на помощь служенію своему, пастырь долженъ обращаться съ этимъ призваніемъ къ пасомымъ точно также, какъ обращается къ нимъ со всякимъ духовно-нравственнымъ требованіемъ, отъ лица Божія и въ силу евангельскаго закона. Никакой тайны изъ этого дѣлать не должно; никакого совѣта или управы изъ извѣстныхъ лицъ составлять не позволительно. У пастыря не должно быть какихъ нибудь доносчиковъ, надзирателей, распорядителей и подобн. Каждый изъ сотрудниковъ долженъ служить ему не въ качествѣ особаго (оффиціальнаго) помощника, а въ качествѣ добраго прихожанина и христіанина. Пастырь, конечно, можетъ чрезъ кого нибудь развѣдывать о различныхъ случаяхъ въ паствѣ, но - не дѣлая никого наушникомъ. »Я не стыжусь развѣдывать...,—говорилъ нѣкогда о себѣ св. Златоустъ,—потому что эта любознательность происходитъ не отъ пытливости, а отъ заботливости. Не безчестіе для врача освѣдомиться о болящемъ и проч«. (Бесѣд. о стат. 8, 1): вотъ истинная цѣль и истинный характеръ всякихъ пастырскихъ разслѣдованій о паствѣ. Пастырь можетъ также нарочито призывать извѣстныхъ людей къ какому нибудь смотрѣнію, для возможнаго исправленія тѣхъ или другихъ недостатковъ въ паствѣ,—но не облекая ихъ ни въ какую должность, а дѣйствуя самъ и побуждая дѣйствовать другихъ исключительно нравственнымъ вліяніямъ. Пастырь можетъ приглашать избранныхъ на совѣтъ, чтобы придумать мѣры или изобрѣсть средство къ удовлетворенію какихъ нибудь особыхъ нуждъ въ паствѣ, но — все въ томъ же духѣ, не стѣсняя ничьей свободы, не обязывая никого противъ воли, не покушаясь ни на какія принужденія, не раздавая произвольно никакихъ преимуществъ и правъ. Поступая такимъ образомъ, онъ и самъ никогда не выйдетъ изъ круга своихъ обязанностей и правъ, и въ народѣ своемъ не возбудитъ никакихъ партій, и трудное дѣло служенія своего облегчитъ участіемъ въ немъ пасомыхъ.

(Продолженіе будетъ).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 27-го Октября 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 34.

НЕДѢЛЯ 26 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

24 Ноября 1857 г.

Гласъ 1-й.

На утрени евангеліе воскресное 4-е, Лук. зач. 112. На литургіи: апост. Ефес. зач. 229, еванг. Лук. зач. 66.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА

НРАВОУЧЕНІЕ ИЗЪ XXVII-й БЕСѢДЫ НА 2-е ПОСЛАНІЕ КЪ КОРИНѲЯНАМЪ.

Великъ грѣхъ — ненавидѣть и не имѣть любви; но еще больше грѣхъ, если кто на любовь не отвѣчаетъ любовію. Ибо если любящій любящаго не лучше мытаря; то не имѣющій и сего хуже самыхъ звѣрей. Что ты говоришь, человѣкъ? ты не любишь любящаго? Для чего же живешь? Къ чему ты послѣ сего годенъ? Къ какимъ дѣламъ,—къ общественнымъ, или семейнымъ? Ни къ чему. Ибо всего безполезнѣе человѣкъ не умѣющій любить. Закону любви часто покарялись и разбойники, и убійцы, и воры; вкусивъ только вмѣстѣ соли, дѣлались они другими, и за общимъ столомъ перемѣняли свой нравъ. А ты, имѣя общеніе съ другимъ не только за солію, но въ словахъ и дѣлахъ, во входахъ и исходахъ, не любишь его? Но скажешь: ужели есть такіе жалкіе и звѣронравные люди, которые отвращаются и ненавидятъ любящаго? Хорошо дѣлаешь, что, по причинѣ несообразности дѣла, не вѣришь. Но если укажу тебѣ многихъ людей такого свойства, то какъ будетъ перенести намъ такой стыдъ? Ибо что за любовь, когда злословишь любящаго тебя, когда, слыша о немъ худыя рѣчи, не защищаешь? когда завидуешь его доброй славѣ? Но и не завидовать — еще недостаточное доказательство дружбы; мало того, чтобы не враждовать и не преслѣдовать, надобно поддерживать любящаго насъ и споспѣшествовать его выгодамъ. Что же можетъ быть несчастнѣе души, которая и говоритъ и дѣлаетъ все на погибель ближняго? Вчера и за день ты былъ другомъ, раздѣлялъ съ нимъ бесѣду и столъ, но вдругъ, увидѣвъ, что членъ твой благоуспѣваетъ, ты сбрасываешь съ себя личину дружества, враж-

дуешь, даже безумствуешь: ибо явное безуміе терзаться благополучіемъ ближняго. Лучше имѣть змѣю, клубящуюся во утробѣ, нежели зависть, внутри гнѣздящуюся. Змѣю можно еще или изблевать при помощи лѣкарства, или усмирять пищею: но зависть не въ утробѣ гнѣздится, а вращается въ самомъ нѣдрѣ души, и есть болѣзнь, съ трудомъ врачуемая. Змѣя, находящаяся во внутренности, когда есть для нея другая пища, не касается плоти человѣческой: но зависть, хотя бы предложили ей тысячу снѣдей, пожираетъ самую душу, со всѣхъ сторонъ ее грызетъ, терзаетъ и влачитъ: для нея нельзя найти такого успокоительнаго средства, которое бы уменьшало ея неистовство; для сего одно средство несчастіе благоденствующаго. Симъ однимъ она успокоивается. Вѣрнѣе же сказать, и то не дѣйствительно. Ибо хотя одинъ и злострадетъ, но, видя другаго благоденствующимъ, она снѣдается тою же скорбію; отвсюду для нея раны, отвсюду удары; ибо, живя на землѣ, невозможно не видѣть счастливыхъ. Такова сила этой болѣзни, что и заключившійся внутрь дома, завидуетъ прежнимъ, уже умершимъ людямъ! Велико зло, что страждутъ завистію люди, живущіе въ мірѣ, — впрочемъ это еще сносно; но всего несноснѣе, что таже болѣзнь одержитъ людей, уже освободившихся отъ мірскаго мятежа. Желалъ бы я молчать: но — еслибы молчаніе уничтожало и стыдъ, причиняемый дѣлами, то полезно было бы не говорить. А если, хотя я умолчу, однакоже дѣла будутъ вопіять громче моего языка: то не будетъ вреда отъ моихъ словъ, но, можетъ быть, по обнаруженіи нами зла, произойдетъ какая нибудь выгода и польза. Ибо сія болѣзнь коснулась и Церкви, все извратила, расторгла союзъ тѣла, и мы возстаемъ вооружаемые завистію другъ противъ друга. Отсюда произошло великое разстройство. Ибо когда и всѣ созидаютъ, не легко достигнуть, чтобы твердо стояли назидаемые: до чего же дойдетъ, когда всѣ разрушаютъ? Что ты дѣлаешь, человѣкъ? Почитая полезнымъ разрушать благосостояніе ближнихъ, ты прежде онаго разрушаешь собственное свое. Не видишь ли, какъ и садовники и земледѣльцы стремятся къ одной цѣли? Одинъ копаетъ землю, другой насаждаетъ растѣніе, иной окладываетъ корень, иной поливаетъ насажденіе, иной ограждаетъ и обноситъ стѣною, иной отгоняетъ скотъ; а всѣ заботятся объ одномъ, чтобы соблюсти растѣніе. Но у насъ не такъ. Напротивъ, я насаждаю, а другой истребляетъ и ослабляетъ насажденное; дай покрайней мѣрѣ укрѣпиться ему, чтобы могло противиться непріязненному навѣту. Ты не мое дѣло губишь, но свое разстроиваешь. Я насадилъ, тебѣ надлежало поливать; если же станешь потрясать насажденное, выдернешь и самый корень; то тебѣ нечего будетъ поливать. Но видишь, что насаждающаго славятъ? Не бойся: ни ты, ни я ничего незначимъ; ибо *ни насаждаяй, ни напаяяй есть что* (1 Кор. 3, 7); все дѣло принадлежитъ единому Богу; а потому, изторгая насажденное, ты возстаешь и враждуешь на Бога. Итакъ надобно наконецъ образумиться, прійти въ сознаніе. Я не столько боюсь внѣшней брани, сколько внутренней борьбы. Если корень хорошо укрѣпленъ въ землѣ, то не потерпитъ вреда отъ вѣтровъ; а если шатается, потому что внутри подточенъ червями, то дерево упадетъ, хотя бы и никто его не трогалъ. Долго ли будемъ и мы, подобно червямъ, подтачивать корень Церкви? Сдѣлаемся когда нибудь великодушными, будемъ подвижниками любомудрія, отразимъ сильное стремленіе сихъ золъ. Какъ въ тѣлѣ, недавно умершемъ, хотя можно еще видѣть и глаза, и руки, и ноги, и шею, и

голову; однакоже ни одинъ членъ не исправляетъ своей должности: такъ и предстоящіе всѣ суть вѣрные, но вѣра ихъ бездѣйственна, потому что мы погасили ревность, и тѣло Христово содѣлали мертвымъ. Страшно выговорить сіе, но гораздо страшнѣе видѣть на самомъ дѣлѣ. По имени мы братія, а по дѣламъ враги; всѣ называемся членами одного тѣла, а чужды другъ другу, какъ звѣри. Говорю сіе не для того, чтобы обнаружить наши дѣла, но чтобы пристыдить и отвратить отъ нихъ. Кто нибудь вошелъ въ домъ, принятъ съ честію;— надлежало бы благодарить Бога за то, что членъ твой почтенъ, и въ немъ прославляется Богъ: но ты поступаешь напротивъ;—говоришь о немъ худо тому, кто почтилъ его, чтобы обоихъ низложить, и на себя навлечь стыдъ. Для чего, несчастный и жалкій человѣкъ, скорбишь, слыша, что брата твоего хвалятъ? Приложи и свои похвалы, тогда и тебя хвалить станутъ. Если же отрицаешь похвалу, то симъ прежде всего самъ о себѣ говоришь худо, навлекая на себя худую славу, а его еще болѣе возносишь. Когда слышишь похвалы другому, старайся сдѣлать, чтобы онѣ относились и къ тебѣ, если не за жизнь и добродѣтель твою, покрайней мѣрѣ за то, что радуешься совершенствамъ брата Одинъ похвалилъ, и ты удивляйся; тогда и тебя онъ похвалитъ, какъ человѣка благонамѣреннаго и правдиваго. Не опасайся, что унизишь себя, хваля другаго; скорѣе приведетъ къ тому твое осужденіе. Люди своенравны, и когда видятъ, что ты говоришь худо, упорствуютъ въ похвалахъ, желая тѣмъ уязвить тебя, а обвинителей выставить лжецами въ собственныхъ ихъ глазахъ и предъ другими. Видишь ли, какой позоръ навлекаемъ сами на себя? Какъ губимъ и разгоняемъ паству? Сдѣлаемся наконецъ членами, составимъ единое тѣло. Кого хвалятъ, тотъ да отказывается отъ похвалъ, и да относитъ ихъ къ своему брату; а кто слышитъ похвалу другому, пусть радуется о семъ. Если въ такомъ тѣсномъ союзѣ будемъ между собою, то привлечемъ къ себѣ и Главу тѣла; если же будемъ разъединены, то лишимся Ея помощи; а безъ Нея тѣло, не будучи поддерживаемо свыше, потерпитъ великій вредъ. Дабы не случилось сего съ нами, отженемъ отъ себя ненависть и зависть, и презрѣвъ людскую славу, облобызаемъ любовь и согласіе. Такимъ образомъ сдѣлаемся причастниками настоящихъ и будущихъ благъ, коихъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О ПОЛУНОЩНОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Полночь—время глубокаго молчанія и покоя твари; среди полночнаго мрака все какъ бы погружено въ себя; и душа человѣческая естественно обращается тогда къ самой себѣ, углубляется во внутреннѣйшее свое святилище. Въ людяхъ благочестивыхъ это естественное возбужденіе къ самоуглубленію и размышленію переходитъ въ расположеніе молитвенное. Церковь Божія искони замѣтила это

благотворное вліяніе полнощной природы на расположеніе нашей души, уяснила для нея это темное вліяніе и сообщила ему характеръ священный, установивъ свое *Полунощное богослуженіе.*

Полунощное богослуженіе по началу своему восходитъ къ отдаленнымъ временамъ Церкви ветхозавѣтной, освящено и утверждено примѣромъ самаго Господа Іисуса Христа и Его святыхъ Апостоловъ; время полуночи, кромѣ того, ознаменовано многими важнѣйшими событіями въ исторіи нашего спасенія. Въ богодухновенныхъ псалмахъ, читаемыхъ на Полунощномъ богослуженіи, пророкъ Давидъ воспѣваетъ: *помянухъ въ нощи имя твое, Господи. и сохранихъ законъ твой. Полунощи востахъ исповѣдатися Тебѣ о судьбахъ правды твоея. Предваристъ очи мои ко утру, поучитися словесемъ твоимъ* (Пс. 118, 55. 62. 148). *Въ нощехъ воздѣжите руки ваша*, говоритъ онъ всѣмъ вообще (Пс. 138, 1). Но особенно Церковь помнитъ примѣръ своего божественнаго Основателя—Господа Іисуса Христа, помнитъ тѣ случаи, когда Онъ, отпустивши народъ, бывшу поздѣ, *неоднократно восходилъ на гору помолитися*,—помнитъ еще одну возвышеннѣйшую молитву предъ страданіями, бывшую также въ полуночи, молитву, соединенную съ воплемъ крѣпкимъ о насъ къ Богу: примѣръ поразительный, который одинъ силенъ возбудить отъ сна на молитву!—Первые послѣдователи Господа часто полночное время проводили въ молитвѣ. Святый апостолъ Петръ всажденъ былъ въ темницу, и — *ночью молитва бѣ прилѣжна бываемая отъ Церкви къ Богу* объ освобожденіи его; *тогда бяху мнози собрани и молящеся* (Дѣян. 12, 5—12). Въ самую полночь *Павелъ и Сила*, скованные въ темницѣ, *молящеся пояху Бога*, — и ихъ молитва произвела чудо: *внезапу трусъ бысть великій, яко поколебатися основанію темничному: отверзошася же абіе двери вси, и всѣмъ узы ослабѣша* (Дѣян. 16, 25. 26). Въ глубокія ночи первенствующіе христіане, во дни гоненій, удалялись въ пещеры и другія пустыя мѣста, и при свѣтѣ свѣщномъ, славословили распятаго Господа.—Въ исторіи нашего спасенія полночь ознаменована величайшими событіями. Въ это время воспѣта была слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе—ангелами, возвѣстившими сошествіе къ намъ Сына Божія во плоти (Лук. 2, 8. 10. 14). Въ полночь же совершилась другая высокая тайна спасенія нашего—воскресеніе Спасителя нашего. Наконецъ, знаменательное время полуночи наводитъ мысль еще на одну великую и страшную тайну—время наступленія того послѣдняго дня, когда прекратятся всѣ дни и ночи, когда явится во всей своей славѣ со ангелы своими праведный Судія живыхъ и мертвыхъ. Вотъ сколько побужденій къ молитвенному бодрствованію представляетъ для насъ время полуночи! Вотъ почему великіе Отцы Церкви всегда убѣждали христіанъ не оставлять высоко-знаменательнаго богослуженія, совершаемаго въ это важное время. »Встань въ полночь, говоритъ св. Аѳанасій великій, и восхвали Господа Бога твоего. Въ это время Господь воскресъ изъ мертвыхъ и прославилъ Отца своего, а потому и намъ внушилъ въ это же время славословить Бога« (*).—Настоящій составъ сего богослуженія — тотъ самый, который съ древнѣйшихъ христіанскихъ временъ и доселѣ существуетъ въ православной Церкви. Какъ видно изъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ,—мы слышимъ тѣже псалмы на полунощницѣ, кои произносили на этомъ богослуженіи христіане первыхъ вѣковъ,—возносимъ тѣ самыя молитвы, которыя

(*) De virginitate sive meditatione.

возносили Макарій и Василій великіе и другіе святые мужи (*).

Посвоему содержанію Полунощное богослуженіе не только все приспособлено къ тѣмъ урокамъ, которые внушаетъ намъ самое время полуночи, но въ немъ эти внушенія возведены къ ясному и полному разумѣнію вѣры.—Первое и наиболѣе общее чувство, какое ощущаетъ душа среди всеобщей ночной тишины, есть чувство нѣкотораго томленія, тяжести. Мы привыкли смотрѣть на него, какъ на усталость послѣ дневныхъ трудовъ; но, кромѣ причинъ физическихъ, не происходитъ ли оно часто отъ того, что душа обращается къ самой себѣ, и въ своей совѣсти ощущаетъ обличеніе въ тѣхъ грѣховныхъ помыслахъ и дѣлахъ, коими она была занята въ продолженіи дня? Покрайней мѣрѣ для человѣка, не погубившаго мысли о *единомъ на потребу* среди заботъ о многоразличныхъ потребностяхъ житейскихъ, для христіанина—это чувство самое естественное, благоприличное и благотворное. Что же въ такомъ состояніи нужнѣе всего можетъ быть для человѣка, какъ не вздохи покаянія, какъ не болѣзнованіе о своихъ грѣхахъ? И святая Церковь поспѣшаетъ воспользоваться этимъ добрымъ расположеніемъ нашимъ, предлагая намъ въ богослуженіи, совершаемомъ въ полунощи, покаянный псаломъ Давида: *помилуй мя, Боже* (Пс. 50), псаломъ умилительный, въ которомъ грѣшникъ, глубоко проникнутый сознаніемъ своей грѣховности и нужды исправленія, обращается къ Богу, милующему кающихся, съ пламеннымъ желаніемъ получить прощеніе у неумытнаго Судіи. Возбужденіе и усиленіе въ насъ покаяннаго чувства составляетъ одну изъ главнѣйшихъ стихій въ составѣ Полунощнаго богослуженія и преимущественно — *повсядневнаго*. Здѣсь душа истинно молящагося вся переходитъ какъ бы въ одно чувство покаянія, съ самымъ рѣшительнымъ намѣреніемъ возлюбить святый законъ и ходить во всѣхъ путяхъ правды Божіей. Самое сильное возбужденіе къ этой любви представляетъ 118-й псаломъ царственнаго пѣвца, составляющій главную особенность повсядневнаго полунощнаго богослуженія. Премудрый сынъ его просилъ у Бога единственно одной мудрости изъ всѣхъ благъ земныхъ, почитая ее высшимъ и совершеннѣйшимъ благомъ. Боголюбивый отецъ всею душею своею возжелалъ заповѣдей Божіихъ (—40), всѣмъ сердцемъ возлюбилъ свидѣнія Господни, потому что они—источникъ самой мудрости. *Коль возлюбихъ законъ твой. Господи* (7)! *Паче враговъ моихъ умудрилъ мя еси заповѣдію твоею; паче всѣхъ учащихъ мя разумѣхъ*—потому одному, *яко заповѣди твоя взыскахъ* (—98—100). Законъ Господень есть не только благо высшее, но и вмѣстѣ источникъ всѣхъ благъ, основаніе и начало всякаго совершенства. Потому *блажени ходящіи въ законѣ Господни, и испытующіи свидѣнія Его*. Онъ обнимаетъ собою всю жизнь человѣка, во всѣхъ многоразличныхъ путяхъ ея, и на каждомъ уготовляетъ не оскудѣваемое богатство. Потому-то онъ дороже для человѣка, *паче тысячъ злата и сребра*. Дабы научиться его оправданіямъ, можно и должно пожертвовать всѣми благами, рѣшиться на самыя тяжкія испытанія,—и праведникъ еще радуется, что Господь сподобляетъ его приносить такія жертвы: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, Господи*, восклицаетъ богодухновенный пѣвецъ, *яко да научуся оправданіемъ твоимъ* (—71). Надобно, подобно ему, *возлюбить* законъ Господень, дабы уразумѣть умомъ и сердцемъ всѣ блага, заключающіяся въ его оправданіяхъ,—всѣ утѣше-

(*) Смотр. сост. полунощ. въ Часословѣ.

нія, доставляемыя имъ въ бѣдахъ и обстояніяхъ жизни, среди неустройства помысловъ и пожеланій внутренняго человѣка,—всѣ побужденія къ его исполненію, представляемыя размышленіемъ о судьбахъ міра и о собственной судьбѣ,—и тотъ источникъ силы, въ немъ заключающійся, который сообщаетъ праведнику непоколебимое мужество и дерзновеніе предъ всѣми. Но и самъ Давидъ чувствовалъ нужду въ особенной помощи всеблагаго Бога, дабы разумѣть всѣ *чудеса святаго закона* Его: *вразуми мя, да испытаю законъ Твой.* Эта святая любовь къ святому закону, имѣющая своимъ источникомъ опытное познаніе его, служитъ сильнымъ обличеніемъ для сердца, недостаточно утвержденнаго въ немъ, и вмѣстѣ самымъ лучшимъ руководствомъ на многотрудной стези, указуемой покаяннымъ чувствомъ. *Твой есмь азъ, спаси мя..... помози ми..... призри на мя и помилуй мя..... воззвахъ всѣмъ сердцемъ моимъ, услыши мя, Господи,..... заблудихъ, яко овча погибшее, взыщи раба твоего,*—съ такимъ глубокимъ чувствомъ мы поучаемся просить Бога объ утвержденіи насъ въ законѣ жизни.

И какъ благовременно подобное прошеніе въ часъ полночный! Полночь, по указанію притчи о десяти дѣвахъ, напоминаетъ намъ то время, въ которое Господь опять пріидетъ на землю, дабы воздать каждому по дѣломъ его. Захотимъ ли встрѣтить Его неготовые, неутвержденные въ законѣ, неусовершенные въ добродѣтели? Вотъ почему святая Церковь, напоминая христіанину въ своемъ Полунощномъ богослуженіи о семъ внезапномъ пришествіи, побуждаетъ его вѣщать душѣ своей: »се женихъ грядетъ... День оный страшный помышляющи, блюди душе моя, да не воздремлеши и пребудеши внѣ, толкущи, яко пять дѣвъ: но бодренно пожди, да усрящеши Христа елеемъ маститымъ и дастъ ти чертогъ божественный славы своея (*)«. Напоминаніе о семъ внезапномъ пришествіи: Судіи и возбужденіе къ достойному срѣтенію Его есть другой предметъ полунощной службы, преимущественному раскрытію котораго посвящена Полунощница *субботная.* И вообще — всѣ церковныя службы, отправляемыя въ субботу, имѣютъ ближайшую, неразрывную связь съ ожидаемымъ славнымъ и страшнымъ этимъ событіемъ. Самое наименованіе субботы, дня покоя, побуждаетъ видѣть въ ней предъизображеніе того всеобщаго покоя, котораго чаютъ на землѣ всѣ разумныя и даже неразумныя твари, и котораго началомъ будетъ второе пришествіе Господа. Затѣмъ и всѣ службы этого дня посвящены прославленію вѣхъ святыхъ, уже обрѣтшихъ блаженное успокоеніе,—и молитвѣ о успокоеніи всѣхъ почившихъ въ вѣрѣ отцевъ и братій нашихъ. И Полунощница субботная, сообразно съ общимъ значеніемъ дня субботнаго, представляетъ самые возвышенные и поразительные образы нашему вниманію, обновленному духовнымъ бодрствованіемъ. Возбудивъ нашу душу къ неусыпному бдѣнію и ожиданію своего Судіи, св. Церковь тотчасъ мысленно ставитъ Его предъ нами и насъ предъ Нимъ: изображаетъ Его во всемъ грозномъ Его величіи и силѣ, и побуждаетъ насъ воспѣвать Его, какъ бы уже грядущаго. Это изображеніе славнаго и грознаго Судіи всѣхъ представляется псалмами 9-й каѳисмы, читаемыми на субботной полунощницѣ. Здѣсь мы зримъ Судію *препоясаннымъ силою, смущающимъ глубину морскую,* Судію, предъ которымъ *мятутся языцы, и отъ знаменій* котораго *устрашаются вси живущіи въ концахъ земли* (Пс. 64). Видимъ Его, *владычествующаго силою своею вѣкомъ* (—65), предъ которымъ должны *расточиться врази*

(*) Троп. на полунощн. вседневн. въ Часословѣ.

Его, бѣжатъ отъ лица Его вси ненавидящіи Его, исчезнуть, *яко исчезаетъ дымъ, яко таетъ воскъ отъ лица огня*; и только *праведницы возвеселятся и возрадуются предъ Нимъ и насладятся въ веселіи* (— 67). Предъ симъ-то страшнымъ Судіею мысленно ставитъ насъ св. Церковь въ часъ полунощный. Но, можетъ быть, еще прежде пришествія сего дня Господня, великаго и просвѣщеннаго, для насъ наступитъ не менѣе страшный часъ, когда каждый изъ насъ долженъ, по отложеніи ветхаго своего тѣлесе, немедленно предстать предъ судилищемъ Христовымъ.... И вотъ Церковь научаетъ насъ молиться. »да покрыетъ мя въ сіе время рука твоя, Владыко и да пріидетъ на мя милость твоя, яко смятеся душа моя и болѣзненна есть во исхожденіи отъ тѣлесе сего«. Мысль о грядущемъ Судіи, о многоболѣзненномъ нашемъ переходѣ отъ сей жизни въ невѣдомую область жизни загробной побуждаетъ воспомянуть о судьбѣ отшедшихъ туда прежде насъ. И св. Церковь, перенесши насъ, такъ сказать, въ страну вѣчности и поставивъ насъ мысленно предъ грознымъ Судіею, заповѣдуетъ намъ молиться »о усопшихъ отцѣхъ и братіяхъ нашихъ и всѣхъ во благочестіи и вѣрѣ скончавшихся, въ надежди воскресенія, жизни вѣчныя«,—проситъ праведнаго Судію, чтобы Онъ простилъ имъ всякое согрѣшеніе вольное же и невольное.... даровалъ имъ и намъ царствіе свое и причастіе неизреченныхъ и вѣчныхъ своихъ благъ и своея безконечныя и блаженныя жизни наслажденіе«.

Но не одни скорбныя чувствованія внушаетъ христіанину напоминаніе о страшномъ пришествіи Судіи. Этотъ Судія есть Господь, котораго пришествія *чаетъ душа*, этотъ день есть день полнаго откровенія славы Его царствія, котораго жаждутъ всѣ, возлюбльшіе явленіе Его. »Се женихъ грядетъ, и блаженъ рабъ, егоже обрящетъ бдяща«. Въ чемъ же должно состоять наше духовное бодрствованіе,—какъ мы должны проводить время ожиданія грядущаго Жениха? Отвѣтъ на сей вопросъ представляетъ полунощница *воскресная*, преимущественно посвященная раскрытію сего предмета. *Возведохъ очи мои въ горы, отнюду же пріидетъ помощь моя* (Пс. 120, 1), говоритъ царь Псалмопѣвецъ. *Не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй Израиля.* Возведемъ и чувственныя очи наши горѣ — къ небесной вышинѣ: милліоны свѣтилъ недовѣдомымъ, но ощутительнымъ гласомъ повѣдаютъ славу Божію; неумолкаемые глаголы ихъ о сей неизреченной славѣ Творца исходятъ во всѣ концы вселенныя. Вотъ образецъ и для нашего духовнаго бодрствованія. Переходя отъ видимаго къ невидимому, мы обрѣтаемъ и другія, несравненно болѣе свѣтозарныя существа—боголѣпно божественными пѣснями воспѣвающій Тріипостасную державу Отца, Сына и Святаго Духа: »Вышнія силы подражающе на земли, святая Церковь побуждаетъ и насъ приносить всеблагому Богу побѣдную ангельскую пѣснь, устремляетъ и возвышаетъ духъ нашъ къ Тріипостасному Существу, къ созерцанію Его безконечныхъ совершенствъ и величайшихъ дѣйствій въ мірѣ въ сильномъ и величественномъ, подлинноангелоподобномъ сложеніи пѣсней, такъ называемыхъ, Троичныхъ каноновъ.

Троичный канонъ, существующій въ осми частяхъ по числу осьми церковныхъ гласовъ, представляетъ намъ въ краткихъ, но чрезвычайно опредѣлительныхъ выраженіяхъ полный составъ богословскаго ученія о Пресвятой Троицѣ — все, что долженъ и что можетъ знать о глубочайшемъ и непостижимомъ таинствѣ Пресвятыя Троицы православный богословъ и всякій истинный христіанинъ. Это возвы-

шенное твореніе св. Митрофана Смирнскаго отъ начала до конца все проникнуто восторгомъ молитвы, благоговѣйнымъ страхомъ предстоянія предъ самимъ Божествомъ. Но присвоихъ высокихъ мысляхъ, при благолѣпныхъ изображеніяхъ этотъ канонъ обладаетъ особенною простотою, особенною, осязательною, такъ сказать, наглядностію въ изображеніяхъ предметовъ глубочайшихъ, по которой онъ можетъ быть легко доступенъ умамъ самымъ простымъ.—»Едино Тріипостасное начало безначальное, присносущное, творительное всяческихъ, непостижимое славятъ немолчно Серафимы и всякъ языкъ вѣрно почитаетъ пѣсньми«. Такъ въ сихъ священныхъ пѣсняхъ начинается славословіе Непостижимаго. Хотя въ каждомъ канонѣ всѣхъ осьми гласовъ содержится болѣе или менѣе полное ученіе о Пресвятой Троицѣ; но нельзя не замѣтить, что каждый проповѣдуетъ преимущественно одну какую либо сторону богооткровеннаго ученія. Такъ въ канонѣ перваго гласа преимущественно содержится ученіе о Богѣ Тріединомъ; во второмъ—о равночестіи божественныхъ Ипостасей; третій канонъ говоритъ объ отношеніи ихъ между собою; четвертый—о воплощеніи Сына Божія: пятый—о святости; седьмой—о божественномъ промышленіи о мірѣ, въ особенности о человѣкѣ; канонъ осьмаго гласа представляетъ краткое повтореніе всего сказаннаго во всѣхъ предъидущихъ канонахъ. Такимъ образомъ съ каждымъ воскреснымъ днемъ созерцаніе христіанина становится все полнѣе, взоръ его свѣтлѣе и возвышеннѣе. Тайна »вѣчно сіяющей трисвѣтлыми сіяніями св. Троицы, озаряющей душу своими трисіянными лучами«, при всей своей непостижимости, столько приближается къ богопознающему духу человѣка, что онъ весь, такъ сказать, объемлется этимъ »свѣтомъ единственнымъ и добротою недовѣдомою«, и въ божественномъ умиленіи и восторгѣ заключаетъ наконецъ свое славословіе: »славимъ Тя Троицу богоначальную, всесодержащую, невидимую, всещедрую, благоутробную, живоначальную, единоначальную, пресущественную, отъ несущихъ вся премудро составившую, безпредѣльно—безграничную, — славимъ и молимъ Тебя Троицу—Единицу Бога нашего, свѣтъ незаходимый, трисолнечный, трисіянный,—славимъ Тебя, хотя и божественные Серафимы, не вынося неизреченной твоей доброты, благоговѣйно закрывають свои лица,—славимъ Троицу всесильную, совершенно-начальную, благодѣйственную, вину всего безпредѣльную и безвиновную.—Богослуженіе заключается протяженнымъ и усиленнымъ моленіемъ о всѣхъ, съ кѣмъ только мы соединены священными узами, составляющими изъ всѣхъ благоустроенное общество и неразрывное царство христіанской любви.

Таково Полунощное богослуженіе Православной Церкви. Оно представляетъ дивно—стройное сочетаніе молитвъ и пѣсней—то глубоко—покаянныхъ, то трогательно—умилительныхъ, то возвышенныхъ, торжественныхъ, ангелоподобныхъ—молитвъ и пѣсней, преисполненныхъ помазанія.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 2-го Ноября 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 35.

НЕДѢЛЯ 27 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

1 Декабря 1857 г.

Гласъ 2-й.

На утрени евангеліе воскресное 5-е, Лук. зач. 113. На литургіи: апост. Ефес. зач. 233, еванг. Лук. зач. 71.

БЛАЖЕННАГО ІЕРОНИМА

О ЖИЗНИ КЛИРИКОВЪ И МОНАХОВЪ (*).

Клирикъ, служащій Христовой Церкви, прежде всего пусть вникаетъ въ свое наименованіе и, выразумѣвъ значеніе онаго, старается быть тѣмъ, чѣмъ называется. Если греческое κλῆρος значитъ *жребій*, *часть;* то клирики называются такъ или потому, что они отъ части Господней, или потому, что самъ Господь — часть, то есть жребій, удѣлъ клириковъ. А кто или самъ часть Господня, или Господа имѣетъ своею частію, тотъ долженъ стараться и самъ обладать Господомъ и быть обладаемымъ отъ Господа. Кто обладаетъ Господомъ и говоритъ съ Пророкомъ: *Господь часть моя* (Пс. 15, 5. 72, 26), тотъ ничего не можетъ имѣть кромѣ Господа,—поелику, если что нибудь будетъ имѣть кромѣ Господа, то Господь уже не будетъ его частію. Напримѣръ, если будетъ имѣть золото, или серебро, или помѣстья, или различную утварь: то при этомъ Господь уже не удостоитъ быть его частію. Если же я *часть Господня и уже наслѣдіе Его* (Втор. 32, 9), то не имѣю части между прочими колѣнами, но, какъ левитъ и священникъ, живу десятинами и, служа алтарю, содержусь приношеніями къ алтарю, имѣя одежду и пищу, симъ буду доволенъ, и убогій послѣдую за убогимъ крестомъ.

Итакъ убѣждаю тебя и буду еще и еще убѣждать: не ищи въ службѣ Христовой выгодъ мірскихъ, не пріобрѣтай больше того, сколько имѣлъ прежде, нежели сдѣлался клирикомъ, дабы не сказано было и тебѣ: *достоянія ихъ не полезна будутъ имъ*

(*) Изъ письма къ Непоціану.

(Іер. 12, 13). Трапезу твою пусть знаютъ бѣдные и странники, и вмѣстѣ съ ними Христосъ будетъ гостемъ. Бѣгай, какъ какой нибудь язвы, клирика—торговца, изъ бѣднаго сдѣлавшагося богатымъ, изъ незнатнаго—славнымъ. *Тлятъ обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. 15, 33). Нога женщины пусть или никогда, или рѣдко переступаетъ твой порогъ. Или равно не знай ни одной, или равно люби всѣхъ отроковицъ и дѣвъ Христовыхъ. Не живи съ ними подъ одною кровлею и не надѣйся на прежнюю чистоту. Ты не святѣе Давида и не мудрѣе Соломона. Помни, что жителя рая жена изгнала изъ него. Когда заболѣешь, пусть прислуживаетъ тебѣ кто нибудь изъ святыхъ братій или родная сестра, или мать, или иная, всѣмъ извѣстной честности. Если же не будетъ подобнаго, по родству или цѣломудрію, лица, то Церковь содержитъ многихъ старицъ, которыя, прислуживая, могутъ и исполнять долгъ и заслуживать благотворенія, чтобы такимъ образомъ и болѣзнь твоя произрастила плодъ милостыни. Знаю нѣкоторыхъ, исцѣлившихся тѣломъ, и начавшихъ болѣть душею. Если, по долгу клирика, ты посѣщаешь вдову или дѣвицу,—никогда не входи въ домъ одинъ. Пусть слѣдуетъ за тобою чтецъ, или свѣтоносецъ или пѣвецъ, и пусть они красуются не одеждами, а нравами, пусть не завиваютъ волосъ, но самою наружностію выказываютъ стыдливость. Одинъ съ одною тайно, безъ посредника или свидѣтеля, не сиди. Остерегайся всякихъ подозрѣній, и если могутъ они коснуться,—наперед принимай мѣры, чтобы не коснулись. Частые подарки, какъ то—платочковъ и лѣнточекъ и посылки изысканныхъ кушаній, льстивыхъ и нѣжныхъ записочекъ—святой любви не свойственны. »Сладость моя, желаніе мое, утѣха и радость« и прочія, смѣха достойныя нѣжности осмѣиваются на зрѣлищахъ и презираются даже въ мірскихъ людяхъ: во сколько же болѣе не терпимы въ монахахъ и клирикахъ.

Стыдно сказать, идольскіе жрецы, лицедѣи, возницы и непотребныя женщины получаютъ наслѣдства: однимъ клирикамъ и монахамъ это запрещено закономъ, и запрещено не гонителями, а государями христіанскими. Я не жалуюсь на законъ, но скорблю о томъ, что мы заслужили такой законъ. Постановленія царскія для насъ сильнѣе, нежели Христовы; законовъ боимся,—евангеліе пренебрегаемъ. Пусть будетъ наслѣдница, но только мать послѣ дѣтей, то есть Церковь, которая ихъ родила, вскормила и охраняла. Пещись о нуждахъ бѣдныхъ—честь епископа, а священникамъ заботиться о собственномъ богатствѣ—безчестно.

Чаще читай божественное Писаніе, даже никогда не выпускай изъ рукъ священныхъ книгъ. Учись, чтобы учить. *Держись вѣрнаго словесе по ученію; да силенъ будеши и утѣшати въ здравѣмъ ученіи и противящіяся обличати* (Тит. 1, 9). *Пребывай въ нихже наученъ еси и яже вѣрена суть тебѣ, вѣдый отъ кого научился еси* (2 Тим. 3, 14); будь всегда готовъ къ отвѣту всякому, требующему отчета въ твоемъ упованіи и вѣрѣ (1 Петр. 3, 15). Дѣла твои пусть не опровергаютъ твоихъ словъ, чтобы кто нибудь и молча не спросилъ тебя, когда ты будешь проповѣдывать въ церкви: почему же ты самъ не поступаешь такъ, какъ учишь? Хорошъ тотъ учитель, который съ полнымъ желудкомъ разсуждаетъ о постахъ! Осуждать корыстолюбіе можетъ и разбойникъ. У священника Христова уста, мысль и руки должны быть согласны. Будь покоренъ святителю твоему и какъ родителя души почитай его. Любить свойственно сыновьямъ, бояться—рабамъ. *Аще Отецъ есмь Азъ, то гдѣ слава*

моя, и аще Господь есмь Азъ, то гдѣ страхъ мой (Малах. 1, 6)? Еще и то скажу, что епископы должны помнить, что и они священники, а не господа; пусть обходятся съ клириками, какъ съ клириками, чтобы и сами отъ клириковъ получали честь, какъ епископы. Должно знать, что какъ были Ааронъ и дѣти его, такъ должны быть — епископъ и пресвитеры; единъ Богъ, едина Церковь, — да будетъ единодушіе и у служителей ихъ. Будемъ всегда помнить, что апостолъ Петръ заповѣдуетъ священникамъ: *пасите еже въ васъ стадо Божіе, посыщающе не нуждею, но волею и по Бозѣ; ниже не праведными прибытки, но усердно, не яко обладающе причту, но образи бывайте стаду: и явльшуся Пастыреначальнику, пріимете неувядаемый славы вѣнецъ* (1 Петр. 5, 24).

Проповѣдь твоя въ церкви пусть возбуждаетъ вздохи, а не восклицанія народа. Слезы слушателей да будутъ похвалою тебѣ. Рѣчь пресвитера должна украшаться словами Писанія. Я хочу, чтобы ты былъ не декламаторомъ, адвокатомъ (*) и говорливымъ безъ смысла, но искуснымъ въ изъясненіи священнаго и знающимъ тайны Бога твоего. Играть словами и возбуждать удивленіе простаго народа многорѣчіемъ — свойственно людямъ недоученымъ. Нѣтъ ничего легче какъ дерзостію рѣчи обманывать простой народъ и несмысленную толпу, которая чего не понимаетъ, тому болѣе удивляется.

Равно не носи одеждъ и черныхъ и свѣтлыхъ. Должно столько же избѣгать щегольства, какъ и неопрятности, поелику одно показываетъ роскошь, другая — тщеславіе. Въ этомъ не много заслуги, когда ты не одѣваешься въ тонкое полотно: то честь, когда у тебя нѣтъ денегъ, чтобы пріобрѣсть и полотняныя одежды. Смѣшно и безчестно, имѣя полную сокровищницу золота, хвалиться, что у тебя нѣтъ ни платка, ни утиральника. Есть такіе, которые малость подаютъ бѣднымъ, чтобы самимъ получить больше, и чрезъ то милостынею думаютъ прикрыть свое любостяжаніе. Но это не милостыня, а скорѣе охотничья приманка. Лучше не имѣть что дать, нежели безстыдно просить, чтобы спрятать. Не всѣ все можемъ. Иной въ Церкви — глазъ, иной — языкъ, иной — рука, иной — нога, ухо, чрево и проч. Прочти въ посланіи Павла къ Коринѳянамъ (1 Кор. 12), какимъ образомъ различные члены составляютъ единое тѣло. Да не считаетъ себя святымъ простой и неученый братъ потому, что ничего не знаетъ: и ученый и краснорѣчивый да не поставляетъ святости въ искуствѣ слова. Много лучше изъ двухъ недостатковъ имѣть святую простоту, нежели грѣшное краснорѣчіе.

Не води пиршествъ съ свѣтскими и особенно съ тѣми, которые въ высокихъ чинахъ. Ты — священникъ Христа распятаго, который жилъ въ бѣдности и питался чужимъ хлѣбомъ; а у твоихъ дверей — воинская стража! Какъ это больно! Если же ты оправдываешься тѣмъ, что дѣлаешь это, дабы просить за бѣдныхъ и угнѣтенныхъ, то и свѣтскій судія болѣе сдѣлаетъ для клирика воздержнаго, нежели богатаго, — и болѣе почтитъ твою святость, нежели богатство. А если онъ таковъ, что слушаетъ клириковъ о какихъ нибудь несчастіяхъ только за стаканомъ: то я охотно откажусь отъ благодѣяній такого рода, и вмѣсто судіи попрошу Христа, который и болѣе и скорѣе можетъ помочь, нежели судія: ибо *благо есть надѣятися на Господа, нежели*

(*) Не въ смыслѣ защищенія другихъ: ибо это было всегда священною обязанностію клириковъ; но въ смыслѣ изысканности и многословія, такъ обычныхъ у адвокатовъ.

надѣятися на человѣка; — *благо есть уповати на Господа, нежели уповати на князи* (Пс. 117, 8—9). Пусть никогда отъ тебя не пахнетъ виномъ; — винолюбивыхъ священниковъ и Апостолъ осуждаетъ и ветхій законъ предписываетъ, чтобы служители алтаря не пили ни вина, ни сикеры (Лев. 10, 9). Всего, что опьяняетъ и приводитъ въ смятеніе умъ, избѣгай также, какъ и вина. Я не съ тѣмъ говорю, чтобы осуждать твореніе Божіе (ибо и Господа называли винопійцею (Матѳ. 11, 19), и Тимоѳею больному желудкомъ разрѣшено умѣренное употребленіе вина (1 Тим. 23) но требую мѣры въ питьѣ по возрасту, здоровью и качеству тѣла. Если и безъ вина палитъ меня юность и кипитъ во мнѣ кровь; если имѣю здоровье и полносочное тѣло, то я могу обойтись безъ стакана, въ которомъ вижу ядъ.

Назначай себѣ такую мѣру постовъ, какую можешь снести. Да будутъ посты твои чисты, непорочны, умѣренны и не суевѣрны. Что пользы не ѣсть съ масломъ и употреблять въ пищу приторныя и лакомыя яства? Когда мы гоняемся за пріятнымъ, удаляемся отъ царствія небеснаго. Повѣрь, самый лучшій постъ тамъ, гдѣ хлѣбъ и вода. Не домогайся славы отъ людей, чтобы изъ-за похвалы людской не прогнѣвать Бога. *Аще бо быхъ еще человѣкомъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ* (Гал. 1, 10). Нельзя угождать людямъ и быть рабомъ Христовымъ. Воинъ Христовъ проходитъ мимо доброй и худой славы, *съ оружіи правды десными и шуими* (2 Кор. 6, 7), не увлекаясь похвалою и не огорчаясь поношеніемъ; онъ не надмевается богатствомъ и не унываетъ въ бѣдности, презираетъ и радость и печаль. *Во дни солнце не ожжетъ его, ниже луна нощію* (Пс. 120, 6).

Не молись на углахъ улицъ, чтобы молва людская не заградила твоей молитвѣ прямой путь къ небу. Не разширяй воскрылія одеждъ твоихъ, не носи хранилищъ на показъ другимъ. Не лучше ли носить заповѣди Божіи не на тѣлѣ, а въ сердцѣ, и милость Божію, а не уваженіе людское привлекать къ себѣ? Хочешь ли знать, какихъ украшеній требуетъ Богъ? Стяжи благоразуміе, справедливость, воздержаніе, мужество. Нѣтъ ничего драгоцѣннѣе сего ожерелья, нѣтъ ничего прекраснѣе сего разнообразія камней. Ими ты со всѣхъ сторонъ и украсишься, и опояшешься, и прикроешься; они будутъ тебѣ и украшеніемъ и огражденіемъ, эти камни обратятся для тебя въ щитъ.

Берегись имѣть невоздержными языкъ и слухъ, то есть не злословь самъ другихъ и не слушай другихъ злословящихъ. *Сѣдя на брата твоего клеветалъ еси и на сына матере твоея полагалъ еси соблазнъ. Сія сотворилъ еси и умолчахъ, вознепщевалъ еси беззаконіе, яко буду тебѣ подобенъ: обличу тя и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя* (Пс. 49, 20 - 21). Берегись увлеченія языка, будь остороженъ въ рѣчахъ твоихъ и знай, что тѣмъ, что говоришь о другихъ, ты будешь осужденъ, какъ собственнымъ приговоромъ, и въ чемъ другихъ обличаешь, въ томъ самъ будешь уловленъ. Ты скажешь: когда другой говоритъ что либо обидное, то я чѣмъ виноватъ? Но это худое оправданіе. Никто не захочетъ разсказывать что либо тому, кто не хочетъ слушать. Стрѣла не вонзится въ камень, но отскочивши можетъ поразить самаго стрѣлявшаго. Клеветникъ, увидавъ, что ты неохотно слушаешь, научится не вдругъ злословить. Съ клеветникомъ, говоритъ Соломонъ, не имѣй общенія, *внезапу бо истяжутъ нечестивыхъ, мученія же обоихъ кто увѣсть* (Притч. 24, 21), — то есть и злословящаго и того, кто его слушаетъ.

Да будетъ же твоимъ долгомъ хранить въ чистотѣ не только глаза, но и языкъ. Никогда не разсуждай о красотѣ женщинъ, и что дѣлается въ одномъ домѣ, того пусть не знаетъ чрезъ тебя другой домъ. Пусть насъ лучше знаютъ, какъ утѣшителей въ горѣ, нежели какъ участниковъ веселыхъ пировъ. Скоро начинаютъ презирать клирика, который, часто приглашаемый на обѣды, не отказывается ходить. Никогда не проси, рѣже будемъ брать и, тогда, когда насъ просятъ принять: ибо *блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати* (Дѣян. 20, 35). Не знаю, какъ это бываетъ, что самъ тотъ, кто проситъ принять, когда примешь, станетъ менѣе уважать тебя, и напротивъ — удивительное дѣло! — если ты откажешься принять по его просьбѣ, онъ въ послѣдствіи тѣмъ болѣе будетъ уважать тебя. Какимъ образомъ клирики могутъ быть управителями и распорядителями чужихъ домовъ и селъ, когда имъ заповѣдано не заботиться и о собственномъ имуществѣ? Отнять что нибудь у другаго, есть хищничество; обманывать Церковь, есть святотатство. Получить что нибудь для раздачи бѣднымъ и, тогда какъ многіе нуждаются, хотѣть быть разчетливымъ и бережливымъ, или, что всего хуже, присвоить нѣчто изъ того себѣ. — это значитъ превзойти жестокостію всѣхъ разбойниковъ. Я мучусь голодомъ, а ты разсуждаешь, что будетъ достаточно для моего желудка? Или раздѣли тотчасъ что получилъ, или, если ты мнительный распорядитель, не мѣшай благотворителю, и пусть онъ самъ раздаетъ свое. Я не хочу, чтобы ради меня твой кошелекъ былъ полонъ. Никто не можетъ лучше меня сберечь того, что мое. Наилучшій распорядитель тотъ, кто себѣ ничего не оставляетъ.

О ПРАЗДНОВАНІИ ВОСКРЕСНАГО ДНЯ.

письмо 6-е.

Посвященіе Богу седьмаго дня есть одинъ изъ наиболѣе явственныхъ знаковъ благоговѣнія человѣка предъ властію Вышняго и покорности ей. — Вотъ почему, въ награду за сіе, Онъ далъ, съ своей стороны, обѣтованіе, что десница Его никогда не оскудѣетъ въ изліяніи благословеній и въ устроеніи земнаго благосостоянія тѣхъ, которые пребудутъ вѣрны заповѣди Его объ освященіи седьмаго дня. *Аще отвратиши ногу твою отъ субботъ, еже не творити хотѣній твоихъ въ день святый, и прозовеши субботы сладостны, святы Богу твоему, и не воздвигнеши ноги твоея на дѣло, ниже возглаголеши словесе во гнѣвѣ твоемъ изъ устъ твоихъ, и будеши уповая на Господа, и возведетъ тя на благоты земныя, и ухлѣбитъ тя наслѣдіемъ отца твоего* (Ис. 58, 13. 14); *и дамъ дождь вамъ во время свое, и земля дастъ плоды своя, и древеса сельная отдадятъ плодъ свой, и постигнетъ вамъ млаченіе* (житъ), *обраніе вина, и обраніе вина постигнетъ сѣятву, и снѣсте хлѣбъ вашъ въ сытость, и вселитеся съ твердостію въ земли вашей* (Лев. 26, 4, 5); *и будетъ, аще послушаете Мене, глаголетъ Господь, еже не вносити бремень во врата града сего въ день субботній, и освятити день субботній, не творити въ онь всякаго дѣла, и внидутъ во врата града сего цари начальницы... и обитатели Іерусалима, и обитати будутъ въ градѣ семъ во вѣки* (Іер. 17, 24), *и дамъ миръ въ землѣ вашей, и уснете, и не будетъ устрашаяй васъ, и погублю звѣри лютыя отъ земли вашей, и рать сквозь землю вашу не пройдетъ, и поженете враги ваша, и падутъ предъ вами убіеніемъ, и пожегнутъ отъ васъ пять сто, и сто васъ по-*

женетъ тмы, и падутъ врази ваша предъ вами мечемъ, и призрю на васъ, и благословлю васъ, и возращу васъ, и поставлю завѣтъ мой съ вами (Лев. 26, 6. 10). Много и другихъ подобнаго же рода обѣтованій для соблюдающихъ святый день Господень можно находить въ св. Писаніи.

Но сыны вѣка сего какъ будто не довѣряютъ имъ. Они хотятъ быть мудрѣе Бога и помимо Его распоряженій устроять земное свое благосостояніе, по собственнымъ своимъ соображеніямъ. — Спросите у нарушителей воскреснаго дня, почему они не прекращаютъ занятій своихъ въ этотъ день по заповѣди Божіей?—У всѣхъ ихъ всегда готовъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: »нельзя же намъ терять понапрасну цѣлые десятки дней въ году и оставлять чрезъ то въ застоѣ дѣла наши; при такомъ порядкѣ, насъ одолѣетъ соперничество, и мы не въ состояніи будемъ выдти изъ нужды и осуществить когда либо наши виды на благосостояніе и достатокъ.« Другими словами этотъ отвѣтъ значитъ слѣдующее: »я работаю въ воскресный день потому, что опасаюсь ущерба барышей и уменьшенія доходовъ моихъ,—опасаюсь лишиться того, чѣмъ владѣю, и впасть въ нужду«. Явно, поэтому, что въ большей части случаевъ выгода есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ пренебреженія дня Господня.—Но если надъ кѣмъ, то наиболѣе надъ сими *строителями неправедными* сбываются слова пророка: *солга неправда себѣ* (Пс. 26, 12); потому что никогда работа въ воскресные дни не ведетъ къ благосостоянію, напротивъ, всего скорѣе она бываетъ причиною разоренія и бѣдности.

Чтобы дерево, или какое либо растеніе принялось и расло, для сего недостаточно, какъ извѣстно, одной только обработки и ухода за нимъ; надобно еще нѣчто болѣе,—надобно, чтобы Богъ возрастилъ его, то есть: по своей премудрости выдѣлялъ ему въ извѣстной мѣрѣ теплоту, влажность, росу, благорастворенный воздухъ и проч. Если чего либо изъ этого недостанетъ, то всѣ усилія садовника ни къ чему не поведутъ. Подобнымъ образомъ, чтобы имѣть доходъ и устроить благосостояніе свое, недостаточно однихъ трудовъ и усилій со стороны человѣка; надобно еще, чтобы Богъ благословилъ ихъ и благоспѣшилъ имъ. Думать обойтись безъ сего — значитъ строить на пескѣ. Пусть сыны вѣка сего думаютъ объ этомъ, какъ хотятъ, но это законъ, отъ котораго они не въ силахъ высвободиться. Допустивши это, я говорю утвердительно, что Богъ, какъ не благословлялъ, такъ не благословляетъ и никогда не благословитъ труда воскреснаго: ибо трудъ сей оскорбителенъ для отеческой Его благости, и обличаетъ въ трудящемся явное презорство Его власти.

Отецъ небесный, питающій птицы небесныя, которыя *ни сѣютъ ни жнутъ ни собираютъ въ житницы*, и одѣвающій цвѣты полевые въ такія одежды, что *ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся яко единъ отъ сихъ* (Матѳ. 6, 26. 29), *вѣсть, прежде прошенія нашего*, что мы имѣемъ нужду въ кровѣ, пищѣ и одеждѣ. Онъ сказалъ людямъ: »Я лучше васъ знаю ваши нужды; исполняйте прежде всего мою волю: трудитесь, молитесь, отдыхайте, какъ Я заповѣдалъ вамъ, и будьте увѣрены, что благость моя доставитъ вамъ все нужное для васъ«, или, что — тоже: »трудитесь, какъ Я повелѣлъ вамъ, шесть дней въ недѣлѣ, а въ седьмой Я самъ препитаю васъ«.— Онъ изрекъ это и — вотъ уже 7000 лѣтъ держитъ слово свое. Напрасно сталъ бы кто нибудь отыскивать въ лѣтописяхъ древнихъ и новыхъ народовъ цѣлое ли общество, семейство ли, или хоть какое нибудь одно лице, которыя впали въ бѣдность отъ того, что

оставались вѣрными заповѣди Божіей о покоѣ седьмаго дня. Онъ не нашелъ бы ничего, кромѣ опытнаго удостовѣренія въ той истинѣ, которую высказалъ св. Давидъ: *не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмене его просяща хлѣбы* (Пс. 36, 25). Да и не можетъ быть иначе: ибо, въ такомъ случаѣ, можно ли было бы усвоять Вышнему имя чадолюбивѣйшаго Отца человѣковъ? Всеблагій можетъ ли оставить въ пренебреженіи и скудости тѣхъ, которые, изъ благоговѣнія къ Его вседержащей власти, свято чтутъ Его заповѣдь?...

Далѣе, Богъ не благословляетъ и никогда не благословитъ труда воскреснаго по той причинѣ, что такой трудъ есть явное пренебреженіе и уничиженіе вседержащей власти Его. Ибо если Онъ безъ страшныхъ наказаній не оставляетъ и презорства земныхъ властей, Имъ поставленныхъ, если Онъ караетъ возмущенія подданныхъ противъ Государей, возстанія дѣтей противъ родителей: то можетъ ли благословеніе Его осѣнить дѣла тѣхъ, которые возстаютъ противъ Его самаго и позволяютъ себѣ дерзновенно пренебрегать Его заповѣдь? Явно, что Онъ не сотворитъ сего: *отрещися бо Себе не можетъ*. Чтобы доказать это наглядѣе, я обращаюсь къ слѣдующему простому умозаключенію: если трудъ воскресный дѣйствительно составляетъ источникъ большаго благосостоянія, то, при совершенномъ равенствѣ мѣстныхъ способовъ и средствъ, народъ, не прекращающій рабочихъ занятій въ седьмой день, долженъ быть гораздо богаче и гораздо большимъ наслаждаться благосостояніемъ, нежели тотъ, который по заповѣди Божіей, благоговѣйно чтитъ этотъ день. Но то ли показываютъ опытъ и исторія? Не говорятъ ли онѣ, напротивъ, что богатство, обиліе и вообще большая степень благосостоянія составляютъ именно удѣлъ тѣхъ народовъ, которые остаются вѣрны отеческимъ преданіямъ о посвященіи Богу седьмаго дня?... Злѣсь опять я не могу не привесть словъ того же писателя, о которомъ упоминалъ уже въ предъидущемъ письмѣ:

»Нѣкогда Франція, говоритъ онъ, была страной богобоязненной, свято чтившей день Господень, и — чтожъ? бѣднѣла ли она отъ этого? мѣшало ли это ей дойти до того благосостоянія и счастія, которыя составляли нѣкогда славу и гордость ея? Теперь же, когда она попрала ногами заповѣдь Божію, стала ли она богаче и счастливѣе? Менѣе ли тяжки ея налоги? Болѣе ли цвѣтутъ финансы? Ея долгъ сдѣлался ли менѣе значительнымъ? увеличилось ли народное благосостояніе?... Пусть близорукіе глашатаи составляютъ пышные панегирики въ честь постоянно возрастающаго благосостоянія народа — какъ они называютъ — высвобожденнаго (emancipé). Этотъ высвобожденный народъ не вѣритъ въ свое благоденствіе, и вездѣ и всегда слышны его неудовольствіе и ропотъ. Да и какъ повѣрить этому благосостоянію, когда есть неопровержимая улика противнаго — безпрестанное возрастаніе числа нищихъ! Тогда какъ въ 1789 году Франція, еще вѣрная закону Божію, едва насчитывала 4 милліона нищихъ на 26 милліоновъ всего народонаселенія, теперь на 32 милліона сего послѣдняго она насчитываетъ болѣе 7 милліоновъ нищихъ. Тѣмъ не менѣе вольнодумные глашатаи ея не переставали повторять: »Франція работаетъ въ вокресные дни и какое зло терпитъ отъ этого! Какой ущербъ замѣтенъ въ ея благосостояніи! »Вотъ отвѣтъ на эти богохульные запросы: съ 1789 года нѣтъ испытанія, нѣтъ бѣдствій, униженія, страданій, потерь, которыхъ бы она не перенесла. Земля полъ ногами ея безпрерывно тряслась — трясется и нынѣ

еще (*); безпримѣрныя въ исторіи революціи залили ее кровью, покрыли развалинами и костями. Небо надъ нею какъ будто превратилось въ мѣдное и бичи всякаго рода то и дѣло поражаютъ ее; никакой другой народъ не страдалъ столько отъ междуусобной войны; два раза язва проходила ее изъ конца въ конецъ; два раза страшные неурожаи повергали во всѣ ужасы нищеты тѣхъ изъ дѣтей ея, которые не погибли отъ голода: въ теченіи 5 лѣтъ большія рѣки ея, выступая изъ береговъ, разливались необыкновенно и опустошали города и села; наконецъ, страшное, безпримѣрное въ исторіи, наводненіе внесло нищету и отчаяніе въ самыя богатыя провинціи ея и какъ будто довершило суды Божіи надъ народомъ, осквернителемъ святыни дней Господнихъ.... Не смотря на все это, ослѣпленная Франція продолжала приносить все въ жертву златому тельцу, и жадно гоняясь за прибыткомъ, не переставала самонадѣянно говорить: »я работаю въ праздники, и вотъ не терплю отъ этого никакого зла!« Въ продолженіи 18 лѣтъ ея король (**) не произносилъ ни одной оффиціальной рѣчи безъ того, чтобы въ ней не упомянуто было о *постоянно возрастающемъ* благосостояніи народа и не восхвалена была эта непрерывная работа мамонѣ.... Богъ оставлялъ витій мамоны говорить все, что имъ угодно. Онъ хранилъ молчаніе, когда заповѣдь Его съ такимъ пренебреженіемъ оставляли въ сторонѣ.. Но пробилъ часъ суда Его, и вотъ, въ одно мгновеніе ока, все это царство мамоны со всѣмъ своимъ постоянно возраставшимъ благосостояніемъ унеслось въ вихрѣ новой революціи, какъ уносится прахъ отъ лица вѣтра,—исчезло такъ, что даже и теперь трудно изъяснить себѣ, какъ произошло все это... Всеобщее оцѣпененіе послѣдовало за тѣмъ, капиталъ вдругъ исчезъ, довѣренность погибла, торговля потрясена до корня, работы остановились, всѣ состоянія пошатнулись, всеобщее банкротство угрожало поглотить — не говорю уже остатки благосостоянія, но даже обыденное имущество, словомъ: никакой переворотъ (crise) не былъ столько внезапенъ, столько всеобщъ и продолжителенъ, какъ постигшій въ это время Францію, у которой вдругъ изъ всего благосостоянія, *постоянно возраставшаго*, оказалось недочету *десять милліардовъ въ три дня* (2500 милліоновъ руб. сер.). Таковъ былъ чистый доходъ Франціи отъ пренебреженія ею дней Господнихъ въ теченіи 60 лѣтъ« (*)!

Печальная, но вѣрная картина, которая сама собою приводитъ на мысль слова Пророка: *азъ рѣхъ во обиліи моемъ: не подвижуся во вѣкъ. Господи! волею твоею подаждь добротѣ моей силу: отвратилъ еси лице твое и быхъ смущенъ!*

Если отъ обществъ мы обратимся къ частнымъ лицамъ, то увидимъ тоже самое, то есть: что трудъ воскресный не только не служитъ для нихъ источникомъ благосостоянія, но всего вѣрнѣе ведетъ къ нищетѣ. И во первыхъ, въ сокровищницахъ гнѣва Божія всегда есть праведныя возмездія для всякаго нарушителя заповѣди Божіей, соразмѣрныя съ его грѣховнымъ направленіемъ: ибо, по закону правды вѣчной, *имиже кто согрѣшаетъ, сими*

(*) Писано въ 1850 году.

(**) Лудовикъ Филиппъ изъ династіи Орлеанской. Эта династія, вознесенная на тронъ Франціи революціей, не смотря на личное благочестіе нѣкоторыхъ изъ членовъ королевскаго семейства, не смѣла идти вопреки революціонныхъ стремленій и преданій и, угождая имъ, вовсе не занималась нравственнымъ и религіознымъ бытомъ народа. Предметомъ ея заботъ были однѣ матеріальныя выгоды его. Вотъ почему авторъ называетъ правленіе Л. Филиппа царствомъ мамоны (la royauté de la matière).

(*) La profanation du dimanche p. 126, 133.

и мучится (Прем. 11, 17). Такъ, поземельному собственнику, фабриканту, купцу, промышленнику, нарушающимъ святость воскреснаго дня, Онъ посылаетъ, какъ напоминаніе объ этомъ, то засухи, то градъ, то пожаръ, то повальныя болѣзни, то намѣренное или ненамѣренное прекращеніе платежей со стороны должниковъ, то застой въ дѣлахъ и торговлѣ, такъ что иногда, въ нѣсколько часовъ, теряется весь избытокъ, пріобрѣтенный на счетъ воскреснаго труда. Равнымъ образомъ, земледѣльцу, ремесленнику и вообще всякому рабочему, нарушающему заповѣдь Божію объ освященіи воскреснаго дня, Онъ посылаетъ то продолжительные недуги и изнуреніе, лишающіе на долго возможности трудиться, то прекращеніе требованій на трудъ, то непомѣрную дороговизну вещей и припасовъ, необходимыхъ для нихъ, уносящую въ нѣсколько дней весь этотъ незаконный излишекъ отъ работы въ воскресные дни и разрушающую мечты ихъ о довольствѣ.—Вообще, если бы тѣ и другіе внимательнѣе вникали въ причины нерѣдко постигающихъ ихъ несчастій, то они увидѣли бы въ нихъ не какія либо случайныя явленія, но праведный судъ Божій, карающій непомѣрную жадность къ прибытку и напоминающій о святости нарушаемой заповѣди.

Во вторыхъ, въ отношеніяхъ чисто житейскихъ, трудъ воскресный—мнѣ кажется—одинаково убыточенъ какъ для собственника, такъ и для рабочаго. При большомъ запросѣ на него, первый долженъ, къ ущербу своему, возвышать плату за работу, которая всегда болѣе или менѣе производится не охотно, на спѣхъ и какъ нибудь: ибо изнуренный шестидневнымъ, часто тяжелымъ, трудомъ, работникъ не можетъ не тяготиться еще новымъ трудомъ; онъ работаетъ, по этому, плохо и не совѣстится подлога и обмана какъ въ работѣ, такъ и во времени, которыя между тѣмъ должны быть оплачены собственникомъ. Съ другой стороны, при маломъ запросѣ на трудъ, работникъ долженъ трудиться за такую плату, которая далеко не вознаграждаетъ потраченныхъ на нее времени и силъ изнуряетъ его почти напрасно. И сносно было бы еще, если бы эти лепты, добытыя хотя и незаконнымъ трудомъ, обращаемы были покрайней мѣрѣ къ пользѣ рабочаго или его семейства; но давно уже и справедливо замѣчено, что рабочій классъ народа не предусмотрителенъ, небережливъ и склоненъ къ расточительности. Обыкновенно, его сохранная касса—корванъ корчемника или другаго подобнаго промышленника — поглощающій все и ничего не отдающій!.. Пусть же подумаютъ объ этомъ собственники, соблазняющіе рабочіе классы народа мнимою доходностію воскреснаго труда! Увы! Эта доходность, кромѣ преждевременнаго истощенія тѣлесныхъ силъ, стоитъ рабочему очень дорого: она покупается цѣною развращенія его простыхъ нравовъ: я разумѣю привычку рабочаго къ разсѣянности, къ лѣни, къ ненужному щегольству, къ посѣщенію корчемницъ, зрѣлищъ и подобнаго рода заведеній, и вообще жадность къ удовольствіямъ, соблазняющимъ его едва не на каждомъ шагу въ большихъ городахъ. Всѣ эти наслажденія, большею частію, покупаются имъ первоначально на счетъ воскреснаго труда; потому что въ низшихъ класахъ народа доходъ отъ обыкновенной шестидневной работы въ недѣлю, только что достаточенъ для насущныхъ потребностей рабочаго и его семейства.—Но доходы одного дня слишкомъ недостаточны для удовлетворенія разнообразныхъ хотѣній сердца, утратившаго чистоту нравовъ и уже вкусившаго отъ запрещеннаго плода, и вотъ постепенно, для удовлетворенія ихъ, отдѣляются доходы отъ прочихъ ра-

бочихъ дней и нарушается краеугольный камень благосостоянія семейственнаго — равновѣсіе между приходомъ и расходомъ; а тамъ — уже виднѣется въ дали нищета. Вообще, мудрая бережливость и умѣренность не совмѣстны съ развращеніемъ нравовъ. Оно убиваетъ ихъ, поглащая все для своего удовлетворенія.

Гдѣжъ искать главныхъ причинъ подобнаго развращенія нравовъ, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе проникающаго въ рабочіе классы народа? — Прежде всего въ томъ, что, соблазняемые выгодою, эти люди, постепенно отдаляясь отъ Бога и Церкви, разрываютъ незамѣтно и свергаютъ съ себя спасительные узы религіи, которая одна въ силахъ обуздать ихъ наклонности, прихоти и превратныя желанія, и усвоеніе истинъ и правилъ которой для большей части изъ нихъ возможно только въ храмѣ; иначе сказать: въ томъ — что въ день Господень рабочій оставляетъ всякое общество христіанъ и, подобно Іудѣ, идетъ къ фарисеямъ собирать сребренники для удовлетворенія своихъ страстей. — То — истина дознанная и опытная, что человѣкъ не можетъ трудиться непрерывно и безъ отдыха; но если только онъ не отдыхаетъ въ храмѣ Господнемъ, — онъ отдыхаетъ въ корчемницѣ, или подобномъ заведеніи. А что такое этотъ отдыхъ и къ чему онъ ведетъ, объяснять — нѣтъ нужды!

Заключу мое письмо признаніемъ одного западнаго государственнаго сановника, который, послѣ долголѣтнихъ наблюденій на фабрикахъ и заводахъ, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно труда воскреснаго: трудъ воскресный, говоритъ онъ, породилъ: 1) непомѣрное соисканіе работы, отъ котораго появились несовершенство и подлогъ въ издѣліяхъ, 2) отчаянное соперничество и упадокъ честности, 3) разореніе ремесленниковъ, 4) монополію большихъ фабричныхъ заведеній, въ ущербъ меньшихъ, 5) непомѣрное размноженіе кредитныхъ бумагъ, 6) развратъ и оскотѣніе (abrutissement) рабочихъ, 7) разстройство семейной жизни, 8) отсутствіе всякой нравственной связи межу собственникомъ и рабочимъ, на котораго первый смотритъ какъ на машину (*).

Существуютъ ли эти плевелы на отечественной почвѣ нашей — не берусь рѣшать. Повторю одно, что какъ въ семейственномъ, такъ и въ хозяйственномъ быту благословляется только человѣкъ *боящійся Бога и ходящій въ путехъ Его.* Ему только обѣтовано *труды плодовъ* (рукъ) *своихъ снѣсть* (Пс. 127, 1, 2), потому что *благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 4, 8).

(*) De l'activité incessante du travail. Chez Gaume p. 144.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 2-го Ноября 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 56.

НЕДѢЛЯ 28 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

8 Декабря 1857 г.

Гласъ 3-й.

На утрени евангеліе воскресное 6-е, Лук. зач. 114. На литургіи: апост. Кол. зач. 250, еванг. Лук. зач. 85.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ И ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОВѢРНАГО ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА, ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА (*).

Правило вѣры и образъ кротости, воздержанія учителя, яви тя стаду твоему, яже вещей истина. Сего ради стяжалъ еси смиреніемъ высокая, нищетою богатая, отче священноначальниче Николае, моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ.

Тропарь Святителю.

Въ сихъ словахъ церковной пѣсни изображены отличительныя свойства ублажаемаго нынѣ святителя Христова Николая и тѣ благодатныя дарованія, коими наградилъ Господь вѣрнаго служителя своего за подвиги его земной жизни. И дѣйствительно, пламенная ревность по вѣрѣ, и въ тоже время душевная кротость, сраствореявшая сію ревность, строгое воздержаніе въ отношеніи къ самому себѣ — вотъ свѣтлыя черты, въ коихъ является намъ ликъ великаго Святителя, по указанію священнаго жизнеописателя, вотъ основы того благоговѣйнаго чествованія, какое воздаютъ ему всѣ концы земли. Очевидно, что въ свойствахъ сихъ есть нѣчто такое, что общимъ голосомъ всего христіанскаго міра признано достойнымъ благоговѣйнаго почтенія, заслуживающимъ изученія и подражанія. Остановимся же и мы на нихъ особеннымъ вниманіемъ, извлечемъ, хотя изъ краткаго разсмотрѣнія ихъ, назиданіе для себя, и тѣмъ принесемъ посильную дань памяти величайшаго угодника Божія.

Правиломъ вѣры и образомъ кротости

(*) Произнесено въ Кіево-печерской Лаврѣ 6 Декабря 1856 года.

именуетъ, первѣе всего, св. Церковь празднуемаго нынѣ Святителя: и мы знаемъ изъ исторіи его жизни нѣсколько примѣровъ въ доказательство сей истины. Въ тяжкую годину общаго гоненія на Церковь Христову Святитель явилъ первый, важный опытъ сьоей ревности по вѣрѣ, когда принялъ темничное заключеніе. Исторія не передаетъ намъ подробностей, лично относящихся къ св. Николаю въ этомъ обстоятельствѣ; но кто рѣшается претерпѣть лишеніе свободы и пожертвовать самою жизнію за гонимую вѣру, тотъ по всей справедливости можетъ быть названъ великимъ правиломъ вѣры. Если, по слову Господню, полагающій душу за други своя являетъ высочайшій опытъ любви своей къ ближнимъ; то и рѣшающійся положить душу за Бога и Его законъ святый являетъ высочайшій опытъ любви своей къ Богу и святой Его вѣрѣ.— Умиреніе Церкви, при царѣ христіанинѣ, подало случай угоднику Божію, явить новый опытъ своей ревности по вѣрѣ въ ниспроверженіи идоловъ и освобожденіи всей своей паствы отъ требищъ язычества, тогда еще сильнаго въ государствѣ: дѣло, какъ легко пойметъ знающій, требовавшее твердой и настойчивой воли, которая должна была выдержать не однократную борьбу съ сильными препятствіями. Но особенно знаменателенъ подвигъ вѣры великаго ревнителя на первомъ вселенскомъ Соборѣ, когда, проникнутый полнымъ, справедливымъ негодованіемъ къ дерзкому ересеначальнику, посрамилъ его предъ всѣмъ собраніемъ, заушеніемъ въ ланиту. Необычнымъ показался поступокъ сей для цѣлаго сонма Отцевъ; но самъ Господь чудесно защитилъ и оправдалъ его. Можно догадываться, съ какимъ неутомимымъ рвеніемъ проповѣдывалъ послѣ угодникъ Божій ту вѣру, то ученіе, которое съ такимъ самоотверженіемъ защищалъ на Соборѣ. Священный жизнеописатель нарочито упоминаетъ о семъ, присоединяя нѣсколько другихъ обстоятельствъ, изъ коихъ видно, что сколько важнымъ святитель почиталъ для самаго себя даръ вѣры, столько же ревностно ущедрялъ онымъ другихъ: помогая отцу трехъ дѣвицъ въ нищетѣ, онъ не забываетъ помочь ему другимъ, высшимъ благомъ: даетъ ему наставленіе для укрѣпленія вѣры; угощая воеводъ, посланныхъ для усмиренія мятежа, внушаетъ имъ защищать мирныхъ жителей отъ насилія и обидъ воиновъ, подчиненныхъ имъ; узнавши о невинномъ осужденіи трехъ мужей, спѣшитъ на мѣсто казни, съ дерзновеніемъ укоряетъ неправеднаго судію, и его ревность, соединенная съ кротостію въ обращеніи, покоряетъ сердце игемона и даетъ жизнь уже приговореннымъ къ казни; обличаетъ въ сонномъ видѣніи самаго царя, подъущеннаго однимъ изъ коварныхъ царедворцевъ къ заключенію въ темницу и осужденію на смерть трехъ неповинныхъ воеводъ; является незримо на кораблѣ, подвергавшемся опасности потопленія, утишаетъ однимъ словомъ бурю, но въ тоже время не оставляетъ ихъ и безъ духовнаго попеченія, кротко обличивъ ихъ за любодѣйныя скверны. Но кто исчислитъ всѣ подвиги великаго Святителя? Священный жизнеописатель нашелся вынужденнымъ замѣтить въ заключеніи посильнаго труда своего: »егоже чудесъ якоже нѣсть мощно изчести, сице ниже удобно вся подробну предати писанію«.

Что извлечемъ для себя въ назиданіе изъ сего краткаго очерка нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ дѣяній угодника Божія? Урокъ — дорожить святою вѣрою, яко зѣницею ока, ревновать по ней, какъ ревновалъ празднуемый Святитель, но ревновать, подобно ему же, съ кротостію. Сего послѣдняго свойства, за пламенемъ ревности, какъ будто и невидно въ угодникѣ Божіемъ. Но всмотритесь внимательно

нѣе во всѣ черты сего святаго лика, и вы найдете въ нихъ сіи два свойства нераздѣльными. На соборѣ, въ порывѣ святаго негодованія, онъ заушаетъ еретика, но въ тоже время, съ кротостію, безъ пререканія, подчиняется суду Отцевъ, не уразумѣвшихъ съ перваго раза, что поступокъ Святителя Христова былъ выше обыкновеннаго суда человѣческаго. Съ дерзновеніемъ, небоязненно обличаетъ онъ неправедныхъ судей; но съ кротостію и милосердіемъ — впадшихъ во грѣхъ по немощи плоти, какъ бывшіе въ кораблѣ, или подъ вліяніемъ нищеты, какъ отецъ трехъ дѣвицъ. По примѣру и слову Псалмопѣвца, онъ ненавидѣлъ только ненавидящихъ Господа и о врагахъ Его истаевалъ; *совершенною ненавистію возненавидѣхъ я: во враги быша ми* (Пс. 138, 21. 22), какъ бы такъ говорилъ онъ съ Давидомъ, и правило это прилагалъ только къ гордымъ нечестивцамъ, посягавшимъ на расхищеніе Божія достоянія, на испраздненіе вѣры, въ коей онъ, подобно всѣмъ святымъ, полагалъ величайшее, драгоцѣннѣйшее благо человѣка. Но сколько любви кроткой и благости душевной соединялось съ ревностію по вѣрѣ въ Святителѣ, доказываютъ безчисленные, поистинѣ чудесные, примѣры его милосердія. Не отъ того ли и въ памяти народной, такъ сильно чтущей Николая, образъ угодника Божія сколько близокъ страждущимъ, столько же грозенъ для нечестивыхъ? Не отъ того ли гонимая добродѣтель и правда съ вѣрою прибѣгаютъ подъ защиту сильныхъ молитвъ его; а порокъ страшится наказанія отъ него, и, какъ гласитъ народная молва, несетъ даже къ образу его невольную дань умилостивленія?

Но было еще нѣчто другое въ Святителѣ, чѣмъ подготовились и вспомоществовались указанныя досточтимыя свойства. Это-воздержаніе его и нестяжательность. Священный жизнеописатель его передаетъ намъ, что съ самыхъ первыхъ дней рожденія, будущій великій постникъ вкушалъ только отъ одного праваго сосца матери, а »въ среду и пятокъ — только однажды, вечеромъ«, по совершеніи обычнаго христіанамъ правила. О чесомъ родители его зѣло чудяхуся, и каковъ послѣже постникъ быти имѣ, проразумѣваху.« Обычай сей, т. е. строгое пощеніе въ среду и пятокъ угодникъ Божій соблюдалъ во все житіе свое даже до блаженныя кончины, по замѣчанію жизнеописателя. Въ послѣдствіи, когда родители его, умирая, оставили его единственнымъ наслѣдникомъ богатаго достоянія своего, св. Николай роздалъ все требующимъ и исключительно посвятилъ себя служенію Богу и ближнимъ. Удивительно ли, что воздержный въ образѣ жизни, свободный отъ стяжаній, такъ сильно озабочивающихъ людей міра, святый мужъ безпрепятственно образовалъ душу и сердце свое до того, что сдѣлался правиломъ вѣры и образомъ кротости? Не утучняемое разнообразными яствами и питіемъ, тѣло его давало душѣ полный просторъ стремиться къ соединенію съ Богомъ, къ усвоенію правилъ благочестія: смиряемыя постомъ, вожделѣнія плоти не препятствовали сердцу горѣть чистымъ пламенемъ любви къ Богу и ближнимъ. — Не оставимъ, бр. христіане, безъ вниманія сего примѣра, указуемаго намъ празднуемымъ Святителемъ. Въ настоящее особенно время, въ нашихъ обществахъ, столь сильно озабоченныхъ плотскою жизнію, поучительно знать, что истинно великія свойства пріобрѣтаются не на томъ поприщѣ, на коемъ указываютъ современныя стихійныя ученія, а въ жизни простой, воздержной, истинно христіанской. Съ горестію замѣчаемъ мы вокругъ себя оскудѣніе вѣры и любви; видимъ преступную холодность къ Богу и святому Его закону, и раздражительное стремленіе къ од-

нимъ чувственнымъ благамъ и необходимымъ для достиженія ихъ стяжаніямъ. Откуда зло сіе? Главнымъ образомъ отъ ослабленія правилъ воздержанія, отъ несоблюденія уставовъ о постахъ, которые для многихъ перестали быть обязательными. Отсюда что видимъ въ этихъ обществахъ? Повсемѣстную скудость и недовольство своимъ состояніемъ, — скудость въ неразумной природѣ, дары которой видимо сокращаетъ Господь за нашу холодность и небреженіе о законѣ Его, скудость въ тѣхъ самыхъ средствахъ, которыя прежде достаточны были для довольной жизни, а теперь сдѣлались бѣдными по причинѣ множества измышленныхъ прихотей. Святитель Христовъ Николай отказался отъ родительскаго достоянія, раздавъ его требующимъ, былъ строгъ къ самому себѣ; за то Господь Самъ ущедрялъ его безчисленными дарами и вещественными и духовными, которые служили источникомъ неисчислимыхъ благодѣяній, прославившихъ угодника Божія во всѣхъ концахъ вселенной; смиреніемъ, по выраженію Церкви, онъ стяжалъ высокая, нищетою богатая. Противное замѣчаемъ на людяхъ вѣка сего: гордостію и киченіемъ стяживаютъ уничиженіе; богатствомъ измышленныхъ прихотей поселяютъ въ большинствѣ нищету и недостатки существенно необходимыхъ потребностей.

Угодниче Божій! Твоимъ святымъ и великимъ именемъ названъ драгоцѣннѣйшій залогъ величія и славы святой и православной Россіи, Наслѣдникъ Престола Всероссійскаго. Руководи Его, молимся Тебѣ, твоими святыми молитвами и предстательствомъ у престола Всевышняго, да наслѣдуетъ Онъ съ наслѣдіемъ земнаго царства тѣ досточтимыя свойства, которыя украшали тебя и содѣлали наслѣдникомъ вѣчнаго царства славы. Аминь.

СВ. АМВРОСІЙ МЕДІОЛАНСКІЙ И ИМПЕРАТОРЪ ѲЕОДОСІЙ ВЕЛИКІЙ.

Всѣ важнѣйшія дѣйствія императора Ѳеодосія обнаруживали въ немъ или доблести великаго государя или добродѣтели смиренія благочестивѣйшаго христіанина и послушнаго сына Церкви. Но вотъ событіе, которое въ самомъ смиреніи сего государя показываетъ величіе его христіанскаго духа.

Въ городѣ Ѳессалоникѣ, въ 389 году произошло въ народѣ возмущеніе, при которомъ убиты были нѣкоторые изъ городскихъ начальниковъ. Когда донесли объ этомъ императору, онъ въ сильномъ порывѣ перваго гнѣва, подстрекаемый чиновниками, желавшими отмстить мятежникамъ за смерть убитыхъ товарищей, хотѣлъ наказать жителей Ѳессалоники самымъ строгимъ образомъ. Къ счастію на этотъ разъ при разгнѣванномъ императорѣ былъ св. Амвросій медіоланскій съ нѣкоторыми другими епископами: совокупными силами они нѣсколько успокоили государя, смягчили гнѣвъ его и вымолили у него обѣщаніе оказать снисхожденіе несчастнымъ жителямъ Ѳессалоники (*). Но послѣ, когда Ѳеодосій остался одинъ съ своими вельможами, они постарались выставить предъ императоромъ ѳессалоникійское дѣло въ такомъ видѣ, которое будто необходимо требовало самаго строгаго суда и наказанія, чтобы безнаказаннымъ примѣромъ не подать соблазна другимъ. Подобными убѣжденіями они успѣли опять привесть императора въ сильный гнѣвъ противъ мятежныхъ гражданъ Ѳессалоники и убѣждали его подписать жесточайшій приговоръ, которымъ опредѣлялось тотчасъ, по полученіи указа, умертвить до 7000 человѣкъ въ виновномъ городѣ, безъ всякаго суда и

(*) Ц. Ист. Ѳеодор. 5, 17. August. de civit. D. V. 26. Ambros. ep. 51 n. 16.

изслѣдованія о виновныхъ и невиновныхъ въ несчастномъ убійствѣ. Дѣло ведено было такъ скрытно и поспѣшно, что ни святитель медіоланскій, ни кто другой, кромѣ окружавшихъ царя, ничего не знали о кровавомъ повелѣніи до тѣхъ поръ, пока оно не приведено было въ исполненіе.

Въ одинъ день, когда жители Ѳессалоники нарочито собраны были въ циркъ на зрѣлище, вдругъ является посланный отъ царя съ повелѣніемъ — тотчасъ, безъ всякаго отлагательства, исполнить по предписанію привезеннаго указа. И неожиданно открылось страшное зрѣлище убійства! Непрерывно въ продолженіи трехъ часовъ мечи воиновъ посѣкали толпы сгущеннаго народа, и въ числѣ несчастныхъ жертвъ такой смерти были не только невинные жители города, но и пришельцы, которыхъ вовсе не было въ городѣ во время возмущенія: всѣхъ безъ разбора или прямо убивали, или задерживали и приговаривали къ убійству, чтобы набрать полное число жертвъ по назначенію. И страшное зрѣлище убійства перемѣшано было съ умилительными явленіями человѣколюбія и самоотверженія; къ стонамъ умирающихъ присоединялись вопли живыхъ, умолявшихъ о пощадѣ невинныхъ родныхъ и близкихъ. Одинъ слуга, послѣ напрасной мольбы освободить отъ казни невиннаго господина, предалъ себя въ жертву убійства за спасеніе его. Купецъ, прибывшій въ городъ не задолго до времени казни, предлагалъ самаго себя на смерть за двухъ невинно схваченныхъ сыновъ своихъ и въ добавокъ отдавалъ исполнителямъ казни все свое золото; но ему возвращали только одного сына и предложили дѣлать выборъ. Смотря на обоихъ съ любовію и слезами, отецъ не зналъ, кого спасти цѣной собственной жизни и кого отдать на погибель, и пока боролся между чувствомъ одинаковой любви къ обоимъ дѣтямъ и необходимостію тяжелаго выбора, — поспѣшность убійства отняла у отца сыновъ обоихъ (*).

Святитель медіоланскій пораженъ былъ невыразимою скорбію, когда услышалъ о такомъ неслыханномъ убійствѣ, и скорбь его была тѣмъ больнѣе, что несчастіе могло быть предотвращено, если бы Ѳеодосія окружали люди другіе, что кровопролитіе было дѣло не собственнаго произвола царя, всегда справедливаго, но и всегда снисходительнаго и милостиваго, а слабой уступчивости его злымъ людямъ, въ минуты неудержимаго раздраженія и гнѣва. Не теряя времени, Амвросій рѣшился воспользоваться минутами естественнаго раскаянія царя послѣ такой необдуманной жестокости, чтобы очистить душу его отъ тяжкаго грѣха сего. Ѳеодосія ожидали тогда въ Медіоланѣ. Амвросій не хотѣлъ сдѣлать и обычной встрѣчи императору, не выставивъ предъ нимъ всей тяжести допущеннаго имъ убійства и не убѣдивъ его очистить грѣхъ покаяніемъ. Посему святитель медіоланскій удалился изъ города, а къ императору отправилъ письмо, въ которомъ, между прочимъ, обращался къ нему съ такою рѣчью: »я молчалъ бы: но мою совѣсть отяготилъ бы тотъ грѣхъ, о которомъ говоритъ Пророкъ: *аще не возвѣстиши ему*, (то есть священникъ грѣшнику) *и беззаконникъ тотъ умретъ въ беззаконіи своемъ, крови же его отъ руки твоея взыщу* (Iезек. 3, 18)... Посему умоляю тебя, выслушай меня, Августъ! Знаю, что ты съ отличною ревностію печешься о вѣрѣ и боишься Бога; но я знаю и то, что ты по природѣ такъ же скоро склоняешься къ гнѣву, какъ скоро и возвращаешься къ раскаянію, если при тебѣ бываетъ, кто можетъ успо-

(*) Ц. Ист. Созом. 7, 25. H. E. Fleur. l. XIX. § XX. pag. 917.

коить взволнованный духъ твой; но если кто нарочито будетъ поддерживать въ тебѣ гнѣвъ твой, тогда ты приходишь въ неистовство и не знаешь никакихъ предѣловъ. Дай Богъ, чтобы при тебѣ не было никого, кто поддерживалъ бы гнѣвъ твой, если нѣтъ съ тобою такого, кто успокоивалъ бы возмущенный духъ твой. Въ такомъ случаѣ я весьма охотно предоставилъ бы тебя тебѣ самому«... Затѣмъ сказавши, какъ тяжко ему бороться между уваженіемъ и любовію къ государю и между необходимостію святительскаго долга дѣйствовать на него властію служителя Церкви, Амвросій продолжаетъ: »если бы я и не прервалъ общенія съ тобою, это общеніе не умалило бы жестокаго твоего поступка, и ненависть къ беззаконію сему пала бы на меня, если бы и не нашлось никого другаго, кто сказалъ бы, что тебѣ необходимо покаяніе предъ Богомъ... Ты человѣкъ, и тебя постигло искушеніе: необходимо, чтобы ты побѣдилъ его. Грѣхъ омывается только слезами. Безъ твоихъ слезъ ни Ангелъ, ни Архангелъ не очиститъ тебя; самъ Господь нашъ только кающимся отпущаетъ грѣхи. Вотъ что совѣтую тебѣ, вотъ въ чемъ убѣждаю, умоляю, заклинаю тебя! И когда ты былъ счастливымъ во всѣхъ твоихъ дѣлахъ военныхъ, и когда ты заслуживалъ высочайшія похвалы во всѣхъ другихъ твоихъ дѣлахъ,— мы всегда удивлялись въ тебѣ твоей благости, этой первой изъ всѣхъ другихъ добродѣтелей. Не потеряй же самъ своего сокровища. Такой добродѣтели позавидовалъ въ тебѣ злой духъ: побѣди его, когда предстоитъ случай къ побѣдѣ! Не прибавляй ко грѣху своему того, на что другіе рѣшались ко вреду своему.... Я не дерзну возносить той жертвы, при которой будешь присутствовать ты. Этого нельзя позволять и по пролитіи крови одного невиннаго человѣка: ужели ты думаешь позволить себѣ это, жестоко умертвивши такое число невинныхъ? Отчего бы мнѣ не пріобрѣсть благоволенія царя моего согласіемъ съ твоею волею, если бы мнѣ спасеніе твое не было дороже любви, пріобрѣтенной человѣкоугодіемъ?... Я люблю тебя и молюсь за тебя! Если вѣришь, — уступи истинѣ и словамъ моимъ; если не вѣришь, — не оскорбись, если я почту Бога паче императора« (*)!

Отправивъ такое письмо къ Ѳеодосію, Амвросій почелъ лучшимъ и самому возвратиться въ городъ и дожидаться пріѣзда государя. Пріѣхалъ и Ѳеодосій, и хотѣлъ было по обычаю войти въ храмъ Божій. Но святитель медіоланскій встрѣтилъ его въ преддверіи храма и остановилъ слѣдующими словами: »Ты, кажется, и не знаешь, государь, о важности сдѣланнаго убійства; разсудокъ твой, и по успокоеніи гнѣва, не подумалъ объ этомъ: высота сана, можетъ быть, не позволила ему сознать обширности грѣха.... Какими очами будешь ты созерцать храмъ общаго Владыки? Какими стопами станешь попирать этотъ святый помостъ? Какъ прострешь руки, съ которыхъ еще каплетъ кровь неповиннаго убійства? Какъ этими руками пріимешь святое тѣло Господа? Какъ къ этимъ устамъ поднесешь честную кровь, когда изшедшее изъ нихъ слово гнѣва несправедливо пролило столько крови? Удались же и не пытайся прежнее беззаконіе увеличивать другими; прими вязаніе, которое Богъ, Владыка всѣхъ, утверждаетъ горѣ: оно цѣлительно и доставляетъ здравіе« (**). Ѳеодосій напомнилъ было о грѣхѣ Давида; но Амвросій сказалъ: »если ты подражалъ ему во грѣхѣ, то подражай и въ покаяніи« (***).

(*) H. E. Fleur. l. XIX. § XXI.
(**) Цер. Ист. Ѳеодор. 5. 18.
(***) H. E. Fleur. ibid.

Уступилъ благовѣрный царь убѣжденіямъ служителя Господня; съ глубокою скорбію и слезами возвратился онъ во дворецъ свой, и проводилъ время въ сокрушеніи и покаяніи. Прошло восемь мѣсяцовъ покаянія; наступилъ праздникъ Рождества Христова, а разрѣшенія церковнаго все еще не было: скорбь глубже поражала сердце царево, смягченное покаяніемъ; глаза его еще рѣже осушались отъ слезъ покаянія. »Я вздыхаю и скорблю потому, отвѣчалъ въ это время царь на вопросы участія, что думаю о своемъ несчастіи. Вотъ теперь и слугамъ и нищимъ отверстъ храмъ Божій, и они входятъ въ него невозбранно и умоляютъ своего Господа; а для меня и храмъ недоступенъ и сверхъ того небо заключено: ибо я помню гласъ Господа: *егоже аще свяжете на земли, будетъ связанъ на небесѣхъ* (Матѳ. 18. 18)«. Одинъ изъ министровъ, Руфинъ, который болѣе всѣхъ и побуждалъ царя къ кровавому приговору Ѳессалоникійцамъ, вызывался предъ Ѳеодосіемъ идти къ Амвросію и убѣдить его, чтобы онъ разрѣшилъ царя отъ узъ запрещенія. »Не убѣдишь, говорилъ ему царь: вѣдь я понимаю справедливость Амвросіева приговора; и благоговѣніе его къ царской власти не позволило сему епископу нарушить законъ божественный«. Но легкомысленный Руфинъ и здѣсь настоялъ на своемъ и отправился къ Амвросію. Въ душевномъ волненіи Ѳеодосій не дождался возвращенія посредника и рѣшился идти самъ ко храму, гдѣ находился тогда святитель медіоланскій. На пути его встрѣтилъ посланный Руфиномъ и объявилъ о непреклонности св. мужа на ходатайство посредничества. »Пойду и приму достойное уничиженіе сказалъ при этомъ благочестивый Ѳеодосій. И открылось чудное зрѣлище, достойное первыхъ вѣковъ христіанства! Дающій законы полвселенной смиренно покаряется закону Церкви и не дерзаетъ самовластно преступить заповѣди смиреннаго служителя Христова. Смиренный служитель Христовой Церкви, готовый положить и душу за царя своего, съ твердостію, достойною вѣрнаго пастыря стада Христова, глаголетъ истину предъ лицемъ царевымъ и съ дерзновеніемъ посланника Божія врачуетъ раны душевныя безъ лицепріятія къ требующему покаянія. Увидя предъ собою Ѳеодосія, Амвросій удивился и, не зная цѣли прихода и чувствъ пришедшаго, назвалъ поступокъ царя насиліемъ, попирающимъ законы Бога и Церкви. »Я не возстаю противъ положенныхъ законовъ и не покушаюсь беззаконно войти въ священный притворъ, сказалъ Ѳеодосій, но хочу, чтобы ты разрѣшилъ меня отъ узъ и, помысливъ о человѣколюбіи общаго Владыки, не заключалъ долѣе для меня двери, которую Господь отверзаетъ всѣмъ кающимся«.—Какое же принесъ ты покаяніе послѣ такого преступленія, спросилъ служитель покаянія? Какими лѣкарствами врачевалъ ты неизлѣчимыя раны?—»Твое дѣло, отвѣчалъ царь, и указать и растворить лѣкарства и врачевать неисцѣлимое, а мое — принимать предлагаемое«.—Св. Амвросій предложилъ государю постановить закономъ на будущее время, чтобы всѣ уголовные и смертные приговоры его приводились въ исполненіе не прежде тридцати дней отъ времени ихъ опредѣленія. Время не повредитъ справедливости, говорилъ святитель, а напротивъ предотвратитъ случаи несправедливости, которые неизбѣжны при поспѣшности въ судѣ и рѣшеніи. Совѣтъ Амвросія былъ истиннымъ врачевствомъ для душевныхъ свойствъ великаго государя, добраго и кроткаго по сердцу, но правдиваго и вмѣстѣ вспыльчиваго, когда доносили ему о неправдѣ подданныхъ, и потому способнаго въ чувствѣ гнѣва подчиняться совѣтамъ всякихъ людей, окружавшихъ его. Зная эти свойства

характера своего, Ѳеодосій съ радостію принялъ мудрое предостереженіе святителя и тотчасъ утвердилъ совѣтъ закономъ (*).

Тогда служитель алтаря Христова разрѣшилъ кающагося отъ узъ церковныхъ и отверзъ ему двери храма. И открылось другое зрѣлище, трогательное и умилительное! Благочестивый царь повергся на полъ церковный и, съ выраженіями глубокаго сокрушенія и пламенной молитвы, долго проливалъ слезы и молился Царю небесному, повторяя слова молитвы древняго царя и пророка Божія: *прильпе земли душа моя: живи мя по словеси твоему* (Пс. 118. 25). Великій царь былъ великъ и въ смиреніи молящагося христіанина!

»Такою-то великою доблестію сіяли и архіерей и царь! Я удивляюсь обоимъ, — и дерзновенію одного и благопокорности другаго; удивляюсь и теплотѣ ревности въ первомъ и чистотѣ вѣры въ послѣднемъ«, говоритъ блаж. Ѳеодоритъ (**).

ПОСѢЩЕНІЕ

КІЕВСКОЙ СВЯТЫНИ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМИ ВЕЛИЧЕСТВАМИ, ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ И ГОСУДАРЫНЕЮ ИМПЕРАТРИЦЕЮ МАРІЕЮ АЛЕКСАНДРОВНОЮ И ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ, ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ НИКОЛАЕМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ.

Первые дни Октября мѣсяца текущаго года были для Кіева истиннымъ свѣтлымъ праздникомъ: жители онаго имѣли живѣйшую радость видѣть у себя Августѣйшихъ Гостей— Ихъ Императорскія Величества, Государя Императора Александра Николаевича и Государыню Императрицу Марію Александровну, вмѣстѣ съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, предварившимъ прибытіе Ихъ Величествъ нѣсколькими днями.

Посѣщеніе Царственныхъ Гостей будетъ вѣчно незабвенно для Кіева, особенно какъ памятникъ примѣрнаго, глубокаго благочестія и благоговѣнія Ихъ къ древнѣйшей отечественной Святынѣ, хранящейся въ Кіевѣ въ залогъ благословеній небесныхъ на царство Русское. Ихъ Величества, давшіе еще въ минувшемъ году обѣтъ — посѣтить Кіевъ, явили себя въ немъ въ высшей степени благочестивыми Богомольцами и Поклонниками святыни, и во всѣ дни пребыванія своего здѣсь исполняли свой священный обѣтъ съ горячимъ усердіемъ и ревностію.

27-го Сентября, въ пятницу утромъ прибылъ въ Кіевъ Великій Князь Николай Николаевичъ, и въ 11-ть часовъ того же дня посѣтилъ св. Лавру, Софійскій Соборъ и Михайловскій монастырь. 29-го Сентября — въ воскресенье, въ 10-ть часовъ прибылъ опять въ Лавру и въ великой церкви лаврской слушалъ литургію, которую совершалъ Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ соборнѣ, и послѣ оной посѣтилъ кельи Его Высокопреосвященства. 1-го Октября — въ день Покрова пресвятыя Богородицы, въ сопровожденіи Намѣстника Лавры, поклонялся св. мощамъ Угодниковъ, нетлѣнно почивающихъ въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ. 2-го Октября, на другой день, въ 8-мъ часовъ утра слушалъ въ ближнихъ пещерахъ, въ церкви преподобнаго Антонія, литургію, которую совершалъ Намѣстникъ Лавры.

(*) Ц. Ист. Ѳеодор. 5, 18.
(**) Тамъ же.

3-го Октября, въ четвертокъ, въ пятомъ часу вечера, торжественный звонъ колоколовъ возвѣстилъ Кіеву о прибытіи Вѣнценосныхъ Гостей. Ихъ Величества изволили прибыть прямо къ св. Лаврѣ. Здѣсь у св. воротъ ожидали уже Ихъ: Великій Князь Николай Николаевичъ, Высокопреосвященный Митрополитъ съ епископами: Аполлинаріемъ, Викаріемъ митрополіи кіевской, и Стефаномъ Болгарскимъ, Архимандритами и братіею Лавры, а также начальники края и губерніи со всѣми военными и гражданскими чинами и множествомъ народа. Какъ скоро Ихъ Величества вышли изъ экипажа, звонъ колоколовъ утихъ и Высокопреосвященный Митрополитъ привѣтствовалъ Вѣнценосныхъ Поклонниковъ рѣчью, выслушанною Ими съ столь же глубокимъ чувствомъ умиленія, съ какимъ и произнесена она была маститымъ Архипастыремъ (*).

По окончаніи рѣчи, Царственные Богомольцы, лобызавъ честный крестъ и принявъ окропленіе святою водою, въ предшествіи Митрополита и всего священнаго собора, съ пѣніемъ пѣвчихъ: Спаси Господи люди твоя и колокольнымъ звономъ, шествовали въ великую церковь. Здѣсь совершено было обычное краткое молебствіе съ многолѣтіемъ Ихъ Величествамъ и всему Августѣйшему Дому, и въ тоже время спущена была чудотворная икона Успенія пресвятыя Богородицы, находящаяся надъ царскими вратами. При видѣ сей драгоцѣннѣйшей святыни лаврской — лика Богоматери, какъ бы нисходящаго съ неба для выслушанія и принятія молитвъ притекающихъ къ Ея покрову въ сей присной Ея обители, предстоя въ величественномъ храмѣ, который въ вечернемъ сумракѣ, при свѣтѣ свѣчей и лампадъ, особенно исполнялъ душу благоговѣйными чувствами, Вѣнценосные Поклонники, видимо, до глубины сердца были тронуты и проникнуты живѣйшимъ умиленіемъ, съ коимъ потомъ и лобызали святую икону и покланялись прочей святынѣ, хранящейся въ церкви—главѣ Равноапостольнаго Князя Владиміра, гробу преподобнаго Ѳеодосія, частямъ мощей всѣхъ преподобныхъ печерскихъ и мощамъ святителя Михаила, перваго митрополита кіевскаго. Послѣ поклоненія святынѣ, Архипастырь поднесъ Ихъ Величествамъ, въ благословеніе отъ Лавры, иконы — списки съ чудотворнаго образа Успенія Богоматери, и въ слѣдъ за тѣмъ Они, прежнимъ порядкомъ, въ предшествіи Митрополита и собора священнослужителей, вышли изъ церкви и шествовали за врата къ своему экипажу. Въ сіе время на дворѣ лаврскомъ и на колокольнѣ уже горѣла блистательная иллюминація, которая постепенно загоралась во всемъ городѣ, благопріятствуемая тихою и прекрасною погодою, стоявшею неизмѣнно и во все время пребыванія Ихъ Величествъ въ Кіевѣ. За вратами Лавры Они, лобызавъ честный крестъ, сѣли въ экипажъ, и при громкихъ восклицаніяхъ торжествующаго народа, отправились въ свою квартиру.

На другой день, 4-го числа, въ пятокъ, въ 12-ть часовъ утра Ихъ Величества, вмѣстѣ въ Великимъ Княземъ, изволили посѣтить Софійскій Соборъ, гдѣ Высокопреосвященный Митрополитъ вновь встрѣтилъ Ихъ у колокольни съ соборнымъ клиромъ, и послѣ обычнаго молебствія руководилъ Ихъ по храму для поклоненія святынѣ, тамъ находящейся, а равно показывалъ и другіе достопримѣчательные предметы, мозаику и фрески, украшающіе стѣны сего величественнаго храма, а при выходѣ поднесъ иконы Божіей Матери и священномученика Макарія. Изъ

(*) Смотр. Воскр. Чт. № 31.

Софійскаго Собора, Августѣйшіе Богомольцы отправились въ Михайловскій монастырь, и встрѣченные здѣсь настоятелемъ онаго, Викаріемъ митрополіи кіевской съ братіею монастыря, покланялись мощамъ святыя великомученицы Варвары, при чемъ Преосвященный Викарій поднесъ Имъ иконы св. Великомученицы и золотые крестики и кольца отъ гроба ея. Посѣтивъ послѣ того Десятинную и Андреевскую церкви, и съ галлереи, окружающей сію послѣднюю, обозрѣвъ прекрасные виды на Подолъ, Днѣпръ и заднѣпровье, Ихъ Величества отправились въ Лавру для посѣщенія ближнихъ пещеръ. Здѣсь, въ церкви Воздвиженія честнаго Креста, изъ которой входятъ въ пещеры, встрѣтилъ Ихъ Высокопреосвященный Митрополитъ съ намѣстникомъ и нѣкоторыми старцами Лавры, и самъ руководилъ Царственныхъ Поклонниковъ къ мощамъ преподобныхъ Отцевъ. Благоговѣйно лобызали Они нетлѣнные остатки и внимали объясненіямъ Архипастыря касательно жизни нѣкоторыхъ святыхъ угодниковъ, а по выходѣ изъ пещеръ, приняли поднесенныя Архипастыремъ, для Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ Величествъ, иконы собора преподобныхъ Отцевъ печерскихъ.

5-го числа, въ субботу, въ день рожденія Великой Княжны Маріи Александровны, Ихъ Величества съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, изволили слушать въ великой лаврской церкви литургію, которую совершалъ соборнѣ Высокопреосвященный Митрополитъ, и къ которой прибыли Они въ началѣ 12-го часа, а по окончаніи литургіи, поклонившись чудотворной иконѣ Успенія, посѣтили кельи Его Высокопреосвященства, и оттолѣ опять были въ великой церкви, гдѣ, въ сопровожденіи Намѣстника, обозрѣвали ризницу и другія находящіяся тамъ достопримѣчательности.

Изъявивъ желаніе слушать литургію въ пещерахъ, Ихъ Величества съ Великимъ Княземъ, 6 го числа въ воскресенье, въ 11 часовъ утра, опять прибыли къ ближнимъ пещерамъ, гдѣ Высокопреосвященный Митрополитъ встрѣтилъ Ихъ и ввелъ въ пещерную церковь преподобнаго Антонія, а Намѣстникъ Лавры совершилъ литургію. Оттолѣ отправились къ дальнимъ пещерамъ и въ сопровожденіи Митрополита покланялись мощамъ Преподобныхъ, нетлѣнно въ нихъ почивающихъ, при чемъ также благоговѣйно внимали Архипастырю, объяснявшему черты изъ жизни нѣкоторыхъ Отцевъ. Въ тотъ же день ночью отправился изъ Кіева Великій Князь Николай Николаевичъ.

7-го числа — въ понедѣльникъ, Кіевъ долженъ былъ проститься съ Вѣнценосными Гостями своими. Въ 9-ть часовъ утра, оставивъ квартиру, Ихъ Величества прибыли въ Лавру принять послѣднее напутственное благословеніе отъ Пресвятой Матери Божіей и св. Угодниковъ кіевскихъ. Здѣсь у св. воротъ Они встрѣчены были, какъ и въ первый разъ, Митрополитомъ съ соборомъ священнослужителей и всѣми чинами, съ крестомъ и св. водою, и лобызавъ крестъ, шествовали въ великую церковь, гдѣ съ обычною эктеніею соединены были моленія о благополучномъ путешествіи и Архипастыремъ возглашена молитва о Высочайшихъ Путешественникахъ, которые слушали молебствіе и Сами молились съ особеннымъ глубокимъ чувствомъ умиленія и благоговѣнія и въ слѣдъ за тѣмъ, облобызавъ чудотворную икону Успенія, поклонившись прочей святынѣ и принявъ отъ Архипастыря напутственное благословеніе, оставили церковь. За вратами Ихъ Величества, еще разъ лобызавъ честный крестъ въ рукахъ Митрополита, простились съ нимъ и съ народомъ, съ громкими вос-

клицаніями провожавшимъ своихъ Державныхъ Гостей и отправились на Подолъ.

Не бывъ, въ продолженіи пребыванія въ Кіевѣ, на Подолѣ, хотя здѣсь съ пламеннымъ усердіемъ ожидали Ихъ Величествъ жители Подола въ Братскомъ и Флоровскомъ монастыряхъ, коимъ обѣщано было Высочайшее посѣщеніе 6-го числа въ воскресенье, Вѣнценосные Поклонники теперь доставили Подолу утѣшеніе, посѣтивъ Братскій монастырь прямо изъ Лавры. Встрѣченные тамъ у колокольни настоятелемъ монастыря и Ректоромъ Академіи съ академическою и монастырскою братіею, Ихъ Величества пожаловали въ церковь, гдѣ покланялись Братской чудотворной иконѣ Божіей Матери и кресту, дарованному патріархомъ Ѳеофаномъ. При выходѣ же изъ церкви, Ректоромъ Академіи представлены были Имъ наставники и воспитанники Академіи. За вратами Ихъ Величества лобызали честный крестъ, и осѣняемые имъ, сѣли въ экипажъ и отправились прямо на Николаевскій мостъ.

Такъ совершили священный обѣтъ свой Вѣнценосные Богомольцы! Да благословитъ ихъ Господь всѣми благословеніями небесными и земными и да почіютъ на нихъ выну молитвы и заступленіе пресвятой Матери Божіей и святыхъ Угодниковъ Божіихъ кіевскихъ! Незабвенна будетъ для Кіева радость, какую принесло ему вожделѣнное посѣщеніе Ихъ Императорскихъ Величествъ и для всей Россіи памятенъ и поучителенъ будетъ навсегда прекрасный примѣръ Ихъ благочестія и благоговѣнія къ завѣтной святынѣ Царства Русскаго.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

107) Какъ вино веселитъ сердце человѣка и утишаетъ скорбь; такъ и духовное вино, т. е. Писаніе, на радость прелагаетъ душу. И ненасытима сладость божественныхъ писаній. — Когда читаешь и не понимаешь силы слова,—не унывай, но прочитай то дважды, трижды и многажды, призывая Господа нашего Іисуса Христа, да отверзетъ очи ума твоего.

108) Оставь мятущія суеты и присѣди чтенію божественныхъ Писаній,—и обрѣтешь спасеніе души твоей.—Всегдашнее безмолвіе и чтеніе, умѣреное бдѣніе, постъ и молчаніе скоро приводятъ подвизающагося къ дверямъ спасенія. Если же онъ нѣсколько дней посвящаетъ на то, а потомъ опять вдается въ развлеченія, то онъ въ прельщеніи, и одною рукою раззоряетъ то, что созидаетъ другою.

109) Зри, добрая госпожа моя, что скажу тебѣ.—Творящихъ милостыню и цѣломудренно, благочестно и праведно живущихъ много въ мірѣ: но дѣлателей Божіихъ, т. е. ревнителей добраго и блаженнаго безмолвія, возводящаго къ святой чистотѣ сердца и непрестанному лицезрѣнію Бога, мало найдешь и между оставившими міръ. Изберн же малую часть избранныхъ Божіихъ, и не страшись итти симъ неучащаемымъ путемъ.

110) Земной царь чтитъ славою и властію тѣхъ, кои не щадятъ трудовъ въ вѣрномъ ему служеніи: не тѣмъ ли паче Царь нашъ и Богъ, Іисусъ Христосъ сподобитъ божественныхъ даровъ тѣхъ, кои, по любви къ Нему, благодушно переносятъ скорби безмолвія?

111) Будь въ безмолвіи твоемъ и молитвѣ подобна Херувимамъ, выну зрящимъ единое лице Божіе, и содержи въ умѣ своемъ, что кромѣ тебя и Бога нѣтъ въ мірѣ

никого болѣе, о комъ бы тебѣ надлежало пещись и промышлять. Если же придетъ тебѣ помыслъ, пещись о комъ либо изъ братій или сестеръ, и внесетъ смятеніе и тяготу въ сердце твое, то скажи помыслу своему: добръ путь любви и милости ради Бога; но я ради же Бога убѣжала отъ сей любви къ сродникамъ. »Постой, сказалъ одинъ монахъ старцу, ибо я ради Бога, гонюсь за тобою«.—»И я, отвѣчалъ старецъ, ради Бога бѣгу отъ тебя«. И вотъ тебѣ законъ безмолвія: молчаніе для всѣхъ, постъ завсегда до 9-го часа, и непрестанная молитва сердечная, которой я научилъ тебя.

112) Дерзай о Господѣ, сестра; не бойся сей дивной добродѣтели. Ибо боязливый, особенно монахъ, непремѣнно страждетъ слѣдующими двумя недугами—тѣлолюбіемъ, и невѣріемъ. — Тѣлолюбіе всегда есть признакъ невѣрія; кто же призираетъ тѣло свое, тотъ показываетъ, что вседушно вѣруетъ въ Бога и несомнѣнно часть будущихъ благъ. Посмотри на мучениковъ и отцевъ нашихъ, разсуди, вошелъ ли кто въ царствіе небесное, услаждаясь пищею и питіемъ, шутя и смѣясь?— Если же чрезъ труды, скорби и горькія муки: то какъ дерзнешь предстать безсмертному Царю ты, ничего не понесши такого? — Не слышала ли ты о блаженной Ѳеодорѣ, какъ, оклеветанная, она страдала внѣ монастыря день и ночь и благодушно переносила всѣ мучительныя горести, и какъ прославилъ ее Богъ? —Не слышала ли ты о первомученицѣ Ѳеклѣ, какую страшную прошла она борбу, любви ради Божіей?—И что говорить о другихъ? Посмотри на самую Матерь Свѣта! Въ какомъ безмолвіи и молчаніи подвизалась Она, во истину Богородица и Матерь Господа и Бога—сладчайшаго нашего Іисуса Христа? — Съ трехъ лѣтъ отъ рожденія, когда Она была введена въ храмъ Божій, что вѣдала она, кромѣ священнаго, и съ кѣмъ бесѣдовала, кромѣ Бога, день и ночь пребывая въ молитвѣ, безмолвіи, постѣ и бдѣніи, и питаясь неизреченными сладостями Духа Божія?—Конечно и они были люди, подобострастные намъ, но ради трудовъ ихъ и потовъ обильно вселилась въ нихъ божественная благодать. Потому потрудись—злопостражди и ты, безмолствуй, постись, молчи, бди, да и ты содѣлаешься дщерію Божіею.—Ибо Давидъ говоритъ: *азъ рѣхъ бози есте, и сынове Вышняго вси вы.*—Но человѣкъ не можетъ стяжать сего сыновняго дерзновенія къ Богу, если не убезмолвится, не будетъ присидѣть молитвѣ и переносить всякія скорби. Я хорошо знаю сердце твое, знаю, сколько оно мужественно,—мужественнѣе даже души моей; потому свободно и открываю мысли свои твоему боголюбію, и молюсь всемогущему Богу, чтобы ты скорѣе сѣла на безмолвіе,—и тогда Богъ откроетъ въ тебѣ дивныя свои чудеса.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 15-го Ноября 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 37.

НЕДѢЛЯ СВЯТЫХЪ ПРАОТЕЦЪ.

15 Декабря 1857 г.

Гласъ 4-й.

На утрени евангеліе воскресное 7-е, Іоан. зач. 63. На литургіи: апост. Кол. зач. 257, еванг. Лук. зач. 76.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА

ИЗЪЯСНЕНІЕ СЛОВЪ АПОСТОЛА ПАВЛА ИЗЪ ПОСЛАНІЯ КЪ ЕВРЕЯМЪ

Гл. 2. ст. 16, 17, 18.

Апостолъ Павелъ, желая показать великое человѣколюбіе Божіе и любовь къ роду человѣческому, послѣ того, какъ сказалъ: *понеже убо дѣти пріобщишася плоти и крови, и Той пріискренныь пріобщися тѣхже*, подробно раскрываетъ сію мысль и говоритъ: *не отъ ангелъ убо когда пріемлетъ.* Не просто внимай сказанному и не почти этого дѣломъ неважнымъ, что Онъ принялъ отъ насъ плоть: ибо Онъ не далъ этого ангеламъ. Посему Апостолъ и выразился такъ: *не отъ ангелъ убо когда пріемлетъ, но отъ сѣмени Авраамова.* Что такое говоритъ онъ? Не ангельское воспріялъ естество, но человѣческое. А что значитъ *пріемлетъ*? Отъ чего не сказалъ: взялъ (ἀνέλαβεν), но употребилъ такое выраженіе: *пріемлетъ* (ἐπιλαμβάνεται)? Онъ говоритъ метафорически, по сходству съ тѣми, кои гонятся за отвращающимися отъ нихъ и все дѣлаютъ, чтобы схватить бѣгущихъ и поймать утекающихъ. Ибо человѣческое естество, бѣгущее отъ Него и далеко ушедшее,—*бѣхомъ*, сказано, *далече отъ Бога, отчуждени и безбожни въ мірѣ* (Ефес. 2, 12),—Онъ, догнавши, схватилъ. Изъ сего доказываетъ онъ, что это сдѣлано по одному человѣколюбію и любви и попечительности о насъ. Какъ словами: *не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе*, онъ доказывалъ чрезвычайное попеченіе Божіе о человѣческомъ естествѣ, и что Богъ много заботится о немъ: такъ и здѣсь употребляетъ сильнѣйшее выраженіе, говоря

по уподобленію: *не отъ ангелъ убо пріемлетъ*. Ибо поистинѣ это великое и удивительное и изумительное дѣло, что плоть, заимствованная отъ насъ, возсѣла горѣ и ей покланяются ангелы и архангелы, серафимы и херувимы. Часто помышляя о семъ, я изумляюсь и представляю себѣ, какъ велико достоинство человѣческаго рода; ибо въ самомъ началѣ вижу нѣчто великое и блистательное, и чрезвычайное попеченіе Божіе о нашемъ естествѣ. И не сказалъ только (Апостолъ), что *пріемлетъ* человѣковъ, но, желая ихъ превознесть и показать, что родъ ихъ есть нѣчто великое и драгоцѣнное, говоритъ: *отъ сѣмени Авраамова пріемлетъ: отнюдуже долженъ бѣ по всему подобитися братіи*. Что значитъ: *по всему?* Родился, т. е., воспитался, возросъ, испыталъ все, что надлежало, и наконецъ умеръ. Это значитъ—*по всему уподобиться братіи*. Ибо такъ какъ выше много было сказано о Его величіи и горней славѣ, то онъ въ слѣдъ за тѣмъ ведетъ рѣчь о домостроительствѣ, и – смотри съ какимъ благоразумiемъ и силою, какъ ясно изображаетъ Его чрезвычайное стараніе о томъ, чтобы уподобиться намъ. Это стоило Ему многихъ заботъ. Сказавъ выше: *понеже убо дѣти пріобщишася плоти и крови, и Той пріискренѣ пріобщися тѣхже*, онъ и здѣсь говоритъ: *по всему подобитися братіи*, какъ бы такъ говоря: Тотъ, Кто безпредѣльно великъ, Кто есть сіяніе славы и образъ ипостаси Отца, Кто сотворилъ вѣки и сѣдитъ одесную Отца, Тотъ восхотѣлъ и потщился содѣлаться во всемъ нашимъ братомъ, и для того оставилъ ангеловъ и всѣ горнія силы и снисшелъ къ намъ и насъ воспринялъ. Смотри же, сколько доставилъ благъ: разрушилъ смерть, исхитилъ насъ отъ власти діавола, освободилъ отъ рабства, почтилъ насъ братствомъ съ нами; и не братствомъ только почтилъ, но и другими безчисленными дарами: Онъ восхотѣлъ содѣлаться и Первосвященникомъ нашимъ предъ Отцемъ. Ибо прибавляетъ: *да милостивъ будетъ и вѣренъ Первосвященникъ въ тѣхъ, яже къ Богу*. Ради того, говоритъ, Онъ принялъ плоть нашу, ради единаго человѣколюбія, дабы насъ помиловать. Ибо не другая какая либо есть причина домостроительства, но сія единственно. Онъ увидѣлъ насъ поверженныхъ долу, погибавшихъ, обладаемыхъ смертію, и сжалился надъ нами. *Во еже очистити*, говоритъ, *грѣхи людскія, да милостивъ будетъ и вѣренъ Первосвященникъ*. Что значитъ—*вѣренъ*? Истиненъ, силенъ. Ибо единъ есть вѣрный Первосвященникъ—Сынъ, могущій освободить отъ грѣховъ тѣхъ, для коихъ Онъ есть Первосвященникъ. Итакъ, чтобы принесть жертву, могущую насъ очистить, для сего Онъ содѣлался человѣкомъ. Вотъ почему прибавилъ: *въ тѣхъ, яже къ Богу*. Мы, говоритъ, были врагами Богу, осуждены, отвержены отъ Него. Не было никого, кто бы принесъ за насъ жертву. Увидѣлъ Онъ насъ въ такомъ состояніи и—сжалился; не поставилъ намъ первосвященника, но самъ содѣлался вѣрнымъ Первосвященникомъ. Потомъ, показывая, какъ—вѣрнымъ, прибавилъ: *во еже очистити грѣхи людскія. Въ немъ же бо пострада*, говоритъ, *самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи*. Это (повидимому) крайне унизительно, уничижительно и недостойно Бога. — *Въ немъ же бо пострада самъ*,—смыслъ сихъ словъ такой: Онъ пришелъ и испыталъ Самъ все то, чему мы подвержены были. Теперь Ему не чужды всѣ наши страданія,—потому что Онъ узналъ ихъ не какъ Богъ только, но и какъ человѣкъ,—узналъ изъ того опыта, которымъ искусился. Онъ много пострадалъ, и потому научился страданію. Хотя Онъ и Богъ безстрастный, но здѣсь идетъ рѣчь о томъ, что относит-

ся къ Его воплощенію. Какъ бы такъ говоритъ онъ: самая плоть Христова много претерпѣла страданій; узналъ Онъ изъ опыта, что такое скорбь, что такое искушеніе, не менѣе насъ страждущихъ,—ибо и Самъ пострадалъ. Чтоже значитъ: *можетъ искушаемымъ помощи?* Это тоже, какъ если бы сказать: съ великою готовностію простретъ руку, будетъ сострадателенъ. Поелику они (іудеи) хотѣли имѣть нѣчто болѣе и преимуществовать предъ язычниками, то Онъ указываетъ въ этомъ ихъ преимущество. Въ чемъ же —этомъ? Въ томъ, что отъ нихъ спасеніе, что ихъ принялъ прежде, что отъ нихъ воспріялъ плоть. *Не отъ ангелъ бо*, говоритъ, *когда пріемлетъ. но отъ сѣмене Авраамова пріемлетъ.* Симъ Онъ и почтилъ патріарха, и напомнилъ имъ объ обѣтованіи, реченномъ ему: *тебѣ и сѣмени твоему дамъ землю сію* (Быт. 13, 15), и въ этомъ незначительномъ обстоятельствѣ указалъ имъ близость къ Нему, поелику всѣ происходятъ отъ одного. Но такъ какъ эта близость не велика, то переходитъ опять къ прежнему и останавливается на домостроительствѣ воплощенія, говоря: *во еже очистити грѣхи людскія.* Ибо и то самое, что Онъ восхотѣлъ содѣлаться человѣкомъ, означало великое попеченіе и любовь; а теперь не это только, но и безсмертныя блага намъ чрезъ Него дарованы. *Во еже очистити грѣхи людскія.* Почему несказалъ: вселенныя, но *людскія* — народа (τῶ λαοῦ)?—ибо Онъ несомнѣнно понесъ грѣхи всѣхъ. Потому, что рѣчь у него пока объ нихъ однихъ. Вотъ почему и Ангелъ Іосифу сказалъ: *наречеши имя Ему Іисусъ: той бо спасетъ люди своя* (народъ свой). Ибо этому надлежало быть первѣе всего, и для того пришелъ Онъ, чтобы ихъ спасти, а послѣ того уже чрезъ нихъ—другихъ, хотя случилось и напротивъ. Это и Апостолы въ началѣ говорили: *вамъ первѣе Богъ воздвигъ отрока своего Іисуса, посла Его благословяща васъ* (Дѣян. 3, 26); и еще: *вамъ слово спасенія послася* (Дѣян. 13, 26). Здѣсь онъ ластъ разумѣть благородство Іудеевъ, говоря: *во еже очистити грѣхи людскія* (народа). Говоритъ такъ до времени. Ибо что Онъ есть очищеніе и грѣховъ всѣхъ людей, это Онъ самъ показалъ, сказавъ разслабленному: *отпущаются тебѣ грѣси*; а также и въ заповѣди о крещеніи говоритъ ученикамъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.*

СВЯТЫЙ ПРОРОКЪ АГГЕЙ.

Св. Аггей пророчествовалъ народу іудейскому во второе лѣто Дарія Истаспа, царя Персидскаго (1), при Зоровавелѣ, областномъ правителѣ Іудеи, и первосвященникѣ Іисусѣ, сынѣ Іоседековомъ (Аг. 1, 1),—въ тотъ самый годъ, въ который началъ свое пророческое служеніе Захарія (Зах. 1, 1). Это было спустя 15 лѣтъ (2) по возвра-

(1) А не Дарія Нота, какъ думаютъ нѣкоторые, поелику изъ 1 Ездр. 6, 14. 7, 1 видно, что Дарій, при которомъ пророчествовали Аггей и Захарія, предшествовалъ Артаксерксу Лонгиману и поставляется между нимъ и Киромъ. При Даріѣ Нотѣ, жившемъ спустя болѣе 100 лѣтъ послѣ Кира, не могли оставаться въ живыхъ Іисусъ и Зоровавель, предводившіе первою колоніею Іудеевъ, возвращавшихся изъ плѣна вавилонскаго, тѣмъ болѣе—старцы іудейскіе, видѣвшіе славу и великолѣпіе Соломонова храма.

(2) Киръ царствовалъ 7 лѣтъ; Камбизъ $7\frac{1}{2}$, Лжесмердисъ—полгода.

щеніи іудевъ въ свое отечество изъ плѣна вавилонскго (за 517 л. до Р. Х.).

Возвратившись изъ плѣна, Іудеи, движимые религіозными чувствами, тотчасъ приступили къ возстановленію общественнаго богослуженія, а чрезъ годъ къ сооруженію храма, не смотря на крайнюю скудость средствъ, съ живѣйшимъ одушевленіемъ (1 Ездр. 3 гл.). Но пламенная ревность ихъ скоро встрѣтила сильное противодѣйствіе со стороны сосѣдей. Сосѣдніе съ Палестиною народы, хорошо помня прежнее могущество Іудеевъ, съ завистію и опасеніемъ смотрѣли на возстановленіе униженной и порабощенной ихъ націи, и потому не замедлили препятствовать сему. Болѣе всего Іудеи терпѣли отъ Самарянъ. Самаряне предложили было возвратившимся въ землю отцевъ плѣнникамъ свое участіе въ построеніи храма, выставляя свое родство съ ними, но были отвергнуты. Въ отмщеніе за это, они всѣми мѣрами старались воспрепятствовать возстановленію святилища Господня. Они употребляли злыя насмѣшки надъ строителями, сыпали деньги и клеветы при дворѣ Персидскихъ государей, частію уже при Кирѣ, а особенно при его преемникахъ: Камбизѣ и Лжесмердисѣ. Козни Самарянъ были не безуспѣшны. Камбизъ и Лжесмердисъ издали указы, возбранявшіе сооруженіе храма. Лжесмердисъ, кромѣ того, военною рукою остановилъ начатыя работы. При этихъ обстоятельствахъ, ревность Іудеевъ о построеніи храма Богу своему охладѣла.

Искушеніе, которому подверглись Іудеи со стороны своихъ сосѣдей, допущено было Промысломъ не безъ особой цѣли, полезной для нихъ. Оно долженствовало напомнить имъ, что не въ плѣну только, но и на свободѣ они имѣютъ нужду въ непрерывномъ покровительствѣ Іеговы, и что, по этому, устрояя свое благоденствіе въ возвращенномъ имъ отечествѣ, они должны основывать его не на вещественныхъ удобствахъ временной жизни, но на живомъ, нравственномъ союзѣ съ Іеговою, поддерживаемомъ и укрѣпляемомъ общественнымъ богослуженіемъ. Между тѣмъ, Іудеи, оставивъ всякое попеченіе о домѣ Божіемъ, увлеклись попеченіями житейскими; все вниманіе устремили на удобства и удовольствія жизни чувственной, забывъ совсѣмъ о потребностяхъ духовныхъ; занялись постройкою красивыхъ и великолѣпныхъ для себя жилищъ, или, какъ выражается Пророкъ, *домовъ истесаныхъ* (1, 4), а о храмѣ говорили: *не пріиде время создати храмъ Господень* (1, 2). Въ такомъ состояніи они продолжали быть даже и въ то время, когда Дарій, вступившій на престолъ послѣ Лжесмердиса, отмѣнилъ указы своихъ предшественниковъ и новымъ указомъ повелѣлъ давать имъ изъ царскихъ за Ефратомъ доходовъ вспоможеніе на сооруженіе дома Божія (1 Ездр. 6, 3—12). Такое пренебреженіе дѣломъ священнымъ не было оставляемо Промысломъ безъ видимаго вразумленія: Іегова наказывалъ народъ *неплодіемъ, вѣтротлѣніемъ и градомъ* (2, 18); поля не приносили ожидаемыхъ плодовъ, виноградные сады давали мало винограда, такъ что Іудеи живо ощущали оскудѣніе существенныхъ потребностей, въ то время, когда думали только объ удобствахъ и удовольствіяхъ (1, 6. 2, 17). И однакоже они не хотѣли примѣчать въ своихъ бѣдствіяхъ наказанія Божія за небреженіе о храмѣ, не обращались къ Іеговѣ отъ лукавствъ своихъ (2, 15. 18). Въ сихъ то обстоятельствахъ Господь вызываетъ Аггея къ пророческому служенію для объясненія народу совершавшихся предъ его очами знаменій Божіихъ, для возбужденія въ немъ охладѣвшей ревности къ построенію храма, и для отвле-

ченія отъ интересовъ вещественныхъ къ благамъ высшимъ, духовнымъ, хотя и отдаленнымъ.

Свѣдѣній о жизни пр. Аггея древность не сохранила намъ. Достовѣрнымъ можно признать съ нѣкоторыми писателями только то, что онъ родился въ плѣну вавилонскомъ и потомъ съ первыми переселенцами возвратился въ Іудею. Происходилъ, по мнѣнію однихъ, изъ колѣна Іудина, по другимъ, изъ колѣна Левіина (3). Имя Пророка (chaggai) значитъ: *радостный*. Память его въ православной церкви нашей празднуется 19-го Декабря.

Книга пророка Аггея содержитъ въ себѣ четыре пророческихъ рѣчи, отдѣляющихся одна отъ другой яснымъ указаніемъ времени, въ которое онѣ сказаны народу (1, 1. 2, 2. 11. 21). Всѣ они относятся ко второму году Дарія Истаспа, и сказаны одна послѣ другой чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Пророкъ обращается въ нихъ, за исключеніемъ послѣдней, ко всему народу, но первоначально къ правителямъ его, Зоровавелю, князю людей израилевыхъ, и первосвященнику Іисусу, сыну Іоседекову, которые должны были направлять волю народа къ тому, чего требовалъ отъ него Іегова чрезъ своего пророка.

Первая рѣчь (1, 1—11) сказана во второе лѣто Дарія, въ первый день шестаго мѣсяца. Пророкъ укоряетъ Іудеевъ въ томъ, что они свои домы заботятся строить, а о храмѣ Господнемъ не помышляютъ, свои жилища украшаютъ для того, чтобы жить весело, а о домѣ Божіемъ говорятъ, что еще *не пріиде время создати храмъ Господень* (1, 2). Обличая ихъ въ семъ неразуміи, Пророкъ говоритъ отъ лица Іеговы: *аще время убо вамъ есть жити въ домѣхъ вашихъ истесанныхъ, храмъ же мой сей запустъ* (ст. 4)? Потомъ, въ бѣдствіяхъ народа, безплодіи и голодѣ, указываетъ видимое наказаніе за его нерадѣніе въ дѣлѣ Божіемъ и корыстное увлеченіе своими личными выгодами: *сѣясте много, и взясте мало: ядосте, и не въ сытость: писте и не въ піянство: облекостеся и не согрѣстеся* (6). Это за то, говоритъ Пророкъ отъ лица Божія, что они оставили попеченіе о храмѣ: *зане храмъ мой есть пустъ, вы же течете кійждо въ домъ свой* (9). Убѣждая немедленно приступить къ построенію храма, пророкъ угрожаетъ народу еще большими наказаніями и бѣдствіями, если онъ не вразумится настоящими: *сего ради удержится небо отъ росы и земля оскудитъ изношенія своя. И наведу мечь на землю, и на горы, и на пшеницу, и на вино, и на елей, и на вся, елика износитъ земля, и на человѣка, и на скоты, и на вся труды рукъ ихъ* (10. 11).

Обличительная и грозная рѣчь Пророка не осталась безъ своего дѣйствія. Въ 1, 12—2, 1 повѣствуется, что народъ, убоявшись Бога, въ 24 день того же мѣсяца съ пламенною ревностію приступилъ къ сооруженію храма, прерванному назадъ тому около 10 лѣтъ.

Вторая рѣчь (2, 2 10) сказана спустя почти мѣсяцъ послѣ того, какъ народъ взялся за сооруженіе храма, именно—въ 21 день, въ 7 мѣсяцъ втораго лѣта Дарія. Поводъ къ ней слѣдующій. Новый храмъ, начатый еще при Кирѣ, продолжаемый теперь при Даріѣ, по великолѣпію своему, далеко не равнялся храму Соломонову, такъ что въ сравненіи съ нимъ казался *якоже не сущимъ* (4). Старцы, помнившіе великолѣпіе храма Соломонова, не могли безъ скорби смотрѣть на новый скудный храмъ. Скорбь эта, передаваемая отъ старцевъ всему народу, понятна. Народъ, которому дано столько обѣ-

(3) Schol. Rosenmill. P. VII. vol. IV. in. Hag. prooem.

тованій о его будущемъ величіи съ пришествіемъ Мессіи, издавна привыкъ соединять свою славу съ великолѣпіемъ храма, которымъ онъ измѣрялъ отношеніе Іеговы къ себѣ. Теперь, при видѣ скуднаго храма, ему думалось, что Іегова оставилъ его, что давнія чаянія и ожиданія его тщетны: тѣмъ понятіямъ, которыя онъ имѣлъ о Мессіи, тому величію, которое должно имѣть царство іудейское между другими народами, когда пріидетъ Мессія, далеко не соотвѣтствовалъ настоящій скудный храмъ. Народъ смотрѣлъ на храмъ и малодушествовалъ. Пророкъ въ своей рѣчи, по откровенію Божію, утѣшаетъ его, возвѣщая, что духъ Іеговы не отступилъ отъ народа своего, Господь пребываетъ съ нимъ, Его обѣтованія непреложны; по этому народъ не долженъ малодушествовать: *укрѣпляйся, Зоровавелю, глаголетъ Господь, укрѣпляйся, Іисусе сыне Іоседековъ, іерею великій, и да укрѣпляются вси людіе земли, и творите: зане Азъ съ вами есмь, глаголетъ Господь Вседержитель: слово, еже завѣщахъ съ вами, егда исходисте изъ земли египетскія, и Духъ мой настоитъ посредъ васъ: дерзайте* (5. 6). Хотя настоящій храмъ, созидаемый вами, малъ и ничтоженъ въ сравненіи съ первымъ—Соломоновымъ, но онъ славою своею далеко превзойдетъ его: *велія будетъ слава храма сего послѣдняя паче первыя, глаголетъ Господь Вседержитель* (10).

Въ чемъ же будетъ состоять слава храма сего? Конечно, не въ обиліи золота и серебра, и вообще—не во внѣшнемъ великолѣпіи и видимомъ украшеніи его. *Мое сребро и мое злато, глаголетъ Господь Вседержитель* (9). То есть, какъ бы такъ говоритъ: не думайте, чтобы храмъ былъ славенъ только тогда, когда исполненъ сребромъ и золотомъ, и напротивъ—безславенъ, когда не украшенъ ими. Для Бога, который обладаетъ сребромъ и златомъ не только храма, но цѣлаго міра, видимое украшеніе храма ничего не значитъ. Но слава новаго, и въ глазахъ вашихъ скуднаго храма, будетъ состоять въ томъ, что въ немъ дастъ Господь миръ, который благоустроитъ души зиждущихъ, соединитъ ихъ между собою, и въ этомъ соединеніи они составятъ единое царство Божіе—святую Церковь: *на мѣстѣ семъ дамъ миръ, глаголетъ Вседержитель, и миръ души въ снабдѣніе всякому зиждущему, еже возставити церковь сію* (10).—Очевидно, что злѣсь говорится о пришествіи Мессіи, Господа нашего Іисуса Христа, и основаніи Имъ на землѣ, и первоначально между Іудеями, благодатнаго царства своего. Другой Пророкъ, Малахія, жившій спустя сто лѣтъ послѣ Аггея, это же самое пророчество выражаетъ такъ: *и внезапу* (т. е. скоро) *пріидетъ въ церковь свою Господь, Егоже вы ищете, и Ангелъ завѣта, Егоже вы хощете* (Мал. 3, 1). Спаситель пришелъ именно въ то время, когда существовалъ еще вторый храмъ, построенный Іудеями послѣ плѣна вавилонскаго. Своею крестною смертію за грѣхи рода человѣческаго примирилъ насъ съ Богомъ Отцемъ своимъ и излилъ въ сердца наша благодатный миръ (Рим. 5, 1. 1 Кор. 7, 15. Кол. 3, 15). Этотъ миръ, какъ Божія благодать, нисходя въ души вѣрующихъ, благоустрояетъ ихъ, истребляя въ нихъ страсти и похоти ветхаго человѣка, зиждетъ ихъ, *яко каменіе живо, въ храмъ духовенъ, возносити жертвы Богови Іисусъ Христомъ* (1 Петр. 2, 5), и такимъ образомъ возстановляетъ Церковь, потрясенную еще въ первые дни міробытія исконнымъ врагомъ Бога и человѣковъ. Это и значатъ выраженія Пророка: *и дамъ миръ души въ сна-*

бдьніе всякому зиждущему, еже возставити церковь сію.

Когда же, по пророчеству Аггея, имѣла открыться слава втораго храма? Пророкъ не означаетъ опредѣленно времени, когда сіе будетъ, но указываетъ событіе, или цѣлый рядъ событій, послѣ которыхъ, или при которыхъ откроется слава втораго храма и прилетъ въ Церковь свою Господь. *Еще едину* (4), говоритъ Аггей отъ лица Іеговы, *Азъ потрясу небомъ и землею, и моремъ и сушею, и сотрясу вся языки, и пріидутъ избранная всѣхъ языковъ: и исполню храмъ сей славы* (7. 8). Выраженіе Пророка: *потрясу небомъ и землею, и моремъ и сушею* — метафорическое, получающее свой смыслъ въ опредѣляющихъ его послѣдующихъ словахъ: *и сотрясу вся языки.* Сотрясеніе *неба и суши*, по изъясненію бл. Іеронима, означаетъ колебаніе націи іудейской, которая, по высотѣ и чистотѣ своей религіи, была въ отношеніи ко всему языческому міру точно — *небомъ*, по своему положенію среди языческихъ народовъ, какъ бы островомъ среди океана, или сушею. И іудейская нація, это, на языкѣ Пророка, *небо и суша* въ пришествіе Христово находилась въ сильномъ потрясеніи во всѣхъ своихъ частяхъ: собственная правительственная власть ея угасала и переходила въ руки иноземцевъ: священство падало, — ибо римскіе прокураторы Іудеи мѣняли первосвященниковъ по своему произволу и отдавали власть ихъ не людямъ достойнымъ, а честолюбцамъ, вносившимъ большую сумму денегъ за первосвященническое достоинство; самая нація раздѣлялась на враждебныя одна другой секты. Среди этого-то потрясенія Іудеи является Іисусъ Христосъ и устрояетъ новое небо, образуетъ новую сушу: Церковь Христова смѣняетъ Синагогу іудейскую, народъ христіанскій замѣняетъ собою народъ іудейскій. Но Господь обѣщаетъ поколебать не небо только и сушу, но *и землю и море*, т. е. міръ языческій, предъ пришествіемъ чаянія языковъ. Какъ это исполнилось? Въ періодъ существованія втораго храма іерусалимскаго Господь постоянно колебалъ и землю и море: Персы ниспровергаютъ вавилонскую монархію, но и сами падаютъ предъ сокрушающею силою Македонскаго завоевателя; Грековъ стѣсняютъ и побѣждаютъ Римляне. Когда Римляне покорили всю вселенную, стали поражать самихъ себя, раздирая имперію междоусобными войнами. Наконецъ, всѣ треволненія затихаютъ; храмъ Янусовъ, въ знакъ всеобщаго міра, затворяется въ царствованіе Октавія Августа, и — въ это-то время является на землю чаяніе всѣхъ языковъ, Іисусъ Христосъ, и наполняетъ второй храмъ славою веліею паче первой его славы.

И пріидутъ избранная всѣхъ языковъ. Съ еврейскаго (5) блаж. Іеронимъ (6) переводитъ это мѣсто: *и пріидетъ чаяніе всѣхъ языковъ.* Св. Кириллъ Александрійскій согласно съ симъ говоритъ: »преимущественная слава втораго храма будетъ состоять въ томъ, во первыхъ, что въ него *пріидетъ чаяніе языковъ*, а во вторыхъ въ томъ, что въ немъ данъ будетъ миръ: *и на мѣстѣ семъ дамъ миръ* (7). Ктоже этотъ — Чаяніе всѣхъ языковъ? Еврейское

(4) Было уже потрясеніе неба и земли, когда Іегова давалъ законъ на Синаѣ (Слич. Евр. 12, 26. 27. Исх. 30. 10. 4 Цар. 6, 10. Суд. 5, 4); Пророкъ предвѣщаетъ новое, когда Богъ будетъ давать новый законъ отъ Сіона (Евр. 12, 18—27). Первое касалось одного народа іудейскаго, а второе коснется всѣхъ народовъ. Исаі. гл. 24. Агг. 2, 22. 23.

(5) ובאו חמדת כל-הגוים — et venient desideria gentium.

(6) Tom. VI. Op. Hier. comment. in XII proph. minor. pag. 284.

(7) V. d. Curs. compl. S. Script. T. XX. pag. 1054.

chemdah желаніе, чаяніе, поставленное во множественномъ числѣ chemdath, по свойству еврейскаго языка, выражаетъ превосходную степень и означаетъ высочайшее желаніе, чаяніе чего либо по преимуществу. Кого же другаго можно разумѣть подъ этимъ высочайшимъ желаніемъ или чаяніемъ всѣхъ языковъ, какъ не Мессію, Іисуса Христа, въ которомъ всѣ народы имѣли наслѣдовать благословеніе ((Быт. 12, 4. Гал. 3, 14), которому принадлежитъ покорность всѣхъ языковъ (Пс. 44, 3), который Самъ, по выраженію Пѣсни Пѣсней *весь желаніе* или чаяніе (כלו מחמדים Пѣсн. Пѣсн. 5, 16), и который пришелъ именно въ то время, когда всѣ. не только Іудеи (1 Мак. 14, 41. Лук. 2, 25. Іоан. 1, 45—49. 4, 25), но и язычники (8) ожидали Его, какъ Избавителя отъ обдержащихъ золъ.

Такъ объясняли это пророчество, т. е. подъ славою втораго іерусалимскаго храма разумѣли пришествіе въ него Мессіи св. отцы и учители Церкви (9); такъ разумѣютъ его и сами Іудеи, какъ читаемъ въ толкованіяхъ ихъ раввиновъ, у Р. Сира (10), жившаго еще до разрушенія втораго храма; изъ новѣйшихъ—у раввиновъ—Расци (11), Акибы, (12), Манассіи и другихъ (13). Только по упорству и ослѣпленію своему не хотятъ они признать въ выраженіяхъ пророческихъ того самаго Мессію, котораго мы признаемъ, Господа нашего Іисуса Христа, и относятъ исполненіе пророчества къ отдаленному времени. Упорство напрасное и ослѣпленіе жалкое! Второй іерусалимскій храмъ уже не существуетъ: прошло почти 18 вѣковъ послѣ того, какъ онъ разрушенъ. Потому, справедливо еще во 2-мъ христіанскомъ вѣкѣ Тертулліанъ говорилъ Іудеямъ: »вы ожидаете Мессіи; но гдѣ онъ будетъ помазанъ? Вашъ храмъ разоренъ; вашъ городъ въ развалинахъ« (14).

Третья рѣчь (2, 11—20), сказанная чрезъ три мѣсяца послѣ того, какъ народъ съ такимъ усердіемъ принялся за сооруженіе храма, именно—въ 24 день, въ 9 мѣсяцъ втораго лѣта Дарія, по содержанію своему, находится въ тѣсномъ отношеніи къ первой. Тамъ Пророкъ говорилъ Іудеямъ, что неплодіе ихъ страны и вообще видимое неблагословеніе дѣлъ рукъ ихъ были наказаніемъ за ихъ небреженіе о домѣ Божіемъ и преступное увлеченіе къ своекорыстнымъ интересамъ, что дѣлало ихъ нечистыми предъ очами Іеговы. Теперь, когда народъ обратился къ Богу съ раскаяніемъ и, оставивъ привязанность къ личнымъ интересамъ, съ пламеннымъ усердіемъ занялся построеніемъ храма, Пророкъ возбуждаетъ вниманіе своихъ соотечественниковъ къ тому, чтобы они примѣчали, какъ съ этого времени у нихъ видимо открывается благословеніе Божіе въ поляхъ, садахъ и огородахъ ихъ. Указывая какъ бы осязательно на возвращающееся народу благословеніе Іеговы за его усердіе къ построенію храма, Пророкъ имѣетъ цѣлію поддерживать это усердіе и еще болѣе усилить внутреннее исправленіе народа, начавшаго — было ходить по лукавствіямъ сердца своего.

Пророческая рѣчь течетъ такимъ образомъ. Въ началѣ пр. Аггей, по повелѣнію Іеговы, обращается съ вопросами изъ закона

(8) Tacit hist. L. v. c. 13. Sueton. Vit. Vespas. c. 4. Egisip. de excid. Hierosol. v. c, 44.

(9) Наприм. бл. Іеронимъ (T. VI Opp. Hier. Com. in XII proph. minor. p. 279.—285), Златоустъ (in V Tom. demonst. »quod, Christus sit Deus«,—et hom. 34 in 1 Corinth.). Кириллъ александрійскій и друг. (Vid. Curs. compl. S. Script. T. XX. p. 1054).

(10) In Talmud. tract. Sanhedr. c. XI.

(11) In cit Sanhedr. fol. 95.

(12) Conciliator, P. 11. p. 184.

(13) Devarin rabba sect. 1. fol. 250. Conf. Raym. Martin. Pug. fidei, p. 376—383.

(14) Apolog. Tertull.

къ священникамъ, коихъ обязанностію было, между прочимъ, давать отвѣты на вопросы, касавшіеся закона (Лев. 10, 10. 11. Втор. 33, 10). »Если бы, спрашиваетъ Аггей, кто несъ свищенное мясо (15) въ полѣ своей одежды, и полою своею коснулся хлѣба, или варива, или вина, или масла, или другаго какого брашна: сдѣлается ли это священнымъ? Нѣтъ, отвѣчаютъ священники. А если, спрашиваетъ еще, нечистый отъ прикосновенія къ трупу (16) прикоснется ко всему этому: сдѣлается ли оно нечистымъ? священники отвѣчаютъ: да, сдѣлается нечистымъ, осквернится. Чтобы понять смыслъ этой типической рѣчи и ея отношеніе къ послѣдующимъ словамъ Пророка, надобно припомнить, что Іудеи прежде возобновленія храма имѣли уже жертвенникъ, устроенный ими тотчасъ по возвращеніи изъ плѣна (1 Ездр. 3, 3). Жертвы, возносимыя на немъ, имѣли священную силу до тѣхъ поръ, пока не пришло время къ возстановленію храма. Теперь, когда наступило это время, а народъ между тѣмъ возненадѣлъ о семъ и, вмѣсто возстановленія дома Божія, занялся устроеніемъ собственныхъ жилищъ, жертвы, приносимыя имъ Богу, не сообщали ему освященія, и онъ, какъ нечистый, подобно прикоснувшемуся къ трупу, распространялъ свою скверну на все, къ чему ни касался: и дѣла его были нечисты предъ Богомъ, и то, что приносилъ на рукахъ своихъ къ жертвеннику, было мерзостію предъ очами Божіими (17). *И отвѣща Аггей, и рече: сице людіе сіи, и сице языкъ сей предо Мною, глаголетъ Господь, и сице вся дѣла рукъ ихъ: и иже аще приближится тамо, осквернится за пріятія ихъ утренняя* (15). И вотъ причина, какъ бы такъ говоритъ далѣе Пророкъ, почему доселѣ, т. е. до возобновленія прерванной постройки храма, не были благословены труды и ожиданія ваши, вотъ почему Іегова поражалъ васъ различными казнями, когда вы медлили обратиться къ Нему сердцемъ своимъ. *И нынѣ положите на сердцахъ вашихъ* (обратите вниманіе ваше на прошедшее) *отъ дне сего и выше, прежде неже положити камень на камени въ храмѣ Господни: кто бысте* (что съ вами было), *егда влагасте въ мѣхъ* (18) *ячмене двадесять сатъ* (19). *и быша* (получали) *ячмене десять сатъ, и входисте въ подточиліе* (20) *черпати пятьдесятъ мѣръ* (21), *и быша двадесять. Поразихъ вы неплодіемъ, и вѣтротлѣніемъ, и градомъ вся дѣла рукъ вашихъ, и не обратистеся ко Мнѣ, глаголетъ Господь* (16—18). Примѣчайте жъ, что будетъ теперь, съ того дня, какъ вы принялись за работы: въ

(15) Священнымъ мясомъ называлось у іудеевъ мясо принесеннаго въ жертву животнаго; Іер. 11, 15.

(16) *Нечистый душею*, 2, 14, по изъясненію толковниковъ, прикоснувшійся къ мертвому трупу (Лев. 21, 1. 2. 22, 4). Immundus in anima dicebatur ,qui corpus hominis mortui attigerat. Hieronymus in comment. ad h. l.

(17) Прекрасно парафразируетъ бл. Іеронимъ 15 ст. Quod dicit, secundum literam (15 vers.) hujuscemodi est: o populo, qui altari tantum exstructo, et diruta domo mea, hostias mihi offers in altari, et victimis ejus et carnibus te sanctificari putas: scito, non tam sanctificari te ex hostiis, quæ, templo diruto, tibi prodesse non poterunt, quam contaminari omnia opera tua et cuncta quæ agis, ex eo quod negligis, et tuam magis domum, quam meam extruere conatus es. Sanctum quidem est, quod offertur in altari; sed non tam sanctificaris ex hostiis, quam ex eo, quod in convallibus habitas, et interes mortuis operibus, pollueris.

(18) *Κυψέλη* означ. вмѣстилище, хранилище, въ настоящ. мѣстѣ— сосудъ, изъ котораго сѣмена были разсѣваемы по землѣ, кошница, корзина.

(19) *Σατα* греч. не имѣетъ опредѣленнаго значенія. Соотвѣтственное ему еврейское слово סאה означаетъ *четверикъ*, modium.

(20) Nogmoratie—*Ὑπολήνιον*, сосудъ для принятія вытекающей изъ подъ гнета жидкости. Въ настоящ. мѣстѣ означаетъ сосудъ, поставляемый, для собранія виноградного сока, подъ прессомъ, которымъ давили виноградъ.

(21) *Μετρητης*—мѣра, содержащая 108 фунтовъ פורה означаетъ мѣру жидкости, неопредѣленно какую.

житницахъ у васъ и зерна не оставалось; виноградная лоза, яблонь и масличное дерево не давали вамъ плода; а съ этого дня Я благословлю народъ.

Четвертая рѣчь (1, 21—24), сказанная въ тотъ же день, относится къ одному Зоровавелю, вождю и князю народа. Въ ней обѣщается Зоровавелю особенное покровительство Божіе въ то время, когда Господь произведетъ смятеніе во вселенной. Всѣ царства и цари языческіе, говоритъ Пророкъ отъ лица Іеговы, въ то время поколеблются и сокрушатся, а Зоровавеля, какъ перстень на рукѣ, Господь будетъ сохранять у Себя, потому что возлюбилъ его. Въ семъ обѣтованіи особеннаго покровительства Зоровавелю можно примѣчать снятіе проклятія съ рода Давидова, которое наложено на него въ лицѣ Іехоніи, царя іудейскаго (Іерем. 22, 24—30). Въ лицѣ Зоровавеля снова возстановляется царская власть, которая должна сохраниться въ племени Давидовомъ до имѣющаго произойти отъ него Царя всѣхъ народовъ, возлюбленнаго раба Іеговы, единороднаго Сына Божія. Ради Мессіи царскому племени Давида обѣщается продолженіе и особенное покровительство. Поэтому, обѣтованіе, возвѣщаемое Зоровавелю, сообразно съ обширностію пророчества, относится ко всѣмъ царственнымъ потомкамъ, по преимуществу же къ имѣющему произойти отъ него Мессіи, котораго царство, среди всеобщаго потрясенія народовъ, останется непоколебимымъ во вѣки и откроетъ въ себѣ безопасное убѣжище отъ всенароднаго смятенія для вѣрующихъ въ Чаяніе всѣхъ языковъ.

ПОУЧЕНІЕ

ПО СЛУЧАЮ ВЫПУСКА ВОСПИТАННИЦЪ ОДЕССКАГО ИНСТИТУТА БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ (*).

Многіе, при разлученіи съ благодѣтелями своими, имѣютъ похвальный обычай брать съ собою драгоцѣнное для облагодѣтельствованныхъ изображеніе ихъ. Это самое совѣтую теперь и вамъ, благородныя воспитанницы. Разлучаясь съ св. храмомъ святилища воспитанія вашего, пріимите на всегда и унесите съ собою, въ душахъ вашихъ, невещественный образъ святыя покровительницы его, мученицы Александры, возносившей, въ теченіе шести лѣтъ, ѳиміамъ молитвъ вашихъ *на алтарь златый, сущій предъ престоломъ благодати Христовой* (Апок. 8, 3); напечатлѣйте на скрижаляхъ сердецъ непоколебимую ея вѣру и все превозмогшую любовь къ Господу Искупителю. Вы вѣдаете, что она превознесена была на верхъ величія человѣческаго, раздѣляла тронъ могущественнаго изъ владыкъ земныхъ: но св. жена, ради *Возлюбившаго насъ до конца* (Іоан. 13, 1), презрѣла всю славу, вся красная міра сего, обаятельныя часто для немощнаго пола ея. Ведомая на заколеніе, блаженная Агница Христова, конечно, такъ разсуждала сама съ собою: блистателенъ вѣнецъ, украшающій нынѣ главу мою, но онъ—отребіе въ сравненіи съ тою діадимою, которой сподобитъ меня Господь мой въ царствѣ неувядающей славы. Красна и великолѣпна порфира царей земныхъ: но когда багряница сія покрываетъ тѣло человѣка грѣшника, не отрожденнаго водою и Духомъ Святымъ, то что она болѣе, какъ не обязаніе отвратительныхъ язвъ души его?

(*) Сказанное послѣ напутственнаго молебствія 30 Іюня 1857 года Законоучителемъ пр. С. С...мъ.

Итакъ спогребуся въ купѣли крещенія огненнаго, да облекуся безцѣнною ризою оправданія и святости Христовой. *Тебе, Іисусе сладчайшій, ищущи спрадальчествую, и сраспинаюся и спогребаюся крещенію твоему... яко да царствую въ Тебѣ, и умираю за Тя, да и живу съ Тобою; яко жертву непорочную пріими мя съ любовію пожершуюся Тебѣ* (*).

Старайтесь и вы, возлюб., усвоять себѣ подобный возвышенный образъ мыслей: тогда будете смотрѣть на блага земныя съ истинной точки зрѣнія. Что пользы—такъ будете разсуждать и вы—въ благородствѣ происхожденія, въ блестящемъ образованіи, въ роскоши и множествѣ наслажденій земныхъ, если не внидемъ въ царствіе Отца небеснаго, лишимся неизреченныхъ благъ, уготованныхъ любящимъ Его?

А чтобы дѣйствительно утвердиться въ сихъ св. чувствованіяхъ вѣры и любви ко Господу, не забывайте тѣхъ св. молитвъ, коими вы съ такимъ усердіемъ упражняли здѣсь чувство благочестія.

Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся? защититель живота моего: отъ кого устрашуся? Тебѣ рече сердце мое: Господа взыщу, взыска Тебе лице мое. лица твоего, Господи, взыщу... Помощникъ мой буди, не отрини мене и не остави мене, Боже Спасителю мой! Яко отецъ мой и мати моя остависта мя, Господь же воспріятъ мя... Радуйся, радосте наша, покрый насъ честнымъ твоимъ омофоромъ!... Въ такихъ и подобныхъ трогательныхъ псалмахъ и пѣсняхъ духовныхъ вы изливали души ваши въ семъ храмѣ Божіемъ. Не угашайте же, возлюбленныя, духа! Пусть никакой шумъ мірскаго разсѣянія не заглушитъ вашего слуха духовнаго, никакой вихрь мірскихъ суетъ, никакія обаянія ничтожныхъ удовольствій не притупятъ того благочестиваго вкуса, той сердечной воспріимчивости ко всему священному, которая составляетъ какъ бы преимущественное, безцѣнное украшеніе вашего пола.

А когда духъ вашъ подъ вліяніемъ какихъ либо душевредныхъ обстояній, или подъ тяжестію скорбей, неизбѣжныхъ на пути земнаго странствованія, станетъ изнемогать: то не умедлите мысленно перенестись въ сей же св. храмъ, освятившій юность вашу: кто это, здѣсь, на горнемъ мѣстѣ припалъ лицемъ своимъ къ землѣ и съ толикимъ воплемъ, толикими слезами изливаетъ душу свою предъ Господомъ? Чей образъ сей?—Это сладчайшій Искупитель нашъ, единородный Сынъ Божій молится о насъ грѣшныхъ, молится до кроваваго пота, а мы искупленные пречистою кровію Его, не можемъ и единаго часа побдѣть съ Нимъ! Что вызвала сія святѣйшая молитва? —Ангела укрѣпляющаго. Ангелъ съ небеси, испрошенный прилѣжнымъ моленіемъ, укрѣпляетъ и воодушевляетъ и насъ къ перенесенію крестныхъ скорбей, служащихъ для насъ врачевствомъ противъ самомнѣнія и гордости.

Вмѣстѣ съ образомъ св. Ангела храма, да будетъ всегдашнимъ украшеніемъ вашего внутренняго храма, храма души, невещественное изображеніе Августѣйшей Покровительницы вертограда нашего. Какая первая истинно христіанская черта въ ликѣ семъ, послѣ примѣрнаго благочестія? Милосердіе—вотъ блистательнѣйшій камень въ вѣнцѣ Матери Отечества! Движимая имъ, Она является нѣжною матерію сиротъ, утѣшительницею вдовицъ, покровительницею бѣдныхъ и безпомощныхъ. Положите и вы себѣ за правило подражать сему великому служенію Вѣнцено-

(*) Церк пѣснь мученицамъ.

ной Благотворительницы. Пусть каждая въ своемъ кругѣ и сообразно съ своими способами услаждаетъ горестныя минуты страдальца, возливаетъ вино и елей на раны болящихъ, даруетъ пріютъ сиротѣ.... Печать скромности покрываетъ сіи добродѣтели; но тѣмъ не менѣе, онѣ собственно и составляютъ истинное величіе жены христіанской. За какіе подвиги имена св. женъ: Маріи Магдалины и прочихъ мироносицъ вписаны неизгладимыми чертами въ Евангеліе жизни и безсмертія? Не были ли онѣ усердными дѣятельницами въ какомъ либо многозначительномъ и обширномъ кругѣ? никакъ нѣтъ! Въ чувствѣ глубочайшаго сострадапія, онѣ предстояли кресту Господню, утѣшали въ горести Матерь Его, и потомъ принесли нѣсколько капель мура, да помажутъ пречистое тѣло Живодавца. Вотъ весь подвигъ ихъ! А между тѣмъ, доколѣ будетъ возвѣщаемо въ мірѣ Евангеліе, дотолѣ не прекратится проповѣдь о смиренныхъ дѣлахъ ихъ. — Возлюбите и вы всѣмъ сердцемъ сіи скромныя семейныя добродѣтели; изъ нихъ соорудите памятникъ вѣчной признательности Высокой Благодѣтельницѣ Отечества. Наконецъ, нужно ли мнѣ напоминать вамъ о священной обязанности вашей: сохранять въ признательнѣйшей памяти труды и попеченія о васъ матери заведенія и ея сотрудницъ? о томъ, что вы, въ ежедневной молитвѣ: благотворящимъ благосотвори, послѣ имени Августѣйшей Покровительницы сиротъ, будете съ благоговѣніемъ произносить имя той, которая уже 26 лѣтъ проходитъ тернистое служеніе воспитанія юношества? О, подлинно, велики, возл., эти труды; это наука изъ всѣхъ наукъ и искуствъ высочайшая, по выраженію одного изъ св. учителей Церкви (*). Легче рѣзцу ходожника начертать на мраморѣ и мѣди самый благолѣпный образъ человѣка, чѣмъ обыкновенному воспитателю обновить, просвѣтлить въ падшемъ естествѣ человѣческомъ образъ Божій, посредствомъ благоразумнаго образованія, это превыше силъ человѣческихъ. Если же лица, дѣйствующія на многотрудномъ поприщѣ семъ, достигаютъ утѣшительныхъ успѣховъ: то это плодъ не ихъ силъ, а дѣйствіе и плодъ благодати Пресвятаго Духа, наставляющаго на всяку истину. *Ни насаждаяй есть что, ни напаяй, но возращаяй Богъ* (1 Кор. 3, 7), говоритъ св. апостолъ Павелъ. Тѣмъ не менѣе, однако, насаждать и напаять—это высокій трудъ, трудъ, скажемъ не обинуясь, равноапостольскій.

Предложивъ вниманію вашему сіи мысли и напоминанія изъ глубины сердца, ревнующаго по вашемъ счастіи и спасеніи, взываю: благодать Господа нашего Іисуса Христа и любы Бога Отца и причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами, во всѣ дни живота вашего! Аминь.

(*) Св. Григорій Богословъ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 26-го Ноября 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 58.

НЕДѢЛЯ СВ. ОТЕЦЪ ПРЕДЪ РОЖДЕС. ХРИСТОВЫМЪ.

22 Декабря 1857 г.

Гласъ 5-й.

На утрени евангеліе воскресное 8-е, Іоан. зач. 64. На литургіи: апост. Евр. зач. 328, еванг. Матѳ. зач. 1.

ВЫПИСКА ИЗЪ СЛОВА

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО НА РОЖДЕСТВО ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА.

Нынѣ Облекшійся для насъ въ образъ человѣка водружаетъ скинію человѣческую. Нынѣ скиніи наши, разрушенныя смертію, снова возставляются Тѣмъ, кто изъ начала устроилъ нашу храмину. Воспоемъ же и мы псаломскую пѣснь, сликовствуя громогласному Давиду: ***Благословенъ грядый во имя Господне*** (Пс. 117, 26)! Пріидите, настроимъ души наши къ духовному веселію, поставивъ Давида начальникомъ, предначинателемъ и главою ликовствованія нашего. Воскликнемъ съ нимъ сладкую пѣснь. Ибо ***сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь*** (Псал. 117. 24).

Нынѣ мракъ начинаетъ умаляться и свѣтъ, увеличиваясь болѣе и болѣе, сокращаетъ предѣлы ночи. Не случайно, братія, и не безъ причины стеклось это ко времени настоящаго празднества, когда божественная Жизнь облеклась въ жизнь человѣческую. Здѣсь природа явленіями своими даетъ видѣть проницательнѣйшимъ нѣкое таинство. Она научаетъ способнаго слушать голосъ ея, и едва не изъясняетъ ему словомъ, почему именно въ пришествіе Господа день увеличивается, а ночь уменьшается. Мнѣ кажется, что я слышу, какъ природа говоритъ: »смотря на таковое явленіе, о человѣкъ, знай, что чрезъ видимое открывается тебѣ сокровенное. Ты видишь, что ночь, достигши крайняго предѣла долготы своей, не простирается далѣе и отступаетъ назадъ. Знай, что и гибельная ночь грѣха, увеличиваясь до послѣдней возможности, и беззаконіями всякаго рода доведенная до высочайшей степени нечестія, нынѣ перестаетъ получать приращеніе, и мракъ ея съ сего

времени начинаетъ уменьшаться и исчезать. Ты видишь, что лучь свѣта становится ярче, и солнце восходитъ выше обыкновеннаго; знай, что явился истинный Свѣтъ, озаряющій всю вселенную лучами Евангелія».

А что божественное явленіе Господа роду человѣческому послѣдовало не въ началѣ, но въ послѣднія времена, — сему, по всей справедливости, можно представить ту причину, что Тотъ, кто восхотѣлъ принять жизнь человѣческую для того, чтобы истребить нечестіе, ожидалъ (что было необходимо), пока весь грѣхъ, посѣянный врагомъ, произрастетъ, и послѣ того уже, какъ говоритъ Евангеліе, Онъ поднесъ сѣкиру къ самому корню (Матѳ. 3, 10). И какъ искуснѣйшіе врачи, въ то время, когда горячка разжигаетъ извнутри тѣло, и мало помалу усиливается отъ болѣзненныхъ причинъ, уступаютъ болѣзни, не позволяя больному подкрѣплять себя какою либо пищею, доколѣ болѣзнь не достигнетъ крайней степени; и начинаютъ употреблять свое искуство тогда уже, когда болѣзнь, обнаружившись вполнѣ, не будетъ распространяться болѣе: такъ и Врачь болящихъ нашихъ душъ, медлилъ, пока болѣзнь грѣховная, которою заразилась природа, откроется во всей полнотѣ своей, такъ чтобы ничто не утаилось и не осталось неисцѣленнымъ; а это могло бы случиться, еслибъ Онъ врачевалъ только то, что обнаруживалось бы по временамъ. Посему то Господь не является съ исцѣленіемъ ни во времена Ноя, когда всякая плоть растлилась отъ неправды, поелику еще не произрасло беззаконіе содомское; не является и во время гибели Содома, ибо много другихъ золъ скрывалось еще въ человѣческой природѣ. Еще не было богопротивника Фараона, не открывалась неукротимая злоба Египтянъ. Даже и тогда, когда открылось нечестіе Египтянъ, Преобразователю міра не время было вступить въ сію жизнь, потому что надлежало обнаружиться непокорности Израильтянъ, надлежало еще въ мірѣ открыться таившейся гордости Навуходоносора. Надобно было, чтобы изъ злаго корня, насажденнаго діаволомъ, произрасло, какъ бы какое негодное и тернистое растеніе, убійство праведниковъ. Надобно было обнаружиться неистовству противъ святыхъ Божіихъ отъ Іудеевъ, которые умерщвляли пророковъ, побивали камнями посланныхъ къ нимъ, и наконецъ совершили злодѣяніе надъ Захаріею между храмомъ и олтаремъ. Къ числу негодныхъ произрастеній должно присовокупить и избіеніе младенцевъ Иродомъ.

Итакъ, когда изъ грѣховнаго корня обнаружилась вся сила нечестія, возрасла и раскрылась многоразличными видами въ воляхъ людей, раскинувъ вѣтви свои по всѣмъ вѣкамъ, знаменитымъ злодѣяніями; тогда, какъ говоритъ апостолъ Павелъ къ Аѳинянамъ, лѣта *невѣдѣнія презирая Богъ* (Дѣян. 17, 30), явился въ послѣдніе дни, когда не было, кто-бы разумѣвалъ и взыскивалъ Бога, когда всѣ совратились съ пути, всѣ растлились, когда все заключилось подъ грѣхъ, когда мѣра беззаконій исполнилась. Какъ только мракъ нечестія достигъ послѣдней степени; тогда-то явилась благодать, возсіялъ лучь истиннаго свѣта, взошло солнце правды для сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй; тогда принявшій плоть человѣческую сокрушилъ многоглаваго змія, поправъ его ногою и стерши о землю. И никто, смотря на совершающееся нынѣ въ мірѣ, не долженъ почитать несправедливою причину, по которой, какъ мы сказали, Господь снизшелъ къ людямъ въ послѣднія времена. Ибо нѣкоторые, можетъ быть, скажутъ противъ насъ, что Тотъ, кто столько времени ожидалъ обнаруженія зла, дабы истребить его до основанія, послѣ того, какъ оно

обнаружилось, по всей вѣроятности, истребилъ грѣхъ всецѣло, такъ что ни малѣйшей, его части не осталось въ мірѣ; между тѣмъ какъ и нынѣ производятся и убійства, и хищенія. и прелюбодѣянія, и всѣ другія преступленія. Но сомнѣніе, раждающееся при встрѣчѣ такихъ опытовъ, можно разрѣшить самымъ обыкновеннымъ примѣромъ. Извѣстно, что при убіеніи змія, ударъ, наносимый въ голову, не раздробляетъ въ тоже время задней части пресмыкающагося; и когда первая совершенно лишится жизни, послѣдняя еще одушевляется собственною жизнію и долго являетъ въ себѣ признаки жизненной силы: такъ точно и Истребитель того дракона, который, возрастая съ каждымъ поколѣніемъ людей, сдѣлался огромнымъ звѣремъ, сокрушивъ его главу, т. е. смертоносную для добра силу, вмѣщающую въ себѣ другія многочисленныя главы, оставилъ въ цѣлости его туловище: а это Онъ сдѣлалъ для того, чтобы движеніе, остававшееся въ умерщвленномъ звѣрѣ, возбуждало человѣковъ къ боренію съ нимъ. Какая же это умерщвленная голова?— Та, которая лукавымъ совѣтомъ внесла въ міръ смерть и, уязвивъ человѣка, влила въ него смертоносный ядъ. Итакъ—Разрушившій державу смерти сокрушилъ, по словамъ Пророка, силу, заключавшуюся въ головѣ змія (Псал. 73, 14); а туловище сего чудовища, распростершись по всему человѣческому роду, еще уязвляетъ его грѣховною чешуею, и будетъ уязвлять до тѣхъ поръ, пока люди не освободятся отъ влеченій грѣховныхъ. Впрочемъ оно уже не имѣетъ прежней силы, ибо сокрушена глава змія. Когда же наступитъ конецъ времени, и съ наступленіемъ ожидаемой кончины жизни сей остановится все движущееся: тогда истребится конечная и послѣдняя часть врага, т. е. смерть, и такимъ образомъ воспослѣдуетъ окончательное уничтоженіе грѣха; поелику чрезъ воскресеніе всѣ будутъ призваны къ жизни: праведные немедленно переселятся въ высшія селенія, а оставшіеся во грѣхахъ преданы будутъ огню геенскому.

ПАРЕМІИ ВЪ НАВЕЧЕРІЕ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Среди разнообразныхъ пѣсней священныхъ, располагающихъ душу христіанина къ восторженному созерцанію высокихъ предметовъ новозавѣтной вѣры, Церковь представляетъ взору его сѣни и гаданія ветхаго завѣта, и даетъ ему въ этомъ отдаленномъ зерцалѣ съ подробностію и отчетливостію разсматривать тѣ предметы и событія, въ коихъ отпечатлѣлась намъ истина новозавѣтная. Особенно при богослуженіи тѣхъ нарочитыхъ праздниковъ, предметы которыхъ имѣютъ для себя обильныя предуказанія и предначертанія въ ветхомъ завѣтѣ, поучительно бываетъ для благочестиваго христіанскаго созерцанія видѣть, какъ она тутъ сочетаваетъ въ одну картину рядъ древнихъ пророческихъ видѣній и откровеній, относящихся къ предмету празднества, и показываетъ въ нихъ умному взору нашему блистаніе того же свѣта вѣры, который возсіялъ намъ и въ новой благодати.— Однимъ изъ лучшихъ образцевъ въ этомъ отношеніи могутъ служить вечернія пареміи въ праздникъ Рождества Христова, гдѣ св. Церковь выводитъ на среду нѣкоторыя изъ тѣхъ древнихъ божественныхъ обѣтованій, въ

коихъ избранные издалеча видѣли и цѣловали преславную тайну воплощенія Слова Божія.

Первое мѣсто въ ряду сихъ паремій занимаетъ чтеніе изъ первой главы книги Бытія (ст. 1—13).—Должно замѣтить, что такъ св. Церковь начинаетъ свои ветхозавѣтныя чтенія при богослуженіи трехъ великихъ праздниковъ: Пасхи, Рождества Христова и Богоявленія. Чрезъ это съ самаго начала опредѣляется тотъ общій взглядъ, по которому мысль вѣрующихъ направляется къ представляемымъ здѣсь предметамъ свящ. созерцанія: напоминаніе о тайнѣ созданія міра внушаетъ уразумѣвать въ нихъ и чествовать великую тайну его *возсозданія* въ лицѣ человѣка. Симъ предварительнымъ указаніемъ на первыя дѣйствія творческой руки Божіей въ мірѣ, св. Церковь научаетъ насъ видѣть въ дѣлахъ искупленія нашего продолженіе дѣйствій той-же зиждительной силы Божіей (Іоан. 5, 17), созидающей вѣчное царство свое въ области созданія и внушаетъ—какъ въ нихъ, такъ и въ первыхъ дѣлахъ творенія видимаго міра сего проразумѣвать одну и ту же неизмѣнную, отъ вѣка въ тайнѣ божественнаго хотѣнія предначертанную цѣль,—устроенія царства разумныхъ провозвѣстниковъ и служителей славы Божіей среди видимой природы.—При настоящемъ же случаѣ, въ частности, мысль наша побуждается видѣть и тамъ и здѣсь дѣйствіе одной и тойже зиждительной силы *Духа Божія* (Быт. 1, 2), который въ оное первобытное время носился надъ неустроеннымъ веществомъ, внося въ него силу жизни, и подъ осѣненіемъ котораго здѣсь неискусобрачная Дѣва родила безлѣтнаго Сына;—и далѣе, снося такимъ образомъ первое съ послѣднимъ и отъ одного переходя къ другому, она отселѣ переносится къ представленію о тѣхъ благодатныхъ дѣйствіяхъ Святаго Духа, которыми созидается въ каждомъ изъ насъ внутренняя жизнь по Богу,—дѣйствіяхъ, ради коихъ совершилось самое воплощеніе Бога Слова, и съ коими чрезъ это, слѣдовательно, связуются всѣ вообще обнаруженія зиждительной силы Святаго Духа въ мірѣ семъ.

Рядъ пророчественныхъ чтеній начинается затѣмъ Валаамовымъ пророчествомъ о звѣздѣ, имѣвшей возсіять отъ Іакова, о Человѣкѣ отъ Израиля, Побѣдителѣ народовъ, какъ свѣтлая звѣзда осіявающемъ людей Божіихъ силою и славою (Числъ 24, 2. 5—9. 17. 18).—Присматриваясь къ порядку, въ какомъ расположены сіи чтенія, нельзя не замѣтить, что постепенно какъ бы проясняется для насъ взоръ вѣры, устремленный къ сокровенной отъ вѣка тайнѣ земнаго рожденія Сына Божія. Пареміи раздѣляются на три отдѣла, перемежающіеся краткими пѣснопѣніями,—и въ каждомъ изъ отдѣловъ помѣщены пророчества особеннаго вида. И вотъ, такимъ образомъ, въ началѣ представляются вниманію нашему предварительныя указанія на родъ, племя и мѣсто, въ которомъ имѣлъ родиться Христосъ Спаситель нашъ,—именно: сначала въ упомянутомъ нами пророчествѣ Валаама, которое наперед общимъ образомъ указываетъ, что Спаситель явится изъ народа именно Израильскаго, а не другаго какого, и затѣмъ—въ пророчествѣ Михея (4, 6. 7; 5, 2—4), гдѣ уже явственнѣе опредѣляется, что въ племени Іудиномъ среди племенъ Израиля, и именно въ Виѳлеемѣ, домѣ Ефраѳовомъ, предуставлено явиться оному обѣтованному Царю, великому Вождю и Старѣйшинѣ людей Божіихъ. Эти собственно обстоятельства, относящіяся къ земному рожденію Христа Спасителя, представляются намъ въ сихъ пророчествахъ со всею точностію и опредѣленностію: но тутъ нѣтъ еще прямыхъ и подробныхъ указаній на самое

лице Спасителя, на Его божественныя свойства, и на тайну Его чудеснаго воплощенія и домостроительства о спасеніи нашемъ. Тутъ вообще только пророчески предсказывается о Немъ, какъ Виновникѣ побѣдоносной силы и славы народа Божія—Израиля, среди котораго Онъ долженъ былъ явиться, и въ которомъ, по особенному усвоенію его Богу, еще заранѣе были положены начатки благодатнаго царства Божія на землѣ, вслѣдствіе чего и судьба его на всѣ времена стала прообразомъ судьбы всѣхъ чадъ новаго Израиля,—сыновъ Церкви Христовой. И только чрезъ свидѣтельство о предвѣчномъ существованіи сего великаго Вождя Израилева, заключающееся въ словахъ Михея: *исходи Его изъ начала, отъ дней вѣка* (5, 2), дается намъ здѣсь опредѣленнымъ образомъ разумѣть, что все это говорилось именно о Христѣ,—Богѣ вочеловѣчившемся, Царѣ царствующихъ и Господѣ господствующихъ.

Послѣ сего святая Церковь прерываетъ на время свои ветхозавѣтныя чтенія и обращается съ пѣснію къ самому Богочеловѣку—Христу, Виновнику торжества ея, открыто возвѣщая, какъ на самомъ дѣлѣ, при чудесномъ Рождествѣ Его, небо безмолвнымъ вѣщаніемъ звѣзды привлекло къ Нему въ покорность вѣры волхвовъ, съ которыми она и насъ приводитъ къ Нему искать спасенія себѣ и помилованія. Чрезъ это мысль какъ бы возвышается къ тому, чтобы мы, предстоя Богу въ духѣ радованія, не забывали отъ древнихъ образовъ и обѣтованія обращаться къ самому предмету своего торжества, въ сладостномъ чувствѣ и сознаніи того, что все это, древле пророческое, совершилось уже во спасеніе наше, и намъ дарована уже вожделѣнная возможность вполнѣ наслаждаться плодами сего. Пѣснь эта соединяется съ припѣвами изъ Псалма 86, въ которомъ говорится опять о преимуществахъ Божія избранія, дарованныхъ Сіону.—Потомъ слѣдуетъ новый отдѣлъ трехъ чтеній,—изъ пророковъ: Исаіи, Іереміи,—подъ именемъ котораго впрочемъ здѣсь предлагается мѣсто изъ книги Варуха,—и Даніила. Тутъ уже въ болѣе подробныхъ и ясныхъ чертахъ сказуется вѣрѣ нашей тайна вочеловѣченія Христова и цѣль ея. Исаія возвѣщаетъ, что сей крѣпкій Царь, обѣтованный во славу людей Божіихъ—Израиля, какъ жезлъ и цвѣтъ произыдетъ отъ избранныхъ остатковъ племени Іессеева, имѣющаго сохраниться для сего подобно незамѣтному корню растенія въ землѣ,—и въ новой уже, духовной славѣ исполненія даровъ Святаго Духа явится Основателемъ новаго царства Божія на землѣ,—царства правды и мира. Облеченный правдою по чресламъ своимъ, Онъ будетъ право судить судъ смиренныхъ, безъ лицепріятія будетъ обличать славныхъ земли, и наконецъ духомъ устенъ своихъ поразитъ нечестивца, послѣдняго и ожесточеннѣйшаго среди ихъ врага царству Божію; распространяя всюду осѣненіе мира своего, Онъ всѣхъ приведетъ въ единство послушной любви, и даже тѣхъ будетъ присовокуплять къ стаду кроткихъ овецъ своихъ, которыхъ прежде сіи послѣднія должны были опасаться, какъ хищныхъ звѣрей,—и всѣ языки будутъ соединяться во единомъ упованіи званія Божія (Ис. 11, 1—10). Іеремія, или—точнѣе—Варухъ говоритъ, что это есть самъ *Богъ нашъ*, ни съ кѣмъ несравнимый въ своемъ величіи,—Богъ, который, давши сначала залогъ своей мудрости возлюбленному отъ Него Израилю, потомъ самъ *на земли явися и съ человѣки поживе* (Вар. 3. 37. 38),—и съ этимъ вмѣстѣ намъ данъ вѣчный законъ повелѣній Божіихъ въ животъ, такъ что все угодное Богу стало намъ извѣстно (4, 1 - 5).—Даніилъ же, объясняя то, что Богъ великій сказалъ Навуз-

ходоносору о судьбахъ будущаго, чрезъ символическій сонъ царя, обращаетъ при семъ его вниманіе на главный предметъ ниспосланнаго ему откровенія, — на то великое царство Божіе, которое имѣетъ упразднить собою всѣ царства земныя и стать на мѣстѣ ихъ во вѣкъ, и которое показано царю подъ образомъ камня, отдѣлившагося отъ горы безъ рукъ и обратившагося въ гору велію, — того, очевидно, нерукосѣчнаго Камня, который во спасеніе наше произошелъ отъ несѣкомыя горы — Дѣвы чистыя (Дѣян. 2, 31 - 36. 44—45). Такимъ образомъ въ составѣ этихъ трехъ паремій вниманію нашему представляется главнымъ образомъ одна общая мысль, — мысль о явленіи Бога во плоти, какъ Царя новаго своего благодатнаго царства между людьми.

За симъ опять св. Церковь дѣлаетъ пѣсненное обращеніе къ Сыну Божію, по содержанію своему подобное предыдущему, кромѣ того, что здѣсь еще она прямо, такъ сказать, перелагаетъ на языкъ новозавѣтный слово пророчества Даніилова: *камень отторжеся отъ горы безъ рукъ*, и восклицаетъ: *возсіялъ еси отъ Дѣвы, Христе Боже...* А въ припѣвахъ пѣсни сей, взятыхъ изъ псалма 96-го: *Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся*, — выражается таже выше представленная мысль — о явленіи славнаго царства Господня на земли. Наконецъ, слухъ предстоящихъ оглашается еще двумя пророческими вѣщаніями Исаіи, собственно, такъ сказать, и прямо уже относящимися къ воспоминаемому и празднуемому нами событію. Здѣсь предлагаются тѣ мѣста изъ книги Исаіи, гдѣ онъ говоритъ: *Отроча родися намъ Сынъ, и даде ся намъ*, и при этомъ прямо уже объявляетъ, что сіе Отроча, на земли у насъ раждающееся, есть *Ангелъ великаго совѣта* Божія, *Богъ крѣпкій*, *Властитель*, *Начальникъ мира*, *Отецъ будущаго вѣка* (9, 6), — и потомъ, гдѣ онъ изрекаетъ свое яснѣйшее пророчество о безсѣменномъ рожденіи Еммануила отъ Дѣвы, для нашего примиренія и соединенія съ Богомъ (7, 13). — *Съ нами Богъ*, восклицаетъ наконецъ самъ провидецъ, — *съ нами Богъ, разумѣйте языцы, и покаряйтеся; услышите даже до послѣднихъ земли...* Въ сихъ вдохновенныхъ воззваніяхъ съ евангельскою, свойственною духу Исаіи, силою и ясностію предъизображаются тѣ впечатлѣнія и чувствованія, какія мы должны были ощущать въ себѣ, внимая рѣчамъ и сказаніямъ пророковъ о Рождествѣ нашего Господа и Спасителя, — и потому слово пророка: *яко съ нами Богъ* служитъ здѣсь для нихъ весьма сильнымъ и выразительнымъ заключеніемъ (Ис. 8, 8—10).

Нельзя не сказать, сколь великое украшеніе богослуженія должны представлять для внимательныхъ сіи и подобныя симъ чтенія изъ священныхъ книгъ ветхозавѣтныхъ, употребляемыя святою Церковію, и сколь много могутъ они способствовать тому благочестивому настроенію мысли и чувства, въ какое хочетъ она поставлять насъ при тѣхъ или другихъ временахъ своего Богослуженія. При настоящемъ, напримѣръ, случаѣ, не должно ли возвышаться и умножаться наше духовное празднованіе о Господѣ, когда мы, простираясь уже христіанскимъ взоромъ своимъ въ отдаленныя времена пророческихъ видѣній и откровеній, будемъ благоговѣйно предъ Богомъ сознавать и чувствовать, какъ *глаголъ Божій* вѣчно и неизмѣнно *истиненъ* былъ *въ устахъ* своихъ провозвѣстниковъ, — во всемъ, что онъ за долго еще произрекалъ о томъ великомъ днѣ, въ который долженъ былъ исполниться совѣтъ Божій древній, истинный о явленіи Слова Божія во плоти ради насъ? И далѣе не усилится ли духовное торжество вѣры нашей, когда, разсматривая всѣ эти про-

рочества и гаданія, уже уясненныя для насъ и подтвержденныя въ своихъ подробностяхъ словомъ Евангелія, будемъ видѣть, какая въ нихъ еще издревле заключена полнота истины, тогда еще доставлявшая избраннымъ возможность восходить отъ славы въ славу духовнаго созерцанія, и издалеча съ радостію видѣть сей великій *день* Христовъ (Іоан. 8, 56), который мы теперь съ общемъ съ ними союзѣ вѣры видимъ и радуемся?—Но и вообще, всѣ эти древніе глаголы, какъ вѣщанія Святаго Духа Божія, однажды навсегда изреченныя, сами въ себѣ должны заключать свои, такъ сказать, лучи или же отблески свѣта истины, кои во всѣ времена и у всѣхъ насъ должны споспѣшествовать полнотѣ и силѣ нашего озаренія живоноснымъ свѣтомъ истины Божіей. И дѣйствительно, мы должны безпрекословно сознать это и возчувствовать, когда вспомнимъ, что въ нихъ именно положено *начало* тому единому и нераздѣльному составу божескихъ откровеній сынамъ человѣческимъ, который отселѣ простирается въ область вѣры новозавѣтной, и здѣсь раскрывается вполнѣ уже во всѣхъ своихъ частностяхъ и подробностяхъ,—такъ что тамъ, можно сказать, предварительно еще даются намъ выраженіями Писанія намеки и указанія на тѣ *общіе* взгляды, какіе мы должны имѣть въ виду при поученіи въ новозавѣтныхъ словесахъ Евангелія. Не тамъ ли собственно и нарочито,—какъ напримѣръ у пророка Даніила,—наперед опредѣляются для насъ общія понятія о томъ, что вѣрою Христовою созидается особое высочайшее царство Божіе на землѣ, отъ котораго будетъ состоять въ зависимости судьба всѣхъ царствъ земныхъ? И не тамъ ли, подъ образомъ избраннаго царства Израилева, присвоеннаго роду Давидову, предуказуется отдѣльно и нарочито, что оное благодатное царство Христово есть царство избранныхъ по Божію предвѣдѣнію?—Какъ и сколько вѣра наша должна пользоваться сими древними глаголами Слова Божія, при поученіи въ новомъ законѣ Евангелія,—въ этомъ случаѣ мы можемъ лучше всего руководствоваться именно тѣмъ выборомъ и употребленіемъ нашей святой Церкви, кои опредѣляются въ ея чтеніяхъ паремій и псалмовъ.

СВ. МУЧЕНИКЪ ВОНИФАТІЙ (*).

Да не отвращаеши лица твоего отъ всякаго нищаго, и отъ тебе не отвратится лице Божіе, сказалъ искушенный опытами жизни праведникъ; *зане милостыня отъ смерти избавляетъ и не оставляетъ ити во тму* (Тов. 4, 7, 10). Таково божественное свойство любви и состраданія къ бѣднымъ! Правда Божія какъ бы обезоруживается ими, и—съ своей стороны, такъ сказать, одолжается къ равномѣрному снисхожденію къ человѣку, въ которомъ не изсякъ еще источникъ христіанской любви, хотя бы онъ и коснѣлъ во грѣхѣ. Эта истина отразилась въ жизни и судьбѣ св. мученика Вонифатія.

Въ концѣ 3-го вѣка по Р. Х. въ Римѣ жила одна благородная и богатая жена, по имени Аглаида. Она, по вѣрѣ, хотя принадлежала къ Церкви Христовой, но сердце ея было предано міру и его похотямъ. Христі-

(*) Память его 19-го Декабря.

анская умѣренность, воздержаніе и цѣломудріе были знакомы ей только по слуху.— Вмѣстѣ съ наперстникомъ своимъ и приставникомъ надъ огромными имѣніями своими, Вонифатіемъ, они проводили жизнь, какъ евангельскій богачъ, *веселяся по вся дни свѣтло.* — Но, подражая богачу въ роскоши и сластолюбіи, оба они не подражали ему въ безчувственности и жестокосердіи къ бѣднымъ и безпріютнымъ. Особенно отличался милосердіемъ и страннолюбіемъ Вонифатій, которому госпожа его ввѣрила въ безотчетное управленіе все свое имѣніе. Часто изъ-за роскошной трапезы, уставленной всѣми благами міра, онъ вставалъ и спѣшилъ въ хижины нищеты и сиротства съ щедрымъ подаяніемъ; часто, въ ночное время, онъ оставлялъ шумъ и блескъ богатыхъ пиршествъ и въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ обтекалъ стогны Рима, отыскивая странныхъ и безпріютныхъ, и если случай посылалъ ему ихъ, то онъ вводилъ ихъ въ свѣтлые чертоги госпожи своей и вмѣстѣ съ нею служилъ имъ. Такія высокія черты христіанскаго милосердія не могли не воспомянуться предъ престоломъ Того, который сказалъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. 25, 40), и не могли не привлечь Его благодати, всегда взыскующей грѣшника

Сила ея коснулась прежде всего сердца Агланды, которая, призвавши въ одно время Вонифатія, сказала ему: »ты знаешь, въ какой безднѣ грѣха оба мы погрязаемъ; между тѣмъ, я слышала давно отъ христіанъ, что если кто служитъ мученикамъ, полагающимъ души свои за Христа, или даже имѣетъ у себя мощи ихъ, то ходатайствомъ ихъ тотъ спасется въ страшный день судный. Мнѣ же извѣстно, что теперь на востокѣ свирѣпствуетъ страшное гоненіе на христіанъ. Итакъ, поѣзжай туда и принеси мнѣ священные остатки кого либо изъ нихъ. Я хочу устроить молельню, достойную подвиговъ ихъ, и при гробахъ св. страдальцевъ молиться вмѣстѣ съ тобою о ихъ ходатайствѣ за насъ«.— Вонифатій повиновался благочестивому желанію госпожи своей. Онъ взялъ съ собою много золота и нѣсколько драгоцѣнныхъ покрововъ и благовоній и отправился изъ Рима.— Но, отъѣзжая, онъ шутя сказалъ госпожѣ своей: »вотъ я ѣду теперь на востокъ за мощами св. мучениковъ, и если достану ихъ, то постараюсь привести къ тебѣ. Но если, вмѣсто ихъ, тебѣ привезутъ тѣло мое, какъ мощи мученика, то пріймешь ли ты ихъ?« »Оставь неприличныя рѣчи, отвѣчала ему Аглаида, и старайся достать то, за чѣмъ я тебя посылаю; я же буду молиться, чтобы Ангелъ Божій сопутствовалъ тебѣ и пособилъ исполнить, не смотря на множество грѣховъ нашихъ, желаніе мое«.— Вонифатій отправился.

За воротами Рима, онъ какъ будто переродился въ новаго человѣка. »Доселѣ, говорилъ онъ самъ себѣ, я услаждалъ тѣло мое яствами и питіями и не зналъ мѣры въ наслажденіяхъ; теперь же надлежитъ мнѣ отринуть все сіе и возложить на себя постъ и воздержаніе, для того, чтобы быть достойну того служенія, на которое посланъ! Боже всемогущій,—помолился онъ въ заключеніе,— Отче единороднаго Сына твоего! Ниспосли помощь твою мнѣ и управи путь мой, да прославится во всемъ имя твое«! —Продолжительное путешествіе, соединенное съ строгимъ воздержаніемъ, постоянное самоуглубленіе и внутреннее устремленіе сердца къ Богу очистили и укрѣпили духъ Вонифатія до самопожертвованія. Чрезъ нѣсколько дней онъ прибылъ въ Тарсъ—главный городъ Киликіи.

Восточныя провинціи римской имперіи находились въ это время подъ управленіемъ

Максиміліана, грубаго и жестокаго ненавистника христіанъ; по этому кровь ихъ проливалась тамъ повсюду, тѣмъ болѣе — въ городѣ, въ которомъ сосредоточивалось управленіе страной. По прибытіи въ Тарсъ, Вонифатій, не желая имѣть спутниковъ свидѣтелями своего подвига и, можетъ быть, опасаясь, чтобы ихъ неумѣстная привязанность не помѣшала ему стяжать вѣнецъ мученичества, приказалъ имъ ѣхать въ гостинницу и ожидать его возвращенія, а самъ устремился прямо къ мѣсту городскаго судилища. Ужасное зрѣлище поразило его взоры тамъ! До 20 страдальцевъ — христіанъ изнывали вокругъ судилища въ различныхъ мукахъ, измышленныхъ кажется самимъ адомъ. Одни висѣли на деревахъ, головами внизъ, и медленный огонь опалялъ ихъ тѣла; у другихъ скрученные руки и ноги растянуты были и привязаны къ четыремъ кольямъ; тамъ палачи палили тѣло мучениковъ, или же отсѣкали у нихъ члены одинъ за другимъ, въ другомъ мѣстѣ, удары бичей рвали плоть страдальцевъ. Праздная толпа окружала мѣсто истязаній и не скрывала ропота на жестокость судіи... Вонифатій вышелъ на средину и смѣло приблизившись къ мученикамъ, началъ поочередно лобызать язвы ихъ. »Великъ Богъ вашъ, страдальцы, говорилъ онъ къ нимъ, — молитесь ко Христу, чтобы Онъ удостоилъ и меня пріобщиться вашему подвигу и вашимъ страданіямъ.« Потомъ онъ сѣлъ у ногъ тѣхъ, которые были бичуемы и лобызая узы ихъ, говорилъ имъ: »подвизайтесь со дерзновеніемъ, мученики Христовы, великъ подвигъ вашъ, но несравненно больше награда за него«. — Правитель города, замѣтивъ смѣлаго чужестранца, велѣлъ схватить и представить его къ себѣ.

»Кто ты, спросилъ онъ его, такъ дерзко пренебрегающій важностію судилища и величіемъ боговъ нашихъ«?

Вонифатій: Я христіанинъ и признаю владыкою одного Христа.

Правитель: Какъ имя твое?

Вониф. Я уже сказалъ: христіанинъ; но если тебѣ хочется знать народное имя мое, то оно — Вонифатій.

Прав. Итакъ, прежде нежели я подвергну тебя бичеванію, приступи и принеси жертву богамъ.

Вониф. Я уже сказалъ, что я христіанинъ, и слѣдовательно приносить жертвы демонамъ, ни въ какомъ случаѣ не буду. Разгнѣванный симъ отвѣтомъ, правитель велѣлъ заострить спицы и вбить ихъ подъ ногти пальцевъ на рукахъ Вонифатія. Св. мученикъ терпѣливо и безъ стона перенесъ это страданіе, что еще болѣе раздражило правителя, который приказалъ влить ему въ уста растопленный свинецъ. Услышавъ это, Вонифатій возвелъ очи къ небу и сказалъ: »Господи Іисусе Христе Сыне Божій! помоги рабу твоему перенесть предстоящую муку и не попусти мнѣ ослабѣть въ ней! ибо за твое святое имя я буду терпѣть это«. Потомъ, обратившись къ своимъ сострадальцамъ, громко просилъ ихъ молитвъ за себя. »Господь Іисусъ Христосъ, отвѣчали они ему, пошлетъ ангела своего для освобожденія тебя изъ рукъ мучителя и вмалѣ довершитъ подвигъ твой и напишетъ имя твое между первородными на небесахъ«. — Между тѣмъ, въ толпѣ давно слышались стоны и рыданія, которыя отъ новой жестокости правителя перешли въ явный ропотъ. Всѣ окружающіе воскликнули: »великъ Богъ христіанскій, великъ Богъ мучениковъ: мы всѣ вѣруемъ во Христа«! Съ сими словами народъ хлынулъ на средину, опрокинулъ жертвенники боговъ и сѣдалище правителя и бросилъ камнями на сего послѣдняго, такъ что онъ вынужденъ былъ спасать жизнь свою бѣг-

ствомъ. Впрочемъ Вонифатій отведенъ былъ въ темницу.

На другой день, правитель принявъ мѣры для безопасности своей, приказалъ привесть его къ себѣ и снова началъ угрожать ему муками и поносить имя Іисуса Христа, называя Господа льстецомъ, распятымъ по заслугамъ своимъ. — »Замолчи, духъ нечистый, отвѣчалъ ему мученикъ, и не смѣй открывать устъ своихъ для произнесенія этого святаго имени. Господь нашъ претерпѣлъ вольную смерть ради спасенія всего рода человѣческаго«. Правитель, видя непреклонную твердость Вонифатія, велѣлъ бросить его въ котелъ кипящей смолы, головою внизъ. »Ангелъ Божій, говорится въ подлинныхъ актахъ мученичества св. Вонифатія, (*) сошелъ невидимо съ неба и коснулся котла, который вдругъ расторгся, не сдѣлавъ никакого вреда мученику и только повредивъ прислужниковъ мучителя — Тогда сей послѣдній, видя силу Христову и непреклонную твердость Вонифатія, поспѣшилъ осудить его на посѣченіе мечемъ. — Страстотерпецъ испросилъ у палачей своихъ лишь нѣсколько минутъ для предсмертной молитвы, и совершивъ ее, спокойно и съ твердостію преклонилъ главу свою подъ мечъ.

Между тѣмъ спутники Вонифатія, долго ожидая въ гостинницѣ возвращенія его, недоумѣвали. Зная прежній образъ его жизни, они думали, что онъ гдѣ нибудь пиршествуетъ съ новыми знакомыми: но прошло два дня, а Вонифатій не приходилъ. Тогда они пошли распрашивать о немъ въ городѣ; случайно встрѣтился съ ними братъ тюремщика, который извѣстилъ ихъ, что вчера какой то пріѣзжій изъ Рима пострадалъ за Христа на аренѣ; но въ этомъ страдальцѣ они все еще не хотѣли угадывать Вонифатія; однако, послѣ многихъ поисковъ, рѣшились пойдти и на арену. Каково же было изумленіе ихъ, когда, по богатому платью узнали обезглавленное тѣло начальника своего! Все еще не довѣряя себѣ, они просили показать имъ отсѣченную главу его... святая радость сіяла на ней и умилила спутниковъ св. Вонифатія. »Прости намъ, мученикъ Христовъ, говорили они со слезами, за то, что мы, не вѣдая подвига твоего, столько унижали тебя въ мысляхъ нашихъ«! Корыстолюбивый тюремщикъ дорогою цѣною продалъ имъ тѣло мученика, которое они, съ благоговѣніемъ помазавъ ароматами, повезли въ Римъ къ госпожѣ своей.

Она, по обѣщанію, данному Вонифатію предъ отъѣздомъ его, проводила все время въ молитвахъ. Въ одно время Ангелъ Божій явился ей и сказалъ: »тотъ, кто былъ слугой твоимъ, теперь уже мученикъ Христовъ и собратъ нашъ; пріими тѣло его, какъ приняла бы самаго Христа, и упокой его достойно подвига его: ибо чрезъ ходатайство мученика сего отпущены будутъ грѣхи твои«. — Аглаида поспѣшила объявить о семъ пресвитерамъ и вмѣстѣ съ ними вышла на встрѣчу мощамъ св. мученика. Надъ ними, въ послѣдствіи она выстроила церковь, въ которой отъ мощей его источались исцѣленія; сама же она, отказавши все имѣніе свое въ пользу бѣдныхъ и отпустивши на свободу всѣхъ рабовъ своихъ, отреклась совершенно отъ міра и проводила остальные 30 лѣтъ своей жизни въ постѣ, непрестанной молитвѣ и служеніи бѣднымъ, и столько преуспѣла въ духовной жизни, что сподобилась дара исцѣлять недужныхъ силою молитвъ своихъ.

(*) Акты эти помѣщены у Флери; по нимъ св. Димитрій Ростовскій составилъ житіе св. Вонифатія въ Четьихъ Минеяхъ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 2-го Декабря 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 39

НЕДѢЛЯ ПО РОЖДЕСТВѢ ХРИСТОВОМЪ.

29 Декабря 1857 г.

Гласъ 6-й.

На утрени евангеліе воскресное 9-е, Іоан. зач. 65. На литургіи: апост. Гал. зач. 200, еванг. Матѳ. зач. 4.

АВТОБІОГРАФІЯ

СВЯТАГО ПРОРОКА ДАВИДА (*).

1. Рожденіе, воспитаніе и возвышеніе Давида.

Въ беззаконіихъ зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мя мати моя (Пс. 50, 7). *Господь* созда мя и положи на мнѣ руку свою, воспріятъ мя изъ чрева матери моея, упованіе мое отъ сосцу (упокоилъ меня у груди) метере моея (21, 10. 138, 5. 13).

Малъ бѣхъ въ братіи моей, и юнѣйшій въ дому отца моего: пасохъ овцы отца моего. Нищъ есмь азъ (я стражду), и въ трудѣхъ отъ юности моея (87, 16). Яко отецъ мой и мати моя остависта мя, Господь же воспріятъ мя (26. 10).

Господь пасетъ мя, и ничтоже мя лишитъ: на мѣстѣ злачнѣ, тамо всели мя: на водѣ покойнѣ воспита мя (22, 1. 2). Руцѣ мои сотвористѣ органъ, и персты моя составиша (настроивали) псалтирь. Изыдохъ въ срѣтеніе иноплеменнику, и проклятъ мя идолы своими: азъ же исторгнувъ мечь отъ него, обезглавихъ его, и отъяхъ поношеніе отъ сыновъ израилевыхъ (151, 2. 6. 7).

Братія мои добри и велицы: и не благоволи въ нихъ Господь (не благоволилъ *избрать* изъ нихъ). Самъ Господь посла Ангела своего. и взятъ мя отъ овецъ отца моего, и помаза мя елеемъ помазанія своего

(*) Память св. пророка Давида празднуется православною Церковію 26 Декабря и въ недѣлю по Рождествѣ Христовомъ. Предлагаемая здѣсь автобіографія его составлена на основаніи Псалтири по славянскому тексту, съ поясненіемъ или изъясненіемъ нѣкоторыхъ, не совсѣмъ вразумительныхъ, словъ и выраженій по сравненію съ подлинникомъ еврейскимъ.

(151, 45). Азъ поставленъ есмъ царь отъ Него надъ Сіономъ горою святою Его (2, 6).

2. *Покровительство отъ Бога и упованіе на помощь Его.*

Гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ, и услыша мя отъ горы святыя своея (3, 5). Внегда скорбѣти ми, призвахъ Господа и къ Богу моему воззвахъ: услыша отъ храма (изъ чертога) святаго своего гласъ мой, и вопль мой предъ Нимъ внидетъ (къ Нему дошелъ) во уши Его (17, 7). Слыша Господь и помилова мя: Господь бысть помощникъ мой (29, 11). О Бозѣ спасеніе мое и слава моя. Богъ помощи моея (крѣпкая твердыня мнѣ), и упованіе мое на Бога (61. 8).

Возведохъ очи мои въ горы, отнюду же пріидетъ помощь моя: помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю (120, 1. 2). Помощь моя отъ Бога, спасающаго правыхъ сердцемъ (7, 11). Азъ къ Богу воззвахъ, и Господь услыша мя. И изведе мя отъ рова страстей и отъ бренія тины (изъ тинистаго блата), и постави на камени позѣ мои, и исправи стопы моя (39, 3).

Нынѣ познахъ, яко спасе Господь христа своего: услышитъ его съ небесе святаго своего: въ силахъ (могущественно) спасеніе десницы его (19, 7). Не на лукъ мой уповаю, и мечъ мой не спасетъ мене (43, 7). Благо есть (лучше) надѣятися на Господа, нежели надѣятися на человѣка: благо есть уповати на Господа, нежели уповати на князи (117, 8. 9).

Бысть мнѣ Господь въ прибѣжище, и Богъ мой въ помощь (твердыня) упованія моего (93, 22). Азъ уснухъ, и спахъ, востахъ, яко Господь заступитъ мя. Не убоюся отъ тмъ людей, окрестъ (отвсюду) нападающихъ на мя (3, 6. 7). Въ мирѣ вкупѣ (спокойно) усну и почію, яко Господь единаго на упованіи вселилъ мя (единъ даетъ мнѣ безопасность) (4, 9). Аще бо и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко *Господь* со мною: жезлъ *Его* и палица, та мя утѣшиста (успокоятъ) (22, 4).

Господь просвѣщеніе мое и спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, отъ кого устрашуся? Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое: аще востанетъ на мя брань, на него азъ уповаю (26 1. 3). Господь мнѣ помощникъ, и не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ: Господь мнѣ помощникъ, и азъ воззрю (смѣло смотрю) на враги моя (117, 6. 7). Господь помощникъ мой, и защититель мой: на Него упова сердце мое, и поможе ми, и процвѣте плоть моя, и волею (пѣснію) моею исповѣмся ему (27, 7).

Господь утвержденіе мое, и прибѣжище мое, и избавитель мой, Богъ мой, помощникъ мой, и уповаю на него: защититель мой, и рогъ спасенія моего, и заступникъ мой (17, 3). Обратилъ плачь мой въ радость мнѣ, растерзалъ (снялъ съ меня) вретище мое и препоясалъ мя веселіемъ (29, 12); душа же моя возрадуется о Господѣ, возвеселится о спасеніи Его (отъ Него) (34. 9). Се бо Богъ помогаетъ ми, и Господь заступникъ души моей: отвратитъ (обратитъ) злая врагомъ моимъ (53, 6. 7). Богъ мой, милость его предварит мя: Богъ мой, явитъ мнѣ на вразѣхъ моихъ (даетъ мнѣ *безтрепетно* смотрѣть на враговъ моихъ) (58. 11).

3. *Достохвальныя качества и дѣла Давидовы.*

Азъ яко маслина плодовита въ дому Божіи: уповахъ на милость Божію во вѣкъ и въ вѣкъ вѣка (51, 10). Сохранихъ пути Господни и не нечествовахъ отъ Бога моего:

яко вся судьбы (законы) Его предо мною, и оправданія Его не отступиша отъ мене (17, 22. 23). Безъ беззаконія текохъ и исправихъ (58, 6). Неправду аще узрѣхъ (если бы я видѣлъ) въ сердцѣ моемъ, да не услышитъ (то не услышалъ бы) мене Господь: сего ради (но) услыша мя Бо́гъ, внялъ гласу моленія моего, не отстави молитву мою и милость свою отъ мене (65, 18—20).

Отъ всякаго пути лукава возбранихъ ногамъ моимъ, возненавидѣхъ всякъ путь неправды: преступающія непщевахъ вся грѣшныя земли: сего ради возлюбихъ свидѣнія *Господня*. Вси путіе мои предъ *Нимъ*, отъ закона же *Его* не уклонихся (118, 51. 101 104. 119. 168). Мнѣ прилѣплятися Богови благо есть, полагати на Господа упованіе мое, возвѣстити ми вся хвалы (чудеса) *Его* во вратѣхъ дщери Сіони (72, 27. 28).

Се уловиша душу мою, нападоша на мя крѣпцыи: ниже (не за) беззаконіе мое, ниже (и не за) грѣхъ мой (58, 4). Азь же, внегда они стужаху ми, облачахся во вретище, и смиряхъ постомъ душу мою, и молитва моя въ нѣдро мое возвратится (обращалась въ груди моей): яко ближнему, яко брату нашему, тако угождахъ: яко плача и сѣтуя, тако смиряхся (34, 13. 14). Не вознесеся сердце мое, ниже вознесостѣся очи мои: ниже ходихъ въ великихъ, ниже въ дивныхъ паче мене (не вхожу въ великое въ то, что выше меня) (130. 1).

Рѣхъ, сохраню пути моя, еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ: положихъ устомъ моимъ хранило (обузданіе), внегда востати грѣшному предо мною. Онѣмѣхъ и смирихся, и умолчахъ отъ благъ (молчалъ даже и о добромъ) (38, 2. 3). Яко глухъ не слышахъ, и яко нѣмъ не отверзаяй устъ своихъ: и бых яко человѣкъ не слышай и не имый во устѣхъ своихъ обличенія (оправданія) (37, 13. 14). Прехождахъ въ незлобіи сердца моего посредѣ дому моего (100, 2). Съ ненавидящими мира бых миренъ (119, 6). Яко азъ незлобою моею ходихъ: и на Господа уповая не изнемогу (25, 1)

Не сѣдохъ съ сонмомъ суетнымъ, и со законопреступными не вниду (не хожу). Возненавидѣхъ церковь (общество) лукавнующихъ, и съ нечестивыми не сяду (25, 4. 5). Ненавидящія Господа возненавидѣхъ и о вразѣхъ *Его* истаяхъ (возгнушался). Совершенною ненавистію возненавидѣхъ я: во враги быша ми (138, 21. 22). Мнѣ же зѣло честни быша други *Божіи*, зѣло утвердишася владычествія ихъ (138, 17). Очи мои на вѣрныя земли, посаждати я со мною: ходяй по пути непорочну, сей ми служаше (100, 6).

Не предлагахъ предъ очима моима вещь законопреступную (слова непотребнаго): творящія преступленіе возненавидѣхъ. Не прилпе мнѣ сердце строптиво (развращенное): уклоняющагося отъ мене лукаваго не познахъ. Оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгоняхъ: гордымъ окомъ и несытымъ сердцемъ съ нимъ не ядяхъ (кто гордъ окомъ и надмѣнъ сердцемъ, того нетерплю) (100, 3—5). Не живяше посредѣ дому моего творяй гордыню (поступающій коварно): глаголяй неправедная не исправляше (не стоитъ) предъ очима моима. Во утріе избивахъ (утромъ истребляю) вся грѣшныя земли, еже потребити отъ града Господня вся дѣлающія беззаконіе (100, 7. 8).

4. *Сознаніе своихъ грѣховъ и слабостей.*

Беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну (50, 5): возвѣщу (сознаю) *его*, и попекуся (сокрушаюсь) о грѣсѣ моемъ (37, 19). Беззаконіе мое познахъ, и грѣха моего не покрыхъ, рѣхъ: исповѣмъ

на мя беззаконіе мое Господеви: и *Господь* оставилъ нечестіе сердца моего (вину грѣха моего) (31, 5).

Заблудихъ, яко овча погибшее (118, 176). Азъ же рѣхъ во изступленіи (въ смятеніи) моемъ: отверженъ есмь отъ лица очію (отъ очей *Божіихъ*) (30, 23). Яко одержаша мя злая (бѣды), имже нѣсть числа: постигоша мя беззаконія моя, и не возмогохъ зрѣти (такъ что я видѣть не могу), и умножишася паче власъ главы моея, и сердце мое остави мя (39. 13).

Нѣсть исцѣленія въ плоти моей отъ лица гнѣва Божія, нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ. Яко беззаконія моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ. Возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего.

5. *Душевныя страданія, уныніе и уничиженіе Давида.*

Реку Богу: заступникъ мой еси, почто мя забылъ еси? и вскую сѣтуя хожду, внегда оскорбляетъ врагъ? внегда сокрушатися костемъ моимъ, поношаху ми врази мои, внегда глаголати имъ мнѣ на всякъ день: гдѣ есть Богъ твой? (41, 10. 11). Возскорбѣхъ во искушеніи моемъ и смятохся отъ гласа вражія и отъ стуженія (притѣсненія) грѣшнича. Сердце мое смятеся во мнѣ и боязнь смерти (смертные ужасы) нападе на мя. Страхъ и трепетъ пріиде на мя, и покры мя тма (смятеніе объяло меня (54, 3—6).

Рѣхъ, кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ, и полещу и почію? Се удалихся бѣгая (далеко), и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія (отъ вихря) и отъ бури (54, 7—9). Уподобихся неясыти (пеликану) пустыннѣй, бых яко нощный вранъ на нырищи (филинъ на развалинахъ). Бдѣхъ и бых яко птица особящаяся на здѣ (одинокая на кровлѣ) (101, 7—10). И покрыхъ постомъ душу мою, и бысть въ поношеніе мнѣ: и положихъ одѣяніе мое вретище, и бых имъ въ притчу (68, 11. 12),

Смятеся отъ ярости (отъ тоски) око мое, душа моя, и утроба моя. Яко исчезе въ болѣзни животъ мой, и лѣта моя въ воздыханіяхъ: изнеможе нищетою (отъ страданія) крѣпость моя, и кости моя смятошася. Отъ всѣхъ враговъ моихъ бых поношеніе, и сосѣдомъ моимъ зѣло (даже) и страхъ знаемымъ моимъ: видящіи мя бѣжаша отъ мене. Забвенъ бых яко мертвъ отъ сердца (нѣтъ меня въ сердцахъ): бых яко сосудъ погубленъ (разбитый). Яко слышахъ гажденіе (укореніе) многихъ живущихъ окрестъ (30, 10—14). О мнѣ глумляхуся сѣдящіи во вратѣхъ, и о мнѣ пояху піющіи вино (68, 13).

Скорби сердца моего умножишася (24, 17). Одержаша мя болѣзни смертныя, и потоцы беззаконія смятоша мя: болѣзни адовы обыдоша мя, предвариша мя (окружили меня) сѣти смертныя (17, 5. 6). Утрудихся воздыханіемъ моимъ, измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу: обетшахъ во всѣхъ вразѣхъ моихъ (отъ множества враговъ моихъ) (6, 7. 8). Яко сѣнь, егда уклонится ей (удаляющаяся), отъяхся, (исчезаю): стрясохся яко прузи (отгоняютъ меня, какъ саранчу). Колѣна моя изнемогоста отъ поста, и плоть моя измѣнися елеа ради (лишилась тука) (108, 23. 24).

Пострадахъ и слякохся до конца, весь день сѣтуя хождахъ. Яко лядвія моя (внутренности мои) наполнишася поруганій (огнемъ), и нѣсть исцѣленія (здраваго *мѣста*) въ плоти моей. Озлобленъ бых (изнемогъ) и смирихся до зѣла: рыкахъ отъ воздыханія (терзанія) сердца моего (37, 7—9). Яко погна (преслѣдуетъ) врагъ душу мою: смирилъ есть

въ землю (попираетъ въ прахъ) животъ мой: посадилъ мя есть въ темныхъ (во мракъ), яко мертвыя вѣка (подобно давно умершимъ (142, 3).

Внидоша воды до души моея. Углѣбохъ въ тинѣніи глубины, и нѣсть постоянія (погрязаю въ глубокомъ блатѣ и не на чемъ остановиться): пріидохъ во глубины морскія, и буря потопи мя. И ждахъ соскорбящаго, и не бѣ, и утѣшающихъ, и не обрѣтохъ (68, 2. 3. 21). Смотрѣхъ одесную и возглядахъ, и не бѣ знаяй мене: погибе бѣгство отъ мене (убѣжища не стало для меня) и нѣсть взыскаяй душу мою (никто не заботится о душѣ моей) (141, 5). Друзи мои и искренніи мои прямо мнѣ приближишася и сташа (видя язву мою, отступили), и ближніи мои отъ далече мене сташа (37, 12).

6. Злоба и нечестіе враговъ Давидовыхъ.

Умножишася паче власъ главы моея ненавидящіи мя туне: укрѣпишася врази мои, изгонящіи мя неправедно (68, 5) Укрѣпишася паче мене, и умножишася ненавидящіи мя безъ правды: воздающіи ми злая возблагая оболгаху мя, зане гоняхъ благостыню (слѣдую добру) (72, 20, 21). Умножишася врази мои, и ненавидѣніемъ неправеднымъ возненавидѣша мя (24. 19) Мнози востаютъ на мя, мнози глаголютъ души моей: нѣсть спасенія ему въ Бозѣ его (3, 2. 3).

Попраша мя врази мои весь (всякій) день: яко мнози борющіи мя съ высоты (надмѣнно) (55, 3). Весь день словесъ моихъ гнушахуся (слова мои превращаютъ): на мя вся помышленія ихъ на зло. Вселятся и скрыютъ (собираются и притаиваются): тіи пяту мою сохранятъ (наблюдати будутъ) якоже (ибо) ждаху души моея (55, 6. 7). И нуждахуся (ставятъ сѣть) ищущіи душу мою, и ищущіи злая мнѣ глаголаху суетная (говорятъ о погибели), и льстивымъ весь день поучахуся (о коварствѣ всякой день помышляютъ) (68, 13).

Нѣсть во устѣхъ ихъ истины, сердце ихъ суетно, гробъ отверстъ гортань ихъ, языки своими льщаху (5, 10). Умякнуша словеса ихъ паче елеа, и та суть стрѣлы (обнаженные мечи) (54, 22). Зубы ихъ оружія (копья) и стрѣлы, и языкъ ихъ мечь остръ (56, 5). Ярость ихъ по подобію зміину (въ нихъ ядъ, какъ ядъ змія), яко аспида глуха и затыкающаго уши свои (57, 5): Се тіи отвѣщаютъ (злословятъ) усты своими, и мечь во устнахъ ихъ (58 8). Усты своими благословляху, и сердцемъ своимъ кленяху (61. 5).

Законопреступницы (гордые) восташа на мя, и сонмъ державныхъ (притѣснителей) взыскаша душу мою (85. 14). Приближишася гонящіи мя беззаконіемъ (любящіе злодѣйство) (118, 150). Иже помыслиша неправду въ сердцѣ, весь день ополчаху (воздвигаютъ) брани: изостриша языкъ свой яко зміинъ: ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ (139, 3. 4). Яко уста грѣшнича и уста льстиваго на мя отверзошася, глаголаша на мя языкомъ льстивымъ (лживымъ): и словесы ненавистными обыдоша (преслѣдуютъ) мя, и брашася со мною туне (безъ вины). Вмѣсто еже любити мя, оболгаху мя (враждуютъ противъ меня): и положиша на мя (платятъ мнѣ) злая за благая, и ненависть за возлюбленіе мое (108. 2—5).

Врази мои рѣша мнѣ злая (злобно): когда умретъ и погибнетъ имя его? (40. 6. 7). На мя шептаху вси врази мои, ненавидящіи мя туне, и помизающіи очима, на мя помышляху злая мнѣ (34, 19. 40, 8). Яко мнѣ убо мирная глаголаху, и на гнѣвъ лести помышляху (составляютъ лукавые замыслы). Разшириша на мя уста своя, рѣша: благоже благоже (хорошо), видѣша очи наши: благоже души нашей, пожрохомъ его (34, 20. 21. 25).

Предсташа (возстаютъ) царіе земстіи, и князи погнаша мя туне (безвинно), сѣдоша и на мя клеветаху (2, 2. 118, 23. 161). Яко рѣша врази мои (обо) мнѣ, и стрегущіи душу мою совѣщаша вкупѣ, глаголюще: Богъ оставилъ есть его, пожените и имите его, яко нѣсть избавляяй (70, 10. 11).

(Окончаніе будетъ).

О ПРАЗДНОВАНІИ ВОСКРЕСНАГО ДНЯ.

письмо 7-е и послѣднее.

Здоровье есть одно изъ главнѣйшихъ условій довольства и благосостоянія для всякаго; для труженика же, обязаннаго въ потѣ лица снискивать хлѣбъ себѣ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ есть и единственный источникъ безбѣднаго существованія. И сей — то столько важный и благотворный источникъ пренебреженіе дня Господня не только мутитъ и засоряетъ, но и преждевремено изсушаетъ.

Думаю — не подвержено никакому сомнѣнію что человѣкъ не можетъ трудиться непрерывно и безъ отдыха. Лукъ постоянно натянутый скоро теряетъ свою упругость, если не разрывается неожиданно отъ сильнаго напряженія: подобно сему и тотъ, кто захотѣлъ бы работать непрерывно, не долго проработалъ бы; преждевременные недуги, ослабленіе органовъ, упадокъ силъ и множество болѣзней, возникающихъ отъ этого, не замедлили бы отмстить за нарушеніе закона, установленнаго Творцемъ, и осудить на невольное бездѣйствіе того безразсуднаго, который осмѣлился бы пренебречь заповѣдію о покоѣ, преданною человѣку отъ Творца. Слѣдовательно, отдыхъ составляетъ какъ бы нѣкоторый законъ для человѣка: какъ онъ не можетъ жить безъ пищи, такъ не можетъ жить и безъ отдыха; волею или не волею, но каждую ночь онъ долженъ подчиняться этой владычественной необходмости, отъ которой освободиться доселѣ еще не открыли ему способовъ ни наука, ни наблюденіе.

Но достаточно ли человѣку одного этого покоя для возстановленія въ надлежащей мѣрѣ силъ своихъ и для поддержанія ихъ въ бодрости и крѣпости?... Я не обращусь за отвѣтомъ на это ни къ отцамъ и учителямъ Церкви, (какъ ни важно было бы свидѣтельство ихъ въ этомъ вопросѣ), ни къ писателямъ извѣстнымъ по своему благочестію — для того, чтобы истина свободна была отъ всякой тѣни подозрѣнія; обращусь, напротивъ, къ писателямъ разсматривавшимъ этотъ вопросъ внѣ христіанскихъ воззрѣній — къ врачамъ и физіологамъ, даже болѣе — къ писателямъ, которые не славились пріязнію къ христіанству. Въ числѣ сихъ послѣднихъ нельзя не привесть мнѣнія философа, бывшаго идоломъ нѣсколькихъ поколѣній въ прошедшемъ вѣкѣ и еще до нынѣ не совсѣмъ утратившаго своихъ поклонниковъ, извѣстнаго Руссо. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ клевретовъ онъ говоритъ: »Что должно думать о тѣхъ, которые хотятъ отнять у народа праздники, называя ихъ предлогами къ лѣни и разсѣянности? Мнѣніе ихъ ложно и отзывается варварствомъ. Тѣмъ хуже для народа, если есть у него время только для заработыванія хлѣба себѣ, а нѣтъ для того, чтобы ѣсть его въ радости; въ такомъ случаѣ, не долго будетъ онъ заработывать его. — Если праведному и милосердому Богу угодно, чтобы человѣкъ трудился, то Ему также угодно, чтобъ онъ и отдыхалъ: сама природа внушаетъ ему одинаково работу и покой, трудъ и наслажденіе. Отвращеніе отъ

труда тяготитъ бѣдняка еще болѣе, нежели самый трудъ. Хотите ли, чтобъ народъ былъ дѣятеленъ и трудолюбивъ? Дайте ему побольше праздниковъ. Тогда работа, окрыляемая охотою въ рабочіе дни, съ избыткомъ вознаградитъ эти, по видимому потраченные, дни« (*).

Итакъ, по мнѣнію этого писателя, одного ежедневнаго отдыха для человѣка недостаточно: ему надобенъ еще, въ извѣстные урочные сроки, покой болѣе полный, болѣе продолжительный. — »Особенно онъ необходимъ, говоритъ одинъ безпристрастный наблюдатель, для тѣхъ тружениковъ, которые работаютъ въ огромныхъ мастерскихъ, гдѣ собирается много рабочихъ. Отъ этого скопленія ихъ неизбѣжно портится воздухъ. Тончайшая пыль, незримые атомы, отдѣляясь незамѣтно отъ обработываемыхъ предметовъ, проникаютъ въ дыхательные органы и вносятъ въ нихъ сѣмя разрушенія, болѣе или менѣе быстраго. Оттого во всѣхъ мануфактурахъ, фабрикахъ и заводахъ, гдѣ только требуется большое число рукъ, взоръ весьма часто поражается болѣзненнымъ вырожденіемъ (dégénération) рабочихъ. Блѣдныя лица съ черствымъ, отвратительнымъ выраженіемъ и согбенность у мущинъ, чахлый, болѣзненый видъ у женщинъ и жалкія хилыя дѣти, которыя, кажется, со дня рожденія носятъ на себѣ печать проклятія тяготѣющаго надъ виновниками дней ихъ — такова грустная картина, представляющаяся обыкновенно взору въ этихъ огромныхъ заведеніяхъ! Ахъ! если эти несчастные для прокормленія семействъ своихъ должны работать цѣлую недѣлю не разгибаясь, то по-крайней мѣрѣ хоть въ одни воскресные дни давать бы имъ свободу для того, чтобъ они могли отдохнуть и освѣжить силы свои для дальнѣйшаго труда«!

(*) Lettre à d'Alambert.

»Не менѣе необходимъ отдыхъ, продолжаетъ тотъ же писатель, и для тѣхъ, которые трудятся на открытомъ воздухѣ, подъ палящимъ солнцемъ, при дуновеніи вѣтровъ, среди разнообразныхъ непогодъ, подъ дождемъ и снѣгомъ, т. е. для тѣхъ, которые носятъ тяжести, обработываютъ землю, работаютъ на поляхъ, въ лѣсахъ, каменоломняхъ, рудникахъ и проч. и подвергаютъ здоровье и часто жизнь свою тысячи опасностей. Кто не пойметъ, какъ нуженъ и благодѣтеленъ цѣлодневный еженедѣльный отдыхъ для оживленія людей, несущихъ столь изнурительные труды! Скажу, наконецъ, что онъ необходимъ для людей, занимающихся кабинетной работою: ибо этого рода занятія дѣйствуютъ наиболѣе разрушительно на здоровье, — для торговца, засѣдающаго въ своей конторѣ или лавкѣ, и для тѣхъ, которые раздѣляютъ его уединеніе. Люди эти часто и пищу принимаютъ не прерывая своихъ занятій и не прекращая своихъ счетовъ; въ нѣкоторыхъ же большихъ торговыхъ городахъ они погружаются въ свои занятія до того, что и цѣлыя ночи не рѣдко проводятъ безъ сна, и — отсюда то всѣ эти безконечные недуги, которые каждый годъ обогащаютъ лѣтописи физіологіи. Симъ-то труженикамъ мамоны покой сельмаго дня всего болѣе необходимъ, такъ что еслибы не было заповѣди о немъ, то ее надлежало бы придумать для нихъ« (*).

»Соблюденіе воскреснаго дня, говоритъ другой наблюдатель природы человѣческой, по моему мнѣнію, должно быть поставлено въ числѣ обязанностей человѣка не только религіозныхъ, но и естественныхъ: потому что, если сохраненіе здоровья составляетъ естественную обязанность каждаго, то нельзя необвинять въ медленномъ самоубійствѣ того,

(*) Perennès. Institution du dimanche. pag. 108.

кто преждевременно разрушаетъ его чрезмѣрнымъ трудомъ. Я говорю это, какъ врачъ, безъ всякаго отношенія къ религіозному значенію этого вопроса (*).

Явно по этому, что одного ежедневнаго вечерняго отдыха недостаточно человѣку, и что цѣлость его здоровья требуетъ извѣстнаго, срочнаго и болѣе полнаго отдыха. Таково умозаключеніе, къ которому одинаково приходятъ и наука и опытъ. Какой же срокъ наиболѣе благопріятенъ для поддержанія въ равновѣсіи здоровья человѣческаго, истрачиваемаго на трудъ? Очевидно, что самый вѣрный отвѣтъ на это можетъ дать только Тотъ, Кто сотворилъ человѣка и слѣдовательно Кто лучше всѣхъ знаетъ мѣру силъ его. Онъ же ясно и опредѣленно указалъ этотъ срокъ человѣку: *шесть дней дѣлай, и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя: въ день же седьмый суббота Господу Богу твоему, да не сотвориши всякаго дѣла въ онь* (Исх. 20, 9. 10). Предъ этою простою и опредѣленною заповѣдію безмолвно поникаетъ, какъ мы видѣли, всякая здравая наука и опытъ. Тщетно нѣкоторые безумцы, *взимаясь на умъ Божій*, хотѣли замѣнить заповѣдь Божію своими человѣческими учрежденіями: ихъ учрежденія изчезли тотчасъ же, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда и только дополнивъ собою исторію жалкихъ заблужденій ума человѣческаго.

Не забудемъ, что, назначая седьмой день для отдыха, Господь оградилъ условія его посвященіемъ себѣ этого дня: *день же седьмый суббота покой Господу Богу твоему*. Подъ этимъ только условіемъ и возможны тѣ блага, которыхъ можетъ ожидать себѣ человѣкъ отъ покоя въ седьмой день; значитъ, подъ этимъ условіемъ возможно и укрѣпленіе силъ его во благо.—Въ самомъ дѣлѣ, если обратить вниманіе на то, какой миръ вѣра доставляетъ душѣ и сколько вселяетъ она упованія на Бога и внутренняго успокоенія: то нельзя не назвать ее приснотекущимъ источникомъ бодрости для духа, а чрезъ его посредство и живительнымъ началомъ для силъ тѣлесныхъ. Святой покой воскресный всѣваетъ, такъ сказать, въ тѣло сѣмя новой жизни, отвлекая на время взоры отъ суеты житейской и устремляя ихъ къ предметамъ не отъ міра сего. Самое это отвлеченіе отъ попеченій и суетъ житейскихъ, томящихъ душу и изнуряющихъ тѣло, и послѣдствія его — умиреніе души и сердечное успокоеніе, сверхъ сего молитва, самоуглубленіе и собесѣдованіе съ Богомъ, — потомъ благолѣпіе церковнаго богослуженія, торжественная тишина его, важность и помазаніе слова Божія, возвѣщаемаго въ дни Господни въ храмахъ и совсѣмъ не похожаго на молву житейскую, далѣе назидательныя семейныя собесѣдованія, воспоминаніе объ отшедшихъ братіяхъ и объ ихъ и своей загробной участи, словомъ: все это всецѣлое устремленіе мыслей и чувствъ человѣка къ небу переноситъ человѣка какъ бы совсѣмъ въ иной міръ, окружаетъ его совсѣмъ другою атмосферой, въ которой слышится одно тихое вѣяніе утѣшителя Духа Святаго, и нѣтъ сомнѣнія, дивно содѣйствуетъ къ равномѣрному оживленію духа и тѣла. Не надобно быть ни врачемъ, ни физіологомъ, чтобы понять, въ какой высокой мѣрѣ подобный отдыхъ благодѣтеленъ для человѣка и въ гигіеническомъ (касающемся до здоровья), не только нравственномъ, отношеніи. Какъ бы слѣдствіемъ укрѣпленія силъ духовныхъ и тѣлесныхъ является охота къ труду или трудолюбіе. Трудъ бываетъ тяжелъ, медленъ и непріятенъ для истощенныхъ силъ; но тотъ

(*) Rapport au parlement du docteur. Farr. Archiv. du Christ. pag. 183.

же и даже большій трудъ бываетъ легокъ, быстръ и совершается съ охотой, когда силы тѣлесныя крѣпки, а душа полна спокойствія и радости о Богѣ. Прерываемый отдыхомъ, онъ съ большею ревностію начинается снова и благопоспѣшится отъ Господа.

Таковы благотворныя послѣдствія для тѣлесныхъ силъ человѣка отъ истиннаго христіанскаго отдыха въ день воскресный. — Совсѣмъ иныя — отъ пренебреженія или нарушенія святости его. Я уже выше замѣтилъ, что человѣкъ не можетъ трудиться непрерывно, и что если только онъ не отдыхаетъ въ храмѣ Божіемъ, то отдыхаетъ въ корчемницѣ или другомъ подобномъ заведеніи. Но что такое отдыхъ тамъ?... Это — отдыхъ разгула и разпузданности, — отдыхъ, убивающій за одно и душу и тѣло. Сомнѣваться въ этомъ — значитъ допускать, что излишество въ пищѣ и питіи, соединенное съ нарушеніемъ всѣхъ правилъ порядка и трезвости, можетъ быть причислено къ средствамъ, способнымъ къ возстановленію силъ, истощенныхъ недѣльнымъ трудомъ, что излишнее употребленіе одурящихъ напитковъ и ночи, проведенныя безъ сна среди шумныхъ кликовъ и вольныхъ пѣсней, во всемъ разгарѣ страстей, могутъ иногда съ равномѣрною пользою для здоровья замѣнить мирный и святый отдыхъ воскреснаго дня. — Но кто, даже съ самымъ ограниченымъ смысломъ, можетъ допустить это?... Ахъ! этотъ несчастный разгулъ рабочаго класса въ дни Господни, требуемый для него нѣкоторыми съ такою наивностію, и есть, къ сожалѣнію, тотъ широкій евангельскій путь, который со всею тщательностію разширяетъ и углаждаетъ сатана для того, чтобы безпрепятственнѣе тысячи стремились по нему къ преждевременной погибели! Онъ то, этотъ разгулъ коситъ и истребляетъ рабочіе классы, какъ серпъ на нивѣ — тысячами! Чтобы видѣть до какой степени справедливо это, обратимся къ опыту и посмотримъ: гдѣ зачинаются и свирѣпствуютъ наиболѣе заразительныя болѣзни? кого преимущественно поражаютъ повальныя лихорадки и горячки? въ какихъ классахъ народа язва, недавно проходившая страну нашу изъ конца въ конецъ, находила себѣ наиболѣе жертвъ? — Отвѣтъ вездѣ одинъ: это въ рабочемъ классѣ, между людьми, которыхъ обычное осквернѣніе дней Господнихъ подготовило къ симъ ударамъ, истощивъ ихъ силы трудомъ и довершивъ это истощеніе широкимъ разгуломъ и своеволіемъ страстей. И — это отнюдь не новый опытъ, не современное наблюденіе. Священный писатель указалъ на это назадъ тому около 3000 лѣтъ: *трудъ бдѣнія и холера и чревобольніе съ мужемъ ненасытнымъ... пресыщеніемъ мнози умроша* (Сир. 31, 23. 37. 34). Современная наука прибавляетъ къ этому еще одно горестное наблюденіе — то, что изъ ста страждущихъ умономѣшательствомъ, причина болѣзни девяносто двухъ отыскивается навѣрное въ необузданности и разгорячены страстей, всего болѣе, въ неумѣренности и сластолюбіи. Но гдѣжъ, спрошу, и разгорячаются наиболѣе страсти рабочихъ классовъ, если не въ корчемницахъ? Гдѣ зачинаются и зрѣютъ *помышленія злая, татьбы, убійства, любодѣянія, хищенія, лжесвидѣтельства, хулы*, какъ не въ нихъ и имъ подобныхъ притонахъ? А съ другой стороны, когда, въ какіе то есть дни, притоны эти наиболѣе наполняются посѣтителями?... Отвѣтъ одинъ: въ дни Господни! — Итакъ и здѣсь мы возвращаемся къ одной и той же причинѣ зла — пренебреженію дней Господнихъ.....

Оканчиваю мои замѣтки о предметѣ занимавшемъ просвѣщенную твою любознательность. Не моей скудости указывать на средства къ искорененію, все болѣе и болѣе

возрастающаго у насъ пренебреженія дней Господнихъ. Замѣчу одно, что малоуспѣшны будутъ всѣ усилія попечительнаго о благѣ народа правительства къ поддержанію во всемъ достоинствѣ заповѣди объ освященіи воскреснаго дня, если заповѣдь эта не переведется съ хартіи на сердце, если не обратится въ соки и кровь нашу, не придетъ въ живое сознаніе долга, не сдѣлается одною изъ главныхъ заповѣдей общественности нашей. Тогда не нуженъ будетъ и страхъ закона гражданскаго, ограждающій теперь, по необходимости, заповѣдь Божію; тогда и законъ этотъ перестанетъ быть жалкимъ игралищемъ невнимательности и своекорыстія... Будемъ молиться о семъ усердно Утѣшителю Духу Святому, »немощная врачующему«: ибо *часъ намъ уже отъ сна востати* (Рим. 13, 11).

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ ВЫПУСКА ВОСПИТАННИЦЪ ОДЕССКАГО ИНСТИТУТА БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ (*).

Возведите очи ваши, и видите нивы, яко плавы (т. е. побѣлѣли) *суть къ жатвѣ уже. И жняй мзду пріемлетъ, и собираетъ плодъ въ животъ вѣчный: да и сѣяй вкупѣ радуется и жняй* (Іоан. 4, 35).

Такъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ говорилъ нѣкогда Апостоламъ своимъ, видя предъ собою собраніе душъ, вполнѣ готовыхъ, созрѣвшихъ къ усвоенію правилъ новой жизни по духу божественнаго Евангелія.

Сіи св. слова небеснаго Наставника невольно, благоч. слуш., припоминаются и мнѣ, въ настоящія, торжественныя минуты, при взглядѣ на нашихъ воспитанницъ, прешедшихъ уже поприще учебнаго образованія своего. Привѣтствую васъ, боголюбивыя блюстители и дѣлательницы сего вертограда: нивы наши поспѣли къ жатвѣ, или, по другому слову Св. Писанія, *лѣторасли сада нашего процвѣли, благоухаютъ первыми мірами*, и вотъ онѣ изводятся нынѣ въ нѣдра семействъ своихъ, да будутъ опорами и утѣшеніемъ ихъ. Возрадуемся и возблагодаримъ небеснаго Просвѣтителя умовъ и сердецъ человѣческихъ, укрѣплявшаго насъ въ трудахъ нашихъ. Наипаче же да возрадуется любвеобильное сердце Благочестивѣйшей Матери отечества! Ея державная десница, насадившая вертоградъ сей, не только сберегла, но и возлелѣяла его среди самыхъ неблагопріятныхъ обстояній: Ея высокой любви первой подобаетъ и вкусить отъ плодовъ его радость и утѣшеніе. И какую радость, какое утѣшеніе! Въ день новолѣтія драгоцѣннѣйшаго изъ всѣхъ даровъ Творца, дара жизни, превознесенная Раба Христова представляетъ Богу благодѣтелю, яко всеплодіе своихъ попеченій, многочисленные сонмы отроковицъ, уготованныхъ, процвѣтшихъ къ новой жизни общественной. Какая жертва благодаренія можетъ быть выше сей жертвы предъ очами Всевышняго! Вѣруемъ и уповаемъ, Чадолюбивѣйшая Матерь, что пламенныя молитвы, приносимыя нынѣ едиными усты и единымъ сердцемъ осчастливленныхъ дѣтей, низведутъ на Тебя новыя благодатныя силы къ благотворенію, новыя и новыя благословенія небесныя на Тебя и Августѣйшее Семейство Твое.

Привѣтствую и васъ, благородныя воспитанницы, съ окончаніемъ трудовъ вашихъ, и сорадуюсь вамъ отъ души и сердца. И

(*) Сказанное въ день рожденія Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны 1-го Іюля 1857 года, Законоучителемъ пр. С. С....мъ.

можемъ ли мы, немощные руководители ваши, не исполняться нынѣ живѣйшей радости? Много значитъ обучить юный умъ чему либо, сообщить ему первыя начала какой нибудь одной науки, внести, такимъ образомъ, въ него свѣтъ самопознанія. Это значитъ привести человѣка, можно сказать, изъ небытія духовнаго въ бытіе. Но вамъ, возлюбленныя, преподаны не начатки, не крупицы отъ преломленія хлѣба жизни; нѣтъ, десницею Чадолюбивѣйшей изъ Матерей раздроблены, дерзну сказать, *пять хлѣбовъ евангельскихъ* (*) для истиннаго питанія и воспитанія умовъ и сердецъ вашихъ. Исполнители священной воли Ея преимущественно старались, болѣзновали о томъ, чтобы въ душахъ вашихъ отразился образъ, духъ Христовъ, содѣлался характеромъ вашего духа и жизни. Только такое образованіе достойно своего названія; только того ради мудрость и просвѣщеніе дадутъ вамъ, по словамъ Великаго Помазанника Божія, средство для спасенія души »отъ всѣхъ соблазновъ земнаго бы»тія, для достиженія счастія въ сей и бла»женства въ будущей жизни, и однимъ лишь »симъ путемъ можно сдѣлаться хорошею до»черью, полезнымъ членомъ семейства и об»щества и вѣрноподданною, готовою, безукориз»ненностію всей жизни, возблагодарить Госу»даря и Государыню за оказанныя вамъ бла»годѣянія« (**).

Вотъ почему, послѣ преподанія вамъ животворныхъ догматовъ вѣры Христовой, мы старались ввести васъ въ духъ и значеніе глубоко назидательныхъ обрядовъ и богослуженія Православной Церкви; вотъ почему, въ ученіи объ обязанностяхъ христіанина указаны вамъ правила, какъ приложить начала вѣры къ самой жизни въ различныхъ состояніяхъ и званіяхъ; вотъ почему мы изложили вамъ вкратцѣ исторію христіанской Церкви, дабы вы, примѣрами святыхъ Божіихъ, осязательно убѣдились, что заповѣди Христовы удобоисполнимы и не суть тяжки для истинно любящихъ Бога; здѣсь же вы во всей ясности увидѣли, какое могущественное, священное вліяніе имѣетъ полъ вашъ на судьбы не семействъ только въ частности, но цѣлыхъ народовъ и государствъ; ибо кто, какъ не жены были первыми насадительницами христіанства наприм. въ Россіи, Галліи, Британіи, Грузіи, Болгаріи и пр.? Съ такимъ же благодѣтельнымъ намѣреніемъ прочтено вамъ немало страницъ изъ книги судебъ и гражданскаго бытія народовъ, изъ книги природы, гдѣ все, отъ кедра до иссопа, отъ самомалѣйшаго насѣкомаго до несбытныхъ свѣтилъ небесныхъ, проповѣдуетъ одну истину: *тако возлюби Богъ міръ* (Іоан. 3 16).

Таковы были, возлюб., занятія ваши. Теперь, естественно, насъ занимаетъ вопросъ: сколько плодовъ пожнутъ другіе съ благовоздѣланныхъ нивъ нашихъ: *тридесять, шестьдесять или сто*, по выраженію св. Евангелія,—другими словами: какъ вы употребите полученное вами образованіе—этотъ златый талантъ? Мы увѣрены, что одна пламенная молитва у васъ нынѣ, да дастъ Господь употребить оное, истинно, какъ даръ Божій и Царскій. Для сего весьма полезно вамъ вникнуть въ слѣдующія глубоко поучительныя слова св. апостола Павла: *земля, пившая сходящій на ню множицею дождь, и раждающая былія добрая онымъ, имиже и дѣлаема бываетъ, пріемлетъ благословеніе отъ Бога: а износящая тернія и волчецъ, непотребна есть и клятвы близъ, еяже кончина въ пожженіе* (Евр. 4, 7). Т. е. какъ бы такъ говоритъ учитель языковъ: благословеніе Божіе почиваетъ на

(*) Дѣлается примѣненіе къ пяти духовнымъ предметамъ, преподаваемымъ въ Институтѣ.

(**) Наставленіе для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, утвержд. Его Величествомъ 27 Февраля 1852 г.

той землѣ, которая многократно впивая капли благотворнаго дождя, производитъ полезную зелень, цвѣты, плоды. Въ противномъ случаѣ, надъ нею тяготѣетъ осужденіе, гнѣвъ Божій: *клятвы близъ*. Почему такъ строго? потому что каждая капля дождя есть знаменіе неизреченной премудрости и благости Творца: надъ произведеніемъ этой капли, такъ сказать, трудились многочисленные, могущественные дѣятели и силы природы. Теперь, когда живительная влага въ преизбыткѣ орошала землю, а она износитъ терніе и волчецъ: то что сказать о сей почвѣ?... Примѣнимъ сіе къ дѣлу воспитанія: каждая наука есть даръ Божій; умы произведшіе ихъ были только орудіями благости божественнаго Просвѣтителя, Христа, въ *Немже сокрыты вси сокровища премудрости и разума* (Колос. 2, 3); и сколько трудовъ надлежало имъ преодолѣть для сознанія ихъ, сколько ночей высокіе труженики не давали вѣждямъ своимъ сна! А для указанія людямъ истиннаго богопознанія и науки благочестія самому Сыну Божію надлежало облечься въ плоть нашу и учить насъ многимъ долготерпѣніемъ! Когда же дары сіи преподаются юнымъ умамъ не скудною рукою, въ преизбыткѣ, и они, съ жаждою впивая благодатныя струи вѣдѣнія, потомъ приносятъ *плоды вѣры, любви, кротости воздержанія, мира, долготерпѣнія* (Гал. 5, 22): то безъ сомнѣнія на нихъ почіетъ благословеніе Божіе.

Переходя изъ святилища науки въ училище общественной жизни съ залогомъ сихъ христіанскихъ добродѣтелей, вы безошибочнѣе будете разумѣвать смыслъ тѣхъ уроковъ и испытаній, какія Провидѣніе назначаетъ въ немъ всякому человѣку. Благословитъ ли васъ Господь счастіемъ земнымъ?—вы съ признательностію пріимите даръ Божій, но онъ не надмитъ васъ, вы не забудете заповѣди Христа Спасителя: *ищите прежде царствія Божія*. Скорби ли посѣтятъ васъ?—вы всецѣло предадите сердца ваши всеблагой испытующей волѣ Господа, говоря: да будетъ со мною *не якоже азъ хощу, но якоже Ты*. А между тѣмъ, образъ житія пречистой Матери Господа будетъ всегда предъ очами вашихъ сердецъ. Какое поучительное сочетаніе женскихъ добродѣтелей даровалъ Господь полу вашему въ лицѣ Маріами! Возвеличенная паче всѣхъ дщерей земныхъ, пречистая Дѣва, съ глубочайшею покорностію, соблюдала въ сердцѣ своемъ глаголы неисповѣдимыхъ судебъ Божіихъ: въ домѣ бѣднѣйшаго древодѣла, у креста Божественнаго Сына, въ домѣ Іоанна въ кругломъ сиротствѣ—вездѣ пребываетъ неизмѣнною, преданнѣйшею, смиреннѣйшею рабою Господа. Наконецъ, нужно ли припомнить вамъ, съ какимъ смиреніемъ вы, какъ юныя ученицы училища жизни, должны будете внимать совѣтамъ опытности и наставленіямъ старшихъ, на дѣлѣ извѣдавшихъ, откуда бури на морѣ житейскомъ, гдѣ камни преткновенія и гдѣ, напротивъ, тихое пристанище? Василій Великій, получившій превосходное образованіе въ Аѳинахъ, съ признательностію, однако, принималъ уроки жизни отъ сестры своей св. Макрины и совершенно утвердился въ смиреніи.

Господи Боже нашъ, Боже всякаго милосердія и щедротъ! Благослови, съ высоты святыя своея, отроковицъ сихъ и настави ихъ на путь, да пойдутъ во истинѣ твоей! Огради св. твоими Ангелами входы и исходы ихъ, да ополченіемъ ихъ соблюдаеми достигнутъ своего предназначенія къ радости родителей и воспитателей своихъ! Аминь.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 12-го Декабря 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 40.

НЕДѢЛЯ ПРЕДЪ ОСВЯЩЕНІЕМЪ.

5 ЯНВАРЯ 1858 г.

Гласъ 7-й.

На утрени евангеліе воскресное 10-е, Іоан. зач. 66. На литургіи: апост. 2 Тим. зач. 298, еванг. Марк. зач. 1.

НОВЫЙ 1858-й ГОДЪ.

АВТОБІОГРАФІЯ

СВЯТАГО ПРОРОКА ДАВИДА.

(Окончаніе).

7. Побѣда Давида надъ врагами и избавленіе отъ нихъ.

Вси языцы обыдоша мя, и именемъ Господнимъ противляхся имъ (я низложилъ ихъ): обышедше обыдоша мя яко пчелы сотъ, и разгорѣшася яко огнь въ терніи: и именемъ Господнимъ противляхся имъ. Отриновенъ превратихся пасти, и Господь пріятъ мя (отъ сильнаго толчка я упалъ бы, но Господь поддержалъ меня): крѣпость моя и пѣніе мое Господь, и бысть мнѣ во спасеніе (117, 10—14). Яко скры мя въ селеніи своемъ въ день золъ моихъ, покры мя въ тайнѣ селенія своего (покровомъ скиніи своей) (26, 5). Посла съ небесе и спасе мя, даде въ поношеніе попирающія мя: посла Богъ милость свою и истину свою. Сѣть уготоваша ногамъ моимъ, и слякоша (стѣснили) душу мою: ископаша предъ лицемъ моимъ яму, и падоша въ ню (56, 4. 7).

Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде. Яко изъятъ душу мою отъ смерти, очи мои отъ слезъ, и нозѣ мои отъ поползновенія. Десница Господня вознесе мя, десница Господня сотвори силу (дѣлаетъ сильнымъ) (117, 16. 18. 114, 7). На камень (на каменную гору) вознесе мя: и нынѣ се вознесе (поднялъ) главу мою на враги моя (26, 5. 6).

Внегда приближатися на мя злобующимъ, еже снѣсти плоти моя, оскорбляющіи мя и врази мои, тіи изнемогоша и падоша (26, 2).

Богъ сокрушитъ зубы ихъ во устѣхъ ихъ: членовныя (челюсти) львовъ сокрушилъ есть Господь. Уничижатся (прольются) яко вода мимотекущая: яко воскъ растаявъ отъимутся (исчезнутъ). (57, 7—9). Тіи (тѣ, которые) всуе искаша душу мою, внидутъ въ преисподняя земли (въ преисподнюю страну). Предадятся въ руки оружія (сражены будутъ ударомъ меча): части лисовомъ будутъ (достанутся въ добычу лисицамъ). Царь же возвеселится о Бозѣ: похвалится всякъ клеными имъ, яко заградилася (когда заградятся) уста глаголющихъ неправедная (62, 10—12).

8. *Любовь Давида къ храму Господню.*

Аще (не) вниду въ селеніе дому моего, или (не) взыду на одръ постели моея, аще (не) дамъ сонъ очима моима, и вѣждома моима дреманіе, дондеже обрящу мѣсто Господеви, селеніе Богу Іаковлю (131, 3—5).

Возлюбихъ благолѣпіе дому *Его*, и мѣсто селенія славы *Его* (25, 8). Едино просихъ отъ Господа, то взыщу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню, и посѣщати храмъ святый его (26, 4): еже вселитимися въ домъ Господень въ долготу дній (22, 6).

Коль возлюбленна селенія Господа силъ! желаетъ и скончавается душа моя (истомилась душа моя, желая) во дворы Господни: сердце мое и плоть моя возрадовастася о Бозѣ живѣ (83, 2. 3). Возжада душа моя къ Богу крѣпкому живому: когда пріиду и явлюся лицу Божію? Сія помянухъ, и изліяхъ на мя душу мою (душа моя изливается, когда воспоминаю): яко пройду (какъ ходилъ я) въ мѣсто селенія дивна даже до дому Божія, во гласѣ радованія и исповѣданія, шума празднующаго (при восклицаніи и славословіи празднующаго собранія) (41, 3. 5).

Вниду къ жертвеннику Божію, къ Богу веселящему юность мою (къ Богу радости и веселія моего) (42, 4). Поклонюся ко храму святому *Его*, и исповѣмся имени *Его* о милости и истинѣ *Его* (137, 3). Вниду въ селенія его, поклонюся на мѣсто, идѣже стоястѣ нозѣ его (подножію ногъ его) (131, 7). Пожру жертву хвалы, и во имя (и имя) Господне призову. Молитвы моя Господеви воздамъ предъ всѣми людьми его, во дворѣхъ дому Господня, посредѣ Іерусалима (115, 8—10). Обыдохъ и пожрохъ въ селеніи (скиніи) его жертву хваленія и воскликновенія (славословія): пою и воспою Господеви (26, 6).

Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ. Стояще бяху ноги наша во дворѣхъ Іерусалима. Дому ради Господа Бога нашего взыскахъ благая *Ему* (59, 8). Богъ въ храмѣхъ его знаемь есть, егда заступаетъ и (какъ защитникъ) (47, 4). Исповѣданіе (слава) и красота предъ нимъ: святыня и великолѣпіе во святилѣ (во святилищѣ) его (95, 6). Лучше день единъ во дворѣхъ *Его* паче тысящъ: изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніяхъ грѣшничихъ (83, 11).

9. *Опытная мудрость и наблюденія Давида.*

Помыслихъ дни первыя, и лѣта вѣчная помянухъ, и поучахся: нощію сердцемъ моимъ размышляхъ, и испытоваше духъ мой. Помянухъ дѣла Господня: яко помяну отъ начала чудеса *Его*, и поучуся во всѣхъ дѣлѣхъ *Его* и въ начинаніяхъ (о великихъ дѣяніяхъ) *Его* размышляти буду (77, 6. 7. 12. 13). Всякія кончины видѣхъ конецъ (я видѣлъ предѣлъ всего совершеннаго): паче всѣхъ учащихъ мя, паче старецъ разумѣхъ, яко заповѣди *Господни* взыскахъ (118, 96. 99. 100). Азъ познахъ, яко велій Го-

сподь, и Господь нашъ надъ всѣми боги (134, 6).

Юнѣйшій быхъ, ибо (и) состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмене его просяща хлѣбы. Весь (всякой) день милуетъ, и взаимъ даетъ праведный, и сѣмя его во благословеніе будетъ. Беззаконницы же потребятся вкупѣ (исчезнутъ вовсе), останцы же (потомки) нечестивыхъ потребятся. Видѣхъ нечестиваго превозносящася и выясящася, яко кедры ливанскія: и мимоидохъ, и се не бѣ, и взыскахъ его; и не обрѣтеся мѣсто его (36, 25, 26. 35. 36. 38).

Услышу, что речетъ Господь Богъ: яко речетъ миръ на люди своя (народъ свой) (84, 9). Азъ же рѣхъ во изступленіи моемъ: всякъ человѣкъ ложь (обманчивъ) (115, 2). Яко видѣхъ беззаконіе и прерѣканіе (распри) во градѣ. Днемь и нощію обыдетъ и по стѣнамъ его: беззаконіе и трудъ (наглости) посредѣ его, и неправда, и не оскудѣ отъ стогнъ его лихва и лесть (обманъ и коварство) (54, 10—12).

Се сіи грѣшницы и гобзующіи въ вѣкъ (нечестивые счастливцы міра), удержаша (умножаютъ) богатство. И рѣхъ: еда всуе оправдихъ (очищаю) сердце мое, и умыхъ въ неповинныхъ (невинностію) руцѣ мои, и быхъ язвенъ весь день, и пещевахъ разумѣти: се сіе трудъ есть предо мною (но сіе трудно было въ глазахъ моихъ), донлеже вниду во святило (во святилище) Божіе, и разумѣю въ послѣшняя (конецъ) ихъ (72, 12—14. 16. 17).

10. Старость Давида, предсмертное состояніе и вѣра въ будущую жизнь.

Увы мнѣ, яко преселствіе мое продолжися: много преселствова душа моя (119, 5. 6): и старость моя въ елеи маститѣ (91, 11). Исчезоша яко дымъ дніе мои, и кости моя яко сушило сосхошася (обожжены, какъ горнило). Дніе мои яко сѣнь уклонишася (какъ исчезающая тѣнь), и азъ яко сѣно изсохъ. (101, 4—6. 12).

Кая польза въ крови моей, внегда сходити ми во истлѣніе (въ могилу)? Еда исповѣстся *Господу* персть? или возвѣститъ истину *Его*? (29, 10). Еда (надъ) мертвыми творитъ чудеса, или врачеве воскресятъ (умершіе востанутъ) и исповѣдятся *Ему?* Еда повѣсть кто во гробѣ милость и истину *Его* въ погибели (въ тлѣніи)? Еда познана будутъ во тмѣ чудеса *Его* и правда *Его* въ земли забвенѣй (забвенія)? (87, 11, 13). Яко нѣсть въ смерти поминаяй *Его* (памятованія о Немъ), во адѣ (гробѣ) же кто исповѣстся *Ему* (6, 6)?

Предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся. Сего ради возвеселися сердце мое, и возрадовася языкъ мой: еще же и плоть моя вселится (упокоится) на упованіи. Яко не оставитъ душу мою во адѣ, ниже дастъ преподобному своему видѣти истлѣнія (15, 8—10) (*). Обаче (напротивъ того) Богъ избавитъ душу мою изъ руки адовы, егда (ибо онъ) пріемлетъ мя (48, 16). Азъ же правдою явлюся лицу *Его*. (16, 15). Вселюся въ селеніи *Его* во вѣки: покрыюся въ кровѣ крилъ *Его* (60, 5).

(*) Сіи слова изречены Давидомъ въ пророческомъ духѣ объ Іисусѣ Христѣ, и надъ Нимъ сбылись совершенно въ сошествіи Его во адъ по смерти и воскресеніи (Дѣян. 2, 30. 31). Но конечно имѣютъ приложеніе и къ лицу самаго Давида, подобно какъ и большая часть другихъ его пророчествъ, такъ какъ и самъ онъ былъ прообразомъ Іисуса Христа.

СЛОВО

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Вси потоцы идутъ въ море, и море нѣсть насыщаемо; на мѣсто, аможе потоцы идутъ, тамо возвращаются ити (Еккл. 1, 7).

Христіане братія! прилично воспомянуть нынѣ это изреченіе богомудраго Соломона, когда мы провели одинъ и нѣсколько уже годовъ, и по благости Царя вѣковъ, Владыки жизни нашей, вступили въ годъ новый. Не кажется ли всякому, какъ сходно теченіе нашей жизни съ теченіемъ потоковъ водныхъ, идущихъ въ море? Точно въ море, въ безбрежный океанъ вѣчности, протекли и протекаютъ всѣ наши годы и дни; но возвращаются ли они, какъ, по замѣчанію Соломона, возвращаются потоки водъ идти тудаже, аможе идутъ?—Видимъ здѣсь разительное сходство и вмѣстѣ несходство. Чтожъ? И то и другое пусть будетъ намъ урокомъ для новаго года и пусть заставитъ насъ поискать высшихъ потоковъ жизненныхъ, которые никогда не уходили бы отъ безсмертной души нашей, какъ уходятъ невозвратно потоки нашихъ дней и лѣтъ.

Вси потоцы идутъ въ море. Идутъ безостановочно и дни наши, идутъ въ море вѣчности, и подобно потокамъ водъ непрестанно измѣняютъ видъ свой, а часто и направленіе. Въ рѣкѣ или источникѣ въ каждое мгновеніе одна струя смѣняется другою: такъ въ жизни нашей видоизмѣняются мысли, чувствованія, желанія и всѣ наши дѣйствія, и уже не то на прим. въ мысляхъ у насъ теперь, что было за нѣсколько мгновеній. Потокъ то тихо катитъ струи свои, то стремительно и съ шумомъ; одинъ разъ свѣтелъ и чистъ, въ другой—мраченъ и мутенъ. Не такъ ли и съ жизнію? То блещетъ она минутными радостями, то возмущается скорбями; то спокойны мы и мирны, то кипимъ страстями, увлекаемся душевными порывами. Всѣ потоки наконецъ, по видимому, исчезаютъ въ морѣ, и ихъ уже не видимъ. А что же море? ***Море нѣсть насыщаемо.*** Оно влечетъ къ себѣ все новые и новые потоки, которые въ немъ опять скрываются отъ глазъ нашихъ, а море все кажется однимъ и тѣмъ же, по своему необъятному пространству. Не такъ ли и вѣчность поглощаетъ всѣ наши дни и годы? Не поглотила ли она уже милліоны потоковъ жизни человѣческой? И гдѣ теперь наши прародители, наши отшедшіе братія и сестры? Вѣчность всѣхъ приняла ихъ и сокрыла отъ очей нашихъ на вѣки, а между тѣмъ и насъ влечетъ къ себѣ всѣхъ до единаго. Устье у этого моря—смерть, а самому морю нѣтъ предѣловъ, и это море нѣсть насыщаемо.

Что же это за жизнь, братія моя? Есть ли въ насъ сила жизни? не больше ли сила смерти? Такъ! Смерть родится вмѣстѣ съ нашею жизнію, борется съ нею безпрестанно, вырываетъ у нея всѣ блага и радости своими сподвижницами—болѣзнями и печалями, а наконецъ и всю эту жизнь и всѣ ея блага отнимаетъ у насъ безвозвратно. Смотри, человѣкъ, смерть уничтожаетъ и всѣ твои земные замыслы, всѣ предначертанія и надежды: для чегожъ ты такъ сильно привязываешься къ этой скоротечной жизни? Для чего ищешь на землѣ своего счастія? ***Изыдетъ***, сказано, ***духъ*** человѣка; ***и возвратится*** владыка земли ***въ землю свою: въ той день погибнутъ вся помышленія его*** (Пс. 145, 4), а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ блага его.—Христіанинъ! помышляй о лучшей жизни и объ истинномъ, высочайшемъ благѣ твоемъ, о которомъ возвѣщаетъ тебѣ св. вѣра.

Но пойдемъ далѣе за потоками водъ, и посмотримъ, по указанію Соломона, на судьбу ихъ въ самомъ морѣ. *На мѣсто, аможе потоцы идутъ, тамо возвращаются ити.* Премудрое и преблагое это устройство Творца въ природѣ внѣшней. Что было бы, еслибъ море все поглощало, и ничего не возвращало? Всѣ наши рѣки и источники скоро оскудѣли бы, и наконецъ оставили бы намъ одинъ песокъ и сухую землю. Но вотъ они текутъ вѣки, и не престаютъ напаять насъ и все живущее на землѣ. Какъ же это? Не погубляетъ потоковъ море, но принятыя и смѣшанныя съ своими воды, то путями подземными какъ бы процѣживая, то чрезъ насосы воздушные, въ испареніяхъ и облакахъ, перечищая, возвращаетъ ихъ землѣ, и вознаграждаетъ все, что у насъ беретъ. Дивная заботливость у Владыки тварей о средствахъ нашей жизни земной! Почтоже, о Боже духовъ и всякія плоти, Ты не такъ поступаешь съ жизнію нашихъ душъ безсмертныхъ, носящихъ твой образъ? Почто не повелѣваешь морю вѣчности возвращать на землю, принятые имъ потоки жизни человѣческой? Души отшедшихъ отъ насъ отцевъ и братій, вѣрно, желали бъ возвратиться въ эту жизнь хотя на одинъ день; но уже нѣтъ возвратнаго пути для нихъ! Потоки нашей жизни на мѣсто, аможе идутъ, уже не возвращаются ити...

Что сказалъ бы въ разрѣшеніе такихъ недоумѣній нашъ разумъ, оставленный самому себѣ? Ничего не знаетъ онъ, что дѣлается тамъ съ отшедшими душами, и что будетъ съ ними! Обратимся къ св. вѣрѣ, братія. Она говоритъ намъ между прочимъ: по правосудію и благости Божіей есть возвратный путь для всѣхъ умершихъ; всѣ они тамъ ждутъ единаго вселенскаго возвращенія — общаго воскресенія мертвыхъ въ послѣдній день. *Грядетъ часъ, въ оньже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотворшіи благая въ воскресеніе живота, а сотворшіи злая въ воскресеніе суда* (Іоан. 5, 28. 29). Послѣ сего то послѣдняго дня послѣдуетъ день нескончаемый, потечетъ истинная жизнь человѣческая на обновленной и прославленной землѣ, потечетъ уже не при свѣтѣ солнца и луны, а при свѣтѣ славы Божіей (Апок. 21, 23). Этотъ великій потокъ произведетъ *рѣка животная, исходящая отъ престола Божія и Агнца* (22, 1), потокъ текущій не въ море, все поглащающее и ничего не возвращающее, но въ безпредѣльный океанъ любви Божіей и блаженства, болѣе возвращающій, нежели пріемлющій. Не будетъ тамъ и того непостоянства, тѣхъ измѣненій въ жизни, на которыя мы жалуемся здѣсь: *и отъиметъ Богъ всяку слезу отъ очію* избранныхъ своихъ, и *смерти не будетъ ктому, ни плача ни вопля не будетъ ктому* (— 21, 4). А что будетъ съ осужденными и отверженными? Потокъ жизни ихъ низвержется въ преисподнюю, на вѣки сокроется отъ лица праведныхъ, и будетъ не жизнію, а смертію безконечною.

О вѣра божественная! Какъ вожделѣнно то, что обѣщаешь ты своимъ вѣрнымъ исповѣдникамъ и какъ страшно, чѣмъ угрожаешь невѣрнымъ! — И вѣра евангельская, братія, свята, права, непреложна: *небо и земля мимоидетъ, словеса же ея не мимо идутъ* (Матѳ. 24, 35). Но она вмѣстѣ и блага, блага въ самыхъ угрозахъ своихъ, ибо хощетъ спасти насъ, и указываетъ вѣрныя средства избѣгнуть погибели вѣчной. Мало сего: она открыла уже самый источникъ истинной жизни, подаетъ ее, — здѣсь подастъ вѣрующимъ. Вотъ что говоритъ намъ она: »Превратною волею вашею, чада Адама падшаго, еще во времена первыя, загражденъ для васъ потокъ блаженной жизни, и никто изъ васъ не могъ воз-

вратить его. Одна вѣчная благость могла это сдѣлать, и содѣлала въ единородномъ Сынѣ Божіи, который для сего пріобщился вашей плоти и жизни, и безсмертный по естеству божественному пріялъ за васъ смерть по человѣчеству. Онъ-то, послѣ страшной смерти своей, одинъ могъ возвратиться и возвратился съ жизнію полною, всесовершенною, и эту жизнь свою содѣлалъ для васъ источникомъ новой жизни. Отверзите сосуды душъ вашихъ, и исполнитесь этою жизнію.« И—благодареніе, вѣчное благодареніе, Искупителю!—Всѣ мы, христіане, уже пріяли жизнь благодатную, отъ Источника жизни и благодати, пріяли еще въ св. крещеніи, пріяли вѣрное начало спасенія; ибо сказалъ самъ Господь: *иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ* (Мат. 16, 16). Мы уже всѣ родились водою и духомъ для новой жизни, безъ чего, какъ увѣряетъ единый вѣрный и истинный, никто *не можетъ внити въ царствіе Божіе* (Іоан. 3, 5). Такъ бр. потокъ жизни чистой, невинной, какой текъ для человѣка въ раю земномъ, но былъ потерянъ Адамомъ первымъ, возвращенъ для насъ и съ преизбыткомъ возвращенъ Адамомъ вторымъ; ибо какъ говоритъ Апостолъ: *бысть первый человѣкъ Адамъ въ душу живу, послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ* (1 Кор. 15, 45). Возвращенъ потокъ жизни ни вмѣстѣ съ нами въ море блаженной вѣчности, какъ самъ Господь нашъ глаголетъ: *вода, юже Азъ дамъ* вѣрующему, *будетъ въ немъ источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. 4, 14).

Но что дѣлать, святая Вѣра, божественная наставница и утѣшительница наша, когда и этотъ источникъ мы теряемъ по грѣхамъ нашимъ? Давно потеряли мы чистоту и невинность младенческую; кто возвратитъ святую, благодатную жизнь намъ, мертвымъ согрѣшеніями? — Внимаемъ, бр., какъ посланница небесная опять утѣшаетъ насъ. »Побѣдитель грѣха и смерти силенъ возвратить вамъ и жизнь святости, вами потерянную. *Аще кто согрѣшитъ, ходатая имамы ко Отцу, Іисуса Христа праведника, и той есть очищеніе грѣховъ* вашихъ (1 Іоан. 2, 1. 2). Только *востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ* (Еф. 5, 14). О Немъ сказалъ Пророкъ: *Той обратитъ и ущедритъ ны и погрузитъ неправды наши, и ввержетъ во глубины морскія вся грѣхи наша* (Мих. 7, 19)«. Вѣруйте, говоритъ слово Божіе, уповайте на единственнаго Ходатая вашего и имѣйте *печаль яже по Бозѣ*, которая *покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣлуваетъ* (2 Кор. 7, 10). Такъ возвратится источникъ жизни Божіей и къ величайшему грѣшнику! — О благость неизреченная! кто не преклонится предъ тобою всѣмъ существомъ своимъ? кто не облобызаетъ милующую всѣхъ десницу твою? Смотри, грѣшникъ, ты уже не можешь возвратить своего прошедшаго, чтобы тамъ на мѣсто грѣховъ твоихъ поставить что нибудь доброе. Можешь, пожалуй, говорить и жаловаться съ Іовомъ: *кто мя устроитъ по мѣсяцемъ прежнихъ дней, въ нихже мя Богъ храняше?* (29, 2) Но мѣсяцевъ невиннаго младенчества никто въ цѣломъ мірѣ не въ состояніи возвратить тебѣ. Не возвратятся къ тебѣ и годы юности, когда ты впервый разъ осквернилъ себя грѣхами, не возвратятся, чтобъ ты исправилъ въ нихъ самаго себя! Но внимай: *невозможная отъ человѣкъ возможна суть отъ Бога* (Лук. 18, 27). Всемогущій въ любви и милосердіи возвращаетъ тебѣ прежнюю невинность и святость, какую получилъ ты въ таинствѣ св. крещенія, возвращаетъ, можно сказать, самое время для лучшей жизни. Такова сила таинства покаянія! Это обильнѣйшій источникъ благодати, въ про-

долженіе нашей жизни, многократно возвращающій намъ духовную жизнь. Безконечная благость соединяетъ съ нимъ и другой источникъ — *источникъ безсмертія*, по выраженію св. Церкви, — святѣйшее таинство причащенія. Чего же еще желаешь, коснѣющій въ своей грѣховной смерти, грѣшникъ? Помни, всѣ сіи источники благодатные прекратятся для тебя на вѣки, если ты не воспользуешься ими, какъ должно, въ настоящей жизни.

Братія — христіане! Будемъ смотрѣть и на этотъ новый годъ, нынѣ наставшій, какъ на новый источникъ благодати, какъ на возвращаемое намъ лѣто спасенія. Будемъ посему крайне дорожить этимъ незаслуженнымъ, великимъ даромъ Божіимъ и постараемся въ немъ сотворить все, что можемъ и должны для нашего спасенія, для блага святой вѣры и отечества.

Да будетъ въ насъ этотъ новый потокъ жизни нашей потокомъ дѣлъ благихъ, а не злыхъ, потокомъ, который прежде насъ потекъ бы въ море любви вѣчной и обратилъ бы къ намъ новые потоки благодатныхъ силъ и дарованій. — Замѣтимъ, бр., особенную знаменательность этого новаго года. Онъ очень рано, гласомъ Церкви, будетъ приглашать насъ къ таинству покаянія; ибо неболѣе какъ чрезъ 10 дней услышимъ мы въ Церкви пѣснь покаянія, напоминаніе о близкомъ великомъ постѣ. *Покаянія отверзи намъ двери, Живодавче*, отверзающій нынѣ всѣмъ новое лѣто, и *да утренюетъ*, да поспѣшаетъ духъ нашъ *ко храму святому твоему*, да поспѣшаетъ съ вѣрою и жаждою своего спасенія. Аминь.

О ЗНАЧЕНІИ ЦЕРКОВНАГО МОЛИТВОСЛОВІЯ ВЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

Благословиши вѣнецъ лѣта благости Твоея, Господи!

Въ день новаго лѣта, въ домахъ нашихъ слышатся обыкновенно желанія другъ другу временныхъ благъ — счастія земнаго: но что пользы въ нашихъ желаніяхъ, когда мы не имѣемъ средствъ исполнить ихъ? *Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть сходяй отъ Отца свѣтовъ.* А потому, самое естественное настроеніе чувствованій каждаго христіанина въ день новолѣтія по преимуществу должно быть молитвенное, каковое и старается дать намъ св. Церковь, принося нынѣ во храмѣ теплое и усердное моленіе къ Господу Богу. Что собственно должно составлять предметъ нашей молитвы, это указуетъ Церковь въ нарочитомъ молебномъ пѣніи. Переводя насъ изъ одного лѣта въ другое, невѣдомое и закрытое отъ насъ, она не находитъ ничего лучшаго и успокотельнѣйшаго для чадъ своихъ, какъ молитвенно испросить *благословенія* у Того, Кто въ своей власти положилъ времена и лѣта, и Кто есть единый властелинъ нашего будущаго. Но почему именно она испрашиваетъ благословенія, и что заключается въ предметѣ ея молитвы?

Извѣстно, что отъ одного благаго слова Всемогущаго Творца зависѣло бытіе всего міра. *И рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ* — вотъ тайна, объясняющая возникновеніе изъ ничтожества всего существующаго. Но, получивши бытіе и жизнь силою одного всемогущаго слова, тварь нуждалась еще въ продолженіи жизни. Оно даруется опять въ благомъ словѣ, изреченномъ отъ Бога уже человѣку, какъ царю міра: *и благослови ихъ* (мужа и жену) *Богъ глаголя:*

растите́ся и множите́ся, *и наполните землю, и господствуйте ею* (Быт. 1, 28). Умноженіе беззаконій въ предпотопномъ мірѣ было причиною отъятія благословенія Божія отъ всего живущаго на землѣ,—а слѣдствіемъ сего — потребленіе всего живущаго водами потопа Но Господь послѣ потопа повторяетъ свое благословеніе родоначальнику новаго міра Ною: *и благослови Богъ Ноя, и сыны его. И рече имъ: растите́ся и множи́теся, и наполните землю и обладайте ею* (Быт. 9, 1). Что показываетъ все это? То, что тайна жизни и продолженія жизни заключается въ одномъ благомъ изволеніи Божіемъ, или, что тоже: *въ благословеніи*. Каждому изъ насъ, начинающему новое лѣто, желательно прожить его, воспользовавшись всѣми дарами жизни. Но желаніе могло бы остаться только желаніемъ, если бы посредница между Богомъ и нами, св. Церковь не давала пособія къ исполненію нашихъ желаній, не призывала молитвенно благословенія Божія.

Что-же именно заключается въ предметѣ ея моленія? Возстановленіе всемогущею силою Божіею того, что разрушаютъ наши грѣхи и беззаконія. *Живу Азъ*, увѣряетъ клятвенно милосердый нашъ Господь, *не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* — вотъ положительная воля и опредѣленіе о насъ Божіе. Это значитъ, что Господь, какъ нѣжнѣйшій Отецъ, хощетъ, чтобы все, получившее отъ Него жизнь, было счастливо и веселило взоры Его. Но наша нераскаянность и упорство во грѣхахъ безпрерывно портятъ картину счастія въ великомъ лому Божіемъ. Мы несчастны сами; дѣлаемъ несчастною и окружающую насъ природу, которая изъ-за насъ повинулась суетѣ и съ нами совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ. Наши беззаконныя дѣла распространяютъ проклятіе на все, къ чему не прикасаются онѣ. Нужно всемогущество Божіе, чтобы уничтожить дѣйствіе нравственнаго яда и дать возможность жизни совершать свое теченіе. Сію-то всемогущую силу, сіе-то божественное врачество, какъ для насъ такъ и для окружающей насъ природы, испрашиваетъ св. Церковь при наступленіи каждаго лѣта.

Какъ слѣдовательно необдуманно поступаютъ тѣ, которые день новаго лѣта проводятъ больше въ суетѣ, чѣмъ въ молитвѣ; строго, до усталости выполняютъ условія общежитія, торопятся изъ дома въ домъ высказать свои благожеланія, и въ тоже время нисколько не заботятся о важнѣйшей и существенной обязанности — объ участіи въ торжественномъ моленіи Церкви, совершаемомъ во храмахъ! А что сказать о томъ обычаѣ, который канунъ новаго лѣта, время, посвященное, по чиноположенію Церкви, на всенощное бдѣніе, обращаетъ въ пиршества и увеселенія, часто весьма недостойныя христіанина... Не суетнымъ веселіемъ прилично начинать день, который, безъ благословенія Божія, можетъ послужить началомъ длиннаго ряда событій скорбныхъ и тяжелыхъ для души. Кто знаетъ, что можетъ случиться въ продолженіе цѣлаго лѣта; сколько горькихъ утратъ придется испытать бѣдному сердцу! И кто знаетъ, удостоитъ ли Господь и прожить цѣлое лѣто какъ бы-то ни было! Все въ рукахъ Божіихъ,—и все закрыто пеленой неизвѣстности. Поэтому не лучше ли, при такой неизвѣстности, молиться и просить ожидаемыхъ благъ отъ Того, Кто владѣетъ ими и раздаетъ ищущимъ и требующимъ, и не ожидать дерзновенно, какъ чего-то неотъемлемаго, принадлежащаго намъ по праву, или въ упоеніи и какомъ-то забвеніи о высшемъ назначеніи человѣка бросаться въ текущій потокъ времени, безъ слова молитвы на устахъ, какъ въ нѣкую бездну?...

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

113) Послушай премудраго и святаго отца нашего Іоанна Златоустаго, какъ бесѣдуетъ онъ къ намъ о суетномъ житіи семъ:— оставившіе суетныя и тлѣнныя блага житейскія не обращайте къ нимъ опять сердца. Богатство минуется, слава преходитъ и исчезаетъ, какъ тѣнь. Суета суетствій — всяческая суета! — Обаче всуе мятется человѣкъ, сокровиществуетъ, и не вѣсть кому соберетъ я. Любящіе блага мірскія по истинѣ всуе мятутся, всуе подъемлютъ труды и подвергаются бѣдствіямъ, собирая то, что вналѣ должно исчезнуть, и чего не могутъ они взять съ собою: ибо все оставятъ здѣсь, и нагими отыдутъ на страшное судилище Христово, какъ нагими родились. Хотя бы кто собралъ здѣсь всѣ сокровища міра, нагъ и бѣденъ, сокрушенъ и смиренъ, въ страхѣ и трепетѣ востанетъ на то страшное зрѣлище—на нелицепріятный и неподкупный судъ, гдѣ трубятъ ангелы, поставляются престолы, раскрываются книги дѣяній нашихъ, течетъ рѣка неугасимаго огня, гдѣ червь неусыпающій, тма кромѣшная, тартаръ страшный, гдѣ неумолчный скрежетъ зубовъ, непрестанныя стенанія и неутѣшный плачь, гдѣ нѣтъ смѣха, но непрестанное рыданіе, гдѣ нѣтъ свѣта, но непроницаемая тма, нѣтъ согласнаго пѣнія, но стоны и вопли.—Страшно поистинѣ и слышать, но сколь страшнѣе будетъ видѣть своими очами всю тварь, мгновенно возставшую и дающую отчетъ о всякомъ словѣ, дѣлѣ и помышленіи, о всемъ, кто въ чемъ согрѣшилъ.— Великъ будетъ тогда страхъ, добрая сестра моя, великъ трепетъ, добрая моя Ѳеодора, каковаго еще не было доселѣ и не будетъ до самаго того часа! Трубятъ страшныя трубы, солнце меркнетъ, звѣзды падаютъ, небо свивается, силы небесныя подвигаются и судъ готовится. — О страхъ, о трепетъ, о нужда въ часъ неизбѣжнаго предстанія судилищу!

114) Послушай, что говоритъ Даніилъ: *зряхъ, дондеже престоли поставишася и Ветхій деньми сѣде.... престолъ его пламень огненный, колеса его огнь палящъ. Рѣка огненная течаше исходящи предъ Нимъ: тысящи тысящь служаху Ему, и тмы темъ предстояху Ему: судище сѣде и книги разверзошася. Вострепета духъ мой въ состояніи моемъ, азъ Даніилъ. и видѣнія главы моея смущаху мя* (7, 9 10 17).— Увы добрая госпожа! Пророкъ вострепеталъ, увидѣвъ одно видѣніе будущаго суда: что же будетъ тогда съ нами бѣдными, когда предстанемъ на него самымъ дѣломъ, когда отъ востока до запада соберутся всѣ языки, и дѣла каждаго — съ нимъ?—Тогда тѣ, коихъ дѣла добры. св. женъ и мучениковъ, будутъ радоваться и веселиться, а тѣ, коихъ дѣла злы, подобно мнѣ грѣшному, будутъ плакать и стенать, но, увы, безъ всякой пользы. Гдѣ тогда родители? Гдѣ отецъ и мать? Гдѣ сродники и други? Гдѣ величавость царей, и сила вельможъ?— Гдѣ тираны и властители?—Гдѣ рабы и рабыни?—Гдѣ нарядность одеждъ, и красота лицъ?— Гдѣ вообще вся пышность мірская?—Гдѣ невѣрующіе часу тому, и говорящіе: да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ? Гдѣ говорящіе: дай мнѣ нынѣ и возми завтра? — Гдѣ говорящіе: насладимся здѣсь, а о тамошнемъ посмотримъ послѣ? Гдѣ говорящіе: человѣколюбивъ Богъ, и не будетъ мучить грѣшниковъ?— Сколько будутъ раскаяваться говорящіе такъ? Восплачутъ, и не будетъ утѣшающаго, возстенятъ, и не будетъ милующаго!— Сами себя начнутъ они обличать, говоря: уты! увы! Погубили мы себя! Слушали слова, и не внимали; были учимы, и не уразумѣли; принимали свидѣтельства, и не вѣрили: положились на разумъ, и заблудились.

Праведенъ на насъ судъ Божій. Достойно и праведно предаетъ Онъ насъ мукамъ, что ради суетной и тлѣнной славы презирали славу Божію. — Напротивъ, добрая госпожа моя, тогда возрадуются ни во что вмѣнявшіе все мірское; восторжествуютъ истончившіе плоть свою пощеніемъ и блѣніемъ, очистившіе душу безмолвіемъ и молитвою, и обогатившіеся всѣми добродѣтелями. Тогда плакавшіе здѣсь о грѣхахъ своихъ будутъ тамъ веселиться вѣчно; а нерадивые и безпечные отыдутъ въ муку вѣчную. — Потому, госпожа моя, покаемся достойно и мы, прежде нежели постигнетъ насъ послѣдній конецъ, чтобъ и намъ не вопіять вмѣстѣ съ неразумными тѣми: увы!— нынѣ же покаемся; ибо не знаемъ, что родитъ находящій день. — Убезмолвимся, прежде нежели придетъ тать душъ нашихъ, то есть, смерть. — Потечемъ, добрая сестра моя, пока есть время; пробудимся отъ сна безпечности и нерадѣнія о душахъ нашихъ; воздѣмъ руки свои къ могущему спасти насъ, и скажемъ: Іисусе! спаси ны, погибаемъ!—Потщимся,—прежде нежели зайдетъ солнце, прежде нежели заключится дверь, прежде нежели застигнетъ ночь. Поздо будетъ браться за дѣло, когда постигнетъ конецъ жизни. Потечемъ убо! Нужно тещи, и тещи быстро, да постигнемъ,— чтобъ опоздавши не услышать и намъ: не вѣмъ васъ. Убезмолвимся, умоляю тебя, начнемъ путь добродѣтели, да въ день суда обрящемъ милость у праведнаго Судіи. Время близъ, преклоняется день, видны знаменія смертной ночи! Потщимся! Тогда взыщетъ грѣшникъ одного часа на покаяніе, и не обрящетъ.— Горе грѣшнику и нерадивому! Ибо послѣдняя его зрятъ во дно адово.—Горе не вѣрующему и не кающемуся! Ибо его ожидаетъ горькое содружество въ адскихъ мукахъ съ бѣсами. —Потерянныя золото и сребро, можетъ быть, можно еще найти, а потерянnаго времени жизни никакъ уже не возвратишь, добрая сестра моя.—Не пожалѣемъ же плоти, но сокрушимъ ее; ибо Христосъ ублажаетъ алчущихъ, жаждущихъ и плачущихъ ради Его.—Тѣло есть прахъ: придетъ день неотлагаемый и часъ урочный,—земля обратится въ землю, и прахъ опять станетъ прахомъ. Не будемъ прельщаться легкомыслiемъ! Великъ страхъ, госпожа моя, въ часъ смерти, страшна минута разлученія души съ тѣломъ, неописанна нужда, когда умолкнетъ гласъ, свяжется языкъ, и не будетъ силенъ произнести ни одного слова. Только очи свои будетъ обращать тогда человѣкъ туда и сюда,—хотѣлъ бы сказать что, но языкъ неповинется. —Все сіе не безъизвѣстно самой тебѣ, госпожа моя; потому изъ многаго немногое только напомнилъ я твоей во Христѣ любви. —Аще *хощете, и послушаете Мене, глаголетъ Господь, благая* царствія небеснаго *снѣсте*: аще же не хощете, ни послушаете Мене, мечь вы поястъ!—Не мое слово сіе, но пророческое,—великаго въ пророкахъ Исаіи.—Такъ если и ты не послушаешь моей бѣдности, бремя на тебѣ!—Но если съ богатствомъ добродѣтелей ты отыдешь отъ житія сего, радуйся; ибо войдешь въ чертогъ небеснаго Жениха со святыми Ангелами.

Съ дозволенія Духовной Цензуры 16-го Декабря 1857 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 41.

НЕДѢЛЯ ПО ПРОСВѢЩЕНІИ И О МЫТАРѢ И ФАРИСЕѢ.

12 ЯНВАРЯ 1858 г.

Гласъ 8-й.

На утрени евангеліе воскресное 11-е, Іоан. зач. 67. На литургіи: апост. Ефес. зач. 224. 2 Тим. зач. 296, еванг. Матѳ. зач. 8. Лук. зач. 89.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

О ТОМЪ, КАКЪ НЕОБХОДИМО ВЛАДѢЛЬЦАМЪ СЕЛЪ ПЕЩИСЬ ОБЪ УСТРОЕНІИ ВЪ НИХЪ ХРАМОВЪ БОЖІИХЪ.

Многіе имѣютъ села и деревни, но не заботятся и нисколько не пекутся о нихъ. О томъ, какъ бы устроить баню, какъ увеличить доходы, какъ устроить дворы и жилища, они заботятся много; а о томъ, какъ бы воздѣлать души (поселянъ), нисколько. Когда ты видишь на полѣ терніе, то исторгаешь, жжешь, уничтожаешь его, чтобы очистить землю отъ этого вреда: но видя самыхъ земледѣльцевъ исполненныхъ терніемъ, не исторгаешь его. Неужели, скажи мнѣ, ты не боишься и не трепещешь Того, который потребуетъ отъ тебя отчета за нихъ? Не долженъ ли каждый изъ (такихъ) вѣрующихъ построить церковь, пригласить учителя въ помощь себѣ, и заботиться прежде всего о томъ, чтобы всѣ были добрыми христіанами? Какимъ образомъ, скажи мнѣ, земледѣлецъ будетъ христіаниномъ, когда онъ видитъ, что ты такъ нерадишь о его спасеніи? Но ты не можешь творить знаменій и учить? Учи ихъ тѣмъ, чѣмъ можешь: человѣколюбіемъ, предстательствомъ, кротостію, ласками и всѣмъ другимъ. Рынки и бани строятъ многіе, а церквей не строятъ, и скорѣе все (сдѣлаютъ), нежели это. Посему убѣждаю, умоляю и прошу (какъ) милости, или лучше — поставляю закономъ, чтобы никто не имѣлъ села безъ церкви. Не говори мнѣ: (церковь) есть близко, у сосѣдей; (съ нею) много расходовъ, не много доходовъ. Если ты имѣешь что-нибудь удѣлять нищимъ, то употреби это на нее; лучше на это, нежели на то; содержи учителя, содержи діакона и священнослужительскій чинъ. Подобно тому,

какъ (ты дѣлаешь), когда берешь жену или невѣсту, или отдаешь дочь, такъ поступи и съ церковію: удѣли ей приданое. Такимъ образомъ село твое исполнится благословенія. Ибо какихъ не будетъ тамъ благъ? Не важно ли, скажи мнѣ, что гумно (твое) будетъ благословляться? Не важно ли, что отъ всѣхъ плодовъ твоихъ Богъ прежде всѣхъ будетъ принимать часть и начатки? Это полезно для мира земледѣльцевъ. За тѣмъ священникъ будетъ пользоваться уваженіемъ, и для села это послужитъ во спасеніе. Тамъ (будутъ совершаться) за тебя постоянныя молитвы, пѣснопѣнія и торжества и приношеніе (безкровной Жертвы) въ каждый день воскресный. Что болѣе достойно хвалы,— то ли, что другіе строятъ великолѣпныя гробницы, дабы послѣ нихъ говорили: такой-то построилъ ихъ; или то, что ты, воздвигнувъ жертвенникъ Богу, будешь имѣть воздаяніе до самаго пришествія Христова?

Скажи мнѣ: еслибы царь повелѣлъ тебѣ построить домъ, чтобы ему жить тамъ,—не сдѣлалъ ли бы ты всего (для этого)? Но зданіе церкви есть царственное жилище Христа. Не смотри на расходы, но подумай о плодѣ. Тѣ воздѣлываютъ землю: ты воздѣлывай ихъ души; тѣ приносятъ тебѣ плоды: ты возводи ихъ на небо. Кто полагаетъ начало, тотъ (бываетъ) виновникомъ и всего прочаго. Такъ и ты будешь виновникомъ (спасенія) оглашаемыхъ тамъ и въ ближайшихъ селеніяхъ. Бани дѣлаютъ земледѣльцевъ изнѣженными, корчмы—невоздержными; но не смотря на то, вы строите ихъ на славу. Рынки и сходбища (дѣлаютъ ихъ) безстыдными: а здѣсь все напротивъ. Ибо какъ (пріятно) видѣть священника, шествующаго подобно Аврааму, убѣленнаго сѣдинами, опоясаннаго, воздѣлывающаго землю и работающаго своими руками? Что вожделѣннѣе такого селенія? Здѣсь добродѣтель гораздо больше. Здѣсь нѣтъ распутства: оно отвергнуто; нѣтъ пьянства и объяденія: они изгнаны; нѣтъ тщеславія: оно оставлено; здѣсь радушіе больше сіяетъ отъ простосердечія. Какъ (пріятно) выходить и входить въ домъ Божій и сознавать, что самъ построилъ его, лечь отдохнуть и послѣ тѣлеснаго отдыха присутствовать при вечернихъ и утреннихъ молитвословіяхъ, пригласить къ своему столу священника, бесѣдовать съ нимъ, принимать благословеніе, видѣть, какъ и другіе идутъ туда! Это—стѣна, это—огражденіе селенія. Это—та нива, о которой сказано: *воня нивы исполнены, юже благослови Господь* (Быт. 27, 27). Если и безъ того село хорошо по тишинѣ и спокойствію, въ немъ господствующему: то, когда оно будетъ имѣть и это, съ чѣмъ сравнится? Подлинно, село, имѣющее церковь, подобно раю Божію. Нѣтъ тамъ ни крика, ни шума, ни разныхъ враговъ, ни ересей: всѣ являются друзьями, исповѣдующими одни и тѣже догматы. Тишина располагаетъ тебя къ любомудрію: священникъ, начавъ съ этаго любомудрія, легко уврачуетъ тебя. Ибо здѣсь все, что мы говоримъ, разсѣвается на торжищѣ; а тамъ, что ты услышишь (отъ него), твердо напечатлѣешь въ душѣ своей, и отъ того въ селѣ ты будешь другимъ (человѣкомъ). Онъ и тѣхъ (поселянъ) будетъ руководствовать и будетъ для нихъ стражемъ, какъ самымъ пребываніемъ (между ними), такъ и вразумляя ихъ. А какіе расходы, скажи мнѣ? Ты построй сначала небольшой домъ въ видѣ храма; кто нибудь послѣ тебя построитъ притворъ, а другой послѣ него прибавитъ еще что-нибудь, и такимъ образомъ тебѣ вмѣнится все. Ты даешь не многое, а получаешь воздаяніе за все. Итакъ, сдѣлай начало, положи основаніе, или, лучше, убѣждайте другъ друга, соревнуйте между собою въ этомъ дѣлѣ. Мѣста, гдѣ надобно хранить мякину, рожь и

все подобное, устрояютъ со всѣми удобствами; а гдѣ надобно собирать плоды духовные, о томъ нисколько не заботятся, но принуждаютъ себя проходить тысячи стадій и предпринимать дальнія путешествія, чтобы придти въ церковь. А какъ хорошо, когда священникъ съ совершеннымъ спокойствіемъ приходитъ въ церковь, чтобы приступить къ Богу и каждый день молится о селѣ, о создателѣ (храма)! Не важно ли, скажи мнѣ, что твое имя будетъ постоянно поминаться въ священнодѣйствіяхъ и каждый день будутъ совершаться о селѣ молитвы къ Богу? Сколько это принесетъ тебѣ пользы и въ другихъ отношеніяхъ! Село будетъ свободно отъ всякаго дурнаго нареканія; никто не станетъ обвинять его ни въ убійствѣ, ни въ воровствѣ, ни подозрѣвать въ чемъ нибудь подобномъ. Будутъ имѣть (поселяне) отъ сего и другое утѣшеніе, когда приключится кому болѣзнь или смерть. Не безъ пользы и не какъ случилось будутъ вести дружбу посѣщающіе другъ друга; и собранія будутъ гораздо пріятнѣе, нежели на (народныхъ) праздникахъ. И не только собранія, но и сами старѣйшины будутъ болѣе уважаемы ради священника. Ты конечно слышалъ, что Іерусалимъ у древнихъ былъ почитаемъ болѣе всѣхъ другихъ городовъ: и не безъ причины, но потому, что (въ немъ) тогда господствовало благочестіе. Гдѣ почитаютъ Бога, тамъ нѣтъ ничего худаго; а напротивъ, гдѣ не почитаютъ Его, тамъ нѣтъ ничего добраго. Такъ будетъ (тамъ) великое благосостояніе и по отношенію къ Богу, и по отношенію къ людямъ. Посему увѣщеваю васъ—не небрежно, но усердно приняться за это дѣло. *Ибо если изводящій честное отъ недостойнаго, яко уста Божіи будетъ* (Іер. 15, 19); то приносящій пользу и спасеніе столь многимъ душамъ, которыя теперь существуютъ и которыя еще будутъ до пришествія Христова, какого благословенія не удостоится отъ Бога? Поставь твердыню противъ діавола; ибо это и есть церковь. Оттуда пусть простираются руки (поселянъ) на трудъ; прежде пусть простираютъ ихъ на молитвы, а потомъ идутъ на работу. Такимъ образомъ будетъ у нихъ и тѣлесная сила, и земледѣліе будетъ успѣшно, и всѣ бѣдствія будутъ чужды имъ. Невозможно выразить словомъ происходящаго оттуда удовольствія, пока оно не будетъ испытано на дѣлѣ. Не на то смотри, что церковь не принесетъ никакого дохода. Если такъ смотришь, то лучше совсѣмъ не приступай къ дѣлу. Если не такъ думаешь, то и не дѣлай,—если не считаешь этого дѣла выше всего. Что выше этого пріобрѣтенія—вводить души въ житницу небесную? Жаль, что вы не знаете, сколь важно пріобрѣтать души. Послушай, что говоритъ Христосъ Петру: *аще любиши Мя, паси овцы моя* (Іоан. 21, 16). Если бы ты, увидѣвъ, что царскія овцы или лошади (скитаются) внѣ затвора и подвергаются опасности, самъ построилъ для нихъ затворъ и конюшню, или даже приставилъ пастуха къ нимъ: то чѣмъ не вознаградилъ бы тебя царь? Здѣсь ты собираешь стадо Христово и приставляешь къ нему пастыря, и неужели, думаешь, совершаешь дѣло не важное? Но что я говорю? Если соблазняющему и одного (человѣка) угрожаетъ такое наказаніе (Лук. 17, 2); то спасающій столь многихъ людей, скажи мнѣ, неужели не спасется? Безъ сомнѣнія, спасется. Ибо какой грѣхъ будетъ за нимъ? А если какой и будетъ, то не простится ли ему? Изъ наказанія соблазняющему познай воздаяніе спасающему. Если бы для Бога не было вожделѣнно спасеніе и одной души; то погубленіе ея не подверглось бы такому гнѣву Его. Итакъ, зная это, примемся за это духовное дѣло. Если будутъ

три владѣльца, то пусть дѣлаютъ это общими силами; а если одинъ, то пусть убѣждаетъ къ тому и другихъ сосѣдей. Только, увѣщаваю васъ, постарайтесь сдѣлать это, чтобы во всемъ благоугождая Богу, сподобиться намъ вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О ПАСТЫРСКОМЪ РУКОВОДСТВОВАНІИ ПАСОМЫХЪ.

(Окончаніе)

ПОПЕЧЕНІЕ О ДѢТЯХЪ.

10) Особенное попеченіе приходскій пастырь долженъ имѣть о дѣтяхъ своихъ прихожанъ. Въ духовномъ образованіи дѣтей онъ можетъ имѣть самый вѣрный залогъ благоустроенія своей паствы; потому что юное поколѣніе, возросшее подъ его отеческимъ руководствомъ и наблюденіемъ, будетъ понимать его и слѣдовать ему несравненно лучше, нежели тѣ, которые поступили подъ управленіе его въ совершенномъ возрастѣ, съ укоренившимися въ нихъ привычками и съ затвердѣвшими понятіями о вещахъ. Какъ въ цѣломъ народѣ и государствѣ на молодомъ поколѣніи всегда сосредоточиваютъ надежды или опасенія за будущее состояніе народа и государства, смотря потому, въ какихъ убѣжденіяхъ и правилахъ возрастаетъ это поколѣніе: такъ и въ каждомъ приходѣ, какъ въ маломъ мірѣ или государствѣ, дѣти всегда обѣщаютъ улучшеніе или упадокъ духовно-нравственнаго и самаго матеріальнаго состоянія паствы въ будущемъ, смотря по общему характеру ихъ воспитанія. Такимъ образомъ въ рукахъ самаго пастыря находится какъ бы ключь къ надлежащему направленію пасомыхъ, и онъ долженъ владѣть этимъ ключемъ съ надлежащимъ вниманіемъ и искуствомъ.

Въ настоящее время, по указанію и распоряженіямъ заботливаго правительства, въ отечествѣ нашемъ вездѣ устрояютъ школы для народнаго образованія. Какъ благодѣтельны эти учрежденія, объ этомъ нечего и говорить. Въ какомъ отношеніи они должны находиться къ приходскимъ пастырямъ, это зависитъ нѣсколько отъ условій учрежденія тѣхъ или другихъ училищъ народныхъ и отъ образа управленія ими. Но во всякомъ случаѣ, и по мысли правительства, и по естественному порядку дѣла, и по требованіямъ народнаго блага, пастыри должны имѣть самое близкое участіе въ ихъ состояніи и направленіи. Если они не всегда преподаютъ въ нихъ огласительное ученіе дѣтямъ; то всегда имѣютъ доступъ къ ученикамъ и обязаны имѣть постоянное вниманіе къ духовно-нравственному ихъ развитію. Гдѣ непосредственное вліяніе пастыря не можетъ быть постоянно; тамъ онъ можетъ дѣйствовать посредственно, раздѣляя съ начальниками и наставниками школъ попеченіе о наилучшемъ устройствѣ ихъ, какъ со внѣшней, такъ по преимуществу со внутренней стороны. Едва ли когда и гдѣ будутъ оспаривать у него эти права, которыя вмѣстѣ суть и существенныя его обязанности: доставало бы у него самаго усердія, ревности и опытности въ семъ случаѣ. Если же и встрѣтилось бы гдѣ нибудь нѣчто подобное; то онъ не только можетъ, но и долженъ употреблять всѣ законныя средства къ пріобрѣтенію или удержанію пастырскаго вліянія своего на дѣтей; потому что это — часть его

пастыы и часть — важнѣйшая, потому что здѣсь дѣло идетъ не о собственныхъ его выгодахъ, а объ истинномъ благѣ ввѣренныхъ ему душъ христіанскихъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ народныхъ училищъ или школъ, отъ правительства учрежденныхъ, пастырь самъ долженъ заботиться о средствахъ къ образованію юныхъ пасомыхъ своихъ. Приводимъ прекрасныя замѣчанія по этому предмету составителя *писемъ о должностяхъ священнаго сана*, высказанныя въ видѣ повѣствованія одного опытнаго и усерднаго пастыря о способахъ, какіе употреблялъ онъ для образованія дѣтей въ своемъ приходѣ. »При самомъ вступленіи моемъ на многолюдную и нравственно-одичалую сельскую паству, я замѣтилъ, что прихожане мои пріобыкли смотрѣть на священника, какъ на орудіе церковныхъ требъ, лишенное сочувствія къ скорбямъ и немощамъ ихъ, а потому чуждое всякой отвѣтственности за христіанское поведеніе ихъ. Желая искоренить прелубѣжденіе, столь душепагубное, я было началъ проповѣдывать нелѣпостно, еженедѣльно, но вскорѣ замѣтилъ, что меня покорно слушаютъ, но весьма слабо понимаютъ. Проповѣданіе мое уподоблялось *сѣянію на камени*, въ самую чащу волчцевъ и тернія. Сколько ни старался я бесѣдовать съ прихожанами вразумительно и просто, рѣчи мои оставались безплодными какъ сѣмя, брошенное на землю безъ предварительной обработки. Не приняться ли мнѣ за дѣтей, подумалъ я? Не поможетъ ли прилежное оглашеніе малолѣтныхъ и юношъ и дѣвицъ, которыхъ любвеобильный Пастырь душъ и Господь ввѣряетъ моему попеченію? Эта мысль, блеснувшая молніей въ умѣ моемъ, мгновенно воспламенила сердце мое ревностію. Но съ чего было начать?... Мнѣ нельзя было ожидать содѣйствія со стороны власти мірской къ открытію при церкви сельскаго училища, или сбору крестьянскихъ дѣтей ко мнѣ въ уреченные дни и часы. Надлежало дѣйствовать самому средствами духовными, убѣжденіемъ и ласкою, вовсе не опираясь на *мышцу плотяную* и внѣшнія пособія. — Сперва я заманилъ къ себѣ въ праздничные дни нѣкоторыхъ малютокъ, усердно подходившихъ ко кресту предъ отпустомъ для полученія просфоры и крестнаго цѣлованія. Маленькихъ гостей моихъ обучалъ я молитвамъ, объясняя имъ заповѣди Божіи, занималъ разсказами изъ священной Исторіи. Вскорѣ примѣру ихъ послѣдовали другія дѣти; тогда уже приступилъ я къ увѣщаніямъ въ церкви: склонялъ родителей къ тому, чтобъ они сами посылали ко мнѣ дѣтей своихъ, мальчиковъ въ воскресные дни, дѣвочекъ въ праздники, или по субботамъ предъ вечерней. Настала зима; благоразумные отцы и матери, удосужившись отъ полевыхъ работъ, не только стали посылать ко мнѣ дѣтей своихъ по будиямъ, но даже нѣкоторые просили позволенія съ ними посѣщать огласительныя собранія. Упорныхъ и закоснѣлыхъ прихожанъ не переставалъ я увѣщавать въ храмѣ и по домамъ, во время совершенія священныхъ требъ, но не дѣлалъ имъ нималѣйшаго упрека до тѣхъ поръ, пока наступилъ святый и великій постъ. Тогда, улучивъ пречестные дни покаянія, я рѣшился во время исповѣди строптивыхъ обличить, возбудить усыпленную совѣсть, заставивъ пользоваться предлагаемымъ ученіемъ, подъ опасеніемъ отвѣта предъ судомъ Того, *изъ Негоже всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется* (Ефес. 8, 15). Конечно, много мнѣ доводилось слышать *извиненій во грѣсѣхъ*; не малаго труда стоило уломать, усовѣстить крестьянъ, которымъ настойчивость моя казалась прихотью, несовмѣстною съ обычаями старины, съ разстояніемъ мѣстъ, погодою и ненастьемъ. Совсѣмъ тѣмъ, сходки крестьян-

ских дѣтей къ часамъ оглашенія обратились у насъ въ спасительную привычку. Около пяти лѣтъ боролся я съ духомъ лѣности и охлажденія, отстаивалъ права юныхъ христіанъ, вѣдался съ прикащикомъ и волостными старостами *собственно по дѣлу Божію: но побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша*, какъ говоритъ евангелистъ Іоаннъ (5, 4), и здѣсь, и *вмалѣ*, проявила силу свою. Вотъ уже 14 лѣтъ съ того благословеннаго дня, какъ оглашеніе лѣтей обоего пола въ селѣ нашемъ установилось. Мальчиковъ стараюсь я доучить, утвердить въ вѣрѣ, познаніи Христа и нетяжкихъ Его заповѣдей (1 Іоан. 5, 3) до вступленія каждаго въ списокъ рабочихъ душъ, барщиною обложенныхъ; дѣвочекъ, доколѣ онѣ не причисленны къ сонму невѣстъ.... Для достиженія цѣли выспренней и священной благодать Христова укрѣпляла и воодушевляла меня грѣшнаго, научала дѣйствовать независимо отъ случайныхъ пособій человѣческихъ, и наконецъ опытъ, *сынъ труда и лѣтъ*, увѣрилъ меня въ слѣдующихъ выводахъ: 1) въ сельскомъ быту достаточно воскресныхъ и праздничныхъ дней для оглашенія; 2) зимою возможно и должно усиливать живое законоученіе, по мѣрѣ досуга, которымъ пользуются прихожане; 3) должно стараться оканчивать оглашеніе на точкѣ перехода отъ отроческаго возраста къ юношескому; и наконецъ 4) сколь можно менѣе отвлекать дѣтей обоего пола отъ хозяйственныхъ занятій. Однимъ словомъ: *добро добрѣ творить*, примѣняясь къ обстоятельствамъ мѣстнымъ, но не порабощаясь ими: таковъ урокъ, свыше заданный ревностному Іерею! Ему заступникъ *Іисусъ Христосъ, Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24). Теперь, по дару Его, въ церкви у насъ *поютъ разумно*, слушаютъ съ умиленнымъ вниманіемъ, кое-что износитъ каждый съ собою изъ храма послѣ смиренныхъ проповѣдей моихъ. А что всего дороже, совѣты мои пріемлются и внѣ храма, и въ домахъ, и во всѣхъ приключеніяхъ многотрудной деревенской жизни: потому что юное поколѣніе чадъ моихъ привыкло понимать меня съ дѣтства, выросло подъ вліяніемъ моимъ и даже угадываетъ причины моего печальнаго безмолвія, когда кто либо изъ нихъ провинится (Письм. о долж. свящ. сана. Т. 2. Писм. 9)«.

Какъ преподавать дѣтямъ уроки Слова Божія? На что нужно обращать особенное вниманіе ихъ? Какой методъ наилучше употреблять пастырю въ оглашеніи ихъ? Какой характеръ вообще должно имѣть это оглашеніе?

Касательно предметовъ огласительнаго законоученія дѣтей надобно замѣтить слѣдующее:

а) Начинать оглашеніе, по указанію самой Церкви нашей, священною исторіею. Библейскія лица и событія скоро могутъ напечатлѣваться на свѣжей памяти дѣтей и вмѣстѣ съ тѣмъ живо занимать ихъ воображеніе и сердце. Истины догматическія и практическія внушаются при этомъ сами собою, хотя безъ системы и порядка; но какая нужда до системы тамъ, гдѣ имѣемъ дѣло не съ развитымъ разсудкомъ, а съ юною душею вообще, требующею пищи нѣжной и пріятной, принимающею всѣ впечатлѣнія по преимуществу сердцемъ, памятію и воображеніемъ? Особенно евангельскою исторіею надобно занимать и питать эти неиспорченныя души. Опытъ каждому можетъ указать, съ какимъ вниманіемъ, участіемъ и умиленіемъ сердечнымъ дѣти слушаютъ божественную повѣсть о земной жизни и страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа, о дѣяніяхъ безконечной Его любви и милосердія! Отъ Виѳлеема и до Голгоѳы, отъ Голгоѳы и до горы Елеонской, съ которой

вознесся Господь нашъ на небо, они будутъ слѣдить за повѣствованіемъ не только съ любознательностію, свойственною дѣтямъ, но и съ чувствами то живой любви и радости, то тихой и святой печали и сѣтованія. Образъ сладчайшаго Господа Искупителя нашего въ различныхъ положеніяхъ и состояніяхъ Его, будетъ представляться имъ въ божественномъ свѣтѣ величія, благости, долготерпѣнія, кротости, святости и славы, и это можетъ быть пред-*воображеніемъ* въ нихъ *Христа*. При этомъ надобно чаще читать съ ними самыя книги четырехъ евангелій: равно какъ и различныя мѣста изъ ветхозавѣтнаго писанія. Кто въ юности не ознакомится со святою Библіею, не успѣетъ полюбить чтенія слова Божія; тому трудно въ послѣдствіи пріобрѣсть надлежащее расположеніе и охоту къ подобному занятію, которое между тѣмъ составляетъ необходимую пищу духовной жизни христіанина, всегдашнее назиданіе и вмѣстѣ утѣшеніе для него во всякое время.

б) За изложеніемъ священной исторіи должно слѣдовать изъясненіе символа вѣры, молитвы Господней и десяти заповѣдей, — все что входитъ въ составъ православнаго катихизиса. Къ понятію и принятію основныхъ догматическихъ истинъ, содержащихся въ символѣ вѣры, дѣти уже приготовлены, какъ скоро знаютъ священную исторію; потому что догматы сіи по большей части суть отвлеченія отъ историческихъ священныхъ фактовъ. По этому не трудно раскрыть имъ сущность христіанскаго вѣроученія такъ, чтобы они ясно и отчетливо, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ порядкѣ и послѣдовательности, усвоили всѣ истины православной Вѣры, безъ знанія которыхъ невозможно спастися человѣку. При этомъ не мѣсто входить въ опроверженія различныхъ отступленій отъ правой Вѣры, существующихъ у иновѣрцевъ; но отличительные пункты православія надобно какъ можно глубже укоренять въ разумѣ, памяти и сердцѣ юныхъ христіанъ, чтобы со временемъ, въ случаяхъ столкновенія ихъ съ неправовѣрными, они имѣли готовое огражденіе отъ заблужденій въ положительномъ убѣжденіи своемъ, въ ясномъ и отчетливомъ разумѣніи той или другой истины. — Излагая молитву Господню, пастырь долженъ учить дѣтей и другимъ молитвамъ церковнымъ, для которыхъ основаніемъ и образцемъ служитъ молитва Господня, а паче всего внушать имъ, чтобъ они молились чаще и усерднѣе, чтобы не только въ положенныя времена, но и при всякомъ дѣлѣ, при всякомъ затрудненіи, какое имъ можетъ встрѣтиться, при всякомъ огорченіи, какому подвергнутся, прибѣгали къ молитвѣ, если не устной, то сердечной; чтобъ они непрестанно обращались умомъ и сердцемъ къ Господу Іисусу Христу, помня, какъ Онъ благосердъ былъ къ дѣтямъ, благословляя ихъ съ отеческою любовію и нѣжностію и поставляя въ образецъ взрослымъ людямъ, — къ Его преблагословенной Матери, носившей у пречистыхъ персей своихъ божественнаго Младенца и подобно Сыну и Господу своему любящей кротких и незлобивыхъ дѣтей, — къ ангеламъ хранителямъ своимъ, которые *на небесѣхъ выну видятъ лице Отца небеснаго* и отъ горняго свѣта нисходятъ на землю, чтобы быть ихъ стражами, благодѣтелями, защитниками и руководителями, — къ святымъ угодникамъ Божіимъ, въ сонмѣ которыхъ много прославленныхъ Богомъ, дѣтей и юношей, наравнѣ съ великими мужами и старцами. Горе христіанину, который не умѣетъ молиться! А эта высокая и спасительнѣйшая наука удобнѣе всего изучается въ дѣтствѣ, когда сердце еще не ожестѣло отъ суеты и заботъ мірскихъ. — Съ изъясненіемъ десятословія надоб-

но соединять собственно-евангельское нравственное ученіе: заповѣди тамъ и здѣсь одни; но въ Евангеліи онѣ дышутъ особенною благодатію. Всю нагорную бесѣду Господа нашего Іисуса Христа дѣти должны изучать также, какъ и десять заповѣдей. Христіанскія обязанности и добродѣтели, которыя особенно близки и потребны будутъ имъ по роду ихъ жизни, надобно раскрывать имъ съ нарочитою ясностію и убѣжденіемъ. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, образъ Господа Іисуса Христа долженъ быть *преднаписанъ* имъ такъ, чтобъ они вездѣ поставляли себя предъ лице Его и слышали повсюду благодатное Его призываніе: *пріидите ко Мнѣ — и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѳ. 11, 28—29).

в) Наконецъ должно объяснять имъ вкратцѣ чинъ и значеніе церковнаго богослуженія. Хорошо при этомъ допускать ихъ въ церкви къ исполненію нѣкоторыхъ обязанностей клира, какъ то: къ чтенію, пѣнію и нѣкоторымъ услугамъ священнику при совершеніи церковныхъ священнодѣйствій, избирая для этого способнѣйшихъ и благонравнѣйшихъ, или назначая однихъ за другими. Это можетъ возбуждать въ нихъ особенную охоту и усердіе къ богослуженію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значительно содѣйствовать благочинію и лѣпотѣ самаго отправленія церковныхъ службъ, особенно тамъ, гдѣ клиръ очень малочисленъ. Кромѣ того, это нравственно сближаетъ священно-церковно-служителей съ мірянами, нисколько не вредя правильности взаимныхъ отношеній между ними.

Самымъ естественнымъ и удобнѣйшимъ методомъ оглашенія признаютъ обыкновенно, методъ, такъ называемый, *сократическій*. Но если понимать его въ собственномъ его значеніи; то методъ сей никакъ нельзя признать естественнѣйшимъ и удобнѣйшимъ для оглашенія; напротивъ, онъ почти совсѣмъ неприложимъ ни къ ученію, которое составляетъ предметъ оглашенія, ни къ лицамъ, которымъ преподается сіе; это-методъ, которымъ добываются начала философскаго знанія, методъ по видимому простой, но въ сущности трудный какъ для преподавателя, такъ и для ученика. Впрочемъ, говоря о сократическомъ методѣ изслѣдованія, разумѣютъ обыкновенно не столько методъ изслѣдованія, сколько форму преподаванія и изложенія извѣстныхъ истинъ, именно, форму *разговора* вмѣсто *чтенія*. Въ этомъ смыслѣ онъ дѣйствительно представляется естественнѣйшимъ и удобнѣйшимъ въ огласительной школѣ. Съ дѣтьми надобно какъ можно больше говорить, обращаясь къ нимъ съ различными вопросами и руководя ихъ въ составленіи самыхъ отвѣтовъ. Это и оживляетъ ихъ, поддерживаетъ ихъ вниманіе, и помогаетъ ихъ разумѣнію, памяти и соображенію. Конечно, положительное преподаваніе здѣсь также умѣстно и даже необходимо; но, съ одной стороны, оно должно служить основаніемъ уроковъ, съ другой, и само по себѣ оно должно какъ можно менѣе походить на чтеніе и какъ можно болѣе на бесѣду. Будетъ ли то повѣствованіе, или изложеніе истинъ, или изъясненіе извѣстныхъ предметовъ, во всякомъ случаѣ все надобно сообщать дѣтямъ въ тонѣ разговорномъ, въ духѣ собесѣдовательномъ. Замѣтимъ при этомъ, что дѣло оглашенія дѣтей не такъ легко, какъ можетъ представляться съ перваго взгляда. Не надобно воображать, что здѣсь можно обойтись безъ всякаго труда, искуства и приготовленія; нѣтъ, ко всякому уроку непремѣнно нужно приготовляться и стараться со дня на день умножать доброе искуство въ наставленіи дѣтей. Самые опытные и усердные катихизаторы сознавались, что безъ надлежащаго приготовленія они никогда не могли исполнить дѣла своего какъ должно и всегда

искренно раскаевались въ своей самонадѣянности.

Преподавая дѣтямъ уроки благочестія христіанскаго, пастырь ни на минуту не долженъ забывать, что онъ есть не просто учитель дѣтей, но главнѣе всего — руководитель и пастырь ихъ. Забота его — не о томъ только, чтобъ они хорошо знали все, что имъ преподается, но о томъ по преимуществу, чтобъ они на дѣлѣ оказались добрыми овцами его стада, привыкли съ раннихъ лѣтъ любить и почитать, первѣе всего, Господа Іисуса Христа, святую Церковь Его и все священное, достойное любви и уваженія христіанина, а за тѣмъ — и его, какъ служителя Божія, которому надобно повиноваться не *за гнѣвъ*, или страхъ, или приличіе, но — *за совѣсть*. Отсюда характеръ пастырскаго обращенія съ дѣтьми долженъ быть слѣдующій: а) пастырь *отъ дѣлъ своихъ* долженъ *показывать* имъ *вѣру свою* (Іак. 2, 18) и обращаться съ ними, какъ съ родными дѣтьми, а не какъ съ *праздными слышателями слова* (Іак. 1, 22). Дѣти должны видѣть въ пастырѣ своемъ образецъ христіанскаго благодушія, кротости, терпѣнія, правды и любви: при такихъ только условіяхъ они могутъ сердцемъ вѣрить слову, имъ преподаваемому, и на всегда сохранять его въ душѣ своей, какъ слово жизни и спасенія. Иначе трудъ пастыря скорѣе обратится во вредъ, нежели принесетъ пользу пастырскому служенію его. б) Отъ дѣтей пастырь долженъ требовать отчета не только въ знаніи уроковъ, но особенно въ исполненіи ихъ на дѣлѣ. Поступки дѣтей не только предъ глазами его, но и внѣ школы, въ домахъ родителей ихъ, вездѣ, гдѣ они проводятъ свободное отъ занятій время, онъ долженъ узнавать, сколько можетъ, и сообразно съ тѣмъ дѣлать замѣчанія, поощренія, выговоры и одобренія. Быть слишкомъ взыскательнымъ пастырю и несвойственно и вредно; прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ само собою недостойно его; даже подвергать насмѣшкѣ и сраму провинившееся дитя предъ другими было бы неблагоразумно и, главное, противно духу отечески христіанскаго воспитанія. Пастырь долженъ быть строгимъ безъ гнѣвливости, внимательнымъ безъ подозрительности, взыскательнымъ безъ всякаго вида жестокости. Поставляя дѣтей предъ образомъ невидимаго Господа Іисуса Христа, онъ долженъ сильнѣе всего внушать имъ то, какъ всякое преступленіе святыхъ и благихъ заповѣдей Его оскорбляетъ Его и отчуждаетъ отъ Его благоволенія и благодати. Можно представлять имъ вредныя послѣдствія дурнаго поведенія и для временной жизни, изображать въ доступныхъ для нихъ описаніяхъ пагубные плоды тѣхъ или другихъ пороковъ, указывать на примѣръ несчастія, происходящаго отъ худаго образа жизни, или отъ нарушенія евангельскихъ заповѣдей и правилъ; только въ концѣ всего, важнѣйшимъ побужденіемъ къ отклоненію отъ зла и къ совершенію всякаго добра, должно поставлять судъ Божій, судъ Искупителя и Спасителя нашего, понесшаго ради насъ всякое озлобленіе и страданіе, всегда ищущаго спасенія нашего, всегда благосердаго и милостиваго къ намъ, но не терпящаго въ чадахъ своихъ неповиновенія и презорства къ Его милости и благодати и отвращающагося отъ непокорливыхъ и своевольныхъ. Если пастырь, какъ служитель Іисуса Христа, въ сердцѣ своемъ будетъ соболѣзновать о проступкахъ юныхъ чадъ своихъ; то дѣти не хуже, а можетъ быть иногда и лучше взрослыхъ почувствуютъ силу его замѣчаній, выговоровъ, нравственныхъ наказаній, и одинъ видъ его будетъ служить для нихъ одобреніемъ или укоромъ, равно дѣйствующими на юное сердце ихъ и обязываю-

щими ихъ къ исправленію или усовершенію себя.

Конечно не всѣ дѣти, какъ воспитанники духовнаго пастыря, будутъ выходить изъ подъ руководства его съ одинаковымъ расположеніемъ къ христіанской жизни и дѣятельности. Можетъ случиться, что многіе пренебрегутъ его попеченіями и наставленіями, которыми онъ старался освятить начатки развитія въ нихъ нравственной жизни. Въ подобныхъ случаяхъ чаще всего виновны бываютъ родители дѣтей, нерѣдко прямо противодѣйствующіе пастырской попечительности о нихъ или образомъ жизни своей, или безразсудными совѣтами, наставленіями и требованіями. Ничего не можетъ быть прискорбнѣе подобныхъ явленій для пастыря! Но за то могутъ быть и другіе, отраднѣйшіе для него, случаи, именно: дѣти могутъ послужить къ просвѣщенію, вразумленію и обращенію на путь благочестія своихъ родителей и внести миръ и благодать Христовы въ домы, бывшіе, доселѣ чуждыми того и другаго. Какъ бы то ни было, но, повторимъ что сказали выше, въ духовномъ образованіи дѣтей пастырь всегда найдетъ вѣрнѣйшее средство къ духовному улучшенію и усовершенію своей паствы.

СПАСЕННЫЕ ОТЪ ПОГИБЕЛИ МОРЕПЛАВАТЕЛИ.

Святый Порфирій, епископъ Газскій, вмѣстѣ съ блаженнымъ Іоанномъ, архіепископомъ Кесарійскимъ, возвращались въ одно время морскимъ путемъ изъ Константинополя къ своимъ паствамъ. Близъ острова Родоса возстала буря и произошло столь сильное волненіе на морѣ, что всѣ съ великимъ страхомъ ожидали потопленія, и это продолжалось весь день и всю ночь. При наступленіи утра Порфирій задремалъ и увидѣлъ явившагося ему преподобнаго Прокопія пустынника, который объявилъ ему, что среди ихъ на кораблѣ находится скрытый еретикъ аріанинъ и что отъ этого именно такъ страшно волнуется море и не перестанетъ волноваться, доколѣ тотъ еретикъ не обратится къ православію. Такъ дѣйствительно и оказалось: правитель корабля былъ потаенный аріанинъ. Когда онъ, по убѣжденію святителей, исповѣдалъ православную вѣру, то буря тотчасъ прекратилась и возстановилась на морѣ совершенная тишина (память св. Порфирія 26 Февраля).

Съ дозволенія Духовной Цензуры 1-го Января 1858 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 42.

НЕДѢЛЯ О БЛУДНОМЪ СЫНѢ.

19 Января 1858 г.

Гласъ 1-й.

На утрени евангеліе воскресное 1-е, Мат. зач. 116. На литургіи: апост. 1 Кор. зач. 135. еванг. Лук. зач. 79.

ПРЕПОДОБНАГО МАКСИМА ИСПОВѢДНИКА

О ПОКАЯНІИ (*).

Братіе! Для чего мы стремимся къ погибели? Очистимъ руки, грѣшники! очистимъ сердца наши, двоедушніи! Познаемъ свое несчастіе, умилимся, восплачемъ о грѣхахъ своихъ, отложимъ непотребства, повѣримъ обѣтованіямъ Господнимъ, убоимся прещеній Его, возлюбимъ другъ друга отъ всего сердца, скажемъ: вы братія наши! Скажемъ такъ даже ненавидящимъ насъ и отвращающимся отъ насъ, — да прославится имя Господне. Дадимъ другъ другу взаимное прощеніе, такъ какъ мы другъ друга искушаемъ и терпимъ нападеніе отъ общаго врага. Воспротивимся помысламъ нашимъ, призывая Бога въ помощь; отженемъ отъ себя лукавыхъ и нечистыхъ духовъ; подчинимъ плоть духу, угнетая ее трудами и всякими лишеніями и порабощая ее; *очистимъ себе отъ всякія скверны плоти и духа*, и будемъ поощрять себя къ любви и добрымъ дѣламъ. Не будемъ завидовать другъ другу, ниже раздражаться, когда другіе намъ завидуютъ; паче же будемъ оказывать милосердіе и снисходительность и взаимнымъ смиреніемъ исцѣлять свои грѣхи. Не будемъ поносить ближнихъ злословіемъ и насмѣшками, — ибо *есмы другъ другу удове*. Изгонимъ небреженіе и лѣность, и мужественно станемъ сражаться противъ духовъ нечестія, и будемъ имѣть заступникомъ предъ Отцемъ Іисуса Христа праведника, который есть *очищеніе о грѣсѣхъ нашихъ*. Помолимся Ему отъ всей души нашей, и Онъ отпуститъ намъ грѣхи наши; ибо *близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ*,

(*) Sermo asceticus. Bibl. vet. Patr. Tom. XII, p. 412.

волю боящихся Его сотворитъ, и молитву ихъ услышитъ и спасетъ я. (Пс. 144, 18. 19). И потому глаголетъ: *пожри Богови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя, и призови Мя въ день скорби твоея, и избавлю тя* (Пс. 49, 14. 15). Исаія также говоритъ: *разрѣшай обдолженія насильныхъ писаній, отпусти сокрушенныя въ свободу, и всякое писаніе неправедное раздери. Раздробляй алчущимъ хлѣбъ свой, и нищія безкровныя введи въ домъ свой: аще видиши нага, одѣй, и отъ свойственныхъ племене твоего не презри. Тогда разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ. И предвидетъ предъ тобою правда твоя, и слава Божія обиметъ тя. Тогда воззовеши, и Господь услышитъ тя, и еще глаголющу ти, речетъ: се пріидохъ. Тогда возсіяетъ во тмѣ свѣтъ твой, и тма твоя будетъ яко полудне, и будетъ Богъ твой съ тобою присно: и насытишися, якоже желаетъ душа твоя* (Ис. 58, 6—11). Видишь ли, что когда разрѣшимъ сердца наши отъ всякаго союза непрѣвды и отъ сплетенія воспринятыхъ памятію обидъ, дабы благодѣтельствовать ближнему отъ всея души, тогда просвѣтимся свѣтомъ вѣденія божественнаго, избавимся мерзкихъ возмущеній, исполнимся всякой добродѣтели, будемъ блистать славою Божіею и освободимся отъ всякаго неразумія; въ молитвѣ скоро будемъ услышаны, будемъ имѣть непрестанно съ собою Бога, и всякое желаніе наше будетъ Имъ услышано. Возлюбимъ другъ друга, и возлюблены будемъ Богомъ; окажемъ свое долготерпѣніе ближнимъ, и Богъ окажетъ свое о грѣхахъ нашихъ. Не будемъ воздавать зломъ за зло, и не воспріиземъ воздаянія по грѣхамъ нашимъ: ибо прощеніе грѣховъ нашихъ мы обрѣтаемъ въ прощеніи братій, и милость Божія къ намъ скрывается въ милосердіи нашемъ къ ближнимъ. Потому Господь сказалъ: *отпущайте и отпустится вамъ* (Лук. 6, 37), *и аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Мат. 6, 14). И опять: *Блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ; въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ.* (Матѳ. 5, 7. 7, 2). — Такъ даровалъ намъ Господь образъ совершенія спасенія, и далъ намъ область чадомъ Божіимъ быти, такъ что послѣ этого уже въ самой нашей волѣ положено наше спасеніе. И такъ предадимъ себя Господу всецѣло, дабы взаимно воспріять Его самаго всецѣлымъ. И будемъ обожены чрезъ Него (*); ибо Онъ содѣлался человѣкомъ, будучи по естеству Богомъ и Господомъ. Мы услышимъ Его слово, и Онъ легко побѣдитъ враговъ нашихъ. *Аще быша людіе мои,* сказалъ Онъ, *послушали Мене, Израиль аще бы въ пути моя ходилъ: ни о чесомъ же убо враги его смирилъ быхъ, и на оскорбляющія ихъ возложилъ быхъ руку мою.* (Псал. 80, 14). *Все упованіе наше возложимъ на Него единаго, и всю печаль нашу на того возверземъ, и Онъ избавитъ насъ отъ всякія скорби и въ продолженіи всей нашей жизни будетъ питать насъ.* Всѣхъ людей возлюбимъ отъ души, и ни на одного изъ людей не будемъ надѣяться: ибо доколѣ Господь хранитъ насъ, и друзья всѣ насъ любятъ и враги всѣ теряютъ силу вредить намъ. Кольже скоро Господь насъ оставитъ, тогда нѣтъ для насъ друзей, которые не сдѣлали бы намъ вреда, и всѣ враги вооружаются противъ насъ и дѣйствуютъ. И по истинѣ, кто надѣется на себя, тотъ страшно падаетъ; *боящійся же Господа — вознесется.* И потому Давидъ сказалъ: *не на лукъ мой уповаю, и мечь мой не спасетъ мене; спасъ*

(*) Fiamus dii.

бо еси насъ отъ стужающихъ намъ, и ненавидящія насъ посрамилъ еси (Пс. 43, 7. 8). Не потерпимъ помысловъ, умаляющихъ грѣхи наши и успокоивающихъ насъ отпущеніемъ грѣховъ. Доколѣ умъ нашъ возмущается отъ грѣха, дотолѣ не можемъ надѣяться на прощеніе,— ибо еще не сотворили плодовъ достойныхъ покаянія. Плодъ покаянія есть безстрастіе души, безстрастіе же — очищеніе грѣховъ.

НЕКРОЛОГЪ.

21-го прошлаго декабря, утромъ, въ четверть девятаго часа, отошелъ въ вѣчную жизнь, послѣ седмидневной, тяжкой болѣзни, Высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ кіевскій, на 80 году своей достославной жизни. Русская Церковь лишилась въ немъ великаго святителя, извѣстнаго всему отечеству нашему своимъ долговременнымъ въ разныхъ мѣстахъ и на разныхъ іерархическихъ степеняхъ служеніемъ, а особенно высокимъ духомъ вѣры и благочестія, соединеннымъ съ евангельскою простотою, отеческою кротостію и привѣтливостію, которыми святитель привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе и благоговѣніе.

Высокопреосвященный Филаретъ, въ свѣтскомъ званіи Ѳеодоръ Амфитеатровъ, родился въ 1778 году въ селѣ Высокомъ Орловской губерніи отъ священника Георгія. По окончаніи курса въ орловской Семинаріи (1797 г.) и постриженіи въ монашество (1798 г.), проходилъ должности префекта и учителя, а потомъ (съ 1802 г.) ректора въ тойже Семинаріи. Въ 1804 году опредѣленъ ректоромъ оренбургской Семинаріи, а въ 1810 переведенъ на ту же должность въ Тобольскъ. Вызванный въ 1813 году въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія, въ 1814 г. опредѣленъ инспекторомъ санктпетербургской духовной Академіи; чрезъ полгода (13 Авг.) удостоенъ степени Доктора православнаго Богословія и переведенъ инспекторомъ и богословскихъ наукъ профессоромъ въ новообразованную московскую Академію: въ 1816 г. опредѣленъ ректоромъ ея. Возведенный въ санъ, въ 1819 г., епископа, въ 1826 — архіепископа, въ 1837 — митрополита, преемственно управлялъ епархіями: калужскою (съ 1819 г.), рязанскою (съ 1825), казанскою (съ 1828), ярославскою (съ 1836) и наконецъ кіевскою (съ 1837 — 1857).

Совмѣстно съ сими должностями, Высокопреосвященный Филаретъ исполнялъ и другія, соотвѣтствовавшія сану, въ какомъ находился въ разное время. По званію ректора Семинаріи, присутствовалъ въ консисторіяхъ орловской, оренбургской и тобольской (1802 — 1813). Въ санѣ сначала игумена (съ 1802), а потомъ — архимандрита (съ 1804) управлялъ монастырями: свѣнскимъ третьеклассным (1802), уфимскимъ Успенскимъ (1810), тобольскимъ Знаменскимъ второклассным (1810), московскимъ Волоколамскимъ Іосифовымъ (1813), первоклассным ставропигіальнымъ Воскресенскимъ (1816). Въ санѣ архіепископа, по Высочайшему повелѣнію, двукратно (1826 и 1836) былъ вызываемъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ св. правительствующемъ Сунодѣ; въ 1827 г. назначенъ членомъ Коммисіи духовныхъ учи-

лищъ, а въ 1836 г. пожалованъ въ члены Святѣйшаго Сунода.

Христіанское просвѣщеніе и просвѣщенное вниманіе Архипастыря къ духовному и народному образованію, ознаменованное дѣятельнымъ покровительствомъ всего, содѣйствующаго успѣхамъ отечественнаго просвѣщенія, обращали на него вниманіе ученыхъ россійскихъ обществъ, которыя считали за честь украшаться именемъ и пользоваться покровительствомъ истинно — просвѣщеннаго святителя. Высокопреосвященный Филаретъ былъ членомъ Императорской Россійской Академіи, Императорскаго московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, духовныхъ Академій: кіевской, санктпетербургской и московской, и Императорскихъ Университетовъ: кіевскаго св. Владиміра и казанскаго.

Отличное и усердное служеніе Церкви и отечеству на разныхъ іерархическихъ степеняхъ, соединенное съ высокими доблестями покойнаго Архипастыря, всегда привлекало къ нему особенное Монаршее благоволеніе и было награждаемо Высочайшими милостями. Въ 1816 г. Нояб. 18 онъ, *за долговременное и усердное служеніе*, сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-й степени, и въ тоже время при Высочайшемъ рескриптѣ удостоился получить отъ щедротъ Всемилостивѣйшаго Государя алмазные знаки тогоже ордена, *за отличные труды по званію ректора новообразованной московской Академіи.* Въ 1818 г. 12 генваря сопричисленъ къ ордену св. Равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени; 16-го августа тогоже года — къ томуже ордену 2 й степени большаго креста, *какъ за труды въ прохожденіи званія ректора и профессора богословскихъ наукъ, такъ наипаче за дѣятельное попеченіе о духовномъ назиданіи воспитанниковъ Академіи.* Въ 1827 г. декабря 31 сопричисленъ къ ордену св. Анны 1 й степени. *за долговременное служеніе Церкви въ управленіи паствою и труды по дѣламъ св. Сунода и Комиссіи духовныхъ училищъ.* Въ 1831 году 13 апрѣля удостоился получить при Высочайшемъ рескриптѣ бриллiантовый крестъ на клобукъ, *за неусыпные труды и особенно за обращеніе въ христіанскую вѣру и просвѣщеніе св. крещеніемъ болѣе пяти тысячь язычниковъ.* Въ 1833 году декабря 25 сопричисленъ къ ордену св. Александра Невскаго, *во вниманіе къ долговременному служенію Церкви, постоянно отличающемуся истинно — пастырскимъ попеченіемъ о благѣ паствы и усерднымъ проповѣданіемъ слова Божія.* Въ 1837 г. 18 апрѣля, вмѣстѣ съ возведеніемъ въ санъ митрополита кіевскаго и галицкаго и священно-архимандрита кіево-печерской Лавры, пожалованъ бѣлымъ клобукомъ съ крестомъ изъ драгоцѣнныхъ камней, *въ знакъ особеннаго вниманія къ долговременнымъ заслугамъ и христіанскимъ добродѣтелямъ.* Въ 1839 году 26 марта сопричисленъ къ ордену св. ап. Андрея первозваннаго, *за достойное и отличное служеніе Церкви въ разныхъ епархіяхъ, неусыпную заботливость о благѣ православія и живое усердіе къ престолу.* Въ 1850 г. 21 апрѣля сопричисленъ къ ордену св. равноапостольнаго кн. Владиміра 1-й ст. большаго креста, *за благочестивые труды и ревностное служеніе на мѣстѣ святаго озаренія Руской земли Державными ея просвѣтителями.* Въ 1856 году 26 авг., въ день коронаціи ихъ Императорскихъ Величествъ, пожалованъ алмазными знаками Ордена св. Андрея первозваннаго, *во вниманіе къ многолѣтнему служенію, всегда отличавшемуся неуклонною приверженностію къ древнимъ уставамъ вселенской Церкви,*

живымъ усердіемъ къ престолу и отечеству и назидательнымъ примѣромъ христіанскаго благочестія.

При точномъ и ревностномъ исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ званіемъ и долгомъ общественнаго служенія на разныхъ іерархическихъ степеняхъ, Высокопреосвященный Филаретъ съ истинно подвижническою строгостію исполнялъ уставы и правила иноческаго житія, по примѣру и заповѣди св. подвижниковъ аѳонскихъ и печерскихъ, пребывая всегда въ воздержаніи и трудахъ, содержа свой умъ въ богомыслін, и устремляясь всѣмъ сердцемъ къ сладчайшей любви Распявшагося за насъ. Знавшіе близко Архипастыря давно уже примѣчали въ немъ напряженное усиліе молитвеннаго подвига, стремленіе и ненасытимую жажду тѣснѣйшаго общенія со Христомъ Спасителемъ, которое онъ старался поддерживать частымъ, а въ послѣдніе годы ежедневнымъ принятіемъ тѣла и крови Его; но только по блаженной кончинѣ избѣгавшаго славы мірской святителя-подвижника открылась завѣтная тайна души его, обручившей себя Христу сугубымъ обѣтомъ иночества. Изъ завѣщанія, открытаго тотчасъ по кончинѣ Архипастыря, узнано, что онъ принялъ, съ именемъ Ѳеодосія, высшій образъ иноческаго житія и просилъ погребсти свое тѣло въ схимѣ.

Нѣсколько лѣтъ сряду повторявшіеся почти въ одно и тоже время года (именно-около праздника Рождества Христова) болѣзненные недуги Высокопреосвященнаго были ранними предвѣстниками приближавшагося исхода его изъ сей жизни, и самъ Архипастырь съ примѣтнымъ нетерпѣніемъ каждый разъ ожидалъ своего преселенія въ вѣчную жизнь. Но вышній Промыслъ судилъ ему еще оставаться между нами до роковаго 1857 года, конечно для того, чтобы дать время созрѣть душѣ его въ полную мѣру духовнаго совершенства, и съ тѣмъ, чтобы продолженіемъ его жизни продлить назиданіе живущихъ. Послѣдній смертельный недугъ поразилъ Святителя въ вечеру 14 декабря. Семь дней 14—21 дек., проведенные имъ на болѣзненномъ одрѣ до послѣдней минуты въ полномъ сознаніи, въ распоряженіяхъ касательно своего погребенія, въ благословеніи и назиданіи посѣтителей всякаго сословія и состоянія, каждодневно стекавшихся въ большомъ количествѣ для принятія послѣдняго утѣшенія, въ таинственныхъ и молитвенныхъ напутствіяхъ, представляютъ глубоко-назидательный примѣръ христіанской кончины, непостыдной и мирной (*).

Бездыханное тѣло почившаго Архипастыря, по облаченіи въ святительскія одежды и въ схиму, до слѣдующаго дня оставалось въ настоятельскихъ покояхъ кіево-печерской Лавры, оплакиваемое стекавшеюся около него осиротѣвшею паствою; потомъ 22 декабря въ 3 часа по полудни, по отправленіи литіи преосвященнымъ Аполлинаріемъ, епископомъ Чигиринскимъ, и преосвященнымъ епископомъ болгарскимъ Стефаномъ, и по произнесеніи надгробной рѣчи, перенесено съ подобающею честію въ большую лаврскую церковь, гдѣ находилось до дня погребенія, назначеннаго въ 29 декабря. Неисповѣдимый въ судьбахъ своихъ промыслъ, судившій г. Кіеву радость свѣтлыхъ дней рождества Спасителя міра растворить скорбію о кончинѣ глубоко-почитаемаго и любимаго Архипастыря, не лишилъ утѣшенія видѣть еще въ сіи дни честные останки почившаго, и въ самыхъ останкахъ имѣть утѣшеніе вѣры и надежды христіанской.

(*) Редакція Воскр. Чт. не замедлитъ представить въ скоромъ времени подробное изображеніе послѣднихъ дней почившаго Архипастыря.

Сквозь слезы скорби и печали, у гроба въ благочестіи почившаго Архипастыря, во дни явленія въ мірѣ Источника жизни, очамъ нашимъ ясно представлялось знаменіе не тщетнаго упованія въ блаженное безсмертіе, дарованное намъ о Христѣ Іисусѣ. Эти дни радости, и вмѣстѣ печали, были поистинѣ для Кіева торжествомъ вѣры христіанской. Во все время отъ 22 до 29 декабря лаврская церковь и дворъ день и ночь наполнялись народомъ. Люди всѣхъ сословій и состояній, не только живущіе въ Кіевѣ, но и пріѣзжавшіе изъ окрестныхъ весей спѣшили воздать послѣднее цѣлованіе почившему; стѣны великолѣпнаго дома Царицы небесной были оглашаемы почти непрерывнымъ пѣніемъ панихидъ за упокой Архипастыря, которыя совершались соборомъ два раза—въ 12 часу дня и въ 7 часовъ вечера, и кромѣ того во всякое время по усердію и просьбѣ посѣтителей.

Въ день погребенія, 29 декабря, заупокойная литургія началась въ 8 часовъ утра. Ее совершали преосвященный Евсевій, епископъ каменецъ-подольскій и брацлавскій (*), и преосвященный епископъ Стефанъ, съ 8 архимандритами, 2 протоіереями и 2 іеромонахами. Предъ окончаніемъ литургіи произнесено надгробное слово. Отпѣваніе тѣла по чину священническому совершено тѣми же преосвященными, при сослуженіи всего духовенства, градскаго и лаврскаго. По прочтеніи Евангелій предъ канономъ произнесена надгробная рѣчь послѣ канона—другая. Предъ начатіемъ послѣдняго цѣлованія намѣстникомъ Лавры прочитано трогательное и назидательное духовное завѣщаніе усопшаго. По окончаніи отпѣванія, въ 3 часу по полудни, послѣдовалъ выносъ тѣла на ближнія пещеры, гдѣ — въ надпещерной церкви Воздвиженія креста Господня—самъ Высокопреосвященный назначилъ своимъ останкамъ мѣсто вѣчнаго упокоенія при входѣ въ святыя пещеры, куда такъ часто прибѣгалъ къ молитвѣ и ходатайству преподобныхъ Отцевъ. Погребальное шествіе совершалось изъ церкви, святыми лаврскими воротами, чрезъ крѣпость, по предварительно составленному для сего церемоніалу. Гробъ, содержавшій въ себѣ тѣло Архипастыря, несенъ былъ архимандритами, протоіереями и іеромонахами, въ предшествіи градскаго и лаврскаго духовенства, въ сопутствіи властей города военныхъ и гражданскихъ и несмѣтнаго множества жителей всѣхъ званій и состояній, при пѣніи митрополичьими пѣвчими и лаврскими клирошанами сначала выноснаго канона (помощникъ и покровитель), а потомъ »святый Боже, и при печальномъ звонѣ какъ на лаврской колокольнѣ, такъ и при всѣхъ градскихъ церквахъ. Во время шествія отъ святыхъ воротъ до церкви Воскресенской, останкамъ усопшаго отдана была воинская честь отрядами войскъ, разставленными въ линію по всему означенному пространству. По внесеніи гроба въ надпещерную церковь Воздвиженія креста Господня, отпѣта литія; въ заключеніи ея произнесены двѣ прощальныя рѣчи. Затѣмъ гробъ снесенъ въ могилу, при пѣніи обоими клирами пѣвчихъ и всѣмъ духовенствомъ »вѣчная память.«

Покойный Архипастырь завѣщалъ не ставить никакого памятника надъ его могилой. Но принадлежа къ числу тѣхъ, *ихже память во благословеніихъ*, святитель своимъ примѣрнымъ благочестіемъ и отеческою кротостію оставилъ неизгладимую память въ сердцѣ паствы кіевской и каждаго, кто его видѣлъ

(*) Вызванный нарочито по причинѣ болѣзни преосвященнаго Викарія митрополіи кіевской, воспрепятствовавшей ему участвовать въ отданіи послѣдняго долга Архипастырю.

(а какъ многіе его видѣли!); она будетъ всегда въ потомствѣ, вмѣстѣ съ памятію о тѣхъ, близъ которыхъ почившій избралъ вѣчное селеніе свое. Залогомъ сего служитъ уже то живое усердіе, которое, при необыкновенномъ стеченіи народа, выказано было почившему всѣми сословіями города. За искренность его ручаются слезы, которыя каждый видѣлъ у сопредстоящихъ съ собою при отданіи послѣдняго долга почившему.

Р Ѣ Ч Ь,

СКАЗАННАЯ ПРЕДЪ ВЫНОСОМЪ ТѢЛА ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО ПРЕОСВЯЩЕННАГО МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО ФИЛАРЕТА (22 Декабря 1857).

Двадцать лѣтъ тому, какъ паства кіевская съ необычайною радостію, съ отверстыми объятіями сердца, съ высокими, сладостными надеждами срѣтала великаго пастыря, о которомъ прежде еще слышала, котораго доблести и подвиги пастырскіе извѣстны были всей Россіи. И оправдались надежды паствы: въ благосердомъ Филаретѣ мы видѣли истый образъ Филарета Милостиваго, еще болѣе — видѣли ревность по православіи святителей древнихъ и вмѣстѣ ихъ смиреніе, кротость, благолюбіе и мудрость. Такъ, Архипастырь назабвенный! Ты былъ намъ радостію и утѣшеніемъ, былъ истиннымъ отцемъ и наставникомъ; мы уповали на тебя, какъ на сильнаго молитвенника и ходатая предъ Господомъ; ты былъ солію земли Русской, великимъ свѣтильникомъ въ Церкви православной. Твое преимущественно благочестіе обращало на градъ нашъ особенное вниманіе самыхъ Вѣнценосцевъ Россіи и привлекало къ намъ благословенія небесныя. — Исполнились благія надежды твои, паства кіевская! Одна только, послѣдняя надежда наша не исполнилась. Когда въ маститой и претружденной старости Святитель нашъ сталъ видимо склоняться ко гробу, мы надѣялись, что вожделѣнное для всѣхъ, особенно для него, любившаго всѣмъ сердцемъ Царственный Домъ, посѣщеніе Августѣйшихъ Особъ укрѣпитъ изнемогающаго Архипастыря нашего еще надолго. И казалось укрѣпился, обновился юностію орлею нашъ старецъ Архипастырь. Но увы! это было послѣднее напряженіе жизненныхъ силъ его... И вотъ, теперь опять собирается паства кіевская, собираются всѣ сословія града нашего, но гдѣ? вокругъ гроба его! И теперь хотѣли бы мы слышать сладкое, живое, сердечное слово великаго отца нашего, какъ слышали его въ первый разъ, какъ слышали потомъ многократно въ продолженіе 20 ти лѣтняго служенія его пастырскаго. Благій пастырь и учитель нашъ! что речешь ты нынѣ любимой паствѣ твоей? — *Камо идеши?* осмѣливаемся спросить тебя. — Мнѣ мнится, отцы и братія, что изъ гроба сего слышится тотъ же отвѣтъ, какой самъ Господь далъ ученикамъ своимъ, когда отходилъ отъ нихъ ко Отцу своему: *аможе Азъ иду вѣсте, и путь вѣсте.* Такъ! мы не можемъ сказать: *не вѣмы камо идеши*; мы не забыли, какъ часто Архипастырь, въ бесѣдахъ церковныхъ и домашнихъ, говорилъ намъ о небесномъ царствіи Господа нашего Іисуса Христа; мы знаемъ, куда духъ благочестиваго Филарета, тайно принявшаго на себя образъ преп. Антонія и имя преп. Ѳеодосія печерскихъ, — этотъ духъ, крѣпкій вѣрою и пламенѣющій любовію, постоянно стремился; помнимъ, какъ не рѣдко говаривалъ онъ: пора мнѣ туда; — тамъ несравненно лучше здѣшняго, и я уповаю, что Господь помилуетъ и пріиметъ меня въ свои небес-

ныя обители. Вѣмы, камо идетъ онъ, и *путь вѣмы*. И о пути въ покой вѣчный часто бесѣдовалъ пастырь сей съ паствою своею, вливая въ нее духъ вѣры, надежды и любви евангельской; а всего яснѣе показалъ онъ намъ этотъ путь въ своей истинно подвижнической и вмѣстѣ благотворительной жизни, исполненной многими плодами Духа.

Итакъ, владыко и отецъ, ты уже оставляешь насъ на вѣки. Мы сознаемъ наше сиротство. Ты не можешь нынѣ сказать намъ этого утѣшительнаго слова Христова: *не оставлю васъ сиры, пріиду къ вамъ* (Іоан. 14, 18); *паки узрю вы, и возрадуется сердце ваше* (—16, 22). Нѣтъ! Ты не пріидешь къ намъ болѣе; ты уже тамъ — у Господа, и теперь, въ духѣ вѣры святой и любви, вѣрно, еще крѣпче объемлешь божественные стопы Его, нежели какъ обнималъ здѣсь св. чашу съ Его искупительною, завѣтною кровію, когда въ послѣдній разъ напутствовалъ себя въ жизнь вѣчную; теперь уже ничто — *ни смерть, ни животъ*, не могутъ разлучить тебя отъ всевозлюбленнаго, сладчайшаго *Христа Іисуса Господа нашего* (Рим. 8, 38. 39). Но Пастырь христолюбивый! Ты и теперь нашъ пастырь; союзъ духовный, связующій тебя съ нами, не прервался смертію. Когда еще въ первый разъ бесѣдовалъ ты съ нами, просилъ у насъ молитвъ о укрѣпленіи тебя на подвиги пастырства, хотя самъ ты былъ наилучшимъ, непрестающимъ молитвенникомъ въ Церкви православной; теперь паки требуешь церковныхъ молитвъ, которыя и прольются о тебѣ по всей православной Россіи. Но буди и теперь нашимъ молитвенникомъ предъ Господомъ. Моли всеблагаго Спасителя о паствѣ твоей, да всѣ добрыя сѣмена, тобою въ ней посѣянныя словомъ и жизнію твоею, возрастаютъ, плодствуютъ для блага Церкви и отечества нашего; да градъ св. Владиміра и св. Михаила, градъ препод. Отцевъ печерскихъ не престаетъ быть градомъ убѣжища духовнаго, свѣтильникомъ вѣры и благочестія для всей Россіи.

Между тѣмъ, помедли между нами хотя останками твоими, и благоволи, отецъ и благодѣтель нашъ общій, пріять отъ паствы твоей посильную жертву любви и благодаренія. Пусть приходятъ помолиться надъ гробомъ твоимъ и мужи сановные, глубоко почитавшіе въ тебѣ своего отца и наставника, и простые, любившіе въ тебѣ отеческую простоту и благодушіе; даруй мѣсто и время тѣмъ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ несчастнымъ, которыхъ слезы осушалъ ты милостями и утѣшеніями пастырскими, оросить благодарными слезами гробъ твой; пусть многочисленные сироты — дѣти пріидутъ облобызать десницу, которой обязаны они всѣмъ; пусть пастыри и пасомые, иноки и мірскіе, граждане и воины, пусть всѣ сословія паствы кіевской еще нѣсколько дней видятъ покой твой во гробѣ, да воспоминаютъ и болѣе утверждаютъ въ сердцахъ своихъ то, чему училъ ты словомъ и примѣромъ. Да услышитъ молитвенный вопль нашъ вся Россія, и познаетъ, кого мы и она лишились. Продолжи, апостольскій наставникъ нашъ, и изъ гроба твоего продолжи духовное поученіе для всѣхъ насъ!

Съ дозволенія Духовной Цензуры 10-го Января 1858 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 43.

НЕДѢЛЯ МЯСОПУСТНАЯ.

26 Января 1858 г.

Гласъ 2-й.

На утрени евангеліе воскресное 2-е, Марк. зач. 70. На литургіи: апост. 1 Кор. зач. 140, еванг. Мат. зач. 106.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА

О БУДУЩЕМЪ СУДѢ И ВОЗДАЯНІИ ПО СМЕРТИ.

Поелику видимое временно, а невидимое вѣчно: то къ невидимому и будемъ простирать наши взоры. Если временное предпочтемъ вѣчному; то чѣмъ извинимъ себя? Положимъ, что и временное пріятно, но оно не продолжительно; а мученія за оное не будутъ имѣть ни конца, ни пощады. Какой отвѣтъ дадутъ тѣ, кои бывъ удостоены Духа Божія и вкусивши уже отъ толикаго дара Божія, послѣ обратили взоры свои долу и низпали къ земному? Ужели ты вовсе не вѣришь тѣмъ надеждамъ, какія обѣщаются тебѣ въ вѣчности? Ужели все это для тебя сомнительно? Но чѣмъ ты думаешь оправдать свои сомнѣнія? Говорятъ: кто пришелъ отуда и возвѣстилъ, что тамъ есть? — Правда, изъ людей никто не приходилъ: но Богъ открылъ сіе, который болѣе всѣхъ достоинъ нашей вѣры. Но ты не видишь, что тамъ? А Бога развѣ видишь? однако, ужели потому, что не видишь, скажешь, что нѣтъ Бога? Напрасно, скажешь, я очень вѣрю, что Богъ есть. Но если кто нибудь изъ невѣрныхъ спроситъ тебя: а кто приходилъ съ неба, и возвѣстилъ тебѣ сіе? — что ты будешь отвѣчать ему? Откуда ты узналъ, что Богъ есть? Изъ вещей, отвѣчаешь, видимыхъ, изъ благоустройства, какое усматриваемъ во всемъ твореніи, и изъ того, что это всѣмъ извѣстно. А если такъ, то съ такою же вѣрою прими и слово о судѣ. Какъ же это, скажешь? А вотъ какъ: я буду тебя спрашивать, а ты отвѣчай мнѣ. Правосуденъ ли сей Богъ, въ котораго ты вѣруешь, и каждому ли воздаетъ по заслугамъ, или напротивъ — Онъ хочетъ, чтобы злые благоденствовали и веселились,

а добрые страдали? Никакъ, отвѣчаешь, ибо и человѣкъ сего не потерпитъ. Гдѣ же будутъ наслаждаться благами добродѣтельно здѣсь пожившіе? Гдѣ и злые получатъ наказаніе, если не будетъ другой жизни, послѣ настоящей, если не будетъ воздаянія? Если хочешь, я съ другой стороны покажу тебѣ, что будетъ страшный судъ по смерти. Отверзи двери твоей совѣсти, и воззри на судію, сѣдящаго въ твоей душѣ. Если ты, будучи себялюбивъ, осуждаешь себя самаго и не терпишь, чтобы другіе произносили неправедный судъ: не гораздо ли болѣе Богъ печется о своемъ правосудіи и безпристрастно произнесетъ судъ о всемъ? Или Онъ оставитъ все на произволъ и безъ вниманія? Но кто отважится сказать сіе? Никто. Напротивъ, съ нашимъ мнѣніемъ согласны и еллины и варвары, стихотворцы и философы, и вообще весь родъ человѣческій,—хотя и не всѣ въ равной мѣрѣ; ибо всѣ допускаютъ нѣкотораго рода судилища во адѣ. Такъ это для всѣхъ ясно и несомнѣнно. Но скажутъ: для чего же здѣсь не наказываетъ Богъ? —Для того, чтобы показать свое долготерпѣніе, и чрезъ покаяніе доставить намъ спасеніе, чтобы чрезъ то не истребить совершенно нашего рода, и чтобы не лишить спасенія тѣхъ, которые, чрезъ перемѣну порочной жизни на лучшую, могутъ еще спастись. Если Онъ неукоснительно наказываетъ каждаго за грѣхи его; то какъ бы спасся Павелъ, какъ бы Петръ, сіи верховные учители вселенной? Какъ бы Давидъ чрезъ покаяніе получилъ спасеніе? Какъ бы получили спасеніе Галатяне и другіе многіе? Посему то Онъ не всѣхъ наказываетъ здѣсь, но изъ всѣхъ только нѣкоторыхъ, и не всѣхъ тамъ, но одного наказываетъ здѣсь, а другаго тамъ,—чтобы, здѣсь наказывая однихъ и не наказывая другихъ, чрезъ то возбудить отъ усыпленія грѣховнаго и самыхъ безчувственныхъ, и заставить ихъ ожидать будущаго воздаянія. Ужели ты не знаешь, что многіе наказываются и здѣсь? Напримѣръ тѣ, кои погребены были подъ развалинами башни (Лук. 13, 4); или тѣ, коихъ кровь Пилатъ смѣшалъ съ ихъ жертвами (тамъ же стихъ 1); или тѣ изъ Коринѳянъ, кои умирали внезапною смертію за то, что недостойно причащались св. Тайнамъ (1 Кор. 11, 30); также Фараонъ, или тѣ изъ Іудеевъ, кои побиты были нѣкогда варварами, и многіе другіе, какъ тогда, такъ и нынѣ, и всегда? А другіе, хотя и не много нагрѣшили, но умерли, не получивъ здѣсь наказанія, какъ напр. оный богачь, жившій во дни Лазаря, и многіе другіе. Такъ поступаетъ Господь, чтобы возбудить вѣру въ тѣхъ, кои не вѣрятъ будущему, но живутъ безпечно. Ибо *Богъ судитель праведенъ, и крѣпокъ и долготерпѣливъ, и не гнѣвъ наводяй на всякъ день* (Псал. 7, 12). Но если мы будемъ во зло употреблять Его долготерпѣніе, то придетъ время, когда Онъ нисколько уже не потерпитъ, но тотчасъ накажетъ.

Не будемъ же, братіе, предаваться мгновеннымъ удовольствіямъ,—ибо настоящая жизнь есть мгновеніе,—чтобы послѣ не навлечь на себя вѣчнаго наказанія: но лучше—мгновеніе потрудимся, чтобы послѣ вѣчно торжествовать. Ужели не знаете, что и въ дѣлахъ житейскихъ многіе такъ поступаютъ, и предпринимаютъ малой трудъ для долговременнаго спокойствія, хотя часто и противное выходитъ? Ибо здѣсь выгоды бываютъ соразмѣрны съ трудами. А часто и то бываетъ, что трудъ требуется необычайный, а польза отъ него очень малая, а иногда и никакой. Но не такъ бываетъ въ царствѣ небесномъ. Тамъ и малый трудъ награждается великимъ и неизреченнымъ удовольствіемъ. Смотри, здѣсь земледѣлецъ трудится цѣлый годъ, и часто, при

самомъ концѣ надежды, лишается плода столь многихъ трудовъ своихъ. Опять, мореплаватель и воинъ проводятъ жизнь до глубокой старости въ борьбѣ и трудахъ; но часто и тотъ и другой оставляютъ свое поприще такъ, что первый лишается богатаго своего груза, а другой вмѣстѣ съ побѣдою теряетъ и самую жизнь. Итакъ, скажи пожалуй: какое мы будемъ имѣть оправданіе, когда предпочитаемъ тяжкіе труды въ дѣлахъ житейскихъ, предпринимаемые для кратковременнаго упокоенія, или даже совсѣмъ напрасно, — ибо надежда въ нихъ очень сомнительна; — въ дѣлахъ духовныхъ поступаемъ напротивъ, и за кратковременное нерадѣніе навлекаемъ на себя страшное наказаніе. Посему прошу васъ всѣхъ, позаботьтесь высвободить себя когда нибудь изъ сего пагубнаго оцѣпененія. Ибо въ то время никто насъ не избавитъ: ни братъ, ни отецъ, ни сынъ, ни другъ, ни сосѣдъ, ни другой кто нибудь, но если дѣла наши осудятъ насъ, то уже все будетъ потеряно, и мы конечно погибнемъ. Какіе вопли испускалъ богачь, сколько умолялъ патріарха, и просилъ послать Лазаря? Но послушай, что Авраамъ отвѣчалъ ему: *между вами и нами пропасть велика утвердися; яко да хотящіи прейти отсюду къ вамъ, не возмогутъ* (Лук. 16, 26). Сколько оныя дѣвы умоляли своихъ сверстницъ, чтобы удѣлили имъ немного елея? Но послушай, что и тѣ говорятъ: *еда како не достанетъ намъ и вамъ* (Матѳ. 25, 9)? И никто не могъ ввести ихъ въ чертогъ Жениха. Размышляя о семъ и мы позаботимся о своей жизни. На какіе бы ты ни указалъ здѣсь труды, какія бы ни представилъ казни, все сіе ничего не значитъ въ сравненіи съ будущими благами. Представь же напротивъ, если угодно, огонь, желѣзо, звѣрей, или что нибудь еще жесточае,—все это не составитъ и тѣни будущихъ мученій. Ибо здѣшнія мученія, когда ихъ усугубляютъ, тогда особенно и дѣлаются легче, и скорѣе приближаютъ минуту освобожденія отъ нихъ, когда тѣло болѣе не можетъ выносить ни жестокости, ни продолженія казни. Но тамъ будетъ не такъ. Тамъ продолжительность и преизбытокъ будутъ вмѣстѣ, какъ въ радостномъ состояніи, такъ и въ плачевномъ.

И такъ, пока есть время, предваримъ лице Его въ исповѣданіи (Псал. 94, 2), чтобы тогда намъ узрѣть Его кроткимъ и милостивымъ, избѣжать намъ оныхъ грозныхъ силъ. Посмотри здѣсь на воиновъ, служащихъ своимъ начальникамъ, какъ они влекутъ виновныхъ, какъ вяжутъ, какъ бичуютъ, какъ прокапываютъ бока, какъ для умноженія мукъ, подносятъ факелы, какъ отсѣкаютъ члены тѣла. Но все это игрушка и смѣхъ въ сравненіи съ будущими мученіями. Ибо сіи мученія временны, а тамъ ни червь не умираетъ, ни огнь не угасаетъ (Мар. 9, 48), потому что и тѣло нетлѣнно. Не дай Богъ намъ узнать сіе на опытѣ, но пусть сіи ужасы останутся для насъ только въ словахъ; не дай Богъ, чтобы мы были преданы тѣмъ мучителямъ, но чтобы здѣсь исправились. Сколько тогда будемъ говорить въ обвиненіе самихъ себя! Сколько будемъ плакать, сколько рыдать! Но все будетъ уже безполезно. Ибо и кормчіе не помогутъ кораблю, когда онъ разрушится и погрузится на дно, ни врачи,— когда больной умретъ. Послѣ только говорятъ, что то и то надлежало бы сдѣлать,—но все тщетно, все напрасно. Ибо и говорить о всемъ и дѣлать все надлежитъ тогда, когда еще есть надежда исправить дѣло; но когда не осталось ничего въ нашей власти и все погублено, тогда напрасно уже и говорятъ, напрасно и дѣлаютъ. Тогда и іудеи скажутъ: благословенъ грядый во имя Господне! но сіе восклицаніе нисколько не поможетъ имъ

къ избѣжанію вѣчнаго наказанія. Ибо когда надобно было говорить сіе, они не говорили. Но дабы и съ нами, судя по образу нашей жизни, не случилось сего, то отселѣ перемѣнимъ нашу жизнь, чтобы предстать предъ судище Христово со всякимъ дерзновеніемъ, — которое стяжать да поможетъ Богъ всѣмъ намъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ слава Отцу и Святому Духу во вѣки. Аминь (*).

СЛОВО

ПРЕДЪ ПОГРЕБЕНІЕМЪ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО СУНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА ВЫСОКОПРЕОВЯЩЕННѢЙШАГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО И ГАЛИЦКАГО И СВЯЩЕННО АРХИМАНДРИТА КІЕВОПЕЧЕРСКІЯ ЛАВРЫ (**).

Когда друзья Іова, пришедши посѣтить и утѣшить его въ постигшихъ его бѣдствіяхъ, увидали тяжкія страданія его; то, *растерзавши одежды своя и посыпавши перстію главы своя, сидѣли при немъ седьмь дней и седьмь нощей, и никтоже отъ нихъ возглагола къ нему словесе: видяху бо язву люту сущу и велику зѣло* (Іов. 2, 12. 13).

И надъ нами, паства осиротѣвшая, совершилось подобное. Вотъ уже болѣе седмицы дней безмолвно присѣдимъ мы безцѣнному гробу, вмѣщающему въ себѣ останки благостнѣйшаго Архипастыря и отца нашего. Ибо какъ было отверзть уста свои, когда навсегда сомкнулись уста Архипастыря нашего? Какимъ языкомъ было исповѣдать судьбы Божіи, когда навсегда умолкъ и онѣмѣлъ языкъ владыки нашего, вѣщавшій намъ глаголы живота вѣчнаго?

Вотъ наступилъ и послѣдній день, когда навсегда надлежитъ разстаться съ драгоцѣннымъ пастыремъ нашимъ: а язва наша по прежнему люта и велика зѣло, и приближеніе времени окончательной разлуки только обновляетъ и усугубляетъ болѣзнь сердца....

Что же дѣлать намъ, братія?

Пророкъ Божій, находясь въ подобномъ состояніи, такъ изображаетъ его: я былъ нѣмъ и безгласенъ, молчалъ даже о добромъ: но болѣзнь моя обновилась, распалилось сердце мое внутри меня, въ мысляхъ моихъ разгорѣлся огнь, и я сталъ говорить языкомъ моимъ (Пс. 38, 3. 4). Такъ, скорбь невольно загражданетъ уста и не даетъ говорить; но самая великость скорби опять невольно и разверзаетъ ихъ и заставляетъ высказать ее.

Велика болѣзнь наша, братіе! Неоцѣненна потеря твоя, паства кіевская!

Плачьте іереи Господни, служащіе олтарю Господню! нѣтъ болѣе съ нами Архипастыря нашего; не вознесетъ онъ болѣе вмѣстѣ съ нами за насъ и за всю паству единому вѣчному Архіерею жертвы хвалы и благодаренія, мира и спасенія; не услышимъ болѣе изъ устъ его вдохновеннаго слова о высокомъ значеніи св. служенія нашего и о томъ, *како подобаетъ въ дому Божіи жити и право правити слово истины*, чтобы въ свое время явиться непостыдно на нелицепріятномъ судѣ Божіемъ.

Плачьте иноки Господни, воспріявшіе на себя благое иго Христово! Нѣтъ болѣе съ

(*) Изъ IX Бесѣды на 2 посл. къ Коринѳянамъ.

(**) Говорено въ Кіевопечерской Лаврѣ 29 дек. 1857 года Инспекторомъ Академіи архимандритомъ Іоанникіемъ.

нами опытнаго руководителя въ подвижническомъ теченіи нашемъ: не услышимъ болѣе благодатнаго слова изъ устъ его о томъ, какъ нести незазорно благое иго и легкое бремя, воспріятое нами, какъ *тещи не яко безвѣстно, подвизаться не яко воздухъ бія* (1 Кор. 9, 26); не узримъ болѣе въ св. жизни его зерцало ангелоподобнаго житія иноческаго.

Плачьте мужи сановные, судіи, военачальники и градоначальники богоспасаемаго града сего! Отъялъ Господь отъ васъ мудраго и опытнаго, благосердаго и кроткаго отца и наставника, назидавшаго васъ и благодатнымъ отеческимъ словомъ своимъ, и еще болѣе примѣромъ святой жизни своей.

Плачьте юныя лѣторасли духовнаго вертограда! Нѣтъ болѣе съ вами благостнѣйшаго отца вашего; не услышите болѣе изъ устъ его отеческаго слова, воодушевлявшаго васъ терпѣніемъ на предлежащій вамъ подвигъ служенія св. Церкви; не пріимете болѣе отъ рукъ его святительскаго благословенія, и съ симъ благословеніемъ—благодатной силы Божіей къ непреткновенному прохожденію не легкаго служенія вашего.

Возрыдайте всѣ, коимъ судилъ Господь проводить жизнь въ сиротствѣ, бѣдности и нищетѣ! Нѣтъ болѣе съ вами милостивѣйшаго и сострадательнѣйшаго отца-благодѣтеля, въ сердцѣ котораго не тѣсно вмѣщались всѣ вы, который былъ, по писанію, *око слѣпымъ, нога же хромымъ, отецъ немощнымъ.*

Плачь и вся осиротѣвшая паства кіевская! нѣтъ болѣе съ тобою кроткаго и благосердаго Архипастыря твоего. Господь, благій въ правдѣ и праведный въ благости, превратилъ для тебя свѣтлые дни великаго праздника въ дни скорби и печали, обратилъ радость твою въ плачъ и веселіе твое въ рыданіе.

Отзовется скорбь наша и по всѣмъ градамъ и весямъ православнаго отечества нашего, отъ сѣвера до юга и отъ востока до запада. Восплачетъ вмѣстѣ съ нами, когда услышитъ о нашей неоцѣненной потерѣ, и вся Церковь православная: ибо кто и гдѣ не зналъ или не слышалъ и не чтилъ имени почившаго въ Бозѣ Архипастыря нашего?

Но отдавши дань естественному влеченію проникнутаго скорбію сердца, принесемъ, братія, дань и св. вѣрѣ, повелѣвающей *не скорбѣти якоже не имущіи упованія* (1 Сол. 4, 13) *Господь даде, Господь и отъятъ: буди имя Господне благословено* о всемъ и за вся (Іов. 1, 21). Вмѣсто безутѣшной скорби о почившемъ отцѣ и Архипастырѣ нашемъ, мнѣ слышится заповѣдь св. Апостола: *поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. 13, 7).

Паствѣ естественно учиться у своего пастыря и просвѣщаться его свѣтомъ. Было время, когда мы внимали живымъ глаголамъ живота вѣчнаго изъ устъ почившаго отца нашего съ сего самаго священнаго мѣста; было и другое время когда мы внимали симъ глаголамъ болѣе въ домашнихъ, чѣмъ церковныхъ бесѣдахъ (*). Теперь — одинъ гробъ его предъ нами. Безмолвно стоитъ гробъ сей; но и въ самомъ безмолвіи онъ можетъ служить краснорѣчивѣйшимъ проповѣдникомъ, напоминая намъ всю многолѣтнюю и многоплодную жизнь почившаго. Помянемъ же, по заповѣди св. Апостола, наставника — Архипастыря своего, и просвѣтимся.

Когда Господь Богъ благоволитъ избрать кого либо въ особенное орудіе своего Про-

(*) Въ послѣдніе годы своей жизни почившій Архипастырь только изрѣдка отверзалъ уста свои для проповѣди съ церковной каѳедры.

мысла для какого либо высокаго служенія, то нерѣдко заранѣе еще даетъ видѣть знаменія сего избранія для имѣющихъ очи видѣть. Такъ было и съ почившимъ въ Бозѣ отцемъ нашимъ. Юнаго Ѳеодора (такъ называли Архипастыря нашего до поступленія въ монашество) посылаетъ отецъ его въ домашній пчельникъ стеречь рой пчелъ и даетъ ему читать Четь-Минеи. Сердце юноши, воспитаннаго подъ строгимъ надзоромъ и въ строгомъ исполненіи правилъ благочестія, разгарается огнемъ любви божественной при чтеніи различныхъ подвиговъ благочестія въ живыхъ примѣрахъ святыхъ Божіихъ; но въ особенности восхищаетъ его житіе праведнаго Филарета милостиваго,—и онъ тогда же рѣшается принять на себя это имя съ тѣмъ, чтобы идти по слѣдамъ его. Случай этотъ положилъ начало и далъ направленіе всей послѣдующей жизни почившаго Архипастыря. Вотъ гдѣ и когда положено въ сердцѣ его основаніе той любви къ меньшимъ братіямъ своимъ о Христѣ, въ слѣдствіе которой входы и исходы его покоевъ каждый день наполнены были нищими, и по которой онъ, благодѣтельствуя другимъ, называлъ облагодѣтельствованныхъ своими благодѣтелями! Вотъ начало и вообще добраго подвига, коимъ подвизался онъ въ теченіи всей своей жизни!

Благое сѣмя пало на добрую землю и не замедлило принесть съ начала цвѣтъ, а потомъ и плодъ. 14-ти лѣтній Ѳеодоръ, едва прошедшій начальныя науки, почувствовалъ въ сердцѣ своемъ пламенное желаніе служить единому Господу Богу иноческими подвигами, и тогда же хотѣлъ убѣжать въ Плащанскую пустынь: но Промыслъ, готовившій его къ высшему служенію, судилъ о немъ иначе, удержавъ его волею ролителей до скончанія своего образованія. Лишь только окончилось образованіе его, и онъ изъ ученика сдѣлался наставникомъ другихъ, началось новое испытаніе для твердости и искренности сердечнаго его желанія: но онъ, возложивши однажды руку и сердце свое на рало, уже не озирался вспять и остался твердо при своемъ намѣреніи. Не было еще и двадцати лѣтъ ему, когда исполнилось пламенное желаніе его сердца,—онъ облекся въ св. ангельскій образъ и принялъ на себя имя издѣтства любимаго имъ праведнаго Филарета милостиваго.

Мы не можемъ, братіе, изобразить предъ вами всѣ труды и подвиги духовные почившаго Архипастыря нашего въ теченіе 60-ти лѣтней подвижнической его жизни: внутренняя жизнь его, подобно жизни всѣхъ ревнителей благочестія, запечатлѣна глубокою сокровенностію,—и только въ послѣднее время, когда настало уже время отшествія его нѣсколько приподнята была печать сокровенности, лежавшая на ней. Знаемъ только, что рвеніе къ духовнымъ подвигамъ, однажды возжегшись въ душѣ его, не угасало въ послѣдствіи времени никогда, а по временамъ разгоралось такимъ яркимъ пламенемъ, который не могъ не быть примѣтенъ и для другихъ, при всемъ его смиреніи и сокровенности. Такъ въ самомъ началѣ духовныхъ своихъ подвиговъ онъ стремился духомъ въ пустыню, зная, что пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ, міра сущимъ суетнаго кромѣ,—и только воля іерарха его воспрепятствовала исполнить сіе желаніе (*).

Вмѣстѣ съ преспѣяніемъ тѣлеснаго возраста онъ преспѣвалъ и въ подвигахъ духовныхъ: восходя по степенямъ іерархическимъ

(*) Вскорѣ послѣ посвященія почившаго Архипастыря въ іеромонаха, онъ подавалъ къ тогдашнему преосвященному орловскому Досиѳею прошеніе объ увольненіи отъ службы и опредѣленіи въ бѣлобережскую пустынь; но преосвященный не пустилъ въ ходъ сего прошенія.

выше и выше, онъ въ тоже время полагалъ въ сердцѣ своемъ и духовныя восхожденія къ Богу, дотолѣ, пока изъ сихъ степеней не составилась полная лѣствица, возведшая его отъ земли къ небеси. Не безъ скорбей и болѣзней совершалось сіе возхожденіе; много преградъ и искушеній встрѣчалось на семъ долговременномъ пути. Ревнителямъ благочестія не безъизвѣстна та многотрудная внутренняя борьба съ самими собою, которую ведутъ во всю жизнь тѣ, *иже Христовы суть*, тотъ ни для кого незримый крестъ, который они несутъ на раменахъ своихъ. Къ кресту внутреннему, незримому, присоединяется не рѣдко и крестъ внѣшній, видимый для всѣхъ. Около пяти лѣтъ несъ и почившій Архипастырь тяжкій крестъ. Въ послѣдствіи онъ называлъ время сіе великимъ благодѣяніемъ промысла Божія къ себѣ. Это было время, когда онъ переходилъ, изъ лѣтъ юнаго возраста и по тѣлу и по духу, въ лѣта возраста болѣе зрѣлаго: а извѣстно, что подобный переходъ и въ обыкновенной, естественной жизни рѣдко обходится безъ тяжкихъ болѣзней. Подъ симъ крестомъ онъ научился возвергать на Господа печаль свою во всѣхъ житейскихъ обстояніяхъ, возвѣщать предъ нимъ скорбь свою въ слезной пламенной молитвѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ для него среди скорбей было изливать предъ Богомъ печаль свою словами св. Псалмопѣвца, скорбныя чувствованія котораго близко подходили къ его положенію, такъ что онъ изучилъ тогда на память всю псалтырь, которая и во всю послѣдующую жизнь его была для него самымъ любимымъ чтеніемъ. Подъ симъ крестомъ онъ навыкъ полной и всецѣлой преданности въ волю Божію, которою отличался въ теченіе всей послѣдующей жизни,—и Господь *изведе яко свѣтъ правду* его, *и судьбу* его *яко полудне* (Пс. 36, 6). Однажды послѣ пламенной и слезной молитвы онъ увидѣлъ въ сонномъ видѣніи руку, писавшую на стѣнѣ: »не бойся; судьбы твои въ рукахъ Божіихъ«. Это было предвѣстіемъ измѣны десницы Вышняго.

Съ возведеніемъ на высшую іерархическую степень Архипастыря, почившій отецъ нашъ усугубляетъ духовные свои труды и подвиги,—и снова возникаетъ въ душѣ его желаніе совершеннаго уединенія. Это было уже стремленіе не юнаго, хотя и благочестиваго сердца, еще несознающаго вполнѣ ни трудности подвиговъ, ни слабости духовныхъ силъ своихъ, а сознательное стремленіе мужа зрѣлаго, искушеннаго въ горнилѣ скорбей и бѣдствій. Знаетъ сіе пустынь Оптина въ паствѣ калужской, бывшая любимымъ мѣстомъ его уединенія, гдѣ почившій Архипастырь основалъ скитъ, предназначая его для своего покоя и иноческаго подвига; вѣдаетъ о семъ пустынь Раифская въ паствѣ казанской, въ которой почившій съ тѣмъ же намѣреніемъ устроилъ для себя особую келлію; не безъизвѣстно сіе было и намъ, братіе, по той особенной любви, какую питалъ онъ къ пустынѣ Голосѣевской. Но по отшествіи его, это открылось яснѣе. За 17-ть лѣтъ предъ симъ почившій Архипастырь, не довольствуясь общими иноческими обѣтами, даетъ предъ лицемъ всевидящаго Бога сугубые обѣты благоугождать Ему высшими подвигами благочестія, воспринявши на себя великій ангельскій образъ—схиму Новое имя преподобнаго Ѳеодосія, принятое имъ, возбуждаетъ его къ новымъ подвигамъ смиренія и самоуничиженія. Дивились видѣвшіе Архипастыря—старца носившимъ кирпичъ при созиданіи церкви въ пустынѣ Голосѣевской, и недоумѣвали что значитъ сіе. То было внѣшнимъ проявленіемъ живаго подражанія отца нашего новому своему Ангелу, который иногда носилъ воду, иногда изъ лѣсу дрова, иногда же »братіямъ почи-

вающимъ, всемъ раздѣленое жито, коегождо ихъ часть измеливаше«.

Благо есть мужу, егда возметъ ярем Господень въ юности своей (Плач. Іер. 3, 27), говоритъ Писаніе. Это благо испыталъ на себѣ почившій Архипастырь нашъ въ преклонныхъ своихъ лѣтахъ, когда физическія силы его замѣтно уже ослабѣли, а въ особенности въ послѣдніе годы своей жизни. Мы сами были свидѣтелями, какъ среди крайняго изнеможенія и истощенія силъ его, по временамъ онъ вдругъ обновлялся какъ бы орлею юностію, и недоумѣвали, гдѣ источникъ такой крѣпости и бодрости. Предъ отшествіемъ своимъ онъ повѣдалъ, что тайна сей крѣпости заключается въ молитвенныхъ его трудахъ, что только въ молитвѣ онъ находитъ себѣ единственное успокоеніе и отраду, что за ней и время идетъ для него невидно какъ, и усталости неощутительно, и скуки нѣтъ, и при безсонницѣ ему не тяжело. »Прежде вставалъ я, говорилъ онъ не задолго до своей кончины, въ четыре часа, потомъ въ три, потомъ въ два, а теперь уже въ часъ и ранѣе. Шесть часовъ моего утра, (т. е. часы, проводимые въ молитвѣ келейной и потомъ на литургіи) такъ отрадны мнѣ, что я не промѣняю ихъ ни на какое царство. За тѣмъ идутъ уже тяжелые для меня часы земныхъ занятій и суеты«.

Не удивительно, бр., что, при такомъ богомысленномъ настроеніи духа почившаго Архипастыря и отца нашего, такъ многоплодно было долголѣтнее служеніе его церкви и отечеству. Не теперь, не съ сего св. мѣста и не моему слабому слову изобразить всѣ труды и подвиги его въ служеніи св. Церкви и показать значеніе его въ отечественной іерархіи. Для сего надлежало бы обозрѣть все 60-ти лѣтнее служеніе почившаго владыки,— надлежало бы изобразить 7-ми лѣтнее служеніе его въ отечественномъ его градѣ — Орлѣ, потомъ перейти къ 6-ти лѣтнему служенію на предѣлахъ Европы — въ Уфѣ, за тѣмъ къ 4-хъ лѣтнимъ трудамъ въ предѣлахъ Азіи — въ отдаленномъ Тобольскѣ, представить заботы и труды его въ двухъ высшихъ разсадникахъ духовнаго просвѣщенія; и наконецъ почти 40 лѣтнее служеніе его въ санѣ Архипастыря въ паствахъ калужской, рязанской, казанской и злѣшней кіевской. Трудъ необъятный; остается изъ многаго избрать не многое.

Буди память ему, какъ мужу совѣта, почтенному участіемъ въ управленіи Церковію Всероссійскою, ревновавшему о благѣ ея и принимавшему самое живое и дѣятельное участіе въ ея преспѣяніи. И не безплодна была сія ревность. Довольно вспомнить, что при его дѣятельномъ участіи милліоны отторженныхъ отъ православія чадъ Церкви возвращены въ нѣдра своей матери, и что ему судилъ Господь быть провозвѣстникомъ сего вожделѣннаго единенія (*).

Да будетъ почтена память его, какъ іерарха Божія и священнослужителя, во всю жизнь свою неусыпно заботившагося о благѣ преемственно ввѣряемыхъ его попеченію паствъ. Сколько въ теченіе долголѣтней жизни его вознесено имъ жертвъ Господу Богу на олтарѣ Господнемъ! Сколько создано новыхъ храмовъ Божіихъ, обновлено и украшено благолѣпіемъ древнихъ! Сколько благоговѣйнымъ и благолѣпнымъ священнослуженіемъ его возбуждено и воодушевлено сердецъ холодныхъ и равнодушныхъ къ вѣрѣ и Церкви православной! Сколько привлечено даже такихъ, кои не суть отъ двора сего!

Буди во благословеніихъ память его, какъ провозвѣстника таинъ Божіихъ, отверзавшаго

(*) Въ 1839 г. ему поручено было торжественно объявить въ Витебскѣ о присоединеніи уніатовъ къ православной Церкви,—и въ праздникъ св. Троицы, послѣ торжественнаго богослуженія съ бывшимъ уніатскимъ епископомъ, онъ самъ читалъ указъ о присоединеніи уніатовъ къ православію.

уста своя въ наученіе наше и глаголавшаго намъ глаголы живота вѣчнаго, не въ препрепрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но просто, общедоступно, отъ сердца, отечески.

На мнозѣ будетъ память ему, какъ ревнителю истинной духовной мудрости. Разсадники духовнаго просвѣщенія въ Орлѣ, Уфѣ и Тобольскѣ, затѣмъ въ царствующемъ градѣ Петра и въ обители преп. Сергія и наконецъ въ паствахъ, преемственно ввѣряемыхъ его попеченію, навсегда останутся благодарны ему и за то духовное просвѣщеніе, которое получали отъ него, и въ особенности за то направленіе просвѣщенія въ духѣ истиннаго древле-отеческаго православія, какое онъ полагалъ въ нихъ.

Исповѣсть Церковь похвалу ему, какъ ревнителю православной вѣры, не только пастырски заботившемуся объ утвержденіи ея, но и апостольски потрудившемуся въ ея распространеніи и между тѣми, кои отъ насъ были, но не пребыли съ нами, и между тѣми, для коихъ еще не возсіялъ свѣтъ благовѣствованія Христова. Сколько болѣла душа его при видѣ разнаго рода ересей и расколовъ, высказалъ самъ онъ, когда, прощаясь съ паствою калужскою, говорилъ: »Господи сердцевѣдче! Ты вѣси, сколько сердце мое воздыхало и будетъ воздыхать къ Тебѣ, да сей знаменитый градъ, цвѣтущій благочестіемъ и добродѣтелями отцевъ нашихъ, осыпанный всѣми благословеніями твоими, очистится отъ послѣднихъ остатковъ заблужденій и суевѣрія. Соверши надъ нимъ милость сію — да будутъ вси едино стадо, и ты единъ Пастыреначальникъ (*)«! А что чувствовала святая душа его на паствѣ казанской въ тѣ три года борьбы пламенной ревности по славѣ Божіей и искренней любви къ ближнимъ съ ослѣпленіемъ, отметавшимъ собственное свое спасеніе, доколѣ терпѣніе его не взяло верхъ надъ ослѣпленными, а слезныя молитвы къ Богу не смягчили сердецъ ихъ! И если *радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся* (Лук. 15, 7): то какая радость объ обращеніи отъ тьмы идолопоклонства въ чудный свѣтъ Божій болѣе 5000 братій! Если и *обратившій* одного *грѣшника отъ пути его покрыетъ множество грѣховъ* (Іак. 5, 20): то какой свѣтлый вѣнецъ уготовалъ себѣ почившій Архипастырь, обратившій цѣлыя тысячи заблуждавшихъ отъ тьмы и лести діавольской въ царство свѣта и любве!

Будетъ жить въ роды имя его, какъ истиннаго сына отечества, глубоко сочувствовавшаго всѣмъ его успѣхамъ и тяжко скорбѣвшаго при всѣхъ его неудачахъ. На память потомства изъ рода въ родъ будетъ передаваться воспринятый имъ на себя въ тяжкомъ испытаніи, которому подвергалось отечество наше, обѣтъ ежедневно причащаться св. Таинъ, чтобы усилить свои молитвы за благосостояніе его; навсегда незабвенно будетъ, что за нѣсколько часовъ до отшествія своего, когда уже ничто земное не занимало душу его, онъ принималъ еще живое участіе и высказалъ глубокое и искреннее сердечное сочувствіе къ его благу.

Заповѣдуя поминать наставниковъ, глаголавшихъ намъ слово Божіе, св. Апостолъ съ особенности совѣтуетъ взирать на скончаніе жительства ихъ. Это потому, что все время настоящей жизни есть только время сѣянія и созрѣванія, а по посѣву и созрѣванію нельзя еще съ несомнѣнностію заключать о жатвѣ. Скончаніе жительства, какъ время жатвы, являетъ уже въ полномъ свѣтѣ, на сколько доброплоденъ урожай. — И при скончаніи жительства почившаго Архипастыря

(*) Слов. при прощ. съ паств. Калуж. Воскр. Чт. г. X.

и отца нашего, явилась братіе, вся высота духа его, открылось въ полномъ свѣтѣ, что онъ *входитъ во гробъ якоже пшеница созрѣлая во время пожатая, или якоже стогъ гумна во время свезеный* (Іов. 5, 26). Зная, что никто еще не заключалъ завѣта со смертію, такъ чтобы она явилась къ нему, когда ему будетъ угодно сіе, почившій за 17 лѣтъ предъ симъ приготовилъ самъ себѣ сей гробъ, который видимымъ образомъ напоминалъ ему ту истину, что смерть не умедлитъ, что она можетъ придти яко тать въ нощи. Не малое величіе духа проявляется уже въ самой рѣшимости представлять себя по вся дни умирающимъ: а какой прекрасный плодъ принесла сія рѣшимость еще за долго до кончины его! Среди почти непрерывныхъ болѣзней въ послѣднее 3-хъ лѣтіе онъ не однократно, съ удивительнымъ спокойствіемъ и даже радостію душевною, говорилъ: »земная храмина тѣла моего раззоряется; и ноги болятъ, и грудь болитъ, и въ головѣ обмороки, и руки болятъ, и весь я сталъ какъ разслабленный, а душа радуется и желала бы хоть сей часъ разрѣшиться«. А въ послѣднее время онъ жилъ не столько здѣшнею, сколько тамошнею жизнію: »тѣло мое утончилось и похудало до крайности. Какъ женихъ съ нетерпѣніемъ ждетъ дня брачнаго для соединенія съ невѣстою; такъ и я жду и желаю разрѣшенія отъ этой жизни.« Здѣсь во всемъ свѣтѣ открылась полная и всецѣлая преданность его въ волю Божію, и изумительное терпѣніе и благодушіе. Болѣзнь его, по самому свойству своему, не могла не быть крайне тяжела для него; не могъ не чувствовать страданій почившій Архипастырь, оставаясь до послѣднихъ минутъ жизни съ полнымъ сознаніемъ. И за всѣмъ тѣмъ не слышно было изъ устъ его ни малѣйшей тѣни недовольства или ропота или нетерпѣливости. Открылась та благоговѣйная и пламенная любовь къ Господу Спасителю, которую воспитывалъ Онъ въ сердцѣ своемъ въ теченіе всей своей жизни. По сей-то любви, составлявшей жизнь его души, не оставлялъ онъ молитвеннаго своего правила и въ то время, когда лежалъ на одрѣ смертномъ; по сей-то любви, издавна имѣя духовною потребностію причащаться св. Христовыхъ Таинъ ежедневно, и во время смертнаго недуга своего, пока дозволяли силы, онъ вставалъ самъ и ходилъ въ церковь, потомъ приказывалъ водить себя, а къ концу носить на рукахъ. А съ какимъ благоговѣніемъ повергался онъ предъ св. Тайнами, съ какою духовною радостію обнималъ чашу жизни! Отъ полноты духовнаго восторга онъ могъ только восклицать: »жизнь моя, свѣте мой, надежда моя«. Здѣсь обнаружилась и высота любви его къ ближнимъ. Почти съ самаго начала болѣзни смертной онъ приказалъ безпрепятственно допускать къ себѣ всѣхъ желавшихъ видѣть его и принять отъ него послѣднее благословеніе, безъ различія званій и состояній, и не смотря на тяжкія страданія тѣла, съ благодушіемъ и душевною радостію принималъ всѣхъ, находя въ тоже время и приличное слово назиданія для тѣхъ, кого зналъ при жизни.

Таковъ былъ почившій Архипастырь и отецъ нашъ въ жизни своей; такимъ явился въ скончаніи жительства своего. Нужно ли напоминать намъ, братіе, что не однимъ праздноимъ воспоминаніемъ его трудовъ и подвиговъ должна быть почтена память его, что исполнивши одну половину заповѣди св. Апостола, нашъ долгъ исполнить и другую?

Отцы и матери семействъ! напечатлѣйте неизгладимо въ сердцахъ своихъ, что стремленіе къ доброму подвигу въ первый разъ возникло въ сердцѣ почившаго отца нашего при чтеніи глубоконазидательныхъ повѣствованій о жизни святыхъ Божіихъ. Не забывайте, что

онъ, съ радостію сердечною вспоминая объ этомъ, съ болѣзнію сердца отзывался о теперешнемъ обычаѣ — учить дѣтей всему, и полезному и безполезному, кромѣ только единаго на потребу, такъ что дитя, выучившись всему, не только не знаетъ, но часто не умѣетъ и читать книгъ церковныхъ.

Мужи именитые, почтенные величіемъ и славою! поучитесь изъ жизни почившаго отца нашего, стоявшаго на свѣщницѣ святительскаго служенія старѣйшей каѳедры Церкви Россійской, какъ можно и на высокихъ степеняхъ славы и величія не забывать о высшемъ званіи христіанина и ходить достойно сего званія.

Мужи богатые, надѣленные отъ Господа въ изобиліи всѣми благами міра! Научитесь изъ примѣра почившаго, какъ во спасеніе свое употреблять избытки достатковъ своихъ.

Юноши, крѣпкіе силами тѣлесными, не растратившіе и даровъ духовныхъ! Смотрите, какое еще здѣсь — на землѣ благо для человѣка въ лѣтахъ зрѣлыхъ, а собенно въ лѣтахъ преклонной старости, если онъ отъ юности своея неуклонно слѣдуетъ заповѣдямъ Божіимъ; что же будетъ тамъ — на небѣ?

А для всей вообще паствы мнѣ слышится отъ гроба сего такое наставленіе: »Блюдите вѣру православную, яко зѣницу ока; неуклонно держитесь св. Церкви, какъ спасительнаго ковчега Божія; стяжите память смертную, какъ охраненіе отъ всѣхъ искушеній и соблазновъ грѣха; старайтесь воспитать въ сердцѣ любовь къ сладчайшему Господу Іисусу Христу, сколь можно чаще соединяясь съ Нимъ въ св. Тайнахъ Его; стяжите терпѣніе и благодушіе въ скорбяхъ и напастяхъ, преданность въ волю Божію во всѣхъ житейскихъ обстояніяхъ. Если исполните сіе, не далече будете отстоять отъ царствія Божія«.

Прости намъ, Пастырю благосердый, что мы для собственнаго утѣшенія и назиданія дерзнули при гробѣ твоемъ раскрыть то, что при жизни своей ты тщательно таилъ подъ покровомъ смиренія и сокровенности, — и какъ здѣсь ты не лѣностно возносилъ къ престолу Всевышняго пламенныя молитвы за паству твою, такъ и тамъ предстоя Владыкѣ Христу, въ срѣтеніе котораго, грядущаго съ небеси, поспѣшилъ ты изъ сей жизни, умоляй благость Его, да духъ, почивавшій въ тебѣ, почіетъ и на паствѣ твоей: уповаемъ бо и увѣрены, что ты возъимѣешь на сіе дерзновеніе, яко Іерархъ Божій и священнослужитель! Аминь.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

115) Да страшимся безвѣстности смерти, не зная въ какомъ состояніи она застигнетъ насъ, — чтобъ иначе не помрачился какъ нибудь помыслъ нашъ, врагъ не всѣялъ въ насъ какой нибудь страсти, чтобы не ослабѣло доброе и благочестное наше расположеніе, и мы, обратясь къ чему нибудь мірскому, не погубили всего труда своего. Ибо Господь сказалъ: въ чѣмъ застану, въ томъ и сужу.

116) Мы сочетались Христу, и отреклись діавола, и всѣхъ дѣлъ его, и всего служенія его. Но во всей силѣ успѣть въ семъ и очиститься отъ всего человѣкъ не

можетъ, если не отрѣшится отъ мірскихъ и житейскихъ дѣлъ.

117) Не думай, что малое дѣло—избѣжать всего вреднаго и могущаго возбуждать страсти.

118) Если хочешь быть оправданною въ день суда и обрѣсти животъ и царствіе наслѣдовать,—не собирай ничего, добрая сестра моя, оттуда и отсюда, и не трать краткихъ дней своего безмолвія; устраняйся отъ всякихъ видимыхъ связей, чтобы тѣмъ удобнѣе разрѣшить невидимыя узы души своей; презри и отвергни всякое плотское услажденіе и вожделѣніе, да возпріимешь утѣшеніе нетлѣнной духовной жизни.

119) Если любишь безмолвіе—истинную матерь добродѣтелей, содѣлавшую побѣдителями древнихъ,—сохраняй его безпрерывно, и не допускай ни малаго прохлажденія въ суетныхъ житейскихъ дѣлахъ, и вскорѣ достигнешь того, чего ищешь въ Господѣ Богѣ. Терпѣливо сиди на безмолвіи и притрудно ревнуй о добродѣтеляхъ и спасеніи души, устраняясь отъ всѣхъ вещей. Ибо что пользуетъ человѣку, говоритъ Господь, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ? Или что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою?—По истинѣ ничего.

120) Да не внушаетъ тебѣ помыслъ твой, или—лучше—да не подшептываетъ тебѣ сатана, говоря: не постись, не бди, не злостражди, чтобы не заболѣть. Ибо боящійся болѣзни тѣла, добрая сестра моя, не получитъ милости Божіей и не можетъ стяжать добродѣтелей. Кто же въ сокрушеніи всегда припадаетъ къ Богу во всякое время, того вскорѣ утѣшитъ Господь своимъ посѣщеніемъ. Если человѣкъ не презритъ тѣла, и не претерпитъ благодушно всего, что по попущенію Божію находитъ на него, то никогда не узритъ свѣта Божества.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 18-го Января 1858 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 44.

НЕДѢЛЯ СЫРОПУСТНАЯ.

2 Февраля 1858 г.

Гласъ 3-й.

На утрени евангеліе воскресное 3-е, Марк. зач. 71. На литургіи: апост. Римл. зач. 112, Евр. зач. 316; еванг. Мат. зач. 17, Лук. зач. 7.

СВЯТАГО ЛЬВА ПАПЫ РИМСКАГО

СЛОВО

НА СВЯТУЮ ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦУ.

Хотя, возлюбленные, съ приближеніемъ праздника Пасхи, самое наступленіе закономъ опредѣленнаго времени указываетъ намъ на сорокодневный постъ: однако нужно прибавить къ сему и наставленіе моего слова, которое, при помощи Божіей, не будетъ ни безполезно для лѣнивыхъ, ни обременительно для усердныхъ. Ибо если дни тѣ требуютъ, чтобы мы усугубили съ своей стороны всякую внимательность къ самимъ себѣ: то конечно никто изъ васъ, какъ я надѣюсь, не будетъ таковъ, чтобы не принять съ радостію возбужденія къ доброму дѣлу. Природа наша, будучи еще подвержена смертности, перемѣнчива, и хотя бы достигла самыхъ высшихъ степеней добродѣтели, всегда, однакожъ, какъ съ одной стороны можетъ подаваться назадъ, такъ съ другой — болѣе и болѣе преуспѣвать. И — вотъ въ чемъ состоитъ истинная праведность совершенныхъ: — въ томъ, чтобы никогда не считать себя совершенными, дабы, остановившись на пути еще неоконченномъ, не подвергнуться опасности податься назадъ тамъ, гдѣ перестали простираться впередъ. Итакъ, поелику никто изъ насъ, возлюбленные, не совершенъ и не святъ столько, чтобы не могъ быть еще совершеннѣе и святѣе: то всѣ мы вообще, безъ различія степеней, безъ разбора заслугъ, будемъ стремиться съ святою ненасытимостію отъ того, чего достигли, къ тому, чѣмъ еще не обладаемъ, и ту мѣру преспѣянія, какую имѣемъ, будемъ увеличивать еще необходимымъ прибавленіемъ. Ибо конечно тотъ въ другое время оказывается мало бла-

гочестивымъ, кто въ сіи дни не дѣлается благочестивѣе.

Посему-то благовременно огласило нынѣ слухъ нашъ чтеніе апостольское: *се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія* (2 Кор. 6, 2). Ибо что благопріятнѣе того времени, что спасительнѣе тѣхъ дней, въ которые объявляется война порокамъ и умножается преспѣяніе во всѣхъ добродѣтеляхъ? Всегда надлежало бы тебѣ, душа христіанская, бодрствовать противу врага твоего спасенія, дабы не давать никакого мѣста коварствамъ искусителя: но по крайней мѣрѣ тебѣ надобно прилагать болѣе осторожности и болѣе благоразумной заботливости въ то время, когда этотъ самый врагъ твой свирѣпствуетъ съ болѣе ожесточенною злобою. Ибо теперь похищаются у него безчисленные сосуды, плѣненные имъ, и во всѣхъ концахъ земли уготовляются цѣлыя тысячи возрожденныхъ во Христѣ, и, съ приближеніемъ рожденія новой твари, изглаждается духовная скверна у тѣхъ, коими обладалъ онъ (*). Отъ того неистовствуетъ нечестивая ярость ослабленнаго врага и онъ ищетъ новой добычи, потерявъ то, на что прежде имѣлъ право. Неутомимый, всегда бодрствующій, онъ восхищаетъ тѣхъ овецъ, которыхъ обрѣтаетъ неосторожно блуждающихъ внѣ священныхъ стадъ, и ихъ, падкихъ на удовольствія и склонныхъ къ роскоши, уводитъ на распутія смерти: воспламеняетъ гнѣвъ, питаетъ ненависть, разжигаетъ похоти, насмѣхается надъ воздержаніемъ, возбуждаетъ къ пресыщенію.

И—кого не осмѣлится искушать тотъ, кто не удержался отъ покушенія прельстить самаго Господа нашего Іисуса Христа? Ибо, какъ повѣствуетъ евангельская исторія, когда Спаситель нашъ, будучи истиннымъ Богомъ, для того, чтобы явить намъ себя и истиннымъ человѣкомъ и устранить совершенно нечестивыя мнѣнія заблуждающихъ, постившись сорокъ дней и ночей, принялъ на себя алчбу, свойственную немощи нашей, діаволъ, обрадовавшись, что нашелъ въ Немъ признакъ страстной природы, дабы испытать Его могущество, коего боялся, сказалъ: *аще Сынъ еси Божій, рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ* (Матѳ. 4, 2). Это возможно было для Всемогущаго, и легко было, по власти Создателя, какой бы то ни было твари измѣниться въ тотъ видъ, въ который бы повелѣлъ Онъ, подобно какъ на бракѣ Онъ, захотѣвъ, претворилъ воду въ вино (Іоан. 2, 9): но то было болѣе сообразно спасительнымъ намѣреніямъ, дабы лукавство прегордаго врага было побѣждено отъ Господа не силою Божества, а таинствомъ смиренія. И наконецъ, когда діаволъ бѣжалъ и всѣ козни искусителя остались тщетны: тогда Ангелы приступили ко Господу и служили Ему, а такимъ образомъ и при коварныхъ предложеніяхъ пребыло ненарушимымъ Его человѣчество, и чрезъ святое служеніе открылось Его Божество, какъ истиннаго человѣка и истиннаго Бога. Итакъ да постыдятся сыны и ученики діавола, кои, будучи исполнены внушеніемъ ехиднинымъ, обольщаютъ простыхъ умомъ не признавать во Христѣ двѣ истинныя природы, отнимая у Него или Божество, какъ у человѣка, или человѣчество, какъ у Бога, тогда какъ въ одно и тоже время сугубымъ доказательствомъ опровергнута лживость того и другаго мнѣнія, потому что и алчбою тѣлесною доказано совершенное человѣчество, и служеніемъ Ангеловъ—совершенное Божество.

(*) Въ древней Церкви былъ обычай—въ продолженіе Четыредесятницы приготовлять оглашенныхъ ко св. крещенію, которое и совершалось надъ ними въ великую субботу. На этотъ обычай дѣлается здѣсь указаніе.

Итакъ, возлюбленные, поелику, наученные Искупителемъ нашимъ, мы знаемъ, что *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ Божіемъ* (Матѳ. 4, 4), и христіанамъ должно быть свойственно желать насыщенія болѣе словомъ Божіимъ, нежели пищею тѣлесною: то воспріимемъ сей торжественный постъ съ искреннимъ усердіемъ и живою вѣрою, и будемъ провождать его не въ одномъ воздержаніи отъ пищи, которое иногда предписывается и слабостію тѣла и скупостію,—но въ тщательномъ настроеніи души къ добру, чтобы и намъ быть въ числѣ тѣхъ, о коихъ сама Истина вѣщаетъ: *блажени алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи насытятся* (Матѳ. 5, 6). Да будутъ же для насъ утѣхою дѣла благочестія, и будемъ насыщаться тою пищею, которая питаетъ насъ для вѣчности. Будемъ радоваться объ утѣшеніи бѣдныхъ, которыхъ мы своимъ иждивеніемъ накормили; будемъ утѣшаться одеждою тѣхъ, коихъ наготу необходимыми одеждами мы прикрыли. Пусть чувствуютъ наше человѣколюбіе лежащіе въ болѣзняхъ, слабые въ немощахъ, ссыльные въ трудахъ, сироты въ лишеніи, безпомощныя вдовы въ скорби: на вспоможеніе имъ, конечно, всякій можетъ внести хотя нѣкую часть по своей доброй волѣ. Ибо не малъ у того достатокъ, у кого довольно великодушія, и отъ количества имущества не зависитъ мѣра милосердія и сострадательности. Богатство доброй воли не останется безъ заслуги, хотя бы у кого и скудно было состояніе. Богатые больше иждиваютъ, а не столь богатые меньше, но плоды дѣлъ ничѣмъ не разнятся тамъ, гдѣ одинаковы расположенія дѣлающихъ.

Но въ сіе удобное для упражненія въ добродѣтели время есть, возлюбленные, и другаго рода прекрасные вѣнцы, которые могутъ быть восхищаемы безъ всякаго расточенія житницъ, безъ малѣйшей потери денегъ: это тогда, когда удалится сладострастіе, когда отвергнется пьянство и чувственная похотливость обуздается закономъ чистоты; когда ненависть замѣнится любовію, когда вражда превратится въ миръ, когда спокойствіе духа погаситъ гнѣвъ, когда кротость проститъ обиду, когда между господами и слугами установятся такія отношенія, что и власть первыхъ будетъ кротче, и повиновеніе послѣднихъ—охотнѣе. Если исполнимъ все сіе, возлюбленные, то привлечемъ милосердіе Божіе, и, очистившись отъ грѣховъ, достойно будемъ праздновать досточтимую Пасху. Вотъ и благочестивѣйшіе императоры римскіе издавна тщательно исполняютъ сіи священные уставы: они, въ честь страданій Господнихъ и воскресенія, снисходятъ съ высоты своего владычества и, умѣряя строгость своихъ законовъ, смягчаютъ наказаніе многихъ преступниковъ, дабы въ тѣ дни, когда міръ спасается милосердіемъ Божіимъ, въ ихъ снисхожденіи, подражающемъ благости Всевышняго, мы видѣли себѣ примѣръ для подражанія. Итакъ пусть христіанскіе народы подражаютъ своимъ Государямъ и примѣромъ Царей побуждаются къ снисходительности въ домашнемъ быту своемъ. Ибо не естественно, чтобы частные законы были строже общественныхъ. Пусть отпущаются вины, разрѣшаются узы, забываются обиды, престаетъ мщеніе, дабы въ священный праздникъ, по благодати Божіей и по милосердію людей, всѣ вступили радующимися, всѣ невинными, въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, который со Отцемъ и Святымъ Духомъ живетъ и царствуетъ, какъ Богъ, въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь.

РѢЧЬ 1-я,

СКАЗАННАЯ ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО (*).

Одинъ часъ еще, и тебя съ нами не будетъ, добрый Пастырь нашъ!

Со дней юности ты возлюбилъ славу селеній горнихъ, всю жизнь душа твоя жаждала къ Богу крѣпкому, живому. Потому издавна всѣмъ и каждому съ любовію вѣщалъ ты о своемъ пути загробномъ. Съ тайнымъ трепетомъ мы слушали сіи вѣщанія,—одинъ ты утѣшался ими. Теперь, видя твое спокойствіе, вмѣсто грозныхъ слѣдовъ смерти, на оставленномъ жизнію лицѣ твоемъ, понимаемъ, что ты вполнѣ вкусилъ радость блаженнаго отшествія твоего! Совершенно знаемъ, что если, при свѣтѣ вѣры и матернихъ попеченіяхъ св. Церкви, и для многихъ блаженъ путь, въ оньже идетъ душа по раздученіи отъ тѣла: то для тебя тысячекратно блаженъ онъ, яко уготовися тебѣ, паче другихъ, свѣтлое мѣсто упокоенія. Уготовися твоими молитвами, уготовися сонмомъ преподобныхъ, которымъ на землѣ въ обители ихъ такъ долго и такъ преподобно послужилъ ты;—уготовися Царицею небесъ, которую такъ крѣпко возлюбилъ ты, и которой, въ храмѣ Ея и въ Ея обители, такъ долго и равноангельски служилъ ты;—уготовися сладчайшимъ Іисусомъ Пастыреначальникомъ, Егоже возжелѣлъ, Егоже возлюбилъ, Емуже предавалъ ты себя во всѣ дни живота твоего, и благодатію котораго такъ мудро и твердо, посреди бурныхъ и мятежныхъ стихій міра сего, управлялъ ты кормиломъ Церкви воинствующей во славу единыя святыя и живоначальныя Троицы. О, вполнѣ знаемъ, что блаженъ путь твой, въ оньже идеши! Вѣруемъ, что восхищенъ ты отъ насъ къ предвкушенію божественныхъ благъ и сорадованію въ сонмѣ святителей и преподобныхъ; уповаемъ, что открыты для тебя свѣтлые чертоги Царицы небесъ, и непостыдно чаемъ, что къ престолу Сына Божія, какъ вѣрный слуга и мудрый строитель таинъ Божіихъ, ты предпоставленъ! Сею вѣрою и сими чаяніями да облегчится, братія, скорбь наша о благолюбивомъ Пастырѣ нашемъ!

Но пусть мы такъ утѣшимся о немъ;—кто же и чѣмъ можетъ нынѣ утѣшить насъ самихъ, когда къ скорбямъ путей нашихъ приложилъ Господь еще тягчайшую, лишивъ насъ столь мудраго, столь благаго, столь попечительнаго Отца-Пастыря! Скорбь духовнаго сиротства нашего понесетъ не одна паства его, но болѣзненно воспріимутъ ее грады и веси всей земли нашея и многія чада страждущей за православіе Церкви вселенской.

На добраго Пастыря нашего съ благоговѣніемъ взирали святители Цареграда и Іерусалима, Дамаска и Александріи! Его щедротами укрѣплялись и поучались мудростію пастыри и чада Церкви греческой и племенъ Славянскихъ! Его подвигамъ, его правдѣ и кротости, его щедротамъ неизсякаемымъ дивились и созрѣвшіе въ подвигахъ благочестія дивные старцы Аѳонскіе! Ангелъ Церкви кіевской, Святитель нашъ, духовно предстоялъ всей Церкви, укрѣплялъ, помогалъ, утѣшалъ и хранилъ вѣру и сердца всѣхъ чадъ ея. Восплачутъ они, узнавши о горькой утратѣ нашей, и старцы передадутъ скорбь сію сердцамъ сыновъ и дщерей своихъ.

Но какая скорбь разліется въ сердцахъ православныхъ сыновъ земли нашея, когда узнаютъ они, что ты оставилъ землю сію, Святитель нашъ! Вѣнценосцы и пастыри, вель-

(*) Ректоромъ Семинаріи, архимандритомъ Петромъ. Рѣчь же предъ выносомъ, помѣщенная въ 42 № В. Чт. произнесена каѳедральнымъ протоіереемъ Софійскаго Собора Іоанномъ Скворцевымъ.

можи и простые, старцы и дѣти — всѣ видѣли въ тебѣ правило вѣры и чистоты, мудрости и смиренія, воздержанія и кротости, всѣ съ благоговѣніемъ взирали на тебя, какъ на образецъ истиннаго благочестія, святительской ревности и отеческаго снисхожденія, и смиренныя чада Церкви каждое слово твое запечатлѣвали въ сердцахъ своихъ какъ святыню, какъ небесное сѣмя царствія Божія. Обильнымъ и чистымъ свѣтомъ, пламенѣя предъ Богомъ всея земли на свѣщницѣ Церкви кіевской, ты привлекалъ къ себѣ очи всѣхъ сыновъ вѣры великаго царства нашего. Градъ, тобою возлюбленный, Благочестивѣйшій Вѣнценосецъ наименовалъ Іерусалимомъ земли Русской, въ которомъ ты, какъ маститый Іаковъ, возродилъ, укрѣпилъ и воспламенилъ духъ истиннаго благочестія и ревности по вѣрѣ и подвигамъ отцевъ. Будучи не глашателемъ только ученія и заповѣдей евангельскихъ, ненавидя хладности и постыднаго безразличія къ правиламъ и ученію Церкви православной, ты былъ истиннымъ исповѣдникомъ ученія святыя, богохранимыя, Апостолами и святителями преданныя намъ вѣры. Таковъ былъ ты, — и такъ понимало тебя наше любезное отечество! Какъ тяжко воздохнетъ оно, узнавъ о нашей потерѣ невыразимой!

А паства твоя?... Но ты зришь уже, — она вся въ слезахъ, — чистыхъ, сердечныхъ слезахъ! — Священнослужители ея почти всѣ птенцы, тобою воскормленные, ея власти и начальства тобою укрѣплены въ правилахъ жизни и нелицемѣрномъ храненіи законовъ Царей благочестивѣйшихъ. Мужи богатства и силы тобою побуждены ко всякому благодѣянію. Всѣ стезямъ благимъ тобою научены, тобою укрѣплены въ трудахъ служенія, въ скорбяхъ тобою утѣшены, на всяко дѣло благое тобою благословлены, — и каждый благословлялъ тебя какъ ангела Божія! Бесѣдовалъ ли ты съ нами въ полныхъ помазанія твоихъ поученіяхъ? — мы благоговѣйно внимали имъ, хранили ихъ въ глубинѣ сердецъ нашихъ. Священнодѣйствовалъ ли ты? — ты возкрылялъ всѣхъ къ молитвѣ пламенной; благословлялъ ли ты? потоки благодати лились въ мысли и сердца наши, — часы покоя твоего отнимались отъ жажды благословеній твоихъ. Въ бесѣдахъ съ тобою мудрые умудрялись твоими совѣтами; поучающіеся тайнамъ царствія Божія опочивали на твоихъ убѣжденіяхъ, ревнующіе о жизни духовной, видя тебя, молились тайно Подателю благихъ, чтобы Онъ ниспослалъ имъ силы подражать твоей неутомимости въ подвигахъ и молитвахъ! Мы видѣли въ тебѣ великую прозорливость пастырскую, знали твой вкусъ духовный; для всѣхъ былъ ты полнымъ сосудомъ благодати Божіей; глава твоя была умащена помазаніемъ отъ Святаго. А сироты, а болящіи, а неимущіе, а превратностями жизни озлобленные? О, въ слезахъ умиленія и благодарности кому не повѣдятъ они, чѣмъ былъ ты для нихъ по своей любви и благодѣяніямъ! — Мы знаемъ только, что какъ бы ни далекъ былъ отъ земли путь къ селеніямъ горнимъ, — онъ весь усыпанъ райскими цвѣтами благодѣяній твоихъ.

Боже неисповѣдимый въ судьбахъ своихъ! Если Ты самъ для славы имене твоего воздвигаешь и любишь избранныхъ твоихъ на землѣ; если Ты самъ поставляешь ихъ на горнемъ мѣстѣ въ Церкви твоей святой — да просвѣтится свѣтъ ихъ предъ человѣки: для чего же попускаешь сѣни смертной смѣжать очи ихъ? Для чего ихъ творишь причастниками жребія смертныхъ, къ воспященію тока благодати и милостей твоихъ? Лѣта жизни нашея такъ малы, но судьбы твои, для явленія коихъ Ты и воздвигаешь ихъ, — бездна многа.... Приникнемъ, братія, мыслію во святилище тайнъ Вышняго и увидимъ, что пре-

дѣлъ жизни земной отнюдъ не есть предѣлъ святительскаго служенія.... Для ихъ ходатайства и молитвъ о насъ нѣтъ конца и въ самой вѣчности. Такъ, если мы не можемъ нынѣ итти съ нашимъ пастыремъ, то онъ въ сердцѣ своемъ перенесъ всѣхъ насъ туда... Если онъ оставилъ насъ, то для того, чтобы неразвлеченнѣе молить о насъ Отца небеснаго; чтобы ближе у престола Его исходатайствовать, въ укрѣпленіе немощей нашихъ, сугубыхъ даровъ благодати; чтобы повѣдавши предъ Нимъ всю лютость врага навѣтующаго намъ и всѣ разлитыя по міру искушенія его, удержать еще и еще праведный гнѣвъ неумытнаго Судіи и на бездну согрѣшеній нашихъ призвать безпредѣльную, неизмѣримую бездну Его божественной благости и долготерпѣнія! О, блаженъ путь, въ оньже идеши, добрый Пастырь нашъ, — блаженъ и не для одного тебя! И смерть не прекратитъ твоей любви и вящшихъ благодѣяній намъ. Послѣднимъ благословеніемъ твоимъ укрѣпи насъ, благій Пастырь нашъ, въ семъ радостномъ и священномъ вѣрованіи и, окомъ орлимъ въ высоты небесъ назирая паству твою, сохрани и возрасти во многоплодіи и преизбыткѣ все посѣянное тобою въ Церкви и во всемъ православномъ царствѣ нашемъ! Прейдутъ роды, но память о тебѣ, мудрый, благій, добродѣтельный, кроткій, благочестивый Пастырь нашъ — въ Церкви кіевской, — въ отечествѣ нашемъ и во всемъ мірѣ православномъ пребудетъ во вѣки съ похвалами! Смерть сокрушаетъ величіе многихъ славныхъ земли, но для тебя она есть только начало истиннаго, вѣчнаго прославленія твоего во Христѣ Іисусѣ.

Р Ѣ Ч Ь 2-я,

СКАЗАННАЯ ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО (*).

Итакъ, дѣйствительно *въ послѣдній разъ* (**) прошедшее лѣто видѣлъ тебя въ своихъ стѣнахъ столько любезный твоему сердцу вертоградъ высшаго духовнаго образованія. Слово твое, къ скорби нашей, оправдалось. Больше ужъ не увидимъ твоего свѣтлаго взора, кроткаго и привлекающаго. Больше не услышимъ твоего слова, милостиваго, солію простоты и мудрости евангельской раствореннаго.

Двадцать лѣтъ стоя на высокомъ свѣщникѣ паствы кіевской, ты былъ поистинѣ свѣтильникомъ для высшаго святилища духовнаго просвѣщенія. Мы видѣли въ тебѣ глубокое знаніе самыхъ высокихъ истинъ христіанскаго ученія, которыя всегда умѣлъ ты передавать намъ въ простотѣ евангельской. Видѣли въ тебѣ святую ревность по правой вѣрѣ, съ какою ты постоянно внушалъ намъ хранить уставы Церкви и отеческія преданія, съ духовною опытностію и проницательностію остерегая наши мысли отъ всего чуждаго и вреднаго духу православія. Видѣли въ тебѣ, — что особенно драгоцѣнно въ нашъ скудный духовною жизнію вѣкъ, — живой опытъ жизни по святому евангелію, и отъ того истина евангельская, имѣя въ тебѣ живой примѣръ силы и дѣйственности ея, намъ всегда казалась ясною и не-

---

(*) Баккалавромъ Академіи, архимандритомъ Филаретомъ.

(**) По окончаніи испытаній въ іюлѣ прошлаго 1857 года, Высокопреосвященный въ общемъ собраніи начальниковъ и наставниковъ Академіи сказалъ, что вѣрно уже въ послѣдній разъ производилъ онъ испытанія. Когда было выражено желаніе, чтобы это посѣщеніе его не было послѣднимъ, онъ присовокупилъ: »нѣтъ, уже больше не держите меня въ этомъ мірѣ; тяжело становится«.

сомнѣнною. Ты училъ насъ не словомъ только, но дѣломъ и истиною.

При сихъ высокихъ совершенствахъ твоего святительства, мы видѣли въ тебѣ непрестанное вниманіе къ намъ и самую дѣятельную заботливость о насъ. Особенно никогда не изгладится изъ нашей памяти тотъ подвигъ твоего богопросвѣщеннаго вниманія къ намъ, который каждогодно, въ продолженіи многихъ дней (*), несмотря и на немощи старческія, какъ благій дѣлатель Христовъ, совершалъ ты въ вертоградѣ нашемъ, подвергая испытанію будущихъ служителей слова крестнаго, съ опытною и тонкою наблюдательностію неутомимо слѣдя за каждымъ движеніемъ ихъ мысли и слова. Ты являлся тогда судіею нашихъ мыслей и познаній; но мы всегда имѣли въ тебѣ Ангела — утѣшителя, поощрявшаго своимъ милостивымъ вниманіемъ посильные труды ученія. Въ самыхъ строгихъ замѣчаніяхъ твоихъ мы ощущали сладость отеческой любви, тихо и животворно дѣйствовавшей на исправленіе замѣчаемыхъ въ насъ недостатковъ. Полный духа жизни о Христѣ Іисусѣ, ты былъ для насъ жизненнымъ духомъ, воодушевляя своимъ посѣщеніемъ и обучаемыхъ и обучающихъ въ трудномъ подвигѣ науки и просвѣщенія, вливая въ тѣхъ и другихъ свѣжія силы къ новой дѣятельности и новымъ трудамъ.

И въ предсмертныя минуты, когда ты весь былъ устремленъ къ горнему, ожидая близкаго разрѣшенія отъ тѣла, потухавшій взоръ твой не разъ останавливался заботливымъ вниманіемъ на вертоградѣ нашемъ. Особенно это было примѣтно для насъ, когда ты за нѣсколько часовъ до своего изшествія (*) призывалъ дѣлателей его, къ одру своему, съ словомъ послѣдняго назиданія благословляя насъ, и вознося въ сердцѣ своемъ теплыя молитвы о нашемъ преспѣяніи въ разумѣ и благочестіи.

Чтожъ воздадимъ тебѣ, благостнѣйшій Архипастырь нашъ, за вся благая, пріятая нами отъ твоей любви и мудрости? Думаемъ, что ничѣмъ столько не выразили бы мы предъ тобою признательности и благодарности, какъ исполненіемъ твоего завѣтнаго желанія — хранить святую Вѣру въ апостольской и отеческой чистотѣ, хранить не въ словѣ только, а и въ сердцѣ. О, да исполняется въ насъ во вѣки твое святое и пламенное желаніе!

Стоя теперь предъ престоломъ Всевышняго, молися о насъ, священнѣйшій Архипастырь, чтобы Господь своею благодатію выну охранялъ и ограждалъ нашъ вертоградъ отъ тлетворнаго духа лжи и лести, утверждая его на неподвижномъ камени исповѣданія святой православной Церкви!

(*) Не болѣе пяти лѣтъ, какъ Высокопреосвященный оставилъ свой обычай бывать на экзаменахъ полугодичныхъ (предъ праздн. Р. Хр.); къ году еще продолжалъ посѣщать внутреннія испытанія, покрайней мѣрѣ, раза по два; но курсовыя испытанія производилъ до послѣдняго времени самъ, высиживая по шести и болѣе дней сряду съ дивнымъ, по лѣтамъ, терпѣніемъ и бодростію.

(*) Въ вечеру 20-го декабря, послѣ всенощной, Высокопреосвященный принималъ начальствующихъ и наставниковъ — монашествующихъ духовно—учебныхъ заведеній (Акад., Семинар. и училищ.). Тѣ и другіе, послѣ общаго для всѣхъ наставленія, удостоились получить благословеніе иконами изъ собственныхъ рукъ Архипастыря.

СЛОВО

ПРЕДЪ ПАНИХИДОЮ, СОВЕРШАЕМОЮ ВЪ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ КАЖДОГОДНО 31 ДЕКАБРЯ, СКАЗАННОЕ ВЪ 1857 ГОДУ (*).

Почти съ каждымъ годомъ разширяется у насъ списокъ усопшихъ, которыхъ мы имѣемъ обычай поминать въ этотъ день въ молитвахъ нашихъ предъ Господомъ Богомъ, совершая память незабвеннаго основателя училища нашего. Но въ настоящій годъ прибавленіе къ этому списку, можно сказать, не въ мѣру велико: мы вписали въ него нынѣ такія имена, которыя чрезвычайно дороги для насъ (**). Памятенъ будетъ годъ сей для тебя, любезное училище наше; не забудешь ты никогда драгоцѣннѣйшія для тебя имена сіи, съ которыми такъ долго и такъ крѣпко соединены были твое благосостояніе и твоя слава!

Нѣтъ болѣе Архипастыря нашего. Нельзя сказать, чтобы время отшествія его настало внезапно, не предвиденно: онъ самъ приготовлялъ насъ къ этому времени и приучалъ къ мысли о разлукѣ съ собою; однакожъ намъ трудно и теперь еще привыкнуть къ этой мысли. Образъ его такъ живъ и ясенъ предъ нами, что это — образъ не усопшаго, а живаго лица. И дай Богъ, чтобы свѣтлый образъ сей не только надолго, но и навсегда напечатлѣлся въ сердцахъ нашихъ; потому что онъ есть образъ благости, мудрости и любви христіанской!

Благъ былъ Архипастырь нашъ. Жезлъ пастыря-начальника былъ въ рукахъ его только знакомъ Богомъ врученной ему духовной власти, но никогда не обращался въ знаменіе кары или прещенія. Его обращеніе, его бесѣды, наставленія, замѣчанія, предостереженія — все было исполнено духомъ отеческой кротости, терпѣливости и снисхожденія. Онъ не внушалъ никому изъ насъ боязни къ себѣ, и потому, когда являлся къ намъ не только въ качествѣ духовнаго отца, но и въ качествѣ испытателя нашего дѣла, мы встрѣчали его всегда съ истинною радостію, и безъ недовѣрчивости, свойственной болѣе или менѣе рабскому страху, отдавали на судъ его нашу дѣятельность. Недальновидные, будучи свидѣтелями такого обращенія Архипастыря нашего съ нами, могли бы ошибочно заключать, что онъ поступаетъ такъ съ ущербомъ своей власти и своего вліянія на управляемыхъ; но мы имѣли счастіе не кратковременнымъ опытомъ дознать при этомъ ту благотворную истину, что духъ подлинно христіанской благости сильнѣе всякаго строгаго выраженія власти и дѣйствительнѣе всякой самой точной взыскательности. По истинѣ онъ былъ пастырь по духу Христову.

Ничего такъ не искалъ онъ и въ пасомыхъ, какъ воспитанія духа Христова. Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ его любовію, радостію упованіемъ, — и тѣже чувства, туже вѣру старался онъ насадить и возрастить, словомъ и дѣломъ, наставленіями и примѣромъ, во всѣхъ своихъ пасомыхъ, особенно же въ питомцахъ духовнаго образованія, которыхъ главное назначеніе — быть самимъ пастырями по духу Христову. Потому то, наблюдая за ходомъ просвѣщенія въ непосредственно подвѣдомыхъ ему училищныхъ заведеніяхъ, онъ по преимуществу вникалъ въ успѣхи собственно духовнаго образованія, смотрѣлъ, какъ принимается

(*) Профессоромъ Академіи Н. Ѳаворовымъ. Это — день преставленія приснопамятнаго Митрополита кіевскаго Петра Могилы. Кіевская Духов. Академія чтитъ память сего святителя, какъ основателя своего, и совершаетъ каждогодно торжественное поминовеніе о немъ въ день его кончины. При семъ она молитвенно воспоминаетъ и другихъ благодѣтелей своихъ, равно какъ и всѣхъ учившихъ и учившихся въ ней.

(**) То есть, имена—Преосвященнѣйшаго Митрополита кіевскаго *Филарета* и преосвященнаго Архіепископа херсонскаго *Иннокентія*, бывшаго нѣкогда Ректоромъ кіевской Академіи, скончавшихся въ 1857 году.

въ нихъ сѣмя вѣры и познанія Христа Спасителя, какъ усвояются начала евангельскаго ученія, и утѣшался болѣе всего тѣмъ, если видѣлъ доброе, христіанское направленіе въ воспитателяхъ и воспитанникахъ. Любилъ онъ всякое знаніе и поощрялъ къ пріобрѣтенію всякихъ полезныхъ свѣдѣній; но зная всему вѣрную цѣну, онъ съ мудрою разсудительностію, то совѣтами, то замѣчаніями, а иногда и однимъ видомъ, предостерегалъ отъ пристрастія къ несущественному вѣдѣнію. Всегда просто было слово его, но это простота, можно сказать евангельская, это простота мудрости, которая глубоко знаетъ, что говоритъ:—*вѣмы еже глаголемъ*,— и которой нельзя было противоотвѣщать, развѣ по духу противленія. Казалось, онъ говорилъ большею частію то, что не могло быть неизвѣстнымъ всякому изъ насъ; но въ устахъ его каждое слово имѣло такую жизнь и значеніе, что не новое для слуха было ново для сердца и давно принятое разумомъ и памятію какъ бы въ первый разъ дѣлалось понятнымъ по внутреннему смыслу. Подобными наставниками и руководителями могутъ быть только люди, созрѣвшіе умомъ и сердцемъ для неба, и потому ихъ не много на землѣ.

Тѣмъ счастливѣе были мы, руководимые такимъ пѣстуномъ во Христа, и руководимые съ особенною внимательностію и любовію. Ни заботы по управленію обширною паствою, ни тѣлесныя немощи, свойственныя глубокой старости, не лишали его ревности и терпѣнія въ отеческомъ смотрѣніи за ввѣренными ему разсадниками духовнаго образованія. Все, что возможно было сдѣлать для насъ, онъ дѣлалъ, и если относительно какихъ либо предметовъ не всегда исполнялось то, чего желала для насъ его отеческая любовь и благопопечительность; то это первѣе всего огорчало его же душу и за тѣмъ уже не столь огорчительнымъ казалось для насъ. Мы имѣемъ вѣрное свидѣтельство, что въ самые послѣдніе часы жизни своей онъ не забывалъ о насъ и, преподавая намъ святительское благословеніе свое, заботился о будущемъ благосостояніи училищъ нашихъ.

Да будетъ же память незабвеннаго Архипастыря нашего неизгладимою въ сердцахъ нашихъ! И нынѣ, и всегда благословимъ его, какъ чада отца своего, и всякое воспоминаніе о немъ да будетъ вмѣстѣ молитвенно—благодарственнымъ гласомъ о немъ и за него къ Отцу небесному!

И другое, также драгоцѣнное для насъ, имя вписали мы нынѣ въ книгу поминовенія. Далеко отъ насъ суждено было окончить жизнь свою преосвященному Иннокентію, но близко коснулась сердца нашего вѣсть о кончинѣ его. На что ни посмотришь, о чемъ ни вспомнишь, вездѣ скоро встрѣчаешься съ этимъ дорогимъ именемъ. Здѣсь онъ воспитался и еще воспитанникомъ служилъ уже украшеніемъ для мѣста воспитанія своего. Когда же потомъ явился въ немъ въ качествѣ перваго дѣятеля—начальника и наставника; тогда съ какою любовію къ дѣлу, съ какимъ свѣтлымъ разумѣніемъ вещей, съ какимъ неутомимымъ рвеніемъ ко всему доброму и полезному совершалъ свое призваніе! Можно сказать, что онъ вдохнулъ новую жизнь въ питомцевъ своихъ и сообщилъ новое, болѣе живое и стройное, движеніе всему училищу. И не только въ духовно-нравственномъ, но и въ вещественномъ отношеніи онъ не мало возвысилъ и упрочилъ его благосостояніе. Слѣды всего этого такъ еще свѣжи у насъ, преданіе обо всемъ такъ живо, что мы были бы слишкомъ невнимательны, если бы то и другое проходило мимо нашего взора и слуха, и слишкомъ безчувственны, если бы ни то ни другое не возбуждало въ насъ

глубокой благодарности и признательности къ почившему. Возведенный потомъ на высшую степень служенія, ставши въ ряду знаменитѣйшихъ іерарховъ нашихъ, занятый многообразными трудами на пользу Церкви и отечеству, стяжавшій всеобщее уваженіе и славу своими талантами, употребляемыми всегда во благо другимъ, онъ не отдалялся однакоже душею и сердцемъ отъ перваго поприща своихъ трудовъ и своей славы, но постоянно словомъ и дѣломъ выражалъ искреннее участіе и любовь къ воспитавшему его и въ свою очередь — можно сказать — воспитанному имъ училищу. Намъ ли, съ своей стороны, забыть того, кто, отличенный свыше особенными дарами, здѣсь — у насъ первѣе всего проявилъ дары свои и собою возвысилъ, оживилъ, украсилъ и прославилъ вертоградъ нашъ! Благодареніе Богу, у насъ доселѣ не было недостатка въ подобныхъ ему дѣятеляхъ и правителяхъ духовнаго разсадника нашего; но тѣмъ признательнѣе мы должны быть къ памяти почившаго, которому не можемъ не приписать значительной доли и этого добра, коимъ пользовались и пользуемся послѣ него.

Внуши Боже молитву нашу и вонми моленіе наше объ упокоеніи всѣхъ прежде бывшихъ дѣлателей и хранителей вертограда нашего, всѣхъ когда нибудь и чѣмъ нибудь послужившихъ его благоустроенію и процвѣтанію: но паче, *слезъ нашихъ не премолчи* о тѣхъ, которые такъ недавно еще были и твердынею и славою нашею, а теперь уже начали жить у насъ только драгоцѣнною для насъ памятію своею. Даруй имъ всѣ блага въ небесныхъ обителяхъ Твоихъ и самъ возрасти, умножи и охрани блага, насажденныя ими въ сей обители просвѣщенія, да вмѣстѣ съ ними славимъ Тебе въ чистой вѣрѣ, со святою любовію и въ неложномъ упованіи вѣчной милости Твоей. Аминь.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 25-го Января 1858 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи, Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 45.

НЕДѢЛЯ ПЕРВАЯ Св. ПОСТА.

9 Февраля 1858 г.

Гласъ 4-й.

На утрени евангеліе воскресное 4-е, Лук. зач. 112. На литургіи: апост. Евр. зач. 329; еванг. Іоан. зач. 5.

МАРКЪ ЕФЕССКІЙ.

ПОБОРНИКЪ ПРАВОСЛАВІЯ.

Маркъ Ефесскій есть одно изъ тѣхъ замѣчательныхъ церковно-историческихъ лицъ, которыя оставляютъ имена свои въ исторіи нераздѣльно съ какимъ либо изъ важнѣйшихъ событій въ жизни Церкви. Правда, онъ не былъ виновникомъ, ни двигателемъ тѣхъ событій, въ которыхъ довелось ему принимать столь великое участіе (разумѣемъ феррароФлорентійскій соборъ): но высота духовнаго просвѣщенія его, адамантовая крѣпость убѣжденій и непреоборимая вѣрность истинѣ среди всеобщаго малодушія и измѣны — давно уже и — по справедливости — стяжали ему почетное мѣсто въ ряду поборниковъ православія въ борьбѣ его съ латинствомъ.

Къ сожалѣнію, до насъ дошло очень немного свѣдѣній о жизни святителя ефесскаго до отправленія его на соборъ въ Италію. Извѣстно только, что онъ происходилъ изъ благородной константинопольской фамиліи Евгениковъ и что, въ молодости, посвятивъ себя изученію духовныхъ наукъ и особенно краснорѣчія, самъ потомъ былъ начальникомъ училища въ Константинополѣ и славился у своихъ соотчичей необыкновенною силою краснорѣчія. Въ послѣдствіи времени, Маркъ оставилъ это занятіе, и избравъ иноческую жизнь, посвятилъ себя строгому уединенію въ Манганской обители (*). Здѣсь, въ уединенной келліи, онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ изученіи священнаго Писанія и твореній отеческихъ и столько проникнулся ими, что въ послѣдствіи времени сами противники его

(*) Biblioth. Fabric. Vol. X. c. 45 scriptores græci inediti. pag. 529.

не могли отказать ему въ глубинѣ и обширности богословской учености.— Эта-то обширность боговѣдѣнія и глубокое благочестіе Марка доставили ему, не задолго до отправленія въ Италію, санъ митрополита ефесскаго.

Время святительства Маркова было самымъ бѣдственнымъ временемъ Византійской Имперіи. Оттоманы, окруживъ отвсюда своими завоеваніями Константинополь, стояли, такъ сказать, у воротъ столицы, которая почти одна и составляла все достояніе имперіи. Въ сихъ обстоятельствахъ, императоры греческіе повсюду искали помощи себѣ противъ грозныхъ завоевателей; всего же болѣе они разсчитывали на сочувствіе западныхъ христіанъ; но неопредолимая преграда, воздвигнутая честолюбіемъ и непомѣрными притязаніями римскихъ первосвященниковъ, давно уже лежала между востокомъ и западомъ. Греческіе императоры, спасая бѣдные остатки своей власти, старались уничтожить эту преграду и цѣною православія купить помощь запада. Еще Михаилъ Палеологъ задумалъ это, и его преемники болѣе или менѣе стремились къ тому же. Съ своей стороны и папы, пользуясь бѣдственными обстоятельствами грековъ, льстили имъ пышными обѣщаніями помощи противъ турковъ, но—съ единственнымъ условіемъ—подчиненія Греческой Церкви римской каѳедрѣ. Искушеніе было равносильно опасности. Прозорливѣйшіе изъ грековъ видѣли близившееся неминуемое паденіе имперіи и не хотѣли пожертвовать мечтѣ единственнымъ залогомъ самобытности и спасенія народа въ будущемъ — православіемъ. Не такъ думало большинство вождей народныхъ. Чтобы спасти жалкіе остатки имперіи, они готовы были броситься къ ногамъ папы, не смотря на то, что прежніе опыты соединенія Церквей должны были научить ихъ, какъ упорны папы въ своихъ нововведеніяхъ и какъ непрочна надежда на помощь ихъ: ибо и на западѣ въ эту эпоху уже миновало то время, когда голосъ римскихъ первосвященниковъ двигалъ въ Азію на борьбу съ невѣрными цѣлыя толпы христіанъ.—Какъ бы то ни было, Іоаннъ Палеологъ, вскорѣ по возшествіи на престолъ, рѣшился, для спасенія своей имперіи, привесть въ исполненіе намѣреніе отцовъ своихъ и приступить къ соединенію Церквей. Для сего предположено было составить соборъ изъ епископовъ восточныхъ и западныхъ и разсмотрѣть на немъ разногласія въ вѣрѣ;—намѣреніе доброе и полезное, если бы только побужденіемъ къ нему была одна любовь къ истинѣ, а не корыстные расчеты съ той и другой стороны.

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ латинами, мѣстомъ для собора назначена была Феррара въ Италіи, куда, въ концѣ 1437 года, отправились императоръ Іоаннъ съ патріархомъ константинопольскимъ Іосифомъ, 22 епископами и нѣкоторыми другими лицами. Папа обѣщалъ содержать на своемъ иждивеніи всѣхъ грековъ во все продолженіе собора.—Изъ числа епископовъ, сопровождавшихъ патріарха, наиболѣе извѣстны были два: Маркъ ефесскій и Виссаріонъ никейскій,—оба—мужи глубо ученые и краснорѣчивые; но сколько первый былъ простъ, твердъ въ истинѣ и безкорыстно преданъ ей, столько въ послѣднемъ было тщеславія, увлеченія и измѣнчивости. Патріархъ Іосифъ, стоявшій между этими двумя ратоборцами православія на соборѣ, сначала выказывалъ твердость, подобающую вселенскому святителю. Отправляясь изъ Константинополя, онъ говорилъ своимъ спутникамъ: »хотя бы латины угрожали намъ муками, скорѣе перенесемъ ихъ, нежели поколеблемъ что либо изъ преданнаго намъ отъ отцевъ.« Но на дѣлѣ онъ далеко не оправ-

далъ этой рѣшимости. Престарѣлый, удрученный недугами, онъ легко подчинялся чужому вліянію и оказывалъ нерѣшительность тамъ, гдѣ голосъ его могъ бы составить перевѣсъ въ пользу истины.

По прибытіи грековъ въ Феррару, соборъ открытъ былъ подъ предсѣдательствомъ папы Евгенія IV съ большою торжественностію, въ тамошней церкви св. Георгія. Латинскихъ епископовъ сначала собралось не много,—чему причиною былъ Базельскій соборъ, отвлекшій къ себѣ множество ихъ и громко, вопреки анаѳемамъ Евгенія, высказывавшій желаніе исправить злоупотребленія папъ въ Церкви. Въ ожиданіи большаго съѣзда епископовъ, предложено было, предварительно, частнымъ образомъ разсмотрѣть разногласія между Церквами. Латины указали ихъ четыре, именно—вопросы: 1) объ исхожденіи Св. Духа, 2) о употребленіи опрѣсноковъ въ Евхаристіи, 3) о чистилищѣ и 4) о главенствѣ папы въ Церкви. Рѣшено было заняться третьимъ изъ нихъ. Здѣсь, въ первый разъ выступаетъ Маркъ ефесскій съ своимъ яснымъ, твердымъ умомъ и обширными свѣдѣніями въ отеческихъ писаніяхъ. Императоръ поручилъ ему вмѣстѣ съ Виссаріономъ весть всѣ пренія съ латинами. Маркъ спокойно, твердо, безъ запальчивости, опровергъ одни за другими всѣ доводы ихъ и въ заключеніе написалъ два трактата, въ которыхъ изложилъ истинный смыслъ тѣхъ мѣстъ изъ св. Писанія и отцевъ Церкви, на которыхъ латины основывали свое ученіе (*). Однако сіи послѣдніе, изъ упорства, остались при своемъ мнѣніи (**). Пренія, послѣ сего прекратились на долго, потому что въ Феррарѣ открылась губительная язва. Чрезъ три мѣсяца они опять возобновились уже торжественно, въ присутствіи императора и папы. Они начались теперь разсмотрѣніемъ ученія латинянъ объ исхожденіи Св. Духа. Маркъ, вопреки желанію ихъ, настоялъ, чтобы прежде разсужденія о самомъ догматѣ разсмотрѣнъ былъ вопросъ: имѣла ли римская церковь право сама собою дѣлать прибавленіе къ символу? Въ преніяхъ назначены были помомощниками ему Виссаріонъ никейскій и Исидоръ русскій. Приступая къ нимъ Маркъ открыто и не обиняясь высказалъ взглядъ свой на свойства и цѣль, которыя, по его мнѣнію, должны имѣть пренія на соборѣ. »Господь Іисусъ Христосъ, сказалъ онъ, заповѣдалъ любовь ученикамъ своимъ, и отходя на небо оставилъ имъ миръ свой; но римская церковь пренебрегла любовь и нарушила миръ. Теперь, устроивъ соборъ сей, она показала желаніе возобновить миръ; но иначе возстановить его не можетъ, какъ только отказавшись отъ того мнѣнія, которое произвело несогласіе между церквами. Итакъ, настоящій соборъ будетъ имѣть успѣхъ только тогда, когда будетъ во всемъ согласенъ съ опредѣленіями прежнихъ вселенскихъ соборовъ«. По этому Маркъ потребовалъ, чтобы прежде всего прочитаны были опредѣленія сихъ соборовъ (*). Латины старались всѣми силами отклонить это, хорошо понимая, что въ опредѣленіяхъ сихъ соборовъ они услышатъ осужденіе сдѣланнаго ими прибавленія къ символу; но Маркъ, вспомоществуемый многими изъ грековъ, настоялъ на это, и—чтеніе началось. Одно за другимъ прочитаны были опредѣленія соборовъ вселенскихъ, начиная отъ 3 до 7, воспрещавшія какое либо измѣненіе или прибавленіе къ символу. Маркъ сопровождалъ каждое равносильными мѣстами изъ

(*) Оба трактата остаются неизданными. Они упоминаются въ числѣ сочиненій Марковыхъ у Фабриція. Biblioth. v. X. pag. 530, гдѣ они называются orationes Ferrariæ scriptæ.

(**) О преніяхъ см. Synod. Flor. p. 30—36 и дал.

(*) Synod. Flor. pag. 60—75.

писаній современныхъ соборамъ отцевъ и самихъ папъ. Латинскіе епископы безмолствовали и только нѣкоторые изъ иноковъ ихъ, выслушавъ опредѣленія соборныя, откровенно сознались, что они въ первый разъ слышатъ это и что греки учатъ правильно (**). По окончаніи чтенія, Маркъ сказалъ: »итакъ вы видите, что повинуясь заповѣди отцевъ и опредѣленіямъ вселенскихъ соборовъ, мы не можемъ признать ни правильнымъ, ни законнымъ вашего прибавленія къ символу«. Латины чувствовали справедливость сего заключенія, однако рѣшились оправдываться. Цѣлые два мѣсяца длились пренія по сему предмету. Органомъ ихъ со стороны латинянъ былъ давній отступникъ отъ православія Андрей родоскій, родомъ грекъ; впрочемъ, всѣ его возраженія, безъ особенныхъ усилій, опровергнуты были Маркомъ. Греки чувствовали себя твердыми на сей почвѣ, и потому, видя явное упорство со стороны латинянъ и не надѣясь привесть пренія къ счастливому концу, требовали отъѣзда въ отечество, тѣмъ болѣе, что папа давно уже прекратилъ выдачу денегъ имъ на содержаніе. Но отъѣзду воспротивился императоръ. Преслѣдуя свои виды на помощь папы противъ турковъ, и страшась по этому открытаго разрыва съ нимъ, онъ убѣдилъ епископовъ продолжить состязанія и перейти къ самому догмату объ исхожденіи Святаго Духа. Маркъ понималъ, что сдѣлать это — значитъ уступить еще одинъ важный шагъ латинянамъ, и потому, вспомоществуемый патріархомъ Іосифомъ, долго не соглашался на перемѣну преній. Онъ угадывалъ уже безплодность ихъ, видя что латины ищутъ только торжества для своихъ мнѣній, а не торжества для истины. Но большинство, предводимое Виссаріономъ и Исидоромъ, рѣшило иначе...

(*) Тамже, p. 114. 115.

Въ тоже время папа объявилъ грекамъ о переводѣ собора изъ Феррары въ Флоренцію; предлогомъ къ сему онъ выставилъ язву (впрочемъ уже почти прекратившуюся), но истиннымъ побужденіемъ служило богатое вознагражденіе, которое флорентинцы обѣщали папѣ за честь — видѣть соборъ въ стѣнахъ своего города. Императоръ принялъ мѣры, чтобы никто изъ грековъ не отлучился въ отечество, и такимъ образомъ всѣ они должны были отправиться въ Флоренцію.

Тамъ, въ исходѣ февраля (1439 года), начались пренія о самомъ догматѣ исхожденія Святаго Духа. Ихъ велъ, по примѣру прежнихъ, почти одинъ Маркъ. Было бы слишкомъ пространно излагать въ краткомъ біографическомъ очеркѣ весь ходъ и подробности преній, наполнившія девять засѣданій соборныхъ (*). Замѣтимъ только, что ни одинъ текстъ Писанія, ни одно мѣсто изъ сочиненій отеческихъ, на которыхъ латины думали основывать свое прибавленіе къ символу, не остались безъ яснаго и опредѣленнаго истолкованія со стороны Марка. Твердо, спокойно, безъ запальчивости онъ опровергалъ своеобразныя толкованія, указывалъ невѣрности въ латинскихъ переводахъ греческихъ отцевъ и поддѣлки, сдѣланныя намѣренно или ненамѣренно: словомъ: ни на одномъ изъ засѣданій слово не оставалось за Маркомъ, хотя Виссаріонъ и Исидоръ слабо поддерживали его; только въ послѣднее, девятое засѣданіе онъ не явился; по причинѣ того былъ неожиданный оборотъ дѣла.

Еще послѣ 6-го засѣданія императоръ увидѣлъ, что при гордости и неуступчивости латинянъ, пренія о прибавленіи къ символу

(*) Онѣ помѣщены въ 33 томѣ Concilia genes. и занимаютъ большую половину его.

ни къ чему не поведутъ. Это окончательно растроило бы планы его на помощь папы противъ турковъ. По этому онъ, призвавъ къ себѣ греческихъ епископовъ и изложивъ имъ откровенно свои виды, убѣждалъ ихъ позаботиться о пріисканіи способовъ къ примиренію. Съ своей стороны и папа, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ грековъ, остающихся безъ помощи на чужой сторонѣ, назначилъ имъ короткій срокъ, въ теченіи котораго они должны были согласиться съ латинянами, или же выѣхать въ отечество. Виссаріонъ и Исидоръ, съ духовникомъ императора Григоріемъ Маммою и не многими изъ епископовъ, тотчасъ же занялись пріисканіемъ формулы соглашенія. Съ этихъ поръ, среди домашнихъ собраній грековъ, они приняли на себя какъ бы обязанность защищать мнѣнія латинянъ. Маркъ, увидѣвъ къ чему дѣло склоняется, уклонился отъ всего и пересталъ являться въ засѣданія. Послѣ непродолжительныхъ совѣщаній, согласились признавать Духа Святаго исходящимъ отъ Отца *чрезъ Сына*. Слабый патріархъ поддался внушеніямъ и настояніямъ латинствующей стороны. Онъ подписалъ новую формулу догмата, оговоривъ только, чтобы латины не требовали отъ грековъ внесенія въ греческій символъ своего прибавленія. Примѣръ патріарха увлекъ многихъ; непреклонными остались только три мѣстоблюстителя восточныхъ патріарховъ, и въ челѣ ихъ неодолимый Маркъ — представитель Антіохійскаго престола.

Вслѣдъ за соглашеніемъ въ догматѣ объ исхожденіи Святаго Духа, соборъ приступилъ къ изслѣдованію трехъ остальныхъ пунктовъ разногласія между церквами, то есть вопросовъ о главенствѣ папы въ Церкви, объ опрѣснокахъ и освященіи Даровъ на литургіи и о чистилищѣ. Латинствующая сторона грековъ, сильная числомъ, измѣнивъ коренному догмату православія, мало дорожила теперь остальными. Смерть патріарха Іосифа, сдерживавшаго еще хоть нѣсколько неразумное усердіе приверженцевъ примиренія, окончательно развязала имъ руки. Уступки латинамъ слѣдовали быстро однѣ за другими; одинъ за другимъ предаваемы были догматы православнаго ученія — даже безъ усиленныхъ преній, по одному указанію папы и къ сильному неудовольствію императора, который теперь только понялъ величіе души Марка, приблизилъ его къ себѣ и старался ласками и угожденіемъ смягчить хоть нѣсколько непреклонную твердость его. Онъ явно искалъ себѣ какъ бы подпоры въ немъ среди всеобщаго малодушія и измѣны. Но истина для святителя ефесскаго была дороже всего, и онъ остался ей вѣренъ на всегда. — Вскорѣ порѣшили со всѣми разногласіями и написали актъ соединенія восточной церкви съ западною. Въ немъ греки оправдывали прибавленіе, сдѣланное латинами въ символѣ вѣры, признавали папу главою Церкви и намѣстникомъ Іисуса Христа на землѣ, допускали употребленіе опрѣсноковъ въ литургіи и принимали латинское чистилище. Со стороны папы сдѣлана была только одна уступка грекамъ: онъ призналъ равно дѣйствительнымъ употребленіе квасного хлѣба въ Евхаристіи. Императоръ подписался на актѣ первый: за нимъ и всѣ остальные изъ грековъ. Долѣе прочихъ не соглашался на подпись Антоній, митрополитъ ираклійскій, но его убѣдили прещеніемъ и ласками. Только Марка никто уже не осмѣлился тревожить; ибо всѣмъ извѣстна была неизмѣнность его убѣжденій. — Негодуя на него, Виссаріонъ и Исидоръ, главные виновники соединенія, убѣждали императора присоединить къ акту отлученіе на сопротивляющихся ему; но императоръ рѣшительно отказалъ въ этомъ, зная хорошо, кого они имѣли въ виду.

Когда затѣмъ греческіе епископы торже-

ственно представили папѣ актъ для подписанія: то онъ въ краткихъ словахъ, но выразительно охарактеризовалъ всю безплодность соединенія. Не находя на актѣ подписи Марка ефесскаго, онъ открыто предъ всѣми сказалъ: »мы ничего не сдѣлали.« Надѣясь ли лично убѣдить непреклоннаго іерарха, или имѣя въ виду угрозами склонить его къ тому, папа просилъ императора прислать къ нему Марка.— Маркъ явился. Осыпавъ старца укоризнами, онъ, какъ признанный уже греками главою Церкви, грозилъ предать его тѣмъ наказаніямъ, какія назначены вселенскими соборами за сопротивленіе ихъ опредѣленіямъ. Но доблестный защитникъ православія спокойно отвѣчалъ ему: »соборы осуждали только не покорявшихся Церкви и упорно державшихся противнаго ей мнѣнія. Я же не проповѣдую никакого собственнаго мнѣнія, не ввожу ничего новаго въ Церковь и не защищаю никакого заблужденія, но храню то ученіе, которое Церковь, принявъ отъ самаго Христа, всегда соблюдала и соблюдаетъ доселѣ. Сего ученія держалась и римская Церковь, единомысленно съ восточною, до начала раздѣленія. Ученіе сіе вы какъ прежде всегда одобряли, такъ и на семъ самомъ соборѣ отзывались объ немъ часто съ похвалою. И кто можетъ хулить или осуждать его? Если я твердо стою за такое ученіе и не хочу отказаться отъ него, кто осмѣлится осудить меня какъ еретика? Прежде должно осудить самый догматъ, мною возвѣщаемый. Если же догматъ всѣми признанъ святымъ и православнымъ. то за что я достоинъ осужденія (*)? Папа долженъ былъ согласиться, что нѣтъ возможности ни убѣдить, ни устрашить Марка.

Опасаясь, чтобы твердость Марка не навлекла какого либо огорченія или насилія со стороны латинянъ, изъ ненависти огласившихъ его помѣшаннымъ, императоръ лично берегъ и не отпускалъ его отъ себя и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ отечество, отпустивъ напередъ бывшихъ на соборѣ. По прибытіи въ Константинополь, онъ предлагалъ ему каѳедру патріаршую; но Маркъ отказался. Отказался отъ нея и другой поборникъ православія — Антоній ираклійскій, долѣе прочихъ отвергавшій соединеніе, но наконецъ вынужденный къ подписанію его. Въ Константинополѣ, гдѣ большинство клира и народа рѣшительно возстало противъ соединенія, Антоній добровольно предавалъ себя суду епископовъ и требовалъ епитиміи для себя за подписаніе акта соединенія. Тоже раскаяніе изъявляли и многіе другіе изъ бывшихъ на соборѣ (*). Между тѣмъ Маркъ, опасаясь, чтобы флорентинское соединеніе не соблазнило нѣкоторыхъ, счелъ нужнымъ написать одно за другимъ два окружныя посланія ко всѣмъ христіанамъ, въ которыхъ убѣждалъ ихъ удаляться этого соединенія, какъ дѣла противнаго Богу и древнему ученію Церкви (**).— Слова и убѣжденія Марковы не остались тщетными. Число приверженцевъ соединенія время

(*) Истор. Флорент. собора стр. 179.

(*) Въ числѣ ихъ екклисіархъ великой церкви Сиропулъ—авторъ исторіи флорентинскаго собора.

(**) Оба посланія изданы Лаббсемъ въ Acta concil. Tom. XIII. Къ неизданнымъ сочиненіямъ Марка относятся: посланіе къ императору Іоанну Палеологу, два посланія къ Георгію пресвитеру (Схолярію), нѣсколько полемическихъ сочиненій, написанныхъ, по всей вѣроятности въ Италіи во время пребыванія Марка на соборѣ, какъ то: главы противъ латиновъ, объ исхожденіи Святаго Духа, отвѣты на вопросы кардиналовъ, рѣшеніе на два вопроса предложенные императоромъ Іоанномъ, вторичный отвѣтъ латинамъ о чистилищѣ, о времени освященія св. даровъ на литургіи и проч. Кромѣ того ему принадлежатъ: богословскіе вопросы, исповѣданіе вѣры предложенное флорентинскому собору, 48 главъ противъ ереси Акиндина, восемь каноновъ въ честь Богоматери, изъясненіе молитвы Господней, толкованіе на цвѣтную тріодь, изъясненіе церковнаго богослуженія и проч. Послѣднее издано на греч. языкѣ въ Молдавіи и съ него есть славянскій переводъ въ рукописяхъ Кіевской академической библіотеки.

отъ времени уменьшалось, и по той мѣрѣ, какъ приходили въ извѣстность подвиги его на флорентійскомъ соборѣ, возрастало уваженіе къ нему православныхъ. Всѣ смотрѣли на Марка какъ на доблестнаго и неодолимаго исповѣдника истины, и безъ него не хотѣли вступать ни въ какія пренія съ латиномудрствующими. Маркъ имѣлъ утѣшеніе утвердить въ православіи ученѣйшаго изъ учениковъ и друзей своихъ, Георгія Схолярія, склонявшагося нѣкоторое время къ соглашенію съ латинами. На его рукахъ онъ и окончилъ святую жизнь свою (около 1447 г.), завѣщавъ Схолярію продолжать дѣло свое — защиту православнаго ученія (*). Георгій почтилъ память Марка похвальнымъ словомъ и во всю жизнь пребылъ вѣрнымъ завѣщанію учителя своего.

Труды и заботы Марка не остались безплодными. Чрезъ три года по смерти его, патріархи восточные Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій собрались въ Константинополѣ и, произнесши осужденіе на флорентинскую унію, низвергли съ каѳедры константинопольской латиномудрствовавшаго патріарха Григорія Мамму и возвели на нее православнаго Аѳанасія, и хотя вскорѣ потомъ градъ Константина палъ предъ оружіемъ Магомета II., однако новый владыка его, утвердивъ главою порабощенныхъ христіанъ востока ученика Маркова, Схолярія (въ иночествѣ Геннадія), показалъ тѣмъ, что онъ не хочетъ, чтобы новые подданные его имѣли сношеніе съ Римомъ. Такимъ образомъ предсказаніе папы Евгенія исполнилось: флорентинская унія »ничего не сдѣлала!« Маркъ Ефесскій отстоялъ православіе и достоинство восточной Церкви!

(*) Disertt. Renaudoti de Gennadio in Biblioth. Fabricii vol. X: pag. 349.

ЗАВѢЩАНІЕ

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО ФИЛАРЕТА.

Почившій въ Бозѣ Архипастырь Кіева, Высокопреосвященный Митрополитъ Филаретъ, возлюбивъ изъ млада подвижническое житіе, никогда не былъ пристрастенъ къ сей временной жизни, и — по слову Апостола — всегда было для него — *еже жити Христосъ, а еже умрети пріобрѣтеніе* (Филип. 1, 21). Но въ послѣдніе годы, за 17 лѣтъ до кончины, пріявъ св. схиму и въ тоже время приготовивъ себѣ гробъ, онъ тѣмъ паче старался, подобясь св. подвижникамъ печерскимъ, заживо погребшимъ себя въ тѣсныхъ подземныхъ кельяхъ, жить, по выраженію св. Димитрія Ростовскаго — »яко мертвъ и погребенъ въ мірѣ« (*). Посему давно уже составлено было имъ и духовное завѣщаніе, которое онъ, время отъ времени, вновь пересматривалъ и въ послѣдній разъ собственноручно переписалъ въ 1851 году, утвердивъ въ 1857 г. вновь своимъ подписомъ. Это завѣщаніе, въ пакетѣ за печатьми Архипастыря, съ собственноручнымъ подписомъ его, хранилось въ лаврской ризницѣ, и по приказанію его было сперва вскрыто и прочитано тотчасъ по кончинѣ его, прежде всякаго другаго дѣйствія, а за тѣмъ онъ заповѣдалъ прочитать его и во всеуслышаніе, при погребеніи своемъ, какъ содержащее въ себѣ не столько частное распоряженіе, сколько, по примѣру древнихъ

(*) См. сочиненіе его: »Богомысленное размышленіе о пресвятыхъ страстехъ Господа нашего Іисуса Христа« и въ концѣ онаго »поклоненіе Господу нашему Іисусу Христу«. Эта статья Святителя Ростовскаго входила въ составъ ежедневнаго молитвеннаго келейнаго правила почившаго Архипастыря, и онъ издавна имѣлъ обыкновеніе прочитывать ее утромъ и вечеромъ, вмѣстѣ съ другими молитвами, канонами и акаѳистами.

отцевъ и пастырей Церкви, послѣднее, загробное пастырское слово его къ возлюбленной имъ паствѣ, а въ лицѣ ея послѣдній завѣтъ и всей Церкви и Отечеству.

По окончаніи чина погребенія, предъ послѣднимъ цѣлованіемъ усопшаго, Намѣстникъ Лавры приблизился къ гробу и, держа свитокъ, въ коемъ начертано было завѣщаніе, произнесъ слѣдующую рѣчь:

»Вотъ и насталъ для тебя, дражайшій нашъ Отецъ и Архипастырь, давно желанный тобою часъ твоего отшествія ко Господу. Моленія сердца твоего услышаны. Господь принялъ духъ твой. — Гробъ, который семнадцать лѣтъ таилъ ты отъ насъ, какъ нѣкую драгоцѣнность и святыню, и у котораго, въ часы богомысленнаго уединенія, любилъ ты поучаться памяти смертной, упокоилъ наконецъ въ своихъ нѣдрахъ крестоносное тѣло твое, такъ долго и неутомимо потрудившееся ради Господа, — тѣло, преукрашенное столькими подвигами первосвятительства и, въ духѣ древнихъ временъ, иноческаго по Бозѣ тружениичества; — тѣло, освященное столькими постами, цѣломудріемъ, денно-нощными молитвенными воздыханіями, слезами, бдѣніемъ, предстояніемъ, колѣнопреклоненіями, священнодѣйственнымъ рукъ воздѣяніемъ, милостыни подаяніемъ, повседневнымъ благоговѣйнымъ чтеніемъ и слышаніемъ слова Божія, и — наипаче — ежедневнымъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, живымъ и дѣйственнымъ общеніемъ съ самымъ Источникомъ жизни и святыни въ пречистыхъ и животворящихъ Тайнахъ Христовыхъ.

И какое глубоко-трогательное и вмѣстѣ глубоко-отрадное видѣніе денно-нощно видимъ мы вотъ девятый уже день въ семъ небеси подобномъ, такъ много любимомъ тобою храмѣ! Онъ денно-нощно полонъ былъ во всѣ дни сіи вѣрными чадами паствы твоея, спѣшившими отдать послѣдній долгъ своему любимому Пастырю. У насъ теперь скорбь, но — она растворена радостію; мы льемъ слезы, но эти слезы наши не горьки. — И теперь понятно намъ, почему такъ часто ты напередъ утѣшалъ себя и насъ этою любимою твоею мыслію: — какъ будешь лежать ты во гробѣ... Понятно и то необычное спокойствіе, тотъ дивный восторгъ, котораго, еще за два дни до блаженной кончины твоей, полна была душа твоя, когда въ часъ полуночный, послѣ долгаго молчанія, ты неожиданно проговорилъ намъ: »я помышляю, какъ буду лежать во гробѣ«, и потомъ, чрезъ нѣсколько минутъ, среди глубокаго безмолвія, тихимъ и прерывающимся, но еще вполнѣ внятнымъ, глубоко растроганнымъ и умиляющимъ голосомъ пропѣвши къ удивленію всю до конца надгробную пѣснь: »зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ братіе и друзи...« сказалъ: »вотъ вамъ и послѣдняя пѣснь! — Какая прекрасная пѣснь, — самая лучшая, кажется, изъ всѣхъ пѣсней«!

Точно, Владыко святый, есть теперь для насъ отрада и при видѣ самого твоего гроба. Твой гробъ для насъ — какъ гробъ одного отъ тѣхъ, о коихъ сказано: ***праведницы во вѣки живутъ и въ Господѣ мзда ихъ и попеченіе ихъ у Вышняго. Сего ради пріимутъ царствіе благолѣпія и вѣнецъ доброты отъ руки Господни*** (Прем. 6, 15. 16).

Но вотъ, — предсмертную, издавна любимую пѣснь твою возгласитъ надъ тобой сама святая Церковь, и мы отдадимъ тебѣ послѣднее цѣлованіе. Земля, соблюдшая во глубинѣ пещерной святые гробы богоносныхъ отцевъ нашихъ, житію которыхъ поревновалъ ты, готова хранить и твои драгоцѣнные для насъ останки. — на мѣстѣ, которое ты самъ избралъ, еще за двадцать лѣтъ до блаженной кончины твоей. Чтожъ еще оставляешь, въ залогъ любви, твоей богоспасаемой паствѣ, твоей столько возлюбленной тобою

Лаврѣ и всѣмъ предстоящимъ твоему гробу? Какое отъ тебя еще намъ наслѣдство? Какое послѣднее твое къ намъ слово?

Велико-иноческая святая схима, семнадцать лѣтъ уже тобою въ тайнѣ носимая, и нынѣ, вмѣстѣ съ святительскими одеждами, покрывающая тѣло твое, явила уже намъ одну изъ завѣтныхъ таинъ твоего святоподвижническаго по Бозѣ житія. Благослови же, Владыко святый, исполнить намъ и послѣдній завѣтъ твой: открыть всѣмъ послѣднюю твою волю, твое послѣднее, предсмертное къ намъ завѣщаніе! Внемлемъ, братіе и отцы«!

Въ слѣдъ за симъ прочитано было самое завѣщаніе съ двумя особыми къ нему приложеніями.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь.

Вознесу Тя, Боже мой, Царю мой, и благословлю имя твое въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка. На всякъ день благословлю Тя и восхвалю имя твое во вѣкъ и въ вѣкъ вѣка. Господи Боже мой, яко благъ и человѣколюбецъ, многія милости сотворилъ еси со мною, яже не чаяхъ видѣти. И что воздамъ твоей благости, Господи мой, Господи! Благодарю твое многопѣтое имя! Благодарю твое неисповѣдимое на мнѣ благоутробіе! Благодарю безприкладное твое долготерпѣніе! Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко сподобилъ мя еси родитися и воспитатися въ нѣдрахъ святыя, православныя, соборныя и апостольскія Церкви, и даже до днесь сохранилъ мя еси благодатію твоею отъ всякаго самомалѣйшаго уклоненія отъ православной вѣры отцевъ нашихъ! Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко неизреченнымъ милосердіемъ твоимъ покрылъ еси грѣхи юности моей, и Самъ благодатію своею вложилъ еси въ бѣдное сердце мое еще въ отрочествѣ избрати житіе иноческое! Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко ниспослалъ еси помощь твою съ терпѣніемъ понести многія скорби во днехъ житія моего. Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко сподобилъ мя еси быти служителемъ святыя православныя Церкви твоея, и неисповѣдимымъ твоимъ промысломъ меня грѣшнаго и недостойнаго вчинилъ еси въ ликъ иночества святыя чудотворныя Кіевопечерскія Лавры, еяже Настоятельница есть сама пречистая, преблагословенная Владычица наша Богородица и Приснодѣва Марія. Подъ материнимъ Ея святымъ покровомъ, родившись отъ благочестивыхъ родителей іерея Георгія и Анастасіи 17 апрѣля 1779 года и оканчивая семдесятъ третій годъ житія моего, оставляю сіе духовное завѣщаніе мое, составленное мною предъ всевидящими очами Божіими и написанное собственною моею рукою въ здравомъ смыслѣ:

1) Древней и знаменитой паствѣ кіевской, отъ неяже возсіялъ свѣтъ Христіанскія вѣры во всѣ страны Россіи, любезнаго отечества нашего, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, завѣщаю первѣе всего и паче всего хранить твердо и непоколебимо св. православную вѣру, яко камень краеугольный, на которомъ зиждется благоденствіе и вѣчное спасеніе наше, яко неоцѣненное наслѣдіе отцевъ нашихъ и священный залогъ наслѣдія царствія небеснаго. Завѣщаю именемъ Господа нашего Іисуса Христа хранить непоколебимую вѣрность Благочестивѣйшему Самодержавнѣйшему Великому Государю нашему Императору

Николаю Павловичу и всему Его Богомъ благословенному потомству.

2) Пастырямъ и священнослужителямъ Церкви Христовой завѣщаю проповѣдывать ревностно слово Божіе, наставлять на путь спасенія ввѣренныя попеченію ихъ души, искупленныя кровію Христовою, и ученіемъ и примѣромъ благочестивыя и добродѣтельныя жизни.

3) Возлюбленной мнѣ братіи святыя Кіевопечерскія Лавры Пресвятыя Богородицы, завѣщаю и молю соблюдать иноческіе обѣты: цѣломудрія, послушанія, воздержанія и нестяжательности въ чистотѣ совѣсти предъ всевидящими очами Божіими, да не лишатся наслѣдія царствія небеснаго, но да сподобятся получить вѣчную жизнь и спасеніе съ преподобными отцами Антоніемъ и Ѳеодосіемъ и всѣми преподобными печерскими, ихъже молитвамъ и матернему заступленію Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы вручаю святую обитель сію, воистинну чудотворную.

4) Начальникамъ и наставникамъ всѣхъ училищъ, а особенно духовныхъ, завѣщаю воспитывать дѣтей, ввѣренныхъ попеченію ихъ, въ страхѣ Божіи и всякомъ благочестіи, соблюдать тщательно ихъ цѣломудріе и чистоту, вкоренять въ сердцахъ ихъ православную вѣру и благочестіе отцевъ нашихъ, питать души ихъ словомъ Божіимъ, остерегать отъ заблужденій иновѣрныхъ, да будутъ они просвѣщены истиннымъ свѣтомъ Христовымъ, и руководимы Духомъ Божіимъ, утверждать ихъ въ разумѣніи слова Божія, по изъясненію онаго святыми отцами и учителями вселенскія — православныя Церкви.

5) Всѣмъ сословіямъ кіевскія богоспасаемыя паствы оставляю миръ Божій и благословеніе Отца небеснаго, во Христѣ Іисусѣ Господѣ и Богѣ и Спасителѣ нашемъ и благодать Святаго Духа.

6) Аще кого по немощи человѣческой оскорбилъ чѣмъ либо, или согрѣшилъ предъ кѣмъ, смиренно прошу прощенія, и всѣхъ отъ всего пастырскаго сердца прощаю во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, — и поручаю себя молитвамъ всей любимой мнѣ и досточтимой паствы. Аминь.

Отъ юности моей не былъ я любостяжателенъ. — Точію по нуждѣ и по приличію званія моего принадлежащее мнѣ имущество завѣщаю употребить слѣдующимъ образомъ:

1) Святыя иконы, какія обрѣтаются въ келліяхъ, мною занимаемыхъ, оставить на своихъ мѣстахъ.

2) Брилліантовый крестъ, Высочайше пожалованный на клобукъ, при назначеніи меня Кіевскимъ Митрополитомъ, отданъ мною къ чудотворной иконѣ Успенія Божіей Матери, при жизни моей. Прошу оставить оный на всегда при св. иконѣ.

3) Алмазный крестъ на клобукъ, Высочайше пожалованный мнѣ въ званіи казанскаго архіепископа, а также и всю бѣлую крепу отдать въ ризницу Кіево-Софійскаго Собора, для употребленія преемниками моими.

4) Двѣ панагіи съ драгоцѣнными камнями отданы мною въ ризницу Кіевопечерскія Лавры при жизни моей, которыя и должны на всегда оставаться въ оной.

5) Четыре панагіи и два креста на клобукъ съ простыми камнями, отдать въ ризницу Кіевопечерскія Лавры (*).

6) Бархатныя и шелковыя рясы и подрясники, а также и матеріи завѣщаю отдать на ближнія и дальнія пещеры, для употребленія при св. мощахъ.

(*) Собственною рукою покойнаго Митрополита отмѣчено такъ: панагіи три розданы мною, а одну остальную положить на меня.

7) Библіотеку мнѣ принадлежащую завѣщаю Кіевской Духовной Семинаріи (*).

8) Ковры, столовые приборы мнѣ принадлежащіе всѣ безъ изъятія предоставляю Кіево-печерской Лаврѣ.

9) Двое часовъ золотыхъ, а также шубы, поясы, бѣлье и одѣяла прошу отдать Кіевской Духовной Академіи Ректору, архимандриту Антонію.

10) Всѣ прочія сребряныя вещи, какія останутся по смерти моей, а также и бронзовыя, предоставляю Кіево-печерской Лаврѣ (**).

11) Изъ денегъ, какія останутся по кончинѣ моей, тысячу рублей серебромъ употребить на погребеніе мое, изъ нихъ третью часть на нищихъ,—остальные за тѣмъ раздѣлить по равной части на Кіевское Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія и на содержаніе бѣдныхъ учениковъ Кіево-Софійскихъ духовныхъ училищъ и отдать въ кредитное учрежденіе на вѣчное время.

12) За симъ сродникамъ моимъ по плоти никакого наслѣдства по кончинѣ моей не оставляю.

Сіе духовное завѣщаніе составилъ, собственною рукою написалъ и по листамъ скрѣпилъ и къ опому руку приложилъ Филаретъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, Кіево-печерскія Лавры Священно-Архимандритъ.

17 Ноября 1851 года.
Кіевъ (***).

(*) Рукою покойнаго отмѣчено: »библіотека передана при жизни моей по принадлежности«.

(**) Рукою его же отмѣчено: »Вещей сребряныхъ никакихъ не осталось, а также и бронзовыхъ«.

(***) На подлинномъ завѣщаніи подпись такова: »Что сіе духовное завѣщаніе составлено и написано собственною рукою его Высокопреосвященства Филарета, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго и Кіево-печерской Лавры Священно-Архимандрита, въ томъ собственноручно свидѣтельствуемъ 20 Ноября 1851 года: Аполлинарій, епископъ Чигиринскій. Викарій кіевской епархіи. Намѣстникъ Лавры, архимандритъ Лаврентій, Семинаріи кіевской Ректоръ, архимандритъ Нектарій, Кіево-печерскія Лавры Духовникъ, Іеросхимонахъ Парѳеній«.

Подъ симъ засвидѣтельствованіемъ рукою покойнаго Митрополита подписано: »духовное завѣщаніе сіе утверждаю во всей силѣ«. 28 Сентября 1857 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЗАВѢЩАНІЮ 1-е.

16 Апрѣля 1847 года. Прошу и смиренно умоляю епархіальное и лаврское Начальство, по кончинѣ моей совершить погребеніе въ соборной Кіево-печерской Лавры церкви Успенія Божіей Матери и предать бренное и грѣшное тѣло мое на ближнихъ св. пещерахъ, въ Крестовоздвиженской церкви, на правой сторонѣ у стѣны, противъ чудотворной—Казанской Иконы Божіей Матери. Памятника прошу не дѣлать, а только въ стѣнѣ утвердить мѣдную доску съ приличною надписью. Тѣло мое прошу положить въ приготовленномъ мною гробѣ, который хранится въ домовой церкви преподобнаго Іоанна Многострадальнаго въ Голосѣевой Пустыни. Смиренный Филаретъ, недостойный Митрополитъ Кіевскій собственноручно подписуюсь и именемъ Господа нашего Іисуса Христа прошу и молю исполнить сіе мое завѣщаніе.

Тоже повторяю 17 Ноября 1851 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЗАВѢЩАНІЮ 2-е.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь.

По сокровенному и неизглаголанному желанію и влеченію сердца моего данъ мною предъ Господомъ Богомъ обѣтъ воспріять на себя великій ангельскій образъ—св. схиму.—Обѣтъ сей исполненъ мною предъ всевидящими очами

Господа Бога и Спасителя моего Іисуса Христа, съ нареченіемъ имени преподобнаго отца нашего Ѳеодосія Печерскаго. Посему прошу и молю Духовный Соборъ святыя Кіевопечерскія Лавры по кончинѣ моей, облечь грѣшное тѣло мое въ св. схиму, хранящуюся въ келліи моей, въ особомъ ящикѣ, которую и возложить сверхъ одежды новой, приготовленной на погребеніе мое. Паки и паки прошу и молю и заклѣщаю именемъ Господа и Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа исполнить сіе смиренное желаніе сердца моего неизмѣнно. Смиренный Филаретъ, Митрополитъ Кіевскій.

28 Сентября 1857 года.

Въ день памяти преподобныхъ
Отецъ нашихъ печерскихъ.

Окончивъ чтеніе, читавшій заключилъ оное слѣдующими словами: »Святителю Божій,— Архипастырю и Отче нашъ!—слышимъ слухомъ сердца драгоцѣнные, отеческіе завѣты твои, съ любовію пріемлемъ и лобызаемъ ихъ, и Богу содѣйствующу, будемъ свято хранить ихъ.—Этимъ только и можемъ мы достойно почтить на всегда драгоцѣнную для насъ память твою«.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

121) Выше всѣхъ добродѣтелей—смиреніе, и пагубнѣе всѣхъ страстей—чревоугодіе и сообращеніе съ мужчинами. Воздержаніе чрева смиряетъ страсти, а сообращеніе съ мущинами низводитъ монахиню во дно адово.

122) Работай въ келліи своей столько, сколько нужно для пріобрѣтенія пищи; все же остальное время дня ты должна проводить въ молитвѣ и чтеніи, въ испытаніи помысловъ и въ слезахъ—о благословенной душѣ твоей, а не о томъ, что не имѣешь разнообразныхъ яствъ; ибо это свойственно только невѣрнымъ. Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ такъ: ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ. Итакъ, если ты вѣрная раба Христова, то не должна вносить въ помыслъ свой ничего такого—низкаго и нечистаго, но терпѣливо пребывать въ добромъ безмолвіи, молитвѣ и воздержаніи. Кто ны разлучитъ отъ любви Христовой, говоритъ великій Павелъ? ни скорби, ни муки, ни бѣды, ниже ангелы. Видишь, госпожа моя, какова любовь Христова.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 4-го Февраля 1858 года.

Цензоръ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Петръ.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 46.

НЕДѢЛЯ ВТОРАЯ Св. ПОСТА.

16 Февраля 1858 г.

Глась 5-й.

На утрени евангеліе воскресное 5-е, Лук. зач. 113. На литургіи: апост. Евр. зач. 304 и 318, еванг. Марк. зач. 7 и Іоан. зач. 36.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ УКАЗАНІЯ ВЪ СВЯТОМЪ ПИСАНІИ НА ПРЕДМЕТЫ ВЕТХОЗАВѢТНОЙ СВЯЩЕННОЙ ИСТОРІИ.

I. ТВОРЕНІЕ.

а) Міра вообще.

ПРЕДВѢЧНАЯ ПРЕМУДРОСТЬ ГОВОРИТЪ О СЕБѢ:

Господь стяжа мя начало путей своихъ въ дѣла своя. Прежде неже горамъ водрузитися, прежде же всѣхъ холмовъ раждаетъ мя. Егда готовяше небо, съ Нимъ бѣхъ, и егда отлучаше престолъ свой на вѣтрѣхъ, и егда крѣпки творяше облаки, и егда тверди полагаше источники поднебесныя, и егда полагаше морю предѣлъ его, да воды не мимоидутъ устъ его, и крѣпки творяше основанія земли, бѣхъ при Немъ устроя. Азъ бѣхъ, о нейже радовашеся, на всякъ же день веселяхся предъ лицемъ Его, егда веселяшеся вселенную совершивъ, и веселяшеся о сынѣхъ человѣческихъ (Притч 8, 22—33).

О ТОЙ ЖЕ ПРЕМУДРОСТИ УПОСТАСНОЙ СКАЗАНО.

Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово. Вся тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть (Іоан. 1, 1. 3). Иже есть образъ Бога невидимаго, первороженъ всея твари: яко Тѣмъ создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая, аще престоли, аще господствія, аще начала, аще власти, всяческая Тѣмъ и о Немъ создашася. И Той есть прежде всѣхъ, и всяческая въ Немъ состоятся (Кол. 1, 16—17). Словомъ Господнимъ небеса утвердишася и Духомъ устъ Его вся сила ихъ (Псал. 32, 6).

Вѣрою разумѣваемъ совершитися вѣкомъ глаголомъ Божіимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти (Евр. 11, 3). Невидимая Его отъ созданія міра твореніи помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество (Римл. 1, 20).

Да воззриши на небо и землю, и вся

яже въ нихъ, видящъ уразумѣеши, яко отъ несущихъ сотвори сія Богъ, и человѣчь родъ тако бысть (Макк. 7, 28).

Исповѣдайтеся Господеви, яко благъ, яко въ вѣкъ милость Его, — сотворшему небеса разумомъ, утвердившему землю на водахъ, сотворшему свѣтила велія единому, солнце во область дне, луну и звѣзды во область нощи (Пс. 135, 1—8). Той рече и быша, повелѣ и создашася: постави я въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка, повелѣніе положи и не мимоидетъ (Псал. 148, 5, 6).

Богъ глаголетъ къ Іову.

Гдѣ былъ еси, егда основахъ землю? Возвѣсти ми, аще вѣси разумъ: кто положи мѣры ея, аще вѣси, или кто наведый вервь на ню? на чемже столпи ея утверждени суть? кто же есть положивый камень краеугольный на ней? Егда (сотворены) быша звѣзды, восхвалиша Мя гласомъ веліимъ вси ангели мои. Заградихъ же море враты, егда изливашеся изъ чрева матере своея исходящее; положихъ же ему облакъ въ одѣяніе, мглою же повихъ е; и положихъ ему предѣлы, обложивъ затворы и врата; рѣхъ же ему: до сего дойдеши, и не прейдеши, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя (Іов. 38, 4—11).

Вѣмъ (Господи), яко вся можеши, невозможно же Тебѣ ничтоже (Іов. 42, 2). Въ началѣ Ты Господи землю основалъ еси, и дѣла руку твоею суть небеса. Та погибнутъ, Ты же пребываеши, и вся яко риза обетшаютъ и яко одежду свіеши я, и измѣнятся: Ты же тойжде еси и лѣта твоя не оскудѣютъ (Псал. 101, 26—28). Ты еси самъ Господь единъ, Ты сотворилъ еси небо, и небо небесе, и вся вои ихъ, и землю, и вся, елика на ней суть, моря, и вся яже въ нихъ, и Ты оживляеши вся, и вои небесніи покланяются Тебѣ (Неем. 9, 6).

б) Человѣка въ особенности.

Богъ сотвори человѣка въ неистлѣніе, и во образъ подобія своего сотвори его (Прем. 2, 23); созда отъ земли человѣка (Сир. 17, 1): и положи страхъ его на всякой плоти, еже властвовати звѣрми, и скоты, и птицами (—17, 4). Ты сотворилъ еси Адама, и далъ еси ему помощницу Еву утвержденіе жену его: отъ тѣхъ родися человѣческое сѣмя. Ты реклъ еси: не добро быти человѣку единому, сотворимъ ему помощницу подобную ему (Тов. 8, 6). Сотворивый искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ есть, и рече: сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей, и будета оба въ плоть едину (Матѳ. 19, 4. 5).

Художествомъ разума исполни я, и добрая и злая показа имъ; положилъ есть око свое на сердцахъ ихъ, показати имъ величество дѣлъ своихъ, да имя святыни Его восхвалятъ, и да повѣдаютъ величество дѣлъ Его. Завѣтъ вѣчный постави съ нами, и судьбы своя показа имъ; величество славы видѣша очеса ихъ, и славу гласа Его слыша ухо ихъ, и рече имъ: внемлите отъ всякія неправды (Пем. 17, 6 12).

Сотворилъ есть отъ единыя крове весь языкъ человѣчь, жити по всему лицу земному, уставивъ предучиненная времена, и предѣлы селенія ихъ, взыскати Господа, да поне осяжутъ Его и обрящутъ, яко недалече отъ единаго коегождо насъ суща (Дѣян. 17, 26).

Яко узрю небеса, дѣла перстъ твоихъ, луну и звѣзды, яже Ты основалъ еси. Что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его? Умалилъ еси его малымъ чимъ отъ Ангелъ, славою и честію вѣнчалъ еси его, и поставилъ еси его надъ дѣлы руку твоею, вся покорилъ еси

подъ нозѣ его.—Господи, Господь нашъ, яко чудно имя твое по всей земли! (Пс. 8, 5—9).

II ПАДЕНІЕ И ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Сотвори Богъ человѣка праваго, и сіи взыскаша помысловъ многихъ (Еккл. 7, 30). Змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ (2 Кор. 11, 3),—змій древній, нарицаемый діаволъ и сатана, льстяй вселенную всю (Апок. 12, 9). Жена прельстившися въ преступленіи бысть (1 Тим. 2, 14).

Завистію діаволею смерть вниде въ міръ (Прем. 2. 24). Единѣмъ человѣкомъ грѣхъ вниде въ міръ, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немже вси согрѣшиша (Римл. 5, 12). О Адамѣ вси умираютъ (1 Кор. 15, 22). Единаго прегрѣшеніемъ во вся человѣки вниде осужденіе;—ослушаніемъ единаго человѣка грѣшни быша мнози (Римл. 5, 18. 19). Суетѣ (и) тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на упованіи (—8, 20).

(Премудрость) первозданнаго отца міру единаго созданнаго сохрани и изведе его отъ грѣха его (Прем. 10, 1). Тѣмъ же входя въ міръ глаголетъ: жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, тѣло же свершилъ ми еси, всесожженій и о грѣсѣ не благоволилъ еси; тогда рѣхъ: се иду, въ главизнѣ книжнѣй написася о мнѣ, еже сотворити волю твою Боже (Евр 10, 5—7). Явися Сынъ Божій, да разрушитъ дѣла діавола (1 Іоан. 3, 8).

III. СОБЫТІЯ ПЕРВАГО МІРА И ПОТОПЪ.

Вѣрою множайшую жертву Авель паче Каина принесе Богу, еюже свидѣтельствованъ бысть праведникъ, свидѣтельствующу о дарѣхъ его Богу, и тою умерый еще глаголетъ (Евр. 11, 4). Отступивъ же отъ премудрости (Каинъ) въ гнѣвѣ своемъ, со братоубійственными погибе яростьми (Прем. 10, 3).

Пророчествова седмый отъ Адамии Енохъ, глаголя: се пріидетъ Господь въ тмахъ святыхъ ангелъ своихъ, сотворити судъ о всѣхъ дѣлѣхъ нечестія ихъ, имиже нечествоваша, и о всѣхъ жестокихъ словесѣхъ ихъ, яже глаголаша нань грѣшницы нечестивіи (Іуд. 14, 15). Никтоже созданъ бысть таковъ, яко Енохъ угоди Господеви, и преложися, образъ покаянія родомъ (—44, 15). Вѣрою преложенъ бысть не видѣти смерти, и не обрѣташеся, зане преложи его Богъ. Прежде бо свидѣтельствованъ бысть, яко угоди Богу (Евр. 11, 5, 6).

Вѣрою отвѣтъ пріимъ Ное о сихъ, яже не у видѣ, и убоявся, сотвори ковчегъ во спасеніе дому своему: еюже осуди весь міръ, и правдою, яже по вѣрѣ, бысть наслѣдникъ (Евр. 11, 7). Бѣху во дни прежде потопа ядуще и піюще, женящеся и посягающе, до него же дне вниде Ное въ ковчегъ, и не увидѣша, дондеже пріиде вода и взятъ вся (Матѳ. 24, 38. 39).—Ожидаше Божіе долготерпѣніе во дни Ноевы, дѣлаему ковчегу, въ немже мало, сирѣчь осмь душъ спасошася отъ воды (1 Петр. 3, 20).—Ное обрѣтеся совершенъ, праведенъ, во время гнѣва бысть примиреніе. Сего ради бысть останокъ земли, егда бяше потопъ. Завѣты вѣчніи положени быша съ нимъ, да не потребится потопомъ всяка плоть (Сир. 44, 16—18).

IV. СОБЫТІЯ ПОСЛѢ ПОТОПА ДО МОУСЕЯ.

(Премудрость) во единомысліи лукавства смѣшанныхъ языковъ обрѣте праведника (Авраама), и сохрани его непорочна Богу, и въ поболѣніи о чадѣ крѣпка сотвори (Прем. 10, 5).

Бысть во дни Лотовы: ядаху, піяху, куповаху, продаяху, саждаху, здаху, въ оньже день изыде Лотъ отъ Содомлянъ, одожди камыкъ горящъ и огнь съ небесе, и погуби вся (Лук. 18, 28. 29). (Но Премудрость) праведнаго,

погибающимъ нечестивымъ, избави бѣжащаго отъ огня, нисходяща на пять градовъ: ихже еще свидѣтельство лукавствія дымящаяся стоитъ земля пуста, и несовершенными времени плодствующая древеса, и невѣрныя души память стоящъ столпъ сланъ (Прем. 10, 6. 7).

Авраамъ великій отецъ множеству языковъ, и не обрѣтеся подобный во славѣ его, иже соблюде законъ Вышняго, и бысть въ завѣтѣ съ Нимъ, и на плоти его устави завѣтъ, и во искушеніи обрѣтеся вѣренъ. Сего ради клятвою постави съ нимъ благословитися языкомъ о сѣмени его, умножити его яко персть земли, и яко звѣзды возвысити сѣмя его и наслѣдити имъ отъ моря до моря, и отъ рѣки до края земли (Сир. 44, 19—24). Вѣрою зовомъ Авраамъ послуша изыти на мѣсто, еже хотяше пріяти въ наслѣдіе, и изыде не вѣдый камо грядетъ. Вѣрою пріиде на землю обѣтованія, якоже на чужду, въ кровы вселися со Исаакомъ и Іаковомъ, снаслѣдникома обѣтованія того же. Вѣрою и сама Сарра неплоды силу во удержаніе сѣмене пріятъ, и паче времене возраста роди, понеже вѣрна непщева Обѣтовавшаго. Вѣрою приведе Авраамъ Исаака искушаемъ и единороднаго приношаше обѣтованія пріемый,—помысливъ, яко и изъ мертвыхъ воскресити силенъ есть Богъ: тѣмже того и въ притчи пріятъ (Евр. 11, 8—11. 17—19). (Вѣрою) видѣ день (Христовъ) и возрадовася (Іоан. 8, 56). Что убо речемъ Авраама отца нашего обрѣсти по плоти? Аще бо Авраамъ отъ дѣлъ (однихъ) оправдася, имать похвалу, но не у Бога. Что бо писаніе глаголетъ? Вѣроваше Авраамъ Богови, и вмѣнися ему въ правду. - И знаменіе пріятъ обрѣзанія, печать правды вѣры, яже въ необрѣзаніи, во еже вмѣнитися и тѣмъ (не сущимъ отъ обрѣзанія) въ правду (Римл. 5, 1—3. 11). Вѣра споспѣшествоваше дѣломъ его, и отъ дѣлъ совершися вѣра (Іак. 2, 23).—Писано есть, яко Авраамъ два сына имѣ: единаго отъ рабы и другаго отъ свободныя. Но иже отъ рабы по плоти ролися, а иже отъ свободныя, по обѣтованію. Яже суть иносказаема: сія бо еста два завѣта, единъ убо отъ горы Синайскія, въ работу раждаяй, иже есть Агарь,—а вышній Іерусалимъ свободь есть, иже есть мати всѣмъ намъ (Гал. 4, 22—26).

И о Исаацѣ утверди (Богъ) Авраама ради благословеніе всѣхъ человѣковъ и завѣтъ. И почи на главѣ Іаковли; позна его благословеніи своими, и даде его въ наслѣдіе, и раздѣли части его из колѣнъ двана десять (Сир. 44, 24—26). Бѣжащаго отъ гнѣва братня праведника постави (Премудрость) на стези правды, и показа ему царствіе Божіе, и даде ему разумъ святыхъ, почте его въ трудѣхъ, и умножи труды его отъ врагъ, и отъ навѣтующихъ защити его, и подвигъ крѣпокъ на побѣду даде ему, да увѣсть, яко всѣхъ сильнѣе есть благочестіе (Прем. 10, 10—12). (Таже Премудрость) Іакова возлюби, Исава же возненавидѣ, и отъ призывающаго рече ся (Ревеккѣ): яко болій поработаетъ меньшему (Римл. 9, 12, 13). Да не кто (будетъ) блудодѣй, или сквернитель, якоже Исавъ, иже за ядь едину отдалъ есть первородство свое,—и потомъ, похотѣвъ наслѣдовати благословеніе, отверженъ бысть, аще и со слезами поискалъ его (Евр. 12, 16. 17). Сія (Премудрость) проданнаго праведника (Іосифа) не остави, но отъ грѣха избави его; сниде съ нимъ въ ровъ, и во узахъ не остави его, дондеже принесе ему скиптръ царствія и власть на мучащихъ его, лживыхъ же показа порокъ сотворшихъ нань, и даде ему славу вѣчную (Прем. 10, 13. 14). Посла царь и разрѣши его: постави его господина дому своему, и князя всему стяжанію своему, наказати князи его яко себѣ, и старцы его умудрити.

И вниде Израиль въ Египетъ, и Іаковъ пришелствова въ землю Хамову (Псал. 104, 20—24).

Вѣрою о грядущихъ благослови Исаакъ Іакова и Исава. Вѣрою Іаковъ умирая коегождо сына Іосифова благослови, и поклонися на верхъ жезла его. Вѣрою Іосифъ умирая о исхожденіи сыновъ Израилевыхъ памятствова, и о костехъ своихъ заповѣда (Евр. 11, 21. 22).

V. ИСХОДЪ ИЗЪ ЕГИПТА.

И возрасти Богъ люди своя (въ Египтѣ) зѣло, и укрѣпи я паче враговъ ихъ. Преврати сердце ихъ возненавидѣти люди Его, лесть сотворити въ рабѣхъ Его (Псал. 104, 24. 25). (Но Премудрость) людей преподобныхъ и сѣмя непорочное избави отъ языкъ оскорбляющихъ. Вниде въ душу раба Господня, и воста противу царей страшныхъ въ чудесѣхъ и знаменіяхъ (Прем. 10, 15. 16). Посла Моусея раба своего, Аарона, егоже избра себѣ; положи въ нихъ словеса знаменій своихъ и чудесъ своихъ въ земли Хамовѣ (Пс. 104, 26. 27).—Вѣрою Моусей великъ бывъ, отвержеся нарицатися сынъ дщере Фараона, паче же изволи страдати съ людьми Божіими, нежели имѣти временную грѣха сладость.—Вѣрою остави Египетъ, не убоявся ярости царевы; невидимаго бо яко видя терпяше (Евр. 11, 24—27). Возлюбленный Богомъ и человѣки Моисей, егоже память во благословеніихъ. Въ словесѣхъ его знаменія устави, и прослави его предъ лицемъ царей; заповѣда ему къ людемъ своимъ, и показа ему славу свою. Въ вѣрѣ и кротости его освяти его, избра его отъ всякія плоти (Сир. 45, 1—4).

Посла (Богъ) тму (на Египетъ) и помрачи, яко преогорчиша словеса Его; преложи воды ихъ въ кровь, и измори рыбы ихъ; воскипѣ земля ихъ жабами въ сокровищницахъ царей ихъ; рече, и пріидоша песіи мухи, и скнипы во вся предѣлы ихъ; положи дожди ихъ грады, огнь попаляющъ въ земли ихъ; и порази виногради ихъ и смоквы ихъ, и сотры всякое древо предѣлъ ихъ; рече, и пріидоша прузи и гусеницы, ихже не бѣ числа, и снѣдоша всяку траву въ земли ихъ, и поядоша всякъ плодъ земли ихъ (Псал. 104, 28—36). О всѣхъ не вѣрующе (Египтяне) ради чародѣяній, ради первенцевъ истребленія, исповѣдаша людей сыновъ Божіихъ быти. Тихому бо молчанію содержащу вся, и нощи въ своемъ теченіи преполовляющейся, всемогущее слово твое, Господи, съ небесъ отъ престоловъ царскихъ жестокъ ратникъ въ средину погибельныя земли сниде, мечь остръ неличемѣрное повелѣніе носяй, и ставъ исполни вся смерти (Прем. 18, 13—16). И порази всякаго первенца въ земли ихъ, начатокъ всякаго труда ихъ. И изведе и съ сребромъ и златомъ, и не бѣ въ колѣнахъ ихъ боляй. Возвеселися Египетъ во исхожденіи ихъ, яко нападе страхъ ихъ на ня (Пс. 104, 36—38).

Вѣрою (Моусей) сотвори Пасху и пролитіе крове, да не погубляяй первородженная коснется ихъ (Евр. 11, 28). Вѣрою прейдоша Чермное море, яко по сусѣ земли, егоже искушеніе пріемше Египтяне истопошася (—29). Воздаде (Премудрость) преподобнымъ мзду трудовъ ихъ, настави ихъ въ путь дивенъ, и бысть имъ въ покровъ днемъ, и въ пламень звѣздъ въ нощи. Проведе ихъ по морю Чермному, и проведе ихъ сквозѣ воду многу: врази же ихъ потопи, и изъ глубины бездны изрине ихъ. Сего ради праведніи взяша корысти нечестивыхъ и восхвалиша, Господи, имя святое твое (Прем. 10, 17—20). И вѣроваша словеси Его, и воспѣша хвалу Его (Псал. 105, 12).

Отцы наши вси подъ облакомъ быша, и вси сквозѣ море проидоша, и вси въ Моусея крестишася во облацѣ и въ мори (1 Кор. 10, 1. 2).

(Продолженіе будетъ).

Р Ѣ Ч Ь 1-я,

СКАЗАННАЯ ПРИ ОПУЩЕНІИ ВЪ МОГИЛУ ТѢЛА ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО (*).

Благослови, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, препроводить тебя на вѣчное служеніе Господу и Богу. Коему ты съ такою любовію и ревностію служилъ, въ продолженіе всей своей земной долголѣтней жизни, тѣснѣйшаго соединенія съ Коимъ такъ нетерпѣливо жаждала душа твоя, особенно въ послѣдніе годы жизни твоей. И вотъ, достигнуто желаемое и искомое тобою: душа твоя, уповаемъ мы, у Источника истинной, вѣчной жизни, насыщается отъ воды, пія которую не вжаждешься уже во вѣки; — намъ осталась одна земная храмина твоя, которую сей часъ сокроютъ земныя нѣдра. И чтожъ? Ужели, стоя надъ могилою, предъ гробомъ твоимъ, мы въ послѣдній разъ созерцаемъ твой святительскій ликъ, услаждавшій взоры наши, вселявшій искреннее благоговѣніе къ тебѣ и къ тѣмъ возвышеннымъ свойствамъ глубокаго благочестія, которыя такъ явственно отражались на немъ? О, да не будетъ, да не будетъ! Предавши земное землѣ, мы навсегда сохранимъ у себя, въ душахъ и сердцахъ своихъ, образъ твой, сохранимъ то, чѣмъ ты самъ дорожилъ болѣе всего, то, чѣмъ ты, земной жилецъ, соединялся съ неземнымъ, небеснымъ, вѣчнымъ. Въ нашей благоговѣйной памяти сохранится человѣкъ, протекшій земное поприще существованія подъ вліяніемъ земныхъ условій, но силою благодати Божіей, на основахъ временнаго, созидавшій въ себѣ вѣчное, небесное. Мы привыкли видѣть въ тебѣ двухъ человѣкъ: одного — простаго, кроткаго и смиреннаго, при всей высотѣ твоего общественнаго положенія, для всѣхъ доступнаго, ко всѣмъ милостиваго; а другаго — нравственнаго, величаваго мужа, напоминавшаго собою древнихъ великихъ святителей и подвижниковъ вѣры, человѣка не нашей обыденной жизни, не нашего времени, не нашихъ нравовъ и привычекъ, — такъ что издали ты казался даже для многихъ какимъ то недосязаемымъ образцемъ нравственнаго величія. — Посвятивши себя, отъ дней юности своей, на особенное служеніе Богу, въ чинѣ иноческомъ, ты не испытывалъ суетливыхъ заботъ и попеченій семейнаго быта; но ты чувствовалъ ихъ сердцемъ милосердаго человѣка, ты сострадалъ имъ, болѣлъ душею, узнавая о семейныхъ потеряхъ, которыя испытывали родители, супруги или дѣти, — и не рѣдко, не только словомъ и архипастырскими распоряженіями, но и щедрою рукою утѣшалъ скорбящихъ. — Поставленный на служеніе обществу и Церкви, ты не могъ не быть подъ вліяніемъ безчисленныхъ внѣшнихъ превращеній, не могъ, по временамъ, не смущаться даже отъ житейскихъ злоключеній; но духъ твой, крѣпкій вѣрою въ промыслъ Божій, возносилъ тебя надъ годиною искушеній, тебѣ самому посылаемыхъ, и надъ общими событіями житейской суеты; — ты спокойно, какъ мужъ, испытанный во брани, какъ Христіанинъ, опытный въ жизни, смотрѣлъ на коловоротъ житейскихъ дѣлъ, живо чувствуя и сознавая непреложность истины слова Божія: *въ руцѣ Господни власть земли.* И не тщетны были твоя вѣра и твое упованіе. Сколько дивнаго, истинно отеческаго промышленія Божія мы замѣчали надъ тобою; какъ нерѣдко изводилъ Господь, своими особенными путями, правду твою яко свѣтъ, устроялъ во благо твое все, даже, по видимому, маловажное въ жизни твоей, — и какъ невольно тогда мы должны были признать въ тебѣ избранника Божія, мужа

(*) Ключаремъ каѳедральнаго Кіево - Софійскаго Собора, протоіереемъ Григоріемъ Крамаревымъ.

по сердцу Божію! — Нельзя, наконецъ, не остановиться вниманіемъ и еще на одномъ, важномъ обстоятельствѣ твоей жизни. Въ послѣдніе особенно годы ты подвергался, по временамъ, тяжкимъ тѣлеснымъ недугамъ, страдалъ отъ нихъ душевно и тѣлесно, но въ тоже время, какъ истинный Христіанинъ, съ терпѣніемъ и глубокою покорностію волѣ Божіей несущій крестъ свой, ты укрѣплялся въ эти тяжкія годины живою вѣрою въ Бога Спасителя. И вотъ тайна того величія общественнаго, котораго удостоилъ тебя Господь въ здѣшней жизни; вотъ объясненіе того великаго нравственнаго вліянія, какое имѣлъ ты и, конечно, будешь имѣть долго, не только на окружавшихъ тебя, на ближайшую паству твою, но и на всю Россію! Ты былъ, первѣе всего и главнѣе всего, великій нравственный человѣкъ — Христіанинъ, — и вся внѣшняя судьба твоей славной архипастырской жизни развилась отсюда, какъ изъ сѣмени, проторгла наружу твое богатое, внутреннее сокровище, соплела тебѣ еще здѣсь, на землѣ, лучезарный вѣнецъ славы, залогъ вѣнца нетлѣннаго, вѣчнаго, по преимуществу искомаго тобою и чаемаго тобою.

Такъ, возлюбленный Архипастырь, не погребетъ тебя совершенно могила сія; не сокроютъ отъ мысленнаго взора нашего высокаго нравственнаго образа твоего нѣдра земныя; вѣчная память тебѣ въ душахъ и сердцахъ нашихъ; вѣчная память тебѣ вознесется на мѣстѣ семъ не нами только, но и пришельцами изъ дальнихъ странъ Россіи, отъ запада, сѣвера, моря и востока притекающими въ нашъ священный градъ.

И всеже грустно безъ тебя, незабвенный Архипастырь: людей, подобныхъ тебѣ, немного.... Но да будетъ воля Господня! — Прости, Владыко. —

Р Ѣ Ч Ь 2-я,

СКАЗАННАЯ ПРИ ОПУЩЕНІИ ВЪ МОГИЛУ ТѢЛА ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО (*).

Ахъ, Архипастырь, ты уже совсѣмъ оставляешь насъ! Вотъ, земля совсѣмъ готова принять твой гробъ и сокрыть его отъ насъ глубоко, въ своихъ темныхъ нѣдрахъ. — Ты, Архипастырь, довершаешь свое блаженное прехожденіе изъ міра видимаго въ міръ незримый; мы, съ своей стороны, оканчиваемъ послѣднее прощаніе съ тобою.

А у тебя, приснопамятный отецъ нашъ, при жизни, былъ святой обычай: ежедневныя свои служебныя и неслужебныя дѣла и занятія завершать всегда дѣломъ милосердія, такъ какъ и всѣ вообще свои дѣйствія ты любилъ, если не всегда (какъ того требовало правосудіе) завершать, по крайней мѣрѣ — всегда растворять милостію.

Дозволь же наше послѣднее прощаніе съ тобою, при твоемъ окончательномъ изшествіи изъ міра сего, заключить воспоминаніемъ объ одномъ изъ безчисленныхъ дѣлъ твоего милосердія. Дозволь: это будетъ воспоминаніе о дѣлѣ, постоянно тебя занимавшемъ и преимущественно тобою любимомъ, — воспоминаніе о сиротахъ, тобою облагодѣтельствованныхъ и твоими щедротами воспитанныхъ.

Сиротство, это одно изъ тяжкихъ бѣдствій человѣчества, столь часто и сильно поражаетъ общества человѣческія, что сколько общественныхъ мѣръ ни предпринимается для облегченія участи сиротствующихъ, благотворенію частному, милосердію въ духѣ ученія евангельскаго (Матѳ. 6, 3) всегда было и

(*) Ректоромъ Кіево-Софійскаго Д. Училища, священникомъ Н. Оглоблинымъ.

будетъ пространное поприще въ дѣлѣ призрѣнія сиротъ.

И милосердый Архипастырь нашъ, нашъ истый Филаретъ милостивый, основавши въ своемъ Софійскомъ домѣ (*), въ 1839 году, Духовное училище, изъявилъ волю, ежегодно, на полномъ своемъ иждивеніи, содержать въ семъ Училищѣ до сорока человѣкъ сиротъ. И вотъ, съ тѣхъ поръ по настоящее роковое время, въ теченіе 18 лѣтъ, 40 человѣкъ беззащитныхъ, безпріютныхъ сиротъ, ежегодно находили себѣ кровъ и пристанище въ дому первоначальнаго ученія православнаго, и чрезъ это пріобрѣтали возможность не только одѣться и прокормиться, а и просвѣтить себя первопачальнымъ свѣтомъ ученія Христова, чтобы такимъ образомъ приготовиться къ дальнѣйшему образованію симъ спасительнымъ ученіемъ и потомъ—къ достойному вступленію на благочестивое служеніе Церкви и отечеству (**).

А призрѣвать и воспитыватъ ежегодно, въ теченіе 18 лѣтъ, такое число сиротъ — есть подвигъ не только великодушія и сострадапія, а чистѣйшей христіанской любви. И что же? Это подвигъ лишь послѣднихъ 18 лѣтъ архипастырскаго служенія нашего милостиваго Филарета, и подвигъ лишь въ послѣдней его, т. е. кіевской паствѣ; а почившій Архипастырь служилъ Церкви и отечеству, въ святительскомъ санѣ, около сорока лѣтъ, управлялъ преемственно, кромѣ нашей кіевской паствы, другими 4-мя паствами: сколькожъ тамъ и за протекшее тамъ время излито имъ благодѣяній и милостей! Но и у насъ, въ Кіевѣ, этотъ подвигъ призрѣнія и воспитанія сиротъ есть только нѣкоторая часть того великаго подвига милосердія, какой милостивымъ Филаретомъ нашимъ былъ совершаемъ постоянно съ самоотверженіемъ истиннаго христіанина.

Столько благости, добра и милосердія въ одномъ лицѣ! Невольно при семъ повторимъ давно извѣстную истину: только въ нѣдрахъ христіанства и лишь на почвѣ православія могутъ возникать и возвышаться подобные образцы дивнаго милосердія!

О Архипастырь нашъ! Ты не только въ жизни своей, чрезъ свою благость и милосердіе, служилъ нашимъ утѣшеніемъ, но и по смерти будешь нашею отрадою, какъ живѣйшее доказательство и вѣрнѣйшее выраженіе святости единаго святаго и единаго божественнаго закона Христова, по которому одному и столь неуклонно ты шествовалъ во всю жизнь свою, и который лишь одинъ могъ образовать и образовалъ тебя въ столь дивнаго свѣтильника дивной добродѣтели христіанской.

Чтожъ я скажу твоимъ сиротамъ, тобою облагодѣтельствованнымъ и только одними твоими благодѣяніями жившимъ?—Горестно теперь говорить съ ними, какъ и со всѣми, чувствующими всю безмѣрность для себя потери въ смерти твоей; но ты и для сиротъ, изъ гроба своего, подаешь надежду и утѣшеніе. Я приду и скажу имъ: »великій благодѣтель »вашъ, и умирая, не забылъ о васъ,- и оста»вляя эту жизнь, не оставилъ васъ безъ по»собія, а далъ вамъ средства (*)—доучиться

(*) При Кіево-Софійскомъ каѳедральномъ Соборѣ.

(**) Если на каждаго изъ облагодѣтельствованныхъ такимъ образомъ сиротъ положить по шести лѣтъ училищнаго ученія (а многія изъ сиротъ оканчивали это ученіе и въ болѣе краткій срокъ); то по меньшей мѣрѣ получается 120 приготовленныхъ къ дальнѣйшему, уже болѣе удобному образованію, учениковъ, которые, безъ сострадательнаго Архипастыря, не только не достигли бы дальнѣйшаго образованія, а, по всей вѣроятности, и вовсе не имѣли бы возможности начать свое образованіе, оставаясь на всегда подъ гнетомъ убожества и во мракѣ невѣжества.

(*) По духовному завѣщанію Архипастыря, собст-

»до юношескаго возраста и достигнуть же»лаемаго вами образованія; учитесь только »усердно и молитесь усердно за вашего ве»ликаго благодѣтеля«!

И молитва любви соединится съ вѣчною памятію о тебѣ, незабвенный нашъ Архипастырь! И »вѣчная память« тебѣ повторится нашими дѣтьми, и отъ дѣтей нашихъ пойдетъ къ ихъ дѣтямъ, пока исторія не возвыситъ гласа своего и тоже не возгласитъ тебѣ: »вѣчная память! вѣчная память«!

Р Ѣ Ч Ь,

СКАЗАННАЯ 11 ЯНВАРЯ 1858 Г. ПРЕДЪ ВЫНОСОМЪ ТѢЛА ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО ПРЕОСВЯЩЕННАГО АПОЛЛИНАРІЯ, ВИКАРІЯ МИТРОПОЛІИ КІЕВСКОЙ, СКОНЧАВШАГОСЯ 10-го ЯНВАРЯ.

Что съ тобой, паства кіевская? Еще такъ свѣжа, еще не исцѣлѣна одна твоя рана, и вотъ новая болѣзнь для твоего сердца! Слезами кончили мы только что минувшій годъ, слезами начинаемъ новый. Дважды осиротѣли мы; преогорчена и переполнена чаша скорби нашей.... Ахъ! Видно крѣпко согрѣшили мы предъ Господомъ Богомъ; видно худо исполняли заповѣдь апостольскую: *повиноватися наставникамъ нашимъ и покоряться имъ: тіи бо бдятъ о душахъ нашихъ, яко слово воздати хотяще* (Евр. 13, 17), и — вотъ Господь отнялъ у насъ разомъ двухъ--одного за другимъ!

Оставляешь насъ и ты, Святитель Божій; ближайшій и добрый сотрудникъ почившаго въ Бозѣ, возлюбленнаго и незабвеннаго Архипастыря нашего. Болѣе двѣнадцати лѣтъ (*) помогалъ ты ему нести бремя пастырскихъ трудовъ его, и — мы видѣли и всегда живо и съ глубокою благодарностію будемъ помнить прекрасный примѣръ твоего сыновняго благоговѣнія къ маститому Архипастырю, твоего всеусерднаго и благопослушливаго служенія ему въ немощахъ старости и твоей всегдашней готовности, съ коею ты творилъ все, что возможно было ко благу паствы кіевской. Благодарная память о тебѣ неразрывна будетъ съ памятію усопшаго Архипастыря, которому ты какъ здѣсь былъ вѣрнымъ и неусыпнымъ сослужителемъ предъ престоломъ Господнимъ — до того, что, отдавая ему послѣдній долгъ, самъ собралъ и положилъ послѣднія свои силы, уже истощенныя продолжительною болѣзнію, — такъ не разлучился надолго съ нимъ и по смерти. Но особенно навсегда благодарно сохранитъ тебя въ своей памяти сія святая обитель, — ибо все живо и долго будетъ напоминать тебя здѣсь: и храмъ, тобою и совнѣ и внутри обновленный, украшенный, обогащенный, и домъ сей съ благолѣпною въ немъ церковію, тобою сооруженный, и обитель для странниковъ и немощныхъ, тобою здѣсь устроенная! Вѣруемъ и уповаемъ, что и небесные покровители обители сей — Архистратигъ горнихъ силъ и св. Великомученица Варвара, коимъ послужилъ Ты столь долго всею вѣрою и правдою, пріяли отъ тебя, какъ жертву самую благоугодную, твои неусыпные и благоплодные труды здѣсь. Не успѣлъ ты насладиться плодами ихъ и пожить въ семъ, съ толикими заботами воздвигнутомъ, селеніи: но — они уготовали и

венно на училищныхъ сиротъ назначена половина всей суммы, оставшейся послѣ него, за исключеніемъ назначенной на погребеніе, именно: 1585 р. 25¼ к., другая равная половина назначена на кіевское попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія.

(*) Съ 1845 года.

пріяли тебя въ селенія небесныя, и самымъ костямъ твоимъ даютъ мѣсто упокоенія въ обители и въ самомъ храмѣ своемъ!

А мы, сѣтующіе братіе и отцы, оплакавъ новую нашу потерю, смиримся подъ крѣпкую руку испытующаго насъ Господа, исповѣдаемъ судъ и правду Его въ обышедшихъ насъ скорбяхъ, но—и утѣшимся упованіемъ, что елика правда у Него, толика и милость Его; что почившіе архипастыри наши, и теперь, предстоя предъ небеснымъ престоломъ Господа славы, конечно не забыли своей осиротѣвшей паствы, но помнятъ и молятся о ней и—вѣрно—молитвы сіи еще сильнѣе и дѣйствительнѣе земныхъ молитвъ. По молитвамъ симъ—будемъ уповать—сбудется надъ нами слово написанное: *сѣтующіи слезами радостію пожнутъ* (Пс. 125, 5); *по множеству болѣзней нашихъ въ сердцѣ нашемъ утѣшенія Господня возвеселятъ душу нашу* (Пс. 93, 19).

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

123) Тѣлесный трудъ, бдѣніе, постъ, колѣнопреклоненія, чтеніе бож. писаній и безмолвіе сохраняютъ чистоту цѣломудрія. Трудъ укрѣпляется вѣрою и страхомъ смерти; а основаніе всего сего—молчаніе, удаленіе отъ видѣнія лицъ мужескихъ и непрестанная сердечная молитва.

124) Всякая добродѣтель безтрудная—не тверда и удобоколеблема подобно воздуху.

125) Если хочешь положить прочное начало дѣлу Божію,—сотвори завѣтъ съ помыслами своими, что ты не проживешь болѣе трехъ дней. Имѣя всегда такое расположеніе въ сердцѣ своемъ, ты мужественно начнешь благое дѣло, и никогда не впадешь въ уныніе.

126) Не малодушествуй, и не двоедушествуй, приступая къ дѣламъ Божіимъ, чтобы трудъ твой не остался безполезнымъ и безплоднымъ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 8-го Февраля 1858 года.

Цензоръ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Петръ.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 47.

НЕДѢЛЯ ТРЕТЬЯ Св. ПОСТА.

23 Февраля 1858 г.

Гласъ 6-й.

На утрени евангеліе воскресное 6-е, Лук. зач. 114. На литургіи: апост. Евр. зач. 311, еванг. Марк. зач. 37,

ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ УКАЗАНІЯ ВЪ СВЯЩЕННОМЪ ПИСАНІИ НА ПРЕДМЕТЫ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРІИ ВЕТХОЗАВѢТНОЙ.

VI. СТРАНСТВОВАНІЕ ИЗРАИЛЬТЯНЪ ВЪ ПУСТЫНѢ.

а) Дивный промыслъ Божій и невѣрность народа.

(Премудрость) управи дѣла (народа своего) рукою Пророка святаго. Преидоша пустыню необитанную и въ непроходимыхъ водрузиша кущи (Прем. 11, 1. 2).

Возжадаша и призваша Тебе, и дана бысть имъ вода отъ камене несѣкомаго (Тамже ст. 4); разверзе камень и потекоша воды, потекоша въ безводныхъ рѣки. Просиша, и пріидоша крастели, и одожди имъ манну ясти, и хлѣбъ небесный даде имъ (Псал. 104, 41. 40. Псал. 77, 24).

(Господь) слышанъ сотворилъ есть (Моусею) гласъ свой, и введе его во мглу, и даде ему предъ лицемъ заповѣди, законъ жизни и вѣденія, еже научити Іакова завѣту и судьбамъ Его Израиля. Аарона возвыси святаго: постави ему завѣтъ вѣченъ и даде ему іерейство людей, ублажи его благоукрашеніемъ, и препоясa его одеждою славы (Сир. 45, 5—8).

И дахъ имъ заповѣди моя (говоритъ Господь), и оправданія моя явихъ имъ, яже аще сотворитъ человѣкъ, живъ будетъ въ нихъ.— И разгнѣва Мя домъ Исраилевъ въ пустыни (Іезек. 20, 11. 13). И сотвориша тельца въ Хоривѣ, и поклонишася истуканному; и измѣниша славу Божію въ подобіе тельца ядущаго траву: и забыша Бога спасающаго ихъ, аще не бы Моусей избранный Его сталъ въ сокрушеніи предъ Нимъ, возвратити ярость Его, да не погубитъ ихъ (Псал. 105, 19—23).

И клеветаша на Бога, и рѣша: еда возможетъ Богъ уготовати трапезу въ пустыни?— Воздвиже югъ съ небесъ, и наведе силою своею лива; и одожди на ня яко прахъ плоти,

и яко песокъ морскій птицы пернаты. И ядоша и насытишася зѣло.—Еще брашну сущу во устѣхъ ихъ и гнѣвъ Божій взыде на ня, и уби множайшая ихъ, и избраннымъ Израилевымъ запятъ (Пс. 78, 19. 26—31)

И уничижиша землю желанную, не яша вѣры словеси Его, и поропташа въ селеніихъ своихъ, не услышаша гласа Господня. И воздвиже руку свою на ня низложити ихъ въ пустыни (Пс. 105, 24—26). (Іисусъ же Навинъ) сотвори милость, и Халевъ сынъ Іефоннінъ, удержати люди отъ грѣхъ, и утолити ропотъ лукавства: и та два суща спасена быста отъ шести сотъ тысящь пѣшцевъ, ввести ихъ въ наслѣдствіе, въ землю точащую млеко и медъ (Сир. 46, 9. 10).

Восташа (на Аарона) чуждіи и возревноваша ему въ пустыни мужи, иже при Давѳанѣ и Авиронѣ, и сонмъ Кореовъ въ ярости и гнѣвѣ. Видѣ Господь и не благоволи, и скончашася яростію гнѣва (Сир. 45, 22. 23). Отверзеся земля, и пожре Давѳана, и покры на сонмищи Авирона: и ражжеся огнь въ сонмѣ ихъ, пламень попали грѣшники (Пс. 105, 17. 18).

И прогнѣваша (Бога) на водѣ пререканія, и озлобленъ бысть Моусей ихъ ради; яко преогорчиша духъ его, и разстѣвова устнама своима (Пс. 105, 32. 33).

Коль краты преогорчиша Его въ пустыни, прогнѣваша Его въ земли безводнѣй! И обратишася, и искусиша Бога, и святаго Израилева раздражиша. (Псал. 77, 40. 41).

И причастишася Веелфегору, и пожроша жертвы мертвымъ; и раздражиша Бога въ начинаніихъ своихъ. и умножися въ нихъ паденіе. И ста Финеесъ и умилостиви, и преста сѣчь; и вмѣнися ему въ правду, въ родъ и родъ до вѣка (Псал. 105, 28—31).

Исповѣдайтеся Господеви, яко благъ, яко въ вѣкъ милость Его,—проведшему люди своя въ пустыни,—поразившему цари велія,—Сіона царя Аморейска, и Ога царя Васанска,—и давшему землю достояніе Израилю рабу своему, яко въ вѣкъ милость Его (Пс. 135, 1. 16—22).

б) Прообразы и пророчество.

Законъ имый сѣнь грядущихъ благъ, не самый образъ вещей, на всяко лѣто тѣми же жертвами, ихже приносятъ выну, никогдаже можетъ приступающихъ совершити.—Не возможно бо крови юнчей и козлей отпущати грѣхи. Тѣмъже входя въ міръ (Сынъ Божій) глаголетъ: жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, тѣло же свершилъ ми еси.—Тогда рѣхъ: се иду, еже сотворити волю твою, Боже.«—Отъемлетъ первое, да второе поставитъ. О ней же воли освящени есмы принесеніемъ тѣла Іисусъ Христова единою (Евр. 10, 1. 4—7. 9 10). Христосъ пришедъ Архіерей грядущихъ благъ, большею и совершеннѣйшею скиніею, нерукотворенною, сирѣчь не сея тварн, ни кровію козлію, ниже тельчею, но своею кровію, вниде единою во святая, вѣчное искупленіе обрѣтый (Евр. 9, 11. 12).

Отцы наши вси тожде брашно духовное ядоша, и вси тожде пиво духовное пиша; піяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камене, камень же бѣ Христосъ (1 Кор. 10, 3. 4). Ядоша манну въ пустыни, и умроша. (Христосъ) сей есть хлѣбъ сходяй съ небесе, да аще кто отъ него ястъ, не умретъ (Іоан. 6, 49. 50).

Якоже Моусей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный (Іоан. 3, 14. 15).—Ниже бо зеліе, ниже обязаніе исцѣли (угрызенныхъ зміями), но слово твое, Господи, исцѣляющее вся (Прем. 16, 12).

Не приступисте къ горѣ осязаемѣй, и

разгорѣвшемуся огню, и облаку и сумраку и бурѣ, и трубному звуку, — но приступисте къ Сіонстѣй горѣ, и ко граду Бога живаго Іерусалиму небесному, и тмамъ ангеловъ, — и къ ходатаю завѣта новаго Іисусу, и крови кропленія, лучше глаголющей, нежели Авелева (Евр. 12, 18. 19. 22—24).

Моусей полагаше покрывало на лицѣ своемъ, за еже не мощи взирати сыновомъ Израилевымъ на конецъ престающаго. — И даже до сего дне тожде покрывало во чтеніи ветхаго завѣта пребываетъ (у Евреевъ) не откровенно, зане о Христѣ престаетъ. — Внегда обратятся ко Господу, взимается покрывало (2 Кор. 3, 13. 14, 16).

Сей есть Моусей рекій сыномъ Израилевымъ: Пророка вамъ воздвигнетъ Господь Богъ вашъ отъ братіи вашея, яко мене, того послушайте (Дѣян. 7, 37).

VII. ВРЕМЕНА ІИСУСА НАВИНА И СУДЕЙ.

Сѣнь свидѣнія бяше отцемъ нашимъ въ пустыни, якоже повелѣ глаголяй Моусееви, сотворити ю по образу, егоже видѣ; юже и внесоша пріемше отцы наши со Іисусомъ, во одержаніи языковъ, ихже изрину Богъ отъ лица отецъ нашихъ, даже до дней Давида (Дѣян. 7, 44. 45).

Крѣпокъ на брани Іисусъ Навинъ, и преемникъ Моусеевъ бысть въ пророчествѣ. — Брани Господни той вождаше. Не рукою ли его воспятися солнце, и единъ день бысть яко два? Призва Вышняго сильна, — и послуша его велій Господь каменіемъ градныхъ силы крѣпкія, — да познаютъ языцы всеоружіе его, яко предъ Господемъ брань его; ибо послѣдова Могутному (Сир. 46, 1 и дал.).

Даде Господь Халеву крѣпость, и даже до старости пребысть у него, взыти ему на высоту земли, и сѣмя его обдержа наслѣдіе; яко да видятъ вси сынове Израилевы, яко добро ходити въ слѣдъ Господа (Сир. 46, 11. 12).

Вѣрою стѣны Іерихонскія паломша, обхожденіемъ седмихъ дней. Вѣрою Раавъ блудница не погибе съ сопротивлявшимися, пріимши соглядателей съ миромъ (Евр. 11, 30. 31).

Низложивъ языкъ седмь въ земли хананстѣй, (Богъ) даде имъ (Израильтянамъ) въ наслѣдіе землю ихъ. И по сихъ, яко лѣтъ четыреста и пятдесятъ, даде имъ судіи до Самуила пророка (Дѣян. 13, 19. 20). И суди кійждо именемъ своимъ, еликихъ не любодѣйствова сердце, и елицы не отвратишася отъ Господа, и память ихъ въ благословеніихъ (Сир. 46, 13). — Иже побѣдиша царствія, содѣяша правду, получиша обѣтованія, — быша крѣпцы во бранехъ, обратиша въ бѣгство полки чуждихъ (Евр. 11, 33. 34).

(Сыны израилевы) не потребиша языки, яже рече Господь имъ; и смѣсишася во языцѣхъ, и навыкоша дѣломъ ихъ, и поработаша истуканнымъ, и бысть имъ въ соблазнъ, и пожроша сыны своя и дщери своя бѣсовомъ. — И разгнѣвася яростію Господь на люди своя, — и предаде ихъ въ руки враговъ, и обладаша ими ненавидящіи ихъ. — Множицею избави я: тіиже преогорчиша его совѣтомъ своимъ, и смиришася въ беззаконіяхъ своихъ. И видѣ Господь, внегда скорбѣти имъ, и помяну завѣтъ свой, и раскаяся по множеству милости своея. И даде я въ щедроты предъ всѣми плѣнившими я (Псал. 105, 34 и дал.).

VIII. ВРЕМЕНА САМУИЛА И ДАВИДА.

Возлюбленъ Господемъ своимъ Самуилъ пророкъ Господень устрои царство, и помаза князи надъ людьми Его; закономъ Господнимъ суди сониу, и посѣти Господь Іакова. — И призва Господа сильна, егда оскорбляху его врази его окрестъ, приношеніемъ агнца ссущаго млеко: и возгремѣ съ небесе

Господь,—и потреби владыки Тирскія, и вся князи Филистимскія. И прежде времене успенія вѣка свидѣтельствова предъ Господемъ и Христомъ Его; имѣнія и до сапогъ отъ всякія плоти не взя, и не сотвори ему поношенія ни единъ человѣкъ. И по успеніи своемъ пророчествова, и показа цареви кончину его (Сир. 46, 16 и дал.).

По семъ воста Наѳанъ пророчествовати во дни Давидовы. Якоже тукъ отлученъ отъ жертвы мирныя, тако Давидъ отъ сыновъ Израилевыхъ. Со львы играше яко съ козлищи, и съ медвѣдьми яко со агнцы овчими. Въ юности своей не убилъ ли исполина, и отъятъ поношеніе людей? Призва бо Господа вышняго, и вдаде въ десницу его крѣпость низложити человѣка сильна на брани, вознести рогъ людей своихъ.—Потреби враги окрестъ, и уничижи Филистимляны противники.—Всѣмъ сердцемъ своимъ восхвали и возлюби сотворшаго и. И постави пѣвцы прямо олтареви, и звукомъ ихъ услаждаше пѣніе. — Господь отъя грѣхи его, и вознесе во вѣкъ рогъ его, и даде ему завѣтъ царскій, и престолъ славы во Израили. (Сир. 47, 1—13.) (Давидъ) обрѣте благодать предъ Богомъ, и испроси обрѣсти селеніе Богу Іаковлю (Дѣян. 7, 46). Емуже рече (Богъ) свидѣтельствовавъ: обрѣтохъ Давида сына Іессеова, мужа по сердцу моему, иже сотворитъ вся хотѣнія моя. Отъ сего сѣмене Богъ по обѣтованію воздвиже Израилю спасеніе Іисуса (13, 22. 23).

IX. УКАЗАНІЕ ПРОРОЧЕСТВЪ ДАВИДОВЫХЪ.

Владыко, Боже, сотворивый небо и землю и моря, и вся яже въ нихъ! Духомъ Святымъ усты отца нашего Давида отрока твоего рекъ еси: вскую шатаошася языцы, и людіе поучишася тщетнымъ? Предсташа царіе земстіи, и князи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа Его. Собрашася бо воистину во градѣ семъ на святаго отрока твоего Іисуса, егоже помазалъ еси, Иродъ же и Понтійскій Пилатъ, съ языки и людьми Израилевыми, сотворити, елика рука твоя и совѣтъ твой преднарече быти (Дѣян. 4, 24—27).

Пророкъ сый (Давидъ), и вѣдый, яко клятвою клятся ему Богъ, отъ плода чреслъ его по плоти воздвигнути Христа, и посадити его на престолѣ его, предвидѣвъ глагола о воскресеніи Христовѣ, яко не оставися душа его во адѣ, ни плоть его видѣ истлѣнія (Дѣян. 2, 30. 31).

Благовѣствуемъ обѣтованіе бывшее ко отцемъ, яко сіе Богъ исполнилъ есть намъ чадомъ ихъ, воздвигъ Іисуса; якоже и во псалмѣ второмъ писано есть: Сынъ мой еси ты, Азъ днесь родихъ тя (Дѣян. 13, 32 33).

Давидъ Духомъ Господа нарицаетъ Мессію, глаголя: Рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ (Матѳ. 22, 43. 44).

Подобаше скончатися писанію сему, еже предрече Духъ Святый усты Давидовыми о Іудѣ бывшемъ вожди емшимъ Іисуса. — Пишется бо въ книзѣ псалмистѣй: да будетъ дворъ его пустъ, и епископство его да пріиметъ инъ (Дѣян. 1, 16. 20).

ЗНАЧЕНІЕ КРЕСТА У ХРИСТІАНЪ.

Что такое крестъ? Перенесемся мыслію за восемнадцать слишкомъ вѣковъ назадъ и спросимъ жителей тѣхъ временъ: что такое крестъ? Евреи и язычники скажутъ намъ: крестъ есть орудіе казни, предметъ ненавистный и страшный. Не было въ тѣ времена казни

безчестнѣе крестной. Ей подвергали только рабовъ, (кои тогда едва почитались за людей), разбойниковъ и возмутителей общественнаго спокойствія. Названіе крестоносца (crucifer, cruciarius) было самое поносное; надѣть на преступника крестообразное иго (furcum) значило лишить несчастнаго имени человѣка, предать его на всегда всеобщему презрѣнію. И Моисеевъ законъ говоритъ: *проклятъ всякъ висящій на древѣ* (Втор. 21, 22). Таково было значеніе креста въ древнемъ мірѣ!

Спросимъ нынѣ у христіанъ, что такое крестъ? Крестъ есть орудіе нашего спасенія, скажутъ они, предметъ любимый и чтимый нами; *всѣмъ намъ*, какъ и апостолу Павлу *да не будетъ хвалитися токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа* (Гал. 6, 14). Носить крестъ есть не только обязанность всякаго христіанина, но и особенная заслуга и честь. Куда ни обратимъ взоры наши, всюду мы видимъ крестъ. Онъ есть лучшее украшеніе храмовъ и олтарей, онъ вѣнчаетъ короны владыкъ земныхъ, мы находимъ его и въ богатыхъ палатахъ вельможъ и въ бѣдной хижинѣ поселянина. Онъ встрѣчаетъ насъ при рожденіи въ жизнь духовную, провожаетъ при переселеніи въ жизнь будущую и осѣняетъ могилы наши. Таковъ крестъ въ новомъ мірѣ!

Отчего же произошла такая перемѣна мыслей объ одномъ и томъ же предметѣ? Когда начали чтить крестъ? какой крестъ почтенъ былъ первый? Если вы предложите эти вопросы и простолюдину, то онъ будетъ говорить вамъ о величномъ крестѣ, который воздвигнутъ былъ на Голгоѳѣ и на которомъ излилъ животворящую кровь свою и умеръ Спаситель міра. Таковъ первый крестъ, почтенный міромъ! Всѣ другіе чтимы по отношенію къ нему, какъ его изображенія.

Крестъ Христовъ для христіанина есть великая книга, содержащая въ себѣ все ученіе о Богѣ, о человѣкѣ и о мірѣ.

Вселенная со всѣми своими чудесами, конечно, краснорѣчиво повѣствуетъ намъ о всемогуществѣ Творца, изведшаго изъ ничтожества все существующее. Порядокъ и постоянная гармонія міра говорятъ намъ о премудрости верховнаго Владыки тварей, начертавшаго законы движенія свѣтилъ небесныхъ. Легіоны ангеловъ, низринутые въ темную пропасть ада; человѣкъ, царь видимаго міра, лишенный вѣнца царскаго, изгнанный изъ рая, приговоренный къ смерти со всѣмъ потомствомъ своимъ; Содомъ сожженный, народы, погибшіе за свои злодѣянія, свидѣтельствуютъ о строгости правосудія Божія; солнце, восходящее ежедневно для праведнаго, какъ и для грѣшнаго, показываетъ намъ неизреченную благость Божію. Но все это есть только начало богопознанія; крестъ есть полнѣйшее и совершеннѣйшее поученіе о Богѣ. На немъ отражается и божественная премудрость, отъ вѣчности изготовившая средства спасенія нашего, и святѣйшая правда, потребовавшая отъ насъ безконечной жертвы, и безмѣрная благость, даровавшая намъ самую эту жертву. Смотря на крестъ, мы какъ бы читаемъ на немъ слово евангельское: *тако возлюби Богъ міръ, яко Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ* (Іоанн. 3, 16). Крестъ есть самое высокое проявленіе Бога и Его высочайшихъ совершенствъ.

Крестъ научаетъ насъ познавать человѣка. Войны, вражды народныя и домашнія, безпрерывная борьба, какую ощущаемъ въ себѣ, показываютъ намъ, что человѣкъ палъ, что онъ палъ потому, что содѣлался виновнымъ предъ Богомъ; но какова глубина нашего паденія? Крестъ одинъ научаетъ насъ сему, ибо онъ одинъ показываетъ, какое искупленіе

было намъ необходимо. Божественное откровеніе, ученіе пророковъ, неисчетныя милости излитыя на родъ человѣческій говорятъ намъ о цѣнѣ души нашей въ очахъ Божіихъ, но крестъ показываетъ намъ сіе еще яснѣе. Представляя взорамъ нашимъ Богочеловѣка, умирающаго за грѣхи міра, онъ говоритъ намъ: смотри, душа человѣческая, чего ты стоишь! Такъ, дѣйствительно крестъ, какъ довершеніе всѣхъ откровеній, всего яснѣе говоритъ намъ о природѣ нашей, о нашей виновности предъ Богомъ, о средствахъ нашего обновленія и о цѣнѣ души нашей. Крестъ есть полнѣйшее и совершеннѣйше познаніе человѣка.

Крестъ научаетъ насъ познавать міръ. Исторія повѣствуетъ о жизни народовъ, о времени ихъ славы и паденія, о ихъ вліяніи на добро и зло, но одинъ Крестъ объясняетъ намъ великій планъ міровыхъ событій, судьбу и цѣль всѣхъ народовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Онъ одинъ показываетъ намъ исторію рода человѣческаго въ истинномъ свѣтѣ. Крестъ соединяетъ собою всѣ вѣка, онъ объясняетъ міръ древній и міръ новый, онъ спасъ первый вѣрою въ грядущаго, спасаетъ и просвѣщаетъ другой вѣрою въ пришедшаго Спасителя. Откройте лѣтопись міра отъ событія на Голгоѳѣ: всѣ народы пройдутъ предъ вами одинъ за другимъ. Они сначала съ мечемъ въ рукѣ противостанутъ торжеству креста, а послѣ вы увидите ихъ отдыхающихъ подъ сѣнію сего животворящаго Древа, ограждающихъ себя его знаменіемъ и погружающихся для возрожденія въ водахъ св. крещенія. Если есть гдѣ либо на землѣ такіе, кои не ищутъ его, онъ самъ спѣшитъ къ нимъ и во всю землю исходитъ вѣщаніе его проповѣдниковъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ. И превыше всѣхъ народовъ и исторій крестъ показываетъ намъ Бога, держащаго въ рукѣ своей бразды міра и однимъ маніемъ воли своей движущаго государства, Церковь и человѣчество. Вездѣ крестъ, все служитъ его успѣхамъ, вѣка древніе и вѣка новые содѣйствуютъ его побѣдамъ. крестъ есть полнѣйшее и совершеннѣйшее познаніе міра и человѣчества.

Итакъ не удивительно, что христіанинъ чтитъ св. крестъ. Всякій человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, долженъ благоговѣть предъ нимъ: ибо онъ есть для насъ новое древо жизни, въ немъ открыта совершеннѣйшая Религія; онъ утвержденіе престоловъ, знамя просвѣщенія, сокровищница великихъ истинъ, наилучшее утѣшеніе во всѣхъ скорбяхъ жизни; онъ уничтожилъ идолопоклонство со всѣми его нелѣпостями и жестокостями; онъ разогналъ и разгоняетъ мракъ невѣжества; онъ охраняетъ и утверждаетъ благосостояніе семействъ и гражданскихъ обществъ. Страна, въ которой господствуетъ онъ, свѣтла и радостна, какъ земля, когда солнце изливаетъ на нее свой живительный свѣтъ. Горе тѣмъ, кои изгоняютъ его изъ домовъ своихъ!

Мы, чада православной Церкви, чтимъ крестъ, какъ залогъ любви Божіей къ намъ. На крестѣ Спаситель далъ намъ миръ; миръ, котораго никто не можетъ отнять у насъ. На крестѣ Сынъ Божій, предавшій Себя въ жертву правосудію Божію, упразднилъ всѣ грѣхи наши и покрылъ всѣ беззаконія наши. Крестомъ Іисусъ Христосъ восторжествовалъ надъ смертію и содѣлалъ насъ участниками жизни вѣчной. Будемъ часто размышлять о крестѣ, напечатлѣемъ въ умѣ и сердцѣ нашемъ ученіе его. Гдѣ всѣ святые мученики почерпали силы для перенесенія тягчайшихъ страданій, какъ не у подножія креста Господня? Гдѣ всѣ пастыри и учители пріобрѣли обширныя свѣденія и содѣлались великими свѣтилами Церкви, какъ не въ размышленіи о крестѣ Спасителя? Не при крестѣ ли разбойникъ

первый почувствовалъ силу спасительной жертвы Христовой, и услышалъ слова помилованія?... Одно воззрѣніе на крестъ скорѣе можетъ обратить грѣшника, нежели всѣ человѣческія увѣщанія.

Все это высокое значеніе креста христіанинъ можетъ ясно видѣть въ церковномъ употребленіи его. Св. Церковь вездѣ и всегда напоминаетъ намъ о крестѣ. Возвышая его на главахъ храмовъ своихъ, она приглашаетъ тѣмъ и насъ возвышать умъ и сердце къ небу, на которое указываетъ онъ, и вмѣстѣ свидѣтельствуетъ симъ, что крестъ есть глава нашего спасенія и предметъ достойный поклоненія для всѣхъ. Полагая крестъ на престолѣ своемъ, напоминаетъ намъ о томъ, что божественный Ходатай нашъ своими заслугами крестными испрашиваетъ намъ помилованіе предъ престоломъ Божіимъ и чрезъ крестъ изливаетъ намъ дары небесные. Предлагая его для поклоненія и лобзанія нашего, она указываетъ на него, какъ на всесильное врачевство отъ недуговъ души и тѣла, какъ вѣрное прибѣжище во всѣхъ скорбяхъ и напастяхъ. Осѣняя имъ насъ и заповѣдуя намъ осѣнять себя его знаменіемъ, она учитъ насъ, что крестъ есть щитъ отъ всѣхъ соблазновъ и искушеній плоти, міра и діавола. Во дни поста, особенно въ срединѣ св. Четыредесятницы, Церковь износитъ къ намъ крестъ, указывая въ немъ сильнѣйшее побужденіе и ободреніе къ подвигамъ покаянія; а во времена своихъ великихъ праздниковъ, напр. въ недѣлю Пасхи, представляетъ тотъ же крестъ какъ знамя побѣды надъ всѣми врагами нашего спасенія и какъ залогъ торжества небеснаго.

Пророкъ Іона отдыхалъ съ наслажденіемъ подъ сѣнію листьевъ тыквы, которая приготовлена была ему Господомъ. Каково же должно быть утѣшеніе христіанина, отдыхающаго подъ сѣнію древа крестнаго. Осѣненные его вѣтвями, мы можемъ сказать: пусть покоится Іона подъ тыквою, Авраамъ подъ тѣнію дуба Мамврійскаго, Илія подъ садомъ въ пустынѣ: для насъ наша радость и утѣшеніе быть подъ сѣнію креста. Здѣсь можемъ совершеннѣе познавать милосердіе Божіе къ кающимся грѣшникамъ, нежели Іона, можемъ видѣть день Господень и радоваться, какъ Авраамъ, и подкрѣпляться на пути къ небесному Хориву, подобно Иліѣ.

СЛОВО,

СКАЗАННОЕ ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО АПОЛЛИНАРІЯ, ЕПИСКОПА ЧИГИРИНСКАГО, ВИКАРІЯ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛІИ (*).

Когда въ обществахъ человѣческихъ совершается что-либо необычайное, встревоженная мысль силится найти объясненіе современнаго въ сближеніи съ какимъ либо событіемъ изъ временъ прошедшихъ,—и если находитъ что-либо подобное успокоиваетъ себя, покрайней мѣрѣ, тѣмъ, что явленіе, поразившее ее, не принадлежитъ къ числу небывалыхъ. Паства Кіевская, въ настоящихъ обстоятельствахъ, не имѣетъ даже и такого успокоенія. Что-то небывалое, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ явленій совершается предъ

(*) Ключаремъ Кіевософійскаго Собора Протоіереемъ Гр. Крамаревымъ, 14 Января 1858 г. въ Михайловскомъ монастырѣ.

глазами нашими. Два Божіи свѣтильника, такъ долго свѣтившіе и горѣвшіе на святыхъ горахъ кіевскихъ, угасли одинъ за другимъ, въ самый краткій промежутокъ времени. И вотъ, предъ глазами нашими опять гробъ, въ душѣ новая печаль, въ мысляхъ смятенное недоумѣніе о томъ, что это значитъ. Пастыри Церкви — важныя лица въ мірѣ Божіемъ; а потому и лишенія ихъ не могутъ быть считаемы наравнѣ съ лишеніями обыкновенныхъ лицъ. Чрезъ нихъ всеосвящающая и всеоживляющая благодать Божія ниспосылаетъ въ среду рода человѣческаго свои дарованія; въ ихъ словѣ провѣщеваетъ глаголы вѣчной Истины, испраздняющей внушенія духа лжи; въ тайнодѣйствіяхъ, ими совершаемыхъ, полагаетъ начатки возрожденія въ жизнь вѣчную, поставляя безпрерывныя препоны разрушительному дѣйствію смерти вещественной и нравственной; въ ихъ образѣ управленія, основанномъ, по преимуществу, на началахъ христіанства, проявляетъ незримое управленіе міромъ самаго Бога; — и еслибы не было пастырей, скажемъ словами древнѣйшаго Пастыря, одного изъ учениковъ апостольскихъ, не было бы и Церкви; а если бы не было Церкви, не существовалъ бы и міръ. Не упустилиль мы изъ виду этого важнаго и спасительнаго значенія своихъ пастырей, и не даетъ ли напоминанія объ этомъ опущеніи совершающееся среди насъ? Правда, мы любили и почитали своихъ пастырей. Но не потому ли именно Господь и восхитилъ ихъ отъ насъ, чтобы сдѣлать скорбь нашу чувствительнѣе, чтобы неожиданнымъ лишеніемъ предметовъ нашей любви и нашего почтенія заставить насъ оцѣнить вообще важность сана, можетъ быть, по духу времени, не всегда какъ должно, цѣнимаго? Мы любили нашихъ архипастырей: а развѣ можно было не любить ихъ? Вся Россія, въ лицѣ благочестивыхъ странниковъ, ежегодно приходила къ намъ и видѣла, сколь благъ Господь, удивившій милость свою надъ нами, въ лицѣ нашихъ архипастырей. — Еще не давно, у гроба Первопастыря, сказано было сослужителями нашими правдивое слово о доблестяхъ его. Намъ досталось на долю повѣдать предъ вами, бр., о сотрудникѣ его, предлежащемъ взору нашему.

Почившій въ Бозѣ Архипастырь (*) принадлежалъ къ числу людей, надѣленныхъ нескупо дарами природы; отличался издѣтства живымъ и общительнымъ нравомъ, который внушалъ къ нему любовь равныхъ и милостивое вниманіе старшихъ. Природный даръ пѣнія, сохранившійся до цвѣтущей юности и пріобщившій его избранному архипастыркому хору, далъ ему возможность, съ одной стороны, избѣжать тяжелой нужды, какую испытывали его сверстники по воспитанію, а съ другой — поставилъ, съ ранняго возраста, на ближайшее служеніе Церкви, и развилъ ту любовь къ ея чиноположеніямъ и благолѣпію, которая всегда была отличительнымъ свойствомъ усопшаго. Не помѣшало ему, однакожъ, это природное дарованіе, въ коемъ многіе поставляютъ всю свою заслугу, оказать отличные успѣхи и во всѣхъ другихъ предметахъ духовнаго образованія, такъ что юный Алексѣй Вигилянскій отправленъ былъ, въ числѣ не многихъ избранныхъ, въ высшее учебное заведеніе (**), для довершенія образованія, — и по окончаніи онаго является и самъ уже наставникомъ юношества. Но не одна скромная доля наставника предлежала ему въ будущемъ: издѣтства пріобрѣтенная любовь къ Церкви

(*) Сынъ священника Ѳеодора Васильева, родился Владимірской губерніи, Суздальскаго уѣзда въ селѣ Михайловской Сторонѣ.

(**) Обучался въ Владимірской Семинаріи по 1818-й годъ, и по окончаніи, со степенью студента, отправленъ въ Московскую Духовную Академію, изъ которой въ

побудила юнаго наставника посвятить себя на особенное служеніе ей въ чинѣ иноческомъ,— и съ сего времени начальство указываетъ ему разнообразныя занятія, не рѣдко требовавшія строгой точности, распорядительности, прямоты дѣйствій и правдолюбія. А какъ послѣднія особенно свойства не охотно оцѣниваются людьми, то и усопшему изъ жизненной школы пришлось наиболѣе вынести уроковъ терпѣнія и глубокой покорности промыслу Божію, все устрояющему во благое. Уфа, Рязань, Петрозаводскъ и Астрахань были, по преимуществу, поприщами его служенія Церкви въ качествѣ начальника семинарій и перваго члена консисторій. Тихою пристанью, послѣ житейскихъ треволненій, послужилъ для усопшаго священный Кіевъ, куда прибылъ онъ въ качествѣ сотрудника незабвенному, уже и тогда маститому, Архипастырю. Здѣсь встрѣтились два крестоносца, равно испытанные въ жизни, и потому понявшіе другъ друга съ перваго разу. Одинъ, Первосвятитель, посвятившій себя, не задолго до того времени, особому духовному подвигу, нуждался въ сотрудникѣ, которому бы могъ довѣриться въ управленіи обширною и важною епархіей; а другой, бодрый и крѣпкій духомъ и тѣломъ, хорошо подготовленный жизненными опытами, явился, по указанію Верховной Власти, посвятить и свои силы, и свою опытность томуже дѣлу, той же епархіи, въ качествѣ помощника первосвятителя,—и стройно потекла, съ того времени, дѣятельность обоихъ архипастырей. Одинъ, старшій, указывалъ и направлялъ; другой исполнялъ съ строгою точностію, распорядительностію и умѣніемъ. Одинъ, обезпеченный въ дѣлѣ управленія паствы сотрудничествомъ довѣреннаго лица, болѣе и болѣе усиливалъ свои молитвенные и духовные подвиги, выше и выше восходилъ по степенямъ иноческаго подвижничества, не переставая быть главнымъ направителемъ и распорядителемъ въ дѣлахъ; а другой, уполномочиваясь большимъ и большимъ довѣріемъ, входилъ въ тѣснѣйшее знакомство съ многотруднымъ дѣломъ управленія епархіи, стоялъ бодро и твердо на стражѣ знаменитой паствы кіевской. Двѣнадцать лѣтъ продолжалось это многоплодное и значительное сотрудничество усопшаго. Двѣнадцать лѣтъ, и паства кіевская

1822-мъ году, со степенью кандидата Богословія, опредѣленъ учителемъ гражданской исторіи и французскаго языка въ Оренбургскую, что въ Уфѣ, Духовную Семинарію; 1823 г. опредѣленъ библіотекаремъ той же Семинаріи; въ 1824 г. постриженъ въ монашество и рукоположенъ въ санъ іеродіакона и іеромонаха; въ 1827 г. опредѣленъ настоятелемъ Уфимскаго монастыря и возведенъ въ санъ архимандрита; въ томъ же году поручено ему исправленіе должности Ректора Оренбургской Семинаріи; въ 1828 г. утвержденъ съ сей должности и вскорѣ, въ томъ же году, перемѣщенъ Ректоромъ и учителемъ богословскихъ наукъ въ Рязанскую Семинарію, въ 1829 г. перемѣщенъ въ новооткрытую Олонецкую Семинарію, въ той же должности Ректора и учителя богословскихъ наукъ; въ 1834 г. переведенъ въ Астраханскую Семинарію, гдѣ сверхъ разнообразныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на него, по кончинѣ преосвященнаго Епископа Астраханскаго Стефана, опредѣленіемъ Св. Синода, въ 1842 г., назначенъ былъ, до замѣщенія архіерейской каѳедры, Предсѣдательствующимъ Астраханской Дух. Консисторіи и Старшимъ Благочиннымъ надъ благочинными. Въ 1843 г. сопричисленъ къ ордену Св. Анны 2-й степени; въ семъ же году поручено ему было обозрѣніе Тифлисской Семинаріи съ подвѣдомыми ей низшими училищами по нравственной части; въ 1844 г. вызванъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія; но поручаемы были ему и другія обязанности; въ 1845 году пожалованы ему знаки ордена Св. Анны 2-й степени, Императорскою Короною украшенные; въ томъ же году, по Высочайшему повелѣнію, хиротонисанъ, въ С.-Петербургѣ, во Епископа и назначенъ Викаріемъ Кіевской Епархіи. Въ Кіевѣ, сверхъ разнообразныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на него, съ 1846 г. по 1857 г. включительно, по порученію Митрополита ежегодно обозрѣвалъ церкви Кіевской Епархіи; въ 1851 г. сопричисленъ къ ордену Св. Анны 1-й степени; а въ 1857 г., въ слѣдствіе представленія Конференціи Кіевской Духовной Академіи, опредѣленъ Дѣйствительнымъ Членомъ Конференціи оной Академіи; скончался 63 лѣтъ отъ роду, 10 Генваря 1858 г. послѣ продолжительной болѣзни, и погребенъ въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, обычной резиденціи Викаріевъ Кіевской Митрополіи, въ придѣлѣ св. Екатерины.

и притекающіе изъ другихъ странъ Россіи, видѣли двухъ архипастырей въ неразрывномъ союзѣ взаимной любви и уваженія;—и самое сближеніе времени кончины ихъ какъ бы послужило доказательствомъ, что дѣло служенія ихъ было общее и нераздѣльное, и что цѣль, предназначенная имъ на земномъ поприщѣ, своеобразно достигнута ими обоими. Младшій пережилъ старѣйшаго нѣсколькими днями, какъ будто для того только, чтобы и въ этомъ послѣднемъ событіи жизни не выдти изъ обычнаго подчиненія глубоко чтимому старцу. Уже больной, запечатлѣнный и самъ признаками близкой смерти, явился онъ къ одру умиравшаго первосвятителя, и заплатилъ ему послѣдній долгъ человѣка горькими слезами. Съ послѣднимъ запасомъ силъ явился онъ и у гроба старческаго заплатить послѣдній молитвенный долгъ сослужителя, — и отслуживъ ему послѣднюю земную службу, въ преполовеніе, со дня смерти первосвятителя, таинственной четыредесятницы, совершаемой душами отшедшихъ изъ міра сего, поспѣшилъ къ нему въ иной міръ, не желая какъ бы и тамъ оставить его одного, въ таинственномъ странствіи. — Какія поразительныя сближенія! Какой глубокій смыслъ, и какія поучительные уроки преподаются намъ изъ всего, совершившагося предъ нами!

Да не оскорбится любовь ваша, бр. мои, что изображая усопшаго архипастыря въ его служебныхъ, знаменательныхъ отношеніяхъ къ незабвенному первосвятителю, мы не упомянули доселѣ о тѣхъ любезныхъ свойствахъ общежитія, коими онъ пріобрѣлъ столь общую и столь справедливо заслуженную любовь къ себѣ жителей Кіева, паствы кіевской и притекавшихъ отвсюду на поклоненіе святыни Кіева. Не тѣсно вмѣщались всѣ вы въ сердцѣ усопшаго: временемъ отдыха жертвовалъ онъ нерѣдко, желая быть, по Апостолу, *всѣмъ вся*, и скорѣе рѣшался посвятить ночь, только и бывшую въ полномъ его распоряженіи, исполненію срочныхъ дѣлъ службы, чѣмъ отказать кому бы то ни было изъ посѣщавшихъ его во всѣ поры дня. И это не было только дѣломъ мірскаго приличія; пастырская любовь его находила для всѣхъ искреннее слово привѣта; а если встрѣчала родную, открытую душу, отверзалась къ ней завѣтными мыслями и чувствами.

Не умолчимъ, наконецъ, и о домостроительныхъ свойствахъ почившаго, проявившихся преимущественно, по обители сей. Во всемъ тщательный, вездѣ любившій видѣть порядокъ, благоустройство, благочиніе и благолѣпіе, покойный архипастырь въ особенности старался осуществить свои стремленія въ непосредственномъ мѣстѣ своего пребыванія;—и плодомъ его ревностныхъ заботъ, коимъ такъ много споспѣшествовала и общая любовь къ почившему, служитъ и обновленіе сего древняго храма, и построеніе новаго при благолѣпномъ домѣ, имъ же созданномъ, и устройство странноприимнаго дома, и наконецъ, каменныхъ келлій для монашествующей братіи. И все это не для себя, а для другихъ; и все это въ немногіе годы; и все это сдѣлано средствами, почти имъ однимъ созданными, потому что и самыя пожертвованія лились обильнѣйшимъ потокомъ въ обитель сію, при его неусыпныхъ заботахъ о благоустройствѣ ея не только вещественномъ, но и нравственномъ.

Не судилъ ему Господь долго наслаждаться плодами трудовъ своихъ здѣсь, какъ бы въ исполненіе извѣстныхъ словъ Писанія: *инъ есть сѣяй, и инъ есть жняй.* Но вѣруемъ и уповаемъ, что Правосудный приготовилъ ему высшую и совершеннѣйшую награду, чѣмъ какой онъ могъ, и вправѣ былъ ожидать для себя въ здѣшней жизни: что посѣянное доброе сѣмя, и на почвѣ обители сей, и на

общирной почвѣ всей паствы кіевской, принесетъ для него сторичный плодъ тамъ, въ жизни будущаго вѣка; что благоукрасившій и благоустроившій святыню дома Божія, облеченъ будетъ въ брачныя одежды за трапезою Агнца Божія, закланнаго отъ сложенія міра; что послуживщій нетлѣннымъ останкамъ св. Великомученицы, и трудомъ молитвеннымъ и пастырскою заботливостію о достойномъ, благоговѣйномъ обращеніи съ ними, воспріиметъ нетлѣнный вѣнецъ тамъ, гдѣ воспріятъ оный и святою Страстотерпицею за подвигъ любви ея къ Господу Іисусу. Аминь.

СИЛЕНЪ ГРѢХЪ!

Обычное восклицаніе! Кто не произносилъ его, когда пытался устоять въ благомъ настроеніи мыслей, въ добромъ намѣреніи, въ неуклономъ продолженіи начатой добродѣтели, въ препобѣжденіи грѣховныхъ наклонностей, привычекъ и страстей, при искушеніяхъ и соблазнахъ грѣха? — Внимательному къ себѣ не много потребно вниманія, чтобъ замѣтить и сознаться, какъ силенъ живущій въ насъ грѣхъ; но много нужно вниманія къ себѣ, много потребно бодрствованія духовнаго и воздержанія тѣлеснаго, чтобы, при помощи Божіей, противостоять силѣ грѣха и побороть ее, и — къ сожалѣнію — не всякій изъ насъ внимателенъ къ себѣ, не всякій бодрствуетъ духомъ и воздерживается тѣломъ, не всякій съ должнымъ постоянствомъ ведетъ борьбу съ силою грѣха, кто и сознаетъ, какъ силенъ грѣхъ.

Силенъ грѣхъ, произноситъ неопытный и неосторожный въ удовольствіяхъ юноша, въ первый разъ запятнавшій свое чистое сердце и сожалѣющій о потерѣ невинности; это — неосторожность, болѣе не будетъ такъ со мною. Но проходитъ время, юноша свыкается съ раною, нанесенною ему грѣхомъ; представляются опять искусительныя удовольствія жизни: онъ подходитъ къ нимъ ближе, забываетъ объ осторожности и бдительности надъ собою, и — снова упивается ядомъ преступныхъ удовольствій, снова — пленникъ грѣха и снова произноситъ слова безплоднаго сознанія: силенъ грѣхъ!

Силенъ грѣхъ, произноситъ рабъ грубыхъ страстей невоздержанія, когда мимоходомъ, въ минуты усыпленія пожеланій, увидитъ, какъ буйныя страсти обезобразили, исказили его душу и тѣло: но пожеланія пробуждаются, страсти поднимаются съ обычною своею силою, и — онъ опять работаетъ своимъ страстямъ невоздержанія, забывая о томъ, какъ сильно грѣхъ обезображиваетъ душу и тѣло.

Силенъ грѣхъ, сознается человѣкъ, подверженный припадкамъ страсти гнѣва, когда увидитъ, что въ минуты вспыльчивости своей онъ того обидѣлъ безъ причины другаго наказалъ безъ вины: но поднимается гнѣвъ, онъ забываетъ о силѣ грѣха, дѣйствующаго въ этой страсти, предается раздражительной взыскательности, и — сила грѣха опять торжествуетъ надъ его безплоднымъ сознаніемъ.

Силенъ грѣхъ со вздохомъ произноситъ старецъ, собирающійся съ силами быть стражемъ своихъ мыслей, чувствованій и поступковъ, и съ огорченіемъ сознающійся, что пустая мелочь жизни развлекаетъ и побѣждаетъ его, что онъ въ забывчивости увле-

кается на сторону слабостей, преступныхъ и для юности; но минута строгой бдительности надъ собою проходитъ, старецъ отдается безпечности мыслей и желаній, и — снова на сторонѣ легкомыслія, порочныхъ слабостей и снова сознается въ своемъ безсиліи противъ грѣха.

Силенъ грѣхъ, глубоко сознаемся мы всѣ предъ исповѣдію, когда обозрѣваемъ грѣхопаденія своей жизни и видимъ, какъ ничтожны были побужденія къ тому, — сознаемся и послѣ исповѣди, облобызавъ крестъ и евангеліе, когда благодать покаянія коснется нашей совѣсти и пробудитъ въ насъ желаніе — впередъ быть исправнѣе и менѣе уступать силѣ грѣха. Чтоже потомъ? — потомъ опять забываемъ эту истину, пока крестъ и евангеліе снова ненапомнятъ намъ, какъ силенъ грѣхъ.

Итакъ, укого отъ сердца, у кого на устахъ только, вездѣ можно слышать ту великую истину, которую предъ всѣми исповѣдалъ великій Апостолъ языковъ — о силѣ живущаго въ насъ грѣха: *не еже хощу, доброе, творю,* говоритъ онъ; *но еже не хощу — злое, сіе содѣваю. Аще ли еже не хощу азъ, сіе творю, уже не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ* (Рим. 7; 14—24). Но какими разнообразными тонами произносимъ мы это печальное сознаніе нашего духовнаго безсилія и нашихъ грѣхопаденій! Одинъ произноситъ какъ обычную истину, на которой безпечно покоится его грѣховная совѣсть, его бездушное сознаніе собственнаго безсилія. Произноситъ другой легкомысленно, разсѣянно, съ лукавствомъ, затверженную оговорку своихъ слабостей и пороковъ. Не многіе произносятъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ и съ рѣшимостію духа, какъ истину, сознаніе которой должно остерегать насъ отъ непредвидѣнныхъ соблазновъ грѣха, хранить при встрѣчѣ съ его искушеніями, одушевлять въ борьбѣ съ нимъ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 13-го Февраля 1858 года.

Цензоръ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Петръ.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 48.

НЕДѢЛЯ ЧЕТВЕРТАЯ Св. ПОСТА.

2 Марта 1858 г.

Гласъ 7-й.

На утрени евангеліе воскресное 7-е, Іоан. зач. 63. На литургіи: апост. Евр. зач. 314, и Ефес. зач. 229, еванг. Марк. зач. 40, и Матѳ. зач. 10.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ КРЕСТОПОКЛОННУЮ, ГОВОРЕННОЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ФИЛАРЕТОМЪ, МИТРОПОЛИТОМЪ КІЕВСКИМЪ И ГАЛИЦКИМЪ (*).

Святая Церковь, предлагая нынѣ предъ очи вѣрующихъ пречестный крестъ Господа нашего Іисуса Христа, приглашаетъ всѣхъ чадъ своихъ къ благоговѣйному поклоненію сему животворящему древу. Какъ путнику, проходящему трудный и далекій путь, всего пріятнѣе, когда онъ находитъ среди предлежащаго ему поприща мѣсто для отдохновенія, гдѣ бы онъ могъ получить нѣкоторую отраду отъ трудовъ путешествія, и собравшись съ силами, съ новою бодростію совершать свой подвигъ: такъ попечительнѣйшая о спасеніи чадъ своихъ матерь наша Церковь, руководствуя насъ на поприщѣ святаго поста, среди онаго премудро установила поклоненіе кресту Господню, дабы истинно проходящіе подвиги поста и молитвы, взирая на крестъ Іисуса, обрѣли въ немъ свое успокоеніе, воодушевились примѣромъ великаго Крестоносца Искупителя своего, и отъ Него — источника и подателя силъ — воспріявши новыя силы, съ новою крѣпостію совершали свой подвигъ.

Есть еще другая сокровенная причина, почему среди святаго поста установлено Церковію поклоненіе кресту Господню. Извѣстно, что среди рая, жилища первыхъ человѣковъ въ состояніи ихъ невинности, насаждено было Богомъ древо жизни, отъ плодовъ коего они вкушая были бы безсмертны, ежели бы не вкусили отъ запрещеннаго плода древа смерти. Невоздержаніе ихъ было причиною,

(*) Въ 1836 году въ Казани, въ бытность его архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ.

что и они и всѣ ихъ потомки лишены возможности питаться отъ древа жизни. Но неистощимое человѣколюбіе Божіе, вмѣсто сего древа жизни, насадило другое живоносное древо креста, на которомъ притуплено жало смерти смертію Начальника жизни, Господа нашего Іисуса Христа, и возвращена вѣрующимъ истинная, вѣчная жизнь. По непреложному правилу, что потеряно невоздержаніемъ, то должно быть возвращено постомъ. И вотъ почему святая Церковь, руководствуя насъ въ новый рай добродѣтелей христіанскихъ посредствомъ воздержанія, среди дней поста предлагаетъ для благоговѣйнаго поклоненія живоносное древо креста Господня, дабы мы вкушали отъ плодовъ его истинную жизнь душъ нашихъ.

Пріидите убо вѣрніи животворящему древу поклонимся, на немже Христосъ, Царь славы, волею руцѣ распростеръ, возвнесе насъ на первое блаженство, вопіетъ Церковь. Пріидите, поклонимся не однимъ тѣломъ, но паче духомъ и истиною. И да не безплодно будетъ поклоненіе наше, поучимся у подножія креста Господня тому, что онъ вѣщаетъ сердцамъ нашимъ, хотя безмолвно, но, для имѣющихъ уши слышати, вѣщаетъ сильнѣе и убѣдительнѣе всякаго краснорѣчія.

Крестъ Господень безпрерывно вѣщаетъ многое, и столь многое, что едва ли достанетъ цѣлой вѣчности для изглаголанія таинствъ его всѣми ангельскими и человѣческими языками. Но первѣе всего возвѣщаетъ то, что наиболѣе нужно для грѣшниковъ: онъ возвѣщаетъ безпредѣльную любовь и милосердіе Отца небеснаго къ грѣшникамъ. Ахъ, братіе, ежели бы мы хотя не всегда, покрайней мѣрѣ входя въ храмъ Господень, имѣли сердце собранное отъ житейскихъ попеченій, чтобъ возвести благоговѣйный взоръ нашъ на распятаго Господа и Искупителя нашего, мы бы, при всякомъ воззрѣніи на крестъ Его, слышали во внутренности души нашей сей премилосердый гласъ Евангелія: *тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Него не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16). У самаго Отца милосердія и щедротъ не обрѣтается болѣе дара, котораго бы Онъ пощадилъ для спасенія грѣшниковъ. Ибо онъ отдалъ въ умилостивительную за грѣхи жертву единороднаго Сына своего, единственное сокровище сердца своего. И сей жертвенный Агнецъ Божій, горя безпредѣльною любовію къ человѣкамъ возносится на крестъ, дабы всѣхъ человѣковъ привлечь къ себѣ дѣйствіемъ любви своей;—простираетъ на крестѣ неповинныя руцѣ свои, дабы всѣхъ собрать и заключить въ милосердыя объятія свои;—проливаетъ всю божественную кровь свою, дабы всѣхъ омыть ею отъ сквернъ грѣховныхъ, очистить души ихъ, и святыми и непорочными представить ихъ въ вѣчное царствіе Отца небеснаго. Ежели и сія божественная и безмѣрная любовь не привлекаетъ еще сердецъ нашихъ къ Господу Іисусу, въ которомъ одномъ и спасеніе и жизнь и блаженство наше; то что уже можетъ избавить насъ отъ осужденія къ вѣчной смерти?—Несчастный грѣшникъ! Ежели бы Господь явился для взысканія тебя въ страшномъ величіи своемъ, ты могъ бы сказать въ извиненіе свое, что ты, убоявшись явленія славы Его, убѣжалъ и скрылся отъ лица Его: но когда Онъ пришелъ спасти тебя, сокрывъ свою славу въ глубочайшемъ уничиженіи креста, чтобъ обратить тебя отъ погибельнаго пути грѣха, единымъ гласомъ милосердія и любви,—то что можешь принесть въ извиненіе своей нераскаянности?

Но милосердое сердце Спасителя нашего,

прободенное на крестѣ копіемъ, всегда отверсто для принятія кающихся грѣшниковъ. Сіе премилосердое сердце неумолкнымъ гласомъ вопіетъ ко всѣмъ грѣшникамъ: *покайтеся, и обратитеся, да очистится отъ грѣхъ вашихъ* (Дѣян. 3, 19). Первое слово проповѣди евангелія Господа нашего Іисуса Христа было слово: *покайтеся. и вѣруйте во евангеліе* (Мар. 1, 15). И крестъ Его тоже слово вѣщаетъ намъ; ибо нельзя истинно вѣровать во Христа, не очищая совѣсть свою покаяніемъ. Тотъ еще не христіанинъ, кто не обратился всѣмъ сердцемъ своимъ къ Господу, любителю правды, добродѣтели, чистоты и святости, кто еще не возненавидѣлъ всякаго грѣха и беззаконія, и не извергъ его изъ сердца своего, какъ гнусность и мерзость, которой совсѣмъ не должно быть въ сердцѣ, посвященномъ въ обитель святыя Троицы,—въ храмъ Божій и жилище Духа Святаго. Нераскаянный грѣшникъ! ты питаешь въ сердцѣ своемъ грѣхъ, и не хочешь съ нимъ разстаться, а о томъ не думаешь, какихъ болѣзней и скорбей стоило Спасителю твоему загладить оный смертію крестною! Не думаешь, что грѣхи твои умножаютъ язвы Искупителя твоего, и—что всего ужаснѣе—продолжая грѣховную жизнь твою, Господу, жаждущему спасенія твоего, вмѣстѣ съ Іудеями, въ утоленіе жажды Его, подносишь горькое питіе, смѣшанное съ желчію. Но обратись и покайся! — Спаситель твой съ креста преклоняетъ главу свою, дабы кающемуся тебѣ даровать лобзаніе мира и любви.

Любовь Его вопіетъ со креста ко всѣмъ вѣрующимъ: *аще любите Мя, заповѣди моя соблюдите* (Іоан. 14, 15), *и заповѣди Его тяжки не суть* (1 Іоан. 5, 3). Любовь всесовершенная можетъ ли возлагать на возлюбленныхъ своихъ бремя неудобоносимое? Не для того далъ Онъ заповѣди свои, чтобъ обременить насъ, но чтобъ очистить ими сердца наши, освятить души наши, и снявъ съ нихъ тяжкое бремя грѣховъ нашихъ, содѣлать насъ способными къ вѣчному съ Нимъ соединенію союзомъ любви.

Любовь Его съ высоты крестной вопіетъ ко всѣмъ вѣрующимъ: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Марк. 8, 34). Но легко ли, скажутъ слабые христіане, отвергнуться себя, когда самолюбіе прирождено сердцу нашему? Легко ли нести крестъ страданій, трудовъ и скорбей, когда растлѣнная грѣхомъ природа наша весьма склонна къ чувственнымъ удовольствіямъ? Легко ли послѣдовать за Іисусомъ во всѣхъ путяхъ Его жизни, когда Онъ—всемогущій, а мы—самая немощь; Онъ—святый святыхъ, а мы—зачатые и рожденные во грѣхахъ; Онъ—Вседержитель а мы — пыль и прахъ? — При всемъ томъ однакожъ, братіе, какъ всѣ, такъ и сія заповѣдь любви Спасителя есть непреложная наша обязанность, и мы не иначе можемъ получить обѣтованное намъ наслѣдіе жизни вѣчной, какъ всеохотнымъ и всеусерднымъ ея исполненіемъ. И мы можемъ и должны исполнить оную. Ибо для того единородный Сынъ Божій пожертвовалъ за спасеніе наше всею своею любовію, и всего Себя принесъ въ жертву, дабы вѣрующіе въ Него пожертвовали Ему всѣмъ своимъ самолюбіемъ, и возлюбили Господа Бога своего всѣмъ сердцемъ, всею душею, и всею крѣпостію своею. Не самая ли справедливость требуетъ — за любовь платить взаимною любовію? Для того Спаситель нашъ прошелъ путь креста, и своимъ божественнымъ примѣромъ освятилъ оный для насъ, какъ единственный путь вводящій въ жизнь вѣчную, чтобы возставить падшую грѣхомъ природу нашу и предохранить насъ отъ склонности къ чувственнымъ удовольствіямъ, кото-

рая столь пагубною содѣлалась въ раю сладости для всего рода человѣческаго. Не безразсудно ли было бы съ нашей стороны опять ввергать себя въ бездну погибели, изъ которой толикими болѣзнями, трудами, скорбями, крестною смертію исторгнулъ насъ Спаситель и Господь нашъ? — Мы сами по себѣ немощь, и не можемъ слѣдовать за Іисусомъ Христомъ: но Онъ — Господь силъ, для того и принялъ на Себя немощи наши, дабы насъ вѣрующихъ облещи своею божественною силою. Мы зачинаемся и рождаемся во грѣхахъ: но Онъ — источникъ и податель чистоты и святости — для того и распялся на крестѣ, дабы намъ сообщить свою божественную чистоту и святость. *Христосъ возлюби церковь и себе предаде за ню, да освятитъ ю, очистивъ банею водною въ глаголь, да представитъ ю себѣ славну церковь, неимущу скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна* (Ефес. 5, 25 — 27).

Итакъ, братіе, хотите ли вы истинно участвовать въ радости святыхъ? Покланяясь кресту Господню, напечатлѣйте на сердцахъ вашихъ неизгладимыми чертами сіе знаменіе побѣды надъ грѣхомъ и смертію, — да будетъ оно ограждать сердца ваши отъ всякаго поползновенія на грѣхъ и неправду; да всякое воззрѣніе на распятаго на крестѣ Господа нашего питаетъ и возращаетъ души въ любви къ Нему. Съ симъ святымъ расположеніемъ сердца проходя поприще временной жизни, можемъ и мы непостыдно явиться предъ лице Его, когда возсіяетъ утро всеобщаго воскресенія и настанетъ невечерній день вѣчности. Аминь.

ПИСЬМО

О ЗНАЧЕНІИ ВЕЛИКАГО ПОСТА, ПРЕДШЕСТВУЮЩАГО ВЕЛИКОМУ ПРАЗДНИКУ ПАСХИ.

Отчего, спрашиваешь ты, предъ великимъ праздникомъ положенъ у насъ великій постъ? — Вотъ, говоришь, предъ великою радостію Церковь заставляетъ насъ такъ много времени сѣтовать; предъ разрѣшеніемъ на вся требуетъ воздержанія почти во всемъ!

Буду отвѣчать тебѣ на это, какъ умѣю. Такъ какъ постъ предъ Пасхою есть самый древній, — о немъ упоминается еще въ правилахъ апостольскихъ (см. прав. 69), — то, нѣтъ сомнѣнія, происходитъ онъ отъ самыхъ Апостоловъ. Кто же могъ лучше знать, что когда нужно для вѣрующихъ въ ихъ церковной жизни, какъ не они — богодухновенные мужи, наши первые, послѣ Господа Іисуса Христа, наставники и образцы? Если они находили святый постъ и приличнымъ и нужнымъ предъ высокимъ торжествомъ христіанскимъ, то цѣль и основаніе этого установленія должны быть очень важны и само установленіе совершенно обязательно для насъ. — Что, спросишь, самихъ Апостоловъ могло привесть къ мысли о постѣ предъ Пасхою? Привелъ тотъ Духъ Утѣшитель, о которомъ сказалъ имъ Господь: *той вы научитъ всему, и воспомянетъ вамъ вся, яже рѣхъ вамъ* (Іоан. 14, 26). Той Духъ Утѣшитель, конечно, воспомянулъ Апостоламъ и это слово Христово, сказанное въ присутствіи ихъ къ народу: *егда отнимется отъ нихъ Женихъ, и тогда постятся* (Матѳ. 9, 15). Какъ же было не воспоминать имъ время предъ Пасхою, когда отнятъ былъ отъ нихъ Женихъ, радость и утѣшеніе душъ ихъ? Въ это время, по заповѣди Господней и по чувствамъ сердецъ своихъ, вѣрные ученики Спасителя и сами постились, и ученикамъ своимъ заповѣдали поститься.

Съ постомъ, безъ сомнѣнія, соединяли Апостолы покаяніе, потому что не могли забыть того, какъ во время страданій Господа всѣ они оставили Его, а старѣйшій изъ нихъ даже трикратно отрекся отъ Него (Матѳ. 26, 56. 57). Это тѣмъ вѣрнѣе, что, по свидѣтельству преданія, апостолъ Петръ даже ежедневно, при пѣніи пѣтуха, вспоминалъ свой грѣхъ, хотя давно ему прощенный, и плакалъ, а апостолъ Павелъ, почти при концѣ своего апостольскаго поприща, вспоминалъ свое прежнее ожесточеніе противъ Христова имени, и называлъ себя *первымъ* грѣшникомъ (1 Тим. 1, 13. 15). Послѣ сего едва ли кто посмѣетъ спросить: нужны ли намъ постъ и покаяніе при торжественномъ воспоминаніи страданій и крестной смерти Сына Божія, намъ, которые несравненно болѣе наносимъ Господу оскорбленій нашею невѣрностію, нежели первые, вначалѣ только погрѣшившіе, ученики Его, а достойныхъ плодовъ вѣры, подобныхъ апостольскимъ, совсѣмъ не имѣемъ?

Можешь спросить еще: для чего съ постомъ страстной недѣли, который собственно и есть воспоминаніе о видимомъ, страшномъ отнятіи у Церкви Жениха ея, соединяется другой постъ сорокодневный (продолжающійся отъ понедѣльника 1-й седмицы великаго поста до субботы Лазаревой)? — Изложу и на этотъ вопросъ мои соображенія.

Можно думать, что постъ сорокодневный, напоминающій намъ о постѣ самаго Спасителя въ пустынѣ, занялъ время предъ Пасхою потому, что постъ Христовъ былъ вскорѣ послѣ крещенія Іорданскаго, а при раннемъ срокѣ Пасхи, нашъ постъ также близокъ къ празднику крещенія Господня (*). Полагаю впрочемъ, что Церковь, сближая постъ сорокодневный съ постомъ страстной седмицы, имѣла преимущественно въ виду духовное значеніе поста, какъ лучшаго приготовленія чадъ своихъ къ торжеству Воскресенія. Господь вошелъ въ славу свою долгимъ путемъ смиренія и подвиговъ, путемъ, котораго началомъ, въ общественномъ служеніи Богочеловѣка нашему спасенію, былъ четыредесятидневный подвигъ Его въ пустынѣ, а концемъ — время страданій крестныхъ. Посему весьма прилично соединяется у насъ, въ воспоминаніи, съ великимъ концемъ — великое начало спасительныхъ подвиговъ Господа: это напоминаетъ христіанамъ весь путь Христовъ, путь, которымъ и они должны идти къ Господней славѣ, по извѣстной имъ заповѣди: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Марк. 8, 34). Постомъ сорокодневнымъ Господь побѣдилъ за насъ исконнаго искусителя, нѣкогда побѣдившаго насъ въ прародителяхъ, во время, которое было временемъ заповѣданнаго воздержанія, и продолжалось также, по разумѣнію нѣкоторыхъ, около сорока дней (*). По сему примѣру и намъ заповѣданъ постъ сорокодневный, да облегчитъ онъ намъ побѣду надъ страстями, силу которыхъ тотъ же исконный врагъ человѣковъ употребляетъ противъ насъ. Но совершенная побѣда наша не иначе можетъ быть, какъ если мы сраспнемся со Христомъ и съ Нимъ духовно умремъ и воскреснемъ; ибо сказано: *сіе да мудрствуется въ васъ еже и во Христѣ Іисусѣ* (Фил. 2, 5); *съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся* (Римл. 8, 17); *аще съ Нимъ умрохомъ, съ Нимъ и оживемъ, аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся* (2 Тим.

(*) При самомъ раннемъ срокѣ Пасхи, постная тріодь начинается въ Церкви 11 Генваря.

(*) Столько времени, полагаютъ нѣкоторые, прародители наши пребывали въ раю до своего паденія. См. Въ Церков. Библ. Исторіи примѣчаніе о продолженіи первобытной Церкви.

2, 11. 12). Потому и назначенъ постъ страстной седмицы, въ соединеніи съ сорокодневнымъ, какъ живое воспоминаніе страданій и смерти Спасителя, и вмѣстѣ какъ подвигъ духовнаго сострадавія нашему Искупителю.

Довольно ли этого въ отвѣтъ на твой вопросъ о значеніи великаго поста предъ великимъ праздникомъ? — Для большей ясности представлю отвѣтъ мой еще въ слѣдующихъ положеніяхъ:

а) Великій постъ предъ великимъ праздникомъ есть приготовленіе и предочищеніе къ воспріятію обильныхъ даровъ Господа, явленныхъ міру славнымъ Его воскресеніемъ. Безъ этого очищенія не могутъ быть полезны самыя высшія дарованія, а скорѣе обратятся намъ въ большее осужденіе, какъ и сказано о величайшемъ дарѣ въ св. причащеніи: *ядый и піяй недостойнѣ судъ сѣбѣ ястъ и піетъ* (1 Кор. 11, 29).

б) Великій постъ предъ великимъ торжествомъ христіанскимъ тоже, что время подвиговъ предъ временемъ всерадостнаго воздаянія. Кто хочетъ воспользоваться высшею благодатною наградою отъ Господа, тотъ долженъ показать болѣе плодовъ достойныхъ благоволенія Его. Для этого и дается намъ время покаянія.

в) Великій постъ слагается изъ четыредесятницы, напоминающей сорокодневное искушеніе Спасителя въ пустынѣ, и изъ недѣли страстной, изображающей спасительныя страданія Господни, а святая Пасха есть время славы Божественнаго Страдальца. Христіанинъ посему долженъ прежде подражать Господу своему въ терпѣніи и смиреніи, чтобы удостоиться быть соучастникомъ славы Его.

г) Отношеніе великаго поста къ высокому торжеству св. Пасхи изображаетъ и то отношеніе, какое указывается намъ въ словѣ Божіи между всею здѣшнею жизнію и торжествомъ жизни будущей. Ибо Пасха наша есть открытіе царства небеснаго, или »житія вѣчнаго начало«, какъ поетъ Церковь, а великій постъ есть путь къ этому всерадостному началу. Да будетъ же и вся жизнь христіанина подобна посту, предшествующему св. Пасхѣ. Будемъ помнить, что весь нашъ путь жизни временной есть путь покаянія, путь тѣсный, вводяй въ животъ, путь скорбей и лишеній. — Не потому ли и *седмь* нелѣль великаго поста, чтобы напоминать намъ о великой седмицѣ міра, въ концѣ которой должна открыться суббота вѣчная, которая по христіанскому значенію, есть день воскресенія всемірнаго?

Послѣ сего нужно ли что сказать тебѣ, любезный братъ, о пасхальномъ *разрѣшеніи на вся?* — Скажу: для того и предшествуетъ великій постъ Пасхѣ, чтобы мы правильно уразумѣли и употребили это разрѣшеніе. Ничто такъ не научитъ человѣка пользоваться всѣми дарами Божіими, какъ постъ, проведенный въ истинномъ покаяніи. Онъ-то научилъ Апостола *и насыщатися и алкати, и избыточествовати, и лишатися* (Фил. 4, 12); онъ внушилъ ему и это мудрое правило: *вся ми лѣть суть, но не вся на пользу; вся ми лѣть суть, но не азъ обладанъ буду отъ чего* (1 Кор. 6, 12). Великій постъ пусть научитъ и насъ употреблять не во зло, а въ добро пасхальное разрѣшеніе на вся, во всемъ наблюдать мѣру и ничѣмъ не ослаблять снисканной покаяніемъ силы духа. церковь предполагаетъ, что, по окончаніи поста, мы имѣемъ уже *чувствія обучена долгимъ ученіемъ, въ разсужденіе добра же и зла* (Евр. 5, 14), и потому позволяетъ намъ всякую пищу. О семъ — то совершенствѣ паче всего попечемся, а при этомъ попеченіи будемъ увѣрены, что чѣмъ лучше проведемъ святый постъ, тѣмъ чище

и святѣе будетъ празднованіе наше св. Пасхи. Да будетъ этотъ предтеча великаго праздника подобенъ тому великому Предтечѣ, котораго обѣщалъ Богъ послать *прежде пришествія дня Господня великаго и просвѣщеннаго, да устроитъ сердца* людей къ любви взаимной (Мих. 4, 5. 6) и *да уготовитъ Господеви люди совершенны* (Лук. 1, 17).

Итакъ, любезный другъ, проводя святый великій постъ, будемъ помышлять не о предстоящемъ разрѣшеніи на вся, а о разрѣшеніи или прощеніи всѣхъ грѣховъ нашихъ, не о томъ, какъ бы скорѣе вкушать вожделѣнныя брашна тѣлесныя, а о томъ какъ напитать и укрѣпить навсегда душу свойственною ей пищею духовною. *Ищите*, сказано, *прежде* всего *царствія Божія* (Матѳ. 6, 33); а *царство Божіе нѣсть брашно и питіе, но правда и миръ и радость о Дусѣ святѣ* (Римл. 14, 17).

АКИЛА и ПРИСКИЛЛА.

Драгоцѣнна для насъ память избранныхъ Апостоловъ Христовыхъ; досточтимы болѣзни и труды, подъятые ими для благовѣстія Христова. Но памятны и назидательны для насъ также имена ихъ споспѣшниковъ и друговъ, о которыхъ съ любовію упоминали сами св. Апостолы. Это семейства и лица, которыя устрояли у себя пріютъ для св. благовѣстниковъ, сопровождали ихъ въ путешествіяхъ, передавали церквамъ ихъ наставленія, утѣшенія, письма или посланія, милостыни, собранныя въ другихъ церквахъ, проповѣдывали съ ними или послѣ ихъ, словомъ,—дѣлили ихъ труды и скорби, бѣды и напасти, готовые пожертвовать съ ними и за нихъ самою жизнію.

Св. Павелъ, избранный сосудъ благодати, апостолъ языковъ, прошедшій отъ Іерусалима до Иллирика, особенно много имѣлъ въ разныхъ городахъ духовныхъ чадъ, споспѣшниковъ, друзей. Къ нимъ принадлежали Акила и Прискилла. *Цѣлуйте*, писалъ св. Апостолъ къ Римлянамъ, *Прискиллу и Акилу споспѣшники моя о Христѣ Іисусѣ, иже по души моей своя выя положиша, ихже не азъ единъ благодарю, но и вся церкви языческія. и домашнюю ихъ церковь* (16, 3. 4). Въ этихъ немногихъ словахъ прекрасно изображена вся исторія, вся жизнь благочестивой четы христіанской. Нѣсколько другихъ указаній (*) дополняютъ это изображеніе частностями. Замѣчательно, что благочестивые супруги нигдѣ не отдѣляются другъ отъ друга. Неразрывная связь, соединявшая ихъ въ жизни, соединила ихъ и въ сердцѣ Павла и въ памяти писателя дѣяній апостольскихъ. Не трудно понять причину сего, когда видимъ, что благочестивые супруги представляли, такъ сказать, одно сердце, одно существо въ служеніи Господу и любви къ св. Апостолу. Св. Павелъ не могъ раздѣлять въ воспоминаніи своемъ двухъ существъ, которыя всегда проникнуты были единою ревностію къ благу Церкви и спасенію язычниковъ, и казалось, были соединены не столько для того, чтобы разлѣлять и взаимно облегчать заботы жизни, сколько для того, чтобы совокупно нести тяжкій крестъ, возложенный Господомъ на раждающуюся Церковь Его.

Акила и Прискилла были родомъ іудеи изъ Понта, потомъ жили въ Римѣ, гдѣ уже

(*) Дѣян. 18, 1—4. 24—26; 1 Кор. 16, 19; 2 Тим. 4, 19.

въ царствованіе Августа число выходцевъ іудейскихъ чрезвычайно умножилось. Язычники ненавидѣли іудеевъ за суевѣріе (мнимое или истинное) и фанатизмъ; императоры еще — за частыя возмущенія. Вскорѣ къ тому присоединилось заблужденіе язычниковъ, смѣшивавшихъ іудейство съ христіанствомъ, на которое они начинали уже смотрѣть съ подозрительностію и безпокойствомъ. Въ особенности со времени Клавдія начинается для нихъ долгій періодъ тяжкихъ бѣдствій. Этотъ императоръ изгналъ іудеевъ изъ Рима «за безпорядки, производимые ими (будтобы) по наущенію христіанъ. Въ силу этого указа, какъ говорится въ Дѣяніяхъ Ап., Акила и Прискилла удалились изъ Италіи въ Коринѳъ. Здѣсь то нашелъ ихъ св. Павелъ, совершавшій тогда второе апостольское путешествіе свое.

Акила и Прискилла были, какъ видно, изъ тѣхъ іудеевъ, которые чаяли утѣхи израилевы. Были ли они христіанами до встрѣчи съ св. Павломъ, или имъ обращены къ вѣрѣ — неизвѣстно. Только съ этой встрѣчи они стали навсегда вѣрными друзьями и споспѣшниками его. Св. Павелъ поселяется въ ихъ домѣ, и какъ скинотворство, которымъ для пропитанія себя занимались Акила и Прискилла, было знакомо и св. Павлу, то Апостолъ языковъ раздѣляетъ труды своихъ хозяевъ. Трогательно и поучительно это соединеніе необычайнаго величія и знанія духовнаго съ простотою внѣшней жизни! И повсюду видимъ это въ первенствующей Церкви Христовой, самъ Основатель которой родился въ ясляхъ отъ бѣдной Дѣвы Маріи, дѣлилъ труды мнимаго отца своего древодѣля Іосифа, избралъ учениковъ своихъ изъ людей простыхъ, бѣдныхъ. И не нужны были имъ внѣшнія богатыя средства для основанія среди народовъ всемірнаго царства Христова. Учитель говорилъ имъ: *не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ, ни пиры въ путь, ни двою ризу, ни сапогъ, ни жезла* (Матѳ. 10, 9. 10). За то цѣнна была жертва вѣрующихъ, предлагавшихъ св. благовѣстникамъ покровъ и пропитаніе въ ихъ странствіяхъ; но еще выше самоотверженіе самихъ св. благовѣстниковъ, которые хотѣли туне давать благодать Св. Духа, искали сердецъ и спасенія духовныхъ чадъ своихъ, а не имуществъ ихъ (2 Кор. 12, 14). Если велико было усердіе вѣрующихъ, полагавшихъ все свое имущество при ногахъ Апостоловъ (Дѣян. 4, 35); то еще больше отеческая любовь послѣднихъ, когда они говорили: *не должна суть чада родителемъ снискати имѣніе, но родители чадомъ* (2 Кор. 12, 14), и потому собранное отъ избытка однихъ передавали другимъ — нуждающимся, наконецъ умножали сіи пособія собственными трудами. *Сребра или злата или ризъ ни единаго возжелахъ*, говоритъ св. Павелъ ефесскимъ пресвитерамъ. *Сами вѣсте, яко требованію моему и сущимъ со мною послужисте руцѣ мои сіи* (Дѣян. 20, 34). И теперь, живя въ домѣ Акилы и Прискиллы, св. Павелъ не хочетъ отягощать хозяевъ, посвятившихъ ему всѣ свои заботы, а еще помогаетъ имъ въ трудахъ: вѣроятно притомъ, что онъ имѣлъ вмѣстѣ съ ними въ виду присоединить цѣну своихъ издѣлій къ тѣмъ пособіямъ, которыя около сего времени собиралъ для христіанъ іерусалимскихъ. Скоро Акила и Прискилла увидѣли въ домѣ своемъ и другихъ споспѣшниковъ Павла, Тимоѳея и Силу, пришедшихъ сюда изъ Ѳессалоники съ утѣшительною вѣстію о церкви Солунской. Здѣсь же отъ лица своего и ихъ св. Павелъ писалъ свои посланія къ Солунянамъ (Дѣян. 18, 5; 1 Сол. 1, 1; 2 Сол. 1. 1.). Такимъ образомъ блаженные супруги, служа въ домѣ своемъ Павлу и его споспѣшникамъ, любезнымъ имъ по общей любви къ Павлу, удо-

стоились быть свидѣтелями и какъ бы участниками апостольскихъ дѣлъ и попеченій ихъ. Изъ дома Акилы и Прискиллы св. Павелъ являлся каждую субботу въ синагогу для проповѣданія. Но какъ Іудеи были невнимательны къ его проповѣди, то онъ сталъ проповѣдывать язычникамъ въ домѣ язычника же Іуста. И восемнадцать мѣсяцевъ трудился онъ въ благовѣстіи, живя у Акилы и Прискиллы: явилось много обращенныхъ, и они были такъ утверждены въ вѣрѣ, что св. Павелъ называлъ Коринѳянъ печатію своего апостольства (1 Кор. 11, 14). Они стали навсегда памятными и любезными споспѣшникамъ Павла. *Цѣлуютъ вы много о Господѣ Акила и Прискилла съ домашнею ихъ церковію*, писалъ потомъ св. Павелъ къ Коринѳянамъ. Между тѣмъ Іудеи, раздраженные успѣхами Павловой проповѣди, схватили Апостола и хотѣли, хотя тщетно, предать его суду. Это, конечно, одинъ изъ случаевъ, когда, привязанная къ Апостолу, чета готова была жертвовать жизнію своею за жизнь Апостола (Римл. 16, 4).

Вскорѣ послѣ того Павелъ оставилъ Коринѳъ. Акила и Прискилла сопровождаютъ его. Отплывъ изъ Кенхрейской пристани, путники достигаютъ Ефеса. Отселѣ Павелъ спѣшитъ въ Іерусалимъ на праздникъ, оставляя спутниковъ во Ефесѣ, куда впрочемъ обѣщалъ скоро возвратиться. Что же дѣлаютъ они въ ожиданіи Павла? Продолжаютъ его дѣло,— дѣло проповѣди. Какъ сильно уже было слово споспѣшниковъ Павловыхъ! Былъ въ то время во Ефесѣ Аполлосъ, родомъ изъ Александрійскихъ Іудеевъ, извѣстныхъ тогда своею образованностію. *Онъ былъ мужъ словесенъ, силенъ сый въ книгахъ. Сей бѣ оглашенъ пути Господню, и горя духомъ, глаголаше и учаше извѣстно, яже о Господѣ, вѣдый токмо крещеніе Іоанново. Сей же начатъ дерзати на сонмищахъ. Слышавше же его Акила и Прискилла, пріяша его и извѣстнѣе тому сказаша путь Господень* (Дѣян. 18, 24—26). Чудное явленіе! Скинотворцы, наученные скинотворцемъ, просвѣщаютъ мудреца, дѣлаютъ послушнымъ ученикомъ своимъ человѣка, славнаго своею ученостію и краснорѣчіемъ! Но это явленіе стократно повторяется съ тѣхъ поръ, когда этотъ же скинотворецъ Павелъ, рыбарь Петръ, мытарь Матѳей и другіе, столько же простые, стали чрезъ свои писанія изъ вѣка въ вѣкъ наставниками людей славныхъ своимъ образованіемъ и ученостію, учителями учителей человѣчества, когда ихъ слово, часто такъ простое и грубое, покорило міръ, дало новымъ народамъ новую жизнь, новые законы и нравы, не переставая и теперь покорять сердца простыхъ и образованныхъ. Пусть же рѣшитъ теперь здравый разумъ человѣческій: дѣйствуетъ ли здѣсь мудрость или сила? И человѣческая ли это мудрость, или Божія?

Св. Павелъ, точно, скоро пришелъ въ Ефесъ. Съ нимъ былъ тутъ и Тимоѳей. Пришелъ и возвратившійся изъ Коринѳа Аполлосъ, конечно хотѣвшій увидѣть учителя своихъ учителей (Дѣян. 19,—1, 22; 1 Кор. 16, 9, 10). Акилѣ и Прискиллѣ досталось утѣшеніе видѣть вмѣстѣ своего учителя и его споспѣшника и своего ученика, который уже такъ ревностно трудился надъ проповѣданіемъ. Павелъ съ споспѣшниками дѣятельно занимался теперь состояніемъ церкви Коринѳской, волнуемой распрями, и въ посланіи своемъ къ ней онъ, кромѣ Тимоѳея и Аполлоса, говоритъ и о Акилѣ и Прискиллѣ, пересылая отъ нихъ къ Коринѳянамъ цѣлованіе любви (1 Кор. 16, 19). Можно предполагать, что въ трехлѣтнее пребываніе свое въ Ефесѣ Апостолъ и жилъ именно у Акилы и Прискиллы: поселеніе его у какого-либо новаго споспѣшника былобы, по обычаю, означено св. Лукою. И

какъ въ Ефесѣ св. Апостолъ былъ среди большихъ опасностей; то, конечно, ихъ раздѣляли дѣломъ или сочувствіемъ и блаженные споспѣшники его.

Пробывъ три года въ Ефесѣ, Апостолъ, движимый Духомъ Святымъ, посѣтилъ Македонію, Грецію, гдѣ между прочимъ, остановился въ Коринѳѣ Вслѣдъ за нимъ Акила и Прискилла также оставляютъ Ефесъ и отправляются въ Римъ, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы и здѣсь служить Церкви и здѣсь еще принять у себя св. Павла, который давно уже готовился быть въ Римѣ (Дѣян. 19, 21; Римл. 1, 11, 12). Изъ Коринѳа (Римл. 16, 1) онъ пишетъ славное посланіе свое къ Римлянамъ. Въ Римѣ было уже не только много христіанъ, но именно близкихъ и возлюбленныхъ Павлу его споспѣшниковъ и друговъ. Онъ посылаетъ имъ свое цѣлованіе, — но прежде всего Акилѣ и Прискиллѣ и, притомъ, въ выраженіяхъ наиболѣе сильныхъ. *Цѣлуйте Прискиллу и Акилу, споспѣшники моя о Христѣ Іисусѣ, иже по души моей своя выя положиша, ихже не азъ единъ благодарю, но и вся церкви языческія, и домашнюю ихъ церковь.* Какъ живо и трогательно выражена здѣсь любовь и привязанность къ Павлу его споспѣшниковъ и его собственная любовь и признательность къ нимъ! И во всю жизнь этихъ друговъ не ослабѣвала ихъ взаимная любовь, потому что она истекала изъ общей любви къ Господу. Скончавая теченіе свое, будучи въ послѣднихъ узахъ, Павелъ писалъ посланіе къ Тимоѳею въ Ефесъ, гдѣ жили тогда Акила и Прискилла, утѣшаясь по разлукѣ съ Павломъ дружествомъ его споспѣшника. И здѣсь онъ прежде всего посылаетъ имъ свое цѣлованіе любви: *цѣлую Прискиллу и Акилу* (2 Тим. 4, 19).

Такъ, вся жизнь Акилы и Прискиллы была посвящена на служеніе св. Павлу и вообще Церкви Христовой, которую насаждалъ Апостолъ языковъ. Такова была жизнь и многихъ другихъ христіанъ первенствующей Церкви. Она достойна глубокаго сочувствія и подражанія нашего.

Каждый человѣкъ, естественно, заботится о собственномъ благѣ. Христіанинъ наилучшимъ образомъ выполнитъ эту обязанность, если будетъ направлять дѣятельность свою не столько на умноженіе земнаго благополучія, сколько на нравственное усовершеніе себя, не столько на разнообразныя выгоды и украшенія внѣшней жизни, сколько на стяжаніе — единаго на потребу — духовнаго блага, вѣчнаго спасенія. Но, заботясь о своемъ личномъ благополучіи и нравственномъ усовершеніи, христіанинъ, какъ членъ Церкви, долженъ быть еще одушевленъ безкорыстнымъ стремленіемъ служить общему благу Церкви.

Если священны обязанности гражданина къ обществу, то еще священнѣе обязанности христіанина къ Церкви. Обществу мы должны посвящать свои силы и труды, приносить, когда нужно, въ жертву ему выгоды свои и своихъ присныхъ: тѣмъ болѣе мы должны дѣлать сіе для Церкви, изъ признательности и любви къ ней, къ ея Основателю, Господу нашему Іисусу Христу, который пролилъ за насъ кровь свою на крестѣ, сдѣлалъ насъ сынами царствія своего на землѣ и наслѣдниками въ вѣчномъ царствѣ Его на небесѣхъ. Каковы могутъ быть наши дѣла и жертвы для блага Церкви, это легко найдетъ и опредѣлитъ каждый, кто захочетъ принесть ихъ Церкви. Быть можетъ, кто-либо скажетъ, что это было умѣстно и возможно въ первыя времена христіанства, когда напр. Акила и Прискилла могли служить Апостолу языковъ и его споспѣшникамъ въ дѣлѣ проповѣданія. Но, благомысленный христіанинъ! ужели ли въ наши дни нѣтъ болѣе

людей, которые готовы были бы искренно посвятить и посвящаютъ себя дѣлу вѣры и Церкви и какъ бы продолжаютъ дѣло Павла, дѣло первыхъ проповѣдниковъ и учителей вѣры и жизни христіанской? Если ихъ нѣтъ, или весьма мало, то и не должны ли мы, если искренно хотимъ блага Церкви, дѣлать то, что можетъ содѣйствовать появленію и умноженію ихъ? Не вѣрнѣе ли то, что мы не ищемъ такихъ людей, что мы слишкомъ пріучили себя сомнѣваться въ искреннемъ желаніи ихъ служить Церкви, что мы способны даже тяготиться, стѣсняться ими, какъ тотъ *дву-вѣрный* (*) христіанинъ новообращенной Руси, который бѣгалъ встрѣчи своего пастыря, потому что присутствіе послѣдняго обличало его старые нравы, обряды, привычки, и встрѣчу эту считалъ худымъ предзнаменованіемъ. — Далѣе, ты не имѣешь случая обратить къ вѣрѣ Христовой новаго Аполлоса, подобно Акилѣ и Прискиллѣ: но развѣ ты не можешь своимъ образомъ содѣйствовать распространенію въ обществѣ христіанскомъ истинъ вѣры и началъ нравственности, искорененію невѣжества и суевѣрія простыхъ, заблужденій и предразсудковъ образованныхъ? Просвѣщеніе одного заблуждающаго уже было бы великою заслугою твоею въ очахъ Божіихъ. *Братіе, аще кто въ васъ заблудитъ отъ пути истины, и обратитъ кто его, да вѣсть, яко обративый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу отъ смерти, и покрыетъ множество грѣховъ* (Іак. 5, 19). — Конечно, состояніе первенствующей Церкви дѣлало особенно нужными и цѣнными дѣла взаимнаго участія, благотворительности, самопожертвованія для общаго блага, какими отличались тогда христіане, также Акила и Прискилла, стяжавшіе за это благодарность церквей. Но какое обширное поприще для такихъ дѣлъ открывается и нынѣ безкорыстному ревнителю блага общества и Церкви! Онъ найдетъ возможность оказать помощь въ бѣдахъ и лишеніяхъ, участіе въ скорбяхъ и страданіяхъ, защиту и правду противъ неправдъ, обидъ и насилій; найдетъ возможность удовлетворить христіанскимъ нуждамъ однихъ, которые мало сознаютъ ихъ, содѣйствовать благочестивымъ желаніямъ другихъ, которые могутъ сами осуществить ихъ; водворять любовь, духовное единеніе, миръ и спокойствіе въ христіанскомъ обществѣ, возбуждать, соединять другихъ къ добрымъ начинаніямъ для преспѣянія Церкви, которое столько вожделѣнно и благодѣтельно для всякаго общества. Конечно, это служеніе благу христіанскаго общества — Церкви составляетъ особенный долгъ тѣхъ, которые призваны къ этому своимъ положеніемъ или званіемъ. Здѣсь равнодушіе, или недостатокъ усердія, дѣятельности есть уже преступленіе: кому дано много, отъ того и взыщется много. *Иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти: да будетъ вамъ слуга* (Матѳ. 20, 26).

А тѣ, которымъ не дано имѣть болѣе обширной дѣятельности на пользу общую, пусть ограничатъ ее ближайшимъ кругомъ. Такъ напр. если христіанская чета не можетъ, подобно Акилѣ и Прискиллѣ, посвятить себя служенію Церкви, пусть она совершаетъ это служеніе въ собственномъ семействѣ. Члены христіанскаго семейства суть члены Церкви. Это собраніе христіанъ, это домашняя церковь, какъ и назывались семейства первыхъ христіанъ, напр. Акилы и Прискиллы: *цѣлуйте Акилу и Прискиллу съ домашнею ихъ церковію.*

(*) Такъ называли древніе церк. писатели наши тѣхъ новообращенныхъ христіанъ, которые не хотѣли покидать старыхъ суевѣрій и привычекъ. Это названіе не можетъ ли итти и къ тѣмъ христіанамъ нашего времени, которые, имѣя неполное или даже не вѣрное понятіе объ истинахъ вѣры, влаются разными ученіями чуждыми вѣрѣ и Церкви Христовой?

Что же приличнѣе Церкви, если не святыня, и о чемъ будутъ прежде всего заботиться родители христіанскаго семейства, если не объ освященіи, то есть, нравственномъ усовершеніи членовъ его въ жизни христіанской? И чѣмъ лучше упрочатъ родители счастіе своихъ дѣтей, если не тѣмъ, когда не дадутъ закоснѣть ихъ способностямъ и силамъ нравственнымъ, развиться дурнымъ понятіямъ и наклонностямъ, спасутъ отъ неумѣреннаго увлеченія въ суету мірскую, отъ ранняго истощенія силъ тѣлесныхъ и духовныхъ, когда, съ благоразумнымъ и тщательнымъ развитіемъ способностей, успѣютъ утвердить начала истиннаго просвѣщенія и истинной жизни, къ которымъ призванъ каждый, какъ человѣкъ и христіанинъ! Лѣтописи Церкви представляютъ поразительные примѣры могущественнаго вліянія добрыхъ родителей на дѣтей. Августинъ былъ сынъ довольно знатныхъ родителей. Отецъ, кажется, не отличался добрыми убѣжденіями, но мать была истинная христіанка. Сынъ болѣе походилъ на отца. При отличномъ образованіи, онъ переходилъ, однакожъ, отъ заблужденія къ заблужденію, отъ крайности въ крайность и готовъ былъ затеряться на распутіяхъ сомнѣнія, лжи и суеты. Мать напрягала всѣ силы, чтобы возвратить сына на путь правды: но главная сила ея была въ слезной молитвѣ. Однажды она приходитъ къ Амвросію и проситъ со слезами принять участіе въ ея сынѣ. »Иди и будь покойна, отвѣчалъ св. епископъ, быть не можетъ, чтобы сынъ столькихъ слезъ погибъ«. Это сбылось. Блаженный Августинъ сталъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ лицъ исторіи Церкви.—Вѣра осуждаетъ тѣхъ, которые, по собственной расточительности или безпечности, не упрочатъ, когда бы могли это сдѣлать, земнаго благополучія своего семейства. Но она же утверждаетъ, что истинное сокровище жизни—въ добродѣтели, что, впрочемъ, *благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имущи живота нынѣшняго и грядущаго.* Она не обѣщаетъ непремѣнно земнаго благополучія добродѣтели, потому что истинная награда ея на небесахъ, въ вѣчности; но обѣщаетъ ей милость Божію, покровъ благаго Провидѣнія. *Юнѣйшей быхъ, ибо состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмене его просяща хлѣбы* (Псал. 36, 35).—Воспитавъ въ своихъ дѣтяхъ добрыхъ и честныхъ членовъ общества, добродѣтельныхъ христіанъ, упрочивъ такимъ образомъ истинное счастіе ихъ, христіанскіе супруги исполнятъ долгъ свой по отношенію къ обществу и Церкви. Они будутъ какъ бы участниками того добра, которое совершатъ ихъ дѣти, искупятъ тѣмъ часть собственныхъ грѣховъ и проступковъ, оставятъ на землѣ представителей, которые замѣнятъ и оправдаютъ ихъ, составятъ ихъ честь при ихъ жизни, утѣшеніе предъ смертію, а по смерти поддержатъ добрую память о нихъ между людьми, не престанутъ и сами поминать ихъ въ молитвахъ предъ Богомъ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 18-го Февраля 1858 года.

Цензоръ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Петръ.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 49.

НЕДѢЛЯ ПЯТАЯ
Св. ПОСТА.

9 Марта 1858 г.

Гласъ 8-й.

На утрени евангеліе воскресное 8-е, Іоан. зач. 64. На литургіи: апост. Евр. зач. 321, и Кол. зач. 250, евангел. Марк. зач. 47, и Лук. зач. 33.

БЛАЖЕННАГО ѲЕОФИЛА АНТІОХІЙСКАГО

О ПОЗНАНІИ БОГА ИЗЪ РАЗСМАТРИВАНІЯ МІРА (*).

Бога не всѣ могутъ видѣть. Только тѣ могутъ наслаждаться созерцаніемъ Его, имже дано есть, — тѣ, душевныя очи которыхъ не закрыты, а отверсты. Хотя у всѣхъ есть тѣлесныя глаза, но у нѣкоторыхъ они до такой степени помрачены, что не могутъ видѣть свѣта солнечнаго. Безъ сомнѣнія, слѣпые не потому не видятъ солнца, что лучи его не имѣютъ блеска, но потому, что глаза слѣпыхъ неспособны къ созерцанію. Такъ и ты, человѣкъ, имѣя очи души объятыя мракомъ, признавай причиною помраченія ихъ не иное что, какъ только грѣхи и преступленія. Подобно свѣтлому зеркалу должна быть чиста душа человѣческая. Что бываетъ съ зеркаломъ, когда оно покрыто пылью (ржавчиной), то бываетъ и съ тобою, когда грѣхъ затмилъ тебя. Грѣшникъ не въ силахъ видѣть Бога. — Итакъ, если ты желаешь, чтобъ я представилъ предъ очи твои Бога моего, то прежде всего я тебя прошу показать мнѣ себя самаго, — дабы я зналъ: не прелюбодѣй ли ты, не блудникъ ли, не воръ ли, или сквернитель, или поноситель, или клеветникъ, или гнѣвливъ, или завистливъ, или гордъ, или презритель, или убійца, или скупецъ, или не повинуешься родителямъ, присвояешь чужое и продаешь дѣтей своихъ? Тѣмъ, кои запятнаны указанными пороками, никогда не является Богъ, развѣ прежде очистятъ себя отъ всякой нечистоты. Какъ влага, покрывая внѣшнія очи, не позволяетъ имъ внимательно смотрѣть на свѣтъ солнечный: такъ точно нечестіе твое ослѣпляетъ тебя и дѣлаетъ тебя неспособнымъ

(*) Lib. 1. ad Autolycum.

видѣть Бога. Можетъ быть скажешь: »если ты ясно видишь, то покажи мнѣ образъ своего Бога«. Но послушай, человѣкъ! Сокровенный образъ Божій не можетъ быть видимъ тѣлесными очами, и та часть души, которою мы мыслимъ о Богѣ, не можетъ понять Его. Величіе Его необъятно, высота недостижима для ума, сила ни съ чѣмъ несравнима, мудрость непостижима, благость неподражаема, и мы не можемъ нашимъ языкомъ изъяснить Его благодѣяній. Если назову Его свѣтомъ, назову то, что есть Его твореніе; если скажу, что Онъ слово, скажу то, чѣмъ Онъ владычествуетъ; если назову духомъ, то покажу Его дыханіе; назову мудростію, буду разумѣть Его Сына; если назову Его Богомъ крѣпкимъ, то покажу Его могущество; могуществомъ назову, — покажу Его дѣятельность творительную; если назову провидѣніемъ, то назову Его благость; если назову царемъ, покажу Его славу; если назову Господомъ, судіею, — то возвѣщу Его правосудіе; если назову отцемъ, опредѣлю, что́ Онъ во всемъ; если назову огнемъ, то выражу Его во гнѣвѣ. — Возразишь: развѣ гнѣвается Богъ? И очень гнѣвается, и гнѣвъ свой простираетъ на тѣхъ, которые дѣлаютъ зло; благость же свою оказываетъ боящимся и любящимъ Его, какъ отца. Онъ не престаетъ наставлять и учить благочестивыхъ, не престаетъ и наказывать нечестивыхъ, и наказываетъ ихъ съ величайшею строгостію. - Онъ начала не имѣетъ, ибо нерожденъ; измѣненію не подлежитъ, ибо безсмертенъ. Онъ называется Богомъ, ибо о всемъ заботится и промышляетъ; все движетъ, приводитъ въ дѣйствіе, питаетъ, располагаетъ своимъ промысломъ, возращаетъ и животворитъ. Называется Господомъ, ибо все подчинено Его владычеству; называется Отцемъ, ибо существовалъ прежде вселенной; называется Творцемъ, ибо Имъ создано это зданіе вселенной; Всевышнимъ называется, ибо выше всѣхъ и всего; называется Царемъ, ибо все объемлетъ, всѣмъ владычествуетъ. Высоты неба, глубины бездны и концы земли въ рукѣ Его. Нѣтъ мѣста, гдѣ бы Онъ медлилъ и покоился. Небеса — дѣло и твореніе Его, море создано Имъ, человѣкъ есть образъ Его и подобіе. Все это создано для служенія человѣку. Богъ все произвелъ изъ небытія, дабы показать отъ дѣлъ своихъ человѣку, какъ Онъ великъ. Какъ душа, живущая въ тѣлѣ человѣческомъ, не можетъ быть видима, а познается изъ движеній тѣла: такъ и Богъ не можетъ быть видимъ тѣлесными очами, а созерцается и познается въ своихъ дѣйствіяхъ. Какъ если кто видитъ корабль, снабженный парусами, разсѣкающимъ море и направляющимся къ пристани, то безъ сомнѣнія вѣритъ, что этотъ корабль кѣмъ-нибудь управляется, что есть на немъ правитель: такъ точно никто не унизится до того, чтобы не вѣрить, что Богъ есть правитель всего, хотя плотскими очами Его и не видитъ, ибо это невозможно. Если на солнце, которое кажется очень малымъ тѣломъ, человѣкъ не можетъ устремить глазъ, по причинѣ превосходства и силы блеска его; то тѣмъ менѣе смертный человѣкъ можетъ созерцать славу Божію, неизреченную для человѣка. Земной царь (хотя и невидимъ всѣмъ) познается тѣмъ, кто обращаетъ взоры на законы и управленіе, на власти и изображенія его. Зачѣмъ-же ты медлишь познать Бога изъ Его могущества и дѣлъ? Дѣла же Божіи очевидны для всякаго, вотъ онѣ: постоянное измѣненіе и чередованіе временъ; обращеніе звѣздъ; правильное теченіе стихій; прекрасно расположенное обращеніе дней, ночей, мѣсяцевъ и лѣтъ; удивительная пріятность сѣмянъ, растеній и плодовъ; изящные и разнообразные роды четвероногихъ, летающихъ, пресмыкаю-

щихся, плавающихъ, живущихъ въ водѣ. Созерцай при этомъ мудрость, данную животнымъ для произведенія и воспитанія дѣтей; и это дѣлаютъ они не для частной пользы, но для того, чтобы человѣкъ получалъ пищу и все необходимое для себя. Такъ заботится божественное Провидѣніе о томъ, чтобы всякой плоти доставить пищу! Замѣчай удивительное послушаніе, которое установилъ Богъ, дабы все повиновалось человѣку. Обрати вниманіе на постоянное теченіе источниковъ и рѣкъ, пріятность росы и дождя, являющихся въ извѣстное время. Обрати вниманіе на удивительное движеніе неба, восходящую утреннюю звѣзду предвозвѣстницу приближенія солнца; посмотри на союзъ плеядъ и оріона, на артура и ходъ прочихъ звѣздъ, который совершается въ кругѣ небесномъ,—и всѣмъ этимъ звѣздамъ божественная мудрость нарицаетъ имена.

СЛОВО

ПО ПРИЧАЩЕНІИ СВ. ТАИНЪ.

Слава и благодареніе Господу милосердому! Чего лишились мы въ Адамѣ—прародителѣ нашемъ, то вновь обрѣли во Христѣ—Спасителѣ нашемъ, и пріобрѣли съ преизбыточествомъ. Потеряли мы въ Адамѣ рай чувственный и въ немъ — древо жизни вещественное: вмѣсто чувственнаго рая Господь Іисусъ Христосъ ввелъ насъ въ духовный — въ благодатную Церковь свою, и въ ней Самъ содѣлался для насъ древомъ жизни, давъ намъ вкушать божественное и пречистое тѣло свое и пить божественную и пресвятую кровь свою въ святѣйшемъ таинствѣ Евхаристіи, и—благодатію Его—мы были нынѣ причастниками сей святѣйшей трапезы!

Такъ. мы причащались нынѣ, по истинѣ, плодовъ древа жизни! Какой жизни? И тѣлесной: ибо *не рожденія плодовъ питаютъ человѣка*, говоритъ Премудрый, *но Слово твое, Господи, Тебѣ вѣрующихъ соблюдаетъ; и ниже зеліе, ниже обязаніе исцѣли ихъ, но Слово твое, Господи, исцѣляющее вся* (Прем. 16. 12. 26). А мы въ святѣйшемъ таинствѣ причащенія вкушали нынѣ самое существо сего Слова, воплотившагося насъ ради и умершаго и пролившаго свою кровь на крестѣ. Посему то и исповѣдали мы и просили въ молитвахъ своихъ къ Господу: »да будетъ намъ причащеніе святыхъ Таинъ во исцѣленіе и здравіе—тѣла«. И сколько есть примѣровъ въ житіяхъ святыхъ подвижниковъ, такой дивной, животворной и для тѣла, силы святѣйшаго таинства причащенія! Многіе изъ нихъ въ продолженіе четыредесятницы не вкушали никакой пищи, и живы были только частымъ причащеніемъ святыхъ таинъ (*). Какъ нерѣдко бываетъ, что больные и на смертномъ одрѣ лежащіе получаютъ скорое, чудесное исцѣленіе и укрѣпленіе силъ своихъ и востаютъ отъ болѣзни — животворною силою тѣла и крови Христовыхъ. когда причащаются оныхъ съ совершенною вѣрою и чистою совѣстію! Впрочемъ, таинственно, а иногда и видимо дѣйствующая въ тѣлесахъ нашихъ еще здѣсь, животворная сила тѣла и крови Христовой во всемъ величіи своемъ явится тамъ — въ жизни будущей: ибо здѣсь никому не назначено безсмертіе; оно и для душъ и для тѣлесъ нашихъ будетъ за пре-

(*) Напр. преподоб. Герасимъ. См. житіе его 4 Марта.

дѣлами гроба. Причащеніемъ святыхъ таинъ мы вносимъ въ себя несомнѣнный залогъ, начатокъ и зародышъ того обновленія, въ которомъ нѣкогда тѣлеса наши востанутъ въ день всеобщаго воскресенія и оживотворятся для жизни вѣчной и безсмертной. Такъ несомнѣнно обѣтовалъ намъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ. *Ядый мою плоть и піяй мою кровь*, говоритъ Онъ, *имать животъ вѣчный*, *и Азъ воскрешу его въ послѣдній день* (Іоан. 6, 54). Дѣлая насъ, чрезъ святѣйшее таинство причащенія, стѣлесниками своими, *плотію отъ плоти своей и костію отъ костей своихъ*, по выраженію св. Апостола (Еф. 5, 30). Онъ, посему самому, несомнѣнно *преобразитъ* тогда *тѣло смиренія нашего*, *яко быти ему сообразну тѣлу славы Его*, какъ говоритъ тотже Апостолъ (Фил. 3, 21).

Но есть у насъ, кромѣ тѣлесной, другая жизнь, лучшая и совершеннѣйшая, жизнь души, созданной по образу и по подобію Божію, жизнь, вдохнутая въ насъ дыханіемъ устъ Божіихъ. Какъ и чѣмъ живетъ сія жизнь? Подобно тѣлу, и душа наша не имѣетъ въ себѣ самой такой полноты жизни, чтобы довольствоваться ею всегда, но и для ней нужно питаніе отвнѣ, нужна пища своего рода, нужно древо жизни—Жизнь само-сущая и присносущная. Единъ *Отецъ* небесный *имать животъ въ себѣ*, по слову Евангелія, и *Сыну* своему, Господу нашему Іисусу Христу—*даде животъ имѣти въ себѣ* (Іоан. 5, 26), и Духъ Святый, отъ Отца исходяй и въ Сынѣ почиваяй, есть, *иже* вся *оживляетъ* (Іоан. 6, 63), Имже всяка душа живится а чистотою возвышается. Изъ сего присно-текущаго, трійпостаснаго источника жизни почерпали жизнь для душъ своихъ и прародители наши въ раю, какъ для тѣла почерпали жизнь въ плодахъ древа жизни: ибо знаемъ изъ бытописанія, что Господь, создавши человѣка и введши его въ рай сладости, непрестанно тамъ хранилъ его благодатнымъ общеніемъ съ нимъ, являлся ему, бесѣдовалъ съ нимъ, училъ его, укрѣплялъ духовныя силы его и руководилъ къ преспѣянію и совершенству. Изъ сего источника, безъ сомнѣнія, и ангелы на небесахъ, сіи вторые свѣты, послѣ перваго, несозданнаго свѣта, почерпаютъ непрестанно свою присноблаженную жизнь, питаясь благодатію присносущныя Троицы и вкушая въ ней плоды жизни. И—вотъ мы въ таинствѣ, нынѣ воспріятомъ нами, вкушали сіи самые плоды духовной жизни: ибо вкушали не просто плоть и кровь,—*плоть*, какъ простое вещество, *не пользовала бы насъ ничтоже*, по слову Господа,—но вкушали въ сей плоти и крови самый *Духъ* животворящій, *иже оживляетъ*, Духъ Христовъ, иже есть и свѣтъ для ума нашего, и сила для воли нашей, и блаженство для сердца нашего, значитъ—истинная жизнь для всецѣлой души нашей, вкушали самое божественное естество, неразрывнымъ и вѣчнымъ союзомъ соединенное, въ таинствѣ воплощенія, съ плотію и кровію Христовою. *Честная намъ и великая обѣтованія даровашася*, говоритъ Апостолъ, *да сихъ ради будемъ божественнаго причастницы естества* (2 Пет. 1, 4). Посему то мы и исповѣдуемъ и просимъ въ молитвахъ своихъ предъ причащеніемъ, да будетъ намъ тѣло и кровь Христовы,—»въ очищеніе, въ просвѣщеніе, въ исцѣленіе, въ здравіе души, въ возращеніе добродѣтели и совершенства, въ жизнь вѣчную«. И какъ дѣйственно опять открывалась сія животворная сила плоти и крови Христовой надъ душами святыхъ угодниковъ Божіихъ! Въ искушеніяхъ, въ скорбяхъ, въ немощахъ души, готовясь къ какимъ либо подвигамъ и многотруднымъ дѣламъ, они всегда укрѣпляли себя святыми Тайнами и, питаясь

ими, возрастали и созрѣвали постепенно всѣми силами души своей, въ мужей совершенныхъ, въ мѣру возраста исполненія Христова. И вотъ почему они всегда такъ сильно искали и жаждали сей животворной пищи и питія для душъ своихъ и желали бы ежедневно причащаться ихъ. »Не увеселяюсь я пищею тлѣнною, писалъ св. Игнатій Богоносецъ: Божіяго хлѣба хочу, хлѣба небеснаго, хлѣба животворнаго, иже есть плоть Христа Сына Божія,— и пить хочу крови Того, иже есть любовь нетлѣнная и животъ вѣчный« (*).

Сицева убо имуще обѣтованія, и — не токмо обѣтованія, но уже и дарованія, — *о возлюбленніи, очистимъ себе отъ всякія скверны плоти и духа, творяще святыню въ страсѣ Божій* (2 Кор. 7, 1). Будемъ всегда живо помнить, какой великой благодати Божіей удостоились мы; будемъ отселѣ хранить со всѣмъ тщаніемъ въ чистотѣ и святыни скудельные сосуды душъ и тѣлесъ нашихъ, носящіе въ себѣ столь неоцѣненное сокровище. Будемъ молить Господа милосердаго, да и впредь не лишаетъ насъ сего поистинѣ *насущнаго хлѣба* нашего, и даруетъ какъ можно чаще достойно причащаться онаго во спасеніе и въ жизнь вѣчную. *О Господи, всегда намъ даждь хлѣбъ сей* (Іоан. 6, 34)! »Хлѣбе сладчайшій, хлѣбе чистѣйшій, всякія сладости и благовонія преисполненне, вниди въ сердце наше, и сладостію благовонія твоего, наполни внутреннія души нашея, да кромѣ Тебе ни коеяже пожелаетъ красоты. Тобою питаются ангели на небеси преизобильно: да насытится по силѣ своей Тобою и пришлецъ человѣкъ на земли. Хлѣбе святый, хлѣбе живый, хлѣбе вожделѣнный, сходяй съ небесе и даяй животъ мірови, вниди въ сердце наше и очисти насъ отъ всякія скверны плоти и духа, вниди въ душу нашу внѣуду и внутрь уду освящая и просвѣщая; буди нашей всегдашнее храненіе души и тѣла здравіе... да Тобою ограждены, съ Тобой прейдемъ въ вѣчное твое царствіе, идѣже непокровеннѣ, но лицомъ къ лицу Тебе узримъ... До нынѣ алчемъ и жаждемъ, но тогда насытимся, егда явится намъ слава твоя, въ нейже царствуеши со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь« (*).

ОБЪ УБѢДИТЕЛЬНОСТИ, КАКЪ ХАРАКТЕРѢ ЦЕРКОВНЫХЪ ПОУЧЕНІЙ (**).

Убѣждать значитъ производить въ волѣ слушателей рѣшимость исполнять на дѣлѣ то, чему ихъ учатъ, и поступать сообразно съ тѣми понятіями, мыслями и убѣжденіями ума, которыя образуются въ нихъ назидательнымъ словомъ проповѣди. »Убѣждаешь, говоритъ блаженный Августинъ, если заставляешь любить то, что обѣщаешь, бояться того, чѣмъ угрожаешь, ненавидѣть то, что укоряешь, принимать то, что одобряешь, скорбѣть тамъ, гдѣ производишь скорбь, радоваться тогда, когда благовѣствуешь радость, болѣзновать о тѣхъ, коихъ поставляешь предъ очами слушателя достойными сожалѣнія, убѣгать тѣхъ, коихъ совѣтуешь съ ужасомъ отвращаться, и проч.« (Наук. Христ. 4, 27).

(*) Посл. къ Римлянамъ.

(*) Изъ молитвы св. Амвросія Медіоланскаго.

(**) Изъ книги: »руководство къ церковному собесѣдованію«, только что отпечатанной и вышедшей въ свѣтъ въ Кіевѣ. Сочиненіе Профессора Кіевской Духов. Академіи Н. Ѳаворова.

Проповѣдническое слово можетъ быть истинно убѣдительно только тогда, когда оно, подобно слову Божію, будетъ состоять не въ *препретельныхъ* (παϑητικοῖς) *человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы* (1 Кор. 2, 4). Поэтому, чтобъ проповѣдывать слово Божіе съ убѣдительностію, надобно имѣть въ себѣ, въ возможной мѣрѣ, духовную силу тѣхъ мужей, чрезъ коихъ Духъ Святый благоволилъ даровать намъ сіе слово.

Духовная сила въ душѣ проповѣдника образуется: а) надлежащимъ его сознаніемъ высокаго права своего быть руководителемъ другихъ, б) искреннею ревностію руководить поучаемыхъ ко благу и в) достаточною опытностію въ дѣлѣ духовнаго руководства. Отсюда главныя условія убѣдительности проповѣдническаго слова: священное *достоинство*, отеческая *настойчивость* и глубокая *увѣренность*, выражающіяся въ немъ.

1) *Сія же глаголи, и моли, и обличай со всякимъ повелѣніемъ, да никтоже тя преобидитъ* (презираетъ) (Тит. 2, 15), заповѣдывалъ св. ап. Павелъ Титу, преподавая ему уроки пастырскаго проповѣдничества. И самъ онъ сильно ревновалъ по апостольскому достоинству своему, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ собственныхъ его посланій, напр. *нѣсмь ли Апостолъ: нѣсмь ли свободъ; не Іисуса ли Христа Господа нашего видѣхъ* и пр. (1 Кор. 9 1). Все это потому и для того, чтобы слово истины, проповѣдуемое законно-поставленными проповѣдниками, имѣло законную силу и власть надъ его слушателями, какъ и объ этомъ самъ же Апостолъ свидѣтельствуетъ тамъ, гдѣ защищаетъ свое апостольство: *ревную бо по васъ Божіею ревностію: обручихъ бо васъ единому Мужу дѣву чисту представити Христови: боюся же, да не како, якоже змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ и разумы ваша отъ простоты яже о Христѣ* (2 Кор. 11, 2—3). Объ ученіи самаго Господа нашего Іисуса Христа и о дѣйствіяхъ слова Его на народъ св. Евангелистъ замѣчаетъ также: *и ужасахуся о ученіи Его: яко со властію бѣ слово Его* (Лук. 4, 22): то есть, народъ чувствовалъ необыкновенное дѣйствіе на себя слова Господня, потому что оно было со властію. Отсюда ясно видно, что слово пастырское должно быть, по выраженію св. Апостола, *со всякимъ повелѣніемъ*, то есть, проникнуто духомъ священ. достоинства и власти, дабы убѣжденія проповѣдника не были *презираемы* его слушателями. Конечно, смиреніе и скромность въ поступкахъ и словахъ должно также наблюдать пастырю, какъ и всякому христіанину, или—справедливѣе, больше всякаго христіанина: но ни то ни другое не противорѣчитъ духу свящ. важности проповѣданія; потому что говорить съ церк. каѳедры съ достойною важностію отнюдь не значитъ гордиться или тщеславиться. Проповѣдникъ можетъ и долженъ сознавать собственное свое недостоинство, можетъ и выражать это предъ слушателями; но достоинство служителя истины, достоинство *споспѣшника* Божія онъ не долженъ унижать никогда и ни предъ кѣмъ, потому что это было бы во вредъ самому слову истины и домостроительству Божію о спасеніи нашемъ. Пусть онъ помнитъ, что носитъ сокровище въ *скудѣльномъ* сосудѣ, но да помнитъ при семъ и то, что онъ носитъ *сокровище*: память о первомъ не позволитъ ему превозноситься собою, память о второмъ не позволитъ уничижать дара Божія. Смиреніе не только не отнимаетъ достоинства у служителя Божія, а напротивъ возвышаетъ и очищаетъ оное: точно также и свящ. важность не только не нарушаетъ смиренія па-

стырскаго, когда оно есть, но и возвышаетъ цѣну его предъ людьми и самимъ Богомъ. И такъ проповѣдникъ слова Божія долженъ говорить со свящ. каѳедры въ качествѣ посланника Божія, въ качествѣ пророка и апостола Христова,—долженъ, когда нужно, обличать, запрещать, умолять—именемъ Божіимъ, властію Христовою, силою Духа Святаго, чтобы слово его не было подобно слову непризванныхъ учителей народа, которое дѣйствуетъ на него тѣмъ только, что льститъ испорченной природѣ человѣка, и безсильно тамъ, гдѣ надобно итти противъ грѣховныхъ склонностей и привычекъ.

Это не значитъ, однакожъ, чтобы для убѣдительности слова проповѣдническаго нужно было исполнять его рѣзкими прещеніями, укоризнами и вообще болѣе или менѣе неумѣренными обличеніями и нападеніями на слушателей: напротивъ, это первый признакъ отсутствія надлежащей важности проповѣдническаго слова и, слѣдственно, недостатка силы убѣжденія въ ономъ. Власть и сила вообще обнаруживаются преимущественно спокойнымъ распоряженіемъ и дѣятельностію; а раздражительность всегда обозначаетъ большее или меньшее безсиліе. Обличеніе, выговоръ, запрещеніе могутъ производить сильное дѣйствіе на слушателей, но—не тогда, когда они исторгаются изъ устъ говорящаго съ шумомъ и яростію, а—когда произносятся какъ законныя обвиненія и приговоры отъ имѣющаго власть судить и осуждать, хотя бы они исходили изъ устъ его не только безъ гнѣва и раздражительнаго волненія, но и съ тайнымъ или явнымъ чувствомъ глубокой скорби. И сей то духъ и тонъ обличенія наиболѣе можетъ побѣждать волю обличаемыхъ и располагать ее къ рѣшимости самоисправленія. Такъ въ самыхъ грозныхъ по духу обличеніяхъ Господа нашего Іисуса Христа всегда слышится глубокое чувство не гнѣва, а скорби.

Второй признакъ недостатка священной важности и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительности слова проповѣдническаго состоитъ въ томъ, когда въ немъ выказывается нѣкоторая боязливость и нерѣшимость проповѣдника при убѣжденіи слушателей къ чему либо доброму или при отклоненіи ихъ отъ чего либо постыднаго,—когда, на примѣръ, за правдивымъ и нужнымъ словомъ обличенія слѣдуютъ неумѣстныя оговорки, съ изображеніемъ непохвальныхъ дѣйствій и привычекъ народа соединяется какое нибудь извиненіе и проч., какъ будто проповѣдникъ опасается показаться невѣжливимъ предъ слушателями или боится прогнѣвать ихъ правдивостію. Противъ воли такого проповѣдника съ нимъ на самомъ дѣлѣ можетъ случиться то, чего онъ опасается, и именно потому, что онъ незаконно боится законнаго дерзновенія на свящ. каѳедрѣ. Во всякомъ же случаѣ, можетъ ли говорить убѣдительно тотъ, кто видимо боится убѣждать и спѣшитъ, такъ сказать, укрываться отъ убѣждаемыхъ, всякій разъ, какъ только покажется предъ нимъ призракъ ихъ неудовольствія и нерасположенія!

Если истина оскорбляетъ слушателей; то нечего опасаться проповѣднику: надобно только прилагать при этомъ всякое стараніе, чтобъ оскорбленіе сіе было *въ покаяніе*, и тогда можно даже *радоваться* со св. Апостоломъ, *не яко скорбни суть, но яко оскорбишася въ покаяніе, да ни въ чимъ же отщетятся* отъ слова Божія (2 Кор. 7, 9). Опасаться же должно того, чтобы самъ проповѣдникъ не оскорблялъ слушателей и самой истины духомъ надменности, или низкой лести и человѣкоугодливости. Это—новые и важнѣйшіе недостатки, противоположные духу свящ. важности проповѣдническаго слова, отъ которыхъ всѣми мѣрами надобно охранять себя

служителю слова Божія. (Здѣсь нужно припомнить замѣчанія относительно сообразности слова проповѣдническаго съ возрастомъ и положеніемъ проповѣдника, изложенныя въ § 47, б, и что сказано тамъ въ отношеніи къ предметамъ проповѣди, то здѣсь должно приложить къ духу и характеру ея).

2) Важность проповѣдническаго слова всегда должна быть растворена духомъ христіанской любви проповѣдника къ слушателямъ, въ силу которой оно было бы словомъ любящаго и благочестиваго отца къ дѣтямъ, семьянина къ семьѣ. Отсюда можетъ происходить отеческая настойчивость въ словѣ, которой уступаютъ иногда самыя упорныя души. Частныя черты этого свойства убѣдительности тѣже самыя, какими св. Апостолъ изображаетъ любовь христіанскую вообще: *любы долготерпитъ, милосердствуетъ, любы не завидитъ* и проч. (1 Кор. 13, 4—8). Если и въ христіанскомъ собесѣдованіи будетъ господствовать духъ сей самой долготерпѣливости, сего милосердія, незавидливости, безкорыстія, благожеланія, радости о всякой правдѣ и всякомъ добрѣ и проч.; то оно не можетъ не имѣть сильнаго дѣйствія на души слушателей. *Проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли, со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. 4, 2), заповѣдывалъ св. ап. Павелъ Тимоѳею, предварительно явивши въ собственной проповѣди совершенный образецъ отеческой настойчивости, что особенно можно видѣть изъ 2 посланія его къ Коринѳянамъ. По наставленію и примѣру апостольскому поступали всѣ великіе проповѣдники слова Божія. Особенно бесѣды св. Златоуста отличаются настойчивостію и, можно сказать, *неотступностію* убѣжденія.

Противоположные этому качеству недостатки пастырской проповѣди суть: *суровость*, или нравственный ригоризмъ, и *холодность*, или нравственный индифферентизмъ:

а) Духъ ригоризма обнаруживается въ томъ, когда проповѣдникъ находитъ какъ бы нѣкоторое удовольствіе въ постоянномъ нападеніи на слабыя стороны слушателей, или, по крайней мѣрѣ, говоритъ большею частію тономъ нѣкоторой укоризны, такъ что вмѣсто пастырской настойчивости въ убѣжденіяхъ у него является духъ строптивости и всегдашняго какъбы нерасположенія. Это бываетъ иногда простою привычкою, происходящею отъ ложнаго пониманія священной обязанности проповѣдника бороться съ мірскими пороками и предубѣжденіями: но — иногда служитъ выраженіемъ личнаго характера проповѣдника, мало сочувствующаго истинному благу своихъ слушателей. Послѣднее, очевидно, хуже перваго, тѣмъ болѣе, что слово въ семъ случаѣ легко можетъ допускать въ себя нѣчто язвительное; но и первое весьма предосудительно, потому что обличаетъ въ проповѣдникѣ недостатокъ надлежащаго вниманія и усердія къ священному дѣлу благовѣствованія Христова и пріучаетъ слушателей смотрѣть на увѣщанія проповѣднические, какъ на простое обыкновеніе говорить съ каѳедры противъ слабостей людскихъ, и нисколько не относить ихъ къ себѣ, не прилагать къ собственной жизни и поведенію.

б) Нравственный индифферентизмъ обнаруживается неохотою дѣлать убѣжденіе и обращенія къ слушателямъ. При такомъ способѣ поученія какъ будто слышатся отъ проповѣдника слѣдующія слова къ слушателю: *предложихъ ти огнь и воду, и на неже хощеши, простреши руку твою: предъ тобою животъ и смерть, и еже аще изволиши, дастся тебѣ* (Сир. 15, 16 — 17). Но что сказалъ Премудрый отъ лица Самаго Господа; то мало оправдаетъ проповѣдника

предъ лицемъ Господнимъ. Господь Богъ, предложивши намъ въ заповѣдяхъ и оправданіяхъ своихъ огнь и воду, животъ и смерть, хотя предоставилъ избраніе того и другаго волѣ нашей, однакожъ не переставалъ и не престаетъ всѣми средствами, къ числу коихъ относится и самое проповѣдничество, привлекать насъ къ жизни и отвращать отъ смерти; какъ Самъ Онъ свидѣтельствуетъ объ этомъ чрезъ одного изъ Пророковъ, говоря о непокорномъ народѣ Израильскомъ: *весь день воздыхъ руцѣ мои къ людемъ непокоривымъ и пререкающимъ* (Рим. 10, 21). Отсюда видно, что недостатокъ ревности въ убѣжденіи слушателей не можетъ не вредить убѣдительности пастырскаго слова, и хотя бы проповѣдникъ, исполняя долгъ свой, предлагалъ народу неупустительно все нужное для его спасенія, но тѣмъ не менѣе, при недостаткѣ душевной горячности въ увѣщаніяхъ, онъ не можетъ умыть руки въ неповинности и чистотѣ отъ ихъ невниманія къ заповѣдямъ евангельскимъ.

3) Увѣренность, выражаемая въ словѣ, основывается на собственномъ убѣжденіи говорящаго и надлежащемъ знаніи дѣла.

Извѣстная истина: убѣждаетъ только тотъ, кто самъ убѣжденъ. И это не потому только, что предметъ убѣжденія въ такомъ случаѣ предполагается яснымъ для самаго убѣждающаго, но, главнымъ образомъ, по нравственному вліянію воли, крѣпкой силою убѣжденія, на волю человѣка, непостояннаго въ желаніяхъ и дѣйствіяхъ. Бываетъ, что люди, и неправые въ главныхъ началахъ своего ученія и дѣятельности, но убѣжденные, хотя ложно, въ правотѣ своей, увлекаютъ за собою многихъ, не имѣющихъ другаго, равносильнаго убѣжденія: явленіе сіе не утѣшительно, но оно ясно свидѣтельствуетъ, что одинъ изъ главныхъ источниковъ убѣдительности человѣческаго слова есть сила собственнаго убѣжденія въ говорящемъ. Поэтому проповѣдникъ не можетъ надѣяться на вліяніе слова своего на волю слушателей, пока самъ не расположенъ искренно къ тому, что внушаетъ дѣлать другимъ, и не возненавидѣлъ всею душею того, отъ чего хочетъ отклонить другихъ.

Съ другой стороны, надобно глубоко знать природу падшаго и возрожденнаго человѣка вообще, и свойства, наклонности, привычки поучаемыхъ въ частности, чтобы дѣйствовать на нихъ успѣшно. Это также очевидная истина. Никакое врачество не дѣйствительно, какъ скоро оно дается не противъ врачуемой болѣзни; никто не отвѣтитъ на зовъ, пока не услышитъ собственнаго своего имени: такъ точно никого не убѣдишь, когда не знаешь, кто какого требуетъ совѣта, побужденія и проч. Св. Апостолъ говоритъ о себѣ: *быхъ всѣмъ вся, да всяко нѣкія спасу* (1 Кор. 9, 22). Св. отцы Церкви такъ хорошо знали современное имъ общество, что по ихъ бесѣдамъ и мы, лучше чѣмъ по другимъ источникамъ, можемъ познакомиться съ тогдашними нравами и обычаями народными. Отсюда, и каждому проповѣднику надобно хорошо знать, каковы его слушатели, чтобы дѣйствовать на нихъ съ желаемымъ успѣхомъ.

При недостаткѣ надлежащей увѣренности въ томъ, что проповѣдуется, по необходимости прибѣгаютъ къ искуственнымъ мѣрамъ убѣжденія, стараясь замѣнить недостатокъ яснаго и искренняго сознанія дѣла воображеніемъ, а недостатокъ духовной опытности поверхностными соображеніями. Отсюда происходитъ: а) такъ называемыя фразы (то есть, наборъ выраженій, часто звучныхъ и картинныхъ, но безъ живаго значенія, безъ живой мысли и чувства) и б) общія мѣста (то есть, описанія и доводы, взятые изъ однихъ отвлеченныхъ понятій и представленій о пред-

метахъ, или просто повторяемые за другими, и потому часто прилагаемые ко многимъ обстоятельствамъ и предметамъ, и не имѣющіе живаго приложенія ни къ одному изъ нихъ. Въ первомъ случаѣ проповѣдникъ можетъ иногда дѣйствовать на воображеніе, если владѣетъ искусствовъ передавать то, что самъ воображаетъ. Во второмъ — онъ можетъ иногда занять умъ и пробудить размышленіе, если имѣетъ навыкъ хорошо сочетавать и излагать различныя мысли, подбирать и выставлять различныя черты предметомъ. Но ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не можетъ подвигнуть слушателя къ исполненію того, что проповѣдуетъ: ибо какъ онъ самъ чуждъ и предмета и слушателя своего, потому что не сознаетъ ни значенія перваго, ни потребностей послѣдняго; такъ и слово его слышится какъ нѣчто постороннее для поучаемыхъ, потому что касается не дѣйствительнаго, а воображаемаго предмета, и относится не къ предстоящему, а къ представляемому слушателю. Таковы и есть большею частію картины суеты земной, нападенія на богатство, знатность и другія преимущества мірскія, борьба — на словахъ — съ плотію, міромъ и діаволомъ, похвала безкорыстію, самоотверженію и проч. въ проповѣдяхъ проповѣдниковъ, пишущихъ по воображенію, слуху и отвлеченнымъ понятіямъ. Отсюда слушатели, вмѣсто убѣжденія, получаютъ иногда предубѣжденіе противъ всякаго слова, касающагося подобныхъ предметовъ, между тѣмъ какъ они сами по себѣ весьма важны и принадлежатъ, можно сказать, исключительно христіанской проповѣди. Такимъ образомъ проповѣди, состоящія изъ общихъ мѣстъ и фразъ, не только безполезны, но могутъ быть даже положительно вредны для слушателей, или, по крайней мѣрѣ, для самаго проповѣдника.

Средства къ сообщенію убѣдительности проповѣдническому слову состоятъ въ самыхъ условіяхъ, при которыхъ образуется потребная къ тому сила души въ проповѣдникѣ. Въ числѣ этихъ условій одна опытность душевѣденія или ближайшее знакомство съ человѣкомъ вообще и съ паствою въ особенности можетъ пріобрѣтаться проповѣдникомъ съ помощію науки и практическаго знанія; другія же принадлежатъ къ нравственнымъ чертамъ характера, которыя раскрываются въ немъ по мѣрѣ сознанія имъ своего долга и значенія, и потому менѣе всего зависятъ отъ какого бы то ни было знанія. Итакъ остается замѣтить, гдѣ надобно искать проповѣднику основательнаго и точнаго человѣко-знанія, столько нужнаго и полезнаго ему для силы слова его.

а) Первѣе всего и здѣсь проповѣдникъ долженъ обратиться къ св. Библіи; ибо въ ней самымъ точнымъ образомъ описывается человѣкъ съ его существенными достоинствами и глубокимъ растлѣніемъ. »Кто бы и каковы бы мы ни были, въ каждомъ изъ насъ есть внутренняя неистребимая повѣрка точнаго сходства между нами и нашимъ образцемъ въ Библіи. Эта повѣрка — наша совѣсть (дѣйствующая въ страхѣ Божіемъ), или внутренній человѣкъ... Внутренній человѣкъ нашъ совершенно согласенъ съ библейскимъ: что одобряетъ или осуждаетъ послѣдній, то и первый; гдѣ по слову Божію слѣдуетъ *такъ*, тамъ и совѣсть наша говоритъ *такъ*, гдѣ *не такъ*, — *не такъ* (Чтенія о Церк. Слов. Ч. 2. стр. 50).« Поэтому св. Библія есть первый и главный источникъ душевѣденія. Послѣ Библіи важнѣйшія руководства къ тому суть писанія отеческія и особенно подвижническія. Само собою разумѣется, что при этомъ не только неизлишне, но и весьма полезно можетъ быть изученіе лучшихъ системъ антропологіи, психологіи и под. Вообще всѣ опыты

по этой части должны быть драгоцѣнны для проповѣдника и, повѣряемые церковно-библейскимъ ученіемъ, могутъ быть съ великою пользою употребляемы въ дѣло.

б) Сверхъ этого проповѣдникъ, въ качествѣ пастыря духовнаго, можетъ и обязанъ »за всякимъ своимъ прихожаниномъ смотрѣть, всякое состояніе назирать и знать совершенно и какъ бы на длани расписанное имѣть: здравъ ли пребываетъ о благодати Божіей, или болитъ грѣхомъ, и какимъ именно, и какъ давно, и сколь опасна болѣзнь, и какого именно лѣкарства требуетъ (Книг. о должн. Пресв. прих. л. 40).«

в) Наконецъ, одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ душевѣденія, и — только пастырямъ духовнымъ доступный, есть таинство исповѣди. Нѣтъ нужды и объяснять, что трудно найти другій удобнѣйшій и вѣрнѣйшій способъ къ познанію самаго *потаеннаго человѣка* нашего: пусть только проповѣдникъ пользуется этимъ способомъ какъ должно, съ полнымъ вниманіемъ и мудрою осмотрительностію, и онъ не будетъ имѣть недостатка въ духовной опытности.

Дщери іерусалимски! не плачитеся о Мнѣ, обаче себе плачите и чадѣ вашихъ: яко се дніе грядутъ, въ няже рекутъ: блажены неплоды и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша. Тогда начнутъ глаголати горамъ: падите на ны, и холмомъ: покрыйте ны. — (Лук. 23, 28).

Почему Спаситель запрещаетъ дщерямъ іерусалимскимъ плакать объ Немъ? — Божественнымъ ученіемъ, святостію жизни и чудесами Іисусъ Христосъ прославилъ на землѣ Отца небеснаго; и Его осудили какъ богохулителя. Онъ пришелъ на землю, дабы исполнить всяку правду, и смиренно подчинялся человѣческой власти; и Его приговорили къ позорной смерти какъ возмутителя. Почему же не плакать о Немъ, когда невинно проливается Его драгоцѣнная кровь? Потому, что пострадать и умереть — было непремѣннымъ и пламеннымъ желаніемъ Спасителя. Цѣль пришествія Его на землю была та, чтобы искупить родъ человѣческій отъ грѣха, діавола и смерти, — и вотъ Онъ идетъ на Голгоѳу, дабы совершить это величайшее дѣло божественной любви: *никтоже возметъ душу мою отъ Мене*, сказалъ самъ Спаситель предъ страданіемъ, *но азъ полагаю ю о Себе.*

Себе плачите, продолжаетъ Спаситель, *и чадѣ вашихъ.* Ибо причиною страданій и смерти Искупителя нашего были грѣхи рода человѣческаго, за которые правосудіе небесное требовало жертвы. Зависть книжниковъ и фарисеевъ, корыстолюбіе Іуды, легкомысліе народа, грубость воиновъ и подобныя симъ явленія, о которыхъ говоритъ намъ исторія страданій Спасителя,—суть плоды того грѣховнаго сѣмени, которое приноситъ каждый изъ насъ съ собою на свѣтъ, которое мы получаемъ отъ родителей и передаемъ чадамъ. Объ этомъ то ужасномъ развращеніи рода нашего мы должны плакать! Плачь о себѣ, завистливый, ибо твой грѣхъ присутствовалъ въ нечестивомъ совѣтѣ враговъ Христовыхъ! Плачь о себѣ, корыстолюбецъ, ибо ты въ лицѣ Іуды продалъ Христа своего! Плачь о себѣ, легкомысленный, ибо ты вмѣстѣ съ народомъ взывалъ прежде: *осанна!* а потомъ — *распни Его!*... Плачь каждый о своемъ грѣхѣ; плачь, не слезами дщерей іерусалимскихъ, а

слезами Петра и грѣшницы въ дому Симона прокаженнаго!

Но кто не знаетъ этихъ слезъ, слезъ истиннаго покаянія, тотъ будетъ плакать безутѣшными слезами отчаянія: *се дніе грядутъ*, говоритъ Господь, *въ няже рекутъ: блажены неплоды, и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша. Тогда начнутъ глаголати горамъ: падите на ны, и холмомъ: покрыйте ны.*

Слезы необходимы для грѣшника. И кто не плачетъ о грѣхахъ своихъ, тотъ будетъ плакать отъ наказаній за грѣхъ. Но какое безконечное различіе между тѣмъ и другимъ плачемъ! Это не тѣ слезы, которыя проливалъ мытарь, взывая: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному.* Это не тотъ плачь блуднаго сына, съ которымъ онъ вопіялъ: *Отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою.* Это не то раскаяніе, которое трогаетъ сердце Отца небеснаго и располагаетъ его къ прощенію. Но плачъ безутѣшный, на который никто не отзовется; ибо сказано о грѣшникѣ, что онъ напрасно будетъ взывать *горамъ: падите на ны, и холмамъ: покрыйте ны.*

Еще не пришло время этого страшнаго плача; еще глаза наши не закрылись для слезъ покаянія. Плачь же, грѣшникъ, этими сладкими слезами, чтобы не плакать послѣ горькими слезами отчаянія!

О, какъ часто мы стоимъ въ глубокой скорби у ложа больнаго и плачемъ горькими слезами у гробовъ нашихъ ближнихъ! Почему-же не плачемъ о своей смертельной болѣзни? Не плачемъ при мысли о той духовной смерти, которая уготовляется нераскаянному грѣшнику? Почему другія слезы такъ нерѣдки, а рѣдки слезы Петра и подобныхъ кающихся?

Господи Боже! Сердце мое окаменѣло и неспособно источать слезъ покаянія. Сокруши его своею благодатію, и дай мнѣ сердце плотяное! »Даруй мнѣ *печаль, яже по Бозѣ*, и да произведетъ она во мнѣ *покаяніе нераскаянно во спасеніе!*«

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 18-го Февраля 1858 года.

Цензоръ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Петръ.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 50.

НЕДѢЛЯ ВАІЙ.

16 Марта 1858 г.

Гласъ 1-й.

На утрени евангеліе Матѳ. зач. 83. На литургіи: апост. Филип. зач. 247, евангел. Іоан. зач. 17.

СВЯТАГО ЕПИФАНІЯ, ЕПИСКОПА КИПРСКАГО,

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ВАІЙ (*).

Радуйся зѣло дщи Сіоня, утѣшайся, красуйся и веселись, вся Церковь Божія! Вотъ Царь твой опять приходитъ къ тебѣ; вотъ Женихъ твой грядетъ къ тебѣ, сѣдя на жребяти, какъ на престолѣ. Изыдемъ во срѣтеніе Ему; поспѣшимъ узрѣть славу Его; поспѣшимъ съ радостію почтить входъ Его. Паки спасеніе міру; паки Богъ грядетъ на крестъ; паки Царь Сіона, Чаяніе языковъ идетъ въ Сіонъ; паки даруется спасеніе міру; паки ниспосылается свѣтъ; паки разсѣевается заблужденіе; паки процвѣтаетъ истина; паки ликуетъ Церковь.

Христосъ грядетъ, сѣдя на жребяти, какъ на престолѣ. Веселитесь небеса, пѣснословьте ангелы, радуйтесь горы, взыграйте холмы, восплещите рѣки. Живущіе въ Сіонѣ ликуйте, Церкви радуйтесь, священники пойте хвалебныя пѣсни, пророки предъидите, ученики проповѣдуйте, люди исходите въ срѣтеніе, старцы стекайтесь, матери ликуйте, ссущіе младенцы пойте, юноши восклицайте, народы соединитесь.

Вся тварь, все естество, всякое состояніе, всякое дыханіе, вся земля, всякій чинъ, всякій возрастъ, всякое начальство, всякое царство — всѣ встрѣтимъ Царя царей достойно Царя; поклонимся Господу господей достойно Бога; будемъ ликовать Жениху нетлѣнія достойно божественнаго Жениха; въ ве-

(*) Сокращено.

селіи возжемъ свѣтлые свѣтильники; измѣнимъ одежды душъ достойно Бога, исправимъ пути жизни; отверземъ Царю входы душъ: изнесемъ вѣтви побѣды Побѣдителю смерти, боголѣпно потрясая масличными вѣтвями Тому, кто есть Вѣтвь отъ Маріи; воспоемъ Богу ангеловъ пѣснопѣнія ангеловъ; возвысимъ боголѣпно голосъ свой съ младенцами. Народы! воскликнемъ съ народомъ пѣснь народа: *Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне. Богъ Господь и явися намъ*, — явился — угнѣтенныхъ отмщеніе; явился — погибшихъ избавленіе; явился — отчаянныхъ утѣшеніе; явился — раздѣленныхъ соединеніе; явился — больныхъ исцѣленіе, явился — обуреваемыхъ тишина. Посему и мы, народы, съ народомъ воскликнемъ нынѣ Христу, говоря: *Осанна*, то есть спаси насъ, *въ вышнихъ* Боже!

О новое, неслыханное событіе и чудо! Христосъ вчера воздвигъ изъ мертвыхъ Лазаря, а нынѣ Самъ грядетъ на смерть. Вчера Онъ, какъ Жизнь, даровалъ жизнь другому; а нынѣ Живодавецъ Самъ идетъ принять смерть. Вчера Онъ разрѣшилъ погребальныя пелены Лазаря; а нынѣ Самъ добровольно идетъ, чтобы быть связаннымъ погребальными же пеленами. Вчера извелъ человѣка изъ тьмы; а нынѣ Самъ идетъ, дабы ради человѣка быть положеннымъ во мракъ и въ тѣнь смерти. Вчера, прежде шести дней Пасхи, Онъ тридневный шелъ, чтобы оживотворить четверодневнаго, и возвратить двумъ сестрамъ одного брата; а нынѣ Самъ идетъ на крестъ. Но Маріи Христосъ даровалъ четверодневно лежавшаго во гробѣ, а Церкви — Себя тридневнаго. Тамъ удивляется одна Виѳанія, здѣсь празднуетъ вся Церковь. — Она празднуетъ, имѣя среди себя Царя безплотныхъ духовъ, какъ своего Жениха и вмѣстѣ своего Царя. Она совершаетъ сіе празднество, какъ плодоносная масличная вѣтвь въ дому Божіемъ, многолиственная и тѣнистая; совершаетъ празднество, какъ весенняя лилія, процвѣтающая въ раю. Въ ней Христосъ, какъ истинно цвѣтущій кринъ, не судитъ, но спасаетъ міръ; въ ней Христосъ, какъ истинная фіалка, врачуетъ немощи болящихъ; въ ней Онъ, какъ виноградная лоза по слову Его: *Азъ есмь лоза истинная* (Іоан. 15, 1); въ ней Онъ, какъ маслина, милостію умащающая уповающихъ на Него; въ ней Онъ, какъ предвѣчная вѣтвь, произросшая изъ корня Іессеева невоздѣланно и безъ сѣмени человѣческаго; въ ней Онъ, какъ неизсякаемый источникъ; въ ней не Фисонъ, Геонъ, Тигръ и Евфратъ, но Матѳей, Маркъ, Лука и Іоаннъ напаяютъ рай Церкви Христовой.

Здѣсь мы, новый народъ, подобный плодовитой масличной вѣтви, всѣ нынѣ, съ масличными вѣтвями въ рукахъ, молимся милосердому Христу. Насажденные въ дому Божіемъ, подобно весеннимъ растѣніямъ, процвѣтая во дворахъ Его, совершаемъ празднество, видя, что зима закона прошла. Празднуй Церковь Христова, ликуя не образно и тѣлесно, но духовно. Торжествуй сіе празднество, видя паденіе идоловъ и возстаніе церквей. Ибо теперь я могу воззвать къ тебѣ священнымъ и возвышеннымъ гласомъ Павла: *древнее прошло, теперь все новое* (2 Кор. 5, 17), и, сверхъ того, удивительное. По сему радуйся во Господѣ, радуйся новый народъ Христовъ. Радуйся Церковь Христова, возвеселись и возрадуйся дщерь Божія; ибо вся слава, внутренняя и внѣшняя, принадлежитъ тебѣ, какъ дщери Царя Христа. Ты уже не вдовица, но красующаяся невѣста Божія. Ты уже стоишь не ошую Бога за идолопоклонство, но одесную Его, украшенная боговѣдѣніемъ. Ты уже не рабской крови, но запечатлѣна кровію Божественною.

Зрите благодать дня! Зрите свѣтлость

празднества! Посему, братія, какъ нѣкогда народъ, пришедшій на праздникъ, изыдемъ нынѣ во срѣтеніе Ему всѣ: міръ видимый и невидимый, предшествующіе по времени пророки и учители, слѣдующіе за жребятемъ, согласно вѣрующіе въ Бога. Нынѣ все небесное съ земнымъ и преисподнимъ да славословитъ; всѣ уста и всякое дыханіе да отверзаются для прославленія Божія. Херувимы да восклицаютъ: святъ, святъ, святъ, трисвятый Господь воиновъ, полны небеса и земля славы Его. Серафимы да славословятъ; пророки да проповѣдуютъ. Одинъ пусть скажетъ: *да возвеселятся небеса, и радуется земля* (Пс. 95, 11); другой: *радуйся зѣло дщи Сіоня, проповѣдуй дщи Іерусалимля* (Зах. 9, 9); иной, взирая на Царя Христа, да восклицаетъ: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29); а иной да проповѣдуетъ о Господѣ нашемъ: *сей Богъ нашъ, не вмѣнится инъ къ Нему* (Вар. 3, 36); иной же: *се Мужъ* и вмѣстѣ Богъ, *Востокъ имя Ему* (Зах. 6, 12). И Давидъ, взирая на Христа, который имѣлъ произойти отъ него по плоти, да скажетъ: *Богъ Господь, и явися намъ* (Пс. 117, 27). И въ другомъ мѣстѣ, преклоняя колѣна, опять да возгласитъ Христу: *вся земля да поклонится Тебѣ* (Пс. 65, 4); и опять да увѣщеваетъ народъ, говоря: *составите праздникъ во учащающихъ до рогъ олтаревыхъ* (Псал. 117, 27).

Такъ праздновалось и прежде вшествіе Господа на жребяти въ Сіонъ! Вездѣ слышались согласныя пѣнія народовъ; вездѣ лики отцевъ, собранія святыхъ, духи пророковъ, отроки евреевъ, младенцы матерей, множество ангеловъ. Одни распростирали свои руки; другіе держали пальмовыя вѣтви; иные слѣдовали сзади, иные рѣзали вѣтви, иные сплетали масличныя лѣторасли; одни отвязывали жребя, другіе постилали одежды; одни отворяли врата, другіе очищали пути; одни уготовляли жребя, другіе возвѣщали побѣду; иные потрясали вѣтвями, иные же говорили младенцамъ: хвалите отроки Господа, и дѣти отвѣчали: *осанна, благословенъ грядый во имя Господне!*

Вотъ новое, неслыханное событіе и чудо въ семъ праздникѣ! Дѣти исповѣдуютъ Христа Богомъ: ибо хотя Христосъ возсѣдитъ на чувственномъ жребяти, но Онъ никогда не удаляется отъ нѣдръ Отца; и хотя Онъ сидитъ на молодомъ ослѣ, но не оставляетъ и херувимскаго престола; напротивъ, какъ долу съ плотію Онъ присущъ смертнымъ, такъ точно горѣ Онъ съ Отцемъ, какъ неложный и истинный Богъ, Вседержитель, Владыка міра и народовъ, истинный Богъ и Владыка и Насадитель, Путеводитель и Спаситель всѣхъ. Онъ входитъ въ дольный Іерусалимъ, не удаляясь отъ горняго; Онъ творецъ вѣковъ, отъ вѣковъ и во вѣки; Онъ распростеръ небо; Онъ ходилъ по морю, какъ по сушѣ; Онъ обвилъ море туманомъ, какъ пеленами; Онъ положилъ людямъ границы; Онъ указалъ морямъ предѣлы; Онъ разширилъ землю, ни на чемъ не утвердивъ ее; Онъ премудро положилъ мѣру смѣшенію стихій; Онъ одѣлъ красотою растѣнія; Онъ простеръ небо, какъ одежду, и украсилъ его яркими свѣтилами. Его боятся херувимы и трепещутъ серафимы. Его воспѣваетъ солнце, Его прославляетъ луна, Его хвалятъ звѣзды, Ему служатъ источники, Его страшатся бездны, Его боится преисподняя, Ему покорны киты, предъ Нимъ трепещутъ драконы, Ему служатъ дожди, предъ Нимъ благоговѣютъ вѣтры. Онъ создалъ естество вещей, распредѣлилъ творенія и устроилъ порядокъ. Онъ Творецъ всего горняго и дольняго, Богъ Господь нашъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ПОЧИВШАГО ВЪ БОЗѢ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ФИЛАРЕТА МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО.

Святый апостолъ Павелъ, заповѣдая христіанамъ *поминать наставниковъ, иже глаголаша намъ слово Божіе*, внушаетъ въ особенности, *взирая на скончаніе жительства ихъ, подражать вѣрѣ ихъ* (Евр. 13, 7). Это, конечно, потому, что хотя во всемъ житіи праведныхъ мужей является вѣра, какъ главная сила ихъ одушевляющая и въ нихъ дѣйствующая, съ плодами благихъ дѣлъ, ею произращаемыми, почему и все оно можетъ и должно быть образцомъ для подражанія: но въ скончаніи житія преимущественно является въ нихъ сія вѣра во всей своей чистотѣ, полнотѣ и дѣйственности, безъ всякой примѣси и поддѣлки, является съ плодами, вполнѣ зрѣлыми и богоугодными.

Такъ и почившій въ Бозѣ незабвенный Архипастырь Кіева, преосвященный Митрополитъ Филаретъ во все продолженіе своей долголѣтней жизни, сорокъ почти лѣтъ стоя на свѣщницѣ Церкви православной въ высокомъ санѣ святительскомъ, являлъ въ себѣ всегда образецъ истинной *вѣры, чистой и нескверной предъ Богомъ и Отцемъ, исполненной милости и плодовъ благихъ* (Іаков. 1, 27. 3, 17): но въ скончаніи житія его эта вѣра, его одушевлявшая, явилась наипаче въ яркомъ свѣтѣ и представила въ немъ особенно высокій образецъ мужа богоугоднаго, вполнѣ созрѣвшаго для жизни вѣчной. Кончина его — кончина истиннаго праведника, а потому драгоцѣнны и въ высшей степени поучительны подробности оной, равно какъ и всѣхъ послѣднихъ дней его.

Имѣвъ отъ природы крѣпкое тѣлосложеніе и сохранивъ свои физическія силы отъ всякаго преждевременнаго разстройства и истощенія строгою, воздержною и правильною жизнію, какую всегда велъ отъ самаго ранняго дѣтства, Архипастырь и въ глубокой старости былъ неутомимъ какъ въ трудахъ святительскаго служенія, такъ и въ подвигахъ иноческой жизни, и выносилъ эти труды и подвиги съ удивительною бодростію, укрѣпляемый помощію свыше и необычайною силою духа въ немощахъ плоти, изнуренной преклонностію лѣтъ. Только съ 1853 года, и въ особенности послѣ тяжкой болѣзни, постигшей его въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1855 года, онъ видимо сталъ изнемогать и подвергаться частымъ недугамъ, которые каждый разъ встрѣчалъ какъ предвѣстниковъ кончины, переносилъ съ изумительнымъ терпѣніемъ и благодушіемъ, и радовался при мысли, что они приближаютъ вожделѣнный для него часъ преложенія въ жизнь вѣчную. Какъ зрѣлый плодъ самъ собою спадаетъ съ дерева, готовый для житницы: такъ и душа Архипастыря, созрѣвшая въ подвигахъ вѣры и благочестія, естественно стремилась въ житницу небесную, подобно душѣ Псалмопѣвца, который говоритъ: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже. Когда пріиду и явлюся лицу Божію* (Пс. 41, 2. 3)? или душѣ великаго Апостола, который писалъ: *желаю разрѣшитися и со Христомъ быти. Мнѣ еже жити — Христосъ, а еже умрети пріобрѣтеніе есть* (Фил. 1, 21. 23). »Кто это держитъ меня здѣсь«? — говорилъ часто Архипастырь въ постигавшихъ его недугахъ; или же обращался къ приближеннымъ своимъ съ такими словами: »Не держите меня, отпустите меня; вѣдь я совсѣмъ уже приготовился отойти ко Христу Спасителю. Я не хочу умирать, а хочу вѣчно жить. Храмина тѣла моего видимо разрушается. Вотъ и ноги отказываются ходить, и руки дѣлать, и голова работать, а душа радуется, и желала бы хоть сей часъ разрѣшиться. Слава Богу

за все! Довольно было съ меня пожить. Уповаю на милость Его, что тамъ будетъ мнѣ хорошо. Духъ мой стремится изъ узъ плоти, и все земное для меня уже чуждо; отъ того и тѣло мое такъ утончилось и исхудало. Какъ женихъ съ нетерпѣніемъ ждетъ брачнаго дня для соединенія съ невѣстою, такъ и я жду и желаю разрѣшиться отъ этой жизни. Я также поступилъ бы съ смертію, какъ Игнатій Богоносецъ, который, бывъ приговоренъ къ снѣденію звѣрями, говорилъ: если звѣри пощадятъ меня, я нарочно раздражу ихъ«.

Впрочемъ, при столь пламенномъ желаніи разрѣшиться отъ узъ плоти, преданный вполнѣ въ волю Господню, въ рукахъ коего жребій нашъ и у коего изчислены мѣсяцы и дни жизни нашей, Архипастырь былъ готовъ и еще нести тяжкое для него бремя сей временной жизни, если то Господу уголно, и потому никогда не отвергалъ медицинскихъ пособій, но принималъ всѣ средства, предписываемыя ему въ болѣзни врачами съ совершенною покорностію. »Вы дѣлайте свое дѣло, говорилъ онъ имъ, и я готовъ и буду все исполнять. Душа моя жаждетъ разрѣшенія, и никто мнѣ не воспретитъ сего: но я готовъ и жить еще — изъ послушанія, если то Господу Богу угодно«. Сила духа его, подкрѣпляемая благодатно молитвою и причащеніемъ св. Таинъ, съ 1-го Августа 1854 года ежедневнымъ, (*) все еще торжествовала надъ немощію плоти, возстановляла его здоровье, и онъ снова старался по прежнему и дѣлами заниматься неопустительно, и часто служить и не оставлять своего обычнаго келейнаго правила. Какъ укрѣпляли и придавали ему жизни молитва и причащеніе св. Таинъ, это самъ онъ высказывалъ приближеннымъ съ особеннымъ чувствомъ умиленія. »Меня поддерживаетъ теперь, говорилъ онъ, и въ физическихъ силахъ только молитва. Встанешь поутру и чрезъ силу движешься; но возмешься за молитву, и оживешь, станешь бодрѣе и сильнѣе. Прежде я вставалъ въ четыре часа, потомъ въ три, въ два, а теперь встаю уже въ часъ. Нѣтъ сна; но за то я имѣю занятіе самое пріятнѣйшее для меня,— молитвенное правило мое, которое продолжается три часа. Послѣ него утомившись, я отдохну нѣсколько предъ обѣднею, а тамъ обѣдня и причащеніе св. Таинъ. Эти часы такъ отрадны мнѣ, что я не промѣняю ихъ ни на какое царство. И скуки нѣтъ для меня въ безсонницу. За тѣмъ пойдутъ уже тяжелые для меня часы земныхъ занятій и суеты.« »Вотъ что поддерживаетъ мой духъ: это причащеніе божественныхъ Таинъ тѣла и крови Христовой. О, какое это дивное руководство къ богословію, къ истинному уразумѣнію таинъ вѣры и спасенія! Можно о всемъ читать, доходить до познанія истины размышленіемъ: но это все не то. Божественныя тайны очищаютъ, освящаютъ и просвѣтляютъ душу; въ нихъ тайна спасенія самымъ дѣломъ совершается и какъ бы воплощается. Вотъ, слава Богу, я уже сорокъ мѣсяцевъ познаю это ежедневнымъ опытомъ. Это жизнь души; а безъ этого я не знаю, какъ бы и жить въ такія лѣта«. Опасаясь, чтобы по немощи его не было какого опущенія въ дѣлахъ епархіальнаго управленія, хотя до послѣднихъ дней онъ всегда твердо держалъ ихъ въ рукахъ, онъ иногда приходилъ къ мысли просить увольненія на покой. »Тяжело, говаривалъ онъ, до крайности носить мнѣ бремя службы. Такъ мнѣ все наскучило. Отраднаго такъ мало во всемъ. Какъ бы хорошо совсѣмъ удалиться въ Голосѣево и посвятить себя единому Хри-

(*) Побужденіемъ къ принятію на себя этого подвига была ревность — въ тогдашнихъ военныхъ обстоятельствахъ отечества усилить свои молитвы за него; въ послѣдствіи это сдѣлалось необходимою духовною потребностію его.

сту Спасителю! Вкусивъ сладости общенія съ Нимъ, крайне горько отрываться отъ Него какими бы то ни было житейскими дѣлами. Я вступилъ уже на этотъ путь; сходить съ него уже не могу, да и не захочу ни за какія блага«. Не разъ приготовлялъ онъ и прошеніе объ увольненіи на покой. Но сперва тяжкія обстоятельства отечества съ 1853—по 1856 годъ, а потомъ — увѣренность, что и безъ того Господь позоветъ его скоро на вѣчный покой, удерживали его отъ исполненія сего намѣренія. »Нѣтъ, говорилъ онъ, видно уже до конца висѣть мнѣ на крестѣ. И Христу Спасителю говорили: сниди со креста, но Онъ не сошелъ, а оставался на немъ, пока Его сняли. Такъ и я часто слышу эти слова: сниди со креста — вопіютъ иногда дѣла, а иногда собственное нетерпѣніе. Но я положилъ уже висѣть, пока снятъ буду. Теперь уже не къ чему; быть можетъ не долго. Я вижу, Господь скоро позоветъ меня къ Себѣ« (*).

Такая увѣренность Архипастыря не обманула его. Насталъ 1857 годъ. Онъ встрѣтилъ его на болѣзненномъ одрѣ, и чаще прежняго повторялъ что этотъ годъ вѣрно уже послѣдній для него. Недуги его, въ самомъ дѣлѣ, чаще повторялись, и силы все болѣе и болѣе ослабѣвали. Не чувствовалъ онъ обычнаго прежде оживленія ихъ и въ Голосѣевой Пустыни весною и лѣтомъ. Не могъ совершать тамъ и прежнихъ прогулокъ; все казалось ему, что проводитъ тамъ послѣднее лѣто (*), говорилъ, что души его уже не занимаетъ ничто и въ этомъ, столь любимомъ имъ, мѣстѣ. Сильно озабочивала его только мысль объ обѣщанномъ въ семъ году посѣщеніи Кіева Ихъ Императорскими Величествами, и онъ высказывалъ живѣйшее желаніе дожить до этого времени и принять какъ можно лучше вожделѣнныхъ Гостей. Желаніе это исполнилось. Съ какимъ нетерпѣніемъ и заботливостію онъ ожидалъ Царственныхъ Поклонниковъ, съ такою же потомъ радостію и пламеннымъ усердіемъ встрѣтилъ Ихъ, и съ удивительною по лѣтамъ его и состоянію здоровья, бодростію и неутомимостію руководилъ по святымъ мѣстамъ Лавры и Кіева. А по отбытіи Высочайшихъ Гостей, долго самымъ пріятнѣйшимъ предметомъ бесѣдъ его было воспоминаніе о Нихъ. Съ живѣйшимъ восторгомъ всегда говорилъ онъ о глубокомъ благочестіи Царственныхъ Богомольцевъ, какое явили Они во время пребыванія въ Кіевѣ, и радовалась душа его при мысли, какой прекрасный примѣръ въ этомъ поданъ Ими всей православной Руси, и какъ благословлять будетъ Ихъ за сіе благочестивый народъ Русскій. Утѣшался онъ и мыслію о чрезвычайной благости и вниманіи, какихъ удостоивался самъ онъ отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ. »Хотѣлось говорилъ онъ, непремѣнно дождаться и видѣть въ Кіевѣ Ихъ Величества: это исполнилось. Теперь можно бы и »Нынѣ отпущаеши« пропѣть мнѣ«. Такъ и совершилось! Трудъ, подъятый во время сіе Архипастыремъ, и изумительная бодрость, съ какою онъ понесъ сей трудъ, были напряженіемъ послѣднихъ жизненныхъ силъ его, послѣ котораго насталъ совершенный упадокъ ихъ. Въ томъ же мѣсяцѣ заболѣлъ онъ, и хотя скоро опра-

(*) Въ кабинетномъ календарѣ его за 1855 годъ противъ 20 числа Ноября написано его рукою: »Получилъ радостную вѣсть объ отшествіи моемъ ко Христу въ жизнь вѣчную«. Въ послѣдствіи онъ сказывалъ, что въ ночь того числа видѣлъ во снѣ покойнаго старца о. Парѳенія, который будтобы служилъ вмѣстѣ съ нимъ Литургію. Когда же старецъ подошелъ къ престолу и Архипастырь, держа чашу, полную св. Крови, причастилъ его, то сказалъ ему: »Потерпи Владыко святый; и тебя Господь скоро возметъ къ Себѣ«.

(*) Пріѣзжай завтра на служеніе въ пустынь,— писалъ онъ отъ 17 Августа къ.... ; можетъ быть въ послѣдній разъ, а навѣрное въ нынѣшнемъ годѣ«.

вился, но такъ сдѣлался воспріимчивъ къ самымъ малымъ перемѣнамъ воздуха, что выѣздъ изъ дома на самое краткое время и при всѣхъ предосторожностяхъ подвергалъ его простудѣ. Потому онъ до самой уже кончины не выѣзжалъ никуда рѣшительно. Впрочемъ во всѣ воскресные дни и праздники служилъ неопустительно въ теплой церкви.

Въ такомъ положеніи Архипастыря наступило 1-е Декабря — день Филарета Милостиваго, его ангела. Издавна онъ имѣлъ обычай проводить день сей въ молитвенномъ безмолвіи, уединяясь почти каждый годъ въ Голосѣеву Пустынь и уклоняясь отъ всѣхъ привѣтствій и пріемовъ. Теперь не могъ онъ отправиться туда; при томъ день былъ воскресный. Предложено было ему общее желаніе видѣть и привѣтствовать его въ этотъ день всѣмъ. Но онъ не согласился. »Буду, говорилъ, праздновать день своего ангела, по прежнему обычаю, въ совершенномъ уединеніи, и для сего удалюсь на весь день на ближнія пещеры къ Преподобнымъ; это лучше, — ибо сказано: съ преподобными преподобенъ будеши«. Такъ и было: отслуживъ въ св. пещерахъ въ церкви преподобнаго Антонія, а потомъ поклонившись св. угодникамъ въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ, онъ провелъ остальное время дня до вечера въ келліяхъ покойнаго старца Іеросхимонаха Парѳенія, и только къ вечерней службѣ возвратился въ Лавру въ свои покои. Послѣ службы, когда ближайшіе къ нему лица привѣтствовали его со днемъ ангела и изъявляли обычныя желанія, чтобы Господь далъ паствѣ Кіевской еще впредь праздновать день сей, онъ отвѣчалъ: »Нѣтъ, благодарю за такое желаніе. Не хочу, чтобы оно исполнилось. Вѣдь это въ 60-й уже разъ я праздную нынѣшній день. Можетъ быть въ цѣлой Россіи нѣтъ такого монаха, который бы сравнялся со мною лѣтами въ монашествѣ. Вѣрно этотъ день уже не повторится для меня. Да признаться, выходя изъ святыхъ пещеръ, я, припавъ ко гробу преподобнаго Антонія, такъ усердно помолился ему, чтобы онъ принялъ меня къ себѣ въ небесныя обители, что, думаю, онъ услышалъ и исполнитъ мою молитву«. Въ самомъ дѣлѣ, въ это время, по всей вѣроятности, положено было начало въ немъ той болѣзни, которая въ послѣдствіи оказалась смертельною, хотя и не вдругъ обнаружилась въ своей силѣ. И самъ онъ чувствовалъ это и высказывалъ, что точно 1-го числа получилъ болѣзнь и ее послали ему преполобные Отцы. Утромъ на другой день вручена была Архипастырю телеграфическая депеша съ поздравленіемъ ко дню Ангела отъ Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Маріи Александровны, и съ вопросомъ о состоянія здоровья (*). Съ живѣйшимъ чувствомъ благоговѣнія и благодарности за такое Высочайшее благоволеніе, прочиталъ онъ депешу и сказалъ при этомъ: »чудное дѣло! я и во снѣ видѣлъ, что получилъ депешу и былъ радъ. Какое сочувствіе! Но я же и молюсь много за Государя, Государыню и Чадъ Ихъ«. Тогда же надиктована была имъ и отправлена отвѣтная депеша, съ изъявленіемъ всеподданнѣйшей благодарности и присовокупленіемъ, что и послѣднія силы посвящаетъ служенію, священнодѣйствію, молитвѣ, службѣ.

6-го числа, въ день святителя Николая и тезоименитства Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, Архипастырь въ послѣдній разъ совершалъ божественную литургію въ теплой церкви. Послѣ ней, по обычаю, принималъ

(*) Получена 1-го вечеромъ въ 9 часовъ, когда Архипастырь уже затворился для совершенія своего вечерняго молитвеннаго правила и сна, потому и не могла быть подана ему тогда же.

посѣтителей, и никакой особенной перемѣны въ состояніи его здоровья не было замѣтно. Но 7-го числа съ самаго утра онъ почувствовалъ простуду; жаловался на кашель, головную боль и ознобъ, и слегъ въ постель. Въ прежнія болѣзни свои сдѣлавъ уже различныя распоряженія благотворительныя, онъ и теперь первѣе всего занятъ былъ мыслію: чтобы еще сдѣлать добраго. »Хочу, говорилъ онъ, тысячу рублей серебромъ передать Лаврѣ съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы были раздаваемы всегда нищимъ въ день моей кончины. Думаю, что это будетъ хорошо. Кто получитъ хоть малую частицу изъ этого, все перекрестится и скажетъ: дай Богъ ему вѣчную память! Упокой душу его«! Распоряженіе сіе было немедленно исполнено. 8-го числа въ воскресенье не могъ служить, и послѣ ночи, проведенной безъ сна, продолжалъ быть въ постели, но не оставилъ обычнаго своего молитвеннаго правила, хотя и не самъ читалъ оное, а слушалъ отъ іеромонаха, къ ранней же литургіи выходилъ самъ въ церковь для причащенія св. Таинъ. Приглашенные врачи нашли, что у него катарръ и приписали нужныя средства. Болѣзнь уступила имъ и здоровье Архипастыря видимо возстановлялось, хотя предчувствіе, что конецъ его близокъ, не оставляло его и становилось сильнѣе и сильнѣе. Чаще прежняго повторялъ онъ слова: »храмина тѣла моего разрушается... Не удерживайте меня, отпустите меня. Возьмите себѣ землю и дайте мнѣ небо На что я вамъ? Кому нуженъ?« Когда замѣтили ему, что жизнь его еще нужна и драгоцѣнна для многихъ, особенно для бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ, — онъ отвѣчалъ: »Да, правда, многіе кричатъ за меня, особенно бѣдные. Заболю, — начинаютъ молиться. Видно крикъ этотъ доступенъ къ Богу и имѣетъ силу. Видно Господь слышитъ этотъ крикъ. Когда я выхожу и они видятъ, что я едва двигаюсь, то они начинаютъ кричать: поддержи тебя, Господи! Продли твою жизнь, Господи! Вотъ я взялъ къ празднику жалованье, все пятачками, гривенниками, четвертаками, — до праздника всѣ разойдутся.« Видно было, что душа его чувствовала живѣйшую отраду въ творимой имъ ежедневно милостыни, и еще здѣсь предвкушала то блаженство, которое обѣщано въ евангеліи милостивымъ. Занятый мыслію объ отшествіи, онъ сказывалъ тогда же различныя распоряженія на случай своей кончины. Имѣвъ правиломъ ежедневно читать св. Евангеліе и отдыхать душею на семъ чтеніи между обычными занятіями дневными (*), Архипастырь и въ болѣзненномъ, полусонномъ забытьи видѣлъ себя за этимъ, любимымъ для него, занятіемъ.. »Я обыкновенно читаю Евангеліе, говорилъ онъ; теперь и во снѣ часто будто вижу предъ собой Евангеліе, читаю будто и, окончивъ чтеніе, хочу поцѣловать слова св. Евангелія, гдѣ имя Іисуса Христа или другое изъ именъ божественныхъ. Но только что стану наклоняться, тотчасъ просыпаюсь, и смотрю — Евангелія нѣтъ. Иногда представляю, будто служу, молюсь. Такъ то — что душа любитъ наяву, тѣмъ занята бываетъ и во снѣ«. И такъ то — можно прибавить — у людей глубоко благочестивыхъ самыя сонныя мечтанія лучше бодрственной жизни людей, преданныхъ плоти и міру и живущихъ только одними земными предметами! У сихъ послѣднихъ душа и во снѣ дѣйствуетъ безпорядочно и носится въ области только плотскаго и чувственнаго міра; а у тѣхъ она стремится и входитъ въ ближайшее общеніе съ міромъ духовнымъ и износитъ нерѣдко оттуда впечатлѣнія святыя и внушенія благодатныя. 12-го числа Архипастырь былъ уже въ состояніи

(*) Для сей цѣли въ кабинетѣ Архипастыря всегда находилось на особомъ столикѣ раскрытое Евангеліе.

самъ совершить келейное правило свое, а 13-го и 14-го утромъ занимался дѣлами обычными, принималъ съ докладами, подписывалъ бумаги и чувствовалъ, что болѣзнь его какъ будто совсѣмъ прошла.

Но — это былъ не конецъ болѣзни, а краткое время, на которое она уступила остаткамъ жизненныхъ силъ, еще бывшихъ въ его организмѣ, и дала имъ вспыхнуть въ послѣдній разъ, при помощи принятыхъ благовременно медицинскихъ пособій. Скоро въ слѣдъ за тѣмъ она возобновилась со всею силою и сдѣлалась смертельною, продолжавшись ровно семь дней. И это была истинная страстная седмица Архипастыря, въ которую онъ, любя во всю жизнь ежедневно и сженощно воспоминать молитвенно спасительныя страсти Христовы, ближайшимъ и пріискреннѣйшимъ образомъ пріобщился оныхъ и, по собственному выраженію его, какъ жилъ всегда на крестѣ, такъ и умеръ на крестѣ (*). И изумительны были его терпѣніе, благодушіе, младенческая кротость и безропотность, съ какими онъ переносилъ предсмертныя страданія до послѣдней ихъ минуты, не обнаруживъ ни тѣни какого либо неудовольствія или ропота на кого либо или на что либо; поразительна была и сила духа его, сила вѣры и упованія, съ которыми онъ безтрепетно встрѣчалъ смерть лицемъ къ лицу и, не смотря на всю болѣзненность ея, ждалъ ее какъ ангела — утѣшителя. Нельзя было не удивляться также и тому, какъ сохранилась у него до послѣдняго часа вся сила сознанія, самаго яснаго и бодрственнаго, и даже цѣлость чувствъ зрѣнія и слуха, при всемъ томъ болѣзненномъ сотрясеніи, какому подвергся организмъ его въ семъ тяжкомъ недугѣ. Того же 14 числа вечеромъ Архипастырь подвергся сильнѣйшему припадку болѣзни: онъ вдругъ почувствовалъ крайнее стѣсненіе въ груди, кашель, боль въ желудкѣ, сильный жаръ во всемъ тѣлѣ до того, что былъ весь въ огнѣ и по временамъ забывался, — спрашивалъ: »не былъ я нынѣ въ пещерахъ«? воображалъ утро, тогда какъ былъ вечеръ. Но и при этомъ забытьи, не смотря на тяжкія страданія, помнилъ существенное: когда прибывшіе врачи предлагали принять лекарство, онъ долго отказывался, говоря: »не стану; вотъ пріобщусь, тогда стану принимать лекарства«. И только тогда, какъ увѣрили его, что еще вечеръ, а не утро, и лекарства не помѣшаютъ причаститься, принялъ оныя. Ночь проведена безъ сна и тяжело, хотя медицинскія пособія, оказавшія вскорѣ свои дѣйствія, и облегчили нѣсколько болѣзнь. Впрочемъ послѣ полуночи, выслушано имъ правило ко святому причащенію, а утромъ 15-го числа въ обычный часъ (7-й) онъ одѣлся и вышелъ съ великимъ усиліемъ къ литургіи, и причастился, по обычаю, въ маломъ архіерейскомъ облаченіи, въ алтарѣ. Послѣ литургіи чувствовалъ себя нѣсколько лучше, но потомъ во весь день былъ очень слабъ и пищи не принималъ никакой, требуя только питья для утоленія палившей его жажды. Съ приходившими для посѣщенія его почти не могъ говорить и только повторялъ: »человѣкъ яко трава... Отпустите меня... кто меня удерживаетъ?... Желалъ бы скорѣе пропѣть: Нынѣ отпущаеши... Душа стремится... Но — воля Божія«! А ближайшимъ домашнимъ своимъ говорилъ: »готовьте меня къ погребенію; я отойду отъ васъ.« Къ вечеру того дня жаръ, повидимому, уменьшился; но всю ночь на 16 число провелъ безъ сна; послѣ полуночи опять слушалъ правило ко причащенію, а утромъ опять для причащенія св. Таинъ выходилъ къ литургіи и причащался въ алтарѣ въ полуоблаченіи. Прибывшіе

(*) О многихъ и тяжкихъ скорбяхъ своихъ, какія испыталъ въ жизни, упоминаетъ Архипастырь и въ духовномъ завѣщаніи своемъ, благодаря Бога, что помогъ ему перенесть ихъ.

вскорѣ врачи нашли, что болѣзнь усилилась и внутренній жаръ сталъ сильнѣе: оказались ясные признаки воспаленія въ правомъ легкомъ. Были приписаны и употреблены немедленно надлежащія средства, а между тѣмъ видя, что напряженныя движенія больнаго для слушанія литургіи и причащенія, а также то, что съ 12-го часа ночи, готовясь ко причащенію, онъ не принималъ не только лекарствъ, но никакого питья, ни даже простой воды для утоленія палящаго его жара, врачи просили его поберечь себя всячески отъ малѣйшаго движенія съ постели и утолять жажду послѣ полуночи хотя святою водою. Тяжелы были душѣ Архипастыря эти требованія, но первому онъ покорился, чувствуя и самъ, что не въ состояніи уже ходить въ церковь для причащенія и рѣшился причащаться съ сихъ поръ во внутреннихъ своихъ покояхъ. Впрочемъ съ заботливостію душевною говорилъ: »какъ же это мнѣ причащаться здѣсь — на постели? Быть можетъ, хотя въ кабинетѣ, гдѣ занимаюсь. Меня могутъ перенесть туда на кровати«. Когда замѣчено было ему, что Господь готовъ всюду, во всякомъ мѣстѣ посѣщать болящихъ, даже въ темницахъ, — онъ сказалъ: »Да, посѣтить больнаго, гдѣ бы онъ не былъ, — это любимое дѣло Спасителя.« А на второе требованіе рѣшительно не согласился, изъявилъ только желаніе, чтобы литургія вмѣсто 6-ти часовъ начиналась ранѣе, въ 5-ть, дабы сократилось хотя нѣсколько время, которое онъ томился жаждою безъ утоленія ея. Принятыя лекарства оказали нѣкоторое дѣйствіе, но по прежнему больной сна не имѣлъ ни днемъ, ни ночью, и пищи не принималъ, и предчувствіе близкой кончины переходило у него въ рѣшительное убѣжденіе. »Зачѣмъ они будутъ безпокоиться?, — говорилъ онъ о врачахъ. Вѣдь не помогутъ; пожалуй еще помѣшаютъ; а въ нашемъ званіи это нехорошо. Не перестать ли принимать лекарства? Буду питаться одними св. Тайнами: это одно и нужно мнѣ теперь«. Продолжалъ и распоряженія дѣлать касательно погребенія. »Положить на меня во гробъ, говорилъ, панагію московскаго Митрополита (*). При погребеніи и поминовеніи устроить все какъ прилично, за долгую службу«.

(Окончаніе будетъ).

ДЛЯ ЧЕГО ПРИ МОЛИТВѢ МЫ ОСѢНЯЕМЪ СЕБЯ КРЕСТНЫМЪ ЗНАМЕНІЕМЪ?

Обычай осѣнять себя при молитвѣ крестнымъ знаменіемъ ведется въ Христіанской Церкви съ самой глубокой древности. Его установили, по внушенію самаго Іисуса Христа, Богомъ воздвигнутые пастыреначальники первенствующей Церкви Христовой, и передали всѣмъ вѣрнымъ, какъ священное наслѣдіе христіанъ. Утвержденный богодухновеннымъ преданіемъ, освященный всеобщимъ употребленіемъ въ Церкви, онъ имѣетъ для насъ непреложную, важную и глубокую знаменательность.

Употребленіе крестнаго знаменія при молитвѣ христіанской не есть только простое выраженіе внутренняго молитвеннаго состоянія духа, но имѣетъ смыслъ болѣе знаменательный. Безъ всякаго сомнѣнія, для человѣка, какъ существа не только духовнаго,

(*) Это панагія, подаренная ему еще въ 1818 г., въ бытность его Ректоромъ московской Духовной Академіи, и архимандритомъ Воскресенскаго, именуемаго Новый Іерусалимъ, монастыря.

но и тѣлеснаго, не довольно одной умной молитвы; для него всегда и во всей силѣ существуетъ необходимость сопровождать внутреннее поклоненіе Богу внѣшними знаками; потому ни въ одной религіи, ни у одного народа молитва не обходилась и не обходится безъ особенныхъ тѣлодвиженій, къ какимъ принадлежатъ напримѣръ возведеніе очей, преклоненіе головы, паденіе ницъ, біеніе въ перси и т. п. Но естественная потребность участія и тѣла въ молитвѣ къ Богу не могла вести къ употребленію именно крестнаго знаменія. Это собственно принадлежность христіанская; она соединилась съ молитвою послѣ того, какъ крестъ — орудіе казни сдѣлался нашею славою и нашею силою. Когда заповѣдано намъ крестнымъ знаменіемъ начинать и сопровождать свою молитву, то тѣмъ самимъ указано, что молитва наша непремѣнно должна утверждаться на мысли о крестѣ Христовомъ и на вѣрѣ въ его силу. Исполненіе этой заповѣди, съ должнымъ вниманіемъ къ дѣлу, не остается бездѣйственнымъ какъ для молитвы, какъ и для самой молящейся души.

Прежде всего осѣненіемъ себя крестнымъ знаменіемъ, при началѣ моленія, мы оправдываемъ свое дерзновеніе предъ Богомъ. Сознаніе нашего недостоинства и нашей постоянной виновности предъ Богомъ не можетъ не внушать страха предъ неприступнымъ Его величіемъ, не можетъ дозволять намъ безтрепетно обращаться съ своими нуждами къ престолу славы Божіей. И предъ земнаго владыку не можетъ смѣло и безбоязненно предстать бѣдный проситель, особенно если этотъ проситель оскорбилъ его чѣмъ нибудь, или, чувствуя за собою тяжелую вину, хочетъ вымолить у него прощеніе за нее. Тѣмъ болѣе такъ должно быть при непосредственномъ обращеніи нашемъ къ небесному Владыкѣ нашему; потому что этотъ Владыка неизмѣримо выше всѣхъ владыкъ земныхъ, потому что наша вина предъ Нимъ и наше оскорбленіе Его величія и правды безконечно превышаютъ всѣ возможныя вины противъ законовъ человѣческихъ. При этомъ наше дерзновенное обращеніе къ Богу легко можетъ низвесть гнѣвъ и погибель на нашу голову: Богъ есть огнь поядаяй, и можетъ ли наше бренное и растлѣнное естество выносить непосредственное обращеніе къ Его святости? Но когда мы оградимъ себя крестомъ, тогда между нами и Богомъ становится посредникъ; тогда вѣрою въ Распятаго мы емлемся за силу Жертвы голгоѳской, и ею покрываемъ свое недостоинство предъ Богомъ; тогда мы своимъ внѣшнимъ дѣйствіемъ явственно показываемъ, что мы не сами отъ себя приступаемъ съ молитвою къ Богу, но просимъ во имя Христа по силѣ заслугъ Его. Такимъ образомъ крестное знаменіе есть защита нашего дерзновенія, съ какимъ мы обращаемся къ Богу въ своихъ молитвахъ.

Вмѣстѣ съ этимъ, благоговѣйное осѣненіе себя крестнымъ знаменіемъ придаетъ нашей молитвѣ силу, привлекающую на нее благословеніе Божіе. Можемъ ли мы съ полною увѣренностію думать, что нашъ молитвенный голосъ, ничѣмъ не вспомоществуемый, дойдетъ до слуха Божія и преклонитъ Бога на милость къ намъ? Можемъ ли помышлять объ этомъ, когда грѣхъ поставилъ между нами и Богомъ непроходимое средостѣніе, и когда мы своею жизнію такъ часто застаьляемъ Бога отвращать отъ насъ лице свое? Но на крестѣ сосредоточено все благоволеніе Божіе къ падшему роду человѣческому; крестомъ разрушено средостѣніе вражды, отдѣлявшей насъ отъ Бога; крестъ отверзъ для насъ небеса и землю соединилъ съ небомъ, жилищемъ славы Божіей Потому,

когда мы назнаменуемъ себя крестомъ въ молитвѣ, наша молитва не есть уже простое прошеніе предъ Богомъ; она соединяется съ благопріятною Богу жертвою Христовою, и становится могущественною и дѣйственною по силѣ этой жертвы. Богъ всюду взираетъ окомъ милосердія и благоволенія, гдѣ только видитъ всесильное знаменіе нашего съ нимъ примиренія. Если Онъ не услышитъ нашей молитвы ради ея самой, то услышитъ ради креста, которымъ мы сопровождаемъ ее, — того креста, который одинъ теперь привлекаетъ любовь Божію на землю. Если Онъ не помилуетъ насъ, по нашей молитвѣ, ради нашей бѣдности, ради нашей нужды, ради нашей виновности предъ Нимъ, то помилуетъ, видя на насъ изображеніе креста, ради безконечной любви къ намъ своего единороднаго Сына, помилуетъ ради страданій, за насъ претерпѣнныхъ Іисусомъ Христомъ. Мы для того изображаемъ на себя знаменіе креста при молитвѣ, чтобы этимъ дѣйствіемъ прививать свою молитву къ силѣ вседѣйствующей предъ Богомъ смерти Богочеловѣка. Еще во время земной жизни своей, Спаситель заповѣдалъ намъ молиться предъ Отцемъ во имя Его, и обѣщалъ исполненіе этихъ молитвъ. Чѣмъ же сильно въ ходатайствѣ за насъ предъ Богомъ имя Христово, если не крестомъ и претерпѣнными на немъ страданіями? И какъ благопристойнѣе выразить намъ, что мы обращаемся къ Богу съ молитвою во имя самаго распятаго Сына Божія, если не назнаменовать на себѣ орудіе Его искупительной смерти? И въ ветхомъ завѣтѣ, когда крестъ еще не былъ прославленъ, и не сдѣлался орудіемъ ниспосланія намъ милостей Божіихъ, одинъ прообразъ его сообщалъ великую дѣйственность молитвѣ: крестообразное возвышеніе рукъ Моисея въ молитвѣ о побѣдѣ надъ врагами дѣлало ее такъ сильною предъ Богомъ, что она наносила пораженіе амалекитянамъ; между тѣмъ, въ тоже время, съ опущеніемъ рукъ, молитва теряла силу, и амалекитяне брали перевѣсъ надъ израильтянами.

Есть другая сторона въ крестномъ молитвенномъ знаменіи, по которой это внѣшнее дѣйствіе, всегда сопровождающее христіанскую молитву, благотворно дѣйствуетъ на самую молящуюся душу, поддерживая въ ней святое благоговѣйное настроеніе. Конечно, человѣку, какъ существу разумному, неестественно, совершенно безсознательно производить какія нибудь движенія въ тѣлѣ, особенно при такомъ высокомъ и святомъ занятіи, какимъ должна быть для каждаго изъ насъ молитва. Рука, какъ и всѣ другіе члены тѣла, движимая по указанію разумной воли нашей, своими дѣйствіями выражаетъ внутреннее состояніе духа и въ свою очередь возбуждаетъ и поддерживаетъ въ немъ такія или другія мысли и чувства, соотвѣтственно производимымъ ею движеніямъ. Душа невольно наполняется мыслію о страданіяхъ Господа, когда напечатлѣвается крестъ, орудіе этихъ страданій. А эта мысль, чистая и святая сама по себѣ, не останется безплодною для сердца. Представивъ намъ въ одно и тоже время всю широту любви Божіей и всю цѣну милосердія Божія и всю глубину нашего паденія, всю бездну нашего недостоинства предъ Богомъ, она дастъ душѣ нашей особенный тонъ святаго умиленія, расположитъ ее къ такимъ благоговѣйнымъ чувствамъ, съ какими благопристойнѣе всего намъ приступать къ Богу.

Такое сосредоточеніе души, помощію внѣшняго молитвеннаго дѣйствія, въ святыхъ и благоговѣйныхъ чувствахъ не можетъ не имѣть для насъ важнаго значенія. Для этого вспомнимъ только, что насъ всегда и всюду окружаетъ міръ съ своими впечатлѣніями, эти

впечатлѣнія постоянно тѣснятся въ нашу душу, развлекаютъ и разсѣеваютъ ее. Житейскіе помыслы, возбуждаемые этими впечатлѣніями, вредятъ молитвенному расположенію духа, по крайней мѣрѣ всегда ослабляютъ его. Душа наша, хотя по самой природѣ своей расположена къ молитвѣ, но отъ обстоятельствъ и привычекъ жизни въ кругу міра до того иногда заглушаетъ эту расположенность, что ей становится очень труднымъ привести себя въ молитвенное состояніе, безъ всякихъ сторонних пособій,—особенно поддержать въ себѣ это молитвенное состояніе, при дѣйствіи со стороны міра разныхъ развлекающихъ условій. Въ этомъ случаѣ, крестное знаменіе самое надежное и самое вѣрное пособіе: заключая въ себѣ, съ одной стороны, много, духовнаго смысла, а съ другой, занимая собою главнѣйшія изъ внѣшнихъ чувствъ человѣка, оно невольно должно остановить на себѣ вниманіе молящагося; другаго, болѣе знаменательнаго внѣшняго дѣйствія нельзя и предумать для успѣшнѣйшаго возбужденія и поддержанія въ человѣкѣ молитвенной настроенности. Правда и это дѣйствіе весьма часто не оставляетъ въ душѣ нашей никакого слѣда, и совершается нами безъ всякой видимой пользы: частію отъ постояннаго употребленія крестнаго знаменія, частію отъ огрубенія духовнаго чувства, мы привыкаемъ осѣнять себя крестомъ безъ всякаго участія сердца и потому безъ всякаго значенія для нашего духа. Къ несчастію, эти явленія слишкомъ часты: при всемъ томъ могутъ ли они отвергать важность крестнаго знаменія для молящагося? Сами въ себѣ они представляютъ дѣло, противное истинному долгу христіанина, и подлежатъ тому же осужденію, какому подлежитъ пренебреженіе во всякомъ дѣлѣ Божіемъ. Осѣненіе крестомъ въ дѣлѣ молитвы, какъ дѣлѣ святомъ и Божіемъ, при живости религіознаго чувства, не можетъ иначе совершаться, какъ съ подобающимъ вниманіемъ, безъ всякаго вида нерадѣнія. Въ этомъ случаѣ, оно не можетъ быть мертвымъ, бездушнымъ движеніемъ; оно воспрепятствуетъ намъ среди молитвы разсѣяваться по суетамъ міра, и углубитъ нашу душу въ святыя помышленія. Мы не можемъ даже отрицать совершенно и то, чтобы крестное молитвенное знаменіе, и при невнимательномъ исполненіи церковной заповѣди о немъ, всегда оставалось бездѣйственнымъ для молящагося: иногда глазъ, сверхъ чаянія и какъ бы невольно поражается тѣмъ изображеніемъ, которое рука творитъ предъ нимъ, и свое впечатлѣніе передаетъ сердцу, наполняя его внезапнымъ благоговѣніемъ.

Такимъ образомъ, св Церковь очень мудро и благо поступаетъ, когда искони заповѣдуетъ своимъ чадамъ осѣнять себя при молитвѣ крестнымъ знаменіемъ,—и глубокое значеніе этого дѣйствія заставляетъ насъ уважать древній обычай Церкви. Какъ жаль, что, въ настоящее время, многіе слишкомъ поверхностно смотрятъ на него, или даже совсѣмъ не хотятъ понять его значеніе! Нѣкоторыя общества, именующія себя христіанскими, какъ бы стыдятся древняго обычая христіанства, и безъ всякихъ основательныхъ причинъ изгоняютъ его у себя изъ употребленія Нѣкоторыя лица и изъ православныхъ, не отвергая самой заповѣди о крестномъ знаменіи при молитвѣ, съ такимъ небреженіемъ всякій разъ исполняютъ ее, что ихъ исполненіе хуже самаго неисполненія, и потому не можетъ имѣть для нихъ своего значенія. Одно объясненіе можно найти для такого поведенія, именно—въ незнаніи важности святаго обычая Церкви Но въ этомъ случаѣ принадлежащій къ числу послѣдователей Христовыхъ безотвѣтенъ предъ Богомъ за то, что не вѣдаетъ, что творитъ, еще болѣе, если не хочетъ вѣдать того.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

127) Если, по любви Божіей, ты отъ сердца приняла ангельскій образъ, то должна всячески содержать и чинъ его. Чинъ же его составляютъ: отреченіе отъ всего житейскаго, совершенная нестяжательность, презрѣніе плоти, постъ, пребываніе въ безмолвіи, стыдѣніе лица, охраненіе зрѣнія, краткость въ словахъ, чистота отъ злопамятства, содержаніе въ мысли и памяти, что нынѣ или завтра — смерть, и что близка та — истинная духовная жизнь, удержаніе себя отъ шатанія внѣ келліи безъ нужды и крайности, всегдашнее въ келліи безмолвіе, удаленіе отъ людей и бесѣдъ съ ними, презрѣніе чести, мужественное терпѣніе искушеній, оставленіе житейскихъ попеченій и мірскихъ суетъ, всегдашній денно-нощный плачъ, и — что больше всего — сохраненіе цѣломудрія, воздержаніе отъ чревоугодія и винопитія. Таковы добродѣтели монаха, свидѣтельствующія объ искренности его отреченія отъ міра.— О стяжаніи такихъ добродѣтелей пекись и ты, добрая госпожа моя, всякое время, день и часъ.—Сладчайшій Іисусъ Христосъ и Богъ нашъ повелѣлъ ученикамъ своимъ блюсти вся, елика заповѣдалъ имъ. Не сказалъ: соблюдите одну, двѣ или три заповѣди, и спасетесь, но — всѣ.

128) Скажу тебѣ одно дѣло (не усумнись и не презри того, какъ маловажнаго; ибо истину говорю тебѣ, какъ истинны предавшіе мнѣ то): — пока ты не достигнешь въ безмолвіе, молчаніе и слезы, не думай, что ты положила начало монашескому житію, но почитай себя еще мірскою. — Потому разсмотри, что препятствуетъ тебѣ преуспѣвать въ сихъ добродѣтеляхъ, устрани то, и ревностно устремись къ нимъ.

129) Человѣкъ, совершенно оставившій попеченіе о суетномъ и превратномъ и всего себя предавшій Богу, при усердной ревности о добродѣтеляхъ, вскорѣ достигнетъ чистоты и совершенства. — Потому, посвятивъ себя на дѣланія благія, отрѣшись отъ попеченія о пищи, одеждѣ и всякой другой потребности плотской, и разумно возложивъ упованіе свое на Господа, вѣруй крѣпко, что Онъ печется о тебѣ.

130) Заградившій уста свои отъ глаголанія и сидящій въ келліи своей въ безмолвіи и молчаніи съ молитвою — каждочасно зритъ Господа.

131) У кого память Божія всегда въ сердцѣ, тотъ отгоняетъ демоновъ и разрушаетъ злокозненныя хитрости ихъ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 24-го Февраля 1858 года.

Цензоръ Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Петръ.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 51 и 52.

СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА

1858 ГОДА.

СВЯТАГО ЛЬВА ПАПЫ РИМСКАГО

СЛОВО

О СТРАДАНІИ ГОСПОДНЕМЪ (*).

Тайна страданій Господнихъ, для спасенія рода человѣческаго прежде вѣкъ предуставленная и многими прообразованіями во всѣ вѣка предвозвѣщенная, для насъ, возлюбленные, уже предметъ не ожиданія, но поклоненія, какъ совершившаяся самымъ дѣломъ. Такимъ образомъ, къ наученію нашему сходятся и новыя и древнія свидѣтельства, и что нѣкогда возгласила труба пророческая, то открываетъ и евангельская исторія, какъ написано: *бездна бездну призываетъ, во гласъ хлябій твоихъ* (Пс. 41, 8)); ибо, къ неизглаголанной славѣ благодати Божіей, оба завѣта взаимно отвѣтствуютъ одинъ другому одинаковыми вѣщаніями, и что было сокрыто подъ покровомъ образовъ, то открыто въ ясномъ свѣтѣ. Однако, если и при оныхъ чудесахъ Спасителя, совершавшихся предъ лицемъ народа, не многіе чувствовали присутствіе Истины, и самые ученики, смущенные вольнымъ страданіемъ Господнимъ, не избѣжали соблазна креста и искушенія страха; то откуда пріобрѣтетъ вразумленіе наша вѣра, откуда получитъ силу наша твердость, какъ не изъ познанія совершившагося и чтенія предреченнаго?

Итакъ, возлюбленные, послѣ того, какъ совершилось торжество Спасителя и окончилось домостроительство, возвѣщенное всѣми реченіями ветхаго завѣта, пусть плачетъ плотской іудей, но да радуется духовный христіанинъ, и праздникъ, обратившійся для тѣхъ

(*) Cursus completus Patrologiæ, T. LIV, op. s. Leonis. T. 1. pag. 342.

въ ночь, намъ да сіяетъ во свѣтъ; поелику одинъ и тотъ же крестъ Христовъ есть и слава для вѣрующихъ и казнь для невѣрующихъ. Ибо, хотя ярость гонителей ничего не причинила Господу славы, кромѣ свирѣпой жестокости и ужасной казни: однако искупленные симъ страданіемъ Господнимъ имѣютъ, вѣрнѣе и справедливѣе, причину радоваться, а не скорбѣть. Тогда страхъ учениковъ былъ извинителенъ, и Апостолы отъ горести могли естественно поколебаться въ духѣ, когда, для совершенія одного злодѣянія, согласились и іудеи и князья іудейскіе, и неистовствовалъ надменный ревъ тучныхъ воловъ и буйная наглость тельцовъ; когда, предъ очами овецъ, свирѣпость рыкающихъ звѣрей требовала крови праведнаго Пастыря; когда, наконецъ, даже Самъ изволившій страдать, по общенію съ нашею природою, говорилъ: *прискорбна есть душа моя до смерти* (Матѳ. 26, 38). Нынѣ же, когда чрезъ воспріятіе немощи открылось могущество силы, торжество пасхальное не должно быть омрачаемо никакою скорбію вѣрующихъ, и не съ печалію должны мы воспоминать совершившіяся событія, когда Господь такъ допустилъ злобу іудеевъ, что чрезъ замыселъ злодѣевъ исполнилась воля Милующаго. Если при исходѣ Израильтянъ изъ Египта кровь агнца была возстановленіемъ свободы и совершено было священнѣйшее празднество, въ которомъ жертвою животнаго отвращенъ былъ гнѣвъ ангела истребителя; то какая радость должна быть ощущаема народами христіанскими, за которыхъ всемогущій Отецъ *Сына своего единороднаго не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его* (Римл. 8, 32), чтобы въ убіеніи Христа совершилась истинная Пасха и единственная жертва, которою не одинъ народъ изхищенъ изъ власти Фараона, но весь міръ — изъ плѣна діавольскаго!

Сему-то таинству, возлюбленные, отъ начала служили всѣ тайны. И кровь праведнаго Авеля означаетъ смерть верховнаго Пастыря, а въ убійствѣ Іудеевъ познается Каинъ, убійца брата (Быт. 4, 8). И потопъ и ковчегъ Ноевъ (Быт. 7, 17) указываютъ на обновленіе въ крещеніи и спасеніе на древѣ. И Авраамъ отецъ народовъ получаетъ обѣтованное наслѣдіе и въ сѣмени его благословляется не сѣмя плоти, но потомство вѣры (Быт. 22, 18. Римл. 4, 11). И новый освященный мѣсяцъ возсіялъ какъ предвѣстникъ праздника всѣхъ праздниковъ, дабы въ тотъ же мѣсяцъ, въ который сотворенъ міръ, получило начало и твореніе Христово. Итакъ, хотя неистовствующіе іудеи и дѣлали съ Господомъ Іисусомъ, что хотѣли, и Его могущество божественное не сокрыло ни отъ какихъ дерзостей ихъ истину воспринятаго Имъ человѣчества: однако терпѣніемъ Господнимъ исполнилось Его намѣреніе, и наглость святотатственной жестокости послужила дѣлу Спасителя, — чего не поняли ни книжники, ни фарисеи, ни верховные первосвященники: *аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8). Не уразумѣлъ даже и самъ діаволъ, что, свирѣпѣя на Христа, онъ разрушалъ свое владычество: ибо онъ не потерялъ бы правъ, пріобрѣтенныхъ древнимъ обманомъ, если бы воздержался отъ убійства Господа Іисуса. Но злость, жаждущая вреда, разрушая — сама рушится; въ то время какъ уловляла, сама уловлена была; преслѣдуя смертнаго — нападаетъ на Спасителя, и въ ономъ порывѣ безумной дерзости нашла себѣ достойнаго сотрудника и достойнаго соучастника, нечестиваго Іуду, захотѣвшаго быть лучше служителемъ діавола, нежели апостоломъ Христа, котораго не по страху оставилъ, но продалъ по жадности къ деньгамъ.

Смотрите, возлюбленные, и разумно замѣтьте, какія сѣмена и какіе плоды раждаются отъ корня сребролюбія, которое, по справедливости, Апостолъ называетъ *корнемъ всѣхъ золъ* (1 Тим. 6, 10), поелику никакой грѣхъ не совершается безъ пожеланія, а всякое преступное пожеланіе есть болѣзнь, пораждаемая сею страстію. Предъ любовію къ деньгамъ ничего не значитъ никакая расположенность, и душа, жадная къ прибытку, не боится погубить даже и за малое; въ сердцѣ, въ которомъ скупость нашла себѣ жилище, нѣтъ никакого слѣда правды. Вѣроломный Іуда, опъяненный симъ ядомъ, изъ корыстолюбія дошелъ до петли, и былъ столь безуменъ и нечестивъ, что за тридцать сребренниковъ продалъ Господа и Учителя.

Когда же Сынъ Божій соизволилъ предать себя нечестивому суду, то блаженный апостолъ Петръ, коего вѣра пламенѣла такою преданностію, что онъ готовъ былъ и спострадать и умереть съ Господомъ, устрашенный клевещущею рабою первосвященника, по немощи, впалъ въ опасность отреченія. Для того, какъ кажется, попущено ему поколебаться, чтобы на представителѣ Церкви открылось врачество покаянія, и никто не дерзалъ надѣяться на свою силу, когда даже и блаженный Петръ не могъ избѣжать опасности колебанія. Господь же Іисусъ, предстоя на судѣ первосвященниковъ однимъ тѣломъ, божественнымъ взоромъ видѣлъ робость ученика, стоявшаго внѣ, и однимъ взглядомъ ободрилъ духъ боязливаго и возбудилъ въ немъ плачь покаянія. Блаженны слезы твои, святый Апостоле, имѣвшія силу святаго крещенія, для омовенія вины отреченія! Ибо близъ была десница Господа Іисуса Христа, возставившая тебя падающаго, прежде нежели ты низвергся, и въ самой опасности паденія ты воспріялъ твердость стоянія. Господь видѣлъ, что въ тебѣ не вѣра была побѣжлена, не любовь отвращена, но твердость поколеблена. Обиленъ былъ плачъ, потому что не было недостатка въ сильномъ чувствѣ и источникъ любви омылъ слова страха; не замедлило и врачевство прощенія тамъ, гдѣ не было согласія воли. Такимъ образомъ камень (petra) скоро возвратилъ свою твердость, получивъ такую силу, что убоявшись тогда, при страданіи Христовомъ, не устрашился потомъ, при собственной казни, чрезъ Іисуса Христа, Господа нашего, которому честь и слава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

РАЗМЫШЛЕНІЕ О СКОРБИ ІИСУСА ХРИСТА ПРЕДЪ НАЧАЛОМЪ ЕГО СТРАДАНІЙ.

Евангеліе повѣствуетъ, что Іисусъ Христосъ, предъ временемъ своихъ страданій, вошелъ въ вертоградъ Геѳсиманскій и тамъ началъ *скорбѣть и ужасаться*. Онъ не могъ сокрыть отъ учениковъ своихъ внутренняго смущенія и признался имъ: *прискорбна есть душа моя до смерти* (Матѳ. 26, 37. 38). Но кто причиною толикой скорби Его? Увы! наши тяжкія и многообразныя прегрѣшенія, наше упорное развращеніе, наша крайняя неблагодарность и совершенное оскудѣніе въ насъ страха Божія. Вотъ что преогорчевало и сокрушало Спасителя нашего! Если бы человѣкъ могъ видѣть грѣхи свои такъ, какъ Богъ видитъ ихъ, то ужаснулся бы своего безобразія, истаялъ бы отъ сокрушенія о неблагодарности своей предъ Богомъ, милосер-

дымъ, но правосудным. Іисусъ Христосъ, принявъ на Себя добровольно грѣхи всего міра, за нихъ-то и началъ скорбѣть, какъ бы онъ Самъ былъ виновенъ въ нихъ.

У іудеевъ было въ обыкновеніи, когда услышатъ хулу на Бога, раздирать на себѣ одежду въ знакъ скорби о семъ и въ доказательство своего благоговѣнія къ Богу. Если такъ поступали іудеи, извѣстные своимъ лицемѣріемъ; то сколько ужасна должна быть скорбь Іисуса Христа, истиннаго Сына Божія, когда Онъ всеобъемлющимъ взоромъ своимъ видѣлъ всѣ постыдныя дѣянія человѣческія, ежедневно совершаемыя на землѣ къ оскорбленію Бога, и когда ежеминутно видитъ, что люди съ величайшимъ хладнокровіемъ продолжаютъ *безчествовать* небеснаго Отца Его? Вотъ причина смертельной скорби Спасителя; и если бы Онъ не былъ Богъ, то одна сія скорбь причинила бы Ему смерть. Іисусъ Христосъ поступилъ не такъ, какъ поступили іудеи, которые раздирали только одежду свою: Онъ растерзалъ собственное свое тѣло, которое страдало и сокрушалось вмѣстѣ съ душею Его, такъ что отъ чрезмѣрной скорби выступилъ изъ всѣхъ членовъ Его кровавый потъ, подобно тому, какъ изъ виноградная грозда источается сокъ подъ тяжестію гнета.

Принявъ на себя грѣхи наши, непорочный Агнецъ понесъ и наказаніе за нихъ, какого требовало правосудіе Божіе. О неизреченное милосердіе! Грѣхи міра принялъ Тотъ, кто единъ грѣшить не можетъ. Радость Ангеловъ скорбитъ вмѣсто насъ, и скорбитъ даже до смерти. Ходатай нашъ хочетъ муками очистить наши беззаконія, которыя мы по доброй волѣ и съ такимъ удовольствіемъ дѣлали и дѣлаемъ. Онъ молится и проливаетъ не обыкновенный потъ, но растворенный кровію, и въ такомъ обиліи, что капли падаютъ на землю (Лук. 22, 44). Онъ извлекъ сей потъ, такъ сказать, изъ всѣхъ членовъ своихъ, дабы всѣ они совокупно свидѣтельствовали глубокую скорбь Его о грѣхѣ и осужденіи рода человѣческаго, и ту любовь, какою пламенѣло сердце Его къ осужденнымъ грѣшникамъ. Нетерпѣливо желая начать свои страданія, Онъ не хотѣлъ отлагать ихъ, по крайней мѣрѣ, до прихода мучителей; напротивъ, рѣшился предупредить враговъ своихъ, и какъ бы скучая долговременнымъ ожиданіемъ, началъ ратоборствовать Самъ съ Собою и въ сей борьбѣ пролилъ потоки собственной крови.

Подлинно, ужасна была скорбь Іисуса Христа, когда Онъ въ зерцалѣ божественнаго своего всевѣдѣнія усматривалъ, до какого безобразія доведены души человѣческія, сотворенныя Имъ чистыми и святыми, и чего онѣ заслуживаютъ своими преступленіями. Чтобы возвратить имъ прежнюю чистоту и примирить насъ съ Отцемъ своимъ, Ему надлежало совершить самые тяжкіе подвиги. Если съ болѣзнею раждаетъ жена; то не паче ли Ходатай нашъ *долженъ* претерпѣть скорбь и болѣзнь, возраждая насъ въ жизнь вѣчную? Пріидите всѣ вѣрные, любящіе Бога, войдите съ сокрушеннымъ духомъ въ вертоградъ и поемотрите на божественнаго Страстотерпца. Вотъ Онъ лежитъ простертый на землѣ, покрытый кровавымъ потомъ, и молится, какъ величайшій грѣшникъ, какъ недостойный возрѣть на небо и быть услышаннымъ. Онъ испытываетъ мучительное состояніе человѣка, отверженнаго Богомъ, терпитъ участь врага Божія, и терпитъ для того, чтобы насъ, истинныхъ враговъ Божіихъ, содѣлать своими друзьями и усыновитъ Отцу своему.

Столь ужасное состояніе скорби да подвигнетъ сердца наши къ умиленію и сочувствію жестокимъ страданіямъ Сына Божія; ибо, если мы своими грѣхами наложили на Него сей тяжкій крестъ, то намъ непростительно

быть невнимательными къ тому, коликихъ трудовъ и мученій стоило Искупителю возсоединить насъ съ Отцемъ небеснымъ. Примемъ же дѣятельное участіе въ страданіяхъ Его; станемъ купно съ Нимъ молиться, бодрствовать и скорбѣть. Сдѣлаемъ и съ своей стороны что нибудь для собственнаго спасенія нашего; ибо мы сами видимъ, съ какою ревностію подвизается за насъ Іисусъ Христосъ. Если не могутъ наши глаза плакать кровію, да источатъ по крайней мѣрѣ воду; если не можемъ извлечь слезъ изъ всѣхъ членовъ нашихъ, пусть по крайней мѣрѣ глаза плачутъ. Но если уже источникъ слезъ изсякъ въ насъ до того, что и глаза не могутъ плакать, то повергнемся предъ Спасителемъ нашимъ и будемъ умолять Его о дарованіи намъ слезъ для совмѣстнаго съ Нимъ оплакиванія грѣховъ нашихъ.

Но обратимся опять къ зрѣлищу скорбей Іисуса Христа и извлечемъ для себя новое наставленіе. Представь, душа моя, Спасителя твоего, простертаго на землѣ, покрытаго кровавымъ потомъ, молящагося Отцу своему, *да мимо идетъ отъ* Него *чаша* страданій, и вскорѣ за тѣмъ съ глубочайшимъ смиреніемъ взывающаго: *аще не можетъ сія чаша мимо ити отъ Мене, буди воля твоя* (Мат. 26, 39. 42). Представь все сіе и размысли, какъ высоко должно быть назначеніе твое предъ очами Божіими и какой цѣны требовало твое искупленіе. А ты, безразсудная, такъ мало цѣнишь себя, и не взирая на пролитую за тебя кровь Искупителя, произвольно отдаешься во власть пагубныхъ страстей. Вообрази, сколь тяжки должны быть страданія Іусуса, когда Онъ, при одной мысли о нихъ, источилъ потъ и кровь.

Возставъ отъ молитвы и подошедъ къ ученикамъ своимъ, Спаситель обрѣлъ ихъ спящими. Вы все еще спите и покоитесь,— говорилъ Онъ имъ;—*спите прочее и почивайте.* Какое непостижимое великодушіе! Онъ не укоряетъ ихъ въ безпечности, но какъ пастырь добрый Самъ бодрствуетъ и печется о своихъ овцахъ. Господь и Учитель молится объ ученикахъ, которые между тѣмъ спятъ сномъ глубокимъ, и одинъ подвизается за нихъ. Наконецъ наступило время разбудить безпечныхъ: *востаните,*—сказалъ имъ Іисусъ,— *идемъ, се предаяй Мя приближися* (Мар. 14, 41. 42).

Представь, душа моя, что ты теперь въ въ вертоградѣ со Христомъ и что Онъ къ тебѣ обращаетъ слова сіи. Поспѣши же востать отъ сна грѣховнаго, отгони лукавыя мечтанія, наводящія на тебя дремоту и усыпленіе, бѣжи далече отъ мѣста пагубы, отъ земныхъ удовольствій, и взявъ крестъ терпѣнія и скорби, гряди въ слѣдъ Господа; памятуй, взирая на Страстотерпца, что ты причиною толикихъ страданій Его. По наружнымъ знакамъ удрученнаго тѣла Его суди о великости скорби душевной и вознеси къ Нему молитву: »Милосердый Господи! не по дѣламъ моимъ воздажль мнѣ, но по неизреченной твоей милости. Не вниди въ судъ съ рабомъ твоимъ, но покрой мои беззаконія твоими заслугами и омый ихъ пречистою твоею кровію. Побѣдитель ада и смерти! даруй мнѣ силу укрѣпить и побѣдить мою грѣховную и непокорную природу, мои студныя вожделѣнія и страсти: Самъ созижди во мнѣ сердце новое и чистое, да буду едино съ Тобою«!

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ПОЧИВШАГО ВЪ БОЗѢ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ФИЛАРЕТА МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО.

(Окончаніе)

Ночь на 17-е число Архипастырь провелъ безъ сна и тяжелѣе прежнихъ ночей. Впрочемъ правило обычное выслушалъ, для причащенія же не выходилъ къ литургіи, но благословилъ Намѣстнику принести св. Дары въ кабинетъ. Предъ окончаніемъ литургіи онъ одѣлся, облачился въ мантію, малый омофоръ и эпитрахиль и съ великимъ трудомъ переведенъ въ кабинетъ и посаженъ въ кресло. Когда принесены были св. Дары и поставлены предъ иконами на особомъ столикѣ, Архипастырь, поддерживаемый иподіаконами, палъ предъ ними на колѣна и въ такомъ положеніи, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, принялъ отдѣльно Тѣло, а потомъ Кровь Христову. Отдохнувъ нѣсколько послѣ сего и выслушавъ благодарственныя молитвы, онъ отведенъ въ постель, и хотя душею утѣшенъ и укрѣпленъ былъ принятіемъ св. Таинъ, которыхъ не чаялъ дождаться, но тѣломъ крайне изнемогъ. Видя съ часу на часъ усиливающуюся слабость его, предложили ему, не благословитъ ли завтра совершить надъ собою елеосвященіе. »Хорошо, отвѣчалъ онъ, распорядитесь. Пригласите преосвященнаго Стефана, архимандритовъ, старцевъ. Сперва пріобщусь, а потомъ елеосвященіе«. Принесена была почта; прослушалъ нѣкоторыя письма и потомъ спросилъ: »что въ газетахъ? Нѣтъ ли чего особеннаго? Каково Англичане въ Индіи?« Ему отвѣчали согласно съ содержаніемъ газетъ, Но говорить ему было трудно. По временамъ онъ какъ бы забывался для сна; потомъ тяжело кашлялъ; иногда приказывалъ себя поднять и посадить на нѣсколько минутъ въ кресла; но сна настоящаго не было и пищи тоже не принималъ. Послѣ всенощной, которую во всѣ эти дни и послѣ до кончины совершали въ кабинетѣ его, а онъ слушалъ оную съ постели, или же сидя близъ нея въ креслахъ, Архипастырь чувствовалъ себя нѣсколько легче, дыханіе было свободнѣе и кашель легче. Только сильно жаловался на боль въ правомъ боку и жаръ внутренній по прежнему палилъ его. Врачи, не скрывавшіе опасности положенія больнаго, еще не теряли впрочемъ надежды и просили его продолжать прежнія средства, и въ особенности не тревожить себя ничѣмъ. Вслѣдствіе этого предложено было ему: не отложить ли елеосвященіе? »Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, отлагать не слѣдуетъ.«

Въ ночь съ 17-го на 18-е число, проведенную, какъ прежде, безъ сна, Архипастыря озаботила мысль, что въ завѣщаніи его, написанномъ еще въ 1851-мъ году, есть обращеніе къ почившему въ Бозѣ Государю Императору Николаю Павловичу, и при чтеніи онаго и новомъ подписѣ въ послѣдній разъ, въ настоящемъ году, онъ оставилъ это мѣсто безъ перемѣны. Призвавъ Намѣстника и Екклезіарха, онъ говорилъ имъ: »не переписать ли вновь завѣщаніе?« Но когда ему замѣтили, что теперь трудно будетъ ему подписать его, и притомъ для Лавры дорого особенно завѣщаніе, писанное собственною рукою его, а Государь Императоръ слова, обращенныя къ Его Августѣйшему Родителю, конечно приметъ какъ бы сказанныя къ Нему самому, то онъ успокоился и принесенный уже пакетъ съ завѣщаніемъ велѣлъ опять отнесть въ ризницу. Между тѣмъ о своемъ положеніи говорилъ: »плохо мое здоровье; перемѣны нѣтъ никакой на лучшее: грудь и бокъ крѣпко болятъ. Хотя врачи усердно заботятся о мнѣ, но какъ они дадутъ мнѣ то, чего сами не имѣютъ? Одинъ Іисусъ Христосъ есть жизнь наша: но если Онъ ничего не дѣлаетъ, то что они сдѣлаютъ? Да

и смерти я не страшусь. Это можетъ казаться для иныхъ страннымъ; но таково настроеніе души моей. Желаю отъити ко Господу. Боюсь одного, какъ бы не остаться еще въ живыхъ. Врачи дѣлаютъ свое дѣло. Нужно было отдать честь наукѣ и ихъ искуству и усердію, и удовлетворить желанію паствы и Лавры, а теперь пора предаться въ волю Божію. Попрошу ихъ оставить меня безъ лекарствъ«. Время приближалось къ утру и Архипастырь, выслушавъ правило, ожидалъ литургіи. Къ причащенію не могъ самъ уже идти даже въ кабинетъ, но не захотѣлъ и въ постели причащаться, а его вынесли въ креслахъ въ кабинетъ, и, облачившись въ мантію, онъ какъ и вчера, причастился, павъ на колѣна предъ принесенными св. Дарами. Перенесенный опять въ постель, онъ просилъ ускорить совершеніемъ елеосвященія, и оно совершено было въ девятомъ часу преосвященнымъ епископомъ Стефаномъ и собранными архимандритами и іеромонахами Лавры. Архипастырь во время священнодѣйствія былъ въ постели, въ лѣвой рукѣ держалъ свѣчу, а правою часто полагалъ на себѣ крестное знаменіе. Зрѣлище было глубоко трогательное и умилительное... Лице больнаго было спокойно и свѣтло, какъ бы совершалось надъ нимъ что либо торжественное и радостное, но на лицахъ предстоящихъ были слезы и они едва удерживали рыданіе... По совершеніи таинства, больной всѣмъ присутствовавшимъ преподалъ прощеніе и благословеніе, и у всѣхъ взаимно просилъ себѣ прощенія и молитвъ. »Простите меня, говорилъ, и молитесь за меня. Намѣренно я никого не оскорбилъ, но по должности и службѣ быть можетъ кто и оскорбленъ мною. Поручаю васъ Божіей Матери и св. Угодникамъ. Желаю чтобы Господь далъ вамъ послѣ меня пастыря добраго и учительнаго«. Долго продолжалось прощаніе; ибо Архипастырь приказалъ всѣхъ допускать и никому не воспрещать приходить къ одру его, и всѣхъ благословлялъ, кто желалъ припять благословеніе. И потому, пока принялъ онъ всѣхъ приходившихъ, чрезвычайно утомился и былъ въ крайнемъ изнеможеніи. Послѣ нѣкотораго отдыха опять продолжалъ принимать приходившихъ за благословеніемъ. Прибылъ посѣтить его г. кіевскій Военный Губернаторъ, князь Васильчиковъ (*). На вопросъ его о здоровьи Архипастырь сказалъ: »какое мое здоровье? время моего отшествія наста,« и потомъ просилъ его написать по его кончинѣ Государю Императору, что »если обрящу тамъ дерзновеніе предъ Господомъ Богомъ, то первая молитва моя будетъ за Его Императорское Величество, Его Августѣйшую Супругу, Чадъ, Братьевъ, и весь Царствующій Домъ и за всю Россію. Буду молиться и за васъ и за семейство ваше«. Вечеромъ, послѣ всенощной, прибывшіе врачи нашли, что болѣзнь идетъ впередъ и надежды осталось менѣе; впрочемъ прописали еще лекарства, и больной согласился еще принимать ихъ, хотя и просилъ въ началѣ оставить его безъ лекарствъ. Когда они въ ближайшей комнатѣ совѣтовались между собою и довольно долго разговаривали, онъ сказалъ окружавшимъ его: »доктора думаютъ долгую думу, но не помогутъ; это я чувствую; пришло мое время. Нынѣ вы ходили около меня въ бѣленькихъ (т. е. ризахъ при елеосвященіи), походите скоро и въ черненькихъ... Готовьте меня къ погребенію«. А врачей отпуская сказалъ: »простите и благословите; быть можетъ не увидимся«. Послѣ того, оставаясь по прежнему

(*) Князь, во все время болѣзни Архипастыря и послѣ, принималъ самое живое сыновнее участіе въ его положеніи и представлялъ въ себѣ примѣръ истинно благочестиваго и преданнаго сына Церкви. Впрочемъ и всѣ сословія Кіева съ представителями своими, и изъ нихъ даже нѣкоторые иновѣрцы, съ глубокимъ благоговѣніемъ чтятъ память Святителя и живо чувствуютъ общую потерю въ кончинѣ его.

нему безъ сна и пищи, продолжалъ дѣлать еще послѣднія распоряженія, сказывалъ, кому что дать на память о немъ, и кого чѣмъ наградить за службу ему, кому быть при погребеніи его, изъявивъ желаніе, чтобы, ради болѣзни преосвященнаго Викарія, приглашенъ былъ преосвященный подольскій Евсевій и проч.

Выслушавъ молитвы къ причащенію рано утромъ 19 числа, Архипастырь, чувствуя что не можетъ уже и въ кабинетъ перенесенъ быть для причащенія, говорилъ: »Какъ же это причаститься мнѣ?« »Благословите, отвѣчали ему, съ однимъ св. потиромъ придти къ вамъ, къ постели«? »Хорошо, сказалъ онъ; меня здѣсь посадятъ въ кресла, и я буду ждать. Да какъ бы поскорѣе? Поспѣшите начать обѣдню. Теперь всякая минута величайшее для меня благодѣяніе«. Обѣдня начата въ началѣ пятаго часа, а въ началѣ шестаго принесены св. дары. Больной, облачившись, какъ прежде, въ мантію, сидя въ креслахъ, близъ самой постели, прочелъ предъ св. потиромъ »вѣрую Господи« и пріобщенъ лжицею; но потомъ, обнявъ руками своими потиръ, пріобщился изъ него самъ до трехъ разъ пречистой Крови, и цѣлуя его, въ живѣйшемъ душевномъ восторгѣ произнесъ: »о жизне мой! о свѣте мой! о надежде моя!« Когда послѣ сего онъ нѣсколько отдохнулъ и успокоился отъ сдѣланнаго имъ напряженнаго движенія при облаченіи и потомъ разоблаченіи его, на вопросъ: »вамъ какъ будто легче теперь«,— отвѣчалъ: »Нѣтъ! это вотъ радуютъ меня св. Тайны и разливаютъ какъ бы жизнь по всему тѣлу; отъ того я и чувствую себя въ это время нѣсколько легче«. Прибывшіе врачи нашли, что болѣзнь въ прежнемъ положеніи, но онъ видимо слабѣетъ болѣе и болѣе. Не смотря на то приказано было имъ допускать всѣхъ приходившихъ за благословеніемъ, и принимая ихъ съ удивительнымъ терпѣніемъ, онъ бесѣдовалъ съ ними и отпускалъ благословляя малыми иконами; а иныхъ преподавалъ и приличное ихъ званію и состоянію наставленіе. Такъ говорилъ онъ одному посѣтителю: »Я отхожу въ жизнь вѣчную, а вы поживите. Желаю вамъ здоровья и благополучія временнаго и блаженства вѣчнаго, Да помните Бога и не ограничивайте своихъ желаній и своей службы одними временными видами, а старайтесь получить царствіе небесное. Вотъ я прожилъ восемьдесятъ лѣтъ и говорю по опыту, что жизнь наша, если ограничиваться однимъ настоящимъ, временнымъ, крайне жалка и ничтожна и одна совершенная пустота и суета, и не стоило бы жить изъ-за этого. Но когда живемъ и употребляемъ жизнь для блаженства вѣчнаго,— это совсѣмъ другое дѣло. Такъ и вы живите«. Врачи, кромѣ прежнихъ лекарствъ, просили было его принять пластырь на грудь; но онъ, вспомнивъ, что подобный пластырь, когда то употребленный имъ, крѣпко наскучилъ ему, не согласился принять; просилъ оставить его хотя на этотъ день и безъ прочихъ лекарствъ. »Что они мнѣ помогутъ? — говорилъ онъ. Только помѣшаютъ.... Они мѣшаютъ природѣ производить свой процессъ... Оставьте ей довершить свое дѣло, т. е. отдѣлить душу отъ тѣла. На что мнѣ теперь лекарства? Мое лекарство—Іисусъ Христосъ«. »Слава Богу, продолжалъ онъ, перекрестившись при этомъ, что дождался пріобщиться св. Таинъ! Вотъ моя пища... Все другое мнѣ несвойственно«. »Но мы еще ожидаемъ кризиса вашей болѣзни«— возразилъ врачъ. »Какого кризиса?— отвѣчалъ онъ; я ожидаю разрѣшенія отъ тѣла: вотъ мой кризисъ«.

Въ двѣнадцатомъ часу дня явился офицеръ съ телеграфической станціи съ вопросомъ о состояніи здоровья Архипастыря, для

доставленія депеши о семъ въ кабинетъ Его Императорскаго Величества, по особому отъ-толѣ повелѣнію, и съ прошеніемъ ежедневно для сей цѣли присылать на станцію нужныя свѣденія. Узнавъ о семъ, больной надиктовалъ самъ отвѣтъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: »здоровье преосвященнаго Митрополита очень слабо, и онъ спокойно готовится къ отшествію изъ жизни временной въ вѣчную«. Прибылъ проститься съ нимъ преосвященный Викарій, самъ тоже больной и доживавшій послѣдніе дни. Видя его тяжелое положеніе и увѣренный, что скоро встрѣтится съ нимъ за гробомъ, Архипастырь скоро отпустилъ его, поручивъ, чтобы онъ принялъ на себя пока полное управленіе епархіальными дѣлами. Входили и другія многія лица за благословеніемъ, и всѣ были принимаемы до самой всенощной, послѣ которой съ особенною заботливостію повторялъ часто: »Далъ бы Богъ завтра дождаться причащенія св. Таинъ!« На вопросъ: не прикажетъ ли начать обѣдню еще раньше, — отвѣчалъ: »чѣмъ раньше, тѣмъ лучше«. А о положеніи своемъ говорилъ: »тяжелое, ужасное, мучительное томленіе! Много испыталъ я болѣзней, и тяжелыхъ; но такой еще не бывало у меня. Да, правда, я какъ жилъ на крестѣ, такъ видно и умереть мнѣ надо на крестѣ«. По временамъ впадалъ въ дремоту на нѣсколько минутъ, но потомъ опять тяжело откашливался; жаръ внутренній палилъ его по прежнему. »Это природа совершаетъ свой процессъ, говорилъ онъ; переплавливаетъ и претворяетъ мое тѣло«. Однажды, послѣ минутной дремоты, до четырехъ разъ перекрестился съ молитвою, и потомъ сказалъ: »какъ имя священномученика, котораго завтра память совершается? Хочу вспомнить, и никакъ не вспомню. Да вотъ, какъ архіерей кавказскій?« Игнатій, сказали ему. »Да, священномученикъ Игнатій, великій угодникъ! И начало предпразднества Рождества Христова. А праздникъ, Богъ дастъ, я тамъ буду праздновать!« Прибыли нѣкоторые лица съ семействами принять благословеніе. Дозволилъ войти, и на привѣтствіе ихъ сказалъ: »Время отшествія моего приближилось; и я ничего не желаю на землѣ, а желаю только разрѣшиться и со Христомъ быть«. »Ваша жизнь въ рукахъ Божіихъ, — сказали ему, и какъ Богу угодно«. »Конечно, какъ Богу угодно, отвѣчалъ онъ, но желать позволительно и должно«. Благословляя, всѣмъ далъ по иконкѣ и прибавилъ: »желаю вамъ благополучія временнаго, а въ жизни вѣчной царствія небеснаго. Наипаче будьте благочестивы, преданы св. православной Церкви и вѣрны Царю«. Бывшіе въ тотъ же вечеръ врачи нашли, что въ мѣстномъ пораженіи легкихъ у больнаго нѣтъ перемѣны, но больной видимо слабѣетъ, и надежды весьма мало. »Развѣ одинъ Творецъ всесильный, — сказалъ одинъ изъ нихъ, — совершитъ какую либо необыкновенную перемѣну!«

Ночью на 20-е число Архипастырь, какъ и прежде, не имѣлъ сна, а только по временамъ легко забывался на нѣсколько минутъ; принялъ еще и нѣкоторыя лекарства. Душа его видимо была занята мыслію о предстоящей ему скорой кончинѣ и жизни загробной. »Я помышляю, какъ буду лежать во гробѣ,« — проговорилъ онъ однажды окружавшимъ его, принявъ на постели точно такое положеніе, какое обыкновенно даютъ усопшимъ, — и видно было, что это помышленіе не тяжело и болѣзненно, а радостно и отрадно было для него. Потомъ, около полуночи, вдругъ запѣлъ тихимъ и прерывающимся, но еще довольно внятнымъ голосомъ пѣснь: »зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща«, и пропѣвъ ее всю до конца, сказалъ: »вотъ вамъ послѣдняя моя пѣснь Какая прекрасная пѣснь«! Вслѣдъ за тѣмъ прочиталъ также въ слухъ всю до

конца молитву изъ субботной полунощницы: »Величая величаю Тя, Господи, яко призрѣлъ еси на смиреніе мое, и нѣси мене затворилъ въ рукахъ вражіихъ« (*). Спустя нѣсколько времени сказалъ: »чувствую себя нѣсколько легче во всемъ тѣлѣ, и жаръ уменьшился, и грудь и бокъ какъ будто не такъ болятъ, и мокрота не такъ давитъ. Не приготовляетъ ли это мнѣ перехода въ другую жизнь«? Хотя такимъ образомъ душа его постоянно занята была горнимъ отечествомъ, въ которое стремилась и уже готова была воспарить, но при этомъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ обращалась еще и къ дольнему отечеству и озабочивалась мыслію о предстоящихъ ему судьбахъ. До болѣзни не случилось ему читать только что вышедшаго Высочайшаго рескрипта дворянству нѣкоторыхъ губерній западнаго края и отношенія Министра внутреннихъ дѣлъ касательно новаго устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ. Теперь онъ вспомнилъ объ этомъ. »Нельзя ли достать тѣхъ бумагъ? — сказалъ онъ; хотѣлъ бы прочитать, пока дышу. О! какое великое дѣло сдѣлаетъ Государь! далъ бы Ему Господь успѣшно совершить этотъ подвигъ! Тогда Онъ прославитъ себя паче всѣхъ; будетъ не только благословеннымъ, какъ Александръ Павловичъ, но преблагословеннымъ«.

Вскорѣ послѣ полуночи Архипастырь слушалъ обычное правило къ причащенію, и благословилъ іеромонаха, читавшаго оное всегда во время болѣзни, иконою. Предъ обѣднею на вопросъ: какъ ему угодно причаститься, — сказалъ: »придти съ однимъ потиромъ. Послѣ непродолжительнаго спокойствія во всѣмъ тѣлѣ, опять у меня мучительное страданіе«. Обѣдня начата въ пятомъ часу. Для причащенія, облачившись по обычному, онъ посаженъ въ кресла около постели. Св. Дары, какъ и вчера, преподаны лжицею, но послѣ того онъ опять, обнявъ св. Чашу, еще трижды причастился пресвятой Крови, и отслушавъ молитвы благодарственныя, часто повторялъ: »Слава Богу, что сподобился и нынѣ принять св. Тайны! Не зналъ, какъ дождаться сего блаженнаго времени«. Прибывшіе въ 10-мъ часу врачи нашли, что хотя ночь проведена немного спокойнѣе, но больной очень ослабѣлъ и дыханіе сдѣлалось труднѣе, и потому опасность возрастаетъ съ каждымъ часомъ. Нужно было отправить депешу на телеграфическую станцію для доставленія въ Императорскій кабинетъ. Это самое и написано было, съ присовокупленіемъ, что врачи мало подаютъ надежды. Онъ прослушалъ и сказалъ: »написать не такъ, а что надежды нѣтъ никакой«. Отпустивъ врачей, онъ объявилъ, что хотя они и прописали ему еще лекарства, но онъ принимать ихъ не станетъ; будетъ утолять только жажду тѣмъ питьемъ, какое они указали, и только. Между тѣмъ окружавшимъ опять сказалъ: »приготовляйте меня къ погребенію. Вотъ тамъ шкатулка съ св. схимою, приготовленною мнѣ во гробъ. Пожалуй, ее можно и посмотрѣть теперь. Не послать ли теперь же и за гробомъ?« Отперли шкатулку и нашли тамъ новую схиму. По собственному указанію его, собрали и другія принадлежности къ погребенію: новую власяницу, подрясникъ простенькій, поясъ и все прочее, и положили вмѣстѣ съ схимою въ шкатулку. — Пришли вновь многіе за благословеніемъ. Принималъ всѣхъ, не смотря на тяжкія страданія и крайнюю слабость, съ любовію и радушіемъ благословлялъ всѣхъ иконками и преподавалъ почти каждому краткія, но приличныя и назидательныя пастырскія наставленія, и всѣ, въ послѣдній разъ цѣлуя руку его,

(*) Эта молитва входила въ ежедневное вечернее молитвенное правило почившаго.

отходили со слезами и долго не могли осушить ихъ. У всѣхъ видна была искренняя и глубокая скорбь о Святителѣ, у всѣхъ усердное желаніе, чтобы Господь продлилъ еще драгоцѣнную жизнь его, и никому не хотѣлось вѣрить, что послѣдній часъ его уже близокъ. »Посылайте поклонъ О. Парѳенію, — сказалъ онъ однимъ бывшимъ ближайшимъ духовнымъ дѣтямъ сего старца; — я скоро тамъ увижусь съ нимъ«. Съ особенною живостію говорилъ онъ съ однимъ господиномъ объ устройствѣ въ сельскихъ приходахъ казеннаго вѣдомства сколько возможно болѣе благолѣпныхъ храмовъ, чего требуетъ какъ вообще святость священнодѣйствій совершаемыхъ въ нихъ, такъ въ особенности мѣстныя обстоятельства сего края. Одной женѣ лютеранкѣ, пришедшей съ мужемъ православнаго исповѣданія, сильно внушалъ принять православіе. »Богъ да благословитъ, говорилъ онъ, исполнить тебѣ это. Я непремѣнно совѣтую, и даже приказываю. Между мужемъ и женою не должно быть ни въ чемъ раздѣленія, тѣмъ паче въ вѣрѣ, чтобы и здѣсь вмѣстѣ исполнять всѣ обязанности христіанскія, и тамъ предстать предъ Господомъ въ царствіи небесномъ«. Принесена была почта. Онъ прослушалъ нѣкоторыя письма. Когда сказали ему, что въ Пчелѣ, въ одномъ изъ послѣднихъ №№ напечатано извѣстіе о Высочайшемъ посѣщеніи Кіева, онъ радъ былъ сему и приказалъ прочитать эту статью. Выслушавъ ее всю до конца, сказалъ: »Вотъ этой-то славы дай Имъ Богъ болѣе! Всякой другой славы у Нихъ много; а слава благочестія особенно и всего болѣе нужна Имъ (разумѣя Ихъ Императорскія Величества). Это всякому русскому пріятно будетъ прочесть«. Выслушавъ также со вниманіемъ рескриптъ Государя Императора и циркуляръ Министра касательно крестьянъ, и повторивъ при этомъ желаніе, чтобы далъ Господь успѣшно совершиться сему великому дѣлу, обѣщался, что это будетъ и тамъ предметомъ усердной его молитвы предъ Богомъ. Въ полдень посѣтилъ его опять князь Васильчиковъ. Бесѣдуя съ нимъ, онъ опять просилъ его написать Государю Императору, что умираетъ съ пламенною молитвою въ душѣ о Немъ и о всемъ Августѣйшемъ Домѣ, и по смерти молиться будетъ о Нихъ. »Я жилъ на крестѣ, и умру на крестѣ, — между прочимъ говорилъ онъ князю. Много я получилъ, правда, и отличій и почестей: но все это мало меня занимало. Вездѣ мнѣ много было скорбей. Но благодарю за все Господа«! Потомъ просилъ князя продолжать свое доброе расположеніе къ Лаврѣ, къ Академіи и ко всей паствѣ. Прощаясь съ нимъ, благословилъ его иконами, и изъявилъ желаніе видѣть дѣтей его. Вслѣдствіе сего князь вновь посѣтилъ его съ дѣтьми вечеромъ, и Архипастырь еще побесѣдовалъ съ нимъ, и благословивъ дѣтей иконами, напутствовалъ ихъ приличными благожеланіями и наставленіями пастырскими и простился уже въ послѣдній разъ.

Въ обычное время вечеромъ выслушана была всенощная. Послѣ нея прибыли врачи и составили такую депешу: »больной не принималъ пищи; дыханіе затрудняется и становится болѣе поверхностнымъ. Силы еще упали. Сознаніе полное. Надежды нѣтъ«. Прослушавъ сію депешу, онъ велѣлъ поправить такъ: »больной не принималъ пищи и лекарствъ«. Отпуская врачей онъ благодарилъ ихъ за усердіе и заботы о немъ, простился съ ними и просилъ не безпокоиться болѣе посѣщать его, сказавъ, что вѣрно завтра уже не увидится съ ними. — Между тѣмъ еще прежде всенощной онъ сдѣлался такъ слабъ, что можно было опасаться каждую минуту, не настаетъ ли послѣдній часъ его. »Простите, отцы и братія, сказалъ онъ однажды приближеннымъ своимъ, стоявшимъ около болѣзнен-

наго одра его; я уже отхожу отъ васъ«. »Но прежде благословите насъ«, отвѣчали ему, и онъ, приказавъ подать св. иконы, благословилъ каждаго особою иконою. Дано было знать начальствующимъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ Лаврѣ и въ другихъ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ. Вечеромъ явились и они къ одру умирающаго и всѣ приняли послѣднее благословеніе и одарены иконами, которыя онъ самъ выбиралъ и указывалъ каждому. Ночь проведена въ крайне мучительномъ томленіи отъ внутренняго жара и стѣсненія въ груди. Около полуночи Архипастырь просилъ, чтобы принесены были запасные Дары, на случай, если смертный часъ настанетъ ранѣе обѣдни, и выслушавъ правило въ два часа, безпрестанно спрашивалъ: который часъ и скоро ли обѣдня, и повторялъ: »О, какъ бы дождаться мнѣ причащенія св. Таинъ«! Обѣдня начата въ три часа. Онъ опять спрашивалъ постоянно: »что поютъ, скоро ли кончится?« Къ причащенію онъ не могъ уже подняться съ постели, чтобы сѣсть въ кресла по прежнему, однакоже, и оставаясь въ постели, одѣлся и облачился по обычаю, и поддерживаемый уподіаконами, ожидалъ св. Даровъ. Они принесены въ началѣ пятаго часа. Какъ и прежде, съ пламенною любовію и благоговѣніемъ принялъ онъ св. Тайны сперва лжицею, потомъ, обнявъ чашу, еще причастился Крови и долго не выпускалъ чашу изъ рукъ, многократно ее лобызая... Выслушавъ молитвы и снявъ облаченіе, онъ непрестанно повторялъ: »Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко! Господи, пріими духъ мой«! и, какъ бы имѣвъ какое либо обѣтованіе свыше, ожидалъ конца своего съ совершенною увѣренностію, что онъ насталъ.

Но Господу угодно было къ прежнимъ болѣзнямъ его еще приложить болѣзнь, и еще очистить и болѣе совершить избранника своего, продолживъ нѣсколькими часами предсмертныя страданія его, достигшія между тѣмъ высшей своей степени. Успокоившись нѣсколько послѣ причащенія, онъ приказалъ позвать духовника своего, и когда онъ явился, побесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько, выслушалъ отъ него правило къ исповѣданію и исповѣдался, и отпуская его благословилъ Евангеліемъ, и потомъ приказалъ подать еще икону — Трехъ Радостей. Когда домашніе затруднялись найти ее, онъ самъ сказалъ, гдѣ она стоитъ въ молитвенной его комнатѣ. Простился еще съ нѣкоторыми лицами, келейными своими монахами, послушниками и служителями, и тоже всѣхъ благословилъ иконами, а нѣкоторымъ и преподалъ наставленіе. За тѣмъ начались самыя тяжкія страданія Архипастыря. Это была послѣдняя борьба жизни со смертію, силы духа съ немощію плоти. Съ шестаго часа до девятаго длились сіи мучительныя минуты... Онъ былъ весь какъ въ огнѣ и остатки жизни догарали въ немъ съ чрезвычайною силою; внутренній жаръ такъ былъ великъ, что пульсъ его дѣлалъ до 130 ударовъ въ минуту; дыханіе съ трудомъ исходило изъ груди его. »Чтожъ это такое? — говорилъ онъ много разъ самымъ болѣзненнымъ голосомъ; долго ли мнѣ еще страдать? Много перенесъ я болѣзней, но такого мученія еще не испытывалъ. Но видно такъ угодно Богу, послать мнѣ такую трудную кончину, видно до конца надобно претерпѣть! Буди воля Божія«! Думая облегчить страданія, онъ то перемѣнялъ непрестанно положеніе свое, приказывая себя или поднять, или положить на бокъ; то раскрывался и снималъ съ себя платье и приказывалъ открыть трубы въ комнатѣ и окна; то опять одѣвался и закрывался, часто требовалъ питья для утоленія палившей его жажды; спросилъ: будутъ ли доктора, и скоро ли пріѣдутъ, и нельзя ли послать за ними скорѣе; нѣтъ ли

чѣкъ облегчить болѣзнь, и принялъ даже, уже оставленное прежде, лекарство; просилъ палки, чтобы подниматься.... При тѣлесныхъ тяжкихъ страданіяхъ, видимо болѣла и душа его; онъ какъ будто чувствовалъ, что Господь какъ бы оставилъ его, и что чаяніе вѣры и упованія его какъ бы не сбывается.... Это точно были тяжкія минуты того *оставленія на мало время* отъ Бога, которому подвергаетъ Онъ самыхъ избранныхъ своихъ, дабы послѣ того вскорѣ *съ милостію великою помиловать ихъ* (Ис. 54, 7), и которое испыталъ на крестѣ и самъ Божественный Страдалецъ.... Великимъ испытаніемъ были эти минуты и для окружавшихъ одръ умирающаго Святителя, и по ихъ неопытности въ жизни духовной душа страдальца не могла обрѣсти въ нихъ для себя достаточной опоры. Наконецъ Господь вразумилъ ихъ, что теперь суетно спасеніе человѣческое, и настало время призвать къ одру болящаго единую помощь отъ другаго міра. Предложили страдальцу прочитать у одра его молебный канонъ Богоматери (*). »Хорошо, сказалъ онъ болѣзненно; вы дѣйствуйте, какъ чувствуете«. Зажжены были свѣчи предъ иконами близъ одра его и начатъ канонъ. Съ чтеніемъ первыхъ тропарей страданія утихли, онъ успокоился, благоговѣйно слушалъ и осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ каждый разъ, когда читавшій произносилъ: »Пресвятая Богородице спаси насъ«, а изъ померкавшихъ уже и полузакрытыхъ глазъ постоянно струились слезы. При чтеніи тропарей хвалитныхъ движеніе рукой прекратилось и дыханіе стало рѣдко, показывались уже ясные признаки скорой кончины. По окончаніи канона Богоматери начали читать канонъ на исходъ души. Въ руку умирающаго, уже почти охладѣвшую, дана была зажженная свѣча, на грудь положенъ крестъ. Движенія не было замѣтно, но свѣча въ рукахъ держалась твердо и изъ закрывшихся глазъ продолжали струиться слезы. Къ одру собралась братія Лавры и собирались извѣщенные уже другія чада паствы. Оконченъ канонъ; дыханіе, хотя все рѣже и рѣже становилось, но продолжалось. Стали читать 17-ю каѳизму: *блажени непорочніи въ путь*. Жизнь еще не угасла и тихо, безъ замѣтныхъ уже страданій, догорала. Прочитали 17-ю и начали читать 18-ю каѳизму — пѣсни степеней. При чтеніи ихъ исторгались послѣднія, уже очень рѣдкія, дыханія, и наконецъ — съ послѣднимъ, тяжелымъ вздохомъ, въ первую четверть девятаго часа блаженная душа Святителя отлетѣла ко Господу, оставивъ на лицѣ совершенное спокойствіе праведника...

Большой колоколъ лаврскій возвѣстилъ Кіеву, что любимаго Пастыря его уже не стало Съ трепетомъ ожидали извѣстія о семъ въ городѣ, и потому народъ, при первомъ ударѣ колокола, спѣшилъ въ Лавру поклониться останкамъ почившаго, страдальческое же тѣло его облечено въ новое, имъ самымъ назначенное, платье. Когда собралась къ почившему осиротѣвшая паства: г. Военный Губернаторъ съ свитою, члены Консисторіи, начальники заведеній учебныхъ и многіе другіе изъ духовенства и свѣтскихъ сановниковъ, — принесенъ былъ пакетъ съ духовнымъ завѣщаніемъ, хранившійся въ ризницѣ. На немъ собственною рукою усопшаго было написано, чтобы прочитать завѣщаніе, прежде всякаго другаго дѣйствія. Въ слѣдствіе сего оно и прочитано было тогда же съ двумя приложеніями къ нему, и тогда только сдѣлалось извѣстнымъ кіевской паствѣ, что ея пастырь подъ святительскими ризами, скрывалъ великоиноческую схиму, и былъ молитвенникомъ за нее и какъ первосвятитель, и какъ еще схимонахъ. Между тѣмъ въ кабинетѣ приготовлена была архіе-

(*) »Многими содержимъ напастьми«.

рейская каѳедра со всѣми другими принадлежностями архіерейскаго служенія и полнымъ соборомъ лицъ, обычныхъ при семъ служеніи. Почившаго Архипастыря вынесли со смертнаго одра, посадили на каѳедру, и уподіаконы, по чину, съ обычнымъ возглашеніемъ: »да возрадуется душа твоя о Господѣ« и пѣніемъ, облачили его въ архіерейское облаченіе, приготовленное также имъ самимъ заранѣе, а потомъ, сверхъ малаго омофора возложена была на него, согласно съ завѣщаніемъ его, св. схима, новая, но давно уже хранившаяся у него въ тайнѣ (*). Въ семъ видѣ Архипастырь - схимникъ вынесенъ былъ въ пріемный залъ и положенъ на столѣ съ крестомъ въ рукахъ и евангеліемъ на груди, также имъ самимъ приготовленными, и покрытъ, вмѣсто обыкновеннаго покрова, архіерейскою мантіею. Въ слѣдъ за тѣмъ совершена преосвященнымъ Стефаномъ съ соборомъ сослужащихъ первая торжественная паннихида по усопшемъ и начато чтеніе Евангелія. 22 числа вечеромъ въ 4-мъ часу останки почившаго положены во гробъ, приготовленный тоже имъ самимъ еще за 17 лѣтъ предъ симъ, сдѣланный изъ кипариса и хранившійся дотолѣ въ Голосѣевой пустыни, въ домовой церкви, въ алтарѣ въ особомъ ящикѣ. Тогда же сдѣланъ и выносъ гроба изъ покоевъ въ великую лаврскую церковь, для чего, собравъ послѣднія силы, прибылъ и преосвященный Викарій, чтобы отслужить послѣднюю службу Архипастырю, которому болѣе двѣнадцати лѣтъ помогалъ нести крестъ первосвятительскаго служенія, и потомъ и самому пойти въ слѣдъ за нимъ въ жизнь вѣчную. Великимъ утѣшеніемъ для себя всегда считалъ почившій Архипастырь служить въ большой Успенской, небеси подобной церкви лаврской, и потому особо завѣщалъ и просилъ совершить чинъ погребенія его въ сей именно церкви; и вотъ семь дней почивали тамъ останки его къ радости и утѣшенію блаженной души его, бывшей уже въ рукѣ Божіей, но конечно еще сочувствовавшей живо всему, что совершалось съ храминою ея земною, которая только что оставлена ею.

Такъ скончалъ незабвенный Архипастырь Кіева свое долголѣтнее теченіе, ознаменованное добрымъ подвигомъ и важными заслугами Церкви и отечеству! Такъ онъ соблюлъ, возрастилъ и плодоносну показалъ въ себѣ, въ скончаніи житія своего, святую вѣру Христову! Конечно, соблюденъ для него и свѣтлый вѣнецъ правды, егоже воздастъ ему Господь въ день онъ (2 Тим. 4, 7. 8), въ небесномъ царствіи своемъ. Но и здѣсь — *не отзидетъ память его, и имя его поживетъ въ роды родовъ, и хвалу его исповѣсть Церковь, и память его во благословеніихъ* (Сир. 39, 12, 13, 45, 1).

(*) По кончинѣ Архипастыря - схимника нашли у него въ особомъ ящикѣ еще три схимы старыхъ и довольно поношенныхъ. Вѣрно онъ употреблялъ ихъ, возлагая на себя каждый вечеръ и утро, когда совершалъ свое молитвенное келейное правило; для чего онъ всегда затворялся и никто въ то время входить къ нему не осмѣливался.

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Днесь спасенія нашего главизна.

Церков. пѣснь.

День Благовѣщенія есть время явленія великаго таинства, отъ вѣчности сокровеннаго и уготованнаго въ наше спасеніе, время воплощенія единороднаго Сына Божія, изліяніе въ человѣчество, омертвѣвшее грѣхомъ, новаго источника жизни. *Днесь спасенія нашего главизна, и еже отъ вѣка таинства явленіе: Сынъ Божій Сынъ Дѣвы бываетъ, и Гавріилъ благодать благовѣствуетъ.*

Приникнемъ, братіе, ближе къ открываемой нынѣшнимъ евангеліемъ тайнѣ. Припомнимъ, что нужно было для совершенія нашего спасенія, и что совершилось въ день Благовѣщенія: мы увидимъ въ этой божественной тайнѣ всѣ силы и начала, необходимыя для спасенія рода человѣческаго, познаемъ всѣ существенныя части ученія евангельскаго, основанія царства небеснаго, сошедшаго на землю, т. е. Церкви Христовой новозавѣтной.

Послѣ того, какъ первая глава человѣчества пала, когда первый Адамъ самъ подпалъ и весь родъ человѣческій подвергъ грѣху и смерти,— для спасенія человѣковъ нужно было даровать человѣчеству новую главу, новаго Адама, подобнаго первому и всѣмъ намъ по природѣ, но образуемаго уже не по законамъ природы, послѣ грѣха растлѣнной, а по дѣйствію непосредственному Всесвятаго Духа Божія. Потому и возвѣщено благодатной Дѣвѣ: *Духъ Святый найдетъ на Тя, и сила Вышняго осѣнитъ Тя* (Лук. 1, 35). Такимъ образомъ тѣло новаго Адама созидается, какъ тѣло Адама перваго, изъ дѣвственной, чистѣйшей земли, то есть отъ чистѣйшихъ кровей пренепорочной Дѣвы, и всемогущая сила Божія возсозидаетъ человѣчество, непорочное и святое, въ лицѣ Господа Іисуса Христа, Сына Божія и Сына Дѣвы. Почему такъ? Потому, что новый Адамъ, какъ долженствующій быть возстановителемъ падшаго человѣка и вождемъ всѣхъ людей къ святости и совершенству, не могъ зачаться и родиться со грѣхомъ: Ему надлежало быть святѣйшимъ всѣхъ святыхъ. Такъ это и объясняетъ Благовѣщеніе Богоматери: *сила Вышняго осѣнитъ Тя: тѣмже и раждаемое свято.*

Сего мало. Для великаго Обновителя природы человѣческой, нужно было высочайшее полномочіе отъ всеблагой, вѣчной воли Отца небеснаго, потребно было имѣть Ему совершеннѣйшій образъ и всѣ свойства Божіи. Таковъ и дарованъ намъ новый Адамъ, какъ свидѣтельствуетъ Благовѣщеніе: *тѣмже и раждаемое свято наречется Сынъ Божій*, наречется, то есть будетъ и познается на землѣ какъ истинный, единородный Сынъ Божій, и Самъ Богъ — Отецъ засвидѣтельствуетъ о Немъ, какъ о Сынѣ своемъ, въ которомъ покоится все Его благоволеніе: *сей есть Сынъ мой возлюбленный*, скажетъ Отецъ небесный человѣкамъ, *о Немже благоволихъ* (Матѳ. 3, 17).

Съ высочайшимъ полномочіемъ отъ Бога Отца пришедши въ міръ, Сынъ Божій, что долженъ былъ совершить для возстановленія падшаго человѣчества, для отвращенія вѣчной казни, заслуженной преступниками всесвятой воли Божіей, и возвращенія намъ любви и милостей Отца небеснаго? Для сего нужна

была всесовершенная и безцѣнная жертва вѣчному Правосудію. Мы подвергались смерти, и сами себѣ не могли дать истинной жизни: потому нашему Обновителю и Ходатаю надлежало самому пострадать и умереть за насъ; потомъ Онъ же долженствовалъ намъ явить въ себѣ новую жизнь и даровать ее. Указываетъ ли Благовѣщеніе на этотъ долгъ новой, Божественной Главы человѣковъ? *И се зачнеши Сына*, говоритъ небесный Вѣстникъ пресвятой Маріи, *и наречеши имя Егу Іисусъ* (Лук. 1, 31), имя, означающее *Спасителя: той бо спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ*, какъ послѣ объяснилъ Ангелъ праведному Іосифу, обручнику святой Дѣвы (Матѳ. 1, 21). Чтоже значитъ спасеніе отъ грѣховъ, какъ не удовлетвореніе правдѣ Божіей за грѣшниковъ? Такъ въ Благовѣщеніи указано уже на божественную жертву за насъ, даже положено самое начало этой жертвы. Ибо Благовѣщеніе есть время воплощенія Сына Божія, или принятіе Имъ человѣчества; а принявъ человѣчество пріялъ Господь и наши немощи, принялъ на себя и всѣ грѣхи наши, оставаясь впрочемъ безгрѣшнымъ и всесвятымъ, принялъ, да очиститъ грѣхи всѣхъ и грѣшникамъ заслужитъ помилованіе и жизнь вѣчную; значитъ съ самаго дня воплощенія началъ уже приносить Себя на землѣ въ жертву *Агнецъ Божій вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29).

Что потомъ, по совершеніи всемірной жертвы, нужно было для спасенія нашего? Нужно было великому, святѣйшему святыхъ Первосвященнику быть нашимъ Царемъ, быть вседержавнымъ и всемогущимъ Правителемъ Церкви всѣхъ спасаемыхъ,—для того, чтобы вспомоществовать имъ въ достиженіи царства и блаженства вѣчнаго, побѣждать и сокрушать всѣхъ враговъ ихъ спасенія, и наконецъ съ совершеннымъ правосудіемъ и божественною щедростію всѣмъ воздать достойную мзду вѣчную. Какъ говоритъ о семъ Благовѣщеніе? *И дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида отца Его, и воцарится въ дому Іаковли во вѣки, и царствію Его не будетъ конца* (Лук. 1, 33). Понятно, что домомъ Іакова называетъ Архангелъ всю Церковь Божію; ибо только сей домъ, это царство Христово продолжается вѣчно. Но почему власть Господа царская въ Церкви названа престоломъ Давида? Потому, что сей праотецъ Христовъ, благочестивымъ царствованіемъ своимъ паче всѣхъ царей уподобился божественному Царю, Господу Іисусу Христу, и онъ же пріялъ яснѣйшее обѣтованіе о семъ Царѣ и Его вѣчномъ царствѣ. *Той*, сказано Богомъ сему царю пророку, *созиждетъ домъ имени моему, и управлю престолъ Его во вѣки; и вѣренъ будетъ домъ Его, и царство Его до вѣка предо Мною* (3. Цар. 7, 13. 16). Посему богодухновенный Давидъ самъ называлъ божественнаго потомка своего Господомъ: *рече*, говоритъ, *Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене* (Пс. 109, 1); называлъ и Богомъ: *престолъ твой, Боже, въ вѣкъ вѣка. жезлъ правости, жезлъ царствія твоего* (Псал. 44, 7). Не показываетъ ли Благовѣщеніе самаго престола и храма, какой уготовалъ себѣ на землѣ сей Царь вѣчный? Этотъ престолъ и храмъ, освященный и украшенный Духомъ Святымъ, есть святѣйшая и непорочная Дѣва; ибо Ей сказано: *радуйся благодатная, Господь съ Тобою* (Лук. 1, 28), и еще: *Духъ Святый найдетъ на Тя, и сила Вышняго осѣнитъ Тя* (—35), и къ ней возглашаетъ Церковь: *радуйся, селеніе Бога и Слова, радуйся, ковчеже, позлащенный Духомъ* (Акаѳ. икосъ 12). Ее показалъ Господь всѣмъ вѣрующимъ, какъ образцовый храмъ, по примѣру котораго

и они должны устроять себя въ селеніе Господне; ибо всѣмъ намъ сказано: *не вѣсте ли яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. 3, 16)?

Такъ, братія, въ Благовѣщеніи указаны и уже предначаты служенія Спасителя — первосвященническое и царское. Указано ли и предначато третіе служеніе Его — пророческое или учительное? Указаны, можно сказать, всѣ три служенія Господа въ словахъ Ангела: сей *будетъ велій* (Лук. 1, 32), т. е. по превосходству велій—между всѣми облеченными величіемъ на землѣ; слѣдовательно познается Господь и какъ *Царь велій по всей земли* (Псал. 94, 4) и какъ *Архіерей великій* (Евр. 4, 14), и какъ *Пророкъ велій* (Лук. 7, 16). *И Сынъ Вышняго наречется*, сказалъ Гавріилъ, т. е. познается, исповѣдается. Какъ же познается? Когда явитъ въ Себѣ Отца своего божественною силою и своимъ небеснымъ ученіемъ; ибо Бога *никтоже видѣ нигдѣ же, единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, той исповѣда* (Іоан. 1, 18). Не предначато ли самымъ дѣйствіемъ Благовѣщенія небесное ученіе Христово? Благовѣстіе первѣйшей истины спасенія нашего, т. е. всплощенія Сына Божія, — есть начало всего ученія Господня о нашемъ спасеніи, есть откровеніе *великій благочестія тайны: Богъ явися во плоти* (1 Тим. 3, 16), и *Слово плоть бысть и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14). Съ этою истиною не открывается ли въ Благовѣщеніи и высочайшая тайна Пресвятой Троицы? Открывается Богъ Отецъ, дарующій намъ Сына своего единороднаго; открывается Богъ Сынъ, воплощаемый во утробѣ пренепорочной Дѣвы; открывается и Богъ Духъ Святый, осѣняя и исполняя Святую Дѣву, и творя Ее Матерію Господа. Не указаны ли въ Благовѣщеніи и важнѣйшія истины нравоученія христіанскаго? Ихъ видѣлъ и указалъ намъ святый апостолъ Павелъ; ибо пишетъ: *сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ, иже во образѣ Божіи сый*,—себе *истощилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ* (Фил. 2, 5—7). Такъ въ дѣлѣ воплощенія Сына Божія указуетъ Апостолъ образецъ совершеннѣйшей любви и смиренномудрія! А что представляетъ примѣръ богоблагодатной Дѣвы, пріемлющей благовѣщеніе? Это примѣръ тѣхъ добродѣтелей, съ которыми мы должны принимать благодатныя дарованія Божія, — примѣръ вѣры, глубочайшаго смиренія и совершеннаго послушанія слову Господню, добродѣтелей, которыя всѣ видны въ одномъ краткомъ отвѣтѣ святой Дѣвы Архангелу: *се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему* (Лук. 1, 38).

Таково, братіе, поученіе Благовѣщенія пресвятыя Богородицы! Пріимемъ и мы это небесное благовѣстіе съ тѣмъ же духомъ вѣры, смиренія и послушанія воли Господней, съ какимъ пріяла оное богоизбранная Дѣва. Благовѣщеніе явлено для всѣхъ, и для насъ повторяется оно св. Церковію, и повторяется, большею частію среди поста и покаянія, да будемъ лучше приготовлены къ пріятію сего великаго и спасительнаго урока. Познаемъ, возлюбленные, что и въ наши сердца хощетъ вселиться Сынъ Божій, и той же готовности требуетъ отъ насъ, какую обрѣлъ въ сердцѣ Пренепорочной. Нужна для сего искренняя и чистая вѣра, какъ учитъ Апостолъ: *да дастъ* говоритъ, *вамъ* Богъ, *вселитися Христу вѣрою въ сердца ваша* (Ефес. 3, 16. 17). Нужна и любовь ко Господу послушная и вѣрная: *аще кто любитъ Мя*, глаголетъ Онъ самъ, *слово мое соблюдетъ, и Отецъ*

мой возлюбитъ его, къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ (Іоан. 14, 23). Нужно наконецъ постоянное бдѣніе духовное, осмотрительность и всегдашнее вниманіе ко гласу Господню: *се стою*, говоритъ, *при дверехъ, и толку: аще кто услышитъ гласъ мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечеряю съ нимъ, и той со Мною* (Апок. 3, 20). Такова, братія, *главизна нашего спасенія*; таково начало и совершеніе въ насъ жизни Божіей, таково, вкратцѣ, содержаніе всего благовѣстія Господня! Аминь.

КОНЕЦЪ 21-го ГОДА.

БОГУ НАШЕМУ СЛАВА ВО ВѢКИ ВѢКОВЪ!

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 1-го Марта 1858 года.

Цензоръ Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Петръ.